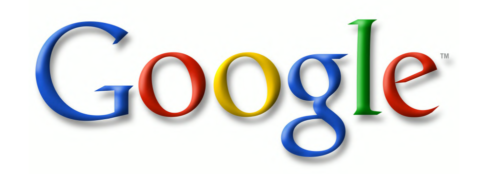

ЧТЕНІЯ

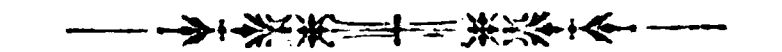
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Издана подъ редакціею

М. Ф. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.
В. Завадзкаго. Б.-Васильковская ул., д. №№ 29—31.
1893.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

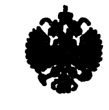
НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Издана подъ редакціею

М. Ф. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.
В. Завадзкаго. Б.-Васильковская ул., д. №№ 29—31.
1893.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго университета св. Владиміра. Деканъ *Т. Флоринскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

VII-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца".

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о дѣятельности, личномъ составѣ и средствахъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца съ января по 27-е октября 1892 г. включительно.

Стран.

ОТДѢЛЪ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

ОТДѢЛЪ III.

Матеріалы.

ОТДѢЛЪ IV.

Библіографія.

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія

о дѣятельности, личномъ составѣ и средствахъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца по 27 октября 1892 года включительно.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца по 27 октября 1892 г. включительно.

I. ЗАСѢДАНІЕ 26-го ЯНВАРЯ.

Д. чл. **Вас. Г. Ляскоронскій** изложилъ свое мнѣніе *„О курганахъ-майданахъ, находящихся на лѣвой сторонѣ р. Днѣпра въ предѣлахъ Полтавской губ., и о связи ихъ съ другими подобными сооруженіями Южной Россіи“*, мнѣніе, къ которому онъ пришелъ на основаніи осмотра и измѣренія этихъ землявыхъ сооруженій, расположенныхъ въ Лубенскомъ уѣздѣ недалеко отъ р. Оржицы, впадающей съ правой стороны въ р. Сулу. Сущность его мнѣнія заключается въ томъ, что курганы-майданы должны быть признаны сооруженіями до-исторической эпохи, воздвигнутыми степнымъ населеніемъ, для котораго они одновременно служили и жилищами (особенно въ зимнее время), и складомъ всякаго рода запасовъ, и крѣпостью, защищавшей отъ нападенія враговъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ капищемъ, гдѣ исполнялись религіозные обряды. Такое опредѣленіе роли майдановъ референтъ основалъ на сопоставленіи формы ихъ съ формой построекъ у современныхъ кочевниковъ восточной Россіи и Азіи, на сказаніяхъ греческихъ и арабскихъ писателей, а также на народныхъ русскихъ былинахъ и преданіяхъ, рисующихъ бытъ населенія въ отдаленную эпоху; наконецъ, на основаніи предметовъ, найденныхъ при раскопкѣ майдановъ.

Пренія по поводу этого сообщенія были отложены до слѣдующаго засѣданія, въ виду ожидавшейся продолжительности ихъ.

б) Д. чл. **А. I. Степовичъ** посвятилъ нѣсколько словъ *„Памяти Я. Неруды, чешскаго писателя“* (См. Прилож. къ этому отдѣлу).

По произведенной баллотировкѣ въ дѣйствительные члены избраны большинствомъ голосовъ *Θеодоръ Павловичъ Истоминъ* и *Николай Павловичъ Черневъ*

II ЗАСѢДАНІЕ 9-го ФЕВРАЛЯ.

а) Д. чл. **П. В. Владиміровъ** представилъ краткій обзоръ научныхъ трудовъ по изученію русскаго языка и словесности проф. *А. А. Потебни* и проф. *И. Я. Порфирьева* (Напеч. въ IV-мъ отд. наст. кн.).

б) Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** сообщилъ о *„Вновь открытой апологіи христіанства II-го вѣка“* [1]).

Изложивъ исторію открытія сирійскаго перевода апологіи Аристида и греческой сокращенной редакціи этого древнѣйшаго памятника христіанской апологетики, референтъ сопоставилъ свидѣтельства о немъ, дошедшія до насъ у Евсевія и блаж. Іеронима. У перваго изъ этихъ писателей сохранена точная дата подачи апологіи Аристидомъ имп. Адріану во время перваго его пребыванія въ Аѳинахъ, т. е. зимою 124—125 года. Помянувъ затѣмъ о публикаціи армянскаго перевода начала этой апологіи, сдѣланнаго мехитаристами въ Венеціи въ 1878 году, и завязавшемся тогда ученомъ спорѣ касательно подлинности этого отрывка, референтъ перешелъ къ подробному изложенію содержанія вновь открытаго въ цѣломъ видѣ памятника и предложилъ общую его характеристику, резюмировавъ вкратцѣ результаты изслѣдованія о немъ двухъ первыхъ его издателей, Гарриса и Робинсона [2]).

в) Д. чл. **В. З. Завитневичъ** по вопросу о *„курганахъ-майданахъ“*, затронутому въ предшествовавшемъ засѣданіи, не раздѣляя вышеизложеннаго мнѣнія г. Ляскоронскаго, высказалъ догадку, что это могли быть сооруженія литовскаго періода, которые служили укрѣпленіями и вмѣщали въ себѣ гарнизонъ, лошадей, пушки и проч. военныя принадлежности, чтó можно предполагать по тому, что въ нѣкоторыхъ курганахъ видны слѣды устанавливавшихся орудій и склада припасовъ.

---

[1]) The Apology of Aristides edited and translated by T. Rendes Hurris with an appendix by J. Armitage Robinson. Cambridge 1891.

[2]) Рефератъ этотъ напечатанъ въ Кіевскихъ „Университетскихъ извѣстіяхъ“ 1892 г., апрѣль.

В. Г. Ляскоронскій отстаивалъ свое прежнее мнѣніе.

Н. Ѳ. Бѣляшевскій замѣтилъ, что майданы должно разсматривать въ связи съ окружающими ихъ курганами.

И. В. Лучицкій, находя неяснымъ для себя вообще разрѣшеніе вопроса о курганахъ-майданахъ, призналъ нужнымъ нанесеніе на карту всѣхъ этихъ сооруженій.

В. Б. Антоновичъ, не раздѣляя мнѣнія В. З. Завитневича, объявилъ, въ заключеніе преній, вопросъ открытымъ за недостаткомъ фактическихъ данныхъ, которыя могутъ быть получены только путемъ тщательныхъ археологическихъ раскопокъ.

— —

По произведенной баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества единогласно избранъ проф. Имп. Новороссійскаго Университета *Алексѣй Ивановичъ Маркевичъ*.

III. ЗАСѢДАНІЕ 23-го ФЕВРАЛЯ.

а) Д. чл. **И. М. Каманинъ** прочелъ рефератъ: *„Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго“*.

Указавъ на сходство южно-русской козачьей общины XVI и XVII вв. съ таковыми же общинами XIII в. и отмѣтивъ фактъ ранняго развитія крупнаго землевладѣнія среди козачества, референтъ охарактеризовалъ внутренній строй этой общины и обратилъ вниманіе на ея стремленіе къ политической независимости, не достигнутой однако, какъ вслѣдствіе внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, такъ и вслѣдствіе внутренней борьбы среди казацкой старшины изъ-за власти, съ одной стороны, и землевладѣльцевъ съ безземельными, съ другой [1]).

б) Д. чл. **Н. Ѳ. Бѣляшевскій** сказалъ *„Нѣсколько словъ о переживаніяхъ въ области внѣшней культуры“*. Доказавъ, что предметы, найденные при раскопкѣ „Княжей Горы“ [2]), несомнѣнно принадлежатъ къ первымъ вѣкамъ исторической жизни Русскаго государства, референтъ обратилъ вниманіе на сходство ихъ съ современными: части и принадлежности жилыхъ построекъ измѣнились очень мало; орудія промышленности и ремеслъ также сходны въ большей части; порази-

---

[1]) Настоящій рефератъ, со всѣми относящимися къ нему документами, будетъ напечатанъ въ VIII кн. „Чтен. въ Общ. Нестора лѣт.“

[2]) См. „Чт. въ Общ. Нестора лѣт.“, кн. VI-я, отд. I, стр. 21.

тельнымъ же сходствомъ отличается посуда; сопоставленіе это показываетъ, что въ то время, какъ культура высшихъ слоевъ общества далеко ушла впередъ, низшіе отстали на нѣсколько вѣковъ и были таковыми до недавняго времени, когда съ успѣхами и распространеніемъ современной науки и цивилизаціи исконные предметы домашняго обихода вытѣсняются мало по малу произведеніями новѣйшей фабрикаціи. Это же сравненіе культуры двухъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга эпохъ, съ обнаруженной тождественностью въ формахъ предметовъ, говоритъ также за устойчивость и однородность этнографическаго состава населенія здѣшняго края въ эти двѣ эпохи [1]).

Дополненіе къ этому сообщенію было сдѣлано поч. чл. *В. Б. Антоновичемъ*, который указалъ на то, что въ курганахъ IX—X вв. встрѣчаются слѣды доселѣ существующаго погребальнаго обычая класть замокъ на груди ребенка.

в) Д. чл. М. Н. Ясинскій изложилъ содержаніе реферата д. чл. **Н. Н. Оглоблина**: *„Служба Демьяна Многогрѣшнаго въ Сибири“* [2]).

Въ томъ же засѣданіи, по предложенію г. Предсѣдателя Общества М. Ф. Владимірскаго-Буданова, опредѣлили: авторамъ, статьи которыхъ печатаются въ „Чтеніяхъ“, можетъ быть выдано, въ случаѣ необходимости, отдѣльныхъ оттисковъ, до выхода въ свѣтъ самой книги „Чтеній“, не болѣе трехъ экземпляровъ.

IV. ЗАСѢДАНІЕ 8-го МАРТА.

а) Д. чл. **С. Т. Голубевъ** разсмотрѣлъ важнѣйшія историческія *„Данныя, заключающіяся въ Помянникѣ Кіево-Печерской лавры“*. (См. Прилож. къ VI книгѣ „Чтеній“).

По поводу этого сообщенія сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній поч. чл. *И. И. Малышевскій*, указавшій между прочимъ на то, что во время составленія помянника не было полнаго взаимнаго отчужденія католиковъ и православныхъ.

б) Д. чл. **М. Н. Ясинскій** прочелъ 1-ю часть своего *„Обзора послѣднихъ изданій Виленской археографической коммиссіи“* (Напечатанъ въ IV-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

в) Д. чл. **В. И. Щербина** сдѣлалъ очеркъ литературной дѣятельности *„Е. П. Рудыковскаго, писателя 30—40 гг.“*

Е. П. Рудыковскій, сынъ сельскаго священника, родился въ с.

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ за апрѣль 1892 г.

[2]) См. „Чтен. въ Общ. Нестора“, кн. VI, Отд. II, стр. 149.

Ольшанкѣ (Васильк. у.) въ 1784 г., воспитывался сначала въ Кіевской академіи, а затѣмъ въ Медико-хирургической академіи въ Петербургѣ. Въ 1812—15 гг., въ качествѣ полковаго врача, участвовалъ въ походахъ въ Россіи (Бородино) и за-границей (Парижъ); къ этому времени относится знакомство его съ нѣкоторыми видными дѣятелями той эпохи—Н. Н. Раевскимъ, М. Ѳ. Орловымъ, А. Н. Красовскимъ. По окончаніи войны, Рудыковскій былъ прикомандированъ къ штабу сего Раевскаго и сопровождалъ послѣдняго въ его извѣстномъ путешествіи на Кавказъ и въ Крымъ, въ которомъ принималъ участіе и Пушкинъ. По возвращеніи Рудыковскій поселился въ Кіевѣ, гдѣ служилъ въ Кирилловской больницѣ и военномъ госпиталѣ, имѣлъ большую практику и значительный кругъ знакомыхъ. Съ открытіемъ въ Кіевѣ университета Рудаковскій сблизился со многими профессорами, въ особенности же съ М. А. Максимовичемъ и В. Я. Шульгинымъ, съ которымъ скоро связало его и родство. Съ открытіемъ университета практика Рудыковскаго значительно сократилась, и онъ умеръ въ 1856 г. въ бѣдности.

Рудыковскій былъ человѣкъ разносторонне образованный и отличался идеалистическимъ складомъ. Житейскія дѣла мало его занимали; гораздо больше интересовался онъ вопросами общественной жизни, науки и литературы. Литературная дѣятельность его представляетъ взаимодѣйствіе различныхъ эпохъ и формъ литературнаго развитія. Начало ея представляютъ схоластическія упражненія, писанныя въ стѣнахъ академіи Кіевской („крестообразная эпиграмма на день ангела митропол. Серапіона", 1806 г.); къ тому же роду слѣдуетъ отнести и другія произведенія торжественной лирики религіознаго характера, относящіяся иногда къ гораздо болѣе позднему времени („Торжество Православія", 1848 г.). Въ 30-хъ годахъ, подъ вліяніемъ поэзіи Пушкина, съ одной стороны, а обстоятельствъ времени, съ другой—Рудыковскій пишетъ рядъ патріотическихъ стихотвореній, иногда довольно оригинальныхъ („Крыса", „Насильный бракъ") Наконецъ въ исходѣ 30 годовъ, подъ вліяніемъ научныхъ и литературныхъ интересовъ, проявившихся въ университетскихъ кругахъ, поэзія его принимаетъ характеръ реальный и народный. Выраженіемъ этого направленія служитъ рядъ малороссійскихъ стихотвореній, изъ которыхъ лучшими являются сказки („казки") и басни („байки"). Самъ Рудыковскій придавалъ особенное значеніе этимъ стихотвореніямъ и называлъ себя поэтомъ малороссійскимъ. И дѣйстви-

тельно: религіозная и торжественная лирика его представляетъ отголосокъ отживавшаго уже тогда свой вѣкъ одописательства, малорусскія же стихотворенія явились подъ вліяніемъ развивавшагося на его глазахъ плодотворнаго стремленія къ изученію народнаго быта, языка и исторіи [1]).

———

Въ настоящемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества избраны *Александръ Петровичъ Яблоновскій*—единогласно и *Евгеній Адріановичъ Безсмертный*—большинствомъ голосовъ.

V. ЗАСѢДАНІЕ 22 МАРТА.

Передъ началомъ чтеній поч. чл. **В. С. Иконниковъ** напомнилъ о послѣдовавшей незадолго передъ тѣмъ неожиданной кончинѣ *издателя „Русской Старины" М. И. Семевскаго*, и представилъ очеркъ его литературной и издательской дѣятельности. Указавъ на важнѣйшіе его труды, референтъ замѣтилъ, что М. И. Семевскій былъ однимъ изъ первыхъ въ 60-хъ годахъ, познакомившимъ русское общество съ малоизвѣстными эпизодами изъ русской исторіи XVIII стол., для которыхъ онъ воспользовался почти недоступными до того времени правительственными архивами—заслуга немаловажная. Съ 70-хъ годовъ онъ сталъ издавать „Русскую Старину" и издалъ 73 тома матеріаловъ и изслѣдованій, помѣщенныхъ въ нихъ, относящихся преимущественно къ русской исторіи и литературѣ XVIII и XIX стол. и сопровождаемыхъ обыкновенно портретами и гравюрами, принадлежащими лучшимъ русскимъ художникамъ. Интересъ этого изданія все болѣе возрасталъ, такъ какъ въ послѣдніе годы былъ помѣщенъ на страницахъ „Рус. Старины" рядъ мемуаровъ, относящихся къ позднѣйшей эпохѣ нашей исторіи. Независимо отъ того, частью на страницахъ „Русской Старины", а частью отдѣльными книгами при „Рус. Старинѣ" Семевскій вновь издалъ въ болѣе полномъ и совершенномъ видѣ наиболѣе замѣчательные мемуары XVIII стол., напечатанные прежде небрежно или съ значительными пропусками М. И. Семевскій умѣлъ собирать матеріалы, не всякому доступные, отъ част-

---

[1]) Произведенія Е. П. Рудыковскаго напечатаны въ „Кіев. Стар." за май—іюль 1892 года.

ныхъ лицъ. Благодаря этому, въ его коллекціи хранится масса записокъ и частныхъ писемъ, принадлежащихъ разнымъ выдающимся дѣятелямъ на поприщѣ административной и общественной дѣятельности. Этими матеріалами изданіе его журнала можетъ быть на долго обезпечено. Но М. И. Семевскій съ такимъ же самоотверженіемъ относился и къ общественной дѣятельности, въ качествѣ члена разныхъ ученыхъ обществъ и коммиссій, гласнаго С.-Петербургской Думы, а главнымъ образомъ къ дѣлу народнаго образованія и развитія народныхъ школъ. Все это даетъ ему право на память о немъ и въ нашемъ Историческомъ Обществѣ.

Послѣ этого В. С. Иконниковъ сдѣлалъ докладъ объ *„Одномъ изъ проектовъ царствованія Петра Великаго"*, а именно о такъ наз. „Пропозиціяхъ Ѳ. С. Салтыкова", недавно изданныхъ Общ. любит. русской письменности, въ которыхъ авторъ предлагаетъ учрежденіе по губерніямъ академій общеобразовательнаго характера и женскихъ училищъ, для помѣщенія которыхъ должны быть отведены нѣкоторые монастыри и назначены монастырскія суммы. Проектъ этотъ былъ разсмотрѣнъ референтомъ въ связи съ общимъ направленіемъ образовательныхъ стремленій эпохи Петра Вел. (этотъ рефератъ напечатанъ во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги „Чтеній").

б) Поч. чл. **И. И. Малышевскій** сообщилъ о *„новонайденныхъ данныхъ для біографіи русскаго первопечатника Ивана Ѳедорова"* (Сообщеніе это также напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

По поводу этого сообщенія представилъ нѣсколько замѣчаній д. чл. П. В. Владиміровъ.

в) Д. чл. **В. З. Завитневичъ** охарактеризовалъ личность *А. С. Хомякова"*, развивъ въ своемъ рефератѣ слѣдующія положенія:

„Надѣленный отъ природы феноменальными способностями, Хомяковъ путемъ образованія довелъ ихъ до высокой степени развитія. Выраженіемъ логической стороны его развитія была блестящая діалектика, не имѣвшая ничего себѣ равнаго въ окружавшей его средѣ, не бѣдной дарованіями. Какъ ученый, Хомяковъ отличался необыкновенной, буквально универсальной, эрудиціей. Онъ владѣлъ спеціальными свѣдѣніями въ области филологіи, естествознанія, географіи, архитектуры, живописи; но особенно любимыми предметами его занятій были: исторія, философія и богословіе. Плодомъ его занятій по исторіи явился обширный трудъ по всеобщей исторіи, написанный при

условіяхъ, заставляющихъ признать его чудомъ человѣческой памяти, и представляющій попытку великаго ума обнять не только внѣшній ходъ, но и внутренній смыслъ развитія всего человѣчества въ его совокупности. Какъ философъ, Хомяковъ не только первый въ Россіи и притомъ совершенно самостоятельно представилъ блестящую критику нѣмецкаго раціонализма, но обнаружилъ также и попытку создать свою собственную философскую систему, имѣющую цѣлью устранить недостатки философской школы, основанной Кантомъ; система эта осталась неоконченною. Какъ богословъ, Хомяковъ представилъ блестящій опытъ примѣненія къ пониманію богословскихъ истинъ раціональнаго метода и, между прочимъ, разъяснилъ особенности православной церкви, сравнительно съ католицизмомъ и протестанствомъ. Какъ человѣкъ, Хомяковъ былъ покорнымъ и примѣрнымъ сыномъ церкви. Какъ славянофилъ, онъ былъ основателемъ и руководителемъ кружка славянофиловъ и разумнымъ проповѣдникомъ идеи національности. Какъ поэтъ, Хомяковъ далъ блестящій примѣръ соединенія философіи съ поэзіей, облекая свои завѣтныя думы въ истинно поэтическіе образы [1]).

— —

По произведенной въ настоящемъ засѣданіи баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества Нестора избраны *Юліанъ Ѳомичъ Крачковскій*—большинствомъ голосовъ и *Иванъ Яковлевичъ Спрогисъ*—единогласно.

VI. ЗАСѢДАНІЕ 19-го АПРѢЛЯ.

а) Д. чл. **М. Н. Ясинскій** окончилъ „*Обзоръ послѣднихъ изданій Виленской археографической коммиссіи*“.

б) Д. чл. **Н. И. Ивановъ** сообщилъ и подвергъ разбору „*Мнѣніе А. А. Потебни объ основаніяхъ русскаго народнаго стихосложенія въ связи съ исторіей вопроса*“.

Пѣсня въ устахъ народа есть неразрывное соединеніе музыки и текста. Народная пѣсня слагается не для чтенія, а для пѣнія. Музыкальная сторона народной пѣсни съ практической и теоретической стороны издавна розрабатывалась спеціалистами музыкантами; словесная метрическая—филологами. То и другое направленіе въ рѣ-

[1]) Рефератъ этотъ напечатанъ въ „Славян. Обозрѣніи“ за май 1892 г.

шеніи вопросовъ словесно-народной ритмики и метрики до весьма недавняго времени шли совершенно обособленно другъ отъ друга, чѣмъ въ значительной степени объясняются разногласія изслѣдователей въ вопросѣ объ основномъ характерѣ русской народной метрики. Усилія музыкантовъ, направленныя къ тому, чтобы подвести напѣвы нашей народной пѣсни подъ законы и формы современной европейской музыки, должны быть признаны совершенно неудачными. Русскіе народные напѣвы въ этихъ попыткахъ оказываются по большей части насильственно втиснутыми въ рамки нѣмецко-итальянской гармонизаціи и значительно искаженными. Подобной же участи подверглось у насъ и древнерусское церковное пѣніе.

Рядомъ съ практическимъ примѣненіемъ современной европейской музыки по народнымъ напѣвамъ идутъ теоретико-музыкальныя изслѣдованія этихъ напѣвовъ, которыя поставили вопросъ на болѣе твердую почву. Наиболѣе видныя теоретико-музыкальныя изслѣдованія русскихъ народныхъ напѣвовъ принадлежатъ: кн. К. В. Одоевскому, А. Н. Сѣрову и г. Сокальскому. Всѣ эти изслѣдователи, въ особенности послѣдній, старались отстоять полную самостоятельность русской народной музыки отъ западно-европейской, при чемъ Сѣровъ находилъ тождество русской музыки съ древнегреческою, Сокальскій же указываетъ лишь на сходство съ нею, тогда какъ основаніе ея нѣсколько иное, именно болѣе древнее и болѣе простое, сравнительно съ музыкою древнегреческою. Основаніе русской народной музыки, по его мнѣнію,—такъ называемая „китайская", или „шотландская", гамма.

Взгляды изслѣдователей на ритмическое и метрическое строеніе русской народной пѣсни можно раздѣлить на двѣ категоріи. Одни разсматриваютъ метрическія особенности русской и вообще славянской народной пѣсни съ точки зрѣнія метрики греческой или ея позднѣйшей передѣлки, такъ называемой теоріи тонической (рус. литературн. и нѣмецк.). Другіе стремились указать новыя, своеобразныя и болѣе древнія, чѣмъ греческія, основы славянской народной метрики. Къ первой группѣ изслѣдователей принадлежатъ слѣдующіе наиболѣе видные: Р. Вестфаль, Мельгуновъ, Шафрановъ и Узенеръ. Руководящимъ началомъ этихъ изслѣдователей могутъ служить слова Вестфаля: „Никогда не было и нигдѣ на земномъ шарѣ нѣтъ поэзіи или музыки, о ритмикѣ которой можно было бы составить себѣ правильное понятіе иначе, какъ приложивъ къ ней мѣрило греческой

ритмики". На этой точкѣ зрѣнія стоятъ Вестфаль и Мельгуновъ; Шафрановъ примыкаетъ къ нимъ лишь отчасти, признавая, что текстъ пѣсни безъ напѣва не имѣетъ никакого метрическаго строенія.

На точкѣ зрѣнія такъ называемой теоріи тонической стоятъ нѣкоторые изслѣдователи сербскаго народнаго эпоса. Таковы: проф. Зама, Богишичъ, а также Боннскій проф. Узенеръ, проф. Миклошичъ и Ягичъ, примыкая, съ одной стороны, къ тонической теоріи, съ другой приближаются въ своихъ взглядахъ на характеръ общеславянской метрики къ теоріи, получившей начало и развившейся въ русской литературѣ—теоріи Востокова. Изслѣдователи сербскаго эпическаго стиха, размѣръ котораго свойственъ и другимъ славянскимъ народамъ, въ частности русскимъ, согласны лишь въ одномъ, а именно, что стихъ непремѣнно дѣлится на два полустишія. Основаніе же ритма народной пѣсни они видятъ въ удареніи, но приходятъ къ различнымъ выводамъ, какъ относительно мѣста удареній въ полустишіяхъ, такъ и относительно качества и количества ихъ въ стихѣ.

Вполнѣ отрѣшился отъ воззрѣній греческой метрики въ своихъ взглядахъ на характеръ русскаго народнаго стихосложенія лишь Востоковъ (Опытъ о рус. стихослож., 1817, изд. 2). Русское народное стихосложеніе, по мнѣнію Востокова, обладаетъ своими особенными свойствами, которыя дѣлаютъ его совершенно отличнымъ не только отъ метрическаго, но и отъ тонико-метрическаго, стопослагательнаго, господствующаго въ нашей искуственной поэзіи со времени Ломоносова.

Строеніе русскихъ (древнихъ) пѣсенъ основано, по мнѣнію Востокова, на прозодическомъ періодѣ. „Изъ нихъ считаются не стопы, не слоги, а прозодическіе періоды, т. е. ударенія, по которымъ и должно размѣрять стихъ русскихъ старинныхъ пѣсенъ", говоритъ Востоковъ. Стихъ этихъ пѣсенъ состоитъ изъ 2-хъ либо изъ 3-хъ прозодическихъ періодовъ, а каждый періодъ обыкновенно заключаетъ въ себѣ отъ 2-хъ до 6-ти слоговъ. Русскому народному стиху совершенно чуждо enjambement.

Теорія Востокова была повторена Дубенскимъ (1828), Надеждинымъ (1837), Перевлѣсскимъ (1853) и Классовскимъ (1863). Къ послѣдователямъ же Востокова примыкаетъ и Голохвастовъ (1881).

Вторымъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ метрическаго строенія русскаго, равно какъ и общеславянскаго, народнаго стиха былъ

у насъ Срезневскій. Но его точка зрѣнія та же, что и у Востокова. Основное понятіе его о мѣрѣ народнаго стиха осталось тоже: единица мѣры, которую Срезневскій называетъ также стопою, есть у него значащая часть фразы, объединяемая съ внѣшней стороны удареніемъ, съ внутренней синтактическимъ отношеніемъ частей, относительною синтактическою самостоятельностью. Но Срезневскій значительно расширилъ кругъ наблюденій введеніемъ народныхъ пѣсенъ всѣхъ славянскихъ народовъ и такимъ образомъ далъ теорію общеславянской народной метрики.

Ко взглядамъ Срезневскаго присоединился и Потебня; онъ принялъ безъ всякихъ измѣненій его взглядъ на народную стопу, но главное вниманіе свое въ этомъ вопросѣ сосредоточилъ на отношеніи удареній метрическихъ къ музыкальнымъ, ритма словеснаго, или метра въ тѣсномъ смыслѣ, къ ритму музыкальному. Вопросъ этотъ получилъ особенную важность въ глазахъ Потебни послѣ изслѣдованій Вестфаля, Мельгунова, Шафранова и Неймана. Потебня, подобно своимъ предшественникамъ—Востокову и Срезневскому, совершенно отрицаетъ приложимость къ славянской народной метрикѣ формулъ и законовъ метрики греческой. По вопросу объ отношеніи удареній грамматическихъ къ музыкальнымъ Потебня присоединяется къ мнѣнію проф. Фаминцына о полномъ согласіи, въ громадномъ большинствѣ великорусскихъ пѣсенъ, удареній грамматическихъ съ музыкальными. Малорусскія народныя пѣсни съ этой точки зрѣнія Потебня самъ разсматриваетъ. По этому вопросу онъ приходитъ вообще къ слѣдующимъ выводамъ: а) въ великорусскихъ пѣсняхъ, изданныхъ въ сборникѣ Мельгунова, съ музыкальной и словесной точки зрѣнія, нѣтъ другой, постоянной, необходимой въ каждой отдѣльной пѣснѣ стопы, кромѣ синтактической, которой главное удареніе нерѣдко бываетъ единственнымъ, а возможныя второстепенныя ударенія стоятъ лишь на мѣстѣ этимологическихъ; б) синтактическія стопы народнаго стиха суть вмѣстѣ съ тѣмъ и музыкальныя фразы, и внутри этихъ синтактическихъ и вмѣстѣ музыкальныхъ стопъ никакихъ другихъ стопъ нѣтъ.

Но Потебня не остановился на принятіи лишь теоріи Востокова—Срезневскаго; онъ ставитъ вопросъ шире и касается основъ вообще новоевропейской версификаціи, а равно и русской литературной.

Свое понятіе о стопѣ Потебня не только полагаетъ въ основу народнорусскаго пѣснотворчества, но считаетъ также несомнѣннымъ, что на той же единицѣ синтактической основана мѣра и русскаго литературнаго стихосложенія, а равно и стихосложенія другихъ новоевропейскихъ языковъ, не только германскихъ, но и романскихъ. Пушкинъ отчетливо сознавалъ это, когда, въ наиболѣе зрѣлую пору своей поэтической дѣятельности, создавалъ такія творенія, какъ „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ", „Русалка" и друг.[1]).

По поводу этого сообщенія сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній д. чл. *Ю. А. Кулаковскій.* Онъ доказывалъ, что принимаемое референтомъ противоположеніе изслѣдователей, примѣняющихъ къ русской пѣснѣ законъ греческой ритмики, съ одной стороны, и отыскивающихъ „новыя основы метрики", съ другой, есть недоразумѣніе. Потебня его раздѣляетъ со многими другими и невольно далъ о томъ свидѣтельство выставленной имъ теоріей размѣра пѣсенъ. Принимая вмѣстѣ со Срезневскимъ и другими за единицу измѣренія строя русскихъ пѣсенъ синтактическую основу и пріурочивая къ словесному цѣлому названіе стопы, Потебня выставлялъ, какъ схему размѣра, счетъ слоговъ: 4+3, 4+2, 4+4, 3+4, 5+3 и т. д. Но разъ мы вводимъ счетъ, то тѣмъ самымъ переносимъ вопросъ въ область ритмики, ибо „ритмъ есть время, подѣленное на воспріемлемыя нашимъ слухомъ части", какъ на-вѣки правильно опредѣлилъ его древній Аристоксенъ. Стопой является уже не фраза, не слово, не слогъ, а *время*, соотвѣтствующее фразѣ, слову, слогу. Аристоксенъ, въ ясномъ сознаніи значенія музыкальнаго элемента въ пѣснѣ, настаивалъ, что „слогъ не есть мѣра",—и это есть неопровержимая истина. Недоразумѣніе, въ которомъ повинны многіе русскіе изслѣдователи вопроса о размѣрѣ русской народной пѣсни, имѣетъ своей причиной неполное и неясное представленіе о сущности и характерѣ древнихъ размѣровъ, которые вовсе не суть механическое чередованіе одного долгаго и ударяемаго звука съ однимъ или двумя краткими и неударяемыми, какъ то обыкновенно утверждается у насъ даже лицами, писавшими спеціальныя изслѣдованія о размѣрахъ русской пѣсни. Природа гекзаметра вовсе не исчерпана указаніемъ, что это стихъ изъ шести дактилей въ перемежку со спондеями, на каковой точкѣ зрѣнія остается не только Потебня, но и Сокальскій. Вопросъ о раз-

[1]) Сообщеніе это напечатано въ IV-мъ выпускѣ „Филологическихъ Записокъ" 1892 г.

мѣрѣ русской народной пѣсни вовсе не разрѣшенъ и не разъясненъ Потебнею, ибо его схемы: 4+3, 5+2, 2+2, 3+4 и т. д., суть лишь внѣшнія условія ритма пѣсенъ, а сущность построенія остается даже неуказанной въ этой схематизаціи.

в) Д. чл. **М. С. Грушевскій** прочелъ сообщеніе *„Къ вопросу о Болоховѣ"* (Напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

Въ обсужденіи этого сообщенія принимали участіе поч. чл. В. Б. Антоновичъ и д. чл. *Н. П. Дашкевичъ.* Послѣдній заявилъ, что, по его мнѣнію, референтъ нѣсколько преувеличилъ недостаточность обоснованности опредѣленія территоріи Болохова сопоставленіемъ лѣтописныхъ данныхъ, но тѣмъ не менѣе документъ, открытый референтомъ, представляетъ значительный интересъ.

VII. ЗАСѢДАНІЕ 9-го МАЯ.

а) Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** познакомилъ Общество со своими *„Керченскими раскопками лѣтомъ 1891 года"* (Катакомба съ фресками).

Цѣлью раскопокъ, произведенныхъ референтомъ лѣтомъ 1891 года въ окрестностяхъ Керчи, было, во 1-хъ, разслѣдовать тотъ некрополь на „Глинищѣ", на который онъ напалъ случайно при раскопкахъ 1890 года, и, во 2-хъ, собрать нѣкоторыя данныя для составленія карты мѣстонахожденія такъ называемыхъ катакомбъ на горѣ Митридата. Раскопки на Глинищѣ производились въ теченіе трехъ недѣль. Разслѣдована была площадь въ тридцать сажень въ длину и столько же въ ширину, при чемъ вскрыто было болѣе 20 гробницъ того типа, который въ Керчи зовутъ земляными съ каменнымъ покрытіемъ. Предметы, найденные при этомъ, какъ-то: перстни, браслеты, пряжки, терракоты, глиняная и стеклянная посуда, по сравненію ихъ съ имѣющимися во множествѣ образцами тѣхъ же типовъ, найденныхъ въ прежнее время въ Керченскихъ некрополяхъ, не представляли ничего новаго и необычнаго. Судя по немногимъ, найденнымъ при раскопкахъ, монетамъ и по типамъ вещей, некрополь этотъ можно съ увѣренностью отнести къ I вѣку по Р. Х.

Въ разстояніи полуверсты отъ этого некрополя, ближе къ морю,

произведены были раскопки близъ сада г. Чернявскаго. Здѣсь было вскрыто 13 склеповъ, лежавшихъ большею частью на значительной глубинѣ, отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ сажени, и оріентированныхъ большею частью на ЮЗ. При костякахъ не оказывалось здѣсь никакихъ вещей, и для изслѣдователя осталось загадкой, съ какого рода типомъ могилъ онъ здѣсь встрѣтился и къ какому періоду многовѣковой жизни Керчи слѣдуетъ его пріурочить. Лишь въ одномъ изъ склеповъ найденъ былъ деревянный, сильно истлѣвшій, гробъ (сколоченный четырехугольнымъ ящикомъ). Лежавшій въ этомъ гробѣ ничкомъ костякъ былъ завернутъ въ матерію, обшитую по краямъ златотканною полосою очень изящнаго рисунка. Куски матеріи и этой обшивки были препровождены въ Императорскую Археологическую Коммисію.

Въ мѣстности по сѣверному склону горы Митридата вскрыто было 12 катакомбъ, которыя и были нанесены на планъ. Въ одной изъ нихъ, расположенной по Госпитальной улицѣ [1]), найдены были вещи, оставленныя тамъ древнимъ грабителемъ, а именно: два желѣзныхъ шлема, обломки брони изъ того же металла, мечи, кинжалъ, наконечникъ копья, 15 наконечниковъ стрѣлъ, нѣсколько бронзовыхъ предметовъ, нѣсколько золотыхъ бляшекъ и пряжекъ. Найденная тамъ же монета имп. Льва I даетъ, быть можетъ, хронологическое указаніе на время совершеннаго здѣсь погребенія. Неподалеку оттуда, близъ „вторыхъ печей Ростовскаго", найдена была катакомба, стѣны которой украшены фресками. По счету—это девятая со времени открытія перваго и наиболѣе интереснаго памятника этого вида погребеній, открытія, сдѣланнаго Ашикомъ въ 1841 году. Точные снимки съ фресокъ, украшающихъ стѣны вновь открытой катакомбы, исполненные на мѣстѣ подъ наблюденіемъ референта и директора Керченскаго музея, г. Думберга, ученицей школы бар. Штиглица, гж. Васильевой, были предложены на разсмотрѣніе присутствующихъ, при чемъ референтъ представилъ подробное изъясненіе содержанія, характера и стиля фресокъ.

По поводу этого сообщенія сказано нѣсколько словъ д. чл. *А. И. Сонни* (объ изображеніяхъ генія и фортуны на стѣнахъ катакомбы)

---

[1]) По близости отъ христіанской катакомбы 491 года, найденной референтомъ въ 1890 году и уже описанной въ „Матеріалахъ" Имп. Арх. Ком., вып. 6, Спб., 1891 г.

и поч. чл. *В. Б. Антоновичемъ* (объ оружіи, находившемся въ катакомбѣ, въ которой найдена также монета Льва I, и о принадлежности пещеры приблизительно къ тому же времени).

б) Д. чл. **А. А. Андріевскій** обозрѣлъ содержаніе „*Реляцій Кіевскаго генералъ-губернатора* за *1767—1769 г.*“ (См. въ III-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

в) Д. чл. И. М. Каманинымъ доложенъ былъ рефератъ д. чл. **Н. Н. Оглоблина**: „*Сыскныя дѣла о кладахъ въ XVII в.*“ (См. во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

По поводу выводовъ автора г. Предсѣдатель Общества замѣтилъ, что участіе правительства къ находимымъ кладамъ зависѣло не отъ интереса его къ предметамъ древности, а отъ права его на все, заключающееся въ нѣдрахъ земли.

Поч. чл. *В. Б. Антоновичъ* высказалъ предположеніе, что золотыя гривны, найденныя въ Кутуковскомъ кладѣ, приближаются по формѣ къ Кіевскимъ, а по вѣсу къ Новгородскимъ, т. е. къ среднему переходному типу; „пруты“ Путивльскаго клада — шейныя гривны, а „плащи“, какъ справедливо предполагаетъ референтъ,— не что иное, какъ бляхи кованыхъ поясовъ XIV-XV вв.; что касается до кургановъ, то они не могли быть разрываемы для цѣлей селитрянаго производства.

Въ настоящемъ засѣданіи единогласно избранъ въ дѣйствительные члены Общества *Иванъ Васильевичъ Помяловскій*, проф. Спб. университета.

VIII. ЗАСѢДАНІЕ 11-го ОКТЯБРЯ.

а) Поч. чл. **В. Б. Антоновичъ** сообщилъ о произведенныхъ имъ „*Дополнительныхъ раскопкахъ въ Бакотскомъ скальномъ монастырѣ*“.

Бакотскій скальный монастырь находится на обрывистомъ берегу Днѣстра у села Бакоты. Гора, возвышающаяся надъ Днѣстромъ, состоитъ изъ пласта третичнаго известняка, подъ которымъ залегаетъ толстый пластъ щебня, подъ нимъ другой пластъ третичнаго известняка и въ основаніи пластъ сѣраго шифера. Монастырскія сооруженія были выкопаны какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ известковыхъ пластахъ; въ верхнемъ уцѣлѣлъ коррридоръ, двѣ келліи и нѣ-

сколько нишъ. Въ нижнемъ пластѣ было два этажа: въ верхнемъ оказались три пещеры, заключавшія болѣе тридцати гробницъ, высѣченныхъ частью въ полу, частію въ стѣнахъ; здѣсь встрѣчено также много нишъ, устроенныхъ въ скалѣ, внѣ пещеръ;-остатки небольшой церкви, на обломкахъ стѣнъ которой еще ясно видны 6 иконъ, писанныхъ красками на камнѣ, и славянская надпись, вырѣзанная на скалѣ у одной изъ нишъ и свидѣтельствующая о погребеніи въ ней основателя монастыря, игумена Григорія. Весь этотъ верхній этажъ представлялъ монастырскую усыпальницу. Въ нижнемъ этажѣ уцѣлѣла половина свода церковнаго и по сторонамъ его слѣды двухъ деревянныхъ построекъ. У входа въ церковь въ особой нишѣ помѣщался сосудъ для освященной воды, а подъ сводомъ найдены: оловянные чаша и дискосъ и желѣзный свѣтильникъ. Въ деревянныхъ постройкахъ (изъ одной велъ на противоположный склонъ скалы высѣченный въ ней проходъ) оказалось много оружія, по характеру своему относящагося къ XIV—XV столѣтіямъ: мечи, кинжалы, копья, ножи, стрѣлы, дротики, конская сбруя: стремена, удила, шпоры и т. д., а также значительное количество бытовыхъ предметовъ: мѣдные котлы, висячіе замки, цѣпь съ наручниками, части музыкальнаго инструмента и т. д. Вѣроятно, деревянныя постройки, окружавшія церковь, служили мѣстомъ пребыванія части гарнизона Бакотскаго замка.

б) Д. чл. **В. И. Щербина** въ своемъ докладѣ указалъ на *„Новые матеріалы для исторіи Литовской и Московской Руси въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій“*, заключающіеся въ изданномъ въ началѣ текущаго года во Львовѣ т. I *„Archivum domus Sapiehanae“* подъ редакціей д-ра А. Прохаски. Томъ этотъ содержитъ въ себѣ переписку (625 писемъ) семьи Сапѣгъ, преимущественно извѣстнаго канцлера Льва Сапѣги, съ разными лицами; между корреспондентами встрѣчаются имена папъ, императоровъ, королей, легатовъ, нунціевъ и друг. Письма обнимаютъ время 1575—1606 гг.; такимъ образомъ они затрогиваютъ важнѣйшія событія: въ Литовской Руси—церковную унію и въ Руси Восточной—смутное время. Унія нашла себѣ выраженіе въ письмахъ Ипатія Поцѣя; въ нихъ онъ то жалуется на грубость и невѣжество русскаго духовенства, не желающаго подчиняться его требованіямъ и нововведеніямъ въ богослуженіе, то выступаетъ на защиту своего сподвижника по распространенію уніи, извѣстнаго Антонія Грековича, осужденнаго на смерть за тяжкое

преступленіе, то проявляетъ претензіи на захватъ богатыхъ церквей (въ г. Владимірѣ) и монастырей (Кіево-печерскій); рядомъ съ этимъ въ его письмахъ мы находимъ указаніе на непріязненныя отношенія короля къ князю Константину Острожскому изъ-за уніи. Козацкое возстаніе слабо обрисовано въ письмахъ. Что касается до событій Восточной Руси, то изъ переписки видно, какъ внимательно слѣдили польскіе государственные люди чрезъ своихъ шпіоновъ за тѣмъ, что происходило въ Москвѣ; такъ, напр., сообщаются слухи объ убійствѣ Годуновымъ великаго князя; о претендентахъ на московскій престолъ, изъ которыхъ къ Мстиславскому самъ умирающій царь относился враждебно, Годунова считалъ недостойнымъ занять престолъ вслѣдствіе его происхожденія изъ простаго народа и преемникомъ своимъ назначилъ Θеодора Романовича; передаются толки, будто самъ Годуновъ первый возымѣлъ намѣреніе выставить самозванца для достиженія своихъ цѣлей; далѣе сообщаются извѣстія объ избраніи Годунова и смутахъ въ первые дни его правленія. Въ письмахъ проглядываетъ осторожное и недовѣрчивое отношеніе къ самозванцу. Въ заключеніе референтъ указалъ на односторонность и субъективизмъ во взглядахъ г. Прохаски на событія того времени и въ характеристикѣ историческихъ дѣятелей.

в) д. чл. **Т. Д. Флоринскій** сдѣлалъ библіографическое сообщеніе о новооснованномъ журналѣ Мюнхенскаго профессора Крумбахера: „*Bizantinische Zeitschrift*“, посвященномъ всесторонней разработкѣ византиновѣдѣнія (Напеч. въ журналѣ „Славянское Обозрѣніе“ за текущій годъ).

—

Слушали: докладъ о томъ, что изъ Ярославля отъ *И. А. Тихомірова* получено письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ нѣкоторыя дополненія къ помѣщенной въ VI-й книгѣ „Чтеній“ статьѣ В. З. Завитневича: „Вторая археологическая экскурсія въ Припетское Полѣсье“. Дополненія г. Тихомірова касаются замѣчанія г. Завитневича (стр. 65 его статьи) о томъ, что топоры съ выдающимся удлиненнымъ тыльемъ (форма №№ 1-й и 2-й таблицы при статьѣ) представляютъ характеристическую особенность топоровъ (собственно сѣкиръ), встрѣчающихся по-преимуществу въ Мерянскихъ курганахъ. „Въ лучшихъ изображеніяхъ Ярославскаго герба (медвѣдь съ сѣкирой), т. е. герба страны по-преимуществу Мерянской“, пи-

шетъ по этому г. Тихоміровъ, „сохранилось начертаніе топора, весьма близкаго по своей формѣ къ тѣмъ, что изображены на приложенной къ статьѣ г. Завитневича таблицѣ, а именно къ № 2-му и пожалуй къ 4-му и 5-му, но представляющаго дальнѣйшее развитіе этой формы не безъ нѣкоторой примѣси фантазіи художника-геральдика"; подобный же топоръ находился въ собраніи древняго оружія, принадлежавшемъ отцу г. И. А. Тихомірова и перешедшемъ къ профессору живописи Е. С. Сорокину. Форма топора № 1 на таблицѣ при статьѣ г. Завитневича, названная имъ скиѳской точно также уцѣлѣла до позднѣйшаго времени, и образецъ такого топора, какъ примѣръ устойчивости типа, пріобрѣтенъ авторомъ письма у жителя г. Романова. Обыкновенный (плотничій) топоръ, по мнѣнію г. Тихомірова, развился изъ скиѳскаго топора; колунъ—изъ кельта, или цельта; мясничный образовался, или изъ скиѳскаго, или изъ цельта, или, наконецъ, онъ—видоизмѣненіе плотничьяго топора.

Опредѣлили: благодарить г. И. А. Тихомірова за его сообщеніе.

По произведенной въ этомъ же засѣданіи баллотировкѣ единогласно избранъ въ дѣйствит. члены Общества *Григорій Григорьевичъ Павлуцкій.*

IX. ЗАСѢДАНІЕ 27-го ОКТЯБРЯ.

Настоящее торжественное годичное засѣданіе Общества, въ день памяти преп. Нестора лѣтописца, было открыто Секретаремъ *Н. П. Дашкевичемъ* чтеніемъ составленнаго имъ отчета о дѣятельности, составѣ и средствахъ Общества по 27 окт. 1892 г. (Напечатанъ ниже).

Затѣмъ послѣдовала рѣчь д. чл. *П. В. Владимірова,* въ которой онъ, по случаю имѣвшаго исполниться 29-го октября 50-лѣтія со дня смерти *А. В. Кольцова,* охарактеризовалъ его, какъ человѣка и поэта.

Въ томъ же засѣданіи единогласно избранъ въ почетные члены Общества Нестора лѣтописца *Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ* въ ознаменованіе уваженія Общества къ 50-лѣтней его дѣятельности на пользу русской исторической науки. Сверхъ того, опредѣлено во дню празднованія его юбилея послать отъ имени Общества Нестора лѣт. поздравительную телеграмму.

ОТЧЕТЪ

о составѣ и дѣятельности Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1892 году, читанный Секретаремъ Общества въ годичномъ торжественномъ собраніи 27 октября 1892 года.

Пріурочивъ празднованіе своей годовщины къ нынѣшнему дню чествованія памяти древняго славнаго русскаго дѣеписателя, имя котораго носитъ, Историческое Общество Нестора лѣтописца представляетъ вашему просвѣщенному вниманію, Мм. Гг. и М. Гг-ни, краткій отчетъ о своемъ составѣ и дѣятельности въ истекающемъ двадцатомъ году своего существованія.

Предлагаемыя свѣдѣнія да послужатъ къ уясненію, выполнило ли Общество достодолжнымъ образомъ все возможное согласно съ его составомъ, средствами и цѣлями.

Понесши въ отчетномъ году утрату въ лицѣ скончавшагося дѣйствительнаго члена К. Н. Воскресенскаго, Историческое Общество принимало дѣятельныя мѣры къ пополненію своего состава свѣжими силами и увеличило этотъ составъ избраніемъ девяти новыхъ дѣйствительныхъ членовъ, въ томъ числѣ: извѣстнаго ученаго, филолога и археолога, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. В. Помяловскаго; двухъ почтенныхъ дѣятелей Виленской Археографической коммиссіи, Ю. Ѳ. Крачковскаго и И. Я. Спрогиса; знатока южно-русской старины, автора цѣнныхъ монографій о ней и издателя нѣсколькихъ важныхъ источниковъ для ея изученія, польскаго ученаго А. П. Яблоновскаго и профессора Имп. Новороссійскаго университета А. И. Маркевича.

Значительный составъ Общества, числящаго къ настоящему дню въ своемъ спискѣ 20 почетныхъ и 103 дѣйствительныхъ члена,

можетъ внушать постороннимъ лицамъ преувеличенныя ожиданія отъ дѣятельности Общества, при томъ — соразмѣрно съ матеріальными средствами, которыми могло бы обладать Общество при такомъ количествѣ членовъ.

Но, при оцѣнкѣ дѣятельности Общества, необходимо имѣть въ виду, что, хотя оно состоитъ при Университетѣ, который въ послѣдніе годы выдвинулъ немало достойныхъ дѣятелей исторической науки, таковыхъ въ средѣ дѣйствительныхъ участниковъ въ трудахъ Общества не такъ много. Далѣе, почти половина дѣйствительныхъ членовъ Общества, именно 48, находятся внѣ Кіева—либо потому, что оставили послѣдній для служебной дѣятельности въ иномъ мѣстѣ, либо потому, что никогда и не принадлежали нашему городу и были избраны въ члены Общества большею частію не столько въ разсчетѣ на то или иное содѣйствіе Обществу съ ихъ стороны, сколько въ ознаменованіе уваженія Общества къ ихъ трудамъ. На ряду съ большинствомъ иногороднихъ и нѣкоторые мѣстные дѣйствительные члены не проявляли никакого участія къ преуспѣянію Общества, такъ что въ отчетномъ году даже взносы поступили всего отъ 41 члена (въ количествѣ 205 р.), и Общество нашлось вынужденнымъ считать сложившими съ себя званіе его членовъ восемь лицъ, не принимавшихъ въ теченіе многихъ лѣтъ никакого участія въ выполненіи задачъ Общества. Безъ отпускаемаго ежегодно правительственнаго пособія въ количествѣ 800 рублей Общество было бы лишено возможности выпускать свое повременное изданіе: „Чтенія“, которое выходитъ теперь болѣе или менѣе правильно и все болѣе и болѣе расширяется и въ объемѣ и въ программѣ, между прочимъ—введеніемъ библіографическаго отдѣла начиная съ VII-й книги, имѣющей выйти въ свѣтъ въ началѣ будущаго года. Расходы по изданію послѣдней предположено покрыть изъ остающихся къ настоящему дню въ кассѣ Общества 876 р. 32 к. Предыдущая—VI-я книга „Чтеній“ появилась въ настоящемъ году и потребовала на свое изданіе 1182 р. 11 к.

Сообщенія, помѣщаемыя въ „Чтеніяхъ“, а также отчасти и матеріалы, не представляютъ подбора статей однороднаго содержанія; но онъ и не могъ быть осуществленъ, такъ какъ доселѣ еще не оказывалось возможности привлечь членовъ Общества къ общей и совмѣстной разработкѣ тѣхъ или иныхъ частныхъ вопросовъ какого-нибудь отдѣла исторической науки, да и врядъ ли то мыслимо при ши-

ротѣ програмы Общества и составѣ его изъ лицъ весьма разнородныхъ спеціальностей въ области исторической науки и наукъ вспомогательныхъ.

По той же причинѣ и сообщенія, читающіяся и излагаемыя въ засѣданіяхъ Общества, весьма разнообразны по содержанію. Въ 8, не считая нынѣшняго, засѣданіяхъ отчетнаго года было предложено 22 сообщенія, и изъ нихъ 5 относилось къ археологіи, 7—къ русской исторіи, 1—къ этнографіи, 3—къ исторіи русской словесности 1—ко всеобщей исторіи. Сверхъ того, было удѣлено три реферата обзору нѣкоторыхъ новѣйшихъ изданій по западно-русской исторіи и византологіи, и были помянуты научныя заслуги скончавшихся въ концѣ прошлаго года и началѣ настоящаго: профессоровъ А. А. Потебни и И. Я. Порфирьева, издателя „Русской Старины" М. И. Семевскаго, а также литературные труды чешскаго писателя Я. Неруды.

Такова вкратцѣ дѣятельность Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ текущемъ году. Быть можетъ, она не вполнѣ удовлетворитъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявляемы научнымъ учрежденіямъ, преслѣдующимъ узко-спеціальныя задачи и обладающимъ устройствомъ, составомъ и средствами, соотвѣтствующими этимъ задачамъ. Но Историческое Общество Нестора лѣтописца изначала не принадлежало къ числу такихъ учрежденій. Его цѣль, предуказанная уставомъ, состоитъ въ спеціальной разработкѣ не только отечественной исторической науки въ широкомъ смыслѣ („исторіи политической и церковной, исторіи литературы и права, археологіи, нумизматики и друг."), но и наукъ вспомогательныхъ, каковы „исторія и литература всеобщая, насколько находятся въ связи съ умственною жизнью Русскаго народа", а равнымъ образомъ и въ поддержаніи научнаго общенія между мѣстными спеціалистами всѣхъ отдѣловъ исторической науки. Послѣдняя цѣль выполнялась, между прочимъ, тѣмъ, что нѣкоторыя сообщенія вызывали живой обмѣнъ мыслей и свѣдѣній въ средѣ присутствовавшихъ членовъ Общества. Наконецъ, задачи нашего Историческаго Общества, какъ то выяснилось съ того времени, когда во главѣ его стоялъ достопамятный А. А. Котляревскій, должны быть понимаемы еще шире: состоя подъ сѣнію высшаго научнаго учрежденія въ краѣ, Историческое Общество должно служить

однимъ изъ посредствующихъ органовъ живого общенія дѣятелей науки съ образованною публикою и распространенія среди послѣдней интереса къ гуманнымъ знаніямъ, къ серьезному и глубокому изученію прошлаго, какъ ключа къ настоящему и пониманію законовъ жизни, и уваженія къ исторической истинѣ. Поэтому Общество, навсегда сдѣлавшее свои засѣданія доступными для просвѣщенной публики, въ отличіе отъ намѣренія нѣкоторыхъ первыхъ его учредителей, не замыкаясь въ узкій кругъ систематическаго сосредоточенія въ одной какой-нибудь спеціальности, старалось предлагать сообщенія общедоступныя по формѣ и исполненныя болѣе или менѣе общаго интереса. Постоянно видя значительное количество посѣтителей въ стѣнахъ своей аудиторіи, Общество утѣшается мыслію, что дѣятельность его не была безплодна и въ этомъ отношеніи, и что оно успѣло снискать серьезное участіе любителей просвѣщенія къ его трудамъ.

Въ виду указанной только что цѣли—поддержанія научной связи съ образованною публикою—Историческое Общество постановило принять участіе въ происходящемъ въ настоящемъ году общемъ чествованіи полувѣковыхъ и вѣковыхъ годовщинъ со дня прекращенія смертью дѣятельности славныхъ представителей національнаго творчества и рѣшило посвятить настоящее свое торжественное собраніе памяти одного изъ тѣхъ дѣятелей нашей художественной литературы, которые трудились въ существѣ во имя той же великой идеи, какой служитъ и Общество—разумѣемъ національное самопознаніе.

Вышедшій изъ малообразованной среды поэтъ-„кремень" (по выраженію М. Н. Каткова), Кольцевъ имѣлъ широко объемлющее сердце; между проч., онъ внималъ „съ какой то радостью невольной" и пѣснямъ „сыновъ Украины привольной", пѣвшихъ „про жизнь своихъ дѣдовъ":

И какъ тѣ пѣсни сердцу милы, *говоритъ онъ*,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!

Силою своего чуднаго поэтическаго таланта Кольцовъ достигъ уразумѣнія народнаго духа и возсоздалъ въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ съ необычайною по силѣ и теплотѣ художественностью жизнь, поэзію повседневныхъ трудовъ, думъ, радостей и печалей, нравственные ин-

тересы и идеалы, удаль-молодечество, грусть и крѣпкую вѣру народныхъ массъ. Онъ приблизилъ насъ къ народу и въ значительной степени содѣйствовалъ превращенію нашей инстинктивной любви къ нему въ любовь сознательную, основанную на пониманіи народнаго характера и жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ онъ причастенъ и передовому умственному движенію своего времени, силясь въ „думахъ“ своихъ постигать и рѣшать тѣ вопросы, которые были предметомъ философскихъ бесѣдъ и горячихъ споровъ въ кружкѣ Станкевича, Бѣлинскаго и друзей послѣдняго, уразумѣть, напр., „духъ вѣчной жизни, самъ себя сознающій въ видахъ безконечныхъ“, міровую идею („Царство мысли“), неразгаданную истину, хотя и „тяжелы“ были ему „думы, сладостна“ лишь „молитва“, и сознавалъ онъ, что

Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу;
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.

Такъ явился Кольцовъ прообразомъ, орудіемъ и однимъ изъ первыхъ живыхъ примѣровъ у насъ того общенароднаго единенія въ сферѣ нравственной и эстетической, къ которому лишь недавно мы начали стремиться!

Приложенія къ отчету

за 1892 г.

I. Списокъ членовъ Общества Нестора лѣтописца къ 27-му октября 1892 года[1]).

а) Почетные члены:

Бунге *Николай Христіановичъ*, предсѣдатель Комитета министровъ (27 декабря 1872 г.)

Дондуковъ-Корсаковъ, князь, *Александръ Михайловичъ*, бывшій Кіевскій, Подольскій и Волынскій генералъ-губернаторъ (27 декабря 1872 г.).

Бычковъ, *Аѳанасій Ѳеодоровичъ*, директоръ Императорской Публичной библіотеки (29 января 1878 г.).

Петрушевичъ, о. *Антоній*, каноникъ церкви св. Юра во Львовѣ (1 марта 1881 г.).

Ламанскій, *Владиміръ Ивановичъ*, профессоръ С.-Петербургскаго университета (8 мая 1883 г.).

Голубинскій, *Евгеній Евсигніевичъ*, проф. Москов. духовной академіи (9 октября 1883 г.; въ дѣйствительные же члены былъ избранъ 18 мая 1880 г.).

Малышевскій, *Иванъ Игнатьевичъ*, членъ-учредитель, проф. Кіев. духовной академіи (9 октября 1883 г.).

Лебединцевъ, о. *Петръ Гавриловичъ*, членъ-учредитель, каѳедральный протоіерей (9 марта 1886 г.).

Знаменскій, *Петръ Васильевичъ*, проф. Казан. духовной академіи (14 декабря 1886 г.).

---

[1]) Въ настоящемъ спискѣ имена гг. членовъ Общества перечислены въ порядкѣ по времени избранія, которое обозначается при каждомъ имени въ скобкахъ.

Вельяминовъ-Зерновъ, *Владиміръ Владиміровичъ*, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ, Попечитель Кіевскаго учебнаго округа (25 сентября 1888 г.).

Бестужевъ-Рюминъ, *Константинъ Николаевичъ*, академикъ, бывшій проф. С.-Петербургскаго университета (20 ноября 1888 г.; въ дѣйств. же члены избранъ 29 января 1878 г.).

Веселовскій, *Александръ Николаевичъ*, академикъ и проф. С.-Петербург. университета (20 ноября 1888 г.).

Рачкій, *Францъ*, членъ Академіи Наукъ въ Загребѣ (20 ноября 1888 г.).

Ягичъ, *Игнатій Викентьевичъ*, академикъ и проф. Вѣнскаго университета (20 ноября 1888 г.).

Деляновъ, графъ, *Иванъ Давыдовичъ*, Министръ Народнаго Просвѣщенія (11 декабря 1888 г.).

Юргевичъ, *Владиславъ Норбертовичъ*, вице-президентъ Одесскаго Общества исторіи и древностей (26 ноября 1889 г.).

Уварова, графиня, *Прасковья Сергѣевна*, предсѣдатель Императорскаго Москов. археологич. общества (15 декабря 1889 г.).

Иконниковъ, *Владиміръ Степановичъ*, членъ-учредитель, проф. университета св. Владиміра (18 марта 1890 г.).

Антоновичъ, *Владиміръ Бонифатіевичъ*, членъ учредитель, проф. университета св. Владиміра (18 марта 1890 г.).

Владимірскій-Будановъ, *Михаилъ Флегонтовичъ*, проф. университета св. Владиміра (24 ноября 1891 г.; въ дѣйствительные же члены избранъ 10 декабря 1875 г.).

Забѣлинъ, *Иванъ Егоровичъ*, предсѣдатель Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ (27 октября 1892 г.).

б) Дѣйствительные члены:

Хрущовъ, *Иванъ Петровичъ*, членъ-учредитель, членъ Учебнаго комитета Министерства народнаго просвѣщенія.

Лашкаревъ, *Петръ Александровичъ*, членъ-учредитель, проф. Кіев. духовной академіи и университета св. Владиміра.

Розовъ, *Алексѣй Васильевичъ*, проф. Кіев. духовной академіи (27 декабря 1872 г.).

Фортинскій, *Ѳеодоръ Яковлевичъ*, ректоръ и проф. университета св. Владиміра (3 января 1873 г.).

Модестовъ, *Василій Ивановичъ*, проф. Новороссійскаго университета (3 января 1873 г.).

Романовичъ-Славатинскій, *Александръ Васильевичъ*, проф. университета св. Владиміра (27 января 1874 г.).

Дашкевичъ, *Николай Павловичъ*, проф. университета св. Владиміра (21 ноября 1874 г.).

Мищенко, *Ѳеодоръ Герасимовичъ*, проф. Казан. университета (21-го ноября 1874 г.)

Голубевъ, *Степанъ Тимофеевичъ*, проф. Кіев. духовной академіи и университета св. Владиміра (8 декабря 1874 г.).

Исаевъ, *Иванъ Петровичъ* (10 октября 1875 г.).

Лучицкій, *Иванъ Васильевичъ*, проф. университета св. Владиміра (16 ноября 1875 г.).

Павловъ, *Платонъ Васильевичъ*, бывшій проф. университета св. Владиміра (4 марта 1876 г.).

Лавровскій, *Николай Алексѣевичъ*, попечитель Дерптскаго учебнаго округа (8 января 1877 г.).

Будиловичъ, *Антонъ Семеновичъ*, ректоръ и проф. Дерпт. университета (8 января 1877 г.).

Кочубинскій, *Александръ Александровичъ*, проф. Новорос. университета (8 января 1877 г.).

Майковъ, *Леонидъ Николаевичъ*, академикъ и помощникъ директора Императорской Публичной библіотеки (29 января 1878 г.).

Демченко, *Василій Григорьевичъ*, проф. университета св. Владиміра (29 января 1878 г.).

Петровскій, *Мемнонъ Петровичъ*, бывшій проф. Казан. университета (29 января 1878 г.).

Левицкій, *Орестъ Ивановичъ* (29 января 1878 г.).

Савваитовъ, *Павелъ Ивановичъ*, членъ Императорскаго Русскаго географическаго общества (17 сентября 1878 г.).

Истоминъ, *Михаилъ Павловичъ* (12 ноября 1878 г.).

Науменко, *Владиміръ Павловичъ* (12 ноября 1878 г.).

Ждановъ, *Иванъ Николаевичъ*, проф. С.-Петербург. историко-филологич. института (25 февраля 1879 г.).

Лилеевъ, *Михаилъ Ивановичъ*, (18 марта 1879 г.).

Малининъ, *Василій Николаевичъ*, проф. Кіев. духовной академіи (18 марта 1879 г.).

Житецкій, *Павелъ Игнатьевичъ* (18 марта 1879 г.).

Любовичъ, *Николай Николаевичъ*, проф. Варшав университета (9 декабря 1879 г.).

Люба-Радзиминскій, *Сигизмундъ Владиміровичъ* (9 декабря 1879 г.).

Ефименко, *Петръ Саввичъ* (1880 г.).

Лазаревскій, *Александръ Матвѣевичъ* (1880 г.).

Успенскій, *Θеодоръ Ивановичъ*, проф. Новорос. университета (1880 г.).

Андріевскій, *Алексѣй Александровичъ* (1 марта 1881 г.).

Багалѣй, *Дмитрій Ивановичъ*, проф. Харьков. университета (1 марта 1881 г.).

Пономаревъ, *Степанъ Ивановичъ* (1 марта 1881 г.).

Линниченко, *Иванъ Андреевичъ*, приватъ-доцентъ Москов. университета (4 октября 1881 г.).

Стороженко, *Андрей Владиміровичъ* (4 октября 1881 г.).

Голубовскій, *Петръ Васильевичъ*, приватъ-доцентъ университета св. Владиміра (25 октября 1881 г.).

Каманинъ, *Иванъ Михайловичъ* (25 октября 1881 г.).

Флоринскій, *Тимофей Дмитріевичъ*, проф. университета св. Владиміра (14 марта 1882 г.).

Соколовъ, *Матвѣй Ивановичъ*, проф. Москов. университета (25 апрѣля 1882 г.).

Трегубовъ, *Елисей Купріановичъ* (25 апрѣля 1882 г.).

Иващенко, *Петръ Семеновичъ* (3 ноября 1882 г.).

Прохаска, *Антоній Антоніевичъ*, проф. Львов. университета (12 декабря 1882 г.).

Брандтъ, *Романъ Θеодоровичъ*, проф. Москов. университета (1882 г.).

Кулаковскій, *Юліанъ Андреевичъ*, проф. университета св. Владиміра (23 января 1883 г.).

Соболевскій, *Алексѣй Ивановичъ*, проф. С.-Петербург. университета (23 января 1883 г.).

Ястребовъ, *Митрофанъ Филипповичъ*, проф. Кіев. духовной академіи (23 января 1883 г.).

Кулишеръ, *Михаилъ Игнатьевичъ* (23 января 1883 г.).

Синицкій, *Даніилъ Александровичъ* (27 февраля 1883 г.).

Щербина, *Владиміръ Ивановичъ* (22 мая 1883 г.).

Лясокоронскій, *Владиміръ Григорьевичъ* (9 октября 1883 г.).

Горленко, *Василій Петровичъ* (29 января 1884 г.).

Бережковъ, *Михаилъ Николаевичъ*, проф. Нѣжин. историко-филологич. института (29 апрѣля 1884 г.).

Дмитріевскій, *Алексѣй Аѳанасьевичъ*, проф. Кіев. духовной академіи (13 мая 1884 г.).

Покровскій, *Ѳеодоръ Яковлевичъ*, проф. Кіев. духовной академіи (13 мая 1884 г.).

Завитневичъ, *Владиміръ Зеноновичъ*, проф. Кіев. духовной академіи (27 января 1885 г.).

Николайчикъ *Ѳеодоръ Даниловичъ* (27 января 1885 г.).

Оглоблинъ, *Николай Николаевичъ* (9 марта 1886 г.).

Мазараки, *Сергѣй Аркадьевичъ* (27 апрѣля 1886 г.).

Степовичъ, *Андроникъ Іоанникіевичъ* (22 марта 1887 г.).

Стороженко, *Николай Владиміровичъ* (22 марта 1887 г.).

Сикорскій, *Иванъ Алексѣевичъ*, проф. университета св. Владиміра (26 апрѣля 1887 г.).

Праховъ, *Адріанъ Викторовичъ*, проф. университета св. Владиміра (21 февраля 1888 г.).

Булгаковъ *Аѳанасій Ивановичъ*, проф. Кіев. духовной академіи (3 апрѣля 1888 г.).

Кнауэръ, *Ѳеодоръ Ивановичъ*, проф. университета св. Владиміра (3 апрѣля 1888 г.).

Владиміровъ, *Петръ Владиміровичъ*, проф. университета св. Владиміра (30 октября 1888 г.).

Красносельцевъ, *Николай Ѳомичъ*, проф. Новорос. университета (30 октября 1888 г.).

Сонни, *Адольфъ Израилевичъ*, проф. университета св. Владиміра (29 января 1889 г.).

Бершадскій, *Сергѣй Александровичъ*, проф. С.-Петербург. университета (30 апрѣля 1889 г.).

Ясинскій, *Михаилъ Никитичъ* (30 апрѣля 1889 г.).

Теличенко, *Иванъ Васильевичъ* (30 апрѣля 1889 г.).

Дверницкій, *Емельянъ Николаевичъ* (4 февраля 1890 г.).

Василенко, *Викторъ Ивановичъ* (4 февраля 1890 г.).

Ясинскій, *Антонъ Никитичъ* (18 марта 1890 г.).

Клячинъ, *Василій Петровичъ* (22 апрѣля 1890 г.).

Молчановскій *Никандръ Васильевичъ* (22 апрѣля 1890 г.).

Петрушевскій, *Дмитрій Моисеевичъ* (22 апрѣля 1890 г.).

Мусинъ-Пушкинъ, графъ, *Александръ Алексѣевичъ*, помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа (7 октября 1890 г.).

Ровинскій, *Павелъ Аполлоновичъ* (21 октября 1890 г.).

Ивановъ, *Николай Ивановичъ* (11 ноября 1890 г.).

Турцевичъ, *Иванъ Григорьевичъ* (11 ноября 1890 г.).

Мякотинъ, *Венедиктъ Александровичъ* (11 ноября 1890 г.).

Пискорскій, *Владиміръ Константиновичъ* (11 ноября 1890 г.).

Крыловскій, *Амвросій Семеновичъ* (25 ноября 1890 г.).

Кивлицкій, *Евгеній Александровичъ* (17 марта 1891 г.).

Грушевскій, *Михаилъ Сергѣевичъ* (19 мая 1891 г.).

Ивановъ, *Павелъ Андреевичъ* (19 мая 1891 г).

Бубновъ, *Николай Михайловичъ*, проф. университета св. Владиміра (6 октября 1891 г.).

Бѣлогрицъ-Котляревскій, *Леонидъ Сергѣевичъ*, проф. университета св. Владиміра (6 октября 1891 г.).

Бѣляшевскій, *Николай Өедотовичъ* (10 ноября 1891 г.).

Ласкоронскій, *Василій Григорьевичъ* (10 ноября 1891 г.).

Анненскій, *Иннокентій Өеодоровичъ* (24 ноября 1891 г.).

Василенко, *Николай Прокофьевичъ* (24 ноября 1891 г.).

Леопардовъ, *Николай Александровичъ* (8 декабря 1891 г.).

Истоминъ *Өеодоръ Павловичъ* (26 января 1892 г.).

Черневъ, *Николай Павловичъ* (26 января 1892 г.).

Маркевичъ, *Алексѣй Ивановичъ*, проф. Новорос. университета (9 февраля 1892 г.).

Яблоновскій, *Александръ Петровичъ* (23 февраля 1892 г.).

Безсмертный, *Евгеній Адріановичъ* (23 февраля 1892 г.).

Крачковскій, *Юліанъ Өомичъ* (22 марта 1892 г.).

Спрогисъ, *Иванъ Яковлевичъ* (22 марта 1892 г.).

Помяловскій, *Иванъ Васильевичъ*, проф. С.-Петербургскаго университета (9 мая 1892 г.).

Павлуцкій, *Григорій Григорьевичъ*, приватъ-доцентъ университета св. Владиміра (11 октября 1892 г.).

II. СОВѢТЪ ОБЩЕСТВА.

а) Должностныя лица:

Предсѣдатель Общества—Михаилъ Флегонтовичъ *Владимірскій-*

Будановъ (съ 21 октября 1890 г., а членомъ совѣта съ 11 октября 1881 г.; первое избраніе въ предсѣдатели состоялось 1 ноября 1887 г.).

Кандидатъ предсѣдателя — Иванъ Игнатьевичъ *Малышевскій* (съ 10 декабря 1889 г.; въ этой должности и членомъ совѣта состоитъ со времени учрежденія Общества).

Казначей—Өеодоръ Яковлевичъ *Фортинскій* (съ 10 декабря 1889 г., а членомъ совѣта съ 11 октября 1881 г.).

Секретарь—Николай Павловичъ *Дашкевичъ* (съ 10 декабря 1889 г., а членомъ совѣта съ 11 октября 1881 г.; первое избраніе въ должность секретаря состоялось 12 февраля 1878 г.).

Библіотекарь и помощникъ секретаря — Иванъ Михайловичъ *Каманинъ* (въ должности библіотекаря—съ 21 октября 1890 г. и въ должности помощника секретаря—съ 22 апрѣля того же года).

б) Члены:

Петръ Гавриловичъ *Лебединцевъ* (со времени учрежденія Общества).

Владиміръ Степановичъ *Иконниковъ* (со времени учрежденія).

Владиміръ Бонифатіевичъ *Антоновичъ* (со времени учрежденія)·

Петръ Александровичъ *Лашкаревъ* (со времени учрежденія.)

Алексѣй Васильевичъ *Розовъ* (съ 3 января 1873 г.).

Степанъ Тимофеевичъ *Голубевъ* (съ 25 октября 1881 г.).

Иванъ Васильевичъ *Лучицкій* (съ 10 февраля 1885 г.).

Орестъ Ивановичъ *Левицкій* (съ 10 февраля 1885 г.).

Редакціонный Комитетъ по изданію „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца“.

Комитетъ состоитъ изъ предсѣдателя Общества, его кандидата, казначея, секретаря и двухъ членовъ совѣта (В. С. *Иконникова* и В. Б. *Антоновича*—избранныхъ 1 октября 1889 г.).

III. Численный составъ Общества Нестора лѣтописца.

Къ началу 1892 г. Общество состояло изъ 20 почетныхъ и 103 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ теченіе года избраны: одинъ почетный членъ (И. Е. Забѣлинъ) и девять дѣйствительныхъ.

Въ тотъ же періодъ времени выбылъ за смертью одинъ (К. Н. Воскресенскій) и признаны сложившими съ себя званіе членовъ восемь дѣйствительныхъ.

Затѣмъ къ 27 октября 1892 г. въ Обществѣ числятся 21 почетный и 103 дѣйствительныхъ члена.

IV. Библіотека Общества.

А) *Въ библіотекѣ Общества* къ началу 1892 г. находилось на лицо сочиненій и изданій по исторіи и ея вспомогательнымъ наукамъ—662 названія въ 1222 томахъ и брошюрахъ.

Въ теченіе года вновь поступило 114 названій въ 316 томахъ и брошюрахъ.

Затѣмъ къ 27 октября 1892 г. имѣется 776 названій въ 1538 томахъ и брошюрахъ.

Наибольшее число книгъ получено отъ Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, Московскаго археологическаго общества, Археологической коммиссіи (въ С.-ПБ.) и Дерптскаго университета, не считая нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, на которыя Общество Нестора обмѣниваетъ свои „Чтенія“.

Б) Въ *Отдѣлѣ рукописей* новыхъ поступленій не было, и къ 27 октября 1892 г. состоитъ на лицо: α) отдѣльныхъ документовъ—11; β) фотографическихъ снимковъ рукописей—2 и γ) книгъ-рукописей—5.

В) *Изданій Общества*, по разсылкѣ ихъ членамъ и продажѣ, къ 27 октября 1892 г. осталось:

а) „Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца“: книги I-й—48, кн. II-й—113, кн. III-й—44, кн. IV-й—202, кн. V-й—220 и кн. VI-й—250 экземпляровъ.

б) „Трудовъ III-го Археологич. Съѣзда“, состоявшагося въ Кіевѣ,—56 экз. (каждый изъ двухъ томовъ съ атласомъ).

в) „Указателя выставки III-го Археологич. Съѣзда“—156 экз.

г) „Сборника въ память 900-лѣтія крещенія Руси“—285 экз.

д) „Поминки по А. А. Котляревскомъ“—97 экз.

V. Денежныя средства Общества.

Суммы Общества Нестора лѣтописца находились съ 8-го декабря 1891 г. по 27-е октября 1892 г. въ слѣдующемъ движеніи:

Поступило:		*Израсходовано:*	
а) Остатка 1891 г.	1085 р. 79 к.	а) На изданіе VI-й книги „Чтеній"	1182 р. 11 к.
б) Изъ Госуд. Казначейства . .	800 р. —	б) На библіотеку, канцелярію и устройство засѣданій	131 р. 70 к.
в) Член. взносовъ только . . .	205 р. —		
г) Отъ продажи изданій Общества	99 р. 38 к.		
Итого . .	2190 р. 17 к.	Итого . .	1313 р. 81 к.

Къ 27-му октября 1892 г. осталось въ наличности 876 р. 36 к.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СВѢДѢНІЯМЪ О ЗАСѢДАНІЯХЪ.

Памяти Яна Неруды, чешскаго писателя.

(Чтеніе д. чл. А. І. Степовича въ засѣданіи 26 января 1892 г.).

22 августа прошлаго года славянскій литературный міръ понесъ тяжелую и притомъ преждевременную утрату: скончался, имѣя всего лишь 57 лѣтъ отъ роду, одинъ изъ крупнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей не только чешской, но и всей славянской литературы *Янъ Неруда*. Нашему Историческому Обществу тѣмъ съ большимъ правомъ мы дѣлаемъ краткій докладъ о значеніи этого писателя, что, кромѣ чисто литературной дѣятельности, онъ занимался и народовѣдѣніемъ; его хотя и не особенно частые и, пожалуй, даже довольно случайные труды въ этой области отличались однако замѣчательнымъ знаніемъ народа, были согрѣты любовью къ нему и всегда производили на читающее общество должное впечатлѣніе; такова, напримѣръ, одна изъ самыхъ послѣднихъ, предсмертныхъ его работъ, посвященная вопросу объ исчезновеніи *народной пѣсни*, о постоянно замѣчающемся неуклонномъ уменьшеніи въ народѣ любви къ пѣнію [1]). Эго знаніе народа сказалось и въ чисто литературной дѣятельности покойнаго.

Я познакомился съ Нерудою лѣтъ пять-шесть тому назадъ, хотя случалось видѣть его и раньше.

Это былъ уже довольно значительно, повидимому, ослабѣвшій въ борьбѣ съ жизнію и болѣзненный человѣкъ, о чемъ легко можно было заключить какъ по его наружности, такъ и по той крайней сдержанности, какая замѣчалась во всемъ вообще его поведеніи и способѣ обращаться съ мало знакомыми людьми; но присущій ему юморъ скрадывалъ это впечатлѣніе. Если предметъ разговора бывалъ по чему-либо интересенъ, задѣвалъ, такъ сказать, за живое, то Неруда, вообще чрезвычайно неразговорчивый, оживлялся тогда и иной разъ даже словно преображался. Литературные интересы, заботы о народномъ преуспѣяніи и вообще идеи высшаго порядка всегда дѣлали его и болѣе разговорчивымъ, и остроумнымъ, и менѣе сдержаннымъ. При нашемъ первомъ знакомствѣ разговоръ зашелъ о новомъ изданіи, предпринятомъ Нерудою, именно

---

[1]) См. его горячія „Dvě slovička v čas o národní písni“ въ фельетонѣ газеты „*Národní listy*“ отъ 28 іюня и 5 іюля 1891 года.

„Poetické besedy“, нѣсколько первыхъ выпусковъ котораго незадолго предъ тѣмъ вышли въ свѣтъ иждивеніемъ книготорговли Э. Валечки. Первый выпускъ этого прекраснаго изданія составляли *„Баллады и романсы“* самого автора, т. е. Неруды, и объ одной изъ замѣчательнѣйшихъ балладъ (O duši Karla Borovského, т. е. о душѣ Карла Гавличка-Боровскаго, извѣстнаго писателя) этой книжечки я тогда же отозвался [1]) съ самой лучшей стороны, какъ о произведеніи, превосходно передавшемъ народную основу и характеръ любопытнаго преданія и не менѣе совершенномъ со стороны содержанія и стиха. Я именно указывалъ на то, какъ хорошо выразилось въ этой балладѣ замѣчательное народное пониманіе смысла писательской дѣятельности такого крупнаго стоятеля и радѣтеля за народъ, какимъ былъ извѣстный австрійскій мученикъ за народную идею, авторъ замѣчательныхъ „Тирольскихъ элегій“, переведенныхъ и по-русски, Карлъ Гавличекъ-Боровскій. [2]) Неруда принялъ мои похвалы, какъ совершенно искреннюю дань дѣйствительнаго уваженія къ его крупному писательскому дарованію и ничуть не обнаружилъ при этомъ того нерѣдкаго писательскаго смиренія, которое обыкновенно бываетъ „паче гордости“; онъ принялъ мое признаніе его литературныхъ заслугъ вполнѣ просто и естественно безъ того, такъ сказать, жеманства, какое можно часто замѣчать въ подобныхъ случаяхъ. Поблагодаривъ меня за мою критическую статейку о его поэтическомъ сборникѣ *„Космическія пѣсни“* („Písně kosmické“), напечатанную въ Кіевскомъ „Славянскомъ ежегодникѣ“, въ т. 5, онъ заявилъ также просто и естественно и свое согласіе съ моими взглядами... Вообще впечатлѣніе отъ нашего знакомства осталось у меня самое благопріятное для покойнаго. Относительно славянскаго вопроса онъ не успѣлъ или, можетъ быть, не хотѣлъ высказаться съ тою подробностію, какой я желалъ и ожидалъ отъ него, и всѣ наши разговоры свелись къ жалобамъ на крайне малое взаимное знакомство славянъ съ явленіями литературной и общественной жизни. Это малое знакомство сказалось даже при нашемъ разговорѣ: Неруда имѣлъ довольно смутное понятіе о смыслѣ совер-

---

[1]) Баллада эта приведена въ моей „Исторіи Чешской литературы“ (Кіевъ. 1886 г.), стр. 223—226.

[2]) О немъ см. въ той же книгѣ на стр. 208—211: „Тирольскія элегіи“; см. также въ книгѣ Н. Гербеля: „Поэзія славянъ“.

шавшейся тогда и прежде на Руси литературной и общественной дѣятельности; съ другой стороны, и я тогда только что, можно сказать, начиналъ основательное изученіе чешской жизни и литературы... Этимъ и объяснялись легко нѣсколько случаевъ нашего взаимнаго непониманія, обнаружившихся въ теченіе разговора... Впрочемъ, Неруда въ своей литературной дѣятельности, какъ кажется, намѣренно избѣгалъ славянскаго вопроса, къ которому, повидимому, относился скептически.

Чешская критика вообще держится самаго высокаго мнѣнія о литературномъ значеніи покойнаго Неруды: *онъ считается просто чешскимъ Боккачіо, творцемъ легкой и изящной чешской прозы*, и, мнѣ кажется, вполнѣ справедливо. Достаточно прочесть его замѣчательные фельетоны въ разныхъ чешскихъ повременныхъ изданіяхъ (особенно въ „*Народныхъ листахъ*“ съ 1865 г.) [1]), чтобы убѣдиться въ этомъ. Превосходное знаніе чешской дѣйствительности, непосредственный юморъ, благородная подкладка общественныхъ и литературныхъ воззрѣній писателя, легкій и изящный языкъ—все это придаетъ его блестящимъ набросками и обозрѣніямъ скорѣе вѣчное значеніе, чѣмъ то скоропреходящее, какое обыкновенно выпадаетъ на долю подобнаго рода произведеній. Пониманіе и знаніе народной жизни въ произведеніяхъ Неруды такъ велики, что эти произведенія могутъ иногда служить матеріаломъ даже для соціологическихъ изученій и выводовъ... Литературная дѣятельность Неруды была очень разнообразна и успѣшна почти во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ, кромѣ статей по народовѣдѣнію, путевыхъ записокъ и фельетоновъ, онъ писалъ очень недурныя *драматическія произведенія*, между коими особенно выдаются *комедіи* по ихъ неподдѣльной веселости, сценичности и юмору (таковы, напр., Женихъ зъ гладу, Прадана Ласка и др.), повѣсти и разсказы (Арабески, Малостранске повидки и др.), [2]) стихотворенія и пр.

---

[1]) Фельетоны эти помѣщены и въ полномъ собраніи сочиненій Неруды. Изданы и отдѣльно Э. Валечкою.

[2]) Разсказы Неруды вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ пяти выпускахъ, заключающихъ въ себѣ, между прочимъ, нѣсколько такихъ очерковъ и изображеній, которые смѣло можно совѣтовать даже для перевода на инославянскіе и инородные языки. Таковы, напр., нѣкоторыя статьи 4-го выпуска (Menši cesty, т. е. дороги, путешествія), критическія оцѣнки театральныхъ и литературныхъ явленій и т. п. Нѣкоторые изъ небольшихъ разсказовъ Неруды переведены мною и помѣщены въ 1888 г. въ „Славянской Бесѣдѣ“ (вып. I., изд. Кіевскаго Славянскаго общества); таковы изъ „Арабесокъ“ три разсказа: „Былъ негодяемъ“, „Арфистъ Іосифъ“, „Дурачекъ Іона“. Въ „Славянскомъ Обозрѣніи“ за 1892 г. напечатано нѣсколько „Малостранскихъ разсказовъ“ (напр. „Панъ Ришанекъ и панъ

Послѣдняя область писательской дѣятельности Неруды, т. е. стихотворная, на нашъ взглядъ, оказывается наименѣе удачною, говоря, впрочемъ, относительно. Нельзя однако не замѣтить, что стихотворенія эти, усердно переводившіяся *на нѣмецкій языкъ*, доставили Нерудѣ извѣстность и за узкими предѣлами родной литературы. Нѣмецкая критика именно цѣнила въ этихъ произведеніяхъ отсутствіе того ненавистнаго ей *„властенецтва“*, т. е. крайняго патріотическаго увлеченія всѣмъ роднымъ и превознесенія его, какимъ такъ ярко отмѣчена чешская поэзія предыдущаго староромантическаго періода (до 1848 года), особенно послѣ открытія извѣстныхъ памятниковъ Зеленогорской и Краледворской рукописей [1]). Эта критика бывала иногда такъ милостива къ Нерудѣ, что находила его произведенія достойными распространенія не только въ нѣмецкомъ читающемъ обществѣ, но и въ болѣе широкихъ кругахъ читателей всемірной литературы; она цѣнила въ нихъ, повторяю, кромѣ выдающагося поэтическаго и беллетристическаго дарованія, напоминающаго по своему характеру Гейневское, еще и извѣстный *космополитизмъ направленія*, отсутствіе рѣзкой узконаціональной окраски. Мелкимъ очеркамъ, разсказамъ и фельетоннымъ статьямъ Неруды нѣмецкая критика также придавала большое значеніе и въ нихъ видѣла даже выраженіе подлиннаго его писательскаго призванія. Особенно восхвалялись ею „Малостранскіе разсказы“ (*„Malostranské povídky“*), гдѣ, дѣйствительно, мы находимъ превосходное изображеніе своеобразной жизни той любопытной части города Праги, которая обыкновенно называется „Мала страна“. Отношеніе Неруды въ этихъ повѣстяхъ къ своимъ героямъ и ихъ мелкой, невид-

Шлегль“) въ переводѣ Э. П. П-ской. Кромѣ того, одинъ разсказъ изъ „Арабесокъ“ („Онъ былъ негодяемъ“) помѣщенъ, впрочемъ въ неисправномъ и нѣсколько даже сокращенномъ переводѣ, въ еженедѣльномъ изданіи „Живописное Обозрѣніе“ за 1884 годъ, № 21.

Критической оцѣнкѣ, сколько намъ извѣстно, было подвергнуто въ русской литературѣ лишь одно произведеніе: „Космическія пѣсни“ (см. мои „Этюды въ области новой Чешской литературы,“ вып. I, Кіевъ, 1884 г., а также „Славянскій ежегодникъ“, кн. 5, Кіевъ, 1882 г.)

Изъ вышеприведеннаго, такимъ образомъ, видно, какъ еще мало у насъ сдѣлано для распространенія произведеній Я. Неруды въ русскомъ читающемъ обществѣ. Въ Прагѣ въ настоящемъ году предпринято книгопродавцемъ Ф. Топичемъ новое изданіе сочиненій Неруды.

[1]) См. напр. хотя бы любопытную статью г. Густава Карпелеса въ Берлинскомъ повременномъ изданіи „Das Magasin für Litteratur“, за 1891 г., № 50. Статья эта, останавливающаяся, главнымъ образомъ, на „Космическихъ пѣсняхъ“, прямо отзывается о Нерудѣ, какъ о наиболѣе симпатичномъ для нѣмцевъ чешскомъ поэтѣ, сумѣвшемъ переступить узкія границы своей родной словесности и подняться до общечеловѣческихъ интересовъ. Но это можно сказать и о всѣхъ другихъ поэтахъ новѣйшей чешской школы: Галькѣ, Верхлицкомъ Ярославѣ и пр.

ной жизни отзывается, смѣло можно сказать, чѣмъ то Гоголевскимъ... Мы не имѣемъ теперь возможности долго останавливаться на оцѣнкѣ литературной дѣятельности Неруды и только въ заключеніе отмѣтимъ сущность сказаннаго: 1) вмѣстѣ съ Галькомъ Витѣзславомъ и Гейдукомъ Адольфомъ Неруда считается въ чешской литературѣ *начинателемъ новоромантическаго литературнаго направленія, отмѣченнаго печатью извѣстной доли скептицизма и затѣмъ космополитизма;* 2) какъ иллюстраторъ народной жизни и беллетристъ, высказалъ онъ замѣчательно крупное дарованіе и рѣдкую наблюдательную способность; 3) какъ распорядитель Валечкова изданія „Poetické besedy", онъ обнаружилъ и много вкуса, и пониманіе потребностей читающаго общества въ родной словесности. Знаніе народной среды и жизни помогли Нерудѣ придать своимъ произведеніямъ значительную степень долговѣчности, помимо того чисто беллетристическаго интереса, какой они возбуждаютъ и, конечно, долго еще будутъ возбуждать въ читающемъ чешскомъ обществѣ. Намъ остается только пожелать, чтобы приснопамятный чешскій писатель поскорѣе нашелъ себѣ инославянскихъ читателей и переводчиковъ.

Для образца стихотворнаго творчества Я. Неруды приводимъ въ собственномъ посильномъ переводѣ, за неимѣніемъ лучшаго, одно изъ любопытнѣйшихъ его произведеній, именно „Балладу о душѣ Карла Боровскаго", т. е. Гавличка, извѣстнаго поэта и стоятеля за народное дѣло, мученика народной идеи. Къ сожалѣнію, мой слабый подстрочный переводъ не въ состояніи передать всей яркости и своеобразной изобразительности подлинника. Желающіе познакомиться съ этимъ послѣднимъ могутъ найти его, какъ сказано выше, въ моемъ „Очеркѣ исторіи Чешской литературы" (Кіевъ, 1886 г.) Они тогда могутъ лично убѣдиться, въ какой мѣрѣ поэтъ сумѣлъ сохранить въ своемъ произведеніи то замѣчательное простодушіе и непосредственный, такъ сказать, юморъ, которые такъ свойственны его подлинно-народнымъ произведеніямъ.

По долинѣ слезъ, печали,
Двѣ души шли безъ устали.
Третья душа вслѣдъ за ними
Поспѣшаетъ по долинѣ.
Къ дверямъ рая подбѣжали,
Въ нихъ всѣ разомъ постучали.
—Встаньте, Петръ, съ ключемъ пойдите,
Кто стучится, посмотрите!

—Тамъ двѣ добрыхъ души, Боже,
Съ ними грѣшная: негоже!
—Добрыхъ двухъ вы пропустите,
Третію же прогоните!
Укажите путь-дорогу
Прямо къ адскому порогу!—
Только что святые вмѣстѣ
Поспѣшили къ столу сѣсти,

Новая пришла забота:
Бухъ—бухъ въ райскія ворота.

—Встаньте, Петръ, съ ключемъ пойдите,
Кто стучитъ тамъ, посмотрите!—

—Снова грѣшная душа здѣсь,
Взбудоражила намъ рай весь:

Цѣлымъ тѣломъ напираетъ
И въ ворота ударяетъ.

—Отъ воротъ ее гоните,
Въ бездну поскорѣй свалите;

Въ ходъ свои пустите руки,
Пусть узнаетъ ада муки!—
—Нѣтъ не такъ, о сынъ мой милый;
Грѣшницѣ прости ты вины!
—Мама, ты бъ ее спросила,
Добраго что учинила?
Сколько праздниковъ святила,
Сколько пятницъ постомъ чтила?
И молитвы ль не лѣнилась
Къ небу возсылать, постилась?

—Праздниковъ я не святила,
Пятницъ тоже я не чтила

И лишь къ небу я съ одною
Обращалася мольбою.

—Ну, такъ стань ты на колѣни,
Объяви свои моленья.

„Янъ святый изъ Непомука,
Дай намъ, чехамъ, свою руку;

Пусть языкъ нашъ, какъ твой въ гробѣ,
Не сгніетъ на горе злобѣ!“

Тутъ Христосъ ее привѣтилъ
И ей ласково отвѣтилъ:

Хоть чудно твое моленье,
Ты добилась искупленья.

Ты вдову вонъ ту провѣдай,
Какъ попала въ рай, развѣдай!

—Милостыню сотворила—
Нищему грошъ подарила

И чрезъ этотъ вотъ даръ малый
Я и на небо попала.

ОТДѢЛЪ II.

СООБЩЕНІЯ и ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Къ вопросу о Болоховѣ.

Вопросъ о Болоховѣ и Болоховцахъ въ послѣднія двадцать лѣтъ не разъ подвергался обсужденію и изслѣдованію среди нашихъ и иноземныхъ ученыхъ и имѣетъ уже значительную литературу. Такой интересъ объясняется оригинальными особенностями эпизода о Болоховцахъ, которыя на первый взглядъ совершенно выдѣляютъ его изъ обычнаго древнерусскаго политико-общественнаго уклада и дѣлаютъ этотъ эпизодъ чѣмъ-то загадочнымъ. Сопоставленная съ другими извѣстіями лѣтописи о столкновеніяхъ и борьбѣ южнорусскихъ общинъ съ княжеско-дружиннымъ строемъ въ половинѣ XIII в., борьба Болоховцевъ за абсолютную автономію если теряетъ свою загадочность, то пріобрѣтаетъ еще болѣе интереса, являясь лишь частью обширнаго, какъ можно заключить, современнаго народнаго движенія, а это послѣднее, въ свою очередь, представляетъ проявленіе того стремленія народной массы къ реформѣ общественнаго строя сообразно своимъ представленіямъ о справедливости, которое, прорываясь въ своей борьбѣ съ противными теченіями чрезъ большіе или меньшіе промежутки времени, составляетъ собственно основное направленіе, жизненный нервъ южнорусской исторіи.

При такомъ значеніи Болоховскаго эпизода, всякая, хотя бы даже незначительная, внѣшняя подробность о немъ, по моему убѣжденію, не должна остаться безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что здѣсь, несмотря на тщательныя изслѣдованія, еще много остается неяснаго, и, на примѣръ, вопросъ, имѣющій отношеніе къ Болоховцамъ, снова фигурируетъ въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ предстоящему (IX-му) археологическому съѣзду въ Вильнѣ, какъ фигурировалъ двадцать лѣтъ назадъ въ

программѣ Кіевскаго археологическаго съѣзда. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши объ этомъ общественномъ движеніи XIII в. вообще и о Болоховѣ въ частности весьма скудны. Отрывочныя, случайныя упоминанія лѣтописи не только не даютъ возможности представить сколько-нибудь полную, обстоятельную картину политической и общественной жизни Болохова, но и фиксировать географически его можно лишь съ трудомъ, такъ что нѣкогда изслѣдователи въ пріуроченіи Болоховскихъ городовъ колебались между берегами южнаго и западнаго Буга, да и доселѣ опредѣленіе Болоховской территоріи, какъ мнѣ кажется, не можетъ считаться еще вполнѣ прочно установленнымъ, вполнѣ рѣшеннымъ. Весьма обстоятельно обоснованное опредѣленіе Болоховской территоріи, принадлежащее проф. Н. П. Дашкевичу [1]), опредѣленіе болѣе чѣмъ вѣроятное и принятое многими, остается, какъ кажется, до сихъ поръ въ положеніи весьма правдоподобной гипотезы, между прочимъ и потому, что свои выводы почтенный ученый первоначально долженъ былъ дѣлать почти исключительно на основаніи лѣтописныхъ данныхъ, какъ сказано было, не особенно богатыхъ, хотя выводы эти, какъ увидимъ ниже, нашли себѣ затѣмъ рядъ новыхъ подтвержденій.

Въ настоящей своей замѣткѣ я хочу обратить вниманіе на документальное извѣстіе, которое, какъ мнѣ кажется, можетъ пригодиться, въ числѣ другихъ данныхъ, при опредѣленіи Болоховской территоріи.

Въ Литовской метрикѣ Московскаго Архива Министерства Юстиціи я встрѣтилъ документъ, до сихъ поръ, какъ кажется, не опубликованный; я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ указаній на него. Это—„листъ" королевы Боны, въ вѣдѣніи которой находилось, между прочимъ, Кременецкое староство въ первой половинѣ XVI в. (съ 1536 г.), къ кременецкому старостѣ Петру Семашку, данный въ Варшавѣ въ 1553 г. Рѣчь въ немъ идетъ о селахъ, которыя войтъ Лепесовки Янъ Хотимовичъ за позволеніемъ Сигизмунда Стараго осаживалъ въ Кременецкомъ повѣтѣ *за Горинею на Болоховѣ*. Нѣсколько такихъ селъ онъ успѣлъ осадить и продолжалъ осаживать, надѣясь пользоваться въ этихъ селахъ правами войта; но староста изъялъ упомянутыя села

---

[1]) „Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи"—въ „Трудахъ III-го археол. съѣзда", т. II-й и отдѣльно; „Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ"—Унивep. Извѣстія (Кіевскія), 1884, кн. VI, и отдѣльно.

„з моцы и справы его войтовъское“ и передалъ своему служебнику Семену. Королева приказываетъ возвратить Хотимовичу „тые вси села на Болоховѣ, которые через него тамъ осажены суть“, и не нарушать его войтовскихъ правъ.

Изъ документа этого видно прежде всего, что имя Болохова въ половинѣ XVI в. носило обширное пространство, запустѣвшее къ тому времени цѣликомъ или отчасти, такъ что на немъ можно было тогда осадить не мало селъ.

Что до мѣстонахожденія этого Болохова, то его можно опредѣлить съ извѣстною приблизительностію на основаніи данныхъ самого документа. Прежде всего, принимая во вниманіе, что „листъ“ писанъ въ Варшавѣ и адресованъ въ Кременецъ, мы должны полагать это „за Горинею“ на правомъ берегу ея. Полоса Кременецкаго староства за Горынью, по обводу границъ в. кн. Литовскаго 1546 г., на юго-западѣ проходила нѣсколько южнѣе теперешней границы Кременецкаго уѣзда съ Подольской губерніею, захватывая Черниховъ, Збаражъ и Волочискъ, затѣмъ переходила на верховье р. Бужка, который служилъ границею почти до устья; оттуда граница направлялась параллельно р. Богу, почти по теперешней границѣ Волынской губерніи, до „Чорного шляху“, пролегавшаго по водораздѣлу днѣпровского и бужскаго бассейновъ, „и тою Черною дорогою на могилу Гончариху“, которая, какъ видно, должна быть пріурочена къ мѣстности у верховья Тетерева, нѣсколько западнѣе отъ него, примѣрно на водораздѣлѣ р. Коранки и Сниводи [1]). Эта же Гончариха служила пограничнымъ пунктомъ Волыни съ Кіевскимъ воеводствомъ. По нѣсколько болѣе позднему описанію границъ Кіевскаго воеводства—1566 г.—Кременецкая граница на востокѣ шла „отъ Гончарихи въ Случь“, и затѣмъ внизъ теченіемъ р. Случи [2]). На сѣверъ эта Загорыньская полоса Кременецкаго повѣта простиралась, по переписямъ второй половины XVI в., до Заслава (включительно) [3]).

---

[1]) Обводъ границъ 1546 г.—въ Виленскомъ „Археографическомъ сборникѣ“, т. I (с. 111—121), а также въ Limites regni Poloniae et m. d. Lituaniae Догеля (1758). Какъ видно изъ позднѣйшаго обвода границъ Кіевскаго воеводства (1754 г.), Гончарихою называлась не только могила, но и окружная мѣстность (какъ Перепетовы могилы дали имя Перепетову полю)—см. книгу № 4638 Кіевскаго центральнаго архива, л. 323. Документъ этотъ былъ сообщенъ мнѣ проф. В. Б. Антоновичемъ, которому приношу искреннюю благодарность.

[2]) Архивъ Ю.-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, с. 365.

[3]) Zródła dziejowe, t. XIX, p. 28, 134, 148.

Такова та полоса „за Горинею“, гдѣ мы должны помѣщать села на Болоховѣ, по смыслу нашего документа. То обстоятельство, что „осаженьемъ“ этихъ селъ занимался Лепесовскій войтъ, даетъ возможность ближе опредѣлить ихъ мѣстоположеніе, такъ какъ естественно думать, что новоосаженныя села находились въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ Лепесовскаго войтовства. Лепесовка не разъ упоминается въ люстраціяхъ половины XVI в.; изъ нихъ видно, что она находилась въ сосѣдствѣ Ямполя, Шумбара и Радошовки [1]). Очевидно, это теперешняя Лепешовка, около Ямполя (Волынскаго), на лѣвомъ берегу Горыни. Села, осаженныя на Болоховѣ нашего документа, естественнѣе всего предполагать непосредственно за Горынью, къ югу отъ Ямполя. Отмѣчу, что въ люстраціи 1545 г., въ этой именно мѣстности указаны новоосѣлыя замковыя села Вороневцы, Осники, Бѣлозерка [2]); эти села перечислены и въ люстраціи 1552 г., какъ сидящія на волѣ, и къ нимъ присоединяется еще село Ильковцы (всѣ существуютъ доселѣ подъ своими именами) [3]). Возможно, что эти села или нѣкоторыя изъ нихъ и есть тѣ, осаженныя Лепесовскимъ войтомъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ документѣ, хотя на тождествѣ ихъ я, конечно, не могу настаивать.

Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ данныхъ, мы можемъ пріурочить искомую мѣстность приблизительно къ водораздѣлу верхней Горыни и Случи, въ области р. Жерди, Полквы и др. Повторяю, по смыслу документа Болохово не ограничивалось территоріею этихъ нѣсколькихъ селъ; но въ какомъ направленіи простиралось оно далѣе—на востокъ ли, въ область Хоморы и Икопоти, или въ другія стороны, на это документъ не даетъ никакихъ указаній.

Покончивъ съ самимъ документомъ, естественно спросить, въ правѣ ли мы относить его данныя къ древнему Болохову XII—XIII в.? Извѣстно, что въ послѣдующіе вѣка мы встрѣчаемъ *Болоховцевъ* въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ—въ XVI в. на

---

[1]) Архивъ Ю.-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, с. 126 (grunt kniehini Iliney, сосѣдній съ Лепесовкою,—это Ямполь, см. с. 119—120), ср. с. 31 (здѣсь упоминается въ Лепесовкѣ, вмѣстѣ съ путными слугами, *Янъ войтъ*, очевидно--Хотимовичъ) и Zródła dziejowe, VI, p. 103—104.

[2]) Zródła dziejowe, VI, p. 104.

[3]) Архивъ Ю.-З. Россіи, VII, II, с. 34.

Подольѣ, въ XVII—въ Кіевщинѣ, въ XVIII—въ далекомъ Заднѣпровьѣ [1]), такъ что это дало поводъ къ предположенію, что имя Болоховцевъ въ то время было какъ бы нарицательнымъ [2]). Я не буду входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, замѣчу только, что названія цѣлыхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, пространствъ, какимъ въ данномъ случаѣ является Болохово, обладаютъ бо́льшею устойчивостью, не отличаются такою удобоподвижностью, какъ имена отдѣльныхъ поселковъ. Поэтому, будемъ ли мы связывать позднѣйшихъ Болоховцевъ съ древними, или же нѣтъ, будемъ ли мы считать ихъ потомками древнихъ жителей Болохова [3]), или нарицательнымъ именемъ, это не лишитъ насъ права связывать Болохово XVI в. съ Болоховымъ XII и XIII.

Комбинируя лѣтописныя данныя и сопоставляя ихъ съ современною топографическою номенклатурою, проф. Дашкевичъ даетъ слѣдующее опредѣленіе старой болоховской территоріи: „она была расположена по верховьямъ Бога и по притокамъ обѣихъ его сторонъ до поворота его на югъ, по верхнему теченію Случи до впаденія въ нее Хомора и по верховьямъ Тетерева и его притокамъ не далѣе Гнилопята“, при чемъ Межибожъ и теченіе Хомора находились уже внѣ Болоховской земли“ [4]).

Дѣйствительно, соображая лѣтописныя данныя, приходится признать верхнее Побожье (кромѣ самаго верховья) и верхнюю Случь за наиболѣе вѣроятный районъ Болоховскихъ поселеній; на это же пространство приходятся и тѣ Болоховскіе города, мѣстоположеніе которыхъ можно опредѣлить съ весьма большою вѣроятностію—Деревичъ, Губинъ и Кудинъ, теперь села—Деревичи на р. Деревичкѣ (Новградволынскаго уѣзда), Губино на Случи (на границѣ Новградволынскаго и Староконстантиновскаго у.) и Кудинка на Богѣ (Летичевскаго у.) [5]).

Сравнивая съ этимъ данныя, выведенныя изъ показаній нашего документа, находимъ, что предположенное нами мѣстонахожденіе селъ,

---

[1]) Архивъ Ю.-Зап. Россіи, ч. V, т. I, с. 137; VII, т. I, с. 610 и др.

[2]) „Населеніе Югозападной Россіи до Люблинской уніи“ М. Ф. Владимірскаго-Буданова, с. 59.

[3]) „Болоховская земля“, 128--129; „Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ“, с. 14—15 оттиска.

[4]) „Болоховская земля“, с. 87; ср. с. 79.

[5]) „Болоховская земля“, с. 84; „Новѣйшіе домыслы“, с. 26—27.

осаженныхъ на Болоховѣ XVI в., находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ территоріею древняго Болохова, какъ она была опредѣлена проф. Н. П. Дашкевичемъ, именно—у верховьевъ Случи и Божка, при чемъ самое „Болохово" могло простираться и далѣе на востокъ. Такимъ образомъ, нашъ документъ подвигаетъ районъ Болохова нѣсколько на западъ. Конечно, съ теченіемъ времени Болоховская территорія могла сокращаться и расширяться, и въ древности граница ея могла проходить восточнѣе, по верховьямъ Случи и Бога. Во всякомъ случаѣ, опредѣленіе Болоховской территоріи проф. Дашкевича находитъ себѣ подтвержденіе въ нашемъ документѣ. Это обстоятельство имѣетъ немалое значеніе: первоначально опредѣленіе это, какъ было указано, дано было почти исключительно на основаніи лишь сопоставленія лѣтописныхъ данныхъ съ современными топографическими названіями; позже присоединились къ этому археологическія данныя, въ видѣ древнихъ городищъ около Болоховскихъ городовъ Деревича, Губина и Кудина [1]. Затѣмъ являются новыя подтвержденія въ видѣ документальныхъ свидѣтельствъ: такова грамота Ягайла 1395 г., подтверждающая существованіе Божска въ области Бога [2]; таковъ настоящій „листъ" королевы Боны. Все это, по моему мнѣнію, сильно говоритъ въ пользу упомянутаго опредѣленія болоховской территоріи.

Свидѣтельствомъ нашего документа подтверждается также высказанное раньше проф. Дашкевичемъ мнѣніе, что Болохово XII и XIII в.в. обозначаетъ не отдѣльное поселеніе, а цѣлую территорію, цѣлую землю [3].

Въ дополненіе къ сказанному присоединю кстати еще одну маленькую подробность о Болоховскомъ городѣ Кудинѣ, встрѣченную мною въ той же Литовской метрикѣ, только въ коронномъ ея отдѣлѣ: въ книгѣ ревизіи документовъ воеводствъ Подольскаго и Бельзскаго приведена грамота Станислава Лянскоронскаго, старосты Подольскаго, нѣкоему Ивану Величку Волынцу, 1510 г., на „locum desertum Kudzincze, qui multis ab annis desertus est, circum fluvium dictum

---

[1]) „Новѣйшіе домыслы," с. 26; ср. „Болоховская з.", с. 84.

[2]) Грамота эта издана въ Codex epistolaris Witoldi (p. 39) и въ Archivum ks. Sanguszków t. I (p. 19); ср. „Новѣйшіе домыслы", с. 29.

[3]) „Новѣйшіе домыслы", с. 20.

Boh" [1]). Такимъ образомъ, поселеніе этого имени существовало здѣсь еще въ XV в.—новое данное въ пользу тождества его съ древнимъ Кудинымъ.

М. Грушевскій.

---

[1]) Переписи, В. кн. № 17, f. 55. Этотъ документъ я встрѣтилъ затѣмъ и въ коронной метрикѣ Варшавскаго Главнаго Архива кн. № 28 f. 91.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Лист, писаный до старосты кремянецкого пана Петра Семашька войту лепесовскому Яну Хотимовскому на войтовъство в селах тых, которие он осадил на Болохове, за Горинею, до воли господаръское.

Бона, Божою милостью, королева полска, навышша княгиня литовска, руска, пруска, жомоитска, мазовецъка и иных.

Старосте нашому кремянецъкому пану Петру Михайловичу Семашку, а в небытности его самого в томъ замъку нашомъ Кремянецъкомъ—ино тому, хто на тотъ часъ отъ него тотъ замокъ нашъ заведати будеть. Жаловалъ намъ тыхъ часовъ войтъ нашъ тамошний лепесовъский Янъ Хотимовъский о томъ, штожъ дей онъ, за роскazанемъ короля его милости и святое памети пана а малжонъка нашого, тамъ в повете нашомъ Кремянецъкомъ, за Горинею, на Болохове, осадилъ некоторые певъные села и теперъ дей еще осаживаеть, за которые дей працы свои, которыи поднялъ, тые села осаживаючи, в тых же тамъ селахъ, чрез него осажоныхъ, войтомъ быти сподевалъ, якожъ дей оные села в заведанью своемъ за перъвыхъ старостъ нашихъ тамошнихъ кремянецъкихъ и за тебе ажъ и до сихъ часовъ мелъ. То пак дей ты, нетъ ведома, для которое причины, на него ся звазнивъши, з моцы и справы его войтовское тые села вынялъ и тую владность его, которую онъ над тыми селы мелъ, отъ него отънявши, служебънику еси своему Семену поручилъ, в чомъ себе онъ отъ тебе шкоду и кривду великую быти менуеть; и билъ намъ чоломъ, ижъ быхмо ему в томъ до тебе листъ нашъ дати казали. Што естли бы такъ было, тогды быхмо того не ради слышали, иж бы еси то без воли нашое чинити мелъ, и приказуемъ

тобе, хотячи то мети, ижъ бы еси ему тые вси села на Болохове, которые через него тамъ осажены суть, опять в справу его подалъ и ему над ними тое владности войтовское, которую онъ за иншихъ старостъ нашихъ тамошнихъ и за тебе самого ажъ до сихъ часовъ мелъ, и теперъ мети не заборонялъ, а тому служебнику своему Семену в томъ ему никоторое переказы чинити не казалъ и не допущалъ, до воли и ласки нашое господаръскои.

Писан в Варшаве, лета Божого нароженя 1553, мѣсяца мая 11 день.

Янъ Маковецъкий, писаръ.

Метрика литовская, записи А, кн. № 33, л. 134 об.

Крестьянское землевладѣніе въ Западной Россіи до пол. XVI в.

Въ исторіи западно-русскаго права легко найти моментъ (не весьма удаленный отъ нашего времени), когда имущественныя и личныя права какъ бояръ, такъ и крестьянъ были приблизительно одинаковы: тѣ и другіе пользовались правами потомственнаго владѣнія землею и многими правами распоряженія ею; права владѣнія тѣхъ и другихъ одинаково ограничивались публично-частною властію великаго и удѣльныхъ князей и тѣхъ немногихъ пановъ, которымъ принадлежало jus ducale. Съ пол. XVI в. значительная часть бояръ быстро пошла по пути, ведущему въ польскій шляхетскій рай, какъ говорили старые писатели, а другая часть ихъ и всѣ крестьяне такъ же быстро начали опускаться въ чистилище крѣпостнаго состоянія. Уловить пунктъ, съ котораго начинается подъемъ бояръ къ шляхетству, было задачею прежняго нашего очерка: „Помѣстья Литовско-русскаго государства“ (Кіевъ, 1889 г.). Опредѣлить моментъ, съ котораго начинается спускъ подобныхъ же гражданъ (крестьянъ) въ безправное крѣпостное состояніе, есть задача настоящаго этюда. Именно здѣсь мы намѣрены показать, что до пол. XVI в. сельское населеніе пользовалось всѣми тѣми правами землевладѣнія, какія были тогда доступны и всѣмъ другимъ свободнымъ классамъ, т. е. подъ условіемъ исполненія повинностей. Въ виду этого мы должны уяснить: 1) *повинностный характеръ* тогдашняго *землевладѣнія*, чтобы показать, что крестьянское землевладѣніе не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія; 2) обозначить *права крестьянъ на пріобрѣтеніе земельныхъ имуществъ и распоряженіе ими*[1]. Такимъ образомъ, наша

[1]) Третій вопросъ — *о формахъ крестьянскаго землевладѣнія* былъ предметомъ особой нашей статьи, недавно изданной въ „Кіевскомъ сборникѣ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая“ (Кіевъ, 1892 г.), гдѣ, впрочемъ, сюжетъ остался незаконченнымъ, по особымъ условіямъ этого изданія.

задача точно ограничивается сферою частно-правною; мы совершенно отстраняемъ отъ себя вопросы о государственномъ значеніи крестьянъ, какъ сословія, и тамъ, гдѣ поневолѣ соприкасаемся съ этими вопросами, говоримъ о нихъ мимоходомъ, какъ о предметѣ стороннемъ.— Тѣмъ не менѣе связь имущественныхъ правъ со всѣми прочими (личными и государственными) такова, что однимъ изъ главнѣйшихъ выводовъ нашего изслѣдованія будетъ тотъ, что крѣпостное состояніе есть результатъ мѣръ, направленныхъ къ признанію права собственности на крестьянскую землю за государствомъ, панами и боярами.

I.

Повинностный характеръ землевладѣнія и его виды.

Наименованіе „крестьянинъ“ не свойственно литовско-русскому правовому и бытовому языку и совершенно неизвѣстно въ Западной Россіи. То, что мы называемъ этимъ терминомъ, составляло рядъ разнообразныхъ классовъ, отличныхъ другъ отъ друга по положенію. Въ актахъ половины XVI вѣка попадаются термины: „мужики“, „мужичья земля“, „мужичьи повинности“; но и подъ этими наименованіями не дается однороднаго и твердаго понятія. Болѣе точности имѣетъ юридическій терминъ западно-русскаго языка: „подданные“; но и онъ заключалъ въ себѣ въ XV и нач. XVI в. весьма сложные элементы.

Для опредѣленія того, что мы будемъ разумѣть подъ именемъ крестьянъ и крестьянскаго землевладѣнія, необходимо отвлечься отъ позднѣйшей общеизвѣстной картины сословнаго строя государства и возстановить его старинный общій видъ. Все государство въ XV и началѣ XVI вѣка состоитъ изъ повѣтовъ (земель, княжествъ и волостей) съ центральнымъ замкомъ въ каждомъ изъ нихъ. Замки и окружающія ихъ волости находятся во владѣніи великаго князя и весьма немногихъ высшихъ фамилій панскихъ, которыя замѣнили собою удѣльныхъ князей и пользовались въ своихъ волостяхъ княжескимъ правомъ. Все населеніе земель (повѣтовъ) находится въ служебномъ, зависимомъ отношеніи къ в. князю (или панамъ); различіе его классовъ опредѣляется родомъ повинностей, которыя та или другая группа отправляетъ въ пользу замка и церковныхъ учрежденій. Замки ну-

ждаются во множествѣ разныхъ услугъ (военныхъ и экономическихъ), а потому вся территорія замка подѣлена на небольшіе (сравнительно) участки земли, находящіеся во владѣніи отдѣльныхъ лицъ, отбывающихъ за то опредѣленныя повинности государству или пану. Право государства на земли, а равно и панское право не есть ни чисто государственное, ни частное. Въ замкѣ или простомъ дворѣ великаго или удѣльнаго князя или пана ведется частное хозяйство, и для того при немъ всегда есть большее или меньшее число невольной челяди, или парубковъ; часть ихъ работаетъ во дворѣ; другая помѣщена на земельныхъ участкахъ. Но хозяйство ведется шире собственныхъ средствъ замковъ и дворовъ; поэтому окрестное свободное населеніе обязывается доставленіемъ во дворъ готовыхъ продуктовъ и нѣсколькими днями личныхъ работъ. Замокъ требуетъ также услугъ государственныхъ: его нужно исправлять, сторожить и защищать; поэтому другая часть повинностей распредѣляется между тѣми же, или другими спеціальными классами окрестныхъ обывателей.

Разсматривая детали этой общей картины, находимъ, что обыватели, кромѣ города, живутъ по селамъ. Каждое село состоитъ изъ нѣсколькихъ дворищъ (иногда изъ одного), или службъ, или жребіевъ. На каждое изъ дворищъ назначены опредѣленныя повинности: большая часть дворищъ суть тяглыя, обремененныя такъ называемыми мужичьими повинностями (дяклами, толоками, подводою, сторожовщиной и пр.); нѣкоторыя дворища, освободившись отъ работъ, обложены чиншемъ (денежнымъ взносомъ). Въ нѣкоторыхъ сидятъ замковые ремесленники (бондари, колесники, мурали, дойлиды и пр.); они обязаны доставлять въ замокъ опредѣленное количество предметовъ своего ремесла. Иные, вмѣсто повинностей, должны помогать княжеской охотѣ (таковы: бобровники, сокольники, осочники). Другіе нужны замку для посылокъ (развозить письма, объявленія и пр.); это—путные бояре. Наконецъ, нужна часть обывателей для военной службы постоянной; это—бояре и земяне (зародышъ будущаго шляхетства). Имъ обыкновенно дается сверхъ одного участка (дворища), гдѣ живетъ самъ бояринъ, еще одинъ или нѣсколько населенныхъ и ненаселенныхъ.

Всѣ владѣльцы: тяглые, чиншевики, слуги (ремесленные и военные), бояре (конные и путные) владѣютъ землею какъ своею, на правахъ условной собственности, т. е. подъ условіемъ повинностей

и платежей. Эта идея „условной“, или „ограниченной“, собственности, столь чуждая современному намъ понятію о собственности (какъ правѣ полномъ и независимомъ), есть явленіе общее всѣмъ европейскимъ народамъ въ т. н. средніе вѣка. Изъ исторіи правъ поземельной собственности ее нельзя устранить или замѣнить другими понятіями, обозначающими иныя вещныя права (jura in re aliena).

Въ существѣ повинностей характеръ всѣхъ исчисленныхъ классовъ одинаковъ: и боярское и крестьянское землевладѣніе равно несвободны (ниже мы укажемъ основанія даже большей свободы для крестьянскаго, чѣмъ для боярскаго землевладѣнія); но впослѣдствіи изъ одного выработалось крѣпостное состояніе, а изъ другаго—шляхетское полноправіе; поэтому намъ необходимо ближе ознакомиться съ тѣми видами землевладѣнія, какіе мы находимъ въ началѣ XVI в.; всѣ они цѣликомъ или частію входятъ въ общій типъ крестьянскаго землевладѣнія.

Кромѣ основныхъ свободныхъ типовъ землевладѣнія (великокняжескаго, панскаго и церковнаго, которыхъ теперь касаться мы не имѣемъ нужды), всѣ остальные виды правъ на землю носятъ повинностный (прекарный) характеръ и отличаются одинъ отъ другаго только родами повинностей; таковы именно: 1) *чиншевое землевладѣніе*, т. е. владѣніе подъ условіемъ однихъ платежей (денежныхъ или натуральныхъ); 2) *тяглое землевладѣніе*, т. е. владѣніе подъ условіемъ отправленія хозяйственныхъ повинностей и платежей; 3) *свободно-служебное* владѣніе, т. е. подъ условіемъ отправленія спеціальныхъ хозяйственныхъ или государственныхъ услугъ; 4) *боярское владѣніе*, т. е. подъ условіемъ отправленія госуд. повинностей (близко соприкасающееся однакожъ съ предыдущими); наконецъ 5) *невольно-служебное владѣніе*, или владѣніе на невольной службѣ (при чемъ владѣніе принадлежало полусвободнымъ и даже несвободнымъ людямъ—челяди).

Начнемъ съ такого изъ названныхъ видовъ землевладѣнія, который былъ доступенъ всѣмъ классамъ тогдашняго общества, въ томъ числѣ и крестьянамъ.

Чиншевое землевладѣніе.

Владѣніе на чиншу или „урочное“, которое можно бы перевести старымъ московскимъ терминомъ „оброчное владѣніе“, не есть право аренднаго пользованія: взявшій землю на чиншу, не былъ ограни-

ченъ срокомъ владѣнія, передавалъ его по наслѣдству и могъ отчуждать свой участокъ (съ обычными тогдашними условіями дозволенія и утвержденія). Владѣніе на чиншу установляется *вѣчное*; напр., въ привилегіи Хребтовича м. Липску 1594 г. говорится, что жители, устроивъ себѣ млины, могутъ владѣть ими вѣчно. Размѣръ чинша установляется повсюду навсегда неизмѣнный; такъ въ той же привилегіи установленъ чиншъ отъ морга пахатной земли—6 гр., сѣнокосной—4 и прибавляется: „а сверхъ этого ни при нашей жизни, ни послѣ нашимъ потомкамъ не будутъ обязаны отправлять никакой повинности“; дается грамота съ этими условіями на вѣчныя времена [1]). Послѣдующее возвышеніе платежей со стороны владѣльца давало поселянамъ право иска, который разрѣшается согласно съ грамотою, установившею чиншевое владѣніе; такъ напр. рѣшенъ искъ между жителями м. Филиппова и державцею Гваниномъ на судѣ королевскихъ ревизоровъ, которые постановили, что жители обязаны платить согласно съ уставомъ короля и „ничего больше“.

Терминъ „чиншъ“ и чистый типъ чиншеваго владѣнія есть явленіе сравнительно позднее; оно начало распространяться въ Литовско-русскомъ государствѣ по мѣрѣ проникновенія въ него правъ нѣмецкаго и польскаго, особенно же утвердилось во 2-й пол. XVI в., со времени введенія волочной системы. Но сущность этого вида землевладѣнія, т. е. владѣнія на условіяхъ платежа деньгами или натуральными продуктами, весьма древня.

Чистое чиншевое владѣніе не составляетъ характерной черты крестьянскаго землевладѣнія; оно могло принадлежать и лицамъ всѣхъ прочихъ состояній. На чиншу владѣли землею:

а) Бояре; кромѣ участковъ, владѣемыхъ на боярской службѣ, имъ доступно было только чиншевое владѣніе, такъ какъ тяглая служба считалась знакомъ „мужичества“. Такъ въ с. Высокомъ Пинск. княжества сидѣли на чиншу все или бояре, или путные слуги, занимая участки, равные крестьянскимъ (по 1 волокѣ); между ними бояре Богданъ и Васко Андреевичи Высоцкіе приняли (при волочномъ измѣреніи) въ 1555 двѣ волоки, по приказанію и дозволенію старосты пинскаго Станислава Хвальчевскаго [2]).

---

[1]) Ак. Вил. Ком., I, стр. 164.

[2]) Писц. кн. Пин. княж. Хвальч., стр. 74.

б) Путные слуги получаютъ добавочные участки къ своимъ землямъ, обязаннымъ путною службою, также на чиншу; напр., въ томъ же селѣ Гринецъ и Павелъ Маневичи приняли къ путной конной службѣ на чиншу—1 волоку.

в) Лица и учрежденія духовныя могутъ получать крестьянскіе участки только на чиншу; такъ, въ томъ же селѣ Высовомъ Юліана Почаповская, игуменья монастыря св. Пятницы, получила волоку на чиншу [1]). Въ этомъ случаѣ чиншъ назначался въ болѣе высокихъ цифрахъ, потому что крестьяне-чиншевики всетаки большею частію несли добавочныя личныя повинности, а именно: толоки, подводы, зàмковыя сторожи и др.

г) Евреи если брали (чтó, впрочемъ, составляетъ рѣдчайшее исключеніе) крестьянскіе участки, то на чиншу, конечно по неспособности ихъ къ личному сельскому труду; такъ, въ с. Кущичахъ „Израиль Песаковичъ, жидъ пинскій, принялъ 2 волоки; Нохимъ Песаковичъ принялъ на чиншу двѣ волоки“ [2]). Мѣщане христіане владѣютъ крестьянскими участками также на чиншу: въ с. Купечичахъ Михно Некрашевичъ, мѣщанинъ пинскій, принялъ на чиншу двѣ волоки [3]).

д) Обыкновенные „подданные“, т. е. крестьяне, иногда владѣли землями только на чиншу по особымъ условіямъ мѣстности, именно—по невозможности для нихъ являться въ зàмокъ или во дворъ на работы вслѣдствіе отдаленности и совершеннаго отсутствія путей; такъ въ с. Грожищѣ, Пинск. княжества, „подданные посажены на чиншу, а не на тяглой службѣ, ради рѣкъ и великихъ болотъ, чрезъ которыя они никогда не могутъ прибыть на дворовыя пашни со своими орудіями и волами; но должны пѣшіе исполнять 6 толокъ въ году съ чѣмъ прикажутъ; зимою же обязаны волочить неводъ въ своемъ озерѣ до тѣхъ поръ, пока неводничій отъ нихъ не уѣдетъ“ [4]).—Село Сосно (Szoszno) того же княжества посажено на чиншу, „по причинѣ отдаленности отъ дворцовъ за рѣками и болотами“ [5]). Прежде (до

---

[1]) Писц. кн. Пинск. княж., 74.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid., 72.

[4]) Ibid., 77.

[5]) Ibid., 80.

подѣленія на волоки) крестьяне этого села служили конюшенную службу въ Пинскомъ замкѣ [1]). Въ такомъ же положеніи с. Селище, Гулевичи и др. [2]).

е) Всѣ остальные крестьяне, кромѣ тяглаго участка, могли владѣть на чиншу другимъ участкомъ.

ж) Всѣ крестьяне (въ томъ числѣ тяглые) владѣютъ селитбенными мѣстами на чиншу [3]).

з) Послѣ введенія волочной системы, земли въ застѣнкахъ всѣ поступаютъ на чиншъ [4]), между прочимъ, крестьянамъ.

Собственно-характеричнымъ крестьянскимъ становится чиншевое владѣніе въ своихъ смѣшанныхъ типахъ, переходныхъ къ тяглому.

Древнѣйшій и важнѣйшій видъ чиншевиковъ составляли *данники;* это тѣ же тяглецы, которые въ замѣнъ разныхъ тяглыхъ работъ и дякла платили дань, именно дань медовую и продуктами охоты („медомъ и скорою“, какъ говорилось въ древнѣйшія времена). Причина образованія этого класса владѣльцевъ заключалась въ томъ, что въ огромныхъ лѣсныхъ пространствахъ Литовскаго государства земледѣліе было почти невозможно; населеніе промышляло пчеловодствомъ и охотою. Въ такихъ мѣстахъ хозяйственные дворы великаго князя и пановъ были рѣдки, а потому государство и паны мало нуждались въ хозяйственныхъ услугахъ населенія. Иногда въ одномъ и томъ же поселеніи часть селъ сидѣла на тяглой службѣ, другая состояла изъ данниковъ [5]). Впрочемъ, въ XVI в. данники уже въ значительной степени смѣшиваются съ тяглецами; они, кромѣ дани медовой и грошовой, обязываются издѣльными работами въ пользу за́мка или двора; напр., въ с. Гнѣздиловичахъ (въ Жмуд. землѣ) все населеніе состоитъ изъ данниковъ, которые „дани даютъ меду 16½ пудовъ (съ цѣлой общины) и денежной дани 1½ копы грошей, жита ½ бочки, 2 бѣлки натурою („шерстью“); но сверхъ того Гнѣздиловцы обязаны косить сѣно въ количествѣ 7 чел. (изъ цѣлой общины, въ которой считалось 47 дымовъ), уплачивая при этомъ закоснаго по грошу отъ

---

1) Писц. кн. Пинск. княж., 80.
2) Ibid., 85, 129.
3) Ibid., 76.
4) Ibid., 45—46.
5) См. инвент. имѣнія Титовянъ въ Ак. Вил. Ком., XIV, стр. 8—11.

косы; весною и осенью должны являться по 2 челов. на дворовую работу съ топорами, уплачивая при этомъ отъ топора по 2 гроша служебнику панскому [1]).

Тяглое владѣніе.

Центральный элементъ крестьянства составляютъ люди сельскаго и городскаго состоянія, обязанные тяглыми повинностями и владѣющіе участками земли подъ условіемъ тяглой службы. Мы увидимъ ниже, что земля составляетъ ихъ наслѣдственную, или потомственную собственность (въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова). Сами они, разумѣется, лично свободны и полноправны. Отнюдь не слѣдуетъ представлять себѣ, что это пользователи чужихъ земель, уплачивающіе за землю личною работою. Повинности и работы, исполняемыя ими, суть послѣдствія, а не источникъ ихъ правъ на землю. Всякій владѣющій землею обязанъ въ отношеніи къ государству или тому, кому оно уступитъ свое право (панамъ и церквамъ), извѣстными повинностями, составъ которыхъ указываетъ на полное смѣшеніе элементовъ государственныхъ и частныхъ.

Какъ ни обширенъ былъ районъ чиншеваго владѣнія, между прочимъ и среди крестьянскаго населенія, но онъ далеко уступалъ размѣрамъ примѣненія тяглаго владѣнія, которое и составляетъ характерную особенность крестьянства, или подданничества. „Люди тяглые“, или люди дякольные, составляютъ центральное зерно этого класса; ихъ судьбою опредѣляется вся исторія крестьянскаго вопроса въ Литовско-русскомъ государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тяглецы составляютъ центральный классъ всего населенія государства; въ нихъ заключалась вся финансовая и даже личная сила государства, пока центръ тяжести не перенесся на шляхетство.

Какъ тяглецы составляли главный земледѣльческій классъ, такъ тяглое владѣніе было основнымъ типомъ крестьянскаго землевладѣнія; прочіе виды были исключеніями. То были коренные владѣльцы земли, „отчичи“. Повинности, лежавшія на тяглыхъ людяхъ, отнюдь не означали, что эти люди и ихъ имущества составляютъ частную собственность казны или пановъ владѣльцевъ, подобно тому, какъ

---

[1]) Ibid., стр. 10–11.

земянскія имущества (отчины), будучи обложены конною военною службою, не были, въ силу того, частными имуществами великаго князя.

Крестьянскія повинности были точно опредѣлены обычаемъ и отдѣльными постановленіями. Конечно, при огромномъ протяженіи государства и географическомъ разнообразіи его частей, составъ повинностей не могъ быть вездѣ одинаковъ [1]). Но онъ былъ очень устойчивъ въ каждой отдѣльной странѣ. Такъ, тягло не измѣнялось тогда, когда великіе и удѣльные князья жаловали тяглыхъ людей церквамъ или свѣтскимъ владѣльцамъ. Для конца XV в. и для Припетскаго Полѣсья можемъ привести слѣд. показаніе: въ 1492 г. пинская княгиня Марья Сем. завѣщаетъ на церковь Лѣщанскую одно дворище (въ с. Волбичахъ) Филиппа Гордовича и братанича его Ивана съ ихъ землями пашными и со всѣми входами, какъ они издавна владѣли, живучи на томъ дворищѣ. А съ этихъ людей, прибавляетъ княгиня, идетъ: три ведра меду, возъ (повозу) 40 грош. 2 лагвицы, побору—20 гр., баранъ, лисица, стогъ сѣна, утокъ 5, яицъ 15. Если эти люди будутъ пахать, то должны будутъ давать съ сохи по колодѣ овса (колода по 5 полумѣрокъ). „*А службу* должны служить на ту церковь Божію такъ, какъ на насъ служивали" [2]). Служба на зáмокъ состояла въ доставленіи подводъ, въ работахъ по ремонту зáмка, хожденіи въ ловы [3]), хожденіи въ заставу (сторожу) къ зáмку или двору, косьбѣ сѣна. Повинности эти назывались тяглыми—*мужицкими* [4]).

Составъ тягла не измѣнялся при измѣненіи личнаго состава крестьянскихъ дворищъ.—Останется ли вдова съ маленькими дѣтьми, занимаетъ ли новый крестьянинъ пустое дворище,—тягло остается тоже. Повинности крестьянина опредѣлялись не личными условіями каждаго изъ нихъ съ владѣльцемъ, а общими нормами обычнаго права. Тягло мало измѣняется только отъ различія численнаго состава дворищъ, т. е. количества дымовъ, составляющихъ дворище. Это можно видѣть

---

[1]) Повсемѣстное изображеніе повинностей отнюдь не входитъ въ задачи этого этюда. См. для Украйны наше изслѣдованіе: „Населеніе Юго-Запад. Россіи отъ пол. XV в. до Люблин. уніи", Кіевъ, 1891, стр. 153—158.

[2]) Ревизія Пущъ, стр. 130.

[3]) Ibid., стр. 330.

[4]) Ibid., 338; земля тяглая называется „мужицкою" (ibid., стр. 346).

изъ соотношенія „писчаго“ съ прочими поборами (писчее всегда взималось съ дымовъ, именно по 2 гроша отъ дыма).

Чтобы показать устойчивость тягла разныхъ дворищъ одного села, приведемъ примѣръ села Сваричевичей (Пинск. повѣта) [1]. Въ немъ были слѣд. дворища и на нихъ положены такія повинности и платежи:

Полюдье.	Посошное.	Лагвица [2].	Сѣно.	Писчее [3].	Овесъ.	Приборъ.	Повозъ.	Пригонъ.
		Д в о	*р и щ е*	*О с т*	*а н о в*	*и ч и.*		
7 гр. 4 п.	20 гр.	2 (=42 гр).	33 гр.	16 гр.	24 гр.	2 копы.	—	—
		Дв. Н а	*г о р н*	*о е.*				
7 гр. 4 п.	20 гр.	2 (=42 гр.)	33 гр.	6 гр.	24 гр.	—	1 к.30 гр.	—
		Дв. К у	*х а р е*	*в и ч и.*				
7 гр. 4 п.	—	2 (=42 гр.)	33 г.	4 гр.	24 гр.	—	—	20 гр.
		Дв. Б ѣ	*л е н е*	*в и ч и.*				
7 гр. 4 п.	10 гр.	21 гр.	33 гр.	2 гр.	12 гр.	—	1 к.30 гр.	—
		Дв. Вит	*к о в и*	*ч и.*				
7 гр. 4 п.	10 гр.	21 гр.	33 гр.	2 гр.	12 гр.	—	1 к.30 гр.	—
		Дв. Иса	*ковичи*	раздѣле	но на двѣ	половины	—оброч	ную и
	тяглую;	съ тяглой:						
3 гр. 7 п.	—	10½ (½ лагв.)	16 гр. (½ воза.)	4 гр.	—	—	45 гр.	10 гр.

Чтобы показать устойчивость тягла (и условія его видоизмѣненій) въ разныхъ селахъ, приведемъ слѣдующія данныя, относящіяся къ тому же Пинскому княжеству.

---

[1]) Писц. кн. Пинскаго стар. Л. Войны, ч. II, стр. 380 и слѣд.

[2]) Лагвица—lagena, сосудъ и мѣра (мѣхъ для вина); см. „*Slownik*“ Линде. Lagena, мѣра жидкостей и сыпучихъ тѣлъ, особенно у Англичанъ, по „*Lexic. manuele*“ par l'abbé Migne d'Arni.

[3]) Писчее—всегда по 2 гр. съ дыма.

НАИМЕНОВАНІЯ СЕЛЪ И ДВОРИЩЪ.	Полюдье.	Посошное.	Лагвица.	Сѣно.	Писчее.	Овесъ.	Приборъ.	Повозъ.	Пригонъ.	Лисица.	Баранъ.	Поборъ.	Приписъ.	Урокъ.
С. Волчичи:														
Дв. Гиртищевичи	7 гр. 4 п.	—	21 гр.	33 гр.	6 гр.	24 гр.	—	—	—	—	12 гр.	—	—	—
Дв. Сѣрковичи	7 гр. 4 п.	—	—	33 гр.	12 гр.	24 гр.	—	—	—	—	—	—	1 к. 40 гр.	—
С. Потаповичи:														
Дв. Потаповское	7 гр. 4 п.	20 гр.	—	33 гр.	20 гр.	24 гр.	—	—	—	—	—	24 гр.	20 гр.	—
Дв. Путиловское	7 гр. 4 п.	20 гр.	—	33 гр.	16 гр.	24 гр.	—	1 к. 30 гр.	28 гр.	—	—	—	—	—
С. и дв. Иванковичи	7 гр. 4 п.	40 гр.	—	—	24 гр.	—	—	—	—	—	—	—	—	1 к.
С. Кухче:														
Дв. Половичичъ	7 гр. 4 п.	10 гр.	—	33 гр.	6 гр.	2 боч.	—	40 гр.	—	6 гр.	12 гр.	—	—	30 гр.
С. Озеричи:														
Дв. Дорошевичи	—	20 гр.	—	—	14 гр.	24 гр.	—	—	—	—	—	—	—	1 к. 4 гр.
С. Морочна:														
Дв. Патрикѣевичи	2½ гр.	10 гр.	14 гр.	11 гр.	6 гр.	12 гр.	30 гр.	80 гр.	—	—	—	—	—	40 гр.

Повинности въ другихъ частяхъ государства (собственно-литовскихъ [1]), бѣлорусскихъ и южно-русскихъ) измѣнялись въ своемъ составѣ, наименованіяхъ и величинѣ; такъ какъ исчисленіе ихъ отнюдь не входитъ въ нашу задачу, то ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что повсюду эти повинности имѣли двойственный, т. е. государственно-частный, характеръ. Ни въ одномъ краю государства ихъ нельзя разсматривать какъ арендную плату за пользованіе чужой землей. Въ частности, анализируя данныя приведенныхъ выше таблицъ (для Пинскаго княжества), находимъ, что всѣ указанные тамъ виды тяглыхъ повинностей и платежей, съ нашей теперешней точки зрѣнія могутъ быть разложены на двѣ категоріи: повинности государственныя и частныя. Къ первымъ относятся: древнее *полюдье*, извѣстное съ начала исторической жизни Русскаго народа—отъ миѳическихъ временъ Игоря и Ольги; то былъ сборъ, совершаемый князьями, при объѣздахъ волостей, со всего населенія на нужды государственныя (содержаніе дружины) и вмѣстѣ на частныя потребности самихъ князей. Въ Литов. государствѣ этотъ сборъ таксированъ весьма точно —по 7 гр. 4 пен. съ каждаго дворища. Такимъ образомъ, величина полюдья не сообразуется со степенью имущественной состоятельности дворища (за немногими исключеніями).

Второй видъ налоговъ той же категоріи есть *посошное*, прямой налогъ на имущества, а потому измѣняющійся, смотря по количеству дымовъ дворища (40, 20, 10 гр.).

Къ разряду государственныхъ налоговъ можно отнести также *писчее*, т. е. плату, взимаемую за производство кадастра, за описаніе имуществъ и слѣдующихъ съ нихъ платежей.

Всѣ прочіе платежи могутъ быть отнесены (съ нашей точки зрѣнія) къ разряду частныхъ доходовъ съ имѣнія. Изъ нихъ одни обозначаютъ собственно тяглое состояніе плательщиковъ; это т. н. *дякла* (annona ducalis), т. е., ежегодный сборъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ для содержанія дворовъ княжескихъ, въ частности для содержанія княжескихъ конюшенъ; поэтому, главными предметами сбора были сѣно и овесъ, уже таксированные въ деньгахъ; величина побора одинакова для всѣхъ дворищъ (33 гр. за возъ сѣна и 24 гр. за 2 бочки овса); величина эта уменьшается вдвое или втрое лишь

---

[1]) См. Акты Вилен. Ком., т. XIV, № 2, гдѣ тягло состоитъ изъ посѣди, куницъ и дякла.

тогда, когда одно дворище дѣлится на двѣ половины или три трети. Къ этому же виду можно отнести плату т. н. „*баранъ*“, т. е. деньги, замѣнившія натуральный сборъ овцами, а равнымъ образомъ *поволовщину* южно-русскихъ (по преимуществу скотоводческихъ) земель, которая взималась чрезъ извѣстный циклъ годовъ. Сходство съ *дякломъ* имѣетъ т. н. *стація*, т. е. сборъ продуктовъ (куръ, утокъ, гусей и пр.), но временный,—въ случаѣ пріѣзда въ волость в. князя или его воеводы и старосты.

Другая сторона тяглыхъ повинностей, наиболѣе характеризующая тяглое состояніе, заключается въ *личныхъ услугахъ* экономическаго характера. Таковъ т. н. *повозъ* (или *подводы*), т. е. обязательное снабженіе средствами сообщенія княжескихъ (и панскихъ) гонцовъ и чиновниковъ; *пригонъ*, т. е. обязанность работать во дворѣ владѣльца извѣстное число дней въ году (иногда перелагаемая на деньги), и *толоки*, т. е. созывъ всего населенія въ извѣстные дни экономическихъ работъ во время уборки хлѣба и сѣна.

Этотъ зародышъ будущей панщины, до пол. XVI в., былъ вовсе не обременителенъ и не имѣлъ характера „невольной“ (рабской) службы.

Вся послѣдняя категорія повинностей, которую мы назвали преимущественно частною, не составляетъ, однако, арендной платы за землю, что, между прочимъ, видно изъ того, что количество платежей не сообразуется (какъ указано сейчасъ) съ разнообразнымъ характеромъ крестьянскихъ участковъ, составляющихъ дворища.

Два указанные сейчасъ элемента тягла (государственный и и частный) обыкновенно не выдѣлялись при переходѣ имуществъ изъ коронинаго въ частное владѣніе (т. е. тягло въ цѣломъ составѣ поступало частному владѣльцу). Кажущееся исключеніе изъ этого представляютъ окраинные южно-русскіе повѣты Литвы и Польши, гдѣ иногда государство удерживало въ свою пользу *подымное* (замѣнъ посошнаго) и полюдье. Но это объясняется тѣмъ, что тамъ коронныя имущества большею частью жалуемы были на т. н. ленномъ правѣ, т. е. продолжали считаться коронными; владѣніе частныхъ лицъ въ такомъ случаѣ называлось посессіею.

Собирая вышеизложенныя черты тяглаго владѣнія, заключаемъ, что а) оно не есть пользованіе чужою землею (государственною или панскою); б) тягло есть такая же служба государству (посредственная или непосредственная), какъ и военная служба бояръ.

Служебное владѣніе.

Спеціальныя услуги замку дали бытіе особому виду землевладѣнія и особому классу людей, называемыхъ слугами. Ихъ два вида: одни несутъ собственно экономическую службу, другіе—государственную. Къ первымъ причисляются ремесленники: бондари, тесли (плотники), мурали (каменьщики), дойлиды, колесники, санники и т. п. Въ подобномъ же положеніи были промышленники, каковы: рыболовы, бортники, осочники, подлазники и проч. [1]). Ко вторымъ относятся низшіе государственные слуги замка (пушкари, одверные, воротные и т. д). Люди каждаго отдѣльнаго ремесла составляли *сотню*, которая управлялась сотникомъ.

Всѣ они наслѣдственно отправляли свою службу замку, т. е. или совершали спеціальныя работы своего ремесла (плотники, каменщики и пр.), или доставляли въ зáмокъ извѣстную часть произведеній своей спеціальности (бортники, рыболовы и пр.).

Въ силу легкой возможности наслѣдственно усвоять такія немудрыя профессіи, повинности ихъ легко мирились съ наслѣдственностію владѣнія участками, обложенными этою повинностью.

Несмотря на нѣкоторое различіе отъ крестьянъ собственно, *слуги*-ремесленники причислялись къ тяглымъ или дякольнымъ людямъ, иначе „мужикамъ". Спеціальныя особенности ихъ повинностей дѣлали ихъ владѣніе даже болѣе зависимымъ, чѣмъ владѣніе тяглое, потому что какъ ни просто ихъ ремесло, однако требуетъ кое-какихъ спеціальныхъ знаній; владѣніе утверждается за ними подъ условіемъ пріобрѣтенія этихъ знаній.

Несмотря на это, слуги, и особенно такіе, какъ пушкари, составляютъ переходъ къ боярству, а служебное землевладѣніе стоитъ на перепутьѣ между тяглымъ и боярскимъ. Переходъ слугъ къ боярству опредѣляется измѣненіемъ повинностей; безъ возложенія военной конной службы, слуга не дѣлался бояриномъ-земяниномъ; это былъ такъ сказать обѣленный крестьянинъ—и только; напримѣръ, пинскій князь Өедоръ Ив. пожаловалъ слугъ своихъ Говена Мышляковича и братанича его Мишка Борыловича и братьевъ послѣдняго Кузьму, Лихача, и Хому землею въ с. Любинахъ въ придачу къ ихъ отчинѣ, съ обязательствомъ платить какъ съ этой, такъ и отчинной земли по 50 гро-

[1]) См. подробное исчисленіе ихъ въ Актахъ Вилен. Ком., т. XVII, стр. LVIII.

шей ежегодно, и отправлять службу по прежнему; но княгиня Анна (жена в. кн. Свидригайла) сняла съ Мышляковичей обязанности тяглой службы; при кор. Бонѣ староста пинскій опять было привернулъ ихъ въ тяглую службу, отъ которой въ 1544 г. Бона освободила ихъ снова, титулуя однако ихъ въ своей грамотѣ „подданными“ [1]).

Явленія такого рода составляютъ переходное состояніе; рано или поздно подобный обязанный слуга-крестьянинъ попадетъ въ состояніе путныхъ слугъ, а потомъ бояръ, если вновь не возвращается въ состояніе подданничества.

Другой видъ служебнаго владѣнія, совершенно приближающій его къ боярскому (кромѣ упомянутыхъ повсемѣстныхъ службъ пушкарей и проч.), наблюдаемъ особенно въ юго-восточныхъ окраинахъ государства, именно, въ Кіевской землѣ (по люстраціи 1471 г.). Здѣсь, по условіямъ мѣстности, требовалась постоянная военная защита страны; всѣ другія потребности государства отходили на второй планъ предъ военною; государство не разсчитывало здѣсь на доходы. А потому большая часть селъ состоитъ изъ военныхъ *слугъ*, которые „на войну ходятъ и иного ничего не знаютъ“. Лишь иногда они уплачиваютъ подымное, но не каждый годъ. Это населеніе сельское, крестьянское, мужичье, но положеніе его боярское. Это тотъ межеумочный элементъ въ сословномъ строѣ, какой послѣ именовался въ той же мѣстности козачествомъ. Все отличіе такого служебнаго владѣнія отъ боярскаго заключается въ томъ, что украинскіе слуги владѣютъ не населенными имѣніями, а обыкновенными крестьянскими участками (что, впрочемъ, какъ увидимъ сейчасъ, было возможно и для боярскаго землевладѣнія въ другихъ частяхъ государства).

Боярское землевладѣніе.

Рѣчь о боярскомъ землевладѣніи отнюдь не выводитъ насъ за опредѣленныя рамки настоящаго этюда, посвященнаго крестьянскому землевладѣнію. Всѣмъ извѣстно, что бояре составили впослѣдствіи главную количественную основу шляхетскаго сословія; но извѣстно также, что огромная часть того же класса вошла потомъ въ разрядъ крѣпостныхъ, подданныхъ частныхъ пановъ, т. е. составила высшій и важнѣйшій элементъ крестьянства.

---

[1]) Рев. пущъ, стр. 330.

[2]) См. Арх. Ю.-З. Рос., ч. VII, т. II, стр. 27—28.

Однако не одни соображенія о будущности этого класса заставляютъ насъ упомянуть здѣсь о немъ; для насъ важнѣе близость боярскаго землевладѣнія къ крестьянскому въ ту эпоху, которою мы заняты теперь.

Все пестрое, кажущееся различіе классовъ отличается въ нач XVI в. въ сущности полнымъ однообразіемъ: всѣ обязаны службою государству и подъ условіемъ исполненія ея владѣютъ земельными имуществами. Поэтому-то и не легко выдѣлить тотъ классъ, который можно назвать преимущественно крестьянами. Боярами называются лица, получившія участокъ земли подъ условіемъ отправленія одной военной службы; они были какъ на земляхъ великокняжескихъ, такъ и въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ. Легкая возможность перехода изъ одного класса въ другой объясняется возможностію измѣненія родовъ повинностей, которыми было обложено имущество. И на государственныхъ земляхъ легко было замѣнить одну повинность другою; на панскихъ же такая замѣна была частою и даже необходимою: сами паны не нуждались въ военныхъ услугахъ подчиненнаго имъ населенія, а военная конная служба въ пользу государства могла быть отправляема ими посредствомъ наемныхъ ротъ. Поэтому возможенъ былъ переходъ какъ изъ служебнаго и тяглаго состоянія въ боярское, такъ и обратно.

Бояре—будущіе земяне и шляхтичи, иногда совсѣмъ смѣшиваются со слугами и происходятъ изъ этихъ послѣднихъ. Такъ, при ревизіи 1554 г., *земянинъ* пинскій Иванъ Пархвеновичъ предъявилъ привилегію Сигизмунда и Боны на 4 дворища, пожалованныя ему въ двухъ селахъ; съ нихъ онъ и его потомки обязаны служить земскую (т. е. боярскую) службу, „а въ случаѣ надобности золотарствомъ и пушкарствомъ", такъ какъ „предокъ его былъ золотарь и пушкарь" [1]). Золотари и пушкари, какъ лица низшихъ службъ, равнялись тяглымъ. Переходъ изъ тяглаго состоянія въ боярское былъ не особенно труденъ; такъ при кор. Бонѣ былъ въ имѣніяхъ ея межевымъ сторожемъ нѣкто Полюха; онъ особенно угодилъ королевѣ, и она „поличила его въ боярство", освободивъ отъ тяглой службы и платежей; это было въ 1526; а въ 1554 г. на ревизію

---

[1]) Ревиз. пущъ, стр. 226.

явились съ привилегіями уже „*земяне* повѣту Пинского Богданъ, Савва и Кирилъ Полюховичи“ [1]. Первоначально также не труденъ былъ переходъ изъ боярства въ тяглое состояніе: стоило только перемѣнить родъ повинности владѣльца. Лишь съ развитіемъ сословнаго права такой переходъ постепенно затрудняется. Такъ, напр., нѣкто Зинонъ Лозичъ билъ челомъ княгинѣ Маріи Семеновнѣ, что его посадили на служебной землѣ; княгиня, убѣдившись, что онъ *сынъ боярскій*, сняла служебный характеръ съ его земли: „не давать ему ни сена, ни овса, ни подъ ворота (на сторожу) не ходить,—нижли онъ бояринъ есть, какъ который“ [2].

Самое основаніе землевладѣнія такихъ бояръ одинаково съ основаніемъ крестьянскаго права на землю: ее раздаютъ мѣстные старосты до воли господарской. Напр., въ 1536 г. *подданный* королевскій Пинской волости Андрей Короневичъ просилъ старосту, „чтобы онъ выпустилъ его съ 5 сыновьями изъ Пинской волости, не имѣя на чемъ поживиться здѣсь“, ибо староста отнялъ у него прежній участокъ и отдалъ другимъ, которые предъявили права наслѣдства къ этому участку. Староста, не желая, чтобы подданные господарскіе расходились прочь, спрашивалъ волостныхъ стариковъ и десятниковъ, нѣтъ ли гдѣ среди волости пустой земли; такая нашлась и отдана просителю [3]. Въ 1554 г. этотъ Короневичъ является уже въ качествѣ боярина съ приведенною сейчасъ грамотою, какъ привилегіею.

Что всего замѣчательнѣе, иногда поляки-колонисты, титулуемые *земянами*, сидятъ въ литовскихъ пущахъ на тяглой службѣ; напр., въ пущѣ Кнышинской сидитъ „с. Черная, населенная земянами Чорніевскими, которые, продавши имѣньица и осѣдлости свои въ Мазовіи, осѣли тутъ въ той пущѣ, во владѣніяхъ королевскихъ, и теперь, живучи, исполняютъ такія же повинности, какъ и иные люди тяглые“ [4]. Это уже въ точномъ смыслѣ земяне—крестьяне не только по роду дѣятельности, но и по роду повинностей. И въ прочихъ, внутреннихъ, повѣтахъ Литовскаго государства были шляхетско-крестьянскія общины, впрочемъ сохранившія право на военную,—конную службу.

---

[1]) Ревиз. пущъ, стр. 285.
[2]) Ibid., стр. 282.
[3]) Ibid., стр. 243.
[4]) Ibid., стр. 33.

Были цѣлые повѣты (Дрогичинская и Белзская земли), гдѣ *земяне* имѣли по одному крестьянскому участку, обрабатывали землю собственными руками и отправляли конную военную службу цѣлыми обществами. Такія же шляхетско-крестьянскія общины встрѣчаемъ въ воеводствахъ Троцкомъ, Кіевскомъ (Овруцкая околичная шляхта), въ Подольскомъ (Барская околичная шляхта) и въ другихъ мѣстахъ.

Чтобы показать возможность полнаго смѣшенія боярскаго и тяглаго состоянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и попытки въ нач. XVI в. найти какой-либо разграничительный признакъ между ними, сошлемся на слѣд. примѣръ. Дѣло происходило въ Троцкомъ повѣтѣ въ концѣ XV и нач. XVI в., въ Эйшицкой волости. Еще во времена кор. Казимира Эйшицкіе мѣщане вошли съ просьбою къ королю о томъ, чтобы не они одни, но и волость (сельскіе обыватели) несли общія тягости подводной повинности. Казимиръ приказалъ разобрать дѣло мѣстному воеводѣ Радзивилу Остиковичу и п. Станку Костевичу. Оказалось, что вся волость (крестьяне) присвоивала себѣ боярскія права, а потому и не хотѣла дѣлить съ мѣщанами тяглой службы и платить дякло. Но Радзивилъ и Костевичъ, выслушавши свидѣтелей, нашли, что издавна эта волость въ подводу хаживала и дякла давала. Поэтому и впредь было рѣшено оставить жителей волости при прежней тяглой повинности, за исключеніемъ только *бояръ-клейнотниковъ*, т. е. такихъ, которые имѣютъ гербы; но такихъ оказалось въ волости только 7 фамилій. Сверхъ этихъ семи, еще одно „племя" обязано было стеречь сокола, т. е. состояло на сокольничьей службѣ; относительно этого послѣдняго Радзивилъ съ товарищемъ постановили, что такого большаго племени слишкомъ много для одной сокольничьей службы, а потому изо всего племени отдѣлили только Юрія и Насуса стеречь сокола, но и они обязаны давать дякло, а освобождены лишь отъ одной подводы. Когда двое назначенныхъ въ сокольники помрутъ, то подобнымъ же образомъ двое ихъ того же племени должны будутъ быть избранными въ преемники ихъ службы, а всѣ прочіе должны пойти въ тяглую службу „безъ кривды". Въ заключеніе судьи-коммиссары постановили, чтобы никто изъ бояръ-клейнотниковъ не принималъ никакого волостнаго человѣка въ свое племя подъ угрозою лишенія боярства для него самого [1]).

[1]) Лит. метр., копія кн. 198, стр. 207.

Затѣмъ кор. Сигизмундъ I пожаловалъ пасынку своего дворянина Михаила Ивановича кн. Павлу Бердевяковичу двухъ изъ мнимыхъ Эйшицкихъ бояръ, какъ тяглыхъ людей. Пожалованные довольно долго молчали и служили новому пану, но затѣмъ занесли жалобу, утверждая, что они не тяглецы, а бояре. Король поручилъ разсмотрѣніе дѣла мѣстному воеводѣ кн. К. И. Острожскому, который, не постановивъ рѣшенія, представилъ его королю; а король далъ приговоръ согласно съ грамотою в. кн. Александра и приказалъ воеводѣ тщательно смотрѣть, чтобы въ томъ воеводствѣ бояре не выводили въ боярство людей тяглыхъ, „ибо никто не можетъ тяглаго человѣка учинить шляхтичемъ, кромѣ государя“.

Въ собственно-литовскихъ повѣтахъ, гдѣ уже были „клейнотники“, водились гербы, можно было, хотя и не всегда, отличить боярина отъ крестьянина; въ прочихъ же (русскихъ) повѣтахъ бояре-крестьяне гербовъ не имѣли и во всемъ уподоблялись крестьянамъ, пока не сдѣлались одни шляхтичами, а другіе настоящими крестьянами крѣпостными (сохраняя, однако, названіе бояръ).

Но самый неуловимый оттѣнокъ между боярствомъ и крестьянствомъ составляли *слуги, или бояре путные;* въ самомъ дѣлѣ, если одному человѣку давался участокъ подъ условіемъ ловить бобровъ или выѣзжать на охоту, а другому подъ условіемъ развозить письма и т. п., то какая между ними разница? А потому не только крестьянская служба могла быть превращена въ путную, но и наоборотъ, путная служба могла быть перемѣнена на тяглую; напр., въ с. Журильчичахъ нѣкто „Павелъ Полтарейкевичъ, который предъ тѣмъ служилъ путную службу, при новомъ измѣреніи (волочномъ) посаженъ на тяглой службѣ“ [1]).

Путные слуги поступаютъ въ пожалованіе отъ князей частнымъ владѣльцамъ, наравнѣ въ тяглыми; такъ в. кн. Александръ пожаловалъ своему дворянину Зузину дворъ Бучемль въ Каменецкомъ (Литовскомъ) пов. „съ людьми“. Но Зузинъ попросилъ дать ему и слугъ путныхъ того же двора, а именно Вакулку и Пронца съ ихъ товарищами. „Ино мы съ ласки нашей (пишетъ в. князь) тѣмъ его пожаловали и слугъ путныхъ ему дали“ [2]).

---

[1]) Писц. кн. Пин. княж. Хвальчев., стр. 449.

[2]) Ревиз. пущъ, стр. 164.

Отъ слугъ путныхъ нѣсколько отличались слуги *панцырные*, считаясь людьми болѣе обѣленными; когда Клецкій староста началъ гнать слугъ панцырныхъ съ листами, то они вошли съ жалобою, и кор. Бона освободила ихъ; между прочимъ, они лично со своихъ домовъ не платятъ серебщизны [1]).

Изъ этого примѣра видно, что положеніе и панцырныхъ бояръ, или слугъ, было весьма шатко; и для нихъ было возможно ниспаденіе въ разрядъ путныхъ слугъ, а затѣмъ крестьянъ.

Въ составъ боярства входили *мѣщане*, владѣвшіе землею въ повѣтѣ; такъ, въ 1541 году, въ Гродненскомъ повѣтѣ рѣшалось дѣло, тянувшееся съ весьма давнихъ временъ, объ освобожденіи двухъ боярынь отъ тяглой службы и дякла по землямъ, которыми онѣ владѣли. Король особою грамотою повелѣлъ имъ служить „мѣстскую“ службу съ ихъ „мѣстскихъ“ земель, титулуясь „боярками“ [2]).

Возвращаясь отъ личныхъ и повинностныхъ отношеній къ самому боярскому землевладѣнію, находимъ, что въ началѣ XVI в. оно, по сущности правъ, ничѣмъ (кромѣ рода повинности) не отличается отъ тяглаго. Прежде всего владѣніе *населенною землею* (и крестьянами) не составляетъ его существеннаго и отличительнаго признака: обыкновенно боярину (или слугѣ) дается въ его частно-правное обладаніе такой же пустой участокъ (иногда 2), т. е. дворище, какимъ владѣли и крестьяне; здѣсь онъ поселяется и заводитъ свое частное хозяйство. Но для правильнаго исполненія конной службы, соединенной съ расходами, ему же дается еще одно, два или болѣе населенныхъ дворищъ; однако тяглое населеніе этихъ дворищъ (т. е. крестьяне-собственники земель) остается при своихъ прежнихъ правахъ на землю; бояринъ, получившій пожалованіе, пользуется отъ нихъ лишь тѣми доходами и повинностями, какія прежде они исполняли государству (объ этомъ упомяну ниже подробнѣе).

Во-вторыхъ, права распоряженія, соединенныя съ боярскимъ землевладѣніемъ, не отличаются большею полнотою и прочностію, сравнительно съ правами распоряженія, предоставленными тяглецамъ [3]).

---

[1]) Ревиз. пущъ, стр. 362—364.

[2]) Акты Вил. Ком., т. XVII., № 703.

[3]) Объ этомъ см. наше изслѣд.: „Помѣстья Литовско-русскаго государства“.

Лишь съ пол. XVI в. боярскія права (личныя и имущественныя) начинаютъ приближаться къ панскимъ (чрезъ польскій институтъ шляхетства), въ особенности на коронныхъ земляхъ; возможно было тоже явленіе и въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ (были, напр., „земяне кн. Острожскаго" и др.); но большая часть бояръ въ имѣніяхъ панскихъ (и церковныхъ) перешла въ разрядъ крѣпостныхъ.

Владѣніе на невольной службѣ (*койминцы, невольная челядь*).

За другою границею крестьянскаго населенія стоятъ люди невольные. Однако и съ этой стороны предѣлы классовъ не были точно опредѣленными. Средину между крестьянствомъ и невольною челядью занимаютъ т. н. *койминцы* [1]) или „люди непохожіе"; они, подобно невольникамъ, могли быть покупаемы и продаваемы. Въ 1540 г. предъ Гродненскимъ судьей происходила тяжба между князьями-татарами Миськовичами—съ одной стороны, и койминцами ихъ Миколаевичами—съ другой. Вторые утверждали, что они—люди государскіе похожіе, а отнюдь не невольники ихъ. Татарскіе же князья доказывали, что это—мужики ихъ непохожіе, койминцы купленные. Въ подтвержденіе была представлена купчая, въ которой значилось, что князья купили означенныхъ двухъ людей у хорунжаго высокодворскаго за двѣ копы грошей, „но не за паробковъ (невольниковъ), а за койминцевъ, т. е. съ тѣмъ, что они должны жить подъ властію покупщиковъ („подъ ними"), въ домахъ, а не во дворѣ служить". Подлинность акта была подтверждена свидѣтелями, почему и судья приговорилъ, чтобы отвѣтчики служили истцамъ и жили подъ „ними" въ домахъ своихъ, со своими „статками" [2]).

Итакъ, главное внѣшнее отличіе койминцевъ отъ невольниковъ состоитъ въ томъ, что первые не состоятъ на дворовой службѣ, а живутъ *въ своихъ* домахъ, на участкахъ земли, отведенной имъ; это, т. ск., крестьяне по ремеслу и образу дѣятельности; но лично они уже несвободны и потеряли право перехода. Это и есть зарождающійся типъ крѣпостнаго состоянія, къ которому впослѣдствіи подошли и всѣ крестьяне и челядь.

---

[1]) Происхожденіе термина „койминцы" для насъ неясно.

[2]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 249.

Наименованіе „койминцы", повидимому мѣстное, свойственно западнымъ окраинамъ Литовскаго государства; изрѣдка оно встрѣчается въ изданныхъ актахъ, относящихся все къ той же мѣстности; напр. въ описаніи имѣній воеводины Виленской, по поводу раздѣла ихъ между ея сыновьями [1]); именно въ той части акта, которая касается Кейданъ и Буйвилишекъ, находимъ слѣд.: „койминцовъ, которые около двора сѣдятъ, тыи дяколъ не дають, только службу тяглую служатъ; а плату никоторого не даютъ". Этимъ наше понятіе о койминцахъ дополняется только одною чертою: койминцы занимаютъ дворовую землю, а не собственную—крестьянскую; этимъ они сближаются съ невольною челядью, которая не вся составляла дворовую прислугу, а частью работала на дворовыхъ поляхъ. Другая черта, которою койминцы отличаются отъ крестьянъ, это то, что первые не вносили дяклъ и не платили денегъ. Очевидно, что имъ платить не съ чего, ибо земля, которую они обрабатываютъ, не ихъ. Но выше было указано, что койминцы не могутъ быть вполнѣ уравнены съ невольниками.

Хотя, какъ мы сказали, наименованіе койминцы—мѣстное, но явленіе, имъ обозначаемое, повсюдно. Для развитія его открылся особенный просторъ съ пол. XVI в.

Кромѣ замка, какъ центральнаго пункта земли, повѣта или удѣла, на территоріи княжествъ были разбросаны *дворы господарскіе*, гдѣ князья, а потомъ и великій князь, а также паны имѣли свое частное хозяйство. Земля этихъ дворовъ обрабатывалась *невольною челядью*, которая пріобрѣталась путемъ купли и уголовнаго возмездія за преступленія. Впрочемъ, не всѣ древніе источники рабства уцѣлѣли въ Литвѣ въ пол. XVI в.; такъ, бракъ между свободнымъ и рабою и обратно не велъ уже за собою потери свободы для другой стороны. Напр., среди челяди двора Ставецкаго (въ Пинск. кн.) считаются: „Катруша, а мужъ ея вольный; Васица, а мужъ ея вольный" [2]). Женившійся на невольной, безъ согласія господъ, долженъ, если хочетъ продолжать бракъ, жить при дворѣ владѣльца, который въ такомъ случаѣ обязанъ ему дать огородъ и халупу; въ против-

---

[1]) Археогр. Сборн., т. I, № 23.

[2]) Писц. кн. Пин. княж. Хвальч., ст. 43.

номъ случаѣ можетъ уйти, куда хочетъ [1]). Челядь занималась работою во дворѣ; но довольно значительное число ея дѣлало излишнимъ ея дворовыя услуги; а потому большая часть ея была посажена на участкахъ дворной земли. Такъ, въ Пинскомъ староствѣ, во дворѣ Селецкомъ было невольниковъ: мужч. 13, женщ. 14,

во дворѣ	Ставецкомъ	„	8,	„	14.
„	Дружиловскомъ	„	8,	„	8.
„	Ститичевскомъ	„	24,	„	16.
„	Кнубовскомъ	„	11,	„	9.

Нѣкоторые изъ нихъ занимали земли издавна; другіе были посажены на землю при введеніи волочной системы. Так. обр. уже успѣла образоваться разница между дворными землями и землями ихъ (невольниковъ) „собственными"; напр., въ с. Кнубовскомъ „нѣтъ вовсе пашни (т. е. земли, эксплуатируемой непосредственно для двора), есть только огородъ. А паробки невольные посажены на дворныхъ земляхъ, а частію на земляхъ ихъ стародавнихъ, на которыхъ прежде сидѣли" [2]) Во дворѣ Дружиловскомъ имъ отдана въ 1555 г. частію земля дворная, частію поповская, а частію и ихъ собственная (własna). При введеніи волочной системы каждому изъ нихъ назначалось по 9 морговъ (по 3 морга въ полѣ), если же поселяемо было цѣлое семейство (мужъ и жена, братъ и сестра), то давалось двойное количество (18 морговъ) [3]); сверхъ того, давались дворовыя мѣста съ жилищами [4]). Иногда, если почва была особенно плоха, надѣлъ возвышался до 11 морговъ [5]).

При нарѣзываніи земли, при введеніи волочнаго хозяйства, паробкамъ отдавалась обыкновенно ихъ прежняя земля; такъ, въ с. Прикладникахъ Пинск. стар. описаны „земли паробоцкія, на которыхъ они (паробки) оставлены сообразно съ ихъ стародавнимъ владѣніемъ (według starodawnego ych dziedziczenia)" [6]).

Поселеніе челяди на землю мало по малу уравниваетъ ее со свободными поселенцами относительно владѣнія землею; земля раз-

---

[1]) Акты Вил. Ком., т. XVII, № 460.
[2]) Писц. кн. Пин. княж. Хвальчев., стр. 171.
[3]) Ibid., стр. 41.
[4]) Ibid., стр. 103.
[5]) Ibid., стр. 103.
[6]) Ibid , стр. 248.

дается имъ „на невольной службѣ“, однако не очень отяготительной; именно, получая по 9 морговъ, они обязываются служить двору въ недѣлю 3 дня [1]). Но иногда часть челяди совсѣмъ выводится изъ положенія невольной службы и, при измѣреніи на волоки, допускается къ занятію волокъ, наравнѣ со свободными; въ такомъ случаѣ, ихъ прежнія „паробоцкія“ земли раздаются остальной челяди [2]). Правда, тѣ паробки, которые допущены къ занятію волокъ на тяглой, а не невольной службѣ, не дѣлаются чрезъ то лично свободными („którym yest zemia oddana na czyagley służbie, a z newoli nye są wipusczeni“) [3]); но фактическое положеніе ихъ совершенно уравнивается съ положеніемъ непохожихъ крестьянъ.

И послѣ введенія волочнаго хозяйства, когда невольная челядь, или паробки, всѣ посажены на землю, они отнюдь не сравнены съ свободными крестьянами; къ этому времени надо отнести лишь начало исчезновенія рабства, какъ явленія sui generis, хотя въ книгахъ волочнаго измѣренія встрѣчаемъ такія выраженія: „паробки, которыхъ *предъ тѣмъ* считали невольниками“ [4]) и которые теперь всѣ получили участки земли въ качествѣ огородниковъ подъ условіемъ службы, именно мужчины, должны отбывать пѣшую работу по три дня въ недѣлю, а женщины отслужить 12 толокъ въ годъ на жнива или полотье.

Что рабство оставалось и послѣ того до конца XVI в., это открывается изъ инвентарей имѣній 70-хъ годовъ XVI в. и даже позднѣйшихъ. Напр., въ инвентарѣ имѣнія Росскаго [5]) находимъ перечень паробковъ такого рода: Степурка козачокъ, жена вольная, дѣтей нѣтъ; Василь кухарь Дуло, жена вольная; Иванъ Рудый и жена невольная, сынъ 1; Денисъ Минцевичъ, жена невольная, дѣтей нѣтъ, и т. д.

Владѣніе на невольной службѣ, субъектомъ котораго были *несвободные* люди, отнюдь не можетъ быть поставлено рядомъ съ прочими видами землевладѣнія: несвободный не пользуется никакими

---

1) Писц. кн. Пин. княж. Хвальчев., стр. 459 и 476.
2) Ibid., стр. 469.
3) Ibid., стр. 425.
4) Писц. кн. Пин. стар. Л. Войны, II, стр. 180—182.
5) Археогр. Сб., т. I, № 46.

правами и въ томъ числѣ правами на землю. Мы сопоставили этотъ видъ землевладѣнія съ другими для того, чтобы рѣзче оттѣнить мысль о зависимости личныхъ правъ отъ имущественныхъ: паробокъ (холопъ), надѣленный землею, уже значительно отличается отъ обыкновенныхъ дворовыхъ холоповъ, можетъ со временемъ получить землю на тяглой службѣ и т. д. Однако этотъ естественный путь къ уничтоженію рабства былъ прерванъ развитіемъ крѣпостнаго права среди крестьянъ, которые мало по малу приблизились къ состоянію „паробковъ", сойдясь съ ними на среднемъ терминѣ (состояніи койминцевъ).

Но этотъ печальный результатъ лежитъ за предѣлами настоящаго очерка; мы, напротивъ, должны перейти къ изображенію полноправія крестьянъ до пол. XVI в. въ отношеніи къ землевладѣнію.

II.

Права крестьянъ на землю.

Земля, занятая крестьянами, не есть земля казенная или панская, лишь арендуемая крестьянами на срокъ; повинности, которыми они обязаны, и подати, которыя они уплачиваютъ казнѣ или пану, не составляютъ арендной платы, а суть повинности въ обоихъ случаяхъ государственно-частныя. Земля составляетъ вѣчное и потомственное владѣніе крестьянъ.

Прежде всего надо отвлечься отъ представленія о бродяжничествѣ крестьянъ. Отнюдь не слѣдуетъ думать, что основаніемъ гражданскихъ правъ крестьянъ есть право перехода и основаніемъ крѣпостнаго состоянія—лишеніе этого права. Переходили съ мѣста на мѣсто (сравнительно) весьма немногіе, и притомъ наиболѣе легковѣсные элементы сельскаго общества, т. е. обнищавшіе, облѣнившіеся, ищущіе временныхъ льготъ, потерявшіе связь со своею общиною. Главная же и господствующая масса хозяевъ состояла изъ людей, которыхъ отцы, дѣды и прадѣды были постоянными членами волости и села. Владѣя собственной землей, они не имѣли ни малѣйшаго интереса и охоты бросать свою усадьбу, ими выстроенную, свою землю, ими расчищенную, или купленную, или пріобрѣтенную чрезъ пожалованіе отъ князя на вѣкъ.

Поэтому въ описаніяхъ селъ при введеніи волочной системы, о крестьянахъ перехожихъ, бродягахъ, вовсе не упоминается. Ихъ можно лишь подразумѣвать и предполагать среди т. н. потужниковъ, не перечисляемыхъ поименно. Они подсосѣживались въ готовыя дворища къ стариннымъ и настоящимъ хозяевамъ, для которыхъ лишеніе земли съ голымъ правомъ перехода было бы великимъ бѣдствіемъ.

Вотъ почему, при исчисленіи дворищъ 1553—1555 годовъ, весьма рѣдко можно найти указаніе на цѣлое дворище пустое; напр., на все Пинское княжество въ 50-хъ годахъ XVI в. не насчитается такихъ и десятка (напр. дворища Страховщина и Рудчичи въ с. Плотницахъ [1]), дворище Ивановичи въ с. Ласницкомъ). Такія запустѣвшія дворища отдаваемы были на оброкъ земянамъ, боярамъ, мѣщанамъ. Запустѣніе могло произойти отъ причинъ случайныхъ: выморочности, осужденія за преступленія и т. п. Впрочемъ, главною причиною существованія пустыхъ дворищъ надо считать образованіе новыхъ участковъ изъ пустопорожнихъ земель, участковъ, которые еще не были заняты крестьянами, не были никому пожалованы. Словомъ, это— земли новыя, которыя государство или частный владѣлецъ намѣревались обратить въ населенныя.

Всѣ прочія земли состоятъ въ потомственномъ владѣніи крестьянъ. Термины, которыми крестьяне обозначаютъ свое право, суть: „земля влостная, или властная, отчизная“ [2]), или „купленина“, смотря по способу пріобрѣтенія. Тѣмиже самыми терминами, какъ извѣстно, въ тѣ времена обозначалось право собственности вообще всѣхъ другихъ лицъ въ государствѣ.

Отношеніе правъ королевскихъ крестьянъ на землю къ правамъ государства отнюдь не могутъ быть опредѣляемы нашими понятіями о собственности. Какъ въ сѣверной Руси говорили, что „то—земля Божья да государева“, такъ и на югѣ (въ Черкасахъ) заявляли: „своего ничего не маемъ, одно Божье да государево“. Здѣсь понятіе о государевой землѣ такъ же далеко отъ конкретныхъ юридическихъ отношеній, какъ и понятіе о Божьей землѣ. Вся земля—

---

[1]) Писц. кн. Пин. стар. Л. Войны, т. I, стр. 286—287.

[2]) Акты Вил. Ком., т. XVII, № 320, 327, 357, 446 (искъ кр.—на противъ боярина), 520, 542.

территорія принадлежитъ государю, какъ главѣ государства, и никому въ частности, кромѣ лицъ, владѣющихъ ею непосредственно. Для ближайшаго уясненія дѣла считаемъ возможнымъ привести слѣд. примѣръ: въ 1539 г. въ Гродненскомъ судѣ производилось дѣло по спору о сѣнокосѣ, который затопилъ своимъ ставомъ гродней. ключникъ п. Лукашъ Гриневичъ, между этимъ послѣднимъ и крестьянами—Засидранами (т. е. слобожанами, поселенными за р. Сидрою). Интересы крестьянъ на судѣ представлялъ справца (правитель) староства Гродненскаго королевы Боны—п. Требскій. Требскій, оспаривая право Гриневича, утверждалъ, что спорный сѣнокосъ „есть грунтъ власный господарскій, сеножати тыхъ подданныхъ господарскихъ по обудву сторонъ р. Сидры". Изъ такой двойственности субъектовъ права еще ничего нельзя вывести, какъ смотрѣлъ представитель короны на отношеніе правъ крестьянъ къ государству. Но въ началѣ своей судебной защиты, когда ему пришлось точно выразить сущность дѣла, онъ выразился такъ: „я вашей милости отъ подданныхъ господарскихъ повѣдамъ, ижъ то суть сеножати ихъ властные и вечистые".

Для вопроса объ отношеніи правъ крестьянъ къ правамъ государства интересенъ и слѣд. эпизодъ того же дѣла: „хотя господарь его милость дозволилъ ключнику (Гриневичу) ставъ къ берегу своему засыпать, но п. Виленскій (староста Гродненскій), видя вредъ отъ этого крестьянамъ господарскимъ, того ему никогда не позволялъ". Когда же онъ наконецъ засыпалъ прудъ и затопилъ имъ сѣнокосы, то „подданные господарскіе никгды того не молчали и кролевой ей милости ся жаловали". Так. обр. распоряженіе короля относительно государственныхъ имуществъ встрѣчаетъ противодѣйствіе и неисполненіе со стороны крестьянъ, владѣльцевъ земли, которой оно касается, и со стороны лицъ, ближайшимъ обр. заинтересованныхъ въ ихъ благосостояніи [1]).

Права крестьянъ на землю, занимаемую ими, не опредѣляются закономъ. Напротивъ, со времени 1-го Лит. статута законодатель явнымъ образомъ склоняется къ признанію исключительнаго права на землю за короною, панами, земянами и церковію. Но за то статутъ ясно свидѣтельствуетъ о дѣйствительной (фактической) принадлеж-

---

[1]) Акты Вил. Ком., т. XVII, № 137.

ности правъ крестьянамъ, но старается ихъ ограничить и парализовать. Именно въ немъ [1]) содержится постановленіе о томъ, что никто не имѣетъ права закупать землю у чужаго человѣка безъ воли пана его; однако въ формѣ выраженій этого артикула совершенно ясно выступаетъ дѣйствительность, несогласная съ опредѣленіями закона. „Установляемъ, что никакой бояринъ *или человѣкъ* не можетъ закупать земли у чужаго человѣка безъ воли пана его“; такъ обр. здѣсь признается: 1) что крестьянинъ можетъ покупать землю; 2) что крестьянинъ даже частновладѣльческій можетъ продавать землю, только не иначе, какъ съ согласія пана.

Въ другомъ мѣстѣ [2]), говоря о владѣніи бортями и о входахъ въ пущи, статутъ мимоходомъ замѣчаетъ: „какъ часто случается между мужиками, продаютъ пчелъ, не имѣя чѣмъ платить дань, или отдаютъ за дочерьми борти со пчелами затьямъ въ другое село, а зятья накладываютъ свои знамена на эти борти“. Такъ обр. здѣсь прямо признается (но опять, какъ фактъ) владѣніе крестьянъ угодьями.

Говоря о владѣніи лѣсами [3]), статутъ различаетъ порубки, сдѣланныя шляхтичемъ шляхтичу и мужикомъ *мужику*, чѣмъ подтверждается, что владѣльцемъ лѣса можетъ быть „мужикъ“ (крестьянинъ); виновный мужикъ долженъ за насильственную („гвалтомъ“) порубку заплатить 3 рубля грошей, „такъ какъ бы онъ *ему* межу переоралъ“; изъ этого слѣдуетъ, что мужикамъ приписывается и право владѣнія *пахотною землею*, межи которой охранялись закономъ. За покражу въ саду шляхтичу платится 12 рубл. грошей, а мужику—3 р.

Так. обр. 1-й статутъ, уже явно склоняющійся въ сторону непризнанія правъ собственности на землю за крестьянами, содержитъ однако въ себѣ фактическое свидѣтельство о томъ, что въ ту эпоху крестьяне и королевскіе и частновладѣльческіе пользовались правомъ на недвижимость: землю пахотную, угодья, сады и лѣса, и что эти права лишь поставлены въ зависимость отъ панскаго права.

---

[1]) Статутъ I, раздѣлъ VIII, артикулъ 21.
[2]) Разд. IX, ар. 7.
[3]) Разд. IX, ар. 18.

Но показанія статута, какъ извѣстно, относятся ко 2-й четверти XVI в. и содержатъ въ себѣ попытки измѣненій древняго права въ пользу новаго—панскаго строя. Въ эпоху болѣе раннюю, т. е. въ XV и нач. XVI в., а также въ обычномъ правѣ и въ эпоху дѣйствія 1-го статута (до пол. XVI в.) права крестьянъ на землю были болѣе независимы и прочны.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ имѣть въ виду преимущественно отношеніе правъ крестьянъ къ правамъ государства потому, что въ этой сферѣ правовыхъ отношеній мы располагаемъ болѣе обильнымъ и болѣе опредѣленнымъ матеріаломъ. Но и панское землевладѣніе первоначально ничѣмъ не отличалось отъ государственнаго по отношенію къ *нему* правъ крестьянъ на землю; всѣ нижеизложенныя черты правъ крестьянъ на государственныхъ земляхъ могутъ быть безошибочно приложены и къ панскимъ землямъ. Впрочемъ, для показанія этой тождественности въ концѣ сгруппируемъ нѣсколько фактовъ, относящихся непосредственно къ панскимъ землямъ.

Какъ на государственныхъ, такъ и на частныхъ земляхъ крестьянамъ принадлежали всѣ тѣ права пріобрѣтенія и распоряженіяи муществами, какія вообще тогда были доступны частнымъ лицамъ (т. е. съ ограниченіями ихъ правами государства, или пана, но меньшими тѣхъ, какія были изложены нами въ другомъ мѣстѣ для помѣстныхъ правъ служилыхъ лицъ), а именно: имъ принадлежало право наслѣдованія законнаго и завѣщательнаго, которое однако подлежало контролю государства со стороны правильности отправленія повинностей; они пріобрѣтали земли чрезъ обработку (оккупацію въ древне-русскомъ смыслѣ этого понятія), чрезъ куплю-продажу и залогъ какъ между лицами тяглаго состоянія, такъ и отъ лицъ прочихъ состояній, чрезъ дарованіе отъ государства (центральной и провинціальыхъ властей). Столь же обширны были и права распоряженія землею, принадлежавшія крестьянамъ; они могли продавать свои участки, какъ лицамъ тяглаго состоянія, такъ и лицамъ другихъ сословій; могли сдавать ихъ и мѣнять, могли отдавать въ заставу; крестьянскіе участки могли идти въ удовлетвореніе по ихъ частнымъ обязательствамъ; всѣ упомянутыя права подлежатъ обыкновеннымъ тогдашнимъ ограниченіямъ, истекающимъ изъ повинностнаго характера всѣхъ имуществъ;

всѣ права пользованія (сдача земель въ наемъ, т. е. аренда) принадлежатъ крестьянамъ безъ ограниченій [1]).

Источники права собственности крестьянъ на землю: наслѣдованіе, разработка (оккупація), купля и застава, пожалованіе.

Основный источникъ пріобрѣтенія крестьянами правъ на землю есть *наслѣдованіе*. Это—самый обширный (по объему дѣйствія) и самый важный (по силѣ вліянія на права владѣнія) источникъ крестьянскаго владѣнія.

Обширность примѣненія наслѣдственности крестьянскаго землевладѣнія видна ясно изъ того обстоятельства, что обыкновенно родовое наименованіе дворищъ совпадаетъ съ фамиліею владѣльцевъ—крестьянъ: напр., дворищемъ Осиповичъ (с. Жолкини) владѣютъ Василій Осиповичъ и Өедоръ съ потужниками; дворищемъ Нестеровичъ—Филипъ, Василь, Яцына, Ненадецъ и Дмитрій Нестеровичи; дворищемъ Толоковичъ—Григорій, Өома, Жданъ, Иванъ, Кенадъ Толоцковичи (ошибка или въ фамиліи, или въ названіи дворища); дворищемъ Кожемячичъ—Мимъ и Илько Кожемячичи; дворищемъ Демидовичъ—Пронъ Демидовичъ и Степанъ Жуковичъ; дворищемъ Мамоневичъ—Иванъ и Григорій Мамоневичи и т. д. [2]).

Отсюда нельзя заключать, что наименованія дворищъ измѣнялись каждый разъ съ перемѣною крестьянина-владѣльца; напротивъ, иногда, хотя и рѣдко, дворище носитъ названіе родовое, но совершенно не соотвѣтствующее фамиліи крестьянина; напр. дворище Бѣльчевичъ находится во владѣніи Перевальчичей и Лихощевичей [3]); дворищемъ Стрѣльниковичъ владѣютъ Лукьяновичи [4]) и др. Очевидно, что первымъ нѣкогда владѣли Бѣльчевичи, а вторымъ Стрѣльниковичи;

---

[1]) Для дальнѣйшаго изложенія правъ крестьянъ преимущественнымъ источникомъ служатъ Гродненскіе земскіе акты, къ счастію сохранившіеся за нѣсколько лѣтъ 1-й пол. XVI в. Мы пользовались ими прежде въ рукописяхъ (въ Вилен. центр. архивѣ); нынѣ три актовыхъ книги Гроднен. зем. суда цѣликомъ изданы Вилен. арх. комиссіею, которая оказала этимъ наукѣ большую услугу; акты, касающіеся гражд. правъ крестьянъ, послѣ уже не попадали въ оффиціальныя книги судовъ, ибо права ихъ не были уже признаваемы закономъ.

[2]) Писц. кн. Пин. стар. Л. Войны, ч. II, passim.

[3]) Ibid., стр. 272.

[4]) Ibid., стр. 276.

съ переходомъ къ новымъ владѣльцамъ, эти дворища не перемѣнили своего имени. Если же въ громадномъ большинствѣ случаевъ наименованія дворищъ и владѣльцевъ ихъ одинаковы, то, очевидно, одни и тѣ же лица владѣли ими съ самаго основанія дворищъ.

Громадное юридическое значеніе наслѣдственности участковъ видно изъ того, что участки, состоящіе въ наслѣдственномъ владѣніи крестьянъ, именно потому и титуловались, какъ ихъ *властные, отчизные.* Напр., въ 1545 г., староста пинскій разсматривалъ тяжбу между землевладѣльцами (духовнымъ и свѣтскимъ), съ одн. стороны, и крестьянами-бондарями королевскими села Колодѣевскаго, съ др. стор. о правѣ на Медвѣжій островъ: „подданные Колодѣевскіе.... отпоръ чинили и повѣдали, что мы тѣ земли, сѣножати и боръ держимъ и пользуемся ими, какъ нашими собственными отчизными [1])". Не признавъ за ними права собственности (не потому, чтобы таковаго не могло быть вообще на крестьянскихъ участкахъ, а по частнымъ обстоятельствамъ дѣла), судъ призналъ однако право вѣчнаго сервитута (пастбищъ и пользованія лѣсомъ).

Наслѣдственныя права на дворищныя земли даже брали перевѣсъ надъ всѣми прочими источниками правъ собственности, въ частности надъ пожалованіемъ этихъ земель частнымъ владѣльцамъ (земянамъ). Такъ, въ с. Мрозовичахъ дворище Кущовщину держалъ земянинъ пинскій Богд. Лемешъ на оброкѣ; а затѣмъ оно возвращено собственнымъ (własnym) отчичамъ того дворища (крестьянамъ), которые продолжали сидѣть на немъ и во время владѣнія Лемеша, не желая переселяться (sie powłoczyć) [2]).

Крестьянскія земли переходили въ наслѣдство какъ *по завѣщанію*, такъ *и по законному преемству.* Достойно вниманія, что въ тѣ времена завѣщательное распоряженіе имуществами среди крестьянъ было гораздо болѣе распространено, чѣмъ нынѣ. Мы разумѣемъ письменные акты завѣщаній. Изъ всей массы судебныхъ дѣлъ, донынѣ опубликованныхъ, по спорамъ о наслѣдствѣ, почти нѣтъ ни одного, при которомъ бы не было представлено въ судъ духовнаго завѣщанія.

---

[1]) Ревиз. пущъ, стр. 248.

[2]) Писц. кн. Пин. княж. Хвальчев., стр. 181—182.

Завѣщанія пишутся по одной опредѣленной формѣ; скрѣпляются свидѣтелями и печатями ихъ.

Завѣщанія пишутся не только лицами мужескаго пола—отцами, но и женщинами—вдовами [1]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣщательное распоряженіе сталкивается съ обычнымъ порядкомъ наслѣдованія, преимущество отдается волѣ завѣщателя; напримѣръ, мужъ завѣщаетъ женѣ пользованіе его долею имущества въ общемъ дворищномъ владѣніи на извѣстный срокъ; братъ умершаго протестуетъ, но судья, „не отступуючи отъ духовницы", присудилъ въ пользу вдовы [2]).

Изученіе содержанія завѣщательныхъ актовъ крестьянъ (какъ и вообще права наслѣдованія среди нихъ) въ высшей степени важно для провѣрки нашихъ свѣдѣній о древнѣйшемъ порядкѣ наслѣдованія, какъ онъ изложенъ въ Русской Правдѣ и другихъ древнѣйшихъ законахъ. Между прочимъ мы замѣчаемъ, что завѣщательныя распоряженія всегда совершаются въ пользу законныхъ наслѣдниковъ и лишь установляютъ раздѣлъ имущества между ними. По крайней мѣрѣ, мы не встрѣтили ни одного акта завѣщанія въ пользу стороннихъ.

Примѣненіе порядка наслѣдованія какъ завѣщательнаго, такъ и законнаго, видно, наприм., изъ слѣд. акта: въ 1539 г. разбиралась тяжба въ Гродненскомъ судѣ о наслѣдствѣ между двумя братьями, изъ которыхъ старшій жаловался, что младшій не уступаетъ ему законной части въ имуществѣ, которое куплено было отцомъ ихъ будто-бы вмѣстѣ съ нимъ; на судѣ оказалось, что, по распоряженію отца, младшій братъ получилъ благопріобрѣтенное имущество и домъ, въ которомъ онъ жилъ вмѣстѣ съ отцомъ, какъ неотдѣленный сынъ. „Отчина" же, т. е. родовое имущество, было оставлено отцомъ старшему сыну. Для доказательства правъ младшаго сына въ судъ была представлена „духовница" (завѣщаніе), при чемъ разсматривалась въ судѣ правильность составленія завѣщанія и опрашивались свидѣтели [3]). Покупщикъ земли—отецъ—былъ колесникъ; купленная имъ земля была муральская; такимъ образомъ, земля, подѣленная между

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 35.

[2]) Ibid., № 840.

[3]) Ibid., № 18.

двумя сыновьями, сообщила каждому изъ нихъ особый родъ службы. Такая связь наслѣдственности земли съ наслѣдственностію службы не препятствовала наслѣдственной передачѣ имуществъ, если свойства службъ допускали возможность исполненія ихъ кѣмъ угодно.

Изъ этого же акта видно, что завѣщательному распоряженію подлежали какъ родовыя, такъ и благопріобрѣтенныя имущества.

Изъ того же примѣра видно, что домъ, въ которомъ жилъ неотдѣленный (младшій) сынъ вмѣстѣ съ отцомъ, достался младшему, согласно съ постановленіемъ Рус. Правды.

Къ имуществу, переходящему по законному преемству, призывались всѣ сыновья наслѣдодателя въ равныхъ доляхъ. Для доказательства твердости такого порядка приведемъ слѣд. примѣръ: въ 1539 г., крестьянинъ Коробчина сорока Гапидовичъ, умирая, оставилъ въ наслѣдство закупныя свои поля; наслѣдниками должны были явиться: одинъ сынъ его, рожденный отъ первой жены, и четверо сыновей, рожденныхъ отъ второй жены. Но первый старался завладѣть третьею частію закупныхъ полей отца и успѣлъ пожать жито съ этой третьей части. Мачиха занесла жалобу въ судъ, гдѣ отвѣтчикъ—пасынокъ пытался утверждать, что отецъ отказалъ ему третью часть, ссылаясь на то, что еще при жизни отецъ, собравши копу людей добрыхъ, производилъ съ нимъ разсчетъ („рахунокъ"). Изъ трехъ, поименно указанныхъ, свидѣтелей истица выбрала одного, который былъ вызванъ въ судъ; но ссылки отвѣтчика онъ не подтвердилъ, заявивъ, что онъ былъ дѣйствительно призываемъ къ „рахубѣ" отца съ сыномъ, но дѣло шло о движимости (статкѣ животинѣ, овцахъ и свиньяхъ), но не о поляхъ. Сама же истица заявила, что она имѣетъ отъ своего мужа четырехъ сыновей и четырехъ дочерей и что, хотя „пятому—пасынку отецъ его не отказалъ изъ полей ничего, но она не отнимаетъ у него пятой части". Сообразно съ этимъ, судья присудилъ пасынку пятую часть полей отца [1].—О дочеряхъ, которыхъ было 4, ни сама мать, ни судья вовсе не упоминаютъ, какъ о наслѣдницахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что дочери при братьяхъ ихъ не наслѣдовали; вдова же оставалась распорядительницею имущества дѣтей своихъ.

Въ 1540 г., въ томъ же судѣ жаловалась королевская крестьянка Дорота на своего пасынка—Петра, что онъ не выдѣляетъ ея сыну

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 48.

(своему единокровному брату) 3-й части имущества, отказаннаго отцомъ, который имѣлъ отъ перваго брака двухъ сыновей и отъ втораго брака—одного. Отвѣтчикъ сначала отвергалъ фактъ отказа отцомъ 3-й части младшему; но когда судья спросилъ о духовной грамотѣ отца, которая оказалась существующею и была представлена въ судъ, то въ ней нашли, что отецъ подѣлилъ имущество на 3 части между всѣми 3-мя сыновьями [1]). Судья рѣшилъ, что 3-я часть дохода съ имущества должна быть выдаваема Доротину сыну; что же касается самой земли, то она должна быть раздѣлена также на три части, но не прежде, какъ по достиженіи совершеннолѣтія этимъ послѣднимъ. Обѣ стороны взяли себѣ „дѣльчимъ“ хорунжаго Городенскаго, который долженъ раздѣлить между ними хлѣбъ (збоже) и прочее движимое имущество (статки).

Замѣною перехода правъ по наслѣдству отъ отца къ сыновьямъ служитъ иногда *сдача* отцомъ земля сыновьямъ при жизни, съ обязанностію для сыновей давать отцу прокормленіе. Причиною досмертной сдачи служитъ повинностный характеръ земли: отецъ, который уже не можетъ исполнять повинностей по старости, возлагаетъ эту обязанность на сыновей. Въ 1539 г., предъ Гродненскимъ урядомъ явился пивоваръ Микита Михайловъ съ 3 сыновьями и нѣсколькими сосѣдями (какъ свидѣтелями сдѣлки) и заявилъ, что онъ сдалъ сыновьямъ всю „отчину“ и изъ „купленины“ по огороду; а сыновья обязались выдавать отцу жито копнами, а на ярину часть поля для посѣвовъ [1]).

Наслѣдство послѣ матери достается тому изъ дѣтей ея, у кого она жила и умерла. Въ 1540 г., жаловались Гродненскому судьѣ два брата Радвиловичи, королевскіе рыболовы, на третьяго брата своего Янушка въ томъ, что онъ, по смерти матери, не хочетъ подѣлиться съ ними ея статками (домашними животными, деньгами, хлѣбомъ и клѣтью). Отвѣчая на обвиненіе, Янушко начинаетъ съ слѣд. заявленія; „правда, матка наша покойница прежде у нихъ жила, а потомъ пришла ко мнѣ и предъ смертію мнѣ отписала свои статки“ [1]). При этомъ предъявлена была судьѣ совершенно правильная духовная, вполнѣ подтвердившая заявленіе отвѣтчика. Зачѣмъ, въ такомъ слу-

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 657.

[2]) Ibid., № 36.

[3]) Ibid., № 310.

чаѣ, отвѣтчикъ завелъ рѣчь о томъ, у кого жила мать? Очевидно, онъ этимъ желаетъ уничтожить единственное законное основаніе, которое могли имѣть его противники. Согласно съ постановленіемъ Русской Правды, тотъ, у кого мать жила, кто кормилъ ее до смерти, тотъ и получаетъ наслѣдство послѣ нея (Кар. ст. 4).

Права наслѣдованія вдовы опредѣляются иначе, смотря потому, остаются ли сыновья умершаго, дѣлятъ ли они наслѣдство, совершеннолѣтніе ли они, или малолѣтніе. При взрослыхъ сыновьяхъ и раздѣлѣ наслѣдства между ними, мать-вдова получаетъ отъ каждой сыновней доли часть на прожитокъ. Въ 1539 г., Гродненскому суду жаловался Хилимонъ Лидинъ на матку свою за то, что она каждый годъ пользуется полемъ на бочку посѣва „властной отчизны" своихъ сыновей. На судѣ оказалось, что вдову-мать дѣлили съ ея сыновьями „мужи" (члены общины) и присудили, чтобы сыновья давали матери ежегодно по бочкѣ жита на посѣвъ. Два сына подчинились этому рѣшенію, а 3-й, жалобщикъ, не хотѣлъ. Судья рѣшилъ согласно съ приговоромъ мужей, ибо-де „не годится матери ихъ на старость волочиться" (таскаться по людямъ) [1].

Если вдова остается съ сыномъ малолѣтнимъ, то она можетъ продолжить прежнее экономическое и служебное состояніе семьи посредствомъ выхода въ замужество и принятія новаго мужа на извѣстную часть службы. Въ 1540 г., предъ тѣмъ же Гродненскимъ судомъ разбиралось слѣд. дѣло: нѣкто господарскій колеснинъ Олекса умеръ, оставивъ вдову и малолѣтняго сына. Къ наслѣдству примкнулъ братъ покойника и занялъ 1-ю часть; вторая часть должна была сохраняться для малолѣтняго, а на 3-ю часть вдова приняла нѣкоего Онопрія. Но братъ покойнаго былъ пьяница и задорный человѣкъ, такъ что новая семья должна была уйти прочь со своего имущества. Лишь по смерти его всѣ они вернулись и, при посредствѣ сотника, упросили судью утвердить Онопрія на 3-й части [2].

Вообще, при нераздѣльности семьи, вдова (при малолѣтнихъ дѣтяхъ и, какъ увидимъ ниже, безъ дѣтей), оставаясь хозяйкою въ домѣ, совершенно замѣняетъ личность своего мужа: можетъ отка-

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 98.

[2]) Ibid., № 157.

заться отъ наслѣдства, если находитъ службу съ него невыгодною, ведетъ иски, заключаетъ сдѣлки объ уступкѣ земли. Все это видно изъ слѣдующей семейной исторіи, происходившей въ 30-хъ годахъ XVI в. въ Городенскомъ повѣтѣ: нѣкій крестьянинъ Бобренскаго сорока Петръ оставилъ на своемъ имуществѣ жену Зохну. Какъ видно, и въ тѣ дни на общинныхъ сходкахъ міроѣдство было въ ходу: мужи-сорочники, обижая беззащитную вдову, раздѣлили „отчину" мужа ея на двѣ службы и на два дякла, т. е. вдовѣ приходилось нести двойныя повинности съ одной и той же земли. Притѣсненная вдова ушла было съ той земли прочь; но потомъ рѣшилась попробовать счастья и пошла къ королю просить его о возстановленіи прежняго положенія ея земли, т. е. оставить ее при одной службѣ. Король приказалъ Городенскому старостѣ Юр. Ник. Радивилу разслѣдовать дѣло; Радивилъ выслалъ для опроса на мѣстѣ ключника Городенскаго, который собралъ показанія какъ отъ сорочниковъ, такъ и отъ сосѣдей; на основаніи ихъ, Радивилъ оставилъ ее при одной службѣ. При такомъ благопріятномъ поворотѣ дѣлъ, нашлись охотники изъ родственниковъ воспользоваться частію наслѣдства, а именно нѣкто Козакъ и Юхно. Вдова была не прочь подѣлиться съ ними, но потребовала возвращенія части затраченныхъ ею денегъ на хлопоты у короля. Козакъ вернулъ 3-ю часть, и ему уступлена была 3-я часть земли, а Юхно не заплативши умеръ и оставилъ запись своей женѣ на 3-ю часть тойже земли, которой еще не получилъ. Судья отказалъ вдовѣ этого послѣдняго въ ея претензіи [1]).

Владѣніе вдовъ землею по смерти мужей и иски на нихъ по обязательствамъ мужей и обратно составляютъ постоянное явленіе; напр., въ 1540 г., крестьянка Гродненскаго повѣта Бѣлчина сорока Ханна жалуется на роднаго брата своего мужа, крестьянина того же сорока, Богдана Желича, что „онъ на моей властной земли жито небожчика мужа моего пожалъ" [2]). Что эта „ея собственная земля" получена ею отъ мужа, доказывается тѣмъ, что оспариваемое ею жито, какъ оказалось на судѣ, завѣщано брату ея мужемъ.—Въ 1539 г., въ Гродненсудѣ искала крестьянка Ганна на невѣсткѣ своей крестьянкѣ Пашковой (вдовѣ Пашка) и на крестьянинѣ Янкѣ, заявляя, что покойному

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, №, 274.
[2]) Ibid., № 504.

мужу ея заставили поле въ двухъ мѣстахъ за 70 гр. мужъ отвѣтчицы и упомянутый Янко, а затѣмъ отняли поле, не заплативши денегъ [1]). Изъ обоихъ приведенныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что жена по смерти мужа остается полноправною хозяйкою его имущества, считаетъ землю его своею „властною землею" и вообще продолжаетъ собою имущественную личность умершаго. Все это нужно разумѣть лишь въ томъ случаѣ, когда въ домѣ продолжается жизнь семьи, т. е. когда остаются дѣти, и въ томъ случаѣ, когда бытіе семьи можетъ быть продолжено искусственно (какъ увидимъ сейчасъ).

Если вдова остается безъ дѣтей, то недвижимое имущество переходитъ къ братьямъ умершаго; вдова же получаетъ лишь часть движимости; при этомъ выдѣлъ совершается съ утвержденія „копы". Впрочемъ, бездѣтная вдова можетъ удержать за собою и право на домъ, если получитъ разрѣшеніе принять *пріймака,* который бы заступилъ личность ея мужа въ отправленіи повинностей; такое разрѣшеніе даетъ мѣстная власть (воевода, намѣстникъ, староста). Напримѣръ, въ 1539 г., вдова нѣкоего Балтромея (Варфоломея), крестьянина Новой недѣли Гродненскаго повѣта, жаловалась на своихъ деверьевъ (братьевъ мужа), что они не выдаютъ ей ея „статковъ" и гонятъ изъ дома. На судѣ первое не подтвердилось; напротивъ, оказалось, что для выдѣла ей статковъ деверья два раза собирали копу и, по рѣшенію копы, назначили ей выдѣлъ изъ всего „статка" умершаго мужа. Что же касается дома, то деверья не гонятъ вдовы, но не знаютъ, разрѣшитъ ли ей панъ (староста) принять пріймака. Судья назначилъ сторонамъ явиться къ пану; деверья на срокъ явились, невѣстка—нѣтъ. Результатъ дѣла остался неизвѣстнымъ [2]).

Благопріобрѣтенное и заставное владѣніе мужъ могъ завѣщать женѣ безусловно: въ 1540 г., въ Гродненскомъ судѣ производилась тяжба между кр. Мартиномъ Говеновичемъ и кр. Петрушею Демидовскаго сорока о землѣ, которую обѣ стороны объявили своею отчиною; но оказалось, что земля была въ заставѣ у мужа Петруши и отказана ей мужемъ [3]).

Впрочемъ, по одному дѣлу, производившемуся въ Гродненскомъ

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 41.
[2]) Ibid., № 32.
[3]) Ibid., № 268.

судѣ въ 1540 г., оказывается, что заставное владѣніе въ рукахъ вдсвъ не всегда оставляется, ради правильности отправленія повинностей: королевскіе крестьяне въ Гродненскомъ повѣтѣ жаловались на Кахну, вдову коваля въ томъ, что она владѣетъ ихъ отчиною. Кахна заявила, что эту землю закупилъ мужъ ея у отца истцовъ. Судья нашелъ, что того, чтобы служба господарская не сгинула, слѣдуетъ возвратить поле истцамъ, обязавъ ихъ уплатить закладную сумму по частямъ крестьянкѣ вдовѣ [1]).

Итакъ, вдова-крестьянка, совершенно согласно съ постановленіями древняго русскаго права, или продолжаетъ бытіе семьи, въ качествѣ главы ея, или получаетъ выдѣлъ.

Выше сказано, что *дочери* при сыновьяхъ не наслѣдуютъ. Но если дочь является единственною преемницею, то можетъ наслѣдовать и въ недвижимомъ имуществѣ, по крайней мѣрѣ, въ порядкѣ завѣщательнаго преемства; такъ, въ Гродненскомъ повѣтѣ, въ 1541 году, въ судъ занесена была жалоба на крестьянку Оксюху Васильеву въ неправильномъ будто бы владѣніи ею 3-ю частью „отчизной земли". При разборѣ дѣла оказалось, что отецъ Оксюхи—родной братъ истцамъ,—завѣщалъ своей дочери и своему зятю, мужу ея, третью часть отчизной земли. Судья утвердилъ права отвѣтчицы. Изъ этого примѣра видно, что дочь можетъ наслѣдовать имущество, обремененное повинностями, лишь подъ условіемъ выхода въ замужество; зять является какъ бы замѣною сына [1]). Другой примѣръ изъ той же мѣстности и эпохи указываетъ, что отецъ, отдавши при жизни своей дочь замужъ, можетъ сдѣлать зятя равноправнымъ дольщикомъ дворищнаго имущества: крестьянинъ жаловался, что дядковичи (потужники) выгоняютъ съ земли его зятя; судъ утвердилъ права этого послѣдняго [2]).

Лица женскаго пола, наслѣдовавшія имущество, обязанное повинностями, могли потомъ, при невозможности исполнять службу, переуступать это имущество въ стороннія руки: такъ, въ томъ же повѣтѣ, въ 1540 г., пушкарка просила дозволенія „спустить и продать 4-ю часть

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, №, 281.

[1]) См. еще ibid., № 223, гдѣ отецъ завѣщаетъ дочери и зятю $1/3$, а братаничамъ $2/3$ своей отчины.

[2]) Ibid., № 760.

пашни своей пушкарской пушкарю Роману Никитичу, ибо сама уже стара и недужа (не въ силахъ) служить службы пушкарской". Такую сдѣлку старались разрушить „деверичи" ея (т. е. племянники отъ братьевъ мужа), ссылаясь на *близкость* свою, т. е. право родоваго наслѣдованія, и требовали, чтобы земля была передана имъ. Судья, однако, дозволилъ сдѣлку на томъ основаніи, что племянники „пушкарской службы не умѣютъ" (т. е. не имѣютъ надлежащихъ знаній). Но такъ какъ отчужденіе вдовою имущества мужа въ сторонній родъ противорѣчило обычному праву, то судья присоединилъ, что сдѣлка не должна разрушать права наслѣдства „деверичей": впослѣдствіи, когда кто-нибудь изъ нихъ хорошо научится пушкарской службѣ, то можетъ возвратить свою часть наслѣдства отъ покупщика, уплативъ ему соотвѣтственную долю покупной платы [1].— Остается однако неразгаданнымъ, какимъ образомъ женщина могла отправлять пушкарскую службу (безъ передачи права на землю другому лицу), когда мужчинѣ нужно было предварительно обучаться пушкарскому искусству, чтобы унаслѣдовать пушкарскую землю.

Изъ этого же случая (равно какъ и изъ многихъ другихъ) видно, что право наслѣдства въ крестьянскихъ имуществахъ, за неимѣніемъ членовъ семьи, переходило къ *боковымъ родственникамъ*, именно братьямъ и ихъ нисходящимъ. Историческое возникновеніе наслѣдованія боковыхъ и его отношеніе къ наслѣдованію нисходящихъ составляетъ, какъ извѣстно, весьма неясный пунктъ въ исторіи древне-русскаго права. Поэтому факты исторіи западно-русскаго права пріобрѣтаютъ для насъ двойную цѣнность.

Есть нѣсколько данныхъ, указывающихъ на право боковыхъ родственниковъ участвовать въ наслѣдствѣ, *вмѣстѣ съ нисходящими*. Во-первыхъ, если остается одинъ наслѣдникъ, и притомъ малолѣтній, который не въ состояніи исполнять повинностей, лежащихъ на землѣ, то часть отчины можетъ перейти къ брату умершаго, какъ это видно изъ вышеприведеннаго примѣра [2]).

Но возможно, что, и при совершеннолѣтіи наслѣдниковъ нисходящихъ, явится возможность примкнуть къ оставленному имуществу

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 198.

[2]) Ibid., № 157.

для боковыхъ. Такъ въ приведенномъ выше примѣрѣ жалобы сына на мать о завладѣніи ею будто-бы „отчиною", сынъ-жалобщикъ въ числѣ мотивовъ своего иска приводилъ и то, что будто-бы для сыновей-наслѣдниковъ и безъ того трудно исполнять службу господарскую, ибо „земля малая, и къ тому же дядковичъ нашъ (т. е. двоюродный братъ) на ту же землю къ намъ пришелъ и хочетъ имѣть съ нами долю въ той же землѣ" [1]). Правда, въ актѣ не объяснено, какія права имѣлъ этотъ дядковичъ, но до нѣкоторой степени вѣроятно, что права его были основаны на родовомъ наслѣдованіи; думать надобно, что отецъ его, братъ наслѣдодателя, былъ совладѣльцемъ этого послѣдняго; затѣмъ по смерти или до смерти своего отца сынъ ушелъ изъ дому искать удачи въ другихъ мѣстахъ, но не нашедши ея, вернулся къ своей наслѣдственной отчинѣ.

Вообще, характеръ дворищнаго совладѣнія дѣлалъ неясными предѣлы правъ наслѣдниковъ нисходящихъ и боковыхъ; наслѣдуютъ всѣ совладѣльцы, весь родъ, составляющій дворище (пока оно не подѣлилось).

Но при семейномъ владѣніи лишь отсутствіе нисходящихъ давало право наслѣдованія боковымъ: въ 1541 г., въ Гродненскомъ судѣ спорили два брата—Маковичи о раздѣлѣ наслѣдства послѣ третьяго брата (который умеръ *40 лѣтъ* тому назадъ). Истецъ говорилъ: „по смерти небожчика третего брата нашего Супруна спалъ спадокъ (открылось наслѣдство) на насъ, якъ земля, такъ домовое будованье и статки, *бо дей дети его скоро по смерти его померли*". Землю оставшіеся братья тогда же подѣлили между собою, а домовыя постройки и движимое имущество взялъ себѣ одинъ братъ (отвѣтчикъ) и дѣлиться ими съ другимъ не хочетъ. Отвѣтчикъ сослался не на 40-лѣтнюю давность, а на то обстоятельство, что онъ жилъ вмѣстѣ съ умершимъ братомъ въ совладѣніи („съ одного") и затѣмъ похоронилъ его и его дитя. Судья же, рѣшивъ дѣло въ пользу отвѣтчика, основалъ свое рѣшеніе исключительно на давности [2]), а не на единствѣ хозяйства двухъ братьевъ. Очевидно, древнѣйшія основы права наслѣдства, коренившіяся въ идеѣ единства дома (хозяйства), сохранялись въ со-

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, 98.

[2]) Ibid., № 888.

знаніи населенія; судья, какъ представитель интеллигенціи, руководствуется уже новыми, искусственными постановленіями законодательства.

Всѣ акты перехода правъ по наслѣдству (завѣщательные и безъ завѣщанія) требовали разрѣшенія и утвержденія власти (подобно тому, какъ и въ земянскихъ-боярскихъ имуществахъ до пол. XVI в.). Характеръ акта утвержденія виденъ изъ слѣд. примѣра: въ 1540 г., королевскій крестьянинъ-санникъ Гродненскаго повѣта Мелешко Борисовичъ явился къ начальству съ сотникомъ санницкимъ, билъ челомъ, чтобы ему дали на службу его отчинную санницкую землю, которую до того времени держалъ отецъ его. Подстароста опросилъ сотника, дѣйствительно ли проситель—отчичъ той земли; сотникъ подтвердилъ это и сверхъ того прибавилъ, что упомянутую землю желаетъ держать вмѣстѣ съ просителемъ зять его, а равно и службу они будутъ отправлять вдвоемъ. Подстароста, за поручительствомъ сотника, удовлетворилъ просителя, т. е. далъ ему и зятю его „землю отчизную" [1]).

Около того же времени въ тотъ же урядъ явился крестьянинъ Раковскій и объявилъ, что при жизни отца ходилъ „по наймѣхъ"; затѣмъ, вернувшись, засталъ отца на смертномъ одрѣ и, похоронивъ его, просилъ позволенія осѣсть на землѣ Нестеровщинѣ, какъ отчинѣ. Подстароста дозволилъ ему осѣсть на батьковщинѣ, чтобы подати на землѣ „не омѣшкивали" [2]).

Выше былъ указанъ случай, когда родовая земля могла достаться наслѣднику лишь подъ условіемъ, если онъ научится той спеціальной службѣ, которая соединена съ владѣніемъ этого участка и притомъ со внесеніемъ выкупа тому, кому она была отдана прежде, какъ умѣющему. Но возможны были случаи, когда право на наслѣдство вовсе терялось, если наслѣдникъ долговременно не исполнялъ службы: такъ, въ 1540 г., въ Гродненскомъ повѣтѣ нѣкто Романъ Кунатовичъ жаловался на королевскаго пушкаря Хому Кочержина въ томъ, что онъ владѣетъ—неизвѣстно, по какому праву—отчинною землею просителя; самъ же истецъ, оставшись малолѣтнимъ послѣ отца, ходилъ по людямъ, нанимаясь на службу. На судѣ оказалось, что отвѣтчикъ

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 195.
[2]) Ibid, № 831.

держитъ землю около 15 лѣтъ по пожалованію отъ старостинскаго уряда и исполняетъ пушкарскія повинности съ этой земли, т. е. прежде давалъ по 12 фунтовъ пороху, а теперь платитъ по копѣ грошей. Судья рѣшилъ, что такъ какъ во время отлучки наслѣдника, когда онъ по людямъ ходилъ, земля оставалась бы пустою, безъ всякой пользы для королевской казны, то истцу „сказано молчанье", т. е. полная потеря права. Такую потерю права можно бы объяснить вліяніемъ давности, ибо въ предыдущемъ случаѣ право наслѣдства не было потеряно даже и тогда, когда земля была передана другому по частной, и притомъ возмездной сдѣлкѣ. Но въ анализируемомъ случаѣ весьма важенъ тотъ общій мотивъ рѣшенія, который прибавилъ судья, а именно: „бо мужикъ повуль добръ, потуль есть отчичъ" [1]), т. е. право наслѣдства рѣшительно уступаетъ повинностному, зависимому свойству крестьянской собственности: мужикъ наслѣдуетъ лишь въ томъ случаѣ, если годенъ для службы. Что это прежде вовсе не было общимъ принципомъ, мы видѣли уже изъ примѣровъ наслѣдованія лицъ женскаго пола, которыя исправляли службу чрезъ замѣстителей. Въ вышесказанномъ принципѣ сказывается начало будущаго порядка, т. е. полнаго отрицанія правъ собственности на землю за крестьянами.

Но пока этотъ порядокъ не наступилъ, право наслѣдства торжествуетъ надъ правомъ государства раздавать ее плательщикамъ повинностей; въ 1540 г. крестьянинъ Снарскаго сорока Гродненскаго повѣта искалъ земли на крестьянинѣ того же сорока́ Булангѣ Русановичѣ; оказалось, что истецъ два года назадъ ушелъ самъ прочь со своей отчинной земли и бродилъ, нанимаясь въ службу. Мѣстный староста, видя, что въ оставленной землѣ нѣтъ службы и податей въ пользу казны, *отдалъ ее временно, до возвращенія собственника,* отвѣтчику Русановичу. Судья призналъ права истца, только потребовалъ у него поруки въ томъ, что впредь онъ будетъ служить службу и исправлять государственныя повинности [2]).

Въ 1541 г., Гродненскій судья рѣшалъ искъ крестьянъ Жорославскихъ Василевичей на крестьянъ Гринца Симаневича и на потужника его Малейца Юцевича. Изъ разбора дѣла оказалось, что истцы пре-

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, №, 292.

[2]) Ibid., № 327.

тендовали отобрать землю у отвѣтчиковъ на томъ основаніи, что это ихъ дядковщина, т. е. наслѣдство, оставленное ихъ дядею. Отвѣтчики не отрицали „близкости" (т. е. наслѣдственныхъ правъ) истцовъ, но указывали, что истцы и безъ того имѣютъ свою „отчину", а имущество ихъ дяди, какъ совершенно отдѣльное (лежащее на другомъ берегу Нѣмана), было отдано отвѣтчикамъ прежнимъ державцею Жорославскимъ, п. Аврамомъ; они служатъ съ нея особую службу и даютъ дякла. Судья, желая провѣрить права наслѣдованія и повинностный характеръ земли, спрашивалъ истцовъ, могутъ ли они, получивъ свою дядковщину, служить съ нея и давать дякла, какъ теперь служатъ и платятъ съ этой земли отвѣтчики? Истцы отвѣчали, что они не обязаны ни служить, ни платить дякла, потому что и отчина и дядковщина ихъ составляютъ одну рыболовскую землю (рыболовы ограничивались доставленіемъ рыбы на за́мокъ). Но судья нашелъ, что для государства важнѣе служба и подати, чѣмъ доставленіе рыбы, а потому оставилъ навсегда спорную землю во владѣніи отвѣтчиковъ [1]).—Очевидно, что наслѣдованіе послѣ боковыхъ родственниковъ допускается лишь тогда, когда наслѣдникъ не имѣетъ своей отчины; въ противномъ случаѣ, мѣстные правители могли разсматривать такое наслѣдство (при отсутствіи нисходящихъ), какъ выморочное, и могли раздавать его стороннимъ лицамъ подъ условіемъ службы. Впрочемъ, если законные наслѣдники согласились бы платить и служить съ боковаго наслѣдства, какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго имущества, то они предпочитаются стороннимъ, которые хотя и получили землю по распоряженію власти, должны были бы уступить ее наслѣдникамъ.

Еще болѣе интересенъ слѣдующій случай торжества наслѣдственныхъ правъ крестьянъ: въ Гродненскомъ повѣтѣ крестьяне (колесники) Тютейковичи (цѣлое дворище: Мийлашъ и Янецъ, Мартиновичи, Стась Говеновичъ, Гостило Янковичъ, Стецко Курундевичъ, Гришко и Аврамъ Бартошевичи) владѣли землею; но вслѣдствіе крайней тяжести замковыхъ повинностей („за великимъ драпежствомъ отъ замку"), не могли уже тянуть службу и обнищали; а потому почти всѣ пошли съ той земли прочь и ходили по людямъ, чтобы поправиться заработками; однако *одного изъ своей среды оставили на своей отчинѣ „для наслѣдку"*, т. е. для сохраненія правъ на землю. Въ этотъ промежутокъ времени, по неосмотрительности остав-

леннаго ими члена дворища и еще потому, что некому было запахивать ихъ землю, ею овладѣлъ бывшій Гродненскій писарь Ягапусъ. Когда крестьяне, поправивъ свое состояніе, вернулись къ своей отчинѣ, то писарь отказался возвратить имъ эту землю. Крестьяне обратились къ судьѣ; отвѣтчикъ — писарь представилъ жалованную грамоту, данную ему королемъ Сигизмундомъ I-мъ, утверждая, что ему пожалована именно та земля, о которой идетъ споръ. Но въ жалованной грамотѣ она названа Игнатовщиною, между тѣмъ какъ спорная земля называлась, по имени дворища, Тютковщиною. Свидѣтели обѣихъ сторонъ утверждали, что не знаютъ вовсе земли Игнатовщины. Быть можетъ въ королевскую грамоту вкралась ошибка въ названіи; во всякомъ случаѣ, какая-нибудь земля была же пожалована писарю, между тѣмъ Игнатовщины не отыскивалось. Судья допустилъ рѣшеніе жребіями вопроса, кому присягнуть; жребій выпалъ крестьянамъ, которые и присягнули въ томъ, что это ихъ земля отчизная. Судья присудилъ имъ на вѣчность держать эту землю, какъ отчизну ихъ [1]).

Какъ сказано выше, въ старину наслѣдственное (потомственное) владѣніе служило преимущественнымъ показателемъ права собственности, а потому понятно, что земля, состоящая во владѣніи крестьянъ и передаваемая ими по наслѣдству, называется ими *своею собственною*; такое же наименованіе придается ей и въ оффиціальныхъ актахъ; такъ, при измѣреніи на волоки, совершенномъ въ нач. XVI в., когда крестьянамъ раздаваема была земля на новыхъ основаніяхъ, писцы (въ Пинскомъ княжествѣ) обозначали, что такой-то получилъ свою собственную землю: „Рымко Ивановичъ обвелъ свою землю, которую занималъ до новаго измѣренія“ [2]).

Но это отнюдь не единственный способъ пріобрѣтенія земли крестьянами. Въ источникахъ весьма часто указывается и на другое (кромѣ наслѣдства) основаніе такого права „собственности“, а именно: *разработку*; напр.: „Яцко Чернакъ показалъ и обвелъ по старымъ межамъ (землю), которую онъ самъ вновь разработалъ“ [3]). „Будило Петраневичъ показалъ и обвелъ свою землю, которою владѣлъ (trzymał) по

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 757.

[2]) Ibid., № 978.

[3]) Писцов. кн. Пинск. княж., изд. 1888 г., стр. 63.

старой разработкѣ; онъ раздѣлился со своими братьями, и получилъ (по раздѣлу) третью часть всѣхъ разработанныхъ земель (przerobek), какъ новыхъ, такъ и старыхъ [1]. „Тучи (въ друг. мѣстѣ Ючи) Якубовичъ сидитъ въ сторонѣ отъ села на землѣ отъѣздной (odjezdney), а другія земли, которыя вновь разработалъ, показалъ и обвелъ по старымъ границамъ“. „Гринъ и Шимко Кролевичи обвели и указали свою землю ихъ разработки“ [2]. „Юрій Янковичъ и Гринъ Якубовичъ обвели и указали свою землю по старымъ межамъ на разныхъ мѣстахъ, по разработкѣ ихъ“ [3]. „Богданъ Пучейковичъ и Радко Некрашевичъ съ пасынкомъ своимъ Димитріемъ Алексѣевичемъ обвели и указали свою землю по разнымъ мѣстамъ и по островамъ, вновь разработаннымъ“. „Юхно Богдановичъ показалъ свою новоразработанную землю“; „Павелъ Рымковичъ показалъ и обвелъ свою землю, которую вновь разработалъ на Мокрой Дубровѣ“ [4].—Крестьяне с. Ворочевичъ Пинскаго княжества начали было разработывать въ корол. пущѣ островъ Военъ; но нѣкто Яковъ Хричиновичъ, „пришедши“ туда (вѣроятно получивши въ сосѣдствѣ пожалованіе), выгналъ ихъ изъ того „переробку“; началась тяжба, которая не окончилась и при старостѣ Ив. Кирдѣѣ, который выѣхалъ было на мѣсто для рѣшенія спора, но запросилъ у крестьянъ „поклону“ (т. е. взятки) 10 копъ грошей, а они ему не хотѣли ничего дать. На томъ дѣло и остановилось [5]; изъ него, однако, видно, что разработка земли давала право защиты владѣнія исковымъ порядкомъ.

Самый интересный актъ о правѣ, даваемомъ разработкою, представляетъ грамота кн. Ѳедора Ивановича Ярославича 1498 г. [6]. Этотъ князь и жена его пожаловали своей служебницѣ Святохнѣ Щепиной два пустыхъ дворища въ с. Кошевичахъ, именно: Ластовское и Карноуховское. Но люди Кошевицкіе (крестьяне)—Горностаевцы и Ганковцы—не позволили ей воспользоваться землею, именно, по словамъ жалобщицы, „землю всю забрали и розробили, а мнѣ хлѣба не на

[1]) Писцов. кн. Пинск. княж., 64.
[2]) Ibid., 65.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., 67.
[5]) Ibid., 126.
[6]) См. Ревизію пущъ, издани. Вил. Ком., стр. 277.

чѣмъ пахати". Святохна просила князя подѣлить эту землю на ровныя дворища и разровнять. Князь самъ выѣзжалъ на мѣсто и хотѣлъ старыя поля дѣлить на ровныя дворища; но „мужи Кошевицкіе повѣдали: мы, милостивый господару, не на Святохну тые земли розробливали, але на себе; а такъ дай, ваша милость, дубровы на противку тыхъ полей нашихъ старыхъ, нехай вона также собе розробливаетъ". Князь увидѣлъ, что это будетъ, дѣйствительно съ кривдою для „мужей" (крестьянъ) его, еслибы имъ пришлось дѣлить старыя разробленныя поля, и спросилъ „мужиковъ своихъ", гдѣ бы они могли уступить (поступити) поля Святохнѣ, въ замѣнъ вышеуказанныхъ? Крестьяне указали на два острова, которые князь присудилъ Святохнѣ: „маетъ она тые островы розробливати и ихъ вживати на вѣчные часы" [1]).

Такимъ образомъ, здѣсь право, основанное на разработкѣ земли, столкнулось съ правомъ самого князя на пожалованіе, и послѣднее уступило первому. Этому отнюдь не противорѣчитъ то, что право разработки зависитъ отъ позволенія князя; за недозволенную разработку „винами караютъ" [2]). Казалось бы, что князю всегда выгодно, если *его* земля, дикая, пустая и необработанная, получаетъ новую, высшую цѣнность чрезъ разработку. Очевидно, что самъ князь смотритъ на разработку, какъ на освоеніе; разработанную землю онъ самъ уже не признаетъ своею. Здѣсь, какъ и въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, оккупація земли требовала добавочнаго титула—согласія власти. Но разъ оккупація въ формѣ разработки уже состоялась, была допущена государствомъ, она становилась самостоятельнымъ и законнымъ источникомъ права собственности.

Не удивительно, что даже при новой раздачѣ земли во время введенія волочной системы, земли разработанныя не шли въ общій передѣлъ, а были отдаваемы крестьянину, разработавшему ихъ, какъ показываютъ приведенныя выше факты. Во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ (число которыхъ можно весьма увеличить) земля оставлена за прежними владѣльцами.

Разработанную землю крестьяне защищаютъ отъ стороннихъ захватовъ, какъ свою: такъ при с. Ціолковичнѣ (Пин. стар.) Коро-

---

[1]) Фактъ приведенъ нами въ статьѣ, напечатан. въ „Кіев. Сборникѣ" для другой цѣли.
[2]) Ревиз. пущъ, стр. 280—281.

левскіе подданные дворища Осмоловичъ заявили, что земля, ими распаханная и измѣренная, отнята силою крестьянами Жидичинскаго монастыря [1]).

Крестьянскіе участки были пріобрѣтаемы путемъ *купли* и *залога*, отъ стороннихъ лицъ какъ тяглаго состоянія, такъ и служилыхъ (бояръ и земянъ).

Между крестьянами одного вѣдомства (государственными или панскими) передача земли по куплѣ-продажѣ всегда допускалась; напр.: „подданные господарскіе повѣту Кнышинскаго, села Добрыневскаго, на имя: Наумъ и Хома Ленцевичи и Степанъ Широносовичъ заявили (при ревизіи 1569), что купили землю бортную въ Городенской пущѣ у Ивана Юрьевича, осочника изъ Добрышева, на чтó представили и листъ Войцѣха Требскаго, правителя староства Городен каго, писанный къ слугѣ его Петру, который тогда завѣдывалъ пущею, чтобы онъ не воспрещалъ имъ входовъ въ господарскую пущу [1]).

Крестьяне нетяглые (осочники и пр.) и тяглые имѣли неограниченное право пріобрѣтенія земли по купчимъ отъ бояръ и другихъ служилыхъ лицъ; такъ въ 1553 г. осочники Кринскіе, Охремъ Олешковичъ и Мартынъ Стенцевичъ Книшевичи, купили за 2 копы и 22 гроша землю бортную со пчелами, съ уходами и сѣнокосами обель вѣчно у Степана Омельяновича и Папея Андреевича Лесковичей. Королева Бона утвердила эту куплю въ 1555 г. [3]). Въ 1498 г. подданный королевскій Данило Ходоровичъ Дробишевичъ изъ Гутова (Пинск. пов.) купилъ у бояр. Олехна Курейши двѣ поросли нивы—вѣчно и непорушно. Покупщикъ припустилъ брата своего Василія къ тѣмъ порослямъ на третью часть [4]). У того же Курейши другіе крестьяне того-же с. Гутова закупили нѣкогда землю большимъ обществомъ [5]).

Королевскій крестьянинъ Жданъ Кигирь купилъ у Пинскаго боярина Θедора Калаура землю Литвиновскую въ с. Печатовѣ: „на эту землю упомянутый крестьянинъ имѣлъ листъ (грамоту, утверждающую покупку) королевы Боны. Права его казались столь твер-

---

[1]) Писц. кн. Пинск. стар. Л. Войны, ч. II, стр. 419.

[2]) Ревизія пущъ, стр. 188.

[3]) Ibid., стр. 174.

[4]) Ibid., стр. 253.

[5]) Писц. кн. Пинск. княж. Хвальчев., стр. 121.

дыми даже реформаторамъ 50-хъ годовъ XVI в., что вопросъ о правѣ Кигиря на Литвиновскую землю отложенъ на благоусмотрѣніе короля [1]).

Въ 1540 г. Гродненскимъ судомъ разрѣшалась тяжба между королевскимъ крестьяниномъ Бѣлчина сорока Михаиломъ Тимошевичемъ и бояриномъ королевскимъ Игнатомъ Минютовичемъ о нижеслѣдующемъ: первый жаловался на втораго въ томъ, что онъ „вытискаетъ" его изъ селидьбы—„изъ дубровы и мокради", которую еще отецъ истца купилъ у отца отвѣтчика; въ доказательство онъ представилъ и купчій листъ. Отвѣтчикъ бояринъ призналъ, что онъ имѣлъ намѣреніе отнять у истца спорное имущество, потому что не зналъ о его правахъ; теперь же, посмотрѣвши на купчую, уже не претендуетъ болѣе, „ибо я (прибавилъ бояринъ) тамъ же вмѣстѣ съ ними имѣю свою отчину—дуброву и мокрадь" (т. е. въ совладѣніи съ крестьяниномъ) [2]).

Въ томъ же году, противъ того же боярина (Игната Минютовича) велъ искъ другой кр—нъ королевскій Михаилъ Борисовичъ объ отнятіи якобы у него половины дубровы и мокради, „которую онъ самъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Минютою продали мнѣ (кр-ну) на вѣчность". Бояринъ заявилъ, что онъ не совершалъ такой продажи и отъ отца своего не слыхалъ о ней. Истцу было отказано только по недостатку документовъ; хотя кр—нъ представилъ „листъ продажный", но листъ оказался безъ печати, не былъ признанъ отвѣтчикомъ и не подтвержденъ свидѣтелями. Въ виду такихъ обстоятельствъ продажа осталась недоказанною [3]). При этомъ оказалось, что у истца—кр-на, дѣйствительно была и есть своя дуброва и мокрадь, но только та, которую онъ „вытеребилъ" (разработалъ) и на томъ мѣстѣ поселился, а мокрадь, принадлежавшую къ той же дубровкѣ, пригородилъ къ дому своему.

Въ 1539 г. въ Гродненскомъ судѣ одинъ братъ кр-нъ искалъ на другомъ братѣ „пашни муральской, которую купилъ вмѣстѣ съ отцомъ". Обыкновенно покупка совершалась отъ имени *цѣлой семьи*; но въ данномъ случаѣ оказалось, что истецъ былъ „въ отдѣлѣ отъ

---

[1]) Писц. кн. Пинск. стар. Л. Войны, ч. II, стр. 338; самую купчую см. въ Ревиз. пущъ, стр. 314—315.

[2]) Ак Вил. Ком., XVII, № 231.

[3]) Ibid., № 618.

отца, на своемъ хлѣбѣ", а потому участвовать въ покупкѣ не могъ; младшій же братъ жилъ при отцѣ и по завѣщанію отца получилъ „купленину" [1]).

Въ 1541 г. въ томъ же судѣ разбирались между собою бояринъ Фед. Можейковичъ съ кр-номъ Мат. Нацевичемъ о нивѣ, которая оказалась *вымѣненною* отцомъ кр-на у отца боярина и съ тѣхъ поръ находилась во владѣніи перваго нѣсколько десятковъ лѣтъ [2]).

Значительная часть имуществъ пріобрѣталась крестьянами путемъ *заставы*; такъ въ 1539 г. на Гродней. судѣ, при разборѣ одного дѣла выяснилось, что одверный господарскій Ив. Миленькій держитъ въ заставѣ землю, которую матери его „запродали" отцы бояръ господарскихъ Радивоновичей и Обуховичей (бояре выступили на судъ въ числѣ 5 лицъ и еще именемъ братьи и дядковичей своихъ; очевидно, что и боярскіе роды держались крупныхъ формъ родоваго или дворищнаго совладѣнія) [3]).

Въ 1540 году тотъ же судъ рѣшилъ дѣло о землѣ, заставленной боярынею и сыномъ ея Войткомъ Гейсимонтовичемъ крестьянину королевскому Масютѣ Мелеховичу [4]); тогда же бояринъ Николай Ходоровичъ заставилъ королевскому селянину Жуку Петровичу два поля въ двухъ копахъ грошей [5]).

Ограничиваемся этими примѣрами, число которыхъ можно бы увеличивать сколько угодно.—Несомнѣнный выводъ, подсказываемый ими, тотъ, что въ 1-й пол. XVI в. крестьяне безусловно могли пріобрѣтать земельныя имущества путемъ заставы и при томъ не только отъ лицъ того же состоянія, но и отъ бояръ.—Здѣсь слѣдуетъ только оговориться на счетъ „заставы", какъ источника вещныхъ правъ на недвижимыя имущества. Застава относится къ тѣмъ формамъ залога, которыя въ римскомъ правѣ извѣстны подъ терминомъ pactum fiduciae. Заставное имущество поступало не только во владѣніе и пользованіе вѣрителя, но послѣднему принадлежало и право распоряженія по актамъ завѣщательнымъ, дальнѣйшему залогу и даже от-

---

1) Ак. Вил. Ком., XVII, № 18.
2) Ibid., № 858.
3) Ibid., № 35.
4) Ibid., № 269.
5) Ibid., № 294.

чужденію по сдѣлкамъ купли-продажи. Обыкновенно такое имущество передавалось въ наслѣдство наравнѣ съ прочими имуществами наслѣдодателя (могло составлять и отдѣльную долю наслѣдства для одного наслѣдника, тогда какъ другіе получали свои доли изъ прочихъ имуществъ). Для залогодателя и его потомковъ сохранялась однако всегдашняя надежда выкупить заставленное имущество.

При изложенныхъ личныхъ способахъ пріобрѣтенія правъ на землю, отнюдь нельзя видѣть главный способъ пріобрѣтенія крестьянами земель въ *надѣленіи ихъ участками со стороны государства.* Акты пожалованія крестьянамъ немногочисленны, но тѣмъ болѣе важны для насъ, какъ такіе, посредствомъ которыхъ въ старину сообщалась землевладѣнію печать высшей прочности правъ. Приведемъ примѣръ пожалованія, исходящаго непосредственно отъ князя.

Въ 1520 г. кн. Өедора Ив. Ярославича Пинскаго просили подданные с. Поршевичъ: Матвѣй Хилимоновичъ, Игнатъ Бобровичъ и Ст. Себастіановичъ пожаловать имъ къ ихъ отчизнымъ землямъ островъ Загоровичи. Князь пожаловалъ островъ вѣчно и непорушно имъ, ихъ женамъ и дѣтямъ, съ условіемъ лишь ежегодной платы въ 2 копы грошей и съ воспрещеніемъ прочимъ крестьянамъ того села пользоваться этимъ островомъ [1]).

Но пожалованіе крестьянамъ чаще исходило не непосредственно отъ высшей власти государства (великихъ князей, или удѣльныхъ—владѣтельныхъ), а отъ мѣстныхъ правителей и даже очень мелкихъ державцевъ; напр., въ 1541 г., въ Гродн. судѣ искали королев. кр-не Сенько Кореневичъ съ потужникомъ своимъ Игнатомъ Ленковичемъ на кр-нѣ королев. Жорославской волости Андреѣ Сивовичѣ о землѣ, доказывая свои права на землю тѣмъ, что ее далъ имъ п. Зелепуга, бывшій державца Жорославскій на чиншу [2]). Гродн. кр-не Козевичъ съ потужниками, споря противъ боярина Андрея Сварскаго, ссылаются на „листъ кн. Александра Юрьевича" [3]).

---

[1]) Ревизія пущъ, стр. 312.
[2]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 717.
[3]) Ibid., 830.

Кр-нъ Богданъ Заполянинъ, споря съ евреемъ о землѣ, ссылается на листъ п. Виленскаго (старосты Гродн.) и п. Требскаго (подстаросты) [1]).

Выше мы видѣли, что пожалованіе присоединялось къ прочимъ источникамъ права собственности въ смыслѣ дозволенія и утвержденія; но мы упоминали также, что главнѣйшее значеніе принадлежитъ этимъ другимъ источникамъ.

Таковы способы пріобрѣтенія правъ на землю крестьянами, несомнѣнно засвидѣтельствованные актами того времени.

Права распоряженія.

Обращаясь теперь къ правамъ распоряженія крестьянъ землею, находимъ, что они не менѣе обширны и разнообразны и въ суммѣ своей составляютъ, то, что соотвѣтствовало тогдашнему понятію о правѣ собственности. Остановимся преимущественно на правѣ *продажи земель.*

Отдѣльныя лица крестьянскаго сословія могли продавать свои земли, какъ входившія въ составъ ихъ дворищнаго владѣнія, такъ въ особенности ими лично пріобрѣтенныя,—продавать какъ лицамъ другихъ состояній (боярамъ, мѣщанамъ), такъ и членамъ того же крестьянскаго сословія. Слѣдующіе примѣры указываютъ на право крестьянъ продавать земли *боярамъ*: при в. кн. Александрѣ дворянинъ королевскій Макаръ прикупилъ къ пожалованному ему имѣнію Рогожинцу въ Гродн. пов. двѣ бортныя землицы у „людей господарскихъ городнянъ: Ив. Демьяновича и Юрія Ганусовича"; великій князь утвердилъ покупку [2]).—Въ 1512 г. Сигизмундъ I утверждаетъ за нѣкіимъ Бартошевичемъ земли, которыя онъ купилъ у „людей господарскихъ" Гродненскаго пов.: у Кирилла Ивановича и у его сыновей—Павла, Ѳедца, Левца и Семена, ихъ отчинное поле, сѣножати и гаи,—на вѣчность; а у Богдана Максимовича и у его братьевъ Василія и Михалка также отчинное поле ихъ на вѣчность, а также мѣнялся съ людьми Гродненскими: Стецкомъ, Панкратомъ, Гавриломъ и съ Ортюхомъ Селивановичами, полемъ—куплею своею—на ихъ поле от-

---

1) Ак. Вил. Ком., XVII, №, 889.

2) Рев. пущъ, стр. 175.

чизное [1]). Въ 1552 г. кор. Сигизмунъ-Августъ утверждаетъ за боярами Угликами земли, прикупленныя ихъ отцомъ къ выслуженному имѣнію у нѣкоторыхъ подданныхъ господарскихъ Городен. волости,—земли, которыя принадлежали этимъ крестьянамъ на отчинномъ правѣ [2]).

При с. Порѣчьѣ (Пинск. стар.) была закуплена земля Войной Гричиновичемъ къ его Порѣцкому двору у королевскихъ крестьянъ дворища Хведичъ и Хлесновичъ въ двухъ мѣстахъ [3]).

Продажа земли крестьянами между прочимъ лицамъ *мѣщанскаго сословія* утверждалась королевскими грамотами, т. е. право это достигало высшей тогдашней санкціи. Въ 1538 г., Городенскій соборный дьяконъ Дорофей Офанасовичъ, защищаясь противъ иска, заявилъ, что онъ держитъ отчину свою, на которой оставилъ его отецъ, купивъ ее у отцовъ и предковъ тѣхъ людей, которые противъ него ищутъ; въ подтвержденіе онъ представилъ королевскую грамоту на пергаментѣ съ печатью, въ которой значилось, что мѣщанинъ Офанасъ (отецъ дьякона) скупилъ у мѣщанъ и людей господарскихъ (крестьянъ) и у женъ, и дѣтей ихъ дворища, поля, сѣнокосы и огороды обель вѣчно, а именно: у Мишка Пересмыковича—селище его отчизное и нивку; у Сенюты Олисѣевича и у Сенюты Мишковича —отчину ихъ, наслѣдственную часть (дѣльницу) и усадьбы; у Чолуговичей, у Трофима Тормосича, у Сенюты Мишковича, у Ханца Проневича—огороды ихъ отчинные съ полями; у Ивана Олисѣевича, Некраша Галенчича, у дядковичей его и у Солохи Чичанки—поля отчинныя; у Ханца Проневича—гаи и дубровы; у Федора Ильковича —огородецъ отчинный". Затѣмъ на судъ были представлены и купчія на эти земли. Судья призналъ права отвѣтчика [4]).

Въ писцовой книгѣ Пинскаго староства, при описаніи дворища Стытычева, указывается, что подъ селомъ Красовымъ находится нива Кухтицкаго дворища, бывшая прежде во владѣніи Пинскаго мѣщанина Ждана Граната *за купно* (напеч. „za kupno", быть можетъ: „закупна") отъ нѣкоторыхъ королевскихъ крестьянъ [5]).

---

[1]) Рев. пущъ, стр. 185.
[2]) Ibid. стр. 192.
[3]) Писц. кн. Пинск. стар. Лавр. Войны, I, стр. 580.
[4]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 211.
[5]) Писц. кн. Пинск. стар. Лавр. Войны, I, стр. 186.

Право купли-продажи *между крестьянами* (одного вѣдомства) до такой степени твердо, что не нуждается въ подтвержденіи многими примѣрами; приведемъ лишь два изъ нихъ; въ 40-хъ годахъ XVI в. въ Гродненск. пов. крестьяне Засидранской слободы купили сѣнокосъ у крестьянина Дороша Жоровлевича и братанича его Павла [1]). Тогда же и тамъ же рѣшалось дѣло между королевскими крестьянами о землѣ, которую, по заявленію истца, „отецъ его Качанъ, зъ иншею братіею своею, продалъ отцу моему на вѣчность и подписался отецъ его (отвѣтчика) отцу моему, ижъ не мелъ онъ самъ, ни которыи потомки поискивати“ [2]).

Какъ извѣстно, въ древности договоръ купли-продажи не всегда былъ передачею права собственности; иногда это право не принадлежало самому продавцу, который въ такомъ случаѣ передавалъ по куплѣ-продажѣ другія вещныя права, принадлежавшія ему (именно право вѣчнаго владѣнія); такія сдѣлки получили въ сѣверно-русскомъ правѣ особое наименованіе „поступныхъ“. Съ другой стороны, продавецъ, которому право собственности на продаваемую вещь дѣйствительно принадлежало, сдѣлкою купли-продажи лишался этого права не безусловно; за нимъ и его потомками удерживалась возможность выкупа у покупщика и его потомковъ. Здѣсь не мѣсто входить въ общій разборъ этихъ явленій, напр., рѣшать вопросы: чѣмъ въ такомъ случаѣ отличается сдѣлка купли-продажи отъ залоговой (заставы; уже мы выше говорили о заставной сдѣлкѣ отдѣльно)? Всегда ли купля-продажа означала условный переносъ права собственности? Для насъ пока достаточно напомнить о существованіи такихъ особенностей въ древней куплѣ-продажѣ вообще, чтобы при помощи ихъ объяснить возможность начинающихся ограниченій въ правѣ западно-русскихъ крестьянъ отчуждать свою землю на вѣчность. Изъ предыдущихъ и нижеслѣдующихъ примѣровъ оказывается, что 1) акты продажи крестьянами земли отнюдь не могутъ быть признаны всѣ только „поступными“; большая часть ихъ суть дѣйствительные акты отчужденія права собственности; 2) если, благодаря повинностному характеру крестьянскихъ земельныхъ участковъ, судьи и правители въ 40-хъ годахъ XVI в. нерѣдко уничтожали

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, №, 584.

[2]) Ibid., №, 590.

продажныя сдѣлки крестьянъ, то не потому, что права собственности не принадлежали крестьянамъ, а потому, что сдѣлка купли-продажи вообще не была безусловною ни для какихъ лицъ отчуждающихъ. Въ 1541 г., въ Гродненскомъ судѣ жаловался одверный господарскій Ив. Миленькій на крестьянина королев. Одельской волости —Матѣя Пашевича съ братіею—за отнятіе у него земли, которую самъ же Матѣй продалъ ему съ сѣножатью и гаемъ за три копы грошей; при этомъ истецъ представилъ и листъ свой купчій, а ихъ продажный, „съ печатями людей добрыхъ"—бояръ; въ листѣ было написано, что если бы продавцы стали „торгомъ своимъ вартовати" или „торгъ взрывати" (нарушать), то обязаны уплатить вины на замокъ три рубля грошей. Вызванные свидѣтели-печатники подтвердили содержаніе сдѣлки. Но судья приговорилъ, что Миленькій имѣетъ право *держать землю, пока ему пенези* (3 копы) не *отдадуть*, и назначилъ срокъ уплаты [1]). Почему же сдѣлка купли-продажи превращена судомъ въ заставную? Разумѣется, въ этомъ можно усматривать начинающееся направленіе судебной практики не допускать для тяглыхъ людей распоряженія ихъ имуществами по сдѣлкамъ полнаго отчужденія; но судья для достиженія этой цѣли, очевидно, пользуется близостію сдѣлки купли-продажи къ заставному договору.

Кр-нъ Андрей Пашковичъ и жена его Алжбета продали кр-ну Андрею Олгимонтовичу два огорода. И хотя продавщица (оставшись вдовою) отрицала сдѣлку, утверждая, что она въ ней не участвовала, купчая, представленная Олгимонтовичемъ оставляла дѣло внѣ сомнѣнія; она скрѣплена печатями людей добрыхъ, въ томъ числѣ боярина Олизара Григорьевича, который лично подтвердилъ дѣйствительность продажи и участіе въ ней Алжбеты Пашковичевой. Но такъ какъ о той же землѣ былъ раньше судъ,— при прежнемъ правителѣ староства, и этотъ послѣдній рѣшилъ, что продавцы должны вернуть покупщику его деньги и тогда могутъ получить землю обратно, то и теперь судья рѣшилъ также [2]). Это не значитъ однако, что всякая купля-продажа земли между крестьянами равнялась залогу, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра: въ 1539 г. рѣшался споръ между Гродненскимъ муралемъ Маньяковичемъ и

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, 724.

[2]) Ibid., № 832.

крестьянами Богатыревичами о сѣнокосѣ. На судѣ оказалось, что спорная земля была куплена отцомъ Богатыревичей у Домны Маньяковичевой еще при в. кн. Александрѣ; письменная купчая была представлена судьѣ, и въ ней значилось, что Маньяковичева „продала тыи сеножати на вечность". Тогда же она продала и другія пахатныя земли свои другимъ лицамъ (Ломакѣ, а Ломака—Олизару). Судья признаетъ права отвѣтчиковъ по купчей и по давности [1]); выкупъ не былъ допущенъ.

Значеніе актовъ купли-продажи, какъ сдѣлокъ полнаго отчужденія правасобственности, видно между прочимъ изъ того, что крестьяне могли продавать не только цѣлые участки (при чемъ покупщикъ лишь замѣщалъ бы лицо продавца въ повинностномъ отношеніи), но и отдѣльныя, даже очень мелкія, части ихъ. Такъ, въ 1539 г. господарскій садовникъ Гродненскаго повѣта Луцъ Коледичъ продалъ крестьянину Засидранской волости, т. е. слободы, Миколаю Петровичу 3-ю часть третьей части волоки, которая ему принадлежала. Такимъ образомъ, все имущество продавца состояло изъ 3-й части волоки, и онъ отчуждаетъ 3-ю часть его (9-ю часть волоки). Судья, убѣдившись въ томъ, что сдѣлка дѣйствительно была, утверждаетъ продажу [2]). Крестьянинъ Засидранской слободы продаетъ 3-ю часть своей волоки крестьянину же с. Полоткова, и судъ признаетъ право покупщика [3]).

Тотъ же характеръ сдѣлокъ купли-продажи виденъ изъ *формъ ихъ совершенія*: сдѣлки купли-продажи совершаются непремѣнно письменно; купчая—„*листъ*"—дается отъ продавца покупщику. Пишется онъ на—дому обыкновенно дьяками. Сдѣлка скрѣпляется свидѣтелями „барышниками", обыкновенно тремя, и приложеніемъ печатей т. н. печатниковъ. Отсутствіе печати и неявка свидѣтелей для подтвержденія сдѣлки ведутъ къ признанію недѣйствительности сдѣлки [4]).

Если за купленную землю покупщикъ не сразу внесъ всѣ деньги, то сдѣлка считается продолжающеюся, незаконченною, и купчій листъ

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 99.
[2]) Ibid., № 116.
[3]) Ibid. № 265.
[4]) Ibid., № 950, 618.

въ такомъ случаѣ не выдается покупщику, а отдается на руки третьему—стороннему лицу.

Если письменный актъ купли-продажи уничтоженъ по окончаніи сдѣлки продавцомъ (чтобы уничтожить самую сдѣлку), то по удостовѣренію этого факта свидѣтельскими показаніями купля-продажа утверждается судомъ [1]).

Если свидѣтели, записанные въ актѣ, подтверждаютъ сдѣлку, но не были очевидцами уплаты, то сдѣлка не признается судомъ, и покупщику возвращается половина суммы, обозначенной въ сдѣлкѣ (это то, что въ другихъ краяхъ Россіи называется „грѣхъ по поламъ") [2]).

Въ 1540 г. королев. крестьяне Пашевичи продали одверному господарскому Ив. Миленькому земли на три бочки и къ той же землѣ гай съ сѣножатью—все за 3 копы гр.; но затѣмъ, „пѣнязей ему не отдавши, поле поорали". Крестьяне заявили судьѣ, что хотя они дѣйствительно продали и выдали купчую, но денегъ получили отъ продавца только 1 копу гр. Судья назначилъ срокъ для представленія свидѣтелей. Очевидно, сдѣлка считалась дѣйствительною только съ момента полной уплаты цѣны вещи [3]).

Купчій листъ, правильно составленный и признанный продавцомъ на судѣ, служитъ (за исключеніемъ вышеприведенныхъ условій) непреложнымъ актомъ перехода правъ, и сдѣлка не могла быть опровергаема уже ничѣмъ. Гродненскій крестьянинъ Артимъ Дробышевичъ съ женою и дѣтьми своими продалъ крестьянину Гринцу Кацевичу, его женѣ и дѣтямъ на вѣчность шесть нивъ своей отчизной земли (каждая нива съ принадлежностями: съ сѣножатями и, сверхъ того, гаемъ); въ купчей было оговорено, что если бы кто-либо сталъ спорить противъ этой продажи, то долженъ заплатить 12 рублей грошей на замокъ. Продавецъ однако предъявилъ искъ въ судѣ и утверждалъ, что онъ не продавалъ земли, а заложилъ ее только. Но, припертый къ стѣнѣ яснымъ содержаніемъ купчей, онъ заявилъ, что предъ совершеніемъ купчей его подпоили, и онъ допустилъ ее въ пьяномъ видѣ. Судья, „принявши во вниманіе постановленіе земскаго права, что при-

---

[1]) См. Ак. Вил. Ком., XVII, № 110.

[2]) Ibid., XVII, № 116; здѣсь рѣчь идетъ собственно о заставѣ, но условія дѣйствительности актовъ одни и тѣ же.

[3]) Ibid., № 288.

знавшій свою запись подлинною, долженъ исполнить её, рѣшилъ въ пользу покупщика [1]). Отсюда видно, что юридическія дѣйствія крестьянъ по отчужденію недвижимаго имущества опирались не на шаткой почвѣ только обычнаго права, не на усмотрѣніи мѣстныхъ представителей государственной власти, а на общемъ законѣ, точно такъ же, какъ и права прочихъ классовъ общества.

Итакъ купля-продажа крестьянами земли, по своей юридической силѣ, несомнѣнно равняется вообще куплѣ-продажѣ недвижимыхъ вещей въ древнее время, совершенной кѣмъ бы то ни было.

Сравнивая это право съ правами бояръ и земянъ того времени на распоряженіе земельными имуществами, мы видимъ, что первоначально крестьяне обладали въ этомъ отношеніи болѣе обширными правами; владѣнія бояръ и земянъ состояли преимущественно изъ пожалованій; пожалованіе давалось имъ часто пожизненно или „до воли" вел. князя [2]). Между тѣмъ крестьяне основывали свое право преимущественно на наслѣдованіи и обработкѣ; понятно, почему и права распоряженія ихъ могли быть независимѣе и обширнѣе.

Однако отнюдь нельзя признать и этотъ видъ права собственности вполнѣ независимымъ и свободнымъ; тогдашній общій прекарный характеръ правъ на земли, несомнѣнно, простирается и на крестьянскую собственность. Она покрыта повинностями въ пользу государства и потому не можетъ быть въ безусловномъ распоряженіи собственника. На шляхетскихъ земляхъ повинностное значеніе постепенно уступало мѣсто свободному, частно-правному элементу [3]); наоборотъ, крестьянскія права на землю, первоначально болѣе свободныя, постепенно и очень быстро сокращались и, наконецъ, въ томъ же XVI в. дошли почти до полнаго уничтоженія.

Отмѣтимъ сначала тѣ ограниченія, которыя общи какъ шляхетскимъ, такъ и крестьянскимъ правамъ на землю.

Обыкновенно, при отчужденіи земли крестьянами лицамъ другаго состоянія, требовалось *дозволеніе* или *утвержденіе* сдѣлки мѣстною или центральною властію. Но такое „дозволеніе" не предваряло, а

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, 827.
[2]) См наше изслѣдованіе: „Помѣстное право Литовско-русскаго государства въ XV в.".
[3]) Ibid.

сопровождало сдѣлку; напр., одинъ изъ крестьянъ Гродненскаго повѣта нѣкто Федько Суковичъ владѣлъ 5-ою частью отчизной бортной земли по раздѣлу съ братьями; но онъ весьма обнищалъ и былъ не въ состояніи („недужъ") платить дань медовую въ пользу королевскаго замка, а потому *спустилъ* (продалъ) свою землю господарскимъ Саражскимъ земянамъ—Щепину и Войтку Ходоровичамъ за 3 копы грошей на вѣчное время. Уже затѣмъ онъ явился къ правителю Гродненскаго староства съ просьбою утвердить эту сдѣлку; подстароста „допустилъ спустити" (позволилъ продать) именно въ тѣхъ видахъ, чтобы дань господарская выходила (уплачивалась) сполна; покупщики—земяне—должны, вмѣстѣ съ братьями продавца-крестьянами, платить пятую часть дани господарской [1]).

Свободный переходъ крестьянскихъ участковъ между тяглымъ населеніемъ сначала допускался безъ всякихъ ограниченій, и уже впослѣдствіи явилось требованіе „дозволенія", „допущенья", или утвержденія урядниковъ. Въ Гродненскомъ повѣтѣ въ началѣ XVI в. одинъ изъ тяглецовъ (конюховъ) Яцъ Ивановичъ продалъ „держати" сѣнокосъ Мильвиду Сурувойновичу (очевидно сербу); сынъ этого послѣдняго Миланъ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Станкомъ, съ женами и дѣтьми своими, продали этотъ сѣнокосъ на вѣчность Евсею Мелейховичу и брату его Федцу Юцевичамъ съ обязанностію „очищать" (т. е. защищать отъ стороннихъ притязаній); между тѣмъ сынъ одного изъ продавцовъ, именно Станка, Андрей заложилъ ту же землю третьему лицу, именно сотнику конюшенному Станку Петровичу; на эту послѣднюю сдѣлку взято дозволеніе у Городенскаго конюшаго; дозволеніе это письменное и имѣетъ видъ укрѣпленія сдѣлки. Тѣмъ не менѣе, при возникшемъ о томъ спорѣ, судья призналъ купчую и отвергъ незаконную закладную, хотя и утвержденную урядникомъ [2]). Здѣсь дозволеніе относится къ заставѣ, а не продажѣ, но относительно послѣдней должно разумѣться само собою.

Если сдѣлка даже утвержденная вызывала затѣмъ съ чьей-либо стороны споръ, то *она могла быть разрушена* судомъ не на основаніяхъ частно-правныхъ, а по финансовымъ интересамъ государства.

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 9.

[2]) Ibid., № 945.

Обсуждая на судѣ споры, возникавшіе изъ сдѣлокъ о землѣ, судья (онъ же и правитель) всегда принималъ во вниманіе не только частно-правные мотивы законности сдѣлки, но и интересъ финансовый. Напримѣръ, Гродненскіе „мурали" (каменщики) Матвѣй и Николай Янковичи уступили принадлежащую имъ четвертую часть муральской земли своимъ сотоварищамъ по ремеслу; но прочіе мурали не позволили этой передачи и не отдали уступленной земли пріобрѣтателямъ. Судья (въ 1540 г.), разсмотрѣвъ тяжбу о томъ, рѣшилъ противъ продавцовъ, т. е. не призналъ сдѣлки на томъ основаніи, что отчуждавшіе участокъ сами живутъ въ Вильнѣ, „а на службахъ и земляхъ своихъ не живутъ и отписуютъ части свои земли и службы муральское, которыхъ сами не маютъ" [1]).

Въ томъ же году, санникъ господарскій (Гродненскаго повѣта) Жукъ Ходаневичъ искалъ огорода на Аннушкѣ, вдовѣ Прокопа, также санничкѣ. Огородъ промѣнялъ ея мужъ истцу на землю съ придаткомъ 2 копъ гр. и 2 бочекъ жита. На судѣ было дознано, что мѣна дѣйствительно состоялась; былъ представленъ мѣновой листъ, въ которомъ написано, что „Прокопъ съ женою своею Аннушкою и съ дѣтьми своими промѣнялъ (огородъ) обель вѣчно". Но свидѣтели сдѣлки заявили на судѣ, что жена (Анна), хотя и названа въ актѣ, однако при заключеніи сдѣлки не присутствовала. Судья рѣшилъ: „вгдыжъ тая Аннушка зъ мужемъ своимъ того огороду не промѣняла, а ни пенязей весполокъ съ нимъ брала, а бачечи тежъ, ижъ тая Аннушка, не маючи земли суполное (т. е. не имѣя полнаго участка), службы господарское послужити не можетъ, зоставилъ есми ее при томъ огородѣ" [2]).

До 40-хъ годовъ XVI в. финансовые разсчеты правительства были лишь второстепеннымъ, привходящимъ мотивомъ при рѣшеніи вопросовъ о правѣ крестьянъ на землю. Два права, лежавшія на землѣ: крестьянское и государственное, не приходили еще въ коллизію и примирялись легко; государственнымъ властямъ не было ни нужды, ни побужденія выставлять чистое свое право собственности на крестьянскую землю. Ограниченія, лежавшія на крестьянской собственности,

---

[1]) Ркп. Вил. центр. арх., кн. Гродиен. зем. суда за 1540, стр. 292—298.

[2]) Ак. Вил. Ком., т. XVII, № 222.

были отнюдь не строже ограниченій, лежавшихъ на собственности бояръ, земянъ и вообще всего населенія государства. Всякій могъ наслѣдовать землю отъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, всякій могъ завѣщать ее, покупать и продавать, мѣнять и дарить съ разрѣшенія правительства, лишь бы исполнялъ службу и повинности, лежавшія на землѣ. При неисполненіи обязанностей земля отнималась и жаловалась другому столько же по частному праву государя, сколько, или еще болѣе, по праву государства, какъ политическаго союза. Публичное и частное право вообще далеко еще не выдѣлились и не обособились.

Но въ половинѣ XVI в. происходитъ въ Литовскомъ правѣ сильный переворотъ (благодаря, между прочимъ, вліянію польскаго права). Въ актахъ рѣшеній судовъ начинаютъ постепенно проторгаться новыя понятія, слышатся новыя ноты, пока только неясныя, но предвѣщающія скорое наступленіе иной гармоніи общественныхъ идей. Возьмемъ слѣд. примѣръ.

Въ 1541 г., Гродненскому судьѣ жаловались бояре господарскіе Довтортовичи на крестьянъ королевскихъ Мицутича, Федковича и Войтковича о томъ, что послѣдніе отняли у первыхъ поле, которое отцы отвѣтчиковъ-крестьянъ, вмѣстѣ съ самими отвѣтчиками, продали отцу истцовъ на вѣчность за 15½ копъ грошей. Купчая была представлена; оказалось, что на такую продажу *дано дозволеніе* намѣстника Городенскаго. Сверхъ того оказалось, что проданная земля не есть служебная, т. е. не входитъ въ составъ тѣхъ земель, „съ которыхъ продавцы-крестьяне должны служить службу замку и платить подати". Хотя отвѣтчики и предъявляли разные отводы (о неучастіи своемъ въ сдѣлкѣ, о рѣшеніяхъ этого дѣла, будто бы раньше состоявшихся на судѣ въ ихъ пользу), но это были только обыкновенныя судебныя уловки; дѣло было ясно; права покупщиковъ несомнѣнны. Чтожъ дѣлаетъ судья? Вмѣсто того, чтобы признать полное право собственности бояръ на купленную у крестьянъ землю, онъ рѣшилъ: „не допуская, чтобы бояре держали „на вѣчность" *землю государскую*, они имѣютъ право держать ее до тѣхъ поръ, пока наслѣдники-крестьяне не возвратятъ имъ уплаченной за землю суммы безъ процентовъ („истыи пенязи"), т. е. 15½ копъ грошей. Когда такая уплата наступитъ, то земля должна быть возвращена крестьянамъ-отвѣтчикамъ, „*бо*, прибавляетъ судья, *дякольный человѣкъ ни-*

коли земли на вѣчность продати не может" [1]). Вотъ принципъ совершенно новый. Не только предшественники этого судьи утверждали сдѣлки продажи крестьянами земли на вѣчность (см. выше), но и при этомъ самомъ судьѣ въ томъ же городѣ подобныя сдѣлки совершались и утверждались. Въ этомъ дѣлѣ не то важно, что судья замѣнилъ вѣчное право правомъ заставнымъ (залоговымъ); въ тѣ времена выкупъ проданныхъ имуществъ часто допускался и при такъ называемой продажѣ „на вѣчность". Важенъ именно принципъ, что дякольный человѣкъ (тяглый) вообще не имѣетъ права на свою землю, даже и тогда, когда съ оставшагося имущества онъ можетъ служитъ службу замку. Важно, наконецъ, отвлеченное сознаніе, что земля, владѣемая крестьянами, есть господарская.

Такимъ образомъ, торжество правъ государства (и пановъ) надъ правами крестьянъ на ихъ землю начинается уже въ 1-й пол. XVI в. и до нѣкоторой степени водворяетъ произволъ мѣстныхъ властей въ распоряженіи крестьянскими землями. Напримѣръ, въ 1539 г одинъ крестьянинъ Лабенской волости Гродненскаго повѣта продалъ другому крестьянину той же волости два огорода „обель вѣчно" и далъ купчую. Между тѣмъ урядъ Лабенскій эти земли взялъ „на дворъ" Лабенскій, т. е. присоединилъ къ непосредственнымъ дворовымъ владѣніямъ. Покупщикъ занесъ жалобу судьѣ. Судья (подстароста Гродненск.) нашелъ, что „*мужикъ простый не маетъ моцы земли господарьской обель продавати*", а потому присудилъ, чтобы продавецъ (оставшійся безъ земли) возвратилъ покупщику полученную отъ него сумму [2]). Въ этомъ актѣ рѣчь идетъ о „человѣкѣ" господарскомъ и объ огородѣ; но едва ли здѣсь разумѣются полусвободные люди двора (койминцы), которымъ именно давались въ надѣлъ огороды. Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о продажѣ крестьяниномъ крестьянину.

При судебныхъ спорахъ о землѣ, проданной крестьянами боярамъ, въ 40 хъ годахъ уже часто повторяются рѣшенія о возвращеніи денегъ покупщику и земли продавцу. Такъ, въ томъ же судѣ разбиралось дѣло между бояриномъ Томкевичемъ, отецъ котораго

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 881.

[2]) Ibid., № 214.

купилъ землю, и крестьяниномъ Домашевичемъ, отецъ котораго и дядько продали эту землю. Кр-нъ отнялъ ее силою у боярина и судьи приговорилъ оставить за крестьяниномъ землю съ обязанностью уплатить часть суммы и съ правомъ для боярина искать другой части на другомъ продавцѣ. Рѣшеніе мотивировано тѣмъ, что сдѣлка совершена лѣтъ 20 тому назадъ, *„поки еще права земскіе писаные не выданы были"* [1]).

Повинностныя отношенія крестьянскаго землевладѣнія вызвали особый видъ отчужденія крестьянскихъ участковъ, т. н. *сдачу* земли: „первей тую землю (говорится въ одномъ актѣ 1540 г.) Юсъ держалъ...; ино вже не змогъ той земли пахати и далъ мнѣ (корол. муралю Шембеню)" [2]); правитель староства дозволилъ эту сдѣлку и отдалъ пріобрѣтателю землю на чиншу (однако наслѣдникъ Юса—племянникъ заявилъ претензію на эту землю).

Такъ сокращалось съ теченіемъ времени право крестьянъ на отчужденіе земли по куплѣ-продажѣ. Въ этомъ разрушеніи древняго права участвовали многіе факторы, каковы: изданіе 1-го статута, практическое проникновеніе польскаго права, измѣненія въ сферѣ сословныхъ отношеній. Но для 1-й половины XVI в. эти явленія были пока лишь зародышами будущаго, отдаленными раскатами грома наступавшей крѣпостной грозы. Въ общемъ 1-я половина XVI в. есть несомнѣнно эпоха полнаго права крестьянъ на землю,—полнаго въ смыслѣ понятій того времени.

Не забѣгая впередъ, обратимся къ прочимъ правамъ распоряженія, которыми пользовались тогда крестьяне.

Подобно куплѣ-продажѣ свободно допускалась и *мѣна* крестьянскихъ земель; такъ санникъ Гродненскій промѣнялъ землю на „селидьбу" крест-на корол., по смерти котораго жена его хотѣла было отнять назадъ селидьбу [3]). При мѣнѣ всегда полагался „придатокъ" деньгами или вещами. Договоръ требовалъ составленія акта („мѣновнаго листа"), скрѣпленнаго свидѣтелями и печатью „печатниковъ".

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 74.
[2]) Ibid., № 487.
[3]) Ibid., № 441.

Особенно часто могла практиковаться мѣна между крестьянами-односельцами. Здѣсь можно бы было, повидимому, обойтись безъ всякихъ формъ и письменнаго акта; однако и въ этихъ случаяхъ составлялись „листы“; такъ рыболовъ Гродненскій Трумна спустилъ по листу огородъ земли своей отчизной Родевичу и его дѣтамъ; „въ одмену“ получилъ онъ въ полѣ столько же земли и придатокъ въ 43 гроша [1]).

Если иногда мѣна совершается безъ мѣновнаго листа и затѣмъ доказывается на судѣ свидѣтельскими показаніями, то это составляетъ явленіе исключительное, допущенное съ скрытою цѣлью одной стороны отказаться впослѣдствіи отъ сдѣлки: въ Гродненскомъ повѣтѣ одинъ кр-нъ (сорочникъ Шиндельскій) помѣнялся землею съ кр-номъ Петромъ Бобровникомъ. Мѣна совершена „на вѣчность“: „умова промежъ нихъ была такая, что они сами и дѣти ихъ должны эту мѣну вѣчно на вѣки держать“; сдѣлка состоялась 15 лѣтъ назадъ (около 1525 г.) при свидѣтеляхъ. На судѣ отвѣтчики отревались отъ сдѣлки, но, уличенные свидѣтелями, сами сознались, что потому тогда и не составляли письменнаго акта, чтобы имѣть возможность отречься отъ договора. Судья призналъ сдѣлку доказанною [2]).

Кромѣ продажи и мѣны, крестьяне могли отчуждать земли путемъ *даренія*. Здѣсь мы преимущественно имѣемъ въ виду надѣленіе церквей землею со стороны крестьянскихъ обществъ; примѣромъ этого могутъ служить надѣленія церквей цѣлыми крестьянскими обществами селъ: Купечичъ, Жолкини, Вольвичъ и Старыхъ-Коней Пинскаго староства [3]).

Другая сдѣлка, приводившая къ отчужденію земли и практиковавшаяся между крестьянами гораздо чаще, есть *застава*, т. е. передача земли (или другаго недвижимаго имущества) во владѣніе кредитора впредь до уплаты долга. Терминъ застава въ описательныхъ формахъ замѣнялся многими другими; напр., „*запродалъ* ми поля на бочку“, говорилъ истецъ Гродненскому судьѣ въ 1539 г.; свидѣтель, подтвердившій показаніе истца, выразился такъ: „Иванецъ ему въ тыхъ пѣнезяхъ на бочку поля *завелъ*“; судья рѣшилъ: „маетъ онъ

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 28.

[2]) Ibid., № 758.

[3]) См. наше изслѣдованіе въ „Кіев. сборникѣ“, стр. 22.

тую землю *держати*, поки пѣнязи ему отдасть". Если отдающій въ заставу—запродаетъ, то получающій ее—*закупаетъ* владѣніе.

Заставное владѣніе обыкновенно не ограничивалось срокомъ; иногда кредиторъ и его потомки держатъ землю въ заставѣ 40 и болѣе лѣтъ; тѣмъ не менѣе заставное право не переходило никогда въ право собственности: должникъ и его потомки всегда могли „отложить" занятыя деньги и возвратить свою землю. Но въ эпоху послѣ изданія Статута такое долговременное владѣніе по заставѣ судьямъ казалось уже достаточнымъ для пріобрѣтенія права собственности: въ 1540 г. Гродненскій судья рѣшалъ дѣло о заставѣ, продолжавшейся именно 40 лѣтъ, но не рѣшился дать окончательнаго постановленія, отложивъ его до прибытія высшей власти и оставивъ землю у заставнаго владѣльца [1]).

На практикѣ застава служила постоянно замѣною пріобрѣтенія въ собственность; владѣя изъ поколѣнія въ поколѣніе, владѣлецъ навсегда удерживалъ вещь въ своихъ рукахъ; выкупъ наступалъ рѣдко.

Въ обычномъ правѣ, вѣроятно, допускался при этомъ „выпустъ", т. е. погашеніе долга пользованіемъ; по крайней мѣрѣ собственники иногда ссылаются на необходимость выпуста, когда произвольно нарушаютъ владѣніе кредитора и подвергаются за то отвѣтственности по суду [2]). По народному воззрѣнію земля должна „отрабатывать" свой долгъ, какъ это обыкновенно было при личномъ закладѣ. Но судъ уже не признаетъ выпустовъ и требуетъ уплаты долга, хотя бы земля была въ заставѣ многія десятилѣтія. Въ 1539 г. крестьянинъ, отвѣчая по иску жида за произвольное отнятіе заложеннаго ему сѣнокоса, ссылался на „выпустъ"; но такъ какъ въ актѣ „выпуста" не оказалось, то крестьянинъ былъ обвиненъ [3]). „Онъ поле наше уже два года пахалъ и уже за эти деньги на той землѣ отпахалъ", говорятъ отвѣтчики; но судъ приговариваетъ ихъ къ уплатѣ долга [4]).

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 350 и 853.

[2]) Такъ, Петричевичи, отвѣчая на Гродненскомъ судѣ объ отнятіи заставленной ими земли у Барбары Станиславовой, говорили, что „заставили ей поля безъ службы и подачекъ" (т. е. безъ перевода повинностей); она держитъ это поле уже давно, такъ что оно „могло бы ся у нее выробити" (т. е. могло бы уже отработаться). Судья однако приговорилъ ихъ къ полной уплатѣ долга (Ак. Вил. Ком., XVII, № 113).

[3]) Ibid., № 77.

[4]) Ibid., № 805.

Служа подспорьемъ владѣнію на правѣ собственности, застава практиковалось широко между всѣми классами тогдашняго общества; но преимущественно часто прибѣгаютъ къ ней крестьяне въ XVI в [1]). Почему? Повидимому, причиной того было возникающее сомнѣніе въ ихъ правѣ распоряжаться землею по сдѣлкамъ полнаго отчужденія.

Застава требуетъ составленія акта, но можетъ быть доказываема и свидѣтельскими показаніями [2]).

Земля можетъ быть заставлена лицамъ всякаго свободнаго состоянія, напр. мѣщанамъ [3]), боярамъ [4]), евреямъ. Если земля получена въ заставу такимъ лицомъ, которое лично не отправляетъ тяглой службы, то для него тяглая служба можетъ быть замѣнена чиншемъ: бояринъ Пав. Внучко (въ Гродн. пов.) взялъ въ заставу землю отъ королев. крестьянина Стася Черниковича; правитель староства—Требскій далъ ему „листъ" на эту землю, дозволяющій держать ее на чиншу [5]).

Самымъ же обыкновеннымъ явленіемъ была застава земли отъ крестьянина крестьянину. Эта сдѣлка практиковалась и между ближайшими родственниками, напр., между родными братьями [6]).

„Застава" могла быть передаваема отъ одного лица къ другому посредствомъ передачи „закупныхъ листовъ"; такъ въ удовлетвореніе за долгъ теткѣ племянники-крестьяне передали закупный листъ отца своего на поле, „за которымъ листомъ я и теперь тое поле держу", говоритъ тетка [7]).

Но заставная сдѣлка и безъ письменнаго акта могла быть признана судьею, если подтверждалась свидѣтельскими показаніями; такъ, Гродненскіе крестьяне колесники тягались (въ 1539 г.) о землѣ, ко-

---

[1]) См. Ак. Вил. Ком., XVII, №№ 11, 13, 16, 41, 42, 77 (запродажа), 108 (запродажа), 113 (запродажная земля), 116 (запродажа), 244 (застава отъ королевскихъ крестьянъ крестьянамъ частновладѣльческимъ), 374, 385, 388, 431 (отъ крестьянина пушкарю), 451 (отъ крестьянина боярину), 723 (обрусный господарь заставилъ свою отчизную землю обрусному), 753, 805, 842.

[2]) Ibid., № 374.

[3]) Ibid., №№ 116, 388, 464.

[4]) Ibid., № 960.

[5]) Ibid., № 451.

[6]) Ibid., №№ 876, 869.

[7]) Ibid., № 13.

торую одинъ изъ нихъ хотѣлъ получить, какъ свою дядковщину, но которую другой получилъ отъ дядки истца въ видѣ заставы; листа не оказалось, но судъ призналъ заставу на основаніи свидѣтельскихъ показаній [1]). Также судъ поступалъ въ случаѣ спора о подлинности акта [2]).

Самоуправное отнятіе заставной земли собственниками ея часто влечетъ не возвращеніе земли кредитору и не наказаніе за самоуправство, а лишь обязательство уплатить долгъ въ срокъ, назначенный судомъ [3]). Впрочемъ, вообще при рѣшеніи споровъ о заставномъ владѣніи, судъ превращаетъ безсрочное обязательство въ срочное; напр., крестьянинъ, заставившій землю пушкарю, въ заставномъ листѣ своемъ обязался „не отнимать своей земли до того времени, пока отдастъ деньги“ [4]). Судья назначилъ срокъ уплаты черезъ 4 недѣли.

При выкупѣ заставной земли имѣетъ мѣсто „заказъ“, т. е. выкупающій объявляетъ (заказываетъ) кредитору, чтобы тотъ не пахалъ земли подъ посѣвъ будущаго года, ибо-де имѣетъ наступить уплата и выкупъ [5]). Заказъ долженъ быть сдѣланъ предъ людьми.

Въ 40-хъ годахъ XVI в. власти (королевскіе урядники) вмѣшиваются и въ сдѣлки крестьянъ по заставѣ въ интересахъ казны. Такъ въ Гродненскомъ повѣтѣ одинъ изъ конюховъ заставилъ свою землю п. Внучку, но затѣмъ самовольно возвратилъ ее въ свое владѣніе. Когда панъ пожаловался судьѣ, то крестьянинъ призналъ, что земля была дѣйствительно заложена имъ; но онъ возвратилъ ее потому, что „п. Требскій (подстароста) хотѣлъ насъ *за то карати, же мы ему земли свои заставуемъ*“. Быть можетъ, здѣсь играютъ роль личные мотивы, именно по отношенію къ п. Внучку, но во всякомъ случаѣ урядникъ считаетъ себя въ правѣ препятствовать сдѣлкамъ крестьянъ [6]).

Наконецъ, крестьянскія земли отчуждались въ *удовлетвореніе по частнымъ обязательствамъ* крестьянъ. Такъ напр., поручительство, при несостоятельности или бѣгствѣ того, за кого ручались, приводило

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 16.
[2]) Ibid., № 842.
[3]) Ibid, № 385.
[4]) Ibid., № 431
[5]) Ibid., № 753.
[6]) Ibid., № 960.

къ передачѣ земли въ пользу вѣрителя. Обыкновенно поручителями являлись сочлены дворища—родственники и въ такомъ случаѣ расплачивались тою долею земли, которая приходилась ихъ несостоятельному сочлену [1]). Для доказательства приведемъ слѣдующій примѣръ: Гродненскій крестьянинъ Снарскаго сорока Янко Вазгирдовичъ поручился за крестьянина Янка Носовича мѣщанину въ 18 копахъ грошей. Сдѣлалъ онъ это, не будучи къ тому обязанъ, по просьбѣ родственниковъ и потужниковъ должника, именно двоюрод. братьевъ его, Петрашковича и Рымковича. Должникъ оказался несостоятельнымъ и сбѣжалъ прочь съ женою и дѣтьми. Такимъ образомъ, поручитель долженъ былъ заплатить мѣщанину 18 коп. гр.; зато потужники бѣглеца уступили было ему (поручителю) половину земли своей за „поручныя деньги", но затѣмъ опять выгнали его съ той земли; тщетно обиженный обращался къ суду подстаросты; земли онъ не получилъ на томъ основаніи, что не внушалъ увѣренности подстаростѣ, что будетъ въ состояніи нести крестьянскія повинности, такъ какъ, платя по поручительству, обнищалъ и не имѣлъ „статка" (рабочихъ лошадей и проч.). Впрочемъ, послѣ того состоялась мировая: отвѣтчики обязались уступить Вазгирдовичу третью часть своей отчины, т. е. ту, которая приходилась на долю ихъ дядка (сбѣжавшаго несостоятельнаго должника), и дали ему на то „листъ" свой. Однако и послѣ того истецъ не получилъ ни земли, ни денегъ, и снова явился къ судьѣ, ссылаясь на то, что теперь онъ уже обзавелся (запомогся) и въ состояніи отправлять повинности. Отвѣтчики усиливались отрицать самую сдѣлку поручительства и выдачу ими письменнаго обязательства; однако свидѣтели, поименованные въ актѣ, подтвердили показаніе истца; судья рѣшилъ отдать 3-ю часть земли отвѣтчиковъ Вазгирдовичу съ тѣмъ, чтобы онъ служилъ 3-ю недѣлю и давалъ 3-ю долю дякла, а отвѣтчики—2 недѣли и давали $^{2}/_{3}$ дякла [2]). При другомъ однородномъ случаѣ, одинъ изъ „дядковичей"—совладѣльцевъ оказался несостоятельнымъ по поручительству; въ вознагражденіе кредитору отдается 3-я часть земли (приходившаяся на долю несостоятельнаго); прочіе члены дворища тщетно протестовали на судѣ [3]).

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 20.

[2]) Ibid., № 75.

[3]) Ibid., № 911.

Послѣ сказаннаго о правѣ крестьянъ распоряжаться землею по сдѣлкамъ купли-продажи и заставы, нечего и упоминать о томъ, что всѣ прочія сдѣлки, доступныя собственнику земли, практиковались и крестьянами; такъ, крестьянинъ отдаетъ землю въ наемъ [1]); дается въ наемъ и пахатная земля на одинъ или два посѣва (корол. кр. Янъ Мартиновичъ королев. же крестьянину Янку Милостовичу въ Гродненскомъ повѣтѣ) [2]).

Въ тогдашней терминологіи наемъ иногда смѣшивается съ заставою: такъ, въ 1539 г. въ Гродненскомъ судѣ истецъ увѣряетъ судью, что „нанялъ" у отвѣтчика на одинъ годъ двѣ нивки; отвѣтчикъ признается, что „заставилъ" ему эти нивки [3]). Очевидно, наемъ отъ заставы отличается только срочностью.

Всѣ изложенныя выше права крестьянъ на землю имѣютъ *исковый характеръ*, т. е. могутъ быть защищаемы и возстановляемы путемъ суда.

Твердость сознанія права среди крестьянъ видна изъ того, что „отчичи" (наслѣдники-собственники) ищутъ земли за 20, 30, 40 и болѣе лѣтъ. Такъ, въ Гродненскомъ повѣтѣ крестьяне Тютейковичи ищутъ своей отчины, которую уже 20 л. держитъ писарь латинскій Гродненскій Яганусъ по купчей. Жаловались они и прежде не однократно, но не получали удовлетворенія и, наконецъ, самоуправно отняли землю и засѣяли [4]).

Защита правъ на землю посредствомъ суда ведется самими крестьянами предъ государственными органами суда, т. е. старостою, воеводою и королемъ. Это не есть, такъ сказать, домашнее разбирательство управителей королевскихъ имѣній, а судъ государственный.

Въ случаѣ неясности дѣла назначается выѣздъ на спорную землю и такъ называемое „веденіе *копы* зъ уряду", т. е. по приказанію власти; обязанность поднимать судей, т. е. платить имъ, падаетъ на истца [5]). Копа (общинный судъ) является органомъ государственной судебной власти.

---

[1]) Ак. Вил., Ком. XVII, № 333 (дѣло о наймѣ сѣнокоса Новодворскимъ крестьяниномъ Гродн. пов. у корол. крестьянина Максимова сорока). См. еще ibidem, № 64.

[2]) Ibid., № 403.

[3]) Ibid., № 88. См. тоже въ № 39.

[4]) Ibid., № 542.

[5]) Ibid., № 446.

Иски ведутся иногда чрезъ „прокуратора" (представителя) [1]).

При дворищномъ совладѣніи иски ведутся всѣми (полноправными) членами дворища, а равно и отвѣчаютъ также члены дворища солидарно; отвѣтчикъ поэтому имѣлъ право требовать отсрочки разбора дѣла до явки родственниковъ его. Въ 1541 г., обрусный господ. Ярмола жаловался на такого же обруснаго Проня Нацевича объ отнятіи этимъ послѣднимъ у перваго заложенной отцомъ Нацевича отчинной земли, которая досталась ему по выдѣлу отъ братьевъ. Отвѣтчикъ не хотѣлъ отвѣчать одинъ безъ старшаго брата и обязался явиться къ суду вмѣстѣ съ нимъ; однако къ назначенному сроку брата не поставилъ, заявивъ, что „самъ не знаю, гдѣ мнѣ брата своего искать". Тогда уже онъ отвѣчаетъ одинъ [2]).

Права частновладѣльческихъ крестьянъ на землю.

Повидимому, гораздо труднѣе допустить развитіе правъ крестьянъ на земляхъ частновладѣльческихъ. Здѣсь и надо бы ожидать полнаго установленія сразу идеи исключительной собственности на сторонѣ владѣльца и полнаго отсутствія ея на сторонѣ крестьянъ. Формы актовъ жалованныхъ, дарственныхъ и купчихъ, повидимому, явно указываютъ на безраздѣльное право на землю первыхъ. Напримѣръ, кн. Ѳедоръ Ив. Ярославичъ далъ на церковь Божію „человѣка въ селѣ нашомъ въ Сошнемъ, на имя Телеша, зъ его дворищемъ и съ его землею пашною, и со всѣмъ съ тѣмъ, что изъ старины къ тому дворищу принадлежало, какъ тотъ Телешъ состоялъ, живучи въ томъ дворищѣ" [3]).

Тотъ же князь пожаловалъ слугѣ своему Дмитровичу за его службу двухъ человѣкъ въ с. Масѣвичахъ; „далъ ему тѣхъ людей вѣчно, непорушно, ему, его женѣ и ихъ дѣтямъ, съ ихъ (крестьянъ) землями пашными, бортными, сѣнокосными, съ тѣми рѣками и всѣми другими угодіями (входами), которыя издавна принадлежали къ ихъ дворищамъ" [4]).

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, 723.
[2]) Ibid., № 851.
[3]) Ревиз. пущъ, стр. 255.
[4]) Ibid., стр. 263.

Ревизорамъ 1554 г. „жиды" гор. Пинска Аврамовичи представили привлегію кор. Боны, по которой оказалось, что еще кн. Өедоръ Ив. Ярославичъ пожаловалъ отцу ихъ жиду Авраму Рышковичу дворище въ селѣ Крайновичахъ съ людьми—Олексою Толонцевичемъ, съ его дѣтьми, братаничами и дядковичами и съ землями ихъ пашными, бортными, съ сѣнокосами на вѣчность, ему самому и дѣтямъ его, и отъ всѣхъ замковыхъ повинностей тѣхъ людей уволилъ [1]).

Однако и въ указанной формѣ пожалованіе, а равно и другіе способы пріобрѣтенія населенныхъ имѣній частными владѣльцами, вовсе не означало передачу въ собственность владѣльца земли крестьянъ (и ихъ личности); жалуемы были только тѣ доходы, которые принадлежали прежде государству съ этихъ крестьянъ. Напримѣръ, княгиня Кобринская жалуетъ въ 1401 г. (?) монастырю св. Спаса село Корчичи „со всѣми доходами, съ данью, съ полюдьемъ, съ грошми и со всѣми тѣми доходами, которые тѣ Корчичане давали предкамъ нашимъ и намъ самимъ" [2]). Кн. Юрій Семеновичъ, выслуживши у короля имѣніе Дружиловичи, жалуетъ изъ этого имѣнія церкви св. Николая Дружиловскаго человѣка въ Опольи на имя Игната съ братіею его, съ данью и со всѣми дачками. „А тому человѣку ненадобе ни на одну службу нашу ити", прибавляетъ князь [3]). Въ этомъ и состоятъ всѣ обязанности къ владѣльцу пожалованнаго крестьянина.

Иногда при пожалованіи отношенія крестьянина къ землевладѣльцу опредѣляются вполнѣ какъ отношенія двухъ стороннихъ лицъ; въ 1504 г. Пинскій кн. Өедоръ Ив. Ярославичъ даетъ пожалованіе новооснованной имъ церкви въ Ставкѣ; между прочимъ онъ пожаловалъ попу „на однорядку", на ладанъ и проскуры—80 грошей ежегодно; обязанность выдавать этотъ доходъ возложена на „человѣка" княжескаго Осю и братію его. Названнымъ крестьянамъ дано было въ прибавку къ ихъ отчинной землѣ дворище Андруховщина, съ котораго они прежде платили князю 80 гр., а теперь этотъ самый платежъ переведенъ на церковь [4]). Въ этомъ и состояли всѣ обязатель-

---

[1]) Ревизія пущъ, стр. 312—313.
[2]) Ак. Вил. Ком., III, № 21.
[3]) Ревизія пущъ, стр. 252—253.
[4]) Ibid., стр. 221.

ства крестьянъ къ новому владѣльцу. Такія пожалованія (фундуши) впослѣдствіи обращались въ имѣнія на правѣ собственности, а крестьяне-плательщики—въ крѣпостныхъ.

Бытовые акты и явленія указываютъ на возможность вещныхъ правъ крестьянъ на землю и въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ. Достаточно вспомнить дожившее до нашихъ дней чиншевое право на частныхъ земляхъ, чтобы перенестись мысленно къ явленіямъ древнимъ, для которыхъ нынѣшнее чиншевое право служитъ только слабымъ отголоскомъ. Всего лучше знакомятъ насъ съ понятіями древности непосредственныя *выраженія* въ бытовыхъ памятникахъ стариннаго языка. Въ концѣ первой половины XVI в. производился обводъ границъ между Польшею и Литвою. Когда коммиссары дошли до границъ Волыни и Ратенскаго староства, принадлежавшаго уже Польшѣ, то приблизились къ землямъ села владыки Луцкаго—Качина. Пограничные владѣльцы обоихъ государствъ, обыкновенно, указывали неодинаковыя границы и спорили между собою. Такъ точно и Качинцы, споря съ сосѣднимъ польскимъ селомъ Нюемскимъ, заявили: „то есть отъ р. Быстрицы до р. Сыновки *наша властная, отчизная и дѣдизная земля, и отъ давныхъ часовъ мы ее во вжываныо и въ спокойномъ держанью, отъ великого князя Витольда ажъ и до тыхъ часовъ, маемъ*“ [1]). Такъ могутъ говорить только люди, сознающіе свое „вѣчное“ (какъ тогда говорили) право. Между тѣмъ село это принадлежитъ Луцкому владыкѣ, и говорятъ это его крестьяне. Это сразу отвлекаетъ насъ отъ привычнаго, но ошибочнаго представленія о похожихъ людяхъ, которые нынѣ здѣсь, а завтра тамъ.

Во всякомъ случаѣ, частновладѣльческимъ крестьянамъ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ королевскимъ, присуще сознаніе права собственности на владѣемую ими землю. Напримѣръ, въ 1540 г. крестьянинъ пана (каштеля). Виленскаго (въ Гродн. повѣтѣ) заявилъ судьѣ жалобу, что „бояринъ господарскій Василій Яковцовичъ на властной отчизной земли моей жита моего... на 30 копъ пожалъ“ [2]). Тогда же крестьянинъ монастыря Борисоглѣбскаго (въ Гроднѣ) жаловался на королевскаго крестьянина за потраву въ собственномъ овсѣ его [3]). Котренскіе

[1]) Археогр. Сбор., I, стр. 73.
[2]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 380.
[3]) Ibid., № 325.

крестьяне кашт. Виленскаго Харитонъ и Иванъ Алексичи жаловались на крестьянъ королевскихъ Горницкихъ, что они „на властномъ полѣ нашомъ овесъ нашъ сѣеный поорали, а иншій пожали и потравили, и къ томужъ полю на 20 копъ сеножати съ гвалтомъ покосили“ [1]).

Болѣе рѣшительное значеніе имѣютъ акты, свидѣтельствующіе о правахъ частновладѣльческихъ крестьянъ на распоряженіе землею. Они могутъ *отдавать ее въ заставу*, какъ показываетъ слѣд. примѣръ, взятый изъ той же мѣстности того же времени. Жаловались королевскіе крестьяне *на п. Андрея Сопотка*, конюшаго Городенскаго, *и на людей его*—Иванелевича съ братаничами Якубомъ и Станишемъ,—говоря, что они „держатъ землю нашу собственную, которую мы заставили было имъ въ копѣ гр.; теперь мы деньги возвращаемъ, а они денегъ не берутъ и земли уступать не хотятъ“. Отвѣчали п. Сопотко и вышеназванные крестьяне; но панъ землевладѣлецъ фигурируетъ только ради юридической фикціи; въ дѣйствительности же отвѣтъ кр-нъ былъ таковъ: „то наша земля собственная („властная“); но при предкахъ нашихъ была запродана упомянутымъ королевскимъ крестьянамъ, и мы эту землю, какъ свою отчину, у нихъ выкупили въ двухъ копахъ безъ 10 гр“. Это говоритъ не панъ, а крестьяне его; они называютъ землю своею властною, они отдаютъ ее въ залогъ и выкупаютъ. Панъ прибавилъ только отъ себя новую жалобу, что королевскіе крестьяне перепахали межу на его собтвенной землѣ. Эта жалоба была рѣшена отдѣльно, прежде и независимо отъ дѣла о крестьянской землѣ. Въ назначенный срокъ для рѣшенія этого послѣдняго дѣла жалоба и отвѣтъ были повторены буквально, но частновладѣльческіе крестьяне представили суду два листа (грамоты) въ подтвержденіе своего права; въ одной изъ грамотъ значилось, что Андрюшко Иванелевичъ, человѣкъ п. Сопотка, выкупилъ у (такихъ-то) королевскихъ крестьянъ въ копѣ гр. часть отчины своей, заложенной было отцомъ его; въ другомъ листѣ тотъ же королевскій крестьянинъ заявляетъ, что Андрюшко Иванелевичъ выкупилъ и другую половину своего поля за 50 гр. Такъ какъ документы были оспариваемы, то судъ рѣшилъ землю отдать королевскимъ крестьянамъ, которые должны уплатить панскимъ крестьянамъ деньги по закладной [2]). Чрезъ нѣкоторое время королевскіе

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, 378.
[2]) Ibid., № 244.

крестьяне заплатили людямъ пана Сопотка за отчинную землю свою, которая у тѣхъ людей была, 2 копы безъ 10 гр. [1]).

Во всякомъ случаѣ, изъ этого акта слѣдуетъ, что частновладѣльческіе крестьяне признавали землю, которою владѣютъ, своею собственною, и могли отдавать ее въ заставу лицамъ другаго вѣдомства или получать отъ стороннихъ землю въ заставу; ни противная сторона, ни судъ, ни панъ не отрицали за ними этого права; крестьяне ведутъ искъ въ своемъ интересѣ и отъ своего лица, хотя и при помощи пана. Приведемъ еще примѣръ въ доказательство того, что частновладѣльческіе крестьяне защищаютъ свое право на землю судомъ и ведутъ искъ отъ своего лица: въ 1540 г. Гродненскому судьѣ жаловался человѣкъ плебана Индурскаго Милько Ивасиковичъ на сорочника Демидовскаго Шимона Якубовича, утверждая, что этотъ послѣдній вступается „у влостную сеножать мою за Одлою", т. е церковный крестьянинъ признаетъ землю своею собственною. Судья назначилъ на мѣстѣ съѣздъ сосѣдей, людей добрыхъ, для рѣшенія вопроса о правѣ на этотъ сѣнокосъ [2]).

О прочихъ правахъ распоряженія свидѣтельствуютъ слѣд. акты: въ томъ же году и въ томъ же судѣ жаловался подданный пана Виленскаго изъ Котренскаго двора Винашъ Салкевичъ на корол. крестьянина Мелешкова сорока Гаврила Ивановича о томъ, „штожъ де онъ вступуется во влостную мою землю Мотроневскую" [3]). Отвѣтчикъ увѣрялъ, что ему слѣдуетъ изъ этой земли половина, потому что отецъ его купилъ эту землю вмѣстѣ съ истцомъ (панскимъ крестьяниномъ); половину платы за землю (20 гр.) онъ самъ—отвѣтчикъ—уже по смерти отца отдалъ истцу, который и „припустилъ" было его къ пользованію землею. Здѣсь панскій крестьянинъ *покупаетъ* землю у сторонняго.

Въ 1541 г. въ томъ же судѣ крестьяне кашт. Виленскаго, ища свободы отъ панскаго права, разсказываютъ о своемъ происхожденіи якобы отъ такихъ предковъ, которые не входили въ число пожалованныхъ отъ короля, и, излагая свою родословную, между прочимъ

---

1) Ак. Вил. Ком., XVII, № 259.
2) Ibid., № 315.
3) Ibid., № 396.
4) Ibid., № 694.

объ одномъ изъ предковъ—Сенютѣ говорятъ, что онъ умеръ безпотомно „и часть земли его мы межи себе держимъ", т. е. крестьяне, и по утвержденію частнаго владѣльческаго права надъ ними, владѣютъ *наслѣдственно* своими участками и на этомъ опираютъ свое право противъ владѣльца. Это уже при сильномъ развитіи панскаго права, которое заставило ихъ хлопотать объ освобожденіи.

Частновладѣльческіе крестьяне распоряжаются своими землями при *пожертвованіяхъ на церковь*. Въ 1546 г., королевскіе бояре въ Дубновицѣ задумали основать у себя въ селѣ новую церковь, затрудняясь ѣздить въ свою прежнюю приходскую. Вновь основанная церковь, по обычаю, снабжается имуществами („наданіями") или фундушами. Бояръ въ селѣ оказалось не мало, именно 12 семействъ, очевидно мелкопомѣстныхъ, однако имѣвшихъ здѣсь своихъ „подданныхъ"—крестьянъ. Каждый изъ бояръ далъ, что могъ: Головня—два поля, сѣнокосъ и 10 бортныхъ деревьевъ, Федько Артюшевичъ—три поля, сѣнокосъ и 10 бортныхъ деревьевъ; Грицъ—одно поле и 10 деревьевъ бортныхъ и т. д. всѣ 12 бояръ. Отъ крестьянъ, очевидно, нельзя ожидать ничего, когда владѣльцы ихъ на лицо и жертвуютъ свои земли. Но, къ удивленію, мы находимъ въ актѣ неожиданное продолженіе: „А подданные наши Дубновицкіе (жертвуютъ церкви): Яковъ Хомичь ниву далъ подъ Перевестемъ, а дерева бортного четверо, а пчолы въ соснѣ, а сѣножать на Березникахъ; Антонъ Догадневичъ нивы двѣ далъ, одна на Заборьи, а другая черезъ Смужавинку, такъ же (тамъ же?) недалеко, а сѣножать подъ Гумнищами, а четверо дерева бортного; Лукьянъ Селивоновичъ поле далъ подъ Хоронястою, а дерева бортного пятеро, а сѣножать за Кращиною; Мацъ Ильковичъ поле далъ у Еверинахъ" [1]). Повторяемъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ весьма мелкопомѣстною средою; всѣ 12 семействъ бояръ владѣютъ крестьянами вмѣстѣ, что видно изъ приведеннаго выраженія: „подданные *наши*"; у каждаго изъ нихъ имущества немного болѣе того, какимъ владѣютъ и крестьяне; у всѣхъ бояръ вмѣстѣ былъ „млинъ спольный" (общій). Такіе малоимущіе владѣльцы, какъ извѣстно, всего менѣе способны были дать просторъ для развитія имущественныхъ правъ

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XI, № 9.

своихъ крестьянъ; дорожа средствами, они гораздо скорѣе, чѣмъ вельможные паны, должны были дать почувствовать крестьянамъ, что земля ихъ, а не крестьянская. И вотъ, даже при такихъ условіяхъ, крестьяне каждый жертвуетъ изъ своихъ владѣній почти столько же, сколько и паны ихъ. Разумѣется, они дѣлаютъ это съ согласія своихъ пановъ, быть можетъ, даже по настоянію ихъ; тѣмъ не менѣе имущества принадлежали крестьянамъ; земли ихъ (поля и сѣножати) лежатъ въ отдѣльныхъ урочищахъ, т., е. очевидно, состоятъ въ полномъ владѣніи ихъ.

Когда Ив. Сем. Сопѣга, воевода Подляссвій, основалъ городъ Кодню, то далъ построенной въ немъ церкви св. Михаила разныя земли, и въ томъ числѣ сѣножатку въ Добрынѣ, которую люди Страдецкіе (т. е. крестьяне) дали,... а третью въ Щенятинѣ, которую люди Окнинскіе надали, за позволеніемъ его милости" [1]).

Права крестьянъ въ частныхъ владѣніяхъ нѣсколько видоизмѣнялись по родамъ субъектовъ владѣнія. Наибольшей высоты правá крестьянъ достигали на церковныхъ имуществахъ и въ частности на имуществахъ приходскихъ церквей. Кому принадлежитъ право на такія имущества? Приходское духовенство приписываетъ это право себѣ (и не безъ основанія); напр., въ 1553 г., попъ Козмодемьянской церкви, жалуясь на совладѣльцевъ Зенковичей о захватѣ земли (которою они должны были владѣть по-поламъ съ церковію) въ свое исключительное владѣніе, говоритъ, что спорную землю—островъ Побоiовскій—издавна, при в. кн. Витолдѣ, держали два брата Дитятко и Михайлочко, а затѣмъ „продокъ мой попъ Рогачевскій Козмо-Демьянскій небощикъ Дмитрій". Описывая права своихъ предковъ и свои, попъ-истецъ перечисляетъ земли, сѣнокосы, дерево бортное, дворную пашню, бобровые гоны, звѣриные и пташьи ловы, рыбныя ловли въ р. Добоснѣ и хмѣлища на лугахъ. Вообще спорное имущество, т. н. „островъ", было довольно значительное; на немъ были населенныя села.—Между тѣмъ, въ качествѣ истцовъ на судѣ явился не одинъ попъ; напротивъ, коммисары кор. Боны, рѣшавшіе дѣло, пишутъ, что они „выѣзжали на право (т. е. судъ) между людьми попа Козмодемьянскаго... и земянами господарскими Зенковичами. Когда

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVI, № 4.

предложено было сторонамъ рѣшить дѣло третейскимъ порядкомъ, то „Федоръ попъ съ своими людми церковными на то позволилъ" (согласился). Вмѣсто общаго владѣнія „островомъ" былъ совершенъ раздѣлъ по р. Добосну между церковію и Зенковичами: церкви досталось два села съ людьми. Сѣнокосы людей церковныхъ, лежавшіе по ту сторону р. Добосны, замѣнены; бортныя деревья церковныхъ людей остаются по прежнему. Словомъ, вездѣ рѣчь идетъ объ имуществѣ „людей церковныхъ". Но такъ какъ при раздѣлѣ произошла замѣна и самыхъ селъ съ людьми, то любопытно, какъ это мирится съ земельными правами крестьянъ, за которыя они такъ усердно стояли на судѣ? На этотъ счетъ въ третейскомъ приговорѣ было постановлено: „а что касается людей церковныхъ, которые достались на обѣ стороны, т. е. Зенковичамъ и попу, то вольны они, кому хотятъ, тому будутъ служить, оставшись на грунтахъ *земли своей*" [1]).

Чтобы показать отношеніе крестьянъ къ землѣ въ имѣніяхъ монастырскихъ, приведемъ слѣд. эпизодъ изъ исторіи с. Чащичей (Гродней. пов.), принадлежащаго Борисоглѣбскому монастырю. Когда-то село это (вѣроятно, вмѣстѣ съ самимъ монастыремъ) принадлежало пану Богушу, который держалъ тамъ „намѣстникомъ" своимъ (прикащикомъ) боярина господарскаго Глѣбка Клопотовича. Въ числѣ крестьянъ этого села сидѣлъ нѣкій Щербъ, который затѣмъ ушелъ изъ роднаго села и поселился въ другомъ краю; на мѣстѣ, гдѣ онъ прежде жилъ въ Чащичахъ, осталось одно „печище". Но участокъ земли его выпросилъ себѣ для поселенія нѣкто Гришко Некрашевичъ; прикащикъ Глѣбко, отдавая Некрашевичу опустѣвшій участокъ, обязалъ его давать по бочкѣ соли. Года съ три Некрашевичъ исполнялъ эту повинность и жилъ въ Чащичахъ; но затѣмъ оказался неисправнымъ, пересталъ давать соль и за это былъ „согнанъ" съ земли. Между тѣмъ сыновья кр. Щерба, прежняго отчинника этой земли, возвратились на родину и, разумѣется, предъявили права на свою наслѣдственную землю. Намѣстникъ отдалъ ее имъ. Согнанные Некрашевичи ушли на королевскую землю и сдѣлались крестьянами кор. Боны. Въ 1541 г. они занесли жалобу судьѣ на Борисоглѣбскаго архимандрита, требуя возвращенія имъ земли, яко бы непра-

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XI, № 14.

вильно присоединный монастыремъ къ своимъ владѣніямъ. На судѣ они утверждали, что то была ихъ отчинная земля, вымѣненная отцомъ ихъ у отца Щербовичей. Какое значеніе могла имѣть ссылка на такое право? Крестьянинъ, такъ или иначе, ушелъ изъ монастырскаго имѣнія; оставленный имъ участокъ монастырь, разумѣется, могъ передать другому. Между тѣмъ судья допустилъ представленіе и провѣрку доказательствъ, очевидно, въ томъ предположеніи, что въ случаѣ перевѣса доказательствъ въ пользу крестьянъ, земля могла быть отсуждена отъ того, кому далъ ее монастырь, въ пользу другого, т. е. крестьянъ-отчичей. Но на судѣ крестьяне ничѣмъ не могли подкрѣпить своего иска: мѣновая грамота на землю будто-бы сгорѣла у нихъ; 18 свидѣтелей, выставленныхъ архимандритомъ, по предписанію статута, показали, что земля была не ихъ отчиною, а отчиною Щербовичей; монастырь по этому выигралъ дѣло [1]).

Такимъ образомъ на земляхъ частновладѣльческихъ крестьянскіе участки составляютъ предметъ права наслѣдства, мѣны и исковъ къ самимъ владѣльцамъ.

Что касается до *панскихъ* имѣній, которыя обыкновенно обнимали цѣлыя волости и даже повѣты и мало отличались отъ княжествъ то права крестьянскаго землевладѣнія въ такихъ имѣніяхъ въ сущности ничѣмъ не разнились отъ правъ королевскихъ крестьянъ. Органы правительственной и судебной власти въ такихъ имѣніяхъ вполнѣ равнялись государственнымъ. Права крес-нъ противъ стороннихъ лицъ защищались предъ панскимъ урядомъ и королевскими чиновниками путемъ судебныхъ процессовъ; при этомъ панскіе уряды иногда рѣшали вполнѣ добросовѣстно въ пользу стороннихъ и противъ крестьянъ своего собственнаго пана [2]).

Въ панскихъ владѣніяхъ, какъ и въ государственныхъ повѣтахъ, были замки и города, нерѣдко снабженные магдебургскими привилегіями; были земяне, бояре конные, панцырные и путные и всѣ тѣже разряды крестьянъ, какъ и на коронныхъ земляхъ. Поэтому, всѣ виды землевладѣнія, съ тѣмъ же повинностнымъ характеромъ ихъ, присущи и панскимъ владѣніямъ; такъ, панскіе бояре могли владѣть населенною землею (съ крестьянами). За то и права крестьянъ на землю

---

[1]) Ак. Вил. Ком, XVII, № 883.

[2]) Ibid., XI, № 17 (декретъ Несвижскаго намѣстника кн. Радзивила 1556 г.).

развивались въ такой же широкой свободѣ, какъ и въ коронныхъ владѣніяхъ. Въ обширной сферѣ панскаго права отношенія пана къ крестьянской землѣ были слишкомъ отдаленны и не непосредственны. Внутри этихъ владѣній свободное передвиженіе правъ на крестьянскіе участки (посредствомъ купли, мѣны, залога, наслѣдства) не встрѣчало никакихъ препятствій.

Разумѣется, противъ самого пана права крестьянъ, какъ и права земянъ, бояръ и мѣщанъ, не были ничѣмъ гарантированы, подобно тому, какъ вообще въ государствѣ права всѣхъ гражданъ въ отношеніи къ королю.

Однако въ одномъ отношеніи возможна была защита правъ крестьянскаго землевладѣнія противъ самихъ пановъ. Если, при пожалованіи коронной земли частнымъ лицамъ, кому-либо изъ крестьянъ удавалось посредствомъ суда утвердить свою независимость отъ новаго владѣльца, то вмѣстѣ съ тѣмъ они предъявляютъ права и на земли свои, отвоевывая ихъ отъ владѣльца. Такъ Индурская волость была пожалована п. Виленскому; но нѣкоторые изъ крестьянъ Индурскихъ („линники") отвоевали свою свободу и тотчасъ же завладѣли участкомъ земли—„дядковщиною" своею, считая ее принадлежащею себѣ по праву наслѣдства [1]).

Права крестьянъ въ боярскихъ (земянскихъ) имѣніяхъ уже уяснены приведенными выше примѣрами, которые показываютъ, что владѣльцамъ въ такихъ имѣніяхъ предоставляются лишь повинности, а не права на крестьянскую землю [2]).

Однако, именно въ этихъ имѣніяхъ коренился первый зародышъ будущаго крѣпостнаго права. Дальнѣйшая исторія, т. е. описаніе хода развитія крѣпостнаго безправія и его причинъ, не входитъ въ задачу этого очерка. Другому времени или другимъ лицамъ предоставляемъ мы тяжкій трудъ уясненія этого мрачнаго предмета, обнимающаго весьма сложныя явленія: бытовое проникновеніе въ Литву польскаго и нѣмецкаго права, изданіе статута съ тенденціями шляхетско сословными, измѣненія въ сферѣ государственнаго устройства и въ области экономическихъ сношеній. Ступени, по которымъ указанныя

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 969.

[2]) Ревиз. пущъ, стр. 252—253.

причины привели къ крѣпостному состоянію, были таковы: а) крестьяне-собственники земли (*отчичи*) теряютъ право перехода; поэтому б) большинство стремится сохранить за собою значеніе вольныхъ похожихъ людей, а земля ихъ признается панской; в) путемъ давности и другихъ мѣръ число вольныхъ похожихъ людей сокращается: обезземеленные крестьяне лишаются и личныхъ правъ. Здѣсь достаточно сказать, что и эпохѣ, избранной нами (до пол. XVI в.), далеко не чужды начальныя ступени этой лѣстницы крѣпостнаго права. То самое, что было прежде основою полноправія крестьянъ, т. е. ихъ наслѣдственное владѣніе землею, сдѣлалось источникомъ ихъ безправія, тогда какъ легковѣсныя части крестьянскаго общества, бродячіе—похожіе люди еще сохраняютъ свою свободу,—„отчичи"-владѣльцы земли разсматриваются часто, какъ прикрѣпленные крестьяне; если въ актахъ укрѣпленія имущества они не были перечислены, то доказательствомъ частной принадлежности ихъ могли быть другіе акты, напримѣръ раздѣльные акты между панами, если при этомъ составлялись поименные реэстры крестьянъ. Тогда единственнымъ способомъ защиты отъ прикрѣпленія оставалось доказать званіе похожаго человѣка, утвердить, что „я человѣкъ господарскій, вольный" [1]); бродячій человѣкъ, хотя ни къ кому не пріуроченъ, но въ качествѣ, такъ сказать, res nullius есть человѣкъ господарскій—королевскій. Въ первой половинѣ XVI вѣка суды и власти были еще очень осторожны въ признаніи правъ пановъ на личность такихъ людей; „не желая на свою голову брать, чтобы человѣка и его будущихъ потомковъ на вѣчность выдавать кому либо", отлагали такія дѣла до королевскаго суда [2]).

Почему лучшая, осѣдлая и имущественно-полноправная часть крестьянскаго общества прикрѣпляется раньше бродячей, бездомной и безземельной? Отчичи суть владѣльцы земли, если признать за ними право отказываться произвольно отъ службы своему пану, то это значило бы допустить выходъ изъ-подъ власти пана *съ землею,* т. е. допустить возможность полнаго разрушенія панскихъ правъ. Ни сами паны, ни государство не могли еще объявить ихъ

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 263.
[2]) Ibid.

права на землю ничтожными. Сейчасъ былъ приведенъ фактъ борьбы крестьянина съ паномъ Виленскимъ, при чемъ первый, освободившись лично отъ власти пана, влечетъ вмѣстѣ съ собою изъ-подъ его власти и свою землю. Паны должны были парализовать личныя права крестьянина, чтобы сохранить за собою его землю.

М. Владимірскій-Будановъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Для показанія того, какъ долго (до пол. XVIII в.) сохранялись по мѣстамъ древнія формы сельской общины, дворищнаго совладѣнія и права частновладѣльческихъ крестьянъ на землю, прилагаемъ слѣдующій актъ изъ книгъ Барскаго староства за 1731 г.:

Roku 1731, iunij 23. W sprawie między pracowitemi Iwanem Zielenkiem powodem, oczewisto, a pracowitym Ilkiem Kaszczyenkem pozwanym, oczewisto, do sądu zamkowego zayszley o to, iż pomieniony powod Zielenko, będąc z dawnych dawien, z dziada y oyca, obywatelem Łuczanskim, w teyże wsi Łuce, w częsci Trykowey nazwaney, mieszkał z domowstwem swoim, a tak, gdy pod czas inkursyi rożnych, domowstwo swoie porzucic y ze wsi Łuki ustąpic musiał, Ilko Kaszczienko, pozwany teraznieyszy, porzuciwszy dawne swoie domowstwo do iego pomieszkania przeniosł się y tak sady, stawy, grunta, lasy y sianożęci na osobę swoię odebrał. Pracowity zas Iwan Zielenko, powrociwszy przy pokoiu do wsi Łuki, tak u gromady swego upominał się dziedzictwa, iako też o to y do sądu teraznieyszego zamkowego Ilka przypozwał, oraz y gromadę Łuczanską stawił na swiadectwo [1]). Iakoż iuż ta gromada Łuczanska, godząc strony, pomiarkowanie między niemiż we wsi Łuce, dnia 14 miesiąca y roku teraznieyszych, uczynili,—wyszrzeczonemu Zielenkowi grunt jego dawny przyznali, a temu

---

[1]) Крестьянинъ села Луки Барскаго староства Зеленко, „бывшій съ давныхъ давенъ, отъ дѣда и отца, обывателемъ“ этого села, долженъ былъ, вслѣдствіе разныхъ наѣздовъ на село, уйти; оставленное имъ имущество его: домъ, сады, ставы, грунты, лѣса и сѣнокосы, занялъ другой крестьянинъ—Кащіенко. По успокоеніи края первый хозяинъ однако возвратился въ родное село и потребовалъ свое имущество назадъ; онъ *обратился для этого* къ *громадѣ* Лучанской. Громада признала права истца; Кащіенко долженъ былъ уступить; но, въ замѣнъ того, *громада дала* ему „въ вѣчное владѣніе“ выморочный грунтъ Романенковъ—садокъ и ставокъ съ сѣнокосами; такое пожалованіе выражено было на письмѣ, съ приложеніемъ рукъ членовъ громады.

Ilkowi grunt nazwany Romanenkow, sadek y stawek z sianożęciami spadłe, w dzierzawe wiecznemi czasy podali, y na to się rekoma swemi własnemi podpisali.

Sąd tedy zamkowy, referuiąc się do tegoż pomiarkowania y one we wszystkiem approbuiąc y zachowuiąc, pracowitemu Zielenkowi grunt iego dawny, ktorego przedtym zażywał, przysądza y, aby z pracowitemi Lewkem Prodernenkem y Leskem Pasieczniczenkem, iako w teyże częsci mieszkaiącemi, stawku y sadku, co iest w lesie, iako też y sianożęci, oprocz sadow, we wsi znayduiących się, po-połowie zażywali, nakazuie [1]). Ilkowi zaś Kaszczyienkowi grunt od gromady nadany y wydzielony, nazwany Romanenkow, na co osobliwszy od gromady ma skrypt, także z sadem, stawkem, sianożęciami, także wiecznemi czasy do spokoynego podaie używania, iakoż y z chałupy, w której teraz siedzi, ustępować niema.

Ze zaś pracowity tenże Ilko Kaszczyenko w sadzie tym,ktory teraz Zielenkowi iest przysądzony, drzewa sadowego, pracy y kosztu niemało przyłożywszy, siła nasadsił, y nagrodzenia teyże swoiey pracy za owe sadowinę u pracowitego Zielenka affektuie y dopomina się,—sąd zamkowy, stosuiąc się do słusznosci, nakazuie, aby strony obydwie po dwoch ludzi z strony swoiey we wsi Łuce do pomiarkowania, czego sad wart, uprosili. Ci zaś uproszeni ludzie y sprowadzeni do przerzeczonego sadu, iakie drzewa są y czego warte, zważą y,aby nagrodził pracowity Zielenko Ilkowi, nakażą, y we wszystkich pretensiach strony obydwie pogodzą.

Któremu to dekretowi strony obydwie zadosyc uczynić powinni będą pod grzywnami y winami zamkowemi.

Кн. декретовъ Барск. замк. юридикціи, хранящаяся въ Кіев. центр. арх., № 5684, л. 66, актъ 175.

---

[1]) Замковый судъ утвердилъ распоряженіе громады, дополнивъ его лишь нѣкоторыми подробностями, а именно: старинный грунтъ Зеленка (теперь возвращенный ему) находился въ *части*, т. н. Трыковой. Частью называется *группа нѣсколькихъ хозяевъ-совладѣльцевъ* (въ данномъ случаѣ—трехъ). Поэтому замковый урядъ приказываетъ, чтобы возвратившійся крестьянинъ владѣлъ и пользовался сообща съ крестьянами Продерненкомъ и Пасѣчниченкомъ, „какъ живущими въ той же части“; общее владѣніе простирается на ставъ, на тотъ садъ, который находится въ лѣсу, а равно и на сѣнокосы, но не простирается на сады, находящіеся въ селѣ. Очевидно, „часть“ представляетъ то, что въ старину называлось дворищемъ,—члены ея совладѣютъ всѣми имуществами, кромѣ усадебъ.

Возвратившійся крестьянинъ долженъ вознаградить своего предмѣстника за улучшенія, сдѣланныя этимъ послѣднимъ въ саду, по оцѣнкѣ третьихъ лицъ.

Новыя данныя для біографіи Ивана Өедорова, русскаго первопечатника.

Въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, въ Луцкихъ гродскихъ книгахъ за 1575 и 1576 г.г. находятся акты, на основаніи которыхъ могутъ быть восполнены имѣвшіяся доселѣ біографическія свѣдѣнія объ Иванѣ Өедоровѣ за время пребыванія его въ Западной Россіи, особенно на Волыни у кн. Константина Острожскаго [1]). Немногое даютъ Луцкіе акты въ восполненіе этихъ свѣдѣній; но немногое значимо и цѣнно, когда рѣчь идетъ о такой замѣчательной личности, какъ нашъ русскій первопечатникъ. Припомнимъ вкратцѣ тѣ главные моменты и факты изъ жизни Өедорова въ Западной Россіи, которые были извѣстны до настоящаго времени, чтобы, такъ сказать, примостить къ нимъ новыя данныя, а изъ совокупности тѣхъ и другихъ сдѣлать и нѣкоторые выводы относительно трудовъ Өедорова въ томъ дѣлѣ, которое онъ считалъ своимъ призваніемъ.

29 октября 1565 г. Өедоровъ и его товарищъ Петръ Тимоөеевичъ Мстиславецъ окончили печатаніемъ въ Москвѣ вторую изъ своихъ первопечатныхъ книгъ—*Псалтирь съ Часословомъ*—и вскорѣ затѣмъ подпали гоненію отъ невѣждъ и принуждены были бѣжать, говоря по тогдашнему, въ Литву. Время этого бѣгства и прибытія ихъ въ Литву точно не опредѣлено; но несомнѣнно, что оно было не ранѣе конца 1565 г. Въ Литвѣ московскіе пришлецы-печатники имѣли честь найти благосклонный пріемъ у короля и пановъ рады Литовской, какъ говоритъ это самъ Өедоровъ въ предисловіи къ

---

[1]) Акты найдены и указаны мнѣ, а нѣкоторые, и притомъ важнѣйшіе, сообщены въ копіяхъ И. М. Каманинымъ. *Авторъ.*

своему Львовскому Апостолу 1574 г. Это могло быть въ Вильнѣ въ концѣ 1565 или началѣ 1566 г., или же въ Гроднѣ въ половинѣ 1567 г., потому что въ первый изъ этихъ моментовъ происходилъ Литовскій сеймъ въ Вильнѣ, а во второй—въ Гроднѣ, и на обоихъ присутствовалъ король со всею Литовскою радою.—Благосклонный пріемъ московскихъ пришельцевъ самимъ государемъ объясняется, помимо тогдашнихъ отношеній Литвы къ Москвѣ, особенно ходатайствомъ за нихъ Виленскаго каштеляна и гетмана великаго княжества Литовскаго, Григорія Александровича Ходкевича, который, какъ выражается Өедоровъ, „со тщаніемъ умоли за насъ государя Сигизмунда-Августа“. Этотъ же „вельможный панъ, продолжаетъ Өедоровъ, прія насъ любезно въ своей благоуспѣшней любви, и упокоеваше насъ *немало время*, и всякими потребами тѣлесными удовляше насъ; еще же и сіе недовольно ему бѣ, аще тако устроити насъ, но и весь немалу дарова ми на упокоеніе мое“ [1]). Это было въ имѣніи Ходкевича Заблудовѣ (нынѣ мѣстечко въ Бѣлостоцкомъ уѣздѣ Гродненской губ.), вблизи котораго и дана была Өедорову немалая весь, или село. Здѣсь въ Заблудовѣ или, какъ думаютъ нѣкоторые, въ сейчасъ упомянутомъ селѣ, Өедоровъ и Мстиславецъ, по желанію и на средства своего покровителя, устроили типографію и въ 1568—1569 г. напечатали *Учительное Евангеліе*, а въ 1570 г. уже самъ одинъ Өедоровъ (Мстиславецъ удалился въ Вильну) напечаталъ *Апостолъ*. Но затѣмъ старость и частыя головныя боли, какъ разсказываетъ Өедоровъ, а вѣроятно, прибавимъ съ своей стороны, и тѣ огорченія и затрудненія, какія причинилъ Ходкевичу исходъ крайне противной ему Люблинской уніи, вынудили послѣдняго прекратить дѣйствіе типографіи [2]). „Повѣле

---

[1]) Предисловіе къ Львовскому Апостолу Өедорова 1574 г., нѣсколько разъ напечатанное, въ послѣдній разъ пропечатано въ статьѣ г. *Пташицкаго*: „Иванъ Өедоровъ, Московскій первопечатникъ. Пребываніе его во Львовѣ“ (Русская Старина за 1884 г., Мартъ).

[2]) Извѣстно, что всѣ Ходкевичи были сильными противниками Люблинской уніи, а Григорій Ходкевичъ собирался даже выступить съ открытымъ возстаніемъ противъ нея, что соединялось съ большими непріятностями для него. Извѣстно также, что въ данное время онъ испытывалъ большія денежныя затрудненія. Это видно особенно изъ письма его отъ 1 марта 1572 г. къ игумену Кіевскаго Никольско-Пустынскаго монастыря, которому онъ не могъ уплатить долга въ 200 копъ грошей вслѣдствіе „великого утиску и недостатку“ въ его имѣніяхъ (Вил. Археогр. Сборникъ, Т. IX, № 25, стр. 75. Вильна. 1870 г). Денежныя затрудненія, вѣроятно, были однимъ изъ поводовъ къ прекращенію дѣйствія типографіи,—требовалось издержекъ.

намъ, говоритъ Ѳедоровъ, работанія сего престати и художество рукъ нашихъ ни во чтоже положити и въ веси земледѣланіемъ житіе міра сего препровождати". Но Ѳедоровъ чувствовалъ себя призваннымъ трудиться, какъ самъ выражается, не раломъ пахатнымъ, а своимъ художествомъ, и не житныя сѣмена сѣять, а духовныя сѣмена разсѣвать по вселенной чрезъ книгопечатаніе. Поэтому онъ оставляетъ Заблудовъ и свою весь и отправляется во Львовъ. Труденъ былъ путь его. „Въ путь шествующу ми, многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точію долготы ради путнаго шествія, *но и презельному повѣтрію*, и путь шествія моего ста силищу, и просто рѣщи все злое и злыхъ злѣе". Упоминаніемъ *о презельномъ повѣтріи* довольно точно опредѣляется время путешествія Ѳедорова изъ Заблудова во Львовъ. Это дѣйствительно страшное повѣтріе свирѣпствовало именно въ 1572 г. [1]), къ которому и надо относить переходъ Ѳедорова изъ Заблудова во Львовъ.

Во Львовѣ видимъ Ѳедорова въ январѣ 1573 г. и притомъ уже устраивающимъ свою типографію; слѣд., прибылъ онъ сюда нѣсколько ранѣе, т. е. въ концѣ 1572 г. Во Львовѣ, послѣ многихъ затрудненій и огорченій въ борьбѣ съ равнодушіемъ къ его дѣду однихъ, съ противодѣйствіемъ другихъ, онъ наконецъ нашелъ добрыхъ людей изъ незнатнаго класса и съ помощію ихъ успѣлъ устроить свою типографію, а въ 1574 г. уже окончилъ въ ней печатаніе Апостола, въ предисловіи къ которому съ глубокою почтительностію и благодарностію говоритъ о своемъ благодѣтелѣ Ходкевичѣ. На основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ Львовскихъ архивовъ и сообщенныхъ въ извѣстныхъ изслѣдованіяхъ о Ѳедоровѣ галицко-русскаго ученаго, достопочтеннаго о. А. С. Петрушевича, и русскаго ученаго С. Л. Пташицкаго, писанныхъ по случаю истекшаго 5 декабря 1883 г. 300-лѣтія со времени кончины Ѳедорова,—знаемъ, что Ѳедоровъ во Львовѣ назывался *Иванъ Ѳедоровичъ русскій друкарь*, по-латыни Iwan Fedorowicz impressor ruthenus, или просто *Иванъ Друкарь*, Iwanus Impressor. Знаемъ также, что здѣсь жилъ съ нимъ дорослый сынъ его, также *Иванъ*, называемый *друкаровичемъ*, т. е. сыномъ дру-

---

[1]) О страшной моровой язвѣ, отъ которой вымирали цѣлыя села, упоминается въ документальной лѣтописи Супрасльскаго монастыря подъ 1572 г. (Вил. Археограф. Сборн. ІѢ., стр. 76).

каря, а по ремеслу introligator, или *переплетчикъ*, что были здѣсь у Θедорова и другія дѣти, еще недорослыя. Знаемъ, между прочимъ, еще, что Θедоровъ съ тѣмъ именемъ Ивана Θедоровича бывалъ во Львовѣ въ іюлѣ и октябрѣ 1577 г., что предъ послѣднимъ временемъ хаживалъ въ Валахію и Турцію [1]). Позже, именно 2-го марта 1579 г., онъ является во Львовѣ, уже какъ *magnifici palatini Kijowiensis famulus*, т. е. *служебникъ* кн. *Константина Острожскаго*, съ которымъ слѣдовательно еще прежде вошелъ въ извѣстныя служебныя отношенія. Наконецъ, съ 1580 года онъ печатаетъ Новый Завѣтъ, а потомъ въ 1580—81 г.—Библію. Затѣмъ, но когда именно—въ точности неизвѣстно, онъ опять переходитъ во Львовъ, борется съ затрудненіями, особенно изъ-за долговъ, накопившихся по немъ на его Львовской типографіи, которую еще прежде отдалъ въ заставу еврею Исааку Якубовичу въ суммѣ 411 злотыхъ, а потомъ заложилъ и 140 книгъ. 5 декабря 1583 г. Θедоровъ умираетъ, оставляя взрослаго сына и другихъ малолѣтнихъ дѣтей, а типографія, долгъ на которой возросъ до громадной тогда цифры въ 1500 злотыхъ, остается въ залогѣ у еврея, у котораго была выкуплена епископомъ Львовскимъ Гедеономъ, при содѣйствіи Львовскаго братства, въ 1585—86 г. и послужила основаніемъ къ учрежденію знаменитой типографіи этого братства.

Луцкіе акты пополняютъ свѣдѣнія о Θедоровѣ только за небольшой моментъ 1575—76 г., но въ связи съ прежними свѣдѣніями открываютъ возможность выводовъ на болѣе широкое время.

Первый актъ отъ *6 марта 1575 г.* есть запись жалобы, которую занесъ въ гродскій судъ нареченный игуменъ Дерманскаго монастыря Михаилъ Игнатовичъ Дчуса на кн. Константина Острожскаго въ томъ, что онъ насильно изгналъ его изъ монастыря и отдалъ его со всѣми имѣніями „до рукъ“ *Ивана Θедоровича*, котораго „преложилъ“ надъ этимъ монастыремъ. Этотъ актъ былъ уже напечатанъ покойнымъ проф. Н. Д. Иванишевымъ въ I ч. I т. „Архива Юго-Зап. Россіи“ [2]). Но издатель не сдѣлалъ никакого поясненія къ упоминаемому въ немъ имени Ивана Θедоровича, чего бы онъ, конечно, не упустилъ, если-бы могъ видѣть, что этотъ Иванъ Θедоровичъ есть

---

[1]) У г. Пташицкаго, тамъ же.

[2]) № 11.

именно первопечатникъ Иванъ Ѳедоровъ, какъ видимъ это теперь мы, зная, что Ѳедоровъ уже предъ тѣмъ во Львовѣ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Ивана Ѳедоровича, что въ слѣдующихъ затѣмъ Луцкихъ актахъ лицо, получившее отъ князя Дерманскій монастырь, называется то *Иваномъ Друкаремъ*, то *Иваномъ Ѳедоровичемъ*, какія названія утвердились и во Львовѣ за Иваномъ Ѳедоровымъ. Изъ приложеннаго къ жалобѣ королевскаго листа оказывается, что Дчуса, мірянинъ изъ мѣстныхъ дворянъ, еще въ 1571 г., послѣ отказа дѣйствительнаго игумена о. Ѳедора Яновича, получилъ монастырь по рекомендаціи Черскаго каштеляна, старосты Варшавскаго Зигмунда Вольскаго, ревизовавшаго Острожскія имѣнія короля Сигизмунда-Августа, переданныя ему Сѣрадскимъ воеводою Альбрехтомъ Ласкимъ; а прежній игуменъ о. Ѳедоръ Яновичъ въ свое время получилъ монастырь по наданью отъ Беаты Костелецкой и князя Семена Слуцкаго. Не входя въ болѣе подробныя объясненія по этому предмету, ограничусь замѣчаніемъ, что, изгоняя Дчусу изъ Дерманскаго монастыря, кн. Константинъ Острожскій возстановлялъ свое, отъ прадѣда наслѣдованное имъ, патронатское право надъ этимъ монастыремъ, незаконно и хищнически присвоенное другими людьми, а съ тѣмъ вмѣстѣ имѣлъ полное право передать монастырь лицу по своему выбору и назначенію, какимъ оказался теперь у него Иванъ Ѳедоровичъ. Хотя онъ былъ только діакономъ и притомъ изъ бѣлаго, а не монашествующаго духовенства, но, по тогдашнимъ обычаямъ, не только діаконъ, но и міряиинъ могъ быть „справцею", т. е. управляющимъ монастыремъ, завѣдывать его имѣніями, какъ то мы и видѣли сейчасъ на примѣрѣ Дчусы.

Въ званіи справцы Дерманскаго монастыря Ѳедорову пришлось попасть въ колею, для него совсѣмъ непривычную, втягиваться въ дѣла и интересы, ему несродные. Это открываютъ намъ слѣдующіе Луцкіе акты, въ числѣ пяти. Первый изъ нихъ отъ 23 мая 1575 г., второй отъ 9 августа 1575 г., третій отъ 6 апрѣля 1576 г., четвертый отъ 2 іюля и пятый отъ 5 сентября того же 1576 г. [1]). Не излагая подробно содержанія ихъ, отмѣчаемъ главное для нашей цѣли. Всѣ эти акты представляютъ собою записи жалобъ со стороны земянъ села Спасова, принадлежавшаго вдовѣ Григорія Ходкевича, урожденной княжнѣ

[1]) Эти акты напечатаны ниже въ приложеніи.

Вишневецкой, на крестьянъ принадлежащаго Дерманскому монастырю села Кунина, на ихъ атамановъ и на „справцу“ монастыря Ивана Друкаря по поводу грабежей и побоевъ, причиняемыхъ ими жалобщикамъ на Спасовскихъ поляхъ, а также — заявленія возныхъ, производившихъ осмотръ грабежей и побоевъ. Дѣло представляется такъ, что сперва Кунинскіе крестьяне грабительски запахиваютъ Спасовскія поля, что въ слѣдующій разъ они подъ предводительствомъ своихъ атамановъ грабятъ на этихъ поляхъ хлѣбъ и скотъ, нападаютъ и на самое село, побиваютъ и ранятъ Спасовскихъ пановъ и крестьянъ, что „справца“, или „державца“, монастыря, служебникъ князя Острожскаго Иванъ Друкарь, въ одномъ изъ первыхъ случаевъ нападенія Куницевъ на Спасовцевъ, обѣщавшій дать удовлетвореніе обиженной сторонѣ, затѣмъ въ двухъ другихъ случаяхъ и самъ участвуетъ въ нападеніяхъ, имѣя при себѣ вооруженныхъ людей, и что онъ дѣлаетъ это по властному, т. е. собственному, приказу князя Острожскаго. Въ послѣднемъ изъ описываемыхъ въ актахъ нападеній, которое произведено служебникомъ того же друкаря Ивана Өедоровича Ганусомъ, и соединялось съ грабежемъ и побоями, уже и самъ князь Острожскій чрезъ двухъ своихъ пановъ приказалъ Ивану Өедоровичу возвратить пограбленное; но когда Спасовскіе явились на свои грунты, чтобы получить awграбленное, Друкарь не захотѣлъ отдать имъ ничего.

Факты, представляемые этими актами, неожиданны и непріятны въ біографіи Ивана Өедорова, бросая тѣнь на него и видимо противорѣча съ тѣми симпатичными чертами характера его, какія мы знали въ немъ и до новыхъ данныхъ о немъ, собранныхъ изъ Львовскихъ архивовъ Петрушевичемъ и Пташицкимъ, и какія подтверждаются и этими данными, ибо по всѣмъ этимъ даннымъ онъ представляется человѣкомъ, хотя весьма энергическимъ, но энергическимъ въ своемъ художествѣ, которому беззавѣтно преданъ былъ, предпочевшимъ ради него отказаться отъ Заблудовской веси, человѣкомъ, способнымъ на борьбу съ затрудненіями и лишеніями, но прямодушнымъ, готовымъ на мирныя сдѣлки, терпѣливымъ и снисходительнымъ. Желательно поэтому выяснить обстоятельства *Спасовскаго дѣла*, къ чему и даютъ нѣкоторую возможность справки по другимъ документамъ, изданнымъ и неизданнымъ, но имѣющимся въ тѣхъ же Луцкихъ книгахъ.

Село Спасово, сосѣднее съ селомъ Дерманскаго монастыря Кунинымъ, принадлежало къ числу Волынскихъ имѣній Григорія Ходке-

вича, доставшихся ему въ приданое заженою, урожденною княжною Маріею Вишневецкою. Самъ Ходкевичъ не проживалъ въ этихъ имѣніяхъ, а управлялъ ими его урядникъ, имѣвшій свое пребываніе въ селѣ (нынѣ мѣстечкѣ) Муравицѣ, главномъ изъ нихъ. Во время Ходкевича Спасовскіе земяне прославились смѣлостію въ грабежахъ и разбояхъ, поощряемые къ тому безнаказанностію. Наѣзды, грабежи между сосѣдними панами, земянами и крестьянами ихъ были тогда довольно обычнымъ явленіемъ. Смѣлѣе въ этихъ дѣлахъ были земяне въ тѣ моменты, когда принципалъ ихъ былъ лицо особенно высокопоставленное и сильное, при которомъ они могли разсчитывать на защиту и безнаказанность. Спасовцы имѣли такого пана-принципала въ лицѣ Григорія Ходкевича, Виленскаго каштеляна и найвысшаго гетмана Литовскаго, а ближайшаго защитника въ лицѣ его Муравицкаго урядника. Вотъ примѣръ разбойничества Спасовцевъ. Въ февралѣ 1564 г. королевскій дворянинъ Василій Богдановичъ Шашкевичъ съ отрядомъ Москвитянъ, дѣтей боярскихъ (вѣроятно, поступившихъ на службу литовскую изъ плѣнныхъ или бѣглецовъ), отправляясь на военную службу, проходилъ невдалекѣ отъ Спасова. Къ вечеру потребовался ночлегъ. Найдя мѣсто ночлега для двухъ частей отряда въ сосѣднихъ селахъ, Шашкевичъ третьей части предоставилъ просить ночлега у жителей Спасова. Но Спасовцы не только не приняли Москвитянъ, но еще напали на нихъ передъ селомъ, многихъ изъ нихъ поранили, пострѣляли, поизбивали до полусмерти, ограбили у нихъ деньги, оружіе, посдирали самую одежду на нихъ. Всѣхъ избитыхъ и ограбленныхъ было до 30, а нѣкоторые изъ отряда пропали безъ вѣсти, и Шашкевичъ подозрѣвалъ, что они умерщвлены или захвачены въ плѣнъ. Шашкевичъ занесъ жалобу Муравицкому уряднику; но тотъ отвѣчалъ, что онъ не будетъ чинить суда и управы земянамъ своего пана и отказался дать какое бы то ни было удовлетвореніе [1]). Въ виду такого разбойническаго характера Спасовцевъ, поощряемыхъ при томъ безнаказанностію, естественно полагать, что они давали себя знать съ этой стороны и своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, жителямъ села Кунина, принадлежавшаго Дерманскому монастырю. Но теперь, по смерти Гр. Ходкевича, при его овдовѣвшей женѣ,

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Т. II, стр. 268—272. Кіевъ. 1849 г.

жившей при томъ далеко, Спасовцы потеряли въ лицѣ его сильнаго пана, между тѣмъ какъ Кунинцы имѣли надъ собой князя Острожскаго, возстановившаго свои права на Дерманскій монастырь и его владѣнія. Теперь настала очередь Кунинцамъ показать свою силу надъ Спасовцами, свести съ ними старые счеты, возникшіе, какъ водится, изъ-за полей, потому что они начинаютъ свои нападенія именно нападеніями на поля Спасовцевъ. То замѣчательно, что нападенія свои на Спасовцевъ Кунинцы со справцею Дерманскаго монастыря Иваномъ Друкаремъ и съ атаманомъ дѣлаютъ даже „по власному росказанію" князя Острожскаго, получивъ, можетъ быть, и вооруженную подмогу отъ него для нападенія. Слѣдуетъ поэтому думать, что князь считалъ Спасовцевъ въ чемъ-либо виновными предъ Кунинцами, и затѣмъ также присовокупить, что у самого Острожскаго были старые счеты съ Ходкевичами, что ему, какъ Волынцу, не могло быть пріятно вторженіе на Волынь этихъ знатныхъ литовскихъ пановъ [1]).

Уясненіе обстоятельствъ или мотивовъ дѣла между Кунинцами и Спасовцами сразу измѣняетъ представленіе о характерѣ отношенія къ этому дѣлу Ивана Өедорова, какъ „справцы" Дерманскаго монастыря, которому принадлежало село Кунинъ. Ему въ этомъ дѣлѣ не принадлежали ни починъ, ни главная роль. Онъ былъ здѣсь орудіемъ воли другихъ, невольною жертвою своего новаго положенія, какъ „справцы" Дерманскаго монастыря. Въ первыхъ числахъ марта 1575 г. водворенный княземъ Острожскимъ въ Дерманскомъ монастырѣ въ званіи „справцы" его на мѣсто изгнаннаго М. Дчусы, Өедоровъ пробылъ въ этомъ званіи не болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ крестьяне монастырскаго села Кунина заняли поле обывателя села Спасова, о чемъ гласитъ запись отъ 23 мая 1575 г. Такимъ образомъ, дѣло начинаютъ сами Кунинцы, имѣвшіе какія-то притязанія на

---

[1]) Еще во время Люблинскаго сейма послѣдовалъ взрывъ ссоры между Константиномъ Острожскимъ и Иваномъ Ходкевичемъ, племянникомъ Григорія Ходкевича. Въ „Дневникѣ Люблинскаго сейма" (изд. проф. Кояловичемъ. Спб. 1869 г.), разсказывающемъ объ этомъ случаѣ, не разъ упоминается и о томъ, что волынцы вообще не долюбливали литовскихъ пановъ за ихъ будто-бы гордость и стремленіе прибирать въ свои руки высшія должности въ предѣлахъ Волыни и Кіевской земли. Извѣстно еще, что у Константина Острожскаго были какіе-то споры съ самимъ Григоріемъ Ходкевичемъ по дѣлу объ опекѣ надъ малолѣтними князьями Жеславскими.

Спасовскія поля; а новый „справца" Дерманскаго монастыря, если и былъ попустителемъ въ дѣлѣ, то невольнымъ, не могшимъ и разобраться въ томъ, насколько были правы или неправы Куницы въ своихъ притязаніяхъ на эти поля. Да и самая запись обвиняетъ въ этомъ дѣлѣ еще не „справцу" монастыря, а только Кунинцевъ. Слѣдующая затѣмъ запись отъ 9 августа 1575 г., представляющая собою показаніе вознаго объ осмотрѣ грабежей и побоевъ, учиненныхъ Кунинцами надъ Спасовцами, также не обвиняетъ Ивана Друкаря, какъ „справцу" Дерманскаго монастыря, какъ попустителя или участника въ дѣлѣ, напротивъ, представляетъ его дающимъ обѣщаніе одно возвратить, а о прочемъ развѣдать съ тѣмъ же обѣщаніемъ возврата. Только въ третьей записи отъ 6 апрѣля 1575 и четвертой отъ 2 іюля того же года вожакомъ въ нападеніяхъ представляется самъ Иванъ Друкарь, имѣвшій помощниковъ въ Дерманскихъ боярахъ, въ атаманахъ монастырскихъ селъ и вообще въ слугахъ и подданныхъ Дерманскаго монастыря и села Кунина. Но какъ первое изъ этихъ нападеній онъ дѣлаетъ *по собственному приказу князя Острожскаго*, то необходимо предполагать это и во второмъ нападеніи. Очевидно, что справца Дерманскаго монастыря, послѣ первыхъ нападеній, начатыхъ самими Кунинцами, не преминулъ снестись со своимъ патрономъ-княземъ, который,—потому ли, что считалъ правоту въ спорныхъ дѣлахъ между Кунинцами и Спасовцами на сторонѣ первыхъ, или по какимъ бы то ни было другимъ побужденіямъ,—далъ Ѳедорову не только полномочіе, но и приказъ продолжать нападенія. Что касается до показанія въ послѣдней записи отъ 5 сентября 1576 г., гдѣ Иванъ Друкарь обвиняется въ томъ, что, не смотря даже на приказъ князя, не хотѣлъ возвратить панамъ Спасовскимъ того, что пограбилъ у нихъ служебникъ Друкаря Ганусъ, то это можетъ быть объяснено просто самою трудностію принудить какого-то буяна Гануса возвратить пограбленное. Впрочемъ, прекращеніе въ Луцкихъ гродскихъ книгахъ записей о дальнѣйшемъ ходѣ Спасовскаго дѣла можетъ вести къ предположенію, что и самое дѣло прекратилось по волѣ князя, или же по старанію Ивана Ѳедорова, которому оно не могло быть по душѣ.

Если этихъ объясненій по поводу Спасовскаго дѣла и участія въ немъ Ѳедорова не достаточно для огражденія нравственнаго характера дорогой намъ личности, то слѣдуетъ еще взять во вниманіе,

что дѣло происходило не въ Московской Руси, а въ Литовской. Тамъ прямое или косвенное участіе духовнаго лица въ наѣздахъ и грабежахъ было бы страннымъ явленіемъ, а здѣсь оно было дѣломъ заурядным. Проявленія такого участія могли встрѣчаться здѣсь въ жизни не какихъ-либо только буяновъ изъ среды игуменовъ, владыкъ, а и въ жизни людей столь почтенныхъ, каковъ напр. Острожскій пресвитеръ Демьянъ Наливайко, духовникъ князя Острожскаго; этотъ добрый пресвитеръ, ревнитель православія, упражнявшійся и въ книжныхъ трудахъ, былъ союзникомъ своего удалаго брата Северина Наливайка и другихъ смѣльчаковъ въ нападеніяхъ на имѣнія тѣхъ, кого считали тогда отступниками православія [1]). Болѣе всего страннымъ и неожиданнымъ можетъ казаться участіе Θедорова въ нападеніяхъ именно на Спасово село, какъ село вдовы *Хадкевича*, его благодѣтеля, о которомъ еще недавно Θедоровъ говорилъ съ такою почтительностію и благодарностію. Но дѣло началось и велось собственно не съ нею, а съ панами и земянами Спасовскими, отъ имени которыхъ и заносятся жалобы. Сама Ходкевичева, повидимому, и не жившая въ Спасовѣ, была въ сторонѣ отъ того, что земяне села ея могли дѣлать другимъ или терпѣть отъ другихъ насилія.

На этомъ пока и остановимся до могущаго послѣдовать усмотрѣнія новыхъ актовъ и данныхъ о положеніи Θедорова, какъ „справцы" Дерманскаго монастыря. Но оставаясь пока въ предѣлахъ имѣющихся новыхъ данныхъ и примѣняя къ нимъ данныя, прежде извѣстныя, попытаемся, наконецъ, сдѣлать нѣкоторые выводы, могущіе имѣть отношеніе къ главному художеству или призванію Θедорова, какъ книгопечатника.

Итакъ, новыми луцкими актами констатируется, 1) что Иванъ Θедоровъ не съ 1579 г., а еще съ марта 1575 г. состоялъ при князѣ Острожскомъ, именно какъ его служебникъ и „справца" Дерманскаго монастыря, нося и установившееся за нимъ прозваніе Ивана Друкаря. Безъ сомнѣнія, онъ получилъ этотъ монастырь, какъ пожалованіе отъ князя въ виду предстоящихъ трудовъ его—друкаря—по книгопечатанію, подобно тому, какъ прежде за подобные труды получилъ немалую весь отъ Ходкевича. Нѣкоторые изслѣдователи приблизительно къ 1575 г. относятъ извѣстный фактъ пріобрѣтенія княземъ Острожскимъ изъ Москвы списка полной славянской (Геннадіевой)

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. I, №№ XXVII—XXIX.

Библіи, испрошеннаго имъ у царя Ивана Васильевича чрезъ литовскаго посланника Михаила Гарабурду [1]). Возможно, что между этимъ фактомъ и фактомъ призыва княземъ Острожскимъ Ѳедорова на службу къ себѣ есть связь и по существу дѣла, и по времени, т. е. что, получивъ изъ Москвы полный списокъ Библіи, онъ въ слѣдъ затѣмъ призвалъ къ себѣ изъ Львова московскаго книгопечатника съ мыслію о печатаніи Библіи, теперь уже вполнѣ созрѣвшею у князя.

2) Отмѣченные въ изслѣдованіи г. Пташицкаго, на основаніи данныхъ изъ Львовскихъ архивовъ, факты пребыванія Ѳедорова во Львовѣ въ іюлѣ и октябрѣ 1577 г. [2]) должны быть теперь понимаемы такъ, что это были *временныя посѣщенія* имъ Львова,— по дѣламъ своей типографіи, которая оставалась во Львовѣ и по которой велись здѣсь разсчеты, можетъ быть, и по дѣламъ своихъ дѣтей, продолжавшихъ еще жить во Львовѣ, наконецъ и по дѣламъ своего новаго патрона, касавшимся предположеннаго устройства типографіи въ г. Острогѣ [3]). Думаемъ, что свои поѣздки во Львовъ Ѳедоровъ предпринималъ уже не изъ Дермани, а именно изъ Острога, то есть, что онъ послѣ безпокойныхъ годовъ его службы въ качествѣ „справцы" Дерманскаго монастыря, какими были годы 1575 и 1576, охотно бросилъ эту службу и, согласно желанію князя, переселился въ Острогъ, чтобы заняться подготовленіями къ устройству типографіи. Такимъ образомъ, переселеніе его изъ Дермани въ Острогъ должно было послѣдовать послѣ сентября 1576 г., такъ какъ въ этомъ году и мѣсяцѣ прекращаются сообщаемыя луцкими актами данныя о пребываніи Ѳедорова въ Дермани.

---

[1]) Это мнѣніе высказалъ покойный Филаретъ, арх. Харьковскій, въ своемъ „Обзорѣ Русской духовной литературы" (Харьковъ, 1859 г., стр. 255). Извѣстно, впрочемъ, что М. Гарабурда, начиная съ 1560 г., отправлялся *нѣсколько* разъ посланникомъ изъ Литвы въ Москву, гдѣ онъ былъ также въ 1570, 1572 и 1573 гг.

[2]) Въ изслѣдованіи г. Пташицкаго эти факты понимаются, какъ указанія на *постоянное* пребываніе Ѳедорова во Львовѣ съ января 1573 г. до означеннаго времени (Тамъ же, стр. 467).

[3]) Въ томъ же изслѣдованіи г. Пташицкаго сообщается, между прочимъ, что во Львовѣ имѣлся у Ѳедорова ученикъ и помощникъ Гринь Ивановичъ, котораго онъ нѣкогда выписалъ изъ Заблудова и отдалъ во Львовѣ въ обученіе маляру Лаврентію Филипповичу, въ теченіе *двухъ* лѣтъ платилъ за обученіе его и затѣмъ въ 1579 г. взялъ съ собою въ Острогъ, гдѣ заключилъ съ нимъ условіе, чтобы онъ работалъ только для его типографіи и безъ воли Ѳедорова не работалъ для другихъ и не устраивалъ своей типографіи.

3) Возможенъ затѣмъ еще слѣдующій выводъ, представляющій особый интересъ. Въ изслѣдованіи г. Пташицкаго цитуется извлеченная изъ „acta advocatialia“ Львовскаго архива документальная запись отъ 22 окт. 1577 г., по которой какой-то сербъ Иванъ изъ Сочавы уничтожаетъ всѣ претензіи, бывшія у него къ Ивану Өедоровичу *въ Валахіи и Турціи.* Основательно признавая въ этомъ Иванѣ Өедоровичѣ нашего Өедорова, встрѣчающагося подъ этимъ названіемъ въ другихъ Львовскихъ актахъ, а также, прибавимъ, и въ Луцкихъ актахъ, г. Пташицкій выражается: „изъ записи слѣдуетъ заключить, что онъ, т. е. Өедоровъ, *оставивъ Львовъ, побывалъ въ Валахіи и Турціи,* и уже оттуда отправился къ князю Острожскому“, т. е. отправился *впервые.* Далѣе въ своемъ выводѣ г. Пташицкій не могъ идти. Но теперь мы можемъ идти далѣе, исходя изъ того же, вновь открывшагося изъ Луцкихъ актовъ факта, что Өедоровъ еще въ мартѣ 1575 г. поступилъ на службу къ Острожскому въ Дермань, откуда послѣ сентября 1576 г. перешелъ въ Острогъ. При наличности такого факта, слѣдуетъ утверждать, что Өедоровъ, до октября 1577 г. совершившій путешествіе въ Валахію и Турцію, предпринялъ его не изъ Львова, а изъ Острога, и только на пути туда и обратно посѣщалъ Львовъ. Если такъ, —то возникаетъ вопросъ, для чего Өедоровъ могъ путешествовать въ Валахію и Турцію? Безъ сомнѣнія, не для празднаго любопытства, даже и не для торговли. Всецѣло преданный интересамъ своего художества, своего типографскаго дѣла, онъ могъ путешествовать въ интересахъ только этого дѣла. Трудно, впрочемъ, предположить, чтобы онъ предпринялъ это путешествіе по своей инициативѣ и на свой счетъ. Гораздо вѣроятнѣе, что онъ предпринялъ его по желанію и на счетъ князя Острожскаго, у котораго состоялъ теперь на службѣ. За то интересъ самаго князя въ этомъ дѣлѣ совпадалъ, думаемъ, съ интересомъ Өедорова. Имѣя у себя полученный изъ Москвы списокъ Библіи, имѣя опытнаго и ревностнаго книгопечатника, князь не могъ однакоже приступить къ печатанію Библіи. Въ предисловіи къ своей Острожской Библіи 1580—81 г., князь сообщаетъ намъ, что когда бывшіе при немъ книжные люди стали сличать Московскій списокъ и другіе, имѣвшіеся на лице, списки священныхъ книгъ, то оказалось много разностей и повреждений. Это смутило князя (конечно, онъ и самъ участвовалъ въ сличеніи, самъ видѣлъ разности и поврежденія), и тѣмъ болѣе, что были

лица, порицавшія его намѣреніе, какъ несбыточное или опасное. На нѣкоторое время князь пріостановился съ своею мыслію, но потомъ опять возымѣлъ ее, рѣшившись преодолѣть трудности. Съ этою цѣлію онъ, какъ самъ сообщаетъ намъ, посылалъ нарочныхъ людей въ далекія страны, въ монастыри *греческіе, болгарскіе и сербскіе,* къ самому, напр., Іереміи и на островъ Кандію или Критъ, поручивъ имъ *пріобрѣтать новые болѣе исправные и свидѣтельствованные списки священныхъ книгъ, а также призивать и людей наставленныхъ въ святыхъ писаніяхъ, эллинскихъ и славянскихъ.* И списки священныхъ книгъ и свѣдущіе въ нихъ люди были пріобрѣтены для князя, какъ сообщаетъ онъ въ томъ же предисловіи. Кто были посланцы князя, ходившіе въ разныя страны Востока для пріобрѣтенія этихъ списковъ и для пріисканія свѣдущихъ людей, долго ли они странствовали по тѣмъ странамъ, когда возвратились,—все это осталось неизвѣстнымъ. Не былъ ли въ числѣ ихъ и самъ Ѳедоровъ? Не въ этомъ ли смыслѣ должно понимать фактъ путешествія его въ Валахію и Турцію, открываемый записью въ Львовскихъ acta advocatialia отъ 22 октября 1577 г.? Такое пониманіе кажется намъ весьма возможнымъ. Ѳедоровъ былъ уже опытнымъ странникомъ, привыкшимъ выносить и преодолѣвать трудности странствій. Такимъ образомъ, онъ былъ пригоднымъ для посылки на Юго-Востокъ и, какъ служебникъ князя, могъ быть назначеннымъ для этого. Цѣль посылки могла также быть по душѣ и самому Ѳедорову, потому что была существенно связана съ тѣмъ дѣломъ, которому онъ былъ преданъ всею душею, т. е. съ дѣломъ предстоящаго печатанія священныхъ книгъ. Тотъ сербъ Иванъ изъ Сочавы, который по записи 22 октября 1577 г. уничтожаетъ претензіи, какія имѣлись у него къ Ивану Ѳедоровичу въ Валахіи и Турціи, былъ, представляется намъ, или спутникомъ его въ странствіи, взятымъ изъ Острога (ибо при дворѣ князя были, какъ извѣстно, и сербы), или же найденнымъ во время путешествія пособникомъ по разыскиванію и пріобрѣтенію списковъ священныхъ книгъ въ греческихъ и болгарскихъ монастыряхъ, находившихся въ Валахіи и Турціи.

Съ дѣломъ этого разыскиванія и пріобрѣтенія и вообще путешествія связаны были, по всей вѣроятности, и тѣ претензіи, которыя сербъ Иванъ уничтожалъ записью 22 октября 1577 г., какъ удовлетворенныя. Если все это такъ, то путешествіе Ѳедорова въ Валахію и

Турцію, то есть въ тамошніе греческіе и болгарскіе монастыри, имѣло мѣсто между 15 іюля и 22 октября 1577 г., т. е. между тѣми двумя моментами, въ которые мы застаемъ его во Львовѣ [1]). Трехъ—четырехъ мѣсяцевъ было достаточно для путешествія въ *ближайшіе* греческіе и болгарскіе монастыри Валахіи и Турціи, которыми и могло ограничиться это путешествіе Өедорова, при предположеніи, что въ болѣе далекія мѣстности, какъ Царьградъ и Кандію, были отправлены другія лица. Съ признаніемъ факта путешествія Өедорова въ греческіе и болгарскіе монастыри Валахіи и Турціи для пріобрѣтенія списковъ священныхъ книгъ, значеніе его труда по печатанію этихъ книгъ еще болѣе возвышается. Если Өедоровъ былъ посредникомъ князя по пріобрѣтенію списковъ священныхъ книгъ, то дѣло его по Острожскимъ изданіямъ, какъ изданіе Новаго Завѣта съ Псалтырью 1579 г. и изданіе всей Библіи 1580—81 г.г., не ограничивалось типографскимъ дѣломъ или художествомъ. Онъ могъ принимать участіе въ сличеніи списковъ и *въ нѣкоторыхъ хотя бы и незначительныхъ „исправленіяхъ"* текста по спискамъ, признаваемымъ болѣе древними или исправными. Правда, Острожская Библія напечатана, какъ извѣстно, преимущественно, по одному изъ списковъ Геннадіевой Библіи 1499 г., полученному княземъ изъ Москвы, съ повтореніемъ и нѣкоторыхъ ошибокъ его. Но есть признаки и нѣкоторыхъ исправленій въ текстѣ Острожской Библіи. Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, участвовавшій въ трудахъ по изданію этой Библіи, конечно, не былъ сильнѣе Өедорова для работы надъ этими исправленіями.

4) Предполагаемое путешествіе Өедорова въ греческіе и болгарскіе монастыри для пріобрѣтенія списковъ священныхъ книгъ и призыва людей, „наказанныхъ въ святыхъ писаніяхъ эллинскихъ и словенскихъ", даетъ поводъ къ постановкѣ еще одного вопроса по слѣдующему обстоятельству: извѣстно, что въ Острожской Библіи за предисловіемъ къ ней князя слѣдуетъ молитва его, помѣщенная здѣсь въ двухъ столбцахъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ; въ концѣ же книги—послѣсловіе Ивана Өедорова, помѣщенное тоже въ двухъ столбцахъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ. Это можетъ свидѣтельствовать прежде всего, что въ моментъ

---

[1]) У г. Пташицкаго, тамъ же, стр. 466 и 467.

изданія Острожской Библіи имѣлся на лице въ Острогѣ какой-то грекъ или не-грекъ, а славянинъ, но знавшій греческій языкъ; онъ и могъ перевесть на греческій языкъ и молитву князя и послѣсловіе Өедорова и быть пособникомъ при самомъ изданіи священныхъ книгъ, напечатанныхъ здѣсь въ 1579—1581 гг. Естественно предполагать, что онъ былъ изъ тѣхъ людей, „наказанныхъ въ эллинскихъ и словенскихъ писаніяхъ", за которыми князь посылалъ на Востокъ, или же такой человѣкъ найденъ былъ и въ самой Руси юго-западной [1]). Но считая несомнѣннымъ, что этотъ грекъ или не-грекъ, но знатокъ греческаго языка, перевелъ на греческій языкъ молитву князя Острожскаго, находимъ возможнымъ, по поводу греческаго текста послѣсловія Өедорова, ставить вопросъ: не успѣлъ ли и самъ Өедоровъ нѣсколько ознакомиться съ греческимъ языкомъ? Возможность практическаго ознакомленія съ этимъ органомъ представлялась для него во Львовѣ, гдѣ было немало грековъ, а затѣмъ и въ Острогѣ, гдѣ какъ и указано, были въ данное время грекъ или славянинъ, знавшій греческій языкъ. Стараніе ознакомиться съ греческимъ языкомъ могло быть достигнуто и предполагаемымъ путешествіемъ Өедорова въ греческіе и болгарскіе монастыри въ Турціи и Валахіи, а болѣе всего желаніемъ имѣть возможность сколько-нибудь сознательно относиться къ тексту печатаемыхъ священныхъ книгъ въ тѣхъ, хотя бы то и весьма немногихъ, случаяхъ, когда Острожскіе издатели дѣлали *попытки* или, по крайней мѣрѣ, поднялись до возможности сличать недоумѣнныя мѣста славянскаго текста съ греческимъ; князь Андрей Курбскій въ преклонныхъ уже лѣтахъ изучалъ латинскій языкъ для трудовъ по переводу отеческихъ твореній. Не могъ ли Өедоровъ возревновать *о пріобрѣтеніи, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго* познанія въ греческомъ языкѣ ради болѣе сознательнаго выполненія своего труда по печатанію священныхъ книгъ, которому предавъ онъ былъ всею душею? Греческій текстъ его послѣсловія, хотя бы и не ему принадлежалъ, не былъ ли однакоже понятенъ ему болѣе, чѣмъ кн. Константину Острожскому греческій текстъ его молитвы?

[1]) Большинствомъ историковъ и изслѣдователей, говорящихъ объ Острожской Библіи, повторяется утвержденіе, будто въ трудѣ по изданію ея участвовалъ извѣстный *Кириллъ Лукарисъ*, бывшій, какъ думаютъ, ректоромъ Острожской школы *съ 1580 г.*, т. е. съ и до изданія Библіи. Это ошибочное утвержденіе или просто недоразумѣніе, въ разъясненіе котораго теперь не входимъ, въ надеждѣ сдѣлать его при другомъ случаѣ.

Конечно, нѣкоторое знаніе греческаго языка, если оно было у Ѳедорова, не оказало ощутительнаго вліянія на изданіе Острожской Библіи, какъ не оказало такого вліянія и участіе въ трудахъ по изданію ея и присутствіе при изданіяхъ грека либо славянина, знавшаго греческій языкъ: Библія Острожская, какъ сказано, издана по Московскому списку Библіи 1499 г. [1]). Но заслуживаетъ вниманія, по крайней мѣрѣ, pium desiderium у князя и Ѳедорова обратиться къ греческому тексту для исправленія славянскаго въ имѣвшихся на лице спискахъ Библіи, найденныхъ неисправными. Исполниться это pium desiderium могло только въ послѣдующее время, при другихъ болѣе сильныхъ средствахъ къ тому.

И. Малышевскій.

---

[1]) Что издатели Острожской Библіи имѣли однакоже въ виду греческіе списки священныхъ книгъ,—это видно, между прочимъ, изъ замѣчанія ихъ въ концѣ 3 книги Маккавейской, гдѣ они говорятъ: сей книги не находится ни въ славянской библіи, ни въ латинскихъ и польскихъ, а есть только въ греческой и чешской.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Акты изъ Луцкихъ гродскихъ книгъ, относящіеся ко времени пребыванія Ивана Өедорова въ должности „справцы“ Дерманскаго монастыря.

I.

Актъ отъ 6 марта 1575 года, сообщающій объ изгнаніи кн. Константиномъ Острожскимъ изъ Дерманскаго монастыря п. Михаила Игнатовича Дчусы и о передачѣ этого монастыря Ивану Өедоровичу (Өедорову), послѣдовавшихъ 2 марта 1575 г. Этотъ актъ напечатанъ въ „Архивѣ Юго-Западной Россіи“, ч. 1, т. I, № II, стр. 48—51.

II.

Актъ отъ 23 мая 1575 года, сообщающій о первомъ случаѣ занятія крестьянами принадлежавшаго Дерманскому монастырю села Кунина полей села Спасова, принадлежавшаго вдовѣ наивысшаго гетмана великаго княжества Литовскаго Григорія Ходкевича (Луцкая гродская книга за 1575 г. № 2049, л. 186, актъ 58). Этотъ актъ не печатается здѣсь, а цитуется только, какъ указаніе именно на новое дѣло въ спорѣ между жителями селъ Кунина и Спасова, начавшемся уже тогда, когда справцею Дерманскаго монастыря былъ Иванъ Өедоровъ, который впрочемъ въ актѣ не упоминается, безъ сомнѣнія потому, что споръ начался помимо его, и Кунинцы еще не имѣли повода въ своей жалобѣ называть справцу монастыря *Ивана Друкаря,* какъ то они уже дѣлаютъ въ слѣдующихъ за тѣмъ актахъ. Эти акты помѣщаются далѣе цѣликомъ.

№ III.

Свидѣтельство возного по жалобѣ пп. Еска и Василія Спасовскихъ, земянъ п. Виленской, частію о сожженіи, а частію о грабежѣ сѣна на ихъ Спасовской землѣ, а также объ ограбленіи и нанесеніи побоевъ ихъ крестьянамъ Кунинскими крестьянами справцы Дерманскаго монастыря Ивана Друкаря, обѣщавшаго дать удовлетвореніе жалобщикамъ,— 9 августа 1575 года.

Року ҂афое, мѣсяца августа ѳ҃ дня.

Передо мъною, Семеномъ Хребтовичомъ Богуринъскимъ, писаромъ кгродскимъ Луцкимъ, будучимъ на местцу пана Михайла Вильгорского, подстаростегo Луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты Луцкого, Браславского и Веницкого, ставши очевисто, возный повету Луцкого Юрей Рогачовский до книг кгродских Луцкихъ сознал тыми словы: будучи дей мнѣ з уряду кгродского Луцкого приданым на справу пану Еску а пану Василю Спасовским, земяном ее милости панее Виленское, гдеж дня вчерашнего, в понеделокъ, мѣсяца августа осмого дня, маючи я при собе шляхту людей добрых, пана Юря Нарковского, служебника пана Ерека Лотрынковского, старосты Познанского, а пана Мосея Вирховского, за оказованемъ и обвоженемъ панов Спасовскихъ видел есми на кгрунте их Спасовском, на врочищу у Волхова луга, сѣно у двадцати местцахъ попалено и знат, же у копицах стояло; а в другом местцу на покосе лежало; и оповедали мне, возному, и шляхте панове Спасовские, иж дей тое властное сѣно наше, которого было на сорок воз, одно попалили, а другое на возы кладши до домов своих до Кунина отпровадили подданые манастыра Дерманскаго Кунинские; к тому оповедали мнѣ, возному, и шляхте панове Спасовские, иж дей на тот же часъ на кгрунте нашомъ Спасовском на доброволной дорове, которая идет с Кунина до Спасова, двох подданых наших Спасовскихъ, Ермака и Сидора, подданые ж Кунинские позбивали и поранили; якожем я, возный, видел у Ярмака губу розбитую и два зубы выбито; при котором збитю и зраненю своем тотъ Ермакъ шкод собѣ быти поведал: готовых грошей двадцат литовских, косѣ две, сермяг двѣ, а клячу з возом и с хомутом взято; и кгдыж есмо *до Ивана Друкара, справцы монастыра Дер-*

манскою, для прошеня справедливости на служебника его Миколая и на отамана Ивана Шишку, так теж и для тых грабежов, ездили, оный *Иван Друкар, справца монастыра Дерманскою*, клячу на рукоемство до права дати приобецал, а о иншия ся дей речи припытати и тые вернуты обецал, так теж обо вси тые кривды и шкоды и о збите и зъранене подданых *Иван Друкар, справца монастыра Дерманскою*, зложил паном Спасовскимъ рокъ на служебника своего Миколая а на отамана Кунинского Ивана Шишку от светого Спаса, то ест мѣсяца августа шостого дня, за чотыри недели; а так я тое очевистое сознане возного до книг кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Кн. Кіев. централ. архива № 2049, л. 870 об., актъ 25.

—

IV.

Жалоба отъ имени земянъ п. Виленской (жены Виленскаго каштеляна Григорія Ходкевича) Есифа и Василія Малиновичей—Спасовскихъ о причиненіи побоевъ ихъ крестьянамъ и грабежъ ихъ имущества справцей Дерманскаго монастыря Иваномъ Друкаремъ, при наѣздѣ его съ слугами, боярами и крестьянами Кунинскими монастырскими на принадлежащее жалобщикамъ с. Спасово,—6 апрѣля 1576 года.

Року ҂афоѕ, мѣсяца апрѣля ѕ҃ дня.

Писал и присылал на вряд кгродский Луцкий, до мене, Михайла Вилгорского, подстаростего Луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты Луцкого, Брацлавского и Веницкого, наместник Муравицкий и Кнегиненскій пан Семен Захаревич Симоновский, жалуючи и оповедаючи именем земян ее милости панее своее, панее Виленское, панее Григоревое Ходкевичовое, то ест пана Есифа а пана Василя Малиновичов-Спасовских, на *пана Ивана Друкара, справцу монастыря Дерманского*, иж дей он дня прошлого, в понедѣлокъ, мѣсяца апреля второго дня, в року теперешнем, семдесят шостом, за властным росказанем его милости князя воеводы Киевского, пана своего, маючи при собе помочниками боярина Дерманского Наума Гарабурду, Ивана Рубаника, атамана Белашовского а Мартина Кора-

невича, атамана Куненского, и иншых слуг, бояр, подданых монастырских немало, с которыми дей наехавши моцно, кгвалтом на имене тых менованых земян ее милости панее моее Спасово, самых панов и подданых их Спасовских позбивали и поранили, а быдла рогатого двадцатеро, коней двадцатеро; одно овец двадцатеро и двое; сермяг пъят, плахту одну, кожухов два, поясов зъ мошнами два; в которых мошнах было готовых грошей десять; шапки две, сокери двѣ пограбивши и тепер в себе держат; и просил пан Семен Захаревич Симоновский, наместник Муравицкий и Кнегининский, именем менованых земян ее милости панее Виленское панов Спасовских, абы то было записано. А так я тую жалобу и оповедане его до книг кгродских Луцких записат казалъ.

Кн. Кіев. централ. архива № 2050, л. 97, актъ 129.

—

V.

Жалоба отъ имени земянъ жены Виленскаго каштеляна Маріи Ходкевичевой пана Василія и др. Спасовскихъ о причиненіи побоевъ ихъ крестьянамъ, грабежѣ ихъ имущества и проч. державцей Дерманскаго монастыря Иваномъ Друкаремъ при наѣздѣ его на с. Спасово съ Кунинскими монастырскими слугами и крестьянами,—2 іюля 1576 года.

Року ҂афоѕ, мѣсяца июля в҃ дня.

Пришодчи на вряд кгродский Луцкий, до мене, Михайла Вилгорского, подстаростего Луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы землѣ Волынское, старосты Луцкого, Браславъского и Веницкого, земенин велможное ее милости панее Григоревое Ходкевича, панее Виленское, гетмановое навышшое великого князства Литовского, княжны Мари Вишневецкого, пан Иван Василевичъ Спасовский жаловал именемъ отца своего пана Василя Спасовского, такъ теж именем брата своего малодшого Еска Спасовского и иншое брати своее панов Спасовских, тым обычаем, иж дей року тепер идучого, семдесят шостого, мѣсяца июня двадцат шостого дня, в олторокъ, служебник велможного его милости князя Костянтина Острозкого, воеводы Киевскаго, маршалка землѣ Волынское, старосты Воло-

димерского, *Иван Друкар, державца монастыра Дерманского*, наехавши моцно, кгвалтом з слугами и с поддаными своими Кунинскими, а меновите: Мартыномъ, Савкою Кореневичами, Иваномъ Шишкою, Федорцемъ Дудкою и иншими многими поддаными помочниками своими на властный кгрунт ее милости панее нашое под село наше Спасово, подданых наших позбивали, помордовали и з них сермяги, поясы з мошнами, з грошми и шапки познимали; на первей у Мартинца а в сынов его Ждана и в Тимоша сермягъ три, поясов три з ножами, з мошнами и з грошми, а шапок три отняли; у во Ивана Федоринича сермягу, шапку, пояс, з ножами, з мошною и з грошми отняли; а в Андрѣя Левончича сермягу, шапку, поясъ з ножами, з мошною и з грошми отняли; волов сорокъ осмъ з желѣзы, сокир девят; а готовых грошей в тых менованых подданых наших двѣ копе литовскихъ взяли; плугаторов и погоничов позбивали, помордовали; сермяги и кошули, так теж шапки и поясы з мошнами и з грошми з них познимали; и мало дей на том маючи, отверънувшися от села, а поехавши до череды нашое, пастухов наших позбивали, помордовали; сермяги, кожухи з них поздирали и ледве их самых з душами попускали; кони, быдло, овцы с череды кгвалтовне побрали, а меновите коней двадцатеро и одно, яловиц одиннадцат, овец тридцатеро трое взяли и то все з собою отпровадили. И просил пан Иванъ Спасовский, именемъ отца своего и братьи своее панов Спасовскихъ, абы то было записано; а такъ я тую жалобу и оповеданне его до книг кгродских Луцкихъ записати казал.

Кн. Кіев. централ. архива № 2050, л. 242 об., актъ 334.

—

VI.

Свидѣтельство вознаго объ осмотрѣ имъ на п. Олехнѣ Спасовскомъ и на Спасовскихъ крестьянахъ побоевъ и ранъ, причиненныхъ имъ слугой п. Ивана Друкаря, и объ отказѣ послѣдняго возвратить заграбленное имущество,—5 сентября 1576 года.

Лѣта Бож. нарож. ҂афоѕ, мѣсяца сентебра є҃ дня.

Передо мною, Михаиломъ Вильгоръскимъ, подстаростим Луцкимъ, ставши очевисто, возный повету Луцкого панъ Марко Збран-

ный до книгъ кгродскихъ Луцких созналъ тыми словы, иж за приданнемъ вышеи милости, пане подъстаростий, врядовымъ въ пятницу прошлую мѣсяца августа тридъцать первого дня, маючи я при собе шляхту людей добрых, то есть Федора Житинъского, а служебника пана кашталяна Волынъского Ѳедора оглядал и видел есми у пана Олехна Федоровича Спасовъского на лѣвой руце палецъ середнии мало не оттят; у подданого пана Василя Спасовъского Мацъка Чоботара над лѣвымъ окомъ у брови рана штыховая; у слуги пана Василева Дмитра на правой руцѣ ровно з окомъ рана рубаная; которое зранене менили быти от служебника *пана Ивана Друкара* на имя Ганусa; к тому што которые грабежи тогож дня в пятницу, мѣсяца августа тридцать перваго дня, панъ *Иванъ Друкаръ* паномъ Спасовскимъ на кгрунте ихъ Спасовскомъ, за расказаннем его милости князя воеводы Киевского, черезъ пана Юхна Уръвенъского, а через пана Ивана Уездецкого поворочат мел, где панове Спасовские на томъ кгрунте своемъ Спасовском готовы были тые грабежи от пана *Ивана Друкара* взяти, нижъли ихъ панъ *Иванъ Друкаръ* отдати не хотел и не отдал; што панове Спасовские мною, возъным, осветъчили; а такъ я тое очевистое сознане возного до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Кн. Кіев. централ. архива № 2050, л. 394, актъ 521.

„Сыскныя дѣла“ о кладахъ въ XVII в.

Какъ относилось русское общество XVII в. къ памятникамъ родной старины? проглядывало-ли въ этихъ отношеніяхъ что-либо сознательное и ясно мотивированное, или на оборотъ—памятники древности совсѣмъ не привлекали его вниманія, или привлекали только съ внѣшней, матеріальной стороны? какъ отражались тѣ или другія отношенія общества къ старинѣ на дѣйствіяхъ правительства въ этой области? придавало ли правительство—въ XVII вѣкѣ болѣе передовое, чѣмъ общество—какую-либо цѣну памятникамъ древности, или относилось къ нимъ безразлично?

Полагаю, что отвѣты на эти вопросы будутъ не безынтересны и для исторіи русскаго самосознанія, и для исторіи нашей археологіи. Послѣдняя обыкновенно начинаетъ свою исторію съ XVIII в., не рѣшаясь—за отсутствіемъ матеріаловъ—углубляться въ XVII в. и дальше [1]). Между тѣмъ, эти матеріалы встрѣчаются въ архивахъ и ждутъ своихъ изслѣдователей. Напр., въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи мнѣ извѣстны два *„сыскныя дѣла“ о кладахъ*, найденныхъ въ XVII в., и именно—о находкѣ *денежнаго* клада въ *Шацкѣ* въ 7153 (1645) г. [2]) и *вещеваго* клада въ деревнѣ *Кутуковой*, *Старорязанскаго* стана, въ 181 (1673) г. [3]). Послѣднее дѣло особенно обширно (около 150 л.) и наиболѣе любопытно.

---

[1]) См. мою замѣтку „Раскопки клада въ Можайскѣ, въ 1702 г.“ („Вѣстникъ археологіи и исторіи“, вып. VII).

[2]) Разрядн. приказа *Владимір. стола* столбецъ № 119, лл. 1—9.

[3]) *Приказнаго стола* столбецъ № 446.

Кромѣ того, въ одной изъ „старыхъ описей" XVII в. встрѣчаемъ краткое описаніе хранившагося въ 17 в. (1668) г. въ архивѣ приказнаго стола разряднаго приказа „сыскнаго дѣла" 134 (1626) г. о находкѣ *вещеваго* клада въ *Путивльскомъ* уѣздѣ [1]). Не смотря на всю краткость описи этого документа,—и отсюда можно *извлечь нѣкоторыя данныя*, тѣмъ болѣе любопытныя, что они касаются начала XVII в.

На основаніи этихъ 3 документовъ постараюсь дать посильные отвѣты на вышепоставленные вопросы объ отношеніи русскаго правительства и общества XVII в. къ памятникамъ родной старины. Эти отвѣты должны имѣть нѣкоторую цѣну уже по тому одному, что, будучи основаны на 3 документахъ, относящихся къ тремъ различнымъ годамъ XVII в., раздѣленнымъ промежутками около 20 и около 30 лѣтъ, они представятъ обозрѣніе интересующаго насъ предмета въ хронологической послѣдовательности, обнимающей почти весь XVII в.

I.

Путивльскій кладъ 134 (1626) г.

Опись „сыскнаго дѣла" о Путивльскомъ кладѣ 134 г. такъ невелика, что привожу ее цѣликомъ:

„Въ числѣ документовъ приказнаго стола Розряда въ 176 (1668) г. хранилось между прочимъ—*„дѣло сыскное"* по *отпискѣ* изъ Путивля селитреного мастера Романа *Гаврилова* въ *находномъ золотѣ* и *серебрѣ*, что на *селитреныхъ варницахъ* прикащикъ ево и работники нашли *въ курганѣ* золота *два прута*, *до 26 плащей*, да *9 перстней* золотыхъ, и *пуговицы*, и *иные мелкіе* статьи золотые и серебреные; и то золото и серебро привезено къ Москвѣ въ *Розрядъ*, и *смотрѣно* и *цѣнено*, и по челобитью и *по выпискѣ* то находное золото и серебро *отдано* ему, *Роману, на церковное строеніе*".

Это свидѣтельство любопытно уже въ томъ отношеніи, что указываетъ на одну изъ причинъ безслѣднаго исчезновенія у насъ множества кургановъ, городищъ и селищъ, покрывавшихъ въ прежнее время пространство Россіи въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ какое видимъ теперь. „Селитреное варенье", для котораго очень „при-

---

[1]) *„Старыя описи"*, кн. № 4, л. 108.—За это любопытное указаніе приношу благодарность г. *А. А. Гоздаво-Голомбіевскому*.

годилась" земля древнихъ кургановъ, городищъ и селищъ, истребило въ XVI—XVII вв. массу этихъ памятниковъ старины. Правительство XVII в., усердно заводившее выработку столь необходимой для того боеваго времени селитры, нерѣдко обращалось къ мѣстнымъ властямъ съ требованіями о розыскѣ кургановъ и городищъ и объ устройствѣ въ сосѣдствѣ ихъ „селитреныхъ варницъ". Напр., въ 138 (1630) г. приказу Казанскаго дворца былъ объявленъ государевъ указъ объ отыскиваніи въ Тобольскомъ, Томскомъ и др. сибирскихъ уѣздахъ „*старыхъ городищъ и селищъ*", которыхъ „земля къ селитреному дѣлу пригодилась", и о заведеніи тамъ „селитренаго варенья" [1]). Приказъ Казанскаго дворца немедленно отправилъ о томъ грамоты Тобольскимъ и Томскимъ воеводамъ [2]).

Изъ отвѣтныхъ воеводскихъ отписокъ сохранилась отписка Томскихъ воеводъ, 139 (1631) г., въ которой они сообщаютъ государю, что въ Томскомъ, Нарымскомъ, Кецкомъ и Енисейскомъ уѣздахъ не нашлось „старыхъ городищъ или селищъ, или какихъ *жилищныхъ мѣстъ*, которая-бъ земля къ селитреному дѣлу пригодилась..." [3]).

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла мнѣ не извѣстенъ, но во всякомъ случаѣ и изъ приведеннаго видно, что въ началѣ XVII в. правительство отнюдь не смотрѣло на „старыя городища и селища" какъ на достойныя вниманія и охраны памятники древности: оно цѣнило ихъ съ одной узкой утилитарной точки зрѣнія—какъ богатые склады земли, годной для выдѣлки селитры.

Возвращаюсь къ „сыскному дѣлу" 134 (1626) г. Оно свидѣтельствуетъ, что правительство XVII в. и на *курганы* смотрѣло съ той же практической точки зрѣнія, какъ и относительно городищъ съ селищами; подобно послѣднимъ, и курганы съ разрѣшенія правительства служили для добыванія изъ нихъ земли, годной для „селитренаго варенья".

Въ Путивльскомъ у. въ 134 (1626) г. подобною антиархеологическою раскопкою кургановъ занимался „селитреной мастеръ" Романъ Гавриловъ. Былъ-ли этотъ Гавриловъ правительственнымъ агентомъ по „селитреному варенью" въ Путивльскомъ у., или это было частное лице („селитреной уговорщикъ"), подрядившееся изготовить для государевой

---

[1]) *Сибирск. приказа* столбецъ № 25, л. 100.

[2]) *Ibid.*, лл. 103 и 106.

[3]) *Ibid.*, столб. № 54, л. 1 и слѣд.

казны селитру,—трудно рѣшить. Но судя потому, что опись говоритъ о „приказчикѣ“ Гаврилова, нужно думать, что послѣднiй былъ не „казеннымъ селитренымъ мастеромъ“, а промышленнымъ человѣкомъ. Этимъ же обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить и тотъ фактъ, что Гавриловъ прямо отписалъ въ Москву о находкѣ клада, не прибѣгая къ посредству мѣстнаго воеводы.

Документъ, къ сожалѣнiю, не говоритъ—въ какой именно мѣстности Путивльскаго у. производилъ Гавриловъ „селитреное варенье“ изъ курганной земли. Но не нужно забывать, что весь вообще Путивльскiй уѣздъ—одинъ изъ старѣйшихъ уголковъ русской земли, лежавшей на старомъ рубежѣ съ степной окраиной—въ XVII в. долженъ былъ изобиловать курганами, и притомъ очень цѣнными въ археологическомъ отношенiи.

И дѣйствительно, даже изъ краткаго перечня клада, сдѣланнаго описью, ясно видно, что курганъ, разрытый „прикащикомъ и работниками“ Гаврилова,—былъ очень богатъ вещами. Находка состояла *единственно* изъ *золотыхъ* и *серебряныхъ* предметовъ Опись точно перечисляетъ только главнѣйшiя изъ найденныхъ въ курганѣ *золотыхъ* вещей: „*2 прута*, да *26 плащей*, да *9 персней*“, затѣмъ она говоритъ о золотыхъ и серебряныхъ „*пугвицахъ*“, не обозначая ихъ количества, и, наконецъ, глухо упоминаетъ объ „иныхъ“ также золотыхъ и серебряныхъ „*мелкихъ* статьяхъ“ (т. е.—предметахъ).

Несомнѣнно и въ наше время кладъ былъ бы названъ богатымъ не въ одномъ прямомъ смыслѣ, но и въ археологическомъ. Погребенные (а ихъ было нѣсколько, судя по количеству „персней“) въ разрытомъ Гавриловымъ курганѣ принадлежали къ богатой народности перiода употребленiя благородныхъ металловъ.

Что такое представляли собою 2 золотые „*прута*“? было ли это какое оружiе, или украшенiе къ оружiю? или какой-нибудь предметъ изъ домашняго обихода—украшенiе, обломокъ украшенiя?—трудно сказать. Замѣчу только, что въ XVII в. понятiе о „прутѣ“ было вполнѣ тождественно съ нашимъ представленiемъ о немъ.

Еще труднѣе объяснить значенiе 26 „*плащей*“. Конечно, это не были „плащи“ въ нашемъ смыслѣ—какъ извѣстное одѣянiе (извѣстное впрочемъ и Руси XVII в. подъ тѣмъ же названiемъ), но какъ одѣянiе, преимущественно польское и вообще иноземное.

Въ „росписи“ отписанныхъ на государя „животовъ“ богатаго

торговаго кіевлянина конца XVII в., гречанина Николая Торніота, между прочимъ, показана и „*тесьма* шелковая, на ней *плащи* серебреные вызолочены, съ каменьи", т. е., вѣроятно, поясъ; радомъ съ этою „тесьмою" стоитъ „турецкій кушакъ" [1]). Очевидно, что подъ „плащами" здѣсь разумѣются какія-то пластинки, которыми была украшена „тесьма".

Такимъ образомъ, найденные Гавриловымъ 26 „плащей" должны означать какіе-то плоскіе и широкіе предметы изъ золота, противоположные по своей формѣ узкимъ, круглымъ и тонкимъ „прутамъ".

Были ли въ Путивльскомъ курганѣ *костяки*?—Несомнѣнно были, хотя опись „сыскнаго дѣла" и не упоминаетъ о нихъ какъ о предметахъ, далеко отстоящихъ по цѣнности отъ благородныхъ металловъ. Существованіе здѣсь „костяковъ" необходимо предположить, потому что—судя по курганнымъ раскопкамъ нашего времени—если попадаются курганы съ „костяками" и безъ вещей, то кургановъ съ обратнымъ содержимымъ—съ вещами, но безъ „костяковъ"—не встрѣчается (исключая, конечно, случаевъ трупосожженія). Присутствіе вещей необходимо предполагаетъ и присутствіе костяка. Полнѣйшее истлѣніе костей, если и встрѣчается, то въ курганахъ самаго древнѣйшаго періода—каменнаго, а никакъ не въ курганахъ позднѣйшаго періода, знакомаго съ выдѣлкою золотыхъ и серебряныхъ вещей. Костяки послѣдняго періода, встрѣчаются въ курганахъ, вскрываемыхъ и въ наше время. Тѣмъ лучше, конечно, сохранялись костяки этого періода болѣе 260 лѣтъ тому назадъ.

На присутствіе костяковъ въ курганѣ 1626 г. указываетъ нахожденіе въ немъ „*9 персней*" и неизвѣстнаго количества золотыхъ и серебряныхъ „*пугвицъ*". Послѣднія были, конечно, принадлежностію *платья* курганныхъ людей.

О томъ же свидѣтельствуетъ, наконецъ, и то обстоятельство, что всѣ найденныя вещи были возвращены правительствомъ Роману Гаврилову подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ, согласно его же желанію („по челобитью" его), употребилъ находку только „*на церковное строеніе*". Какой смыслъ этого распоряженія?—Очевидно, Гавриловъ встрѣтилъ въ курганѣ костяки и, хотя убѣдился въ отсутствіи здѣсь признаковъ христіанскаго погребенія, тѣмъ не менѣе не

---

[1]) См. мою замѣтку „Изъ архивн. мелочей о Кіевѣ XVII в." въ „Кіев. Старинѣ", 1889, №№ 5—6, стр. 584.

могъ не почувствовать нѣкотораго уваженія и къ костямъ „нехристей". Это чувство не позволило ему распорядиться найденными вещами на свои мірскія потребности и заставило его отдать ихъ церкви, въ рукахъ которой все неправопріобрѣтенное людьми очищается и становится безгрѣшнымъ. Этотъ взглядъ и сейчасъ можно встрѣтить въ русскомъ народѣ. Гавриловъ же иначе и не могъ смотрѣть на богатство, снятое имъ съ костей покойника. Одно нарушеніе могильнаго покоя издавна причислялось и причисляется русскимъ народомъ къ числу крупныхъ грѣховъ и ставится почти рядомъ со святотатствомъ. Тѣмъ строже относился народъ къ прямому ограбленію могилъ. Очевидно, и Гавриловъ счелъ своимъ невольнымъ грѣхомъ вскрытіе могилы невѣдомыхъ ему покойниковъ и поспѣшилъ „замолить" этотъ грѣхъ пожертвованіемъ всего найденнаго клада „на церковное строеніе".

Какъ же отнеслось правительство къ факту находки Гавриловымъ курганныхъ вещей?—Получивши отписку Гаврилова, Разрядъ приказалъ—или мѣстному воеводѣ, или особо посланному лицу—произвести на мѣстѣ „сыскъ". Какъ производились подобные „сыски", чего они добивались и къ какимъ результатамъ приводили—это будетъ видно изъ послѣдующаго обозрѣнія сохранившихся „сыскныхъ дѣлъ" о кладахъ. Нельзя, однако, не пожалѣть, что до насъ не дошелъ „сыскъ" о Путивльскомъ кладѣ 134 (1626) г.; мы имѣли бы картину первой (извѣстной) курганной раскопки на Руси и получили бы болѣе полное и ясное представленіе о содержаніи раскрытаго Гавриловымъ кургана, такъ какъ въ „сыскѣ" несомнѣнно были раскрыты всѣ обстоятельства раскопки и заключался какъ точный перечень всего найденнаго, такъ и довольно обстоятельная опись предметовъ.

Когда былъ произведенъ на мѣстѣ „сыскъ", его отправили вмѣстѣ со всѣми найденными предметами въ Разрядный приказъ. Здѣсь все „находное" золото и серебро было „смотрѣно и цѣнено".—

Когда же Гавриловъ представилъ „челобитье" о возвратѣ ему находки для употребленія ея „на церковное строенье", разрядъ распорядился сдѣлать „*выписку*" по челобитью, т. е.—навести справки *изъ старыхъ документовъ* о существованіи въ прошломъ подобныхъ случаевъ находки кладовъ и о правительственныхъ распоряженіяхъ въ

такихъ случаяхъ. Государь уважилъ челобитье Гаврилова, не только на основаніи существовавшихъ въ 134 (1626) г. взглядовъ на подобныя находки, но и руководствуясь предыдущею практикою Разряда въ аналогичныхъ случаяхъ, практикою, восходившею до половины XVI столѣтія, если не раньше. Такимъ образомъ, распоряженіе объ отдачѣ найденныхъ въ кладѣ вещей „на церковное строеніе" можно признать не единичнымъ и первымъ случаемъ въ практикѣ Разряда, но уже установившимся съ теченіемъ времени обычаемъ, хотя и не пріобрѣвшимъ силу и значеніе прямаго закона.

Итакъ, извѣстіе о Путивльскомъ курганномъ кладѣ 134 (1626) г. свидѣтельствуетъ, что на *курганы*, какъ на памятники древности, правительство и общество не обращали вниманія, но *къ содержимому* кургановъ относились довольно *внимательно*: и хотя не придавали археологическаго значенія „находнымъ" предметамъ, но чувствовали къ нимъ какое-то невольное, безсознательное *уваженіе*. Для начала XVII вѣка и этого зародыша вниманія и уваженія вполнѣ достаточно...

Вотъ все, что можно сказать по поводу краткаго извѣстія о Путивльскомъ кладѣ 134 (1626) г. Перехожу къ слѣдующимъ двумъ фактамъ находки кладовъ, о которыхъ сохранились подлинныя и подробныя „сыскныя дѣла".

II.

Шацкій кладъ 153 (1645) г.

Въ августѣ 153 (1645) г. Разрядный приказъ получилъ „*отписку*" Шацкаго воеводы Никиты Дмитріевича Бестужева о находкѣ въ городѣ денежнаго клада. Воевода писалъ государю, что 23 іюля „вѣдомо мнѣ, холопу твоему, учинилось: говорятъ де, государь, въ Шацкомъ *въ мірѣ* многіе люди, что въ Шацкомъ *въ козачьей слободѣ* козакъ пахалъ пашню и на той пашнѣ нашелъ-де онъ кладъ". Въ тотъ же день воевода потребовалъ въ съѣзжую избу „отаманьевъ" бѣломѣстныхъ козаковъ Марка Бучева и Григорія Долгова и сталъ разспрашивать ихъ: „хто именемъ" изъ козаковъ нашелъ кладъ, и *какой кладъ*, и въ которомъ *мѣстѣ*, и о кою *пору*, и въ которомъ числѣ, и вамъ про то вѣдомо-ль"?

Атаманы „въ распросѣ сказали": „слухомъ-де они слышали, что говорятъ у нихъ въ козачьей слободѣ многіе люди: пахалъ де Бори-

совской станицы Кочюкова козакъ Овдокимка *Каревъ* съ детьми своими съ 3 сыны пашню подъ рѣпу, и на той де онъ пашнѣ нашолъ *кладь*, а какъ великъ и какой кладъ—того имъ не вѣдомо". Они знаютъ только, что послѣ Карева на той же его пашнѣ „находили разные люди того кладу *деньги не рускова дѣла*". Такъ, Бучевъ видѣлъ *копейку* у козака Проньки Григорьева сына *Мѣденово-Языка* (прозвище), а Долгову такую же „копейку" показывалъ конской пастухъ Никита Михайловъ Кривоносовъ.

Распросивши атамановъ, Бестужевъ „поставилъ передъ собою въ съѣзжей избѣ" казака Евдокимка Карева, съ дѣтьми, съ женою и съ снохами, а также и другихъ людей, находившихъ деньги на пашнѣ Карева. Воевода снялъ со всѣхъ *„распросныя рѣчи"* („сыскъ"), посланныя вмѣстѣ съ отпискою въ Разрядъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи пользуюсь данными какъ этихъ распрсс ныхъ рѣчей, такъ и воеводской отписки.

Каревъ показалъ, что дѣти его (пасынки) пахали пашню подъ рѣпу, но онъ самъ въ этой работѣ не участвовалъ и *„кладу не нахаживалъ*, а дѣти мои на пашнѣ какой кладъ нашли или нѣтъ—того не вѣдаю": дѣти ничего ему „не объявили" о найденныхъ деньгахъ.

Старшій пасынокъ Петрушка *Микитинъ* сознался въ находкѣ денегъ, о которой разсказывалъ такъ: въ канунъ Троицына дни пахалъ онъ, вмѣстѣ съ младшими братьями Никифо̀ромъ и Михѣйкомъ, „на *Соломеной горѣ*" пашню подъ рѣпу—„ажно на той пашнѣ *появились деньги*, невѣдомо какіе, *не русково дѣла*, и я съ братьями тѣхъ денегъ собрали *алтынъ съ десять* или больши". Деньги они принесли домой, но никому не объявили о находкѣ—ни вотчиму, ни матери, ни женамъ своимъ, а „схоронили деньги у себя на дворѣ за избою, у огородныхъ воротецъ, и нынѣ тѣхъ денегъ *найти не умѣемъ* и того мѣста не узнаемъ".

Младшій братъ Михѣйко показалъ вполнѣ согласно съ старшимъ. Но средній—Никифоръ Микитинъ выдалъ старшаго брата и сознался, что о деньгахъ они объявили и матери, и женамъ (двухъ старшихъ братьевъ), только вотчиму не сказали. О самой находкѣ Никифоръ показалъ согласно съ Петромъ, только добавилъ что „о тѣ поры многіе люди около насъ пашню пахали и того нихто не видали".

Мать ихъ Соломонида, жена Евдокима Карева, подтвердила, что

дѣти ея не говорили о деньгахъ вотчиму своему, но ей и женамъ своимъ сказали, а куда спрятали деньги—того она не вѣдаетъ.

Овдотьица и Марьица, жены Петра и Никифора, согласно съ мужьями разсказали о находкѣ ими денегъ (когда „*драли* на пашнѣ *залогъ*") и объяснили, что „свекру Овдокиму тѣхъ денегъ не объявили, потому что онъ мужикъ-бражникъ"...

Карева и пасынковъ его воевода „велѣлъ дать за приставы". Допросъ пасынковъ, ихъ женъ и матери происходилъ 25 іюля. Но еще 23 іюля (послѣ допроса Карева) воевода посылалъ 2 подъячихъ съѣзжей избы Ивашку Байкова и Одоньку Хлѣбникова, атамановъ М. Бучева и Гр. Долгова, да 2 казаковъ и велѣлъ имъ—„*обыскать* Овдокимовъ *дворъ* Карева для того кладу и дѣтей его взявъ привести въ съѣзжую избу. И Овдокимовъ дворъ Карева *обыскиванъ*, и ничего не нашли", равно какъ и дѣтей не встрѣтили во дворѣ. Мать ихъ сказала, что они на пашнѣ (только 25 іюля они вернулись и были допрошены).

Возвращаясь со двора Карева, подъячіе и атаманы „съ понятыми" проходили мимо двора казака Левонтія Лукъянова—„ажно онъ Левонтей стоитъ на улицѣ у своихъ воротъ, а съ нимъ стоитъ казакъ Емелька Черемисиновъ. И учалъ тотъ казакъ Левонтей спрашивать: зачѣмъ-де вы ходите и для каково поличново—не для-ль-де вы ходите Карева кладу?—И взялъ (Левонтей) къ себѣ на дворъ и учалъ говорить: ходили-де мои робятка съ Омельяновыми робятки Черемисинова на пашню, а въ которой день—того не упомню; и послышали де они, „что Каревъ съ дѣтьми нашли деньги на своемъ „рѣпищѣ", на Соломенной горѣ. „Робятки мои"—дочь дѣвка Овдотьица да сноха Өетиньица—пошли на пашню Карева „и нашли *9 копеекъ*", которыя и отдали Левонтью.

Черемисиновъ сказалъ, что и его „робятка"—Куземка да Панька—„о тѣжъ поры нашли на томъ же мѣстѣ *12 копеекъ*" и передали ему.

„Да тутъ же принесла" на дворъ Левонтья и отдала подъячимъ *4 копейки* Дарьица, жена Корнѣя Черемисинова, объявивши: „шла де она съ дочерью черезъ пашню Карева и *подняла* на той пашнѣ 4 копейки".

Всѣ эти „находныя деньги (25 копѣекъ, представленныхъ Лукъ-

яновымъ, Черемисиновымъ и Дарьей) у нихъ взяты (подъячими) и принесены въ съѣзжую избу".

26 іюля стали являться, повидимому добровольно, въ Шацкую съѣзжую избу разныя лица, находившія деньги на Каревской пашнѣ. Первыми принесли казаки—„конной пастухъ" Микита Кривоносовъ и Екимко Будановъ, которые разсказывали: „ходило-де насъ робятъ 7 человѣкъ по ягоды", шли черезъ пашню Карева, о которой уже знали въ казачьей слободѣ („слухъ былъ"), что дѣти Карева нашли тамъ кладъ. Когда „робята" подошли къ пашнѣ Карева, то увидѣли, что „на той пашнѣ толока великая". Всѣ взялись внимательно разсматривать землю и двое изъ нихъ (Кривоносовъ и Будановъ) „*поднели*" на той пашнѣ по копейкѣ, „а остальные ихъ товарищи" не нашли ничего.—„И тѣ у нихъ 2 копейки взято".

Тогда же принесъ въ съѣзжую избу 1 „копейку нерускова дѣла" („и та у него копейка взята") полковаго казака сынъ „Савка Павловъ, „а сказалъ": за 3 дня до Ильина дня „ходилъ я въ лѣсъ по лыки, и иду съ лыки ко двору—ажно на Овдокимовой пашнѣ Карева робятъ-дѣвочекъ съ десять роютъ землю, и я ихъ спросилъ: чево вы ищите?—и они мнѣ сказали: тутъ де казакъ Овдокимко нашолъ кладъ.—И я межъ ими поднялъ копейку, да и пошолъ отъ нихъ прочь".

„Пронька Григорьевъ сынъ, *прозвище Мѣденово Языка*", казакъ станицы Марка Бучева", принесъ копейку и сказалъ: шелъ онъ какъ-то „съ покосу" и повстрѣчался съ казакомъ Лунькой Шелудяковымъ, который показывалъ ему „копейку нерусково дѣла", найденную имъ на пашнѣ Карева; Пронька взялъ у Луньки копейку, чтобъ показать ее „стороннимъ людемъ", принесъ въ казачью слободу и показывалъ атаману Бучеву и инымъ казакамъ, а теперь представляетъ ее воеводѣ.

Шелудяковъ объяснилъ, что на 3-й день „послѣ Петрова дни" шелъ онъ изъ лѣсу черезъ пашню Карева и видитъ „на той пашнѣ невѣдомая какая великая толока, и я пришолъ тое толоки смотрѣть, ажно тутъ лежитъ копейка—неруское дѣло". Онъ поднялъ ее и пошелъ въ казачью свободку, гдѣ „казалъ" ее многимъ казакамъ, а на другой день передалъ Пронькѣ Мѣденому-Языку.

Наконецъ, казакъ Любимка Роговъ принесъ 1 копейку и разсказалъ: стоялъ онъ „въ казачьихъ въ острожныхъ воротѣхъ на ка-

раулѣ“ и слышалъ отъ многихъ проходившихъ казаковъ о находкѣ Каревымъ клада. „На завтрея“, освободившись отъ караула, Любимка пошелъ на пашню Карева „нарокомъ“ (нарочно), и на той пашнѣ „толока велика, и я на той толокѣ поднялъ копейку нерусково дѣла“. Когда онъ показывалъ копейку многимъ казакамъ и объяснялъ, гдѣ и какъ нашелъ ее, услышалъ это Каревъ и за то „меня лаялъ при многихъ людѣхъ всякою неподобною лаею—матерны, и хотѣлъ было я тое копейку объявить (раньше) воеводѣ въ съѣзжеѣ избѣ, да за тѣмъ не объявилъ, что зашла дѣловая пора. И та у него копейка взята“.

Такимъ образомъ 26 іюля воевода получилъ 5 „копеекъ“ изъ Каревскаго клада, а съ принесенными раньше составилось всего 30 копеекъ, *по щету*—10 алтынъ“ (т. е. переведя эти 30 „копеекъ неруского дѣла“ на русскій счетъ).

28 іюля явились въ съѣзжую избу Соломонида Карева и принесла „*находныхъ* денегъ по щету—13 алтынъ 2 деньги (сколько и именно принесла она „копеекъ“—не сказано), а сказала, что она тѣ деньги нашла съ своими снохами у себя на дворѣ, что дѣти ее хоронили“.

Послѣ этого Каревъ съ пасынками освобождены „изъ-за пристава“ и отданы „на крѣпкія поруки съ записьми, до государева указу“..

5 августа 153 (1645) г. Бестужевъ отправилъ въ разрядъ свою „отписку“ и „распросныя рѣчи“, вмѣстѣ съ „находными деньгами“ (на 23 алтына 2 деньги).

На отпискѣ читаемъ такой приговоръ государя: „*государь, слушавъ* сеѣ отписки, указалъ отписать: велѣть того казака, которой *будто* нашолъ кладъ—свободить и ничего надъ нимъ чинить не велѣлъ, а деньги отдалъ держать подъячему Матвѣю Култыкову.

Царская грамота Шацкому воеводѣ, отъ 18 августа 153 (1645) г., увѣдомляя о полученіи присланныхъ воеводою „находныхъ *татарскихъ денегъ*“—23 алтынъ 2 денегъ, говоритъ: „и мы *для* блаженные *памяти отца нашего*, великаго государя царя и великаго князя Михаила Өедоровича всеа Русіи, казака Овдокима Карева пожаловали—велѣли ево съ дѣтьми въ томъ дѣлѣ учинить свободныхъ“ и „поручную запись, что по нихъ взята въ томъ дѣлѣ, имъ выдать“...

Внизу текста грамоты стоитъ помѣта: „а деньги отданы подъячему Матвѣю Култыкову“.

Что же это былъ за *„кладъ“*? какъ онъ *найденъ*? и какъ *отнеслось* къ факту находки *правительство* въ лицѣ мѣстной и московской администраціи?

Мѣстность находки клада опредѣлена довольно точно: онъ найденъ на *Соломенной* горѣ, вблизи *казачьей* слободы города Шацка. Лица, знакомыя съ топографіей Шацка въ XVII в. и современной, вѣроятно, могутъ и сейчасъ опредѣлить эту мѣстность. Что такое Соломенная гора? не было ли здѣсь какого-либо древняго городища, или вообще укрѣпленія? не связано-ли съ этою горою какихъ-нибудь преданій о *татарахъ* („находныя деньги“, по опредѣленію Разряда, были „татарскія“), или другихъ инородцевъ.

Какъ бы тамъ ни было, но на этой Соломенной горѣ, на пашнѣ казака Карева пасынки его „драли залогъ“, т. е. вспахивали землю, уже нѣсколько лѣтъ не паханную. Повидимому, земля эта давно уже лежала „въ залогѣ“; какъ только Каревы начали ее пахать, сейчасъ же и обнаружились на поверхности *„копейки“*. Предыдущее вспахиваніе этой земли также должно было обнаружить деньги и, если бы оно было недавно, то память объ этой прежней находкѣ жила бы среди населенія. Но въ 153 (1645) г. никто изъ участниковъ въ находкѣ клада ничего не заявилъ о случаяхъ отыскиванія денегъ на пашнѣ Карева въ прежнее время.

Всѣ показанія „сыскныхъ людей обнаружили, что найденныя пасынками Карева и др. казаками „копейки нерусково дѣла“ лежали *не глубоко* въ землѣ. Первые находчики—братья Микитины, пасынки Карева, заявили, что когда они пахали, то на пашнѣ вдругъ *„появились* деньги“. Другія показанія говорятъ тоже самое: Дарья Черемисинова *„поднела* на той пашнѣ 4 копейки“, Кривоносовъ и Будановъ *„поднели“* 2 копейки, Шелудяковъ увидѣлъ, что на пашнѣ *лежитъ* копейка и проч.

Но когда слухъ о кладѣ распространился по казачьей слободѣ (повидимому, секретъ о кладѣ держался строго между слобожанами и не выходилъ за предѣлы слободы, по крайней мѣрѣ, въ „сыскѣ“ встрѣчаемъ только казаковъ съ ихъ семьями) и всѣ—взрослые и дѣти—бросились отыскивать „копейки“; деньги, лежавшія на поверхности, были уже подобраны, и новымъ кладоискателямъ приходилось

рыть землю. Такъ, казачій сынъ Савка Павловъ видѣлъ, что на пашнѣ Карева „робятъ-дѣвочекъ съ десять *роютъ землю*“. Нашли ли что-нибудь дѣвочки—не извѣстно, но Павловъ „межъ ими“, т. е. на взрытой ими землѣ „поднялъ копейку“.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что „копейки“ лежали не на одномъ уровнѣ: часть найдена въ томъ пластѣ земли, который подняла соха пасынковъ Карева, другія копейки лежали ниже.

Деньги лежали не въ одной кучѣ, всѣ вмѣстѣ, но были *разбросаны* въ разныхъ углахъ пашни Карева—отдѣльными кучками и одиночными экземплярами. Самую большую кучу нашли пасынки Карева. Воевода Бестужевъ почему-то не упомянулъ ни разу—сколько именно они нашли „копеекъ“. Но онъ перевелъ ихъ находку на русскій „щетъ“ и—вышло, что Каревы нашли „копеекъ“ на 13 алтынъ 2 деньги. Находку же другихъ казаковъ воевода точно подсчиталъ: оказалось „30 копеекъ нерусково дѣла“, а по русскому „щету“=10 алтынамъ. Слѣдовательно, на 13 алтынъ 2 деньги (находка Каревыхъ) должно пойдти больше „копеекъ“—около 40 к.

Итакъ Каревы нашли около 40 „копеекъ“. Другіе казаки, ихъ жены, дѣти и пр. находили затѣмъ въ разное время гораздо меньшія кучки „копеекъ“— въ 9 штукъ, 12, 4 и 2 штуки. Наконецъ, 3 лица нашли по 1 копѣйкѣ. Несомнѣнно отсюда, что найденныя монеты были разбросаны по полю въ разныхъ мѣстахъ.

Мы насчитали около 70 монетъ. Но въ дѣйствительности ихъ было найдено гораздо больше: эти 70 монетъ кладоискатели представили воеводѣ, а сколько же „находныхъ“ денегъ было припрятано?—Изъ „сыска“ видно, что если одни казаки повидимому добровольно являлись въ съѣзжую избу и передавали воеводѣ находныя деньги (а можно ли поручиться, что они доставляли *все* найденное *ими*?), то другіе (и прежде всего пасынки Карева, обнаружившіе кладъ) отдавали деньги весьма неохотно и часть ихъ припрятывали.

При томъ же, „сыскъ“ былъ произведенъ довольно небрежно: кромѣ семейства Каревыхъ и казачьихъ атамановъ, воевода болѣе никого не призывалъ въ съѣзжую избу, и остальные „сыскные люди“ сами являлись къ воеводѣ и приносили ему находныя деньги. Да и вообще „сыскныхъ людей“ было очень мало. Между тѣмъ, число кладоискателей было такъ велико, что по прошествіи нѣсколькихъ дней, когда искали денегъ—вся пашня Карева представляла такую „*толоку* вели-

кую“ по показаніямъ свидѣтелей, что невольно бросалась всѣмъ въ глаза и говорила, что здѣсь перебывала масса людей. Но изъ всей массы было спрошено всего 18 человѣкъ! Савка Павловъ встрѣтилъ однажды на Каревской пашнѣ около 10 „робятъ-дѣвочекъ“, рывшихъ землю. Самъ онъ нашелъ „межъ ими“ 1 копейку. Необходимо допустить, что и дѣвочки нашли нѣсколько монетъ. Между тѣмъ, ни одна изъ нихъ не была допрошена воеводою, хотя это вовсе не были малолѣтки; казакъ Л. Лукъяновъ причислилъ къ „робяткамъ“ и свою сноху, т. е—уже замужнюю женщину. Слѣдовательно, слово „робята“ употреблялось въ то время въ Шацкѣ въ смыслѣ вообще „дѣтей“, хотя бы и взрослыхъ (въ этомъ же смыслѣ слово „робята“ примѣнялось и къ женщинамъ).

Найденныя монеты, очевидно, лежали въ землѣ безъ всякаго прикрытія сосудомъ и т. п. Полагаю, что если бы такое прикрытіе было найдено вмѣстѣ съ деньгами, о немъ кто-нибудь изъ сыскныхъ людей промолвился бы. Между тѣмъ на это и намека нѣтъ въ „распросныхъ рѣчахъ“.

Ни кладоискатели, ни воевода не могли опредѣлить точно—съ какими деньгами они имѣютъ дѣло. Они поняли только, что это *„деньги нерусково дѣла“*. Слово же „копейка“ въ примѣненіи къ найденнымъ деньгамъ они употребляютъ какъ обозначеніе единицы монетъ. Были-ли эти „копейки“ серебряныя или мѣдныя, „сыскное дѣло“ не говоритъ.

Въ Москвѣ же, въ Разрядномъ приказѣ, Шацкія „копейки“ были опредѣлены какъ *„татарскія деньги“*. Несомнѣнно, это были *старинныя* „татарскія деньги“—можетъ быть царства Монгольскаго. Если бы же это были современныя татарскія деньги, напр. Крымскаго царства, то вѣроятно нашлось бы въ порубежномъ Шацкѣ среди ратныхъ людей не одно лице, знакомое съ новыми татарскими деньгами.

Вотъ и всѣ тѣ немногія данныя о Шацкомъ кладѣ 153 (1645) г., какія даетъ намъ „сыскное дѣло“ о немъ. Хотя мы видѣли, что „сыскъ“ производился воеводою Бестужевымъ недостаточно обстоятельно (напр. еще: воевода не позаботился самъ лично или чрезъ посланныхъ лицъ осмотрѣть мѣсто находки клада—пашню Евдокима Карева), тѣмъ не менѣе въ общемъ выходитъ, что находка клада казаками не прошла незамѣченною воеводою. По одному говору въ Шацкомъ „мірѣ“ онъ поспѣшилъ произвести сыскъ и немедленно

отписалъ о томъ въ Разрядный приказъ. Сыскъ произведенъ имъ безъ предварительнаго испрашиванія у Разряда разрѣшенія на то. Такъ поступали воеводы или въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства и требовавшихъ въ интересахъ дѣла немедленнаго распоряженія мѣстной власти, или же въ тѣхъ случаяхъ, когда административная практика разрѣшала имъ производство „сыска", не испрашивая на то разрѣшенія Разряда. Здѣсь въ дѣлѣ о Шацкомъ кладѣ необходимо предположить оба мотива: съ одной стороны—слѣды клада могли совсѣмъ исчезнуть, если бы воевода промедлилъ съ производствомъ сыска, съ другой же—сыски о кладахъ не были уже въ половинѣ XVII в. дѣломъ необычнымъ, требовавшимъ предварительнаго разрѣшенія Разряда (мы знаемъ о сыскѣ 134 (1626) г., а несомнѣнно были и другіе сыски). Самостоятельное производство воеводою Бестужевымъ „сыска" о кладѣ ясно говоритъ, что подобные *сыски о кладахъ* уже начали входить въ кругъ *обычныхъ обязанностей воеводскаго управленія* половины XVII в. Слѣдовательно, въ это время „сыскныя дѣла" о кладахъ увеличились, то есть—увеличилось и смутное пока стремленіе русскаго общества того времени къ памятникамъ старины...

Итакъ, о воеводѣ Бестужевѣ можно сказать, что вообще онъ отнесся довольно *внимательно* къ Шацкому кладу. Но центральная администрація—Разрядный приказъ—обнаружила гораздо меньшую долю вниманія: „сыскомъ" воеводы приказъ вполнѣ удовлетворился и ничѣмъ не пожелалъ его дополнить.

„Находныя татарскія деньги", полученныя Разрядомъ отъ воеводы, были переданы разрядному подъячему Матвѣю Култыкову, очевидно—на храненіе. Врядъ-ли, впрочемъ, это храненіе было продолжительно: по всей вѣроятности, „находныя" въ Шацкѣ „копейки" были употреблены на какое-нибудь дѣло—были перелиты на московскія деньги и т. п. Если же они и долго хранились, то, конечно, не изъ археологическаго уваженія къ нимъ, но просто вслѣдствіе невозможности сдѣлать изъ нихъ какое-нибудь житейское употребленіе.

—

Кстати слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что сохранилось еще одно краткое извѣстіе о находкѣ *денежнаго клада* въ предѣлахъ нынѣшней Тамбовской губерніи. Въ описи документовъ Приказнаго стола Разряда за *167* (*1659*) *г.*, между прочими, встрѣчаемъ такіе документы:

„Отписка изъ Танбова, что писалъ къ великому государю околь-

ничій кн. Иванъ Дмитреевичъ *Пожарской* и прислалъ *судное дѣло*, что *искалъ* въ Танбовѣ предъ стольникомъ и воеводами предъ Иваномъ Полевымъ да предъ Васильемъ Лихаревымъ Танбовскаго уѣзду *Верхоценской* волости с. *Романова* крестьянинъ Васка Ѳоминъ сынъ прозвище *Шоруха* тое жъ волости с. *Устья* на крестьянинѣ на Томилкѣ *Судоплатовѣ*: въ прошлыхъ де годѣхъ тотъ Томилко *нашолъ въ землѣ поклажей—старые деньги*. И то дѣло вершено" [1]).

Очевидно, нынѣшняя Тамбовская губ. въ XVII в. была довольно богата кладами, особенно денежными. Очень жаль, что извѣстіе о Верхоценскомъ „поклажеѣ" (кладѣ) слишкомъ кратко, такъ что нельзя сдѣлать здѣсь никакихъ выводовъ. Слѣдуетъ только заключить, что если крестьяне завели „судное дѣло" о найденныхъ „старыхъ деньгахъ", значитъ—кладъ былъ достаточно великъ, чтобы возбудить къ себѣ такой интересъ. Споръ между Шарухой и Судоплатовымъ изъ-за вопроса о правѣ владѣнія кладомъ возникъ, нужно полагать, оттого, что кладъ повидимому былъ найденъ на спорной землѣ—на границѣ между землями сс. Романова и Устья.

III.

Кутуковскій кладъ 181 (1673) г.

Обширное „сыскное дѣло" о находкѣ въ 181 (1673) г. вещеваго клада въ дер. *Кутуковой*, *Старорязанскаго* стана, *Переславль-Рязанскаго* уѣзда, сохранилось въ архивѣ безъ начала и конца [2]). Уцѣлѣлъ собственно самый *„сыскъ"* о находкѣ клада (и то безъ начала), производившійся въ Старорязанскомъ стану особой коммиссій, посланной изъ Москвы. „Сыщиками" были назначены—стольникъ Андрей Михайловичъ *Борисовъ-Бороздинъ* и подьячій *Приказа Тайныхъ Дѣлъ* Перфилій Ѳедоровичъ *Оловениковъ*. Комиссія, засѣдавшая „на съѣзжемъ дворѣ" въ с. *Устороны* (того же стана) и имѣвшая въ своемъ распоряженіи нѣсколькихъ подьячихъ, стрѣльцовъ и др. лицъ, произ-

---

[1]) *„Старыя описи"*, кн. № 4, л. 313 об.—За указаніе этой записи приношу благодарность *А. А. Гоздаво-Голомбіевскому*.

[2]) На одномъ изъ заглавныхъ листовъ дѣла стоитъ такая помѣта (судя по почерку XVII в.): „присланной *столпикъ съ Резани*, а въ немъ—распросы разныхъ чиновъ людей о старинной золотой и серебряной поклажи, *начала нѣтъ*, 181 (1673) году".

водила „сыскъ" въ августѣ 181 (1673) г. и заключила его въ сентябрѣ 182 (1674) г.

По чьей иниціативѣ была назначена эта коммиссія Бороздина и Оловеникова?—Прямого отвѣта нельзя дать, такъ какъ не уцѣлѣло ни самого начала сыска (не достаетъ 2—3 листовъ, на которыхъ находилось предисловіе сыска, гдѣ несомнѣнно были высказаны мотивы возникновенія дѣла), ни документовъ, предшествовавшихъ сыску и послѣдовавшихъ за ними. Впрочемъ, въ самомъ „сыскѣ" есть намеки на то, что дѣло о Кутуковскомъ кладѣ поднято по иниціативѣ частнаго лица.

Кладъ былъ найденъ крестьянами дер. Кутуковой, принадлежавшей Ѳедору *Ртищеву*, но на землѣ не Ртищева, а сосѣднихъ помѣщиковъ с. *Устороны* Елисея Садоѳьева *Житова* „съ товарищи". Земля, повидимому, была спорная: владѣлъ ею Житовъ и др. Усторонскіе помѣщики, но и Кутуковскіе крестьяне предъявляли на нее какія-то права. Обѣ стороны ждали „писца", который долженъ былъ при переписи земель рѣшить вопросъ о принадлежности спорной земли той или другой сторонѣ. Кутуковскіе крестьяне даже проговорились во время сыска Бороздина, что они собираются подкупить „писца" и при его помощи отнять землю у Житова... Вообще, между Житовымъ и другими Усторонскими помѣщиками (Беклемишевымъ и пр.), съ одной стороны, и Ртищевымъ и его Кутуковскими крестьянами, съ другой—издавна шла „ссора большая за вотчинныя дѣла" вообще. Въ частности, предметомъ ссоры была и та земля, на которой найденъ кладъ.

Житову не пришлось воспользоваться кладомъ: львиною долею его овладѣлъ Ртищевъ, меньшая часть осталась въ рукахъ Кутуковскихъ крестьянъ, а Житову ничего не досталось. И вѣроятно онъ подалъ царю челобитную на крестьянъ. Онъ подаетъ Бороздину словесные „извѣты" на Кутуковскихъ и др. крестьянъ, отыскиваетъ и указываетъ коммиссіи кладоискателей, скупщиковъ вещей клада, свидѣтелей и пр., ловитъ по уѣзду разные слухи о кладѣ и обо всемъ докладываетъ сыщикамъ и пр. и пр. Словомъ, онъ играетъ въ сыскѣ самую видную роль, всѣ шаги которой направлены къ тому, чтобы доказать свои права на Кутуковскій кладъ и опредѣлить размѣры и стоимость клада. Несомнѣнно, Житовъ преслѣдовалъ здѣсь чисто практическую цѣль—завладѣть тѣмъ богатствомъ (а кладъ, какъ уви-

димъ, дѣйствительно былъ очень богатъ), какое было найдено на его землѣ, но которое миновало его рукъ.

—

Сыскъ Бороздина и Оловеникова о Кутуковскомъ кладѣ 181 (1673) г. начинается съ отрывка разспросныхъ рѣчей крестьянина дер. Кутуковой Васьки *Ломова*, пасынокъ котораго Обрашко *Серіъевъ* былъ именно лицемъ, открывшимъ кладъ. Вотчимъ Обрашки показывалъ, что „*золото* и *серебро*" было найдено Обрашкою „въ рч. *Мариченкѣ*, потому что *берегъ* въ томъ мѣстѣ *обвалился*, а *погребъ* въ томъ мѣстѣ, гдѣ серебро и золото имали, былъ ли или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ". Обрашка передалъ вотчиму 12 золотыхъ и серебряныхъ „*прутовъ*", которыхъ Ломовъ „по *торгамъ* на продажу не важивалъ и никому не продавывалъ".

За этимъ отрывкомъ слѣдуетъ вполнѣ уцѣлѣвшее показаніе *Парашки*, жены Васьки Ломова: по ея словамъ—кладъ найденъ сыномъ ея Обрашкою на другой день Георгіева дни 181 (1673) г., 24 апрѣля, когда онъ пасъ съ товарищами на полѣ „животину". Обрашка принесъ матери „*12 брусковъ въ слиткахъ*, да 13-е мѣсто *слиточекъ* небольшой, а серебро-ль или золото было—того она не вѣдаетъ". Онъ разсказывалъ, что „тѣ бруски и брусочекъ *поднялъ въ овражкѣ* у рч. Мариченки". Мужъ Парашки былъ въ это время въ городѣ Михайловѣ. Въ его отсутствіе явился къ ней провѣдавшій о кладѣ приказчикъ Ѳ. Ртищева Гришка *Максимовъ* и „тѣ бруски и слиточекъ изъ кадушки вынялъ и *взялъ* къ себѣ, а больши-де того *серебра прутового* и *волоченаго*, и *плитъ* и *чепей* золотыхъ, и иной никакой *казны* сынъ еѣ Обрашка къ ней, Парасковкѣ, не принашивалъ, и мужъ еѣ Васька и сынъ Обрашко ни съ кѣмъ никакой *старинной казны* не вынимывали, и отцу своему духовному попу *Тарасу 3 прутовъ* серебра она не показывала, и про *погребъ* что съ *поклажею,* никому не сказывала, и по торшкамъ и по ярмонкамъ мужъ еѣ Васька серебра не важивалъ и не продавывалъ"....

Интересно показаніе *Обрашки Серіъева* („малой" лѣтъ 16-ти) объ открытіи имъ клада: „нынѣшнимъ лѣтомъ пасъ онъ, Обрашко, животину той же деревни (Кутуковой) съ крестьянскими дѣтьми съ Гришкою Юдкинымъ, съ Максимкою Лишениномъ съ Терешкою Ивановымъ, съ Евтюшкою Ѳектистовымъ, съ Самошкою Тарасовымъ, съ

Аношкою Брылевымъ, съ Першкою Давыдовымъ, и пошелъ отъ нихъ къ рч. *Маричинкѣ* пить; и у той де рѣчки, у берегу, къ Елисѣевой землѣ *Житова* съ товарищи, *поднялъ* онъ, Обрашко, *6 брусковъ серебра въ песку* и поднявъ сказалъ товарищамъ своимъ. И тѣ де товарищи ево съ нимъ, Обрашкою, пошли къ тому же мѣсту къ рч. Мариченкѣ, и (Обрашко) *поднялъ 6-же брусковъ* да *слитокъ золота*; и товарищи ево въ то время подняли: Терешка—*4 бруска серебра*, Максимко—*3 бруска*. Гришка Іюдинъ—*4 бруска*, Аношка Брылевъ—*1 брусокъ*, Евтюшка Ѳектистовъ—*2 бруска*, Самошко Тарасовъ—*3 бруска*, Першка Давыдовъ—*2 бруска*. „И то де серебро *12 брусковъ* да слитокъ *золота* отдалъ (Обрашко) вотчиму своему Васькѣ самому, *а не матери* своей, а вотчимъ-де ево въ то время былъ дома, а не въ отъѣздѣ-де“ (какъ выше показывала мать). Послѣ же отъѣзда вотчима все золото и серебро взялъ у матери приказчикъ Гришка Максимовъ. „А *погреба*-де въ томъ мѣстѣ онъ, Обрашко, не видалъ“. На другой день послѣ находки клада вотчимъ поѣхалъ „солью торговать, а погреба съ *поклажею* искать ни съ кѣмъ не хаживалъ—ни вотчимъ, ни онъ, Обрашка, и другихъ находокъ въ томъ мѣстѣ послѣдній „не подымывалъ“.

Мальчикъ-пастухъ Терешка *Ивановъ*, товарищъ Обрашки, сказалъ, что онъ „нашелъ 4 бруска серебра да пятое мѣстечко *золота витого*“. Иванъ Осиповъ, вотчимъ Терешки, подтвердилъ, что получилъ отъ пасынка „серебра 4 бруска *слитку*, да золота *плетеного* съ *перстъ* толщиною“. Серебро и золото взялъ у него прикащикъ Гр. Максимовъ и все отобранное у крестьянъ „отвезъ къ Москвѣ къ *боярину* своему“ (Ѳед. Ртищеву). Послѣ его отъѣзда (показывали многіе крестьяне, хотя другіе отвергали), „етое жъ деревни Кутукова крестьянскіе дѣти-пастухи *такіе-жъ бруски* у рч. Маричинки подбирали“. Относительно „погреба“ всѣ (какъ Осиповъ, его пасынокъ и др.) единогласно показывали, что его никто „не видалъ“.

Подробное показаніе далъ приказчикъ Гришка *Максимовъ*:

Въ нынѣшнемъ 181 (1673) г. „передъ (вешнимъ) Николаевымъ днемъ“ крестьянинъ Юдка *Прокофьевъ* сообщилъ приказчику, что крестьянскіе дѣти-пастухи пасли „животину на полѣ, и животина-де пошла черезъ рч. Мариченку съ Ѳедоровы земли Ртищева на Елисѣеву *землю Житова* съ товарищи; и животина-де *отоптала берегу* у рѣчки—*мызгъ* [1])

[1]) Въ другомъ мѣстѣ „сыска“ (въ показаніи Гришки Юдина) слово „*мызгъ*“ передано (въ соотвѣтствующемъ данному выраженіи) словомъ—„*мысъ*“.

и *мызгъ обвалился* въ рѣчку, и съ той землею *выпалъ горшечекъ небольшой съ серебромъ слитымъ*; нашли (горшечекъ) *разбитъ*, а серебро-де лежитъ *по дорогѣ* и *въ рѣчкѣ*. И поднявъ-де то серебро въ слиткахъ, *называли* робята промежъ себя *укладомъ*. И онъ-де, Гришка, послыша тѣ рѣчи, крестьянъ своихъ про то *роспрашивалъ* и по роспросу у крестьянъ *сыскалъ на дворѣхъ 29 брусковъ серебра*, да въ *дву* мѣстахъ *золота витова*. И взявъ-де онъ то серебро и золото отвезъ къ Москвѣ, къ боярину своему. А *вѣсомъ*-де *серебра* было *14 фунтовъ* безъ невелика, а *золота* сколько было—того не вѣдаетъ, потому что *не вѣсилъ*". Золото было „*свитое*", и въ обоихъ кускахъ его „было *по камышку*, а какіе камышки были—того онъ не вѣдаетъ, потому что крестьяне то золото дали ему *безъ камышковъ*". Куда бояринъ его „то серебро и золото дѣлъ—того онъ не вѣдаетъ", равно какъ не знаетъ и того—продавали-ли кому крестьяне найденное ими серебро и золото. Про „погребъ" Максимовъ ничего не слышалъ.

17 августа Максимовъ далъ второе показаніе, сознавшись, что въ первомъ своемъ разспросѣ *своровалъ, 2 бруска* серебра *утаилъ*, и на тѣ 2 бруска серебра въ Москвѣ *обложилъ тройные складни*, а за достальное находное серебро, что осталось за окладомъ, серебряного ряду у торгового человѣка—какъ зовутъ, не вѣдаетъ—взялъ деньгами, а сколько взялъ денегъ—того не упоминаетъ". Эти утаенные 2 бруска получилъ онъ отъ крестьянина Юдки Прокофьева. Точно также утаилъ онъ и часть золота, именно: у Васьки Ломова взялъ онъ „*пересѣченой слитокъ золота*" такой же величины, какъ и раньше объявленные имъ 2 золотыхъ слитка. Этотъ „пересѣченой брусокъ золота" онъ показывалъ своему боярину, который „меньшой отсѣчекъ того золота взялъ къ себѣ, а большой отсѣчекъ того-жъ золота Ѳедоръ Ртищевъ отдалъ ему, Гришкѣ, а сказалъ, что тотъ-де отсѣчекъ *мѣдь*, а не золото". Поѣхавши изъ Москвы въ Каширскую вотчину Ртищева, Максимовъ свой „отсѣчекъ золота въ с. Свиномъ изъ чепи выронилъ".

По одному показанію, кладъ открылся такимъ образомъ, что на берегу рч. Мариченки „проступила-де *корова въ яму*" и изъ той ямы обнаружились слитки золота и серебра.

Пастухъ Гришка *Юдинъ* (сынъ Юдки Прокофіева) между прочимъ показалъ, что нашелъ онъ на землѣ Елисѣя Житова „на берегу рч. Мариченки, *въ мысу 8 прутовъ* серебра". Отецъ его Юдка

„продалъ на торгу *4 прута* въ Резанскомъ уѣздѣ въ с. *Киструсь серебряникомъ*", пріѣзжимъ будто бы изъ г. *Елатьмы*, „а взялъ за 4 прута" 2 рубля. Остальные 4 прута переданы Максимову. Онъ же, Юдка, съ крестьянами Патрикѣемъ Петровымъ и Захаромъ Мелековымъ ходили *досматривать*" мѣсто находки клада, „и пришедъ, того мѣста гдѣ вынято серебро смотрѣли, а *погреба*-де на томъ мѣстѣ они не видали, и сами *не рывали*, и *чепей* и *плитъ* золотыхъ, и серебра *литого*, и золота *витого*, и иной никакой серебряной и золотой *старинные поклажи* изъ того мѣста не выкапывали"...

Эта фраза „о чепяхъ и плитахъ", о „погребѣ" и пр., повторяющаяся почти во всѣхъ разспросныхъ рѣчахъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, очевидно была отвѣтомъ на обращенный ко всѣмъ сыскнымъ людямъ вопросъ „сыщиковъ". Послѣднимъ былъ извѣстенъ ходившій въ народѣ слухъ о находкѣ „чепей" и пр. (или же сыщики узнали объ этомъ изъ челобитной Житова), и они усердно добивались правды по этому интересному вопросу.

Одинъ изъ мальчиковъ-пастуховъ нѣсколько видоизмѣнилъ эту обычную фразу о „погребѣ": онъ сказалъ, что „погреба и никакихъ *стоячихъ досокъ* онъ не видѣлъ"...

Крайній интересъ представляетъ рядъ показаній по вопросу: не было-ли на найденныхъ брускахъ серебра какихъ-либо *надписей*? — Вопросъ поднялъ пастухъ Евтюшка *Ѳектистовъ* (можетъ быть грамотный), который настойчиво утверждалъ, что *„на одномъ-де брускѣ* (изъ двухъ найденныхъ имъ) *намѣчено въ пяти мѣстехъ*, а что намѣчено—того онъ не вѣдаетъ".

Стольникъ Борисовъ-Бороздинъ и подъячій Оловениковъ очень внимательно отнеслись къ этому любопытному показанію мальчика Евтюшки и сейчасъ-же принялись за провѣрку его, возвращаясь къ нему не одинъ разъ въ продолженіи всего „сыска". Прежде всего они обратились къ приказчику Гришкѣ Максимову, который показалъ: „которые-де 2 находные бруска серебра взялъ онъ, Гришка, у Евтюшкина отца у Ѳектиста Липянина, и на тѣхъ де 2 брускахъ *помѣтъ* никакихъ *не было*, да и на иныхъ-де серебряныхъ брускахъ, которые онъ, Гришка, взялъ у крестьянъ и у дѣтей ихъ и отвезъ къ Москвѣ, къ Ѳ. Ртищеву—*подписей* или какихъ *помѣтъ* не было жъ".

Однако Евтюшка упорно настаивалъ, что на одномъ изъ найденныхъ имъ брусковъ были *„помѣтки"*, но „какіе помѣтки и *старые*-ль,

или *новые* того онъ не вѣдаетъ". Отецъ же его никакихъ „помѣтокъ" не замѣтилъ, но ему показалось, что „были на тѣхъ брускахъ *отъ ржавчины ямочки*"...

Показаніе Евтюшки нашло неожиданное подкрѣпленіе со стороны очень авторитетной. Митька Шаровъ, приказчикъ кн. Өедора Волконскаго, одного изъ Усторонскихъ помѣщиковъ, слышалъ отъ Усторонскаго же Семіоновской церкви попа *Тараса*, что когда онъ былъ послѣ Георгіева дня (въ 1673 г.) у крестьянина дер. Кутуковой Ивашки Осипова, то „слышалъ, что онъ, Ивашко, вынялъ *поклажею*, и на дворѣ-де жена ево, Ивашкова, ему, попу, показывала 3 прута серебра, и на одномъ-де прутѣ серебрѣ, сказывалъ ему, Митькѣ, попъ Тарасъ, что *была подпись*, только де онъ той *подписи не прочелъ*. Да Ивашкова жъ де жена ему, попу Тарасу, съ тѣмъ же серебромъ показывала *свертокъ волоченаго золота*"...

С. *Исадъ* (стольника Луки Владиміровича Ляпунова) староста Іовъ Триөоновъ слышалъ отъ попа Тараса, что тотъ видѣлъ у одного Кутуковскаго крестьянина *„карася серебреного"*...

Допрашивали крестьянъ и др. сосѣднихъ селъ и деревень (с. *Мартина*, дер. *Грамаковы*, д. *Дурненокъ* и пр.), но большинство отозвалось невѣдѣніемъ о Кутуковскомъ кладѣ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ показаній оказались довольно существенными. Такъ, приказчикъ дер. *Шатрищъ* слышалъ отъ Старорязанскаго „серебряника" Алешки *Кобыляка*, что „на торшку" въ с. Киструсѣ онъ *купилъ* у Кутуковскаго крестьянина „золотникъ *золота*, а далъ-де 40 алтынъ"... Староста и крестьяне с. Усторони слышали отъ попа Тараса, что Кутуковскіе крестьяне *„поклажей* нашли и выняли въ слиткахъ серебро *карасиками*"...

Тотъ же попъ Тарасъ сказывалъ Усторонскому помѣщику Ивану Ивановичу *Беклемишеву*, что кутуковецъ Ивашко Осиповъ показывалъ попу „одинъ серебреной *карасикъ*" и „на томъ-де карасикѣ *подпись видѣлъ*, только-де онъ той *подписи не прочелъ*, да и *золотые-де карасики* слиткомъ тѣжъ кутуковскіе крестьяне нашли-жъ-де"...

18 августа 181 (1673) г., „на съѣзжемъ дворѣ" стольнику Борисову-Бороздину Елисей *Житовъ* „билъ челомъ словесно": „сказывалъ-де ему" Усторонскій крестьянинъ Антипко Артемьевъ, при приказчикѣ Митькѣ Шаровѣ, что какой-то крестьянинъ дер. Кутуковой „похвалялся: какъ-де будетъ *писецъ*, и они-де у Елисѣя Житова съ то-

варищи *поле Закомары*, на которомъ полѣ выняли поклажей Өедоровы (Ртищева) крестьяне дер. Кутуковы—*отоймутъ*, а дадутъ-де за то поле хотя 500 рублевъ да 50 золотыхъ, а тѣмъ-де полемъ ему, Елисѣю, съ товарищи у нихъ не владѣть"... Житовъ просилъ стольника вызвать и допросить Антипку и Митьку.

Антипка подтвердилъ ссылку на него Житова (нѣсколько видоизмѣнивши ее): онъ слышалъ отъ кутуковцевъ Давида Ломова съ товарищи, что „не видать-де Елисею поля Закомаръ: баяринъ-де ихъ Өедоръ Ртищевъ за то поле Закомаръ хотя-де дастъ 500 р. да 50 золотыхъ, а за Елисѣемъ-де тому полю Закомары не бывать, а писцу-ль дать 500 р. и 50 золотыхъ, или иному кому—того отъ нихъ онъ, Антипка, не слыхалъ"...

Далѣе слѣдуетъ въ сыскномъ дѣлѣ „*отписка*" Бороздину и Оловеникову „Духовнаго приказа" Переславль-Рязанскаго митрополита, отъ имени Богословскаго монастыря архимандрита *Іоасафа* и Спаскаго попа Герасима. Начальные люди Духовнаго приказа писали сыщикамъ, что по грамотѣ изъ Патріаршаго разряду они допросили Усторонскаго попа *Тараса* и его „скаску" посылаютъ сыщикамъ. „Скаска" очень цѣнна обстоятельнымъ описаніемъ видѣнныхъ попомъ „слитковъ серебра".

На Георгіевъ день—разсказываетъ попъ Тарасъ—былъ онъ „у праздника" въ с. Мартинѣ, Старорязанскаго стана, а на 3-й день праздника отправился домой, въ с. Усторонь, вмѣстѣ съ Кутуковскимъ крестьяниномъ Ивашкой Осиповымъ. Дорогою Ивашко зазвалъ къ себѣ попа ночевать. Утромъ, когда попъ проснулся, вошла къ нему Агафьица, жена Осипова, и „внесла въ пазухѣ *3 слитка* серебра, *на срединѣ* въ ширину *вершка* будетъ *въ полтора, на оба конца клиномъ сведено*, а въ толщину въ полвершка. Да она-жъ, Огафьица, выневъ изъ пазухи, показывала *свитокъ тянутова золота*, а тотъ свитокъ въ длину будетъ *въ четверть аршина* слишкомъ, а толщиною гораздо толще человѣческаго *большого перста*, а то золото *тянуто въ сережное тонкое кольцо*"... Агафьица сказала попу, что то золото и серебро нашелъ сынъ ея Терешка „въ оврагѣ на *Студенцѣ* у рч. Мариченки, въ ямѣ"... Кромѣ того, попъ „слухомъ слышелъ, что тое находку они, крестьяне, межъ себя *дѣлили*, а ссора межъ ими, крестьяны, была послѣ находки, а не на *дѣлу*" (не во время дѣлежа)...

12 августа архимандритъ Іоасафъ послалъ новую отписку къ Бороздину, съ дополнительною краткою „скаскою“ попа Тараса относительно „*подписей*“ на слиткахъ серебра. Попъ вопреки ссылкамъ на него Беклемишева и др. лицъ—категорически заявилъ, что на показанномъ ему Агафьицей золотѣ и серебрѣ „*подписи* никакіе *не видалъ*“...

Между тѣмъ Бороздинъ и Оловениковъ продолжали допрашивать разныхъ лицъ. Крестьяне с. *Старой Резани* слышали въ селѣ „*на базарѣ* говорили межъ себя всякихъ чиновъ люди, что Кутуковскіе крестьяне нашли поклажей“ и, между прочимъ, „золотыхъ карасей“. Нѣкоторые слышали отъ попа Тараса, что онъ видѣлъ у одного Кутуковца „два *лемешка* серебряныхъ“.

Любопытенъ въ историко-юридическомъ отношеніи слѣдующій эпизодъ сыскнаго дѣла:

Старорязанскій крестьянинъ Кирюшка Савостьяновъ слышалъ о „серебряныхъ карасяхъ“ отъ Переславль-Рязанскаго пушкаря Стеньки Шмирева, пріѣзжавшаго въ с. Старую Рязань для высылки ратныхъ людей на службу. Шмиревъ же отвергалъ ссылку на него Кирюшки. На „очной ставкѣ“ оба они остались при своихъ показаніяхъ, при чемъ оба, каждый въ свою пользу, ссылались на свидѣтеля—„казеннаго плотника“ Андрюшку. Въ заключеніе Кирюшка заявилъ, что „будетъ-де тотъ плотникъ съ товарищи своими противъ ихъ ссылокъ не скажютъ, и они-де *шлютца на свои кожи*: онъ-де, Кирюшка, въ томъ *шлютца на свою и на его, Стенькину, кожю*, что, де онъ, Стенько, говорилъ ему, Кирюшкѣ, про вынятые серебреные караси, а не про службу. А Стенька, выслушевъ, сказалъ и *на кожи межъ себя слался* въ томъ, что онъ, Стенько, ему, Кирюшкѣ, говорилъ про службу, а не про серебряные караси“...

Интересно затѣмъ показаніе „серебреника“ Алешки *Кобыляка*: послѣ Пасхи сидѣлъ онъ какъ то „на торшку въ лавкѣ“, когда пришелъ къ нему Кутуковецъ Юдка Прокофьевъ и принесъ „находново одинъ *брусокъ серебра—мѣрою* въ длину *2 вершка*, шириною въ *вершокъ*, а въ толщину *въ пол-вершка*, а далъ де ему за то серебро десятину пашенные земли подъ еровой хлѣбъ, а *вѣсомъ*-де было того серебра *пол-фунта*“. Послѣ Николина дня „на торшку“ въ с. Киструсѣ Кутуковецъ Васька Ломовъ „продалъ *золота прутового круглова* кончикъ длиною *пол-вершка*, а вѣсомъ того золота *съ* $1^1/_2$ *золотника*, а

далъ де ему за то золото 40 алтынъ". Кобылякъ держалъ у себя золото около 4 недѣль, но такъ какъ оно почему-то „въ дѣло не пошло", то онъ вернулъ его Ломову. А „купленое серебро онъ, Алешка, *принесъ* нынѣ къ объявкѣ на съѣзжей дворъ—*бруска отсѣчекъ* разбитово, а вѣсомъ того отсѣчка серебра 16 золотниковъ, а достальное де серебро того серебра до сыску онъ, Алешка, истерялъ въ дѣлѣ"...

Юдка Прокофьевъ сознался, что въ первомъ своемъ показаніи выдумалъ Елатомскихъ серебряниковъ: въ дѣйствительности онъ носилъ 2 бруска серебра къ Кобыляку, который и взялъ 1 брусокъ, обѣщая дать деньги или „десятину пашни"—„будетъ-де *чистое серебро*". Брусокъ оказался „чистымъ серебромъ", но Юдька не получилъ отъ Кобыляка ни денегъ, ни пашни. 4 бруска Прокофьевъ отдалъ прикащику Максимову, а „3 *бруска* серебра и нынѣ у него, Юдки, *схороняны* въ огородѣ, а схоронилъ де онъ то серебро до пріѣзду сыщиковъ и *до обыску*, какъ у нихъ въ дер. Кутуковѣ *на дворѣхъ* обыскивали"...

Васька Ломовъ также сознался, что „утаилъ" у себя „отломокъ *золота свитого*", вѣсомъ „*пол-пята* золотника". Этотъ „отломокъ" онъ продалъ Касимовцу Тимофѣю Вьялину, съ котораго получилъ по 1 р. 10 алтынъ за золотникъ. А *полъ*-золотника того „отломка" продалъ Кобыляку за 40 алтынъ. Въ послѣднемъ былъ „*камышекъ лазоревой*", который „*выпалъ изъ гнѣзда* у него, Васьки, въ избѣ, а сысканъ-ли или нѣтъ—того не вѣдаетъ, а какой тотъ камышокъ—того не знаетъ". Кромѣ того, пасынокъ его Обрашка Сергѣевъ нашелъ „*прутъ золота*", который Ломовъ показывалъ Максимову, но тотъ не взялъ и „сказывалъ, что тотъ прутъ—*мѣдь*, а не золото".

Одинъ „отсѣчекъ" этого прута и теперь находится у Ломова, а другой онъ передалъ племяннику Петрушкѣ Ломову. Послѣдній показывалъ „отсѣчекъ" Алешкѣ Кобыляку, „а продалъ ли онъ ему, Алешкѣ, или назадъ взялъ—того онъ не вѣдаетъ"...

Вслѣдствіе этихъ показаній стольникъ Борисовъ-Бороздинъ отправилъ въ дер. Кутукову подъячаго Микиту Максимова и стрѣльцовъ, для производства обыска на дворахъ Юдки Прокофьева и др.; посланные по указаніямъ Юдки „выняли у него, Іюдки, въ огородѣ подлѣ тына въ землѣ находново *3 бруска серебра*, да у Васькиной жены Ломова Парасковьицы въ клѣти подъ лавкою взятъ *усѣчекъ*

золота прутового, длиною на вершокъ, да у Васькина сына Ломова у Андрюшки взятъ *камышекъ лазоревой;* и то серебро, и золото, и камышекъ принесено на съѣзжей дворъ". Парасковьица показывала, что „*витой* прутъ" золота, длиною въ $1^1/_2$ *вершка*, мужъ ея разсѣкъ на 3 части и 2 крайнихъ „усѣчка" отдалъ приказчику Максимову, а „усѣчекъ середки" велѣлъ ей схоронить.

Андрюшка, братъ Обрашки Ломова, сказалъ, что камушекъ былъ въ „витомъ" золотѣ и „изъ гнѣзда" выпалъ, „какъ-де учалъ отецъ его Васька съ того витого золота землю счищать", и закатился „подполъ", откуда Андрюшка и вытащилъ его.

Петрушка Герасимовъ Ломовъ, племянникъ Васьки Ломова, отвергнулъ показаніе дяди, будто тотъ передалъ Петрушкѣ „отсѣчекъ золота". Петрушка самъ нашелъ съ пастухами у рч. Мариченки „слиточекъ небольшой *прутового золота*", который показалъ „серебренику" Алешкѣ *Кобыляку* (крестьянину с. Подола); „и Алешка-де, смотря того золота, назадъ ему, Петрушкѣ, не отдалъ, и то де золото и нынѣ у него, Алешки"...

Уличенный племянникомъ, дядя сознался, что поклепалъ напрасно на него... Кобылякъ также признался, что въ первомъ своемъ разспросѣ напуталъ относительно золота. Въ дѣйствительности дѣло было такъ: у Васьки Ломова Алешка Кобылякъ купилъ за 50 алтынъ (10 алт. еще не отдавалъ) $1^1/_2$ золотника „*витого* золота" и „половину" его „въ позолоту издержалъ, а другая-де половина тово витово золота и нынѣ у него, Алешки, во дворѣ". У Петрушки Ломова „взялъ онъ посмотрѣть отсѣчекъ *прутового* золота зъ золотникъ съ четвертью". И этотъ „отсѣчекъ" хранится у него же, Алешки. Наконецъ въ слободкѣ Хириной у неизвѣстнаго по имени крестьянина купилъ Алешка „брусокъ серебра такой же, что купилъ онъ, Алешка, у Юдки, далъ 2 рубли".

15 августа „противъ роспросныхъ рѣчей серебреника А. Кобыляка посыланы московскіе стрѣльцы Титко Васильевъ съ товарищи въ Резанской уѣздъ въ слободку Хирино", вмѣстѣ съ Кобылякомъ, по указанію котораго взятъ тамъ и доставленъ на съѣзжій дворъ крестьянинъ Власко Алексѣевъ. Власко показалъ, что по порученію Кутуковскаго крестьянина Давида *Семенова* онъ продалъ Кобыляку „одинъ *лемешекъ*" серебра за два рубля. Семеновъ сознался, что на 3-й день послѣ Георгіева дня „пахалъ де онъ, Давидко, на полѣ

и пошелъ на рч. Мариченку, гдѣ пастухи находили серебро и золото, *и въ томъ же де мѣстѣ въ рѣчкѣ* нашелъ онъ, Давидко, одинъ *брусокъ серебра*", который и поручилъ Власькѣ продать Кобыляку. „А больши-де того серебра и золота онъ, Давидко, не подымывалъ".

Крестьянину Якушкѣ Степанову Васька Ломовъ показывалъ на своемъ дворѣ „серебро литое *брусками*, въ длину брусовъ *вершка на два*, а иныя-де и меньши, *литы крестами*"...

3 сентября 182 (1674) г. явился на съѣзжій дворъ Касимовскій пушкарь Тимофѣй *Вьялинъ* и показалъ: въ Петровъ постъ ѣхалъ онъ въ лодкѣ „сверху, съ хлѣбомъ, внизъ по *Окѣ* рѣкѣ въ Касимовъ, и присталъ къ Ѳедоровой землѣ Ртищева деревни Кутуковы, и въ то де число пришолъ къ нему въ лоткѣ" Васька Ломовъ. Продавши Вьялину „вощинъ на 3 рубли", Ломовъ показалъ 2 „отломка *цѣпи золотой*", предлагая купить по 40 алт. за золотникъ. Вьялинъ взвѣсилъ—оказалось „*пол-пята* золотника слишкомъ", и „онъ де, Тимошка, то золото у него взялъ *на уговоре* и сказалъ ему: будетъ то золото въ дѣло пойдетъ, и онъ ему деньги заплатитъ, по чему люди приговорятъ. И онъ-де, того золота не изтерявъ, *принесъ* нынѣ на съѣзжей дворъ—въ 4 мѣстехъ" (т. е. 4 куска): въ Ярославлѣ-де онъ показывалъ покупку „серебряникамъ", и они, „смотря то золото, переломили для опыту"...

„И того жъ числа то золото у Тимошки Вьялина на съѣзжемъ дворѣ взято, а *по вѣсу* того золота *5 золотниковъ*, а по досмотру то золото знатно отломлено *отъ чепи золотой*".

17 августа 181 (1673) г. на съѣзжемъ дворѣ „*извѣщалъ* словесно" Усторонскій помѣщикъ Елисей Садоѳьевъ *Житовъ*, что въ іюлѣ „сказывалъ" ему с. Яростова (Ярустова) Георгіевскій попъ Трофимъ Захарьевъ о покупкѣ племянникомъ его дьячкомъ *Левкою* (сыномъ Конона изъ с. Спаса-Зарѣцкаго, Савина монастыря) „отломка *слитова золота*" у Кутуковскихъ крестьянъ „на торгу" въ с. Старой Рязани.

24 августа Борисовъ-Бороздинъ и Оловениковъ отправили „отписку" къ „архимандриту Іоасафу и попу Герасиму, съ требованіемъ допросить и прислать допросныя рѣчи поповъ Трофима и Конона и дьячка Левки, а также снять дополнительную „скаску" съ попа *Тараса* относительно „золотыхъ и серебреныхъ *карасей съ подписьми*"... О „словесномъ отвѣтѣ" Житова они писали государю и 24 августа получили „грамоту", которая предписывала „поповъ и дьячковъ и

церковныхъ причетниковъ и иныхъ духовнаго чину людей про ту *выимочную казну* по нашимъ (Бороздина и Оловеникова) присылкамъ допрашивать и очныя ставки давать вамъ (Іоасафу и Герасиму), и тѣ записки и очные ставки присылать къ намъ". О томъ же предписываетъ и „грамота" изъ „Патріарша двора", пересылаемая чрезъ Бороздина къ Іоасафу.

2 сентября 182 (1674) г. Бороздинъ и Оловениковъ послали къ Іоасафу и Герасиму другую „отписку", гдѣ просили допросить между прочимъ попа *Тараса*: отъ кого онъ слышалъ, что „когда-де Кутуковскіе крестьяне *старинной поклажей* нашли и *дѣлили*, и онъ де послѣ *дѣлу* слышалъ, что межъ ими была ссора"... Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія просила допросить с. Старой Резани Спасскаго попа Игнатія о томъ, что онъ знаетъ и слышалъ о находкѣ Кутуковскаго „поклажея". Въ заключеніе комиссія требуетъ поторопиться съ присылкою допросовъ поповъ Конона и Трофима и дьячка Левки, о чемъ писано къ нимъ еще 24 августа, а между тѣмъ „сентября по 2-е число (вы) къ намъ не писывали и допросныхъ рѣчей не присылывали, и затѣмъ *учинили* сыскному дѣлу *мотчанья*, и мы *на васъ* о томъ будемъ *писать* великому *государю*"...

Эта угроза подѣйствовала на Духовный приказъ и—4 сентября комиссія получила его „отписку" съ приложеніемъ „допросныхъ рѣчей" дьячка Левки Кононова, его отца попа Конона и поповъ Трофима и Тараса. Первые трое голословно отвергли ссылку на нихъ Житова.

Попъ Тарасъ дополнилъ свою прежнюю „скаску" относительно ссоры Кутуковскихъ крестьянъ изъ-за дѣлежки клада: „была ссора у Кутуковскихъ крестьянъ Өедора Ртищева, которымъ той находки *не досталось*, съ тѣми крестьяны, которые нашли и говорили: намъ-де бы отъ того не погибнуть! И по той де крестьянской ссорѣ Өедоровъ прикащикъ Ртищева Гришка Максимовъ у крестьянъ тое находку и выбиралъ"...

Не получивши отъ Духовнаго приказа дополнительной „скаски" попа Тараса о „*подписяхъ*" на „серебряныхъ карасикахъ", комиссія снова и настоятельно проситъ новою „отпискою"—„допросить (попа) вправду, съ великимъ подкрѣпленіемъ": говорилъ ли онъ прикащику Митькѣ Шарову и другимъ лицамъ про „серебреного карася съ подписью" и „про золотые литые караси?"...

Духовный приказъ поспѣшилъ прислать (при „отпискѣ" отъ 4 сентября 182 (1674) г. слѣд. „распросныя рѣчи" попа Тараса.

Попъ снова утверждаетъ, что ни Шарову, ни другимъ лицамъ онъ не говорилъ, будто на серебряныхъ слиткахъ у Ивашки Осипова видѣлъ „подписи".. Не говорилъ онъ также старостѣ с. Исадъ Іовкѣ Трифонову, будто у Кутуковскаго крестьянина „видѣлъ карася серебреного, развѣ-де онъ Іевка серебреной *слитокъ карасемъ назвалъ*". И о „золотыхъ карасяхъ" не разсказывалъ онъ помѣщику Беклемишеву... Этими рѣчами „ево, попа Тараса, клеплютъ напрасно, за одно всѣ они, помѣщики дер. Кутуковой, *рияся* на Ѳедоровыхъ крестьянъ Ртищева, а межъ де ими ссора большая за вотчинныя дѣла..." 26 августа 181 (1673) г. зазвалъ его къ себѣ послѣ обѣдни Елисей Житовъ и „послѣ обѣда" говорилъ попу Тарасу: „скажи-де передъ сыщикомъ, *будто видѣлъ* или слышелъ у Ѳедоровыхъ крестьянъ Ртищева *караси* серебреные и золотые, и *чепи гремячіе*, и *доску серебреную*, и будто на серебреныхъ карасяхъ и на доскѣ видѣлъ *подпись*. А онъ де, попъ Тарасъ, ничего того не знаетъ и не вѣдаетъ"...

12 сентября архим. Іоасафъ и попъ Герасимъ прислали „допросныя рѣчи" попа Игнатія, который показалъ, что „слышелъ" о Кутуковскомъ „поклажеѣ", но никакихъ подробностей не знаетъ.

Далѣе слѣдуетъ въ дѣлѣ „*пыточныя рѣчи*", снятыя во время „пытки" съ обвиняемыхъ въ утайкѣ клада:

„181 (1673) г., августа въ 25 день, *по грамотѣ* великого государя... Ѳедоровъ прикащикъ Ртищева дер. Кутукова Гришка Максимовъ, да крестьяне Ѳедька Марковъ, Оська Евтифѣевъ, Ивашко Осиповъ, Васька Ломовъ, Юдка Прокофьевъ и ихъ дѣти-пастухи и которые крестьяне золото и серебро находили—*къ пыткѣ и къ огню приведены* и порознь распрашиваны":

„Прикащикъ Гришка Максимовъ въ роспросѣ у пытки и у огня сказалъ противъ прежнихъ и другихъ своихъ распросныхъ рѣчей: больши того серебра и золота во взятьѣ у крестьянъ и въ отвозѣ къ Ѳедору Ртищеву и въ находкѣ погреба съ стариннымъ поклажеемъ—не винился".

Пастухъ Обрашка, пасынокъ Васьки Ломова, „которой (Обрашка) *сперва* золото и серебро находилъ у рч. Мариченки", „къ пыткѣ и къ огню приведенъ и роспрашиванъ съ пристрастіемъ": онъ повторилъ, что нашелъ только 12 брусковъ серебра, 2 куска „витого" и

1 кусокъ „литого“ золота, и что „погреба съ стариннымъ поклажеемъ не нахаживалъ, и окромѣ тово въ находкѣ иново золота и серебра не винился“.

Васька Ломовъ также „у пытки и у огня роспрашиванъ съ пристрастіемъ, а въ роспросѣ сказалъ *прежнія* свои *рѣчи*“...

Остальные кладоискатели, скупщики и нѣкоторые свидѣтели (кромѣ вышеперечисленныхъ еще—Терешка Ивановъ, Гришка Юдинъ, Давидъ Семеновъ, сынъ его Першка, Аношка Брилевъ, Евтюшка Ѳевтистовъ Лишенинъ и Максимко („а Давидко онъ же“ Лишенинъ)—всѣ они были „у пытки и у огня“ и „сказали прежніе свои рѣчи“...

Такимъ образомъ и „пыточныя рѣчи“, вырванныя у несчастныхъ кладоискателей не дали комиссіи ничего новаго... Тогда Бороздинъ и Оловениковъ приступили къ послѣднему акту своихъ дѣйствій—къ *досмотру мѣстонахожденія* Кутуковскаго клада. Привожу цѣликомъ этотъ любопытный документъ о досмотрѣ:

„Августа въ 26 день, стольникъ Андрей Михайловичъ Борисовъ-Бороздинъ да Приказу великого государя Тайныхъ Дѣлъ подъячей Перфилей Оловениковъ, *взявъ* съ собою с. Усторони Елисѣя Житова крестьянъ, старосту Кондрашку Ѳедорова съ товарищи, да дер. Кутуковы крестьянина Васькина пасынка Ломова Обрашку, и изъ розныхъ селъ и деревень стороннихъ людей, для подлинного розыску, къ тому *мѣсту*, гдѣ находилъ сперва серебро и золото Обрашка Ломовъ и послѣ ево той же деревни пастухи, къ рѣчкѣ *Мариченкѣ ѣздили досматривать*; и въ томъ мѣстѣ крестьяне *обрыли земли сажень съ шесть и больши*, а *погреба* никакова и *признакъ погребныхъ не сыскано*. А чьихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ крестьяне у того мѣста сторонніе люди землю обрывали, и которыхъ селъ и деревень,—и тѣмъ людемъ имяна писаны ниже сего“. Выбрасываю этотъ именной перечень крестьянъ с. Усторони и др. (на оборотѣ акта досмотра помѣщены ихъ рукоприкладства).

„Сыскное дѣло“ оканчивается слѣдующимъ *приговоромъ* „сыщиковъ“ Борисова-Бороздина и Оловеникова:

„182 (1674) г., сентября въ 14 день, *по грамотѣ* великого государя... самодержца, Ѳедоровъ человѣкъ Ртищева деревни Кутуковы прикащикъ Гришка Максимовъ и той деревни крестьяне: Ѳедька Марковъ, Оська Евтифѣевъ, Ивашко Осиповъ, Васька Ломовъ, Юдька Прокофіевъ и пастухи, Васькинъ пасынокъ Ломова Обрашко съ товарищи, которые находили золото и серебро,—*изъ тюрмы свобожены*“.

Нельзя не пожалѣть, что не сохранилось государевой „грамоты“, на основаніи которой эти крестьяне были освобождены: грамота несомнѣнно разъясняла мотивы такого рѣшенія и передавала разныя распоряженія не только о подсудимыхъ, но и относительно найденныхъ „сыщиками“ у крестьянъ и отобранныхъ слитковъ серебра и золота и проч.

Но хотя дѣло и представляется незаконченнымъ (нѣтъ также никакихъ слѣдовъ допроса Өедора Ртищева въ Москвѣ и пр.), тѣмъ не менѣе и то, что сохранилось изъ него и что выше изложено — настолько богато фактическими, крупными и мелкими данными о Кутуковскомъ кладѣ, что является необходимость выдѣлить изъ массы подробностей всѣ наиболѣе существенные факты и постараться освѣтить ихъ по мѣрѣ возможности.

Кутуковскій кладъ найденъ 25 апрѣля 1673 г. крестьянскимъ мальчикомъ Обрашкою Сергѣевымъ, пасынкомъ крестьянина дер. Кутуковой Васьки Ломова. Мѣсто находки клада — „поле *Закомары*“, на берегу рч. *Мариченки* („а *Студенецъ* она жъ“), впадавшей (кажется) въ р *Оку*. Рѣчка раздѣляла землю Кутуковскаго помѣщика Өедора Ртищева отъ земли помѣщиковъ с. Усторони Елисѣя Житова „съ товарищи“. Кладъ найденъ на берегу, принадлежавшемъ послѣднимъ помѣщикамъ.

„Поле Закоморы“ спускалось къ рч. Мариченкѣ „*оврагомъ*“ (оврашкомъ), который у рѣчки заканчивался „*мызгомъ*“ („мысомъ“). Здѣсь-то — „въ мысу“ и найденъ былъ кладъ Обрашкою Сергѣевымъ и его 7 товарищами, когда они пасли „животину“ на противоположномъ берегу, на землѣ Ртищева.

„Животина“ перешла неглубокую рч. Мариченку и на берегу Житова „отоптала берегу у рѣчки—мызгъ, и *мызгъ обвалился въ рѣчку*, и съ тою землею *выпалъ горшечекъ* небольшой съ серебромъ“. Серебро высыпалось изъ разбившагося горшечка на землю и частію въ рѣчку. Когда подошелъ сюда Обрашка, а за нимъ и товарищи его—имъ сразу бросились въ глаза лежавшіе „въ песку“ и отчасти въ водѣ „слитки *серебра* и *золота*“. Мальчики-пастухи стали „подымать серебро и золото друшка передъ друшкою—хто что захватилъ“. Обрашка захватилъ 12 „брусковъ“, его товарищи—8, 4, 3, 3, 2, 2 и 1 „брусокъ“, (7 человѣкъ) всего—*35 „брусковъ“ серебра*. *Золота* же они тутъ нашли *5 кусковъ*.

Все это была находка перваго дня—25 апрѣля. Въ слѣдующіе дни, когда вѣсть о кладѣ разошлась по дер. Кутуковой, почти все населеніе ея перебывало тутъ, отыскивая серебро и золото. И дѣйствительно, крестьяне продолжали находить то и другое. Сколько именно было найдено—въ точности не извѣстно. „Сыщики" Борисовъ-Бороздинъ и Оловениковъ могли частію отыскать, а частію только знать о находкѣ крестьянами еще 4 *брусковъ серебра* и *2 кусковъ золота*.

Вотъ и все „находное" золото и серебро Кутуковскаго клада, какое фигурируетъ въ „сыскномъ дѣлѣ". Въ дѣйствительности его было найдено гораздо больше: многое крестьяне успѣли продать, другое припрятать и не объявить сыщикамъ. Но и это количество 39 брусковъ серебра и 7 кусковъ золота—само по себѣ представляетъ очень цѣнный кладъ.

Что же это былъ за кладъ?—Очевидно, это не былъ курганъ, ибо о присутствіи костяка въ мѣстѣ находки серебра и золота нигдѣ въ сыскномъ дѣлѣ нѣтъ и намека. О существованіи здѣсь какихъ-либо слѣдовъ бывшаго когда-то жилья—также нѣтъ никакихъ указаній. Между окрестнымъ населеніемъ распространился слухъ, что Кутуковскіе крестьяне нашли *„погребъ"*. Но сами кладоискатели и другіе Кутуковцы единогласно утверждали, что никакого погреба здѣсь не было. Это подтвердилъ и досмотръ мѣсто-нахожденія клада, произведенный „сыщиками": не только „погреба", но даже и „признакъ погребныхъ" они не нашли.

Остается предположить, что если и здѣсь не было когда-то въ незапамятную старину человѣческаго жилья, слѣды котораго могли совершенно исчезнуть къ XVII вѣку, то этотъ „горшечекъ" съ золотомъ и серебромъ слѣдуетъ признать *„кладомъ"* въ собственномъ смыслѣ, т. е. спрятаннымъ въ землю для сохранности богатствомъ неизвѣстнаго первонасельника данной мѣстности.

Что этотъ кладъ былъ спрятанъ въ эпоху *глубокой древности* и не заключалъ въ себѣ предметовъ, знакомыхъ XVII вѣку—объ этомъ свидѣтельствовали всѣ лица, видѣвшіе самый кладъ или только слыхавшіе о немъ. Всѣ они называютъ „находное серебро и золото"—*„старинной казной"*, *„старинной поклажей"* и т. п.

Кстати отмѣтить, что слово *„кладъ"*, употреблявшееся въ „сыскномъ дѣлѣ" о Шацкомъ кладѣ 153 (1645) г., въ Кутуковскомъ сыскномъ

дѣлѣ встрѣчается только 2 раза (да и то однажды въ измѣненномъ видѣ—„укладъ“). Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ оно замѣняется (какъ и въ описи дѣла о Тамбовскомъ кладѣ 167 (1659) г.) словомъ—„*поклажей*“, а иногда—„*казна*“. Слово „поклажей“, очень точно передающее сущность выражаемаго имъ представленія, было распространено среди крестьянъ, духовенства, помѣщиковъ и др., словомъ, было въ ходу не только въ Рязанскомъ краѣ, но и среди московской интеллигенціи (его употребляли и присланные изъ Москвы сыщики).

Итакъ, Кутуковцы и др. свидѣтели единогласно утверждали, что „поклажей“, найденный около дер. Кутуковой, былъ именно „стариннымъ поклажеемъ“. Къ такому же заключенію приводятъ и разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ сыскнаго дѣла *описанія* найденныхъ предметовъ. Сведемъ эти описанія вмѣстѣ и постараемся опредѣлить значеніе „находнаго золота и серебра“.

Прежде всего о *серебрѣ*, такъ какъ оно преобладало въ „поклажеѣ“ надъ золотомъ. Всѣ 39 серебряныхъ „брусковъ“ были, судя по описаніямъ, предметы *однородные* и по формѣ, и по вѣсу, и по размѣрамъ. Различныя названія, данныя свидѣтелями этимъ предметамъ, въ сущности даютъ представленіе объ одной и той же формѣ. Крестьяне и др. лица называли найденное серебро чаще всего „*брусками*“, затѣмъ—„*карасями*“ и „*лемешками*“, т. е. какими-то продолговатыми и плоскими предметами.

Но сохранились въ дѣлѣ и болѣе подробныя и точныя описанія найденнаго серебра. Такъ, „серебряникъ“ А. Кобылякъ представилъ точное опредѣленіе размѣровъ купленнаго имъ одного „бруска серебра“: „мѣрою въ *длину 2 вершка*, *шириною въ вершокъ*, а въ *толщину въ пол-вершка*“; крестьянинъ Я. Степановъ видѣлъ бруски „въ *длину вершка на два*, а иные-де и меньши“.

Попъ Тарасъ, указывая почти тѣ же размѣры, отмѣчаетъ одну характерную особенность въ формѣ этихъ „брусковъ“: онъ видѣлъ „3 слитка серебра—*на серединѣ* въ ширину вершка будетъ въ полтора, *на оба конца клиномъ сведено*, а въ толщину въ полъ-вершка“. Ту же особенность подмѣтилъ и крест. Степановъ, когда говоритъ, что бруски были „литы *крестами*“. Онъ не сказалъ прямо, что это были кресты, но бруски только подходили по формѣ къ крестамъ, т. е. имѣли *расширеніе въ серединѣ*, „а на оба *конца*“—какъ дополняетъ попъ Тарасъ—были „*клиномъ сведены*“.

Мнѣ кажется, что въ этихъ расширенныхъ по срединѣ и удлиненныхъ къ концамъ „брускахъ“ серебра можно видѣть именно древнерусскія „*гривны*“ („шестиугольныя кіевскія гривны“?).. Одинаковость формы всѣхъ 39 „брусковъ“, самая форма ихъ, вѣсъ и размѣры—все это напоминаетъ именно тѣ гривны, которыя и по сейчасъ изрѣдка попадаются въ русскихъ кладахъ.

Если это такъ, то Кутуковскій „поклажей“ принадлежалъ, дѣйствительно, къ очень глубокой древности.

Серебряные бруски были очень крупнаго *вѣса*. Приказчикъ Гр. Максимовъ, отвезшій къ Ѳ. Ртищеву большую часть Кутуковскаго клада, свѣсилъ 29 брусковъ и нашелъ въ нихъ „*14 фунтовъ* безъ невелика“, т. е.—въ общемъ почти по полфунта въ каждомъ (какъ, дѣйствительно, и вѣсятъ такъ-называемыя „гривны“). Серебряникъ Кобылякъ нашелъ, что его брусокъ серебра былъ именно „вѣсомъ *пол-фунта*“.

Интересенъ вопросъ о „*подписяхъ*“ на брускахъ, поднятый пастухомъ Евтюшкою *Ѳектистовымъ*, который утверждалъ, что на одномъ изъ найденныхъ имъ брусковъ серебра было что-то „*намѣчено въ пяти мѣстехъ*“. Хотя и отецъ его, и прикащикъ Максимовъ, отобравшій тотъ брусокъ, отвергали показаніе Евтюшки, мальчикъ продолжалъ стоять на своемъ, что „*помѣтки*“ были, но „*старіе-ль* или *новые* - того онъ не вѣдаетъ“. Ясно отсюда („старые“ или „новые“), что Евтюшка подъ „помѣтками“ разумѣлъ именно „подписи“.

Попъ Тарасъ уже прямо утверждалъ въ разговорахъ съ помѣщиками и крестьянами, что на одномъ брускѣ „была *подпись*, только-де онъ той подписи *не прочелъ*“... До „сыска“ о кладѣ многія лица слышали о „подписяхъ“ отъ попа Тараса, но во время „сыска“ Бороздина попъ почему-то счелъ нужнымъ отвергнуть ссылки на него свидѣтелей и увѣрять, что никакихъ подписей онъ не видалъ и никому о нихъ не говорилъ. „Очныхъ ставокъ“ ему не дѣлали, да и вообще онъ лично не являлся предъ комиссіей „сыщиковъ“, а давалъ отвѣты черезъ свой Рязанскій „духовный приказъ“. И хотя сыщики чрезвычайно старались разъяснить вопросъ о „подписяхъ“, неразъ въ продолженіи сыска подымая его, но отъ попа Тараса не могли болѣе ничего добиться. Вообще, вопросъ о подписяхъ остался не рѣшеннымъ и для сыщиковъ, да остается такимъ и для насъ.

Но если допустить, что попъ Тарасъ говорилъ о „подписяхъ“

правду до „сыска", а во время „сыска" лгалъ и не хотѣлъ сознаться о видѣнныхъ имъ „подписяхъ" (можетъ быть въ виду большаго значенія, несомнѣнно приданнаго сыщиками вопросу о подписяхъ), тогда можно признать существованіе „подписей" на Кутуковскихъ „брускахъ". Такимъ образомъ прибавится еще одно доказательство въ пользу предположенія, что въ Кутуковскихъ „брускахъ" слѣдуетъ видѣть древне-русскія „гривны" [1]).

Перехожу къ *золоту* Кутуковскаго „поклажея": 7 найденныхъ кусковъ его представляли „отломки" вещей и были двухъ видовъ: одни были *„прутовые, круглые"*, другіе—*„плетеные, витые"*. Размѣры и вѣсъ обломковъ были не одинаковы. Такъ, А. Кобылякъ купилъ у Васьки Ломова „золота прутового круглово кончикъ *длиною въ пол-вершка*, а вѣсомъ того золота съ $1^1/_2$ *золотника"*, пастухъ Терешка Ивановъ нашелъ кусокъ „золота плетеного *съ перстъ толщиною"*.

Въ 2 „витыхъ" кускахъ золота было „по *лазореводу камышку"*: они сидѣли *„въ гнѣздахъ"*, откуда выпали при очищеніи кусковъ отъ земли.—По всей вѣроятности, это была *бирюза*. Величина ея не обозначена.

Очевидно, все это были „отломки" *колецъ, браслетовъ, перстней, серегъ* и т. п. предметовъ украшенія. Такъ именно и опредѣлены нѣкоторыми свидѣтелями видѣнные ими золотые „отломки". Напр., попъ Тарасъ видѣлъ *„свитокъ тянутово* золота, а тотъ свитокъ *въ длину* будетъ *въ четверть аршина* слишкомъ, а *толщиною* гораздо толще человѣческаго *большого перста*, а то золото *тянуто въ сережное тонкое кольцо"*... Полагаю, что въ этомъ описаніи нужно видѣть именно *серьгу* („сережное тонкое кольцо") *съ привѣскою*, [2]) представлявшею также кольцо, но неправильной формы („свитокъ" вообще, по опредѣленію попа) и очень внушительныхъ размѣровъ (длиною „въ $^1/_4$ аршина", толщиною больше „большого перста" человѣка).

Пушкарь Т. Вьялинъ купилъ у Васьки Ломова „2 отломка *цѣпи золотой"* вѣсомъ „пол-пята золотника слишкомъ" ($4^1/_2$). Комис-

---

[1]) То были, повидимому, гривны типа переходнаго отъ Кіевскаго къ Новгородскому, которыя, сохраняя форму Кіевскихъ гривенъ, по вѣсу равнялись Новгородскимъ. *Прим. ред.*

[2]) Это, очевидно, шейная гривна. *Прим. ред.*

сія „сыщиковъ“, куда Вьялинъ представилъ „отломки“, перевѣсила ихъ и нашла вѣсу 5 золотниковъ. Она также признала, что это золото „знатно отломлено отъ *чепи золотой*“.

Итакъ Кутуковскій кладъ состоялъ изъ довольно богатой нумизматической (если признать, что „бруски“ серебра были серебряныя „гривны“) и художественной (серьги, цѣпи, кольца и пр.) коллекцій. Если первая говоритъ о глубокой древности клада, то послѣдняя свидѣтельствуетъ, что владѣлецъ „поклажея“ принадлежалъ къ богатой народности (всѣ украшенія изъ золота), у которой производство предметовъ украшенія стояло на довольно высокой степени развитія.

Вотъ все, что можно сказать о составѣ и значеніи предметовъ Кутуковскаго „поклажея“ 181 (1673) г.

Въ чемъ же и какъ именно выразились въ Кутуковскомъ сыскномъ дѣлѣ отношенія русскаго общества 2-й половины XVII в. къ предметамъ древности?

Точнаго и обстоятельнаго отвѣта на этотъ вопросъ нельзя дать, такъ какъ, къ сожалѣнію, дѣло дошло до насъ далеко не въ полномъ своемъ видѣ. Но изъ сохранившагося неполнаго производства его можно все-таки сдѣлать кое-какіе выводы по поставленному вопросу.

Прежде всего нельзя не отмѣтить факта *значительнаго вниманія правительства* къ Кутуковскому кладу, выразившагося въ *посылкѣ* на мѣсто *особой комиссіи*, хотя бы и по иниціативѣ частнаго лица (помѣщика Елисея Житова); посылка эта несомнѣнно свидѣтельствуетъ о такомъ вниманіи. Присутствіе въ комиссіи Оловеникова (въ качествѣ товарища стольника Борисова-Бороздина)—подъячаго „Приказа великаго государя *Тайныхъ Дѣлъ*“—говоритъ и о личномъ вниманіи къ дѣлу самаго *государя*.

Бороздинъ и Оловениковъ вели „*сыскъ*“ очень *внимательно*: была допрошена масса лицъ—кладоискателей, ихъ родственниковъ, скупщиковъ вещей, разныхъ свидѣтелей и пр., не только изъ дер. Кутуковой, но и изо всѣхъ сосѣднихъ селъ и деревень. Допрашивали крестьянъ, духовенство, помѣщиковъ и пр., допрашивали однихъ и тѣхъ же лицъ по нѣскольку разъ, приводили даже „сыскныхъ людей“ къ „пыткѣ и огню“ („по грамотѣ“ изъ Москвы, а не по личному распоряженію сыщиковъ)... Сыщики „обыскивали дворы“ Кутуковцевъ,

произвели *„досмотръ“* мѣсто-нахожденія клада, сдѣлали даже здѣсь *раскопку* и пр. Словомъ, кладу было оказано полное вниманіе.

Любопытно, что *особенный интересъ возбудилъ вопросъ о „подписяхъ“* на „брускахъ серебра“. Сыщики употребили много усилій на разъясненіе этого вопроса, и не ихъ вина, если вопросъ все-таки остался не уясненнымъ окончательно. А интересовались они имъ едва-ли не больше другихъ вопросовъ о кладѣ: съ попа Тараса снимаютъ нѣсколько „скасокъ“ о „подписяхъ“, Рязанскому Духовному Приказу дѣлаютъ выговоръ за промедленіе въ высылкѣ одной изъ этихъ „скасокъ“, допрашиваютъ и другихъ лицъ по этому же вопросу о „подписяхъ“ и пр. Нельзя не видѣть здѣсь стремленія постигнуть *смыслъ и значеніе* найденныхъ предметовъ.

Если бы дѣло сохранилось въ полномъ своемъ видѣ, тогда мы имѣли бы еще больше доказательствъ вниманія правительства къ Кутуковскому кладу. Нельзя вообще не пожалѣть, что не сохранилось документовъ, послѣдовавшихъ за „сыскомъ“ Бороздина и Оловеникова. Не можетъ быть, чтобы Ѳедоръ Ртищевъ, получившій отъ своихъ крестьянъ 29 брусковъ серебра и часть золота изъ Кутуковскаго клада, чтобы онъ не былъ допрошенъ въ Москвѣ и чтобы не было осмотрѣно здѣсь его золото и серебро. Можно думать, что въ Москвѣ это дѣло *производилось* въ государевомъ *Приказѣ Тайныхъ дѣлъ*. Тамъ, вѣроятно, была рѣшена судьба всѣхъ найденныхъ предметовъ—и переданныхъ Ртищеву, и найденныхъ комиссіей Бороздина и Оловеникова.

Вообще полнаго сужденія объ этомъ кладѣ нельзя сдѣлать, пока не будетъ найдено окончаніе Кутуковскаго „сыскнаго дѣла“ (напр — въ дѣлахъ Преображенскаго Приказа).

Какіе же *общіе выводы* можно сдѣлать изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами „сыскныхъ дѣлъ“ о кладахъ въ XVII в.?

Если судить только по этимъ „сыскнымъ дѣламъ“, то слѣдуетъ признать, что въ русскомъ обществѣ XVII в. не замѣчается вполнѣ сознательнаго отношенія къ памятникамъ родной старины. Тѣмъ не менѣе нельзя отвергать, что въ XVII в. мы наблюдаемъ *первые зародыши* такого отношенія. Въ обществѣ начинаетъ бродить мысль о какомъ-то иномъ, помимо матеріальнаго, значеніи находимыхъ предметовъ древности (напр. внимательный розыскъ о *„под-*

писяхъ" на „брускахъ серебра", въ „сыскѣ" о Кутуковскомъ кладѣ). Проглядываетъ смутное *стремленіе понять смыслъ* этихъ предметовъ, *зарождается археологическое любопытство*.. Къ найденнымъ предметамъ старины чувствуется какое-то безсознательное *уваженіе* (передача ихъ въ руки церкви—въ Путивльскомъ кладѣ).

Все это заставляло правительство производить тщательные „*сыски*" о кладахъ. „Сыскъ" о Шацкомъ кладѣ, предпринятый воеводою по собственной иниціативѣ, безъ предварительнаго сношенія съ Разряднымъ приказомъ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что въ половинѣ XVII в. „сыски" о кладахъ начинаютъ *входить въ кругъ обычныхъ обязанностей воеводъ*. Въ случаяхъ находки кладовъ особенной важности центральное Московское правительство снаряжаетъ на мѣсто цѣлыя *комиссіи* для изслѣдованія находки (комиссія о Кутуковскомъ кладѣ). Словомъ, все свидѣтельствуетъ, что предметы древности въ XVII в. начинаютъ привлекать къ себѣ вниманіе общества и правительства.

Будемъ надѣяться, что съ открытіемъ другихъ матеріаловъ по данному вопросу явится возможность подтвердить только что высказанные скромные выводы новыми доказательствами или даже расширить эти выводы въ ту или другую сторону и продвинуть ихъ глубже—за предѣлы XVII вѣка [1]).

Н. Оглоблинъ.

---

[1]) Выводъ автора, что дѣла о кладахъ XVII в. свидѣтельствуютъ о первыхъ зародышахъ сознательнаго отношенія къ памятникамъ родной старины,—выводъ, опирающійся на томъ, что государственная власть сама производитъ сыски о кладахъ,—едва ли можетъ быть принятъ. По началу, дѣйствующему со временъ глубокой древности, всякій кладъ (thesaurum) принадлежитъ государству; въ Печерскомъ Патерикѣ разсказывается, что кн. Мстиславъ Святополковичъ, узнавъ, что Печерскій инокъ Ѳеодоръ нашелъ въ Варяжской пещерѣ варяжскую поклажу, „повелѣлъ мучить его крѣпко", питать въ дыму и, наконецъ, замучилъ, не допытавшись, куда инокъ скрылъ найденное сокровище.

Примѣч. ред.

Одинъ изъ образовательныхъ проектовъ времени Петра Великаго.

Разысканія въ нашихъ архивахъ и библіотекахъ за послѣднее время не разъ приводили къ открытію новыхъ или малоизвѣстныхъ памятниковъ и матеріаловъ. Такъ, были найдены; отвѣтъ ц. Ивана Васильевича Грознаго на мнѣнія Яна Рокиты, члена общ. богемскихъ братьевъ, извѣстный до того времени въ латин. переводѣ по сборн. I. Ласицкаго; печатный указъ Петра В. по одному изъ существенныхъ церковныхъ предметовъ; матеріалы для исторіи Пугачевщины въ архивѣ Астр. духовной консисторіи и по исторіи крѣпостнаго права въ нѣкоторыхъ губернскихъ архивахъ; Новгородскія грамоты въ одномъ изъ прибалтійскихъ архивовъ [1]) и т. п. Многія бумаги изъ болѣе или менѣе важныхъ частныхъ архивовъ нашли себѣ мѣсто въ новыхъ коллекціяхъ, образовавшихся въ послѣднее время, какъ напр. бумаги Снегирева, Мельникова (Печерскаго), Бодянскаго—въ библіотекахъ А. А. Титова (въ Ростовѣ Яр. губ.) и И. А. Вахрамѣева (въ Ярославлѣ [2]). „Пропозиціи“ Ѳедора Салтыкова, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящемъ нашемъ сообщеніи, найдены въ библ. П. Н. Тиханова, по списку котораго онѣ и напечатаны Общ. люб. древней письменности (С.-Пб. 1891).

Если бы проектъ этотъ не заключалъ въ себѣ никакихъ указаній на время своего происхожденія, то, по одному общему характеру, историкъ отнесъ бы его ко времени Петра В. Широта преобразова-

---

[1]) См. „Опытъ рус. историографіи“, I, 766, 850, cxliv, cclix.

[2]) См. „Новыя коллекціи рукописей въ Россіи“, К. 1890.

тельныхъ замысловъ и глубокая вѣра въ силу просвѣщенія—вотъ чѣмъ по преимуществу характеризуется эта эпоха. Одинъ изъ выдающихся птенцовъ Петра, Татищевъ, въ слѣдующихъ словахъ выразилъ намъ эту вѣру въ знаніе, какъ основаніе народнаго благосостоянія: „Все, что я имѣю, чины, честь, имущество, *а наиболѣе умъ,* я имѣю по милости Петра В.“ А знаменитый сподвижникъ многихъ реформъ Петра В. Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ надгробномъ словѣ ему, очевидно, не переставалъ вѣрить и въ ихъ прочность: „Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ“. Но надежды Ѳеофана далеко не оправдались. Болѣе вѣрно судилъ, быть можетъ, самъ Петръ, когда, въ минуты самой напряженной дѣятельности, писалъ: „только еще облакъ сумнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ, яко финиковъ, котораго насаждающи не получаютъ видѣть“. Въ другомъ письмѣ повторяется почти тоже: „ожидаемъ благого утра, дабы мракъ сумнѣнія нашего прогнанъ былъ“ [1]).

Вопросъ о значеніи Петровской реформы представляется тѣмъ болѣе важнымъ въ историческомъ отношеніи, чѣмъ болѣе вызываетъ онъ споровъ, а они имѣютъ свою литературу [2]), начиная съ эпохи Петра до послѣдняго времени (В. С. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, К. Леонтьевъ, П. Е. Астафьевъ и др.), и въ значительной степени зависятъ отъ господствующихъ теченій въ нашей общественной жизни, съ возникновеніемъ которыхъ то повышается, то понижается и нравственный цензъ реформы, конечно не у историковъ. Было время, когда достаточно было сказать, что Петръ В. ввелъ брадобритіе и перемѣнилъ платье, какъ дѣлаютъ и теперь нѣкоторые (см. Н. Время 1891, № 5429), чтобы связать этотъ фактъ со всею древнею культурою и признать въ самой реформѣ антинаціональныя стремленія. Однако хорошо извѣстно, что уже первый славянофилъ Крижаничъ возражалъ противъ восточнаго платья русскихъ—этого „важнаго признака разума у народовъ“ [3]), а царь Ѳедоръ Алексѣевичъ не задумался ввести при дворѣ и для служилыхъ людей короткіе кафтаны вмѣсто длинныхъ охабней

---

[1]) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, XIV, 290.
[2]) Е. Шмурло: „Петръ В. въ русской литературѣ“, Спб., 1889, гл. 1-я.
[3]) Арс. Маркевичъ: „Ю. Крижаничъ“, стр. 52—54.

и однорядокъ [1]), и это распоряженіе вызвало даже похвалы у современниковъ [2]).

Несомнѣнно, что въ историческихъ явленіяхъ существуетъ извѣстная преемственность и въ этомъ отношеніи царствованіе Алексѣя Михайловича и Өедора Алексѣевича, а также Ивана Грознаго и Бориса Годунова были въ извѣстномъ смыслѣ подготовкою къ Петровской реформѣ. Но, съ другой стороны, между ними и эпохой Петра В. есть глубокая разница. Если бы мы захотѣли опредѣленно охарактеризовать главное направленіе реформы Петра, слѣдуя исторической терминологіи, то мы назвали бы его *секуляризаціей русской мысли.* До него въ сближеніи съ Западомъ имѣли мѣсто практическіе интересы; школа могла быть только церковною о чемъ съ такою ясностью свидѣтельствуетъ уставъ Греко-славянской академіи, относящійся уже къ самому послѣднему времени передъ эпохою Петра [3]). И въ прежнее время появлялись иногда переводы классическихъ сочиненій западной литературы, какъ напр., по желанію патр. Никона, были переведены кіевскими учеными извѣстная „Анатомія“ Андрея Везалія и обширная „Космографія“ (въ 3-хъ фоліан.), въ которой объясняются системы Птоломея и Коперника (съ рисунк.), при чемъ о послѣдней замѣчено, что „нынѣ изящнѣйшіе всѣ математики Копернику подражаютъ“, хотя сами переводчики и не берутся рѣшить преимущество какой-либо изъ нихъ [4]). Но переводы эти, конечно, оставались въ рукописяхъ и вмѣстѣ съ другими классическими произведеніями, находившимися въ библіотекѣ патр. Никона (а многіе изъ

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 277.

[2]) „Долгія одежды приличны женскому платью и къ служилому и дорожному времени были не потребны, да и многоубыточны“ (Изборн. Попова, 253). „Какъ царь Өедоръ Ал. приказалъ охабни перемѣнить, и въ одинъ мѣсяцъ перемѣнили и указу его не ругали, а твой указъ ни во что ставятъ, въ семь лѣтъ не переведутъ“, читаемъ въ одномъ подметномъ письмѣ (1708), по поводу перемѣны платья при Петрѣ Вел. (Соловьевъ, XVI, 82, пр. 55) Брадобритіе на Руси имѣетъ также свою исторію („Чт. о яз. и словесн.“, изд. II отд. Имп. Ак. Н., 1857, с. 113; Москвитянинъ, 1853, II, 130—132; ср. „Ближ. боар. Ординъ-Нащокинъ“, Р. Стар. 1883, XL, 304—305). При Алексѣѣ Мих. сынъ боярина Шереметева сбрилъ бороду (Соловьевъ, XIV, 277—278).

[3]) Вѣрная оцѣнка его сдѣлана Соловьевымъ (XIII, 329—330): „произнесутъ блюстители съ учителями слова: „виновенъ въ неправославіи“, и костеръ запылаетъ для преступника“, говоритъ авторъ „Исторіи Россіи“.

[4]) „Новые матер. о патр. Никонѣ“, нашъ очеркъ, стр. 48, 70—71.

нихъ онъ пріобрѣлъ еще въ Новгородѣ), служатъ свидѣтельствомъ несомнѣнной любознательности и широкаго ума патріарха. Что же касается представителей двухъ господствовавшихъ въ Москвѣ направленій, боровшихся за вліяніе, въ лицѣ Лихудовъ и Симеона Полоцкаго, въ основныхъ воззрѣніяхъ на міръ, то они несомнѣнно стояли на точкѣ зрѣнія схоластическаго Аристотеля и Космы Индикоплова [1].

Точка зрѣнія на міръ, на политическія и общественныя отношенія [2]) существенно измѣняется со времени Петра В., когда получаютъ право гражданства въ литературѣ и школѣ идеи Ньютона [3]), Гравезанда [4]) и т. п. и когда переведена была „Книга мірозрѣнія“, извѣстнаго математика Гюйгенса [5]), дважды напечатанная при Петрѣ В. (1717, 1724), въ которой принята система Коперника, между тѣмъ какъ еще въ географіи, изданной въ 1710 г., предпочиталось мнѣніе Тихо Браге. Книга Гюйгенса въ свое время считалась у насъ самою богопротивною и противъ нея въ рукописяхъ извѣстны жестокія нападки нашихъ ханжей, по замѣчанію Пекарскаго [6]). Подарокъ знаменитаго Готторнскаго глобуса (1713 г., котораго, однако, мы не съумѣли сохранить въ цѣлости), сдѣланный администраторомъ Голштиніи, Петръ В. ставилъ выше всего, что могла поднести ему эта страна [7]),— взглядъ, котораго не могъ высказать ни ц. Алексѣй Михайловичъ, ни его преемникъ Өедоръ Алексѣевичъ. Въ ряду переводныхъ сочиненій по политическимъ наукамъ, вышедшихъ въ этотъ періодъ (нѣкоторыя въ рукописи), мы встрѣчаемъ имена: Пуфендорфа, Варенія, Клювера, Слейдана, Ю. Липсія, Гуго-Гроція,

---

[1]) Смирновъ: „Ист. Слав. греко-латин. акад.“, 60—63; „Симеонъ Полоцкій“, Л. Н. Майкова (Древ. и Нов. Россія, 1875, Ш, 131).

[2]) Замѣтимъ, что Крижаничъ совѣтовалъ перевести на рус. яз. „Политику“ Аристотеля (Посл. его къ ц. Өедору Алекс. см. въ Уч. зап. Казан. унив., 1865, кн. I).

[3]) Пекарскій, „Наука и литер. при Петрѣ В.“, I, 281, 544.

[4]) Вильг. Як. ванъ-Гравезандъ, голландскій геометръ и философъ (1688—1742). Сочиненія: „Oeuvres philosophiques et mathémtiques“ (1774). Въ спорѣ по поводу трактата Германа („Мем. Петерб. акад.“, I) онъ былъ на сторонѣ послѣдняго, противъ Кларка, а также издалъ пол. собр. соч. Гюйгенса (Уэвелль, „Ист. индукт. наукъ“, II, сс. 101, 761).

[5]) Хр. Гюйгенсъ (1629—1695), голл. матем. и членъ Париж. академіи, авторъ весьма важныхъ трактатовъ (Уэвелль, II, 90, 759—61; Пекарскій, I, 282—283, 511; II, 388, 389).

[6]) Пекарскій, I, 283; ср. стр. 511.

[7]) „Кабинетъ Петра В.“, изд. Бѣляевымъ, I, 169—171.

Бекмана, Ло и мн. др. и нѣкоторыя изъ нихъ (напр. „политику" Пуфендорфа) Ѳеофанъ Прокоповичъ рекомендуетъ, какъ руководство, въ проектированномъ имъ регламентѣ духовной академіи [1]). Не менѣе любопытенъ списокъ книгъ, купленныхъ во Франціи и Голландіи докт. Петромъ Постниковымъ, въ 1710 г., изъ котораго видно, какъ много пріобрѣтено было тогда сочиненій на франц. языкѣ по юриспруденціи, военнымъ и др. наукамъ [2]). Далѣе, по отношенію къ вопросу о Сводномъ Уложеніи при Петрѣ В., заслуживаетъ вниманія рукопись: „Выписка 1711 г. изъ книги правъ французскихъ, сочин. по повел. кор. Французскаго въ Парижѣ, въ 1679 г., г-мъ Клаудіемъ Ферріеромъ, парл. адвокатомъ, докт. и профессоромъ правъ" [3]). А въ 1718 г. послѣдовало уже общее распоряженіе: „переводить книги юриспруденціи и проч. [4])". Современныя библіотеки (Матвѣева, кн. Голицына, гр. Брюса, Татищева[5]) наполнены были подобными же сочиненіями. Но окончательное торжество западная наука получаетъ въ Россіи съ учрежденіемъ Академіи Наукъ и въ тѣсной связи съ нею перваго университета, при участіи и содѣйствіи Лейбница и Вольфа [6]), при чемъ на первыхъ порахъ въ ея составѣ встрѣчаются имена Як. Германа, Н. Делиля, бр. Бернулли, Эйлера, а въ I томѣ ея „Мемуаровъ" (1728) появляются трактаты Германа, Бильфингера и Вольфа, обратившіе на себя вниманіе на Западѣ [7]). Понятно, что пытливый умъ „перваго русскаго ученаго" (Ломоносова) не могъ удовлетвориться преподаваніемъ въ старой школѣ, какъ-то схоластическими пріемами въ философіи и полнымъ отсутствіемъ матеріаловъ по физикѣ и математикѣ [8]).

Правда „облакъ сумнѣнія" не разъ представалъ въ воображеніи Петра В. на счетъ будущаго его реформы, а наблюдательные совре-

---

[1]) Духов. Регламентъ.

[2]) „Матер. для ист. рус. и иностр. библіографіи", И. Токмакова (Библіогр. 1885 №№ 4, 6, 7).

[3]) Свод. Улож. лл. 403—442 въ „Опис. рукоп. Царскаго", с. 692.

[4]) П. Собр. Законовъ, V, № 3208.

[5]) См. „Опытъ рус. исторіографіи", II, 1077—1085.

[6]) Пекарскій, „Ист. Акад. Наукъ", I, предисл.

[7]) Уэвелль, II, 101—102.

[8]) Куникъ, „Матер. о Ломоносовѣ", 392—рѣчь идетъ о Кіев. академіи; ср. „Ист. Слав.—гр.—лат. акад". Смирнова, 250.

менники прямо ставили судьбы ея въ зависимость отъ продолжительности его жизни, какъ это видно изъ многочисленныхъ отзывовъ иностранныхъ резидентовъ, бывшихъ тогда въ Россіи [1]). Вскорѣ по смерти Петра В. саксонскій посланникъ Лефортъ писалъ (1728) своему двору: „Когда я обращаю вниманіе на настоящее управленіе государствомъ, мнѣ кажется, что царств. Петра Вел. было не что иное, какъ *сонъ*. Всѣ живутъ здѣсь въ такой безпечности, что человѣческій разумъ не можетъ постигнуть, какъ такая огромная машина держится безъ всякой помощи; каждый старается избавиться отъ заботъ; никто не хочетъ взять что-либо на себя и молчитъ, потому что лучшіе совѣтники не пользуются поддержкою [2])".

Дѣйствительно, предшествовавшая эпоха стояла цѣлою головою выше непосредственно слѣдовавшаго за нею періода. Такъ, уже въ въ 1728 г., вышедшая на французскомъ яз. рѣчь Н. Делиля о вращеніи земли не могла быть напечатана по русски [3]). Переводъ соч. Фонтенеля „О множествѣ міровъ", сдѣланный кн. А. Кантемиромъ въ 1731 г., могъ быть напечатанъ лишь въ 1740 г., съ особаго разрѣшенія [4]). Въ началѣ царст. Елизаветы Петровны появляются доносы на соч. Гюйгенса и Фонтенеля, какъ защищавшія именно систему Коперника, [5]) и тогда же возбуждено было преслѣдованіе противъ нѣкоторыхъ книгъ, изданныхъ прежде [6]). Въ 1757 г. ученикъ Славяно-греко-латинскойак адеміи Пельскій пишетъ замѣчанія на сочиненіе въ стихахъ Тредьяковскаго „Ѳеоптія" и въ числѣ „сумнительствъ" отмѣчаетъ мѣста, въ которыхъ шла рѣчь о неподвижности солнца, обращеніи около него земли и т. п.[7]); но и Тредьяковскій, въ свою очередь, обращалъ вниманіе Синода на оду, напеч. въ „Ежемѣсачныхъ Сочиненіяхъ" 1755 г., въ которой высказывалось положительное мнѣ-

---

[1]) „Новые матер. для ист. царств. Петра В.", нашъ очеркъ, с. 49—50.

[2]) „Сборн. Рус. Истор. общ.", V, 308.

[3]) Отъ разрѣшенія Синодомъ русскаго перевода въ Академіи ставили тогда въ зависимость и судьбу другихъ философскихъ предметовъ, о которыхъ появятся разсужденія со временемъ; но такого разрѣшенія не было дано („Ист. Ак. Наукъ", I, 145—146). Сестра Петра II (Наталія) читала эту рѣчь съ акад. Гольдбахомъ (ibid., 163).

[4]) Пекарскій, I, 511; „Ист. Акад. Наукъ", I, 215.

[5]) Пекарскій, I, 511.

[6]) „Сборникъ постановл. о цензурѣ", 13—14; „Историч. свѣд. о цензурѣ", стр. 3.

[7]) Пекарскій, I, 175; Москвитянинъ, 1851, №№ 19 и 20.

ніе о множествѣ міровъ. Въ 1756 г., была сдѣлана даже попытка прекратить печатаніе книгъ, относящихся къ этому предмету [1]). Нѣсколько позже извѣстный историкъ Россіи, кн. М. М. Щербатовъ, проводя параллель между двумя эпохами, до-петровскою и послѣ нея, по поводу учрежденія Славяно-греко-латин. академіи, говоритъ: „Но чему бы въ сей академіи научились? Научились бы языкамъ греческому и латинскому, философіи Аристотелевой и его категоріямъ, тонкимъ и часто непонятнымъ разсужденіямъ Платона и богословіи; разумѣли бы всѣхъ лучшихъ писателей аѳинскихъ, цвѣтущаго Рима и св. отцовъ. Но познали-ль бы новыя открытія, учиненныя новыми? Познали-ль бы новую систему свѣта, изобрѣтенія въ физикѣ, химіи и математикѣ"? „Нѣтъ", отвѣчаетъ онъ, полагая паче себѣ правиломъ не сообщаться не съ единовѣрными, утверждаясь еще болѣе въ сей ненависти...., то якобы отдѣленная отъ другихъ частей свѣта земля должна была сама все изыскивать или бы превозмочь ненависть свою къ чужестраннымъ и съ ними въ сообщеніе войти" [2]). Недовѣрчивое и вмѣстѣ съ тѣмъ ироническое отношеніе къ опытамъ надъ электричествомъ, производимымъ въ то время въ Петербургѣ акад. Рихманомъ (палъ жертвою своихъ наблюденій надъ громоотводомъ 26 іюля 1753 г.), выраженное въ славянскомъ стилѣ, такимъ лицомъ, какъ авторъ записокъ, ген. Нащокинъ, со ссылками даже на „Іѳику", изд. въ XVII вѣкѣ въ Кіевѣ, лучше всего показываетъ, какъ малъ еще былъ тогда кругъ вліянія западной науки у насъ [3]). Вотъ почему Ломоносовъ справедливо опасался, что несчастный случай съ Рихманомъ можетъ неблагопріятно повліять на распространеніе въ обществѣ научныхъ знаній, а потому онъ писалъ извѣстному И. И. Шувалову: „чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки". И академическая канцелярія не находила даже возможнымъ, чтобы въ торжественномъ собраніи Академіи 6 сентября была произнесена рѣчь объ электричествѣ, „по причинѣ случая смертнаго профессора Рих-

---

[1]) „Редакторы, сотрудники и цензура въ рус. журн. XVIII в.", Пекарскаго, 43—44.

[2]) „Состояніе Россіи до Петра В." (Чт. въ Общ. ист. и древ. рос. 1860, I, 26).

[3]) „Записки В. А. Нащокина", изд. 1842 г., стр. 116. Какъ воспользовались этимъ обстоятельствомъ обскуранты на Западѣ см. Уэвелль, III, 827—828.

мана“ [1]). Что же касается собственно ученаго свѣта, то тамъ, по поводу кончины Рихмана, появился цѣлый рядъ статей, изслѣдованій и разсужденій. Въ честь его писались даже стихи....

Понятно, что положеніе политическихъ наукъ было еще хуже. Въ извѣстныхъ процессахъ кн. Д. М. Голыцина и А. П. Волынскаго шла рѣчь о такихъ сочиненіяхъ, какъ Макіавелли, Юста Липсія, Бокалини, которыя свободно обращались прежде; а Татищевъ ссылается уже на примѣръ Бокалини въ подтвержденіе того, какъ опасно писать современную исторію. И въ указѣ имп. Анны 1738 г. повелѣвалось обратить особенное вниманіе на переводныя сочиненія [2]).

Если „облакъ сумнѣнія“ закрадывался въ душу Петра при взглядѣ на окружавшую его среду, то онъ прекрасно зналъ и матеріалъ, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло, чтобы не отступать передъ разъ намѣченными цѣлями[3]); но у его ближайшихъ преемниковъ эти цѣли отступаютъ на задній планъ, и, напротивъ, снова берутъ верхъ элементы, враждебные наукѣ. Такимъ образомъ, большія надежды, возлагавшіяся Петромъ В. па переводную литературу, оказались напрасными. Она не сослужила русскому обществу той службы, какой онъ ожидалъ отъ нея. Уже въ 1752 г. въ конторѣ Московской синод. типографіи накопилось столько петровскихъ изданій, вышедшихъ изъ петербургской и моск. типографій, что синодальное начальство признало необходимымъ или продавать ихъ на публичныя фабрики, или употреблять на обертки вновь выходящихъ книгъ: такъ, эта мѣра приводилась въ исполненіе въ 1752, 1769 и 1779 г. Не говоря о вѣдомостяхъ и календаряхъ, которые истреблялись тысячами, книги научнаго содержанія подвергались истребленію въ количествѣ 100—300 и болѣе экземпл. Вообще, истребленныя

---

[1]) „Матер. для біогр. Ломоносова“, собр. Билярскимъ, Спб. 1865, 215; „Ист. Акад. Наукъ“, Пекарскаго, I, 712—714.

[2]) См. въ нашемъ очеркѣ: „Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общ. образованія“ (В. Евр. 1876, № 9, с. 178—179).

[3]) „Что мало охотниковъ, писалъ Петръ въ одномъ изъ своихъ указовъ, и то правда, понеже нашъ народъ яко дѣти, неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, *что ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все ль неволею сдѣлано*, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ“ (Соловьевъ., XVI, 219).

книги были оцѣнены въ 7412 р.[1]), или на наши деньги до 67000 р.— сумма, по тому времени, весьма значительная[2]). Другія изъ петровскихъ изданій подверглись не менѣе печальной участи: соч. Пуфендорфа („Введ. въ европ. исторію") отбиралось у частныхъ лицъ при Аннѣ Ивановнѣ[3]), соч. В. Стратемана („Ѳеатронъ или позоръ историческій"— это исторія отъ сотв. міра до 1680 г., авторъ—протестантъ)—при Елисаветѣ Петровнѣ[4]), а въ 1756 г. въ Синодъ и Академію Наукъ, по требованію правительства, свезено было такое множество книгъ для просмотра, что самому правительству пришлось дѣлать разъясненія по этому поводу[5]).

Само собою ясно, какъ всѣ эти факты идутъ въ разрѣзъ съ образовательными цѣлями и планами Петра В. Изданіе лѣтописей и историческихъ трудовъ при Академіи встрѣчало большія затрудненія и препятствія; ученая переписка и матеріалы по географіи, собранные участвовавшими въ ученыхъ экспедиціяхъ лицами, попадали въ слѣдственную коммиссію или въ кабинетъ, а статистическія изслѣдованія о русской торговлѣ сдѣлались совсѣмъ невозможными[6]). „Чего можно было ожидать въ этомъ отношеніи въ промежутокъ отъ смерти Петра до Екатерины II, говоритъ Шлёцеръ?... Даже свѣдѣнія о ввозѣ и вывозѣ товаровъ считались тогда государственною тайною. Впослѣдствіи Чулковъ напечаталъ безчисленное количество такихъ списковъ въ своихъ многочисленныхъ квартантахъ о русской торговлѣ. Этотъ новый міръ открылся, когда императрица, по случаю моей ссоры съ Ломоносовымъ, ограничила понятіе о государственной тайнѣ. При ней стали издаваться и статистическія таблицы, на основаніи приходскихъ списковъ, долго валявшихся въ академіи"[7]).

Ко времени Петра В. относится множество проектовъ и плановъ, касавшихся той или другой стороны преобразованій. Ихъ писали философы (Лейбницъ и Вольфъ), публицисты (Гюйсенъ), служилые иноземцы (Фикъ, Люберасъ), русскіе люди (Вас. Н. Тати-

---

[1]) Пекарскій, „Наука и литература", I, предисл., с. п.

[2]) Ключевскій, „Русскій рубль" (Чт. въ Общ. ист. и древ. рос. 1884, I, 72).

[3]) Пекарскій, I, 326—327.

[4]) Ibid. II, 615. „О всеобщей исторіи Стратемана", А. Зиновьева (Ж. М.Н. Пр. 1835, ч. V).

[5]) „Сборн. постановл. о цензурѣ", 14; „Ист. свѣд. о цензурѣ", с. 3.

[6]) „Русскіе университеты", 178—182.

[7]) „Автобіографія Шлёцера", 120—121, 144—145.

щевъ, Ив. Посошковъ, Ив. Филипповъ и др.). Независимо отъ того, въ многочисленныхъ центрахъ Западной Европы проживали русскіе, посланные для изученія разныхъ наукъ, и нарочные агенты, нерѣдко присылавшіе оттуда записки по той или другой отрасли управленія, или привлекавшіе иностранцевъ въ русскую службу [1]); а изъ недавно напечатанныхъ матеріаловъ можно видѣть, какая масса книгъ, не только на нѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ, но и во Франціи пріобрѣталась этими агентами и отправлялась въ Россію [2]). Но только по изданіи всѣхъ писемъ и бумагъ Петра В. можно будетъ судить вполнѣ о его личномъ участіи въ томъ или другомъ проектѣ и предпріятіи. Толки объ учрежденіи въ Россіи высшаго ученаго и образовательнаго заведенія возникаютъ въ 1711—16 гг., когда впервые являются предложенія Лейбница, и окончательно опредѣляются къ 1718—21 гг. [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ ясно выразилъ и главную цѣль: „какобы *кратчайшій и способнѣйшій путь* изобрѣсти, чтобъ завести *науки* и онымъ людей своихъ, елико мощно *скорѣе, обучити*“ [4]). Этой цѣли должно было удовлетворить и первоначальное устройство Академіи Наукъ (притомъ временное, какъ заявлялъ самъ Петръ), представлявшей соединеніе *ученаго общества*, *университета* и *гимназіи*; но научныя цѣли стояли здѣсь уже на первомъ планѣ [5]).

Тотъ же „кратчайшій путь“ въ дѣлѣ распространенія образованія въ Россіи имѣетъ въ виду и проектъ Ѳ. С. Салтыкова, при чемъ этотъ послѣдній заслуживаетъ вниманія уже тѣмъ однимъ, что онъ принадлежитъ едва ли не къ самымъ раннимъ проектамъ этого рода, не исключая и предложеній Лейбница. До послѣдняго времени было извѣстно лишь, что Салтыковъ представилъ Петру обширный проектъ

---

[1]) „Новые матер. для истор. царств. Петра Великаго“, 13, 21; Милюковъ, „Госуд. хозяйство Россіи въ цар. Петр. В.“, 532.

[2]) „Опытъ рус. исторіогр.“, I, стр., XLVI.

[3]) Въ Парижѣ Петръ В. интересовался коллегіумомъ Мазарини, имѣя въ виду учредить подобную же школу въ Россіи, и женскимъ заведеніемъ въ Сенъ-Сирѣ (Пекарскій, „Наука и литер.“, I, 43), на которое обратила потомъ вниманіе Екатерина II. (Подробности о пребываніи Петра въ Сенъ-Сирѣ Е. Лихачева, „Матер. для ист. жен.образов. въ Россіи“, стр. 45—46).

[4]) „Лѣтописи русской литер.“, V, 4.

[5]) „Для сочиненія соціетата наукъ, подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ“ („Наука и литерат.“, I, 534).

преобразованій и нововведеній [1]), но недавно, почти одновременно, появились изданіе этого проекта по списку П. Н. Тиханова (Прилож. V къ отчетамъ о засѣд. Общ. люб. древ. письмен., Спб. 1891 г.), подъ заглавіемъ: „Пропозиціи Өедора Салтыкова" [2]) и изложеніе проекта, по списку Госуд. архива, въ книгѣ П. М. Милюкова: „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка и реформа Петра В.", Спб. 1892 (первонач. напеч. въ Журн. Мин. Нар. Пр.), гдѣ онъ озаглавленъ по первымъ строкамъ своимъ: „Доношеніе о нѣкоторыхъ состоятельныхъ (sic!), которыя прилежно выбраны изъ правленія уставовъ разныхъ, какъ англинскихъ, французскихъ, германскихъ, такожде и прочихъ европскихъ присудствуемыхъ приличеству самодержавія". Оба списка состоятъ изъ 25 главъ, но списокъ Госуд. архива важенъ тѣмъ, что статьи его сопровождаются обычными значками Петра, крестиками и крестиками въ кружкѣ, поставленными противъ мѣстъ, особенно его заинтересовавшихъ. Такими знаками отмѣчены статьи о майоратѣ, о купечествѣ, о посылкѣ молодыхъ людей за границу учиться торговымъ наукамъ, морскому дѣлу, дипломатическому искусству и др.

Стольникъ Ө. С. Салтыковъ—сынъ боярина Ст. Ив. Салтыкова, служившаго воеводою въ Тобольскѣ, у котораго онъ былъ въ товарищахъ (съ 27 февр. 1690 г.—20 дек. 1692 г.)[3]). Здѣсь-то, еще въ молодости, онъ былъ пораженъ страшнымъ взяточничествомъ служилаго класса, противъ котораго онъ совѣтовалъ теперь Петру произвести общую ревизію дѣлъ относительно сборовъ и пошлинъ посредствомъ нарочныхъ людей (глава X, предложеніе 5). Затѣмъ, въ чинѣ капитана гвардіи, онъ участвовалъ въ неудачной битвѣ подъ Нарвою (1700), съ извѣстіемъ о которой и планахъ Карла XII былъ посланъ къ польскому кор. Августу II [4]), а нѣсколько позже, въ званіи корабельнаго мастера, занимался постройкою военныхъ судовъ на Олонецкой верфи (1703—1704) и въ Новой Ладогѣ (1710—11). Порученія эти несомнѣнно служатъ свидѣтельствомъ способностей и

---

[1]) Веселаго: „Общій морской списокъ", Спб., 1885, I, 321—332. Впрочемъ, весь проектъ писанъ на 37 листахъ въ 4-ю долю.

[2]) Такъ называетъ проектъ издатель (стр. XII).

[3]) „Записки, къ Сибирской исторіи служащія" (Древн. Рос. Вивл., III, 275—279).

[4]) „Письма и бумаги импер. Петра Вел.", I, Спб. 1887, стр. 408—10, 844.; Устряловъ, IV (II), 11—12. Въ перепискѣ Петра онъ называется также постельничимъ (Берхъ, т. I).

сочувствія Салтыкова реформамъ Петра В., но до насъ дошли, кромѣ того, указанія на то, что онъ пользовался расположеніемъ царя и въ числѣ близкихъ къ нему лицъ удостоивался со стороны его писемъ объ успѣхахъ русскихъ войскъ въ борьбѣ со шведами (о взятіи Ніен-Шанца и битвѣ въ устьяхъ Невы [1]). Наконецъ, въ 1711 г. Салтыковъ посланъ былъ за границу „инкогнито подъ видомъ россійскаго дворянина", съ порученіемъ собрать свѣдѣнія о продающихся во Франціи, Голландіи и Англіи корабляхъ „и о способахъ, какимъ образомъ оные корабли купить возможно". Поэтому, въ теченіе 1711—15 гг., онъ посѣтилъ главнѣйшіе приморскіе города западныхъ морскихъ государствъ, при чемъ пріобрѣлъ въ Англіи и отправилъ въ Россію 11 кароблей и 4 фрегата и нанялъ въ русскую службу многихъ англійскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Независимо отъ того, на него возложено было наблюденіе за находившимися за границею для обученія молодыми русскими людьми [2]). Салтыковъ проживалъ частію въ Амстердамѣ, но главнымъ образомъ въ Лондонѣ, откуда и велъ свою переписку[3]). Между тѣмъ, уже въ письмѣ отъ 1 дек. 1712 г. къ Петру, Салтыковъ вызвался, въ интересахъ *государственныхъ доходовъ* и „всенароднаго обученія", представить означенный проектъ, а Петръ, въ свою очередь, въ письмѣ отъ 12 янв. 1713 г., потребовалъ отъ него прислать этотъ послѣдній.

Проектъ Салтыкова составленъ былъ въ видахъ увеличенія государственныхъ доходовъ, а потому интересы фиска даютъ себя чувствовать почти въ каждой его статьѣ и не всегда мирятся съ существующимъ положеніемъ вещей. Мы только вкратцѣ укажемъ на его содержаніе и затѣмъ перейдемъ къ главному вопросу, насъ интересующему.

---

[1]) „Письма и бумаги", II, стр. 536—537, 624—625, 689—691.

[2]) Веселаго, „Общій морской списокъ", I, 331—332. Въ недавно изд. „Архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина" (II, 1891, Спб.) напеч. „Наказъ" кн. А. Д. Меншикова Салтыкову, отъ 13 іюня 1711 г., въ которомъ предписывалось ему „ѣхать въ Копенгагенъ и явиться къ рус. послу кн. Долгорукову, а по совѣщаніи съ нимъ заняться приторгованіемъ кораблей" (357—358). Тутъ же переписка о немъ между Б. И. Куракинымъ (въ Гагѣ) и Долгоруковымъ (361, 367, 368). О подчиненіи его Куракину (ib., III, 310, 313).

[3]) „Пропозиціи Салтыкова", предисловіе, стр. III—VIII; „Архивъ Куракина", II, стр. 51, 54, 62, 64, 75, 100. Такъ какъ миссія Салтыкова была секретная, то почти вся переписка его велась криптографіей (XXIV).

Глава I. Въ ней предлагается введеніе гербовъ для всѣхъ духовныхъ чиновъ отъ митрополитовъ до игуменовъ, келарей, строителей и игуменій съ ежегодною записью ихъ въ книги (какъ и для свѣтскихъ чиновъ) и опредѣленнымъ взносомъ (по чинамъ) за гербы и запись: „и погодную книгу печатать такъ, какъ статы печатаются въ Аглинскомъ и Французскомъ (государствахъ) по вся годы"... „а они (духовные чины) имѣютъ доходы немалые; они же безнаслѣдственные суть, не такъ какъ мірскіе"... „А въ иныхъ государствахъ всякой духовной имѣетъ свои гербы собственные, на прикладъ какъ въ имперіи: епископы Минстерскій, Падерборнской, Вирцбурскій, архим. Фульдскій, игуменья Кведлембургская; въ Англіи епископы: Кентерборской, Іоркской. Вотчины духовныхъ чиновъ обращать въ чины какъ дворянскія и за то брать противъ дворянскихъ въ полтора раза. Положить дани на всѣ церкви на жалованье солдатамъ, понеже церкви и вѣра защищаются отъ неприятеля ими. И когда на нихъ будетъ больши дани, тогда они будутъ благочиннѣе и простираться будутъ къ *читанію книгъ*, чрезъ что могутъ себѣ довольно присовокупить".

Глава II. Предлагается введеніе *майората*. „Сей уставъ во всей Великобританіи". При переходѣ вотчинъ въ другой родъ берутся двойныя пошлины. „Меньшіе братья простираться будутъ прилежно *къ службѣ* всякой своему государству *и къ наукамъ*, чтобъ имъ превосходить по заслугамъ своимъ въ высочайшее достоинство и богатство, такожде и отцы ихъ станутъ ихъ принуждать во всякіе ученіи дабы имъ не имѣть нужды и убожества [1]). Благороднымъ не довлѣетъ имѣть купеческихъ стяжательствъ, и ежели кто изъ дворянъ будетъ имѣть купечество или промыслъ, тогда брать съ него пошлины въ полтора раза или ему лишаться дворянства и записаться въ бюргеры, т. е. въ мѣщане". Простые чины не имѣютъ права землевладѣнія; но, пріобрѣвъ богатство, они могутъ купить дворянство, „за то его бла-

[1]) Майоратъ введенъ былъ въ Россіи указомъ 18 марта 1714 г. Параллельныя мѣста „предложеній" и указа отмѣчены г. Милюковымъ (536 и 538). Но Петръ В. заинтересовался этимъ вопросомъ еще ранѣе. Матвѣевъ сочувственно говоритъ о немъ въ журналѣ о пребываніи своемъ во Франціи въ 1705 г. (см. „Новые матер. для истор. царств. Петра В.", нашъ очеркъ, стр. 16). Исторія составленія указа и справки по этому поводу въ книгахъ, привезенныхъ изъ-за границы Постниковымъ, у Соловьева, XVI, 198—200.

городство и за его стяжательства брать въ казну деньги по указу, и дать бы ему на то жалованную грамоту и гербъ (какъ обычаи есть въ Европѣ: въ Имперіи, и во Франціи, и Англіи). А если кто имѣетъ стяжательство, а не учинитъ себя въ благородствѣ, брать съ нихъ подати въ полтора. Лучшихъ дворянскихъ дѣтей слѣдуетъ посылать по 2 или 3 человѣка къ разнымъ дворамъ, гдѣ обрѣтаются министры, и они будутъ пріучаться къ дѣламъ, а въ случаѣ отсутствія министровъ, замѣнять ихъ. Надобно нѣсколько человѣкъ послать въ Англію и Голландію для ученія того, какъ у нихъ состоятся налоги, подати и пошлины и вѣданіе всѣхъ ихъ интересовъ для правленія купеческаго; также послать въ Англію, Голландію или Францію для обученія адмиралтейскихъ дѣлъ и какіе указы даются морскимъ правителемъ, и флаги, и какъ отпускается провизія, а также всякіе подряды по адмиралтейству, и храненіе и починка всякимъ судамъ [1]). Слѣдуетъ росписать во всякихъ губерніяхъ и городахъ волости, слободы, села и деревни и, смотря по размѣру, обратить ихъ въ ландграфства, графства, баронства и дворянства и дать на означенныя достоинства привилегіи и гербы, какъ и въ прочихъ европскихъ государствахъ, а не одного своего роднаго прозвища, и чтобы всякій стяжатель платилъ на годъ отъ своихъ достоинствъ по уставу. И отъ того въ прибыляхъ будетъ доходъ со всего государства немалой, а они будутъ довольствоваться удобнѣе раздѣленіемъ титуловъ своихъ". Всѣ они вносятся въ книгу со взносомъ извѣстной пошлины (за женъ и дѣтей платится половина), а также берется плата, когда у кого родится сынъ или дочь, или кто женится. Книги эти также печатаются (здѣсь приложена таблица, опредѣляющая количество дворовъ по достоинствамъ и пошлинъ за гербы и записи).

„Всѣмъ князьямъ не велѣть писаться князьями, понеже они никакихъ княженій подъ собою не имѣютъ, также нѣкоторые пошли отъ князей татарскихъ, а имѣютъ равныя княжія прозвища". Есть

---

[1]) Въ началѣ 1715 г. Кононъ Зотовъ посланъ былъ за границу для изученія всего, „что ко флоту надлежитъ" (Голиковъ, VI, 251, 293, Берхъ, „Собр. писемъ Петра I", т. I, 301—302). А въ 1716 г. состоялась отправка до 50 молодыхъ людей, посланныхъ учиться морскому дѣлу въ Англію, Францію, Голландію, Венецію и Испанію (подробности см. у Устрялова, II, с. 315 и въ ст. А. Рачинскаго: „Первые русскіе гардемарины за границею въ XVII стол.", въ „Сборн. Моск. глав. арх. мин. иностран. дѣлъ", в. I).

же въ томъ числѣ отъ родовъ изрядныхъ, только обѣднѣли и не могутъ своихъ княжескихъ чиновъ имѣть за своими недостатками; изъ нихъ, для самыхъ лучшихъ, которые въ милости и въ заслугахъ отечеству обрѣтаются, могутъ быть пожалованы именными титулами по городамъ, какъ въ Англіи" (приложена роспись городовъ по титуламъ и пошлинъ за пожалованіе).

Глава III. О вычетѣ полугодоваго жалованья при повышеніи въ чинахъ и тѣ деньги обращать на содержаніе раненыхъ солдатъ и матросовъ, придавъ нѣсколько монастырей, гдѣ устроить жилище имъ и питаніе, какъ въ Англіи сдѣлано солдатамъ въ Челсіи и матросамъ въ Гриничѣ (госпитали). По образцу Англіи завести печатную книгу всѣмъ чинамъ. Дьякамъ писаться секретарями, старымъ подъячимъ—оберъ-шрейберами, молодымъ—шрейберами, а площаднымъ—нотаріусами (такіе чины въ Англіи и Голландіи).

Глава IV. О купечествѣ. Въ ней говорится о торговыхъ компаніяхъ, съ субсидіею отъ казны $^1/_4$ капитала, которыя вели бы торговлю внутри и внѣ Россіи (въ Европѣ и Азіи) и объ учрежденіи консульствъ, „чтобъ иностранные купцы не богатились излишно нашего государства товарами, понеже купечество есть твердое основаніе богатства всѣхъ государствъ, какъ нынѣ цвѣтетъ въ Англіи и Голландіи [1]). Необходимо также выслать нѣсколько дѣтей торговыхъ людей въ Голландію и Англію и велѣть имъ учиться купечеству, какъ у нихъ книги купеческія содержатся, какъ ихъ интересы (ведутся), какія (у нихъ) корреспонденціи и какія ихъ въ томъ хитрости [2]). Для поощренія купечествъ учреждаются званія баронетовъ, патриціевъ и бургграфовъ, какъ въ Англіи, Имперіи и разныхъ городахъ, съ за-

---

[1]) „Сперва надобно, чтобы они принимали тамъ и натурализацію для свободнаго ихъ торгу, покамѣстъ оснуется тое купечество" (предл. 5-е). Предложеніе о консульствахъ и иностранной торговой конторѣ Салтыкова предупредили совѣты Любераса (1715—17), въ слѣдъ за которыми состоялось назначеніе консуловъ на Западъ и въ Китай (Милюковъ, 530—531). Мысли Салтыкова о купечествѣ согласны съ мнѣніями кн. Б. И. Куракина (Архивъ, III, 154—160, 237—39). Впослѣдствіи Петръ приглашалъ съ тою же цѣлью извѣстнаго Ло (Пекарскій, I, 243—48; Р. Архивъ 1874, I, 1578).

[2]) Въ 1714 г. Петръ распорядился выбрать въ Москвѣ изъ знатныхъ купеческихъ домовъ 15 чел. не старше 20 лѣтъ для посылки за границу (Голиковъ, V, 223; Берхъ, „Собр. писемъ Петра", I, 301—302).

писью въ книги и гербами[1]). Прочіе посадскіе и мѣщане платятъ въ городахъ опредѣленную пошлину (1/2—3 руб.).

Глава V. О мастеровыхъ всякихъ людяхъ и промышленникахъ. Въ ней излагаются положенія о цехахъ, со ссылкою на уставы Англіи, Имперіи, Франціи и Швеціи [2]).

Глава VI. О людяхъ боярскихъ и крестьянахъ, въ нѣсколькихъ строкахъ—о томъ, чтобы съ нихъ брать по 5 коп. за браки и родины и „потомъ деньги и записныя книги подавать въ приказъ для вѣдомости, сколько породилось и сколько поженилось".

Глава VII. О школахъ и монастыряхъ,—самая обширная и наиболѣе интересная въ настоящее время глава по своему содержанію. Къ ней мы обратимся ниже особо.

Глава VIII. О почтѣ. Во всѣхъ губерніяхъ и по всѣмъ дорогамъ сдѣлать почту и на то учинить во всемъ государствѣ генералъ-почтъ-мейстера, а во всѣхъ городахъ почтъ-мейстеровъ, какъ въ Нѣмецкой землѣ и пр., „отъ чего будетъ прибыль немалая отъ всего государства" [3]).

Глава IX. О иноземцахъ, которые живутъ подъ Вашимъ владѣніемъ. Предлагается брать съ инородцевъ сборы съ женитьбъ и рожденій, а изъ обрусѣвшихъ устраивать полки, какъ въ Швеціи изъ финновъ, „только ихъ не держать въ тѣхъ странахъ, гдѣ они принадлежатъ, для револьтовъ". Дѣтей инородцевъ брать въ дома, „чтобъ навыкали всякой политикѣ и обхожденія и потомъ дать имъ свободу не крестя жъ", и такимъ образомъ могли бы они сближаться съ русскими; „а нынѣ они живутъ только пашнею и рыбною ловлею, только чуть себя питаютъ безъ всякой государственной и своей властной прибыли".

Глава X. О Сибири—одна изъ болѣе замѣчательныхъ главъ, по нѣкоторымъ мыслямъ автора, лично познакомившагося въ молодости съ этою страною. Онъ совѣтуетъ обратить вниманіе на доходность Сибири, если будетъ правильно организованъ сборъ пошлинъ и

---

[1]) Салтыковъ ставитъ здѣсь въ примѣръ Строгановыхъ. Строгановы въ 1722 г. получили отъ Петра В. званіе бароновъ (Устряловъ: „Именитые люди Строгановы", стр. 24). Нѣсколько позже (1727) Екатерина I возводитъ въ это званіе братьевъ Соловьевыхъ, извѣстныхъ своими торговыми предпріятіями въ Голландіи (Б. Каменскій, „Словарь", III, 282).

[2]) Указъ о цехахъ, изд. 27 апр. 1722 г., также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ близокъ къ проекту Салтыкова, хотя въ немъ приняты были во вниманіе и другія предложенія (Милюковъ, 539).

[3]) Любопытно свидѣтельство автора, какъ дорого обходилась тогда частная корреспонденція и какъ была она затруднительна.

повинностей; усилить войско (до 20000 чел.), которое ввѣрить „искуснымъ генераламъ и офицерамъ“ для военныхъ цѣлей, построить въ степяхъ крѣпости и заняться постепеннымъ завоеваніемъ Средней и Передней Азіи, которое не такъ трудно, такъ какъ въ тѣхъ государствахъ нѣтъ никакого воинскаго обученія, и огневаго орудія мало, и то мелкое, а пушекъ нигдѣ нѣтъ, и имъ помогать никоторый государь не можетъ, и они не подлежатъ султану турецкому [1]). А въ тѣхъ государствахъ изобилуютъ: мѣдь, желѣзо, пряныя зелья—виноградъ, лимоны, апельсины, шелки, хлопчатая бумага, китайки, пестряди [2]). Далѣе заслуживаютъ вниманія слѣдующія предложенія автора проекта: „Велѣть построить корабли на Енисейскомъ устьѣ и на иныхъ рѣкахъ.... и тѣми кораблями, гдѣ возможно, кругомъ Сибирскаго берега велѣть провѣдать, не возможно ли найти какихъ острововъ, которыми бъ можно овладѣть подъ Ваше владѣніе [3]). А ежели такихъ острововъ и не сыщется, можно на такихъ корабляхъ тамъ купечествовать въ Китай и въ др. островы, такожде и въ Европу можно отпускать оттуда лѣса, мачты и доски, смолу и таръ, понеже тамъ изобильство великихъ лѣсовъ, а здѣсь въ Европѣ зѣло въ томъ великая нужда и дороговизна, и въ томъ будетъ въ государствѣ прибыль великая, а лѣсовъ тамъ въ Сибири великое множество. Во всей же Сибири велѣть изыскивать прилежно всякихъ минераловъ и красокъ и всякихъ аптекарскихъ специаловъ, понеже такое великое положеніе земли и различество климата не малое“ [4]).

---

[1]) Этому предложенію несомнѣнно соотвѣтствуютъ экспедиціи полк. Бухгольца (1714) и кн. Бековича-Черкасскаго (1716), не имѣвшія впрочемъ успѣха.

[2]) Кстати замѣтимъ, что Петру В. поданъ былъ, въ 20-хъ годахъ XVIII стол., проектъ завоеванія южной Америки какимъ-то голландцемъ (см. докум., сообщ. И. Е. Забѣлинымъ, Москвитян. 1851, I, 121—124).

[3]) Уже въ 1719 г. Петръ посылалъ въ Камчатку для рѣшенія вопроса, „сошлася ли Америка съ Азіей“ (П. С. З., № 3266). Старанія Лейбница объ этомъ относятся къ 1716 г. (Письма и матер. Лейбница, изд. В. И. Герье, стр. 360). Ср. также: „Заслуги Петра В. по части распространенія географич. познаній о Россіи и погранич. съ нею земляхъ Азіи“, К. Бэра (Зап. Рус. Геор. общ., кн. IV, 1850).

[4]) Припомнимъ экспедицію въ Сибирь ученаго доктора Д. Г. Мессершмидта (1716), на котораго возлагались описаніе сибирскихъ народовъ и изученіе ихъ языковъ, памятниковъ древности и вообще всего достопримѣчательнаго (Пекарскій, „Наука“, I, 350—354; „Дневникъ Мессершмидта“ 1722—26, см. въ „Сибир. древностяхъ“, В. Радлова, Спб. 1888).

Глава XI. О Казани. Въ ней предлагается произвести подобное же изслѣдованіе мѣстныхъ богатствъ края.

Глава XII. О кабакахъ. „Велѣть въ губерніяхъ продавать вино, пиво и медъ всякимъ людямъ; кто похочетъ держать корчму, по образу какъ въ Англіи, и съ тѣхъ корчмарей брать отъ ихъ корчмъ, также отъ ведра вина и отъ мѣрной бочки пива и меду; а съ нихъ брать же по тому, сколько приходитъ отъ ведра вина и отъ бочки мѣрной пива и меда прибыли".

Глава XIII. О помѣстныхъ дѣлахъ и земельныхъ ссорахъ. Авторъ рекомендуетъ завести книги по алфавиту земельнымъ владѣніямъ для удобства пріисканія, на случай тяжбъ о нихъ, и приступить къ межеванію земель, чтó можно поручить ученикамъ математическихъ школъ, а велѣть имъ межевать по теодолиту или компасу, по примѣру Германіи и Англіи, при чемъ прилагается и образецъ такого описанія [1]).

Глава XIV. Объ учрежденіи ландъ-милиціи, по примѣру Швеціи и Швейцаріи.

Глава XV. О печати (гербовой маркѣ). „Когда всякія купчія станутъ писаться на гербовыхъ бумагахъ, тогда довлѣетъ къ тѣмъ купчимъ натискать государственную на то нарочно устроенную печать, и за ту печать брать по полуполтинѣ и въ томъ будетъ прибыль, какъ есть здѣсь уставъ въ Англіи, которую печать при семъ посылаю... а къ инымъ дѣламъ отнюдь не прикладывать, понеже оныя всякія дѣла бываютъ по нуждѣ" [2]).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе разсматриваемаго нами проекта. Его близкое отношеніе, хотя и не исключительное, къ нѣкоторымъ современнымъ актамъ законодательства Петра В.—несомнѣнно. Несомнѣнно также, что въ этомъ проектѣ ясно обозначается аристократическая тенденція [3]), которая не могла встрѣтить сочувствія у Петра

---

[1]) Петръ В. въ 1719 г. повелѣлъ сочинить писцовый наказъ сообразно съ геометрическими правилами, а въ 1723 г. дана была первая инструкція инжен. Кулону для обмежеванія Ингерманландіи геодезистами; для разобранія же межевыхъ споровъ съ 1715 г. посылались ландраты, знакомые съ межеваніемъ („Историч. взглядъ на межеваніе въ Россіи до 1765 г." П. Малиновскаго, Спб. 1844, стр. 116, 120, 124; „Историч. очеркъ межевыхъ учрежд. въ Малороссіи", А. Ханенка, Черн. 1870, с. 19).

[2]) Рисунокъ указанной печати приложенъ въ изданіи.

[3]) Милюковъ, 536.

В., но которая объясняется, очевидно, непосредственнымъ вліяніемъ западно-европейскихъ формъ, въ могущественное значеніе которыхъ вѣрилъ авторъ проекта, какъ и другіе его современники, сочувствовавшіе реформѣ. Въ настоящее время для насъ бóльшее значеніе имѣетъ глава *о школахъ*.

Она заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ предложеній. Вотъ болѣе существенныя изъ нихъ: „Велѣть во *всѣхъ губерніяхъ* учинить *по одной академіи или по двѣ*, а на тѣ академіи отдать нѣсколько монастырей, а изъ тѣхъ монастырей вывесть чернцовъ, только оставить при церквахъ для служебъ священниковъ и причетниковъ. И въ тѣ академіи собрать *мастеровъ изъ иныхъ государствъ*, а велѣть тѣхъ мастеровъ призывать и ихъ содержать тѣми монастырскими доходами. Въ тѣ-жъ монастыри велѣть набрать учениковъ *дворянскихъ* и *купеческихъ дѣтей* и *всякихъ иныхъ разныхъ чиновъ*; и учинить штрафъ на отцовъ, чтобъ они приводили дѣтей своихъ отъ 6 лѣтъ; и быть бы имъ тамъ до 23 лѣтъ и велѣть ихъ тамъ записывать, съ котораго году кто зачнетъ учиться. А по прошествіи тѣхъ урочныхъ лѣтъ употреблять ихъ въ *службы воинскіе и градскіе*; и больше тѣхъ лѣтъ отнюдь не держать подъ штрафомъ на мастерахъ, чтобъ они не укрывали отъ службъ. Ежели кто въ тѣ 17 лѣтъ не выучится, то онъ уже не будетъ ключимъ больше. Когда молодыя дѣти отъ юности своей *всегда вмѣстѣ* между собою будутъ, тогда они будутъ натуры свои обощрятъ безпрестаннымъ обхожденіемъ лучше, нежели какъ нынѣ дворянскія дѣти свое *воспитаніе* имѣютъ въ деревняхъ, подобно тому какъ лѣсъ нечищенной растетъ. Содержать тѣхъ учениковъ, т. е. давать имъ *платье, питаніе и жилище въ монастыряхъ изъ монастырскихъ доходовъ*, чтобъ Вашей *казнѣ въ томъ истраты не было*. А въ тѣхъ монастыряхъ учинить *друкарни*, для того, ежели какой *мастеръ* или *изъ учениковъ* кто издастъ о чемъ какую книгу и та освидѣтельствуется, что не въ противность закона и государства и намъ во всякую пользу, и тѣ тамъ велѣть печатать. Въ тѣхъ же академіяхъ велѣть *изъ разныхъ языковъ и наукъ сдѣлать библіотеки*, какъ въ Англіи, *въ Оксфордѣ и Кембриджѣ*".

Въ кругъ преподаванія въ академіяхъ входятъ слѣдующіе предметы: 1) *языки*: латинскій, греческій, нѣмецкій, англійскій, французскій; послѣдніе три „для обхожденія и разговоровъ съ разными народами. Тѣхъ языковъ учатъ *во всѣхъ академіяхъ* въ Имперіи, Фран-

ціи и Англіи". 2) *Свободныя науки*: „для праваго писанія и глаголанія—грамматика, риторика"; „для стихотворенія—поетика"; „для разсужденія натуры—философія"; „для познанія истиннаго Бога и законовъ: богословія"; „для всякихъ образовъ и правленій и извѣстія о всѣхъ государствахъ: гисторіи универсальныхъ и партикулярныхъ" (sic!). 3) *Математическія науки*, для гражданскихъ и воинскихъ правленій: ариѳметика, геометрія, тригонометрія, навигація, фортификація, артиллерія, механика, статика, гидростатика, перспектива, архитектура, оптика, гномоника, мусика, пиктура, скульптура, миніатура; „для знаемости и положенія мѣстъ: географія"; „для обороны собственной и для изящества учиться: на лошадяхъ ѣздить, на шпагахъ биться и танцовать".

Въ какихъ широкихъ размѣрахъ должно было даваться это образованіе, можно судить по слѣдующему разсчету автора проекта. „Ежели во всѣхъ губерніяхъ, пишетъ онъ, сдѣлаются по *2 академіи, а во всякой академіи* было бы по *2000 студентовъ*", итого будетъ *18000 студентовъ* и по прошествіи 17 лѣтъ изъ всякой академіи будетъ выходить чел. по 100, окончивъ нѣкоторыя свободныя науки и т. д.[1]). И такъ мы по сему образцу *сравняемся во всѣхъ свободныхъ наукахъ со всѣми лучшими европскими государствами, а безъ свободныхъ наукъ и добрыхъ рукодѣлій* не можетъ государство стяжать себѣ *умнаго имѣнія* и также будетъ всегда требовать *во всѣхъ дѣлахъ изъ другихъ ученыхъ государствъ* людей на послуги свои и вспоможеніе".

Къ этому общему плану мужскихъ учебныхъ заведеній авторъ дѣлаетъ еще два дополненія: 1) „надобно сдѣлать (составить), говоритъ онъ, *гисторію Россійскаго государства* и о всѣхъ въ немъ заключающихся градахъ и велѣть ее перевесть на нѣмецкій и на французскій языкъ, и велѣть ее напечатать и отослать въ нѣмецкія государства и въ прочія европскія для извѣстія, чтобы они знали объ ономъ подробно и на оборону (въ защиту), что старые и иностранные сосѣдственные историки писали оное съ поносомъ о немъ". 2) „Велѣть сперва перевесть *гисторіи универсальныя и партикулярныя* и

---

[1]) Въ это время знатные иноземцы (Брюсъ) разыскивали уже за границею „штудентовъ", для воспитанія своихъ дѣтей въ Россіи, но поиски ихъ оказывались неудачными (Рус. Стар., 1890, LXVI, ст. Д. Струкова, 347—350).

велѣть ихъ напечатать и приказать, *чтобъ всѣ, вмѣсто часовниковъ и псалтирей, училисъ словесному по нимъ*: сіе будетъ вспоможеніе на извѣстіе о всѣхъ государствахъ и ихъ управленіи".

Изъ нѣкоторыхъ ссылокъ автора проекта (на примѣръ Оксфорда и Кембриджа), можно заключать, что онъ имѣлъ въ виду именно эти учрежденія, къ которымъ, какъ равно и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ на Западѣ, нерѣдко примѣнялись названія „академій" [1]). Съ другой стороны объ этомъ свидѣтельствуетъ кругъ преподаванія „свободныхъ наукъ" и искусствъ и учрежденіе при нихъ типографій и библіотекъ [2]).

Помѣщеніе академій въ монастыряхъ, помимо соблюденія интересовъ казны, сближало ихъ съ англійскими коллегіями, а количество студентовъ въ этихъ послѣднихъ не осталось, конечно, безъ вліянія на слишкомъ радужныя надежды автора относительно распространенія просвѣщенія въ Россіи [3]). Соединеніе же средней и высшей школы въ одномъ учрежденіи могло повидимому облечить осуществленіе самаго плана, какъ и поступилъ потомъ Петръ В. въ регламентѣ Академіи Наукъ.

Петру В. должны были понравиться предложенія автора о привлеченіи къ столь важному дѣлу, какъ образованіе, монастырскихъ средствъ, какъ онъ привлекалъ ихъ и на другія надобности страны [4]), и весьма вѣроятно, что въ связи съ предложеніями Салтыкова находятся извѣстные указы Петра В. отъ 20 и 28 февр. 1714 г., объ учрежденіи при знатныхъ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ школъ

---

[1]) А. А. Матвѣевъ въ 1705 г. въ своемъ журналѣ писалъ: „Всей Франціи высокихъ фамилій дѣти, отъ самыхъ юностныхъ ногтей, имѣютъ воспитаніе весьма изрядное, поученіе въ разныхъ языкахъ и во всѣхъ свободныхъ наукахъ, особливо же въ математикѣ, географіи, геометріи, ариѳметикѣ, въ воинскихъ обученіяхъ и конной ѣздѣ, на что имѣютъ учрежденныя въ Парижѣ *великія академіи*, и потомъ въ танцахъ, и пѣніи и разныхъ наукахъ" (см. „Нов. матер. Петра В.", нашъ очеркъ, 16—17).

[2]) Заботы о библіотекахъ составляли выдающуюся черту въ реформѣ Петра (см. „Опытъ рус. историогр.", II, 1075—86). При царской аптекѣ находилась прекрасная библ. на разныхъ языкахъ („Записки Юля", Р. Арх. 1892, № 7, с. 320—321).

[3]) „Исторія англ. университетовъ", В. Игнатовича (Ж. Мин. Нар. Просв. 1861, ч. CXI, стр. 152, 157, 173, 178, 181, 213—220).

[4]) Въ это время за монастырями считалось болѣе 100000 крест. дворовъ (Горчаковъ, „Монаст. приказъ", 144).

для обученія дворянскихъ и приказныхъ дѣтей 10—15 лѣтъ цыфири и геометріи и о запрещеніи жениться безъ экзаменаціоннаго свидѣтельства [1]). Петръ отмѣтилъ также крестомъ въ кружкѣ то мѣсто, гдѣ авторъ совѣтуетъ вмѣсто часовниковъ и псалтирей перевесть для обученія „исторіи универсальныя и партикулярныя“ [2]). Этой потребности должна была удовлетворить переводная дѣятельность по разнымъ наукамъ, которая, какъ мы видѣли, такъ широко была поставлена при Петрѣ Вел.

Конечно, средства страны и состояніе элементарнаго обученія не позволяли осуществить проектъ Салтыкова въ широкихъ размѣрахъ (припомнимъ здѣсь и ту „грубую толщу“, о которой въ свое время говорилъ Сперанскій и которая давала себя постоянно чувствовать, при всѣхъ благихъ реформахъ—Петра В., Екатерины II, Александра I и д), а что вопросъ о болѣе широкой постановкѣ свѣтскаго образованія занималъ въ то время многихъ, это видно изъ другаго проекта, 1715 г. Въ этомъ послѣднемъ снова рекомендуется учрежденіе *академій*, въ которыхъ юноши не только разнымъ языкамъ и экзерциціямъ, но и всѣмъ прочимъ ученіямъ, какъ фортификаціи, архитектурѣ, навигаціи и тѣмъ подобнымъ ученіямъ выучиться могли бы. Въ такихъ академіяхъ, по указанію означеннаго проекта, обученіе будетъ стоить дешевле, надзора будетъ больше и легче будетъ каждаго понятность и склоненіе испытывать, чѣмъ въ чужихъ земляхъ, а самыя поѣздки за границу „по достигшей понятности изъ академіи“ сдѣлаются гораздо полезнѣе, такъ какъ будутъ предприниматься только *для совершеннаго обученія*“[3]). Нельзя не видѣть въ этомъ проектѣ близости къ предложеніямъ Салтыкова. А нѣсколько позже извѣстный прибыльщикъ Курбатовъ (ок. 1721 г.) снова рекомендуетъ устроить въ Петербургѣ и Москвѣ „академіи свободныя разныхъ наукъ на разныхъ діалектахъ какъ церковныхъ, гражданскихъ, такъ и военныхъ наукъ“, предлагая обезпечить ихъ припиской конфискованныхъ вотчинъ; кромѣ того, онъ совѣтуетъ „учинить школы въ епархіяхъ при домахъ архіерейскихъ *и въ знатныхъ монастыряхъ*—для приготовленія духовенства, а для прочихъ сословій школы въ губерніяхъ“ [4]).

---

[1]) П. Собр. Зак., №№ 2762 и 2778.

[2]) Милюковъ, 541—542.

[3]) Пекарскій, „Ист. Ак. Наукъ“, I, xxiii—xxiv; Милюковъ, 572—573.

[4]) Милюковъ, 542—543, примѣч.

Но съ „грубою толщею" трудно было имѣть дѣло даже Петру В., при всей его энергіи и крайне жестокихъ мѣрахъ. Молодые люди, назначенные въ ученіе, за границею убѣгали въ иностранную службу или на Аѳонъ, гдѣ постригались въ монахи, а изъ Россіи скрывались за границу [1]). Правда, начальныя городскія училища, находившіяся въ вѣдѣніи „Городовой канцеляріи", вопреки утвержденію нѣкоторыхъ, продолжали существовать и долго спустя послѣ Петра В. [2]). Однако, постепенно, самому же Петру пришлось освободить отъ обязательнаго обученія въ школахъ сначала дѣтей дворянскихъ, потомъ купеческихъ, а наконецъ и духовенства, и обязательность обученія осталась только для дѣтей приказныхъ, которыхъ учили съ цѣлью приготовленія къ службѣ [3]).

Тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія проектъ Салтыкова, что авторъ коснулся въ немъ и женскихъ училищъ [4]). Онъ посвящаетъ этому предмету отдѣльный „аддитаментъ" (присовокупленіе). „Надобно-жъ, говоритъ онъ, во всѣхъ губерніяхъ учинить *женскія школы* и на то обратить *женскіе монастыри*, а изъ тѣхъ монастырей вывесть старицъ; но если въ которыхъ губерніяхъ нѣтъ богатыхъ женскихъ монастырей, и на то очистить мужскіе монастыри, на содержаніе, питалище и жилище и на содержаніе мастеровъ. И велѣть, подъ штрафомъ на отцахъ, чтобъ водили въ тѣ школы дочерей своихъ отъ 6 лѣтъ, и быть имъ тамъ до 15 лѣтъ [5]), и велѣть ихъ учить *женскимъ наукамъ*: 1) для домоводства—читать, писать, цыфири; 2) для изящества—въ языкахъ французскаго и нѣмецкаго; 3) для забавы—пиктуры, миніатуры и перспективы; 4) для забавы же своей и *въ компаніи* веселаго обхожденія: музыкѣ инструментальной и вокальной, сирѣчь на всякихъ инструментахъ и воспѣвать; танцовать [6]). *Чтобъ и женской нашъ*

---

[1]) См. выше, статьи А. Рачинскаго и Д. Струкова. О существованіи въ Москвѣ и Петербургѣ нѣсколькихъ иноязычныхъ школъ съ средне-учебнымъ характеромъ, постепенно закрывшихся—Гр. Д. А. Толстой: „Взглядъ на учеб. часть въ Россіи въ XVIII стол.," стр. 1.

[2]) См замѣтку Н. И. Барсова, на основаніи „Опис. дѣлъ Синод. архива" (Ист. Вѣст. 1891, № 11, стр. 410—411).

[3]) См. у Толстого, стр. 2—4; также въ Чт. М. Общ. ист. „Калужская лѣтопись", 1877, II, 112.

[4]) На необходимость ихъ указывалъ уже Крижаничъ.

[5]) Въ Сенъ-Сирѣ дѣвочки принимались съ 7 лѣтъ и оставались въ заведеніи до 20 лѣтъ (Лихачева, 84—85).

[6]) Какое значеніе въ XVIII стол. придавали обученію танцамъ, какъ имѣвшимъ цѣлью „пріучить молодыхъ людей къ обществу", „къ пристойному обхожденію", и „людскости".

народъ уровнялся съ европскими государствами равно". При этомъ авторъ считалъ необходимымъ остановиться и на воспитательной части: „А въ тѣ монастыри, говоритъ онъ, отнюдь мужескаго пола не пускать, даже свойственниковъ, *кромѣ матерей*, и учредить въ тѣхъ училищахъ *надзирательницъ*; а если которая ученица похочетъ ѣхать къ отцу и къ свойственникамъ на время, для свиданія, то ихъ отпускать свободно. И какъ онѣ будутъ *всегда вмѣстѣ*, то будутъ *гораздо умнѣе и обходительнѣе, нежели какъ онѣ у отцовъ своихъ живутъ въ домѣ до замужства, не знавъ обхожденія людскаго и разговоровъ*". Любопытенъ еще пунктъ, касающійся количества и размѣровъ этихъ училищъ. „Во всѣхъ губерніяхъ, читаемъ въ проектѣ, сдѣлать *по два* женскихъ училища, а въ тѣхъ училищахъ быть по 500 дѣвицъ въ каждомъ и того будетъ во всѣхъ губерніяхъ 9000 ученицъ".

Такимъ образомъ, Салтыковъ своимъ проектомъ предупредилъ на 50 лѣтъ основаніе Смольнаго института Екатериною II, на тѣхъ же началахъ и основаніяхъ интерната, съ тою однако разницею, что программа его соотвѣтствуетъ лишь первому возрасту училища для малолѣтнихъ благородныхъ дѣвицъ, но при этомъ въ обоихъ случаяхъ замѣчается одинаковое отношеніе къ языкамъ и искусствамъ[1]). Какъ извѣстно, Екатерина II, при учрежденіи Смольнаго института, главнымъ образомъ, имѣла въ виду порядки Сенъ-Сира, хотя во многомъ и отступила отъ нихъ въ своемъ уставѣ[2]). Что же касается общаго преподаванія, то и во Франціи требованія въ этомъ отношеніи въ сочиненіяхъ, оказавшихъ вліяніе на устройство женскаго средне-учебнаго заведенія (аббатовъ Флери и Фенелона), не шли далѣе элементарныхъ знаній, необходимыхъ для домашняго обихода[3]). Съ другой стороны, программа г-жи Мэнтенонъ (учред. Сенъ-Сира) была шире своей формулы, а программа воспитательнаго общества Екатерины II въ дѣйствительности не выполнялась и на половину[4]). Замѣтимъ еще, что Матвѣевъ, въ

можно видѣть изъ отзывовъ акад. Фишера и Державина, касающихся студентовъ и учениковъ гимназій (Сухомлиновъ, „Ист. Рос. академіи", II, „Сборн. Ак. Наукъ", т. XIV, стр. 33; Соч. Державина, т. VI, 420).

[1]) Лихачева, 109--110.

[2]) Ibid., 99—100, 133, 144—145.

[3]) Ibid., 77—80, 87—88, 91—93.

[4]) Ibid., 145. О Смольномъ инст. въ соч. гр. Д. А. Толстого: „Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII стол. до 1782 г.", Спб. 1883, стр. 48—56.

свою бытность въ Парижѣ (1705), обратилъ уже вниманіе на широкое распространеніе музыкальнаго образованія среди французскихъ женщинъ того времени [1]).

Эта забота о просвѣщеніи лучшихъ людей эпохи Петра В., въ самомъ широкомъ смыслѣ, съ каждымъ новымъ явленіемъ въ области изслѣдованій по исторіи послѣдней, все рѣзче обрисовываетъ передъ нами преобладающій культурный характеръ его реформы; а съ этой точки зрѣнія проектъ Салтыкова несомнѣнно занимаетъ выдающееся мѣсто среди другихъ проектовъ того времени. И если вскорѣ послѣ смерти Петра подобныя стремленія должны были надолго заглохнуть, то, слѣдуетъ признать, что ближайшее поколѣніе людей, вышедшихъ изъ школы Петра, какъ Татищевъ, Неплюевъ, Ломоносовъ и др., умѣли уже цѣнить все значеніе его образовательной дѣятельности. Въ позднѣйшее время эта послѣдняя могла быть заслонена другими, болѣе широкими преобразованіями и вызывала не разъ ожесточенную полемику, которая не задумывалась ставить въ зависимость отъ нея вопросъ о сомобытности Россіи, но люди ближайшаго поколѣнія, чуждые ретроспективной критики, иначе смотрѣли на дѣятельность Петра В. въ этомъ отношеніи. Такъ, извѣстный публицистъ времени Екатерины II и историкъ Россіи—кн. Щербатовъ, воспитанный на Юмѣ, проникнутый строго-аристократическими воззрѣніями, далеко не безусловный поклонникъ реформъ Петра и, напротивъ, весьма благосклонно относящійся ко многимъ сторонамъ стариннаго русскаго быта, въ своемъ разсужденіи: „*Примѣрное времяисчислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ, при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, могла бы Россія, сама собою, безъ самовластія Петра В., дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть, въ разсужденіи просвѣщенія и славы*“, утверждаетъ, что Россія пришла бы въ такое состояніе, еще бы и не прославивъ себя, развѣ *около 1892 г.*, да и то считая, что въ теченіе сего великаго времени не было бы никакого помѣшательства, ни внутренняго, ни внѣшняго. А кто, говоритъ онъ, возможетъ поручиться, чтобъ въ сіе время не было бы такихъ въ ней государей,

---

[1]) „А особливо женскій полъ высокородныхъ фамилій—изрядствомъ голосовъ и игрою музыкъ на всякихъ разныхъ инструментахъ и открытостью любительныхъ своихъ и добронравныхъ поступокъ, особливо же къ иностраннымъ, превосходитъ всѣ европейскіе народы“ („Новые матеріалы“, стр. 17).

которые неблагоразумно принятыми мѣрами разрушили бы то, что два или три предка ихъ заводили и поступкомъ бы симъ продлили еще время ея просвѣщенія? Кто мнѣ поручится, чтобъ въ сіе время царствующіе государи, во Швеціи Карлъ XII и въ Пруссіи Фридрихъ II, знатныя части оной себѣ не покорили? То бы когда исполнилось сіе просвѣщеніе и гдѣ бъ была нынѣ пріобрѣтенная слава"? На этомъ основаніи Щербатовъ требуетъ полной дани уваженія къ Петру В., прибавляя, что и хотя много послѣ смерти его дѣлъ повреждали, но учиненное имъ основаніе, и слабости, и зависти, и тщетному самолюбію, и развратности воспротивляется, и что сей Монархъ, въ гробницу заключенный, еще побѣждаетъ своихъ враговъ и прославляетъ Россію" [1]).

Въ заключеніе сдѣлаемъ замѣчаніе о судьбѣ автора „Пропозицій". Петръ В., выражалъ ему неоднократно благодарность за исполненіе своихъ порученій, но корабли, пріобрѣтенные въ Англіи, оказались большею частію слабыми на ходу. Было сдѣлано уже распоряженіе (16 авг. 1715 г.) объ арестѣ Салтыкова и доставленіи его въ Петербургъ, а затѣмъ и о наложеніи запрещенія (4 сент.) на его имущество, но незадолго до того онъ (2 авг. 1715 г.) умеръ въ Англіи [2]). Издатель „Пропозицій" полагаетъ, что здѣсь могла имѣть мѣсто придворная интрига, по поводу нѣкоторыхъ мнѣній, высказанныхъ авторомъ проекта. Но едвали это такъ. Намъ кажется, что негодованіе Петра стоитъ въ связи съ крупными злоупотребленіями, обнаруженными въ то время, по поставкамъ и подрядамъ, въ которыхъ замѣшаны были многія лица, завѣдывавшія разными частями управленія, а также банкирская фирма Осипа Соловьева въ Амстердамѣ, черезъ кото-

[1]) Чтенія въ Обществѣ ист. и древ. Рос., 1860, I, 23—28.

Взглядъ Щербатова подкрѣпляется *собственноручной* запиской Екатерины II объ ошибкахъ въ государственномъ управленіи послѣ кончины Петра Вел. (Рус. Стар. 1880 т. XXIX, стр. 1047), отличающейся болѣе правдивымъ характеромъ, чѣмъ случайный отзывъ, высказанный ею въ старости и противорѣчащій ея же собственнымъ мнѣніямъ („Записки Грибовскаго", стр. 94; ср. стр. 42). И въ этотъ періодъ она не разъ обращается къ имени Петра, чтобы подкрѣпить собственныя дѣла (Рус. Стар. 1892, № 3, с. 546; Сборн. Рус. Ист. общ., I, 201). Тамъ же см. и отзывъ А. С. Пушкина (Р. Стар., XXIX, 1043—47).

[2]) Указъ объ его арестѣ отданъ въ тотъ же день, какъ Петръ В. дѣлалъ смотръ флоту подъ Ревелемъ, а въ письмѣ послѣдняго прямо сказано: „многія деньги бралъ себѣ подъ лицомъ той покупки (кораблей)"; въ письмѣ же отъ 14 марта 1715 г. Петръ выражалъ ему неудовольствіе за то, „что Робинсонъ оныхъ кораблей не отпускаетъ, пока долги его не заплачены будутъ, и пр." (см. предисл., стр. VIII).

рую совершались уплаты и по заказамъ Салтыкова [1]). Дѣла эти, тянувшіяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1714—17 гг.), сопровождались большими начетами, пытками и казнями [2]). Въ такое время Петръ В. не имѣлъ расположенія щадить виновныхъ и потому отнесся не менѣе строго и къ винѣ Салтыкова, хотя, быть можетъ, онъ и не былъ причастенъ къ этимъ злоупотребленіямъ.

В. Иконниковъ.

---

[1]) Соловьевъ, XVI, сс. 254—266; „Новые матер. для ист. цар. Петра В.", 58—61.

[2]) Неудовольствіе противъ Ос. Соловьева впервые обнаружилось въ 1713 г. (Соловьевъ, XVI, стр. 254), а изъ одного указанія видно, что Салтыковъ уже 27 іюня 1715 г. вызывался въ Россію (Берхъ, I, 317). Между тѣмъ изъ записки кн. Б. И. Куракина можно заключать, какъ строго относился Петръ къ заказамъ и счетамъ по нимъ. Такъ, требовались счеты отъ англ. купца Стельса по продажѣ русскихъ товаровъ, отъ Ник. Головина требовался отчетъ въ издержкѣ 13000 еф. и Куракину поручалось „счесть его и о томъ писать, по какому указу онъ тѣ всѣ вещи закупалъ, и по счету то все на немъ доправить" (Архивъ, III, стр. 11, 13). Обширная переписка Петра съ Салтыковымъ за время пребыванія послѣдняго за границею напеч. Берхомъ въ 1829 г. (тт. I и II).

Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова.*

„ДЕМОНЪ".**

Уже почти съ первыхъ моментовъ творчества Лермонтова поэзія его стала провозвѣстницею одной изъ самыхъ серьезныхъ міровыхъ темъ и затѣмъ удерживала такое направленіе до конца: въ общемъ содержаніи своемъ она можетъ быть названа глубоко скорбнымъ сѣтованіемъ о ничтожествѣ человѣка и его существованія, о бѣдствіяхъ, наполняющихъ это существованіе рядомъ съ немногими свѣтлыми моментами его, о ничтожествѣ большей части благъ, которыми тѣшится человѣкъ, и о дисгармоніи жизни человѣка вслѣдствіе сочетанія въ немъ противорѣчій; вмѣстѣ съ тѣмъ поэзія Лермонтова была могучимъ порывомъ найти высшіе устои жизни, опираясь на которые можно возноситься надъ пошлостію и пустотою обычнаго существованія. То была поэзія „печальныхъ думъ", стремленія „къ чему-то тайному,

Къ тому, что обѣщалъ намъ Богъ,
И что бъ уразумѣть я могъ
Черезъ мышленія и годы,

говорилъ поэтъ[1].

Такой характеръ поэзіи Лермонтова сложился подъ вліяніемъ природныхъ задатковъ души поэта, условій, въ которыхъ протекло его дѣтство; подъ вліяніемъ полученнаго имъ воспитанія, и, наконецъ, тѣхъ писателей, которыми онъ увлекался при началѣ своей поэтической дѣятельности.

---

* См. VI-ю книгу „Чтеній".

** Остальные этюды о Лермонтовѣ предназначены нами къ помѣщенію въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ" 1893 г. *Авторъ.*

[1] I, 78.

Въ „пылкой душѣ“ Лермонтова рано замѣчается развитіе усиленной чувствительности [2], впечатлительности и воспріимчивости къ красотамъ природы [3]. Имѣя лишь 10 лѣтъ отъ роду, онъ навсегда полюбилъ горы Кавказа [4] Тогда же онъ извѣдалъ — „такъ рано!“ — первую любовь [5], напоминая въ этомъ отношеніи Данте, если только справедливо то, что послѣдній разсказываетъ о своей любви къ Беатриче. Воспоминаніе объ этой первой любви долго не умирало въ мечтѣ юноши [6], и съ того времени чувство любви въ той или иной формѣ не переставало господствовать въ душѣ Лермонтова [7], при чемъ онъ могъ наблюдать въ себѣ самомъ непостоянство и потому впадать въ скеп-

---

[2] „Когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ... Ее пѣвала мнѣ покойная мать“. I, 113—114.

[3] „1830. Я помню одинъ сонъ, когда я былъ еще 8-ми лѣтъ. Онъ сильно подѣйствовалъ на мою душу. Въ тѣ же лѣта я одинъ разъ ѣхалъ въ грозу куда-то, и помню облако, которое—небольшое, какъ бы оторванный черный клочокъ чернаго плаща—быстро неслось по небу: это такъ живо передо мною, какъ будто вижу. Когда я еще малъ былъ, я любилъ смотрѣть на луну, на разновидныя облака, которыя въ видѣ рыцарей съ шлемами тѣснились будто вокругъ нея; будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства“. I, 114. Упоминанія о томъ, какъ поэту нравился свѣтъ луны, имѣются и въ стихотвореніяхъ Лермонтова: напр., I, 32 и 61; въ послѣднемъ стихотвореніи луна названа „царицею лучшихъ думъ пѣвца“. Указаніе на Армиду явилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ начавшаго выходить въ 1828 г. перевода поэмы Тассо; переводъ этотъ принадлежалъ Раичу, одному изъ наставниковъ университетскаго пансіона.

[4] I, 70: „Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю объ васъ, да о небѣ“. См., далѣе, I, 75.

[5] „1830 г., 8 іюля, ночь. Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду? Мы были большимъ семействомъ на водахъ Кавказскихъ“ и т. д I, 110—111.—Руссо влюбился впервые, когда ему было 12 лѣтъ.

[6] См., напр., I, 75:

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ—
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ!

Ср. VI, 28.

[7] Это обусловливалось отчасти тѣмъ, что „первое общество, въ которое попалъ Мишель, было преимущественно женское, и оно непремѣнно должно было имѣть вліяніе на его впечатлительную натуру:“ *Р. Обозрѣніе* 1890, № 8, стр. 728.—Лермонтовъ „во второй разъ любилъ 12 лѣтъ въ ефремовской деревнѣ въ 1827 году,—и по нынѣ люблю“, при-

тицизмъ относительно любви [8]. Бурныя чувствованія, подлежавшія удержу, и слышанные мальчикомъ фантастическіе разсказы развивали въ немъ, далѣе, мечтательность и вдумчивость.

Ту же раннюю вдумчивость начали вырабатывать въ юношѣ и другія обстоятельства его жизни въ связи съ его воспитаніемъ.

Это воспитаніе, повергавшее мальчика въ избалованность [9], развивавшее въ немъ характеръ гордый, своевольный и властный, чрезмѣрное самолюбіе и инстинкты необузданности [10], вмѣстѣ съ тѣмъ не разъ наталкивало его на ограниченія, какія должна претерпѣвать личная воля въ столкновеніи съ посторонними условіями, и заставило его рано извѣдать горе изъ-за разлада въ родной семьѣ: много огорченія должна была приносить Лермонтову разлука съ отцомъ, котораго Михаилъ Юрьевичъ горячо любилъ, но который не могъ взять къ себѣ своего сына отъ знатной и богатой бабушки послѣдняго. Должны были оскорблять мальчика и предразсудки касательно бѣдности и незнатности рода, во имя которыхъ бабушка пренебрежительно от-

---

бавилъ поэтъ въ 1829 г. (I, 31). Въ 1830 г. Лермонтовъ писалъ (I, 114): „(Мнѣ 19 лѣтъ). Я однажды (3 года назадъ) укралъ у одной дѣвушки, которой было 17 лѣтъ, и потому безнадежно любимой мною, бисерный снурокъ... Какъ я былъ глупъ“... и далѣе (I, 117):

. . . три раза я любилъ,
Любилъ три раза безнадежно.

Разъясненіе см. VI, 91 и слѣд.

[8] См., напр.. I, 85:

Въ старинны годы люди были
Совсѣмъ не то, что въ наши дни;
[*Коль въ мірѣ есть любовь*] любили
Чистосердечнѣе они.

Такое обвиненіе своего времени въ оскудѣніи любви нерѣдко въ поэзіи; такъ, напр., Франц. поэтъ XVI в. Клеманъ Маро высказалъ то же обвиненіе.

[9] По словамъ А. Шанъ-Гирея, бабушка, воспитывавшая Михаила Юрьевича, „любила безъ памяти“ своего внука. Послѣдній „въ жизни не зналъ никакихъ лишеній, ни неудачъ: бабушка въ немъ души не чаяла и никогда ни въ чемъ ему не отказывала; родные и короткіе знакомые носили его, такъ сказать, на рукахъ“. Русское Обозрѣніе 1890, № 8, стр. 725 и 728. *Записки Екатерины Александровны Хвостовой, рожденной Сушковой*, изд. второе, Спб. 1870, стр. 80: „Въ чужѣ отрадно было видѣть, какъ старушка Арсеньева боготворила внука своего Лермонтова.... она жила имъ однимъ и для исполненія его прихотей; не нахвалится бывало имъ, не налюбуется на него“.

[10] Нѣкоторые (напр., VI, 20—21) готовы примѣнять къ самому Лермонтову то, что послѣдній говоритъ о Сашѣ (V, 368): „горничныя дѣвушки разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противуобщественными“.

носилась къ отцу поэта [11]. Бросалась, наконецъ, въ глаза впечатлительному мальчику тираннія крѣпостнаго права, внушавшая ему отвращеніе, не разъ проглядывающее въ его раннихъ произведеніяхъ. Лермонтову пришлось, такимъ образомъ, съ дѣтства столкнуться съ весьма серьезнымъ и важнымъ вопросомъ человѣческаго общежитія: о личности въ отношеніи къ обществу, съ которымъ она расходится. Впечатлительный мальчикъ рано пережилъ весьма много и, дѣйствительно, могъ испытать немало разочарованія. Онъ „столько любилъ и потерялъ“ [12].

И этотъ ранній опытъ долженъ былъ отразиться въ поэзіи Лермонтова извѣстными предрасположеніями, лишь только юноша „началъ марать стихи въ 1828 г.“, что̀ произошло съ поступленіемъ его въ Московскій благородный университетскій пансіонъ [13].

Въ дѣтствѣ будущій поэтъ почти „ничего не читалъ“ [14], но съ 1827 г. онъ началъ увлекаться литературою и быстро подпалъ ея вліянію. Въ 1828 году, разсказываетъ А. Шанъ-Гирей [15], „я въ первый разъ увидѣлъ русскіе стихи у Мишеля: Ломоносова, Державина, Дмитріева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковскаго, Козлова и Пушкина; тогда же Мишель прочелъ мнѣ своего сочиненія стансы къ ***. Вскорѣ была написана первая (sic) поэма *Индіанка* и началъ издаваться рукописный журналъ Утренняя заря, на манеръ Наблюдателя или Телеграфа, какъ слѣдуетъ съ стихотвореніями и изящною словесностію“.

---

[11] См. VI, 62 и слѣд. Что Лермонтовъ любилъ отца и глубоко скорбѣлъ по поводу его кончины, хотя съ виду казался равнодушнымъ, свидѣтельствуетъ „Эпитафія“, написанная въ 1830 г. (I, 73—74). См. еще V, 375. Горесть объ утратѣ матери также долго не умирала въ душѣ поэта (I, 75).

[12] I, 80.

[13] I, 75: „1830. Замѣчаніе. Когда я началъ марать стихи въ 1828 г., „въ пансіонѣ“ (зачеркнуто)...—Въ болѣе раннее время своего житья въ деревнѣ Лермонтовъ выказывалъ „способности къ искусствамъ; проявленія же поэтическаго таланта въ немъ вовсе не было замѣтно въ то время; всѣ сочиненія по заказу Capet онъ писалъ прозой, и нисколько не лучше своихъ товарищей“. Р. Обозр. 1890, № 8, стр. 726.

[14] I, 114.

[15] Русское Обозрѣніе 1890, № 8, стр. 727.

Свидѣтельство это въ связи съ первыми литературными опытами поэта интересно для насъ, показывая, что Лермонтовъ, читавшій прежде всего французскихъ поэтовъ [16], началъ увлекаться писателями родной литературы. Вскорѣ однако Лермонтовъ призналъ родную литературу бѣдною по содержанію, и въ ней лишь Пушкинъ, преимущественное вліяніе котораго замѣчается въ тетрадяхъ 1829 года, да народная словесность казались ему заслуживающими вниманія [17].

Въ особенности произвели впечатлѣніе на Лермонтова иностранные поэты, съ которыми онъ ознакомился вначалѣ благодаря своимъ гувернерамъ, а затѣмъ и по собственному влеченію. Литературное образованіе Лермонтова вовсе не можетъ быть названо безпорядочнымъ. Изъ нѣмецкой литературы мощное воздѣйствіе на направленіе юнаго поэта оказали произведенія, порожденныя движеніемъ такъ называем. „бурныхъ стремленій“ и непосредственно слѣдовавшимъ творчествомъ классическаго періода, преимущественно поэзія Шиллера. Изъ англійской литературы Лермонтовъ читалъ самыхъ популярныхъ изъ писателей начала настоящаго вѣка, Байрона, Мура и Вальтеръ-Скотта [18]. Сверхъ того, и театральныя представленія пьесъ Шиллера и Шекспира [19] не оставались, вѣроятно, безъ вліянія на литературное образованіе и литературныя симпатіи Лермонтова.

---

[16] VI, 43—44.

[17] Въ 1830 г. Лермонтовъ писалъ: „наша литература такъ бѣдна, что я изъ нее ничего не могу заимствовать.. если захочу вдаться въ поэзію народную, то вѣрно нигдѣ больше не буду ея искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ“. I, 114. Ср. тамъ-же замѣчанія Лермонтова о томъ, что въ русскихъ народныхъ сказкахъ „вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“. Въ воспоминаніяхъ Сушковой (Записки, 81) подъ 1830 г. читаемъ о Лермонтовѣ: „декламировалъ намъ Пушкина, Ламартина и былъ неразлученъ съ огромнымъ Байрономъ“.

[18] Въ 1829 г, по воспоминаніямъ Шанъ-Гирея (Р. Обозр 1890, № 8, стр. 728), Лермонтовъ, подъ руководствомъ англичанина Mr. Winson-a, „началъ учиться англійскому языку по Байрону и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ свободно понимать его; читалъ Мура и поэтическія произведенія Вальтеръ-Скотта (кромѣ этихъ трехъ, другихъ поэтовъ Англіи я у него никогда не видалъ.... Изученіе англійскаго языка замѣчательно тѣмъ, что съ этого времени онъ началъ передразнивать Байрона“.

[19] Въ Москвѣ въ то время, когда тамъ учился Лермонтовъ, на сценѣ часто ставились „Разбойники“, „Коварство и Любовь“ Шиллера и „Отелло.“ Библ. для чт. 1859, т. CLVIII, „Бѣлинскій и Московскій университетъ въ его время (изъ студенческихъ воспоминаній).“ *К. Прозорова*, стр. 8

Преобладающее вліяніе на Лермонтова въ самый ранній періодъ его поэтической дѣятельности оказалъ несомнѣнно Байронъ, съ огромнымъ томомъ произведеній котораго Лермонтовъ нѣкоторое время былъ неразлученъ, но уже и тогда литературное образованіе нашего поэта не ограничивалось узкимъ кругомъ немногихъ произведеній, и въ поэзіи Лермонтова сливалось воздѣйствіе цѣлаго ряда корифеевъ новѣйшей западноевропейской литературы. У поэтовъ, произведенія которыхъ читалъ, Лермонтовъ останавливалъ свое вниманіе преимущественно на томъ, что̀ подходило къ его личному настроенію, и онъ не только повторялъ ихъ образы и мысли, но даже выраженія[20]. Соглашая мотивы любимыхъ родныхъ и иностранныхъ поэтовъ со своими чувствами и съ лично пережитымъ, Лермонтовъ вскорѣ началъ достигать бо̀льшей или меньшей оригинальности въ своей поэзіи, потому что постоянно вносилъ въ нее часть своей души, собственныя думы и душевныя движенія. Несомнѣнно, что основное настроеніе и самыхъ раннихъ стихотвореній Лермонтова, впервые обнародованныхъ нескоро послѣ смерти поэта, большею частію лишь въ послѣдніе годы, не было напускное. Иные скажутъ, какъ Шанъ-Гирей, что „скептицизмъ, мрачность и безнадежность“, характеризующіе большую часть произведеній Лермонтова съ 1829 г. по 1833 г., „въ дѣйствительности были далеки отъ него. Онъ былъ характера скорѣе веселаго, любилъ общество, особенно женское, въ которомъ почти выросъ и которому нравился живостью своего остроумія и склонностію къ эпиграммѣ; часто посѣщалъ театръ, балы, маскарады; въ жизни не зналъ никакихъ лишеній, ни неудачъ.... особенно чувствительныхъ утратъ онъ не терпѣлъ; откуда же такая мрачность, такая безнадежность? Не была ли это скорѣе драпировка, чтобы казаться интереснѣе, такъ какъ байронизмъ и разочарованіе были въ то время въ сильномъ ходу, или маска, чтобы морочить обворожительныхъ московскихъ львицъ?“[21] Но, прежде чѣмъ

---

[20] Лермонтовъ, избиравшій „плѣнниковъ“, „корсаровъ“, „узниковъ“ въ герои первыхъ своихъ произведеній, выразился о своихъ первыхъ упражненіяхъ: „я какъ бы по инстинкту переписывалъ и прибиралъ ихъ“. I, 75.

[21] Р. Обозр. 1890, № 8, стр. 728. То же говоритъ г. К(лючевскій)—см. статью его „Грусть“ въ „Русской Мысли“ 1891 г., № 7.

взводить такое обвиненіе, не слѣдуетъ ли отнестись довѣрчивѣе и внимательнѣе къ тому, что говоритъ поэтъ:

. . . отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьи нѣтъ.
Молю о счастіи бывало . . .
Дождался наконецъ—
И тягостно мнѣ счастье стало,
Какъ для царя вѣнецъ!
И всѣ мечты отвергнувъ, снова
Остался я одинъ,
Какъ замка мрачнаго, пустаго
Ничтожный властелинъ.

Понятно, что при такомъ душевномъ состояніи

. . . черныхъ думъ не унесутъ
Ни радость дружескихъ минутъ,
Ни страстный пламень поцѣлуя [22].

Надо имѣть въ виду далѣе скрытность характера Лермонтова, прикрывавшаго веселостью самое грустное настроеніе [23].

Вопросъ долженъ, слѣдовательно, ставиться лишь о томъ, возможно ли было дѣйствительно въ *душѣ* юнаго поэта то мрачное настроеніе, которое не разъ выражается въ его поэзіи, какъ искренній вопль наболѣвшаго сердца?

Намъ кажется, что на этотъ вопросъ должно дать отвѣтъ положительный, если принять во вниманіе всѣ имѣющіяся передъ нами данныя для возстановленія психической жизни Лермонтова до оставленія имъ Московскаго университета. Мы видѣли, что обстоятельства жизни юнаго поэта должны были представлять ему жизнь далеко не въ одномъ розовомъ цвѣтѣ. Лермонтову пришлось испытать страшное нравственное потрясеніе вслѣдствіе тяжелой семейной драмы, разыгравшейся между его отцомъ и бабушкой, и, вѣроятно, слѣдуетъ вмѣстѣ съ г. Висковатовымъ усматривать признаніе самого Лермонтова въ словахъ одного изъ его драматическихъ

---

[22] I, 66 и 78.
[23] Ср. VI, 71.

героевъ, Юрія: „Помнишь ли ты Юрія, когда онъ былъ счастливъ, когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшимъ разговоромъ для меня было размышленіе о людяхъ. Помнишь ли, какъ нетерпѣливо старался я узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ природу, какъ твореніе человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ? Сонъ этотъ миновался, потому что я слишкомъ хорошо узналъ людей....“ Довелось Лермонтову разочаровываться и въ дружбѣ, которой поэтъ такъ жаждалъ съ поступленія въ Московскій университетскій пансіонъ, не находя отрады въ домашнемъ кругу [24].

Въ отношеніи къ мрачному взгляду на міръ весьма важно было то, что, уже „кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ“, нашъ поэтъ зналъ печальное раздвоеніе въ самомъ себѣ. Съ одной стороны, „высокимъ сердце билось, въ душѣ горѣли лучи небеснаго огня“, а съ другой Лермонтовъ видимо весьма рано началъ испытывать глубокое недовольство собою:

. . . какъ скученъ день осенній,
Такъ жизнь моя была скучна;
Такъ впечатлѣній непріятныхъ
Душа всегда была полна—
Понынѣ о годахъ развратныхъ
Не престаетъ скорбѣть она [25].

А такое раздвоеніе является однимъ изъ источниковъ міровой скорби [26].

---

[24] VI, 67—68 и 50—51.

[25] II, 334 и III, 49. Ср. I, 42:

Для меня бываетъ время:
Какъ о прошломъ вспомню я,
Сердце (Богъ тому судья)
Жметъ невѣдомое бремя!....

или I, 222 (1831):

Не обнажай минувшихъ дней:
Въ нихъ не откроешь ничего ты,
За чтобъ меня любить сильнѣй...
Тебѣ открыть мнѣ было бъ больно,
Какъ жизнь моя пуста, черна,
. . . недостоинъ я участья . . .

[26] *Auerbach*, Deutsche Abende, Stuttgart, 1867, статья: „Der Weltschmerz mit Beziehung auf Nicolaus Lenau.

Будучи недоволенъ не только другими, но и собою, поэтъ, хотя по склонности къ идеализаціи могъ увлекаться иными личностями, вообще началъ презирать людей. Въ 1830 г. онъ писалъ:

Зачѣмъ такъ рано, такъ ужасно
Я долженъ былъ узнать людей? [27]

Уже въ тѣ ранніе годы, когда въ Лермонтовѣ пылалъ „жаръ любви къ родинѣ“, какъ и въ героѣ одной задуманной имъ драмы [28], поэтомъ овладѣвало негодованіе при видѣ печальной жизни отчизны, гдѣ

. . . . . душно кажется
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ,

и онъ готовъ былъ представить, что

Настанетъ годъ, Россіи черный годъ. . . .
И пища многихъ будетъ смерть и кровь. . [29]

Да и общее созерцаніе жизни, неизбѣжныхъ въ ней утратъ и горестей увяданія, помимо всѣхъ личныхъ скорбей, повергало поэта въ глубокое раздраженіе, отравляло для него всѣ радости, дѣлало для него невозможнымъ полное и беззавѣтное увлеченіе даже любовью [30]. Уже тогда юношу одолѣвало убійственное представленіе о ничтожествѣ земнаго существованія, о томъ, что жизнь не даетъ счастья, что она—„горькій даръ“, и воображенію Лермонтова рисовались страшно мрачные образы смерти, въ виду которыхъ, говоритъ поэтъ,

. . . . изрекъ я дикія проклятья
На моего отца и мать—на всѣхъ людей, *и т. д.* [31];

земля казалась ему „гнѣздомъ разврата, безумства и печали“, а человѣкъ—„земнымъ червемъ, сыномъ праха и забвенья“ [32]. Мысль о смерти не разъ заявляетъ себя въ поэзіи юнаго Лермонтова съ

---

[27] I, 82.

[28] IV, 2 -7; ср. VI, 54 и 32.

[29] I, 21 (ср. VI, 35—36); I, 116.

[30] I, 76—77.

[31] I, 73; IV, 166; I, 79—82. Стихотворенія Лермонтова съ названіями „Ночь“ г. Висковатовъ сближаетъ съ произведеніями Байрона (см., между проч., VI, 88), но ихъ слѣдуетъ сопоставлять также съ „Ночами“ А. де-Мюссе.

[32] I, 84. Ср. въ Гэмлетѣ II, 2, 320—321: „what is this quintessence of dust?“ и т. п.

силою, почти безпримѣрною въ писателѣ столь молодомъ, какъ, напр., въ стихотвореніи „Одиночество“:

Одинъ я здѣсь, какъ царь воздушный,
Страданья въ сердцѣ стѣснены,
И вижу какъ, судьбѣ послушно,
Года уходятъ будто сны,
И вновь приходятъ съ позлащенной,
Но той же старою мечтой. . . .
И вижу гробъ уединенной—
Онъ ждетъ; что-жъ медлить надъ землей?

Повидимому въ Лермонтовѣ не разъ выникала мысль о самоубійствѣ [33].

Уже въ годы юности (1829 и слѣд.) поэтъ говорилъ о „свѣтломъ призракѣ дней минувшихъ“, „быломъ счастьи“. Въ настоящемъ уже не было „веселости прекрасной“ [34], „безпечности, дружескихъ обѣтовъ и отваги“:

Въ сердцѣ ненависть и холодъ
Водворились! [35]
Мой духъ погасъ и состарѣлся . . .
. . . я теперь, какъ нищій, сиръ;
Брожу одинъ какъ отчужденный! [36]
Какъ солнце осени суровой,
Такъ пасмурна и жизнь моя.
Среди людей скучаю я [37].

Поэтъ уже испыталъ „отчаянья порывъ“ [38], былъ „измученъ“ „тоской и холодной, и нѣмой“ [39], былъ удручаемъ „грустью“ [40].

---

[33] I, 88—89; VI, 69, 83 и 101.
[34] III, 50.
[35] I, 37.
[36] Тамъ-же.
[37] III, 50.
[38] I, 38.
[39] I, 74 и I,42.
[40] I, 78.

Его тяготили „жизни сей оковы“ [41], и онъ какъ будто радостно готовъ былъ встрѣтить смерть. Онъ писалъ: [42]

Пора уснуть послѣднимъ сномъ,
Довольно въ мірѣ пожилъ я;
Обманутъ жизнью былъ во всемъ
И ненавидя и любя.

Даже наружность Лермонтова нѣсколько выказывала его душевное настроеніе. И. А. Гончаровъ, напр., такъ обрисовалъ Лермонтова-студента въ своихъ воспоминаніяхъ: „Онъ казался мнѣ апатичнымъ, говорилъ мало и сидѣлъ всегда въ лѣнивой позѣ, полулежа, опершись на локоть“[43].

Соотвѣтственно преобладанію скорби и тоски въ настроеніи Лермонтова, онъ былъ почти съ перваго же момента своего творчества чуждъ „нѣжныхъ и веселыхъ пѣсней“, забылъ „сторону свѣтлыхъ вдохновеній“[44]. Въ лирикѣ его по преимуществу выражалось указанное меланхолическое настроеніе со всѣмъ субъективизмомъ, какому благопріятствуетъ этотъ родъ поэзіи. Въ драмѣ это настроеніе достигало нѣкотораго объективированія въ сюжетахъ мрачныхъ, иногда кровавыхъ. Наконецъ, въ эпикѣ поэтъ, душа котораго „съ дѣтскихъ лѣтъ чудеснаго искала“, какъ и „въ умѣ своемъ

. . . . создалъ міръ иной
И образовъ иныхъ существованье [45].

И съ той поры онъ не переставалъ во всю свою жизнь находить утѣшеніе въ созданіяхъ своей мечты:

Предъ мною носятся видѣнья,
Жизнь обманувшія мою,
И не рожденный для забвенья,
Я вновь черты ихъ узнаю [46].

---

[41] I, 88.

[42] I, 203; ср. I, 60.

[43] Вѣстникъ Европы 1887, № 4, „Изъ университетскихъ воспоминаній“ И. А. Гончарова, стр. 489.

[44] III, 49.

[45] I, 165.

[46] I, 73. Ср. I, 115 и IV, 117:

Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрывaючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжный.

Воображеніе поэта какъ бы двояко настраивалось согласно раздвоенію, которое онъ переживалъ и которое было причиною его мученій:

. . . . я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ . . .
. . . . . . всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ! [47]

Это свидѣтельство поэта о фантастичности и контрастахъ образовъ, наполнявшихъ его воображеніе, мы можемъ принять съ полнымъ довѣріемъ какъ въ силу того, что̀ намъ извѣстно о личномъ характерѣ Лермонтова, такъ и въ виду другихъ примѣровъ столь же пылкой поэтической фантазіи, извѣстныхъ намъ изъ исторіи поэзіи.

Итакъ, образы особыхъ существъ носились передъ воображеніемъ юнаго поэта. Конечно, эти образы не были созданы впервые его воображеніемъ: они были первоначально вычитаны Лермонтовымъ у другихъ и затѣмъ усвояемы его пылкимъ воображеніемъ, какъ болѣе или менѣе близко подходившіе къ личной душевной жизни поэта, къ раздвоенію, которое онъ испытывалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ „населялъ таинственные сны" тѣми „полными мукъ мгновеньями", которыя онъ переживалъ въ „свѣтѣ".

Въ поэзіи Лермонтова сохранился цѣлый рядъ набросковъ мрачныхъ сюжетовъ. Изъ этихъ поэтическихъ замысловъ Лермонтова вызрѣлъ преимущественно одинъ. Онъ представляетъ особый интересъ, какъ одно изъ самыхъ любимыхъ дѣтищъ поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ,

---

Очевидно, мечты были любовныя. Ср. извѣстное стихотвореніе „Первое января" (1840 г.) (I, 286—287), гдѣ, между проч., читаемъ:

Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье.

Г. Висковатовъ относитъ (VI, 28) эту мечту къ предмету первой любви Лермонтова, но это едва ли основательно.

[47] I, 165; ср. I, 56: Премудрой мыслью вникалъ
Я въ пѣсни ада, въ пѣсни рая....

какъ принадлежащій къ одной изъ самыхъ грандіозныхъ концепцій міровой литературы.

Сатана интересовалъ поэтическое творчество въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ и имѣетъ весьма длинную исторію въ литературѣ, не лишенную значительнаго интереса, если принять во вниманіе, что надъ поэтическою разработкою этого образа трудились не только народныя массы, но и такіе поэты первостепеннаго таланта, какъ Тассо, Мильтонъ, Гёте, Байронъ, не говоря о множествѣ второстепенныхъ, каковы Фондель, Лесажъ, Клопштокъ и др.

Бѣглый взглядъ на исторію сатаны въ литературѣ[48] можетъ обстоятельно разъяснить намъ, изъ какихъ элементовъ сложилась личность демона у Лермонтова, и есть ли что оригинальнаго въ этомъ образѣ у нашего поэта. Пройдемъ же спѣшно вдоль длинной поэтической галлереи образовъ демона, въ которыхъ послѣдній предстаетъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Оставивъ совсѣмъ въ сторонѣ болѣе древнія представленія о духѣ зла, мы ограничимся самыми краткими замѣчаніями о видоизмѣненіяхъ въ изображеніи его въ Европѣ новаго времени.

Въ средніе вѣка діаволъ долго былъ въ высшей степени грознымъ призракомъ, и одни, фантазія которыхъ подпадала болѣзненному страху, съ ужасомъ открещивались отъ рисовавшагося ихъ воображенію заклятаго врага Божія и противника всѣхъ стремящихся къ добру, и отъ этого тяжелаго кошмара не могли освободиться даже суровые аскеты, проводившіе всю жизнь въ подвигахъ благочестія и, казалось, вовсе не долженствовавшіе бояться врага рода человѣческаго; другіе же совсѣмъ преклонялись передъ мощью діавола и становились его почитателями. Діаволъ былъ героемъ множества легендъ, въ которыхъ являлся въ роли искусителя; между прочимъ, средневѣковая фантазія знала

---

[48] Къ сожалѣнію, г. Н. Котляревскій обошелъ эту исторію, давъ взамѣнъ ея въ своей книгѣ мало идущій къ дѣлу общій очеркъ смѣны типовъ демоническихъ мужчинъ и ангельской доброты женщинъ. Одинъ изъ лучшихъ этюдовъ по исторіи дьявола и различныхъ легендъ о немъ принадлежитъ *A. Graf*-у и озаглавленъ: Il Diavolo; мы имѣли передъ собою Terza edizione, Milano—Frat. Treves. 1890. См. еще *Roskoff*, Geschichte des Teufels, I—II Bd., Leipz., 1869; *Baissac*, Histoire de la diablerie chrétienne, I, Le diable, Paris, и *F. T. Hall*, The Pedigree of the Devil, Lond. 1883; *Ѳ. И. Буслаевъ*, Мои досуги, ч. II, М. 1886, „Бѣсъ“.

и о томъ, что діаволомъ были обольщаемы дѣвушки[49], между проч.—монахини. Былъ весьма распространенъ также мотивъ о преніи діавола съ ангеломъ за грѣшную душу [50]. Но къ концу среднихъ вѣковъ въ повѣстенкахъ потѣшнаго содержанія, каковы Fableaux, діаволъ выступилъ въ самой обыденной житейской обстановкѣ, являясь участникомъ нерѣдко глупыхъ и смѣшныхъ приключеній. Въ этихъ веселыхъ разсказцахъ въ тонѣ легкой насмѣшки выражается народное представленіе о діаволѣ, и послѣдній предстаетъ какъ чертенокъ-проказникъ, любящій помучить человѣка и пугнуть его, постоянно вмѣшивающійся въ дѣла людей, чтобы толкать ихъ ко злу, и нерѣдко при этомъ зло подсмѣивающійся. Діавола винятъ во всѣхъ неудачахъ и во всѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ человѣка. Діаволъ отстаетъ-де отъ своей несчастной жертвы лишь въ томъ случаѣ, когда за послѣднюю вступятся Богородица и святые; онъ изобрѣтаетъ тысячи способовъ соблазнять человѣка и является въ различныхъ видахъ, между проч. и въ образѣ женщины; опасаясь, что жертва, которою онъ овладѣлъ, можетъ ускользнуть изъ его власти, діаволъ старается поскорѣе умертвить ее. Онъ обладаетъ острымъ и подвижнымъ умомъ, силенъ въ словопреніяхъ и отличный „логикъ" [51]. Народная драма послѣднихъ столѣтій средневѣковья, впадая въ фривольность, также надѣлила діавола, получавшаго въ ней все болѣе и болѣе мѣста, ролью комика и интригана, смѣялась надъ нимъ и ставила его въ комическія положенія, при чемъ иногда онъ подвергался потасовкѣ изъ-за человѣческихъ душъ. Этотъ діаволъ одновременно и страшенъ и смѣшенъ. Наружность его получила видъ, какой приписывала ему грубая народная вѣра и вслѣдъ за нею средневѣковое искусство: черти

---

[49] О такихъ легендахъ XIII в. см. у *Л. Ю. Шепелевича*: Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы и культуры, вып I, Харьк. 1890, стр. 15—26. Подобная вѣра держалась и въ послѣдующее время. См., напр., *U. Molitor* (эта фамилія автора стоитъ въ концѣ книжки), Tractatus per vtilis de phitonicis mulieribus.—Ex Constan. Anno Domini. M. cccc. lxxxix. На одномъ изъ изображеній представлена женщина въ объятіяхъ дьявола, имѣющаго видъ мужчины.

[50] См., напр., у *Ѳ. Д. Батюшкова*: Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средневѣковой литературы, С.-Петербургъ 1891, стр. 192.

[51] См ст. *G. Schiavo*: „Fede e Superstizione nell'antica poesia francese. V. Il Diavolo" въ „Zeitschrift für romanische Philologie", XV (1891), s. 289—317. См. еще *Lenient*, La satire en France au moyen âge, Nouv. édit., Par. 1877, p. 89—90, 171 и слѣд., 400 и слѣд.

были снабжены рогами, когтями, хвостами и лошадиными копытами; они черны и т. п.[52].

На зарѣ Возрожденія Данте помѣстилъ Люцифера въ самомъ глубокомъ мѣстѣ преисподней, въ центрѣ вселенной, „тамъ, гдѣ льдомъ

Со всѣхъ сторонъ затерты духи злые,

Какъ пузырьки мелькая подъ стекломъ.

„Владыка царства вѣчныхъ слезъ“,

. . . . возставъ на своего

Творца, такъ гнусенъ сталъ, какъ былъ прекрасенъ[53].

Въ „Morgante Maggiore“ Луиджи Пульчи дьяволъ Astarotte добръ, учтивъ, услужливъ и говоритъ съ полнымъ уваженіемъ о Богѣ и христіанской вѣрѣ. Въ поэмѣ Боярдо: „Влюбленный Роландъ“ діаволъ почти еще отсутствуетъ[54]. У Аріосто же онъ направляетъ Градасса въ походѣ на Францію[55]. Въ поэмѣ Тассо сатана воздвигаетъ въ Сиріи и Палестинѣ цѣлый рядъ помѣхъ крестоносцамъ, хотя въ то же время долженъ подчиняться чародѣю въ родѣ Ismeno,

Предъ коимъ самъ Плутонъ дрожалъ
На тартарскомъ престолѣ;
Исменъ, какъ царь, повелѣвалъ,
Располагалъ духами,
И разрѣшалъ ихъ и вязалъ
Волшебными словами.[56]

---

[52] О діаволѣ въ средневѣковомъ театрѣ см. у *Jusserand*, Le Théâtre en Angleterre, 1881, p. 50. О костюмѣ демоновъ см. еще въ статьѣ *Bapst*-а: „Etude sur les mystères au moyen âge“—Revue Archéologique, nov.-déc. 1891, p. 312, и отдѣльный оттискъ.

[53] Inf. XXXIV, 11—12, 28, 34—36:

Là, dove l'ombre tutte eran coperte,
E trasparèn come festuca in vetro...
Lo'mperador del doloroso regno...
S'ei fu sì bel com'egli è ora brutto,
E contra 'l suo Fattore alzò le ciglia;
Ben dee da lui procedere ogni lutto.

О демонологіи Данте см. *A. Graf*, Miti, Leggende e Superstizioni del Medio Evo, vol. II, Torino 1893, этюдъ: „Demonologia di Dante“.

[54] Есть у Боярдо дьяволъ Scarapino, но онъ не играетъ видной роли.

[55] Orl. Fur. XXVII.

[56] La Gerusalemme Liberata, C. II, ott. I: Ismeno

Fin ne la reggia sua Pluto spaventa,
E i suoi demon negli empi uffici impiega
Pur come servi, e li discioglie e lega!

Усвоивъ огромную власть діавольской силѣ, Тассо явился однимъ изъ выразителей того поворота вспять, который замѣчается во второй половинѣ XVI-го вѣка не только въ Италіи, но и въ Германіи.

Послѣ реформаціи діаволъ вновь началъ казаться могучимъ врагомъ. Лютеранство въ противоположность раціонализму гуманизма содѣйствовало усиленію вѣры въ личнаго діавола и его пособниковъ. Изображеніе діавола въ сатирѣ Фишарта „Jesuitenhüttlein" было согласно съ общею видною ролью, какую послѣдователи реформаціи приписывали темной силѣ въ людскихъ бѣдствіяхъ. Протестантская публика XVI-XVII вв. съ ужасомъ созерцала на сценѣ, какъ въ сѣти діавола попалъ даже ученѣйшій докторъ Фаустъ.[57]

Въ половинѣ XVII-го в. голландскій католикъ Joost van den Vondel въ своемъ драматическомъ произведеніи о паденіи ангеловъ и человѣка („Luisevaer," 1654) представилъ гордаго, себялюбиваго, честолюбиваго и завистливаго Люцифера въ величавомъ видѣ героя, полнаго силы и мужества, выдвигая въ то же время въ немъ предостерегающій политическо-аллегорическій примѣръ.

Поэму Vondel-я зналъ, вѣроятно, Мильтонъ. Этотъ великій поэтъ и публицистъ первой англійской революціи и пуританства въ обрисовкѣ сатаны выказалъ огромную мощь таланта и сдѣлалъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ обычнымъ представленіемъ о врагѣ всякаго добра. Мильтонъ отрѣшилъ образъ демона отъ искаженій, которымъ подвергся этотъ типъ въ народной фантазіи, и, напротивъ того, усвоилъ Сатанѣ значительную возвышенность ума и величіе, такъ что Сатана является главнымъ лицомъ въ „Потерянномъ раѣ," а всѣ остальныя личности блѣдны по сравненію съ нимъ и отступаютъ на задній планъ. Поборникъ англійской революціи изобразилъ въ Сатанѣ неукротимо гордаго революціонера-республиканца, побѣжденнаго, но не сломленнаго, не пожелавшаго признавать высшій авторитетъ и предпочитавшаго царство въ аду рабству на небѣ. Сатана Мильтона, „непрестанно помышляя о тщетной борьбѣ съ небомъ"[58], надменно говоритъ: „Divided empire with heav'n's King I hold"[59]. Онъ надѣленъ качествами мощнаго начинателя и вождя революціи. Онъ гордъ, исполненъ пламенной ненависти и несокрушимъ въ своемъ мужествѣ.

---

[57] См. піесу Марло „Doctor Faustus" и нѣмецкія театральныя представленія XVII в.
[58] Paradise lost, II, 8—9.
[59] Ibid. IV, 111.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ не вполнѣ заглохло влеченіе къ добру: увидѣвъ невинную человѣческую чету, Сатана былъ тронутъ почти до слезъ. Онъ все-таки сохранялъ отпечатокъ своего прежняго величія. Онъ Богоподобенъ, какъ и Михаилъ, и не вполнѣ лишился своего прежняго блеска. Въ немъ все еще можно узнать перваго когда-то между ангелами. И въ то же время Сатана Мильтона громаденъ, и видъ его чудовищенъ и страшенъ[60]. Въ общемъ однако образъ энергичнаго, все преодолѣвающаго Сатаны внушаетъ удивленіе читателю поэмы Мильтона и, понятно, производилъ глубокое впечатлѣніе и оказалъ значительное вліяніе на поэтическое творчество. Онъ положилъ начало представленію Сатаны какъ бы съ чертами Прометея библейскаго вѣроученія и былъ первообразомъ гордаго и непримиримаго на всю вѣчность Байронова Люцифера[61].

Но на первыхъ порахъ такое опоэтизированіе Сатаны и оттѣненіе грандіозности его характера не могло еще вполнѣ возобладать надъ обычными вѣрованіями о немъ, и въ XVIII в. демонъ долго еще представалъ въ обрисовкѣ, согласной съ вѣковыми преданіями.

Вслѣдъ за Мильтономъ и Клопштокъ въ изображеніи Сатаны болѣе или менѣе возвратился къ библейскому представленію о демонахъ. Сатана и Абрамелехъ—лишь упорные противники Божіи. Но при этомъ, прославляя Бога, какъ отца любви, Клопштокъ отвергалъ вѣчность адскихъ наказаній, и у этого поэта отпадшій ангелъ Аббадона въ концѣ будетъ спасенъ и, призванный Спасителемъ, станетъ блаженнымъ, какъ и Сатана примиряется съ Богомъ у нѣкоторыхъ новѣйшихъ поэтовъ. Кающійся Аббадона очень нравился сентиментальнымъ современникамъ Клопштока.

Демонъ Анамелехъ въ идилліи Гесснера „Смерть Авеля"—существо гораздо низшаго порядка, чѣмъ Сатана Мильтона и „глава духовъ" Байрона, не имѣетъ ни смѣлости тѣхъ демоновъ, ни всего другаго, что внушаетъ удивленіе. Онъ труслигъ и дѣйствуетъ испод-

---

[60] По словамъ Мильтона, Сатана, олицетворявшій мощь зла, „равнялся называемому въ баснословіи чудовищному великому Титаниду, или сыну земли, ополчившемуся на Юпитера, Бріарею или морскому звѣрю Левіаѳану, котораго Богъ сотворилъ огромнѣйшимъ изъ всѣхъ плавающихъ въ пучинахъ океана" (Ibid., I, 196—202).

[61] Вопросъ объ отношеніи поэмы Мильтона „Потерянный Рай" къ цѣлому ряду поэтическихъ произведеній на ту же тему, между прочимъ, и къ Фонделеву, разработанъ уже обстоятельно. См. хотя бы замѣтку *L. Proescholdt*-а: „Eine neue Quelle Miltons" въ Zeitschrift für Vergleichende Litteraturgeschichte, I Bd. (1886), 81—84.

тишка. Такое изображеніе близко къ народнымъ представленіямъ о діаволѣ, которыя не разъ продолжаютъ выникать и въ творчествѣ новаго времени.

Какъ въ искушеніяхъ св. Антонія Фламандской школы діаволъ предстаетъ въ видѣ рогатыхъ чудовищъ, такъ и у Cazotte-а въ повѣсти: „Le Diable Amoureux. Nouvelle Espagnole“ (1772), которая читается и теперь, находимъ еще сплетеніе средневѣковыхъ мотивовъ: діаволъ, въ существѣ безобразный, искушаетъ Dom Alvare-а, для чего принимаетъ видъ прекрасной, обольстительной женщины и прибѣгаетъ также къ другимъ превращеніямъ. Повѣствованію приданъ аллегорическій смыслъ [62]. Діаволъ по прежнему являлся также героемъ мелкихъ шутливыхъ повѣствованій, какъ, напр., у Hagedorn-а [63].

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ XVIII в. онъ долженъ былъ воспринять въ себя скептическое настроеніе того времени, поднявшись, какъ представитель систематической насмѣшки и отрицанія, ступенью выше по сравненію съ средневѣковою своею ролью.

„Хромой бѣсъ“ Лесажа (1707 года), желавшаго дать широкую картину нравовъ Парижскаго общества, сталъ утонченнѣе бѣса той испанской сатирическо-аллегорической новеллы „Diablo

---

[62] Oeuvres badines et morales de M. Cazotte. Nouvelle Éd. Corrigeé & augmentée. T. IV, Londres 1788, p. 280—281: „Le petit ouvrage que l'on donne aujourd'hui réimprimé & augmenté ....fut inspiré par la lecture du passage d'un auteur infiniment respectable, dans lequel il est parlé des ruses que peut employer le démon quand il veut plaire et séduire. On les a rassemblées, autant qu'on a pu le faire, dans une allégorie où les principes sont aux prises avec les passions: l'âme est le champ de bataille; la curiosité engage l'action, l'allégorie est double, et les lecteurs s'en appercevront aisément“. Въ этомъ эпилогѣ указаны мотивы, заставившіе автора значительно измѣнить содержаніе повѣсти во второмъ изданіи, гдѣ герой устоялъ противъ искушенія. Въ 1-мъ изданіи (A Naples, 1772; на дѣлѣ то было Парижское изданіе), въ Avis de l'éditeur читаемъ, что это произведеніе „est très-moral“. „Il semble que l' Auteur ait senti qu'un homme qui a la tête tournée d'amour est déja bien à plaindre; mais que lorsqu'une jolie femme est amoureuse de lui, se caresse, l'obsède, le mène et veut à toute force s'en faire aimer, c'est le diable . . . le diable est bien malin; . . . il n'est pas toujours si laid qu'on le dit „(P. vij-viij). Ср. p. 137, 144 и въ особенности p. 112: „dans toutes les occasions où nous avons besoin de secours extraordinaires pour régler notre conduite, si nous les demandons avec force, dussions-nous n'être pas exaucés“ . . .

[63] Объ источникахъ этого разсказа см. въ ст. *Spiridion Wukadinović*-а: Die Quellen von Hagedorns „Aurelius und Beelzebub“ въ Vierteljahrsschrift für Literaturgeschichte, V, 4 (1892).

cojuelo"[64], которая послужила однимъ изъ источниковъ для французскаго романиста. У испанскаго новеллиста діаволъ только чародѣй и сатирикъ. У Лесажа Асмодей понятъ шире. Это—болѣе прочихъ извѣстный въ обоихъ мірахъ и самый занятой изъ всѣхъ бѣсовъ, такъ какъ ему очень много хлопотъ въ свѣтѣ, гдѣ онъ водворяетъ роскошь, всѣ новѣйшія моды, буйство, азартныя игры и химію, карусели, танцовальныя и музыкальныя увеселенія, комедіи, устраиваетъ смѣшные браки и содѣйствуетъ разврату; это—демонъ сладострастья. Онъ изворотливѣе испанскаго и остроумнѣе въ обнаруженіи передъ своимъ спутникомъ, которому служитъ изъ благодарности, закулисной стороны человѣческой жизни; онъ зло и вмѣстѣ весело раскрываетъ всю изнанку этой жизни и людскую глупость. Онъ все видитъ, все знаетъ въ прошломъ и настоящемъ (но не въ будущемъ) и, переступая всѣ правила, смѣется надъ всѣми глупостями и пренебрегаетъ всѣми авторитетами.

Изъ-подъ пера Вольтера явилась надъ названіемъ „Бѣднаго чертенка" („Le pauvre Diable", 1758) одна изъ самыхъ удачныхъ и язвительныхъ сатиръ его.

Такой же поворотъ въ изображеніи демона замѣчается и въ нѣмецкой поэзіи второй половины XVIII в. Гёте въ письмѣ къ Шиллеру 1799 г. призналъ сюжетъ Мильтоновой поэмы изъѣденнымъ червями, и автору Фауста принадлежитъ преобразованіе и обновленіе типа демона, между проч. и въ направленіи Лесажа, а не только въ духѣ народныхъ представленій о цинически-пронырливомъ бѣсѣ. Библейскій демонъ съежился и сталъ насмѣшливымъ Мефистофелемъ. Послѣдній занятъ совращеніемъ съ пути истины одного изъ даровитѣйшихъ представителей рода человѣческаго, котораго старается завлечь въ свои сѣти искушенія, чтобы доказать, что и этотъ человѣкъ разстанется съ

---

[64] Новелла эта была написана въ 1641 г. испанскимъ драматургомъ Луисомъ Велесомъ де Гевара (род. между 1570 и 1574 гг., ум. въ 1644 г.), который любилъ, между проч., демоническіе сюжеты. Наружность Асмодея описана у Лесажа такъ: бѣсъ представлялъ „une figure d'homme en manteau, de la hauteur d'environ deux pieds et demi, appuyé sur deux béquilles. Ce petit monstre boiteux avait des jambes de bouc, le visage long, le menton pointu, le teint jaune et noir, le nez fort écrasé; ses yeux qui paraissaient très petits ressemblaient à deux charbons allumés; sa bouche excessivement fendue était surmontée des deux crocs de moustache rousse et bordée de deux lippes sans pareilles".

Богоподобіемъ, лишь только поставить его въ соприкосновеніе съ обольщеніями со стороны зла. Новою чертою въ демонѣ, изображенномъ Гёте, явилось отчетливое оттѣненіе дьявольскаго отрицанія: Мефистофель—„духъ, что вѣчно отрицаетъ“[65] и издѣвается, и въ тоже время онъ подвластенъ чарамъ заклинаній. Онъ „не можетъ ничего уничтожить въ великомъ, и потому начинаетъ съ малаго“. Онъ сознается, что отъ того ему немного проку,—что онъ не можетъ ничего подѣлать съ этимъ „Нѣчто, несуразнымъ міромъ“ [66], считаетъ людей жалкими [67], но все-таки не прочь еще разъ доказать свое могущество надъ человѣкомъ, обуреваемымъ безграничными хотѣніями и не находящимъ удовлетворенія ни въ ближайшей дѣйствительности, ни въ познаваніи далекаго [68]. Во внѣшнихъ явленіяхъ своихъ Мефистофель не заключаетъ въ себѣ ничего чарующаго.

Демонъ вновь сталъ колоссальною фигурою подъ перомъ величайшаго поэта первой четверти настоящаго вѣка, Байрона, повліявшаго на весь цивилизованный міръ. Байронъ былъ могучимъ выразителемъ идей освобожденія, завѣщанныхъ интеллектуальнымъ и политическимъ движеніемъ второй половины прошлаго вѣка. Онъ протестовалъ противъ всякаго рода утѣсненія, духовнаго и политическаго, питалъ антипатію къ „тихому счастью безстрастнаго духа“, къ спокойнымъ и умѣреннымъ характерамъ, любилъ изображать сильныя страсти, гордыя стремленія, своенравныя натуры съ безпокойнымъ и скептически настроеннымъ умомъ, одержимыя мрачнымъ отчаяніемъ и горькимъ негодованіемъ, имѣлъ въ себѣ нѣчто „сатанинское“ („le sataniqne“), по выраженію Бодлэра, и Сатана явился однимъ

---

[65] Faust, I, 3, 984: Ich bin der Geist, der stets verneint!
Cp. ib., I, 4005: Auf Teufel reimt der Zweifel nur.
Мефистофель въ роли неумолимаго насмѣшника выступаетъ въ виршахъ, произнесенныхъ Гёте въ разговорѣ съ Luden-омъ въ 1806 г., и въ „Zahme Xenien“. Объ имени Мефистофеля см. неудовлетворительную, впрочемъ, ст. *A. Rudolf*-а: „Der Name Mephistopheles“ въ Archiv für das Studium der Neueren Sprachen und Literaturen, LXII (1879), S. 289—318.

[66] Ib. 1006—1014.

[67] Ib. I, Prol., 55—56.

[68] Ib. 59—65.

изъ типическихъ представителей Байроновскаго протеста, что̀ должно отнести отчасти ко вліянію Мильтона [69].

Образъ „врага Бога и человѣка“ представляетъ собою у Байрона въ высокой степени законченный типъ. Въ мистеріи „Каинъ“, лучшемъ изъ драматическихъ произведеній Байрона, возвышенномъ, трогательномъ, но полномъ горечи и чрезвычайной смѣлости, „господинъ духовъ (master of spirits“) является непримиримымъ врагомъ Бога и всего существующаго порядка. Онъ принадлежитъ къ числу душъ, которыя

. . . . . дерзаютъ наслаждаться
Своимъ безсмертьемъ и дерзаютъ также
Всесильному въ глаза смотрѣть и прямо
О томъ, что зло—не благо, говорить.[70]

Люциферъ, какъ и Каинъ, исполненъ недовольства существующимъ порядкомъ, горькаго негодованія, ненависти къ Всемогущему и не вѣритъ въ благость Божію. Рѣчи его дышутъ упорствомъ и сомнѣніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ неукротимо гордъ. Все это находится въ связи съ его безпокойною натурой, отстаиваніемъ правъ и культомъ ума. Девизъ Люцифера сказался въ его совѣтѣ Каину:

Будь независимъ. Умъ свободный можетъ
Царить надъ міромъ. Умъ не ползать долженъ,
Но возвышаться гордо надъ землею.

Уча такъ Каина, сколь рѣзко отличается Люциферъ отъ Мефистофеля, который старался прежде всего подѣйствовать усыпляющими, чарую-

---

[69] Новѣйшій этюдъ—*F. Blumenthal*-я: Lord Byron's Mystery „Cain“ and ist Relation to Milton's „Paradise Lost“ and Gessner's „Death of Abel“ въ Städtische Ober—Realschule und Vorschule zu Oldenburg. Bericht über das 47. Schuljahr 1890—91. Авторъ игнорировалъ предшествующія монографіи объ источникахъ „Каина“, напр. *Schaffner*-а Lord Byron's „Cain“ und seine Quellen (Страсбургская диссертація 1880 г.). У Schaffner-а указаны монографіи о „Каинѣ“, предшествовавшія его диссертаціи.

[70] Souls who dare use their immortality,
Souls who dare look the omnipotent tyrant in
His everlasting face and tell him that
His evil is not good....

щими образами на чувство Фауста и побуждалъ послѣдняго отречься отъ умствованій и пуститься поскорѣе въ наслажденіе благами жизни:

Wir müssen das gescheiter machen,
Eh uns des Lebens Freude flieht.[71]

Люциферъ умѣетъ мастерски будить мучительныя сомнѣнія въ груди Каина и раздувать въ немъ протестъ противъ предполагаемой несправедливости Божіей. Вознесши Каина въ пространство міровъ, Люциферъ показалъ ему въ теченіе часа, какъ неизмѣримо великъ былъ міръ въ протекшія времена, какъ мелко и ничтожно настоящее и неутѣшительно будущее, и открылъ своему спутнику многія изъ тайнъ міротворенія и міровой жизни. На ряду съ высокими интеллектуальными дарованіями падшій ангелъ надѣленъ у Байрона небесной красотою и мало утратилъ изъ своей первоначальной лучезарности. Меланхолическій отпечатокъ несчастія, сообщенный его образу[72], внушаетъ участіе къ нему[73], и привлекательности діавола поддается не только Каинъ, но и Ада, которая говоритъ:

Пришельцу, что̀ стоитъ передо мной,
Я отвѣчать не въ силахъ; не умѣю
Противиться и на него смотрю
Съ пріятнымъ, тайнымъ страхомъ; убѣжала бъ,
Но не могу. Его блестящій взглядъ
Сковалъ меня своей могучей силой;
Въ груди трепещетъ сердце . . . онъ страшитъ
И въ то же время ближе всё и ближе
Влечетъ къ себѣ[74] . . . .

---

[71] Faust, I, 8, 1085–1092 и 1464—1465.

[72] Сравнивая Люцифера съ ангелами, Ада говоритъ:

Не лучезаренъ ты, быть-можетъ, какъ они,
Но кажешься прекраснѣе ихъ и выше.

[73] Ада говоритъ: „ты кажешься несчастнымъ", а Каинъ называетъ Люцифера „вѣчно грустнымъ".

[74] . . . . I cannot abhor him;
I look upon him with a pleasing fear;
And yet I fly not from him; in his eye
There is a fastening attraction which
Fixes my fluttering eyes on his; my heart
Beats quick; he awes me, and yet draws me near,
Nearer and nearer.

Ср. слова Ады: „Thou seem'st Like an ethereal night" и проч.

Въ мистеріи Байрона „Heaven and Earth“ (Небо и земля)[75] лишь мелькомъ поминается Сатана. Творецъ

. . . . . . отдѣлилъ могучаго его
Отъ духовъ остальныхъ и въ славу міроздавья
Оставилъ средь небесъ вращаться одного,
Подобно солнцу межъ туманными звѣздами.
Онъ былъ прекраснѣй дня . . . .
О, небо и земля, кто кромѣ лишь Того,
Кто правитъ міромъ всѣмъ, кто силой и красою
Сравниться въ небѣ могъ съ могучимъ Сатаною?

Но

. . . . его огненной волѣ
Было легче страдать, чѣмъ покорствовать долѣ.

Въ мистеріи „Небо и земля“ выведены ангелы, которые пали, поддавшись земной любви. Исходнымъ пунктомъ для Байрона послужило толкованіе повѣствованія 2-го ст. VI-й главы Книги Бытія въ такомъ именно смыслѣ и апокрифическая книга Эноха[76]. Въ разсматриваемой мистеріи изображена, между проч., взаимная любовь Аны и Аголибамы, принадлежавшихъ къ потомству Каина, и серафимовъ Азазіила и Саміазы; любовь земныхъ дщерей эти ангелы предпочитаютъ небесной святости и блаженству, пребыванію „межъ звѣздъ и престола“, Раю и счастью тысячъ лѣтъ, и съ наступленіемъ потопа хотятъ унести своихъ милыхъ на одну изъ планетъ, становясь открытыми мятежниками противъ Бога. Байронъ имѣлъ въ виду чисто „человѣчный интересъ“ („all the human interest“) этой исторіи, каковой онъ, по его собственнымъ словамъ, „старался сообщить даже ангеламъ“. Въ особенности останавливаетъ на себѣ вниманіе въ этой мистеріи прекрасная, задумчивая, кроткая, невинная, покор-

---

[75] О ней см. диссертацію *G. Mayn*-а: Ueber Byron's „Heaven and Earth“, Breslau (1887). Написана эта мистерія въ октябрѣ 1821 г., напечатана впервые въ 1822 г.

[76] У Мильтона слѣды этой легенды—въ кн. V, ст. 447—448 „Потеряннаго Рая“ и въ кн. XI, ст. 622 и слѣд.

ная и любящая робко и съ полною преданностію, Ана. Она мало

. . . . похожа на суровыхъ
И горделивыхъ Каина потомковъ,
За исключеньемъ дивной красоты,
Равно имъ всѣмъ ниспосланной отъ Бога.

Она—образецъ чистѣйшей женственности со всею нѣжностію чувства, присущею женщинѣ. Она любитъ Бога и относится къ Его волѣ съ покорностію,—не такъ, какъ ея сестра Аголибама и остальное потомство Каина. Ану страстно обожаетъ мечтательный и сентиментальный Іафетъ, но она задумчиво возводитъ свои взоры къ звѣздамъ и любитъ Азазіила, и послѣдній возноситъ ее съ собою въ вышнія сферы, со словами:

. . . . Оставимъ, Ана, эту
Тюрьму изъ праха, созданную Богомъ,
Къ которой вновь стихіи подступаютъ,
Чтобъ превратить ее въ хаосъ, какъ было . . . .
Свѣтлѣйшій міръ чѣмъ этотъ мы увидимъ,
Гдѣ будешь ты дышать эѳиромъ жизни.

Но брачный союзъ небожителей съ дочерьми праха былъ невозможенъ и не могъ принести счастья ни тѣмъ ни другимъ, и о томъ пророчески говорятъ и Іафетъ, и Ной, и Рафаилъ [77].

Почти одновременно съ Байрономъ ту же тему о взаимной любви ангеловъ и дочерей земли разработалъ англійскій же поэтъ Томасъ Муръ въ поэмѣ „The Loves of the angels", выпущенной въ свѣтъ до выхода Байроновой мистеріи. Мура плѣнила въ этой фабулѣ не только пригодность ея для поэтической обработки, но и возможность внесенія въ нее аллегорическаго смысла, прообразующаго судьбу души, лишающейся первоначальной чистоты и подпадающей наказаніямъ за гордость и дерзновенную попытку проникнуть во вну-

[77] Во второй, не написанной, части разсматриваемой мистеріи, Байронъ предполагалъ-было изобразить осужденіе ангеловъ и гибель ихъ спутницъ, поглощенныхъ въ концѣ концовъ волнами потопа.

шающія благоговѣніе тайны Божіи [78]. У Байрона исторія любви ангеловъ и дщерей человѣческихъ не развита вполнѣ: изображенъ лишь одинъ моментъ ея,—средній, тотъ, когда начиналась гибель Каинова потомства въ волнахъ потопа; у Мура же трое ангеловъ, любившихъ земныхъ дѣвъ, передаютъ полностію главнѣйшія обстоятельства своихъ отношеній съ этими дѣвами, включая и конецъ послѣднихъ, и чрезъ все это повѣствованіе сквозитъ довольно замѣтно аллегорическій смыслъ, указанный авторомъ въ предисловіи.—При сопоставленіи поэмы Мура съ Байроновой мистеріей явственно выступаетъ различіе міровоззрѣній того и другаго поэта. У Байрона постоянно проглядываетъ пессимизмъ какъ въ рѣчахъ почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и въ изображеніи ихъ судьбы. У Мура же ангелы, полюбившіе дщерей человѣческихъ, также наказаны Богомъ, но не ропщутъ на Него и не озлоблены противъ Него. Возлюбленная перваго ангела сразу становится блаженной, а третій ангелъ, носящійся въ пространствѣ вмѣстѣ со своею подругою подобно Дантовымъ Паоло и Франческѣ, будетъ принятъ со временемъ въ небо въ награду за вѣру въ Бога. У Мура, слѣдовательно, повѣствованіе не мрачно протестующее, а примиряющее съ приговорами Промысла, благо устрояющаго, мудраго и справедливаго.

Лишь самое отдаленное отношеніе къ сюжету Лермонтовскаго „Демона“ имѣетъ одинъ изъ эпизодовъ романа Мура Lalla Rook, именно—носящій заглавіе „Paradise and the Peri“, но интересно, что на сродный „Демону“ сюжетъ наталкивалъ Байронъ Мура въ письмѣ отъ 28 августа 1813 г. „Я придумалъ было—писалъ Байронъ—исторію, основанную на любви Пери къ смертному, нѣчто въ родѣ „Влюбленнаго бѣса“ Казотта, но въ болѣе филантропическомъ родѣ. Въ нее однако потребовалось бы вложить пропасть поэзіи, а по части нѣжнаго чувства я не мастеръ. Вотъ причина, въ связи съ нѣкоторыми

---

[78] In addition to the fitness of the subject for the poetry, it struck me also as capable of affording a allegorical medium, through which might be shadowed out (as I have endeavoured to do in the following stories) the fall of the Soul from its original purity—the loss of light and happiness which it suffers, in the pursuit of this world's perishable pleasures—and the punishments, both from conscience and Divine justice, with which impurity, pride, and presumptuous inquiry into the awful secrets of God, are sure to be visited. The Loves of the angels, a poem, By Thomas Moore, Preface.

другими, побудившая меня отказаться отъ этой темы, которую я вамъ предлагаю единственно въ предположеніи, что вы могли бы ею воспользоваться" [79].

Новый, весьма возвышенный и поэтичный, полетъ творческой фантазіи въ обработкѣ мотива о любви падшаго ангела къ женщинѣ сказался въ „мистеріи" Альфреда де-Виньи „Éloa, ou la Soeur des anges", написанной въ 1823 г. и вышедшей въ свѣтъ въ 1824 г.[80]: Элоа, сестра ангеловъ, происшедшая изъ слезы Спасителя, пролитой при видѣ умершаго Лазаря, [81] увлекаемая любопытствомъ, спустилась въ низшую сферу, гдѣ усилилось зародившееся въ ней ранѣе состраданіе къ Сатанѣ, и она согласилась раздѣлить скорбную участь послѣдняго. Въ задуманной, но не выполненной поэмѣ „Satan sauvé" de Vigny хотѣлъ представить Сатану спасеннымъ любовью Элоа[82]. Этимъ вполнѣ выясняется возвышенная основная мысль поэмы de Vigny, оригинально внесенная имъ въ ста рую легенду [83]: поэтъ хотѣлъ символически представить всю глубину состраданія, къ какому способна высшая любовь, любовь невинной души, даже въ отношеніи къ крайнему злу, къ существу вполнѣ грѣховному, въ которомъ ангельская душа усматриваетъ лишь наиболѣе

---

[79] По мнѣнію г. Тр-н-скаго, „Сѣверный Вѣстникъ" 1891, № 12, стр. 102, Лермонтовъ могъ обратить вниманіе на это мѣсто „Мемуаровъ" Байрона, „которые онъ усердно перечитывалъ въ юные свои годы (1828 1832 гг.)", и „первая идея поэмы „Демона" была заимствована отсюда". Послѣднее замѣчаніе, какъ вскорѣ увидимъ, не вѣрно; можно сказать только, что въ поэмѣ Лермонтова уцѣлѣлъ слѣдъ знакомства его съ поэмою Мура въ словахъ: „какъ Пери спящая мила" и т. д.

[80] *Asselineau*, Bibliographie romantique, Trois. éd., Paris MDCCCLXXIV, p. 279. Первоначально de Vigny хотѣлъ дать своей поэмѣ заглавіе „Satan".

[81] Ср. у Клопштока происхожденіе Аббадоны изъ улыбки Іеговы и перенесеніе молитвы Христа на небо. У нѣмецкаго поэта имя Элоа носитъ первый изъ ангеловъ, возвышеннѣйшій и наичаще посылаемый Богомъ для исполненія Его велѣній.

[82] Тогда исполнилось бы то, о чемъ пѣли хоры небесные при появленіи Элоа:

Quand elle aura passé parmi les malheureux,
L'esprit consolateur se répandra sur eux.

Poèmes par le comte Alfred de Vigny. Cinquième édition. Brux. MDCCCXXXIV, p. 85.

[83] Легенда о слезѣ Спасителя возникла еще въ средніе вѣка См. нашу монографію: „Сказаніе о св. Гралѣ", К. 1877, стр. 197, прим. 2. Другія данныя для исторіи этой легенды будутъ указаны нами въ приготовляемой нами къ печати новой монографіи о Граалѣ.

достойное жалости изъ самыхъ несчастныхъ существъ [84]; далѣе, онъ задумывалъ показать и всю силу, присущую такому состраданію, возможность для послѣдняго переродить зло любовію. Идея эта, несмотря на недостатки и промахи въ художественномъ выраженіи ея [85], столь увлекала читателей, что поэма де-Виньи встрѣтила восторженные отзывы во Франціи [86] и не перестаетъ доселѣ находить весьма благосклонную оцѣнку.

Въ то самое время, когда слагалась поэма Лермонтова о демонѣ, послѣдній привлекалъ вниманіе и нѣмецкихъ романтиковъ. У нихъ Сатана получилъ особое истолкованіе въ смыслѣ міровой силы, какъ бы играющей творческимъ процессомъ [87]. Immermann, представившій драматическую обработку средневѣковаго сказанія о волшебникѣ Мерлинѣ, въ которой хотѣлъ соперничать съ Гётевскимъ Фаустомъ, удѣлилъ видное мѣсто въ своей миѳической драмѣ („Merlin, Eine Mythe", 1832) Сатанѣ, который предстаетъ то какъ отвратительное чудище, то какъ „прекрасный князь міра", провозвѣстникъ ликующей чувственности и чувственнаго наслажденія, богъ весны, сочетавающій

---

[84] Когда Элоа узнала исторію Люцифера,

La tristesse apparut sur sa lèvre glacée
Aussitôt qu'*un malheur* s'offrit à sa pensée..... (P. 86).
Et toujours dans la nuit un rêve lui montrait
Un Ange *malheureux* qui de loin l'implorait (P. 88) и т. п.

[85] Таковы, напр., подробности о небожителяхъ въ родѣ слѣдующей:

Un Ange eut ces ennuis qui troublent tant nos jours....
Éloa s'écartant de ce divin spectacle,
Loin de leur foule et loin du brillant Tabernacle,
Cherchait quelque nuage où dans l'obscurité
Elle pourrait du moins rêver en liberté (P. 86—87).

[86] В. Гюго, по выходѣ „Éloa", помѣстилъ восторженный отзывъ о ней въ „La Muse Française". Теофиль Готье называлъ это произведеніе прекраснѣйшей поэмой, быть можетъ самой совершенной на французскомъ языкѣ. См. *Biré*, Victor Hugo avant 1830, Paris, Nantes 1883, pp. 317—324. De Vigny писалъ Гюго о своей поэмѣ: „Je le crois supérieur à tout ce que j'ai fait... Cette composition s'est beaucoup étendue sous mes doigts, elle renferme d'immenses développements".

[87] Въ „Hexensabbath" Тика читаемъ: „Und was ist Luzifer? Die Kraft, die die Welt, die Bewegung, das Leben der Natur, Geist und Strömung der Materie in Bewegung setzt und durch scheinbare Vernichtung schafft, und durch scheinbare Schöpfung vernichtet".

въ себѣ пріятность съ величавостію[88]. Вопреки ученію Христа объ отреченіи отъ міра Сатана желалъ бы удержать пеструю, показную красоту на землѣ. Онъ овладѣлъ благочестивою, невинною дѣвушкой Кандидой, когда она, пришедши однажды къ знакомому отшельнику и оставшись за позднимъ временемъ ночевать въ одной ближней пещерѣ, отошла ко сну, позабывъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ. Сатана надѣялся, что сынъ его отъ этой дѣвушки, Мерлинъ, явится противникомъ Христа и покорнымъ и крѣпкимъ орудіемъ демоническаго ученія; но онъ ошибся въ своемъ разсчетѣ, такъ какъ Мерлинъ унаслѣдовалъ на ряду съ чувственностію, демоническою мощью деміурга и обширнѣйшимъ, нечеловѣческимъ, знаніемъ, благочестіе и мягкій нравъ своей матери, скорбѣвшей о своей участи и невинно погибшей послѣ рожденія сына, и потому мучился своимъ существованіемъ. Онъ былъ пророкъ, помышлявшій о спасеніи человѣчества, но не могшій осуществить своихъ идей, такъ какъ попытки его примирить чувственность и духъ были безуспѣшны. Мерлинъ хотѣлъ бы устранить произведенное Христомъ раздвоеніе въ мірѣ. Онъ признаетъ въ своемъ отцѣ, Сатанѣ, творца Деміурга, съ почтеніемъ называетъ его имя [89] и, самъ того не замѣчая, дѣйствуетъ ему въ руку, но не поддается сознательно внушеніямъ его и, чуждый эгоизма, вполнѣ отдающійся міровому цѣлому [90], поносимый Сатаною, до конца держится вѣры въ Бога. Мерлинъ весьма печально оканчиваетъ свою жизнь,

---

[88] *Immermann*, Merlin, eine Mythe, 683—686:

—Merlin: Ich grüsse dich, du schöner Fürst der Welt!
—Satan: So werd' ich stets den Adligen mich zeigen.
Die Missgestalt ist mir nur eigen
In der Plebejer Phantasie.

[89] Merlin, 756:

Was kümmert dich der Wahn der Laffen?
Du bist der Demiurgos, Schöpfer; wir erkennen,
Wir Wissenden dich an, und deinen Namen nennen
Wir achtungsvoll . . .

[90] Ibid., 1637—1654. Здѣсь Мерлинъ говоритъ о себѣ между прочимъ слѣдующее:

Weil ich denn ganz mich an das All verschenkt',
Hat sich das All in mich zurück gelenkt,
Und in mich wachsen, welken, ruhn und schwanken
Nicht meine, nein! die grossen Weltgedanken.

подпавъ, въ ослѣпленіи своей чувственности, чарамъ магическаго слова, которое самъ же открылъ своей возлюбленной. Наиболѣе оригинально въ этой трагедіи представленіе Сатаны какъ бы древнимъ, стѣсненнымъ въ своихъ правахъ, Титаномъ, родственнымъ кое въ чемъ гностическому Деміургу [91].

Разсмотрѣнное произведеніе Immermann-а врядъ ли было извѣстно Лермонтову, какъ не могли повліять на зарожденіе и развитіе идеи „Демона" произведенія о Фаустѣ, явившіяся въ нѣмецкой литературѣ первыхъ 40 лѣтъ настоящаго вѣка, въ томъ числѣ „Фаустъ" Ленау, въ мысли котораго въ 1832 г. также носилось „цѣлое гнѣздо юныхъ привидѣній". Осталась, далѣе, безъ вліянія на Лермонтовскаго „Демона" поэма Ламартина „La chute d'un ange," явившаяся позднѣе (1838), а также драматическая фантазія Крашевскаго „Szatan i kobieta" (1841). Далекъ отъ основной идеи Лермонтовскаго „Демона" и „Гимнъ Сатанѣ" новѣйшаго итальянскаго поэта Кардуччи, у котораго въ лицѣ Сатаны олицетворена „непобѣдимая сила человѣческой мысли," а также „великое начало и душа всего сущаго," и который привѣтствовалъ въ Сатанѣ „ribellione" и „forza vindice della ragione"[92].

Въ нашей новѣйшей литературѣ А. С. Пушкинъ въ стихотвореніи „Демонъ" (1824 г.), если не ошибаемся, одинъ изъ первыхъ изобразилъ

---

[91] Immermann такъ охарактеризовалъ своего Сатану: „Mein Satan ist nicht der Mephistopheles, der böse Lakai Gottes; er ist der alte berechtigte Titan, dem Unrecht geschehen, und hat etwas vom gnostischen Demiurgos." См. еще слова Мерлина Сатанѣ, V. 856 fgde:

Du kamst ja nur von ihm, und warst der Diener dessen,
Der dich zum Werke günstig auserkoren....
Er hat in dir sich als den Hass gesetzet,
Weil überschwenglich ihn die Liebe zog.... и т. п.

[92] Отрывки изъ „Фауста" Ленау явились въ печати впервые въ 1835 г., цѣликомъ же вышло первое изданіе въ 1836 г. Русскій переводъ см. въ „Пантеонѣ Литературы" 1892, №№ 1 и 2. Въ 1833 г. Ленау писалъ, что въ Мефистофелѣ онъ хотѣлъ отложить всю свою адскую матерію, которою тотъ уже „beladen wie ein Steinesel. Wenn er nur nicht überhaupt ein Esel ist".—Гимнъ Кардуччи написанъ въ одну сентябрьскую ночь 1863 г., напечатанъ въ 1865 г. На русскомъ языкѣ о немъ можно прочесть въ статьѣ С. Г.: „Очерки новѣйшей итальянской поэзіи", Вѣстникъ Европы 1883, № 5, стр. 229—231.

„злобнаго генія,“ который „тоской внезапной осѣнилъ“ „часы надеждъ и наслажденій“ поэта:

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Быть можетъ, въ этомъ образѣ надо усматривать крайне рѣзкое обособленіе и наиболѣе яркое закрѣпленіе цѣлаго періода духовнаго развитія Пушкина, когда онъ впалъ въ юношеское разочарованіе и поддался скептицизму вопреки задаткамъ своей натуры, обладавшей неисчерпаемыми силами идеализма; быть можетъ, слѣдуетъ признать вмѣстѣ съ г. Поливановымъ[93], что „Демонъ“ Пушкина имѣетъ значеніе эскиза, который, будучи законченъ, остался отдѣльнымъ этюдомъ на пути созданія Онѣгина во II-й главѣ романа. Но весьма вѣроятно при этомъ, что Пушкинъ, при обрисовкѣ образа своего демона, имѣлъ въ виду черты Гетевскаго демона. Оттуда-то подробность объ искушеніи Провидѣнія клеветою. Не лишено, далѣе, значенія, что Веневитиновъ въ стихотвореніи, написанномъ, вѣроятно, послѣ Пушкинскаго „Демона,“ выразился о Гёте:

„Наставникъ нашъ, наставникъ твой“.

Необходимо, наконецъ, признавать полное значеніе за тѣмъ изъясненіемъ, которое самъ Пушкинъ давалъ созданному имъ образу демона: „Въ лучшее время жизни сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго... Мало по малу вѣчныя противорѣчія существен-

---

[93] См. ст. г. *Поливанова*: „Демонъ Пушкина. На основаніи новаго пересмотра рукописей поэта“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1886, № 8, стр. 827—850, и Сочиненія Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики, Изданіе Льва Поливанова для семьи и школы, Т. I, М. 1887, стр. 141—145.

ности рождаютъ въ немъ сомнѣніе... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души. *Недаромъ великій Гёте называлъ вѣчнаго врага человѣчества духомъ отрицающимъ...* И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ „Демонѣ" олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ *пріятной* картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка"? Интересъ Пушкина къ „Фаусту" Гёте доказывается написанною нашимъ поэтомъ „Сценою изъ Фауста" (1825 г.), въ которой Кюхельбекеръ усматривалъ первоисточникъ основнаго настроенія „Героя нашего времени." По словамъ Бѣлинскаго, эта сцена—не что иное, какъ развитіе и распространеніе мысли, выраженной Пушкинымъ въ его стихотвореніи „Демонъ."

Пушкинъ, въ своей творческой выработкѣ образа демона, не остановился на однѣхъ отрицательныхъ чертахъ характера демона. „Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья," презиравшій и ненавидѣвшій міръ, не вполнѣ утратилъ идеализмъ въ представленіи Пушкина. Въ стихотвореніи „Ангелъ" (1827 г.) „мрачный и мятежный" демонъ изображенъ въ тотъ моментъ, когда онъ узрѣлъ ангела, сіявшаго „въ дверяхъ Эдема:"

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.....

И демонъ призналъ, что для него не прошло безслѣдно созерцаніе лучезарнаго ангела:

Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

Отсюда уже не далекъ переходъ къ тому представленію о демонѣ, которое найдемъ у Лермонтова.

Вотъ въ какихъ разнообразныхъ обрисовкахъ предстаетъ демонъ въ міровой литературѣ: онъ является то въ величавомъ видѣ вождя возстанія противъ неба въ началѣ міра или въ крупныхъ событіяхъ человѣческой исторіи (Книга Бытія, Данте, Тассо, Фондель, Мильтонъ, Клопштокъ), то какъ искуситель отдѣльныхъ личностей съ цѣлью завлечь ихъ въ сѣти ада, какъ искуситель, который, по выраженію Фауста, „не будучи въ силахъ разрушать великое, началъ разрушать по мелочамъ" (церковныя легенды, Марло, Кальдеронъ, Гёте), то въ

видѣ мелкаго интригана (повѣстенки и драмы среднихъ вѣковъ); въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ его изображали соблазнителемъ дѣвъ изъ желанія имѣть отъ нихъ сына, который могъ бы противопоставить отпоръ искупленію рода человѣческаго Христомъ (средневѣковые романы о Мерлинѣ и драма Иммерманна), или вообще изъ злостнаго умысла лишать небо лицъ, ему дорогихъ и угодныхъ (легенды объ искушеніи дѣвъ, поэма де Виньи); въ новѣйшее время діаволъ оказывается представителемъ протеста и отрицанія во имя глубокой мысли, которой исполненъ (таковы Люциферъ Байрона и отчасти Гётевскій Мефистофель и Пушкинскій демонъ).

Ознакомившись съ исторіею Сатаны въ міровой поэзіи, мы можемъ основательнѣе выяснить и оцѣнить образъ демона, созданный Лермонтовымъ.

Демонизмъ началъ занимать Лермонтова съ 15-тилѣтняго возраста (съ 1829 г.), если не ранѣе,—съ того времени, когда и нашъ юный поэтъ, проникшись недовольствомъ собою и всѣмъ остальнымъ, исполнился присущей Байронову Каину неудовлетворенности своимъ существованіемъ, боязни и ненависти къ смерти, которая должна прекратить это существованіе, призналъ, что жизнь не имѣетъ цѣны потому, что должно умереть, и пересталъ находить удовлетворительное объясненіе въ догмѣ преданія. Все это сближало Каина съ Люциферомъ, а нашего поэта съ тѣмъ и другимъ. Подобно Байронову Каину и Лермонтовъ началъ говорить, что Богъ создалъ человѣка только для страданій и смерти; и Лермонтовъ готовъ былъ усматривать въ людской судьбѣ дѣло Божіей несправедливости и протестовать противъ послѣдней подобно Люциферу и злымъ духамъ „Неба и Земли;“ и Лермонтовъ готовъ былъ восклицать столь же горестно, какъ Іафетъ, послѣдними словами котораго въ мистеріи „Heaven and Earth“ былъ возгласъ:

Why, when all perish, why must I remain? [94].

---

[94] См. выше и приведенное ниже заключеніе втораго очерка „Демона“ (III, 74). Въ раннихъ произведеніяхъ Лермонтова и въ тѣхъ выдержкахъ, которыя мы заимствовали изъ нихъ, напр., въ замѣчаніяхъ о томъ, что Богъ создалъ насъ для мученій (ср. „Каинъ“, I, сц. 1, и „Небо и Земля“, слова хора смертныхъ въ концѣ), мы встрѣтили не разъ совпаденіе съ идеями героевъ Байрона, являвшихся въ своихъ рѣчахъ выразителями мыслей самого Байрона, что̀ можно сказать, напр., о Люциферѣ и Каинѣ. Мы сочли излишнимъ отмѣчать всѣ эти совпаденія въ частностяхъ.

Понятно послѣ этого, какъ Лермонтовъ пришелъ къ созданію своего „Демона."

Самъ поэтъ о своемъ увлеченіи этимъ любимымъ его образомъ демона сообщаетъ слѣдующее:

[Бѣсовъ вобще рисуютъ безобразныхъ.]
Но я не такъ всегда воображалъ
Врага святыхъ и чистыхъ побужденій.
Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно . . . И душа тоскою
Сжималася—и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.[95]

Очевидно, этотъ поэтическій образъ вызрѣвалъ въ воображеніи Лермонтова долго и постепенно.

Уже въ годъ составленія первой редакціи поэмы „Демонъ" (1829) поэтъ питалъ особый интересъ къ герою ея и началъ открывать въ себѣ демонизмъ. Въ стихотвореніи „Демонъ" Лермонтовъ говоритъ:

Собранье золъ—его стихія . . .
. . . . . . унылъ и мраченъ онъ . . .
Онъ недовѣрчивость вселяетъ,
Онъ презрѣлъ чистую любовь . . .[96]

Быть можетъ, вслѣдъ за Пушкинымъ[97], еще не возвысившись до гордаго отношенія Манфреда къ адской силѣ, Лермонтовъ надѣлилъ де-

[95] II, 334—335. Ср. въ стихотв. „В. Л." (1830: I, 89):

Нѣтъ, я не требую вниманья
На *грустный бредъ души* моей...

и въ посвященіи „Демона" В. А. Б. 1838 г. (III, 4):

И не узнаешь здѣсь простого выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ;
И примешь за игру иль сонъ воображенья
Больной души *тяжелый бредъ*....

[96] I, 45.

[97] См. разсмотрѣнное выше стихотвореніе послѣдняго „Демонъ" 1823 г. и примѣч. къ нему въ изд. Морозова, т. I, Спб. 1887, стр. 292—293.

мона особою ролью, какъ бы ролью древне-греческаго δαιμόνιον, духа, живущаго въ людяхъ, и вмѣстѣ значеніемъ голоса, немолчно смущающаго нашу душу указаніями на то, что есть мрачнаго, прискорбнаго и враждебнаго человѣку въ міропорядкѣ[98]. Лермонтовъ сдѣлалъ демона своимъ спутникомъ въ жизни и отчасти усвоилъ ему роль, какую Мефистофель игралъ въ отношеніи къ Фаусту. На первыхъ порахъ поэтъ не доходилъ еще до полнаго сближенія себя съ демономъ[99], хотя въ Лермонтовѣ, по его собственнымъ словамъ, съ самаго ранняго дѣтства жилъ „мятежный духъ," и нашъ поэтъ, имѣя шестнадцать-семнадцать лѣтъ, отличался уже „язвительно-насмѣшливой улыбкой"[100], и у него „былъ всегда злой умъ и рѣзкій языкъ"[101]. Два года спустя послѣ первыхъ обнаруженій интереса къ демону Лермонтовъ опредѣлилъ еще яснѣе значеніе, какое должно было принадлежать демонизму въ его жизни:

И гордый демонъ не отстанетъ,
Пока живу я, отъ меня
И умъ мой озарять онъ станетъ
Лучемъ чудеснаго огня.
Покажетъ образъ совершенства
И вдругъ отниметъ навсегда
И, давъ предчувствіе блаженства,
Не дастъ мнѣ счастья никогда[102].

---

[98] Этотъ демонъ какъ бы то же, что геній въ другомъ стихотвореніи, написанномъ въ томъ же 1829 г. („Къ Генію": I, 31). О понятіи демоническаго см., между проч., у *А. Metz*-а: Über Wesen und Wirkung der Tragödie, Berl. 1886, S. 13-15 и примѣч. 3.— Изъ Байронова „Манфреда" имѣемъ въ виду заключительныя слова Манфреда къ духу въ послѣдней сценѣ этой поэмы.

[99] См. III, 49—50, посвященія 1-е и 2-е „Демона".

[100] Записки Хвостовой, 78.

[101] Тамъ-же, 90; ср. 241 о послѣднемъ времени жизни Лермонтова. И въ концѣ своей жизни Лермонтовъ выказывалъ въ себѣ, по словамъ Панаева, „иногда что-то сатанинское и Байроническое, пронзительные взгляды, ядовитыя шуточки и улыбочки, страсть показать презрѣніе къ жизни, а иногда даже задоръ бретера".

[102] I, 218. Это стихотвореніе 1831 г. представляетъ, очевидно, передѣлку перваго, носящаго то же названіе: „Мой демонъ" и написаннаго въ 1829 г. (I, 45-46). Ср. въ поэмѣ Лермонтова 1830-31 г. обрисовку демона тѣми же чертами.—Стихотвореніе А. С. Пушкина, напечатанное въ „Мнемозинѣ" 1824 г. и перепечатанное въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" 1825 г., также носило заглавіе: „Мой демонъ".

Въ томъ самомъ 1831 г., къ которому относится второе стихотвореніе съ заглавіемъ: „Мой Демонъ“, Лермонтовъ писалъ:

Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ [103].
Никто не дорожитъ мной на землѣ,
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ.
Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
Я холоденъ и гордъ, и даже злымъ
Толпѣ кажуся.... [104]

Въ 1832 г. Лермонтову не нравились люди обычные: „Всё люди— такая тоска: хоть бы черти для смѣха попадались“ [105]. Въ 1831— 1832 гг. Лермонтовъ воплотилъ черты демонизма въ горбачѣ-Вадимѣ, героѣ неоконченной его повѣсти, въ которомъ изобразилъ отчасти собственную душевную жизнь. [106]

Сопоставляя себя съ образомъ демона, какой лелѣялъ въ своемъ воображеніи, Лермонтовъ открылъ по малу мало и въ самомъ себѣ много родственнаго этому неотступному спутнику людскихъ заблужденій, скорбей и горя. Въ посвященіи ко второй редакціи „Демона“ уже находимъ сближеніе автора съ демономъ [107], и дѣйствительно въ Лермонтовской поэзіи тѣхъ лѣтъ можно открыть немало тоновъ, сходныхъ съ настроеніемъ демона, какъ послѣдній изображенъ Лермонтовымъ. Въ нашемъ поэтѣ воплотилось отчасти самосознаніе вольнодумца XVIII-го вѣка, превозносившаго мощь разума, Вольтеровскій демонизмъ, гордая

[103] I, 218.
[104] I, 165.
[105] V, 383.
[106] V, 1 и III, 117.
[107] III, 55:

Какъ демонъ хладный и суровый,
Я въ мірѣ веселился зломъ;
Обманы были мнѣ не новы,
И ядъ былъ на сердцѣ моемъ.

Теперь, какъ мрачный этотъ геній,
Я близъ тебя опять воскресъ
Для непорочныхъ наслажденій,
И для надеждъ, и для небесъ.

апотеоза воли человѣка[108]. Мрачно настроенный поэтъ „цѣпь предубѣжденій умомъ свободнымъ потрясалъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ демонъ, „царь воздушный“, чувствовалъ себя одинокимъ въ мірѣ, „привыкнувъ съ давнишнихъ дней не открывать свои желанья“, хотя и „страшно жизни сей оковы намъ въ одиночествѣ влачить“, былъ гордъ и

. . . . чуждъ для свѣта,
Но чуждъ за то и небесамъ![109]

По временамъ онъ, подобно падшему ангелу, подпадалъ увлеченію земными прелестями, и въ тѣ моменты онъ могъ сказать о себѣ:

Я не плѣненъ небесной красотой;
Но я ищу земнаго упоенья . . . .
И я къ высокому въ порывѣ думъ живыхъ,
И я душой летѣлъ во дни былые;
Но мнѣ милѣй страданія земныя—
Я къ нимъ привыкъ и не оставлю ихъ![110] . . .

Но такія увлеченія не властвовали всецѣло поэтомъ; въ стихотвореніи „Прелестницѣ“ (1830) онъ говоритъ:

. . . передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви[111].

Скептически относился поэтъ и къ „высокому на землѣ:“

Повѣрь—великое земное
Различно съ мыслями людей:
Сверши съ успѣхомъ дѣло злое—
Великъ, не удалось—злодѣй . . . . [112]

---

[108] V, 90: „Что можетъ противустоять твердой волѣ человѣка?.... воля... есть отпечатокъ Божества, творческая власть, которая изъ ничего созидаетъ чудеса.... О, если бы волю можно было разложить на цифры и выразить въ углахъ и градусахъ—какъ всемогущи и всезнающи были бы мы!“ („Горбачъ Вадимъ“).

[109] I, 88—89; „Толпѣ“ (1832): I, 228.

[110] I, 47. Ср. рѣчи Азраила III, 177, 179, 182.

[111] I, 72. Ср. III, 51: Ему желанья были чужды, и т. п.

[112] I, 76.

Не удивительно, что какъ въ демонѣ было „пусто, пусто, какъ въ пустынѣ“[113], такъ точно и въ поэтѣ водворилась „душевная пустота“[114], и въ душѣ его былъ такой же мракъ, какъ въ душѣ демона, которому „все горько сдѣлалось“[115]. Мрачно настроенное воображеніе рисовало крайне печальныя картины, и впечатлѣніе, какое онѣ вызывали, поэтъ выражаетъ въ словахъ:

Съ отчаяньемъ безсмертья долго, долго,
Жестокаго свидѣтель разрушенья,
Я на Творца роптал, страшась молиться,
И я хотѣлъ изречь хулы на небо....[116]

При видѣ смерти друзей,

. . . . Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на Творца роптал, страшась молиться!....[117]

Демонъ Лермонтова, „полонъ скуки непонятной, скоро кинулъ міръ развратный“, съ пренебреженіемъ относясь къ человѣческому обществу, въ которомъ нѣтъ постоянной любви; тамъ

. . . . . страсти мелкой только жить,
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое—
Но дни бѣгутъ и стынетъ кровь.[118]

Такъ и поэтъ находилъ, что

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви....[119]

---

[113] III, 176 и 51.

[114] Ib., 50.

[115] III, 52.

[116] I, 82. Ср. Байрона „Каинъ“, II, сц. II и выше прим. 31.

[117] I, 85.

[118] III, 82; 183; 88; 102, 36. Ср. „Каинъ“, II, сц. 1. О непостоянствѣ земной любви не разъ говорится въ поэзіи Лермонтова, напр. I, 69:

Иль женщинъ уважать возможно,
Когда мнѣ ангелъ измѣнилъ?

[119] I, 273. Ранѣе Лермонтовъ говорилъ:

Любовь пройдетъ, какъ тѣнь пустаго сна.

Демонъ, „все на свѣтѣ презирая, жилъ, не вѣря ничему и ничего не принимая“[120]. Лермонтовъ также постоянно противополагалъ свой индивидуальный міръ тиранніи общественныхъ предразсудковъ, пошлости „глупаго, надменнаго свѣта“. Какъ и Лермонтовъ, его Демонъ

Въ природу вникъ глубокимъ взглядомъ,
Душею жизнь ея обнялъ...

Онъ желалъ „въ толпѣ стихій мятежной сердечный ропотъ заглушить.“

Поэтъ готовъ былъ даже гадательно переносить себя въ ситуацію, совпадающую съ отношеніемъ демона къ Тамарѣ. Въ 1830 г. онъ писалъ къ неизвѣстной намъ личности:

Ты для меня была, какъ счастье рая
Для демона, изгнанника небесъ[121],

а въ 1831 г.:

Быть можетъ, въ странѣ, гдѣ не знаютъ обмана,
Ты ангеломъ будешь, я демономъ стану[122].

Довольно и этихъ выдержекъ, чтобы видѣть, какой интересный образчикъ поэтической иллюзіи представляетъ исторія замысла, приведшаго къ созданію перваго крупнаго поэтическаго произведенія Лермонтова и притомъ такого, надъ которымъ онъ наиболѣе работалъ, занимаясь имъ съ 15-лѣтняго возраста до конца жизни. Кажется, что въ теченіе своего продолжительнаго существованія въ литературѣ демонъ рѣдко встрѣчалъ до Лермонтова такого собрата въ средѣ людей, собрата, который въ такой мѣрѣ сживался бы съ дьявольскими думами и страданіями.

Образъ демона получилъ для юнаго поэта особый смыслъ, какъ олицетвореніе духа недовольства кратковременными радостями и эфемерными благами жизни и демоническаго пессимизма, котораго былъ исполненъ самъ поэтъ въ средній періодъ своей жизни. Это недовольство лишало Лермонтова полнаго счастія, но, при всей мучительности настроенія, въ которое повергало, было вмѣстѣ съ тѣмъ для нашего поэта „лучемъ чудеснаго огня“, „озарявшимъ“ его „умъ“; оно сообщало его поэзіи энергію и значительный подъемъ.

---

[120] III, 52 и 56.

[121] I, 74. Ср. въ указанномъ выше стихотвореніи „Ангелъ“.

[122] I, 222. Ср. ниже (прим. 130) выраженіе Лермонтова о своей любви, какъ о „потерянномъ раѣ“.

Тотъ демонъ, котораго Лермонтовъ принялъ въ свои спутники, былъ обязанъ своею основною идеею отчасти Гетевскому, Байроновскому и Пушкинскому демону, какъ и самъ Лермонтовъ нѣсколько уподоблялся Гетевскому Фаусту разочарованіемъ даже въ наукѣ.

Но на ряду съ этимъ демонизмомъ въ душѣ поэта не умирала любовь[123], которая доставляла моменты отрады, хотя и кратковременной. Любовь представляла контрастъ демонизму въ его исключительности, но контрастъ, который не разъ уживался съ послѣднимъ въ литературномъ преданіи, и такъ какъ Лермонтову была особливо дорога его чистая любовь къ предмету его постоянной сердечной привязанности съ лѣтъ юношества и до могилы, то не удивительно, что его по преимуществу заинтересовали тѣ фабулы о демонѣ, въ которыхъ гордый врагъ Бога подпадаетъ любви къ смертной, плѣнившей его своею душевною и внѣшнею красотою, и ищетъ успокоенія въ этомъ чувствѣ. Не удивительно, что поэтъ занялся съ чрезвычайною любовію переработкою этихъ легендъ: онъ, какъ то свойственно великимъ поэтамъ, влагалъ въ избранный сюжетъ часть собственной души и, одолѣвая его, одолѣвалъ то, что тяготило его духъ[124]. Слова Лермонтова 1841 г. о демонѣ поэмы этого имени:

. . . . и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ,
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался стихами![125]

должны быть принимаемы, какъ косвенное указаніе на автобіографическое значеніе поэмы „Демонъ“[126], вполнѣ отчетливо выступающее въ

---

[123] Ср. 115—116.

[124] Ср. исторію созданія „Вертера“ Гёте: написавъ этотъ романъ, Гёте отдѣлался отъ Вертеризма. Недаромъ Лермонтовъ посвятилъ своего „Демона“ Варварѣ Александровнѣ Лопухиной (по мужу Бахметевой), которую любилъ постоянно. См. III, 4 и 94. Ср. посвященіе передъ вторымъ очеркомъ „Демона“ (III, 54—55); въ посвященіяхъ перваго очерка намекъ на любовь поэта есть, но слабѣе (III, 49—50).

[125] II, 335.

[126] Ср. въ стихотвор. „Толпѣ“ 1832 г. (I, 228):

Мои слова печальны, знаю,
Но смысла ихъ вамъ не понять.
Я ихъ отъ сердца отрываю,
Чтобъ муки съ ними оторвать.

концѣ втораго очерка ея (1830—1831), гдѣ Лермонтовъ говоритъ:

Я не для ангеловъ и рая
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ;
Но для чего живу страдая,
Про это больше знаетъ Онъ.
Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой.
Прочтя, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни [127].

Въ 1841 г. поэтъ, склоняясь уже въ сторону Лесажевскаго представленія о бѣсѣ и возвысившись до болѣе реальнаго и зрѣлаго выраженія своихъ идей, могъ назвать свое любимое произведеніе „безумнымъ, страстнымъ, дѣтскимъ бредомъ“ [128], но, тѣмъ не менѣе, оно имѣло глубокое значеніе въ его творчествѣ даже въ пору большей зрѣлости его таланта и сохраняетъ крупную цѣну [129]: недаромъ поэтъ съ такою любовію и такъ долго работалъ надъ „Демономъ“, „кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ“.

Когда Лермонтовъ принялся за первые наброски своей поэмы, онъ зналъ уже и неукротимо гордаго Мильтонова Сатану, сатану-революціонера, который предпочелъ царство въ аду рабству на небѣ,

---

[127] III, 74. Ср. въ началѣ этого очерка, въ посвященіи, гдѣ читаемъ (III, 55):

Скажу ли—преданъ самовластью
Страстей печальныхъ и судьбѣ,
Я счастьемъ не обязанъ счастью,
Но всѣмъ обязанъ я тебѣ.

Далѣе слѣдуетъ то, что приведено въ примѣч. 107:

Какъ демонъ хладный и суровый, *и проч.*

Ср. заключительныя строфы стихотв. А. С. Пушкина: „Къ А. П. Кернъ“.

[128] См. II, 334 („Я прежде пѣлъ про демона иного“ *и проч.*) и примѣч. 95 и 125. Готовъ такъ же смотрѣть на „Демона“ и г. Н. Котляревскій.—Русскій переводъ Лесажа вышелъ въ трехъ частяхъ подъ заглавіемъ: „Хромоногій бѣсъ. Соч. Ле Сажа. Пер. Пасынкова Спб. 1832“. Въ „Сказкѣ для дѣтей“ бѣсъ названъ, впроч., однажды Мефистофелемъ.

[129] Такъ же точно и Гёте, написавъ „Вертера“, могъ смотрѣть потомъ на Вертеризмъ, какъ на пережитую точку зрѣнія, но никто не назоветъ „Вертера“ ребяческимъ произведеніемъ.

и Байроновскаго Люцифера, вѣчнаго врага Божія: и тотъ и другой величавы и въ самомъ паденіи не утратили первой красы. Оттуда-то, вѣроятно, чудная и вмѣстѣ страшная краса того демона, образъ котораго рано началъ тревожить душу поэта[130]. Зналъ Лермонтовъ и язвительнаго насмѣшника Мефистофеля[131], и демона, который являлся Пушкину. Были извѣстны Лермонтову, далѣе, и нѣкоторые другіе литературные образы демона. Юный поэтъ не убоялся состязанія съ корифеями творчества и вышелъ изъ этого состязанія съ торжествомъ, которое тѣмъ значительнѣе, что сюжетъ, которымъ онъ занялся, представлялъ особыя трудности въ нашъ вѣкъ нерасположенія къ символизму въ поэзіи[132].

---

[130] Въ не разъ уже цитованной нами „Сказкѣ для дѣтей" 1841 г. Лермонтовъ такъ отличаетъ „великаго сатану" отъ мелкихъ бѣсовъ (II, 335):

То былъ ли самъ великій сатана,
Иль мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечиновныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ семейныхъ и любовныхъ—
Не знаю.

Поэма Мильтона „Потерянный Рай" вышла въ русскихъ переводахъ въ С.-Петербургѣ (съ пріобщеніемъ поэмы „Возвращенный рай," 4 части, 1824) и въ Москвѣ незадолго до возникновенія перваго замысла Лермонтовскаго „Демона" и пользовалась большимъ успѣхомъ въ русской читающей публикѣ. Что Лермонтовъ былъ знакомъ съ Мильтоновой поэмою, видно изъ одного выраженія его, относящагося къ 1830 г.: первую свою любовь Лермонтовъ назвалъ „потеряннымъ раемъ "(I, 111). См. также ниже примѣч. 154. Подробность о томъ, какъ демонъ влюбился въ монахиню, напоминаетъ повѣствованіе Мильтона о томъ, какъ Сатана, при видѣ невинности первой четы, полюбилъ ее, и эта любовь еще болѣе побудила его подчинить людей себѣ. У Мильтона есть также подробность о снахъ, которые навѣвалъ Сатана (С. III), и о состязаніи послѣдняго съ ангеломъ. Все это могло повліять на концепцію Лермонтовскаго „Демона". Замѣтимъ еще, что не только Люциферъ Байрона грустенъ, но уже Сатана Мильтона испытывалъ „нескончаемую муку", какъ грустить до извѣстной степени и Люциферъ народной книги о Фаустѣ и Мефистофель въ драмѣ Марло.

[131] См. упоминаніе о Фаустѣ, относящееся къ 1830 г.: IV, 123. Мефистофель и Фаустъ являются также въ сатирѣ „Пиръ Асмодея" 1830 г.: I, 145.

[132] Въ прошломъ столѣтіи Гёте въ письмахъ къ Шиллеру призналъ сюжетъ Мильтоновой поэмы „abscheulich, äusserlich scheinbar und innerhalb wurmstichig und hohl". Авторъ новѣйшей оцѣнки поэзіи Лермонтова говоритъ о „Демонѣ": „наше время не любитъ символовъ, не только субъективно-узкихъ, но и объективно-широкихъ, почему, читая эту поэму теперь, мы.... проходимъ мимо его главнаго героя съ какимъ-то предубѣжденіемъ или даже насмѣшкой" (Н. Котляревскій, 66). Кажется однако, что этотъ приговоръ отъ имени „нашего времени" слишкомъ преувеличиваетъ современную нелюбовь къ символизму въ поэзіи и въ частности отрицательное отношеніе къ „Демону" Лермонтова.

Чѣмъ впервые было обращено вниманіе Лермонтова на сказаніе о любви демона къ смертной, притомъ обрекшей себя на служеніе Богу и соблюденіе дѣвства, мы точно не знаемъ[183]. Мы должны лишь ограничиться предположеніемъ, которое кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ, именно—что исходнымъ пунктомъ поэмы Лермонтова о

Въ послѣднемъ предъ читателемъ выступаетъ символъ, но—весьма живой и понятный, имѣющій значеніе вполнѣ реальнаго существа, такъ какъ религіозное ученіе укореняетъ вѣру въ дѣйствительное его существованіе. Что до символизма вообще, то онъ врядъ ли можетъ быть отвергаемъ безусловно, и лишь крайности, вычурности и уродства, какими онъ отличается, напр., у нѣкоторыхъ современныхъ декадентовъ и символистовъ, неумѣстны и вредятъ въ поэзіи. Нельзя не признать вѣрными замѣчаній о символизмѣ, высказанныхъ Дидро еще въ прошломъ столѣтіи по поводу произведеній de La Grenée (См. „Salon de 1767“). Ср. еще статью *С. Meyer*-а: „Kunst und Symbol“ въ Beilage zur Allgemeinen Zeitung 1891: № 330 (Beilage-Nummer 279) и др. Даже въ лирикѣ символизмъ является могучею формою выраженія, болѣе дѣйствующею, чѣмъ непосредственное изліяніе чувства поэта, и потому поэты любятъ высказывать свое чувство не прямо, а заставляя его просвѣчивать сквозь какой нибудь образъ природы или изображаемаго поэтомъ событія.

[183] Утвержденіе г. Висковатова, что уже въ дѣтствѣ Лермонтова „его умъ поразило повѣрье о томъ, что духъ зла можетъ вернуться къ добру, если будетъ любимъ непорочною дѣвой“, и что въ первыхъ очеркахъ „Демона“ „сквозитъ и другое Кавказское преданіе о демонѣ, полюбившемъ монахиню“ (III, 117), ничѣмъ не подкрѣплено. Ни откуда не видно, чтобы такія Кавказскія преданія были извѣстны Лермонтову въ 1829 г.: по крайней мѣрѣ, въ первомъ наброскѣ „Демона“ не видно никакого слѣда такихъ преданій о спасеніи падшаго ангела любовію невинной дѣвушки. Во второмъ очеркѣ „Демона“ изображена умирающая монахиня, шептавшая о демонѣ (III, 71):

Ты былъ любимъ и не любилъ,
Ты бъ могъ спастись, а погубилъ . . .

и, слѣдовательно, какъ бы знавшая „преданіе о возможности для „Демона“ возвратиться къ добру, какъ только онъ полюбитъ и будетъ любимъ непорочнымъ существомъ“,—преданіе, неосновательно выводимое г. Висковатовымъ (III, 122) изъ словъ: „ужели небу я дороже всѣхъ“ и проч.; но тамъ же прямо упоминается о невозможности исправленія „злаго духа“ (III, 66):

. . . . онъ перемѣниться
Не могъ бы. Это былъ лишь сонъ;
И поздно ль, рано ль пробудиться
Навѣки долженъ былъ бы онъ.
Умѣло зло укорениться
Въ его душѣ съ давнишнихъ дней:
Добро не ужилось бы въ ней, *и т. д.*

Ср. III, 57, 75, 80 и 84—85. Соотвѣтственно тому и себя, сближая съ демономъ, поэтъ называетъ „чужимъ для небесъ“ (III, 74). Слѣдовательно, этотъ демонъ Лермонтова

демонѣ были произведенія сроднаго содержанія, не задолго до того явившіяся въ западной литературѣ; разумѣемъ поэмы: „Éloa“ Аль-

---

былъ похожъ на Сатану, соблазнившаго Элоа и лишь на мгновенье почувствовавшаго порываніе измѣниться въ своемъ существѣ. Таковъ же демонъ четвертаго очерка (см. III, 84—85). И въ пятомъ очеркѣ (1838 г.), по словамъ г. Висковатова (III, 96), „нѣтъ еще рѣчи Тамары, въ отвѣтъ на которую Демонъ произноситъ клятву. Въ этой рѣчи видно, что Тамара знаетъ повѣрье о томъ, что любовь непорочной дѣвы можетъ вернуть Демона къ добру. Словомъ, въ очеркѣ 1838 года ....Демонъ является еще искусителемъ, тогда какъ въ очеркѣ 1840 и 41 годовъ онъ дѣлаетъ попытку вернуться къ небесамъ, попытку безумную“. Если-бы вѣрно было это утвержденіе г. Висковатова о демонѣ послѣдняго очерка, то вотъ къ какому позднему времени пришлось бы отнести обнаруженіе идеи,источникъ которой г. Висковатовъ указываетъ въ Кавказскихъ „сказаніяхъ о горномъ или зломъ духѣ, полюбившемъ дѣвушку, грузинку“ (III, 119)! Самыми этими преданіями Лермонтовъ замѣтно воспользовался не ранѣе очерка 1838 г. Должно имѣть въ виду однако, что горный духъ грузинскихъ народныхъ сказаній не то, что демонъ, и послѣдній слабо выступаетъ въ этихъ сказаніяхъ. „Горнаго духа“ Лермонтовъ такъ и называетъ. Далѣе, самъ же г. Висковатовъ отмѣчаетъ, что до 1838 г. въ „Демонѣ“ „дѣйствіе происходило въ Испаніи“ (III, 94). Г. Висковатовъ (III, 117-118; ср. VI, 56-57) объясняетъ это тѣмъ, что „фантазія поэта въ то время была занята не Кавказомъ, а Испаніей,“ но это замѣчаніе не вполнѣ вѣрно въ своей исключительности и нисколько не подкрѣпляетъ тезиса г. Висковатова о томъ, что источникомъ „Демона“ послужили Кавказскія преданія. Замѣтимъ еще, что въ первомъ очеркѣ совсѣмъ даже не видно пріуроченія дѣйствія къ Испаніи (III, 52); тамъ говорится только:

Въ полночь, между высокихъ скалъ,
Однажды надъ волнами моря,
Одинъ, безъ радости, безъ горя,
Бѣглецъ эдема пролеталъ....

Что до перенесенія дѣйствія въ Испанію, то не слѣдуетъ ли спеціальную причину того искать въ одномъ изъ источниковъ, которые привели Лермонтова къ фабулѣ о любви демона къ монахинѣ? См., напр., легенду о благочестивой монахинѣ Юстинѣ, обработанную Кальдерономъ (1637 г.), о которой имѣется монографія: Calderon et Goethe ou le Faust et Le Magicien Prodigieux. Mémoire de Dr. Ant. Sanchez *Moguel*. Trad. par. J.-G. Magnabal, Paris. 1883 г.. Нѣмецкій переводъ этой драмы, принадлежавшій Gries-у вышелъ въ 1816 г. Интересно, что во второмъ очеркѣ „Демона“ Лермонтовъ называетъ своимъ источникомъ монастырскую легенду, „разсказъ таинственный“, который „перевелъ на свой языкъ“ „какой-то странникъ“ (III, 60—61). Укажемъ, кстати, по поводу значенія, какое усвояется дѣвушкѣ легендъ объ исторженіи ею изъ узъ ада, что въ одной изъ балладъ Вальтеръ-Скотта дѣвушка поцѣлуемъ возвращаетъ къ жизни своего брата, убитаго ея женихомъ и явившагося къ ней изъ ада. Баллада эта могла быть извѣстна Лермонтову и въ русскомъ переводѣ, вышедшемъ въ 1827 г. („Битва при Ватерлоо, сочиненіе Вальтера Скотта; съ присовокупленіемъ избранныхъ балладъ сего писателя, Москва“), но, конечно, мы не приписываемъ ей вліянія на замыселъ Лермонтова, приведшій къ созданію „Демона.“

фреда де-Виньи [134], отчасти „Marmion“ Вальтеръ-Скотта [135], и въ особен-

[134] Что Лермонтовъ былъ знакомъ съ поэмою де-Виньи, свидѣтельствуетъ кромѣ отголосковъ ея въ „Демонѣ,“ на которые будетъ указано ниже, отвѣтъ Лермонтова А. Шанъ-Гирею, приведенный послѣднимъ: Р. Обозрѣніе 1890, № 8, стр. 747. Не отражается ли знакомство Лермонтова съ Элоа въ „Горбачѣ-Вадимѣ,“ въ замѣчаніи объ Ольгѣ (V, 6): „это былъ ангелъ, изгнанный изъ рая за то, что слишкомъ сожалѣлъ о человѣчествѣ“?

[135] Къ „Демону“ Лермонтова имѣетъ нѣкоторое отношеніе тотъ эпизодъ „Марміона“, въ которомъ говорится о монахинѣ, (по переводу В. А. Жуковскаго:)

Отступницѣ, дерзнувшей снять
Съ себя монашества обѣтъ,
И, сатанѣ продавъ за свѣтъ
Всѣ блага кельи и креста,
Забыть Спасителя Христа,

и затѣмъ заживо погребенной по приговору безжалостнаго судилища. Что Лермонтовъ былъ знакомъ съ этимъ эпизодомъ, свидѣтельствуютъ тѣ стихи нашего поэта, которые составляютъ подражаніе слѣдующимъ соотвѣтствующимъ стихамъ „Марміона“, Canto II, XXXIII:

Even in the vesper's heavenly tone,
They seem'd to hear a dying groan,
And bade the passing knell to toll
For welfare of a parting soul.
Slow o'er the midnight wave it swung,
Northumbrian rocks in answer runs *и т. д.*

Въ концѣ поэмы Лермонтова „Исповѣдь“ (II, 10) находимъ:

И въ эту ночь могильный звонъ
Былъ степи вѣтромъ принесенъ
Къ стѣнамъ обители другой,
Объятой сонной тишиной;
И въ храмъ высокій онъ проникъ....

Сравн. душевное состояніе монахини, изображенной въ этой поэмѣ, съ описаніемъ того, какъ Тамара, стоя въ храмѣ, помышляла не о молитвѣ, а объ иномъ. Уже въ концѣ „Исповѣди“ читаемъ слѣдующіе стихи (II, 11), которые, нашедши ихъ въ „Бояринѣ Оршѣ“, г. Спасовичъ считаетъ навѣянными сходнымъ мѣстомъ „Валленрода“ Мицкевича (Соч. В. Д. Спасовича, II, 358—359):

Когда-жъ унылый звонъ проникъ
Въ обширный храмъ—то слабый крикъ
Раздался, пролетѣлъ и въ мигъ
Утихъ. Но тотъ, кто услыхалъ,
Подумалъ, вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой!....
Любовь и жизнь онъ взялъ съ собой.

ности „The loves of the angels“ Томаса Мура[136]. Что до мистерій Байрона „Каинъ,“ изъ которой заимствованъ эпиграфъ ко второму очерку „Демона“ [137], „Небо и земля“, и драматической поэмы „Манфредъ“, то онѣ, какъ и нѣкоторыя другія произведенія, оказали второстепенное вліяніе на замыселъ Лермонтова рѣзкимъ выраженіемъ того общаго пессимистическаго взгляда на міръ и жизнь людей, которымъ пропитаны Каинъ, Люциферъ, Манфредъ и большая часть дѣйствующихъ лицъ мистеріи „Небо и земля“ [138], и представителемъ котораго въ поэмѣ Лермонтова является демонъ [139]. Такимъ образомъ „Демонъ“ Лермонтова составляетъ творческій сплавъ мотивовъ, оставшихся

[136] Какъ видно изъ приведеннаго выше свидѣтельства Шанъ-Гирея, Лермонтовъ читалъ Мура одновременно съ Байрономъ Совпаденія въ „Демонѣ“ Лермонтова съ поэмою Мура будутъ указаны ниже.

[137] III, 54.

[138] Даже архангелъ Рафаилъ у Байрона не чуждъ этого пессимистическаго взгляда.

[139] Объ отношеніи Лермонтовскаго „Демона“ къ Люциферу Байронова „Каина“ говорили уже не разъ. См., напр., *В. Водовозова*: Новая русская литература, второе, дополненное изд., Спб. 1870, стр. 234 и слѣд. Въ послѣднее время о томъ же говорилъ г. *Мартьяновъ* въ статьѣ: „Новыя свѣдѣнія о М. Ю. Лермонтовѣ“, Историч. Вѣстникъ 1892, № 11, стр. 371—372. Ср. съ жалобою демона на тоску 1-й монологъ Манфреда и далѣе II, 1 III, 1. Краски, которыми Демонъ разрисовывалъ Тамарѣ ожидавшее ее блаженство, напоминаютъ отчасти слова перваго духа въ той же поэмѣ „Манфредъ“ и обѣщаніе Азазіила Анѣ въ концѣ мистеріи „Небо и земля“. Клятва Демона передъ Тамарой нѣсколько сходна съ клятвою голоса въ 1-й сценѣ „Манфреда“.—Ср., далѣе, съ обрисовкою демона у Пушкина то, что говорится у Лермонтова (III, 82):

Онъ замѣшался межъ людей,
Чтобъ ядомъ пагубныхъ рѣчей
Убить въ нихъ вѣру въ Провидѣніе,

и отношеніе обоихъ демоновъ къ природѣ. Аналогію къ той идеѣ о демонѣ, которую г. Висковатовъ считаетъ заимствованною изъ Кавказскихъ преданій, представляютъ слѣдующія слова влюбленнаго бѣса-женщины у Cazotte-а (изд. 1772, p. 45): „A peine vous vis-je sous la voûte, cette contenance héroïque, à l'aspect de la plus hideuse apparition, décida mon denchant: *Si*, dis-je à moi-même, *pour parvenir au bonheur, je dois m'unir à un mortel,* prenons un corps“... Отмѣтимъ тамъ же еще нѣкоторыя подробности, представляющія аналогію Лермонтовскому „Демону“. Бѣсъ-героиня разсказа Cazotte-а, называющая себя „Fille du Ciel et des airs“ (p. 80), „Sylphe d'origine et le plus considérable d'entre eux“ (p. 94), выражаетъ слѣдующія гордыя мечты о счастіи, которое принесетъ ей и Альвару взаимная любовь: „Si je me réduis au simple état de femme, si je perds, par ce changement volontaire, le droit naturel des Sylphides & l'assistance de mes compagnes, je jouirai du bonheur d'aimer & d'être aimée. *Je servirai mon vainqueur*; je l'instruirai de la sublimité de son être, dont il ignore les prérogatives; *il nous soumettra* avec les éléments dont j'ai abandonné l'empire, *les esprits* de toutes les sphères. Il est fait pour être le Roi du monde

въ воображеніи автора отъ впечатлѣній, произведенныхъ цѣлымъ рядомъ произведеній, съ которыми ознакомился поэтъ; при этомъ главнымъ источникомъ вдохновенія было сближеніе, въ которомъ поэтъ приравнивалъ себя къ демону, подобно послѣднему хватаясь за свою любовь, какъ за единственный выходъ изъ демоническаго пессимизма.

Наиболѣе совпаденій представляетъ поэма Лермонтова съ названной поэмою Мура: въ исторіи *одного* демона у Лермонтова повторяются подробности печальныхъ любовныхъ исторій трехъ ангеловъ Мура.

Отмѣчая черты сходства обоихъ этихъ произведеній, должно начать съ того, что какъ ангелы Мура утратили небо не въ силу прямаго возстанія противъ Бога, а лишь изъ-за любви къ земнымъ дѣвамъ, такъ и героиня „Демона" въ первомъ и второмъ очеркѣ этой поэмы вначалѣ была любима *ангеломъ* и любила его, и лишь потомъ влюбилась въ одного изъ демоновъ [140], при томъ далеко не главнаго [141].

Демонъ Лермонтова плѣнился Тамарой, пролетая надъ землею, какъ и первый ангелъ Мура. [142]

Демонъ смущалъ Тамару чарующими рѣчами, „мечтой пророческой и странной", внушая ей „страсть безотчетную," „тоску и трепетъ", навѣвая заманчивые сны, прежде чѣмъ предсталъ передъ нею. Такъ точно поступалъ съ красавицей, которую полюбилъ, и

& j'en serai la Reine, & la Reine adorée de lui" (p. 95—96). Глядя на свою возлюбленную, Альваръ, между проч., думалъ (p. 97—98): „Pourquoi une femme ne seroit-elle pas faite de rosée, de vapeurs terrestres & de rayons de lumière, des débris d'un arc-en-ciel condensés?"—Что до эпизода объ умерщвленіи жениха Тамары, то нѣкоторую аналогію тому находимъ въ сказкахъ. Такъ, въ индійскихъ сказкахъ Somadeva Bhatta, изъ Кашемира, изданныхъ Brockhaus-омъ, и въ другихъ индійскихъ сказкахъ говорится о томъ, какъ одинъ демонъ или толпа демоновъ губили искателей руки принцессы. Въ русскихъ сказкахъ говорится о девятиголовомъ змѣѣ, умерщвлявшемъ жениховъ. И т. п.

[140] III, 50 („ангелъ любилъ смертную") и 64.

[141] См. ниже.- Замѣтимъ, впрочемъ, что и въ мистеріи „Небо и земля" Байрона дѣвы любятъ ангеловъ.

[142] One morn, on earthly mission sent,...
I saw, from the blue element и т. д.

The works of Thomas Moore etc. Leipsic 1826, p. 110—111. Ср. ниже заимствованіе Лермонтовымъ изъ исторіи третьяго ангела подробности о возникновеніи любви въ демонѣ подъ вліяніемъ услышанной имъ пѣсни дѣвы.

второй ангелъ Мура: онъ воспламенялъ фантазію дѣвы и возбуждалъ въ ней неясныя желанія въ снахъ и видѣніяхъ. Онъ говоритъ:

From the first hour she caught my sight,
I never left her—day and night
Hovering unseen around her way,
And mid her loneliest musings near,
I soon could track each thought that lay,
Gleaming within her heart, as clear
As pebbles within brooks appear....
It was in dreams that first I stole
With gentle mastery o'er her mind—
In that rich twilight of the soul,
When Reason's beam, half hid behind
The clouds of sense, obscurely gilds
Each shadowy shape that Fancy builds—
'Twas then, by that soft light, I brought
Vague, glimmering visions to her view....
Myself the while, with braw, as yet,
Pure as the young moon's coronet,
Through every dream *still* in her sight[143]..... и т. д.

Въ особенности монахиня Лермонтова своею „думой", „грустью скрытной", „печалью" (уже во второмъ очеркѣ), „невыразимою тоской, неизъяснимою заботой" походитъ на дѣвъ, которыхъ любили ангелы у Мура. Одна изъ послѣднихъ, Lilis, выказывала даже въ своей внѣшности чудное сочетаніе небеснаго и земнаго. Ея любовь обѣщала смѣшанныя услады обѣихъ сферъ:

All that the spirit seeks in heaven,
And all the senses burn for here! [144]

---

[143] Ibid., p. 122. Ср. выше въ прим. 84 о *снахъ* Элоа. Уже во второмъ очеркѣ „Демона" первоначально были слѣдующіе стихи (Ш, 61):

. . . дѣва - взоръ яснѣй лазури—
При шумѣ капель дождевыхъ
Согласовала съ воемъ бури
Игру печальныхъ струнъ своихъ.
Но съ той минуты, какъ нечистый
Къ ней приходилъ въ ночи тѣнистой,
Она молиться ужъ нейдетъ *и т. д.*

См. еще Ш, 64.

[144] Тамъ же.

Это была дѣвушка возвышенныхъ порываній. Она томилась жаждой все постигнуть на землѣ и на небѣ, хотя бы пришлось тотчасъ же послѣ того умереть. Она проникласъ энтузіазмомъ, когда ангелъ началъ показывать ей чудеса міра, и стремленіе уносило ее все впередъ и впередъ, къ познанію тайнъ, недоступныхъ человѣческому разумѣнію [145]. Избранница перваго ангела была вполнѣ невинна, свободна отъ недостатковъ смертныхъ въ душѣ и тѣлѣ. Она была глубоко религіозна. Она мечтательно возводила взоры къ небу, неслась туда душой, желала бы быть духомъ звѣзды, особливо привлекавшей ее своимъ блескомъ и въ чистотѣ одиноко пребывавшей въ вышинѣ; эта дѣва хотѣла вознестись туда для того только, чтобы оттуда еще болѣе славить Единаго Вѣчнаго. Она полюбила Rubi не земною, а небесною любовью лишь за то, что онъ былъ ангелъ и принадлежалъ тому небу, къ которому она стремилась и возносила мольбы [146].

Демонъ предсталъ во-очію Тамарѣ въ монастырѣ. Второй ангелъ у Мура также явился Lilis „въ священномъ мѣстѣ, избранномъ ею для молитвъ, въ гротѣ изъ чистѣйшаго мрамора." [147]

Развязка поэмы „Демонъ" отчасти представляетъ какъ бы сліяніе развязокъ любовныхъ отношеній перваго и втораго ангеловъ у Мура. Первый ангелъ пожелалъ однажды напечатлѣть поцѣлуй на устахъ Lea и едва произнесъ при этомъ таинственное слово заклинанія, которое должно было вознести его къ небу, слово, дотолѣ не выговаривавшееся ни передъ однимъ изъ существъ земли, какъ видъ Lea преобразился въ просвѣтленіи, и она поднялась къ звѣздѣ, къ которой столь часто уносилась прежде своею фантазіею, ангелъ же наоборотъ напрасно повторялъ мистическое слово—въ его устахъ оно не имѣло уже прежней силы, и онъ былъ обреченъ оставаться на землѣ[148]. Второй ангелъ лишился своей Lilis, когда предсталъ передъ нею, по ея просьбѣ, во всемъ блескѣ своего небеснаго величія; едва онъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, какъ пламень, исходившій отъ ангела, сжегъ дѣ-

---

[145] P. 123 и 125. Ср. обѣщанія демона Тамарѣ (III, 88):

„Толпу духовъ моихъ служебныхъ" *и проч.*

[146] P. 112. Ср. монахиню во второмъ очеркѣ „Демона": III, 58, 63—64.

[147] P. 123.

[148] P. 115—116.

вушку, которая въ моментъ смерти напечатлѣла на его челѣ пламенный поцѣлуй[149].

Изъ исторіи третьяго ангела и смертной, которую онъ полюбилъ, въ поэму Лермонтова вошли отдѣльныя мысли, впрочемъ—нѣсколько переработанныя въ нашемъ „Демонѣ.“ Такъ, доводы демона о ничтожествѣ земныхъ благъ и чувствъ представляютъ нѣкоторое совпаденіе съ подобнымъ отзывомъ о земной любви у Мура[150],

---

[149] P. 130—131. Ср. у Лермонтова (III, 37—38):

Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи.
Онъ жегъ ее.....
Смертельный ядъ его лобзанья
Мгновенно въ кровь ея проникъ...

Во второмъ и четвертомъ очеркѣ (III, 70 и 89):

Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый снѣгъ отъ взоровъ дня.....

Ср. разсужденія г. Висковатова III, 130—131.

[150] У Мура читаемъ (P. 135):

Love was in every buoyant tone,
Such love, as only could belong
To the blest angels, and alone
Could, ev'n from angels, bring such song!
Alas, that it should e'er have been
The same in heaven at it is here,
Where nothing fond or bright is seen,
But it hath pain and peril near—
Where right and wrong so close resemble,
That what we take for virtue's thrill
Is often the first downward tremble
Of the heart's balance into ill и т. п.

У Лермонтова (III, 102 и 36):

Безъ сожалѣнья, безъ участья
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья *и проч.*

Въ четвертомъ очеркѣ (III, 87) читаемъ:

Ты будешь раздѣлять со мной
Вѣка безсмертнаго досуга,
И власть надъ бѣдною землей,
Гдѣ носитъ все печать презрѣнья,
Гдѣ межъ людей съ давнишнихъ лѣтъ
Ни настоящаго мученья,
Ни счастья безъ обмана нѣтъ.

а равно объясненіе вознесенія Тамары въ рай тѣмъ, что

Она страдала и любила—
И рай открылся для любви,[151]

находитъ себѣ нѣкоторое соотвѣтствіе въ словахъ Мура:

. . . . much doth Love
Transcend all Knowledge, ev'n in heaven!

Но есть и болѣе существенныя совпаденія. „Вдохновенная пѣвица"-монахиня Лермонтова напоминаетъ Наму Мура чудною игрою на лютнѣ („lute" и у Мура). Какъ о Zaraph-ѣ у Мура говорится:

'Twas first at twilight, on the shore
Of the smooth sea, he heard the lute
And voice of her he lov'd steal o'er
The silver waters *и т. д.*,

такъ и о демонѣ Лермонтова читаемъ въ первомъ и второмъ очеркахъ:

Однажды вечеромъ (въ первомъ очеркѣ: въ полночь) межъ скалъ.
И надъ сѣдой равниной моря . . .
Бѣглецъ эдема пролеталъ . . .
Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ
И чей-то голосъ.

У Мура говорится:

. . . . . upon the golden sand
Of the sea-shore a maiden stand,
Before whose feet the expiring waves
Flung their last tribute with a sigh . . . ;

такъ и у Лермонтова во второмъ очеркѣ первоначально было (III, 60):

Какъ часто дѣва у окошка
Взирала на берегъ морской . . .
На морѣ вихри бушевали,
И волны синія вставали . . .

---

[151] III, 43. Въ образецъ совпаденій отдѣльныхъ выраженій отмѣтимъ у Мура (p. 122) „twilight of the soul", „This twilight world of hope and fear" (p. 135) и „сумерки души" у Лермонтова (см. ниже).

Наконецъ, *моральный* смыслъ, на который указываетъ Муръ въ переданной имъ исторіи ангеловъ, присущъ и повѣствованію Лермонтова, хотя болѣе или менѣе полное совпаденіе замѣчается въ одномъ лишь отношеніи—въ характерахъ и стремленіяхъ дѣвъ, изображенныхъ тѣмъ и другимъ поэтомъ: любовь этихъ дѣвъ къ неземнымъ существамъ приноситъ имъ самимъ озареніе и возноситъ ихъ надъ чисто земными помыслами.

Что до личности Лермонтовскаго демона, то онъ не походитъ на ангеловъ Мура, а равно и на ангеловъ Байроновой мистеріи „Небо и земля", [152] представляющихъ сходство съ первыми. Онъ нѣсколько напоминаетъ „влюбленнаго бѣса" Cazotte-а [153], близокъ къ Байронову Люциферу, но еще болѣе родства у него съ Сатаною Мильтона [154] и съ демономъ Альфреда де-Виньи, также оказавшимъ значительное воздѣйствіе на поэму Лермонтова.

Демонъ у Лермонтова, какъ и Сатана у де-Виньи, является искусителемъ дѣвы, невинная красота которой увлекаетъ его, какъ отблескъ неземной красы, и на мгновеніе въ душѣ того и другаго пробуждаются тѣ добрыя чувствованія, которыя когда-то наполняли ихъ душу [155]. Такимъ

---

[152] Равнымъ образомъ и Тамара не походитъ на Ану этой мистеріи: послѣдняя заявила, что она не менѣе любила бы Азазіила, если бы онъ и не былъ безсмертенъ.

[153] См. выше примѣч. 139.

[154] См. выше примѣч. 130. У Лермонтова—немало отдѣльныхъ мѣстъ и выраженій, напоминающихъ „Пот. Рай" Мильтона. Къ указаннымъ ранѣе реминисценціямъ отмѣтимъ еще III, 83, 85, 93 и 106. Въ двухъ послѣднихъ мѣстахъ (1833 и 1838 гг.) читаемъ:

По слѣду крылъ его тащилась
Багровой молніи струя...
Посла *потеряннаго рая*
Улыбкой горькой попрекнулъ.

Выраженіе „посла потеряннаго рая" есть и въ концѣ втораго очерка (1830—31 гг. III, 74); первоначально въ томъ же очеркѣ были также стихи (III, 62):

Изгнанникъ помнитъ свѣтъ небесъ,
Огни *потеряннаго рая*...

Въ третьемъ очеркѣ читаемъ (III, 75):

Ты не найдешь *потерянный* свой *рай*...

[155] Въ душѣ демона у де-Виньи подъ вліяніемъ любви добро чуть-было не восторжествовало надъ зломъ:

Qui sait? le mal peut-être eût cessé d'exister?

Какъ сказано уже выше, де-Виньи задумывалъ изобразить въ концѣ спасеніе Сатаны любовью Элоа. Вѣрованіе въ возможность исправленія для діавола ведетъ свое начало съ отдаленнаго времени. См. Graf, l. c., 422 и слѣд.

образомъ, въ то время какъ у Байрона и у Мура изображено увлеченіе ангеловъ земною красотою, приводящее ихъ къ забвенію небеснаго блаженства, которымъ они дотолѣ наслаждались, у де-Виньи и въ особенности у Лермонтова, наоборотъ, демонъ, плѣненный ангельскою красотою земной дѣвы, начинаетъ испытывать порывы къ возрожденію въ себѣ прежней чистоты духа. У нашего поэта эта мысль оттѣнена весьма отчетливо. Она выступала все замѣтнѣе и замѣтнѣе при послѣдовательныхъ обработкахъ поэмы, при чемъ и демонъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе поэтической красы, да и возлюбленная демона въ послѣдовательныхъ редакціяхъ становилась все выше и выше въ своей духовной организаціи. Какая громадная разница между дѣвою Азраила и монахинею перваго очерка съ одной стороны и Тамарою послѣднихъ редакцій „Демона“ съ другой! Лермонтовъ какъ бы хотѣлъ олицетворить въ своемъ демонѣ тяжесть исключительнаго сомнѣнія и отрицанія, невозможность для личности успокоиться на томъ и другомъ, и испытываемую ею и послѣ разочарованія потребность найти какое-нибудь положительное начало жизни хотя бы въ такомъ узкомъ ограниченіи послѣдняго, какъ любовь къ единому существу. Эта любовь, какъ скоро станетъ якоремъ спасенія, можетъ постепенно возвышать проникающуюся ею личность къ нравственному возрожденію, устраняя въ ней эгоизмъ гордаго отрицанія, коренящійся въ крайнемъ индивидуализмѣ. Понятно послѣ этого, что Лермонтовъ отличалъ своего демона отъ демона де-Виньи [156], какъ разнится своимъ нравственнымъ складомъ демонъ Лермонтова и отъ Байронова Люцифера.

---

[156] А. Шанъ-Гирей предлагалъ такой планъ „Демона“: „отнять у Демона всякую идею о раскаяніи и возрожденіи, пусть онъ дѣйствуетъ прямо съ цѣлью погубить душу святой отшельницы; чтобы борьба Ангела съ Демономъ происходила въ присутствіи Тамары, но не спящей; пусть Тамара, какъ высшее олицетвореніе нѣжной женской натуры, готовой жертвовать собой, переходитъ съ полнымъ сознаніемъ на сторону несчастнаго, но, по ея мнѣнію, кающагося страдальца, въ надеждѣ спасти его; остальное все оставить какъ есть, и стихъ:

Она страдала и любила,
И рай открылся для любви . . . .

спасаетъ эпилогъ. „Планъ твой, отвѣчалъ Лермонтовъ, недуренъ, только сильно смахиваетъ на Элоу, soeur des anges, Альфреда де-Виньи. Впрочемъ, объ этомъ можно подумать“. Русское Обозрѣніе 1890, № 8, стр. 747.

Еще болѣе различія замѣчается въ героиняхъ поэмъ Лермонтова и де-Виньи. Правда, Тамара, не будучи женщиной-ангеломъ, какова Элоа, все-таки по своей духовной организаціи была изъ существъ необычныхъ:

Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ;
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ. [157]

---

[157] III, 43. Въ восхищеніи Лермонтова реальною высшею женской красотою отзывался платонизмъ. Вотъ какъ говорилъ поэтъ, описывая „подъ видомъ дѣвы горъ, созданіе земли и рая“: (II, 85—86):

И кто бъ, ее увидѣвъ, молвилъ: нѣтъ!
Кто прелести небесъ, иль даже слѣдъ
Небеснаго, разсѣянный лучами
Въ улыбкѣ устъ, въ движеньи черныхъ глазъ—
Все, что̀ такъ дружно съ первыми мечтами,
Все, что̀ встрѣчаемъ въ жизни только разъ--
Не отличитъ отъ красоты ничтожной,
Отъ красоты земной, нерѣдко ложной?
И кто, кто скажетъ, совѣсть заглуша:
Прелестный ликъ, но хладная душа!
Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
То, что̀ сперва почелъ бы онъ душою
Освобожденныхъ отъ земныхъ цѣпей,
Слетѣвшихъ въ міръ, чтобъ утѣшать людей.

Ср. стр. 108 и образъ Тамары. Ср. о „чисто идеальныхъ грезахъ“ Лермонтова у *А. Н. Гилярова:* Платонизмъ, какъ основаніе современнаго міровоззрѣнія въ связи съ вопросомъ о задачахъ и судьбѣ философіи, М. 1887, стр. 43 и слѣд. Г. Гиляровъ ссылается на стихотворенія: „Первое января“ и „Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски“. См. однако примѣч. 46-е выше. Въ стихотв. „Любовь мертвеца“ (1840), наоборотъ, видимъ мечту безъ платонизма:

Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ,
    И тосковалъ,
Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
    Не узнавалъ....
Ласкаю я мечту родную
    Вездѣ одну;
Желаю, плачу и ревную,
    Какъ въ старину.

Ясно, какъ платоническія грезы Лермонтова имѣли исходный пунктъ въ дѣйствительномъ чувствѣ и сливались съ нимъ. Ср. еще стих.: „Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю“... (1841).—Интересный примѣръ обожанія только въ мечтѣ встрѣчается у Стендаля (Beyle-я), усиливавшагося „воплотить свою мечту“.

Въ этомъ отношеніи Тамара, будучи близка къ подругамъ ангеловъ Мура, не совсѣмъ далека и отъ Элоа. Первоначально уподоблялась она послѣдней и въ томъ, что демонъ завлекъ ее изображеніемъ прелести любви хотя бы и въ аду, на который вдобавокъ Богъ не обращаетъ вниманія (см. во второмъ очеркѣ):

Она. Насъ могутъ слышать!...
Дем. Мы одни!
Она. А Богъ?
Дем. На насъ не кинетъ взгляда.
Онъ небомъ занятъ, не землей!
Она. А наказанье, муки ада?
Дем. Такъ что жъ? Ты будешь тамъ со мной!
Мы станемъ жить любя, страдая,
И адъ намъ будетъ стоить рая!
Мнѣ рай вездѣ, гдѣ я съ тобой!

Далѣе, когда демонъ обольстилъ дѣву, „она покидаетъ ангела, но скоро умираетъ и дѣлается духомъ ада“ [158]. Но потомъ между Элоа и Тамарою усматривается коренное различіе. Уже при первомъ знакомствѣ съ исторіею Сатаны состраданіе, являющееся одною изъ первыхъ ступеней любви, закралось въ душу Элоа, склонной къ милосердію по самой своей природѣ, по происхожденію изъ слезы, пролитой Христомъ при видѣ умершаго Лазаря. Кромѣ того Сатана прельщаетъ ангельскую дѣву Элоа у де-Виньи заманчивою разрисовкою утѣхъ любовнаго единенія, и ангельски-невинное существо, уже предварительно проникшись состраданіемъ, поддается приманкѣ этой неизвѣданной имъ прелести; никакихъ другихъ увле-

---

[158] Это находимъ въ первомъ очеркѣ „Демона“ (III, 50—51); во второмъ очеркѣ уже замѣчается нѣкоторый поворотъ къ Божію оправданію Тамары въ молитвѣ ангела, которому, казалось, сочувствовала и природа, „за душу грѣшницы младой“ (III, 73—74).— Замѣтимъ, для параллели, что и развязка народной нѣмецкой драмы о Фаустѣ—трагическая; у Лессинга же торжество Сатаны надъ Фаустомъ оказывалось преждевременнымъ, и на дѣлѣ этому торжеству не суждено было состояться по волѣ Бога, о чемъ возвѣстилъ ангелъ въ прологѣ; такимъ образомъ, у Лессинга предполагалась примиряющая развязка, какъ въ „Johann Faust, ein allegorisches Drama in 5 Aufzügen (1775, München) и у Гёте. Послѣдній однако хотѣлъ первоначально дать своей драмѣ развязку въ духѣ народной книги, что доказываетъ *W. Gwinner* въ монографіи: Goethes Faustidee nach der ursprünglichen Conception aufgedeckt und nachgewiesen. Frankfurt a. Main, 1892.

кательныхъ обѣщаній Элоа не слышитъ отъ демона, потому что ничего лучшаго и не могъ онъ пообѣщать ей помимо того, что она уже знала и чѣмъ наслаждалась на небѣ. У Лермонтова рѣчи демона иныя. Демонъ не только противополагаетъ „повѣсти тягостныхъ лишеній, трудовъ и бѣдъ толпы людской“ [159] свою „безсмѣнную печаль,“ такъ что Тамара „невольно и съ отрадой тайной“ слушаетъ „страдальца“ [160], который не разъ

. . . . передъ нею
Съ челомъ развѣнчаннымъ стоялъ,
Онъ отъ нея спасенья ждалъ,
Любить и вѣровать не смѣя.
Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ молилъ,
Онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ...[161];

помимо того Демонъ указываетъ Тамарѣ на все ничтожество и пошлость людской жизни, на то, что на землѣ

. . . нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты,
Гдѣ преступленья лишь да казни,
Гдѣ страсти мелкой только жить,
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить. [162]

Замѣчаніемъ о полной непрочности земныхъ привязанностей Демонъ заканчиваетъ внушеніе Тамарѣ того пессимизма, который можетъ быть присущъ всякому идеализму, извѣдавшему на опытѣ всѣ обманы и горечь жизни. Послѣ того Демонъ начинаетъ обольщать воображеніе Тамары картиною иного существованія, къ которому она „присуждена“. намекнувъ предварительно на высшую духовную организацію Тама-

---

[159] III, 101 и 32. Приводя выдержки изъ редакціи „Демона“, впервые напечатанной у г. Висковатова (III, 6—45) и признанной имъ за „окончательную обработку 1840—1841 гг.“, мы тѣмъ еще не заявляемъ свое согласіе съ мнѣніемъ г. Висковатова объ этомъ текстѣ. Хотя второе отдѣленіе И. Академіи Наукъ и приняло мнѣніе г. Висковатова (Журн. Мин. Нар. Просв. 1892, № 5), но возраженія и сомнѣнія, высказанныя относительно находки г. Висковатова гг. Суворинымъ, Мартьяновымъ и др., не устранены, и вопросъ о послѣднемъ текстѣ „Демона“ все еще требуетъ разработки.

[160] III, 33—34.

[161] III, 95, 24.

[162] III, 102 и 36; ср. ib. 87. См. выше прим. 150.

ры, на то, что она не можетъ удовлетвориться ничтожнымъ жребіемъ людскимъ. Послѣднее было вѣрно угадано Демономъ, и его искусныя рѣчи достигли цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду. Сердцемъ Тамары не только овладѣваетъ глубокое состраданіе къ тому, кто казался столь несчастливымъ въ безсмѣнной и безконечной печали и мукахъ демонизма, которыхъ никакой другой поэтъ не передавалъ съ такою силою, какъ Лермонтовъ устами своего демона; Тамару увлекаютъ не только нечеловѣческій пылъ любви демона и сила „нездѣшней страсти," изливающаяся въ рѣчахъ, полныхъ чарующей прелести, „огня и яда," со „всѣмъ упоеньемъ безсмертной мысли и мечты"[163]; „полное гордыни" сердце Тамары окончательно плѣняютъ такія обѣщанія, очаровывающія слухъ, самое пылкое воображеніе и сердце, какъ слѣдующія:

Мы, дѣти вольнаго эѳира,
Тебя возьмемъ въ свои края,
И будешь ты царицей міра...
Пучину гордаго познанья
. . . . . . *открою я тебѣ*...
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ...
Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ...
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой...
Я дамъ тебѣ все, все земное...[164]

У Байрона и также у Мура изображено увлеченіе земною красотою до забвенія небесной. У Лермонтова видимъ наоборотъ увлеченіе красотою, сообщающее нѣкоторый нравственный подъемъ даже демону; Тамара же, подобно Lea и Lilis Мура, подпадаетъ любви въ порывахъ къ неземному счастію и высшему свѣту. Тамара поддается искушенію, но немедленно умираетъ, чтобы перейти въ тотъ самый горній міръ, мечта о которомъ плѣнила ее въ рѣчахъ де-

---

163 III, 99, 30.

164 III, 88—89, 102—104; 36—37. Ср. IV, 240, слова Владиміра въ пьесѣ „Странный человѣкъ": „Развѣ я повѣрю, чтобъ ты могла забыть того, кто бросилъ бы вселенную къ ногамъ твоимъ, если бъ долженъ былъ выбирать вселенную или тебя".

Изъ всего сказаннаго понятно, съ какими отмѣнами является у Лермонтова образъ демона, надъ которымъ работали вѣка и первую идею поэтической переработки котораго нашъ поэтъ заимствовалъ несомнѣнно изъ западно-европейской поэзіи. Демонъ Лермонтова не діаволъ лишь вѣковаго преданія, „духъ изгнанья“ [168], „гордости“, „отверженія и зла“[169], „бѣглецъ Эдема“[170], „мрачный искуситель“[171], „злой духъ“[172], который „перемѣниться не могъ бы“[173], „лукавый“[174]; демонъ нашего поэта—не только обольщающій невинную душу чудными снами и искусными рѣчами величавый Сатана Мильтона; онъ не только „гордый духъ“[175], „мрачный духъ сомнѣнья“[176], „духъ безпокойный“[177], и вмѣстѣ „блиставшій неземной красой“[178], „царь познанья и свободы“[179] подобно Байронову Люциферу, „вѣчному противнику Бога“; соблазняя невинную дѣвственную душу, какъ въ „Элоа“ де-Виньи, демонъ Лермонтова чувствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ порывъ возвратиться къ воспоминаніямъ лучшихъ дней, что̀ не мыслимо для Байроновскаго Люцифера, хотя въ сущности такой переломъ въ характерѣ Демона былъ возможенъ для него не навсегда; онъ то-

---

[168] Ш, 50, 55, 6.

[169] Ш, 51, 74, 82 и 27.

[170] Ш, 52.

[171] Тамъ же и стр. 43.

[172] Ш, 59 и 67; „нечистый“—Ш, 61.

[173] Ш, 66.

[174] Ш, 67, 21 и 30.—Всѣ эти эпитеты встрѣчаемъ въ первыхъ двухъ очеркахъ Демона. Въ отношеніи къ этимъ редакціямъ вѣрно замѣчаніе г. Висковатова (Ш, 129), что „въ поэмѣ Лермонтова Демонъ отнюдь не является Сатаною, т. е. главнымъ владыкою и повелителемъ тьмы и зла“; но не таковъ Демонъ позднѣйшихъ очерковъ. Послѣдній называетъ себя „богомъ рабовъ“ своихъ „земныхъ“ (Ш,29), говоритъ о своей „власти“ (Ш, 29 и 35), своихъ „владѣній безконечности“ (ib., 30), о братьяхъ, ему „подвластныхъ“ (Ш, 35), обѣщаетъ сдѣлать Тамару „царицей міра“ (ib., 36) и сулитъ въ концѣ (ib. 88, 37):

Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ.

Въ одномъ мѣстѣ (Ш, 106) онъ прямо названъ „царемъ порока“; въ третьемъ очеркѣ (Ш, 75): „порока властелинъ“.

[175] Ш, 7.

[176] Ш, 43.

[177] Ш, 27; „духъ безпокойный, духъ порочный“ – Ш, 97.

[178] Ш, 18.

[179] Ш, 29.

мится своимъ положеніемъ и очеловѣченъ до того, что испытываетъ „земныя мученія", „земную страсть" и

Роняетъ, посреди мученья,
Свинцовы слезы иногда.

У Лермонтова демонъ, „душой измученною боленъ," охваченный мечтою [180], еще въ большей степени, чѣмъ у всѣхъ предшествовавшихъ поэтовъ, приближенъ къ человѣческой душѣ съ высшими, но демоническими порываніями. Демонъ Лермонтова умѣетъ очаровывать эту душу, одновременно затрогивая струны самыхъ сильныхъ звуковъ и гордыхъ порывовъ и вызывая „чудной нѣжностью рѣчей" отзвуки струнъ самыхъ нѣжныхъ. Образъ демона у нѣкоторыхъ поэтовъ сближали съ Промеѳеемъ [181]; демонъ Лермонтова представленъ, какъ уже пережившій время,

Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ.[182]

Демонъ нашего поэта близокъ къ человѣку, изстрадавшемуся отъ „надеждъ погибшихъ и страстей"[183]. Знаніе не принесло ему отрады, зло ради зла уже опостыло, „наскучило ему" [184]; прежняя жизнь съ ея злодѣйствами казалась ему уже страшно тяжелою:

Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья
И наслаждаться [185] и страдать,
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за *добро* [186] вознагражденья;

---

[180] III, 53, 56, 59, 62, 68, 80.

[181] *Graf*, Prometeo nella poesia, Torino-Roma 1880, p. 180 и слѣд. Второе изданіе этой монографіи вышло въ 1888 г.

[182] III, 6.

[183] III, 33.

[184] III, 6.

[185] и [186] Можно спросить, какое же наслажденіе испытывалъ Лермонтовскій демонъ и какое добро онъ творилъ? Очевидно, демонъ сливаетъ въ своемъ разсказѣ въ одну картину всю свою жизнь, начиная съ „дней райскаго блаженства"; ср. III, 50 и 53, 55 и 57.

Жить для себя, скучать собой,
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда жалѣть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Все противъ воли ненавидѣть,
Все безотрадно презирать!...[187]

Вотъ это-то весьма яркое раскрытіе муки демонизма и составляетъ одну изъ крупныхъ заслугъ и одну изъ оригинальнѣйшихъ особенностей Лермонтовскаго „Демона," тò новое, чтó внесъ Лермонтовъ въ тему, надъ которою работало столько вѣковъ. Безпросвѣтный эгоизмъ и отрицаніе не дали счастія, и Лермонтовскій демонъ въ иные моменты уже является

. . . . любить готовый
Съ душой открытой для добра;
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.—[188]
. . . . и вновь
Въ нѣмой души его пустыню
Проникла молніей любовь,
И онъ опять постигъ святыню
И міръ добра и красоты....[189]

„Полонъ жизни новой", онъ готовъ „гордо снять вѣнецъ терновый съ своей *преступной* (выраженіе самого демона) головы и все былое бросить въ прахъ"[190]. Все это можно бы слышать изъ устъ человѣка необычайной силы страстей и воли, и всего этого можно бы ожидать въ повѣствованіи о такомъ человѣкѣ, но не о демонѣ сложившихся обычныхъ представленій. Такимъ образомъ демонъ у Лермонтова поставленъ въ положеніе, которое гораздо драматичнѣе и интереснѣе обстановокъ, въ какихъ онъ являлся у предшествовавшихъ по-

---

[187] III, 100 (съ отмѣною въ предпослѣднемъ стихѣ, гдѣ стоитъ: „*стараться* все возненавидѣть") и 31. То же въ сущности испытывалъ уже „печальный" демонъ первыхъ очерковъ (ib. 51—52, 55—56, 62, 68—69, 75—76).

[188] III, 25, 52, 62, 63.

[189] III, 11.

[190] III, 30.

этовъ. Онъ—олицетвореніе демонизма, свойственнаго иной неугомонной человѣческой душѣ [191], тоже одолѣваемой стремленіемъ къ „познанью и свободѣ" и вмѣстѣ „мрачнымъ духомъ сомнѣнья." Человѣкъ такой души ищетъ выхода изъ своего томительнаго состоянія, можетъ на непродолжительныя сравнительно мгновенья постигать „святыню любви, добра и красоты," но затѣмъ проклинаетъ иногда

Мечты безумныя свои,
И *остается вновь*[192] надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!....[193]

Затрогивая въ человѣческой душѣ стремленіе къ иной, высшей, участи, убаюкивая душу и обольщая гордыми, несбыточными мечтами и „соблазна полными рѣчами," при чемъ „всѣ чувства въ ней вдругъ кипятъ", и такой демонъ, какъ Лермонтовскій, не дастъ отрады человѣку, какъ не утишилъ души Фауста, безгранично жаждавшаго познанія и другихъ высшихъ утѣхъ, язвительный скептикъ Мефистофель. Помимо послѣдняго не удовлетворенный Фаустъ нашелъ успокоеніе въ незатѣйливой и простой, но вполнѣ достигающей цѣли, практической дѣятельности на общую пользу и, слѣдовательно, въ концѣ концовъ отказался отъ гордыхъ порывовъ къ божественному знанію и отъ жажды безграничнаго наслажденія прекраснѣйшими благами жизни. Гёте поставилъ демона въ соприкосновеніе съ высшею человѣческою мудро-

---

[191] Ср. I, 171:

Въ ангельской душѣ все чисто, въ демонской все зло;
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ.

[192] Мы позволили себѣ, для большаго соотвѣтствія съ предшествующимъ изложеніемъ, слегка измѣнить форму (не смыслъ) этого стиха. Какъ понимать „безумныя мечты" Демона, см. III, 96; ср. стихъ: „Исчезнулъ ясный рой мечтаній" (III, 27) со стихами (ib., 25): „И входитъ онъ" и проч., и III, 84:

Простите, краткія надежды
Любви, блаженства и добра.

Но, можетъ быть, мечты касались просто вѣчнаго обладанія Тамарою и счастія, которое могло быть принесено этимъ обладаніемъ.

[193] III, 43. Такое окончаніе помимо приведенной выше (примѣч. 133) выдержки изъ втораго очерка „Демона" лучше всего другаго опровергаетъ предположеніе о той идеѣ, которую будто бы хотѣлъ провести Лермонтовъ въ послѣдней редакціи своего „Демона". Ср. еще анекдотъ, приведенный у г. Мартьянова: Историч. Вѣстн. 1892, № 11, стр. 373.

стію, стремившеюся постигнуть жизнь и извѣдать все лучшее въ человѣческой жизни; Лермонтовъ—въ соприкосновеніе съ одной изъ душъ, не удовлетворяющихся обычнымъ пошлымъ существованіемъ, - такихъ, которыя поклялись „земныя страсти позабыть" [194],

Которыхъ жизнь—одно мгновенье
Невыносимаго мученья,
Недосягаемыхъ утѣхъ. [195]

Такая личность, которой мысль и „сердце, полное гордыни" [196], постоянно смущаютъ „неотразимая мечта", таинственныя грезы и „чудныя видѣнья" „пестрыхъ, странныхъ сновъ", повергающія въ „тоску и трепетъ", при чемъ „огонь по жиламъ пробѣгаетъ" [197], въ концѣ концовъ можетъ не перенести „смертельнаго яда лобзанья" демона—виновника этихъ грезъ, можетъ поддаться обаянію зла, но небо словами своего ангела, какъ бы примѣнительно къ изреченію Евангелія о прощеніи грѣшницѣ за ея великую любовь, оправдываетъ возвышенную натуру за ея „неземную любовь" [198] и высшія стремленія, хотя бы въ порывѣ послѣднихъ ей пришлось пасть [199]. Такимъ образомъ,

---

[194] III, 53, 68; 86: „забыть волненіе страстей".

[195] III, 43. Ср. стихъ:

Онѣ не созданы для міра,

и выше прим. 157. Ср. еще I, 106 („Эпитафія"):

Для чувствъ онъ жизни не щадилъ . . .
И неестественнымъ желаньямъ
Онъ отдалъ въ жертву дни свои.
И въ немъ душа запасъ хранила
Блаженства, муки и страстей.
Онъ умеръ. Здѣсь его могила.
Онъ не былъ созданъ для людей.

[196] III, 97 и 26.

[197] III, 64, 19 и 21.

[198] III, ib. У Гёте говорится о Фаустѣ (II, V, 7308—7309):

Und hat an ihm *die Liebe* gar
Von oben Theil genommen.

[199] Во второмъ очеркѣ (III, 73) монахиня названа „грѣшницей молодой" (также и въ четвертомъ: III, 93), и первоначально говорилось о молитвѣ ангела за ея душу:

Увы! напрасныя моленья,
И страстямъ нѣтъ уже прощенья. . . .

Въ пятомъ очеркѣ (III, 97; ср. 26) Тамара названа „грѣшницей прекрасной" и „грѣшницей младой" (стр. 106). И въ окончательномъ, по мнѣнію г. Висковатова, текстѣ говорится о „проступкѣ" Тамары и ея „грѣшной душѣ" (III, 42).

въ концѣ развитія этого поэтическаго замысла и у Лермонтова какъ бы проводится идея, во имя которой получилъ небесное оправданіе Фаустъ у Гёте:

> Wer immer strebend sich bemüht,
> Den können wir erlösen.[200]

Итакъ, даже въ чистую, невинную душу юной дѣвушки, которой болѣе не плѣняетъ окружающая ее дѣйствительность, успѣваютъ проникать „соблазна полныя рѣчи" демона и поселять въ ней „сомнѣнія" [201]. Эти рѣчи могутъ всколебать дѣвственную душу и ея „женскія мечты" грезами о необычномъ счастіи, и она, „покой навѣки погубя, невольно съ отрадой тайной" прислушивается къ обольстительнымъ рѣчамъ [202] и становится не чуждой влеченій, сродныхъ демонизму. А что же сказать о людяхъ, которыхъ душевное состояніе вполнѣ предрасполагаетъ къ воспріятію внушеній демонизма? Они могутъ стать весьма близкими къ демону Лермонтова. Вѣдь искуситель Тамары

> ... не былъ ада духъ ужасный,
> Порочный мученикъ—о, нѣтъ!
> Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
> Ни день, ни ночь,—ни мракъ, ни свѣтъ! ...[203]

Въ подобномъ состояніи бываетъ и человѣческая душа:

> Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
> Когда ни мрака въ ней, ни свѣта нѣтъ.

---

[200] Faust, Zw. Teil, V-ter Akt, 7306—7307.

[201] III, 42 и 43. Ср. III, 11—о томъ, что уже въ моментъ, когда Демонъ впервые увидѣлъ Тамару, „порой темнили смутныя сомнѣнья ея небесныя черты", и III, 104 о странной улыбкѣ, застывшей на устахъ мертвой Тамары:

> Что въ ней? Насмѣшка надъ судьбой,
> Непобѣдимое ль *сомнѣнье*?

„Сомнѣнье" присуще и демону: III, 6.

[202] Тамъ же, 34.

[203] Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Повѣренное по рукописямъ изданіе подъ редакціей и съ примѣчаніями И. М. Болдакова, Томъ второй. Изд. Елизаветы Гербекъ, М. 1891, стр. 204. Г. Висковатовъ для послѣдняго стиха (III, 19) принялъ редакцію, встрѣченную имъ въ текстѣ, который онъ считаетъ послѣднею обработкою:

> На день, на ночь, на мракъ, на свѣтъ!

Она сама собою стѣснена;
Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ,
И, какъ на зло, все весело кругомъ.
Въ прекрасномъ мірѣ—жертва тайныхъ мукъ,
Въ созвучіи вселенной—ложный звукъ,
Она встрѣчаетъ блескъ природы всей,
Какъ встрѣтилъ бы улыбку палачей
Приговоренный къ казни, и назадъ
Она кидаетъ безпокойный взглядъ;
Но слѣдъ волны потерянъ въ безднѣ водъ
И листъ опавшій вновь не зацвѣтетъ [204].

---

[204] II, 23 (1830—1831). Ср. I, 83:

. . . . Страшнымъ полусвѣтомъ
Межъ радостью и горестью срединой
Мое тѣснилось сердце,

и I, 171 (1831 г.):

Есть время—леденѣетъ быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна —
Находишь корень мукъ въ самомъ себѣ,
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.

См. еще III, 198 („Джуліо", 1830 г.):

Есть сумерки души во цвѣтѣ лѣтъ,
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ
Жметъ сердце безотчетная тоска;
Жизнь ненавистна, но и смерть тяжка.
Чтобы спастись отъ этой пустоты,
Воспоминаньемъ иль игрой мечты
Умножь одну или другую ты.

Очевидно, въ началѣ 30-хъ годовъ, къ которымъ относятся второй и третій очерки „Демона", выраженное въ приведенныхъ выдержкахъ представленіе о порѣ „полусвѣта", „сумерекъ" въ человѣческой душѣ было одною изъ излюбленныхъ темъ Лермонтова. Нашъ

Такое настроеніе человѣческой души—порожденіе демоническаго недовольства:

Есть демонъ, сокрушитель благъ земныхъ;
Онъ радость намъ даритъ на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй.
Врагъ истины, врагъ неба и людей,
Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ,
Пока страданья не умчатъ, какъ сонъ,
Все, что мы въ жизни цѣнимъ только разъ,
Все, что ему еще завидно въ насъ. [205]

поэтъ унаслѣдовалъ эту тему отъ западноевропейскихъ поэтовъ. Такъ, уже у Гёте Мефистофель говоритъ Фаусту о Богѣ (I, 1428—1430):

Er findet sich in einem ew'gen Glanze,
Uns hat er in die Finsternis gebracht,
Und euch taugt einzig Tag und Nacht.

О „сумеркахъ души" у Мура см. выше примѣч. 151. См. еще ниже въ примѣч. 206 выдержку изъ А. де Мюссэ.

[205] II, 23. Ср. выше предъ прим. 102 заключительную строфу стихотворенія „Мой Демонъ" (I, 218). Иначе изобразилъ демона Печоринъ, профессоръ Московскаго университета въ началѣ 30-хъ годовъ. Онъ взглянулъ на демона съ аскетической точки зрѣнія и нѣсколько напоминаетъ въ этомъ отношеніи концепцію Иммермана. Напечатанное г. Тихонравовымъ [Русская Старина 1875, № 7 (т. XIII), стр. 454--455] стихотвореніе Печорина начинается словами:

Прочь, о демонъ лучезарный,
Демонъ счастья и любви!
Искуситель—міръ коварный!
Вспять страдальца не зови!

Ближе къ античному представленію о демонѣ, чѣмъ Пушкинское, Лермонтовское и Печоринское, было пониманіе демона у Гёте. Послѣдній разумѣлъ подъ этимъ образомъ прирожденную силу и свойства каждой личности, какъ это видно изъ стихотворенія „Urworte. Orphisch", недалекаго по времени отъ указанныхъ выше стихотвореній нашихъ поэтовъ. Стихотвореніе Гёте было написано въ 1817 г., а напечатано впервые въ 1819 г. Въ 1820 г. Гёте прибавилъ объясненіе къ этому стихотворенію. По этому объясненію, демонъ стихотворенія „Urworte" означаетъ „die nothwendige, bei der Geburt unmittelbar ausgesprochene, begrenzte Individualität der Person, das charakteristische, wodurch sich der Einzelne von jedem Andern, bei noch so grosser Aehnlichkeit, unterscheidet." Гёте готовъ былъ признать, что „angeborne Kraft und Eigenheit, mehr als alles Uebrige des Menschen

Это тягостное состояніе переживали въ первыя десятилѣтія нашего вѣка, какъ увидимъ, многіе „сыны вѣка“ [206]. Хорошо извѣдалъ такую душевную муку и Лермонтовъ [207]. Его „Демонъ“ собралъ въ себѣ какъ въ фокусѣ различныя составныя части ранняго пессимистическаго настроенія поэта. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ поэмѣ Лермонтова дана оригинальная переработка и сплавъ элементовъ демонизма, уловленныхъ и возсозданныхъ нѣкоторыми изъ лучшихъ западноевропейскихъ поэтовъ, при чемъ образъ демона у нашего поэта, не уступая замѣчательнымъ западноевропейскимъ обрисовкамъ этого типа, пріобрѣлъ новый интересъ и красу вслѣдствіе оттѣненія въ немъ такихъ чертъ, которыя выступали не столь отчетливо у другихъ поэтовъ.

Для Байрона Люциферъ былъ готовымъ традиціоннымъ образомъ, въ который наилучше могъ быть вмѣщенъ тотъ безотрадный пессимизмъ, какого былъ преисполненъ англійскій поэтъ. У Лермонтова демонъ столь же прекрасенъ, какъ у Мильтона и у Байрона, онъ одновременно и увлекаетъ своею красотою [208], и наводитъ

Schicksal bestimme ... der Dämon freilich hält sich durch Alles durch, und dieses ist dann die eigentliche Natur, der alte Adam und wie man es nennen mag, der so oft auch ausgetrieben, immer wieder unbezwinglicher zurückkehrt .... allein Tyche lässt nicht nach und wirkt immerfort“.

[206] См. въ предисловіи „Исповѣди сына вѣка“ А. де Мюссэ о „сынахъ имперіи и внукахъ революціи“: „имъ оставалось только настоящее, духъ вѣка, ангелъ сумерекъ, которыя ни день, ни ночь“.

[207] I, 171: вслѣдъ за строфою, начинающеюся словами: „Есть время - леденѣетъ быстрый умъ“ и приведенною выше (прим. 204), читаемъ:

Я къ состоянью этому привыкъ...

[208] III, 18—19 и изданіе подъ ред. Болдакова, II, 204:

Пришлецъ туманный и *нѣмой*,
Красой блистая неземной...
Съ глазами полными печали
И чудной нѣжностью рѣчей.

Ср. цитованное нами признаніе Лермонтова, относящееся къ 1841 г. (II, 335):

Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, *нѣмой* и гордый онъ *сіялъ*
Такой *волшебно-сладкой красотою*,
Что было страшно ....

страхъ[209], какъ Байроновъ Люциферъ, и умѣетъ завлекать страстными рѣчами, какъ Сатана де-Виньи, но не столь мраченъ и непреклоненъ, и пессимизмъ его не столь исключителенъ, потому что то былъ пессимизмъ самого поэта-юноши, который не успѣлъ еще извѣриться во всемъ, хотя и показывалъ видъ вполнѣ разочарованнаго человѣка. У Байрона лишь вскользь говорится о грусти Люцифера. У Лермонтова демонъ—не только носитель зла, духа сомнѣнія и отрицанія, убивающаго пышныя грезы юности, не только олицетвореніе таинственнаго голоса, смущающаго душевный покой[210], но и воплощеніе тоски и грусти, являющейся результатомъ разрушенія гордыхъ надеждъ и радостныхъ упованій. Быть можетъ, не безъ вліянія образа Клопштокова кающагося Аббадоны[211] Лермонтовъ развилъ далѣе намекъ на безотрадное

См., далѣе, III, 28:

Онъ передъ схимницей стоитъ:
Знакомой *блещетъ красотою,*
И утихающей грозою
Взоръ отуманенный блеститъ.

Въ бесѣдѣ съ О. А. Смирновой А. С. Пушкинъ выразился, что Мильтоновъ „Сатана“-не богословскій, онъ слишкомъ греческій“ (Сѣверный Вѣстникъ 1893, № 5, стр. 179).

[209] Тамара говоритъ демону (III, 34):

Невольно страхъ въ душѣ рождаешь . . .

[210] III, 98 и 28—29:

Я тотъ, ...
Чья мысль душѣ твоей шептала . . .
Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ,
Едва надежда расцвѣтетъ . . .
Я врагъ небесъ, я зло природы . . .

Въ текстѣ, который г. Висковатовъ считаетъ окончательнымъ, стоитъ еще:

Я богъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы.

[211] О знакомствѣ Лермонтова съ „Мессіадой“ Клопштока свидѣтельствуютъ слѣдующіе стихи въ „Сашкѣ“, относящіеся къ герою послѣдней поэмы (II, 207—208):

Что дѣлалъ Саша?—Съ неподвижнымъ взглядомъ,
Какъ бѣлый мраморъ холоденъ и нѣмъ,
Какъ Аббадона грозный новымъ адомъ
Напуганный, но помнящій Эдемъ,
Съ поникшею стоялъ онъ головою
И на челѣ, наморщенномъ тоскою,
Качались тѣни трепетныхъ вѣтвей.

душевное состояніе и на проблескъ возможности раскаянія Сатаны, встрѣченный у де-Виньи [212], и сдѣлалъ „горькую муку“, тоску [213], грусть[214] и жажду счастія преобладающими чертами настроенія своего демона. Послѣдній ищетъ выхода и истинктивно угадываетъ вѣрно возможность

[212] О сѣтованіяхъ Сатаны см. знаменитыя строфы (р. 112—114), начинающіяся стихами:

Sur la neige des monts, couronne des hameaux,
L'Espagnol a blessé l'aigle des Asturies...

Сатана, между проч., говоритъ:

„Maudit soit le moment où j'ai mesuré Dieu!
„Simplicité du coeur! à qui j'ai dit adieu,
„Je tremble devant toi, mais pourtant je t'adore,
„Je suis moins criminel puisque je t'aime encore;
„Mais dans mon sein flétri tu ne reviendras pas! ...
„Je souffre, et mon esprit par le mal abattu
„Ne peut remonter jusqu'à tant de vertu ...
.... J'aurais peut-être aimé!“

Къ стиху изъ „Элоа“, какъ бы намекающему на нѣкоторый проблескъ возможности нравственнаго возрожденія Сатаны и приведенному выше въ примѣч. 155, прибавимъ еще указаніе на слѣдующую (р. 114) обрисовку душевнаго состоянія Сатаны послѣ сѣтованій послѣдняго, отрывокъ изъ которыхъ только что приведенъ нами:

Le Tentateur lui-même était presque charmé,
Il avait oublié son art et sa victime,
Et son coeur un moment se reposa du crime.
Il répétait tout bas, et le front dans ses mains:
„Si je vous connaissais, ô larmes des humains!“

[213] III, 34, 68, 76.

[214] III, 98—99 и 29:

Я тотъ, ...
Чью *грусть* ты смутно отгадала...
И *грусть* на днѣ старинной раны
Вдругъ шевельнулася какъ змѣй.

Ср. III, 88:

И не захочешь *грусть* и волю
За рабство тихое отдать.

См. еще III, 18—19:

И взоръ его съ такой любовью,
Такъ *грустно* на нее смотрѣлъ....
.... онъ являлся ей
Съ глазами полными печали ...

такого выхода—въ любви [215]. Лермонтовъ, слѣдовательно, предварилъ идею, которую де Виньи хотѣлъ-было развить во второй части „Элоа“, —идею о великомъ воздѣйствіи чувства любви даже на демоническія натуры. Этимъ Лермонтовъ окончательно очеловѣчилъ демона, и въ такомъ изображеніи демонъ, испытывающій „умиленье“, „земное первое мученье и слезы первыя“, „позавидовавшій невольно неполнымъ радостямъ людей“ [216], сталъ символомъ и какъ бы крайнимъ типомъ неудовлетворенности и тоски людской души, измученной зломъ, какое она встрѣчаетъ въ мірѣ, неудачами и неосуществимостію ея гордыхъ и безграничныхъ порывовъ, невзгодами и собственныхъ отрицаніемъ, души „пылкой“,

Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Не знавшей власти надъ собой . . . [217],

но все-таки ищущей утѣшенія въ слѣдованіи голосу сердца и въ мистическихъ упованіяхъ и находящей свѣтлые, хотя и краткіе, моменты отрады въ чувствѣ любви. Любовь эта своимъ идеальнымъ мотивомъ успѣваетъ вызвать отвѣтное чувство даже въ душѣ, удалившейся отъ міра, которой внушаетъ слабую, не отрѣшенную отъ сомнѣнія, надежду на нравственное перерожденіе Демона [218]. Въ этомъ увлеченіи Тамара подобно Мильтоновой Евѣ является представитель-

---

[215] Ср. въ Lay of the Last Minstrel Вальтеръ-Скотта, гдѣ гордость и любовь выставлены, какъ противоположныя и сталкивающіяся душевныя силы. Гордость герцогини должна была смягчиться, и тогда только могла получить свободу любовь ея дочери. Уже въ самомъ началѣ поэмы горный духъ выразилъ идею, проходящую чрезъ все дѣйствіе:

No kind influence deign they (разум. the stars) shower
On Teviot's tide, and Branksome's tower,—
Till Pride be quell'd and Love be free.

„Love is still the Lord of all“, говорится далѣе. Высокомѣріе порождаетъ сердечную пустоту, безпокойство, разладъ и вредъ, а любовь приноситъ счастіе. Въ Лермонтовскомъ демонѣ любовь преодолѣваютъ ненависть и злоба: III, 65, 85 и 27.

[216] III. 53, 76, 98 99 и 29.

[217] III, 71 и 90—91.

[218] Самъ поэтъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ не вѣрилъ въ возможность для демони-

ницей нѣжнѣйшей женственности, въ ея возвышенныхъ влеченіяхъ не неприступной для обольщеній демонизма. Образъ ея говоритъ преимущественно нашему сердцу, герой же поэмы—Демонъ—ставитъ также интересную загадку нашему уму, выдвигая вопросъ вѣчной важности—объ источникѣ демонизма, свойственнаго человѣческой душѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Демонъ, несмотря на всю красу, какою надѣлилъ его Лермонтовъ, и несмотря на талантливость сообщенной ему обрисовки, все-таки остался нѣсколько шаблоннымъ поэтическимъ образомъ [219]. Онъ не заключаетъ въ себѣ причудливостей и нелѣпостей, въ которыя впадало иногда творчество поэтовъ романтики [220], но, тѣмъ не менѣе, не свободенъ отъ недостатковъ, которые были присущи этому литературному теченію съ его фантастичностію и неопредѣленными страстными порывами. Потому даже Лермонтовскій демонъ, повидимому полный индивидуальности, юношеской горячности и энер-

---

ческой натуры измѣниться къ лучшему. Не вѣрила вполнѣ демону и Тамара (см. выше примѣч. 165). Понимать стихи (III, 24) о Тамарѣ:

То думы радостной волна
Ее охватитъ, и былое
Встаетъ изъ мрака, какъ живое,
И ясныхъ сновъ душа полна.
Тѣснятся въ ней воспоминанья,
Изъ дѣтства ранняго сказанья
Родной и милой старины,

какъ прямое, по мнѣнію г. Висковатова (III, 19, прим. 39), указаніе на преданія, „говорившія о возможности Демона вернуться къ добру", невозможно, потому что эти стихи встрѣчаются только въ одной рукописи, которую г. Висковатовъ считаетъ послѣднею редакціею „Демона" (см. III, прим. 48 на стр. 24), какъ и стихи (III, 28):

Рѣшило небо нашу встрѣчу,
Любовь и торжество мое.

[219] См., напр., слова де-Виньи объ образѣ Сатаны: „Quand un contempteur des dieux paraît, comme Ajax fils d'Oïlée, le monde l'adopte et l'aime; tel est Satan, tels sont Oreste et Don Juan".

[220] Правда, инымъ можетъ показаться изображеніе Демона, какъ существа, испытывавшаго въ теченіе нѣкотораго времени порывъ къ возвращенію въ прежнее состояніе душевной гармоніи, противорѣчащимъ основному характеру демонической натуры; но не должно забывать, что Лермонтовъ имѣлъ въ виду выставить въ своемъ Демонѣ преимущественно неудовлетвореніе своимъ существованіемъ, далеко однако отстоящее отъ полнаго раскаянія. Сверхъ того необходимо принимать во вниманіе сходную обрисовку демона у нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ поэтовъ, о которой см. выше.

гіи, въ сущности—общее мѣсто поэзіи, а не живой конкретный образъ, заимствованный изъ ближайшей дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи поэму Лермонтова можно назвать вслѣдъ за самимъ поэтомъ „страстнымъ бредомъ", но только не „безумнымъ" и не „дѣтскимъ".

Лишь по мѣрѣ того, какъ талантъ Лермонтова и изученіе имъ жизни становились зрѣлѣе, поэтъ находилъ и болѣе реальные образы и болѣе реальныхъ носителей демонизма и душевной истомы, составляющей „болѣзнь вѣка", постигшую и Лермонтовскаго демона.

Н. Дашкевичъ.

ОТДѢЛЪ III.

МАТЕРІАЛЫ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

В. СТЕФАНОВИЧА (1697—1773).

Сообщилъ М. В.—Б.

Предлагаемые матеріалы для біографіи Василія Стефановича имѣютъ двоякій интересъ для южнорусской исторіи XVIII в. Они, во 1-хъ, нѣсколько дополняютъ наши очень скудныя свѣдѣнія о коммиссіи составленія свода малороссійскихъ законовъ за время гетманства Дан. Апостола и, во 2-хъ, еще разъ свидѣтельствуютъ о значеніи малороссійскихъ культурныхъ людей въ дѣлѣ насажденія научнаго образованія въ Россіи Петромъ В. и его сподвижниками. Нѣкоторое значеніе имѣютъ для внутренней исторіи Малороссіи и тѣ матеріалы, которые касаются обычной служебной дѣятельности Стефановича въ званіи сотника и полковаго судьи.

Дѣдъ В. Стефановича былъ Гадяцкимъ эсауломъ и, убитый при погонѣ за татарами подъ Чигириномъ, былъ погребенъ въ Фастовской церкви. Отецъ—протопопъ Гадяцкій, умеръ въ шведскую „руину" (т. е. Мазеповскую смуту) „безъ всякаго порока" (безъ подозрѣнія въ измѣнѣ)". В. Стефановичъ родился въ 1697 г.; учился сначала въ Кіевской Академіи, а потомъ въ Германіи, Австріи и Италіи; получивъ въ 1722 г. магистерскій дипломъ отъ Бреславльскаго университета, въ 1724 онъ вернулся въ отечество, именно въ Петербургъ, и былъ взятъ сначала къ самому Петру, а потомъ къ Меншикову въ переводчики; по смерти Петра В. участвовалъ въ изданіи въ Ревелѣ книги Ѳеофана Прокоповича о дѣятельности этого государя, затѣмъ совсѣмъ перешелъ къ Прокоповичу и былъ профессоромъ реторики и философіи въ его семинаріи.

Вызванный гетманомъ Даніиломъ Апостоломъ, онъ въ 1729 г. оставилъ учительство въ семинаріи и былъ опредѣленъ „въ коммисію книгъ правныхъ“ (очевидно, за этимъ его и вызвалъ гетманъ); за тѣмъ произведенъ въ бунчуковые товарищи и назначенъ Лохвицкимъ сотникомъ. Все это произошло въ короткій промежутокъ времени—въ теченіе одного 1729 года и начала 1730; въ коммиссію по составленію свода законовъ онъ былъ назначенъ въ маѣ 1729 г. Между тѣмъ новый сотникъ поселился во своемъ сотенномъ городѣ (гдѣ имѣлъ свой домъ) и долженъ былъ тамъ на мѣстѣ заниматься переводомъ назначенной ему части источниковъ малороссійскаго права; въ дек. 1730 г. ему и другимъ его товарищамъ по коммиссіи двукратно предписано было гетманомъ явиться къ 1 янв. 1731 г. въ Глуховъ, для общаго совѣщанія по своду и редакціи законовъ. Члены коммиссіи, и въ томъ числѣ С—чъ, дѣйствительно, съѣхались вó-время въ Глуховѣ, гдѣ для занятій ихъ былъ отведенъ особый домъ; но, вѣроятно, они тамъ занимались недолго: въ маѣ С—чъ опять былъ уже въ своей сотнѣ, и оттуда вызванъ гетманомъ съ тѣмъ, чтобы отправить его въ Москву съ готовымъ уже переводомъ „правъ“ (о чемъ и самъ онъ заранѣе просилъ гетмана, имѣя свои частныя дѣла въ Москвѣ). Въ іюлѣ онъ отправился въ Москву, а въ сентябрѣ уже возвратился въ Глуховъ и оттуда—въ Лохвицу. Но, очевидно, работа, которую повезъ С—чъ въ Москву, не была окончательною; дѣло не только свода, но и перевода законовъ, продолжалось и потомъ: въ 1732 г. С--чъ доженъ былъ явиться въ Глуховъ съ порученною ему частію перевода; но не явился вó-время и получилъ отсрочку до 1 мая. Въ томъ же году мѣстомъ для засѣданій коммиссіи былъ назначенъ г. Прилуки, какъ болѣе центральный для съѣзда членовъ, и туда вызваны изъ полковъ писцы для работъ коммиссіи. На этомъ прекращаются свѣдѣнія о коммиссіи, сообщаемыя нашими матеріалами.

Въ послужномъ спискѣ своемъ С—чъ говоритъ, что онъ работалъ въ коммиссіи 6 лѣтъ, живя въ Глуховѣ; въ аттестатѣ же о службѣ говорится уже о 8 годахъ его дѣятельности въ коммиссіи; относится ли это свидѣтельство къ первому періоду работъ коммиссіи (1728—34 гг.), когда (какъ мы видѣли) С—чъ не жилъ въ Глуховѣ, а лишь пріѣзжалъ на короткіе сроки, или, быть можетъ, онъ вновь былъ призванъ въ коммиссію (въ 1734—38 гг.)? Въ спискахъ членовъ,

сообщенныхъ Маркевичемъ, въ числѣ именъ, значащихся на окончательномъ экземплярѣ перевода Саксон. Зерцала и Магдеб. права, и въ другихъ спискахъ членовъ коммиссіи, его имени не находимъ [1]). Въ матеріалахъ, собранныхъ А. Ѳ. Кистяковскимъ, имя Вас. Стефанова упоминается лишь одинъ разъ, и это упоминаніе относится къ 1731 г. [2]).

Повидимому, въ первоначальномъ составѣ коммиссіи онъ предсѣдательствовалъ: въ прошеніи, поданномъ въ Коллегію иностр. дѣлъ въ 1731 г., говорится, что онъ „съ товарищи“ уже два года въ Глуховѣ трудится; экономическія дѣла коммиссіи поручаются ему.

Ученый законовѣдъ не избѣжалъ, однако, и военной казацкой службы, совершилъ въ отрядѣ ген. Румянцева походъ подъ Хотинъ; ходилъ и противъ татаръ, когда они вторглись въ Миргородскій полкъ, и отразилъ ихъ за линію.

Съ 1750 г., со смерти Лубенскаго полковаго судьи Павловскаго, С—чъ исправлялъ должность судьи и въ сент. 1751 утвержденъ въ этой должности гетманомъ гр. Разумовскимъ. Скончался онъ въ 1773 г.

Служба его, можетъ быть, была небезупречна (подобно службѣ многихъ его малороссійскихъ современниковъ); въ дневныхъ запискахъ Як. Маркевича отмѣчено, что въ 1733 г., апр. 22, „Лохвицкій сотникъ и писарь его были привезены въ Глуховъ подъ карауломъ“; пожалованныя ему имѣнія въ с.с. Жабкахъ и Ригахъ были отобраны кн. Шаховскимъ.

Вас. Стефановичъ былъ женатъ на Марьѣ Ивановнѣ Гамалѣй, дочери Ивана Михайловича Гамалѣя (по указанію А. М. Лазаревскаго).

---

[1]) См. А. Ѳ. Кистяковскаго: „Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ“, стр. 12—13, и Теличенка: „Очеркъ кодификаціи малорос. права“, Кіев. Стар., 1888 г., сентябрь.

[2]) А. Ѳ. Кистяковскій, ibid.. стр. 10.

Печатаемые матеріалы составляютъ копіи пол. XVIII в.; они были найдены покойнымъ проф. У—та А. А. Өедотовымъ-Чеховскимъ и хранятся въ Кіевск. центр. архивѣ.

Сообщилъ М. В.—Б.

I.

„Сказка“ о служебной дѣятельности В. Стефановича, представленная имъ самимъ по требованію гетмана гр. К. Г. Разумовскаго, —14 января 1762 года.

1762 года, генваря 14 дня. За силу его высокородия гп—дна асаула генералного Журавки, в силѣ высокого его графского сиятельства, ясневелможного высокоповелителного гп-дна, гп-дна Малия Россіи, обоихъ сторонъ Днепра и войскъ Запорожских гетмана и разнихъ ординовъ кавалера повелѣнія, в полковой Лубенской канцеляріи полученного ордера, судія полковій лубенскій Василь Стефановичъ в онои полковой канцеляріи сказкою показалъ:

1. Состоитъ ему, Василію Стефановичу, от роду лѣтъ шестьдесятъ пять; [1]) между тимъ, в давнихъ мимошедшихъ годахъ, учился онъ, Стефановичъ, академическихъ учений в Кіевѣ и, оконча тамо философію и богословію, з Кіева отлучась, былъ в Германіи, в Силезіи, Саксонѣи, Моравіи, в Богемѣи—в Пряги, в Австріи—в Вееннѣ, в Италѣи: в Медіалянѣ, в Венеціи и в Римѣ, и в другихъ знатнихъ мѣстахъ, а училъся в разнихъ академіяхъ тамо чрезъ шесть лѣтъ на своемъ коштѣ, для лутшой прислуги отечеству своему, и в цесарской Леополдинской Вратиславской академіи произведенъ в магистри и учителемъ философіи и наукъ, на что и печатній ему въ 1722 году данъ за цесарскою печатю патентъ, и с оного переводъ сообщаетъ.

2. А в прошломъ, 1724, году, поворотясь, онъ, Стефановичъ, з иностранихъ государствъ, прибылъ в Санктпѣтербургъ к начинав-

---

[1]) Слѣдовательно, родился въ 1697 году.

шейся тогда тамо академіи, где сперва блженния и вѣчнославния памяти государемъ императоромъ Петромъ Великимъ, самодержцемъ всероссійскимъ, взятъ былъ в императорскій дворъ, а оттуду, на прошение князя Меншикова, от Его Величества опредѣленъ былъ к Меншикову по дѣлу Сапѣжанскому за должние ему от Сапѣги немаліе денги и за заложенние маетности Гори-Горки и Думброванa,— и протчие; по якому дѣлу з многочисленнихъ писямъ переводъ, а послѣ экстракти дѣлалъ; а потомъ и грамоты от Его Императорскаго Величества на латинскомъ язики писалъ до его высочества короля полского и до Рѣчи-посполитои и оніе грамоти переводилъ же, после чего и тіе маетности под россійское владѣніе были отдани, а дѣло отдано имѣется,—уповаетъ онъ, Стефановичъ,—в іностраннихъ дѣлъ коллегіи; при томъ же дѣлѣ замедлѣлъ онъ, Стефановичъ, даже до преставления Его Императорскаго Величества от сего временнаго на вѣчное блаженство; а по преставленіи Его Величества, за неимѣніемъ еще тогда при академіи латинской типографіи, посиланъ былъ в Ревель и тамо на латинскомъ языкѣ печаталъ (и в исправки былъ) исторію преставления и дѣйствъ Его Императорскаго Величества составу архіепископа Θеофана Прокоповича; и после, не пожелавъ быть при Меншикову, отлучилъся от двора и былъ при семинаріи у преосвященного Θеофана, архіепископа великоновгородскаго, гдѣ и реторики и философіи профессоромъ былъ, и оставилъ по себѣ достойнихъ учениковъ, якіе і в знатние люде произойшли; на тоже и данній от его преосвященства за рукою и печатю его патентъ сообщаетъ.

3. В прошломъ же 1729 году, позванъ будучи отъ покойного гетмана и кавалера Даніила Апостола, в Малую Россію прибылъ и дѣйствително уже в Малой Россіи вступилъ тогда ж в службу и первіе, того 729 году мая 9, указомъ войсковой енералной канцеляріи опредѣленъ былъ в комисію книгъ правнихъ, а посля от оного покойного гп—дна гетмана и кавалера Апостола в томъ же 729 году пожалованъ в бунчукові товарищи и еще лохвицскімъ сотникомъ, на прошение тамошнихъ сотнянъ; да і еще з оного сотницства сиятелнѣйшимъ графомъ высокоповелителнимъ гп—дномъ, гп—дномъ Малія Россіи, обоихъ сторонъ Днепра и войскъ Запорожскихъ гетманомъ и разнихъ ординовъ кавалеромъ, его сіятельствомъ Кирилломъ Григоріевичемъ Разумовскимъ пожалованъ полковимъ лубенскимъ судіею,

за обикновенними от всего полку Лубенского виборами; в якомъ чину и н-нѣ, онъ Стефановичъ, служитъ; на тіе же свои чини сообщаетъ подлинніе гетманскіе унѣверсали.

4. В тихъ же чинахъ будучи, онъ, Стефановичъ, служилъ по разнимъ нарядамъ и комендираціямъ, в походахъ: одномъ кримскомъ, а другомъ под Хотѣнемъ, под командою генерала Румянцова, у Днѣпра, за Переясловлемъ, при закритіи границъ; да проти Татаръ с тисячу команди былъ, когда они зѣмою были вторгнули в Миргородский полкъ и тогдаж прогнани на линѣи; откудѣ и позванъ былъ в Глуховъ, в коммисію книгъ правнихъ.

5. При той коммисіи книгъ правнихъ служилъ чрезъ шесть годъ, живучи в Глуховѣ.

6. Былъ же еще от покойного гетмана и кавалера Апостола опредѣленъ в главний комисариятъ і в ономъ служилъ при исправки комисарскихъ дѣлъ и при слѣдствіи об обидах в Гадяцкомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ, и содерживалъ самъ одинъ весма затрудненную тогда щетную коммисію, и тихъ полковъ полковихъ и сотеннихъ комисаровъ, ездячи по сотнямъ, за три года считалъ.

7. В 1731 году посиланъ былъ за войсковими нужними дѣлами до двора Ея Императорскаго Величества в Москву, в иностраннихъ дѣлъ Коллегію; в якомъ походѣ и службѣ промедлѣлъ осмъ м-цей.

8. Сверхъ же того, в непрестаннихъ коммисияхъ разнихъ безпереривно служилъ, а іменно: 1) в розграниченіи полку Миргородского с Лубенскимъ; 2) в розграниченіи полку Лубенского с Гадяцкимъ; 3) за Днѣпромъ в коммисіи Глинской и Цибулевской, и Криловской, с бунчуковимъ товарыщемъ Иваномъ Остроградскимъ і войсковимъ канцеляристомъ Базилевичемъ; 4) в полку Прилуцкомъ по дѣлу бывшого ѳелдмаршала Миниха за спорние земли между Ярошовкою и Карпиловкою и за границю Прилуцкого полку; 5) в коммисіи Хоружевскои за спорние землѣ с Недригайловцами и Смѣлянами; 6) в коммисіи Смѣлянскои за спорние землѣ козаков с монастыремъ Печерскимъ; 7) в коммисіи Роменской и Коровинской; 8) в коммисіи Бубновской и Мокіевской; 9) в коммисіи Глинской и Перекоповской; 10) на слѣдствіи о смертномъ убійствѣ и зажигательствѣ в селѣ Голѣнцѣ; 11) в коммисіи Сенчанскои дважди; 12) в коммисіи Оржицкой по дѣлу Славуя; 13) в коммисіи по дѣлу Мартосювъ в селѣ Івахникахъ; 14) в коммисіи Горошинской; 15) в ком-

мисіи за Глуховомъ, в селѣ Сопѣчахъ, за спорние землѣ между покойнимъ гетманомъ и кавалеромъ Апостоломъ и генералнимъ асауломъ Мануйловичемъ, былъ с тогдашнимъ генералнимъ асауломъ Лисенкомъ; і в другихъ меншихъ многочисленнихъ коммисіяхъ онъ, Стефановичъ, служилъ, якихъ всѣхъ и писать былоби много, да и спомнѣть обо всѣхъ за давность времены не можетъ; на вышепоказанние же свои службы онъ, судія Стефановичъ, и писменние види, якіе не сгорѣли, сискатся могли, самие подлинние сообщаетъ, а другіе во время пожара сгорѣли и ростаскани между другимъ его, Стефановича, имуществомъ; ибо в Лохвицѣ жилой его домъ трожди сгорѣлъ, однакож о вышепоказаннихъ его, Стефановича, службахъ и сама полковая Лубенская канцелярія засвидѣтельствовать можетъ з самихъ ея опредѣленій и нарадовъ, якож такіе комендирацiи з болшой части от онои полковой канцеляріи произходили.

9. Между тими же его, Стефановича, службами з опредѣления полковой Лубенской канцеляріи, за неімѣниемъ тогда еще настоящого судіи, онъ же, Стефановичъ, і в полковой канцеляріи при правленіи колодничих и челобитческих дѣлъ служилъ по 751 годъ.

10. В прошломъ же 751 году, онъ, Стефановичъ, пожалованъ от его ясневелможносги, какъ вышей значиться, судіею полковимъ лубенскимъ, в томъ уже чину безотлучно при полковой резиденцiи служитъ чрезъ одинадцять лѣтъ, не точию при правленіи судовихъ, колодничихъ и челобитческихъ дѣлъ, но при правленіи ежечасто полковой канцеляріи, какъ о томъ и самои генералнои канцеляріи небезизвѣстно есть з репортовъ и доношеній, отъ полковои канцеляріи посилаемихъ.

11. Онъ же, судія Стефановичъ, з отца, дѣда и прадѣда малоросіецъ; и его дѣдъ Тихонъ былъ полковій гадяцкій асаулъ и, вѣрно высокомонаршому Россійскому престолу служачи, не щадя живота своего, в погонѣ татаръ, неподалече от Чигрина, убитъ от них и привезенъ до Хвастова, в тамошній церквѣ погребенъ далече еще до шведской руини, а в коемъ году, онъ, Стефановичъ, за давностію знать не можетъ, а только тое слихалъ от отца своего и родного дяди, обозного генералного Якова Лизогуба; отецъ же его, Стефановича, былъ протопопъ гадяцкій, и в самую шведскую руину без всякаго порока умре; да онъ же, Стефановичъ, и в близкомъ срод-

ствѣ находитъся с домомъ Лизогубовскимъ и Гамалѣевскимъ, в коихъ обоихъ домахъ и высокомонаршие грамоты имѣются на дворянство.

Судія полковій лубенскій Василь Стефановичъ.

II.

Дипломъ, полученный В. Стефановичемъ отъ философскаго факультета Бреславскаго университета,—3 іюля 1722 г.

Деканъ преславнаго факултету философскаго в преславномъ цесарскомъ и королевскомъ унѣверситетѣ Леополинскомъ Вратиславскомъ, езуицкомъ.

Отездя от насъ благородній и ученѣйшій гп—днъ Василій Стефановичъ, волнихъ наукъ и философіи магистеръ, похвалнимъ обикновеніямъ бывшаго его у насъ житія и ученій своихъ писменнаго свидѣтельства требовалъ; справедливому прошению довлетваря и в дорогой цѣнѣ нами держимую добродѣтель и другимъ за слушность рекоммендуя, симъ свидѣтельствуемъ, что онъ в преславномъ университетѣ Леополинскомъ Вратиславскомъ, в философскихъ ученияхъ, яко высочайшое достоинство философское, между первими первій получить заслужилъ, такъ и трудился съ превосходителними талентовъ его рекомендациями; для того достойнаго его аттестуемъ во всякомъ унѣверситетѣ допустить к богословскимъ учениямъ; к тому же сакламентовъ (sic) и добродѣтелей и нравовъ, якіе от академій требуються на образъ другимъ, постоянно всецѣлое изъявилъ правителямъ удоволство; для того добродѣтелми и ученіемъ премного намъ себе, а черезъ насъ и другимъ учинилъ похвали достойнимъ, чего во вѣрность и сей патентъ, чина нашего печатю притисненній и собственною рукою нашею подписанній, ему данъ въ Вратиславѣ 3 дня м-ця июля 1722 года.

Подлинній печатній подписано тако: Петръ Гордесъ, от соціетату езуитовъ факултету философскаго деканъ.

У сего патента болшая цесарская печать. (М. П.).

III.

Увольнительное свидѣтельство отъ должности учителя гимназіи, выданное В. Стефановичу архіеп. Θеофаномъ Прокоповичемъ,—11 января 1729 г.

Отпущенъ от насъ сего обявитель, Василей Стефановичъ, по его желанію, которой отъизжая просилъ насъ о свободномъ себѣ абшитѣ

со свидѣтельствомъ бывшаго ево при насъ жытия и службы; и мы на его прошение симъ обявляемъ, что служилъ онъ при насъ в домовой собственной нашей гимназіи учителемъ в реторикѣ и философіи и жилъ съ 724 по нынѣшній 729 годъ во всемъ своемъ правленіи честно, постоянно и неподозрительно, чего для ему, Стефановичу, и сей абшитъ от насъ, за подписаніемъ руки нашей, в Москвѣ данъ 1729 года генваря 11 дня.

На подлинномъ тако: Смиренній Ѳеофанъ, архиепископъ Великого Новаграда и Великихъ Лукъ.

У сего абшита, в вѣрное свидѣтельство, при подписаніи руки нашей, печать приложена (М. П.). Въ книгу записанъ № 9.

IV.

Приказъ гетм. Д. Апостола о назначеніи В. Стефановича въ число лицъ, которымъ порученъ переводъ законовъ нарусскій языкъ,—12 мая 1729 г.

П-не Стефановичъ! Поневажъ опредѣленъ в.м—сть отъ насъ для переводу, по указу Е. В., книгъ правнихъ на русскій язикъ, того ради в.м-сти при ономъ переводѣ быть и, якъ надлежитъ, з протчими опредѣленними особами полѣценное дѣло исправлять приказуемъ.

З Глухова мая 12 дня року 1729.

На подлинномъ тако: в.м-сти ласкавій Е. И. В. войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра гетманъ Данило Апостолъ.

V.

Универсалъ гетм. Даніила Апостола объ опредѣленіи В. Стефановича бунчуковымъ товарищемъ,—6 нояб., 1729 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола [1]). Всѣмъ, кому би о томъ вѣдати надлежало, а особливе п-ну полковниковѣ, нынѣ наказному, а впредь совершенному гадяцкому, п.п. старшинѣ полковой тамошней и сотникамъ ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ, ижъ п-нъ Василій Стефановичъ чрезъ суплѣку свою просилъ насъ, абисмо, его

---

[1]) Здѣсь и далѣе мы опускаемъ длинний и многословний титулъ гетмана.

под нашу протекцію и оборону принявши, велѣли ему службу войсковую отправовать под бунчуковымъ знакомъ. Мы прето, гетманъ, прошеніе его, п-на Василія, принявши, вѣдаючи-же ку таковой службѣ згодность и способность, окриваемъ его нашею гетманскою протекціею и под бунчуковымъ главнимъ нашимъ гетманскимъ знакомъ службу войсковую отправовать ему определяемъ; за симъ, вѣдаючи о такой волѣ нашой, п-нъ полковникъ гадяцкій, нынѣ наказный, а впредь совершеній, п.п. старшина полковая, абы нѣвчомъ до него не интересовались; еслибы кто к нему имѣлъ якую претенсию, тотъ искалъ би у насъ, гетмана, з него суда и сатисфакціи, кромѣ поточнихъ справъ и маловажнихъ, упоминаемъ и рейментарско приказуемъ.

Данъ въ Глуховѣ ноября 6 д. 1729 году.

На подлинномъ тако: Звышменованній гетманъ рукою власною (М. П.).

VI.

Универсалъ гетм. Дан. Апостола о командированіи В. Стефановича въ полки Полтавскій, Гадяцкій и Миргородскій для ревизіи доходовъ и расходовъ,—5 декабря 1729 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола.—Панамъ полковникамъ: полтавскому и наказному гадяцкому, также п-намъ управляющимъ в полку Миргородскомъ и тихъ полковъ п-намъ старшинѣ полковой, сотникомъ, а особливе коммисарамъ полковимъ и сотеннимъ тамошнимъ и всѣмъ, кому би колвекъ о томъ вѣдати надлежало, ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ, ижъ учинилося намъ извѣстно, что комисаре означеннихъ Полтавского, Гадяцкого и Миргородского полковъ, полковие и сотенние, непропорціоналнимъ на консистентовъ провиянту и фуражу определеніемъ и переборами людямъ чинятъ обиди и отягощения, якихъ переборовъ на нихъ немало взискатися можетъ, од чого обивателѣ поносятъ обиду и разоренне; теди в оній Полтавскій, Гадяцкій и Миргородскій полки ординовалисмо бунчукового товариша, п-на Василия Стефановича, которому, яко полѣцилисмо од вишеозначеннихъ комисаровъ полковихъ и сотеннихъ за прошедшіе и настоящій годи, сколко на тіи полки якихъ порознь определено было консистентовъ и сколко на оние, в якомъ полку и сотнѣ видано, на

которие м-сцѣ и годы, натурою-ль или денгами порцій и рацій, и по якимъ квитанциямъ, взять щотъ, и праведное-ль од нихъ везде было чинено в опредѣленіи консистентовъ расположенне и не было-ль где якого излишнего перебору, подлинно зревѣдовать и, все тое порядочно с обстоятельствомъ на писмѣ спорадивши, за рукою намъ подать ведомость; такъ же приказуемъ, абы кого онъ, п-нъ Стефановичъ, к полѣценному его дѣлу для подлинного о томъ изслѣдования востребуетъ, всякъ, а барзѣи комисаре полковие и сотенние, пред нимъ чинили сознаніе по самои сущой истиннѣ, нѣчего не утаевая; а п-нове полковники полтавскій и наказній гадяцкій, такъ же п-нове управляющіе в полку Миргородскомъ з п-нами старшиною полковою и сотниками свѣдчили ему, п-ну Стефановичу, надлежащое по его требованію в томъ полѣценномъ дѣлѣ помоществование, безъ противности и ослушания, приказуемъ; тутже докладаемъ, абы онъ же, п-нъ Стефановичъ, будучи в полкахъ у тои ревизіи, подлинно освѣдомилъся, не імѣется ли и од великороссійскихъ консистентовъ в переборѣ и в протчемъ обивателямъ якихъ обидъ, и, о томъ взявши такъ од коммисаровъ, яко и од самихъ тихъ, хто обиду имѣетъ, з якимъ доказательствомъ извѣстие, далъ намъ знати, предлагаемъ.

Данъ в Глуховѣ декабря 5 д. року 1729.

В подлинномъ тако: Звышеменованній гетманъ рукою власною (М. П).

VII.

Универсалъ гетм. Дан Апостола объ опредѣленіи В. Стефановича сотникомъ въ Лохвицу,—10 іюля 1730 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола. Ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ п-ну полковниковѣ лубенскому з старшиною полковою, сотникомъ и всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежат иметъ: понеже в полку Лубенскомъ в сотнѣ Лохвицкой совершенного сотника нѣтъ, а от сотнянъ тамошнихъ подана намъ челобитная, за подписанием войскового товариства и мѣщанъ, чтоб опредѣлить имъ совершенного сотника с кандидатовъ трохъ, ими вибранныхъ, а имено: п-на Василия Стефоновича, бунчукового товарища, да з козаковъ тамошнихъ Романа Яковлева и Петра Терещенка; того ради, по усмотрѣнію нашомъ, по прошенію атамановъ, товариства и мѣщанъ, яко з помя-

нутих трох кандидатовъ п-нъ Василій Стефановичъ в сотню Лохвицкую сотникомъ от нас опредѣленъ, и в томъ чину на вѣрность Е. И. В. виконалъ тутъ в Глуховѣ присягу, такъ по силѣ данной намъ высокомонаршой Е. И. В. жалованной грамотѣ, имѣючи власть всякіе воинскіе и гражданскіе в Малои Россіи устроевать порядки, его жъ, п-на Стефановича, на томъ сотничества Лохвицкого урядѣ властию нашою гетманскою утверждаемъ и чрезъ сей нашъ унѣверсалъ предлагаемъ, абы помянутой сотнѣ Лохвицкой атамания и товариство, его, п-на Василия Стефановича, знаючи за своего комендира, отдавали ему честь и послушание с обикновеннимъ повиновениемъ; онъ же взаемне долженъ з оними сотнянами своими обходитися чинно и порядочно, доволствуючи каждого въ нуждѣ его слушною росправою и сатисфакціею безобидно. Того ради и короговъ сотенную вручить ему при собрании товариства приказуемъ.

Данъ въ Глуховѣ юля 10 д. 1730 году.

На подлинномъ тако: Звышменованній гетманъ рукою власною (М. П.).

VIII.

Письмо полковника лубенскаго Петра Апостола къ В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, по дѣлу о раздѣлѣ крестьянъ между Криштоповичемъ и его мачихою,—1 декабря 1730 г.

Мой зичливій приятелю, пане сотнику лохвицкій! В дѣлѣ сотника сенчанскаго пана Івана Криштоповича з мачехою его, якая посилается до в.м. инструкция, по той в подѣлѣ имѣете управитись; а хотя в оной інструкціи в третомъ пунктѣ показано, что и изъ людей деревнѣ Лучки удѣлить мачесѣ сотниковой третую часть, однакъ, понеже и самому п-ну сотнику означенной деревни люде не крѣпки, ибо на оные унѣверсалу гетманского не імѣется, по дѣлу чинить предлагаемъ и за тимъ в.м. зичимъ здравствовать.

Данъ въ Лубняхъ 1730, 1 декабря.

На подлинномъ тако: В.м. зичливій приятель, Е. И. В. войска Запорожскаго полковникъ лубенскій Петръ Апостолъ.

IX.

Приказъ гетм. Д. Апостола В. Стефановичу явиться къ 1 янв. 1731 г. въ Глуховъ для перевода и свода Малороссійскихъ законовъ, —2 декабря 1730 г.

П-не сотнику лохвицкій! Сего декабря 1-го д. 1730 году получили ми предостойнѣйшую высокомонаршую Е. И. В., з коллегіи иностраннихъ дѣлъ присланную к намъ, грамоту, в которой изображено, что ежели малороссійскіе права, названние Маидебурскіе да Саксонскіе статути, на славянскій языкъ непереведени и из трехъ въ едно не сведени, то приказать бы намъ кому из духовнихъ и свѣцкихъ то дѣлать без упущенія времени с прилѣжаниемъ, о чомъ прошлого 1729 году из Святѣйшаго Правительствующаго Синоду к духовной власти указами особенно писано, и, какъ скоро возможно, то здѣлавъ, прислать в Москву и въ Коллегию иностраннихъ дѣлъ, намъ писать. Того ради якъ до прочихъ персонъ, для переводу и своду книгъ опредѣленнихъ, послани наши укази, такъ и до в. м-сти пишучи пилно предлагаемъ, абись в. м., по силѣ оной высокомонаршой грамоты и по двократкому указу нашому для означенного переводу и своду, приездилъ в Глуховъ слѣдующаго януарія на первое число пребудущого 1731 году всеконечне, без жаднихъ одговорокъ, даби, за неприездомъ в.мстинимъ, в томъ дѣлѣ не учинилась остановка. А если би не імѣлъ в.м. на означенное число приехать, то нарочніи от насъ послани будутъ и з безчестием в. м-ти сюда припроводятъ, где, за припровоженіемъ его сюда, и убытки тимъ, которіе, к томужъ переводному дѣлу означены, завременно в Глуховъ прибудутъ, без битности в.м. тутъ станутъ жить и напрасно убиточаться, пополняти будешъ, обявляемъ.

З Глухова декабря 2 дня 1730 году.

На подлинномъ тако: В.м-ти ласкавій Е. И. В. войска Запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гет. Данило Апостолъ.

X.

Повторительный приказъ гетм. Д. Апостола В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, явиться въ Глуховъ для занятій по своду и переводу законовъ къ назначенному сроку,—13 декабря 1730 г.

П-не сотнику лохвицкій! Сего декабря 2 дня 1730 году, по силѣ высокомонаршой Е. И. В. з Коллегіи іностраннихъ дѣлъ к намъ

присланной грамоти, писано от насъ до В.м., даби для переводу и своду книгъ правнихъ приѣздилъ в Глуховъ слѣдуючого януарія на 1 число предъидущого 1731 году всеконечно, без жаднихъ отговорокъ, чтобъ, за неприездомъ в.м-ти, намъ в томъ дѣлѣ не учинилося остановки. А если би не імѣлъ на означенное число приехать, то нарочніи от насъ посланни будутъ, где, за припроважениемъ его сюда, и убитки тимъ, которіе, к томужъ переводному дѣлу опредѣлени, завременно в Глуховъ прибудутъ и станутъ жить, и напрасно убиточиться, пополняти мѣетъ. Такъ и теперь, повторне до в.м. пишучи, предлагаемъ, абысь в.м. для означеннаго переводу и своду книгъ правнихъ к означенномужъ числу приездилъ в Глуховъ непремѣнно, ибо сегожъ декабря 10 дня и его сиятельство г-днъ генералъ маіоръ сенаторъ и кавалеръ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской к намъ писалъ и требовалъ по вышепоказанной высокомонаршой грамотѣ исполнения немедлено.

З Глухова декаврия 13 д. 1730 году.

На подлиномъ тако: В.м-сти ласкавій Е. И. В. войска Запорожского обоихъ сторонъ Днепра гетманъ Данило Апостолъ.

XI.

Приказъ гетм. Дан. Апостола сотникамъ: глуховскому, кролевецкому, воронежскому и новомлинскому, чтобы посполитые ихъ сотенъ доставляли дрова для отопленія дома, отведеннаго для засѣданій коммиссіи свода законовъ,—9 января 1731 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола. П-мъ сотникамъ: глуховскому, кролевецкому, воронежскому и новомлинскому, з ихъ урядами объявляемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ: понѣже в опредѣленномъ для своду по указу Е. И. В. книгъ правнихъ дворѣ на отопление избъ дровъ не имѣеться; того ради, аби вышеозначение п.п. сотники з своихъ сотенъ приказали посполитими людми, в онихъ сотняхъ найдуючимися, дровъ, что потребно будетъ, до двору нашого Бѣлополовскаго, которій для оного своду правнихъ книгъ опредѣленъ, вистатчити, и впредь до окончания того дѣла вистатчать и отдавать в томъ дворѣ сотниковѣ лохвицкому п-ну Василію Стефановичу, которій при вышеозначенномъ же переводѣ и сводѣ правнихъ книгъ найдуеться.

Данъ в Глуховѣ генвара 9 дня 1731 году.

На подлинномъ тако: Звышменованній гетманъ рукою власною (М. П.).

XII.

Приказъ гетм. Данила Апостола В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, явиться въ Глуховъ для отправки его въ Москву съ переводомъ законовъ,—9 мая 1731 г.

Пане сотнику лохвицкій! За полученiемъ сего нашего указу приказуемъ, абись в.м., всѣ свои домашние оставивши забави, якъ найскорѣй приездилъ к намъ в Глуховъ, отколь мѣешъ выправленъ быть до двору Е. И. В. с переводомъ части правнихъ книгъ, в Москву, понеже в.м. и самъ просилъ насъ, чтобъ ми чрезъ в.м-сти оній переводъ послали, при чемъ би и собственное свое дѣло моглъ в.м. тамъ, в Москвѣ, исправити; якое в.м.-тино немедленное прибитие и повторе пилно приказуемъ.

З Глухова мая 9 д. 1731 году.

На подлинномъ тако: В.м-ти ласкавій Е. И. В. войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ и кавалеръ Данило Апостолъ.

XIII.

Паспортъ, выданный гетм. Даниломъ Апостоломъ В. Стефановичу при отправленіи послѣдняго въ Москву,—16 іюля 1731 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола. Обявляемъ симъ нашимъ пашпортомъ почтеннимъ господамъ воеводомъ, коммендантамъ и всякого чину в городахъ и селахъ великороссійскихъ, такожъ на заставахъ команду имѣючимъ, и всѣмъ, кому бы о томъ вѣдати надлежало, ижъ сотника лохвицкаго Василія Стефановича, отправившагося в дѣлахъ войсковихъ, проводяться на двохъ возахъ в Москву естние и питейние припаси, и даби в городахъ и селахъ великороссійскихъ тие припаси безъ задержания пропущано. Чего ради во увѣреніе, за рукою нашею гетманскою и печатю войсковою, сей пашпортъ данъ в Глуховѣ іюля 16 д. 1731 году.

На подлиномъ тако: Звишменованній гетманъ и кавалеръ рукою власною (М. П.).

XIV.

Паспортъ, выданный гетм. Даниломъ Апостоломъ В. Стефановичу, возвратившемуся изъ Москвы и ѣдущему въ Лохвицу,—18 сентября 1731 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола. Старшинамъ рейменту нашого, в городахъ и селахъ по тракту от Глухова до Лох-

вицъ обрѣтаючимъся, и всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежит иметъ, симъ нашимъ ознаймуемъ пошпортомъ, ижъ прибувшій з Москви панъ Василій Стефановичъ, сотникъ лохвицкій, которій туда посиланъ былъ в войсковихъ дѣлахъ, простуетъ в домъ свой в Лехвицю, которому въ томъ пути дабы давано было подводъ чотири с проводникомъ безъ всякого задержания, приказуемъ.

Данъ в Глуховѣ сентеврия 18 д. 1731 году.

На подлинномъ тако: Звышменованній гетманъ и кавалеръ рукою власною (М. П.).

На оборотѣ листа читаемъ: „Свидѣтействовали: Обозній полковій Василь Кулябка. Писарь полковій Іаковъ Корнѣевичъ. Канцеляристъ Григорій Бѣлашъ.

XV.

Приказъ гетм. Дан. Апостола В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, немедленно явиться въ Глуховъ съ тою частію книгъ законовъ, которая ему была поручена для перевода,—9 марта 1732 г.

П-не сотнику лохвицкій! Прошлого 1731 году, сентеврія 19 и октоврія 16 чиселъ, писано от насъ до опредѣленнихъ персонъ для переводу и своду книгъ правнихъ, дабы они означенние себѣ части, не опуская ничего, переводили не скоро и легко, но прилѣжно и весьма тщательно, а переведши привозили би в Глуховъ на срокъ другои недели настоящаго Великого поста для исправки и аппробаціи общей; а понеже и по сее время з опредѣленними имъ книгъ правнихъ частми они не поприездили в Глуховъ,—того ради поновително имъ сего на датѣ положенного числа от насъ писано, даби, за полученіемъ нашего указу, з означенними имъ книгъ правныхъ частми приездили в Глуховъ немедленно, где и В.м-сти з опредѣленною тихъ книгъ частию, для аппробаціи и своду онихъ книгъ вскорѣ надлежитъ быти; сего ради, абись, по полученіи сего указу, с тоею себѣ опредѣленною для переводу книгъ правнихъ частію, а барзѣй для аппробаціи и своду оних, приездилъ в Глуховъ со всякимъ поспѣшениемъ, пилно предлагаемъ.

З Глухова марта 9 1732 году.

На подлинномъ тако: В. м-ти ласкавій Е. И. В. войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ и кавалеръ Данило Апостолъ.

XVI.

Приказъ гетм. Дан. Апостола В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, явиться въ Глуховъ къ 1 мая (1732 г.) съ порученною ему для перевода частію законовъ, для общей справки ихъ, подъ угрозою штрафа за неявку,—17 марта 1732 г.

Пане сотнику лохвицкій! Писали ми ордерами пред симъ трикратне якъ до прочіихъ персонъ, которимъ для переводу и своду вручены части правнихъ книгъ, такъ и до в.м-ти, дабы оных книгъ правнихъ части определенніе, со всякимъ тщательствомъ и с прилѣжностію переведши, привозили для общей справки до Глухова на термѣнъ минувшей другой недѣли сего Великого поста; а понеже по сее время по тимъ ордерамъ з оними переводними показанние для переводу опредѣленние персоны в Глуховъ не явились,—того ради мы, для наступающихъ святъ воскресенскихъ, тотъ приездъ всѣхъ онихъ персонъ отложивши до прійдучого м-ца мая 1 числа, (приказуемъ, абы) приездилъ в Глуховъ непремѣнно, на который срокъ и протчіимъ з оними переводами персонамъ приездить велѣлисмо; а не імѣлъ би в.м. на тое число сюда стать и переводъ свой привозить, за то в.м. останешся въ штрафѣ и в отвѣтствію, понеже то предлежитъ исполнить по указу Е. И. В., о что и повторе пилно упоминаемъ.

З Глухова марта 27 д. 1732 году.

На подлинномъ тако: В.м-сти ласковій Е. И. В. войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра гетманъ и кавалеръ Данило Апостолъ.

XVII.

Паспортъ, выданный гетм. Дан. Апостоломъ Стефановичу для проѣзда въ Прилуку, гдѣ, ради близости съѣзда, назначено засѣданіе коммиссіи по переводу и своду законовъ,—7 іюля 1732 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола. Старшинамъ рейменту нашого, в городахъ и селахъ обрѣтающимъся, объявляемъ симъ нашимъ пашпортомъ: понеже по указу нашомъ велено переводъ и сводъ книгъ правнихъ опредѣленнимъ к тому персонамъ сочинять ближайшого ради съѣзду в городѣ Прилуцѣ, того ради, аби сотниковѣ лохвицкому, п-ну Василию Стефановичу, едучому нынѣ з Глухова в полкъ

Лубенскій в городъ Лохвицю в домъ свой, а из дому его до Прилуки, и изъ Прилукъ в Глуховъ, если случай позоветъ, либо и в домъ к стамъ и оттуду возвратно в Прилуку, покамисть означенное дѣло окончиться, везде давано згродскихъ и уезднихъ подводъ чотири и козака в проводники, приказуем.

Данъ в Глуховѣ июля 7 д. 1732 году.

На подлиномъ тако: Звышменованный гетманъ и кавалеръ рукою власною (М.П.).

XVIII.

Увѣдомленіе гетм. Д. Апостола о томъ, что имъ сдѣлано распоряженіе о присылкѣ писцовъ въ Прилуку, куда должны съѣхаться Стефановичъ и его товарищи, назначенные для перевода законовъ,—16 октября 1732 г.

Пане сотнику лохвицкій! Листомъ своимъ, сего октовр. 13 д. к намъ присланнимъ, пишешъ в.м. обявляючи, что время тое надходитъ, которого по указу нашему надлежитъ в.м. с товариши своими на срокъ подлугъ росписокъ в.м-тей ѣхать в Прилуку для повѣренного в.м-темъ дѣла; того для требовалъ в.м., даби от нас предложено было до п.п. полковниковъ о присилки писцовъ з добрими характерами в Прилуку, а найпаче тѣхъ, о которихъ в.м. в нашу войсковую Генералную канцелярію реестръ подалъ, на что предлагаемъ, что еще минувшаго августа 11-го предложено от насъ указомъ до п.п. полковниковъ, дабы они, не ожидая повторного от насъ указу, на якій срокъ ви мѣли востребовать, присилалъ бы всякъ съ п.п. полковниковъ двохъ писцовъ добрихъ з чистими характерами для переписки переводнаго дѣла, з харчевимъ припасомъ в Прилуку без умедлѣния; однакъ и теперь по требованію в.м-стиному в подтверждение до п.п. полковниковъ о присилки в Прилуку писцовъ, в реестрѣ в.м-стиномъ написаннихъ, предложено.

З Глухова октябра 16 д. 1732 году.

На подлинномъ тако: В.м-сти ласкавій Е. И. В. войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ и кавалеръ Данило Апостолъ.

XIX.

Письмо лубенскаго полковаго судьи Семена Максимовича къ В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, по дѣлу Роменскаго протопопа Павла Свѣта,—23 мая 1739 г.

М-цѣ пане сотнику лохвицкій, мой велце м-цѣвій пане свате и благодѣтелю! Пречестній отецъ протопопъ роменскій Павелъ Свѣтъ подалъ в полковую Лубенскую канцелярію под превысочайшимъ Е. И. В. именемъ челобытную на значкового полку Лубенскаго товариша Даніила Савоиска и его сыновъ в многихъ починеннихъ ему обидахъ, гвалтахъ и о протчемъ, з прилѣжнимъ словеснимъ прошениемъ о учиненіи по тому челобитю безъволокитного слѣдствия и по силѣ правъ малороссійскихъ рѣшенія: а понеже, за нынѣшнею старшини и значковихъ товарищей в походъ отлучкою, оного слѣдствия весма поручить надежному нѣкому, мнѣ же самому, оставя многочисленнихъ в полковой канцеляріи дѣлъ, отлучиться никакъ не мощно; того ради велце прошу в.м. и пана, для прилѣжнаго его пречестности прошения, не отрекъ съехать в Хмелевъ и, пригласивъ к себѣ в присутствие значковаго товариша Ивана Залюбовского да суда полкового Лубенского писара Өедора Дергая, к которымъ о томъ посланы ордери, учинить о показаннихъ обидахъ, гвалтахъ и побояхъ с надлежащимъ обстоятельствомъ слѣдствіе, а по слѣдствію, если мощно будетъ, въ силѣ правъ рѣшение; если же оного рѣшенія зачимъ учинить будетъ не мощно, то, прилoжа мнѣние, прислать оное в полковую канцелярію; означенная же челобитная его пречестности, тако ж протести на ратушъ роменскую, якъ от его пречестности, такъ и от атамана Хмелевской сотнѣ великобубновскаго, поданние, и потому чиненное слѣдствіе, и осмотръ, бывшій в ратушу роменскомъ, над побитими от пана сотника роменского, в полковую канцелярію при писмѣ присланние, при семъ к в.м. м. пану сообщаю для оппроціи и за тѣмъ остаюсь по всегдашнему (в подлинномъ тако:) в.м. м. пану всезичливій сватъ и слуга судия Семенъ Максимовичъ.

Мая 23 д. 1739 году. Лубнѣ.

XX.

Универсалъ гетмана гр. К. Г. Разумовскаго о назначеніи В. Стефановича лубенскимъ полковымъ судьею,—14 сентября 1751 г.

Обычный титулъ гр. К. Г. Разумовскаго. Г-подамъ генералной

малороссійской старшинѣ, полковникамъ, а особливе полковнику лубенскому, старшинѣ полковой, сотникамъ того полку з урядами и всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, симъ нашимъ унѣверсаломъ обявляемъ: пред симъ, по імѣвшомуся извѣстію, что судия полковій лубенскій Андрей Павловскій прошлого 1750 году декабря 20-го умре,—по данному от насъ генералной войсковой канцеляріи ордеру, в ту суддейства полкового лубенского должность от оной генералной канцеляріи опредѣленъ отставній лохвицкій сотникъ Василь Стефановичъ, до избрания на оное лубенское суддейство подлугъ правъ и малороссійскихъ обыкновеній кандидатовъ; а нынѣ, понеже полковникъ лубенскій з старшиною полковою и сотниками допошениемъ намъ представили, то по силѣ высокомонаршихъ указовъ, прежнимъ примѣромъ и обыкновеніемъ и общимъ согласіемъ, в тотъ суддейства полкового чинъ вибрали кандидатовъ з людей добрихъ, заслуженнихъ, в вѣрности неподозрителнихъ и того чина достойнихъ, показанного сотника Стефановича да пирятинскаго сотника Григория Корнѣевича, и что оніе того чина достойни, об опредѣленіи з ихъ едного в тотъ суддейства полкового чинъ просили нашего разсмотрения; для того мы, из онихъ представленнихъ намъ кандидатовъ усмотря быть того суддейского чина достойнимъ правившаго у судейства должность сотника Василя Стефановича, по данной намъ от Е. И. В. власти, опредѣляемъ упомянутого Стефановича в полкъ Лубенскій настоящимъ полковимъ судіею, симъ нашимъ унѣверсаломъ повелѣвая притомъ, дабы полковникъ лубенскій, старшина полковая, сотники того полку и значковие товариши и всѣ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, о такомъ нашемъ опредѣленіи вѣдая, оного Стефановича за настоящаго судію полкового признавалы и почитали; онъ же, судія полковій лубенскій Стефановичъ, в томъ чину суддейства полкового лубенского будучи, полковнику тамошнему, яко командиру своему, имѣетъ быть послушнимъ, а в должности своей поступать и исправляться радѣтелно и справедливо, доволствуя всякаго в суднихъ дѣлахъ в силѣ малороссійскихъ правъ надлежащею и безволокитною росправою; чего во утверждение и сей нашъ унѣверсалъ з подписомъ нашимъ и при печаты національной ему, судіи Стефановичу, дать повелѣли; а оній Стефановичъ в томъ чину на вѣрность Е. И. В. к присяги зде приведенъ.

Данъ в Глуховѣ 1751 году сентября 14 д.

Оригиналній подписанъ тако: Гетманъ графъ К. Разумовскій (М.(національной)П.).

XXI.

Аттестатъ о безпорочной службѣ В. Стефановича, выданный ему изъ полковой Лубенской канцеляріи,—18 марта 1752 г.

Судия полковій лубенскій Василій Стефановичъ поданнимъ въ 1752 г. в полковую Лубенскую канцелярію доношеніемъ представилъ, что служитъ онъ уже двадцать чотири года и по всякимъ указнимъ нарядамъ отправлялъ службы, якъ в чину сотничества и бунчукового товариства, такъ и н-нѣ в чину полкового судейства вѣрно и радѣтелно, былъ же в коммисіи книгъ правнихъ при переводѣ и сводѣ ихъ чрезъ осмъ годъ на своемъ коштѣ въ Глуховѣ неисходно; за частими же указними нарядами чрезъ все вышеупомянутое время мало когда и в убогомъ его домишку обреталъся, ибо и за войсковыми общенародними дѣлами отправленъ былъ от покойного г-пдна гетмана и кавалера Апостола к двору Е. И. В. в иностраннихъ дѣлъ Коллегію, прожилъ немалое время в Москвѣ на своемъ же коштѣ, а особливо и в главномъ коммисаріатѣ трудилъся не мало, о чемъ всемъ и Генералной войсковой и полковой Лубенской канцеляріямъ не безвѣстно; и до того трудилъся в обученіи честнихъ наукъ чрезъ лѣтъ шестнадцять, в томъ числѣ и в Герминіи и в Италіи прожилъ чрезъ шесть лѣтъ на его отца оставшомъся коштѣ, где и происведенъ в доктори наукъ и философіи в Леополдинской цессарской академіи; да і в Санктпѣтербурге производилъ учение реторики и философіи чрезъ пять лѣтъ; и на то все имѣются у его честние и достойние аттестати; хотя же, респектомъ взирая на его радѣтельние службы и труда, вышеупомянутій г-пднъ гетманъ и кавалеръ Апостолъ далъ былъ ему, судіи Стефановичу, в полку Лубенскомъ в сотнѣ Лохвицкой село Жабки, а в немъ пять десятъ дворовъ, да в селѣ Ригахъ опредѣлено было двадцятъ дворовъ, точию по представленіи (sic) его, гетмана, содержавший правление гетманское князь Шаховскій оние села Жабки и Риги от него судіи отобралъ; и село Жабки опосля отдано хоружому нѣжинскому Гривѣ, а Риги грузинцамъ [1]) отойшли; онъ же,

[1]) Грузинамъ (выходцамъ изъ Грузіи) при императрицѣ Аннѣ роздано было множество имѣній въ южной Малороссіи.

Стефановичъ, остался ни при чемъ, а производя по указамъ всегдашние долговременние радѣтелные службы, и, что по его женѣ взялъ былъ, все тое на оние службы истощилъ, и дачей никакихъ ни на персону, ни на рангъ его, противу другихъ собратій и сочиновниковъ его, весма ничего не имѣетъ, да и купленнихъ грунтовъ уже мало осталось, отчего онъ, Стефановичъ, пришелъ в скудность, и служить долѣе ему самому и дѣтямъ его, коихъ онъ уже изучилъ и к службѣ годнихъ зготовилъ, будетъ ни с чего; и просилъ онъ, Стефановичъ, в засвидѣтельствование тѣхъ своихъ службъ, что за оние высочайшой Е. И. В. милости и награждения достоинъ з полковой Лубенской канцеляріи аттестата. А понеже о вышпоказаннихъ его, судіи Стефановича, службахъ и трудахъ, которие онъ порядочно и ревностно отправлялъ намъ, нижеподписавшимъся, доволно извѣсно, да и нынѣ онъ, судия, по чину и должности своей в произвожденіи и отправленіи всякихъ судебнихъ челобитческихъ, колодничихъ и другихъ дѣлъ прилѣжние и неусипние труди имѣетъ и, при полковой резиденціи безотлучно у тѣхъ дѣлъ находясь, иждиваеться, и, какъ человѣкъ в імѣніи скудній, содержать себе по надлежащому без жадного определения крайнѣ не можетъ; того рады, яко за тѣ свои ревности в службы и труда онъ, судия полковий Стефановичъ, Высочайшей Е. И. В. милости и награжденія, по высокому... [1]) графа Кирилла Григориевича его сиятельства Разумовскаго благоусмотрению достоинъ, такъ ему, судіи Стефановичу, за подписомъ рукъ нашихъ данъ сей з полковой Лубенской канцеляріи в томъ аттестатъ.

В Лубняхъ 1752 года 18 д. марта.

На подлинномъ тако: Полковникъ лубенскій Петръ Апостолъ. Полковій лубенскій писарь Андрѣй Стефановъ. Асаулъ полковій лубенскій Григорій Манжовъ. Хоружій полковій лубенскій Іванъ Жуковскій (М.П.).

XXII.

Рапортъ гродскаго Лубенскаго суда Малороссійской коллегіи о смерти В. Стефановича, полковаго судьи,—19 марта 1773 г.

Въ Малороссійскую коллегію изъ гродскаго Лубенскаго суда репортъ. Прошлого м-ца февраля 12 дня, полковій лубенскій судія

[1]) Обычный титулъ гр. К. Г. Разумовскаго опущенъ.

Василій Стефановичъ, по приключившойся ему жестокой болезни, воліею Божіею умре, о чемъ в Малороссійскую коллегію судъ гродскій Лубенскій репортуетъ.

Полковій обозній Павелъ Кулябка. Полковій писарь Григорій Ковалевскій.

1773 года марта 19.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ СЛѢДСТВІЕ

О МАЕТНОСТЯХЪ

КІЕВСКАГО ПОЛКА,

1729—1730 гг.

Сообщилъ Н. П. Василенко.

„Слѣдствіе о маетностяхъ" было произведено въ 1729—1730 гг. и имѣло цѣлью, съ одной стороны, привести въ извѣстность общее число „маетностей", розданныхъ и подлежавшихъ раздачѣ, а съ другой опредѣлить, согласно „рѣшительнымъ пунктамъ, даннымъ гетману Даніилу Апостолу", права, на основаніи которыхъ владѣли „маетностями" различныя лица и учрежденія. Съ этою цѣлью была образована особая коммиссія изъ генеральной старшины и полковниковъ, которая должна была заняться повѣркой свѣдѣній о маетностяхъ, имѣвшихся въ канцеляріи Министерскаго правленія. Повѣрка производилась сначала на мѣстѣ полковою старшиной, которая, принимая во вниманіе показанія старожиловъ и юридическихъ документовъ, дополняла или исправляла *ревизорскія книги;* коммиссія же, пользуясь добытыми этимъ путемъ свѣдѣніями, опредѣляла уже различные виды маетностей: наслѣдственныя, ранговыя, монастырскія, ратушныя и свободныя войсковыя. Въ случаяхъ сомнительныхъ рѣшалъ гетманъ по докладу коммиссіи. Такимъ образомъ „Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ" заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе важныя данныя для исторіи землевладѣнія въ Малороссіи.

Къ сожалѣнію только, книги „Слѣдствія" извѣстны намъ не по всѣмъ полкамъ. Книги Лубенскаго, Миргородскаго и Полтавскаго полковъ, если не утеряны, должны, мы думаемъ, находиться въ архивѣ Сената, куда онѣ въ свое время были отосланы.

Изъ извѣстныхъ намъ книгъ „Слѣдствія" до сихъ поръ не была ни одна напечатана. Въ настоящее время „Слѣдствіе Черниговскаго полка" печатается А. М. Лазаревскимъ въ „Черниговскихъ губ. вѣдомостяхъ" и выйдетъ отдѣльной книгой, а „Слѣдствіе Гадяц-

каго полка" въ непродолжительномъ времени будетъ въ полномъ объемѣ напечатано нами въ „Полтав. губ. вѣдомостяхъ" и отдѣльно.

Каждая книга „Слѣдствія" состоитъ изъ двухъ частей: самаго слѣдствія и юридическихъ документовъ. Мы ограничиваемся пока печатаніемъ на страницахъ „Чтеній" только „Слѣдствія" Кіевскаго полка, надѣясь со временемъ выпустить въ свѣтъ и документы. „Слѣдствіе," въ свою очередь, распадается на три части: 1) данныя ревизорскихъ книгъ 1726 года, 2) повѣрка полковой старшины и 3) приговоръ коммиссіи. Первую и третью части мы печатаемъ цѣликомъ подъ заглавіями, какія даны имъ въ книгѣ „Слѣдствія". Вторую же часть помѣщаемъ въ извлеченіяхъ въ видѣ примѣчаній къ третьей, съ которою она (вторая часть) во многомъ дословно сходна.

Рукопись, изъ которой мы заимствовали вышеуказанный матеріалъ, не подлинникъ, а современная ему копія; хранится она въ библіотекѣ А. М. Лазаревскаго, въ Кіевѣ.

Н. Василенко.

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка 1729—31 гг.

1. Справка изъ ревизіи о маетностяхъ Кіевскаго полка 1726 года, произведенная въ 1729 г.

По справке въ канцеляріи министерского правленія съ ревизорскими книгами, которая ревизія во всей Малой Россіи чинена въ 1726 г., по имянному блаженнія и вѣчнодостойнія памяти Ея Императорскаго Величества указу, Глуховского гварнизона оберафицерами, посланными изъ бывшой Малороссійской Коллегіи, какіе въ Малой Россіи обретаются местечка, сели и деревни, хутори, званіями каждая порознь, и что въ тѣхъ маетностяхъ дворового числа, и кто ими и по какимъ крепостямъ владеетъ, значится ниже:

Сотнѣ Козелецкой:

Сели *Данювка*—24, *Гламазди*—8, въ *Берлозахъ*—1, въ городе *Козелце*—5, въ *Опенкахъ*—5, въ *Лихольткахъ*—3,—итого 46 дворовъ; владѣетъ Кіевского полку Козелецкого монастира игуменъ Ѳеофанъ Степанскій зъ братіею по унѣверсалу гетмана Скоропадского, даному 1709 году; а съ какихъ оние сели, о томъ въ ономъ унѣверсалѣ не показано.

Село *Красиловка*—8 дворовъ; владеетъ бывшого полкового канцеляриста Климентія Радича жена ево Марія по жалованной грамоте, данной мужу ея въ 7198 году [1]) въ вѣчное владеніе; при томъ мелница на рекѣ Острѣ объ одномъ коле мучномъ; а на какой урядъ оное село принадлежало, того не показано.

Село *Ничаговка*—55 дворовъ; владеетъ Кіевской войтъ Димитрей

[1]) 1690 года.

Полоцкой по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1715 году въ спокойное владеніе; а на какой урядъ оное село принадлежало, того не показано.

Село *Калита*—44 двора; владеетъ Кіевской полковникъ Танской по жалованной грамоте, данной въ 1715 году на урядъ полковничества.

Село *Чемеръ*—56 дворовъ; владеетъ Кіевского полку полковой писаръ Григорій Немеровскій, данное отъ полковника въ 1725 году на урядъ писарства.

Село *Держанувка*—63 двора; владеетъ Кіевского полку полковій судія Ілія Жила по жалованной грамоте, данной въ 1719 году въ вѣчное владеніе.

Село *Вовчокъ*—60 дворовъ; во владеніи Кіево-Софійского монастиря по грамотѣ 1709 г., и оной грамоти исъ того монастира не обявлено.

Въ селѣхъ: *Новикахъ*—27, въ *Димеркахъ*—8, въ *Будищахъ*—24, въ *Сморшкахъ*—20, *Блудшомъ*—16, *Беркове*—15, *Тополяхъ*—23, итого 133 двора; оніе села принадлежали до ратуши Козелецкой по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данномъ въ 1718 году.

Деревня *Ставиская*—13 дворовъ; владеетъ Кіевского полку хоружій полковій Василій Харсѣка времянно, по приказу Кіевского полковника Танского.

Деревня *Шапѣхи*—15 дворовъ; владеетъ Кіевского полку асаулъ полковій Еустафій Гречка по писму, изъ войсковой генералной канцеляріи данному въ 1727 году на урядъ эсаулства.

Села и деревнѣ при вышеписанной ревизіи въ сотнѣ Козелецкой опущеніе:

Села *Серединка* и *Надиновка* и деревни *Копачовъ* и *Сѣножатское*—во владѣніи монастира Елецкого Успенского Черниговского, а почему, о томъ известія ніетъ.

Село *Димерка* и деревня *Ржавецъ* и хуторецъ *Оксакувка* по написанному въ вѣдомости до сихъ поръ обретаються.

Сотнѣ Остерской:

Въ мѣстечке *Остре*—116; въ селѣхъ: *Гуте*—12, въ *Одинцяхъ*—8, въ *Булаховѣ*—12, въ *Савинѣ*—12; въ деревняхъ: *Волевачахъ*—8, въ *Вовчихъ-Горахъ*—5, въ *Упирахъ*—4; въ слободѣ *Старомъ Го-*

родѣ подъ Остромъ—13,—итого 192 двора, принадлежащіе до ратуши Остерской.

Слободка подъ Остромъ—9 дворовъ; владеетъ Черникова полку ротмистръ Ѳедоръ Нестеренко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1716 году за службы его въ спокойное владеніе; и при томъ винниця; а на какой урядъ оная слободка принадлежала, того не показано.

Селы: *Карпиловка* съ уѣздомъ—82, *Виползовка*—33, *Лутава*—23, *Косолювка*—30,—итого 168 дворовъ; во владеніи Богоявленского Братского Кіевского монастира; а почему оной монастиръ владеетъ, о томъ исъ того монастира не показано.

Село *Воропаевъ*—37 дворовъ; во владеніи Кіево-Печерского монастира съ 713 году; а почему оной монастиръ владеетъ, о томъ исъ того монастира не показано.

Въ селѣ *Евменке*—170 дворовъ; владеетъ гетмана Скоропадского жена по жалованной грамотѣ, данной мужу ея гетману Скоропадскому въ 1718 году въ вѣчное владеніе; мелница на рекѣ Деснѣ на бойдакахъ объ одномъ коле мучномъ, да винниця; а на какой урядъ оное село Евменково принадлежало, того не показано.

Въ селѣхъ: *Карпокахъ*—9, въ *Лѣточкахъ Малихъ*—12, въ *Соболювки*—15,—итого 36 дворовъ; владеетъ Кіевского полку бунчуковій товаришъ Сергій Солонина по унѣверсалу гетмана ізмѣнника Мазепи, данному въ 1689 году до ласки войсковой; ко онымъ селамъ 2 мелницѣ на рекѣ Острѣ о двохъ колахъ мучнихъ да винниця; а на какія уряди оніе села принадлежалы, того не показано.

Въ селѣ *Омеляновѣ*—9 дворовъ; владеетъ Кіевской войтъ Димитрей Полоцкой, данное ему въ посессію для сооруженія церкви и по унѣверсалу гетмана Скоропадского въ 1713 году; а на какой урядъ оное село принадлежало, того не показано.

Въ селѣ *Буркахъ*[1])—29, *Котовъ*—50, *Олбинъ*—16, деревня *Савинка*—36, въ городѣ *Острѣ*—24, въ деревнѣ *Гуте*—1,—итого 131 дворъ; владеетъ Кіевской полковникъ Танской по жалованной грамотѣ, данной на урядъ полковничества въ 1715 году.

[1]) Т. е. въ Боркахъ, Остерскаго уѣзда.

Въ селѣ *Коптеве*—25 дворовъ; владѣлъ бывшій бунчуковій товаришъ Данило Солонина по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1718 году до услугъ войсковихъ, а по смерти нынѣ владеетъ жена его Параскевія.

Въ селѣ *Тарасовѣ*—21, *Дешкове*—14, *Пархимове*—35,—итого 70 дворовъ; владеетъ Кіевского полку обозній Өедоръ Ханенко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1712 году за услуги войсковіе во владеніе.

Въ селѣ *Пархимовѣ*—3 двора; владеетъ бунчуковой товаришъ Семенъ Солонина по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному матеры ихъ Татіяне Петровой, жене Солониновой, въ 1714 году въ спокойное владеніе; а на какой урядъ оное принадлежало, того не показано.

Въ деревняхъ: *Песоцкомъ, Гладкомъ* и *Шулякахъ*—25, въ *Курганскомъ* и *Святенкомъ*, у *Брагинцяхъ*—12 [1]),—итого 37 дворовъ; владеетъ Кіевского полку асаулъ Николай Савенко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1715 году въ спокойное владеніе, при которомъ винница.

Въ деревнѣ *Скрипчинѣ*—10 дворовъ; владеетъ Кіевского полку ротмистръ Іванъ Кукуранъ по унѣверсалу полковника Танского, данному въ 1718 году за войсковіе услуги до ласки войсковой; а на какой урядъ оное село надлежало, того не показано.

Въ селѣ *Красиловцѣ*—18, въ деревнѣ *Сокиринѣ*—3,—итого 21 дворъ; владеетъ Носовской сотникъ Іванъ Прутянулъ по унѣверсалу полковника Танского, данному въ 1721 году въ свободное владеніе времянно, при которомъ винница.

Села *Церковища*—7 дворовъ; во владеніи Кіевского Софійского монастира по грамоте 1709 г.; и оной грамоти и съ того монастира не обявлено.

Села сотнѣ Остерской, при ревизіи оставленіе:

Села *Крехаевъ* и *Боденки* подъ монастиремъ Михайловскимъ Золотоверхимъ Кіевскимъ обретаются; а почему, известія не імееться.

---

[1]) Теперь Брегинчики (Брагинцы), Козелецкаго уѣзда.

Сотнѣ Носовской въ ратушнемъ ведомствѣ:

Въ местечке *Носовке*—471 дворъ; съ нихъ прежде сего збиралася стація гетману на булаву и кухню, а нынѣ оніе зборы збираються на ратушу Козелецкую.

Въ местечке *Носовке*—10 дворовъ; владеетъ бунчуковій товаришъ Семенъ Шаула по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1718 году въ спокойное владеніе; 3 мелницы на рекѣ Острѣ о трехъ колахъ мучнихъ, одно ступное; винниця; а означенной бунчуковій товаришъ Шаула въ какомъ уряде обретаеться, того не показано.

Села *Казари*—106, *Ржавецъ*—32,—итого 138 дворовъ; владеетъ Кіевской полковникъ Антоній Танскій по жалованной грамоте, данной въ 1715 году на урядъ полковничества.

Изъ описнихъ въ роздаче:

Село *Адамовка*—52 двора; владеетъ господинъ генералъ фонъ Вейзбахъ; 5 мелницъ о 10 колахъ мучнихъ.

Деревня *Киселевка*—8, село *Медведовка*—5,—итого 13 дворовъ; владеетъ Кіевского полку полковой судія Ілія Жила по жалованной грамоте, данной ему въ 7198 году [1]) въ вѣчное владеніе; ко онимъ принадлежащая на рекѣ Острѣ мелница о 2 колахъ мучнихъ да 1 коло валяшное.

Сотнѣ Кобыжской:

Въ местечке *Кобижче*—54 двора, надлежащіе до Кобижской ратуши.

Село *Свидовцъ*—32 двори; владеетъ значковій товаришъ Максимъ Циганчукъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1713 году отцу ево Павлу Циганчуку зъ ласки войсковой; а на какой урядъ оное принадлежало, того не показано.

Въ селѣ *Свидовцъ*—3 двора; владеетъ бывшого значкового товариша Семена Якимова жена ево Анастасія, Радіонова дочь, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1713 году мужу ея въ зуполное владеніе; а на какой урядъ оное принадлежало, того не показано.

---

[1]) 1690 году.

Село *Мокіевка* при вишеписанной ревизіи сотнѣ Кобыжской опущено.

Сотнѣ Бобровицкой:

Село *Бобровиця*—31 дворъ; владеетъ Кіевскій полковникъ Танскій по жалованной грамоте, данной на урядъ полковничества.

Въ местечке *Бобровице*—16 дворовъ; владеетъ бывшого Нѣжинского протопопа Павла Яворского жена ево удова Марія; по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1716 году мужу ея, помянутому протопопу, въ спокойное владеніе; при томъ мелница вешняя на рекѣ Добролявкѣ.

Село *Ерославка*—68 дворовъ; во владеніи Видубицкого монастира по жалованной грамоте въ 718 году; и оной грамоти исъ того монастира не обявлено.

Въ селѣ *Сухинкѣ*—3 двора; владеетъ бунчуковій товаришъ Іванъ Забѣла по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному до ласки войсковой въ . . [1]) году; при томъ двѣ мелници на рекѣ Бобровице о трехъ колахъ мучнихъ, о четвертомъ ступномъ; третая мелница на рекѣ Острѣ объ одномъ коле мучномъ; винниця; а на какой урядъ принадлежало, того не показано.

Въ селѣ *Заворичахъ* и деревни *Мокрецахъ*—23 двора; владеетъ бывшого бунчукового товариша Кирила Солонини жена ево вдова Домна по жалованной грамоте, данной свекру ея бунчуковому товаришу Якову Солонинѣ 7198 году [2]) во вѣчное владеніе; при томъ винница; мелница вешняная на рекѣ Гнезной объ одномъ коле мучномъ, да коло валяшное; а на какой урядъ оніе принадлежалы, того не показано.

Въ селѣ *Заворичахъ*—13 дворовъ; владеетъ бунчуковій товаришъ Өедоръ Солонина по жалованной грамоте, данной дѣду ихъ Якову Солонинѣ въ 7198 году [3]) во вѣчное владеніе; при немъ три мелници на рекѣ Гнезной о двухъ колахъ мучнихъ; другая на рекѣ Трубеже объ одномъ коле мучномъ, да объ одномъ валяшномъ; двѣ винници; а на какой урядъ оное принадлежало, того не показано.

---

[1]) Пропускъ въ рукописи.

[2]) 1690 г.

[3]) 1690 г.

Деревня *Бервиця*—6 дворовъ; владеетъ Бобровицкой сотникъ Костантій Василіевичъ по оддаче отъ полковника Кіевского Танского, времянно; при томъ винниця; а на какой урядъ принадлежало, того не показано.

Въ деревнѣ *Марковцяхъ*—11 дворовъ; владеетъ полковникъ Танскій по жалованной грамоте, а нынѣ оную отдалъ брату своему Михайлу Танскому на время; а на какой урядъ принадлежало, того не показано.

Въ селѣ *Мостищахъ*—58, въ *Семиполкахъ*—37, *Светомъ*—19, *Рудни*—39, въ слободки *Парнѣ*—5, въ хуторе *Блудшемъ*—3,—итого 161 дворъ; владеетъ генералъ лейтнантъ и кавалеръ графъ Дивіеръ по указу Его Императорского Величества.

Сотнѣ Гоголевской:

Въ местечке *Гоголеве*—75 дворовъ, надлежащіе до ратуши Гоголевской.

Село *Свѣтилное*—59 дворовъ; владеетъ Кіевского полку полковникъ Танской по жалованной грамоте, данной ему на урядъ полковничества въ 1715 году.

Въ селѣ *Великой Старицѣ*—42 двора; владеетъ Кіевского полку бывшого хоружего Івана Сулими жена ево Марія по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1713 году мужу ея, помянутому хоружому Сулимѣ, на урядъ хоружества.

Села и деревни, при вишеписанной ревизіи въ сотнѣ Гоголевской опущеніе:

Село *Бобрикъ* во владѣніи Ѳедора Ханенка, обозного полкового Кіевского, обретаеться; а почему содержитъ, при сочиненной ревизіи не слѣдовано.

Сотнѣ Моровской:

Въ местечкѣ *Муровскѣ*—57, въ селѣ *Соколовки*—36, въ деревняхъ *Руднѣ*—17, въ *Коропѣ*—6, въ хуторахъ *Бондарахъ*—7, въ *Сукачахъ*—4, въ *Самойловки*—7,—итого 134 дворы; во владѣніи Святого Софійского монастиря за митрополитомъ по жалованной грамотѣ 1700 году; а исъ какихъ оніе селы и деревни, того въ той грамоте не показано.

Село *Обухово* — 50 дворовъ; владеетъ Кіевского гварнизона брегадиръ и оберкомендантъ Григорій Наумовъ по присланному Его Императорского Величества изъ высокого Сената указу и по выписки, изъ Кіевской генералъ-губернатенской канцеляріи данной въ 1723 году; при томъ двѣ мелници о двохъ колахъ мучнихъ; а прежде сего на какой урядъ оное принадлежало, того не показано.

А вишписанніе монастирскіе местечка, села и деревни прежде сего на якіе уряди принадлежалы, того не показано.

И вишъписанніе местечка, села и деревни прежде настоящихъ урядниковъ хочай и написани за якими были урядниками, толкожъ по якимъ дачамъ, по грамотамъ ли монаршимъ или по унѣверсаламъ гетманскимъ, оніе содержалы, того за давностью ясно показать и упомнѣть не можно; а настоящіе урядники по якимъ дачамъ или крепостямъ нынѣ содержатъ, о томъ противъ каждимъ местечкомъ, селомъ и деревнею въ экстрактѣ ревизіалной книги показано и что такъ естъ свидѣтельствуемъ и росписуемся. Въ подлиномъ подписались: Его Императорского Величества войска Запорожского полковникъ Кіевскій Антоній Танскій; Ѳедоръ Ханенко обозній полку Кіевского; Илія Жила, судія полку Кіевского; Григорій Немеровскій, писаръ полковій Кіевскій; Остапъ Гречка, асаулъ полковій Кіевскій; Іванъ Прутянулъ, хоружій полковій Кіевскій; Сергій Солонина, сотникъ Остерскій; Константинъ Василіевичъ, сотникъ Бобровицкій; Семенъ Мандрика, сотникъ Кобыжскій.

Вишъписанное подлинное слѣдствіе по листахъ подписалъ писаръ полковій Кіевскій Григорій Немеровскій.

---

2. Виденіе монастирей разнихъ, въ Кіевскомъ полку обретаючихся, по семъ и по томъ боку Днѣпра лежачихъ маетностей, местечокъ, селъ и деревень, на которіе, почему содержать оніе монастирѣ, жаднихъ вѣдомостей не показали, слѣдствуетъ:

Маетности *Лавры Кіево-Печерскія*, по семъ боку Днѣпра обретаючіеся:

Село *Сорокошичи*—107 дворовъ; деревня *Новій Глибовъ*—34 двора; село *Старій Глибовъ*—34 двора; деревня *Окуниковъ*—15 дворовъ; село *Ошитки*—44 двора; деревня *Новосюлки*—24 двора; село

Тарасовичи—41 дворъ; село *Свароммя* [1]) —39 дворовъ; село *Пуховка*—60 дворовъ; село *Дубечня Вишша*—23 двора; село *Дубечня Нижша*—19 дворовъ; село *Новосюлки*—14 дворовъ; въ селѣ *Макаровцѣ* и *Сухинцѣ*—52 двора.

Того-жъ монастира маетности, по томъ боку Днепра обретаючіеся:

Местечко *Васильковъ*—435 дворовъ; деревня *Кожуховка*—40 дворовъ; деревня *Боярка*—11 дворовъ; село *Безрадичи*—34 двора; деревня *Сувка*—24 двора; село *Романовка*—14 дворовъ; село *Пирогово*—59 дворовъ; село *Хотовъ*—51 дворъ;

Маетности монастира *Свято-Софійского*, по томъ боку Днепра обретаючіеся:

Местечко *Триполя*—144 двора, тамъ же подсусѣдковъ—9 дворовъ; село *Халепе*—52 двора; село *Витачевъ*—35 дворовъ; село *Долина*—41 дворъ, а подсусѣдокъ—1 дворъ; деревня *Козъевка*—21 двора; село *Красное*—25 дворовъ; деревня *Деревянка*—13 дворовъ; деревня *Черняховъ*—13 дворовъ; деревня *Гирмановка*—8 дворовъ; деревня *Жуковка*—12 дворовъ; местечко *Бѣлогородка*—39 дворовъ; деревня *Боярка*—18 дворовъ; село *Сусловичи*—49 дворовъ, тамъ же подсусѣдковъ—2 двора; деревня *Мархилювка*—8 дворовъ; деревня *Бодаевка Малая*—18 дворовъ; село *Енковичи*—49 дворовъ; село *Жиляне*—23 двора; деревня *Кудравецъ*—31 дворъ.

Маетности монастира *Троецкого Болницкого Печерского*, по семъ боку Днепра обретаючіеся:

Местечко *Броварѣ*—55 дворовъ; село *Красиловка*—30 дворовъ; село *Осокорки*—49 дворовъ; село *Троещина*—36 дворовъ.

Маетности монастира *Свято-Михайловского Золотоверхого* по семъ боку Днепра:

Село *Вѣгуровщина*—45 дворовъ.

Того-жъ монастира по томъ боку Днепра обретающіеся:

Село *Глеваха*—69 дворовъ; деревня *Борщаговка*—25 дворовъ; деревня *Борщаговка* другая—24 двора; село *Кроковщина*—27 дворовъ; деревня *Юрковъ*—10 дворовъ; деревня *Даниловка*—13 дворовъ; деревня *Заборъ*—11 дворовъ; деревня *Кудравецъ*—9 дворовъ.

---

[1]) Т. е. Свароме, Остерского уѣзда.

Маетности монастира *Свято-Николского Пустинного* Кіевского по семъ боку Днепра:

Слободка—8 дворовъ.

Того-жъ монастира маетности, по томъ боку Днепра обретающіеся:

Село *Гвоздовъ*—60 дворовъ; село *Гатное*—43 двора; слободка *Поликъ*—44 двора; деревня *Борщаговка*—5 дворовъ.

Маетности монастира *Свято-Богоявленского Братского*, по семъ боку Днепра обретающіеся:

На греблѣ *Шидловского*—16 дворовъ; въ деревнѣ *Упирахъ*—3 двора.

Того-жъ монастира, по томъ боку Днепра обретающіеся:

Село *Плисецкое*—54 двора; село *Мотовиловка*—30 дворовъ; местечко *Стайки*—124 двора; деревня *Борщагувка*—13 дворовъ; село *Мостища*—22 двора; деревня *Котуръ*—2 двора.

Маетности монастира *Свято-Михайловского Видубицкого*, по семъ боку Днепра обретающіеся:

Местечко *Лѣтки*—177 дворовъ; деревня *Рожни*—34 двора; деревня *Свиноиди*—9 дворовъ; село *Лѣсники*—31 дворъ; слободка *Звѣринецъ*—37 дворовъ; деревня *Гута*—4 двора; село *Осокорки*—54 дв.

Монастира *Петропавловского Кіево-Подолского*:

Деревня *Борщагувка*—11 дворовъ.

Монастира *Кирилловского:*

Село *Плоское*—65 дворовъ.

Маетности монастира *Межигорского* по томъ боку Днепра:

Село *Петровци*—60 дворовъ; въ деревнѣ *Петровцѣ*—21 дворъ; село *Лютежъ*—14 дворовъ; въ деревнѣ *Демидовѣ*—3 двора; деревня *Бурки*—15 дворовъ; село *Вижъ-городъ*—30 дворовъ.

По семъ боку Днепра:

Въ деревнѣ *Одинцяхъ*—2 двора; село *Чернинъ*—41 дворъ; деревня *Злодиевка*—5 дворовъ; на *Юрковой греблѣ* подъ Остромъ городомъ—36 дворовъ.

Монастира *Флоровского Девичого* Кіево-Подолского по томъ боку Днепра:

Село *Дмитровичи*—49 дворовъ; деревня *Дмитровичи*—37 дворовъ;

село *Бугаювка*—108 дворовъ; село *Подгорцъ*—52 двора; село *Ходосувка*—24 двора.

Монастира *Богословскою Девичого* Кіево-Подолского по томъ боку Днепра:

Село *Креничи*—31 дворъ.

И на вишеписанніе всѣ местечка, села и деревни, почему показанніе монастирѣ владеютъ, крепостей зъ оныхъ монастирей не явилы, толко сказки далы.

Въ подлинномъ вѣденіи подписано по сему: Кіевскій полковникъ Антоній Танскій.

---

3. Виденіе полку Кіевского о маетностяхъ, по семъ и по томъ боку Днепра обретаючихся, въ местечкахъ, селахъ и деревняхъ до монастирей: Свято-Михайловского Видубицкого, Свято-Троицкого Золотоверхого, Свято-Николского Пустинного, Свято-Троицкого Кириловского, Свято-Флоровского Девичого, Свято-Богословского Девичого, наданнихъ или купленнихъ, и кто оными прежде владелъ, ниже сего слѣдствуетъ, году 1730 генвара 21 дня:

Монастира *Свято-Михайловскою Видубицкою:*

Лѣтки местечко—177 дворовъ и деревню *Рожни*—34 двора—надалъ Всепресвѣтлѣйшій Государь Царъ и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ со всѣми до нихъ надлежащими угодіями въ року 7168[1]) декабра 31, а прежде оніе маетности во владеніи были гетмана Виговского.

Село *Лѣсники*—31 дворъ—со всѣми до его надлежащими угодіи надалъ гетманъ Петро Дорошенко въ року 1670, и на тое село имееться грамота жалованная Пресвѣтлѣйшихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, въ року 7198 [2]) іюля 21 дня данная.

Издревле (на) гору *Звѣринецъ* (37 дворовъ въ слободѣ Звѣринцѣ) зъ осадою и перевозомъ на Днѣпрѣ, наданніе князей Русскихъ и королей

---

[1]) 1660 г.
[2]) 1690 г.

Полскихъ имеются привиліе: круля Жегимонта, въ року 1628 августа 14 дня писаннін; другій привилѣй короля Казѣмера, въ року 1608 (sic) октября 4 дня данній; и по тимъ правамъ имееться жалованная грамота Пресвѣтлѣйшихъ Государей и Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, въ року 7198 [1]) іюля 21 дня данная.

Село *Ярославку*, въ сотнѣ Бобровицкой—54 двора—зостаючую, надалъ бывшій гетманъ Іоаннъ Скоропадскій со всѣми до его принадлежащими угодіи въ року 1713 октября 9 дня; по его унѣверсалу имееться грамота жалованная блаженнія и вѣчнодостойнія жизни Его Императорского Пресвѣтлѣйшого Величества Петра Перваго Императора, въ року 1718 ноября 26 дня данная; а прежде оное-жъ село Ярославка на его гетмана зоставала. И на всѣ прописанніе маетности монастира Свято-Михайловского Видубицкого имееться поважній унѣверсалъ ясневелможного пана обоихъ сторонъ Днепра гетмана Даніила Апостола, виданній въ Глуховѣ въ року 1729 февраля 5 дня.

Маетности монастира *Свято-Михайловского Золотоверхого Кіевского.*

Грунтъ, де монастиръ зостаетъ, въ городѣ и за городомъ, з деревнею *Борщагувкою* и на Крещатику надъ самою Почайною,—наданіе фундатора князя Кіевского Михайла Святополка; и тіе грунта потвержани привилегіями круліевскими; первій привилѣй короля Полского Жигмонта Первого року 1523 марта 21, вторій привилѣй короля Жигмонта Августа року 1570 іюня 14 дня, третій привилѣй короля Стефана року 1578.

Село *Глеваха*—69 дворовъ, купленная отъ Семена Гринкевича въ року 1563 декабря 24; и на тое жъ село имееться листъ ограниченній отъ князя Константина Константиновича Острозкого, воеводи Кіевского, року 1586 октября 2 дня.

Село *Юріевка*—10 дворовъ, купленная отъ Семена Мелешковича року 1563 априля 9 дня; и на тое село имееться потвержденіе отъ князя Костантина Костантиновича Острозкого, воеводи Кіевского, и ограничене року 1576 сентября 9 дня,

[1]) 1690 г.

Сѣнокосъ, прозиваемій *Короблище*, отъ короля Александра наданно, потверждено королемъ Августомъ Жигмонтомъ въ року 1572.

Земля Лыбедская и съ млиномъ, наданная отъ княгини Ірини, а потверждено и ограничено отъ князя Костантина Костантиновича Острозкого року 1576 сентеврія 9 дня.

Кудравецъ— 9 дворовъ, за Пробитимъ валомъ, купленній отъ Андрея Янкевича, року 1559 августа 29.

Грунтъ Воведенскій, легованній отъ Василя Черевчіевича въ року 1622.

Гребля на рецѣ Ветѣ, где и погребелное берется; а тое погребелное зачалося брати отъ Владимера Мономаха; а отъ Мономаха досталося въ дворъ пана Юрія Рожковского; а тотъ Рожковскій отдалъ на монастиръ Михайловскій и декретомъ трибуналнимъ Любелскимъ ствердилъ року 1602. И на сіи всѣ намѣненніе грунта имеются привиліеи круліевскіе и княжіе и протчіихъ королей Полскихъ Владиславовъ.

Даниловка селище—14 дворовъ; до войни Хмелницкого належало до Оксака; а Хрововщина (Крюковщина?) до Василія Криницкого; а потимъ избиралися изъ тихъ селищъ приходи въ казну государственную по указамъ Его Царского Пресвѣтлого Величества; надалъ гетманъ Мазепа на монастирѣ въ року 1699 августа 22 дня.

Село *Вѣгуровщина*—45 дворовъ; надано отъ гетмана Богдана Хмелницкого року 1654 мѣсяця мая дня 22 и по указу его жъ гетмана ограничено тое село Василіемъ Дворецкимъ, полковникомъ наказнимъ Кіевскимъ, року 1657 іюля 2 дня.

Футоръ, прозиваемій *Рижишинъ*, близко того жъ села Вѣгуровщини, отъ Маріи Рижовой Полоцковни, мещанки Кіевской, купленній августа 3 дня въ року 1693.

Озеро и сѣножати подъ тимъ же селомъ *Вѣгуровщиною*, наданное отъ князя Костантина Костантиновича, воеводи Кіевского, року 1560 генваря 2 дня.

Сѣножать на *Оболонѣ*, наданная отъ Екатерини Статковичовой, року 1661 сентеврія 11 дня.

Село *Крихаевъ*—104 двора и *Боденки*—56 дворовъ, наданніе отъ покойного гетмана Іоанна Скоропадского мѣсто тихъ селъ, которіе отойшли за границу до Ляховъ, именно Княжичи и Блистовая; а до тихъ помененнихъ селъ прикупили за килко тисячей; а тіе села прежде ишли на власть полковника Кіевского Костантія Солонини,

а потимъ на гетмана Мазепу, и гетманъ Скоропадскій ствердилъ унѣверсаломъ року 1713 генваря 19 дня.

Млини *Острицкіе*, наданніе въ войсковіе части отъ гетмана Демяна Многогрѣшного року 1671 генваря 4 дня, и потверждено унѣверсаломъ протчіихъ гетмановъ; а позосталіе части Хмелницкіе куплею до святой обытели набытіе и унѣверсаломъ покойного гетмана Скоропадского утвержденніе року 1713 мѣсяця августа 11 дня·

На той же греблѣ млинъ стоячій на грѣблѣ Остерской, наданній отъ пана Коробки, полковника Кіевского, и тимъ же унѣверсаломъ гетманскимъ ствержены року 1713 октоврія 3 дня.

И на сіе всѣ помянутіе маетности и грунта разніе и всѣ угодія, до нихъ принадлежащіе имееться Его Царского Пресвѣтлого Величества Алексея Михайловича потвердительная грамота лѣта отъ созданія міра 7162 (1656) августа 2 дня.

Вторая грамота Его жъ Царского Пресвѣтлого Величества Петра Алексеевича на всѣ тіи грунта со ограниченними уроками, данная въ року 1700 априля 1 дня.

Грамота Его Царского Пресвѣтлого Величества Петра Алексеевича, данная року 1716 февраля 4 дня.

Грамота Его жъ Императорского Величества Петра Второго, Імператора и Самодержца Всероссійскаго, данная року 1729 марта 31 дня.

Слободка, въ старомъ городѣ Острѣ найдуючаяся—19 дворовъ, въ которой дворы купленніе суть, едни отъ пана Василія Танского, а другіе отъ посполитыхъ людей, яковіе то всѣ стверженніе унѣверсаломъ гетмана Скоропадского и монаршими грамотами.

Маетности монастира *Свято-Николского Пустинно Кіевского.*

Листъ короля его милости Александра на землю Борщувку—5 дворовъ, данній въ Шишкахъ сентабра 6 дня индикта 15.

Листъ короля Жегимонта, данній на тую жъ землю Борщувку, писанъ въ Вилнѣ марца 7 дня индикта 4.

Листъ Евстафія Дашкевича, на *Гвоздово* село—60 дворовъ—данній, писанъ въ Кіевѣ мѣсяця іюня въ 23 день индикта 2.

Листъ Богдана Θеодоровича Ілинского, намѣсника Путивлского, и зъ женою его Маріею княгинею, данній на село *Гатное*—43 двора, писанъ въ Мелне на рецѣ Семи въ лѣто 7008 (1500) мѣсяця февраля 1 дня, індикта 3.

Листъ короля Жегимонта Августа потвердителній на вишъ писанніи земли и села, за рукою королевскою и печатью привисистею, на паргаминѣ; писанъ въ Варшавѣ на сейме великомъ валномъ корономъ дня 30 мѣсяця мая лѣта Божого Нароженія 1570.

Листъ купчій, данній отъ Никити Григоріевича на землю, прозиваемую *Григоріевскую*, на которой слободка Николская—43 двора—поселенна; писанъ въ Вилнѣ іюня 15 дня индикта 1.

Листъ потвердителній на тую землю Григоріевскую короля Александра писанъ у Люблине марта 3 індикта 8.

Другій листъ потвердителній на тую землю короля Жегимонта писанъ въ Городне ноябра 30 індикта 10.

На сіе жъ вишеписанніе маетности премощнѣйшіе Ихъ Царского Пресвѣтлого Величества государственніе грамоти. Грамота Государя Алексѣя Михайловича, данная въ монастиръ, отъ созданія міра 7162 (1654) августа 31.

Грамота Государя Өеодора Алексѣевича, данная отъ созданія міра 7189 (1681) мѣсяця марта 20 дня.

Грамота Великихъ Государей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой княгини Софіи Алексѣевны, данная отъ созданія міра 7193 (1685) сентеврія 19.

Грамота другая Великихъ Государей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, данная отъ созданія міра 7202 (1694) генвара 11 дня.

Грамота великого Государя Петра Алексѣевича, данная въ лѣто отъ Рождества Христова 1702 априля 21.

О сихъ всѣхъ прописаннихъ селахъ и деревняхъ монастира Свято-Николского Пустиножителного грамоти монаршіе обявляютъ.

Монастира *Свято-Вознесенского Флоровского* девичого маетности:

Село *Ходорувка*—24 двора, *Подгорцъ*—51 дворъ, *Бугаювка*—108 дворовъ, *Берки*, *Селище* надани отъ королей полскихъ и ствержени привилегіями и гетманскими унѣверсалами Юрія Хмелницкого, наданній унѣверсалъ въ Чигиринѣ февраля дня 3 року 1660; гетмана Самойловича унѣверсалъ данъ въ Батуринѣ октоврія 6 року 1673, и протчіихъ гетмановъ обретаються унѣверсалы потвердителніе, и по тихъ унѣверсалахъ имеется грамота на оніе маетности потвердителная блаженно и вѣчнодостойнія памяти Великихъ Государей Царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой княгини и царевни Софіи Алексѣевни наданно отъ созданія міра 7198 (1690).

Село *Дмитровичи Великіе*—49 дворовъ и *Маліе*—37 дворовъ надала шляхцянка Игуменицка и въ ономъ монастирѣ Флоровскомъ ігуменіею зоставала и права свои шляхецкіи въ монастиръ вручила, и по тимъ правамъ шляхцянки имеется унѣверсалъ гетмана Богдана Хмелницкого потвердителній и жалованная грамота всемощнѣйшая монаршая блаженнія и вѣчнодостойнія памяти Алексѣя Михайловича, а чиселъ не положено, въ которихъ годахъ. Крепости, виданніе на прописанніе оніе маетности, нынѣшнего времени зъ посланнимы зостаютъ въ Москвѣ.

Монастиръ Свято-Троецкій Кириловскій построенъ коштомъ благовѣрной княгини Маріи Всеволодовой, дщи короля Полского Казиміра, и отъ нея наданное село *Плюскольсье*, прозиваемое нынѣ Плоское—85 дворовъ, со всѣми принадлежащими угодіи; имеются виданніе привиліеи королей Полскихъ: привилей Жегимонта Августа короля Полского, данній въ року 1555 февраля 15; короля Жегимонта въ року 1605 (sic); привиліей Августа (sic) короля, данній року 1643; Михаила короля полского данній привилеій року 1670; и по тихъ привиліеяхъ круліевскихъ и гетманскихъ унѣверсаловъ имееться потвердителная грамота всепресвѣтлѣйшихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, данная отъ созданія міра 7199 мѣсяца сентеврія 26 дня, а отъ Рожденія Христова 1691 года, а межоване тихъ земель 1697 мѣсяця августа 16 дня.

Село *Креничи* —32 двора до монастира Богословского девичого надалъ шляхтичъ Богушъ Гулкевичъ Гліебовскій року 1576 мая 30 дня; и по томъ праву имеется унѣверсалъ гетмана Скоропадского, данній въ року 1720 февраля 15; вторій унѣверсалъ ясневелможного добродѣя пана гетмана обоихъ сторонъ Дніепра Даніила Апостола, данній въ року 1729.

Деревня *Хамбѣковъ* наданна блаженнія и вѣчнодостойнія памяти отъ пресвѣтлѣйшаго Его Царского Величества Императора Петра Перваго Чоботу, протопопу Бѣлоцерковскому, 1722 году мѣсяця сентеврія 30 числа.

На подлинномъ по листахъ подписано: Къ сей ривизиалной книги Кіевского полку Кіевской сотнѣ маетностей монастирскихъ Кіевского полку прапорщикъ полковій Іванъ Завадскій руку приложилъ.

---

4. Экстрактъ Кіевского полку о местечкахъ селахъ и деревняхъ.

По указу Ея Императорскаго Величества, ми, нижеподписавшіися, старшина енералная и полковники, слушавъ, приговорилы согласно: которіе маетности принадлежати мѣютъ на чини полковниковъ, старшини полковой и сотниковъ, а которіе по заслугахъ, и которіе въ вѣдомствѣ ратушей найдуються, а инніе сумнителніе суть и въ докладъ принадлежать, сымъ ниже слѣдуючимъ образомъ року 1731.

1 статья—Кіевского полку маетности, владъеміи по высокомонаршимъ жалованнимъ грамотамъ и по унъверсаломъ гетманскимъ за службы войсковіе по силъ 8-го ръшителного пункта [1]).

Въ сотнѣ Козелецкой:

Село *Калита*—53 двори прежде войсковое было, а потомъ, по определенію полковника Солонины, Семенъ Кобилинскій, асаулъ полковій, на власть асаулства полкового держалъ; а по немъ Петръ Долинскій, писаръ полковій Кіевскій, владелъ; а по немъ, по определенію полковничомъ же, асаулъ полковій Кіевскій Романъ содержалъ; а потомъ зъ ласки войсковой змѣнникъ Мазепа Созонту Драбовскому далъ былъ; а теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій онымъ селомъ владеетъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, за многіе извѣсніе на службѣ Его Императорскаго Величества роненніе труди ему, полковнику Танскому, 1716 году виданномъ, также по грамотѣ государственной 1718 году іюля 7 дня ему, полковнику Танскому,

---

[1]) Изъ „Рѣшительныхъ пунктовъ", данныхъ гетману Даніилу Апостолу въ 1728 году, въ 8-мъ говорится о томъ, что всякое законно пріобрѣтенное имѣніе козака или крестьянина должно переходить наслѣдственно отъ мужа къ женѣ и отъ отца къ дѣтямъ.

женѣ и дѣтемъ виданной, со всѣми къ оному селу принадлежащими угодіи владѣетъ. *По осмомъ пункту.*

Село *Держанувка*—62 двора—прежде войсковое было, а потомъ за службу войсковую Иліи Жилѣ по жалованной грамотѣ во вѣчное владеніе дано; и до сыхъ поръ онъ, Жила, по той же грамотѣ, данной ему въ 1718 году во вѣчное владеніе, оныхъ селомъ владѣетъ [1]). *По осмомъ пункту.*

Село *Карасиновка*—8 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ, по опредѣленію полковника Солонины, на урядъ хорунжества полкового Кіевского Яковъ Горячка и Ілія Жила оное содержалы; а потомъ, по опредѣленію полковника Григорія Волского, асаулъ полковій, онъ же, Ілія Жила, по асаулству содержалъ; а по немъ Радичъ по жалованной грамоте, данной ему 7198 (1690) году во вѣчное владеніе, и теперъ жена его Марія Радичева по оной же грамоте владеетъ [2]). *По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Остерской:

Слободка подъ Остромъ—7 дворовъ—прежде войсковая была; а потомъ Өедоръ Нестеренко, Чосникова полку ротмистръ, оніе, вишъписанніе, двори скупивши, унѣверсаломъ гетманскимъ ствердилъ и теперъ онъ же, Өедоръ Нестеренко, по унѣверсалу гетмана Скоропадскаго, данному въ 1716 году, оными дворами владѣетъ также по утверженію [3]). *По осмомъ пункту.*

Село *Карпоки*—21, деревнѣ *Лѣтки Маліе*—13, *Соболювка*—21, итого 55 дворовъ—здавна войсковіе были, а съ 7198 (1690) году за службы войсковіе, по унѣверсалу змѣнника Мазепи, оными Сергій Солонина, товаришъ бунчуковій, до сыхъ поръ владеетъ; а млинъ на рецѣ

---

[1]) И до сихъ поръ онъ, Жила, по написанному въ екстрактѣ ревизіялной книги, онымъ селомъ владеетъ; и оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

[2]) А мелница за собственніе денги куплена; и оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

[3]) *Слободка подъ Остромъ* прежде войсковая была, а потомъ за службы войсковіе, въ экстрактѣ ревизіялной книги по прописанному, Өедоръ Нестеренко, Часникова полку ротмистръ, оною завладѣлъ, и по тому до сихъ поръ при дому его тая слободка обретается; а винниця за собственніе денги куплена; и оная слободка прежде ни подъ какими владѣлцами или подъ ратушемъ не была.

Острѣ въ селѣ Буркахъ; въ ономъ двѣ колѣ: едно мучное, другое валюшное; да на той же греблѣ половина млина, въ которомъ половина кола мучного, а половина валюшного; да на той же рецѣ на другой греблѣ, прозиваемой Великой, половина млина о едномъ колѣ мучномъ; и винниця въ городѣ Острѣ; и оніе мелници и винниця за собственніе денги куплени; а вишъписанніе селы и деревни ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не были.—*По осмомъ пункту.*

Деревнѣ *Тарасовъ*—17 и *Дешки*—13 дворовъ—прежде войсковіе были, а потомъ полковникъ Өедоръ Волскій за услуги войсковіе Өедору Ханенку, асауловѣ полковому, отдалъ и теперъ онъ же, Өедоръ Ханенко, обозній полковій, по унѣверсалу гетмана Скоропадского 1712 году да теразнѣйшаго пана гетмана Даніила Апостола 1728 году виданнихъ владеетъ за службы войсковіе [1].—*По осмомъ пункту.*

Село *Коптевъ*—35 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ змѣнникъ Мокіевскій на власть полковничую завладѣлъ онымъ; потомъ, по унѣверсалу гетманскомъ, владелъ Данило Солонина, товаришъ бунчуковій; а теперъ по оному жъ унѣверсалу, данномъ въ 1718 году отъ гетмана Скоропадского, сынъ его Солонина Александръ онымъ селомъ владѣетъ за службу войсковую [2].—*По осмомъ пункту.*

Деревня *Савинка*—28 дворовъ—прежде войсковая была, а потомъ, по определенію полковничомъ же, на власть обозничества полкового обозній полковій Кіевскій Фалковскій содержалъ; а по немъ обозній полковій же Кіевскій Барановскій содержалъ; а потомъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій содержалъ; а теперъ Алексѣй Яковенко, сотникъ полковій Козелецкій, оною деревнею по унѣверсалу гетмана пана Данила Апостола, данномъ въ 1728 году за службу войсковую, содержитъ.—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Носовской:

Въ местечку *Носовцѣ*—10 дворовъ; владеетъ бунчуковій товаришъ Семенъ Шаула, а въ оныхъ дворахъ подсусѣдки его на его жъ власномъ купленномъ грунтѣ поселеніемъ живутъ; а теперъ онъ же, Шаула, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данномъ въ

---

[1]) И оніе села прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не были.

[2]) И оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

1718 году, тими дворами владѣетъ; мелницъ три на рецѣ Острѣ и винниця за собственніе денги куплены [1].—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Кобыжской:

Село *Свидовецъ*—22 дворы—прежде войсковое свободное было, а въ 1713 покойного гетмана Скоропадского и 1727 годахъ нынѣшнего гетмана Даніила Апостола унѣверсалами отдано Павлу Циганчуку, бывшому обозному тогобочному Бѣлоцерковскому, въ награжденіе тогобочнихъ маетностей, по указу монаршомъ на томъ боку Днепра оставленнихъ; якимъ селомъ, по смерти отца своего Павла Циганчука, сынъ его Михайло Циганчукъ владѣетъ за помененного отца своего вѣрніи и радѣтелніи службы [2].—*По осмомъ пункту.*

Село *Мокіевка*, прежде бывшая слободка, до полку Кіевского принадлежащая зъ околичними угодіи, которая имѣлася прежде въ бывшого полковника змѣнника Мокіевского, а теперъ имееться во владеніи Кіевского полковника Антонія Танского, по даннихъ двохъ унѣверсалахъ покойного гетмана Ивана Ильича Скоропадского, якожъ и государственною высокомонаршою грамотою во вѣчное владѣніе стверждено, по которой силѣ послѣдователнѣ господина Даніила Апостола гетмана унѣверсаломъ стверждено 1728, а высокомонаршая грамота на оное село Мокіевку, виданна 1718 году іюля 7 дня ему, полковнику Танскому, женѣ его и дѣтемъ оное село Мокіевку во владѣніе утверждаетъ [3].—*По осмомъ пункту.*

---

[1]) Оними десятми дворами хочай Семенъ Шаула, по унѣверсала гетманского стверженъ, владѣетъ, еднакъ же въ тихъ добрахъ подсусѣдки его, на власномъ купленномъ его грунтѣ поселенніе, живутъ, а мелници і винниця за собственніе денги куплени.

[2]) Село Свѣдовецъ з давнихъ лѣтъ въ вѣдомствѣ полковниковъ Кіевскихъ било, где оныхъ полковниковъ каждого и до днесь футори имеються; и до полковника Өедора Волского всѣ полковники оныиъ селомъ на урядъ полковничій владѣли; а когда Кіевскій полковникъ Антоній Танскій прибылъ на полковничество Кіевское, въ ту пору для офицеровъ всѣхъ своихъ несколкихъ человѣка, видержавши оное село два года, на время для притулища, оныиъ придалъ тамошнихъ людей на услугу; еднакъ же свой хуторъ неуступно и всякій статокъ содержалъ. А Павелъ Циганчукъ подступно, мимо вѣдома полковника и старшини полковой Кіевской, на оное село унѣверсалъ виправилъ, и теперь оныиъ селомъ сынъ его Михайло владѣетъ.

[3]) Прежде поселенія оного тамошній грунтъ с полями принадлежалъ до полку Кіевского, гдѣ змѣникъ Мокіевскій хуторъ себѣ состроилъ былъ, которымъ хуторомъ и протчіе полковники владѣлы; а потомъ, пришедши на полковничество Кіевское, полковникъ

Въ сотнѣ Бобровицкой:

Въ местечку *Бобровиць*—19 дворовъ, прежде войсковіе были, а потомъ протопопъ Нѣжинскій Яворскій, по умертвіи господарей и протчіихъ въ тихъ домахъ, оніе двори у поминовеніе къ себѣ привлащилъ и, мимо вѣдома полковника и старшини, унѣверсаломъ гетманскимъ покойнаго Скоропадского, себѣ во владѣніе даннимъ въ 1716, ствердилъ; и оными дворами до сихъ поръ жена его, протопопина, владѣетъ; а мелниця и винниця за собственніе денги куплени, а дворами почему владѣетъ крѣпости копіи не дала.—*По осмомъ пункту.*

Село *Сухинка*—3 дворы. Оное село зъ давнихъ лѣтъ по уизду сотнѣ Бобровицкой на власть полковничую ишло, которое полковникъ Костантій Солонина унуку своему Івану Забѣлѣ, товаришевѣ бунчуковому, во владѣніе далъ; и онъ, Забѣла, зъ согласіемъ швагра своего Максима Почеки, попа Нѣжинского, оное село черцямъ Кіевопечерскимъ во вѣчность продалъ; и теперь черцѣ Печерскіе владѣютъ; и мелниця и винниця за собственніе денги куплени, а почему оны владѣютъ крѣпостей не далы.—*По осмомъ пункту.*

Село *Заворичи*—17 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ, по опредѣленію полковника Солонини, владѣлъ судія полковій Кіевскій Незамай, а по немъ Яковъ Солонина по жалованной грамотѣ государственной, за службу войсковую ему и наслѣдію его во вѣчное владѣніе данной въ 7198 (1690) году; и теперъ по наслѣдію его имеетъ грамоту синъ его Якова Солонини, Кирило Солонина; и онымъ селомъ покойного Кирила жена его, Домникія, владѣетъ по вишъписанной государственной грамотѣ, въ 7198 (1690) году данной; а мелница и винница за собственніе денги куплени [1].—*По осмомъ пункту.*

Антонъ Танскій виправилъ унѣверсалъ у покойного гетмана Скоропадского на оній грунтъ, прозиваемій Мокіевку, со всѣми къ нему принадлежащими угодія, и, по тому унѣверсалу людей тамъ заднѣпрскихъ осадилъ и всякіе пожитки съ немалимъ еждивеніемъ, а іменно церковь, млинъ и греблю занялъ, чрезъ четири года роненнихъ устроилъ и содержалъ тое село, собою осаженное, годовъ четирѣ; и на тое високомонаршую грамоту виправилъ билъ, которую покойній Скоропадскій отнялъ, и селомъ онимъ завладѣлъ; якое село по немъ теперь во владѣніи ясневелможного п. гетмана Даніила Апостола обретается. Теперь же знову Кіевскій полковникъ Антоній Танскій помянутимъ селомъ Мокіевкою владеетъ, которые ему, женѣ и дѣтемъ его високомонаршею грамотою 1718 году (?) іюля 7 дня во владѣніе ствержено.

[1]) И оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

Въ селѣ *Заворичахъ*—12 дворовъ; прежде войсковое было, а потомъ, по опредѣленію полковника Солонини, завладѣлъ по жалованной грамотѣ государственной, за службу войсковую ему и наслѣдію его во вѣчное владѣніе данной въ року вишеизображонномъ; а теперъ оными дворами Өедоръ Солонина, товаришъ бунчуковій, владѣетъ по волѣ Кирила Солонини; ибо Кирило Солонина и отцу Өедорову Василію Солонинѣ оныхъ дворовъ, себѣ спадаючихъ, поссессиве братерства ради, уступилъ [1]).—*По осмомъ пункту.*

Село *Мостища*—39 дворовъ—зъ давнихъ лѣтъ, по уизду селъ сотнѣ Бобровицкой, на власть полковниковъ Кіевскихъ ишло; такъ же село *Семиполки*—44—Козелецкой, *Святоѳ*—18—и слободка *Парня*—6—Остерской, *Рудня*—43—Гоголевской у *Блудшемъ*—3 двора Козелецкой же сотнѣ, оніе войсковіе были; а потомъ Григорій Волскій, полковникъ, оными всѣма селами, по жалованной государственной грамотѣ, владѣлъ; а потомъ его сынъ Өедоръ Волскій, полковникъ, по оной же грамотѣ владѣлъ; а потомъ госпожа генералша Кантакузина, а по ней генералъ Девіеръ владѣлъ; а потомъ генералъ-атютантъ господинъ Лопухинъ по указу Его Императорского Величества содержалъ; а теперъ госпожѣ генералшѣ Кантакузиной отъ господина генерала-атютанта Лопухина продажею во владѣніе пришло и до сихъ поръ въ ея владѣніи обретаються; а почему госпожа енералша владѣетъ, крѣпостей не показано [2]).—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Гоголевской:

Село *Свѣтилное*—53 дворы—прежде войсковое было; а потомъ, по унѣверсалу гетмана и змѣнника Мазепи, до ласки войсковой, Өедору Волскому было дано; а теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій

---

[1]) Въ селѣ Заворичахъ 13 дворовъ прежде войсковіе были, а потомъ, по опредѣленію полковника Солонины, судія полковій Кіевскій Незамай, а по немъ Яковъ Солонина владѣлъ по жалованной государственной грамотѣ, за службу его войсковую ему и наслѣдію его во вѣчное владѣніе данной въ 7198 (1690 г.) году; а теперь онымъ Өедоръ Солонина, товаришъ бунчуковій, владѣетъ по волѣ Кирилла Солонины, и онъ, Өедоръ Солонина, напрасно росписался, якъ въ екстрактѣ ревизіялной книги явствуетъ, что по грамотѣ 13-ма дворами владѣетъ, ибо онъ таковой грамоти у себе не імеетъ, а мелници и винницы за собственніе деньги куплени; и оное село ни подъ какими урядниками или подъ ратушею не было.

[2]) А прежде оніе села ни на какіе урядники или до ратушей не надлежалы.

онымъ селомъ владѣетъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, за многіе и вѣрніе на службѣ Его Императорскаго Величества роненніе труды ему, полковнику Танскому, въ 1713 году виданномъ; такъже по грамотѣ государственной 1718 іюля 7 дня, ему, полковнику Танскому, женѣ его и дѣтемъ виданной, со всѣми къ оному принадлежащими угодіи владѣетъ.—*По осмомъ пункту.*

Село *Старицъя*—20 дворовъ—прежде войсковая была, а потомъ змѣнникъ Мазепа онымъ завладѣлъ и матеры своей игуменіи во владѣніе и монастиру Вознесенскому паненскому, въ крѣпости Печерской обретаючемуся, придалъ былъ; и оное село хоружій енералній Иванъ Сулима випросилъ себѣ былъ у гетмана Скоропадского на время толко въ помощъ для сооруженія церкви; которымъ селомъ и теперъ жена его, хоружаго енералного, Марія владѣетъ по унѣверсалу, данному мужу ея, помянутому хорожому Сулимѣ, за службы войсковіе въ 1713 году, отъ гетмана покойного Скоропадского виданномъ и въ 1721 году по унѣверсалу его жъ, Скоропадского, владѣетъ [1].—*По осмомъ пункту.*

Село *Бобрикъ*—13 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ хоружій полковій Кіевскій Костантій Чекановскій, а по немъ Юрко, хоружій полковій же, на урядъ хоружества полкового содержали; а потомъ Ѳедоръ Ханенко, асаулъ полковій, за услуги войсковіе по унѣверсалу гетманскомъ содержалъ; и теперъ онъ же, Ѳедоръ Ханенко, по потвердителномъ унѣверсалу гетмана пана Даніила Апостола, въ 1728 году виданномъ, оное село Бобрикъ содержитъ [2].—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Остерской:

Село *Красиловка*—20 дворовъ—прежде войсковое было, потомъ за службы войсковіе по грамотѣ государственной обозній полковій Кіевскій Подтеребъ содержалъ; по немъ хоружій полковій Кіевскій Шумъ по унѣверсалу гетманскому на чинъ хоружества содержалъ, на что и подтвердителній унѣверсалъ гетмана Скоропадского въ 1719 году жена его зъ сыномъ Матвеемъ виданній имеетъ; а потомъ

---

[1] И оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.
[2] И оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

и Иванъ Прутянулъ, хоружій полковій, оное село на урядъ хоружества содержалъ; а теперъ (съ 1730 г.) онымъ селомъ Ѳедоръ Лисенко, асаулъ войсковій енералній, владѣетъ по имеющейся высокомонаршей грамотѣ 171 (1663) году, виданной его дѣду Подтеребу, обозному полковому Кіевскому; а почему теперъ (владѣетъ) енералній войсковій асаулъ Ѳедоръ Лисенко, сказкою показано [1].—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Козелецкой:

Деревня *Скрипчинъ*—8 дворовъ; оная прежде войсковая была, а потомъ на урядъ войтовства Козелецкого Александеръ Аксамитній, по немъ Стефанъ Ковтунъ, Парфенъ Ивановичъ и протчіе, съ определенія полковниковъ Кіевскихъ, держалы; а потомъ Иванъ Кукуранъ на власть второго асаулства полкового содержалъ и теперъ содержитъ, а въ полку лантмилицкомъ служитъ [2].—*По осмомъ пункту.*

На *Лузѣ*—8 дворовъ, ратушу Козелецкому прислушаючихъ; тамъ же Якова Борсука, атамана городового Козелецкого, на купленномъ его грунтѣ подсусѣдковъ—11; тамъ же попадѣ Валковской подсусѣдковъ же—2; тамъ же Антонію Виринскому, товаришевѣ войсковому, по опредѣленію полковничомъ данныхъ, крайне нищотнихъ—3 дворы.—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Кіевской:

Село *Обуховъ*—дворовъ (число не означено), заграничное, прежде шляхетское владенія полского было, а потомъ опустѣлое зостало, которое змѣнникъ Мокіевскій людми осадилъ, будучи полковникомъ Кіевскимъ; и во время змѣни Мазепинской онымъ селомъ сіятелнѣйшій князь Димитрій Михайловичъ завладѣлъ, а послѣ Николаю Андреевичу Еренкову, коменданту Кіево-Печерскому, во владѣніе отдалъ; а по немъ сіятелнѣйшій князь Иванъ Юріевичъ Трубецкой онымъ селомъ владѣлъ же; а теперъ Кіевского гварнизона брегадиръ и оберъ-комендантъ Григорій Наумовъ онымъ селомъ владѣетъ по присланному Его Императорскаго Величества изъ високого Сената указу и по виписке изъ Кіев-

---

[1]) А винница за собственніе денги куплена; и оное село и деревня Сокиринъ—3 двора—прежде ни на какіе урядники или подъ ратушемъ не были.

[2]) И оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

ской генералъ губернской канцеляріи, данной въ 1723 году; при томъ же мелницъ двѣ о двухъ колахъ; а почему владѣетъ, оными, крѣпости не показано [1]).—*По осмому пункту.*

---

2 статія—полку Кіевского маетности, которіе, по силѣ 10-го пункта [2]), прилични на уряды.

Въ сотнѣ Козелецкой.

Село *Чемеръ*—59 дворовъ; оное село прежде войсковое было; а потомъ по ласцѣ полковника Константія Солонини, протопопъ Козелецкій Юрій содержалъ; а по немъ на власть судейства полкового Романъ Жила содержелъ же; а потомъ на урядъ писарей полковихъ Кіевскихъ, именно, Данила Солонини, по немъ Созонта Драбовского, потомъ Владимера Енкевича, потомъ же Василія Солонини ишло; а теперъ писаръ полковій Григорій Немировскій на урядъ писарства оное село содержить.—*По десятомъ пункту.*

Деревня *Ставиская*—15 дворовъ; оная деревня прежде войсковая была, а потомъ за службы войсковіе на власть атамановъ городовихъ Козелецкихъ ишла; потомъ, по определенію змѣнника Мокіевского, во владѣніи прапорщика полкового Кіевского Петра Крозецкого была; послѣ знову на власть атамановъ городовихъ Козелецкихъ ишла; а потомъ, зъ ласки гетмана Скоропадского, протопопу Козелецкому Симеону Лясковскому во владѣніе была дана; а теперъ Василій Харсѣка, по опредѣленію полковничомъ, во владѣніи оное содержить [3]).—*По десятому пункту.*

Въ сотнѣ Острицкой:

Село *Евминка*—164 дворы, притомъ слободка—30 дворовъ; здавна Костантій Солонина, полковникъ, по жалованной государственной грамотѣ оными владѣетъ; а по умертвіи, змѣнникъ Мазепа за-

---

[1]) Оное село ни подъ какими больше урядниками не было.

[2]) Изъ „Рѣшительныхъ пунктовъ" 1728 г. 10-й утверждаетъ за малороссійскими чинами ранговыя помѣстья, несправедливо розданныя гетманомъ И. Скоропадскимъ своимъ приближеннымъ.

[3]) И оная деревня прежде ни подъ какими владѣлцами, или подъ ратушемъ, и на урядниковъ другихъ за отдачею не была (То же сказано и о вышеозначенномъ с. Чемерѣ).

владѣлъ; а по немъ гетманъ Скоропадскій, послѣ жена его гетманша, а теперъ во владѣніи пана гетмана Даніила Апостола по грамотѣ государственной, 1730 году мая 26 дня виданной, владеетъ [1]).—*На булаву по грамотѣ 10-му пункту.*

Село *Бурки*—24, *Котовъ*—39, въ городѣ *Острѣ*—25, въ *Гутѣ*—1; итого 89 дворовъ. Оніе дворы прежде войсковіе были, а потомъ змѣнникъ Мазепа Костантію Солонинѣ до ласки войсковой определилъ былъ; а потомъ змѣнникъ Мокіевскій и, по опредѣленію его, змѣнника Мазепи, на власть полковничую владѣлъ; а по немъ гетманъ Скоропадскій въ своемъ владѣніи имѣлъ; а теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій владеетъ. Село Котовъ прежде войсковое было, а потомъ змѣнникъ Мокіевскій на власть полковничую завладѣлъ; а по немъ Өедоръ Волскій полковникъ; а теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій по жалованной государственной грамотѣ, въ 1715 году виданной, владѣетъ [2]). Вишъписанніи дворы въ городѣ Острѣ зъ давнихъ лѣтъ на власть полковничую надлежать, и теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій владѣетъ по той же грамотѣ государственной [3]).—*По десятому пункту.*

Село *Пархимовъ*—33 дворы—прежде войсковое было, а потомъ, съ опредѣленія змѣнника Мокіевского, судія полковій Кіевскій Дворецкій на власть судейства содержалъ; потомъ, съ опредѣленія полковничого Петра Солонини, сотникъ Бобровицкій до ласки войсковой содержалъ же; а по немъ, по опредѣленію полковничомъ же, Өедоръ Ханенко, обозній полковій Кіевскій, на власть обозничую завладѣлъ и до сихъ поръ онъ, обозній Ханенко, тимъ селомъ по унѣверсалу гетмана пана Даніила Апостола, въ 1728 году виданномъ на власть обозничества, владѣетъ [4]). *По десятому пункту.*

---

[1]) А мелница и винница за собственніе денги куплени; и оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

[2]) Деревни Гута прежде войсковая была, а потомъ, зъ вѣдома полковничого до ратуша Острицкого прислушаетъ временно.

[3]) И вишеписанніе села прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не были.

[4]) Въ селѣ Пархимовѣ 3 двора; прежде были во владѣніи Семена Солонини, а теперь, яко собственніе и на собственнихъ грунтахъ обретаючіеся, подсусѣдки и инимъ людемъ зъ грунтомъ толко, а не саміе оные подсусѣдки, проданы; и оніе прежде до владѣнія чіего или до ратуши не подлежали.

Деревня *Пѣсоцкое*—11, *Гладкое*—6 и *Шуляки*—4 дворы,—прежде войсковіе были; а потомъ, по определѣнію змѣнника Мокіевского, сотникъ Гоголевскій Рожанскій содержалъ; а по немъ Игнатъ, асаулъ полковій; а по немъ Савенко, асаулъ же полковій Кіевскій, на власть асаулства полкового содержалъ; а теперъ Евстафій Гречка на власть асаулства жъ оніе деревнѣ содержить по унѣверсалу гетмана Даніила Апостола, въ 1730 году виданному.—*По десятому пункту.*

Село *Олбинъ*—11 и *Гута*—13 дворовъ; прежде сего Яковъ Барановскій, обозній полковій Кіевскій, владѣлъ, а теперъ Матвѣй Шумъ, вторій асаулъ полковій Кіевскій, на власть асаулства по унѣверсалу гетмана Даніила Апостола, въ 1730 году виданномъ, владеетъ [1]. *По десятому пункту.*

Въ сотнѣ Носовской:

Село *Козаръ*—94 и *Ржавецъ*—33, итого 127 дворовъ; оніе села прежде войсковіе были; а потомъ змѣнникъ Мокіевскій на власть полковничую содержалъ; потомъ Ѳедоръ Волскій, полковникъ Кіевскій, въ своемъ мѣлъ владѣніи; а теперъ владѣетъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій по жалованной грамотѣ, данной въ 1715 году на урядъ полковничества.—*По десятому пункту.*

Деревня *Киселювка*—7 дворовъ; оная прежде войсковая была; потомъ змѣнникъ Мокіевскій на свою власть полковничую былъ завладѣлъ, а потомъ Іліи Жилѣ, судіи полковому, по унѣверсалу гетмана Скоропадского 1712 году, на урядъ судейства данному; тамъ же хуторецъ съ трема млинами, за собственніе свои денги купленній, съ полями и пущею владеетъ [2]. *По десятому пункту.*

Въ сотнѣ Бобровицкой.

Село *Рудковка*—62 дворы—зъ давнихъ лѣтъ, по уезду селъ сотнѣ Бобровицкой, на власть полковниковъ Кіевскихъ ишло, а потомъ покойній гетманъ Скоропадскій и гетманша Скоропадская вла-

---

[1]) Село Олбинъ прежде войсковое было, а потомъ, по опредѣленію полковничомъ, на власть обозничества полкового обозній полковій Кіевскій Фалковскій содержалъ, а теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій онымъ владѣетъ (см. также прим. 19 и 20).

[2]) Объ этой деревнѣ сказано то же, что и о д. Гутѣ. См. прим. 2 на стр. 58.

дѣлы; а теперъ господинъ велможнѣй панъ гетманъ Даніилъ Апостолъ по грамотѣ государственной, 1730 году мая 26 дня виданной, на булаву гетманскую владѣетъ. *На булаву гетманскую по 10-му пункту.*

Местечко *Бобровиця,* въ ономъ—25 дворовъ; оное зъ давнихъ лѣтъ полковники Кіевскіе, именно Константій Солонина, Ѳедоръ Волскій на власть полковничую содержалы, а теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій оное местечко на власть полковничую содержить, ибо оное жъ мястечко со всѣми уездними селамя, нижей именно написанними, зъ давнихъ лѣтъ, по указомъ монаршимъ и гетманскимъ унѣверсаломъ, на власть полковничую ишли, съ которыхъ и теперъ иніе подъ разнихъ владѣлцовъ роздави.—*По десятому пункту.*

Село *Ярославка*—54 дворы; оное село зъ давнихъ лѣтъ, по уезду селъ сотнѣ Бобровицкой, на власть полковниковъ Кіевскихъ надлежащихъ ишло, а потомъ змѣнникъ Мазепа завладѣлъ былъ онымъ; а по немъ мати его Мазепина, игуменія, владела; а по ней гетманъ Скоропадскій владѣлъ же; а теперъ во владѣніи монастира Видубицкаго по унѣверсалу гетмана Скоропадского содержится; а унѣверсала на оное село не явлено—*По 10 пункту на урядъ полковничій надлежало.*

Деревня *Бервиця*—15 дворовъ—зъ давнихъ лѣтъ, по уезду селъ сотнѣ Бобровицкой, на власть полковниковъ Кіевскихъ принадлежала; а полковники Кіевскіе, съ опредѣленія своего, сотникомъ Бобровицкимъ оную во владѣніе до ласки войсковой вступалы; и теперъ, съ опредѣленія полковника Антонія Танского, сотникъ Бобровицкій Костантій Василіевичъ владѣетъ; а винниця за собственніе денги куплена.—*По десятому пункту.*

Деревня *Марковцы*—7 дворовъ—за давнихъ лѣтъ, по уезду селъ сотнѣ Бобровицкой, на власть полковниковъ Кіевскихъ надлежащихъ ишла; а теперъ, по ласцѣ полковника Кіевского Антонія Танского, братъ его Михайло Танскій оную деревню содержитъ.—*По десятому пункту.*

3 статя—полку Кіевского маетности, которіе надлежатъ въ докладъ ясневелможному пану гетману Даніилу Апостолу, а именно:

Въ сотнѣ Козелецкой:

Село *Ничагувка*—59 дворовъ; а оное прежде войсковое было; потомъ, по опредѣленію полковника Солонини, на урядъ хоружества полкового Сергій Солонина державъ; а по немъ обозній полку Кіевского Павелъ; а потомъ Павелъ, зоставшій судіею полковымъ Кіевскимъ, содержалъ на власть судейскую; а теперъ войтъ Кіевскій Полоцкій, мимо вѣдомъ полковника и старшини полковой Кіевской, подступно виправивши унѣверсалъ гетмана Скоропадского, данній въ 1715 году, онымъ селомъ владеетъ и унѣверсала не обявилъ [1]). *По десятому пункту на урядъ судейства полкового, ибо судія на урядъ маетности опредѣленной не имеетъ.*

Село *Вовчокъ*—102 дворы; оное прежде войсковое было, а потомъ полковникъ Солонина по жалованной грамотѣ содержалъ; а по немъ змѣнникъ Мазепа въ своемъ владеніи имелъ; по немъ же гетманъ Скоропадскій содержалъ; а теперъ монастиръ Кіево-Софійскій оное село Вовчокъ въ своемъ имеетъ владеніи, почему—крѣпостей не явилы [2]). *По десятому пункту мнѣніемъ узналы на урядъ полковничій, ибо прежде Созонтій онымъ селомъ владѣлъ полковникъ.*

Въ сотнѣ Остерской:

Село *Воропаевъ*—39 дворовъ; оное прежде войсковое было, а потомъ полковникъ Кіевскій Костантій Солонина по жалованной грамотѣ на власть полковничую содержалъ; а по немъ во владеніи измѣнникъ Мазепа и мати его Мазепина, игуменія, содержалы; а теперъ во владеніи Кіево-Печерскаго монастира оное село Воропаевъ обретаеться; а почему, съ оного монастира крѣпостей не явилы [3]).

Село *Омеляновъ*—15 дворовъ; оное прежде войсковое было, а минувшого 1713 году, мимо вѣдомъ полковника и старшини полко-

---

[1]) Объ этомъ селѣ сказано тоже, что и о деревнѣ Гутѣ. См. прим. 2 на стр. 58.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibid.

вой Кіевской, войтъ Кіевскій Полоцкій оное село толко для сооруженія церкви въ гетмана Скоропадского випро:илъ и, не соорудивши оной церкви, напрасно онымъ селомъ и до сихъ поръ владеетъ—почему, вѣдомости не явилъ [1]).

Село *Крихаевъ* —104 и *Боденки*—56 дворовъ,—прежде войсковіе были, а потомъ полковникъ Костантій Солонина по грамотѣ монаршой содержалъ, а, по умертвіи его, оними селами змѣнникъ Мазепа завладѣлъ; а по немъ гетманъ Скоропадскій въ своемъ имѣлъ владѣніи; а потомъ на монастиръ Золотоверхій Кіевскій во владѣніе онъ же, Скоропадскій, отдалъ; которими селами и до сихъ поръ монастиръ Михайловскій Золотоверхій Кіевскій владѣетъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, въ 1713 году виданномъ, и оного унѣверсала зъ оного монастира не обявлено [2]).

Село *Карпиловка*—83, *Виползовъ*—30, *Лутава*—22 и *Косачовка*—33,—итого 168 дворовъ; оніе прежде войсковіе были, а потомъ Костантій Солонина, полковникъ, онымъ владелъ и потомъ Трофиму Полтеребу, значному товаришевѣ войсковому, за службу его войсковую во владѣніе дали; а по немъ Григорій Карповичъ, полковникъ Кіевскій, въ своемъ имѣлъ владѣніи; а потомъ онъ же, Григорій Карповичъ, на прошеніе монаховъ Кіево-Братского монастира ордеромъ своимъ обывателемъ Карпиловскимъ приказалъ, абы до монастира Братского Карпиловскіи люде (на опалъ) возили дрова плотами; которій ордеръ монахи Кіево-Братского монастира взявши у змѣнника Мазепи по оному на село Карпиловку и уездніе села въ потверждение тѣхъ селъ унѣверсаломъ, мимо вѣдомъ полковника и старшины полковой, подступно виправили и до сыхъ поръ владеютъ, а почему—крѣпостей не показали.

Въ сотнѣ Носовской:

Село *Адамовка*—39 дворовъ; оное прежде войсковое было, а потомъ Мокіевскій змѣнникъ на власть полковничую завладѣлъ; а по немъ гетманъ Скоропадскій Іліи Жилѣ, судіи полковому Кіевскому, на урядъ судейства унѣверсаломъ опредѣлилъ; а теперь генералъ-

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.

аншефъ фонъ—Вейзбахъ онымъ селомъ [1]) владеетъ, на которое змѣнникъ Мокіевскій грамоти государственной и унѣверсала гетманского не имѣлъ. Такъ же и мелницъ 5 о десяти колахъ мучныхъ, на Козерской греблѣ стоячіе, никогда и ни подъ какимъ образомъ до села Адамовки не надлежали; толко оніе, яко въ селѣ Козарѣ обрѣтаються, такъ полковникъ змѣнникъ Мокіевскій и покойній Ѳедоръ Волскій, содержачи на власть полковничества село Козаръ, и оными млинами владѣлы; а по Волскому послѣдователни на власть полковничества полковникъ Антоній Танскій оными мелницами съ 1712 по 1722 годи владѣлъ же, владѣючи селомъ Козаромъ, якъ въ дачахъ до села Козары принадлежащими угодіи помянутими мелницами владѣлъ же; а помянутого 722 году господинъ генералъ-аншефъ фонъ Вейзбахъ, принявши въ свое владѣніе село Адамовку, не въ дачи угодій, къ оному селу Адамовки принадлежащихъ, помянутими пятма мелницами,—невѣдомо, по якой претенсіи,—завладѣлъ и до сыхъ поръ владѣетъ, а почему—крѣпости не показано.

Въ Кіевской сотнѣ:

Село *Преварка*—82 дворы—прежде войсковое было и владѣли онымъ на урядъ полковничества полковники Кіевскіе, именно: Павелъ Яненко, по немъ Филиппъ, Многогрѣшного гетмана братъ; потомъ Костантій Солонина, по немъ Григорій Карповичъ, потомъ же змѣнникъ Мокіевскій оное село Преварку Процикова, Кіевскому сотникова, до ласки во владѣніи отдалъ; а теперъ Кіевскій войтъ Полоцкій владеетъ, а по якимъ крѣпостямъ—того не показано.—*На урядъ полковничества по десятому пункту.*

---

4 статя—полку Кіевскаго местечка, села и деревнѣ войсковіе свободніе, владѣльцамъ нерозданніе, съ которыхъ обыкновенно опредѣляются достойнимъ персонамъ въ награжденіе за службы ихъ войсковіе и на урядъ.

Противъ вишъписанной четвертой стати въ Кіевскомъ полку местечокъ, селъ и деревень войсковихъ свободнихъ, владѣлцамъ нерозданнихъ, толикое число имеется, именно въ сотняхъ: Носовской—

[1]) (будто измѣнничимъ).

484, Кобыжской—97, въ Гоголевской—45 дворовъ въ сотеннихъ городкахъ; въ которихъ городахъ при ратушахъ на владѣніе онихъ дворовъ крѣпостей не имееться:

Деревня *Шапѣхи*—15 дворовъ—прежде на писара полковничого дворового ишло, а по умертвіи его теперъ свободная обретается [1]).

Хуторцѣ: *Святенькое, Курганское, Брегинцы*, а въ оныхъ имѣеться дворовъ—11; оніе теперъ свободніе обрегаються, которіе прежде войсковіе были, а потомъ Николай Савенко, асаулъ полковій Кіевскій, владѣлъ [2]).

Сотнѣ Остерской: *Одинцѣ*—22, *Савинъ*—10, *Упирѣ*—9, *Волевачѣ*—10, *Кошики*—10, *Волчая гора*—3, слободка *подъ Остромъ*—10, *Булаховъ*—12—итого 86 дворовъ войсковіе свободніе суть и, хочай оными ратушъ Острицкая дочастно вѣдаетъ зъ разсмотренія полковниковъ Кіевскихъ и старшини полковой, однакъ же крѣпостей гетманскихъ и полковничихъ на вишъписанніе дворы не имеютъ [3]).—*Свободніе.*

---

5 статя—полку Кіевскою местечка, села и деревнѣ съ посполствомъ всѣмъ своимъ городовымъ, до ратуши Козелецкой прислушающіе:

Полковой городъ Козелецъ со всѣмъ своимъ посполствомъ городовимъ до ратуша Козелецкого принадлежитъ, въ ономъ дворового числа—384. *Свободній.*

---

[1]) Деревня Шапѣхи прежде войсковая была, а потомъ, по опредѣленію змѣнника Мокіевского, владѣлъ Грабовскій, сотникъ Козелецкій; а по немъ Василій Солонина, писарь полковій Кіевскій, по опредѣленію полковничомъ, владѣлъ, а теперь Иванъ Матвѣевичъ, писарь двору полковничого, за службу его войсковую и дворовую писарскую, по опредѣленію полковникомъ, владеетъ; а Евстафій Гречка, асаулъ полковій, по написанному въ экстрактѣ ревизіялной книги оною деревнею не владѣлъ, и оная прежде деревня ни подъ какими урядниками и подъ ратушемъ не была.

[2]) Хуторцѣ: Святенькое, Курганское, Брагинцы, также прежде войсковые были, а потомъ, по опредѣленію полковничомъ и по унѣверсалу гетманскомъ, по написанномъ въ экстрактѣ ревизіялной книги Николая Савенка, бывшого асаула, жена вдова оными хуторцями владѣетъ; и оніе села и хуторцѣ прежде ни подъ какими урядниками и подъ ратушемъ не были, а винница за собственніе денги куплена.

[3]) Въ названныхъ селахъ, „зъ вѣдома полковниковъ Кіевскихъ, для всякихъ нуждъ и наиздовъ отправленія полкового до ратуша Остерского опредѣлени обиватели тамошніе; а оной ратушъ на оніе села и деревни жадної крѣпости не імеетъ".

Сотенній городъ *Остеръ* со всѣмъ своимъ посполствомъ, до города надлежитъ, въ ономъ дворового числа—98. *Свободное.*

Деревня *Новики*—11, село *Димерка*—9, деревня *Ржавецъ*—3, деревнѣ *Будища*—40, *Сморшки*—19, *Влудшое*—19, *Верковъ*—17, *Тополь*—14,—итого 132 двора,— прежде войсковіе были, а минувшого 1718 году, для всякихъ тяжестей и малолюдствія, въ городѣ Козельцѣ имѣючогося, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, зъ разсмотренія полковниковъ Кіевскихъ, ратушу Козелецкому приданніе; а начавши отъ гетмана Богдана Хмелницкого до гетмана Скоропадского жадного унѣверсала гетманского оній ратушъ на показанніе села и деревнѣ не мѣлъ; толко въ силѣ пановъ гетмановъ и полковниковъ оніе села и деревнѣ були и, кому хотѣлы, оніе отдавали во владеніе; и теперъ оніе села и деревнѣ до ласки войсковой при ратуши Козелецкой обретаються, на что потвержателній унѣверсалъ ясневелможного пана гетмана Даніила Апостола, 1729 году виданній, имеетъ.—*Ратушнее.*

Маетности, прежде на уряды полковой старшины и сотниковъ надлежащіе, за прежнихъ гетмановъ во владѣніе монастырамъ разнимъ розданіе:

Въ сотнѣ Козелецкой:

Село *Данювка*—26 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ, съ опредѣленія полковника Кіевского Костантія Солонини, до монастира Свято-Григоревского Козелецкого было отдано и, по указу гетмана Самойловича, отъ оного монастира отобрато; зъ вѣдомства жъ полковника Кіевского Григорія Волского, для помочи во всякихъ нуждахъ ратушу Козелецкому придано было; а теперъ во владѣніи знову оного жъ монастира Георгіевского, за отдачею по унѣверсалу гетмана Скоропадского въ 1709 году, имееться.

Хуторѣ: *Гламазди*—8, *Берлазы*—3, въ городѣ *Козелцѣ*—6, *Опенки*—3, *Лихолѣтки*—5,—итого 25 дворовъ зъ грунтами, за собственніе монастирскіе деньги у обывателей разнихъ купленніе и подъсусѣдками-людми осажени.

Къ сотнѣ Остерской Софійского монастира:

Село *Церковища*—56 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ, съ опредѣленія полковника Костантія Солонини, писаръ полковій

Кіевскій Петръ Домонтовичъ на урядъ писарства во владѣніи содержалъ, а по немъ знову у вѣдомствѣ жъ полкового правленія было; а теперъ Кіево-Софійскій монастиръ онымъ селомъ владѣетъ по грамотѣ, въ 1709 году виданной; и оной грамоти изъ того монастира не обявлено [1]).

Въ сотнѣ Моровской Софійского монастира:

Местечко *Моровскъ*—84 дворы, и въездное къ нему село *Соколовка*—26, и деревня *Рудня*—23, *Коропье*—9, и хуторѣ *Бондарь*—10, *Сукачъ*—6,—итого 163 дворы—зъ давнихъ лѣтъ, якъ прежде бывшіе во владѣніи бѣскуповъ полскихъ, такъ потомъ во владѣніи Кіевского Свято-Софійского монастира отдани, которыми оной монастиръ по жалованной грамоте, въ 1700 году виданной, (владѣетъ) и оной грамоти изъ того монастира не обявлено.

Хуторъ *Самуйловка* въ козака сотнѣ Козелецкой Брилевича за собственніи денги монастирскіе законниками Софійскими со всѣми угодіями купленъ и во владѣніи оного-жъ монастира обретаеться.

Маетности, которіе прежде надлежалы на уряды, а при первой ревизіи оставлени.

Въ сотнѣ Гоголевской.

Село *Димерка*—95, *Богдановка*—29, *Рожовка*—18,—итого 142 дворы—прежде въ вѣдомствѣ полкового правленія были, а потомъ въ монастиръ Кіево-Печерскій во владѣніе пришли, и до сихъ поръ тимы селами оной монастиръ владѣетъ, а почему—о томъ крѣпостей зъ монастира Кіево-Печерского не обявлено.

Село *Русановъ*—67 дворовъ—въ вѣдомствѣ войскового правленія было, а потомъ Мазепина мати игуменія опустошѣлое людми осадила и въ своемъ владѣніи имѣла; а по ней гетманъ Скоропадскій на власть гетманства завладѣлъ; а потомъ оное жъ село къ монастиру Межигорскому гетманъ Скоропадскій былъ надалъ; а потомъ монастира дѣвицкого Ерданского законницы были завладѣли; а теперъ

---

[1]) И въ ономъ селѣ больше семидесятъ дворовъ подданнихъ імееться, которое прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

знову во владѣніи монастиря Межигорского обретаються; а почему, о томъ изъ оного монастира крѣпостей не показано.

Деревня *Плоское*—15 дворовъ—здавна войсковое было, а потомъ Яковенко, а по немъ Содовничій, сотникъ Гоголевскій, на власть сотничества Гоголевского оною владелы; а по нихъ Мазепина мати завладела; а по ней гетманъ Скоропадскій на власть гетманства завладѣлъ; а по своемъ владѣніи къ монастиру Межигорскому придалъ и до сихъ поръ тотъ монастиръ оною деревнею владѣетъ, а почему,—о томъ крѣпостей съ того монастира не показано.

Село *Красиловка*—30 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ монастиръ Троецкій Болницкій, не вѣдать, почему, онымъ завладѣлъ, ибо крѣпостей зъ оного монастира не показано.

Село *Серединка*, *Надиновка*, *Копачевъ* и *Сѣножатское* прежде войсковіе были, а потомъ гетманъ Многогрѣшній на монастиръ Свято-Успенскій Елецкій Черниговскій, съ набожности своей, село Серединку 1670 году унѣверсаломъ своимъ отдалъ; также село Надиновку онъ же, гетманъ, тоей же обытели Елецкой 1671 году унѣверсаломъ своимъ надалъ; а вишъписанніе обидвѣ села, такъ же и деревнѣ: Копачевъ и Сѣножатское гетмана Мазепи и покойного гетмана Скоропадского универсалами 1719 году, а найпаче высокомонаршими грамотами ствержено [1])

Въ подлинномъ экстрактѣ подпись:

Сіе слѣдствіе о маетностяхъ полку Кіевского, по крѣпостямъ владѣлческимъ и сознатію старожиловъ здѣланое, старшина енаралная и полковники слушалы и подписалися:

Яковъ Лизогубъ, енаралній обозній.—Судія войсковій енаралній Михайло Забѣла.—За енаралного писара правящій Михайло Турковскій.—Асаулъ войсковій енаралній Іванъ Мануйловичъ.—Асаулъ войсковій енералній Ѳедоръ Лисенко.—Хоружій енаралній Якимъ Горленко.—Бунчучній енаралній Іванъ Борозда.—Ігнатій Галаганъ,

---

[1]) Названия села „прежде войсковіе были, а потомъ гетманъ Многогрѣшній на монастиръ Успенскій Елецкій Черниговскій унѣверсаломъ своимъ во владѣніе отъдалъ, а якого году, о томъ подлинной вѣдомости не імѣется. И на оніе села помянутого монастира законники монаршую грамоту виправили, а якого году, и о томъ въ вѣдомости не показано.

полковникъ Прилуцкій, а въ мѣсто его, полковника, Дмитрій Василевъ писаръ подписался.—Михайло Богдановъ, полковникъ Чернѣговскій.—Іванъ Хрущовъ, полковникъ Нѣжинскій.—Полковникъ Годяцкій Григорій Грабянка—Василь Тамара, полковникъ наказній Переяславскій.

Подленній экстрактъ по листамъ скрепилъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій.—Канцеляристъ Өедоръ Даниленскій.

Два письма А. Стороженка къ Л. Сапѣгѣ, 1610 г.

I.

Письмо старшаго полковника Запорожскаго войска Андрея Стороженка къ канцлеру велик. княж. Литовскаго Льву Сапѣгѣ, отъ 30 мая 1610 г., изъ лагеря подъ г. Почепомъ, съ увѣдомленіемъ о своей готовности двинуться на помощь королю подъ Смоленскъ, съ просьбой о присылкѣ, взамѣнъ перваго неопредѣленнаго, другаго „приповѣднаго" листа, въ которомъ были бы точно означены размѣръ и условія уплаты жалованья его отряду, состоящему изъ 10000 козаковъ, и съ обѣщаніемъ ожидать просимаго листа подъ Брянскомъ.

Wielmożny m-cziwy panie canclerzu Wielkiego X-a Litt., panie a panie naśz m-cziwy!

Jako napowolnieisze służby nasze do m-cziwey laski W.M-ci, naszego m-cźiwego pana, pilnie oddaiemy.

Nie mieszkaiąc po oddaniu lista W. M-szi, naszego m-cziwego pana, przes Je°mc pana Samuela Zienowicza do nas pisanego, nowo przes Je°mc pana Lukasza Isaikowskiego 28 may pod Poczapowem nastąpiło, w ktorym nam W.M-sc, nasz m-cziwy pan, roskazowac raczysz, abysmy się, iako narychley,do poslug Je° Kr. M-czi pod Smolensk spieszyli. Wprawdzie, wielmozny a m-cziwy panie, umysł nasz ieszcze s pierwszego ruszenia naszego s kurzenia na thim zasadzon iest y na thochmy ochotnie poszli, abychmy posługami naszymi, wedlug możnosci, Kr. Je° M. y Rze-pp. dogodzili, co się jusz czescią na pierwszym wstępie w źiemie Moskiewskiey za łaską Bozą y szczesliwym panowaniem Je° Kr. M-sci y porządną sprawą W.M-sci naszego m-cziwego pana, pokazało, sz czego się

nieprzyiaciel nie na zbyt cieszy, jakosz y do konca w posługach naszych przeciwko Kr. Je⁰ M-sci ustawac nie chcemy; thilko nas tho, wielmożny a m-cziwy panie, trwoży, że danina, od nas (za przyczyną W. M-sci, naszego m-cziwe⁰ pana) uproszona od Kr. Je⁰ M-sci (tho iest listh przypowiedny), nie iest warowana: nie naznaczono, iestli żold gotowy nam dawac będą; nie mianowano, po czemu na człowieka na czwierc; nie wyrażono, na wiele woiska, gdysz nas iest théras do dziesiące y daley tysięcy; naostatek, nie dołożono, na kim, na czym y na ktorim miescu thego ubogiego żoldu krwawego, po wykonaniu posługi, kto się żywym zostanie, upominac bychmy się mieli. Pokornie thedy a pokornie prosimy W. M-czi, naszego m-cziwego pana: racz, W. M-cz, nasz m-cziwy pan, tho Krolu Je⁰ M-czi przełożyc y sam m-cziwym przyczyncą bydz, żeby nas Je⁰ Kr. M-cz, według conditiey wyszmianowanych listem przypowiednym warowac raczył; co gdy odzierzemy, thym się więcey rozzarzy serce nasze do poslug Je⁰ Kr. M-czi y Rze-pp. y thym prędzei na mieisce, od W. M-czi naznaczone, do Krola Je⁰ M-sci pod Smolensk, dniem y nocą pospieszac się nie zaniechamy y thego listu przypowiednego pod Branskiem oczekywac będziemy. S tim, dai Panie Boże, abychmy o dobrym zdrowiu y szczesliwym powodzeniu W.M-czi, naszego m-cziwe⁰ pana, zawżdy słyszeli.

Dan s pod Poczapowa, 30 may anno D-ni 1610.

W. M-czi, naszego a m-cziwego pana, nanizsze sludzzy, Andrzey Storoženko, starszy połkownik, ze wszystkim rycerstwem woiska Je⁰ Kr. M-czi Zaporoskiego, mp.

—

Wielmoznemu panu Leonowi Sapiezie, canclerzowi Wielkiego X-a Litt., Mohylowskiemu, Pernawskiemu etc. staroscie, panu naszemu m-cziwemu.

II.

Письмо А. Стороженка къ Л. Сапѣгѣ такого-же содержанія,—отъ 2-го іюня 1610 года *).

Jasnie wielmożny a miłosciwy panie canclerzu Wielkie° Xięstwa Litewskie°, panie a panie nasz wielce m-sciwy!

Służby y powolnosci nasze rycerske w W.M-sciwą łaskę W.M, nasze° m-sciwe° pana, iako naypilney, offiaruiemy.

Pisac W.M., nasz m-sciwy pan, do nas raczył przes Je° M-sc pana Samuela Zienowicza y powtaraniem przes Je° M sc pana Lukasza Jsaykowskiego, w ktorym nam W.M. dokladac raczy, abychmy na posługę Je° Kr. M-sci pod Smolensk bez mieszkania sciągaly się. Powinnosc to nasza, wielmozny a miłosciwy panie, niesie, abysmy, według predsięwzięcia swe°, posługamy naszymy rycerzskymy Krolowi Je° M-sci y Rzeczy-Pospolitey dogodzili, co się jusz po częsci za łaską Bozą y szczesliwym panowaniem Je° Kr. M-sci y porządną sprawą W.M., nasze° m-wego pana, pokazalo, s czego się nieprzyiaciel nie na zbyt cieszy, iakoz y do konca w posługach naszych przeciwko Krolia Je° M-sci ustawac nie chcemy; thylko nas to, wielmożny a miłosciwy panie, trwoži, že danina, od nas (za przyczyną W.M., nasze° pana m-go) uproszona od Krolia Je° M. (to iest list przypowiedny), nie iest warowana: nie naznaczono, iesli żold nam gotowi dawac będą; nie mianowano, po czemu na czlowieka na

---

*) Оба эти письма однороднаго содержанія различаются лишь тѣмъ, что одно помѣчено 30 мая, а другое—2 іюня; въ первомъ отрядъ козаковъ опредѣляется въ 10000,а во второмъ —въ 15000 человѣкъ. Такое однообразіе въ содержаніи писемъ и разница въ цифрахъ могли произойти по слѣдующей причинѣ: А. Стороженко, отправивъ 30 мая къ Л. Сапѣгѣ своего гонца съ первымъ письмомъ, могъ 2 іюня получить извѣстіе, что гонецъ или захваченъ Московскими войсками или съ нимъ случилось что-либо въ дорогѣ, а по тому поспѣшилъ отправить второе письмо; въ этомъ послѣднемъ „старшему полковнику" Запорожскому пришлось уже увеличить цифру козаковъ, потому что, въ промежутокъ времени между датами обоихъ писемъ къ нему могъ прибыть новый отрядъ козаковъ въ 5000 человѣкъ. Впрочемъ, второе письмо могло быть пущено вслѣдъ за первымъ и для большей увѣренности, что одно изъ нихъ дойдетъ непремѣнно по назначенію. А. Стороженко, по нашему мнѣнію, несомнѣнно является новымъ, неизвѣстнымъ доселѣ, вождемъ козаковъ, потому что эпитетомъ „старшій" очень часто именовались ихъ гетманы, даже самъ Богданъ Хмельницкій. Указаніе это на новое имя тѣмъ болѣе важно, что въ спискѣ предводителей Запорожья за этотъ періодъ оказывается долгій пробѣлъ.

Разница въ правописаніи писемъ можетъ быть объяснена, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что они писаны хотя и подъ диктовку одного и того же А. Стороженка, но двумя разными лицами. *Примѣч. ред.*

czwierc; nie wyrażono, na wielie woyska, gdyż nas iest teras do piętnasta tysięcy woysca y dali; naostatek, niedołożono, nakim, naczym y na ktorym mieyscu te° ubogiego żolda krwawego, po wykonaniu posługy, kto się żywy zostanie, upominac bychmy się mieli. Pokornie tedy a pokornie prosimy W.M., naszego m-go pana: racz W.M., nasz milosciwy pan, to Kr Je° M. przelożyc y sam milosciwym przyczyncą byc, żeby nas Je° Kr. M., według conditiey wyszmianowanych, listem przypowiednym warowac raczyl; co gdy odzierzymy, tym się więcey rozzarzy serce nasze do poslug Je° Kr. M. y Rzeczy-Pospolitey y tym prędzey na miesce, od Kr. Je° M. naznaczone, pod Smolensk, dniem i nocą pospieszac się nie zaniechami y te° listu przypowiednego pod 'Branskem oczekiwac będziemy. S tym, day Panie Boze, abychmy o dobrym zdrowiu y sczęsliwym powodzeniu W.M., naszego m-go pana, zawżdy słyszeli.

Dan s pod Poczapowa, dnia 2 juny anno D-ni 1610.

W.M., naszego m-go pana, nanizsze słudzy Andrzey Storożenko, starszy połkownik, ze wszystkym rycerstwem Kr. Je° Ms. woyska Zaporoskiego, mp.

—

Jasnie wielmoznemu Je° M. panu Leonowi Sapize, kanclerzowi Wielkiego X-a Litewskiego, Mohyliewskiemu, Pernawskiemu etc. staroscie, panu naszemu miłosciwemu.

———

Zgodność powyższych odpisów z oryginałami poswiadcza.—W Poznaniu. 17 maja 1847.—Biblioteka publiczna hrabi Raczyńskich.—Józef Lukaszewicz (M. P.).

———

Оба эти письма суть копіи съ оригиналовъ, хранящихся въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ въ Познани. Точность копій засвидѣтельствована извѣстнымъ библіотекаремъ этого богатаго книгохранилища Іосифомъ Лукашевичемъ 17 мая 1847 года.

Сообщилъ Н. Стороженко.

РЕЛЯЦІИ

КІЕВСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА

за 1768 и 1769 гг.

Сообщилъ А. А. Андріевскій.

Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 годы.

Въ массѣ старыхъ бумагъ, хранящихся въ архивѣ Кіев. Губернскаго Правленія безъ всякой описи, найдены были мною въ разное время остатки сборника „реляцій" Кіевскаго генералъ-губернатора (собственно черновокъ ихъ), отправленныхъ на Высочайшее имя въ 1767, 1768 и 1769 годахъ; найденъ былъ и „журналъ" этимъ реляціямъ, т. е. подробное ихъ оглавленіе. Въ этомъ журналѣ зарегистровано за 1767 годъ 30 номеровъ, но въ моихъ рукахъ оказалось ихъ 26; за 1768 г. изъ 86, записанныхъ въ журналѣ, реляцій найдено только 76, а за 1769 г. изъ 61 недостаетъ 14.

Многія реляціи сопровождались приложеніями, состоявшими изъ писемъ, полученныхъ генералъ-губернаторомъ, или донесеній, представленныхъ ему нарочно командированными имъ лицами; но, къ сожалѣнію, большей части этихъ приложеній не оказалось при найденныхъ мною реляціяхъ.

Имѣя въ виду, что реляціи эти, хотя и въ черновкахъ, представляютъ значительный историческій интересъ, онѣ списаны мною съ опущеніемъ лишь обычныхъ титулованій и такихъ же формулъ обращенія и заключенія, а равно безъ соблюденія орѳографіи подлинниковъ (что въ данномъ случаѣ представлялось мнѣ совершенно излишнимъ), и наиболѣе важная для южно-русской исторіи часть ихъ помѣщается ниже.

Реляціи 1767 г. имѣютъ предметомъ исключительно пограничныя отношенія Россіи къ Крыму и представляютъ довольно цѣнный матеріалъ для знакомства съ дѣлами Крымскими, а отчасти и Запорожскими; реляціи 1768 г. касаются на половину дѣлъ Крымскихъ и Запорожскихъ, на половину дѣлъ Польскихъ; наконецъ, реляціи 1769 г. относятся, главнымъ образомъ, до дѣлъ, связанныхъ съ начавшимися тогда военными дѣйствіями. Въ настоящей книгѣ „Чтеній" мы сообщаемъ только ре-

ляціи за 1768 и 1769 гг.; но такъ какъ онѣ имѣютъ нѣкоторую связь и съ реляціями за 1767 г., то, говоря о содержаніи первыхъ, сначала скажемъ нѣсколько словъ о послѣднихъ.

Въ 1767 г. въ Крыму дважды произошла смѣна хановъ. Въ началѣ этого года ханъ Селимъ-Гирей былъ низложенъ Портою и на его мѣсто назначенъ былъ Арсланъ-Гирей, бывшій уже раньше Крымскимъ ханомъ и смѣненный въ 1756 г. (рел. за № 11). Но Арсланъ-Гирей, не побывавъ даже въ Крыму, умеръ въ Каушанахъ 19-го мая, а на ханство возведенъ былъ Максутъ-Гирей. Реляціи знакомятъ насъ съ настроеніемъ различныхъ Татарскихъ ордъ по случаю этихъ перемѣнъ, которыя, между прочимъ, послужили причиной того, что въ этомъ году не состоялся обычный съѣздъ пограничной коммиссіи для разбора взаимныхъ ссоръ и претензій между Запорожцами и Татарами, почему и отправленные въ маѣ мѣсяцѣ наши коммиссары надв. сов. Ефремовъ и кол. асессоръ Чугуевецъ (рел. за № 13) въ августѣ мѣсяцѣ возвратились обратно въ Кіевъ (рел. за № 23).

Для обычнаго развѣдыванія о Татарскихъ „обращеніяхъ" въ 1767 г. посылались изъ Кіева нарочные толмачъ Андрей Константиновъ и капитанъ Бастевикъ, журналы которыхъ и прилагались къ реляціямъ, но изъ нихъ сохранился лишь одинъ журналъ Константинова (рел. за № 2), ѣздившаго въ августѣ 1766 г. съ цѣлію провѣдать о новыхъ слободахъ, устроенныхъ Татарами вблизи Русскихъ границъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя объ этихъ слободахъ, представляютъ значительный интересъ для исторіи колонизаціи края. Капитанъ Бастевикъ отправленъ былъ изъ Кіева 6-го марта съ цѣлію установить способъ переписки съ „пріятелемъ" Якубомъ, сообщенія котораго представляли особую цѣну, почему о возможно болѣе частой перепискѣ съ нимъ и предписывалось генералъ-губернатору особыми рескриптами (рел. за №№ 4 и 8). Въ видѣ „приличнаго претекста" Бастевику поручено было доставить поздравительное письмо хану. Такъ какъ ко времени пріѣзда Бастевика въ Крымъ произошла смѣна хана, то онъ остался ожидать въ Бахчисараѣ прибытія новаго хана (рел. за № 5); но этотъ новый ханъ умеръ, и въ Бахчисарай было привезено въ іюлѣ мѣсяцѣ тѣло его для торжественнаго погребенія на ханскомъ кладбищѣ, а Бастевику было предписано оставаться до пріѣзда Максутъ-Гирея, собирая разнаго рода свѣдѣнія о Крымскихъ дѣлахъ (рел. за № 18). Возвратился кап. Бастевикъ въ Кіевъ лишь въ сентябрѣ мѣсяцѣ съ отвѣтнымъ

письмомъ новаго хана (рел. за № 26) и въ томъ же мѣсяцѣ вторично былъ командированъ въ Крымъ съ новымъ „поздравительнымъ письмомъ“.

Кромѣ посланныхъ въ Крымъ подъ разными предлогами нарочныхъ, свѣдѣнія о Крымскихъ дѣлахъ доставлялись въ 1767 году еще и другими лицами: Нѣжинскимъ купцомъ грекомъ Судаклеемъ (рел. за №№ 3, 7), „пріятелемъ“ Якубомъ (рел. за №№ 15, 19, 23) и Могилевскимъ кореспондентомъ (рел. за №№ 10, 11, 23), а равно пребывавшимъ въ Запорожской Сѣчи асессоромъ Чугуевцемъ и кошевымъ атаманомъ (рел. за №№ 11, 21, 22 и 23).

Изъ реляцій этого года видно, что существенный интересъ сношеній Русскаго правительства съ Крымомъ представляло возстановленіе въ Крыму Русскаго консульства, о чемъ настаивалъ предъ Портою и находившійся въ Константинополѣ резидентъ Обрѣзковъ. Еще въ предшествующемъ 1766 году посланному въ Крымъ съ письмами къ хану, поручику Климовскому, генералъ-губернаторъ Глѣбовъ приказывалъ хлопотать о принятіи Русскаго консула, къ чему, повидимому, и склоненъ былъ ханъ Селимъ-Гирей. Съ тою же цѣлью, согласно высочайшему указу 16 апрѣля 1766 г., посылалъ Глѣбовъ и капитана Бастевика [1]), пріобрѣтшаго, по видимому, прочныя знакомства въ Крыму, при чемъ возлагались особыя надежды на содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ „пріятеля“ Якуба. Объ этомъ же принятіи Русскаго консула поручено было и въ 1767 г. отъ генералъ-губернатора Воейкова „всекрайнѣйшее стараніе“ приложить и „пріятелю“ Якубу, и капитану Бастевику.

Не мало также заботъ вызывало улаживаніе отношеній войска Запорожскаго къ Едичкульской ордѣ, въ теченіе двухъ зимъ подрядъ вступавшей въ предѣлы Запорожскихъ владѣній и опустошавшей ихъ лѣса. Вызванныя этимъ „наглымъ поступкомъ“ Едичкульцевъ претензіи Запорожцевъ не могли быть, однако, удовлетворены, такъ какъ самый съѣздъ пограничной коммиссіи для разбора этихъ претензій, за неприбытіемъ Татарскихъ коммиссаровъ, не состоялся. Объ этихъ претензіяхъ, въ виду необходимости разобрать ихъ при участіи Татарскихъ депутатовъ, сносился съ Крымскимъ ханомъ непосредственно и кошевой атаманъ Кальнишевскій (рел. за № 23).

---

[1]) См. „Записки Од. Общ. И. и Д.“, т. XIV: „Матеріалы для исторіи Южно-русск. края“, гл. XLI. Въ этой главѣ приведено обстоятельное наставленіе, данное по этому дѣлу кап. Бастевику.

Изъ реляцій 1768 г. мы видимъ, что разбирательство упомянутыхъ столкновеній встрѣтило серьезныя препятствія (рел. за № 42). Едичкульскіе татары, возмутившись противъ своего сераскеръ-султана, рѣшительно заявили чрезъ своихъ старшинъ, что они „по ханскому повелѣнію въ погр. коммиссію депутатовъ, жалобщиковъ и виновныхъ съ своей стороны собирать и высылать не намѣрены, равно какъ и по жалобамъ Запорожцевъ возвратить ничего не хотятъ, признавая учрежденную погр. коммиссію для нихъ излишнею и необычайною, а для избѣжанія отъ такихъ новостей и хлопотъ они лучше желаютъ на Кубань по прежнему переведены быть". Объ этомъ „взволнованіи" Едичкульцевъ генералъ-губернаторъ послалъ развѣдать особаго нарочнаго. Не смотря однако на это „взволнованіе" Едичкульцевъ и ихъ заявленіе, съѣздъ погр. коммиссіи состоялся и окончился благополучно къ обоюдному удовольствію (рел. за № 58), при чемъ, по требованію генералъ-губернатора, внесено было въ протоколы коммиссіи обязательство, чтобы какъ Запорожцевъ, такъ и Татаръ—всѣхъ безъ письменнаго вида „шатающихся не въ своихъ границахъ обосторонныхъ подданныхъ—признавать за настоящихъ бродягъ".

Новый поводъ для жалобъ Запорожцевъ на Татаръ подалъ Едичкульскій сераскеръ-султанъ, устроивши свой перевозъ черезъ Днѣпръ и потребовавъ отъ Коша, чтобы Запорожцы не чинили никакихъ въ этомъ случаѣ Татарамъ препятствій. Генералъ-губернаторъ, представляя жалобу Запорожцевъ въ Коллегію Иностран. Дѣлъ, выражалъ свое мнѣніе, что такой „новости", какъ учрежденіе Татарского черезъ Днѣпръ перевоза, допускать не слѣдуетъ. На жалобу же Запорожцевъ о томъ, что Едичкульскіе татары уже послѣ съѣзда погр. коммиссіи вновь начали причинять имъ „своими наглыми нападеніями немалыя обиды и грабительства", Воейковъ, „уваживъ нѣжность нынѣшнихъ обстоятельствъ", предписалъ кошевому всячески воздерживать Запорожцевъ отъ ссоръ съ Татарами, не подавать самимъ повода къ раздору; въ случаѣ же Татары „къ явному нападенію на наши границы движенія чинить стали бъ", тогда кошевой долженъ немедленно репортовать и изготовить войско къ военнымъ дѣйствіямъ (рел. за № 65).

Въ виду ожидавшейся войны съ Турками представлялось важнымъ привлечь на свою сторону Едисонскую орду Татаръ, которая еще въ 1758 г. обращалась за протекціей къ Россіи, желая перейти

на Кубань, но тогда это было отклонено. Въ высоч. указѣ отъ 26-го іюня 1766 г. оберъ коменданту Ельчанинову предписывалось всячески воздерживать Едисонцевъ отъ перехода въ Русскія границы, „а буде присланы будутъ отъ нихъ въ Кіевъ нарочные съ новымъ прошеніемъ о принятіи ихъ въ наше подданство, то, выслушавъ ихъ предложенія или принявъ письма, немедленно ихъ назадъ отпустить безъ всякаго обнадеживанія и, сколько возможно, скрытно, а о прошеніи ихъ представить сюда и ожидать резолюціи".

Но теперь, въ 1768 г., обстоятельства измѣнились, и въ октябрѣ мѣсяцѣ Воейковъ получилъ высоч. указъ о томъ, чтобы чрезъ посылку нарочнаго искуснаго человѣка провѣдать о настроеніи Едисонской орды и, буде возможно, привлечь ее на свою сторону, вызвавъ въ ней прежнія заявленія относительно протекціи (рел. за № 72). Но Воейковъ выразилъ сомнѣніе въ успѣхѣ этого дѣла, такъ какъ „пронырливою и хитрою уловкою новаго хана всѣ Татарскія орды противъ подданныхъ В. И. В. такъ озлоблены и раздражены, что никому изъ бывшихъ въ Крыму и другихъ Турецкихъ мѣстахъ для купеческаго промыслу малороссіянъ и Запорожскихъ козаковъ свободнаго къ возврату проѣзда нѣтъ, но гдѣ на кого наѣдутъ, безъ разбору грабятъ и убиваютъ, слѣдовательно явные уже непріятельства производить начали". Тѣмъ не менѣе, во исполненіе высоч. указа, Воейковъ послалъ къ Едисонцамъ нарочныхъ съ письмами отъ асессора Чугуевца, котораго два родныхъ брата были въ той ордѣ „не изъ послѣднихъ мурзъ" (рел. за № 80). Нарочнымъ выдано было для подарка этимъ братьямъ Чугуевца по 50 червонцевъ.

Одинъ изъ посланныхъ эмиссаровъ былъ пойманъ 2-го января 1769 г. въ Балтѣ и только благодаря счастливой случайности вернулся въ Кіевъ съ довольно благопріятными о настроеніи Едисонцевъ извѣстіями (рел. 1769 г. за № 8): на запросъ крымскаго хана, „гдѣ лучше въ Россійскія границы впасть", Едисонскіе мурзы отвѣчали, что они „противъ Россіи войны вчать не намѣрены"; за это 10 изъ нихъ были посажены въ тюрьму, что вызвало общее въ Едисонской ордѣ неудовольствіе.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1769 г., по совѣту асессора Чугуевца, одинъ содержавшійся въ числѣ плѣнныхъ въ крѣпости св. Елисаветы едисонецъ Муса былъ отпущенъ на волю съ обѣщаніемъ ему хорошаго вознагражденія, если онъ доставитъ письма къ братьямъ Чугуевца и

другимъ мурзамъ. Муса поклялся исполнить это порученіе. Однако прошелъ и двойной срокъ, а Муса съ обѣщанными отвѣтами не возвратился (рел. 1769 г. за № 40).

Не мало свѣдѣній представляютъ реляціи 1768 г. и о настроеніи Запорожцевъ.

Отношеніе Запорожцевъ къ движенію гайдамакъ въ Польской украйнѣ представлялось не только Туркамъ, Татарамъ и Полякамъ, но и Русскимъ властямъ весьма подозрительнымъ, и сообщенное въ рел. за № 57 свѣдѣніе о томъ, что „Гардовой полковникъ съ гайдамаками полюбовно обходится", вызвало цѣлый рядъ ордеровъ къ кошевому атаману о воздержаніи Запорожцевъ отъ поддержки гайдамакъ.

Генералъ-губернаторъ, „зная, что Запорожское войско нѣсколько огорченнымъ себя признаваетъ по причинѣ земли, подъ Екатерининскую провинцію назначенной", высказалъ мнѣніе (рел. за № 73), что собственноручно подписанная государыней грамота „съ обнадеженіемъ монарше-материнскаго благоволенія и съ выхваленіемъ оказанной всегда при подобныхъ случаяхъ, каковы нынѣ, храбрости и вѣрности, великое всему войску придастъ ободреніе и немалую принести можетъ пользу".

Сообщая затѣмъ въ рел. за № 81 о томъ, что кошевой атаманъ прислалъ не распечатывая полученныя имъ отъ Крымскаго хана письма, склонявшія Запорожцевъ къ измѣнѣ, генер.-губерн. Воейковъ представлялъ свое „слабѣйшее мнѣніе, что всемилостивая грамота съ высокомонаршею апробаціею его поступка по сему случаю и съ обнадеженіемъ высоч. благоволенія за вѣрность великое ободреніе ему и всему войску Запорожскому придала бъ, ибо, если безпристрастно судить, то оное имперіи В. И. В. служитъ великою противъ Татаръ преградою".

Такая грамота и была дѣйствительно прислана къ генералъ-губернатору, который и отправилъ ее въ Запорожье съ секундъ-маіоромъ Воейковымъ (рел. 1769 г. за № 2), поручивъ ему „примѣчать и развѣдывать, въ какихъ мысляхъ войско Запорожское въ разсужденіи Е. И. В. находится". Грамота эта „принята съ подобающимъ благоговѣніемъ и въ прямыхъ Запорожцахъ немалое произвела дѣйствіе, кои, чувствуя монарше-матерную къ себѣ милость, великое оказывали удовольствіе". Любопытенъ приложенный къ рел. за № 5 репортъ сек. маіора Воейкова, довольно подробно изображающій ту церемонію,

съ какою принята была эта императорская грамота. Видно, что суровые сѣчевики въ потребныхъ случаяхъ могли быть мастерами и застольныхъ рѣчей.

Къ „приласканію" Запорожцевъ побуждало, между прочимъ, по обстоятельствамъ времени, и полученное свѣдѣніе о томъ, что въ Запорожскую Сѣчь подосланъ французскій эмиссаръ Тотлебенъ, къ поимкѣ котораго и приняты были извѣстныя мѣры. 17-го декабря 1768 г. посланъ былъ въ Запорожскую Сѣчь для присматриванія, какъ „надежный и искусный офицеръ", капитанъ Марковичъ, лично знавшій Тотлебена, состоявшаго прежде въ русской службѣ и командовавшаго „немалое время" Донскими козаками (рел. 1769 г. за № 1). Въ бытность Марковича въ Запорожской Сѣчи, 26-го декабря, какъ донесъ объ этомъ командиръ Новосѣченскаго ретраншамента маіоръ Микулишинъ, „отъ собравшейся многочисленной подлости Запорожскихъ козаковъ, называемой сиромахами, ввечеру сдѣлано возмущеніе разломаніемъ тюрьмы и освобожденіемъ всѣхъ колодниковъ, съ намѣреніемъ всѣхъ своихъ старшинъ убить и имѣніе оныхъ разграбить, что и въ дѣйство производить начали; но кошевой съ старшиною имѣлъ случай укрыться въ ретраншаментъ, а имѣніе оныхъ разграблено и жилище разорено". Но на другой день это „возмущеніе хорошимъ и отважнымъ поступкомъ капитана Марковича безъ дальнѣйшихъ слѣдствій усмирено и кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій со всею войсковою старшиною по прежнему возстановлены" (рел. за № 3).

Надо думать, что это „возмущеніе" было просто обычною обстановкою происходившихъ выборовъ, и въ репортахъ офицеровъ явилось преувеличеннымъ; тѣмъ не менѣе Воейковъ заявлялъ въ своей реляціи, что „сіе непріятное происшествіе, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ", причинило ему немалую заботу.

Первое упоминаніе о происшествіи, послужившемъ въ концѣ концовъ для Турковъ поводомъ къ объявленію войны, т. е. о нападеніи на г. Балту и разореніи его, встрѣчаемъ въ рел. за № 42, а изъ рел. за № 46 видно, что по поводу этого происшествія Крымскій ханъ присылалъ въ Кіевъ къ генералъ-губернатору нарочнаго съ „суровымъ" письмомъ. Получивши тогда же письмо и отъ резидента Обрѣзкова отъ 6-го августа о томъ впечатлѣніи, какое произвело на Порту разореніе Балты, Воейковъ предписалъ всѣмъ находившимся въ его распо-

ряженіи войскамъ „быть въ готовности“ (рел. за № 50). Подтвержденіе свѣдѣній, полученныхъ отъ Обрѣзкова, Воейковъ имѣлъ и отъ одного изъ своихъ корреспондентовъ (рел. за № 51). Тогда же явился въ Кіевъ нарочный отъ Очаковскаго паши съ ничего незначущимъ письмомъ, очевидно, лишь для того, „чтобъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ развѣдать, какія по границѣ и въ здѣшней крѣпости войска находятся“ (рел. за № 53). Къ этому посланцу приставлены были во время пребыванія его въ Кіевѣ, „подъ видомъ безопасности и для посылокъ“, унтеръ-офицеръ и толмачъ, которымъ „найсильнѣйше подтверждено за всѣми его поступками и обхожденіемъ неприметнымъ образомъ присматривать“.

Извѣстіе о заключеніи резидента въ крѣпость Едикуль и объявленіи Портою войны Россіи привезъ въ Кіевъ изъ Константинополя 1-го ноября прапорщикъ Шеферовъ (рел. за № 68), котораго, какъ очевидца Константинопольскихъ событій, Воейковъ и отправилъ немедленно въ Петербургъ.

Изъ рел. за № 75 мы узнаемъ, что Воейковъ былъ крайне озабоченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ самомъ Кіевѣ оставалось очень ничтожное количество войска, едва достаточное для содержанія карауловъ.

Какъ относилась мѣстная власть, въ лицѣ Кіевскаго генералъ-губернатора, къ движенію, поднятому Гонтой и Желѣзнякомъ, это видно изъ реляцій за №№ 22, 23, 28, 29, 34 и 41, а равно изъ цѣлаго ряда реляцій о судѣ надъ пойманными и доставленными въ Кіевъ гайдамаками (рел. за №№ 49, 54, 56, 59, 62 и 67). Особенно опаснымъ представлялось участіе въ гайдамацкомъ движеніи Запорожцевъ. Высоч. рескриптъ о производствѣ суда надъ Запорожскими козаками, захваченными въ плѣнъ при пораженіи гайдамацкихъ отрядовъ, полученъ былъ въ Кіевѣ 5-го августа, и тогда же въ Кіев. губ. канц. началъ производиться этотъ судъ съ „крайне возможнѣйшимъ прилежаніемъ и поспѣшеніемъ“ (рел. за № 29), а 3-го сентября генералъ-губернаторъ уже доносилъ, что судъ этотъ поконченъ и „приговоръ постановляется“ (рел. за № 54).

Такой же судъ надъ гайдамаками производился и въ крѣпости св. Елисаветы. Исполненіе приговора надъ ними рѣшено было произвести въ Орловской слободѣ противъ Татарской слободы Голты и для препровожденія ихъ туда были заготовлены подводы. Съ дѣломъ этимъ усиленно

торопились. Судившіеся въ Кіевѣ раздѣлены были на 4 группы, и первая изъ нихъ, въ количествѣ 70 человѣкъ, „при самозванцѣ Желѣзнякѣ“, отправлена была въ Орловскую слободу 12-го сентября (рел. за № 59), о чемъ генералъ-губернаторъ сообщилъ и Крымскому хану. Балтинскій воевода и Голтинскій каймаканъ приглашались особыми письмами „съ другими тамошними обывателями быть тому позорищу очевидными свидѣтелями, согласясь о днѣ экзекуціи съ состоящимъ у Орловскаго форпоста маіоромъ Вульфомъ“.

Изъ письма Воейкова къ гр. Панину отъ 22-го августа можно усмотрѣть, что о судѣ надъ пойманными Запорожцами онъ спѣшилъ „предварительно хана Крымскаго увѣдомить для умягченія первымъ до него дошедшимъ неосновательнымъ слухомъ раздраженнаго его духа“. Относительно исполненія приговоровъ Воейковъ въ томъ же письмѣ къ гр. Панину писалъ, что онъ намѣренъ „умножившуюся винныхъ толпу раздѣлить на четыре части, изъ коихъ три въ Елисаветградской провинціи при границѣ Турецкой, Польской и Сѣчи Запорожской наказаны быть имѣютъ, а одна при границѣ здѣшней у Васильковскаго форпоста, гдѣ главный проѣздъ къ Бендеру, Молдавіи, Валахіи и Константинополю, ибо при сихъ мѣстахъ Турецкіе подданные купно съ Поляками всему происхожденію самовидцами быть могутъ“.

Въ Кіевѣ судили и приговаривали къ наказанію только Запорожцевъ; Польскіе же подданные, пойманные въ Польшѣ въ гайдамацкихъ отрядахъ, числомъ 130 человѣкъ, отправлены были въ сентябрѣ мѣсяцѣ къ кн. Прозоровскому, съ объясненіемъ что „таковые слѣдуютъ преданы быть собственному ихъ отечества суду, то бъ онъ ихъ отъ себя немедленно къ Польскому генералу гр. Браницкому отослалъ для должнаго имъ по законамъ республики наказанія“ (рел. за № 56).

Свѣдѣнія о Барской конфедераціи сообщаются впервые въ рел. за № 13, въ приложенномъ къ ней экстрактѣ изъ репортовъ поручика Роде и другихъ чиновъ, которые были отправлены „для развѣдыванія о польскихъ обстоятельствахъ“, а затѣмъ въ реляціяхъ за №№ 62, 67, 76, 82 и 84 Воейковъ сообщаетъ о доставленіи въ Кіевъ плѣнныхъ конфедератовъ, при чемъ настойчиво выражаетъ мнѣніе о необходимости, въ виду отношеній къ Турціи, удалить ихъ изъ Кіева во внутреннія губерніи. Первая партія плѣнныхъ конфедератовъ въ количествѣ 90 человѣкъ прислана была въ Кіевъ 18-го сентября; затѣмъ вторая состояла изъ 752 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были гр. По-

тоцкій, Чернецкій, Ордынскій и канцлеръ Краковскій гр. Шембекъ. Этимъ четыремъ вельможамъ отведенъ былъ на Печерскѣ особый домъ.

По разнымъ ходатайствамъ изъ послѣдней партіи очень скоро было освобождено изъ плѣна 52 человѣка.

Изъ оставшихся плѣнныхъ конфедератовъ по 27 ноября умерло въ Кіевѣ 114 человѣкъ.

Согласно высоч. указу отъ 22 ноября, всѣ плѣнные Поляки дворяне и оберъ-офицеры назначены были къ отправленію въ г. Казань, и объ этой отправкѣ ихъ говорится въ реляціяхъ 1769 г. за №№ 6, 10, 22, 25, 38 и 44. Изъ послѣдней отъ 27-го іюля видно, что всего отправлено въ Казань въ разное время изъ Кіева плѣнныхъ Поляковъ 887 человѣкъ, умерло въ Кіевѣ 33 и осталось въ госпиталѣ „слабыхъ" 4 человѣка.

Реляціи 1769 г., кромѣ указанныхъ выше интересовъ (дѣлъ гайдамацкихъ, Запорожскихъ, пересылки плѣнныхъ) касаются еще извѣстныхъ сношеній съ славянскими народами, манифестъ къ которымъ печатался въ Кіевѣ въ Лаврской типографіи (рел. за №№ 19 и 24), и наконецъ причиненнаго Турками и Татарами разоренія Екатерининской и Елисаветинской провинцій (рел. за №№ 31 и 32).

Для отправленія къ турецкимъ славянамъ снаряженъ былъ въ Кіевѣ подполковникъ Каразинъ. Снабженный свидѣтельствомъ отъ архимандрита Кіево-Печер. лавры Зосимы, онъ долженъ былъ, доѣхавъ до послѣдняго пограничнаго форпоста, переодѣться въ иноческое платье и въ такомъ видѣ пробираться въ заранѣе намѣченныя мѣста. При себѣ онъ имѣлъ старый псалтырь, „въ доскахъ которой весьма непримѣтно скрыта грамота къ бану, одну деревянную фляшку, въ каковыхъ странствующіе тамошнихъ краевъ иноки для утоленія въ пути жажды обыкновенно воду держатъ; она сдѣлана двудонная и служитъ къ сохраненію посылокъ; одни четки и одинъ изъ простого дерева монашескій посохъ, въ коемъ вмѣстилось по 10 экземпляровъ манифеста на греческомъ, словено-сербскомъ и волоскомъ языкахъ". Увѣдомляя о выѣздѣ Каразина 14-го марта изъ Кіева, генералъ-губернаторъ выражалъ свое мнѣніе, что-де удача этого предпріятія „подвержена немалой опасности" (рел. за № 24).

Въ концѣ августа мѣсяца 1769 г. присланъ былъ въ Кіевъ отъ главнокомандующаго 1-ою арміей Черногорскій архимандритъ Григорій

Дреналовичъ, котораго велѣно было „отмѣннѣе другихъ содержать, производя ему на пищу по 50 к. въ день“ (рел. за № 49). Этотъ архимандритъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ 1768 г. посланъ былъ изъ Черногоріи отъ „секретнаго правленія“, между прочимъ, и въ Россію, чтобы „о настоящей истинѣ явшагося у нихъ Степана Малаго свѣдалъ“ [1]); но, испытавъ не мало разныхъ приключеній, попавши въ плѣнъ къ Туркамъ, онъ находился въ ихъ арміи подъ Хотиномъ, послѣ же пораженія Турокъ [2]), представленный главнокомандующему русскою арміей, отправленъ былъ въ Кіевъ. При реляціи за № 49, заключающей въ себѣ обстоятельное показаніе Дреналовича, приводится и копія написаннаго имъ въ Кіевѣ письма на родину къ членамъ „секретнаго правленія“, равно и переводъ того письма, которое онъ долженъ былъ годъ тому назадъ доставить императрицѣ.

——

Вмѣстѣ съ реляціями генералъ-губернатора найдены были мною и списаны три письма его (также черновки), адресованныя въ собственныя руки императрицы, относительно поведенія генерала Кречетникова въ Польской украинѣ, и нѣсколько писемъ къ гр. Панину.

29-го іюля 1768 г. Воейковъ получилъ высоч. рескриптъ за собственноручною подписью императрицы о томъ, чтобы онъ незамѣтнымъ образомъ „въ крайнемъ секретѣ“ провѣдалъ, какого рода имущество отправилъ уже въ своихъ обозахъ изъ Польши въ Россію генералъ Кречетниковъ, о которомъ громко говорили, что онъ, „ослѣпясь мерзкимъ и презрительнымъ корыстолюбіемъ, производитъ такіе себѣ нажиточные грабежи по тамошней землѣ, что уже многіе обозы съ пограбленнымъ оттуда выслалъ, а другіе и теперь для высылки же въ границы наши позадъ себя возитъ, что́ произвело уже и страхъ и роптаніе, да и къ нему самому публичное презрѣніе отъ самыхъ его подкомандныхъ“.

Воейковъ немедленно послалъ для развѣдыванія двухъ штабъ-офицеровъ, „на искусство и вѣрность которыхъ могъ совершенно по-

---

[1]) Принявъ Степана Малаго за императора Петра III, Черногорцы были, оказывается, крайне смущены письмомъ изъ Константинополя отъ резидента Обрѣзкова, который называлъ его самозванцемъ.

[2]) Объ этомъ пораженіи, по увѣдомленіямъ Могилевскаго пріятеля, сообщается въ рел. 1768 г за № 55 отъ 18-го октября.

ложиться", но они, возвратясь очень скоро, доложили, что объ обозахъ ген. Кречетникова „нигдѣ не малѣйше свѣдать не могли, развѣ непропущены ли иногда подъ именемъ какихъ либо полковыхъ тягостей на отдаленныхъ отсюда форпостахъ".

Между тѣмъ ген. Кречетниковъ, отозванный отъ команды, прибылъ 29-го августа съ двумя сыновьями въ Кіевъ, откуда на третій день (31-го августа) одинъ поѣхалъ въ Переяславль къ гр. Румянцеву.

Узнавши о слѣдованіи Кречетникова черезъ Васильковскій форпостъ, Воейковъ предписалъ директору таможни Туфанову, „яко скромному и вѣрному человѣку, съ пристойнымъ извиненіемъ и учтивостію, ссылаясь на свою инструкцію, настоять о осмотрѣ всего въ обозѣ возимаго". Опись всего найденнаго въ этомъ „небольшомъ" обозѣ, слѣдовавшемъ за самимъ Кречетниковымъ, и приложена къ письму Воейкова отъ 3-го сентября. Изъ этого письма оказывается, что за названнымъ генераломъ слѣдовалъ еще изъ м. Полоннаго „тяжелой обозъ", который предписано было тщательно осмотрѣть тому же Туфанову, но, что въ немъ найдено, изъ имѣвшихся у меня документовъ нельзя сдѣлать заключенія. Но достаточно краснорѣчива и опись „небольшого обоза", въ которомъ находилось, между прочимъ, 58 лошадей; изъ нея одной уже ясно, что слухи о грабежахъ генерала Кречетникова не были напраслиной. Масса серебряной посуды и такихъ товаровъ, какъ шелковыя матеріи, полотна, сукна, обои и т. п., нѣсколько штукъ часовъ и дорогихъ бездѣлушекъ, указываютъ на то, что генералъ не стѣснялся контрибуціями въ свою пользу.

Въ реляціяхъ 1768 г. за №№ 64 и 71 находимъ указаніе на то, что не только Кречетниковъ, но и другіе офицеры провозили изъ Польши „подозрительные обозы". Такъ ген. маіоръ Исаковъ задержалъ „экипажъ" поручика Кологривова, въ которомъ оказалось, между прочимъ, кромѣ 4 мальчиковъ и 2 дѣвочекъ, одна шляхтянка 13-ти и крещеная еврейка 14-ти лѣтъ, насильно выданныя Кологривовымъ замужъ за крѣпостныхъ его людей. Шляхтянку узнали въ крѣпости св. Елисаветы какіе-то два шляхтича и потребовали выдачи ея, какъ ихъ свойственницы. Генералъ-губернаторъ, узнавши объ этомъ, „экипажъ" Кологривова приказалъ задержать, а между тѣмъ, какъ поступить съ нимъ, испрашивалъ свыше резолюціи, ссылаясь на то, что „возвращеніе сей шляхтянки въ разсужденіи замужества

съ такими сопряжено затрудненіями, кои рѣшены быть не могутъ" имъ самимъ. Получивъ 9-го ноября высоч. по этому поводу рескриптъ, Воейковъ предписалъ: „шляхтянку отдать родственникамъ ея, а прочихъ всѣхъ польскихъ подданныхъ, при Кологривова экипажѣ находящихся, отослать къ ген. маіору кн. Прозоровскому для поступленія съ ними по насылаемому изъ Воен. Коллегіи указу, экипажъ же его, Кологривова, по осмотрѣ, не найдется ли въ немъ чего чрезвычайнаго или подозрительнаго, въ деревню отпустить".

——

Таково въ самомъ общемъ обзорѣ содержаніе найденныхъ мною документовъ. Писанные въ тѣ годы, когда совершались у насъ на югѣ весьма важныя событія, они, по всей вѣроятности, представятъ для занимающихся этою эпохой немало болѣе или менѣе цѣнныхъ подробностей.

А. Андріевскій.

Реляціи 1768-го года

А) По пограничнымъ съ татарами и турками дѣламъ.

1) О полученныхъ изъ заграницы извѣстіяхъ: о смѣнѣ Хотинскаго паши, о бунтѣ янчаръ, о появившихся въ Польшѣ фальшивыхъ деньгахъ и проч.,—отъ 7 февраля за № 2.

Изъ полученныхъ извѣстій отъ находящихся за границей конфидентовъ, кромѣ Якуба, отъ котораго давно никакого письма въ присылкѣ не было, болѣе ко всеподданнѣйшему донесенію не нахожу, кромѣ что по жалобамъ янчаръ Хотинскаго гарнизона Хотинской паша въ минувшемъ декабрѣ въ ссылку сосланъ, а опредѣленной на его мѣсто, не доѣзжая до рѣки Дуная, умре; что въ началѣ прошедшаго генваря между Хотинскими янчарами ночью великой сдѣлался бунтъ, въ которомъ главное намѣреніе было янчаръ агу живота лишить, но оной, свѣдавъ въ вечеру о семъ умыслѣ, помощью ночной темноты того избавился и, перешедъ черезъ Днѣпръ, въ Польскомъ мѣстечкѣ Жванцѣ скрылся; что въ Польской украинѣ явились подъ штемпелемъ Е. В. короля Польскаго фальшивыя деньги, жидами изъ Пруссіи туда вывезенныя и между народомъ разсѣянныя, отчего многіе изъ обывателей немалой понесли убытокъ; въ маетностяхъ воеводы Брацлавскаго князя Любомирскаго близь Шаргорода въ лѣсу жидами дѣлаются фальшивые рубли и полтины, такожъ турецкіе левки и орлянки, которые въ народъ разсѣеваются, съ каковыми въ Хотинѣ жидъ прошлаго генваря мѣсяца пойманъ и по приказу тамошняго правленія повѣшенъ; я не премину по сей причинѣ въ пограничную Васильковскую таможню и въ Новороссійскую губернію

подтвердить надлежащую предосторожность взять, дабы купцами, польскими обывателями или другими какими проѣзжими въ границы Вашего Императорскаго Величества фальшивыя деньги ввезены быть не могли; что Софійского и Нисского округовъ болѣе тысячи фамилій сербовъ и болгаровъ, раздѣлясь на двѣ части, пробирались чрезъ Валахію и Молдавію въ Россію на поселеніе, изъ коихъ одна часть, по доносу Волоского господаря, присланною въ погоню командою назадъ возвращена, а другая чрезъ Молдавію въ Трансильванскія горы пробралась, и что моровое повѣтріе въ Валахіи и Молдавіи почти совсѣмъ утихло. А впрочемъ по пограничности обстоитъ все благополучно.

2) О журналѣ Бастевика, о сообщеніяхъ кош. атамана, о письмѣ Якуба,—отъ 4 апрѣля за № 9.

Отправленной по высоч. повелѣнію въ Запорожскую Сѣчь съ грамотою В. И. В. къ войску Запорожскому капитанъ Бастевикъ, какой мнѣ по обратномъ сюда прибытіи о развѣданіяхъ и примѣчаніяхъ въ сей его поѣздкѣ подалъ журналъ; оной въ подлинникѣ съ нѣсколькими моими ремарками при семъ всеподданнѣйше подношу [1]). А ко мнѣ отъ кошевого атамана болѣе ничего, кромѣ репорта о принятіи высоч. грамоты съ обыкновенною церемоніею, на мой къ нему ордеръ не отвѣтствовалъ, объявивъ только кап. Бостевику словесно, что впредь, по полученіи вѣдомости о убыткахъ, обстоятельно репортовать долженствуетъ. В. И. В. всемилостивѣйше изъ оного усмотрѣть изволите, какимъ образомъ кошевой атаманъ стараться намѣренъ загладить учиненной отъ войска Запорожскаго непристойной поступокъ и какіе отъ него и отъ войскового писаря, касательно разграниченія Запорожскихъ дачъ и земель Новороссійской губерніи отзывы были, равномѣрно и все то, что помянутой капитанъ въ Татарскихъ аулахъ отъ разныхъ Едичкульской орды ему знакомыхъ мурзъ, по причинѣ польскихъ безпокойствъ, свѣдать могъ.

---

[1]) Приложенія этого въ копіи не оказалось, равно какъ и упоминаемаго ниже письма Якуба.

А какъ о сихъ извѣстіяхъ въ полученномъ вчера чрезъ нарочнаго отъ пріятеля Якуба изъ Бахчисарая письмѣ обстоятельнѣе упоминается, то пріемлю смѣлость точной съ оного переводъ при семъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ В. И. В. раболѣпнѣйше представить [1]). Я, почитая содержаніе сего письма по нынѣшнимъ въ Польшѣ разглашеніямъ заслуживающимъ немалаго уваженія, запотребно разсудилъ пребывающимъ въ Константинополѣ В. И. В. министру тайн. сов. Обрѣзкову и повѣренному въ дѣлахъ канц. сов. Левашеву экстрактъ изъ оного и копію съ пунктовъ предварительно для того сообщить, чтобъ они, имѣя точное свѣдѣніе о томъ, благовременно надлежащія мѣры принять могли къ уничтоженію чинимыхъ съ ханской и польской стороны въ предосужденіе высоч. В. И. В. интересовъ представленій.

Между тѣмъ не премину подъ приличнымъ претекстомъ, во исполненіе высоч. повелѣнія, отправить въ Бахчисарай кап. Бастевика для подлиннаго развѣдыванія о всѣхъ тамошнихъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ слѣдствіяхъ и происхожденіяхъ, снабдя его и пристойными небольшой цѣны для агента Молдавскаго господаря и ханскаго доктора подарками.

3) Объ извѣстіяхъ Бастевика и купца Пищалки о Крымскихъ дѣлахъ, о просьбѣ Поляковъ Татарской помощи,—отъ 27 мая за № 17.

Отправленной въ Крымъ подъ приличнымъ претекстомъ къ хану Крымскому съ письмомъ, кап. Бастевикъ репортомъ отъ Никитинской заставы доноситъ,—что сколько онъ отъ тамошняго правящого комендантскую должность маіора Микулишина свѣдать и собою примѣтить могъ, въ Запорожской Сѣчи между козаками обстоитъ все тихо, а кошевой атаманъ къ нему между разговоромъ отзывался, якобы бы онъ отъ пріѣзжихъ изъ Польши всякого званія людей свѣдалъ, что въ разныхъ Польскихъ мѣстахъ Польское войско собирается; отъ пріѣзжихъ же изъ Крыму купцовъ и Запорожскихъ козаковъ увѣдомился, якобы отъ хана Крымскаго повелѣно Чумбулуской ордѣ быть во всякой къ походу готовности, дабы при первомъ востребованіи, куда приказано будетъ, немедленно выступить

---

[1]) Письма этого при реляціи нѣтъ.

могла; что въ Очаковъ, Бендеръ и Хотинъ будто по пяти тысячъ спаговъ и бошняковъ на умноженіе гарнизоновъ слѣдуетъ, но съ какимъ намѣреніемъ сіе умноженіе войска чинится, никто подлинной тому причины провѣдать не можетъ. А отъ прибывшаго изъ Крыму Полтавскаго купца Семена Пищалки онъ, кап. Бастевикъ, увѣдомился, что въ Крыму въ великомъ страхѣ всѣ Татары находятся, опасаясь какого-либо съ стороны войскъ В. И. В. противъ нихъ предпріятія. Въ заключеніе же вышеписанныхъ извѣстій прислалъ онъ письмо, полученное изъ Бахчисарая отъ двухъ пріятелей его Дмитрія Волкова и Степана Талера, отъ 29 марта, коимъ его, кап. Бастевика, увѣдомляютъ, что еще въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца прибылъ изъ Польши яко бы отъ князя Радивила посланникъ, шляхтичъ Каменца-Подольского, прозваніемъ Маковскій, съ жалобой на войско В. И. В., которое де въ Польшѣ находится и великое причиняетъ разореніе, прося у хана дачи имъ сорока тысячъ Ногайскихъ татаръ вспомогательнаго войска; но получа отъ хана отвѣтъ, что онъ на дачу такъ знатнаго числа войска собою поступить не можетъ, просилъ посланникъ о томъ Портѣ представить, токмо де еще никакой отъ Порты на оное представленіе резолюціи не воспослѣдовало; а между тѣмъ 28-го февраля еще два посланцы отъ него же будто, князя Радивила, къ хану присланы, кои купно съ первымъ ханскому визирю внушали, что В. И. В. войска стараются овладѣть крѣпостію Каменца-Подольскаго; по овладѣніи же оною, какъ Молдавія, такъ и Крымъ въ немалой опасности находиться будутъ; а если ханъ Крымской просимое отъ князя Радивила вспомогательное войско благовременно дать склонится и оное съ войскомъ Польскимъ, кое по обѣщанію и вспоможенія папы Римскаго яко бы уже до шестидесяти тысячъ человѣкъ простирается, соединится, то Поляки въ состояніи найдутся войскамъ В. И. В. вездѣ противиться и всю предвидимую опасность силою отвратить. Однако на все ихъ внушеніе отвѣтствовано, что, за неполученіемъ отъ Порты на ханское представленіе резолюціи, ничего въ томъ рѣшительного объявить нельзя, чего помянутые посланники съ крайнею нетерпѣливостію въ Бахчисараѣ ожидаютъ.

4) О поимкѣ бѣжавшаго изъ Константинополя грека Костаки,— отъ 29 мая за № 21.

Пребывающій въ Константинополѣ В. И. В. министръ тайн.

сов. Обрѣзковъ отъ 30 прошедшаго апрѣля письменно далъ мнѣ знать, что при отправленіи того числа отъ него сюда курьеровъ верховной визирь къ нему отозвался, яко одинъ грекъ, Константинопольскій житель Александра Костаки, нарочитой фамиліи, впадшій въ мотовство, скрытнымъ образомъ, набравъ у тамошнихъ купцовъ алмазными вещами и разными товарами на знатную сумму, отбылъ предъ семнадцатью днями на Черное море на одномъ суднѣ, нагруженномъ виномъ, ѣдущемъ въ Запорожскую Сѣчь или къ Темерниковскому порту, и сильно де его, резидента, просилъ писать куда надлежитъ, въ случаѣ появленія сего бѣглеца въ границахъ имперіи В. И. В., поймавъ поручить съ роспискою хану Крымскому или кому изъ пашей, при границахъ команды имѣющихъ; почему отъ меня на состоящіе въ Кіевской и Новороссійской губерніяхъ форпосты, тако жъ войска Запорожскаго кошевому атаману, крѣпости св. Димитрія оберъ-коменданту генералъ-маіору Потапову и войска Донского въ войсковую канцелярію подтверждено: ежели оной бѣглецъ откроется, то, задержавъ его, увѣдомить о томъ Крымскаго хана или кого изъ пашей по способности и близости, при границахъ команды имѣющихъ, требуя присылки для взятья оного нарочныхъ, по прибытіи которыхъ со всѣмъ, что при немъ сыщется, за взятьемъ въ пріемѣ надлежащей росписки, тѣмъ нарочно присланнымъ препоручить.

5) О данныхъ бригадиру Черткову ордерахъ о томъ, какъ поступать съ Турками-выходцами,—отъ 7 іюня за № 24.

Въ какой силѣ отъ меня бригадиру Черткову на его репорты о выѣхавшихъ въ Елисаветградскую провинцію якобы съ намѣреніемъ принять православную вѣру двухъ Туркахъ предписано съ оными и съ выходящими впредь для того жъ Турками поступить, В. И. В. изъ поднесенныхъ при семъ съ глубоч. благоговѣніемъ точныхъ съ моихъ ордеровъ списковъ [1]) всемил. усмотрѣть изволите, что возвращеніе одного служить можетъ Портѣ въ угодность, а увѣщаніемъ другого взята будетъ предосторожность отъ являющихся впредь подобныхъ бездѣльниковъ; такимъ образомъ отговорясь, отвратить всѣ нареканія Порты, кои по тому иногда произойти могли бъ.

---

1) Списковъ этихъ при черновой реляціи нѣтъ.

6) О принятіи Запорожцами предосторожностей противъ Татаръ,— отъ 7 іюня за № 27.

Каковъ отъ меня кошевому атаману Калнишевскому на доношенія его о чинимомъ якобы отъ нѣкоторыхъ интересныхъ ротмистровъ подчиненнымъ войску Запорожскому людямъ, живущимъ за Орелью, и о протчемъ, тако жъ на домогательство о скоромъ моемъ отсюда отправленіи для осмотру Екатерининской провинціи земель и разграниченія оныхъ съ Запорожскими ордеръ посланъ, В. И. В. изъ поднесенной при семъ копіи всемил. усмотрѣть изволите [1]).

Оной же кошевой атаманъ репортами отъ 3-го и 10-го минувшаго мая увѣдомилъ, яко бы въ Едисанской ордѣ нѣкоторое къ походу пріуготовленіе примѣчено, и что онъ для точнаго о томъ развѣдыванія отправилъ подъ приличными претекстами надежныхъ людей, а между тѣмъ приказалъ скрытнымъ образомъ и Запорожскимъ козакамъ быть во всякой готовности. Я, похваляя сію его предосторожность, поручилъ ему по смежности съ Татарскими ордами прилежнѣйшее стараніе употребить, дабы о точномъ оныхъ намѣреніи благовременно свѣдать, а съ своей стороны удобвозможную, безъ малѣйшей однако огласки, по благоразумному его усмотрѣнію и въ пользу высоч. В. И. В. интересовъ съ подчиненнымъ ему войскомъ предосторожность взять и что впредь о семъ развѣдано будетъ, меня по-часту репортовать.

7) О письмахъ хана Крымскаго и сераскера Едичкульскаго и объ инструкціи пограничнымъ коммиссарамъ,—отъ 26 іюня за № 30.

Въ какой силѣ ханъ Крымской Максутъ-Гирей и Едичкульской сераскеръ Шебебъ-Гирей чрезъ нарочно посланнаго чиновника Алиакой-агу, жалуясь на причиненные имъ отъ Запорожцовъ обиды, ко мнѣ писали, какой имъ на оное отъ меня учиненъ отвѣтъ и какимъ образомъ вслѣдствіе того кошевому атаману поступить предписано, все оное В. И. В. изъ поднесенныхъ при семъ приложеній всемил. усмотрѣть изволите; а между тѣмъ я отправленнымъ въ пограничную коммиссію коммиссарамъ, надв. сов. Ефремову и асессору Чугуевцу, ордеромъ подтвердилъ удобможное стараніе приложить о прекращеніи въ нынѣшнемъ съѣздѣ всѣхъ прежнихъ ссоръ и неот-

[1]) Копіи такой при реляціи нѣтъ.

мѣнномъ внесеніи въ размѣняемомъ по окончаніи коммиссіи обыкновенномъ инструментѣ сего пункта: чтобъ „впредь никто изъ подданныхъ обоихъ имперій не осмѣлился въ границы одной или другой стороны входить либо въѣзжать безъ письменного отъ своихъ начальниковъ билета; а какъ скоро кто безъ оного пойманъ будетъ, такого, признавъ за злодѣя, подъ караулъ взять и немедленно о томъ ближнему начальнику знать дать для поступленія съ онымъ, яко съ преступникомъ, по законамъ“, и о томъ съ обоихъ сторонъ для вѣдома подчиненнымъ обнародовать, дабы напослѣдокъ невѣдѣніемъ никто извиниться не могъ.

8) О слухахъ въ Крыму по поводу сбора Русскихъ войскъ подъ Полтавою,—отъ 26 іюня за № 31.

Какъ по нынѣшнимъ въ Польской украинѣ обстоятельствамъ разные неосновательные въ границы В. И. В. входятъ слухи, о каковыхъ и отъ Коша Запорожскаго ко мнѣ частые присылаются репорты, то я, зная свойства Запорожскихъ козаковъ и потому воображая себѣ и легкомысленность ихъ, паче же разсуждая, что отъ подобныхъ пустыхъ разглашеній могутъ иногда родиться и непріятныя слѣдствія, стараюсь неосновательность оныхъ успѣхами войскъ В. И. В. надъ конфедератными возмутителями возможнѣйшимъ образомъ опровергать, доказывая кошевому атаману и всей старшинѣ пустоту тѣхъ разглашеній, паче для того, чтобы они, входя въ лучшее уваженіе обстоятельствъ, могли нѣкоторымъ образомъ подлинное отъ неподлиннаго различить и, не повѣря всякому подлому духу, остерегаться отъ причиненія въ пограничности напраснаго людямъ востревоженія.

Между тѣмъ, получа на сихъ дняхъ отъ отправленнаго на пограничную съ Татарами коммиссію надв. сов. Ефремова изъ Сѣчи извѣстіе, якобы назначеніе подъ Полтавою войскъ В. И. В лагеря, въ разсужденіи того что оной противъ Крымской границы состояться имѣетъ, между Татарами поводъ къ сумнѣнію подало; но какъ сіе извѣстіе скоро послѣ того и присланнымъ отъ кошевого репортомъ подтверждено, то я за сходственное призналъ о томъ г. ген.-аншефу и кав. гр. Румянцеву сообщить, а съ репорта кошевого, равно какъ и съ отправленнаго потому въ Кошъ Запорожскій отъ меня ордера при семъ В. И. В. на высоч. усмотрѣніе точные подношу списки [1]).

[1]) Этихъ списковъ не оказалось. Слѣдуетъ еще здѣсь упомянуть о реляціи съ препро-

9) О полученіи отъ кошевого атамана репорта объ удаленіи имъ съ Ейской и Чубурской косъ козаковъ-промышленниковъ,—отъ 12 іюля за № 37.

Высоч. В. И. В. рескриптомъ, отъ 18 августа 1767 года ко мнѣ присланнымъ, велѣно войска Запорожскаго кошевому атаману сильнѣйше подтвердить, чтобъ онъ не токмо находящихся на Чубурской и Ейской косахъ съ лодками промышленниковъ немедленно сослалъ за грубости и упорства ихъ и должное имъ учинилъ наказаніе, но и найстрожайше всѣмъ Запорожскимъ козакамъ запретилъ о невъѣздѣ впредь въ заказанные трактатами мѣста и о незаводѣ въ баріерныхъ мѣстахъ новыхъ селеній. Во исполненіе котораго повелѣнія на посланной отъ меня войска Запорожскаго кошевому атаману съ старшиною ордеръ, оной кошевой атаманъ отъ 3-го прошедшаго мая меня репортуетъ, что въ минувшую осень отправлена была отъ находящагося при Калміуской паланкѣ войска Запорожскаго полковника козацкая команда съ однимъ асауломъ, который де по возвращеніи въ оную паланку представилъ, что находившихся въ оныхъ баріерныхъ мѣстахъ на добычѣ рыбной войска Донского разныхъ станицъ козаковъ и прочихъ промышленниковъ, о коихъ и списокъ при объявленномъ ко мнѣ репортѣ приложенъ, со всѣми при нихъ имѣвшимися рыболовными снастьми и посудою, всѣхъ до единого, въ томъ числѣ и Запорожскихъ козаковъ, выслалъ; а дабы и впредь въ Ейскую и Чубурскую косы въѣзжающихъ высылано было, оному полковнику отъ Коша Запорожскаго найстрожайше предложено нарочныхъ надежныхъ старшинъ туда отправлять.

10) По рапорту Чугуевца о дѣлахъ Едичкульскихъ татаръ, о преслѣдованіи Запорожцами гайдамаковъ, о пріѣздѣ въ Очаковъ новаго паши и пр.,—отъ 29 іюля за № 42.

В. И. В. всепод. доношу, что находящійся въ Запорожской Сѣчи, въ ожиданіи прибытія Крымскихъ коммиссаровъ на обыкновенной съѣздъ, кол. асессоръ Чугуевецъ рапортомъ отъ 15-го сего іюля предста-

---

вожденіемъ журнала Бастевика и привезеннаго имъ ханскаго письма (при черновой реляціи не оказавшихся),—отъ 12 іюля за № 35.

вляетъ, якобы Едичкульскіе татаре на своего сераскеръ-султана Шебебъ-Гирея вознегодовали за то, что онъ охотникамъ не дозволилъ за рѣку Бугъ перебраться на соединеніе съ Едисанцами; желая быть участниками въ Польскихъ обстоятельствахъ и учинясь ему ослушными, немалое число сей орды чрезъ Кинбурнъ на соединеніе съ Едисонцами перешло; а при томъ де старшины оной сераскеръ-султану объявили, что они по ханскому повелѣнію на пограничную коммиссію депутатовъ, жалобщиковъ и виновныхъ съ своей стороны собирать и выслать не намѣрены, ровно какъ и по жалобамъ Запорожцовъ возвратить ничего не хотятъ, признавая учрежденную пограничную коммиссію для нихъ излишнею и необычайною, а для избѣжанія отъ такихъ новостей и хлопотъ, они лучше желаютъ на Кубань по прежнему переведены быть. По такимъ Едичкульцовъ противностямъ и ослушанію сераскеръ-султанъ, отказавшись отъ командированія ими, со всѣмъ своимъ штатомъ въ Бахчисарай отправился. Послѣ чего Едичкульская орда паки по гайманамъ расположилась аулами и, въ крайнемъ замѣшательствѣ и несогласіи между собою находясь, немалые Запорожцамъ обиды дѣлать начала нападеніями и грабительствомъ, при чемъ два козака ранены. Но для укращенія такого ихъ взволнованія, слухъ носится, яко бы отъ хана другой въ сію орду сераскеръ-султанъ присланъ быть имѣетъ.

Едисанская же орда въ собраніи по надъ Польскою границею находится во всякой воинской исправности, гдѣ выбѣгающихъ отъ безпокойства Поляковъ и ѣдущихъ за промысломъ въ Очаковъ Польскихъ обывателей убиваютъ, грабятъ и въ неволю берутъ, изъ каковыхъ пять человѣкъ, нашедши случай бѣгомъ спастись, прибѣгли въ паланку Гардовую, на лѣвомъ берегу рѣки Буга стоящую, и тамошнему полковнику Запорожскому о такомъ сихъ Татаръ съ Польскими обывателями поступленіи объявили.

Изъ Сѣчи за ушедшими въ гайдамацкія по разсѣянному слуху шайки въ Польскую украину козаками при шести полковникахъ и тридцати осьми куренныхъ атаманахъ разосланы команды въ степи до самой Польской границы и рѣкою Днѣпромъ къ Очакову для унятія и сыску своихъ куренныхъ козаковъ, яко же и для поимки возвращающихся оттуда съ добычею гайдамаковъ.

Для подлиннаго о помянутомъ Едичкульскихъ татаръ взволнованіи развѣданія посланъ быть имѣетъ отъ меня въ Крымъ нароч-

ной подъ приличнымъ претекстомъ къ агенту Молдавскаго господаря, и что имъ развѣдано будетъ, о томъ въ свое время В. И. В. донести не премину, а между тѣмъ о сихъ извѣстіяхъ г. генералъ-аншефу и кав. гр. Румянцеву отъ меня сообщено. Очаковской пріятель отъ 30-го прошедшаго іюля увѣдомляетъ, что въ Очаковъ новой трехъ-бунчучной паша, прозываемой Сары-Мустафъ 22-го іюля въѣздъ свой съ обыкновенною церемоніею имѣлъ, что новаго войска прибыло только около тысячи человѣкъ и 200 мастеровыхъ для починки крѣпости и постройки новаго мечета, и что послѣ нападенія гайдамаковъ на Балту Турки опасаться стали непріятельства съ Россійской стороны и для развѣдыванія отправили шпіономъ одного потурчившагося жида.

11) О полученномъ отъ хана письмѣ по поводу нападенія на Балту и объ отвѣтѣ на него,—отъ 22 августа за № 46.

Присланной сюда отъ хана Крымскаго съ письмомъ къ Елисаветградскому генералу нарочной Мегметъ-ага, по причинѣ учиненнаго на Балту и Голту отъ разбойнической въ Польшѣ шайки нападенія, вчера съ моимъ отвѣтомъ обратно отправленъ. Я пріемлю смѣлость, какъ переводъ съ ханскаго письма, такъ и точной списокъ съ моего къ нему отвѣта при семъ раболѣпнѣйше поднесть [1]).

В. И. В. всемил. усмотрѣть изволите, съ какою умѣренностію и объясненіемъ на суровое его письмо отъ меня отвѣтъ учиненъ, о содержаніи котораго я не преминулъ и пребывающаго въ Константинополѣ В. И. В. министра тайн. сов. и кав. Обрѣзкова увѣдомить, дабы и онъ съ своей стороны министерству Оттоман. Порты при случаѣ сходное учинить могъ изъясненіе. А для подлинного свѣдѣнія, какое дѣйство сей мой отвѣтъ возъимѣетъ, равно какъ и для примѣчанія въ Крыму обстоятельствъ, на сихъ дняхъ нарочной отъ меня съ увѣдомительнымъ къ хану письмомъ о окончаніи суда надъ разбойниками и объ отправленіи ихъ къ границѣ для наказанія посланъ быть имѣетъ.

12) Объ отобраніи пріятелемъ Якубомъ товаровъ у купца Бондарева въ счетъ своего пенсіона,—отъ 22 августа за № 47.

В. И. В. всепод. доношу, что извѣстный Якубъ чрезъ купца Новороссійской губ. Крыловского шанца Өедора Бондарева къ надв.

[1]) Приложеній этихъ при черновой реляціи не оказалось.

сов. Никифорову письмо прислалъ, съ коего и съ приложенія къ оному при семъ точной переводъ, равно какъ и списокъ съ сказки реченнаго купца на высоч. усмотрѣніе раболѣпнѣйше подносится [1]). Но какъ сія Якубова наглость совершенно страсть его къ сребролюбію оказываетъ, ибо не устыдился для насыщенія своего корыстолюбія отобрать насильно у подданнаго В. И. В. въ то самое время, когда оной для правосудія къ нему прибѣгнулъ, товаровъ на тысячу восемь сотъ шестьдесятъ девять рублевъ, еже учинитъ болѣе двугодового ему опредѣленнаго пенсіона, о выдачѣ которого онъ, какъ В. И. В. изъ прежнихъ его писемъ вѣдомо, неоднократно уже домогался, а двугодовому пенсіону срокъ будущаго мая мѣсяца 20 числа кончится; слѣд. онъ не только заслуженное годовое, но и впредь за годъ же оного самовольно захватить осмѣлился, то я, разумѣя сію его ухватку, надв. сов Никифорову приказалъ въ отвѣтъ къ нему отписать, что такой его странной поступокъ съ скромностію и съ осторожностію, каковы онъ, Якубъ, для цѣлости своей наблюдать долженъ, ни мало согласоваться не можетъ, но паче его, Никифорова, во удивленіе привелъ, что онъ, Якубъ, будучи и безъ того уже отъ хана Крымскаго по доносу его непріятелей подозрѣваемъ, о чемъ прежними письмами знать давалъ, отважился такому человѣку, каковъ купецъ Бондаревъ, поводъ подать о преданности и перепискѣ его догадываться, чѣмъ онъ себя горшему подвергнуть можетъ несчастію, нежель предъ недавнимъ временемъ попался было, и потому онъ, Никифоровъ, яко истинной его пріятель, принужденъ былъ купцу Бондареву въ платежѣ по векселю его отказать, надѣясь тѣмъ вредную догадку его истребить, а ему, Якубу, дружески свой совѣтъ подаетъ впредь о такихъ поступкахъ крайнѣйше остерегаться, ибо купцы, яко обращающіеся въ торгу, тайности хранить не умѣютъ, обнадеживая его при томъ, что опредѣленной ему пансіонъ всегда по удобности времени доставляемъ быть имѣетъ, только бы съ его стороны переписка по прежнему съ неотмѣнною вѣрностію и ревностію продолжаема была.

13) О возмущеніи Порты причиненнымъ гайдамаками разореніемъ Балты и Голты и о принимаемыхъ по этому поводу предосторожностяхъ,—отъ 3 сентября за № 50.

Пребывающій въ Константинополѣ В. И. В. тайн. сов. Обрѣз-

[1]) Приложенія этого нѣтъ.

ковъ письмомъ отъ 6-го прошедшаго августа меня увѣдомилъ, что при учиненіи Портѣ представленія о нападеніи на Балту и Голту немалой команды изъ находящихся въ Польшѣ В. И. В легкихъ войскъ предъявлено, что убитъ одинъ салтанскій сынъ, одинъ мурза и до тысячи осьмисотъ всякого званія людей Турецкихъ подданныхъ, при чемъ, по проискамъ однихъ, по неистовству другихъ и по невѣжеству третьихъ, оное такимъ ужаснымъ дѣломъ истолковано, что Порта, пришедъ въ запальчивость, едва не приняла резолюцію признать тотъ поступокъ за прямое мира нарушеніе и потому приказала къ войнѣ такія распоряженія и пріуготовленія дѣлать, которыя означивали, яко бы неминуемо и скоро война объявлена быть имѣетъ; ибо подъ претекстомъ приведенія подданныхъ ея въ безопасность отъ подобныхъ впредь непріятныхъ приключеній не только изъ провинцій въ Хотинъ, Бендеры и Очаковъ отъ 15-ти до 20-ти тысячъ, но и изъ Константинополя 13-го минувшаго іюля Чернымъ моремъ въ Варну какъ янчаръ, такъ топчіевъ и другихъ артиллерійскихъ служителей, до двухъ тысячъ человѣкъ отправила, которые по сіе время въ опредѣленныя имъ мѣста чаятельно уже и прибыли, еже безъ сумлѣнія подало причины о такомъ намѣреніи Порты повсюду разнестись слуху, и что въ самомъ существѣ за то ручаться не можно, развѣ съ такимъ только изъятіемъ, сколько по обстоятельствамъ судить можно, что то намѣреніе оной не въ нынѣшнее лѣто произведется. Но по полученіи письма моего отъ 3-го іюля съ увѣдомленіемъ о существѣ Балтинскаго дѣла и по отобраніи у прапорщика Фатѣева, ѣхавшаго съ депешами чрезъ Балту и Дубосары, нужнаго свѣдѣнія, онъ не преминулъ надлежащее всему помянутому происшествію Портѣ учинить объясненіе, въ доказательство и опроверженіе дошедшихъ къ ней неоснованныхъ увѣдомленій и къ успокоенію причиненнаго оными возмущенія надъ мѣру скорою пылкостію. По такому его внушенію, хотя Порта ошибку свою въ толь легкомъ вѣроподаніи дошедшихъ до ней одностороннихъ извѣстій и признавать начинаетъ, однако тамошняя махина, приведена будучи въ толь великое движеніе, въ какомъ она нынѣ, учиненныя уже распоряженія скоро и вдругъ отмѣнить не можетъ безъ явной для самого правленія опасности; почему де, не взирая на всѣ Порты при нынѣшнихъ ея подвигахъ даваемые ему сильные увѣренія о неотмѣнномъ ея намѣреніи и желаніи настоящую добрую дружбу съ высоч. дворомъ В. И. В.

ненарушимо продолжать, увѣщеваетъ меня имѣть на границахъ осторожность и попечительное бдѣніе, чтобъ на всякой случай готовымъ быть. О такомъ его ко мнѣ важномъ сообщеніи я не преминулъ г. генералу-аншефу и кав. гр. Румянцеву чрезъ нарочнаго знать дать для предосторожности, однакожъ безъ малѣйшей о томъ огласки, располагая по его усмотрѣнію и способности нѣкоторые полки его дивизіи по квартирамъ, ближе къ Новорос. губерніи, дабы, когда нужда потребуетъ, тѣмъ скорѣе границы В. И. В. защищены быть могли. А ген.-м. Исакову предписалъ въ Новороссійской губерніи непримѣтнымъ образомъ форпосты войсками пріумножить и удобвозможную отъ непріятеля имѣть предосторожность, а при томъ всѣмъ тамошнимъ полкамъ подтвердить, безъ малѣйшаго разглашенія и встревоженія, въ надлежащей быть исправности.

Равномѣрно и кошевому атаману подтверждено недреманную, по случаю Балтскаго и Голтовского приключенія, отъ Татаръ имѣть предосторожность, посылая для развѣдыванія въ околичности Татарскія нарочныхъ изъ старшинъ войска Запорожскаго о Татарскихъ и Турецкихъ обращеніяхъ.

14) По письму пріятеля Поповича о военныхъ приготовленіяхъ Порты на границахъ,—отъ 3-го сентября за № 51.

Находящійся при извѣстномъ Якубѣ писарь Яковъ, родомъ изъ Каменца-Подольскаго, прозываемой Поповичъ, вѣры православной Россійской, который прошлого году во время объѣзда моего Елисаветградской провинціи въ Орловскую слободу при Голтянскомъ каймаканѣ, а послѣ и одинъ у меня былъ, по единовѣрію желая служить В. И. В. извѣстіями о тамошнихъ обращеніяхъ, обѣщался съ знакомымъ ему капитаномъ Бастевикомъ переписку имѣть, а сей для лучшаго на то его преклоненія и надежности взялъ двухъ его братьевъ сюда въ Кіевъ, которые отданы въ Академію подъ его присмотромъ обучаться, отъ 20-го прошедшаго августа мѣсяца къ реченному капитану пишетъ, яко 10 числа того жъ мѣсяца прибылъ въ Балту нарочно отъ верховнаго визиря отправленный знатной чиновникъ для осмотру пограбленныхъ гайдамаками мѣстъ, Балты, Голты и Рашкова, равно какъ и для развѣдыванія, много ли при границѣ В. И. В. войска; который посланной изъ Голты внизъ по Бугу, ми-

нувъ Гардъ, всѣ форпосты записывалъ и положеніе осматривалъ; что староста Каневскій заподлинно въ Цареградѣ находится, которой якобы знатнымъ Туркамъ на Россійское войско сильно жалуется; что слухъ пронесся, будто Крымъ-Гирей ханъ паки на ханство возведенъ будетъ; что по всѣмъ Турецкимъ обращеніямъ примѣтить можно какую-либо опасность, паче потому, что они свои овечьи стада и протчій скотъ отъ границъ въ дальніе мѣста отганиваютъ, а зимовники свои истребляютъ; что предъ недавнимъ временемъ пришло въ Бендеры арнаутскаго войска до десяти тысячъ, кои съ крайнею поспѣшностію крѣпость починяютъ; въ Хотинъ и Очаковъ то жъ войска прибыли и крѣпости починиваютъ; въ новопостроенную на берегу Чернаго моря крѣпость Казыбей привезено на судахъ изъ Константинополя множестко всякихъ военныхъ сбруй и припасовъ; пріѣхавшій изъ Константинополя Татарской ага Якубу заподлинно объявилъ, что султанскимъ указомъ вѣлено всѣмъ янчарамъ къ походу въ готовности быть; Ногайскіе Татары во всякой воинской исправности и къ походу готовности находятся, отъ которыхъ де при границѣ неоплошную имѣть надобно предосторожность.

Я видя, что сіи его извѣстія согласны съ полученными отъ тайн. сов. Обрѣзкова, разсудилъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ капит. Бастевику, который съ увѣдомительнымъ письмомъ къ хану Крымскому о окончаніи надъ разбойниками суда и объ отправленіи оныхъ отсюда къ Орловскому форпосту для наказанія на сихъ дняхъ посланъ быть имѣетъ, приказать чрезъ Балту въ Дубосары къ тамошнему воеводѣ Якубу для доставленія оному письма, коимъ приглашается быть очевиднымъ свидѣтелемъ исполненію приговоренной злодѣямъ за нападаніе на Балту и Голту казни, ѣхать, откуда, пользуясь симъ претекстомъ, прямѣйшимъ путемъ чрезъ Очаковъ и Кинбурнъ въ Бахчисарай слѣдовать можетъ, такъ для примѣчанія тамошнихъ обращеній, какъ и для свиданія съ рѣченнымъ Поповичемъ и склоненія оного къ частой перепискѣ, ибо на принципала его Якуба, какъ видно, ни въ чемъ положиться нельзя, когда онъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, въ какихъ переписка его нѣсколько и нужна, совсѣмъ замолчалъ.

15) По репорту кошевого атамана о домогательствѣ Татаръ устроить на Днѣпрѣ свой перевозъ,—отъ 3-го сентября за № 52.

В. И. В. всепод. доношу, что кошевой атаманъ ко мнѣ представилъ, яко на рѣкѣ Днѣпрѣ нигдѣ и никогда учрежденныхъ перевозовъ ни Татарскихъ, ниже Турецкихъ не находилось, а были всегда одни только Запорожскихъ козаковъ перевозы, на коихъ, какъ Татары, такъ и Турки, овечьи стада, скотъ и другія надобности, по сосѣдственной дружбѣ, наймомъ и просьбою на одну и другую сторону Днѣпра переправляли и какъ оными, такъ и Очаковскиими томбазами въ перевозѣ овецъ и прочаго довольствовались; а прошедшаго де августа мѣсяца въ первыхъ числахъ Едичкульской сераскеръ-султанъ Сагибъ присланными въ Кошъ сряду двумя письмами требовалъ, чтобъ войска Запорожскаго Ингульскому полковнику предписано было учрежденному на низу рѣки Днѣпра Татарскому перевозу никакого помѣшательства и запрещенія въ переправѣ Крымскихъ и Ногайскихъ татаръ овецъ и скота не чинить; на которыя письма отъ Коша отвѣтствовано, что перевозу съ Татарской стороны быть не должно потому, что прежде того, по заключеніи вѣчнаго мира, никогда не бывало, да и въ трактатѣ о имѣніи Татарамъ на рѣкѣ Днѣпрѣ перевоза не упомянуто; по которой причинѣ, если паче чаянія еще реченной солтанъ о томъ домогаться сталъ бы, требовалъ отъ меня резолюціи, какой оному учинить отвѣтъ, предъявляя при томъ, что въ 1743 году такая жъ съ Татарской стороны попытка была, ибо тогда хотѣли они при урочищѣ Катяномъ и въ Казыкирменѣ учредить перевозы, но отъ Коша Запорожскаго Е. И. В. всепод. взнесена была просьба, на которую отъ 20-го сентября того жъ 1743 году высоч. къ войску Запорожскому прислана грамота токого точно содержанія, что всемил. опредѣлено Коллегіи Ин. Дѣлъ по тому разсмотрѣніе учинить и мнѣніе свое въ Сенатъ подать. Въ разсужденіи сихъ обстоятельствъ отъ меня кошевому предписано, въ случаѣ неотступнаго настоянія отъ сераскеръ-солтана, въ учтивыхъ выраженіяхъ отвѣтствовать, что на такую новость, какова прежде не бывала, Кошъ Запорожскій, яко подчиненной вышнему правленію, собою дозволить не можетъ, а долженъ представить о томъ главной командѣ, отъ которой и резолюціи ожидать имѣетъ. А по моему слабѣйшему мнѣнію

кажется: если Татарамъ дозволить на Днѣпрѣ въ помянутыхъ мѣстахъ свои учредить перевозы, то такая новость для пограничности можетъ быть предосудительна и вредна, ибо Татары, получа чрезъ то свободныя руки, перевозить (будутъ) по своему произволу все, что хотятъ, слѣд. и партіи войскъ, и границы В. И. В. всегда въ опасности и безпокойствѣ находиться будутъ. Однако, по рабской моей должности, предая все сіе высоч. В. И. В. соизволенію, всепод. испрашиваю себѣ высоко-монаршаго повелѣнія, какою резолюціею по сему кошевого атамана снабдить.

16) О прибытіи посланца съ письмомъ отъ Очаковскаго паши,— отъ 3-го сентября за № 53.

Третьяго дня прибылъ сюда отъ Очаковскаго трехбунчучнаго паши Сары-Мустафы аги нарочной Бумонъ-баша съ письмомъ ко мнѣ, которому здѣсь ласковой пріемъ учиненъ, а при томъ объявлено, что по переводѣ и разсмотрѣніи содержанія письма съ дружескимъ отвѣтомъ вскорѣ отправленъ будетъ. А какъ изъ письма, съ коего при семъ В. И. В. съ глубоч. благоговеніемъ подношу переводъ, мною примѣчено, что оное посланному только для претекста дано, ибо настоящая посылка его знатно въ томъ только намѣреніи учинена, чтобъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ развѣдать, какія по границѣ и въ здѣшней крѣпости войска находятся, то отъ меня, какъ обыкновенно всѣмъ таковымъ пріѣзжимъ придаются подъ видомъ безопасности и для посылокъ по одному исправному унтеръ-офицеру и толмачу, приставленнымъ къ нему найсильнѣйше подтверждено за всѣми его поступками и обхожденіемъ непримѣтнымъ образомъ присматривать; а съ какимъ оной отвѣтомъ отправленъ будетъ, В. И. В. впредь донести не премину.

17) О состоявшихся засѣданіяхъ пограничной коммиссіи,—отъ 3-го сентября за № 55.

В. И. В. всепод. доношу, что изъ репортовъ находящихся въ Каменкѣ пограничныхъ коммиссаровъ Ефремова и Чугуевца явствуетъ, что и Татарскіе коммиссары къ съѣзду уже прибыли и два засѣданія по пограничнымъ дѣламъ имѣли, на коихъ съ нашей стороны по требованіямъ Татаръ снисхожденіе показано возвращеніемъ содер-

жавшихся, по предъявленію Запорожцовъ яко бы за смертоубивство Запорожскаго козака, въ Запорожской Сѣчи подъ карауломъ чабановъ со всѣми забранными у нихъ вещами и скотомъ, чѣмъ Татарскіе коммиссары весьма довольны были и обѣщали послѣ того при первомъ засѣданіи стараніе приложить о рѣшеніи всѣхъ жалобъ и ссоръ по самой справедливости къ удовольствію обоюдныхъ сторонъ подданныхъ; но исполнятъ ли они съ своей стороны данное обѣщаніе, время окажетъ, ибо по извѣстному оныхъ непостоянству на ихъ слова никогда утвердиться не можно. Итакъ, какой успѣхъ сія коммиссія въ нынѣшнемъ году возымѣетъ, о томъ В. И. В. впредь обстоятельно раболѣпнѣйше донести не премину.

18) По репорту Соловкова о военныхъ приготовленіяхъ Турокъ и Татаръ и о потворствѣ гайдамакамъ со стороны Гардоваго полковника,—отъ 25-го сентября за № 57.

В. И. В. всепод. доношу, что прибывшій сюда на сихъ дняхъ по выдержаніи карантина изъ Царяграда квартермистръ Соловковъ подалъ записку примѣчаніямъ и развѣдываніямъ, въ проѣздъ учиненнымъ, слѣдующаго содержанія: подъ Очаковымъ якобы за подлинно 18, а подъ Бендерами 13 тысячъ Турецкаго войска въ полѣ станомъ расположено; въ столичномъ Молдавскомъ городѣ Яссахъ Турецкой паша съ нѣсколькимъ числомъ войска прибылъ; что подъ рукою гласится, будто еще нынѣшнею осенью тѣ войска къ Балтѣ придвинутся для перезимованія въ той околичности; что Едисанской орды Татаръ, чему онъ, Соловковъ, самовидецъ, до нѣсколько тысячъ при обыкновенныхъ своихъ воинскихъ сбруяхъ во всякой готовности съ походными кибитками по степи въ разныхъ мѣстахъ кочуетъ; по которой причинѣ Балтинскимъ каймаканомъ онъ, Соловковъ, Татарскою стороною не отправленъ, опасаясь отъ необузданности Татаръ нанесенія ему какой либо обиды, но отъ Балты посланъ Польскою стороною до Орловскаго форпоста; о коихъ також де слухъ носится, яко бы для перезимованія въ Польскую украину вступить имѣютъ съ намѣреніемъ противъ Россіи дѣйствовать; и что у города Сакчи построены три каменные магазина, каждый длиною по сту саженъ, а четвертый такой же строить начали; первые три наполняются привознымъ изъ Валахіи и околичныхъ мѣстъ всякаго рода хлѣбомъ,

куда безперерывной подвозъ оного продолжается, гдѣ и новыхъ печей сдѣлано 30, въ коихъ хлѣбъ пекутъ и въ сухари сушатъ. Я не преминулъ для подлиннѣйшаго о всемъ вышеписанномъ развѣданія изъ Елисаветградской провинціи подъ разными пристойными и непримѣтными претекстами отправить искусныхъ и надежныхъ людей въ Бендеры, Очаковъ, Кинбурнъ, новопостроенной у морского берега городъ Казыбей и въ Едисанскую орду, по возвращеніи коихъ о развѣданномъ оными В. И. В. раболѣпнѣйше въ свое время донести не укосню.

Сверхъ сего, оной же квартермистръ Соловковъ объявилъ, что во время держанія имъ карантина при Орловской слободѣ свѣдалъ онъ отъ прибывшихъ 3-го числа сего въ ханское село Голту изъ Очакова съ 60 человѣкъ Татаръ одобаши и барянтара (?), кои, переправясь черезъ рѣку Бугъ, стоящему на форпостѣ маіору Вульфу явились, отъ котораго ласково приняты и угощены были, яко они съ ферманомъ, которой и показывали, присланы въ село Голту для поимки шатающихся гайдамаковъ, куда они, слѣдуя отъ Гарду до Компанейской ставки, препровождаемы были стоящимъ при Гардѣ Запорожскимъ полковникомъ Иваномъ Головкою и командою его, которой имъ совѣтовалъ отъ того мѣста ханскою слѣдовать стороною, ибо онъ де, Головко, съ командою по близости, а иногда и въ виду ихъ поѣдетъ своею стороною съ тѣмъ, чтобы попадающихъ гайдамаковъ ловить; но въ самомъ дѣлѣ противное явилось, паче потому что, когда де одобаша съ командою, отдѣлясь отъ Запорожскаго полковника, поѣхалъ своею стороною къ Романовской долинѣ, гдѣ по извѣстіямъ гайдамаки укрывались, то оной никого тамо не засталъ, а нашелъ только недавно зарѣзанныхъ двухъ быковъ и нѣсколько хлѣбовъ, но притомъ по травѣ свѣжій слѣдъ примѣченъ, что тѣ гайдамаки въ бродъ на Запорожскую сторону перешли, знатно по тайному увѣдомлѣнію реченного полковника, который, по видимому, за гайдамаковъ обстаиваетъ и умышленно Запорожцовъ къ гайдамачеству побуждаетъ, чтобъ Турецкія деревни въ разореніе привесть, о чемъ онъ, одобаша, по обратномъ его въ Очаковъ прибытіи, своему пашѣ донести не преминетъ, яко помянутой Гардовой полковникъ съ гайдамаками полюбовно обходится. По окончаніи сего объявленія одобаша и барянтаръ (?) въ Голту возвратились и не мѣшкавъ къ Кодыму поѣхали для поимки шатающихся тамо гайдамаковъ. Я о всемъ вышеписанномъ чрезъ отправ-

леннаго отсюда 10-го числа сего въ Константинополь В. И. В. лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку сержанта Алексѣя Трегубова пребывающему при Портѣ Оттоман. тайн. сов. и кав. Обрѣзкову для того знать далъ, чтобъ онъ, вѣдая благовременно о сихъ въ близости границъ чинящихся пріуготовленіяхъ, чрезъ своихъ пріятелей о подлинности оныхъ тѣмъ скорѣе удостовѣриться могъ, а о послѣднемъ одобаша обстоятельствѣ при случаѣ министрамъ Порты сообщить въ состояніи былъ, что, по дошедшему до меня отъ упомянутаго маіора Вульфа о разговорѣ одобаши репорту, я кошевому атаману предписалъ немедленно Гардового полковника, другимъ исправнымъ старшиною смѣня и все сіе дѣло точнѣйше изслѣдовавъ по воинскимъ обрядамъ, оного наказать, доказывая тѣмъ, какое попеченіе съ нашей стороны при всякихъ случаяхъ употребляется къ ненарушимому соблюденію счастливо настоящаго между обоими имперіями вѣчномирнаго трактата; а г. ген.-анш. и кав. гр Румянцеву я также де о сихъ Соловкова примѣчаніяхъ и развѣданіяхъ для вѣдома сообщить не оставилъ.

19) Объ окончаніи съѣзда пограничной коммиссіи,—отъ 25-го сентября за № 58.

Изъ всепод. моей реляціи № 55 В. И. В. всемил. усмотрѣть изволили, что Татарскіе коммиссары въ пограничное мѣсто Каменку прибыли и уже два засѣданія съ нашими имѣли; а теперь пріемлю смѣлость раболѣпнѣйше донести, что сія коммиссія сверхъ чаянія благополучно въ нынѣшній годъ окончена, ибо кромѣ рѣшенія двугодичныхъ ссоръ и жалобъ, тожъ удовольствія нѣкоторыхъ претензій въ пользу обоюдныхъ подданныхъ, по данному отъ меня коммиссарамъ Ефремову и Чугуевцу наставленію, внесенъ въ обыкновенной инструментъ слѣдующаго содержанія новый пунктъ: всѣхъ безъ письменного отъ начальниковъ виду шатающихся въ не своей границѣ обосторонныхъ подданныхъ признавать за настоящихъ бродягъ и объ нихъ тотчасъ ближнимъ начальникамъ знать давать для учиненія таковымъ достойнаго по справедливости наказанія, какъ В. И. В. изъ поднесеннаго при семъ перевода съ размѣненнаго инструмента [1]) всемил. усмотрѣть изволите, чѣмъ уповательно всѣ способы къ на-

---

[1]) Ни этого перевода съ инструмента, ни письма къ хану при черновой реляціи нѣтъ.

несенію одной или другой сторонѣ обидъ отъ своевольныхъ и хищничества жаждущихъ бродягъ пресѣченъ и смежнымъ народамъ лучшее спокойство и безпечность въ прожитіи доставлено быть можетъ. Я о семъ не преминулъ въ сосѣдопріятельскихъ терминахъ письменно отозваться къ хану Крымскому, съ котораго письма раболѣпнѣйше при семъ точную копію на высочайшее усмотрѣніе подношу.

20) По сообщенію резидента Обрѣзкова о продолжающихся военныхъ приготовленіяхъ Порты и Татаръ и о смѣнѣ верховнаго визиря,— отъ 4-го октября за № 63, изъ Кременчуга.

В. И. В. всепод. доношу, что по отправленіи моемъ изъ Кіева въ Новороссійскую губернію получилъ я на дорогѣ отъ пребывающаго при Портѣ Оттоман. В. И. В. тайн. сов. и кав. Обрѣзкова отъ 4-го сентября при экспедиціи къ высоч. В. И. В. двору слѣдующаго содержанія письмо: Татарскіе движенія инако почитать не должно, какъ слѣдствіями распоряженій и намѣреній Порты, учиненныхъ по причинѣ нападенія на Балту и Голту разбойнической шайки; а въ дополненіе тому даетъ знать, что военные пріуготовленія во всѣхъ частяхъ безъ изъятія съ непремѣннымъ жаромъ продолжаются: великіе провіантскіе магазины на Дунаѣ и въ Молдавіи заполняются; коммиссары для подчинки дорогъ до Дуная и приведенія въ состояніе дворцовъ и другихъ публичныхъ въ Адріанополѣ находящихся строеній уже опредѣлены, еже доказательствомъ служить можетъ взятому намѣренію для переселенія Турецкаго двора въ Адріанополь; а сіе самое почитать должно не только предвѣстникомъ, но и доводомъ принятой резолюціи въ войну вступить, да и по всѣмъ наружнымъ оказательствамъ съ Россійскою имперіей. Но сокровенные намѣренія согласны ли ль съ тѣми наружными оказательствами, оное еще непроницаемою есть тайностію, которую время объяснить можетъ. Въ Хотинѣ, Бендерахъ и Очаковѣ, по Константинопольскимъ извѣстіямъ, военныхъ людей отъ 30 до 40 тысячъ человѣкъ находится, для перезимованія которыхъ яко бы дѣйствительно уже и казармы строются. Минувшаго августа 25 числа верховной визирь смѣненъ, на мѣсто коего назначенъ Хютайской Харза паша, котораго прибытія въ Константинополь чрезъ нѣсколько дней ожидали, и тогда де безъ сум-

нѣнія откроется, какой сіи пріуготовленія и всѣ по тому произведенія оборотъ возьмутъ.

А между тѣмъ де съ нашей стороны въ разсужденіи такихъ отъ Порты по всѣмъ наружнымъ оказательствамъ противъ государства В. И. В. пріемлемыхъ пріуготовленій отнюдь оплошать не надлежитъ, но должно по воинскому правилу супротивные дѣлать распоряженія. Но какъ сіи о сильныхъ Турецкихъ воинскихъ пріуготовленіяхъ извѣстія и изъ пограничныхъ мѣстъ нашими пріятелями подтверждаются, съ такою еще прибавкою, что по указу Порты къ Волоскому и Молдавскому господарю лѣсъ для наведенія чрезъ рѣку Дунай моста не только уже заготовленъ, но и дѣйствительно къ Сакчѣ сплавливается, и провіантскіе магазины какъ въ Сакчѣ, такъ и въ Молдавіи, найсильнѣйшимъ образомъ и съ крайнею поспѣшностію заготовляются; а прибывшій съ сими депешами изъ Константинополя рейтарской команды прапорщикъ Фатѣевъ отъ Орловскаго форпоста, гдѣ онъ карантинъ выдерживать долженъ, репортомъ представляетъ, что въ проѣздъ его чрезъ Бендеры 16-го числа минувшаго прибылъ туда новой сераскеръ, въ которой день (невѣдомо, по какой причинѣ) между арнаутами и янчарами возмущеніе учинилось, и великая драка была, въ которой съ обоихъ сторонъ побито до 50, а ранено болѣе ста человѣкъ; всего при Бендерѣ войска, по объявленію тамошнихъ обывателей, двадцать тысячъ въ лагерѣ стоитъ, которой онъ самъ видѣлъ, и что провіантъ со всѣхъ сторонъ въ магазины свозятъ; а болѣе въ проѣздъ его отъ Константинополя до Орловскаго форпоста воинскихъ пріуготовленій онъ нигдѣ не видалъ и не примѣтилъ.

Я, по рабской моей должности, сколько количество подчиненныхъ мнѣ войскъ дозволило, непримѣтнымъ образомъ, безъ встревоженія обывателей, въ Елисаветградской провинціи и по границѣ оной удобвозможную предосторожность взять не преминулъ и о всемъ томъ и нынѣ отъ меня г. генералу-аншефу и кав. гр. Румянцеву для вѣдома сообщено.

21) По репорту кошеваго атамана о Татарскихъ грабительствахъ и угрозахъ Турокъ, а равно о данномъ по этому поводу ордерѣ кошевому,— отъ 3-го ноября за № 65, изъ Кременчуга.

Послѣ отпуска всепод. моей реляціи № 63, какіе до меня отъ

кошеваго атамана о заграничныхъ Татарскихъ и Турецкихъ воинскихъ пріуготовленіяхъ извѣстія дошли, пріемлю смѣлость съ глубоч. благоговѣніемъ точной списокъ съ одного репорта и переводъ съ письма къ нему, кошевому, отъ Перекопскаго каймакана В. И. В. на высоч. усмотрѣніе при семъ подносить [1]). А какъ оной же кошевой атаманъ въ другомъ ко мнѣ доношеніи жалобу приноситъ, что Едичкульскіе татары уже по окончаніи нынѣшней коммиссіи вновь своими наглыми нападеніями Запорожскимъ козакамъ не малыя обиды и грабительства дѣлать начали, о коихъ онъ хотя, по глашенію постановленного обоюдными погран. коммиссарами инструмента, ближнимъ Татарскимъ начальникамъ и Едичкульскому сераскеръ - султану самому писалъ, прося по сосѣдственной дружбѣ о унятіи и прекращеніи Татарскаго самовольства и объ удовольствіи обиженныхъ возвращеніемъ заграбленнаго, однако нарочно посланные безъ отвѣта возвращались; по которой причинѣ требовалъ отъ меня наставленія, какимъ образомъ поступить, ежели Татаре грабительствами своими Запорожцовъ впредь обижать и разорять станутъ; то я, сообразивъ сію его жалобу съ содержаніемъ письма Перекопскаго каймакана и уваживъ нѣжность нынѣшнихъ обстоятельствъ, за пристойное разсудилъ кошевому атаману предписать, чтобъ онъ всему подчиненному войску найсильнѣйше подтвердилъ еще нѣкоторое время, до дальняго отъ меня ордера, сколько возможно, отъ ссоръ уклоняться, отнюдь никакого повода къ какому либо раздору не подавая, но при всякой отъ Татарской стороны обидѣ, по силѣ вышепомянутаго инструмента, ближнимъ Татарскимъ начальникамъ въ пристойныхъ и учтивыхъ выраженіяхъ письменно отзываться, требуя по сосѣдственной дружбѣ обиженнымъ правосуднаго удовлетворенія и о всемъ томъ по самой справедливости ко мнѣ репортовать, дабы я съ моей стороны, подкрѣпляя ихъ жалобы, о награжденіи убытковъ и о наказаніи самовольныхъ грабителей съ лучшею поважностію настоять могъ.

По второму доношенію, коего при семъ списокъ В. И. В. подносится, касательно Турецкихъ угрозъ нападеніемъ на границы В. И. В., какъ скоро рѣки льдомъ покроются, а особливо на Запорожское войско, ему кошевому слѣдующее присовокупить за потребное

---

[1]) Приложеній этихъ при черновой реляціи нѣтъ.

призналъ: искусство намъ доказало, что въ прежнюю съ Турками войну нападенія отъ Татаръ и Турокъ на Россійскія границы бывали, но съ Божіею помощію и храбростію Россійскихъ войскъ нападатели отъ большей части съ посрамленіемъ возвращались и Запорожскихъ козаковъ истребить имъ не удавалось; войска В. И. В. всегда готовы и въ состояніи наглостямъ достаточной отпоръ чинить; безразсудныя ихъ угрозы не важны, ибо извѣстно, изъ какой сволочи Татарское и Турецкое войско состоитъ; слѣд. гордостію надменнаго ихъ хвастовства страшиться и тревожиться нѣтъ причины; паче же когда онъ, кошевой атаманъ, моими ордерами предварительно уже предостереженъ и, какъ уповательно, на всякой случай съ подчиненнымъ ему войскомъ непримѣтнымъ образомъ себя пріуготовилъ, и для того торопиться не надлежитъ, но съ непремѣнною твердостію, осторожностію и прозорливостію должно всѣ оныхъ движенія и обороты примѣчать и приличными увѣщеніями стараться Татаръ отъ самовольныхъ набѣговъ отвращать, прося пограничныхъ Татарскихъ начальниковъ по сосѣдственной дружбѣ своихъ подчиненныхъ отъ того воздержать и до такой крайности войско Запорожское не доводить, чтобъ принуждено было отъ набѣговъ обороняться: ибо ему, кошевому атаману, найстрожайшее повелѣніе дано съ сосѣдами обходиться найдружественнѣйшимъ образомъ, что отъ него и всего Запорожскаго войска съ должнѣйшимъ повиновеніемъ и наблюдается; а если, паче чаянія, не взирая на всѣ сіи отзывы и умѣренность, Татаре, въ своемъ упорствѣ пребывая, къ явному нападенію на границы В. И. В. движенія чинить стали бъ, чего отъ кошевого по близости утаиться не можетъ, въ такомъ случаѣ тотчасъ чрезъ нарочнаго ко мнѣ бы репортовалъ и ближнимъ воинскимъ командамъ знать далъ, дабы по тому достаточнымъ наставленіемъ отъ меня снабдѣнъ быть могъ.

Елико же до каймаканскаго письма принадлежитъ, то рекомендовано ему на гладкіе и ласковые отзывы онаго отнюдь не полагаться, ибо новой ханъ Крымъ-Гирей, яко хитрой и предпріимчивой человѣкъ, можетъ быть сею приманкою думаетъ васъ засыпить и чрезъ то въ своемъ намѣреніи лучшій себѣ успѣхъ доставить.

Я не преминулъ, какъ о сихъ извѣстіяхъ, такъ и о данномъ кошевому атаману ордерѣ г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцову для вѣдома знать дать, дабы и онъ съ своей стороны сходно съ тѣмъ кошевому атаману предписать могъ; ибо въ разсужденіи прежнихъ об-

рядовъ и застарѣлыхъ обыкновеній Запорожскихъ козаковъ, кои мало о субординаціи пекутся, прежде времени ни къ какому предпріятію ихъ назначить нельзя: они въ состояніи, какъ жадные къ добычамъ, тотчасъ явные грабительства начать.

22) Объ извѣстіяхъ Могилевскаго пріятеля,—отъ 3-го ноября за № 66, изъ Кременчуга.

В. И. В. всепод. доношу, что 29 минувшаго октября мѣсяца получено чрезъ Кіевъ отъ Могилевскаго пріятеля письмо, котораго переводъ экстрактомъ В. И. В. при семъ на высоч. усмотрѣніе раболѣпнѣйше подношу. А какъ извѣстія его о заграничныхъ обстоятельствахъ съ сказками посланныхъ подъ разными претекстами въ Очаковъ и въ другіе Татарскіе мѣста для развѣдываній изъ Новорос. губ. нарочныхъ отъ большей части сходственны, то я о всемъ томъ г. ген. анш. и кав. гр. Румянцову для вѣдома сообщить не преминулъ; а помянутому пріятелю, по его прошенію, на проѣздныя издержки для приласканія тридцать рублевъ выданы и отъ канц. сов. Веселицкаго о прилежномъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ продолженіи кореспонціи писано съ такимъ при томъ найсильнѣйшимъ обнадеженіемъ, что вѣрныя его услуги безъ высоч. въ свое время награжденія всеконечно оставлены не будутъ.

23) По поводу рескрипта о посылкѣ нарочнаго въ Едисонскую орду для привлеченія ея въ Россійскую протекцію,—отъ 17-го ноября за № 72.

На высоч. В. И. В. секретный рескриптъ отъ 26-го минувшаго октября мѣсяца, мною съ глубоч. благоговѣніемъ 9-го числа сего ноября полученный, коимъ всемил. повелѣвается въ Едисанскую орду къ тѣмъ мурзамъ, кои въ 1759 году въ письмѣ къ тогдашнему калгѣ Хаджи-Гирей султану подписались, буде изъ оныхъ кто въ живыхъ есть, или къ ихъ сродственникамъ отправить подъ приличнымъ претекстомъ нарочнаго и способнаго человѣка для развѣданія настоящаго мыслей ихъ расположенія и чего отъ нихъ при войнѣ ожидать будетъ должно, а паче всего для припамятыванія и внушенія имъ прежней самопроизвольной ихъ поступи о присылкѣ нарочнаго съ прошеніемъ о дозволеніи имъ Россійско-императорской протекціи, уловляя тѣмъ и по на-

ступленіи войны ихъ доброжелательство, яко теперь то время настало, сдѣлать имъ съ высоч. В. И. В. дворомъ потребныя соглашенія и тѣмъ не только привесть себя на всегдашнее время въ безопасность, но пріобрѣсть и разныя выгоды, какихъ они ни отъ Порты Оттоман., ни отъ хана Крымскаго никогда имѣть не могутъ, и прочая,—дерзаю В. И. В. съ глубоч. поверженіемъ всепод. донесть, что я по рабской моей должности и ревности крайнѣйше о томъ сокрушаюсь, что сіе всевысоч. о толь важномъ дѣлѣ повелѣніе предъ двумя мѣсяцами ко мнѣ не прислано, ибо скоропостижной поступокъ Порты возстановленіемъ въ Крымскіе ханы извѣстнаго Крымъ-Гирея и засаженіемъ въ Едикулъ В. И. В. министра, предзнаменующій явной съ Россійскою имперіей разрывъ, въ произведеніи онаго есть главнѣйшимъ мнѣ препятствіемъ, паче потому что пронырливою и хитрою уловкою новаго хана всѣ Татарскія орды противъ подданныхъ В. И. В. такъ озлоблены и раздражены, что никому изъ бывшихъ въ Крыму и другихъ Турецкихъ мѣстахъ для купеческаго промыслу малороссіянъ и Запорожскихъ козаковъ свободнаго къ возврату проѣзда нѣтъ, но гдѣ на кого наѣдутъ, безъ разбору грабятъ и убиваютъ, слѣд. явные уже непріятельства производить начали. Однако, Всемил. Государиня, при всемъ такомъ крайне затруднительномъ и весьма опасномъ состояніи для отправленія въ Едисанскую орду нарочнаго, я удобвозможное свое рабское стараніе употребить не премину къ сысканію надежнаго, знающаго Татарской языкъ, человѣка и, снабдя онаго достаточнымъ по сей коммиссіи наставленіемъ, туда отправить, о чемъ въ свое время В. И. В. обстоятельно донести долженствую.

24) О предписаніи кошевому атаману быть въ готовности къ оборонѣ противъ Татаръ и къ защитѣ Елисаветградской провинціи,— отъ 17-го ноября за № 73.

В. И. В. всемил. усмотрѣть изволили изъ всепод. моей реляціи № 65, какіе кошев. атаману Петру Калнишевскому по нынѣшнимъ важнымъ обстоятельствамъ даны наставленія; а теперь пріемлю смѣлость В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что получа отъ помянутаго атамана рапортъ о бытіи всего Запорожскаго войска по воинскому онаго обряду во всякой къ походу готовности и о чиненіи безпрестанныхъ по границѣ разъѣздовъ для примѣчанія Татарскихъ движеній, кои

такожде, во всякой къ походу готовности находясь, равномѣрно по границѣ не въ маломъ числѣ разъѣзжаютъ и всякія подданнымъ В. И. В. непріятельства дѣлаютъ, грабя и убивая оныхъ, а Турецкое войско въ пограничныхъ крѣпостяхъ вновь сухимъ путемъ и водою приходящими янчарами, бошняками, арнаутами и спагами сильно умножается, въ добавокъ слѣдующее предписалъ о всѣхъ заграничныхъ извѣстіяхъ и Татарскихъ обращеніяхъ по близости безпосредственное имѣть сношеніе съ генераломъ-маіоромъ и кав. Исаковымъ и репорты свои чрезъ него ко мнѣ доставлять, ибо ему по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, на случай ожидаемаго отъ Татаръ нападенія на границы Елисаветградской провинціи, для выгаданія времени, яко совершенно положеніе той провинціи знающему, надъ собраннымъ въ оной небольшимъ корпусомъ войска команда поручена и достаточное дано наставленіе, какимъ образомъ съ подчиненными ему войсками въ охраненіе отъ разоренія поступать, и потому когда отъ реченнаго генералъ-маіора или отъ ближнихъ полковыхъ командировъ ему, кошевому атаману, чрезъ нарочныхъ о вступленіи непріятеля въ границы Елисаветградской провинціи знать дано и сильнаго вспоможенія истребовано будетъ, то бъ онъ, по извѣстной его и всего низоваго войска Запорожскаго къ службѣ ревности и вѣрности, удобвозможнѣйшую и самоскорѣйшую помощь подалъ, стараясь непріятелю, напавъ на онаго стылу и поставивъ посреди двухъ огней, храбрымъ по воинскому искусству сраженіемъ найчувствительнѣйшій причинить ударъ и тѣмъ не только дальновидному предпріятію онаго найвозможнѣйшимъ образомъ воспрепятствовать, но и съ помощію Божіею его къ выступленію изъ границъ принудить. А хотя о точномъ исполненіи всего предписаннаго отъ кошеваго атамана я рапортъ и получилъ, однако зная, что Запорожское войско нѣсколько огорченнымъ себя признаваетъ по причинѣ земли подъ Екатерининскую провинцію назначенной, то позвольте, Всемилостивѣйшая Государыня, здѣсь мое рабское слабѣйшее мнѣніе присовокупить: мнѣ видится, что въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ всемил. В. И. В. за собственноручнымъ подписаніемъ грамота съ обнадеженіемъ монарше-материнского благоволенія и съ выхваленіемъ оказанной всегда при подобныхъ случаяхъ, каковы нынѣ, храбрости и вѣрности, великое всему войску придастъ ободреніе и немалую принести можетъ пользу, ибо мое обнадеженіе на жалобу кошевого объ оставленіи

спорныхъ съ Запорожцами земель въ такомъ точно состояніи отъ обывателей Екатерининской провинціи, въ какомъ оныя нынѣ, и о нечиненіи тамошнимъ отъ Коша зависящимъ поселянамъ никакого утѣсненія Запорожскія козаки, можетъ быть, не столько уважаютъ.

25) По поводу письма Могилевскаго пріятеля о Турецкихъ приготовленіяхъ,—отъ 27-го ноября за № 79.

Какого содержанія отъ Могилевскаго пріятеля на сихъ дняхъ получено письмо, изъ оного на высоч. В. И. В. усмотрѣніе при семъ съ глубоч. благогов. подношу экстрактъ, а изъ прочихъ заграничныхъ мѣстъ доходимые до меня извѣстія согласно подтверждаютъ сильные съ Турецкой стороны въ войнѣ приготовленія знатнымъ прибавленіемъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ разныхъ званій Турецкаго войска; а Татарскія орды около Волчьихъ водъ по Бугу и Ингулу и другихъ степныхъ рѣкъ въ близости границъ разъѣзжаютъ. Посланные отъ меня еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ капитанъ Бастевикъ и здѣшній мѣщанинъ съ письмомъ къ Очаковскому пашѣ и хану Крымскому донынѣ обратно не прибыли и никакого объ нихъ извѣстія нѣтъ, еже думать заставливаетъ, что они гдѣ-нибудь задержаны; а что впредь объ нихъ и о загранич. обстоятельствахъ до меня доходить будетъ, В. И. В. раболѣпнѣйше донести не укосню.

Приложеніе: Переводъ экстрактомъ письма пріятеля Могилевскаго отъ 27-го октября 1768 г. изъ Яссъ.

Увѣдомляю васъ, что послѣ письма моего къ вамъ, изъ Кіева отправленнаго, я для провѣдываній прямо въ Яссы поѣхалъ, гдѣ засталъ еще немалую команду спаговъ, къ Хотину слѣдующихъ; сіи спаги были въ Бендерѣ, но послѣ драки, которая между ими и янчарами тамъ происходила, опасаясь Бендерской паша, чтобъ, по вкоренившейся между ими враждѣ, еще какое зловредное междоусобіе не произошло, приказалъ спагамъ слѣдовать къ Хотину. Проводъ ихъ чрезъ Молдавію обывателямъ великое разореніе причинилъ: всѣ села остались впустѣ, ибо люди, видя неукротимое оныхъ варварство, ретировались въ горы. Свирѣпость и насильство ихъ до того простирались, что и въ городѣ Яссахъ не только мѣщанъ грабили, но и знатныхъ тамошнихъ бояръ и чиновниковъ не уважали, отчего и дворъ тамошняго господаря на нѣсколько дней былъ запертъ.

Здѣсь заподлинно увѣряютъ, что пять пашей съ войскомъ къ границѣ идутъ. Одинъ Татарскій султанъ, съ 15 тысячъ Татаръ слѣдующій подъ Хотинъ, прибылъ къ Пруту рѣкѣ, расположился на время въ Кишиновѣ, Херловѣ и той околичности, котораго конфедераты съ нетерпѣливостію ожидаютъ при Хотинѣ, отзываясь, что съ сими Татарами намѣрены они въ Польшу вступить.

Молдавскій господарь получилъ отъ Порты ферманъ, чтобъ онъ и прочее знатное дворянство, тожъ начальные чиновники, свои фамиліи въ Царьградъ отправили. Предъ нѣсколькими днями, хоть здѣсь явно поговаривать стали о арестованіи Россійскаго министра въ Константинополѣ, однако нѣкоторые изъ здѣшнихъ мѣщанъ по ихъ разсудку о подлинности того сомнѣваются.

Изъ Польскихъ конфедератовъ нѣсколько партій въ Польшу вошли, избравъ въ Цекиновкѣ, Могилевѣ и Рашковѣ, какъ чинсовые помѣщичьи доходы, такъ и таможенные казенные сборы, тожъ ограбивъ обывателей, возвратились подъ Хотинъ.

О Черногорцахъ пріѣзжіе изъ тѣхъ околичностей въ Яссы купцы увѣряютъ, что надъ Турками великіе вездѣ удерживаютъ авантажи; только подтверждаютъ, что многочисленное Турецкое войско противъ нихъ ополчается и къ нимъ слѣдуетъ.

26) Объ отправленіи съ нарочными писемъ въ Едисанскую орду,— отъ 1-го декабря за № 80.

В. И. В. съ глубочайшимъ благоговѣніемъ всепод. доношу, что, во исполненіе высоч. секретнаго отъ 26-го октября указа, коимъ всемил. мнѣ повелѣно подъ приличнымъ претекстомъ къ Едисонцамъ послать нарочнаго способнаго человѣка для развѣдыванія настоящаго мыслей ихъ расположенія и чего отъ нихъ при войнѣ ожидать будетъ должно, а паче всего для припамятыванія и внушенія имъ, уловляя тѣмъ и по наступленіи войны ихъ доброжелательство, что приближается теперь время сдѣлать имъ съ высоч. дворомъ В. И. В. потребныя соглашенія и тѣмъ не только привесть себя на всегдашнее время въ безопасность, но пріобрѣсть и разныя выгоды, какихъ они отъ Порты, ни отъ хана Крымскаго никогда имѣть не могутъ,—я, сообразуясь съ нынѣшними весьма критическими обстоятельствами и предвидя со всѣхъ сторонъ встрѣчающіяся неудобности, сопряженныя съ великими затрудненіями, по многимъ размышленіямъ и уваженіямъ призналъ сходственнѣйшимъ слѣдующее средство: вспомня, что асес-

соръ Чугуевецъ Едисанской орды мурзынской сынъ, непримѣтнымъ образомъ спрашивалъ его, не знаетъ ли онъ кого изъ Едисанскихъ мурзъ, и услыша отъ него, что по долговременной бытности его въ Запорожской Сѣчи, а напослѣдокъ немалое время и войсковымъ писаремъ, многихъ изъ оныхъ знаетъ, сверхъ же того и два родные его братья въ той ордѣ не изъ послѣднихъ мурзъ, съ коими онъ, будучи въ Запорожскомъ войскѣ, не только часто видался, но и переписывался, да и послѣ того во время пограничныхъ по Татарской коммиссіи съѣздовъ случай имѣлъ съ ними видаться,—я, справясь съ именнымъ спискомъ, присланнымъ при высоч. рескриптѣ, нашелъ, что оба его брата подписаны. Итакъ, нимало не мѣшкавъ, сочинено письмо, съ котораго при семъ В. И. В. на высоч. усмотрѣніе точный подношу списокъ; оное переведено на Турецкой языкъ; а между тѣмъ стараніе приложено сыскать двухъ человѣкъ для отправленія съ оными, ибо одинъ братъ его живетъ близь Каушанъ, а другой отъ Балты въ лѣвую сторону въ степи. Одно поручено толмачу здѣшней губерніи Христофору Григорову, который въ Каушанахъ родного дядю имѣетъ, куда онъ, яко бы для свиданія съ онымъ, изъ Польши, а не отъ здѣшняго мѣста, да и за пашпортомъ польскаго шляхтича, ѣдетъ; и доставленіе другаго случившійся здѣсь переводчикъ Запорожской Сѣчи грекъ Андрей Дмитріевъ Кантарджи на себя взялъ; при отправленіи дано каждому на проѣздъ, выключая прогонныя, по 30 р., а сверхъ того по 50 червонныхъ, которые вмѣсто подарка именемъ асессора Чугуевца каждому брату посланы; но чтобъ вдругъ столь серьезными и важными письмами они грубому народу, каковъ Татарской, въ глаза не показались, снабдены другими лаконическаго штиля отъ того жъ асессора Чугуевца грамотками, въ коихъ о подаркѣ упоминается. Сіи притязательную силу въ себѣ заключающія грамотки должны настоящимъ предшествовать письмамъ и къ удобнѣйшей оныхъ подачѣ надежнѣйшимъ служить поводомъ.

Такимъ образомъ, Всемил. Государыня, снабдя ихъ достаточнымъ наставленіемъ и обнадежа высоч. В. И. В. милостію, въ надлежащій путь отправилъ; а возымѣетъ ли сія посылка какой успѣхъ, время окажетъ, ибо другимъ образомъ оную, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, учинить никагого способа изыскать не могъ.

27) О полученныхъ изъ Сѣчи чрезъ старшину Іоржа Татарскихъ письмахъ, возбуждающихъ Запорожцевъ къ измѣнѣ,—отъ 1-го декабря за № 81.

Каковы мною изъ Запорожской Сѣчи отъ кошевого атамана чрезъ войскового старшину Василя Іоржа, которой для того сюда присланъ, чтобъ и словеснымъ объявленіемъ о имѣвшемъ въ Крыму съ Калгою-султаномъ разговорѣ сказку свою подтвердить могъ, получены рапорты съ приложеніями, съ оныхъ по важности содержаній точные списки, а съ Татарскихъ писемъ переводы съ глубоч. благоговѣніемъ В. И. В. при семъ подъ буквами: а, б, в, г, д, е, ж, z и з, всепод. подношу [1]). В. И. В. изъ оныхъ между онымъ всемил. усмотрѣть изволите ухищренное покушеніе новаго хана Крымъ-Гирея къ преклоненію на свою сторону кошевого атамана со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ, равно какъ похвальный поступокъ кошевого присылкою полученныхъ писемъ ко мнѣ не распечатавъ ни одного, тожъ и взятую предосторожность содержать нарочно присланнаго Татарина подъ политичнымъ присмотромъ, дабы не могъ имѣть способа о томъ съ другими изъясниться. Истинно, Всемил. Государыня, сей его при нынѣшнихъ обстоятельствахъ по рабской его должности учиненный поступокъ заслуживаетъ В. И. В. всевысоч. благоволеніе. Я дерзаю В. И. В. съ глубоч. поверженіемъ всепод. мое слабѣйшее мнѣніе представить, что всемил. В. И. В. за собственноручнымъ подписаніемъ грамота съ высокомонаршею аппробаціею его поступка по сему случаю и съ обнадеженіемъ высоч. благоволенія за вѣрность, великое ободреніе ему и всему войску Запорожскому придало бъ, ибо если безпристрастно судить, то оное Имперіи В. И. В. служитъ великою противъ Татаръ предградою. Я, о сей съ Татарской стороны учиненной (попыткѣ?) и о предвидимой Запорожской Сѣчи опасности г. генералу-анш. и кав. гр. Румянцову сообща, мое слабое мнѣніе представить не преминулъ о снабдѣніи Новосѣченскаго ретранжамента по своему разсмотрѣнію нѣкоторымъ числомъ канонеровъ, въ коихъ, по доношенію кошевого, крайній тамо недостатокъ, ибо сей ретранжаментъ Запорожской Сѣчѣ къ немалой оборонѣ служить можетъ.

---

[1]) Приложеній этихъ при черновой реляціи не было, конечно потому, что они были отправлены съ подлинникомъ.

Впрочемъ, что принадлежитъ до заграничныхъ сильныхъ непріятельскихъ пріуготовленій, со всѣхъ сторонъ на прежнемъ основаніи подтверждаются, и что Татары съ двухъ яко бы сторонъ на границы В И. В. нападенія сдѣлать намѣрены—съ Елисаветградской стороны и съ Крымской степи.

28) О заявленіяхъ Запорожца Іоржа о подущеніи ханомъ Кубанцевъ, объ удаленіи Татаръ изъ своихъ кочевій,—отъ 1-го декабря за № 83.

Уже по окончаніи предыдущихъ моихъ всепод. реляцій помянутый войсковой старшина Іоржъ словесно мнѣ объявилъ, что свѣдалъ онъ отъ надежной руки въ Крыму, яко Крымъ-Гирей ханъ, получа моремъ немалую денежную казну, отдѣлилъ изъ оной знатную часть и послалъ при одномъ Татарскомъ старшинѣ въ Кубань для склоненія Кубанцовъ, а стараніемъ сихъ и часть смежныхъ къ тому Черкесовъ, напасть совокупно съ той стороны на Донскихъ козаковъ; такожъ де въ обратномъ пути изъ Крыма примѣтилъ онъ, что всѣ Татары изъ прежнихъ своихъ у гаймановъ кочеваній вышли къ Азовскому морю, гдѣ по берегу онаго и расположились, а съѣстные свои припасы, яко то всякого рода хлѣбъ въ ямахъ и сѣно въ стогахъ, оставили въ прежнихъ мѣстахъ по близости границъ Запорожскихъ дачъ единственно въ такомъ намѣреніи, чтобъ при начатіи своихъ набѣговъ въ тѣхъ мѣстахъ имѣть могли свои отдохновенія и запасаться нужнымъ къ пропитанію на произведеніе и долѣе своего непріятельства.

29) По поводу рескрипта о притворномъ доброжелательствѣ Крымъ-Гирея,—отъ 21-го декабря за № 85.

Высоч. В. И. В. рескриптъ отъ 24 прошед. ноября мѣсяца, коимъ мнѣ всемил. повелѣвается, во уваженіе поступка Крымъ-Гирея хана, который начало своего правленія ознаменилъ скорымъ и добровольнымъ за конвоемъ отпускомъ изъ Перекопа задержанныхъ въ Крыму В. И. В. подданныхъ, равно какъ и готовности выпроводить такимъ же образомъ и прочихъ въ Крыму оставшихся, съ представленіемъ въ тожъ время удовлетворенія за всѣ отъ Татаръ учиненные обиды и убытки, до вящаго впредь объясненія прямыхъ тому

обстоятельствъ, взаимною соотвѣтствовать учтивостію и прочая, я съ глубоч. благоговѣніемъ получить удостоился. Но какъ между тѣмъ и еще до полученія сего В. И. В. высоч. рескрипта изъ рапорта кошевого атамана и другихъ чрезъ старшину Василья Іоржа ко мнѣ присланныхъ піесъ, какъ въ моей всепод. реляціи № 81 упомянуто, явно открылось, что реченнаго хана поступокъ былъ только ухищренною попыткою для преклоненія Запорожскаго войска на свою сторону, то и попеченіе мое о завмствованіи собою рѣшилось, ибо и безъ того здѣсь въ Кіевѣ и во всей Новороссійской губерніи никого изъ Татаръ или Крымскихъ жителей не находится.

Елико до предосторожности отъ повѣтренной болѣзни въ разсужденіи близости Турецкихъ войскъ принадлежитъ, то отъ меня, хотя объ оной по извѣстіямъ нигдѣ не слышно, стоящимъ по ввѣренной мнѣ границѣ на пропускныхъ форпостахъ командирамъ найсильнѣйше подтверждено рачительнѣйше того наблюдать, чтобъ безъ выдержанія полнаго карантина и надлежащаго по инструкціи докторскаго или лекарскаго осмотра и свидѣтельства никто изъ Турецкихъ или Польскихъ мѣстъ въ Имперію В. И. В. впущенъ быть не могъ.

30) О сообщеніи Якова Попова о недоброжелательствѣ Якуба и письмѣ его къ конфедератамъ,—отъ 21-го декабря за № 86.

Находившійся при Дубосарскомъ воеводѣ Якубъ-агѣ писарь Яковъ Федоровъ Поповъ, о коемъ В. И. В. отъ меня реляціею подъ № 51 всепод. донесено, по дѣйствительномъ узнаніи Якубова недоброжелательства къ Россійской имперіи и въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, 23 числа прош. ноября изъ Каушанъ выѣхалъ и чрезъ Елисаветградскую провинцію сюда прибылъ съ намѣреніемъ остаться вѣчно въ службѣ В. И. В.; а какое между тѣмъ по приказу моему о нынѣшнихъ ханскихъ пріуготовленіяхъ къ нападенію на границы В. И. В. и другихъ сопряженныхъ съ тѣмъ обстоятельствахъ онъ мнѣ подалъ объясненіе, подлинникъ онаго за его рукою, купно съ переводомъ Якубова письма къ маршалкамъ конфедераціи, В. И. В. при семъ съ глубоч. благоговеніемъ на высочайшее подношу усмотрѣніе; а точной списокъ онаго для вѣдома и предосторожности г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцову отъ меня сообщенъ, ибо новѣй-

шими изъ заграницы извѣстіями подтверждается, что Крымъ-Гирей ханъ, изъ Каушанъ выѣхавъ, въ Бендеръ прибылъ, а оттуда къ Балтѣ слѣдовать имѣетъ. Впрочемъ, Всемил. Государыня, на границѣ здѣшней и Новорос. губ., за помощію Божіею, обстоитъ благополучно, и какая Елисаветградской провинціи войсками В. И. В. по возможности къ супротивленію непріятельскимъ набѣгамъ предосторожность взята, о томъ къ г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцову сообщено.

Въ Кіевскомъ воеводствѣ паки новая проявилась гайдамацкая шайка, которая такимъ же образомъ свирѣпствуетъ, какъ и первая, но изъ оной до нѣсколько человѣкъ посланною отъ г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцова командою уже переловлено, а для скорѣйшаго истребленія сей зловредной толпы отъ меня эскадронъ гусаръ и два эскадрона пикинеръ изъ ближнихъ Елисаветградскихъ мѣстъ туда жъ командированы, объ успѣхѣ коихъ во свое время В. И. В. всепод. донести долженствую.

Б) По пограничнымъ съ Польшей дѣламъ.

1) По доношенію капитана Плеца о собирающихся для нападенія на Россійскія войска партіяхъ,—отъ 12-го марта за № 5.

Третьяго дня въ вечеру получилъ я отъ находящагося въ польскомъ мѣстечкѣ Житомирѣ Бѣлозерскаго пѣх. полку кап. Сигизмунда Плеца доношеніе отъ 4-го сего марта, которымъ представляетъ, что отправленъ онъ отъ генерала-маіора и кав. Кречетникова съ состоящею въ 85 человѣкъ Донскихъ козаковъ командою въ помянутое мѣстечко, которому велено по нынѣшнему яко бы со всѣхъ сторонъ великихъ Польскихъ партій противъ войскъ В. И. В. собранію воинскую имѣть осторожность, ибо изъ изданныхъ отъ нихъ на супротивныхъ манифестовъ явствуетъ противное ихъ съ Россійскимъ войскомъ обращеніе. Вслѣдствіе чего, объявляя, что у козаковъ команды его недостаточно пороха и свинца, требовалъ отсюда оными снабденъ быть. По которой причинѣ вчерашняго дня отпущено отъ здѣшняго артиллерійскаго правленія на каждаго человѣка по фунту пороху и по половинѣ фунта свинцу. Но какъ о семъ противномъ въ Польшѣ предпріятіи отъ генералъ-маіора Кречетникова никакого извѣстія нѣтъ, то и подлинность онаго кажется немалому подвержена су-

млѣнію, ибо по безпредѣльной вольности Польской часто неосновательные въ Польшѣ разсѣваются разглашенія; однако съ моей стороны стараніе употреблено будетъ о точномъ о семъ развѣданіи и, что между тѣмъ до меня дойдетъ, В. И. В. безъ упущенія времени донести не премину.

2) О полученныхъ изъ Польши увѣдомленіяхъ о собирающихся партіяхъ войскъ,—отъ 3-го апрѣля за № 8.

В. И. В. изъ всепод. моей реляціи, отъ 12-го марта подъ № 5, всемил. усмотрѣть изволили о собираніи яко бы въ Польской украинѣ нѣкоторой изъ недоброжелательныхъ Поляковъ противной партіи и что я для точнаго разведанія всѣхъ потому происхожденій удобвозможное стараніе употреблю. Вслѣдствіе чего отъ меня нарочный искусный офицеръ отсюда въ тѣ мѣста и отправленъ былъ, который, сего дня возвратясь, словесно мнѣ объявилъ, что подъ предводительствомъ гр. Красинскаго въ Барѣ, Браилѣ, Хмѣльникѣ, Каменцѣ-Подольскомъ и въ Улановѣ только до двухъ тысячъ Поляковъ понынѣ собрано, да и то отъ большой части изъ самой подлости. Но какъ между тѣмъ и курьеръ отъ находящагося въ Польшѣ съ войскомъ В. И. В. генералъ-маіора Кречетникова, слѣдующій къ высоч. В. И. В. двору, съ депешами сюда прибылъ, то я по рабской моей должности преминуть не хотѣлъ чрезъ оного предварительно о сихъ развѣдываніяхъ всепод. вкратцѣ донести, а пространнѣе со всѣми до того касающимися обстоятельствами по полученнымъ какъ изъ Крыму, такъ и изъ Польши, подлиннымъ извѣстіямъ не продолжительно чрезъ нарочнаго В. И. В. всепод. доносить долженствую.

3) По репорту полк. Чорбы о сборищахъ Поляковъ въ г. Барѣ,—отъ 4-го апрѣля за № 10.

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи отъ 12 сего мѣсяца касательно извѣстія о собираніи въ украинѣ Польской нѣкоторыхъ партій якобы противу находящихъ въ Польшѣ В. И. В. войскъ пріемлю смѣлость рабо-лѣпнѣйше донести, что отъ командующаго полками Елисаветградской провинціи полковника Чорбы отъ 15 и 17 прошлаго марта получены репорты, коими объявляетъ, что стоящій при Сентовскомъ форпостѣ поручикъ Маріоновичъ и бывшій въ Польскомъ мѣстечкѣ Звенигородкѣ капи-

танъ Палаловъ репортомъ къ нему представили: первой, что одинъ Польской шляхтичъ ему заподлинно сказывалъ, яко бы въ Барѣ уже до нѣсколько тысячъ Поляковъ собралось и еще повсядневно число оныхъ прибавляется, отзываясь, будто не далѣе какъ чрезъ двѣ недѣли къ границамъ сближаться имѣютъ для разоренія оставшихся въ Польской сторонѣ по границѣ православныхъ церквей; а послѣдній, что отъ разныхъ Польскихъ шляхтичей то жъ слышалъ, съ такимъ только присовокупленіемъ, что староста Снятинской Потоцкой въ Барѣ не малое число вольницы набралъ и продолжительно еще набираетъ для употребленія оной яко бы противъ Е. В. короля Польскаго. А хотя я прямо отъ пребывающаго въ Варшавѣ В. И. В. посла князя Репнина и отъ другихъ въ Польшѣ находящихся воинскихъ командировъ никакого о семъ предувѣдомленія не имѣю, слѣд. и причина была о подлинности сихъ разглашеній сумнѣваться, паче же при границахъ, предосторожность крайне необходимою, нарочного и искусного офицера въ Польшу подъ приличнымъ претекстомъ отправилъ для развѣдыванія о подлинности сего разглашенія, по возвращеніи которого о всемъ томъ, что провѣдано будетъ, В. И. В. всепод. донести не премину. А между тѣмъ помянутому въ началѣ полк. Чорбѣ найсильнѣйше подтверждено стараніе употребить неприметнымъ образомъ, безъ малѣйшаго встревоженія, привѣсть подчиненненные ему Елисаветградской провинціи полки въ надлежащую воинскую исправность къ отвращенію всякихъ случиться могучихъ шалостей и набѣговъ и для осторожности имѣть по границѣ непрестанные разъѣзды, тако же надежныхъ людей подъ разными претекстами въ Польшу посылать для вывѣданія настоящей причины таковому собранію и обращенію, о чемъ отъ меня и ген.-анш. и кав. гр. Румянцову для вѣдома сообщено.

Но какъ нарочно посланной офицеръ вчера обратно прибылъ и о всемъ развѣданномъ мнѣ подалъ рапортъ, то я оной, купно съ переводами двухъ манифестовъ, при семъ В. И. В. въ глубоч. благоговѣніемъ раболѣпнѣйше подношу.

4) Съ приложеніемъ экстракта письма Могилевскаго пріятеля, и сказки шляхтича Рожи,—отъ 20-го апрѣля за № 12.

Послѣ отправленія всепод. моихъ реляцій отъ 4 сего апрѣля, получено письмо изъ Могилева отъ тамошняго пріятеля о продолжающемся въ

Польской украинѣ замѣшательствѣ и о нѣкоторыхъ въ погранич. Турецкихъ крѣпостяхъ перемѣнахъ, какъ В. И. В. изъ поднесеннаго при семъ съ глубоч. благоговѣніемъ экстракта всемил. усмотрѣть изволите.

Какую жъ между тѣмъ вышедшій изъ Польши шляхтичъ Герасимъ Рожа мнѣ о тамошнихъ обстоятельствахъ и о своемъ намѣреніи подалъ сказку, съ оной точный списокъ съ ремаркомъ при семъ всепод. подносится, купно съ переводами полученныхъ изъ Польши Краковскаго бискупа Салтыка манифеста и нѣкоторыхъ до отправленнаго отъ меня о сей конфедераціи при реляціи № 10 манифеста принадлежащихъ пунктовъ и съ копіею репорта Елисаветградскаго пикинернаго полку поручика Черниченка, съ ремарками жъ [1]).

А сверхъ того пріемлю смѣлость раболѣпнѣйше донести, что прибывшіе обратно отъ Бендеръ два человѣка малороссійскихъ козаковъ, кои отправленнымъ въ Константинополь прошлого марта мѣсяца съ депешами куріерамъ по обыкновенію для провожанія отъ Васильковскаго форпоста до Бендеръ приданы были, словесно жалобу принесли, что на возвратномъ пути въ Брацлавскомъ воеводствѣ шайкою злонамѣренной партіи, знатно для грабительства разъѣзжающею, остановлены и по великимъ угрозамъ ограблены, такъ какъ и многіе изъ подданныхъ В. И. В. въ Польшѣ для торговаго промыслу находящіеся купцы. Проѣхавшій же третьяго дня по партикулярному дѣлу чрезъ здѣшнее мѣсто, за пашпортомъ ген.-пор. кн. Любомирскаго, въ Черниговъ Польскій шляхтичъ Шатило увѣрялъ, что о такомъ въ Польской украинѣ грабительствѣ и безчеловѣчныхъ поступкахъ злонамѣренной партіи надъ всякаго званія людьми, не обходя и самихъ Поляковъ, онъ не только слыхалъ, но и самъ въ крайней опасности находился.

А какъ Польскіе обстоятельства по всѣмъ извѣстіямъ отъ дня въ день серьезнѣе становятся и немалаго заслуживаютъ уваженія, паче потому что злонамѣренныхъ Поляковъ шайка такъ добровольно съ нею соединяющимися, какъ и насильно нахватанными всякого званія людьми, не только пріумножиться стала, но и дѣйствительно противъ своихъ собратьевъ, кои Е. В. королю Польскому благонамѣренны, и противъ находящихся въ Польшѣ В. И. В. войскъ непріятельски поступать начали, чѣмъ проѣздъ отсюда чрезъ Польшу до Бендеръ и до тѣхъ мѣстъ, гдѣ командующій корпусомъ В. И. В.

[1]) Послѣднихъ двухъ приложеній при реляціи нѣтъ.

войскъ ген.-маіоръ Кречетниковъ находится, не только опаснымъ сдѣланъ, но и почти совсѣмъ пресѣченъ, то я за нужно призналъ отправленнымъ съ депешами и съ казенными вещами къ тайн. сов. и кав. Обрѣзкову въ Константинополь рейтару и толмачу приказать чрезъ Новороссійскую губернію на Орловской форпостъ, а оттуда чрезъ Татарскія слободы, отнюдь не занимая Польши, въ Бендеръ слѣдовать, подтвердивъ стоящему въ Орловскомъ форпостѣ маіору Вульфу истребовать по сосѣдственной дружбѣ отъ Голтянского каймакана для провожденія оныхъ до Бендеръ одного или двухъ человѣкъ Татаръ, а Бендерского пашу, съ коимъ я по случаю отправленія куріеровъ всякой мѣсяцъ переписываюсь, просилъ такъ объ отправленіи сихъ по прежнимъ примѣрамъ въ Константинополь, какъ и о снабденіи возвращающихся оттуда обыкновеннымъ конвоемъ чрезъ Татарскіе, Оттаман. Портѣ принадлежащія, мѣста до самой Голтвы, которая у рѣки Буга супротивъ Орловскаго форпоста, давъ ему при томъ знать, что я сію перемѣну въ отправленіи куріеровъ по той причинѣ нынѣ предпринялъ, что въ подчиненной вѣдомству моему Новороссійской губерніи для способнѣйшей ѣзды куріеровъ обыкновенная до Орловскаго форпоста почта учреждена.

Для доставленія же отвѣта вышепомянутому ген.-маіору Кречетникову, которой меня письмомъ отъ 27 прошлаго марта просилъ по имѣющейся у меня заграничной перепискѣ о Татарскихъ и Турецкихъ обращеніяхъ, сколько мнѣ свѣдомо, ему сообщить, изыскиваю надежнаго человѣка изъ живущихъ по близости границъ Польскихъ подданныхъ, а сыскавъ увѣдомлю, что разсѣянный отъ злонамѣренной партіи слухъ, яко бы Татарскаго и Турецкаго войска нѣсколько уже тысячъ дѣйствительно съ оною соединилось для совокупнаго противъ Е. В. короля Польскаго и В. И. В. въ Польшѣ находящагося войска содѣйствованія, совсѣмъ неоснователенъ, ибо изъ всего обстоятельства и состоянія помянутой шайки легко заключить можно, что сія ухватка употреблена единственно для приведенія благонамѣренныхъ Поляковъ въ робость и для способнѣйшаго тѣмъ оныхъ въ свою сторону преклоненія. Впрочемъ, что касается до взятія на ввѣренной мнѣ границѣ надлежащей предосторожности, то я не преминулъ, какъ въ подчиненные мнѣ Новороссійской губерніи гусарскіе и пикинерскіе полки, такъ и на протчіе моего вѣдомства форпосты данные предъ симъ по сей же причинѣ ордера вновь найсильнѣй-

шимъ образомъ подтвердить и ген.-анш. и кав. гр. Румянцову о всемъ томъ для вѣдома сообщить.

Приложенія: а) Экстрактъ изъ письма Могилевскаго пріятеля отъ 23-го марта 1768 г.

Въ Хотинъ прибылъ новый паша, прозываемый Келехъ, а въ Очаковѣ ожидаютъ прибытія паши Купрели-оглу. Въ Молдавіи на р. Прутѣ близь слободы Кишнова селятся выходящіе изъ Польши раскольники великимъ числомъ, кои опасаясь, чтобъ при выступленіи Россійско-императорского войска изъ Польши они по прежнему примѣру забраны не были, изъ Польши туда убѣгаютъ. Въ Бендерѣ заведены два большіе магазина: одинъ наполняется провіантомъ изъ Бендерского округа, а другой—подвозомъ изъ Молдавіи. Въ Польскомъ мѣстечкѣ Барѣ недавно сдѣлалось возмущеніе, къ которому со всѣхъ сторонъ мелкое шляхетство собирается въ такомъ намѣреніи, чтобъ сдѣлать новую конфедерацію подъ предводительствомъ Снятинскаго и Варецкого старостъ, такожъ и другихъ знатныхъ ихъ сообщниковъ; по которой причинѣ послана изъ Бара знатная команда для преклоненія всѣхъ по Днѣстровской границѣ въ околичности Могилева стоящихъ на форпостахъ Польскихъ хоронгъ къ соединенію, изъ которыхъ иные добровольно, а другіе насильно къ возмутителямъ пристали, оставивъ всѣ пограничные форпосты безъ карауловъ; сказываютъ, что уже нѣсколько тысячъ въ Барѣ всякой сволочи собрано, а что отъ нихъ далѣе послѣдуетъ, время окажетъ.

Слухъ пронесся, что въ Очаковъ прибыть имѣетъ чрезъ краткое время нѣсколько конницы, называемой спаги, съ немалымъ числомъ работниковъ для исправленія крѣпости. Поляки увѣряютъ, что повсядневно ожидаютъ на присоединеніе къ конфедераціонному войску нѣсколько тысячъ Татаръ, отзываясь, что они для того чрезъ нарочного посланника немалую сумму денегъ къ хану Крымскому уже послали, которые деньги ханомъ дѣйствительно взяты, а въ отвѣтъ посланнику сказано, что онъ ту сумму принялъ, яко собственно по старой нѣкакой будто на Польскую украину претензіи ему принадлежащую, за которую никакого войска имъ дать не намѣренъ, а если они ему еще толикую жъ сумму пришлютъ, то тогда имъ войска дать не отречется.

б) Сказка шляхтича Рожи.

1768 году, апрѣля 8-го дня, вышедшій изъ Польши тамошній шляхтичъ Герасимъ, Матвѣевъ сынъ, Ро̀жа въ Кіевской губерн. канц. сказалъ:

Родомъ онъ Брацлавскаго воеводства города Ружина, вѣры греческаго исповѣданія; отецъ его былъ Польскихъ оного жъ воеводства войскъ

полковникомъ, а онъ при тѣхъ же войскахъ былъ хоружимъ и сотникомъ; а какъ увидѣлъ, что собирается конфедерація въ г. Барѣ, по разглашенію яко бы стараніемъ гр. Красинскаго, кн. Черторисскаго, гр. Потоцкихъ и старосты Каневскаго, противъ православной вѣры Россійскаго исповѣданія, къ которой конфедераціи и его принуждали, то онъ, не хотя вѣру свою перемѣнить, взялъ намѣреніе прибѣгнуть къ престолу всерос. императрицы, яко защитницѣ всего благочестія, желая вѣчно остаться въ Россійской имперіи; по которой причинѣ, оставивъ домъ, жену и дѣтей, пріѣхалъ сюда въ Кіевъ. Конфедераціоннаго войска по отъѣздѣ его, а именно, по 3 число сего апрѣля, въ собраніи было безъ мала девять тысячъ конницы всякаго сброду съ ружьями и безъ ружей, коимъ по разсмотрѣнію даютъ по нѣсколько денегъ для пріохочиванія, чего ради со всѣхъ сторонъ всякіе бродяги стекаются; и какъ скоро кто въ войскѣ явится, то принужденъ по нѣкоторой особливой формѣ присягу учинить идти и служить по повелѣнію конфедераціи, сколько она продлится; а сверхъ сего разглашаютъ, яко бы Татары и Турки на помочь конфедераціи пришлются, но онъ самъ того не видалъ, чтобъ кто изъ сихъ войскъ къ конфедераціи присовокупился. Всѣ начальники собраннаго въ Барѣ войска хвалятся, что хотятъ напасть на стоящее въ Польшѣ Россійское войско. За провіантъ и фуражъ обывателямъ, которые оной привозятъ изъ околичности, плотютъ готовыми деньгами безобидно для приласканія къ большему привозу; итакъ люди и лошади въ пропитаніи и корму никакого недостатка не имѣютъ. А между тѣмъ, по Польскому ихъ обычаю, хвастаютъ межъ собою, что конечно Кіевъ будетъ опять ихъ. Болѣе онъ, Рожа, къ показанію ничего не знаетъ.

в) Ремаркъ на сказкѣ шляхтича Рожи.

Хотя сей шляхтичъ и объявилъ свое намѣреніе такимъ образомъ, однако по обстоятельствамъ при границѣ всякому, особливо же незнакомому человѣку, вѣрить нельзя, и для того отведена ему квартира и приказано непримѣтнымъ образомъ за его поступками примѣчать; а въ разсмотрѣніи того, что онъ никакого пропитанія не имѣетъ, приказано отъ меня производить ему кормовыхъ денегъ по десяти копѣекъ на день до полученія высоч. о немъ резолюціи, ибо онъ желаетъ въ пикинерные полки опредѣленъ быть.

5) О Польскихъ замѣшательствахъ, о посылкѣ въ Крымъ кап. Бастевика, и съ экстрактомъ изъ репортовъ лицъ, отправленныхъ въ Польшу для развѣдыванія,—отъ 3-го мая за № 13.

Прежними моими всепод. реляціями В. И. В. раболѣпнѣйше до-

нести не преминулъ, что по причинѣ учинившагося въ Польской украинѣ возмущенія предписано было отъ меня командующему полками Елисаветградской провинціи полковнику Чорбѣ быть во всякой воинской исправности и удобвозможную по границѣ имѣть предосторожность, посылая по способности нарочныхъ для развѣдыванія. А теперь съ глубоч. къ стопамъ В. И. В. повергеніемъ пріемлю смѣлость сочиненный изъ репортовъ возвратившихся отъ посылки нарочныхъ экстрактъ при семъ на всевысоч. усмотрѣніе В. И. В. всепод. поднесть.

Посланный отсюда прямо чрезъ Васильковъ нарочный съ письмомъ къ генералъ-маіору и кав. Кречетникову еще не возвратился, но отъ прибывшаго 28 числа прошлаго мѣсяца изъ Бреславля съ товарами прикащика Черниговскаго купца Янки заподлинно свѣдалъ, что по обыкновенному отъ Бреславля тракту Польшею до м. Новаго Константинова, которое уже Польской украины, онъ въ свободномъ проѣздѣ никакого препятствія не имѣлъ, а въ семъ послѣднемъ мѣстѣ всѣ лошади у него Польскою партіею заграблены были, которые по неотступному его прошенію и домогательству приказомъ региментаря Бабинскаго отысканы и ему возвращены. 17-го числа прошлаго мѣсяца прибылъ онъ въ Полонное, мѣсто укрѣпленное, принадлежащее В. И. В. генералу-порутчику кн. Любомирскому, разстояніемъ отсюда тридцать миль, гдѣ В. И. В. ген.-маіоръ и кав. Кречетниковъ съ корпусомъ своимъ тогда находился, у которого онъ явясь требовалъ наставленія, что ему для безопасности предпринять; на что ему сказано дня два отдыху взять, а потомъ далѣе отъѣхать можетъ. На другой день, т. е. 18 числа, подъ тѣмъ мѣстомъ было между Поляками и частію войска помянутого генерала сраженіе, въ коемъ Польское войско съ немалымъ урономъ прогнано. Итакъ онъ, получа отъ генералъ-маіора Кречетникова позволеніе, къ Василькову разными мѣстами, не держась настоящей дороги, слѣдовалъ, куда 27 прошедшаго апрѣля и прибылъ.

Въ разсужденіи продолжающихся такимъ образомъ въ Польской украинѣ замѣшательствъ, кои по смежности границъ немалаго заслуживаютъ уваженія, я во всѣ вѣдомству моему всемил. подчиненныя мѣста вновь ордерами найсильнѣйше подтвердилъ недреманную имѣть предосторожность, дабы отъ набѣговъ злонамѣренной Польской

шайки границы В. И. В. какого предосужденія или вреда понести не могли, и ген.-анш. гр. Румянцову о всемъ томъ обстоятельно для вѣдома сообщилъ.

А между тѣмъ, съ какимъ претекстомъ отправленъ отъ меня къ хану Крымскому Максутъ-Гирею капитанъ Бастевикъ, В. И. В. изъ поднесенной при семъ копіи съ письма къ хану [1]) всемил. усмотрѣть изволите. Я не преминулъ посланнаго всемил. мнѣ повелѣннымъ образомъ снабдить и небольшими въ двухъ бѣльихъ мѣхахъ и двухъ фунтахъ зеленаго чаю состоящими подарками, которые онъ своимъ именемъ тамошнимъ пріятелямъ учинить имѣетъ для вящаго къ себѣ приласканія. Також де отправленъ съ нимъ изъ здѣшнихъ жителей одинъ надежный и проворный грекъ, знающій по турецки, гречески и волоски, которого кап. Бастевикъ агенту Молдавскаго господаря представить имѣетъ съ тѣмъ, что оной по требованію его, агента, сыскавъ, и впредь къ нему, яко купецъ, беззазорно являться будетъ для полученія отъ него обѣщанныхъ извѣстій; а чтобъ посылка сего купца примѣчена быть не могла, то приказано ему два или три дни послѣ кап. Бастевика въ Бахчисарай въѣхать и на особливой квартирѣ стать. Обоимъ симъ нарочно посланнымъ поручено найприлежнѣйшее стараніе приложить для развѣдыванія всѣхъ тамошнихъ обстоятельствъ; а сверхъ того, по наставшему сроку къ съѣзду на Крымской границѣ коммиссаровъ для разбиранія между обоюдными подданными ссоръ и жалобъ, здѣшней стороны коммиссары отъ меня съ достаточнымъ наставленіемъ отправлены.

На послѣди, рабской моей должности признаваю и о семъ В. И. В. всепод. донести, что я въ немаломъ сумнѣніи нахожусь, не перехвачены ль иногда слѣдующія изъ Константинополя съ обыкновенными ко двору В. И. В. мѣсячными депешами куріеры, ибо они всегда къ Васильковскому форпосту пріѣзжали въ первыхъ числахъ всякаго мѣсяца, а нынѣ уже другой тому мѣсяцъ какъ сверхъ обыкновеннаго никто изъ Цареграда съ депешами не прибылъ; о чемъ хотя отъ меня и стараніе прилагается чрезъ нарочно въ Польшу отправленныхъ заподлинно развѣдать, но до сихъ поръ ничего о томъ точнаго получить не могъ.

---

[1]) Копіи этой при реляціи нѣтъ.

Приложеніе: Экстрактъ изъ репортовъ отправленныхъ для развѣдыванія о Польскихъ обстоятельствахъ въ Польскую украину Черняго гусарскаго полку поручика Раде и другихъ чиновъ.

Въ м. Умани видѣлъ онъ, Раде, четырехъ товарищей Украинской противной партіи, кои прибыли туда будто для заниманія квартиръ и пріуготовленія фуража; а главная ихъ коммиссія въ томъ состоитъ, чтобъ преклонить тамошній гарнизонъ гр. Потоцкаго со всею артиллеріею и амуниціею, равно какъ и находящихся въ службѣ его козаковъ купно съ прочими подданными на соединеніе съ конфедератнымъ подъ командою маршалка Пулавскаго и старосты Варецкаго войскомъ, которое въ Барѣ собирается. Тамошній Уманскій губернаторъ Младановичъ предостерегъ его, что онъ съ своимъ пашпортомъ свободно далѣе проѣхать не можетъ, для того что всему войску Украинской партіи повелѣно Россійскихъ подданныхъ, не взирая на пашпорты Россійскихъ генераловъ, вездѣ ловить и командѣ представлять.

Въ Умани онъ самъ видѣлъ, что кузнецы готовятъ пушечныя ядра, картечи и другіе до артиллеріи принадлежащіе снаряды, разглашая яко бы по прибытіи украинской партіи они противиться намѣрены и отнюдь съ оною соединиться не желаютъ; однако онъ видѣлъ тамо нѣсколькихъ Польскихъ законниковъ, которые по папскому повелѣнію отъ Польскихъ епископовъ присланы для увѣщанія всего въ Уманскомъ повѣтѣ живущаго шляхетства на соединеніе съ Украинскою партіею, въ чемъ многіе уже секретно и къ присягѣ приведены.—Прибывъ въ с. Егупецъ, заѣхалъ онъ по знакомости къ знатному тамошнему шляхтичу, подчашему Косткѣ Ордынскому, которой ему въ довѣренности объявилъ, что маршалъ конфедераціи гр. Красинскій къ нему ласковое письмо прислалъ, увѣщевая его пристать къ войску партіи Украинской и принять главную команду надъ Поберезскими, Вершадскими и Уманскими шляхтичами и козаками; но онъ де, Ордынской, яко благонамѣренной сынъ отечества, хотя отъ того отказался, извиняясь старостію и слабостію здоровья, однако сумнѣвается, чтобъ по его желанію сдѣлалось, а въ противномъ случаѣ принужденъ будетъ противъ воли своей къ нимъ пристать и присягу учинить, присовокупивъ къ тому, что сія конфедерація сдѣлана единственно въ такомъ намѣреніи, чтобъ, собравъ довольное число войска, идти противъ Россійскаго въ Польшѣ находящагося корпуса для выгнанія оного яко бы за учиненную въ отечествѣ ихъ обиду взятьемъ четырехъ магнатовъ подъ караулъ, и что де въ великой постъ подъ Новымъ Константиновымъ партія Польская съ Россійскими ка-

рабинерами и Донскихъ козаковъ полками уже непріятельства начала, гдѣ четыре человѣка знатныхъ Польскихъ шляхтичей и до тридцати человѣкъ рядовыхъ побито, а Россійскіе также не безъ урона оттуда ретировались. По чемъ онъ, поручикъ Раде, его, Ордынскаго, просилъ для свободнаго далѣе проѣзда пашпортъ его надписать, что имъ, Ордынскимъ, и учинено; съ которымъ пашпортомъ онъ, переправясь чрезъ р. Бугъ, прибылъ въ м. Ладыжинъ, котораго губернаторъ, прозваніемъ Кастели, ему объявилъ, что за два дни предъ пріѣздомъ его прислано было немалое число войска Украинской партіи, которое разными угрозами его принудили присягать на соединеніе съ оною и, взявъ нѣсколько человѣкъ изъ его козаковъ вооруженныхъ и, сколько нашли, ружей, пороху и свинцу, уѣхали, а ему приказали съ достальными, въ вѣдомствѣ его состоящими, козаками во всякой быть готовности, куда повелѣно будетъ, слѣдовать. Но въ самое то время, какъ сей разговоръ продолжался, прибыли къ нему помянутой партіи два товарища съ тридцатью человѣками козаковъ, отъ коихъ губернаторъ его, Раде, въ удобномъ мѣстѣ скрылъ; а какъ тѣ товарищи уѣхали, губернаторъ ему сказалъ, что въ первый день Пасхи Поляки напали на стоящихъ въ м. Винницѣ Донскихъ козаковъ, кои ретировались къ м. Яневу, но, не доѣхавъ до оного, сразились, гдѣ Донцами побито и ранено немалое число гусаръ-Поляковъ, козаковъ и липканъ Украинской партіи; между убитыми находится и одинъ липканской полковникъ, а другой, прозваніемъ Муха, съ прочими Поляками плѣненъ.

Слѣдуя къ м. Тульчину, наѣхалъ онъ въ с. Михайловкѣ на партію Польскую, которая его остановивъ спросила, куда ѣдетъ и за чьимъ пашпортомъ, а какъ усмотрѣла надпись вышереченнаго Ордынского, его отпустила. Въ Томашполѣ жидъ-арендарь ему объявилъ, что онъ предъ его туда пріѣздомъ изъ Могилева возвратился, къ которому городу, въ бытность его тамо, маршалъ конфедераціи гр. Красинскій съ нѣсколькими тысячами войска прибылъ, но находящійся въ Могилевѣ съ гарнизономъ и съ артиллеріею гр. Потоцкаго маіоръ Мейсенъ оного въ городъ впустить не хотѣлъ; однако, увидя, что приказано городъ зажечь, сдался и на соединеніе присягу принесъ. Итакъ, гр. Красинскій, взявъ маіора съ гарнизономъ и съ артиллеріею къ себѣ и отобравъ изъ своего корпуса три тысячи человѣкъ, при Могилевѣ остался, а протчее войско послалъ въ Немировъ, Житомиръ, Летичевъ и Прилуку. Послѣ чего будто онъ же, гр. Красинскій, немалое число денегъ къ Татарамъ отправилъ изъ той суммы, которая отъ папы римскаго на вспоможеніе дана, прося Татаръ на соединеніе съ нимъ, гдѣ онъ ихъ и ожидать имѣетъ; что отъ королевскаго таможеннаго управителя всю наличную казну забралъ и что заподлинно весь

Каменца-Подольскаго гарнизонъ и прочее регулярное и нерегулярное Польской республики въ Украинѣ находящееся войско уже къ конфедератамъ пристало и присягу въ вѣрности принесло, чѣмъ число сего войска знатно умножилось, отъ котораго немалую часть въ городъ Полоновъ отправить намѣрены для поиску надъ стоящимъ тамо Россійскимъ войскомъ.

Протчихъ же извѣстія хотя съ сими нѣсколько и согласны, однако съ немалымъ увеличиваніемъ числа войскъ Украинской партіи наполнены въ разсужденіи того, что будто уже вся Польская украина, исключая только Уманскую губернію, къ конфедераціи приступила и присягою согласно дѣйствовать утвердила, почему многіе изъ Поляковъ заподлинно увѣряютъ, яко бы не въ продолжительное время конфедераты на Новороссійскую губернію нападеніе сдѣлать намѣрены.

6) О дѣйствіяхъ Кречетникова и присылкѣ имъ одного арестанта, покушавшагося на жизнь примаса, и двухъ офицеровъ за деньгами и артиллерійскими припасами,—отъ 8-го мая за № 14.

Вчера получилъ я отъ находящагося въ Польшѣ съ корпусомъ войскъ В. И. В. ген.-маіора и кав. Кречетникова репортъ изъ Жулквы отъ 15-го прошлаго апрѣля, коимъ представляетъ, что по сообщенію къ нему отъ чрезвычайнаго и полномоч. посла кн. Репнина взятый въ злодѣйскомъ умыслѣ противъ нынѣшняго примаса и содержанный подъ секретнымъ карауломъ при корпусѣ его арестантъ, которому по подлородію производилась только солдатская порція, отправленъ ко мнѣ для отсылки въ Сибирь на поселеніе или куда повелѣно будетъ, прося при томъ, чтобъ оный какъ въ Кіевѣ содержанъ, такъ и въ Сибирь отвезенъ былъ подъ крѣпкимъ карауломъ, дабы никто, и паче изъ Поляковъ, его увидѣть и въ дорогѣ побѣгу учинить не могъ. Я приказалъ онаго принять и подъ крѣпкимъ карауломъ въ здѣшней крѣпости секретно содержать, производя ему въ ежедневную пищу солдатскую порцію до полученія отъ В. И. В. всевысоч. повелѣнія, куда и съ какимъ письменнымъ видомъ онаго отправлять.

Съ симъ репортомъ и арестантомъ присланы отъ него два подпоручика при достаточномъ до границъ конвоѣ, который отъ границы паки обратно отпущенъ. Одному изъ сихъ субалтернъ-офицеровъ велѣно отсюда ѣхать въ Лубны для принятія и отвозу сорока тысячъ рублевъ въ Польшу къ корпусу, а другому—для принятія жъ изъ

здѣшняго магазина немалаго числа пороху, свинцу, ядръ, картечь и другихъ артиллерійскихъ припасовъ и для поспѣшнаго оныхъ въ корпусъ доставленія. А какъ для препровожденія толь знатныхъ отправленій, т. е. денежной суммы и немалаго количества артиллерійскихъ припасовъ, достаточный конвой надобенъ, то за неимѣніемъ въ здѣшнихъ гарнизонныхъ баталіонахъ, по причинѣ содержанія ими форпостовъ и другихъ раскомандированій, довольнаго числа строевыхъ солдатъ, отъ меня ген.-анш. и кав. гр. Румянцову вчерась чрезъ нарочный штафетъ сообщено приказать изъ стоящаго здѣсь для содержанія караула дивизіи его Бѣлевскаго полку до двухъ сотъ человѣкъ для препровожденія пороха и протчихъ артиллерійскихъ припасовъ нарядить и для отправленія казны толикое жъ число или по его благоразсмотрѣнію изъ другаго въ близости къ здѣшнему мѣсту находящагося полку сюда прислать, дабы тѣмъ удобнѣе и безопаснѣе сіи два транспорта до надлежащаго мѣста, а именно до Житомира, разстояніемъ отъ границы 12 миль, препровождены быть могли, ибо по всѣмъ до меня дошедшимъ извѣстіямъ проѣздъ чрезъ Польскую украину крайне опаснымъ сдѣлался.

Касательно же Польскихъ обстоятельствъ онъ ген.-маіоръ Кречетниковъ упоминаетъ, что въ Польской украинѣ немалыя замѣшательства противъ послѣдняго сейма оказались, и уже дважды возмутителями на козаковъ корпуса его нападенія сдѣланы, однако съ крайнимъ ихъ самихъ урономъ, ибо на мѣстѣ сраженій побиты болѣе 300, а въ полонъ взято до 100 человѣкъ шляхетства и другихъ изъ надворныхъ людей; съ его же стороны при обоихъ сраженіяхъ убитъ только одинъ козакъ и трое ранены; что тѣми днями онъ приказалъ войскамъ команды его атаковать находящіеся въ разныхъ мѣстахъ сборища возмутителей для разогнанія и разрушенія оныхъ, по которой причинѣ и онъ, ген.-маіоръ Кречетниковъ, 18 или 19 числа прош. апрѣля мѣсяца изъ Жулквы выступить имѣлъ для сближенія къ Житомиру, отъ котораго не далѣе 12 миль находиться намѣренъ.

Вышепомянутые два подпорутчика объявили, что два курьеры, кои отъ ген.-маіора Кречетникова съ репортами и доношеніями въ военную В. И. В. коллегію отправлены были, между Житомиромъ и здѣшнею границею, неподалеко отъ г. Радомышля, въ коемъ уніатскій митрополитъ Кіевской Володкевичъ пребываніе свое имѣетъ, перехвачены реченнаго митрополита управителемъ Каменскимъ, который

со ста козаками на нихъ напалъ, изъ бывшихъ при нихъ шести человѣкъ конвойныхъ козаковъ одинъ убитъ, курьеръ одинъ раненъ, три человѣка козаковъ бѣгомъ спаслись, а два съ курьерами въ ближній къ Радомышлю замокъ отвезены, гдѣ подъ крѣпкимъ карауломъ и содержатся.

Изъ Константинополя никого еще съ обыкновенными депешами нѣтъ и подлиннаго о перехваченіи слѣдовавшихъ оттуда рейтаръ извѣстія не получено.

Какая отъ прибывшаго вчера изъ Бреславля съ товарами Полтавскаго купца Марченка прикащика о Польскихъ обстоятельствахъ взята сказка, съ оной точной списокъ В. И. В. на всевысоч. усмотрѣніе съ глубоч. благоговѣніемъ при семъ подношу [1]).

7) О вышедшемъ изъ Польской украины атаманъ Сухининъ съ 62 козаками,—отъ 8-го мая за № 15.

Командующій Елисаветградскими полками полковникъ Чорба присланнымъ отъ 3-го сего мая репортомъ доноситъ, что явился у него того жъ числа вышедшій изъ Польской украины казацкій атаманъ Климъ Сухининъ съ козаками доброконными и вооруженными всего числомъ 62 человѣка и сказкою объявилъ, что они, яко причетники вѣры провославнаго Россійскаго исповѣданія, не хотя по нынѣшнимъ въ Польшѣ замѣшательствамъ противъ единовѣрныхъ Россійскихъ войскъ съ Поляками служить, прибѣжище свое взяли къ Россійскому престолу, желая В. И. В. служить и вѣчно въ подданствѣ остаться, какъ изъ сказки, съ которой точной списокъ при семъ всепод. подносится [2]), обстоятельно явствуетъ; котораго атамана со всѣми козаками онъ ласково принявъ въ 12-й ротѣ Чернаго гусарскаго полку по квартирамъ расположилъ, а лошадей у нихъ, подъ претекстомъ лучшаго присмотру, въ роту на кормъ отдалъ; тожъ для предосторожности и ружье у нихъ отобралъ, а для пропитанія приказалъ изъ тамошняго магазина имъ провіантъ производить. Я, аппробовавъ поступокъ и взятую съ сими выходцами предосторожность, приказалъ ему и впредь при подобныхъ случаяхъ равномѣрнымъ образомъ по-

---

[1]) Списка этого при реляціи нѣтъ.

[2]) Сказки этой при реляціи нѣтъ.

ступать, а между тѣмъ всепод. должности моей быть разсудилъ В. И. В. всенижайше доложить, если таковые выходцы умножаться стали бъ, то повелѣно ль будетъ оныхъ принимать и въ Елисаветградскую провинцію, по ихъ желанію, селить и особою ль слободою или между другими поселянами вмѣщать, ибо уповательно, что многіе изъ живущихъ въ той околичности православнаго исповѣданія козаки, укрываясь отъ Польскаго замѣшательства, на поселеніе и въ службу В. И. В. выходить станутъ.

8) По репортамъ Кречетникова о семи сраженіяхъ и присылкѣ артиллерійскихъ припасовъ,—отъ 29-го мая за № 16.

Послѣ отправленія въ корпусъ ген.-маіора и кав. Кречетникова требованнаго имъ количества артиллерійскихъ припасовъ и денежной казны съ двуротнымъ Бѣлевскаго пѣх. полка и 50 человѣкъ малороссійскихъ изъ резервныхъ на форпостахъ козаковъ для безопаснаго препровожденія до Житомира деташементомъ, о которыхъ всениж. моею реляціею отъ 8 сего мая В. И. В. всепод. донесено, получилъ я отъ него еще два репорта: одинъ чрезъ посланнаго къ нему отъ меня съ письмомъ о заграничныхъ обстоятельствахъ жида отъ 14 сего мая, а другой чрезъ присланнаго отъ него четвертаго гренадерскаго полку порутчика отъ 21-го сего жъ мѣсяца; первымъ изъ Любара увѣдомляетъ меня, что по Польскимъ замѣшательствамъ съ войсками ввѣреннаго ему корпуса уже семь сраженій было, на коихъ возмутители съ немалымъ урономъ прогнаны и уже убитыми болѣе двухъ тысячъ Поляковъ считается, а въ полонъ до 500 человѣкъ взято, и что онъ, собравъ весь свой корпусъ, имѣетъ дѣйствовать противъ оныхъ всѣми силами, но какъ они въ поле не выходятъ, а жмутся все въ замкахъ и городахъ, то должно болѣе артиллеріею дѣйствовать; по которой причинѣ требовалъ вновь изготовленія и отправленія къ нему нѣсколькаго количества артиллерійскихъ зарядовъ; а вторымъ изъ подъ Бердичева, увѣдомляя меня о неприбытіи къ нему перваго транспорта съ артиллерійскими припасами и съ денежною казною, вновь требуетъ еще къ нему отправленія потребныхъ къ имѣющейся у него артиллеріи зарядовъ и протчихъ надобныхъ припасовъ, тако жъ одного искуснаго артиллерійскаго офицера и 15 человѣкъ канонировъ, безъ коихъ онъ возмутителей, кроющихся въ замкахъ и укрѣпленныхъ

мѣстахъ, выжить а разгонять за трудно признаваетъ; а для безопаснаго препровожденія сего новаго транспорта до помянутаго Бердичева, разстояніемъ отсюда 180 верстъ, просилъ меня къ присланнымъ съ реченнымъ порутчикомъ ему человѣкомъ Донскихъ козаковъ придать сто человѣкъ пѣхоты. Я, признавая сіе его требованіе интересу В. И. В. весьма нужное, сообщилъ находящемуся здѣсь артиллеріи генералу-маіору Ливену, къ которому и отъ ген.-маіора Кречетникова прямо о томъ же требованіе прислано; но хотя оной увѣдомилъ меня, что при здѣшнемъ артиллерійскомъ магазинѣ требуемыхъ по колибру зарядовъ въ готовности нѣтъ, однакожъ, какъ скоро возможно, стараніе приложитъ то число заготовить, кое къ завтрему поспѣетъ и дѣйствительно отправлено быть имѣетъ.

А между тѣмъ В. И. В. всепод. доношу, что прибывшій сюда вчера изъ подъ Бердичева Ахтырскаго гусарскаго полку маркитантъ для покупки надобныхъ съѣстныхъ припасовъ сказкою объявилъ, что 24 числа онъ съ первымъ транспортомъ встрѣтился въ 15 верстахъ отъ Бердичева, который того жъ дня дѣйствительно къ корпусу ген.-маіора Кречетникова прибылъ, и что въ Бердичевскомъ каменною стѣною, рвомъ и валомъ укрѣпленномъ кляшторѣ до двухъ тысячъ возмутителей находится, кои по отъѣздѣ его оттуда еже сдаться не хотѣли.

Если что вновь отъ реченнаго ген.-маіора Кречетникова примѣчанія достойнаго до меня дойдетъ, то я по раболѣпнѣйшей моей должности о всемъ томъ въ свое время всепод. донести не премину.

9) О перехваченныхъ Поляками Константинопольскихъ депешахъ,— отъ 29-го мая за № 19.

Каковы отъ одного въ Польшѣ пріятеля на сихъ дняхъ ко мнѣ присланы съ публикованныхъ вновь на Польскомъ языкѣ отъ маршалка Красинскаго и отъ региментаря Щенявскаго универсаловъ копіи, съ оныхъ при семъ на высоч. усмотрѣніе В. И. В. подношу переводы [1]).

А между тѣмъ пріемлю смѣлость всепод. донести, что я чрезъ нарочно прибывшаго изъ Польши м. Васильковецъ обывателя заподлинно свѣдалъ, яко отправленные изъ Константинополя съ мартов-

---

[1]) Копій этихъ переводовъ при черн. реляціи нѣтъ.

скими депешами рейтарской вахмистръ Гребенкинъ и толмачъ неподалеко м. Погребищъ перехвачены, депеши и посылки у нихъ отняты и они по нѣсколько-временномъ въ Погребищахъ подъ крѣпкимъ карауломъ содержаніи двѣнадцатый тому день, какъ маршалкомъ Пулавскимъ въ Прилуки отвезены; гдѣ подъ карауломъ содержатся, и потому я не преминулъ о перехваченіи сихъ курьеровъ съ мартовскими депешами пребывающему при Портѣ Оттоман. В. И. В. резиденту тайн. сов. и кав. Обрѣзкову знать дать, чтобъ онъ для безпрерывнаго по доношеніямъ его дѣлъ теченія, при первомъ оттуда отправленіи дупликатъ тѣхъ депешъ въ Коллегію В. И. В. Иностран. Дѣлъ послалъ.

10) О письмѣ епископа Переяславскаго Гервасія съ жалобой жителей м. Жаботина на Поляковъ,—отъ 29-го мая за № 22.

Епископъ Переяславскій Гервасій присланнымъ ко мнѣ на сихъ дняхъ письмомъ и промеморіею въ Кіев. губерн. канц. изъ его консисторіи съ приложеніемъ при оной Польскаго мѣстечка Жаботина содержащихъ вѣру греческаго исповѣданія обывателей доношенія касательно причиняемыхъ имъ отъ Поляковъ разореній требовалъ о учиненіи тѣмъ по единовѣрію въ ихъ обстояніи защищенія, на которое отъ меня отвѣтствовано, чтобъ онъ адресовался о семъ дѣлѣ по командѣ въ Св. Правител. Синодъ или въ Коллегію В. И. В. Иностран. Дѣлъ, по чему и означенное доношеніе, съ коего при семъ подносится копія, обратно къ нему отправлено.

11) Объ извѣстіяхъ полк. Чорбы объ обращеніи къ нему за защитой отъ гоненій со стороны Польскаго правительства и доставленіи выходящимъ изъ Польши покровительства,—отъ 7 іюня за № 23.

Послѣ отпуску всениж. моихъ реляцій отъ 29-го прошедшаго мѣсяца получено письмо отъ Очаковскаго пріятеля отъ 25-го апрѣля, съ котораго переводъ при семъ на всевысоч. усмотрѣніе В. И. В. всепод. подношу, а между тѣмъ пріемлю смѣлость съ глубоч. благоговѣніемъ донести: командующій Елисаветградскими полками полк. Чорба репортомъ представилъ, что явились у него прошлаго мая 28 числа м. Чигирина генеральной писарь Высоцкой, Медвѣдовской полковникъ Квасневскій и Крыловскій староста Кострицкій съ такимъ именно объявленіемъ:

яко подъ видомъ конфедератной партіи, какъ въ помянутой, такъ и въ прочихъ губерніяхъ Польской украины, изъ обывателей еще и другая разбойническая шайка проявилась, которая гайдамацкимъ образомъ великіе грабительства и смертоубійства благонамѣреннымъ обывателямъ дѣлаетъ по которой причинѣ они принужденными себя видѣли для сохраненія жизни съ фамиліями и со всѣмъ имуществомъ въ границахъ В. И. В. прибѣжище взять, прося до тѣхъ поръ, пока взбунтовавшійся народъ умирится и прежняя въ ихъ сторонѣ тишина возстановлена будетъ, дозволить имъ пробыть въ шанцахъ Желтаго гусарскаго полку. Вслѣдствіе чего отъ меня предписано: прибѣгающихъ въ такомъ намѣреніи подъ защиту В. И. В. въ форпостамъ Елисаветградской провинціи Польскихъ шляхтичей и обывателей въ разсужденіи сосѣдственной дружбы благопріятно принимать и, гдѣ кто жить пожелаетъ, безпрепятственно позволять, не чиня никому отнюдь никакой обиды или огорченія, а въ какое мѣсто кто именно, когда и въ коликомъ числѣ обоего пола людей изъ сихъ выходцовъ прибѣгать будетъ, меня о томъ немедленно репортовать. Стоящимъ же на форпостахъ по лѣвому берегу р. Днѣпра, начавъ отъ Переяславскаго полку, внизъ по реченной рѣкѣ до Новороссійской губерніи штабъ офицерамъ отъ меня предписано, что бъ въ случаѣ исканія Польскимъ шляхетствомъ или обывателями равномѣрнаго покровительства, имъ въ границы входить безпрепятственно дозволять и о томъ ко мнѣ для вѣдома репортовать, а отъ ген.-анш. и кав. гр. Румянцова резолюціи требовать, гдѣ онымъ жить дозволено будетъ.

12) Объ отправленіи къ ген. Кречетникову полу-картаульнаго единорога,—отъ 7 іюня за № 26.

Въ прибавокъ къ всенижайшей моей реляціи № 16 о заготовленіи и отправленіи требуемыхъ ген.-маіоромъ и кав. Кречетниковымъ артиллерійскихъ припасовъ всепод. В. И. В. доношу, что при самомъ того транспорта отсюда выступленіи получилъ я отъ него жъ чрезъ нарочно присланнаго изъ подъ Бердичева порутчика отъ 25 прошедшаго мая репортъ съ требованіемъ одного полу-картаульнаго единорога съ довольнымъ числомъ бомбъ и зарядовъ, увѣдомляя, что кляшторъ, въ коемъ до двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ подъ предводительствомъ сына маршалка Пулавскаго возмутителей затворилось, каменною стѣ-

ною такъ укрѣпленъ, что безъ оного орудія, повидимому, ихъ къ сдачѣ принудить нельзя, которое такожде артиллеріи ген.-маіоромъ Ливенымъ при помянутомъ томъ транспортѣ 1-го числа сего отсюда къ нему и отправлено.

13) Объ усиленіи шаекъ въ Уманской и Смѣлянской губерніяхъ,— отъ 11-го іюня за № 28.

Въ прибавокъ ко всепод. моей реляціи № 23 о проявившейся въ Уманской и Смѣлянской губерніи разбойнической шайкѣ В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ доношу, что сія шайка между тѣмъ бѣглецами возмутительной Барской партіи и другими Польскими изъ обитателей бродягами столько умножилась, что немалое число шляхетства Польскаго съ фамиліями для спасенія живота подъ покровъ В. И. В. прибѣгать стало, кои по даннымъ отъ меня ордерамъ вездѣ на форпостахъ по сосѣдственной дружбѣ пріятно принимаются и въ границы В. И. В. отпускаются.

Отправленной въ Крымъ при кап. Бастевикѣ нарочный для опознанія съ агентомъ Молдавскаго господаря въ Бахчисараѣ вчера обратно прибылъ, который всѣ тѣ вѣдомости, о коихъ Очаковской пріятель знать далъ, подтвердилъ, а именно, о прибавленіи въ пограничныхъ крѣпостяхъ Турецкаго войска, о чемъ кап. Бастевикъ репортомъ доноситъ, съ которого подношу В. И. В. при семъ на высоч. усмотрѣніе копію [1]).

14) Объ умножившейся въ Польской украинѣ гайдамацкой шайкѣ и объ отправленіи для ея истребленія карабинер. Москов. полка и др. командъ,—отъ 26-го іюня за № 29.

В. И. В. всепод. доношу, что по самовѣрнѣйшимъ отъ всей пограничности и отъ прибѣгающихъ подъ защиту В. И. В. Польской украины шляхтичей и другихъ чиновныхъ людей извѣстіямъ, яко разбойническая шайка, о которой В. И. В. отъ 7-го іюня подъ № 23 и отъ 11-го подъ № 28 съ глубоч. благоговѣніемъ донесено, подъ именемъ гайдамаковъ, употребляя разные ложно-вымышленные предъявленія, яко бы по указу въ Польшу противъ конфедератовъ вступали для преклоне-

[1]) Репорта этого при реляціи не оказалось.

нія Польскихъ мужиковъ въ свою сторону, такъ умножилась, что всѣ города и мѣстечки Смѣлянской, Уманской, Чигринской и Каневской губерніи не только оною разграблены, всѣ Поляки, духовные, жиды и Польскіе законники, кои въ тѣхъ мѣстахъ находились, безчеловѣчно измучены, а нѣкоторые и убиты; но продерзость оной и злость до такой уже крайности дошла, что осмѣлилась, разъѣзжая по надъ самою границею, стоящимъ на форпостахъ командамъ грозить о невпущеніи въ границу прибѣгающихъ подъ защиту В. И. В. Польскихъ шляхтичей и другихъ чиновъ Поляковъ. Но какъ между тѣмъ, получа изъ Бѣлой Церкви отъ тамошняго коменданта подполковника Карбовскаго чрезъ двухъ порутчиковъ того гарнизона письмо просительное, съ коего при семъ точной подношу списокъ [1]), о дачѣ малолюдному гарнизону помощи и о взятіи той крѣпости со всѣмъ гарнизономъ отъ набѣговъ сихъ разбойниковъ въ защищеніе В. И. В., то я, имѣя неусыпное попеченіе о спокойствіи всевысочайше ввѣренной мнѣ границы и уважая того, чтобъ Бѣлоцерковская крѣпость, яко пограничная и отъ Василькова разстояніемъ съ небольшимъ 30 верстъ отстоящая, помянутыми гайдамаками такъ легко овладѣна быть не могла, по рабской моей должности слѣдующее безъ упущенія времени учинилъ распоряженіе: за неимѣніемъ въ здѣшнемъ мѣстѣ никакихъ другихъ войскъ, ибо всѣ гарнизонные баталіоны на форпостахъ раскомандированы, отправилъ 20 числа сего изъ присланныхъ сюда для содержанія караула ротъ при одномъ капитанѣ всѣхъ чиновъ 62 человѣка на сикурсъ въ Бѣлую Церковь, а на подкрѣпленіе главнаго Васильковскаго форпоста, гдѣ и таможня учреждена, при одномъ порутчикѣ всѣхъ чиновъ 55 человѣкъ; для истребленія жъ и поимки реченныхъ гайдамаковъ командировано отъ меня изъ Елисаветградской провинціи тамошнихъ гусарскихъ полковъ три комплектные эскадрона при одномъ исправномъ штабъ-офицерѣ, которому велѣно, вступя въ Польшу, слѣдовать вышепомянутыми губерніями, пробираясь къ Бѣлой Церкви и въ слѣдованіи наблюдая воинскую дисциплину, обыкновенный порядокъ и предосторожность, удобвозможнѣйшее употребить стараніе къ истребленію гайдамаковъ и усмиренію взволновавшейся подлости Польскихъ мужиковъ, почасту меня о про-

[1]) Списка этого при черн. реляціи нѣтъ.

исхожденіяхъ репортуя; по сближеніи же къ Бѣлой Церкви о его экспедиціи тамошнему коменданту и посланному отсюда съ деташаментомъ капитану знать дать и меня немедленно о томъ репортовать.

При чемъ увѣдомясь заподлинно, что главной затѣйщикъ сего безпокойства и начальникъ разбойнической шайки есть Запорожецъ, называющійся Максимъ Желѣзнякъ, нѣсколькими другими Запорожскими козаками подкрѣпленный, не преминулъ пристойнымъ образомъ предписать и кошевому атаману, съ котораго ордера при семъ всепод. подношу копію [1]). А между тѣмъ, о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ сообща г. ген.-анш. гр. Румянцову, я требовалъ для скорѣйшаго искорененія разбойнической шайки и усмиренія сбунтовавшихся Польскихъ мужиковъ благоразсмотрительнаго и съ его стороны соспособствованія, съ коего сообщенія при семъ на всевысоч. усмотрѣніе равномѣрно подношу копію; вслѣдствіе чего онъ, г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцовъ, меня увѣдомилъ, что стоящему въ Переяславѣ Московскому карабинерному полку отъ него ордеръ данъ немедленно чрезъ Днѣпръ переправиться въ Каневъ и стараться всю ту околичность даже до Бѣлой Церкви истребленіемъ разбойниковъ очистить.

Но какъ напослѣдокъ до меня и такое дошло извѣстіе, что неподалеко отъ Елисаветградской провинціи, въ Мотренинскомъ лѣсу, гдѣ и небольшой Мотронинскій монастырь Переяславской епархіи находится, первое сборище сіи разбойники имѣли и, собравъ довольную тамо шайку, свое злодѣйство и разбои начали, оставивъ свое гнѣздо въ томъ лѣсу и монастырѣ, куда все пограбленное отправляютъ, то я не преминулъ ордеръ послать изъ стоящихъ въ Елисаветградской провинціи компанейскихъ полковъ при одномъ исправномъ начальникѣ сто человѣкъ компанейцовъ немедленно отправить для занятія и истребленія того ихъ гнѣзда; а къ Переяславскому епископу Гервасію письмомъ отозвался съ своей стороны начальнику того монастыря найстрожайше предписать такимъ злодѣямъ отнюдь никакого пристанища не давать и всѣми мѣрами стараться сіе, духовенству немалое предосужденіе наносящее, зло пристойными духовными поученіями и увѣщеваніемъ, какъ найскорѣе, отвратить и истребить.

---

[1]) Копіи этой, равно какъ и упоминаемой ниже, при черновой реляціи не имѣлось.

Всемилостивѣйшая Государыня! Я уповаю, что сія зловредная разбойническая шайка, видя себя такимъ образомъ войсками В. И. В. окружена и преслѣдуема, принуждена будетъ покориться или разбѣжаться, а Польскіе мужики, отъ оной отставъ, въ прежнее придутъ послушаніе. Итакъ, что по сему произойдетъ, я въ свое время В. И. В. раболѣпнѣйше доносить не упущу.

При самомъ окончаніи сего полученъ репортъ отъ командированнаго въ Бѣлую Церковь капитана при письмѣ тамошняго коменданта, что команда 28 числа сего мѣсяца благополучно туда прибыла и въ крѣпости расположена, съ коего письма и съ присланнаго комендапту отъ начальника разбойнической шайки атамана увѣщанія о сдачѣ крѣпости на высоч. усмотрѣніе съ глубоч. благоговѣніемъ подношу копіи[1]).

15) По увѣдомленіямъ конфидентовъ объ умноженіи на границахъ Татарскаго войска и бѣгствѣ нѣкоторыхъ Поляковъ въ Молдавію,— отъ 26-го іюня за № 32.

Пріемлю смѣлость В. И. В. поднесть при семъ переводы съ письма пріятеля Якуба и съ приложенія къ оному съ моимъ ремаркомъ на всевысоч. В. И. В. усмотрѣніе; а при томъ всепод. доношу, что Могилевскій пріятель отъ 2-го сего іюля письмомъ своимъ, чрезъ Татарскія слободы для безопасности отправленнымъ, то жъ самое подтверждаетъ, съ такимъ только прибавленіемъ, что нѣкоторые изъ знатныхъ Поляковъ, а именно: староста Каневскій, подчашій Новогородскій и другіе съ ними, въ Молдавію ретировались и живутъ въ Ботушанахъ; но на долго-ль имъ дозволено будетъ тамо пробыть, неизвѣстно, ибо слухъ носится, что Молдавскій господарь имъ пристанища дать не хочетъ, паче потому, что прибѣгшіе въ Хотинъ подъ защищеніе тамошняго паши Польскіе конфедераты всѣ оттуда по указу отъ Порты высланы; что въ Бендеры прибылъ на смѣну прежняго паши изъ Анатоліи трехъ-бунчучный паша и что Татары великіе по границѣ Польской чинятъ разъѣзды, спрашивая обывателей, нѣтъ ли въ близости регулярнаго Россійскаго войска или козаковъ, опасаясь нападенія

---

[1]) Копіи этой, равно какъ и упоминаемаго ниже въ рел. за № 32 (№ 15) перевода при черновыхъ реляціяхъ нѣтъ.

въ ихъ слободы и аулы, да и что стоящіе изъ прибывшихъ вновь войскъ по Днѣстру Турецкія команды разглашаютъ, яко бы они для того по границѣ разставлены, чтобъ Польскихъ конфедератовъ въ свои границы не впускать.

16) О нападеніи гайдамакъ на Голту,—отъ 12-го іюля за № 33.

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи отъ 26 прошедшаго мѣсяца подъ № 29 пріемлю смѣлость В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что по полученіи отъ стоящаго у Орловскаво форпоста маіора Вульфа репорта, яко 24 минувшаго іюля разбойнической въ Польшѣ шайки нѣсколько человѣкъ, подъ именемъ Запорожцевъ, подъѣхавъ къ пограничной Татарской слободѣ Голтѣ, поселенной на правомъ берегу р. Буга при устьѣ р. Синюхи, противъ Орловской слободы, требовали отъ тамошняго Татарскаго намѣстника выдачи укрывшихся Польскихъ шляхтичей и жидовъ; но, не получа оныхъ, отважились на ту слободу напасть и не только двухъ Польскихъ шляхтичей и семь человѣкъ жидовъ, кои въ оной слободѣ скрылись, но и изъ поселенныхъ тамо жидовъ же, не видя никакого супротивленія, трехъ человѣкъ убить, а потомъ, разграбивъ все оныхъ имѣніе, въ Польшу возвратились; по дошедшимъ же отъ проѣзжихъ купцовъ извѣстіямъ и на м. Балту, въ коемъ пріятель Якубъ находился, яко бы такое жъ нападеніе было, гдѣ разбойническая шайка, какъ слухъ носится, будто съ Татарами сраженіе имѣла,—я, взирая на такое обстоятельство, запотребно разсудилъ тотчасъ къ обрѣтающимся при Крымской границѣ комиссарамъ, Ефремову и Чугуевцу, чрезъ нарочнаго предписать, чтобъ они немедленно Татарскимъ коммиссарамъ формальнымъ образомъ о всемъ обстоятельствѣ сихъ разбойниковъ объявили и, по сосѣдственной дружбѣ отъ такихъ наглостей ихъ предостерегая, сосѣдопріятельски отъ нихъ требовали: если помянутые разбойники, преслѣдуемы будучи отъ Россійскихъ воинскихъ командъ, искать стали бъ прибѣжища у Татаръ, онымъ того отнюдь не дозволять, а поступать съ ними, какъ съ злодѣями, общій въ пограничности покой нарушающими; а когда Крымскіе коммиссары еще къ границѣ не прибыли, то бъ о всемъ томъ безъ упущенія времени въ благопристойныхъ и учтивыхъ терминахъ по близости сераскеръ-султану Шебебъ-Гирею, яко главному командиру всей той пограничности, чрезъ нарочнаго знать дали.

Я не преминулъ о семъ разбойническомъ отважномъ происшествіи пребывающимъ въ Константинополѣ В. И. В. министрамъ тайн. сов. и кав. Обрѣзкову и канц. сов. Левашову сообщить, дабы они съ своей стороны, по дошедшимъ иногда изъ Крыму не складнымъ о томъ извѣстіямъ, яко же и сочиняемымъ по таковымъ отъ недоброжелателей вреднымъ толкамъ, съ достаточными и вѣроятными доказательствами опровергать въ состояніи были.

Между тѣмъ отъ разбойнической партіи, которая между здѣшнею границею и Бѣло-церквою съ нѣсколькихъ дней шаталася подъ предводительствомъ яко бы Запорожскихъ атамановъ Никиты Швачки и Андрея Журбы, знатно свѣдавъ о командированіи В. И. В. войскъ для поимки и истребленія ихъ, три человѣка Запорожскихъ козаковъ, изъ коихъ одинъ былъ около года на послушаніи въ Мотренинскомъ монастырѣ, другой ѣхалъ для продажи рыбы, а третій для покупки овецъ, по увѣщанію къ той шайкѣ пристали, съ письмомъ ко мнѣ присланы, увѣдомляя, яко бы они по указу и по повелѣнію кошевого въ Польшу вступили для люстрированія оной отъ Поляковъ и жидовъ; слѣд. они не самовольно поступаютъ, какъ объ нихъ думаютъ. Я, двухъ отъ нихъ оставивъ здѣсь подъ присмотромъ, одного на удачу обратно отпустилъ съ запискою, чтобъ немедленно меня увѣдомили, по какому именнно указу и повелѣнію или же наущенію они такіе богупротивные и безчеловѣчные разбои и убійства производятъ, и чтобъ всеконечно отъ такого звѣрства отстали, инако же всѣ крайней погибели подвергнутся; а посланному, обѣщавъ награжденіе, приказалъ словесно въ шайкѣ разсѣять не слушаться атамановъ, кои, ихъ, яко простыхъ людей, обманывая, совершенную имъ приготовляютъ гибель, ибо со всѣхъ сторонъ войска В. И. В. командированы для истребленія ихъ, почему бы они, не доведя себя до такой крайности, лучше принесли повинную и покорились. А что по сему произойдетъ, В. И. В. въ свое время донести не оставлю.

17) О поимкѣ 101 человѣка гайдамакъ и атамановъ ихъ Неживаго и Желѣзняка,—отъ 12-го іюля за № 34.

В. И. В. всепод. доношу, что изъ полученныхъ отъ правящаго бригадирскую должность надъ полками Елисаветградской провинціи полковника Чорбы рапортовъ явствуетъ, яко по учиненію распоряже-

вія о поимкѣ и истребленіи гайдамацкой въ Польшѣ шайки въ разныя времена собою на форпостахъ явились и посланными командами по 8 число сего мѣсяца пойманы сто одинъ человѣкъ, кои всѣ въ Елисаветградской провинціи подъ карауломъ содержутся. Между оными находится и одинъ атаманъ, прозываемый Семенъ Неживой, который, яко Польскій подданный, съ особливою немалою шайкою Чигринъ, Медвѣдовку и всю ту околичность разбивалъ и многихъ Поляковъ и жидовъ убивалъ. Съ другой стороны, Каргопольскаго карабинернаго полку отъ полковника Гурьева, который отъ корпуса ген.-маіора Кречетникова посланъ для поимки и разогнанія гайдамаковъ, рапортъ полученъ, что онъ, наѣхавъ на таковую разбойническую въ 735 человѣкъ состоящую шайку, оную атаковалъ и всѣхъ, не упустя ни одного, взялъ, а по отобраніи у нихъ оружья и пушекъ Польскихъ подданныхъ отослалъ по приказу къ Польскому генералу гр. Браницкому, который съ войскомъ около Каменца-Подольскаго расположился, достальныхъ же Запорожцовъ 73 человѣка при конвоѣ, забивъ всѣхъ въ колодки, отправилъ сюда, кои приведены и подъ караулъ отданы, въ которомъ числѣ находится и главный всей разбойнической шайки начальникъ Максимъ Желѣзнякъ, котораго допросъ при семъ на высоч. усмотрѣніе всепод. подношу; но въ разсужденіи того, что они не имѣютъ чѣмъ себя пропитать, отъ меня опредѣлено изъ имѣющейся при губ. канц. на чрезвычайные расходы суммы производить каждому на пищу въ день по двѣ копѣйки. А какъ присылка таковыхъ гайдамаковъ сюда и въ Новороссійскую губ. до совершеннаго истребленія уповательно отъ дня въ день прибавляться станетъ, то пріемлю смѣлость съ глубоч. благоговѣніемъ испрашивать себѣ высоч. указа, что повелѣно будетъ съ оными предпринять.

Кошевой же атаманъ на посланный къ нему отъ меня ордеръ репортуетъ, что по справкѣ въ Кошѣ Запорожскомъ яко бы заподлинно оказалось, что въ той гайдамацкой шайкѣ настоящаго Запорожскаго козака ни одного нѣтъ, но всѣ де изъ наймитовъ, кои у Запорожцовъ при рыболовляхъ и зимовникахъ работывали, безъ вѣдома отлучась, для добычи и корысти къ той шайкѣ приставали и, называясь Запорожцами, многихъ къ себѣ изъ Польскихъ подданныхъ преклоняли. Однако съ его стороны найсильнѣйше стоящимъ по границѣ Запорожскимъ полковникамъ подтверждено стараніе приложить таковыхъ гайдамаковъ, гдѣ бы они ни явились, ловить и подъ карауломъ въ Кошъ для наказанія посылать.

18) О поимкѣ атамановъ Швачки и Журбы и донесеніяхъ ген.-маіора Подгоричани и полк. Чорбы,—отъ 29-го іюля за № 41.

В. И. В. изъ прежнихъ моихъ всепод. отъ 12 сего мѣсяца реляцій подъ № 33 и 34 всемил. усмотрѣть изволили, какой успѣхъ отъ войскъ В. И. В. надъ разбойническими въ Польской украинѣ шайками одержанъ; а теперь пріемлю смѣлость въ прибавокъ тому слѣдующее раболѣпнѣйше донести: командированный по сообщенію моему отъ ген.-анш. гр. Румянцова въ Каневское староство полковн. Протасовъ съ Москов. карабинер. полкомъ и 150 человѣкъ Малорос. козаковъ для поимки и истребленія свирѣпѣющихъ въ той околичности подъ предводительствомъ двухъ атамановъ Журбы и Швачки разбойниковъ репортомъ отъ 9-го сего мѣсяца увѣдомилъ, что, раздѣля полкъ на два деташамента, съ однимъ атаковалъ онъ атамана Журбу, который въ Польскомъ селѣ Блощинецъ находился, и по нѣсколькомъ отъ оного супротивленіи взялъ 64 человѣка; той шайки атаманъ Журба и до 30 человѣкъ его сообщниковъ побиты въ сраженіи; подполковникъ же Бринкъ, напавъ подъ м. Богуславомъ на атамана Швачку, его со всею шайкою, въ 73 человѣкахъ состоящею, безъ сопротивленія взялъ, кои всѣ 137 человѣкъ сюда присланы съ шестью значками, двумя мѣдными и одною чугунною пушкою, да пятью желѣзными гаковницами и съ нѣсколькими пограбленными вещами. Всѣ сіи гайдамаки подъ караулъ посажены, а вещи на сохраненіе отданы, между коими находятся 130 человѣкъ Польскихъ подданныхъ изъ разныхъ мѣстечекъ, селъ и деревень. Но какъ число сихъ арестантовъ въ здѣшней крѣпости умножилось, то дерзаю у В. И. В. всевысоч. себѣ испрашивать повелѣнія, что съ оными предпринять.

Между тѣмъ отъ ген.-маоіра Подгоричани изъ м. Монастырище Ахтыр. гусар. полка съ порутчикомъ Чалиновичемъ при репортѣ отъ 9 сего жъ іюля присланы 39 человѣкъ сказывающихся Запорожцами, кои посланными отъ него разъѣздами въ разные времена взяты.

Изъ полученнаго вчера отъ полк. Чорбы репорта явствуетъ, что посланная для истребленія шайки атамана Неживого гусарская, компанейская и пикинерная команда подъ предводительствомъ гусарскаго порутчика Вуича, наѣхавъ оную въ лѣсу, по многомъ увѣщаніи къ сдачѣ склонить не могла, но, учиня на оную нападеніе, 38 человѣкъ

гайдамаковъ побила, а 14 поймала, прочіе жъ, по сказкамъ пойманныхъ, 48 человѣкъ въ лѣса разбѣжались; при которомъ сраженіи гусаръ, пикинеръ и компанейцовъ убито 9, ранено 8 человѣкъ.

Въ здѣшней пограничности и около Бѣлой Церкви вновь небольшія шайки разбойниковъ шататься начали, о поимкѣ коихъ расположившемуся по ордеру ген.-маіора Кречетникова съ Москов. карабинер. полкомъ въ мѣстечкахъ Теплицахъ, Махновкѣ и въ Умани полк. Протасову отъ меня предписано; а г. ген.-анш. гр. Румянцову о всемъ вышеписанномъ сообщено для учиненія съ своей стороны надлежащаго о поимкѣ оныхъ распоряженія.

19) Объ отсылкѣ высоч. грамоты къ кошевому атаману съ кап. Бастевикомъ,—отъ 29-го іюля за № 43.

Высоч. В. И. В. два рескрипта отъ 11-го сего іюля съ двумя приложеніями, съ грамотою В. И. В. къ войску Запорожскому и съ печатными манифестами, чрезъ куріера сержанта князя Сибирскаго съ глубоч. благоговѣніемъ получить удостоился.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. повелѣній, кап. Бастевикъ, яко надежный офицеръ, съ грамотою въ Запорожскую Сѣчь, давъ ему достаточное всемил. повелѣннымъ образомъ наставленіе и особый отъ меня къ кошевому атаману, въ сходство содержанія высоч. грамоты, ордеръ, отправленъ; г. ген.-анш гр. Румянцову сочиненная на Польскомъ языкѣ форма обязательнаго письма по точному содержанію высоч. рескрипта послана; печатные манифесты въ Бѣлую Церковь къ тамошнему коменданту подполков. Карбовскому для разсѣянія оныхъ въ околичныхъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ, къ полковнику Моск. карабинер. полку., въ Новороссійскую губернію къ полк. Чорбѣ и къ ген.-маіору Кречетникову для таковаго жъ въ Польской украинѣ находящимися въ разъѣздахъ командами разсѣянія посланы; а какое оные въ народѣ дѣйствіе возъимѣютъ, по полученнымъ впредь вѣрнымъ о томъ извѣстіямъ В. И. В. раболѣпнѣйше донести не оставлю.

Елико жъ принадлежитъ до Польскихъ въ Елисаветградскую провинцію выходцевъ, то я не премину высоч. В. И. В. повелѣніе по раболѣпнѣйшей моей должности найревнительнѣйше исполнить.

20) По поводу записки кап. Бастевика о врученіи имъ кошевому атаману высоч. грамоты,—отъ .... августа за № 45.

Посланный въ Запорожскую Сѣчь съ высоч. В. И. В. грамотою кап. Бастевикъ, прибывъ обратно, подалъ мнѣ веденную въ бытность его тамо поденную въ примѣчаніяхъ записку. Я пріемлю смѣлость сочиненную изъ оной выписку при семъ съ глубоч. поднесть благоговѣніемъ [1]), изъ которой В. И. В. всемил. усмотрѣть изволите, съ какими выраженіями по прочтеніи войсковымъ писаремъ высоч. грамоты отъ кошевого атамана предстоящимъ Запорожскимъ козакамъ говорена рѣчь и какіе вопреки отъ нѣкоторыхъ козаковъ были отзывы. Но какъ я по слабому моему смыслу признаваю себя не въ состояніи вникающее изъ разнорѣчія обоихъ сторонъ сумнѣніе достаточно и основательно судить, дабы въ оправданіи одного или въ обвиненіи другихъ предъ В. И. В. не погрѣшить, то предаю все оное глубоч. В. И. В. просвѣщенію и высоч. соизволенію, раболѣпнѣйше присовокупляя, что хотя кошевой атаманъ репортомъ мнѣ и представилъ, яко посланные въ силу моего ордера въ разъѣзды Запорожскіе полковники съ командами возвратясь объявили, что нигдѣ въ Сѣчи и по пограничности шатающихся козаковъ, ниже сбирающихся бродягъ, не наѣзжали, однако въ разсужденіи того, что приведенные на сихъ дняхъ сюда подъ карауломъ изъ пойманныхъ въ Польшѣ семидесяти человѣкъ разбойниковъ допросами показали, яко они, 29-го минувшаго іюня въ Запорожской Сѣчи зимовникахъ собравшись и на разныя раздѣлясь шайки, въ Польшу для грабежа пошли,—отъ меня вновь ему найсильнѣйшимъ образомъ предписано, удобвозможное стараніе употребить къ всеконечному пресѣченію выхода козаковъ изъ Запорожской Сѣчи въ Польшу для отвращенія наносимаго тѣмъ всему войску Запорожскому безславія и нареканія.

21) О присланныхъ ген.-маіоромъ Кречетниковымъ въ Кіевъ арестантахъ,—отъ 22-го августа за № 48.

Отъ обрѣтающагося въ Польской украинѣ съ корпусомъ В. И. В. войскъ ген. маіора Кречетникова при репортѣ сего мѣсяца 12 числа

[1]) Выписки этой при черновой реляціи не было.

87 человѣкъ арестантовъ, между коими одинъ конфедератскій ротмистръ, прозваніемъ Поморскій, и другой уніятскаго митрополита Володкевича коммиссаръ шляхтичъ Каминскій были; но какъ сей послѣдній, не доведя еще сюды въ Польшѣ, въ ночи противъ 8 числа сего мѣсяца купно съ дезертиромъ Куринскаго полку солдатомъ Иваномъ Марковымъ бѣжалъ, а о ротмистрѣ Поморскомъ, которой по письму чрезвыч. и полномоч. посла кн. Репнина къ нему, ген.-маіору Кречетникову, назначенъ для пересылки въ Сибирь, съ такимъ при томъ увѣдомленіемъ, чтобъ его здѣсь подъ крѣпч. содержать карауломъ до полученія отъ В. И. В. на отправленіе онаго въ Сибирь высоч. повелѣнія; то я пріемлю смѣлость всепод. доносить, что помянутый Поморскій здѣсь подъ крѣпкимъ содержаться имѣетъ карауломъ до полученія объ отсылкѣ его въ Сибирь высоч. указа, а о сыскѣ Каминскаго хотя по уходѣ его для поимки партіи и разосланы были, однако онаго сыскать на могли; елико же до дезертировъ и разбойниковъ принадлежитъ, то надъ первыми обыкновенной по воинскимъ обрядамъ, а надъ послѣдними по законамъ и высоч. указу судъ производился, и каждый по мѣрѣ преступленія наказанъ и въ ссылку сосланъ быть имѣетъ.

22) О производствѣ суда надъ попавшимися въ гайдамацкой партіи Запорожцами,—отъ 22-го августа за № 49.

Высоч. В. И. В. рескриптъ за собственноручнымъ подписаніемъ отъ 24 минувшаго іюля я 5-го числа сего мѣсяца съ глубоч. подобострастіемъ получить удостоился, на который симъ раболѣпнѣйше доношу, что во всепод. исполненіе высоч. повелѣнія тотчасъ надъ всѣми сюда изъ Польши присланными Запорожскими козаками предписаннымъ въ указѣ В. И. В. Коллегіи Иностран. Дѣлъ образомъ въ здѣшней губ. канц. судъ производить начали, который съ крайне возможнѣйшимъ прилежаніемъ и поспѣшеніемъ продолжается, но за немалымъ оныхъ числомъ еще не оконченъ, а по окончаніи на сихъ дняхъ и формальный приговоръ на основаніи законовъ постановленъ быть имѣетъ. Но какъ и въ крѣпости св. Елисаветы нѣсколько человѣкъ такихъ же Запорожцевъ подъ карауломъ содержится, то отъ меня чрезъ нарочнаго бригадиру Черткову найсильнѣйше предписано и надъ оными по силѣ указа судъ производить и формальный постановить приговоръ,

пріуготовя ихъ къ подлежащему наказанію. Итакъ иного мнѣ не остается, какъ по окончаніи суда и всепод. исполненіи всевысоч. В. И. В. повелѣнія обстоятельное о производствѣ и объ отправленіи для наказанія учинить доношеніе.

23) Объ окончаніи суда надъ Запорожцами,—отъ 3-го сентября за № 54.

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи (№ 49) пріемлю смѣлость В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ донести, что судъ надъ содержащимися здѣсь злодѣями по высоч. повелѣнію уже оконченъ и приговоръ постановляется, а между тѣмъ для скорѣйшаго доставленія первой партіи къ назначенному въ Орловской слободѣ мѣсту, противъ Татарской слободы Голты, въ разсужденіи дальняго разстоянія, отъ меня ген.-анш. гр. Румянцову сообщено по тракту до Кременчуга подводы заготовить приказать; по отправленіи жъ оныхъ В. И. В. обстоятельно о всемъ производствѣ и рѣшеніи раболѣпнѣйше донести не укосню.

24) Объ отправленіи пойманныхъ гайдамакъ въ Польшу къ гр. Браницкому и присылкѣ Едичкульскими татарами своихъ коммиссаровъ въ пограничн. коммиссію,—отъ 25-го сентября за № 56.

Во всепод. исполненіе В. И. В всевысоч. повелѣній, данныхъ мнѣ двумя рескриптами отъ 30-го минувшаго августа, пріемлю смѣлость В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что содержавшіеся здѣсь подъ карауломъ, войсками В. И. В пойманные въ Польшѣ въ разбойничествѣ, Польскіе подданные, всего 130 человѣкъ, при пристойномъ конвоѣ къ ближнему отъ границъ стоящаго въ Польшѣ корпуса командиру ген.-маіору князю Прозоровскому отправлены съ такимъ именно предписаніемъ, что какъ таковые слѣдуютъ преданы быть собственному ихъ отечества суду, то бъ онъ ихъ отъ себя немедленно къ Польскому генералу-региментарю гр. Браницкому отослалъ для должнаго имъ по законамъ республики наказанія; въ равной силѣ отъ меня ген.-маіору и кав. Исакову съ содержащимися въ Елисаветградской провинціи подобными Польскими подданными, коихъ по рапортамъ 45 человѣкъ, поступить подтверждено; а находящимся въ Польшѣ для истребленія разбойнической шайки воинскимъ Елисаветград-

ской провинціи командамъ, тожъ и Москов. карабинер. полка полковнику Протасову ордерами предписано, случающихся впредь между пойманными разбойниками Польскихъ подданныхъ, не отправляя сюда, прямо отъ себя съ пристойнымъ конвоемъ отсылать къ реченному гр. Браницкому.

Елико же принадлежитъ до Едичкульскихъ татаръ, кои по негодованію на своего прежняго султана, признавали погранич. коммиссію для нихъ излишнюю и необычайную и не хотѣли на оную съ своей стороны по ханскому повелѣнію депутатовъ, жалобщиковъ и виновныхъ высылать, также и ничего возвращать по жалобамъ Запорожцевъ, желая лучше для избѣжанія такихъ новостей и хлопотъ по прежнему на Кубань переведены быть, то я о всемъ томъ тогда жъ пребывающему въ Константинополѣ В. И. В. министру тайн. сов. и кав. Обрѣзкову обстоятельно знать далъ. Но какъ послѣ того для успокоенія помянутыхъ Едичкульцовъ новый султанъ по ихъ выбору изъ трехъ представленныхъ отъ нихъ кандидатовъ султанъ Сагибъ сераскеромъ къ нимъ присланъ, то отъ сей орды не только коммиссары, но и депутаты, жалобщики и виновные въ коммиссію присланы, которая, какъ въ слѣдующей моей всепод. реляціи подъ № 57 обстоятельно всенижайше донесено, съ изряднымъ успѣхомъ и окончена.

Кошевому атаману при отправленіи ордера о командированіи при старшинахъ въ разныя мѣста партій и разъѣздовъ для сыску ушедшихъ куренныхъ козаковъ въ гайдамацкія шайки и пресѣченія ихъ выхода въ Польшу, равно какъ и для поимки оттуда возвращающихся гайдамаковъ найточнѣйше предписано крайне того наблюдать, чтобъ въ Татарскія границы не входить; если же паче чаянія случиться могло бъ, что на отверстой степи Татарскія партіи, увидя Запорожскихъ, подослали бъ спросить, въ какомъ намѣреніи разъѣздъ ихъ чинится, то съ подобающею вѣжливостію объявили бъ оному точную причину ихъ командировки; а хотя бъ имъ иногда отъ необузданныхъ Татаръ и поводъ поданъ былъ къ какой либо ссорѣ, то всячески стараться отъ оной уклониться и отнюдь ничѣмъ Татаръ раздражать не осмѣливаться; о чемъ и послѣ того отъ время до времени по причинѣ гайдамаковъ отправленными отъ меня ордерами кошевому атаману найсильнѣйшіе чинены подтвержденія.

25) Объ отправленіи осужденныхъ гайдамакъ къ Орловскому форпосту и объ увѣдомленіи о томъ хана Крымскаго и воеводы Балтскаго,—отъ 25-го сентября за № 59.

Въ дополненіе къ прежнимъ моимъ всепод. реляціямъ подъ №№ 49 и 54 В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ раболѣпнѣйше доношу, что въ силу высоч. повелѣнія надъ содержанными здѣсь злодѣями по окончаніи суда и подписаніи приговора всѣ осужденные по мѣрѣ ихъ вины разбойники на четыре части раздѣлены, изъ коихъ 70 при самозванцѣ Желѣзнякѣ въ Орловскую слободу съ пристойнымъ конвоемъ на подводахъ 12-го числа сего для скорѣйшаго туда доставленія отправлены; о чемъ отъ меня къ хану Крымскому чрезъ кап. Бастевика въ сосѣдопріятельскихъ терминахъ для вѣдома писано, какъ В. И. В. изъ подносимой при семъ копіи того письма всемил. усмотрѣть изволите.

Съ симъ капитаномъ отправлено отъ меня и къ Балтянскому воеводѣ письмо, коимъ оный приглашенъ съ Голтянскимъ каймаканомъ и съ другими по его произволу тамошними обывательми быть тому позорищу очевиднымъ свидѣтелемъ, согласясь о днѣ экзекуціи съ стоящимъ у Орловскаго форпоста маіоромъ Вульфомъ, которому отъ меня о томъ также предписано.

При семъ отправленіи кап. Бастевику приказано для способнѣйшаго развѣданія о Турецкихъ обращеніяхъ и примѣчанія воинскихъ пріуготовленій отъ Балты по недалекому разстоянію ѣхать въ Очаковъ къ тамошнему трехъ-бунчучному пашѣ подъ видомъ доставленія оному служащаго ему претекстомъ къ сей поѣздѣ моего письма, съ коего при семъ на высоч. усмотрѣніе подносится точной списокъ [1]); а изъ Очакова велѣно ему прямымъ путемъ слѣдовать чрезъ Кинбурнъ въ Бахчисарай, которымъ объѣздомъ онъ о всѣхъ въ той сторонѣ Турецкихъ обращеніяхъ свободно развѣдать можетъ. Я придалъ ему отсюда и одного надежнаго человѣка, котораго онъ съ отвѣтомъ пашинскимъ изъ Очакова ко мнѣ немедленно отправить имѣетъ для скорѣйшаго увѣдомленія о всемъ томъ, что имъ въ пути развѣдано и примѣчено.

---

[1]) Списка этого, какъ и упомянутой выше копіи письма къ хану, при черновой реляціи нѣтъ.

Что принадлежитъ до прочихъ трехъ разбойническихъ партій, то и оныя къ назначеннымъ мѣстамъ для наказанія уже отправлены, о чемъ обстоятельно съ приложеніемъ копіи приговора въ Коллегію В. И. В. Иностран. Дѣлъ отъ сего числа рапортовано.

26) О присланныхъ въ Кіевъ конфедератахъ,—отъ 25-го сентября за № 62.

В. И. В. пріемлю смѣлость всепод. донести, что 18-го числа сего мѣсяца Бѣлевскаго пѣхотнаго полку съ капитаномъ Тюнинымъ присланы сюда изъ Польши подъ конвоемъ 90 человѣкъ Польскихъ конфедератовъ, въ которомъ числѣ 78 человѣкъ шляхтичей, а остальные 12 простые козаки и жолнеры, такожъ 16 разбойниковъ изъ Запорожцовъ, одинъ секретной арестантъ попъ Марекъ и 20 человѣкъ дезертировъ, всего 137 человѣкъ, изъ коихъ по письму пребывающаго въ Варшавѣ В. И. В. полномоч. посла и кав. кн. Репнина къ ген.-маіору Кречетникову рекомендовано Польскихъ шляхтичей содержать здѣсь подъ карауломъ до высоч. В. И. В. повелѣнія, довольствуя пищею приличною ихъ званію, козаковъ и жолнеровъ содержать на солдатской порціи, а попа Марека такъ секретно, чтобъ никто его не видалъ до полученія отъ В. И. В. о немъ высоч. указа. Всѣ сіи арестанты здѣсь подъ надлежащее смотрѣніе приняты и содержаны быть имѣютъ по вышепомянутому отъ полномоч. посла кн. Репнина ген.-маіору Кречетникову предписанію. Но какъ между шляхтичами два чиновные Ларшъ (?) Ждановскій и Фердинандъ Волынецкій объявили, что они хотятъ содержать себя на собственномъ своемъ иждивеніи, то достальныхъ 76 человѣкамъ опредѣлено отъ меня въ день на пищу производить имъ по пропорціи денежную дачу, жолнерамъ же и козакамъ по двѣ копѣйки, а попу Мареку такъ какъ и содержащемуся здѣсь безъизвѣстному арестанту, о коемъ реляціею моею № 14 всепод. донесено, на день по три копѣйки; Запорожцовъ же велѣно по высоч. указу какъ и прочихъ судить, а надъ дезертирами обыкновенной держать кригерехтъ.

Приложеніе: При этой реляціи отъ того же 25-го сентября находится слѣдующе письмо въ собственныя Е. И. В. руки:

В. И. В.! Съ глубоч. благоговѣніемъ доношу, что по отправленіи

всѣхъ разбойниковъ къ назначеннымъ мѣстамъ для наказанія, въ исполненіе всевысоч. В. И. В. за собственноручнымъ подписаніемъ указа отъ 2-го прошедшаго іюня, на сей недѣлѣ отправиться имѣю въ Новороссійскую губ. для осмотру противъ прошлогодняго другой половины губерніи даже до Бахмута. А какъ по нынѣшнимъ Татарскимъ обстоятельствамъ быть мнѣ въ близости границъ кажется небезполезно, то я для всякихъ случиться могущихъ секретныхъ переписокъ и прочихъ по тому произведеній канц. сов Веселицкаго съ собою взялъ. И что отъ время до времени о тамошнихъ пограничныхъ обстоятельствахъ до моего свѣдѣнія доходить будетъ, В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ доносить не укосню.

27) Объ отправленныхъ поручикомъ Кологривовымъ изъ Польши въ его экипажѣ шляхтянкѣ и еврейкѣ, выданныхъ замужъ за крѣпостныхъ людей,—отъ 4-го октября за № 64, изъ Кременчуга.

Г. ген.-маіоръ и кав. Исаковъ рапортомъ ко мнѣ представилъ, что при отправленномъ изъ Польши чрезъ Елисаветградскую провинцію Твер. карабинер. полку порутчика Кологривова экипажѣ находятся одна Польская шляхтянка тринадцати и крещеная жидовка четырнадцати лѣтъ, четыре мальчика и двѣ дѣвочки, изъ коихъ шляхтянка и крещеная жидовка имъ, Кологривовымъ, насильно за крѣпостными его людьми въ замужество отданы и съ прочими въ деревню его отосланы; но шляхтянка двумя изъ проживающихъ подъ высоч. В. И. В. защищеніемъ въ Елисаветградской провинціи Польскими шляхтичами узнана, кои поданнымъ прошеніемъ, объявляя оную ближнею ихъ свойственницею, требовали выдачи ея на ихъ попеченіе; а какъ возвращеніе сей шляхтянки въ разсужденіи замужества съ такими сопряжено затрудненіями, кои мною рѣшены быть не могутъ, то я по раболѣпнѣйшей моей должности пріемлю смѣлость, В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ всепод. о томъ донеся, высоч. себѣ попросить указа, что повелѣно будетъ съ оною шляхтянкою и съ протчими при экипажѣ порутчика Кологривова находящимися, въ Польшѣ взятыми мальчиками и дѣвочками предпринять, ибо до полученія В. И. В. вычоч. повелѣнія оной экипажъ съ людьми въ крѣпости св. Елисаветы задержанъ.

28) О доставленіи въ Кіевъ 752 плѣнныхъ конфедератовъ,—отъ 3-го ноября за № 67, изъ Кременчуга.

В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ доношу, что полковникомъ

Панинымъ, который по ордерамъ гг. ген.-маіоровъ гр. Апраксина и кн. Прозоровскаго съ Нижегор. карабинер. полкомъ для препровожденія плѣнныхъ конфедератовъ и гайдамаковъ изъ Польши командированъ былъ, 19-го числа прошлаго октября мѣсяца приведено въ Кіевъ 752 человѣка, между коими графъ Потоцкій маршалокъ Сандомирскій, стольникъ Чернецкій маршалокъ Краковскій, подчашій Ордынскій предводитель Барскій и графъ Шембекъ канцлеръ Краковскій, знатныхъ шляхтичей 8, разнаго шляхетства 185, маіоръ одинъ, оберъ-офицеровъ 18, рядовыхъ 425, гайдамаковъ 180 и 11 человѣкъ дезертировъ, кои въ Кіевѣ плацъ-маіоромъ приняты, въ Печерской и Старокіевской крѣпостяхъ къ содержанію подъ карауломъ распредѣлены; первымъ четыремъ отведенъ въ Печерской крѣпости домъ, другіе помѣщены въ казармахъ, а больные въ лазаретахъ; но какъ отъ пребывающаго въ Варшавѣ В. И. В. посла кн. Репнина и отъ помянутыхъ генераловъ-маіоровъ, по сколько на продовольствіе шляхтичей и офицеровъ каждому въ день денегъ производить, мнѣ знать не дано, то отъ меня Кіевск. губ. канцеляріи предложено шляхтичамъ, кромѣ четырехъ первыхъ, кои безъ сомнѣнія своимъ иждивеніемъ продовольствоваться будутъ, на каждаго въ день по 5, а рядовымъ по 2 копѣйки производить до полученія отъ В. И. В. высоч. о томъ повелѣнія, а если между оными арестантами такіе найдутся, кои въ разсужденіи зимняго времени нужду въ одеждѣ и обуви имѣть будутъ, таковыхъ оною снабдить. Надъ гайдамаками формальный судъ по высоч. В. И. В. указу производить, а надъ дезертирами кригерехтъ держать.

Изъ полученнаго жъ вчера отъ г. ген.-маіора кав. и Кіев. оберъ-коменданта Ельчанинова репорта явствуетъ, что присланныхъ изъ Польши арестантовъ всѣхъ содержится въ Печерской и Старокіев. крѣпостяхъ 908 человѣкъ и что изъ приведенныхъ Нижегородскимъ полкомъ Польскихъ рядовыхъ больныхъ 36 человѣкъ померло.

29) О прибытіи изъ Константинополя прапорщика Шеферова съ важными извѣстіями,—отъ 3 ноября за № 68, изъ Кременчуга.

Третьяго дня возвратившійся изъ Константинополя прапорщикъ Шеферовъ подалъ мнѣ отъ пребывающаго въ Варшавѣ В. И. В. полномочнаго посла и кав. кн. Репнина письмо, съ котораго при семъ точной списокъ, купно съ сказкою его, Шеферова, на высоч.

усмотрѣніе В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ подносится [1]). А какъ ген.-маіоръ кн. Прозоровскій меня чрезъ него жъ, Шеферова, увѣдомилъ, что, по ордеру помянутаго посла кн. Репнина, долженъ меня обстоятельно о всѣхъ Турецкихъ предпріятіяхъ и обращеніяхъ увѣдомить, однако, не хотя задержать курьера Шеферова, обѣщалъ на другой день нарочнаго съ тѣмъ ко мнѣ отправить, то я, усмотря важность объявленную прапорщикомъ Шеферовымъ, тотчасъ чрезъ нарочнаго г. ген.-анш. гр. Румянцову оную сообщилъ, прося о принятыхъ по тому съ подчиненными ему войсками мѣрахъ для цѣлости границъ меня немедленно увѣдомить, дабы и я сходно съ тѣмъ и свои распоряженія по количеству подчиненныхъ мнѣ войскъ въ Новороссійской губерніи учинить въ состояніи былъ. А при томъ свѣдавъ отъ реченнаго прапорщ. Шеферова, что изъ Варшавы отъ упомянутаго г. посла кн. Репнина В. И. В. о взятіи тайн. сов. Обрѣзкова въ Едикуль и о объявленіи отъ Порты противъ Россійской Имперіи войны чрезъ нарочнаго уже донесено, рабскимъ моимъ доношеніемъ о томъ до полученія отъ кн. Прозоровскаго обѣщаннаго увѣдомленія смѣлость принялъ поудержаться, а теперь, получа оное, дерзаю В. И. В. точные списки съ его рапорта и приложеній на высоч. усмотрѣніе при семъ рабол. подносить и прапорщ. Шеферова, придавъ ему рейтара Ѳедорова, съ сими важными доношеніями для того отправить, что онъ, яко самовидецъ всему въ Цареградѣ происшествію, словесно обо всемъ донести можетъ. А между тѣмъ главнѣйшее мое упражненіе и попеченіе по раболѣпнѣйшей должности состоять имѣетъ въ томъ, какимъ бы лучше образомъ подчиненное мнѣ войско, сносясь съ г. ген.-анш. гр. Румянцовымъ, яко главнымъ командиромъ всей Украинской дивизіи, кордономъ распредѣлить для цѣлости границъ и достаточнаго отпору случиться могущимъ набѣгамъ, о чемъ впредь В. И. В. съ глубоч. поверженіемъ донести не укосню.

30) О томъ, какъ поступлено съ экипажемъ поручика Кологривова,— отъ 17-го ноября за № 71.

Во всепод. исполненіе высоч. В. И. В. рескрипта отъ 27 прош. октября, полученнаго мною въ 9 день сего мѣсяца, отъ меня ген.-м.

---

[1]) Списка этого, какъ и упоминаемыхъ ниже копій, при черновой реляціи не было.

Исакову предписано: шляхтянку отдать родственникамъ ея; Польскихъ подданныхъ, при Кологривова экипажѣ находящихся, отослать къ ген.-маіору кн. Прозоровскому для поступленія съ ними по посылаемому изъ военной В. И. В. коллегіи указу; экипажъ же его, Кологривова, по осмотрѣ, не найдется ли въ немъ чего чрезвычайнаго или подозрительнаго, въ которомъ случаѣ найденное оставя подъ охраненіе, въ деревню отпустить и о томъ обстоятельно меня репортовать для всепод. В. И. В. донесенія.

31) О требованіи отъ гр. Румянцова нѣкотораго числа войска для г. Кіева и о другихъ мѣрахъ для защиты границъ,—отъ 17-го ноября за № 75.

В. И. В. всепод. доношу, что по учиненіи возможнаго на случай частаго въ Елисаветградской провинціи Татарскаго нападенія изображеннаго предыдущею рабскою моею реляціею распоряженія, не взирая на слабость мою здоровья, кое по выдержанной въ Кременчугѣ жестокой горячкѣ еще не совсѣмъ возстановлено, по раболѣпнѣйшей моей должности спѣшилъ сюда пріѣхать для учиненія и въ здѣшнихъ крѣпостяхъ удобвозможнаго распоряженія. Но какъ въ разсужденіи немалыхъ здѣшнихъ двухъ крѣпостей у меня не болѣе войска находится присланныхъ для держанія обыкновеннаго караула изъ полковъ Украинской дивизіи десяти ротъ мушкатерскихъ, кои на содержаніе всѣхъ нужныхъ по одной Печерской крѣпости постовъ и стереженія приведенныхъ сюда изъ Польши нѣсколько сотъ плѣнныхъ конфедератовъ едва достаточны, а въ первомъ канонирскомъ полку за раскомандированными ротами съ небольшимъ четыреста человѣкъ состоитъ, кои такожде обыкновенный въ полку и въ верхней Кіевской крѣпости содержутъ караулы, ибо здѣшніе гарнизонные баталіоны по отдаленнымъ отсюда крѣпостямъ здѣшняго вѣдомства и по форпостамъ раскомандированы, отъ коихъ не болѣе здѣсь въ остаткѣ какъ 300 человѣкъ, то я не преминулъ о всемъ томъ ген.-анш. гр. Румянцову сообщить съ испрошеніемъ присылки, по его разсмотрѣнію, изъ расположенныхъ по ту сторону Днѣпра ближнихъ полковъ его дивизіи на первой случай хотя только одного пѣхотнаго, а для ближнихъ разъѣздовъ одного коннаго полку; въ разсужденіи же здѣшней отъ Днѣпра по Польской границѣ и до Кіева немалой

околичности, въ которой, включая нижній городъ Кіевъ и Печерскій фортстатъ, весьма многочисленный обоего пола народъ обитаетъ, который ничѣмъ инымъ не прикрытъ, какъ одними весьма малолюдными форпостными командами, я мое слабое мнѣніе г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцову сообщилъ, что не худо было бы, съ форпостовъ снявъ, гарнизонныхъ солдатъ отпустить въ баталіоны, а форпосты знатнымъ числомъ доброконныхъ и вооруженныхъ малорусскихъ козаковъ умножить и оныхъ такъ расположить, чтобъ на тѣхъ форпостахъ, гдѣ пропуски бываютъ, не менѣе ста, въ Васильковѣ, яко главномъ постѣ, не менѣе трехсотъ, а на прочихъ не менѣе 50 человѣкъ было, приказавъ всѣмъ по вѣрнѣйшемъ свѣданіи о сближеніи на какой-либо форпостъ непріятеля, по увѣдомленіи о томъ чрезъ нарочныхъ главную команду, къ тому форпосту немедленно собраться и непріятелю возможной отпоръ чинить, въ случаѣ же превосходной силы ретироваться въ добромъ порядкѣ подъ здѣшнія пушки, ибо конница удобнѣе пѣхоты отступать можетъ. Всѣхъ поселянъ предостеречь, чтобъ они, при первомъ извѣстіи о сближеніи непріятеля къ границѣ, женъ, дѣтей и лучшіе пожитки за р. Днѣпръ переправили въ ближніе укрѣпленные мѣста. Для пѣхотныхъ полковъ, по прежнимъ воинскимъ съ Турками обрядамъ, рогатки полкамъ заготовить въ Малой Россіи обывателями; всѣ мѣстечки, кои укрѣплены были, починить, ибо оные во время непріятельскихъ набѣговъ народу убѣжищемъ служить могутъ. Но какъ все сіе зависитъ отъ повелѣній и распоряженій г. ген.-анш. гр. Румянцова, то отъ меня оное предано благоразсмотрительному его разсужденію; а между тѣмъ, сколько принадлежитъ до распоряженій по здѣшнимъ двумъ крѣпостямъ, я неутомленное имѣю попеченіе все по крайней возможности въ надлежащее оборонительное привесть состояніе.

32) Объ отправленіи конфедератовъ изъ Кіева,—отъ 17-го ноября за № 76.

В. И. В. всепод. доношу, что по насланнымъ отъ находящагося въ Польшѣ съ войсками В. И. В. ген.-поруч. и кав. Салтыкова и отъ пребывающаго въ Варшавѣ полномоч. посла кн. Репнина къ бывшему въ препровожденіи плѣнныхъ конфедератовъ до Кіева съ карабинер. полкомъ полковнику Панину отъ разныхъ чиселъ ордерамъ изъ со-

держащихся здѣсь подъ карауломъ конфедератовъ отпущено на волю, по взятіи съ нихъ рецессовъ и реверсовъ, 52 человѣка по приложенному при семъ списку. Но какъ содержаніе достальныхъ и въ нынѣшнее время здѣсь не только въ тягость, но и опасно, то не соизволено ль будетъ ихъ отсюда отдалить во внутреннія мѣста, на что испрашиваю себѣ высоч. указа.

33) Съ напоминаніемъ о необходимости отправить плѣнныхъ конфедератовъ изъ Кіева во внутрь Имперіи,—отъ 1-го декабря за № 82.

Вслѣдствіе всепод. моей отъ 17-го ноября реляціи дерзаю В. И. В. раболѣпнѣйше напомянуть, что содержаніе въ Кіевѣ подъ карауломъ присланыхъ изъ Польши конфедератовъ въ нынѣшнее время здѣсь не только въ тягость, но и опасно, которыхъ не соизволено ль будетъ отсюда во внутреннія мѣста отдалить, испрашиваю себѣ высоч. указа. Съ оныхъ же конфедератовъ, послѣ всениж. отъ меня о умершихъ 36 человѣкахъ донесенія, по 27 число сего декабря умерло жъ 78 человѣкъ.

34) Объ отправкѣ плѣнныхъ конфедератовъ изъ Кіева въ Казань,—отъ 21-го декабря за № 84.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. имен. за собственноручнымъ подписаніемъ указа отъ 22 минувшаго ноября, коимъ всемил. мнѣ повелѣвается содержащихся здѣсь въ Кіевѣ изъ Польскихъ конфедератовъ плѣнныхъ въ Казань для такого жъ содержанія съ достаточнымъ конвоемъ отправить, дерзаю В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что какъ дача конвоя и заготовленіе потребнаго числа подводъ въ Малой Россіи по прямѣйшему тракту къ Казани зависитъ отъ распоряженія г. ген.-анш. гр. Румянцова, то я не преминулъ о всемъ томъ его сіят-ву сообщить; а между тѣмъ получилъ я отъ упомянутаго графа при письмѣ копію со всевысоч. В. И. В. имен. указа, коимъ всемилостивѣйше повелѣвается плѣнныхъ конфедератовъ, по общему съ нимъ согласію, отсюда отправить, а именно: дворянъ всѣхъ и оберъ-офицеровъ до времени въ Казань, а рядовыхъ распредѣлить въ службу, въ чемъ по всеподданной моей должности, по сношенію съ нимъ г. ген. гр. Румянцовымъ, что за наиспособнѣйше найдемъ, точное исполненіе учинить и В. И. В. во свое время раболѣпнѣйше донести не преминемъ.

Реляціи 1769-го года

по пограничнымъ съ Польшей, Крымомъ и Турціей дѣламъ.

1) О присматриваніи въ Запорожской Сѣчи за подосланнымъ туда эмиссаромъ Тотлебеномъ,—9 января за № 1.

Всевысочайшій В. И. В. именой за собственноруч. подписаніемъ указъ отъ 17-го истекшаго декабря мѣсяца о взятіи надлежащей предосторожности въ Запорож. Сѣчи отъ интригъ подосланнаго туда отъ Франціи эмиссара Тотлебена, который изъ службы В. И. В. выгнанъ, по употребленіи всевозможныхъ мѣръ и способовъ къ поимкѣ онаго, я съ глубоч. благоговѣніемъ того жъ мѣсяца 31 числа получить удостоился, на который В. И. В. всепод. доношу: какъ скоро только я изъ Польши отъ ген.-поруч. Салтыкова о томъ увѣдомленъ былъ, то того жъ числа ордеромъ ген.-м. Исакову отъ меня подтверждено: немедленно исправнаго и надежнаго офицера, знающаго персонально Тотлебена, туда отправить, давъ ему достаточное, по моему предписанію, наставленіе по рилежнѣйшемъ присматриваніи между тамошнимъ народомъ помянутого эмиссара, которой безъ сумнѣнія не въ обыкновенномъ своемъ одѣяніи, но можетъ быть въ польскомъ или козацкомъ платьи, для свободнѣйшаго своей роли игранія, между Запорожцами шататься будетъ; а по примѣтѣ и дѣйствительномъ опознаніи онаго явиться ему у кошевого атамана и подать оному мой ордеръ, коимъ кошевому найсильнѣйше рекомендовано его, Тотлебена, тотчасъ арестовать и подъ крѣпч. карауломъ съ помянутымъ офицеромъ къ ген.-м. Исакову отправить; а сему предписано подъ такимъ же карауломъ онаго сюда ко мнѣ прислать. Вслѣдствіе чего кап. Марковичъ 17 числа минувшаго мѣсяца въ Сѣчь и отправленъ, гдѣ и понынѣ находится; но, знатно, помянутой эмиссаръ еще туда не прибылъ.

Я о сей французской интригѣ и Донскаго атамана Ефремова предостеречь не преминулъ, паче для того, чтобъ Тотлебенъ, яко командовавшій немалое время Донскими козаками, имѣя многихъ изъ оныхъ знакомыми, не отважился иногда на Донъ въ ихъ станицы ѣхать для разсѣянія своихъ плевелъ между тамошнею подлостію, которая авантажными посулами и блескомъ злата легко на всякое предпріятіе преклонена быть можетъ.

2) Объ отправленіи въ Запорожскую Сѣчь высоч. грамоты съ маіоромъ Воейковымъ,—9 января за № 2.

В. И. В. высоч. рескриптъ отъ 19 минувшаго декабря, со вложенною всевысоч. грамотою къ Запорожскому войску и съ копіею оной для моего свѣдѣнія, я 29-го того жъ мѣсяца исправно получить удостоился. Во всепод. исполненіе В. И. В. повелѣній, по неимѣнію здѣсь въ гарнизонѣ и при губ. канц. для такой посылки надежныхъ офицеровъ, ибо кап. Бастевикъ еще у хана Крымскаго въ полону, оная В И. В. грамота при моемъ письмѣ, съ котораго здѣсь точная копія подносится, отправлена чрезъ секундъ-маіора Воейкова, снабдѣннаго достаточнымъ наставленіемъ примѣчать и развѣдывать, какое по полученіи возымѣетъ дѣйствіе и въ какихъ мысляхъ войско Запорожское въ разсужденіи В. И. В. нынѣ находится; а что имъ примѣчено и развѣдано будетъ, В. И. В. въ свое время раболѣп. донести долженствую.

3) О происшедшемъ въ Сѣчи бунтѣ и усмиреніи онаго кап. Марковичемъ,—отъ 3 января за № 3.

Послѣ отправленія упомянутаго въ предыдущей рабской моей реляціи сек.-м. Воейкова въ Запорож. Сѣчь, на третій день получилъ я отъ ген.-м. Исакова репортъ изъ крѣпости св. Елисаветы отъ 30 числа прош. декабря, который, по репорту къ нему отъ находящагося въ Новосѣченскомъ ретранаментѣ маіора Микулишина, мнѣ знать далъ, что 26 того жъ мѣсяца въ Сѣчи отъ собравшейся многочисленной подлости Запорож. козаковъ, называемой сиромахами, въ вечеру, по пробытіи уже тапты (sic), сдѣлано возмущеніе разломаніемъ тюрьмы и освобожденіемъ всѣхъ колодниковъ, съ намѣреніемъ всѣхъ своихъ старшинъ убить и имѣніе оныхъ разграбить, что и въ дѣйство производить начали; но кошевой съ старшиною имѣлъ случай укрыться въ

ретранаментъ, а имѣніе оныхъ разграблено и жилище разорено. Правда, сіе непріятное происшествіе, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, немалую мнѣ заботу причинило. Я объ ономъ, не взирая на то, что отъ ген.-м. Исакова прямо чрезъ нарочнаго ген.-анш. гр. Румянцову репортовано, ни мало не мѣшкавъ, и отъ себя съ нарочнымъ знать далъ и мои по тому мысли о скорѣйшемъ такого взволнованія успокоеніи посылкою туда деташемента сообщилъ. Но изъ полученнаго отъ 2 числа помянутаго жъ ген.-м. Исакова репорта и приложеній къ оному, съ коихъ при семъ на высоч. усмотрѣніе В. И. В. подносятся точныя копіи, усмотрѣлъ я, что возмущеніе подлости хорошимъ и отважнымъ поступкомъ случившагося тамо Желт. гусар. полку капитана Константина Марковича, которой для примѣчанія Тотлебена по моему ордеру туда отправленъ, какъ всепод. моею реляціею № 1 В. И. В. донесено, 27-го числа того жъ декабря безъ дальнѣйшихъ слѣдствій усмирено, и кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій со всею войсковою старшиною по прежнему возстановлены, о чемъ я немедленно г. ген.-анш. гр. Румянцова чрезъ нарочного увѣдомилъ [1]).

4) О возвращеніи изъ Сѣчи сек.-маіора Воейкова съ приложеніемъ экстракта изъ его репорта,—отъ 19 января за № 5.

Вслѣдствіе рабской моей реляціи № 2 отъ 9 сего января, В. И. В. съ глубоч. благовѣн. всепод. доношу: отправленный отъ меня въ Запорож. Сѣчь со всевысоч. грамотою сек.-м. Воейковъ обратно прибылъ. Я дерзаю точную копію съ его репорта и присланное ко мнѣ войска Запорож. доношеніе В. И. В. раболѣпнѣйше при семъ подносить [2]). Изъ перваго всемил. усмотрѣть изволите, яко грамота В. И. В. принята съ подобающимъ рабскимъ благоговѣніемъ и въ прямыхъ Запорожцахъ немалое произвела дѣйствіе, кои, чувствуя В. И. В. монарше-матернюю безъ всякихъ заслугъ къ себѣ милость, великое оказывали удовольствіе; и кошевой атаманъ, имѣя неусыпное попеченіе доискаться точной причины бывшаго бунта и главныхъ онаго заводчиковъ,

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ краткая реляція лишь о полученіи донесеній Могилевскаго пріятеля и князя Прозоровскаго отъ 9 января за № 4; самыхъ же при ней донесеній не оказалось.

[2]) При черн. реляціи имѣется только приводимый ниже экстрактъ изъ репорта Воейкова.

требуетъ присылки въ Сѣчь регулярнаго войска команды, которая уповательно уже туда и прибыла, ибо отъ командующаго второю арміею г. ген.-анш. гр. Румянцова одинъ пѣхотн. баталіонъ туда уже командированъ. Впрочемъ, реченный маіоръ словесно мнѣ объявилъ, что Татарскаго войска Едичкульской орды десять тысячъ стоитъ при урочищѣ Рогачикѣ противъ Сѣчи за р. Днѣпромъ, разстояніемъ отъ Сѣчи около 4 верстъ; однако по 12 число сего р. Днѣпръ въ той сторонѣ еще льдомъ не покрыта была; на обороты коихъ отъ Запорожцовъ удобовозможно примѣчаніе дѣлается, и крайняя осторожность наблюдается; и какое отъ нихъ движеніе впредь учинено будетъ, о томъ по полученіи извѣстія всепод. донести не премину.

Приложеніе: Экстрактъ изъ репорта, поданнаго сек.-м. Воейковымъ, 17-го января 1769 г.

По прибытіи моемъ въ Новосѣченской ретранжаментъ 7-го января и обвѣщаніи кошевому атаману Петру Калнишевскому объ отправленіи моемъ изъ Кіева для доставленія ему всевысоч. Е. И. В. грамоты, встрѣченъ я по обыкновенію кошевымъ, всею старшиною, духовенствомъ и многимъ числомъ козаковъ у самыхъ воротъ, гдѣ у меня грамота съ великимъ почтеніемъ принята и несена кошевымъ атаманомъ до самой церкви, въ дверяхъ оной отдана войсковому писарю, которымъ всему собранному войску вслухъ читана; а по окончаніи кошевой атаманъ, прослезясь, войску, котораго въ собраніи было болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, слѣдующее говорилъ: сколько сія Е. И. В. войску Запорожскому безъ всякихъ заслугъ оказанная монарше-матерняя милость велика, столько больше каждый вѣрно присяжный войска Запорож. козакъ долженъ стараться, паче же при нынѣшнемъ обстоятельствѣ, противъ главнаго врага рода христіанскаго жертвованіемъ своей жизни оную заслужить. Послѣ сего все собраніе въ церковь вошло и, по отпѣтіи молебна за здоровье Е. И. В., приглашено было къ кошевому въ курень, гдѣ такожде отъ кошевого нѣсколькократно прежніе слова всей старшинѣ, атаманамъ и козакамъ въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ повторены.

Въ бытность мою тамъ по 12 число сего м-ца я примѣтить могъ, что всевысоч. грамота генерально всѣхъ тамошнихъ обывателей, т. е. настоящихъ Запорожскихъ козаковъ, кои повидимому всѣ благонамѣрены, гораздо тронула, ибо они о сей монаршей милости между собою съ великимъ удовольствіемъ отзывались, въ чемъ меня и старшина Ляхъ найсильнѣйше увѣрялъ. А между тѣмъ кошевой атаманъ мнѣ открывался, что по бывшему

отъ сиромахъ взволнованію онъ крайне необходимымъ признаваетъ имѣть въ Сѣчи для своего подкрѣпленія и ободренія благонамѣренныхъ козаковъ нѣсколько регулярнаго войска, при которомъ онъ гораздо смѣлѣе и поважнѣе поступить могъ бы не только въ сысканіи, но и строжайшемъ по ихъ воинскимъ обрядамъ наказаніи зачинщиковъ бывшаго бунта, ибо такихъ злодѣевъ, особливо по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, безъ упущенія времени наказать и совсѣмъ искоренить должно.

5) Объ отправленіи плѣнныхъ конфедератовъ въ Казань,—отъ 19 января за № 6.

Во всениж. исполненіе всевысоч. В. И. В. повелѣнія объ отправленіи содержащихся здѣсь польскихъ плѣнныхъ въ Казань всепод. доношу, что по общему согласію съ командующимъ второю арміею ген.-анш. гр. Румянцовымъ транспортъ оныхъ не только учрежденъ, но и сего мѣсяца 17 числа начался слѣдуюшимъ образомъ, а именно: по количеству здоровыхъ раздѣлены они на четыре партіи, въ каждой считается по сту человѣкъ; партія за другою слѣдовать имѣетъ чрезъ три дни, для того чтобъ заготовленныя подъ первую тридцать пять подводъ успѣли оборотъ сдѣлать къ отвозу послѣдующихъ, чѣмъ обывателямъ по тракту съ поставкою другихъ подъ оныя повозокъ не малое сдѣлано быть можетъ облегченіе. Всѣ плѣнные снабжены потребнымъ платьемъ и обувью въ разсужденіи зимняго времени. При каждой партіи отправляется одинъ оберъ-офицеръ съ довольнымъ конвоемъ, снабженный на всякой предвидимый случай достаточнымъ наставленіемъ, то жъ и по разсчету на платежъ прогонныхъ и продовольствованіе пищею до Казани деньгами; а губернатору того мѣста чрезъ нарочнаго предварительно о всевысоч. В. И. В. соизволеніи касательно принятія и содержанія сихъ плѣнныхъ отъ меня знать дано. Итакъ, по отправленіи отсюда сихъ арестантовъ, не премину всенижайше донести, въ какую сумму содержаніе оныхъ здѣсь и отправленіе до Казани казнѣ В. И. В. стало.

6) О трехъ секретныхъ арестантахъ,—отъ 19 января за № 7.

В. И. В. всепод. доношу, что присланный изъ Польши отъ ген.-м. Кречетникова секретный безъимянный арестантъ, о коемъ В. И. В. прошлаго году реляціею № 14 рабо́лѣпн. донесено, на сихъ дняхъ умре,

а остался одинъ секретной же арестантъ Марекъ, котораго до указу В. И. В. здѣсь подъ строжайшимъ карауломъ на солдатской пищѣ содержать велѣно; также одинъ черногорецъ, о которомъ В. И. В. прошлаго жъ году реляціею № 61 всениж. донести не преминулъ. Я дерзаю у В. И. В. при напамятованіи о сихъ двухъ арестантахъ съ глубоч. благоговѣніемъ испросить себѣ всевысоч. указа, не повелѣно ль будетъ и оныхъ куда либо далѣе отсюда отправить.

7) О возвращеніи одного изъ посланныхъ къ Едисанскимъ мурзамъ эмиссаровъ и привезенныхъ имъ свѣдѣніяхъ,—отъ 19 января за № 8.

Съ глубоч. благоговѣніемъ В. И. В. всепод. доношу, что одинъ изъ отправленныхъ къ Едисанскимъ мурзамъ эмиссаръ третяго дня возвратился, который по несчастію разъѣздомъ Турецкимъ въ околичности Балты 2 сего м-ца пойманъ и за шпіона ханскому сыну сераскеръ-султану въ Балтѣ представленъ; и какъ оной снабденъ былъ отъ одного польскаго шляхтича къ находящемуся въ томъ же мѣстѣ маршалку конфедераціи Оранскому рекомендательнымъ письмомъ для прикрытія своей посылки, то отъ сераскеръ - султана къ реченному Оранскому подъ карауломъ посланъ, отъ котораго такожде Туркамъ отданъ былъ, однако, послѣ трехъ-дневнаго подъ строжайшимъ карауломъ содержанія, допроса и обыска, хитрою и весьма искусною выдумкою въ Польшу ушелъ, откуда возвратясь сюда, показалъ, что (въ) Польской Балтѣ замокъ для хана Крымскаго, который въ Турецкую Балту на другой день послѣ отъѣзда его оттуда, т. е. 6 сего января, прибыть имѣлъ, очищаютъ и исправляютъ; войска Турецкаго онъ болѣе какъ съ тысячу человѣкъ, да и то тамошнихъ околичностей обывателей, при сераскеръ-султанѣ не видалъ, а Татаръ по сказкамъ съ небольшимъ тридцать тысячъ при ханѣ и сераскеръ-султанѣ находится, которые раздѣлены быть имѣютъ на три части: первая съ сераскеръ-султаномъ назначена на границы В. И. В. чрезъ Орловскій форпостъ, другія же двѣ съ ханомъ вступятъ въ Польшу яко бы къ Умани, но, оттуда куда поворотятъ, неизвѣстно; что ханъ Крымскій призывалъ къ себѣ Едисанскихъ и Буджац. мурзъ для совѣту, отъ которыхъ требовалъ мнѣнія, какимъ образомъ съ Россіею войну продолжать и гдѣ лучше въ Россійскія границы впасть, которые, по согласію Хаджи-Капланъ-мурзы, хану Крымскому сказали, что они безъ явной причины про-

тивъ Россіи войны вчать не намѣрены; чѣмъ ханъ оскорбясь велѣлъ 10 мурзъ въ тюрьму посадить, кои и по нынѣ содержутся, отчего въ тѣхъ ордахъ неудовольствіе и роптаніе произошло, а потому и нѣкоторой видъ къ мятежу оказывается, еже и отъ протчихъ нарочно для развѣдываній посланныхъ подтверждено, какъ В. И. В. изъ поднесеннаго при семъ экстракта всемил. усмотрѣть изволите [1]).

Съ другой стороны, асессоръ Чугуевецъ и Запорожскій переводчикъ Андрей Константиновъ увѣдомляютъ, что три надежные человѣка изъ посланныхъ въ Едисанскую орду эмиссаровъ, а именно къ Хаджи-Капланъ-мурзѣ и Бей-мурзѣ, Чугуевцова брату, и къ Джай-Темиръ-мурзѣ, еще не возвратились; однако они великую надежду имѣютъ къ нѣкоторому успѣху въ ввѣренной имъ коммиссіи, а что между тѣмъ по оной произойдетъ, В. И. В. въ свое время донести долженствую.

Я не преминулъ о всѣхъ сихъ Татарскихъ и Турецкихъ обращеніяхъ и сближеніи къ границамъ отъ меня главнокомандующимъ обѣими В. И. В. арміями ген.-аншефамъ сообщить, чѣмъ и въ-предь, сколько до меня доходить будетъ, продолжать не оставлю.

8) Объ отправкѣ трехъ партій плѣнныхъ поляковъ въ Казань, о требованіи Репнина освободить пятерыхъ шляхтичей,—отъ 28 января за № 10.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. повелѣнія объ отправленіи плѣнныхъ конфедератовъ, раболѣпн. доношу, что по отпускѣ сего три партіи, въ каждой по сто человѣкъ, всениж. реляціею № 6 донесеннымъ образомъ отсюда уже въ Казань посланы, а четвертая къ завтрему готовится, послѣ которой и знатные шляхтичи, всего четыре человѣка, туда жъ препровождены быть имѣютъ. Но какъ между тѣмъ отъ ген.-поруч. кн. Репнина получены два письма отъ 11 и 8 числа сего м-ца, коими требуетъ освобожденія и выпуску заграницу плѣнныхъ шляхтичей, а именно: Каминскихъ двухъ, Бѣлецкаго, Мечниковскаго и Рыльскаго, всего пяти человѣкамъ, если оное всевысоч. В. И. В. повелѣніямъ противно не будетъ, то я, уважая силу сего выраженія, безъ всепод. В. И. В. о томъ доклада, помянутыхъ шляхтичей осво-

---

[1]) Экстракта этого при чернов. реляціи нѣтъ.

бодить не осмѣлился, но оставилъ оныхъ здѣсь на прежнемъ содержаніи до полученія высоч. В. И. В. указа: въ отечество ли ихъ отпустить или вслѣдъ за другими въ Казань отправить?[1])

9) Объ отправленіи ко Двору черногорца Плавковича и писаря Якова Өедорова,—отъ 14 февраля за № 13.

В. И. В. высоч. два рескрипта отъ 27 минувшого генваря объ отправленіи по Двору В. И. В. содержащагося здѣсь подъ карауломъ черногорца бывшаго Аөонской горы игумена Плавковича и прибывшаго изъ Каушанъ писаря Дубоссарскаго воеводы Якуба я 6 числа сего м-ца исправно получить удостоился, на которые съ глубоч. благовѣніемъ В. И. В. всепод. доношу: черногорецъ отъ ареста освобожденъ, и чрезъ канц. сов. Веселицкаго высоч. милость ему объявлена; но по причинѣ выдержанной имъ въ арестѣ болѣзни, отъ которой еще въ слабомъ находится состояніи, просилъ онъ отвесть ему пристойную квартиру, придать для услуги человѣка и дозволить здѣсь до выздоровленія пробыть, чѣмъ и удовольствованъ, а по выздоровленіи повелѣннымъ образомъ отсюда отправленъ быть имѣетъ; елико же до писаря Якова Өедорова принадлежитъ, то оной по исправленіи своихъ къ продолженію пути надобностей, принятіи 20 рублевъ на проѣздъ и снабденіи двумя для препровожденія рейтарами при семъ къ высоч. В. И. В. Двору отправленъ.

10) Объ извѣстіяхъ отъ ген.-м. Исакова о дѣйствіяхъ его противъ Татаръ,—отъ 14 февраля за № 14.

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи отъ 3 сего февраля о непріятельскихъ обращеніяхъ, пріемлю смѣлость В. И. В. всепод. донести, что ген.-м. Исаковъ отъ 9 сего же м-ца изъ Архангельска репортуетъ, яко непріятель уже въ Балту возвратился, и одинъ султанъ съ частію Татаръ на Кривое озеро отпущенъ, а достальное войско по извѣстіямъ такожде къ своимъ жилищамъ распущено быть имѣло; что командированный съ деташементомъ легкихъ войскъ вслѣдъ за непріятелемъ для поисковъ

[1]) Слѣдуетъ упомянуть здѣсь еще о реляціи съ препровожденіемъ экстракта журнала ген.-м. Исакова о дѣйствіяхъ противъ непріятелей (копіи же этого экстракта при чернов. реляціи нѣтъ),—отъ 3 февраля за № 12.

полковникъ кн. Багратіонъ, возвратясь къ корпусу, репортовалъ, яко бы за весьма скорымъ слѣдованіемъ Татаръ къ своимъ границамъ онъ съ деташементомъ, сколько ни старался, ихъ достигнуть не могъ, и удалось только однимъ его передовымъ партіямъ на непріятельскій аріергардъ напасть и нѣсколько человѣкъ побить; что преслѣдуемый непріятель потерялъ четырехъ верблюдовъ и нѣкоторое число скота, также освобождено изъ плѣну нѣсколько человѣкъ Россійскихъ и Польскихъ подданныхъ, и что посланная для подлиннѣйшаго о непріятелѣ развѣданія небольшая партія, возвратясь, объявила, что до самой Саврани доѣзжала, и непріятеля нигдѣ не нашла, ибо оный уже въ Балту прибылъ; почему онъ, ген.-м. Исаковъ, весь свой корпусъ въ провинціи кордономъ расположилъ и форпостнымъ командирамъ найсильнѣйше подтвердилъ удобвозможную предосторожность по границѣ имѣть и сверхъ обыкновенныхъ разъѣздовъ частыя партіи заграницу посылать для развѣдыванія о непріятелѣ.

11) О прибытіи изъ плѣна кап. Баствевика, — отъ 14 февраля за № 15.

Вчера прибылъ сюда арестованный еще въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Каушанахъ бывшимъ Дубоссарскимъ воеводою Якубомъ кап. Бастевикъ, который объявилъ, что онъ съ бывшими при немъ здѣшнимъ мѣщаниномъ и семью конвойными козаками, по приказу ханскому, спустя три дня послѣ выступленія онаго съ войскомъ изъ Каушанъ къ Балтѣ однимъ мурзою и тремя Татарами подъ карауломъ чрезъ Ясы въ Хотинъ къ тамошнему пашѣ отправленъ былъ съ такимъ предписаніемъ, чтобъ Хотинскій паша чрезъ нарочнаго о освобожденіи его увѣдомилъ Польскаго генералъ-маіора и крѣпости Каменца-Подольскаго коменданта, требуя отъ него присылки къ границѣ команды для принятія въ свое охраненіе, а въ пріемѣ и доставленіи его съ находящимися при немъ въ ближнюю Россійскую команду надлежащей росписки, что реченнымъ комендантомъ охотно и учинено. Какіе же онъ, Бастевикъ, будучи подъ арестомъ въ Каушанахъ и въ проѣздѣ до Каменца-Подольского, примѣчанія сдѣлалъ и что о непріятельскихъ предпріятіяхъ развѣдать могъ, всему тому сочиняетъ обыкновенную поденную записку, которую немедленно къ В. И. В. при рабскомъ моемъ доношеніи отправить долженствую.

12) О напечатаніи въ Кіево-Печерской Лавръ манифестовъ къ славянскимъ народамъ,—отъ 4 марта за № 19.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. именного за собственноруч. подписаніемъ повелѣнія отъ 23 минувш. генваря, раболѣпн. доношу, яко манифесты на трехъ языкахъ изъ печати уже вышли; и напечатано оныхъ на каждомъ языкѣ по 130, изъ коихъ главнокомандующимъ арміями В. И. В. отослано: первому по 70 экземпляровъ, а на греческомъ 55; второму по 30, а на греческомъ 25; достальные же отданы будутъ подполковнику Каразину, который на сихъ дняхъ отсюда отправиться имѣетъ, ибо и свидѣтельство уже ему отъ здѣшняго архимандрита дано.

Приложеніе: Копія свидѣтельства монаху Симеону на свободный пропускъ его въ заграничные монастыри.

Святыя великія чудотворныя Лавры Печерскія Кіевскія архимандритъ Зосима Валькевичъ.

Всѣмъ чтущимъ и слышащимъ сіе правовѣрнымъ христіаномъ, желая отъ дому Богоматерн сея св. Лавры благословенія, извѣстно творимъ, что предваритель сего Словено-сербской націи Далматской уроженецъ, Венеціанской республики подданный, Симеонъ Путнинъ, прибывъ въ 1765 году по обѣщанію своему изъ отечества въ нашу Лавру для поклоненія св. мощамъ, принялъ въ оной по собственному изволенію чинъ монашеской, а нынѣ возжелалъ для спасенія души своей путешествовать заграницу въ другія св. мѣста; того ради мы всѣхъ христіанскихъ земель и областей начальниковъ, духовныхъ и мірскихъ, смиренно молимъ оному монаху Симеону въ пути его чинить свободной пропускъ и дозволить пребываніе въ монастыряхъ съ христіанскимъ призрѣніемъ, за что да воздастъ имъ Господь Богъ, въ Троицѣ прославляемый. Писася сіе въ св. Кіево-Печерской Лаврѣ и нашею рукою и печатью лаврскою утверждено марта 26 дня 1766 г. (?).

13) О поискахъ кошевого атамана за непріятелемъ,—отъ 4 марта за № 20.

В. И. В. всепод. доношу, что выступившій за Днѣпръ 3 числа прош. февраля для поиска надъ Крымскою и Едичкульскою подъ предводительствомъ Калги-султана набѣги на границы В. И. В. въ Терскую и Бахмутскую стороны дѣлавшими ордами кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій съ старшиною и доброконными козаками, какъ изъ репорта сек.-м. Микулишина отъ 13 того жъ февраля видно, не

встрѣтясь съ непріятелемъ и не нагнавъ онаго, но удовольствуясь однимъ только сожженіемъ свезеннаго Татарами немалаго въ аулы запаса сѣна, 12 февраля обратно въ Запорож. Сѣчь прибылъ, а на другой день, свѣдавъ, что посланная внизъ по Днѣпру для поиску жъ въ Татарскіе аулы Запорожская пѣхотная партія еще не возвратилась, немедленно въ подкрѣпленіе немалую конную и пѣхотную команду туда жъ послалъ; но возъимѣетъ ли оная какой успѣхъ, о томъ въ свое время В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ донести не укосню.

14) О присланныхъ княземъ Голицынымъ плѣнныхъ,—отъ 4 марта за № 21.

Отъ командующаго первою В. И. В. арміею генерала кн. Александра Мих. Голицына въ разные числа присланы ко мнѣ плѣнные два турка, одинъ волохъ, одинъ польской ксендзъ Войцехъ Островскій и одинъ полякъ, коихъ велѣно содержать здѣсь подъ карауломъ до всевысоч. В. И. В. указа, производя ксендзу противъ лучшихъ конфедератовъ на пищу, а протчимъ по три коп. въ день; да плѣненныхъ подъ м. Круты поляковъ 125 и дезертировъ 4 человѣка, съ тѣмъ чтобъ конфедератовъ отправить въ Казань, а съ дезертирами поступать по военному правилу. Сверхъ же того мнѣ знать дано, что отъ находящагося въ Польшѣ генерала-маіора кн. Прозоровскаго отправлено нѣсколько человѣкъ молдавцовъ по ихъ желанію въ Елисаветгр. провинцію на поселеніе; о принятіи и помѣщеніи оныхъ въ тѣ селенія, кои ближе къ Днѣпру, отъ меня предписано. Но какъ статься можетъ, что и впредь многіе изъ молдавцевъ и тамошнихъ пограничныхъ поселянъ, убѣгая отъ Турецкаго гоненія и опасностей войны, по единовѣрію прибѣгать будутъ подъ защиту В. И. В., желая селиться въ Елисаветгр. провинціи, то пріемлю смѣлость предварительно у В. И. В., какъ на сіе, такъ и ежели болѣе Турецкихъ плѣнныхъ сюда изъ арміи присланы быть имѣли бъ, куда оныхъ отправлять, всемил. испрашивать указа, ибо содержаніе сихъ послѣднихъ въ здѣшней погранич. крѣпости было бы только въ тягость здѣшнему малолюдному гарнизону.

15) О требованіи кн. Репнина освободить нѣкоторыхъ плѣнныхъ конфедератовъ,—отъ 4 марта за № 22.

В. И. В. дерзаю всепод. донесть, что изъ находившихся здѣсь

конфедератовъ отправлено понынѣ въ четырехъ партіяхъ 390 человѣкъ, а затѣмъ остались здѣсь больные, кои по выздоровленіи такожде отправлены быть имѣютъ. Но какъ между тѣмъ отъ обрѣтающагося въ Варшавѣ В. И. В. полномоч. посла кн. Репнина я вдругъ чрезъ нарочнаго три письма отъ разныхъ чиселъ прошлаго генваря получилъ, коими требуетъ, по домогательству тамошнихъ знатныхъ пріятелей, освобожденія нѣсколькихъ шляхтичей отъ конфедератовъ; если оное всевысоч. В. И. В. соизволенію противно не будетъ, изъ коихъ большая часть уже въ Казань отправлена, то я за сходственно призналъ тѣхъ шляхтичей, кои отсюда еще не усланы, оставить здѣсь до полученія отъ В. И. В. высоч. указа, освободить ли ихъ или нѣтъ, о чемъ и помянутаго полномоч. посла увѣдомить не оставилъ.

16) Объ отправленіи изъ Кіева подп. Каразина съ манифестами,—отъ 27 марта за № 24.

В. И. В. отъ 4 марта сего всепод. донесено, яко манифесты изъ печати вышли.... а теперь съ глубоч. благоговѣніемъ присовокупить осмѣливаюсь, что помянутый подполковникъ, по исправленіи надобной ему одежды и протчаго, что до безопаснѣйшаго продолженія его странствованія къ г. Букурешты принадлежало, 14 числа сего жъ мѣсяца отсюда въ обыкновенномъ своемъ одѣяніи по почтѣ отправился и слѣдовать имѣетъ на Летичевъ, оставляя Каменецъ-Подольскій гораздо влѣво, дабы иногда конфедератамъ или Турецкимъ по Днѣстру разъѣздамъ не попасться. А у послѣдняго войскъ В. И. В. форпоста намѣренъ онъ командиру онаго оставить свое платье и, переодѣвшись въ иноческое, въ образѣ монаха чрезъ Галицкій уѣздъ пробираться къ пустынному монастырю, называемому Великій Скитъ, который въ реченномъ уѣздѣ на самой границѣ, въ горахъ, противъ того мѣста, гдѣ къ Трансильваніи Молдавія примкнула. При себѣ явного имѣетъ: данное ему отъ архимандрита Кіево-Печерской Лавры письменное свидѣтельство; одну старую псалтырь, въ доскахъ которой весьма непримѣтно скрыта грамота къ бану; одну такую деревянную фляшку, въ каковыхъ странствующіе тамошнихъ краевъ иноки для утоленія въ пути жажды обыкновенно воду держатъ; она сдѣлана двудонная и служитъ къ сохраненію посылокъ; одни четки и одинъ изъ простого дерева монашеской посохъ, въ коемъ умѣстилось по 10 экзем-

пляровъ манифеста на Греческомъ, Словено-сербскомъ и Волоскомъ языкахъ. По прибытіи его въ семъ приборѣ въ помянутый пустынный монастырь выпросить намѣренъ у тамошняго начальника, яко состоявшаго подъ вѣдомствомъ знаменитаго въ Молдавіи Сочавскаго монастыря, одного себѣ спутника для препровожденія до онаго, откуда онъ посредствомъ и способствованіемъ архимандрита уповаетъ безопасно препровожденъ даже быть до г. Букурешта или до того мѣста, гдѣ банъ Кантакузенъ находиться будетъ. В. И. В. изъ сего моего всепод. доношенія всемилост. усмотрѣть изволите, что сей посланной въ бытность его здѣсь, уважая критическія обстоятельства и нѣжность своей коммиссіи, старался все то, елико до безпечнаго продолженія его пути и скрытія своего предпріятія касаться могло, найлучше распорядить, избирая ближайшіе способы, каковы только придуманы быть могли, въ свою предосторожность; но со всѣмъ тѣмъ удача въ его предпріятіи кажется подвержена немалой опасности и зависитъ отъ жребія, которой со временемъ откроется.

17) О полученіи указа относительно отправленія изъ Кіева плѣнныхъ,—отъ 28 марта за № 25.

В. И. В. высоч. именной за собственноруч. подписаніемъ указъ отъ 7 сего марта, коимъ всемилост. повелѣвается: Турецкимъ плѣннымъ до дальняго повелѣнія производить въ день на пропитаніе каждому по три коп.; плѣнныхъ Польскихъ конфедератовъ, сколь скоро поумножится, отсылать по прежнимъ примѣрамъ въ Казань, съ увѣдомленіемъ тамошняго губернатора, годныхъ ко службѣ опредѣлять въ гарнизоны, а протчихъ отсылать далѣе въ Сибирь, препровождая оныхъ отсюда небольшими командами изъ гарнизона и приказывая на помочь онымъ отъ селенія до селенія достаточное число провожатыхъ давать; Турецкихъ и Татарскихъ плѣнныхъ, когда оныхъ нарочито соберется, отсылать съ равными прикрытіями въ Москву, требуя отъ тамошняго губернатора отправленія оныхъ далѣе въ Архангельской городъ точно тѣмъ образомъ, какъ оные къ нему приводимы будутъ, и чтобъ Молдавскихъ выходцовъ, кои добровольно являться станутъ, принимать съ ласкою и дѣлать имъ всякое нужное вспоможеніе, давая имъ для жилища мѣста въ Новороссійской губ., наипаче же въ Екатеринин. провинціи, и проч.,—я удостоился 24 сего жъ м-ца съ глуб оч. получить благоговѣніемъ, по которому точнѣйшее исполненіе чинить и въ свое время В. И. В. всепод. доносить не премину.

18) По репорту ген.-м. Лебеля о появившихся въ Смѣлянскомъ, Ковельскомъ и Уманскомъ уѣздахъ гайдамакахъ,—отъ 12 апрѣля за № 27.

Пріемлю смѣлость В. И. В. всепод. донести, что, получа отъ посланнаго главнокомандующимъ второю арміею ген. гр. Румянцовымъ въ Елисаветгр. провинцію на смѣну ген.-м. Исакову для командованія тамошними войсками ген. м. Лебеля извѣстіе отъ 22 прошлаго марта, яко изъ проявившихся по близости Новорос. губ. въ Смѣлянскомъ, Канев. и Уман. уѣздахъ Украины Польской вновь подъ разными затяжчиками гайдамацкихъ шаекъ Черн. губ. полку капитаномъ Эрделіемъ одна подъ с. Лебединымъ атакована, нѣсколько человѣкъ изъ оной побиты и десять въ полонъ взяты, а прочіе въ лѣсъ разбѣжались, при которомъ сраженіи одинъ только гусаръ убитъ и одинъ прапорщикъ раненъ; что кошевой атаманъ его, генералъ-маіора, увѣдомилъ, яко 30 человѣкъ Запорожцевъ изъ Коша самовольно отлучились знатно для гайдамачества, и что по выступленіи пѣх. полковъ изъ той провинціи гайдамаки изъ необузданныхъ Запорожцевъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и слободахъ небольшими толпами являться стали безъ сомнѣнія для подговору изъ тамошнихъ поселянъ къ пріумноженію своихъ разбойническихъ шаекъ бездѣльниковъ,—и предвидя, что отъ такого злодѣйскаго сборища немалое бѣдствіе всей провинціи и смежности нанесено быть можетъ, немедленно какъ ему генералу-маіору, такъ и Новорос. губ. канцел. найсильнѣйше предписалъ: всѣмъ начальникамъ селеній приказать найстрожайше подчиненнымъ подтвердить, чтобъ подъ опасеніемъ найжесточайшаго истязанія и наказанія отнюдь никто не дерзнулъ присоединяться къ такимъ мерзкимъ злодѣйскимъ шайкамъ, которыя войсками В. И. В. всемѣрно истреблены будутъ, ибо по поимкѣ уже никакія отговорки и резоны таковымъ въ оправданіе и извиненіе служить не могутъ; и между тѣмъ бы по общему условію всѣ удобвозможныя мѣры и способы употребили не только къ благовременному отвращенію непріятныхъ слѣдствій, кои въ селеніяхъ той провинціи отъ разбойническихъ шаекъ произойти могли бъ, но и къ совершенному оныхъ искорененію, употребя на то, если необходимость востребуетъ, за неимѣніемъ пѣх. полковъ, по усмотрѣнію и нѣсколько пѣхоты изъ гарнизонныхъ крѣпости св. Елисаветы баталіоновъ, и что по тому происходить будетъ, меня репортовать.

Я не преминулъ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ и обоимъ главнокомандующимъ арміями генераламъ сообщить въ намѣреніи, что можетъ быть и они, съ своей стороны, какія либо мѣры и способы для скорѣйшаго истребленія тѣхъ злодѣевъ принять не оставятъ.

19) О набѣгѣ Татаръ на Елисаветградскую провинцію,—отъ 12 апрѣля за № 28.

В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ всепод. донести осмѣливаюсь, что въ присланныхъ изъ канц. Новорос. губ. вѣдомостяхъ о учиненномъ нашествіи Татаръ въ границы В. И. В. обывателямъ Елисаветградской провинціи, Луганскаго пикинернаго и Бахмутскаго коннаго полковъ урону хотя и показано въ плѣнъ взятыми обоего пола людьми въ Елисаветгр. провинціи 498, а побитыми обоего пола 345 человѣкъ, сожженіемъ четырехъ церквей, 1138 домовъ и пяти мельницъ, въ Луганскомъ пикинерномъ и Бахмутскомъ конномъ полкахъ обоего жъ пола плѣнными 364, побитыми только 12 человѣкъ; однако, что принадлежитъ до числа плѣнныхъ Елисаветградской провинціи, еже ничего подлиннаго показать не можно, потому что во время тревоги многіе изъ тамошнихъ обывателей, оставя свои жилища, въ разные Заднѣпровскія и Польскія мѣста безъ вѣдома переходили, ибо, по выступленіи уже непріятеля изъ помянутой провинціи, нѣсколько изъ таковыхъ безъизвѣстныхъ, кои въ плѣнныхъ полагались, въ свои жилища возвратились; изъ чего явно оказывается, яко Татары въ великомъ страхѣ находились отъ войскъ В. И. В., что они по прежнимъ примѣрамъ и ихъ обыкновенію не отважились на дальнѣйшія грабительства и разоренія тѣхъ краевъ.

20) Съ извѣстіемъ о смерти хана Крымъ-Гирея,—отъ 12 апрѣля за № 29.

В. И. В. съ глубоч. благовѣніемъ доношу, что отъ прибывшаго сюда вчера изъ Ясъ мѣщ.-волошенина Сандула, который отъ несносныхъ Турецкихъ наглостей и разореній оттуда въ послѣднихъ числахъ прошлаго марта мѣсяца ушелъ, свѣдано, что предъ симъ его изъ Ясъ выѣздомъ извѣстіе получено, яко бы Татарскій ханъ Крымъ-Гирей въ Каушанахъ умре, еже поводъ подало въ Ясахъ къ разсужденіямъ, что сіе неожиданное приключеніе сдѣлать можетъ немалую въ Турецкихъ военныхъ предпріятіяхъ разстановку; однако о подлинности сего увѣ-

риться еще не можно, то ожидаю отъ Могилевскаго пріятеля подтвержденія, о чемъ впредь В. И. В. раболѣпнѣйше донести долженствую.

21) По увѣдомленію кошевого атамана о поимкѣ Запорожскою партіей на Очаковской степи Турецкаго разъѣзда и о показаніяхъ плѣннаго булюкъ-баши,—23 апрѣля за № 30.

Кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій отъ 3 сего апрѣля увѣдомляетъ, яко изъ отправленныхъ Запорожскихъ пѣшихъ партій на большихъ лодкахъ, называемыхъ дубахъ, внизъ по Днѣпру для учиненія надъ непріятелемъ возможныхъ поисковъ одна, состоящая въ 150 человѣкахъ, приплывши на шести дубахъ къ Очаковскому округу, вышла на берегъ и, пользуясь ночною темнотою, степью къ Очакову пошла съ намѣреніемъ нечаянно напасть на стоящихъ по извѣстію подъ Очаковомъ арнаутовъ; но между тѣмъ, встрѣтясь съ Турецкимъ Бешлійскимъ разъѣздомъ начальника оного булюкъ-башу Османъ-агу въ полонъ взяла, весь разъѣздъ разбила и въ добычу 16 лошадей получила; а какъ отъ плѣннаго булюкъ-баши свѣдано, что стоящіе подъ Очаковомъ арнауты всѣ въ крѣпость введены, то оная къ своимъ дубамъ возвратилась и, отправя булюкъ-башу съ тремя козаками въ Кошъ Запорожскій, вознамѣрилась при помощи Божіей подъ г. Кинбурнъ для такого жъ поиска идти. Приведшіе плѣннаго три козака въ Кошъ объявили, яко оный каждому изъ нихъ за свою свободу сулилъ по сто левковъ, по парѣ платья и по парѣ лошадей, въ чемъ и булюкъ-баша признался; однако они, какъ вѣрноприсяжные В. И. В. подданные, присягу и вѣрность свою тѣмъ нарушить не хотѣли. Реченный булюкъ-баша Османъ-ага въ Войсковой канцеляріи допрашиванъ и слѣдующее объявилъ: прошедшаго-де марта 22 дня онъ въ ночномъ разъѣздѣ отъ Очакова разстояніемъ около 40 верстъ козаками разбитъ и плѣненъ; по повелѣнію трехъ-бунчучнаго Очаковскаго паши для разъѣздовъ два Бешлійскіе пикета, каждый изъ десяти бешліевъ и одного булюкъ-баши состоящій, къ балкѣ Парутиной высланы, и болѣе въ околичности Очакова никакихъ отводныхъ карауловъ нѣтъ; онъ, будучи въ разъѣздахъ, нигдѣ никакихъ Ногайскихъ Татаръ не видалъ; въ Очаковѣ разныхъ войскъ считается до двадцати тысячъ; минувшаго марта въ среднихъ числахъ извѣстіе получено, что Крымскій ханъ Крымъ-Гирей въ Каушанахъ по нѣсколько-дневной болѣзни умре, съ которою вѣдомостью Очаковскій паша двухъ Татаръ

къ султану въ Царьградъ отправилъ; предъ нѣсколькими днями хотя надъ всѣмъ пограничнымъ Турецкимъ войскомъ, т. е. надъ Очаковскимъ, Бендерскимъ и Хотинскимъ трехъ-бунчучными, да Исмаильскимъ и Браильскимъ дву-бунчучными пашами, опредѣленъ главнымъ сераскеромъ прозываемый Мулдаванжи паша, однако послѣ смерти Крымъ-Гирея-хана всѣ Турецкія войска остались при своихъ мѣстахъ и никакого движенія имѣть не будутъ до повороту помянутыхъ отъ Очаковскаго паши отправленныхъ къ султану двухъ татаръ; въ прибавокъ къ находящимся нынѣ по границѣ Турецкой, а именно, въ Очаковѣ, Хотинѣ, Бендерахъ, Исмаилѣ и Браиловѣ, войскамъ ожидаютъ до нѣсколько тысячъ Турецкой пѣхоты изъ Анатоліи и конницы изъ Румеліи; по сю сторону р. Буга нигдѣ никакихъ Татарскихъ войскъ на Очаковской степи нѣтъ; въ Крымъ, сверхъ тамошнихъ Татаръ, только двѣ Ногайскія орды, т. е. Едичкульская и Джамбулуцкая, введены, коихъ считаюхъ до 80 тысячъ; симъ двумъ ордамъ Крымъ-Гирей-ханомъ велѣно было во все время настоящей войны расположиться на житье съ ихъ аулами внутрь Крыма за Перекопомъ при селахъ, а скотъ свой при чабанахъ пасти по сю сторону Перекопа на степи; всѣ Турецкіе города, по границѣ и близь овой лежащіе, артиллеріею, канонирами, всѣми воинскими припасами и сбруями весьма обильно запасены; отъ пріѣхавшихъ недавно изъ Крыму въ Очаковъ Татаръ онъ, Османъ-ага, заподлинно свѣдалъ, яко тамошнее войско въ провіантѣ и фуражѣ немалой недостатокъ терпитъ, такъ что по мѣстамъ люди съ голоду умираютъ, а лошади падать стали. О всѣхъ сихъ извѣстіяхъ главнокомандующимъ обѣими арміями В. И. В. генераламъ я сообщить не преминулъ, чѣмъ и впредь безпосредственно всемил. мнѣ повелѣннымъ образомъ продолжать долженствую.

22) О причиненныхъ непріятельскимъ нашествіемъ Елисаветградской и Екатеринославской провинціямъ разореніяхъ,—отъ 23 апрѣля за № 31.

В. И. В. всевысоч. указъ за собственноруч. подписаніемъ отъ 30-го прош. марта я съ глубоч. подобострастіемъ сего мѣсяца 17 ч. получить удостоился. Во всепод. исполненіе монаршаго повелѣнія дерзаю В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что хотя я во всениж. моей реляціи № 28 и упомянулъ о причиненномъ нашествіемъ непріятельскимъ

въ границѣ В. И. В. обывателямъ Елисаветгр. и Екатеринин. провинціи уронѣ, по первымъ изъ Новорос. губ. канц. присланнымъ вѣдомостямъ; но въ разсужденіи того, что тѣ вѣдомости сочинены были скоро послѣ выступленія непріятеля, слѣд. въ такое время, когда подданные В. И. В., въ помянутыхъ провинціяхъ обитающіе, отъ набѣговъ еще нѣкоторымъ образомъ въ разстройкѣ находились, почему и точнаго ничего положить было невозможно, то отъ меня найсильнѣйше предписано посылкою вновь исправныхъ штабъ или оберъ-офицеровъ всѣ тѣ мѣста, до коихъ непріятель свои набѣги простиралъ, найсправедливѣйше свидѣтельствовать и, точную всему урону сочиня вѣдомость, ко мнѣ прислать, дабы я въ состояніе приведенъ быть могъ В. И. В. обо всемъ обстоятельно и аккуратно донести. Вслѣдствіе чего, какова вѣдомость сек.-м. и земскимъ коммиссаромъ Грачовымъ сочинена и ко мнѣ на сихъ дняхъ прислана, съ оной точный перечень В. И. В. на высоч. усмотрѣніе при семъ съ глубоч. благоговѣніемъ всепод. подношу; а при томъ осмѣливаюсь примѣтить, что реченный сек.-маіоръ въ репортѣ своемъ изъясняется, яко, не взирая на употребленное отъ него стараніе, сколько можно, справедливѣе и основательнѣе весь уронъ описать, однако въ томъ никоимъ образомъ успѣть не могъ, паче потому, что онъ принужденъ былъ по сказкамъ пріѣзжихъ въ разоренныя слободы для взятья оставшаго хлѣба сосѣдей число обоего пола плѣнныхъ въ вѣдомость вносить, зная заподлинно, что изъ обывателей многіе во время тревоги, ища своего спасенія, въ разные укрѣпленные мѣста, за Днѣпръ и въ Польшу, кому какъ способнѣе казалось, ретировались; изъ таковыхъ въ Польшу убѣгшихъ Чернаго гусар. полку шанца Ѳерварскаго ротной священникъ, со всѣмъ семействомъ и церковною утварью въ с. Бирки ретировавшійся, считается Татарами изрубленный, а семейство его и все имущество плѣненное. Онъ то-жъ самое разумѣетъ и о скотѣ, коего по селамъ и ротамъ, близь которыхъ непріятель слѣдовалъ, нынѣ много оказывается и хозяевамъ по опознаніи возвращается. Чего де ради справедливаго описанія до тѣхъ поръ ни людямъ, ни скоту, сдѣлать не можно, пока обыватели изо всѣхъ мѣстъ въ прежніе свои селенія не возвратятся. Такое жъ точно обстоятельство и съ причиненнымъ въ Екатерининской провинціи урономъ усматривается, какъ изъ перечня поднесенной при семъ вѣдомости явствуетъ. Однако, Всемил. Государыня, канц. Новорос. губ. отъ меня найсильнѣйше подтверждено

достойныхъ и исправныхъ штабъ или оберъ офицеровъ для точнѣйшаго освидѣтельствованія и справедливѣйшаго описанія всего урона немедленно вновь отправить[1]), о чемъ въ свое время В. И. В. всепод. донести долженствую.[2])

23) О приведеніи въ безопасность обывателей Елисаветградской провинціи,—отъ 23 апрѣля за № 32.

Всевысоч. В. И. В. указъ за собственноруч. подписаніемъ отъ 31 прош. марта, коимъ всемил. аппробовать изволите главнокомандующаго второю арміею генерала гр. П. А. Румянцова обще со мною положеніе о приведеніи въ безопасность обывателей Елисаветгр. провинціи въ нынѣшнее военное время, всевысоч. повелѣвая, по общему насъ обоихъ усмотрѣнію способнаго времени, и дѣйствительное по всѣмъ онаго пунктамъ сдѣлать исполненіе, съ наблюденіемъ только двухъ уваженій и пр.,—я сего мѣсяца 13 числа съ глубоч. благоговѣніемъ получить удостоился; на которой В. И. В. всепод. доношу, что по рабской моей должности я не приминy всѣ удобвозможныя мѣры и способы употреблять къ скорѣйшему и точнѣйшему исполненію всевысоч. монаршихъ повелѣній касательно переведенія Елисаветгр. пикинер. полку и поселенцевъ онаго въ удобнѣйшіе по Днѣпру мѣста и укрѣпленные гусарскіе шанцы, по общему съ главнокомандующимъ второю арміею генераломъ гр. Румянцевымъ; и теперь отъ меня бригадиру Черткову предписаніе прислать точное извѣстіе о незаселенныхъ по близости къ Днѣпру и по ономъ подъ пикинерныя роты, тожъ и подъ гусарскіе шанцы отведенныхъ земель, дабы тѣмъ удобнѣе сей переводъ располагать можно было, не нанося обывателямъ никакого утѣсненія, а какимъ образомъ граница по расположеніи поведена будетъ, тому сочиня аккуратную карту съ обстоятельнымъ всему описаніемъ, при всепод. моемъ доношеніи В. И. В. на всевысоч. благоволеніе поднесть не укосню.

---

[1]) По приложенному при этой реляціи перечню значится: по Елисаветградской провинціи взято въ плѣнъ муж. п. 624 и жен. 559 душъ; порубленныхъ и дѣйствительно найденныхъ и погребенныхъ муж. 100, жен. 26; отогнано непріятелемъ рогатаго скота 13,567, овецъ и козъ 17,100, лошадей 1557; сожжено церквей 4, мельницъ водяныхъ 3, вѣтряныхъ 3, домовъ 1190, винокурень 1; сгорѣло въ домахъ разнаго хлѣба четвертей 6377, копъ 920, мѣшковъ 70, сѣна пудовъ 10,817, копицъ 1883, скирдъ 73½; подожжено, но недогорѣло избъ 53.

[2]) Упомянемъ еще реляцію отъ 23 апрѣля за № 33, заключающую въ себѣ повтореніе того же вопроса, который представленъ въ реляціи за № 22,-относительно освобожденія, по письму кн. Репнина, нѣкоторыхъ плѣнныхъ конфедератовъ.

24) Объ отправленіи изъ крѣпости св. Елисаветы плѣннаго татарина Мусы къ Едисанскимъ мурзамъ съ письмомъ ас. Чугуевца,—отъ 17 мая за № 34.

В. И. В. прежними моими всепод. реляціями: № 80 отъ 1-го декабря прош. года и № 8 минувш. генваря отъ 19 числа, раболѣпнѣйше донесено о всѣхъ тѣхъ способахъ, кои для доставленія Едисанскимъ мурзамъ сочиненнаго, въ силу высоч. рескрипта отъ 26 октября прош. года, циркулярнаго отъ имени асессора Чугуевца письма мною употреблены. Но какъ отправленные тогда два эмиссара Татарскими къ нападенію въ границы В. И. В. движеніями въ исправленіи порученнаго имъ дѣла воспрепятствованы и безъ успѣха возвратиться принуждены были, то теперь по рабской моей должности признаваю съ глубоч. благоговѣніемъ о слѣдующемъ всепод. донести.

Когда, по вытѣсненіи уже Татаръ изъ Елисаветградской провинціи, я о исполненіи высоч. повелѣнія посылкою вновь эмиссаровъ въ Едисанскую орду помышлялъ и въ разсужденіи обстоятельствъ удобныхъ способовъ и средствъ изыскивать старался, ас. Чугуевецъ мнѣ представилъ, что иного средства къ доставленію братьямъ его и другимъ мурзамъ писемъ сыскать не можно, развѣ освобожденіемъ содержащагося въ крѣпости св. Елисаветы плѣннаго едисанца, прозываемаго Муса, обнадежа его великими авантажами и денежнымъ награжденіемъ, если онъ, вруча тѣ письма вѣрно, съ отвѣтами возвратится. Я, уваживъ сіе его представленіе, сообщилъ оное командующему второю арміею генералу гр. П. А. Румянцову, требуя его въ томъ совѣта, которой, признавъ за сходственно отважить одного плѣннаго на опытъ для толь полезнаго дѣла, спабдилъ переводчика Константинова ордеромъ для освобожденія реченнаго плѣннаго, съ чѣмъ оной переводчикъ въ крѣпость и отправленъ. Между тѣмъ ас. Чугуевецъ рапортомъ ко мнѣ представилъ, что, по таковому переводчика Канстантинова къ нему, содержащійся въ крѣп. св. Елисаветы Едисанской орды плѣнный, прозываемый Муса, знающій Турецкаго письма, по многому постороннимъ образомъ испытанію явясь расторопнымъ и свѣдомымъ о всѣхъ въ реестрѣ подписанныхъ Едисанскихъ и Буджацкихъ мурзахъ, на учиненный ему вопросъ, доставитъ ли онъ вѣрно письма къ братьямъ ас. Чугуевца и другимъ мурзамъ и возвратится ли съ отвѣтами, за что обнадеженъ не только великими авантажами,

но и прелестительнымъ по ихъ сребролюбію денежнымъ награжденіемъ, не только охотно исполнить обѣщалъ, но и по ихъ закону предъ двумя его въ крѣпости оставшими товарищами добровольною присягою обязался о точномъ всего исполненіи, назнача и возвращенію своему двойной срокъ, а именно по превожденіи за границу въ 20 дней; если же къ тому времени за какимъ непредвидимымъ препятствіемъ или отлучкою мурзъ не поспѣетъ, то столько жъ еще дней прибавилъ на другой срокъ, въ чемъ и товарищи его поручились, подвергая себя за неустойку жесточайшему истязанію. На семъ основаніи хотя 9 числа минувшаго апрѣля оный съ письмами отправленъ и за р. Бугъ толмачемъ Христофоромъ препровожденъ, однако возвращеніе его, не взирая на сильное его обязательство, еще сумнѣнію подвержено. Итакъ, время окажетъ, какую сей опытъ возымѣетъ удачу. А по нынѣшнимъ Едисанскихъ и Буджацкихъ Татаръ обстоятельствамъ, кои лишась такого хана, на котораго хитрость и храбрость въ своихъ успѣхахъ они много полагались, и въ разсужденіи примѣченной, какъ гласится, въ Туркахъ робости, нанесенной побѣдоносньмъ В. И. В. оружіемъ при первоначальныхъ воинскихъ произведеніяхъ, если тѣ письма мурзамъ доставлены, то легко статься можетъ, что Едисанцы и Буджацкіе Татары возымѣютъ предлогъ къ помышленію о своей безопасности. Однако мое сумнѣніе и о семъ не прежде разрѣшится, какъ съ окончаніемъ вышепомянутыхъ сроковъ. Ежели же что либо до меня дойдетъ, то В. И. В—ву безпосредственно донести долженствую.

25) О военныхъ успѣхахъ Запорож. козаковъ надъ Татарами и о разбитіи ими четырехъ Турецкихъ судовъ,—отъ 26 іюня за № 37 [1]).

Кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій присланными ко мнѣ въ одно время отъ разныхъ чиселъ прош. мая репортами объявляетъ, яко находящіяся за границею въ разъѣздахъ и для поиска Запорожскія пѣшія и конныя команды въ разныя времена слѣдующіе надъ Татарами одержали авантажи. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ два раза подъ

---

[1]) Упомянемъ еще о реляціяхъ: первой, отъ 17 мая за № 35, о полученіи рескрипта объ охраненіи границъ отъ Польскихъ мятежниковъ, и второй, отъ того же числа за № 36, о препровожденіи перевода къ письму Могилевскаго пріятеля (копіи перевода при чернов. реляціи нѣтъ).

самый Кинбурнъ одна пѣшая команда подходя отогнала пасущійся въ полѣ рогатый скотъ и лошадей числомъ болѣе семисотъ штукъ. Въ оба раза погоня для выручки скота и разбитія козаковъ отъ Кинбурна выслана была: въ первый 400, а въ другой 500 Ногайскихъ Татаръ, кои, нагнавъ козаковъ, до самого Днѣпра въ безпрестанномъ преслѣдовали сраженіи; но, первая, потерявъ до ста человѣкъ, а вторая до полутораста убитыми, принуждены были назадъ возвратиться, оставивъ всю добычь и пойманнаго Джамбулуцкой орды Булумбежскаго бешлійскаго одабашу Джармамбеша козакамъ, кои ни одного человѣка съ своей стороны не потеряли. Сей бешлійскій одабашъ Джармамбешъ сказкою показалъ, что предъ его изъ Очакова выѣздомъ прибыло къ Очакову изъ Царяграда шесть галіотовъ съ военными людьми и припасами, изъ коихъ два оставлены при Очаковской крѣпости, а четыре по пашинскому повелѣнію при первой способной погодѣ отплыть имѣли въ Крымъ; что на мѣсто умершаго Крымъ-Гирея хана возведенъ Арсланъ-Гирея-хана сынъ Девлетъ-Гирей, отъ котораго въ Бахчисарай отправленъ калга-султаномъ Сабашъ-Гирей; что бывшіе при Очаковѣ конные арнауты, по приказу сераскера паши, выступили къ Хотину, а Едисанская орда расположилась отъ Очакова по-надъ р. Бугомъ, простираясь до Кодыма, и что новый Татарскій калга-султанъ Сабашъ-Гирей приказалъ всѣмъ въ Крыму находящимся Татарамъ добрыми лошадьми запастись, а изнуренные зимнимъ походомъ для поправленія въ поле пустить. Въ первыхъ числахъ мая пѣшею жъ козацкою командою на Крымской степи отъ урочища Качкари, по убитіи супротивившихся чебановъ, четыре тысячи овецъ въ добычь взято. Въ среднихъ того жъ мѣсяца числахъ конная во стѣ двадцати человѣкахъ команда, наѣхавъ въ разъѣздѣ на Крымской степи въ Черной долинѣ болѣе тысячи человѣкъ Татаръ, съ оными сразилась и, побивъ изъ нихъ около трехсотъ, достальныхъ разогнала, при чемъ въ добычу получено болѣе пятисотъ лошадей, не потерявъ съ своей стороны ни одного козака, только ранено восемь человѣкъ.

Въ прибавокъ сему полученъ отъ сек.-маіора Микулишина изъ Новосѣченскаго ретранжамента репортъ отъ 13 сего іюня, что отправленная отъ Коша войска Запорож. на судахъ козацкая команда сего мѣсяца 7 числа, плывучи внизъ Днѣпра, встрѣтилась въ своихъ дачахъ съ десятью Турецкими небольшими судами; на каждомъ изъ оныхъ

было по сорову и болѣе Туровъ, изъ которыхъ Запорожцы четыре судна совсѣмъ разбили, Туровъ и командира ихъ побили, а пушки въ воду потопили и, взявъ въ добычу четыре знамена и десять человѣкъ Турокъ въ полонъ, по разогнаніи достальныхъ шести судовъ, въ Сѣчь возвратились; въ которомъ сраженіи козаковъ десять человѣкъ побито, а двѣнадцать ранено; и что того жъ 13 числа взятые знамена и десять человѣкъ плѣнныхъ отправлены къ командующему второю арміею генералу гр. Румянцову.

26) О полученіи рескрипта относительно плѣнныхъ конфедератовъ и о числѣ отправленныхъ въ Казань,—отъ 26 іюня за № 38.

В. И. В. высоч. рескриптъ отъ 6-го сего іюня по поводу всепод. моихъ реляцій №№ 22 и 33 относительно оставленныхъ здѣсь по письму князя Репнина нѣкоторыхъ шляхтичей изъ плѣнныхъ конфедератовъ я въ свое время получить удостоился, въ силу котораго точное исполненіе учинить не премину. А между тѣмъ осмѣливаюсь всепод. донести, что по сіе число всякаго званія и чина плѣнныхъ конфедератовъ разными партіями отсюда въ Казань отправлено 777 человѣкъ, и что собранная изъ выздоровѣвшихъ больныхъ и вновь изъ Польши присланныхъ мятежниковъ во стѣ тринадцати человѣкахъ партія туда жъ отправлена быть имѣетъ.

27) Объ отправленіи къ гр. Румянцову переводчика Константинова и толмача Григоровича,—отъ 26 іюня за № 39.

Во всепод. исполненіе высоч. В. И. В. рескрипта отъ 31 мая, полученнаго мною 17 сего іюня, съ рабо.ѣпнѣйшимъ благоговѣніемъ доношу, что по предварительному требованію главнокомандующаго второю арміею гр. Румянцова снабдить его искуснымъ Турецкаго и Татарскаго языковъ переводчикомъ для переводовъ случающихся писемъ и однимъ или двумя тѣ жъ языки знающими толмачами, за неимѣніемъ при здѣшней губерніи таковыхъ достаточно Турецкій и Татарскій языки знающихъ, кромѣ секретаря Равича, котораго по надобности въ здѣшнемъ пограничномъ мѣстѣ отсюда отлучить не можно, отправленъ къ нему, гр. Румянцову, бывшій чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Сѣчи Запорожской переводчикомъ Сумскаго слободскаго полку обыватель Андрей Дмитріевичъ, сынъ Константиновъ, которой еще прошедшаго года въ

ноябрѣ мѣсяцѣ съ даннымъ ему отъ кошевого атамана аттестатомъ о прилежномъ исправленіи его должности и добропорядочныхъ поступкахъ у меня явился и котораго я, въ разсужденіи частаго его съ Татарами обхожденія и знакомства съ Едисанскими и Буджацкими мурзами, употребилъ съ ас. Чугуевцомъ по Едисанскому дѣлу, о коемъ въ слѣдующей при семъ подъ № 40 реляціи обстоятельнѣе изъяснено будетъ; а толмачъ посланъ изъ здѣшнихъ только одинъ Христофоръ Григоровичъ, ибо и при здѣшней губ. канц., за задержаніемъ въ Цареградѣ пяти и за отдачею главнокомандующему первою арміею князю Голицыну двухъ человѣкъ, нынѣ только четыре человѣка на лицо, да и тѣ престарѣлые и слабые.

28) О невозвращеніи посланнаго къ Едисанцамъ плѣннаго татарина и о запискѣ ас. Чугуевца по Едисанскому дѣлу,—отъ 26 іюня за № 40.

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи № 34 относит. ввѣреннаго мнѣ обще съ командующимъ 2-ою арміей гр. Румянцовымъ Едисанскаго дѣла, дерзаю съ глубоч. благоговѣніемъ донести: при усмотрѣніи моемъ, что отпущенный изъ крѣп. св. Елисаветы татаринъ по истеченіи и двойного уже срока не возвратился, ас. Чугуевцу предписалъ явиться у гр. Румянцова, который, съ ввѣренною ему второю арміею находясь въ близости Татарскихъ границъ, удобные возымѣетъ случаи къ предпринятію и употребленію способныхъ по тому мѣръ, и, учиня обстоятельное о всемъ представленіе, требовать повелительнаго наставленія; на что какой я отъ ас. Чугуевца получилъ репортъ и при ономъ записку, съ обоихъ при семъ на высоч. усмотрѣніе В. И. В. подношу точныя копіи [1]).

29) О присланныхъ въ Кіевъ плѣнныхъ Туркахъ,—отъ 26 іюня за № 41.

В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ всепод. доношу, что по сіе число въ разныя времена прислано отъ команд. первою арміею кн. Голицына военноплѣнныхъ Турковъ одинъ поручикъ, 45 человѣкъ рядовыхъ, двѣ женщины и одна дѣвка, которымъ при семъ именной подношу списокъ, а вчера привезено изъ взятыхъ у Турокъ пяти пушекъ, три мѣдныя а двѣ чугунныя, да пара бубновъ и два барабана. Я не

---

[1]) При черн. реляціи копіи нѣтъ.

премину, по отправленіи конфедератовъ въ Казань, въ силу всевысоч. В. И. В. имен. указа, и плѣнныхъ Турокъ отправить чрезъ Москву въ Архангельскъ, ибо содержаніе оныхъ въ здѣшней крѣпости по нынѣш. воен. обстоятельствамъ, въ разсужденіи немалаго для карауловъ расхода людей, всему гарнизону въ тягость становится. Но какъ въ присланныхъ при сообщеніяхъ отъ него жъ ген. кн. Голицына о военноплѣнныхъ спискахъ показаны такими же плѣнными 12 человѣкъ волоховъ, три армянина, два раскольщика и одинъ жидъ, коихъ рекомендовано содержать на основаніи протчихъ плѣнныхъ, то я дерзаю съ глубоч. благоговѣніемъ всевысоч. себѣ испрашивать повелѣнія, отсылать ли и оныхъ съ Турками въ Архангельскъ, или въ другое какое мѣсто.

29) О числѣ отправленныхъ изъ Кіева въ Казань плѣнныхъ,—отъ 17 іюля за № 44.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. повелѣнія, по отпускѣ сего, отправлено въ Казань разными партіями изъ содержавшихся въ здѣш. крѣпости плѣнныхъ мятежниковъ всего 887 человѣкъ; изъ больныхъ, кои въ гарнизонныхъ госпиталяхъ пользуемы были, померло въ разныя времена 133, а затѣмъ осталось еще здѣсь слабыхъ всего 4 человѣка.

30) О доставленныхъ Могилевскимъ пріятелемъ свѣдѣніяхъ объ арміи визиря,—отъ 17 іюля за № 46.

Имѣя неусыпное попеченіе о исполненіи всевысоч. повелѣній В. И. В., поручено было Могилевскому пріятелю отправить вѣрныхъ людей въ главную Турецкую армію и въ Константинополь для развѣданія какъ о тамошнихъ обстоятельствахъ, такъ о состояніи и числѣ главной подъ предводительствомъ верховнаго визиря арміи, который отъ 28 числа минув. мѣсяца увѣдомляетъ, что одинъ изъ отправленныхъ отъ него въ армію верх. визиря, прибывъ обратно, слѣдующее объявилъ: засталъ онъ визиря въ Молдавіи между Хотиномъ и Бендеромъ при такъ наз. Могилѣ Робіи со всею арміею въ числѣ ста пятидесяти тысячъ Турковъ, откуда отправленъ Румелійскій сераскеръ съ осмью пашами съ шестьюдесятъ тысячами Турецкой пѣхоты и конницы и съ частью артиллеріи къ Хотину. При главной визирской

арміи, сколько примѣтить было можно, находилося девяносто большихъ орудіевъ разнаго колибра, между оными и такіе видѣлъ, подъ коими до 20 и болѣе паръ воловъ въ упряжкѣ. Въ Хотинѣ женскаго полу и малолѣтнихъ дѣтей, сказываютъ, не осталось:-всѣ за рѣку Дунай высланы. Въ сей крѣпости дороговизна великая: фунтъ печенаго хлѣба продается по шести коп. Гарнизонъ Хотинскій въ худомъ состояніи, ибо немалая часть онаго отъ горячки померла. Верх. визирь съ своею арміею намѣренъ былъ 28 прош. іюня отъ Робіи Могилы къ Бендерамъ слѣдовать, куда квартирмейстеры для означенія лагеровъ и постройки при оныхъ печей впередъ отправлены. Армія его по отдѣленіи корпуса къ Хотину, какъ гласится, составляетъ 90 тысячъ человѣкъ пѣхоты и конницы Турецкой подъ командою 12 пашей, при которой артиллеріи 80 большихъ и малыхъ орудіевъ находилось. Изъ Молдавіи собрано двѣ тысячи фуръ для подвозу всякихъ къ арміи надобностей. Молдавскій господарь по визирскому повелѣнію скованъ въ желѣза, а на мѣсто его назначенъ Константинъ Маврокордатъ. Къ Хотину сверхъ вышепомянутаго корпуса командированъ былъ одинъ Татарскій султанъ съ тридцатью тысячами Татаръ, но выступилъ ли туда или нѣтъ, неизвѣстно; а сіе подлинно, что въ Молдавіи великое число христіанъ ими порублено, многіе села разорены и молодые люди поплѣнены; при тѣхъ Татарахъ находился съ конфедератами маршалъ Красинскій, которому приданъ Дубосарскій гетманъ Якубъ-ага, а Крымскій ханъ въ Бендерахъ. Изъ партіи Турецкихъ охотниковъ, кои чрезъ Днѣстръ переходить и на армію В. И. В. напасть отважились, какъ сказываютъ, мало возвратилось, ибо сверхъ побитыхъ многіе въ рѣкѣ потонули. Другой нарочно посланный по возвратѣ все вышеписанное подтвердилъ и съ такою только отмѣною, яко командированному къ Хотину съ Татарами султану велѣно до дальняго повелѣнія остановиться, а Румелійскій сераскеръ Ахмедъ паша съ корпусомъ въ походъ къ Хотину выступилъ; что господарю Конст. Маврокордату велѣно въ Букурешты слѣдовать, а бывшему тамо въ Ясы прибыть, и что верх. визирь свой походъ къ Бендерамъ отмѣнилъ, а слѣдовать имѣетъ къ Очакову. Въ Константинополь еще нарочнаго не отправилъ, а обѣщаетъ объ отправленіи стараніе употребить.

Всемил. Государыня! Я всѣ сіи извѣстія тотчасъ по полученіи обоимъ арміями В. И. В. командующимъ генераламъ сообщилъ, чѣмъ и впредь продолжать не премину.

31) Съ сообщеніемъ о числѣ наличныхъ плѣнныхъ Турокъ и съ вопросомъ, что̀ дѣлать съ плѣнными Волохами, Болгарами и Греками,—отъ 3 сентября за № 48.

Послѣ отпуску всепод. моей реляціи № 41[1]) относительно приведенныхъ сюда изъ первой арміи плѣнныхъ Турковъ въ разныя числа дослано еще Турковъ 45 человѣкъ, турчанка одна съ двумя малолѣтними сыновьями, Волоховъ 12, Грековъ 4, Булгаровъ 18 и жидъ одинъ, коихъ нынѣ, за исключеніемъ умершихъ, содержится здѣсь всего на все Турокъ 79, двѣ замужнія турчанки, одна дѣвка и два мальчика, Волоховъ 32, Грековъ 5, Булгаровъ 22, Армянъ 3, раскольниковъ 2 и жидовъ 2; а между тѣмъ померло обыкновенными болѣзньми Турокъ 21, турчанка одна, Волоховъ 4, Булгаровъ 4 и Грекъ одинъ. Что принадлежитъ до плѣнныхъ Турковъ, то оные всевысоч. повелѣннымъ мнѣ образомъ сими днями отправлены быть имѣютъ въ Архангельскому городу, а Волохи, Греки, Булгаре, Армяне, раскольники и жиды останутся здѣсь до полученія отъ В. И. В. высоч. указа, что съ оными предпринимать повелѣно будетъ, ибо на сообщеніе мое о Волохахъ, Грекахъ и Булгарахъ, жалующихся, что они не плѣнные, но по единовѣрію явшіеся собою и прибѣгшіе подъ всевысоч. защищеніе отъ главнокомандующаго первою арміею кн. Голицына мнѣ отвѣтствовано, яко онъ объ нихъ ничего рѣшительнаго мнѣ сказать не можетъ, п. ч. хотя де оные и не плѣнные, однако, по нѣкакому яко бы въ разсужденіи нынѣшней войны подозрѣнію, думаетъ онъ, что ихъ еще здѣсь удержать надобно, а притомъ поручилъ мнѣ объ нихъ В. И. В. всепод. представить и всевысоч. себѣ испросить повелѣнія. Но если В. И. В. всемил. угодно вѣдать, какимъ образомъ въ прошедшую съ Турками войну съ подобными людьми поступлено было, то я съ глубоч. благоговѣніемъ, сколько извѣстно, осмѣливаюсь раболѣпнѣйше донести, что оные, какъ въ разсужденіи единовѣрія, такъ и для приласканія прочихъ ихъ одноземцовъ, принимаемы бывали со всякимъ пріятствомъ и по собственному желанію опредѣлялись иные въ Молдав. гусар. полкъ, которой тогда жъ изъ нихъ учрежденъ, другимъ позволялось селиться въ Малой Россіи и въ Слободскихъ полкахъ, а нѣ-

[1]) Упомянемъ еще о реляціи, отъ 17 іюля за № 47, съ представленіемъ копіи репорта Запорож. старшины Филиппа Стягайла о разбитіи Турокъ на Днѣпрѣ, о которомъ донесено въ реляціи за № 37 (копіи этой при чернов. реляціи нѣтъ).

которые для своего пропитанія нанимались у партикулярныхъ людей во услуженіе; подъ карауломъ же, какъ нынѣ, равно съ плѣнными никогда содержимы не были. Итакъ, мнѣ иного не остается, какъ всевысоч. В. И. В. соизволенія объ нихъ ожидать и именной всѣмъ плѣннымъ Туркамъ списокъ съ раболѣпнѣйшимъ подобострастіемъ при семъ поднесть, а при томъ всепод. донести, что нѣкоторые изъ сихъ плѣнныхъ Турковъ отзываются, что имѣютъ желаніе крещеніе принять и вѣчно остаться въ Имперіи В. И. В.; и какъ оные самобѣднѣйшіе люди, то съ глубоч. благ. всевысоч. себѣ испрашиваю указа, что повелѣно будетъ съ оными дѣлать и какое для пропитанія на первой случай имъ учинить награжденіе.

32) О присланномъ въ Кіевъ изъ первой арміи Черногорскомъ архимандритѣ Григоріи Дреколовичѣ, съ приложеніемъ переводовъ писемъ, бывшихъ у него—отъ 3 сентября № 49.

Усмотря изъ репорта стоящаго въ Польскомъ городѣ Полонномъ бригадира Баннера, яко между присланными изъ первой арміи плѣнными и явившимися собою разныхъ народовъ людьми находится Черногорскій архимандритъ Григорій Дреколовичъ, котораго отъ главнокомандующаго арміею генерала велѣно отмѣннѣе другихъ содержать, производя ему на пищу по 50 к. въ день, и вспомня, что высоч. В. И. В. рескриптомъ отъ 14 марта прошлаго 1768 г., при которомъ приложены переводы съ полученныхъ въ Вѣнѣ полномочнымъ В. И. В. министромъ кн. Голицынымъ отъ Черногорскихъ архимандритовъ писемъ, о подобномъ имени упоминается, поручилъ канцеляріи совѣтнику Веселицкому видѣться съ нимъ и искуснымъ образомъ вывѣдать, какой онъ человѣкъ, откудова, какимъ случаемъ, зачѣмъ и давно ль къ арміи В. И. В. прибылъ; на которые вопросы отвѣтствовалъ, что онъ Черногорскій архимандритъ Григорій Дреколовичъ есть тотъ самой, которой прошлаго году въ февралѣ мѣсяцѣ отъ общества Черногорскаго и Бердянскаго изъ секретнаго правленія, безъ вѣдома Малого Степана, отправленъ былъ въ Вѣну къ цесарю и въ Россію къ В. И. В. съ самонужнѣйшими письмами. Посылка его въ томъ только состояла, чтобъ по поднесеніи писемъ о настоящей истинѣ явшагося у нихъ Степана Малого свѣдать, ибо присланнымъ изъ Константинополя отъ обрѣтавшагося тамо В. И. В. министра тайн. сов. Обрѣзкова къ

Черногорскому начальству письмомъ оной подозрительнымъ показанъ. Въ семъ намѣреніи онъ къ цесарской границѣ въ Землинъ прибылъ, гдѣ нашелъ въ карантинѣ Пекскаго патріарха Василя Ивановича Беркича, архимандрита Аввакума, посланнаго отъ Малого Степана, невѣдомо, съ какою коммиссіею, гдѣ и онъ, Дреколовичъ, въ карантинъ принятъ, откуда дважды къ пребывающему въ Вѣнѣ В. И. В. полномочному посланнику кн. Голицыну писалъ, прося о исходатайствованіи ему скораго пропуску, ибо онъ съ самонужнѣйшимъ секретомъ отправленъ. Но между тѣмъ по цесарскому повелѣнію онъ изъ Землина обратно высланъ. По возвратѣ же его въ Черную Гору Степанъ Малой въ томъ достоинствѣ и власти, какъ онъ по свидѣтельству нѣкоторыхъ у нихъ принятъ, подвластныхъ ему воиновъ обучалъ и нужныя учрежденія дѣлалъ къ войнѣ съ Турками; а прошедшаго августа 13 числа, по сближеніи Турецкой арміи подъ командою Румелійскаго сераскера Мелаихъ-Мегметъ-паши, у нихъ сраженія начались, которыя по 2 число сентября ежедневно въ небольшихъ партіяхъ продолжались, и 3-го сентября главная битва была, въ которой Турки совершенно поражены, разбиты и прогнаны съ большимъ урономъ. А прибывшаго послѣ того съ Бошняцкимъ корпусомъ Бошняцкаго визиря Селихтору-Мегметъ-пашу 19-го того жъ сентября равномѣрно разбили и прогнали, получа въ обоихъ сихъ главныхъ битвахъ великую добычь. Того жъ сентября 24 числа разбили и Венеціанскій корпусъ на Будванскомъ полѣ, а 26-го, будучи онъ, Дреколовичъ, съ архіереемъ Черногорскимъ Арсеніемъ Пламенацомъ въ монастырѣ Майнескомъ, ночью нечаянно прибывшею Венеціанскою командою плѣненъ, въ Будву отвезенъ, отъ архіерея Пламенаца отлученъ и въ Турецкій городъ Баръ привезенъ и тамошнему Турецкому начальству отданъ, откуда подъ крѣпчайшимъ карауломъ въ Царьградъ препровожденъ, гдѣ десять дней разными образы изъ злобы мучимъ былъ, чтобъ письмо написалъ къ Черногорскому начальству съ Турками помириться, которое онъ, не могучи по человѣчеству болѣе мученія стерпѣть, принужденнымъ нашелся такого содержанія написать, чтобъ Черногорцы съ Турками вѣчной миръ на такихъ заключили кондиціяхъ, чтобъ между ими дружба на вѣчныя времена ненарушимо сохранена и продолжаема была, и они бъ, на своихъ правахъ, преимуществахъ и обыкновеніяхъ пребывая, подъ Турецкою протекціею состояли и во все время свободную въ Турецкой области ко-

мерцію производили, а за такую къ нимъ султанскую милость дозволили бъ Туркамъ крѣпость у подошвы Черной Горы съ морской стороны построить; которое письмо съ нарочнымъ въ Черную Гору и отправлено, а онъ изъ темницы освобожденъ и верховному визирю представленъ, отъ котороо ласково принятъ, пятидесятью червонными подаренъ и на пищу по одному левку въ день опредѣлено, а послѣ того къ Румельскому пашѣ Мелаихъ-Мегмету въ Софію отправленъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ при немъ находился до того времени, пока Турки армію В. И. В. побѣдятъ, ибо сей же паша, по одержаніи побѣды, наряженъ былъ съ частію войска къ Черной Горѣ для трактованія о мирѣ на вышеписанныхъ кондиціяхъ и построенія тамо крѣпости,— при которомъ все время находился даже до прибытія Турецкаго войска подъ командою его подъ Хотинъ, гдѣ по разбитіи Турковъ онъ, Дреколовичъ, съ тою Турецкою толпою, которая въ Хотинъ ретировалась, въ крѣпость вошелъ, а по нѣсколькихъ дняхъ, сыскавъ удобной случай, оттуда бѣжалъ и къ арміи В. И. В. прибѣгъ, гдѣ генералъ-маіоромъ Черноевичемъ опознанъ и къ главнокомандующему генералу представленъ, которому о своемъ приключеніи вкратцѣ донесъ, а между тѣмъ отправленъ въ Кіевъ съ такимъ увѣреніемъ, что оттуда онъ не только въ свое отечество писать можетъ, но и всевысоч. В. И. В. указа здѣсь ожидать имѣетъ.

На другой день, въ вечеру, по предварительной обсылкѣ, имѣетъ ли канц. сов. Веселицкій время дозволить ему съ нимъ видѣться, пришедъ навѣдался, можно ли ему письмо въ Черную Гору къ тамошнему начальству написать и какимъ образомъ оное скорѣе и вѣрнѣе туда дойдетъ; на что ему отвѣтствовано, что о вѣрномъ доставленіи онаго по почтѣ чрезъ Вѣну никакого сумнѣнія нѣтъ, если отправленіе того онъ ему, сов. Веселицкому, повѣритъ, чѣмъ онъ и доволенъ былъ, обѣщавъ на другой день письмо принести, а между тѣмъ отзываться сталъ, что онъ, видя пріятство его, Веселицкого, къ себѣ и будучи свѣдомъ о происхожденіи его, изъ Далмаціи, яко одноземцу, буде любопытствовать хочетъ, можетъ ему сообщить копію съ того инструмента, какимъ образомъ и съ какими кондиціями Степанъ Малой у нихъ принятъ, равно какъ и съ письма, съ которымъ же прошлаго году въ февралѣ мѣсяцѣ изъ секретнаго Черногорскаго и Бердянскаго правленія къ В. И. В. отправленъ былъ, и получа въ отвѣтъ, что онъ съ удовольствіемъ тѣ піесы читать будетъ, отошелъ

въ квартиру. Итакъ, на другой день, поутру прислалъ чрезъ приставленнаго къ нему для присмотру солдата письмо отверстое для отправленія, прося запечатать оное въ своемъ кувертѣ и надпись сдѣлать италіанскую, тако жь и двѣ копіи съ помянутыхъ піесъ, которыя при семъ въ подлинникѣ съ переводами на всевысоч. усмотрѣніе В. И. В. всеподданнѣйше подносятся.

А онъ здѣсь подъ непримѣтнымъ присмотромъ до высоч. В. И. В. объ немъ указа содержанъ быть имѣетъ во всякомъ въ пропитаніи довольствѣ. Но какъ письмо его, кое онъ отдалъ для отправленія въ Черную Гору, наполнено аллегоріею, то приказалъ я сов. канц. Веселицкому непримѣтнымъ и ласковымъ разговоромъ его до того довести, чтобъ онъ ему темные свои отзывы объяснилъ для разрѣшенія того сомнѣнія, которое онъ въ томъ письмѣ находитъ, что и учинено, какъ В. И. В. изъ ремарковъ всемилостивѣйше усмотрѣть изволите. Между тѣмъ же канц. сов. Веселицкій въ предосторожность ему совѣтовалъ о имѣвшемъ съ нимъ разговорѣ никому ни слова не открываться, ибо онъ, какъ благоразумный человѣкъ, самъ догадаться можетъ, какое изъ такого откровенія неразсудливые люди сдѣлать могутъ заключеніе, особливо же въ пограничномъ мѣстѣ, гдѣ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ всякій любопытствомъ зараженъ и по своему смыслу нескладные разсѣевать можетъ толки.

Приложенія:

а) Переводъ письма архимандрита Григ. Дреколовича.

Преосвященнѣйшій г. митрополитъ Савва, пресвѣтлый г. воевода Илія, мой по крови братъ, превозвышенный г. губернаторъ и око, всѣ сердари, начальники, прочіе витези и благородичи нашей земли, здравствовать вамъ желаю въ нашу радость во славу Бога на лѣта многа!

Только двумя словами даю знать всѣмъ вамъ, что Богъ меня изъ рукъ князя Венеційскаго и султана Турецкого крѣпостію Россійской императрицы избавилъ. Нынѣ я живъ и здоровъ, въ г. Кіевò-Печерскомъ находясь, ожидаю милостиваго указа; *а предателя моего теперъ не упоминаю, хотя и знаю кто*[1]), но когда прибуду къ вамъ, естли я Дреколовъ внукъ, тогда онъ узритъ. *Дѣла, которыя Богъ началъ у васъ производить, да бу-*

---

[1]) Симъ онъ думаетъ Степана Малого, ибо Венеціане безъ его увѣдомленія знать не могли, гдѣ онъ находится. Примѣч. подлин.

дутъ благополучны[1]). Помните труды мои, которые я денно и ночно съ вами имѣлъ, то жъ страданіе, кое терплю по чужимъ странамъ; слезами, которые я въ моемъ мученіи пролилъ, всѣхъ бы васъ обмылъ. Только всѣ вы *держитесь того обѣта, которой мнѣ дали на Земскомъ полѣ іюня 29 дня 1768 г.; теперь время настало всѣмъ полезное; осмотритесь хорошо*[2]); ибо когда вы меня въ Вѣну къ Цезарю и въ Россію отправили для разсмотрѣнія и исправленія дѣла, тогда, повидимому, не было сужено, а теперь самъ Богъ судилъ. *Я надѣюсь все исправити и совершити, да и думаю, что довольно уже и совершено*[3]), только будьте послушны; *а что намъ Степанъ Малый подтвердилъ,-уповаю, здѣсь и болѣе подтвердится и укрѣпится*[4]). Никто, какъ Богъ! Поздравьте Малого Степана и скажите ему, что я живъ и надѣюсь скоро мою землю и братьевъ посѣтить во всякомъ благополучіи. Поздравьте старую матерь и всѣхъ Черногорцевъ и Бердянъ; пускай не жалѣютъ драгоцѣнную свою кровь и крѣпость. Поклонитесь италіанскимъ господамъ и экстраординарію, и при томъ объявите имъ, что Турецкій царь меня не умертвилъ, но я живъ, а сердарю Василію поручаю, чтобы Богу молился и *гостей бы благопріятно встрѣчалъ*[5]). Итакъ, предая васъ и себе защищенію святыхъ и Бога живаго, есмь вашихъ свѣтлостей смиренный слуга и братъ архимандритъ Черногорскій, экзархъ Константинопольскій, Григорій Дреколовичъ.

Въ Кіево-Печерскомъ городѣ, августа 26 д. 1769 г.

Г. патріарха цѣлую, Арсенія владыку поздравляю, такожде Өеодосія, Руфима, а Стефана сладчайше поздравляю жъ.

б) Переводъ письма къ Государынѣ Императрицѣ Черногорскаго и Бердянскаго обществъ.

В.И. В.! Общества нашего Черногорскаго и Бердянскаго изъ секретнаго правленія рабы смиренные, прибѣгаемъ къ монаршему Вашему мило-

[1]) Подъ симъ разумѣетъ онъ начатую съ Турками войну, въ которой Богъ имъ помогъ врага побѣдить.

[2]) Обѣтъ состоялъ въ присягѣ на св. Евангеліи, чтобъ одинъ другого не выдалъ, но всякой бы за отечество и вѣру до послѣдней капли крови подвизался. Время полезное потому настало, что съ Россійской императорской стороны Туркамъ война объявлена и непріятель уже нѣсколько и пораженъ.

[3]) Подъ симъ разумѣетъ онъ точное свѣдѣніе получить о Степанѣ Маломъ.

[4]) Здѣсь увѣряетъ онъ, что Рос. имп. дворъ, по единовѣрію и свѣдомому ихъ къ оному усердію и преданности, не только все то подтвердить изволитъ, что Степанъ Малый имъ подписалъ, но и болѣе милости имъ окажетъ.

[5]) Онъ въ арміи Рос. имп. слышалъ, что въ Черную Гору отправленъ одинъ полковникъ и что можетъ быть въ пользу ихъ еще какая помощь туда пошлется, и для того рекомендуетъ гостей встрѣчать. Всѣ примѣч. подлин.

сердію и, припадая чрезъ сего посланника нашего, архимандрита Григорія Дреколовича, къ В. И. В. отправленнаго для объявленія нашей крайней нужды и о случившемся въ нашей сторонѣ происшествіи, доносимъ, что по прибытіи къ намъ одной особы со свидѣтельми, доказующими, яко оная есть Петръ Федоровичъ, императоръ Третій Россійскій, наше общество усердно его приняло и, высокой его власти подвергшись, всю нашу вольность въ его руки предало; но получа нынѣ извѣстіе отъ Вашего посланника изъ Царяграда, что онъ не тотъ и чтобъ мы его отъ себя отогнали, еже насъ въ великое привело сомненіе, не зная въ томъ настоящей правды и истины, ибо хотя мы и усматриваемъ въ немъ многую нашу пользу и добрые поступки, однако, о тайностяхъ великихъ государствъ не будучи свѣдомы, опасаемся, чтобъ не попасть въ погрѣшеніе ни противъ Е. И. В. Петра Федоровича, ниже противъ всероссійскаго В. И. В.; а какъ нынѣ западные государи въ нѣкакомъ смущеніи, и султанъ Турецкой намъ войскомъ грозитъ, противъ котораго мы всегда готовы за всероссійскій дворъ воевати, то для совершеннаго разрѣшенія сего нашего сомнѣнія посылаемъ изъ секретнаго нашего правленія брата нашего вышреченнаго архимандрита, чтобы онъ, отъ В, И. В. принявъ самую истину сего обстоятельства, по возвратѣ своемъ оную намъ предалъ, въ чемъ мы его не только совершенно уполномочиваемъ, но и волю нашу ему препоручаемъ. Итакъ, что сей вышепомянутой нашъ братъ у В. И. В. совершитъ, мы все оное здѣсь точно исполнять не преминемъ. Извольте только съ нимъ прислать къ намъ одну повѣренную особу для нашей пользы. Мы теперь съ моря хотя и заперты, однако ожидаемъ всемилостивѣйшаго указа.

В. И. В. рабы вѣчные и вѣрные:

Смиренный митрополитъ Сава Петровичъ.

Повелитель и воевода Илія Дреколовичъ.

Губернаторъ Іоко Станитинъ.

Сердарь Андрей Ерселиковичъ. Сердарь Моисей Пламенацъ.

Князь Ѳома Дреколовичъ. Сердарь Василій Дреколовичъ.

На Станевичахъ. Изъ нашего секретнаго Черногорскаго правленія. Февраля 7-го дня 1768 года.

в) Переводъ письма Черногорскаго и Бердянскаго обществъ къ Императору Петру III.

Благочестивѣйшій, самодержавнѣйшій, великій государь императоръ всероссійскій Петръ Третій, нашъ милостивѣйшій монархъ и государь!

Мы, общества Черногорскаго и Бердянскаго воеводы, губернаторъ, сердары, князья, властители, такъ военные, какъ и духовные, всѣ

В. И. В. кланяемся, а при томъ прославляемъ Бога, сподобившаго насъ того у себя видѣти и приняти, чего отцы и дѣды наши не удостоилися; толь милостивъ Богъ нашъ, что сподобилъ насъ вашимъ монаршимъ пришествіемъ освятити. Благословенъ буди отнынѣ и во вѣки! Вотъ, всемил. импер. величеству буди здравствовати между нами, какъ въ своемъ домѣ; все наше движимое и недвижимое имѣніе предаемъ В. И. В. и обѣщаемся, когда въ войну вступишь, за тебя умереть и кровь свою проливать, а ежели бы кто въ измѣнѣ противъ васъ найденъ и уличенъ былъ, оной отъ насъ смертію казненъ будетъ. Итакъ, повелѣвайте нами правдою и истиною. Только общество наше проситъ у В. И. В., чтобъ наши границы учреждены и поставлены были отъ Острога до Калашина, Жупанъ и Гроова; до Рисна съ стороны Босніи, а отъ Мойна моремъ до устья рѣки Бояны, оттуда до Задра и всею Шарою горою на Плавъ до Комарона; и вся земля наша была бъ вольна отъ васъ и послѣ васъ; а нашъ столичный городъ Скадоръ да будетъ свободная наша республика, и никтобы изъ иностранныхъ у насъ судьею не былъ, развѣ одинъ верховный членъ, и гдѣ бы нашъ черногорецъ въ вашей державѣ, которую вамъ Богъ подастъ, ни поселился, да имѣетъ всякую вольность въ прожитіи; а мы съ вами воевати будемъ дондеже желаемаго постигнете, но потомъ никогда насъ да не изнуряете. Во утвержденіе чего В. И. В. все сіе своеручно нынѣ намъ подписать и Бога клятвеннымъ обѣщаніемъ въ соблюденіи того порукою намъ дать изволите. Итакъ, общество ожидать будетъ В. И. В.... (не достаетъ въ документѣ окончанія).

33) О перешедшемъ подъ Россійскую протекцію Польскомъ поручикѣ фонъ-Витенѣ,—отъ 3 сентября за № 50.

В. И. В. пріемлю смѣлость съ глубоч. благогов. раболѣп. донесть, что прош. августа м-ца, явясь здѣсь, прибывшій изъ Польши поручикъ фонъ-Витенъ объявилъ, что онъ, бывъ въ настоящемъ часу въ службѣ у стражника Литовскаго Поцея, а потомъ у графа Юдицкаго, каштелянича Минскаго, и примѣтя де его, принципаля, къ конфедератамъ склонность и по прочимъ притѣсненіямъ, яко диссидентъ, прибѣгъ подъ высоч. покровъ и защищеніе В. И. В., желая быть въ воинской службѣ, и просилъ освободить оставленную въ Польшѣ жену его съ пожитками, о чемъ для пространнѣйшаго усмотрѣнія подношу здѣсь взятой съ него сказки точную копію. Между тѣмъ Жмудскій староста Ходкевичъ и помянутой графъ Юдицкой, чрезъ нарочно присланныхъ ко мнѣ письменно объявляя, что онъ, Витенъ,

задолжалъ тамо болѣе тысячи рублей и, забравъ нѣсколько разныхъ вещей, бѣжалъ въ Россію, требуютъ выдачи его съ однимъ рядовымъ на Польскую сторону обратно, на что отъ меня симъ вельможамъ отвѣтствовано, что какъ оной офицеръ взялъ прибѣжище подъ протекцію В. И. В., то я, не будучи въ состояніи его безъ высоч. соизволенія отсюда къ нимъ отправить, В. И. В. всепод. о томъ доносилъ съ испрошеніемъ указа, по полученіи котораго ихъ увѣдомить не премину. А между тѣмъ оной офицеръ здѣсь подъ непримѣтнымъ присмотромъ содержится.

Приложеніе: Показаніе фонъ-Витена.

1769 г. августа 17 дня, вышедшій изъ Польши порутчикъ фонъ-Витенъ въ Кіев. губ. канц. сказалъ:

Родомъ изъ Пруссіи, помѣстья Волинина, лютерскаго закона, въ службѣ Прусской находился 14 лѣтъ въ полку Альтъ-Плотеновомъ; въ 1762 году, по окончаніи войны, изъ того полку я абшитъ взялъ и въ томъ же году вступилъ въ службу у стражника Литовскаго г. Попея прапорщикомъ; у котораго службу продолжалъ одинъ годъ прапорщикомъ, а пять лѣтъ порутчикомъ; прошлаго жъ году, по увѣщеванію гр. Юдицкаго, вступилъ я въ его службу порутчикомъ; но между тѣмъ примѣтя, что сей мой принципалъ имѣетъ переписку съ конфедератами и склонность немалую съ ними соединиться, не хотѣлъ болѣе у него остаться, наипаче же потому, что отъ коммиссара его Ивашкевича всякіе мнѣ чинены были притѣсненія, о которыхъ я г. гр. Юдицкому и доносилъ, прося отъ него защищенія, на что въ отвѣтъ имѣлъ, чтобъ угрозъ его, коммиссара, и прочихъ придворныхъ офиціаловъ не опасаться, съ чѣмъ я на квартиру свою и пошелъ; но спустя нѣсколько часовъ, докторъ, тамо случившійся, богемской націи прозваніемъ Гинцъ, пришедъ въ мою квартиру, по дружбѣ объявилъ мнѣ, чтобъ я для спасенія своего живота, какъ можно скорѣе, куда-нибудь скрылся, ибо поляки намѣрены меня изрубить; и такъ я, оставивъ жену и всѣ пожитки, какъ сидѣлъ, взявъ только отъ жены моей одиннадцать рублевъ серебряныхъ денегъ и пять червоныхъ пошелъ къ берегу Днѣпра и нашедъ мужика съ лодкою просилъ его переправить меня за рѣку въ томъ намѣреніи, чтобъ прибѣгнуть подъ высоч. покровъ и защищеніе всеправедн. Рос. императрицы, яко диссидентъ; а нынѣ желаю принятъ быть въ Россійско-императорскую службу въ кавалерійскихъ полкахъ, о чемъ по совѣсти и чести офицерской объявляя, своеручно подписуюсь. А между тѣмъ пріемлю смѣлость, зная свою правость и невинность, всенижайше просить, по принятіи меня во всемил. защищеніе, осво-

бодить изъ Польши жену мою съ пожитками, единственно мнѣ принадлежащими, ибо я въ Польшѣ никому нечего не долженъ и никого ничѣмъ не обидѣлъ, что и присягою подтвердить могу.

34) О пожалованіи кап. Бастевика въ секундъ-маіоры,—отъ 8 сентября за № 51.

Высоч. В. И. В. рескриптъ отъ 22 прош. августа съ приложеніемъ Кол. иностран. дѣлъ всевысоч. конфирмованнаго доклада о всемилостив. пожалованіи находящагося при здѣшней губ. канц. для заграничныхъ посылокъ кап. Бастевика въ секундъ-маіоры, съ жалованьемъ изъ губернскихъ доходовъ по четыреста рублевъ въ годъ, и о бытіи ему по прежнему при сей канц. для загранич. посылокъ, и что онъ нынѣ по высоч. В. И. В. указу отправленъ во вторую армію для употребленія его въ нужныя коммиссіи,—я сего сентября 6 дня имѣлъ честь получить, по которому должное исполненіе чинено быть имѣетъ.

35) О полученіи им. указа объ учрежденіи Молдав. гусар. полка изъ вышедшихъ въ Новорос. губернію молдаванъ на поселеніе,—отъ 18 октября за № 53.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. имен. повелѣнія отъ 21 прош. августа относительно поселенія въ Елисавет. пров. вышедшаго туда подъ протекцію В. И. В. молдавскаго народа и учрежденія изъ онаго одного гусар. полку на мѣсто положеннаго въ Новорос. губерніи Самарскаго, пріемлю смѣлость В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что я не преминулъ находящемуся въ управленіи канц. Новорос. губерніи бригадиру Черткову и опредѣленному на нынѣшнее время надъ помянутыми молдавцами командиромъ маіору Звѣреву достаточное по содержанію всевысоч. В. И. В. указа предписать наставленіе съ найсильнѣйшимъ при томъ подтвержденіемъ въ распредѣленіи потребнаго рачительнѣйшее употребить стараніе для скорѣйшаго во всемъ томъ исполненія. А между тѣмъ, какой въ семъ учрежденіи происходить будетъ успѣхъ, В. И. В. отъ время до времени съ глубоч. благ. доносить долженствую.

36) По увѣдомленію Могилевскаго пріятеля о пораженіи Турковъ подъ Хотиномъ и пр.,—отъ 18 октября за № 55.

В. И. В. всепод. донести рабской моей должностью признаваю, что

извѣстной Могилевской пріятель отъ 25 прош. сентября увѣдомляетъ, яко въ послѣднихъ числахъ августа одна подъ предвод. трехъ знатныхъ мурзъ толпа въ нѣсколькихъ тысячахъ Татаръ, небольшаго числа конфедератовъ и живущихъ въ ханскомъ владѣніи Волоховъ, называемыхъ Лопошыевъ, по сю сторону Днѣстра на побережіи великіе дѣлала свирѣпства: мѣстечка Томашполь, Месковку, Комаръ-городъ и с. Камянку съ околичными деревнами и слободами разграбила и выжгла, всѣхъ обывателей обоего пола, въ томъ числѣ и множество ретировавшихся туда молдавцевъ плѣнила, а найденные пожитки, хлѣбъ и скотъ съ собою забрала. Въ первыхъ числахъ сентября слѣдовавшій за Днѣстровскою стороною подъ предводительствомъ Буджацкаго султана корпусъ болѣе 20 тысячъ Татаръ на подкрѣпленіе турецкой подъ Хотинымъ арміи въ разстояніи отъ Турецкаго Могилева около пяти верстъ, свѣдавъ отъ бѣгущихъ изъ подъ Хотина Турковъ о неожиданномъ приключеніи, что весь Турецкой гарнизонъ выбрался изъ Хотина, оставивъ крѣпость пусту, и что вся Турецкая армія врознь разбѣжалась, наипоспѣшнѣйшимъ образомъ назадъ возвратился, что изъ разбитыхъ на сей сторонѣ Днѣстра Турокъ спасшіеся бѣгомъ болѣе 200 человѣкъ, пробираясь лѣсами и болотами, сближились было къ самому Могилеву, гдѣ помощію находящихся тамо Поляковъ надѣялись въ ночное время за рѣку переправлены быть, но прибывшимъ подъ командою капитана Титовича въ тожъ самое время арнаутскимъ деташаментомъ въ лѣсу побиты и не болѣе какъ развѣ человѣкъ до 30 бѣгомъ спаслось; при которомъ сраженіи помянутой капитанъ въ руку раненъ.

Города Ясъ мѣщанинъ заподлинно увѣрялъ, что передовые В. И. В. легкіе войска при вступленіи въ помянутой городъ застали нѣсколько человѣкъ Турковъ и конфедератовъ, изъ которыхъ большую часть порубили, а нѣсколько въ полонъ взяли. Бывшая подъ Хотиномъ Турецкая армія побѣжала частію горами и лѣсами въ Валахію, частію же къ Браилу, знатно съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ за р. Дунай переходить; а визирь съ небольшою частію своего войска, при которомъ и Молдавской господарь, ретировался за Бендеры въ ханское на Днѣстрѣ лежащее мѣстечко Ханкешласы; но думать надобно, что и онъ къ Сакчѣ для переходу за Дунай отправится, ибо, какъ Молдавскіе обыватели единогласно объявляютъ, Туркамъ отъ побѣдоноснаго В. И. В. оружія такой страхъ нанесенъ, котораго и описать не

можно. Многіе изъ Турецкихъ маркитантовъ, Армянъ и кондефератовъ, въ Могилевѣ на торгу для покупки съѣстныхъ припасовъ бывшіе, завѣрно сказывали, что въ послѣднихъ сраженіяхъ Турокъ побито, плѣнено и инако пропало болѣе сорока тысячъ.

37) О поручикѣ Витенѣ,—отъ 31 декабря за № 60[1]*).*

Во исполненіе всевысоч. В. И. В. повеленія касательно развѣданія о точныхъ причинахъ прибѣжища подъ всемилостивое защищеніе В. И. В. бывшаго порутчикомъ у польскаго гр. Юдицкаго диссидента фонъ-Витена, В. И. В-ву всепод. донести честь имѣю, что по точному о семъ по способности чрезъ Черниговскаго коменданта освѣдомленію оказалось, что онъ, порутчикъ Витенъ, не отъ долгу, но единственно отъ чинимаго ему притѣсненія принужденъ былъ подъ покровительство В. И. В. прибѣгнуть, и что съ собою ничего не снесъ и оклеветанъ польскимъ гр. Юдицкимъ безвинно; и хотя реченному порутчику Витену, въ сходство даннаго мнѣ всевысоч. повеленія, для сысканія по его желанію службы В. И. В. дозволено ѣхать въ С.-Петербургъ, но какъ онъ до такого жалостнаго дошелъ состоянія, что не токмо чѣмъ до С.-Петербурга доѣхать, но почти и дневнаго пропитанія не имѣетъ, то, въ разсужденіи его иностранства и для нѣкотораго облегченія его нынѣшняго бѣднѣйшаго состоянія, не повелѣно-ль будетъ опредѣлить его нынѣшнимъ чиномъ въ гусарскіе Новорос. губерніи полки, дабы онъ, Витенъ, яко прибѣгшій подъ всемил. покровъ, чрезъ то и всещедрѣйшую милость В. И. В. восчуствовалъ.

---

[1]) Должно замѣтить еще реляцію, отъ 13 ноября за № 59, о полученіи рескрипта отъ 6-го ноября относительно освобожденія плѣнныхъ Волоховъ, Грековъ, Болгаръ и Армянъ, и о порутчикѣ Витенѣ и пр. (содержаніе рескрипта не приводится).

Дополненія къ реляціямъ

1768 и 1769 гг.

1) Реляція графа П. А. Румянцова, изъ Нѣжина, о приведеніи въ безопасность Елисаветградской провинціи, – отъ 13-го марта 1768 г.

На представленіе мое, кое по нынѣшнимъ обстоятельствамъ для выгаданія времени, вслѣдствіе всевысоч. имен. указа отъ 8 минувш. ноября относительно Новорос. губерніи, отъ 5-го прош. февраля В. И. В. всепод. учинить осмѣлился, получа всевысоч. монаршее повелѣніе отъ 24-го того-жъ февраля и условясь съ г. генераломъ-губернаторомъ Воейковымъ, съѣхались на половинѣ дороги въ Нѣжинѣ, гдѣ имѣли довольное объ обывателяхъ Елисаветградской провинціи разсужденіе; но уважая нынѣшнее военное время и сообразуясь съ оными обстоятельствами и произойти могущими слѣдствіями, по рабскому нашему усердію, съ общаго согласія лучшаго способа и надежнѣйшаго къ сокращенію обширныхъ съ той стороны границъ средства изобрѣсти не могли, кромѣ всепод. подносимаго при семъ на всевысоч. В. И. В. соизволеніе плана.

Приложеніе: Планъ о приведеніи въ безопасность обывателей Елисаветградской провинціи въ нынѣшнее время.

Мы, нижеподписавшіеся, входя во всѣ подробности, клонящіяся до безопасности обывателей Елисаветградской провинціи, съ общаго согласія слѣдующее постановили, а именно:

1-е) Чтобъ обывателей помянутой провинціи нынѣ за Днѣпръ къ Самарѣ рѣкѣ перевесть для переселенія, крайнѣйшая предусматривается неудобность, ибо весь оной немалочисленной народъ, поселясь

совсѣмъ на открытомъ мѣстѣ, умалчивая о томъ великомъ коронномъ убыткѣ, которой на оное переселеніе употребленъ будетъ, болѣе опасности подверженъ былъ бы, нежели въ нынѣшнихъ жилищахъ по близости гусарскихъ полковъ, ротныхъ шанцовъ и крѣпости св. Елисаветы.

2-е) Правда, безопаснѣе было бъ для сего народа перевесть оной за Днѣпръ въ Малую Россію, ежели бы только способы были къ пропитанію такъ многочисленнаго народа изъ коронныхъ магазиновъ; но въ семъ великая неудобность встрѣчается, ибо сверхъ неимѣнія во всей Малой Россіи толикой впустѣ земли, обыватели оной по нынѣшнему военному времени поставкою провіанта и другихъ въ арміи надобностей и безъ того крайне отягощены; слѣд., переводомъ помянутыхъ народовъ причинено было бъ онымъ чувствительнѣйшее утѣсненіе, а переведенцы въ семъ обстоятельствѣ остались бы безъ нужнаго пропитанія.

3-е) Итакъ, въ разсужденіи вышеписанныхъ неудобствъ, за найспособнѣйшее и лучшее средство признано слѣдующее: Елисаветградскій пикинерный полкъ и поселенныя въ ономъ на взятой 1764 году въ прибавокъ двадцативерстной земли слободы перевесть въ селенія и шанцы Чернаго и Желтаго гусарскихъ полковъ и въ Мишуринорожскій шанецъ; ибо, какъ ген.-губ. Воейкову положеніе и пространство къ шанцамъ принадлежащей земли извѣстны, помянутые переведенцы не только въ оныхъ помѣщены быть, но и защиту отъ Татарскихъ набѣговъ имѣть могутъ, что недавнимъ примѣромъ и довольно доказано, яко непріятель не осмѣлится набѣги свои на шанцы простирать. Сего ради всѣмъ обывателямъ найстрожайше подтверждено быть имѣетъ, чтобы нынѣ еще, сколько можно, для своей обороны всѣ шанцы лучше укрѣпить, въ коихъ они отъ подобныхъ Татарскихъ набѣговъ уповательно безъ прибавки и введенія другихъ регулярныхъ войскъ свободно себя защитить могутъ, а за сохраненіе оныхъ противъ гораздо великой непріятельской силы никто ручаться не въ состояніи.

4-е) Крѣпость св. Елисаветы равномѣрно надлежитъ, сколько возможно, нынѣ-жъ починить и укрѣпить, снабдя оную положеннымъ гарнизономъ и по числу пушекъ довольнымъ количествомъ снарядовъ, куда для лучшей обороны, въ случаѣ непріятельскаго въ границы той провинціи вступленія, введено быть можетъ изъ ближнихъ вооруженныхъ поселянъ немалое число людей.

5-е и послѣднее). Всѣхъ обывателей, у коихъ ружей нѣтъ, изъ здѣшнихъ цейхгаузовъ исправными снабдить ружьями, порохомъ и свинцомъ, дабы они, когда нужда потребуетъ, оное въ свою оборону противъ непріятеля употребить могли; а для лучшаго въ томъ порядка и наставленія, во все время нынѣшней войны, подчинить обывателей, при вмѣщеніи въ реченные гусарскихъ полковъ шанцы и принадлежащіе къ онымъ земли, тамошнихъ шанцовъ командирамъ съ найсильнѣйшимъ подтвержденіемъ повиноваться своимъ начальникамъ безъ малѣйшаго прекословія.

Подлинной подписали: Графъ Румянцовъ.—Феодоръ Воейковъ.

2) Высочайшій указъ Кіев. генералъ-губернатору Ѳ. М. Воейкову,— отъ 19 іюля 1768 г.

Господинъ генералъ-губернаторъ Ѳедоръ Матвѣевичъ!

Общей вопль отъ злыхъ и добрыхъ во всей Польшѣ противу недозволеннаго и всю славу военной службы развращающаго, какъ и дѣламъ весьма вреднаго, поведенія нашего генерала-маіора Кречетникова вынуждаетъ изъ насъ такія мѣры, которыя во всякомъ другомъ случаѣ были бъ претительны нашей природной склонности и статскимъ правиламъ. Сей генералъ, по-видимому, вышедъ совсѣмъ изъ предѣловъ должности и уваженія къ славѣ нашего оружія и ослѣпясь мерзкимъ и презрительнымъ корыстолюбіемъ, производитъ, какъ сказываютъ, такія себѣ нажиточные грабежи по тамошней землѣ, что уже многіе обозы съ пограбленнымъ оттуда выслалъ, [1]) а другіе и теперь для высылки же въ границы наши позадъ себя возитъ, что произвело уже и страхъ и роптаніе, да и къ нему самому публичное презрѣніе отъ самыхъ его подкомандующихъ. Мы потому, поставляя теперь обязательствомъ нашего званія защитить службу отъ презрительнаго поползновенія, за нужно нашли отозвать генерала-маіора Кречетникова отъ его команды, а вамъ чрезъ сіе поручить съ совершенною нашею довѣренностію къ вашей ревности и прозорливости, чтобъ вы, въ крайнемъ секретѣ избравъ вѣрныхъ людей, чрезъ нихъ по границѣ вашего вѣдомства точно и, какъ возможно, скорѣе по лучшему вашему благоизобрѣтенію развѣдали, какія и когда и чрезъ которыя

[1]) До этихъ словъ тоже самое повторяется въ письмѣ Императрицы къ Румянцеву, напечатанномъ у Соловьева въ его „Ист. Рос.“, т. 27-й, стр. 295.

мѣста и на сколькихъ лошадяхъ были уже высланы обозы отъ того генерала, съ повелѣніемъ также въ крайнемъ секретѣ стеречь тѣхъ, которые впередъ отъ него высланы быть могутъ, и чтобъ оные уже тогда тотчасъ были задержаны и отъ васъ повѣреннымъ человѣкомъ освидѣтельствованы. По сему столь важному для славы и чести военной службы, сколько и деликатному для репутаціи всѣхъ нашихъ генераловъ, вамъ ввѣренному отъ насъ, дѣлу вы имѣете содержать съ нами о исполненіи его безпосредственную переписку, адрессуя ваши доношенія къ намъ въ собственныя наши руки. Мы пребываемъ къ вамъ нашею милостію всегда благосклонны.

Екатерина. Въ Петергофѣ. 19 іюля 1768 года.

3) Реляціи генералъ-губернатора по дѣлу г.-м. Кречетникова: а) отъ 6-го августа.

В. И. В. высоч. указъ за собственноручнымъ подписаніемъ, отъ 19 минувшаго іюля, я того-жъ мѣсяца 29 числа съ глубочайшимъ благоговѣніемъ получить удостоился, на которой В. И. В. симъ раболѣпнѣйше доношу, что во всеподданнѣйшее исполненіе всевысочайшаго повелѣнія безъ малѣйшаго медленія отъ меня вѣрные люди по границѣ моего вѣдомства къ тѣмъ форпостамъ, у коихъ по указу пропуски чинятся, для подлиннаго о высланныхъ изъ Польши въ Россію обозахъ развѣданія посланы, и, елико сдѣлано будетъ, В. И. В. безпосредственно донести не укосню. Между тѣмъ беру смѣлость В. И. В. по рабской моей должности присовокупить, что до нынѣ о подобныхъ провозахъ чрезъ здѣшнее мѣсто болѣ слуха не было, кромѣ что отъ ген.-маіора Подгоричани послѣ взятья Бердычева отправлено нѣкот. число подъ видомъ купленныхъ имъ для заводу кобылъ и жеребцовъ въ его деревню. А отъ пріѣзжихъ изъ Польши офицеровъ, (особливо же отъ вахмистра здѣшней рейтарской роты Гребенкина, который, слѣдуя изъ Константинополя съ мартовскими депешами, при мѣстечкѣ Погребищахъ конфедератами пойманъ былъ и до взятія Бара подъ карауломъ содержался, гдѣ и освобожденъ)[1], слышно, яко у ген. маіора Кречетникова, при которомъ онъ нѣсколько дней находился, весьма великой

[1]) Слова эти, взятыя въ скобки, въ реляціи зачеркнуты.

обозъ, въ коемъ везется множество серебра, денегъ и всякихъ вещей, а, кромѣ цуговыхъ лошадей, однихъ верховыхъ около шестидесятъ имѣетъ. Я признаюсь, всемилостивѣйшая государиня, что по всеподданнической моей должности, ревнуя о сохраненіи славы и репутаціи побѣдоноснаго В. И. В. оружія, присланные съ переловленными разбойниками сюда самые безделные изъ пограбленныхъ пожитки, состоящіе въ одномъ только поношеномъ платьѣ и лоскутьяхъ, ибо по допросамъ явствуетъ, что деньги, серебро и протчіе пограбленные дорогіе вещи у сихъ разбойниковъ при поимке командирами тѣхъ деташаментовъ отобраны, приказалъ въ сохраненіе отдавать, единственно въ томъ намѣреніи, чтобы, при опознаніи прибѣгшими въ здѣшнее мѣсто подъ высочайшее В. И. В. покровительство польскими дворянами, каждому его собственное за роспиской возвращаемо быть могло, чѣмъ нѣкоторые изъ оныхъ дѣйствительно и удовольствованы. Въ несумнѣнной пребывая надеждѣ, что сей мой отъ единственнаго усердія и ревности учиненной поступокъ всемилостивѣйшаго В. И. В. удостоится благоволенія, повергаю себя къ монаршимъ стопамъ съ раболѣпнѣйшимъ благоговѣніемъ.

б) отъ 22-го августа.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. имянного за собственноручнымъ подписаніемъ указа, дерзаю В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ доносить, что хотя два штабъ офицера, на искуство и вѣрность коихъ я совершенно положится могу, по форпостамъ моего вѣдомства и отправлены были для развѣданія, не пропущены ли гдѣ слѣдующіе изъ Польши въ Россію обозы ген. маіора Кречетникова, на скольких имянно лошадяхъ и повозкахъ, однако оные, возвратясь изъ сей посылки, мнѣ по присяжной должности объявили, что нигдѣ о томъ ни малѣйше свѣдать не могли, развѣ не пропущены иногда подъ имянемъ какихъ либо полковыхъ тягостей на отдаленныхъ отсюда форпостахъ; но со всѣмъ тѣмъ на главныхъ пропускныхъ форпостахъ стоящимъ офицерамъ отъ меня найстрожайше подъ крайнимъ секретомъ подтверждено впредь недреманное имѣть смотреніе, ежели какіе обозы изъ Польши помянутаго ген. маіора прибыть имѣли бъ, задержавъ, меня рапортовать, которые повѣреннымъ отъ меня человѣкомъ освидѣтельствованы и В. И. В. о томъ немедленно всеподданнѣйше донесено быть имѣется. Отъ прибывшихъ же

съ арестантами офицеровъ и отъ пріѣзжихъ оттуда куріеровъ слышно заподлино, что весь ген.-м. Кречетникова обозъ нынѣ въ мѣст. Полонномъ, гдѣ и полковые тягости оставлены, находится, а онъ въ Тулчинѣ на-легкѣ съ небольшимъ экипажемъ. О чемъ раболѣпнѣйше донеся, повергаю себя къ монаршимъ В. И. В. стопамъ со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ.

в) отъ 3-го сентября.

Вслѣдствіе всепод. моего доношенія отъ 22-го минувшаго августа мѣсяца дерзаю В. И. В. раболѣпнѣйше присовокупить, что ген.-м. Кречетниковъ сего мѣсяца 29 числа съ двумя его сыновьями сюда чрезъ Васильковскій форпостъ прибылъ, а 31-го, оставивъ дѣтей здѣсь, въ Переяславъ къ г-ну генералъ-аншефу и кавалеру гр. Румянцову на-легкѣ отправился. Какъ скоро я о слѣдованіи его изъ Польши свѣдалъ, то не преминулъ, во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. имян. повелѣнія, директору Васильковской таможни Туфанову, яко скромному и вѣрному человѣку, въ крайнѣйшемъ секретѣ предписать во время пріѣзда реченнаго генерала къ форпосту съ пристойнымъ извиненіемъ и учтивостію, ссылаясь на свою инструкцію, настоять о осмотрѣ всего въ обозѣ возимого, къ чему безпрекословно и допущенъ, а сколько какихъ вещей въ бывшемъ при немъ небольшомъ обозѣ найдено, тому точную при семъ на Высоч. усмотреніе съ глубоч. благоговѣніемъ подношу опись. Но какъ по извѣстію тяжелой сего генерала обозъ изъ Полоннаго еще къ Василькову не прибылъ, то отъ меня ему, директору Туфанову, поручено и оной равномѣрнымъ образомъ осмотрѣть и, всѣмъ вещамъ сочиня вѣрную опись, ко мнѣ прислать, которую я во свое время В. И. В. отправить долженствую. Съ раболѣпнымъ подобострастіемъ къ монаршимъ повергаясь стопамъ, и т. д.

Приложеніе: Реестръ, что по осмотру въ Васильковской пограничной таможнѣ явилось въ обозѣ г. генералъ-маіора и кав. Кречетникова, вещей.

Денегъ серебряной россійской монеты *четыре тысячи* рублевъ.

Гардеробъ:

3 мундира, генеральское шитье золотомъ.

На такой же мундиръ новое сукно и шитье.

3 мундира простыхъ безъ шитья.

1 сюртукъ, съ камзоломъ и штанами, суконной, простой.

1 шинель съ золотымъ позументомъ, подбита шелковою байкою.

1 кирея синяго плису на бѣльемъ мѣху, съ золотымъ приборомъ.

1 кирея алаго сукна на волчьемъ мѣху.

2 шпаги съ серебряными эфесами.

4 эфеса стальныхъ прорѣзныхъ.

1 эфесъ къ польской саблѣ такой же.

1 табакерка серебряная большая безъ позолоты.

2 табакерки серебряныя жъ вызолоченныя.

1 часы столовые мѣдные, большіе въ деревянномъ корпусѣ.

1 часы столовые жъ мѣдные, малые.

1 часы столовые деревянные.

3 волтрана алаго сукна; одинъ съ серебрянымъ гасомъ, два съ золотымъ позументомъ.

2 чепрака старые, шитые одинъ по бархату золотомъ, а другой по сукну серебромъ, и къ нимъ чюшки.

1 чепракъ новой съ чюшками шитъ по зеленому бархату золотомъ съ бахромою.

3 муштука съ поперьемъ и пофями съ серебрянымъ наборомъ, въ томъ числѣ одинъ вызолоченъ.

2 попоны суконныя съ серебрянымъ позументомъ.

1 корпусъ фарфоровой на карманные часы.

1 фигурка серебряная, сдѣланная раковиною, на ней двѣ статуйки костяныя маленькія.

1 фигурка серебряная похожа на крышку; на ней два держанца костяные маленькіе.

3 тулупа калмыцкихъ, въ томъ числѣ одинъ покрытъ цвѣтнымъ люстриномъ, а два безъ покрышки.

3 мѣха бѣльихъ.

Серебряной посуды:

1 платминашъ; въ немъ доска на ножкахъ, длиною въ 10 вершковъ, шириною въ полъ аршина; на ней чаша и на ножкахъ для поклажи фруктовъ 4 сутка; 4 формы, въ кои вставляются хрустальные графинчики, и тѣ графинчики съ серебряною оправою; 2 раковины въ срединѣ вызолочены, кои ставятся по сторонамъ на доскѣ.

4 чаши суповыя съ крышками и подъ нихъ 4 блюда.

6 соусниковъ съ крышками.

8 кострюль соусныхъ съ крышками жъ.

2 конфора.

2 блюда большихъ подъ жаркое.

2 соусника съ ручками, въ срединѣ вызолочены.

8 солонокъ.

2 горчишницы и къ нимъ 2 ложечки.

3 ковша разливныхъ, большихъ.

5 соусныхъ ложекъ.

6 футляровъ кожаныхъ, въ коихъ 3 дюжины ложекъ и 3 дюж. ножей съ вилками.

2 футляра съ 2 дюж. ножей съ вилками.

1 дюж. ложекъ безъ футляра.

2 дюж. ложечекъ конфектныхъ.

2 дюж. чайныхъ.

1 подносъ четвереугольной большой.

2 подноса круглыхъ: одинъ средній, а другой малой.

1 футляръ съ 6 хрустальными покалчиками съ золотомъ.

2 футляра съ 2 дюж. стаканчиками такими жъ.

1 ящикъ съ телескопомъ.

Товаровъ, подлежащихъ къ платежу пошлины:

4 дюж. чулокъ шолковыхъ, мужскихъ.

26 арш. градитуру шелкового вердено.

26 арш. градитуру мардаре.

25 арш. того жъ двуличнаго.

24 арш. отласу волнистаго по лосинной земли.

26 арш. тово жъ по бѣлой земли.

25 арш. травчётого по фіалетовой земли.

15 арш. травчетого съ синелью по синей земли.

24 $^1/_2$ арш. тафты бѣлой съ травами шелковыми.

25 арш. штофу французскаго по фіолетовой земли,

2 штучки полушелковой матеріи хинской.

За недозволительнымъ вывозомъ по указамъ въ Россію оставлены при таможнѣ:

3 шт. турецкихъ телновыхъ обоевъ, тканыхъ съ золотомъ; въ нихъ мѣры 37 $^1/_2$ аршинъ.

3 покрывала на столъ турецкихъ же шелковыхъ, тканыхъ съ золотомъ.

на 16 стулъ обоевъ шелковыхъ тканыхъ и вышитыхъ серебромъ.
10 шт. и одинъ остатокъ полотна голанскаго и ворендорскаго.
6 штукъ сукна тритцетоваго.
2 шт. и 12 арш. бреславскаго.
35 арш. трипу шерстянаго.
18 арш. байки шелковой.
1 скатерть голанская и 1 1/2 дюж. салфетокъ.
5 арш. трипу бумажнаго.
1 1/2 дюж. колпаковъ бумажныхъ.
2 дюж. перчатокъ лайковыхъ дамскихъ.
86 арш. позументу золотаго и серебрянаго односторонняго.
6 арш. сукна аглицкаго ординарнаго.

Въ ономъ обозѣ:

Въ пряжкахъ и безъ упряжки 58 лошадей, въ томъ числѣ 5 жеребцовъ разной породы, 6 кобылъ съ 4 жеребятами, 2 буйвола; да у адъютанта 1 панцырь кольчужской.

4) Письма ген. губ. Воейкова къ гр. Н. И. Панину:

а) отъ 6-го августа 1768 г.

В. С-ва высокопочтеннѣйшее письмо отъ 19-го іюля я того жъ мѣсяца 29-го числа съ курьеромъ лейбъ-гвардіи сержантомъ Трегубовымъ имѣлъ честь исправно получить, на которое В. С. симъ въ отвѣтъ служу. Присланные сюда изъ переловленныхъ войсками Е. И. В. Запорожскіе разбойники, о коихъ я всеподданнѣйше реляціями отъ 12 и отъ 19-го прошедшаго іюля доносилъ, здѣсь еще подъ крѣпчайшимъ карауломъ содержутся единственно для вынужденія отъ главнаго ихъ начинщика Максима Желѣзняка о всѣхъ его сообщникахъ подлиннѣйшаго свѣданія, ибо сія злодѣйская шайка такъ разсѣялась, что по сіе время, не взирая на всѣ для поимки оной съ нашей стороны принятыя мѣры, еще истреблена быть не можетъ, а потомъ, въ силу объявленнаго мнѣ высоч. соизволенія, точное исполненіе учинить не премину, отправляя таковыхъ скованныхъ въ кандалы разными небольшими партіями для безопаснѣйшаго въ дорогѣ за ними надсматриванія даже до Нерчинска въ вѣчную работу. Что жъ принадлежитъ до Устина Тройницкаго, то какъ скоро оной въ здѣшніе предѣлы ретируется, отъ меня приказано

будетъ, тотчасъ его,какъ настоящаго разбойника, арестовать. Равномѣрно, когда отъ Е. С. чрезвыч. и полномоч. посла кн. Н. В. Репнина или отъ находящихся въ Польшѣ господъ генераловъ плѣнные возмутительныхъ конфедерацкихъ массъ сюда присланы будутъ, я по письменному отъ нихъ требованію съ таковыми точно поступать и въ свое время о томъ всеподданнѣйше доносить не премину; а по сю пору одинъ только безъимянной отъ г. ген.-м. Кречетникова арестантъ ко мнѣ присланъ, о коемъ реляціею моею отъ 8 прошедшаго мая всенижайше донесено съ испрошеніемъ всевысоч. повелѣнія, что съ онымъ предпринять, которой еще здѣсь подъ крѣпкимъ содержится карауломъ.

Между тѣмъ В. С. всепокорнѣйше прошу о исходатайствованіи мнѣ высоч. резолюціи, что съ польскими мужиками предпринять, кои збунтовавшись къ разбойнической шайкѣ пристали и по переловленіи сюда ко мнѣ присланы, каковыхъ здѣсь 137, а въ Новороссійской губерніи болѣе ста человѣкъ содержится.

Въ заключеніе сего, исполняя повелѣніе В. С., прилагаю при семъ, по секретному Е. И. В. высоч. указу, мое рабское доношеніе для поднесенія всемил. нашей самодержицѣ, имѣю честь съ достовѣрнѣйшимъ высокопочитаніемъ и съ искреннѣйшею преданностію быть В. С., мил. гос. моего,—(подпись).

б) отъ 21-го августа.

На два В. С. почт. письма, коими меня отъ 4-го сего августа удостоить изволили, имѣю честь симъ въ отвѣтъ служить: елико до пріѣзжающихъ изъ за границы Греческихъ монаховъ принадлежитъ, то по похвальному условію г. резидента Обрѣзкова съ Константинопольскимъ патріархомъ о невпускѣ въ границы таковыхъ, кои пашпортами отъ пребывающихъ въ Цареградѣ нашихъ министровъ не снабдѣны, въ силу высоч. Е. И. В. повелѣнія, отъ меня на всѣ пограничные вѣдомства моего форпосты надлежащія подтвержденія учинены. На второе В. С. доношу, что извѣстной Якубъ письмомъ своимъ вновь немалой поводъ къ сумнѣнію мнѣ подалъ, какъ В. С. изъ сегоднешней реляціи моей № 47 и приложеній къ оной обстоятельнѣе усмотрѣть изволите, ибо страсть къ корыстолюбію такъ его убѣдила, что не устыдился у прибѣгшаго къ его защищенію

и обиженнаго явно весьма нагло забрать послѣдніе отъ разграбленія спасенные товары въ зачетъ двугодоваго пенсіона, о коемъ онъ давно домогался, давъ ему вексель и письмо къ надв. сов. Никифорову о уплатѣ 1869 рублевъ. Я не примину, при случаѣ формальнаго приглашенія его быть очевиднымъ свидѣтелемъ исполненію при Орловской слободѣ надъ злодѣями, нарушившими общенародной покой, по повеленію В. С., приказать надв. сов. Никифорову къ нему отписать съ испрошеніемъ откровеннаго и подробнаго сообщенія о всѣхъ обращеніяхъ и проискахъ французскаго эмиссара Тота при ханѣ Крымскомъ, въ какомъ онъ у него кредитѣ и какія точно и чрезъ кого именно тамо дѣла онъ производитъ, а какой отъ него на оное отвѣтъ присланъ будетъ, въ свое время В. С. донести не оставлю, пребывая впрочемъ съ наисовершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и съ истиннѣйшею преданностію.

в) отъ 22-го августа.

В. С. благосклоннѣйшимъ письмомъ отъ 14 сего августа мнѣ знать дать изволили о полученномъ чрезъ Варшаву отъ тайн. сов. Обрѣзкова извѣстіи, что Парта Оттоман. крайне огорчилась первою вѣдомостію о разореніи скитавшимися по Польшѣ разбойниками Татарскихъ слободъ Балты и Голты, ибо ей тѣ разбойники предъявлены были воинскою нашею командою и проч., при коемъ приложенъ экстрактъ изъ рескрипта гр. П. А. Румянцову для вѣдома о прибѣгшихъ въ границы наши Полякахъ; на которое имѣю честь симъ въ отвѣтъ служить, что по высоч. повелѣнію надъ здѣшними подданными, кои въ числѣ гайдамаковъ въ Польшѣ пойманы и сюда съ разныхъ сторонъ присланы, формальной судъ съ крайне возможнѣйшимъ поспѣшеніемъ производится, но за многимъ числомъ сихъ злодѣевъ оной до нынѣ окончанъ быть не могъ, какъ В. С. изъ сегоднешнихъ моихъ всепод. реляцій (№ 46 и приложеній къ оной, также и № 49) обстоятельнѣе усмотрѣть изволите, ибо я не преминулъ о томъ предварительно хана Крымскаго увѣдомить для умягченія первымъ до него дошедшимъ неосновательнымъ слухомъ раздраженнаго его духа. Я намѣренъ умножившуюся винныхъ толпу раздѣлить на четыре части, изъ коихъ три въ Елисаветградской провинціи при границѣ Турецкой, Польской и Сѣчи Запорожской наказаны быть имѣютъ, а одна при границѣ

здѣшней у Васильковскаго форпоста, гдѣ главной проѣздъ къ Бендеру, Молдавіи, Валахіи и Константинополю, ибо при сихъ мѣстахъ Турецкіе подданые купно съ Поляками всему происхожденію самовидцами быть могутъ.

Приговоръ преступникамъ будетъ согласенъ съ законами и со внѣшними политическими уваженіями. По предписанію В. С., къ хану Крымскому письмо отъ меня послано быть имѣетъ на предписанномъ же мнѣ основаніи по окончаніи суда надъ Запорожцами. Плѣнныхъ, кромѣ упомянутаго въ реляціи моей № 48 ротмистра, болѣ ко мнѣ не прислано, а когда пришлются, по письму Е. С. кн. Н. В. Репнина съ оными поступить не примину. Безъизвѣстной здѣсь находящійся арестантъ, которой, какъ я догадываюсь, есть тотъ попъ Марекъ, о коемъ В. С. упоминать изволите, содержанъ будетъ подъ крѣпчайшимъ карауломъ до указа.

Итакъ, отвѣтствовавъ В. С. на высокопочтеннѣйшее ваше письмо, слѣдующее присовокупить за долгъ поставляю, что, не взирая на учиненныя распоряженія для поимки нашими войсками гайдамаковъ въ Польшѣ и на обнародованіе манифестовъ, по извѣстіямъ, толпа злодѣевъ какъ Польскими подданными, такъ и Запорожцами, по разнымъ мѣстамъ въ удобныхъ для нихъ лѣсахъ еще безпрестанно шатается, откуда на разныя села и мѣстечки нападенія дѣлаетъ. Напослѣдокъ имѣю честь включить здѣсь мое рабское доношеніе по секретному указу для поднесенія Е. И. В., съ найсовершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и истиннѣйшею преданностію пребываю.

г) отъ 3-го сентября.

В. С. имѣю честь донести: г. ген.-м. и кав. Кречетниковъ сюда прибылъ и въ Переяславъ къ Е. С. гр. П. А. Румянцову отправлялся, о чемъ Е. И. В. включеннымъ здѣсь всепод. доношеніемъ, о поднесеніи котораго В. С. покорнѣйше прошу, отъ меня обстоятельно изъяснено.

Елико же до содержащихся здѣсь злодѣевъ и до прочихъ пограничныхъ обстоятельствъ принадлежитъ, то все оное В. С. изъ сегодпешнихъ моихъ всепод. реляцій милостиво усмотрѣть изволите. Итакъ, не находя болѣе въ донесенію, присовокупляю только, что гайдамацкая шайка въ Польшѣ преслѣдованіемъ и поимкою нашихъ

войскъ отъ время до времени умаляться, а взволнованная подлость, смотря на то, нѣсколько успокоиваться стала, я имѣю честь быть и т. д.

д) отъ 3-го ноября изъ Кременчука.

По отправленіи послѣднихъ моихъ 4-го числа прошедшаго м-ца всепод. доношеній отправился я, во всениж. исполненіе всевысоч. именнаго Е. И. В., нашей всемил. Самодержцы, повелѣнія, для осмотру и другой половины Новороссійской губерніи изъ Кременчука въ Бахмутъ, откуда 21-го октября сюда возвратился, но, по несчастію моему, съ такимъ жестокимъ болѣзненнымъ припадкомъ, что и до сихъ поръ отъ великой слабости въ прежнее состояніе прійти не могу.

В. С. изъ сегоднешней моей экспедиціи усмотрѣть изволите, что Порта уже свою маску сняла и не только г. резидента Обрѣзкова въ Едикуль посадить велѣла, но и войну Россійской Имперіи объявила.

При такихъ обстоятельствахъ мнѣ, по рабской моей должности, иного не остается, какъ неутомленное попеченіе, по сношенію съ Е. С. ген.-анш. и кав. гр. П. А. Румянцовымъ, яко съ главнымъ командующимъ всей Украинской дивизіи, имѣть о лучшихъ распоряженіяхъ для сохраненія цѣлости границъ и учиненія всѣмъ наглостямъ удобовозможнаго отпору, ибо количество и качество подчиненнаго мнѣ войска къ обнятію обширности границъ ввѣренной мнѣ Новороссійской губерніи весьма недостаточно; а между тѣмъ въ ожиданіи В. С. мудрыхъ по сему наставленій, препоручая себя неотмѣнному продолженію вашего ко мнѣ благоволенія, съ достодолжнѣйшимъ пребываю и т. д.

е) отъ 27-го ноября.

В. С. всепочтеннѣйшее письмо отъ 8-го сего ноября я имѣлъ честь исправно получить. За обстоятельное увѣдомленіе о точныхъ происшествіяхъ въ Константинополѣ относительно вѣроломнаго поступка Порты я всепокорнѣйше и найпризнательнѣйше приношу В. С. благодареніе.

Елико до защищенія Елисаветградской первымъ Татарскимъ набѣгамъ подверженной провинціи касается, то я, не утруждая

В. С. пространнымъ того изъясненіемъ, ссылаюсь на мою отъ 17-го сего ноября и нынѣшніе всепод. реляціи, изъ коихъ благосклоннѣйше примѣтить изволите, что я всеудобвымышленные мѣры, по ревности моей, употребилъ и войска такимъ образомъ кордономъ расположилъ, что при потребномъ случаѣ одна линія свободно другою подкрѣплена быть можетъ для учиненія Татарскому стремленію возможнаго препятствія. Теперь же мнѣ иного присовокупить не остается, какъ искреннѣйшую В. С. изъявить благодарность за благопріятнѣйшее сообщеніе всеобщей радости, что Е. И. В. въ С.-Петербургъ 1-го числа сего при совершенномъ здравіи возвратиться изволила, что въ тотъ же самой день Е. И. В. государю цесаревичу вел. князю воспа привита и операція благополучно происходитъ, предвѣщая намъ чрезъ нѣсколько дней несумнѣнно сходственное съ усердными желаніями нашими совершенное дражайшаго здравія его возстановленіе. Препоручая себя и т. д.

ж) отъ 9-го января 1769 г.

В. Грф. С. всепочтеннѣйшее письмо, коимъ меня отъ 19-го прошед. м-ца удостоить изволили, имѣлъ я честь со всѣми приложеніями исправно получить. Вслѣдствіе чего Вамъ, м. г., покорн. доношу, что при отправленіи всевысоч. грамоты къ войску Запорожскому я не преминулъ и ваше письмо къ кошевому атаману Калнишевскому съ моимъ препроводить, съ котораго при семъ для усмотрѣнія подношу копію. А между тѣмъ, какъ изъ моихъ сегоднешнихъ всепод. реляцій примѣтить изволите, въ Запорожской Сѣчи произошелъ было отъ сиромахъ бунтъ, которой хотя храбрымъ и мужественнымъ поступкомъ случившагося въ Новосѣченскомъ ретранжаментѣ Желт. гусар. полка капитана Марковича безъ дальнѣйшимъ слѣдствій и успокоенъ, однако въ разсужденіи того, что сей катастрофъ отъ смежныхъ съ Запорожцами Татаръ утаенъ быть не можетъ, я заключать сталъ, что кошевому въ начатіи возложенной на него толь важной коммиссіи можетъ нѣкоторое произойти затрудненіе.

По прибытія сюда асессора Чугуевца я не только собою, но и чрезъ канц. сов. Веселицкаго о всемъ, до помянутой коммиссіи принадлежащемъ, съ нимъ объяснялся, но и отъ него мое заключеніе подтверждено; ибо онъ по знанію нравовъ и склонностей необуздан-

наго Татарскаго народа, сильными доводами доказывалъ, что послѣ сего въ Сѣчи происшествія, не взирая на возстановленіе кошевого и прежнихъ старшинъ, внушаемые отъ него Татарамъ увѣщеванія и посулы не могутъ быть столько уважены и въ такой силѣ приняты, чтобъ по онымъ какого либо успѣха ожидать; но вопреки тому опасность предвидится, чтобъ такое покушеніе начатому уже прежде въ Едисанской ордѣ дѣлу главную помѣху не сдѣлало.

По симъ обстоятельствамъ я приказалъ ассесору Чугуевцу къ кошевому атаману отписать съ истребованіемъ по сему дѣлу его мнѣнія, до полученія котораго изготовленъ надежный отъ него, Чугуевца, человѣкъ для отправленія оного, буде кошевой согласится, въ Едичкульскую орду съ словеснымъ мурзамъ внушеніемъ или съ письменнымъ увѣщеваніемъ; а между тѣмъ уповательно, что отъ посланныхъ въ Едисанскую орду нарочныхъ какой-либо отвѣтъ до меня дойдетъ, по которому я не премину найудобвозможнѣйшія и сходнѣйшія мѣры обще съ Е. С. гр. П. А. Румянцовымъ сыскивать къ надлежащему произведенію сего толь важнаго дѣла; а что по оному происходить будетъ, В. Грф. С. доносить не оставлю. Итакъ, вручая себя неотмѣнной вашей ко мнѣ милости и покровительству, съ достовѣрнѣйшимъ и т. д.

ОТДѢЛЪ IV.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Обзоръ послѣднихъ изданій Виленской Археографической Коммиссіи*).

Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Коммиссіею. Томы XI—XVIII. Вильна, 1880—1891 г.

Какъ извѣстно, въ Россіи, а именно въ Вильнѣ, Витебскѣ и Кіевѣ, существуютъ три такъ называемыхъ центральныхъ архива, куда съ половины текущаго столѣтія (съ 1852 г.) по настоящее время собрано для храненія свыше 32000 (32152) актовыхъ книгъ изъ различныхъ судебныхъ мѣстъ сѣверо и юго-западнаго края, входившаго въ составъ Литовско-русскаго государства и отчасти Польскаго королевства. Въ двухъ названныхъ пунктахъ—въ Вильнѣ и Кіевѣ—были учреждены археографическія коммиссіи, или, какъ онѣ оффиціально титулуются,—„коммиссіи для разбора древнихъ актовъ". Въ Вильнѣ кромѣ того, параллельно съ коммиссіей, учрежденъ былъ въ 1866 г. особый комитетъ при Виленскомъ учебномъ округѣ для собиранія актовъ во всемъ западномъ краѣ и печатанія ихъ въ особомъ изданіи—„Археографическомъ сборникѣ документовъ".

Упомянутыя коммиссіи и комитетъ уже давно и съ честью подви-

---

*) Обзоръ этотъ былъ предметомъ доклада въ засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца 8 марта и 19 апрѣля 1892 г. Здѣсь онъ печатается въ значительно сокращенномъ видѣ.

Авт.

заются на поприщѣ изданія (и разработки) историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ названныхъ архивахъ, въ различныхъ монастыряхъ и пр. Такимъ образомъ мы имѣемъ 21 томъ матеріаловъ, изданныхъ Кіевской коммиссіей подъ общимъ заглавіемъ: *„Архивъ юго-западной Россіи“*; 18 т. in—4°, изданныхъ Виленской коммиссіей подъ названіемъ: *„Акты Виленской археограф. коммиссіи“* и 11 т. *„Археографическаго сборника документовъ“*, изданныхъ выше названнымъ комитетомъ. Кромѣ того, обѣ коммиссіи выпустили около 30 томовъ „отдѣльныхъ изданій“, куда вошли большіе памятники (лѣтописи, писцовыя книги и проч.), личные и географич. указатели, нѣкоторыя ученыя работы и т. п.

Матеріалы Витебскаго центральнаго архива также не лежатъ втуне: несмотря на то, что въ Витебскѣ археографической коммиссіи не существуетъ, съ 1871 г. начато, на правительственныя же средства, изданіе актовъ и этого архива подъ общимъ наименованіемъ *„Историко-юридическіе матеріалы“*, которыхъ вышло уже 21 т.[1]).

Итакъ, подводя итогъ, мы получаемъ солидную сумму—около 100 томовъ матеріаловъ, извлеченныхъ главнымъ образомъ изъ 3-хъ центральныхъ архивовъ, и въ томъ числѣ около 70 том. отдѣльныхъ актовъ. Пора оріентироваться среди этой груды матеріаловъ, особенно если принять во вниманіе мѣсто выхода (изданія провинціальныя) и малораспространенность этихъ изданій, сложность и разнообразіе ихъ плана (а иногда и отсутствіе к.-л. опредѣленнаго плана) и, наконецъ, разнообразіе вопросовъ, на которые отвѣчаютъ или для рѣшенія которыхъ даютъ цѣнныя данныя вошедшіе въ эти изданія матеріалы. Если же ко всему этому прибавить отсутствіе въ современной общей періодической печати обстоятельныхъ критическихъ обозрѣній текущей научной литературы или же ихъ случайность и неполноту, превращающую зачастую эти обозрѣнія въ перечень заглавій книгъ и фамилій ихъ авторовъ или издателей, то легко предположить, что названныя выше изданія и цѣнные матеріалы, въ нихъ заключающіеся, извѣстны лишь небольшому числу спеціалистовъ, но далеко не дѣлаются достояніемъ всѣхъ интересующихся историческимъ прошлымъ нашего отечества.

---

[1]) Къ слову сказать, послѣднее изданіе особенно отличается своей малоизвѣстностью: для продажи въ книжные магазины оно почти не поступаетъ, а въ библіотеки такихъ даже учрежденій, какъ напр. университеты, высылается далеко не аккуратно.

Въ видахъ ознакомленія тѣхъ, кому не попадались въ руки эти изданія, съ тѣми матеріалами, которые въ нихъ заключаются и которые зачастую имѣютъ интересъ не для однихъ только спеціалистовъ, мы и рѣшились представить обзоръ—на первый разъ—изданій Виленской археографической коммиссіи за послѣдніе годы, начиная съ 1880 г. Желая однако сдѣлать этотъ обзоръ болѣе полнымъ, а дальнѣйшее свое изложеніе болѣе понятнымъ, мы позволимъ себѣ предварительно сказать нѣсколько словъ о матеріалахъ, хранящихся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ (на основаніи новѣйшихъ свѣдѣній о немъ[1]), о Виленской археографической коммиссіи, а также вкратцѣ и о томъ, что̀ она сдѣлала до обозрѣваемаго періода, т. е. до 1880 г. Впрочемъ, всѣ эти свѣдѣнія имѣютъ и самостоятельный интересъ.

Виленскій центральный архивъ открытъ въ маѣ 1853 г., на основаніи Высочайшаго указа отъ 2 апр. 1852 г. Въ томъ же году поступило въ него 3046 актовыхъ книгъ. Число это постепенно возростало и къ 1886 г. достигло 19627 кн.; съ передачей же въ 1887 г. въ этотъ архивъ Люблинскихъ актовыхъ книгъ, общее число книгъ Виленскаго архива дошло до огромной цифры—24445, исчерпывающей всѣ наличныя древнія актовыя книги по огромному пространству пяти нынѣшнихъ губерній: Виленской, Гродненской, Минской, Ковенской и Люблинской.

По содержанію своему актовыя книги В. Ц. А., за исключеніемъ книгъ Люблинскихъ, которыя еще не вполнѣ разобраны, раздѣляются такъ: 4000 акт. крѣпостныхъ книгъ, 3500 декретовыхъ, 1400 поточныхъ и свыше 1000 инвентарей, люстрацій, тарифовъ и т. п.—По времени древнѣйшими актовыми книгами на *русскомъ* языкѣ являются: Гродненскія земскія—съ 1539 г., Пинскія гродскія—съ 1558 г., Жомойтскія (Россіенскія)—съ 1575 г.; что же касается Виленскихъ книгъ (гродскихъ, земскихъ и трибунальныхъ), то онѣ начинаются лишь съ 1662 г., ибо болѣе древнія изъ нихъ уничтожены во время войны Алексѣя Михайловича съ королемъ Яномъ-Казиміромъ. На *латинскомъ* яз. имѣются и *болѣе древнія:* Ковенскаго магистрата съ 1522 г. (онѣ писаны не только на латинскомъ, но частію и на рус-

---

[1]) Свѣдѣнія эти обязательно были сообщены намъ архиваріусомъ Вилен. централ. архива и членомъ тамошней археографической коммиссіи—И. Я. Спрогисомъ.

скомъ и нѣмецкомъ языкахъ), Дрогичинскаго земскаго суда—актовыя съ 1529 г., а протокольныя съ 1440 г., и Холмскія—земскія съ 1428 г., а гродскія записовыя даже съ 1402 года.

Вообще Виленскій архивъ во всѣхъ отношеніяхъ самый богатый изъ нашихъ центральныхъ архивовъ: и по количеству книгъ [1]), и по древности ихъ [2]), и по составу этихъ книгъ [3]), и, наконецъ, по району, охватываемому ими.

Личный составъ этого огромнаго архива, на содержаніе котораго ежегодно отпускается всего 3500 руб. [4]), весьма невеликъ: онъ состоитъ изъ архиваріуса и двухъ его помощниковъ.

Что касается Археографической коммиссіи, то она—учрежденіе самостоятельное и совершенно независимое отъ ц. архива. Учреждена она, съ Высочайшаго соизволенія, въ 1864 г. по иниціативѣ извѣстнаго гр. М. Н. Муравьева. На содержаніе коммиссіи и изданіе памятниковъ первоначально было ассигновано по 7000 руб. ежегодно (2 т руб. предсѣдателю, по 1 т. каждому изъ трехъ членовъ и 2 т. руб. на изданіе); при этомъ вмѣнено ей въ обязанность извлекать изъ актовыхъ книгъ и печатать: 1) документы, касающіеся русскихъ (православныхъ и уніатскихъ) церквей и монастырей, 2) духовныя завѣщанія лицъ знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, 3) инструкціи посламъ на сеймы, королевскіе привилегіи городамъ, мѣстечкамъ, сословіямъ и т. д. и вообще „выдающагося интереса акты“ и издавать непремѣнно по одному тому актовъ ежегодно.

Послѣднее conditio sine qua non не мало препятствовало коммиссіи стать въ своихъ изданіяхъ на раціональную почву,—ознакомиться

---

[1]) Оно превышаетъ болѣе чѣмъ въ 4 раза число книгъ Кіевскаго ц. арх., въ которомъ числится ихъ 5584 и болѣе чѣмъ въ 13 разъ число книгъ Витебскаго архива, гдѣ имѣется лишь 1823 кн.

[2]) Въ Кіевскомъ ц. арх. самая древняя акт. книга относится къ 1520 г. (это кн. № 4384—записов., поточная и протож. рѣшеній войтовскаго и лавничаго суда, на латинскомъ языкѣ), а въ Витебскомъ—лишь къ 1560 г.

[3]) Въ Виленскій ц. арх. вошли, можно полагать, всѣ наличныя книги Главнаго Литовскаго трибунала, между тѣмъ какъ въ Кіев. ц. арх. имѣется лишь около 30 позднѣйшихъ книгъ Люблинскаго трибунала.

[4]) По новымъ штатамъ, Высочайше утвержденнымъ 20 марта 1884 г., сумма эта распредѣляется такъ: на жалованіе архиваріусу 1000 руб., а 2-мъ его помощникамъ по 800 руб. каждому и на канцелярскіе и проч. расходы (наемъ писцовъ, сторожа, письменныя принадлежности и пр.)—900 руб.

прежде всего и въ достаточной степени съ массой хранящагося въ В. ц. арх. матеріала, а затѣмъ, на основаніи этого ознакомленія, выработать надлежащій болѣе или менѣе научный планъ изданія. Поневолѣ пришлось избрать краткій и легкій, хотя и нераціональный путь къ достиженію намѣченной цѣли, а именно коммиссія остановилась на слѣд. планѣ изданія: разсматривать актовыя книги по судамъ и весь научный матеріалъ, найденный въ разсмотрѣнныхъ акт. книгахъ одного или нѣсколькихъ судебныхъ мѣстъ опредѣленнаго географич. района, издавать въ одномъ томѣ, какъ бы разнообразенъ и разнороденъ этотъ матеріалъ ни былъ.

Другой причиной избранія такого довольно неудачнаго плана,—а еще болѣе, причиной малоуспѣшной вообще дѣятельности коммиссіи на первыхъ порахъ—былъ первоначальный личный составъ ея. Сюда вошли: предсѣдатель, б. профессоръ русской исторіи въ Виленскомъ университетѣ П. В. Кукольникъ и 3 члена, изъ которыхъ работалъ для коммиссіи и обладалъ подготовкой къ такой работѣ лишь одинъ (Н. И. Горбачевскій)[1]. Впрочемъ до 1870 г., когда дѣла коммиссіи приняли другой (лучшій) оборотъ, было все-таки выпущено 2 тома актовъ (въ 1865—7 гг.)

Послѣ П. Кукольника нѣкоторое время предсѣдателемъ былъ нынѣшій профессоръ Харьковскаго университета П. А. Безсоновъ, а съ 1868 г. галицкій ученый, протоіерей Я. Ѳ. Головацкій. При немъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ 1870 г. сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ уставѣ коммиссіи, направленныя къ ускоренію ея работъ[2]. Уставъ этотъ, данный въ видѣ опыта на 3 года, не коснулся однако измѣненія самой программы изданій и дѣятельности коммиссіи; то же надо сказать и о новыхъ правилахъ для коммиссіи, данныхъ ей М. Н. Пр. въ 1876 г. При Я. Головацкомъ и нынѣшнемъ (съ 1888 г.)

---

[1]) Двумя др. членами были: 1) протоіерей собора о. Антоній Пщолко и 2) начальникъ отдѣленія канцеляріи гл. нач. края д. с. с. И. А. Никотинъ. Но 1-й изъ нихъ, какъ заявлено въ предисловіи къ III т. актовъ, „почти вовсе не являлся въ коммиссію“, а г. Никотину, какъ отвѣтственному чиновнику, было тоже не до ученыхъ изданій, къ тому же онъ вскорѣ получилъ иное назначеніе.

[2]) А именно: 1) увеличена общая штатная сумма, отпускаемая на содержаніе коммиссіи, до 8000 р., 2) члены коммиссіи должны получать каждый не свыше 1200 р. въ годъ, но уже не въ видѣ жалованія, а въ видѣ заработной платы, опредѣляемой предсѣдателемъ коммиссіи и утверждаемой попечителемъ учебн. округа помѣсячно.

предсѣдателѣ коммиссіи Ю. Ѳ. Крачковскомъ произошли измѣненія и въ личномъ составѣ членовъ: прежнихъ смѣнили новые, большею частью изъ среды преподавателей мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній; всѣхъ членовъ коммиссіи, сверхъ предсѣдателя ея, въ настоящее время 4.

Съ изданіемъ новыхъ правилъ для коммиссіи, переходомъ предсѣдательства къ Я. Ѳ. Головацкому и съ обновленіемъ и увеличеніемъ состава членовъ комиссіи, дѣятельность ея замѣтно оживилась: съ 1870 по 1880 гг. издано 8, а съ 1880 по настоящій годъ также 8 объемистыхъ томовъ актовъ, не считая отдѣльныхъ цѣнныхъ изданій, каковы — Ординація королевскихъ пущъ, изд. въ 1873 г., Ревизія Кобринской экономіи (1563г.) —1876 и Писцовыя книги: Пинскаго староства (1561—66 гг)., 2 т. —1874 г., Гродненской экономіи XVI ст., 2 т.—1882 г., Пинскаго и Клецкаго княжествъ (1552—55 гг.)—1884 г. Кромѣ того, коммиссія успѣла въ достаточной степени ознакомиться съ содержаніемъ актовыхъ книгъ В. Ц. Арх., вполнѣ освоилась съ своими задачами и порученнымъ ей дѣломъ и, такимъ образомъ, получила въ послѣднее время возможность выпускать въ свѣтъ цѣлые томы совершенно однороднаго матеріала, каковы (кромѣ упомянутыхъ отдѣльныхъ изданій) XIV, XVI, XVII и XVIII т. т. актовъ.

———

До обозрѣваемаго періода, т. е. до 1880 г., коммиссія издала 10 том. отдѣльныхъ актовъ по плану, выработанному въ началѣ ея дѣятельности и указанному нами нѣсколько выше. Въ эти 10 т. (изъ которыхъ нѣкоторые, напр. V, VI и X чрезвычайно интересны) вошелъ матеріалъ, извлеченный изъ Гродненскихъ, Брестскихъ, Кобринскихъ, Каменецкихъ и Виленскихъ книгъ земскаго, гродскаго и магдебургскаго судовъ. Акты каждаго почти изъ названныхъ томовъ разбивались на слѣд. отдѣлы: 1) акты, относящіеся къ исторіи зап.-русской церкви. 2) акты административные и 3) акты юридическіе (NB.: въ первыхъ 2-хъ томахъ былъ еще и 4-ый, весьма странный, отдѣлъ: „акты, замѣчательные по оригинальности событія," но въ дальнѣйшихъ томахъ онъ уже не встрѣчается болѣе). Главная цѣль, которую преслѣдовала коммиссія при изданіи первыхъ 10-ти томовъ и которую (въ цѣломъ ея объемѣ) она еще не вполнѣ оставила и въ дальнѣйшихъ своихъ изданіяхъ,—это, во 1-хъ, доказать, что православная вѣра долгое время была самой распространенной въ предѣлахъ западно-русскаго государ-

ства и, кромѣ того, отмѣтить все, что̀ носило тамъ на себѣ отпечатокъ православія и русской національности, а во 2-хъ, выяснить древній экономическій и юридическій бытъ западнаго края и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какъ на немъ пагубно отразилось вліяніе польскихъ элементовъ, какая безпорядочность вслѣдствіе этого царила въ Литовско-русскомъ государствѣ въ XVII и XVIII ст. и т. п.

Съ XI т., съ разсмотрѣнія котораго мы и начнемъ наше обозрѣніе, коммиссія, оставивъ пока въ сторонѣ актовыя книги низшихъ (преимущ. земскихъ и гродскихъ) судовъ, перешла къ печатанію *актовъ и декретовъ Главнаго Литовскаго трибунала*, составляющихъ завидное богатство Виленскаго центр. архива и главное его преимущество предъ двумя прочими [1]).

Изъ 6660 книгъ и дѣлъ Гл. Л. трибунала, имѣющихся въ В. ц. архивѣ, особенно интересны для исторіи края около 469 кн. (см. предисл. къ XI т.); изъ нихъ 188—крѣпостныхъ, куда заносились разнаго рода юридическіе акты: завѣщанія, дарственныя и т. п., и 281 декретовыхъ, т. е. такихъ, куда вносились судебныя рѣшенія трибунала. Несмотря на то, что древнѣйшія—конца XVI и начала XVII вв.— трибунальныя книги погибли, тѣмъ не менѣе и въ имѣющихся болѣе позднихъ книгахъ встрѣчаются акты XVI, XV и даже XIV вв. Они сохранились (конечно, въ копіяхъ), благодаря тому, что при различнаго рода тяжбахъ стороны нерѣдко предъявляли для подкрѣпленія своихъ притязаній документы, доставшіеся имъ отъ ихъ предковъ. Всѣ болѣе древніе акты, встрѣченные нами въ обозрѣваемыхъ томахъ Виленскихъ актовъ, мы въ своемъ мѣстѣ будемъ отмѣчать.

Итакъ, обратимся непосредственно къ XI т., съ котораго начато печатаніе актовъ Литовскаго трибунала, и къ слѣдующимъ за нимъ. Предварительно однако замѣтимъ слѣдующее.

Подлежащіе нашему разсмотрѣнію XI—XVIII тт. актовъ и по плану изданія, и по содержанію своему—не однородны. Въ первомъ отношеніи, упомянутые томы можно раздѣлить на двѣ группы: 1) тт. XI, XII, XIII и XV, источникомъ которыхъ послужили исключительно книги Литовскаго

[1]) Главный Литовскій трибуналъ, учрежденный въ 1581 г. при Стефанѣ Баторіи былъ, какъ извѣстно, высшей судебной (преимущественно апелляціонной) инстанціей въ вел.кн. Литовскомъ; приговоры его имѣли силу сеймовыхъ постановленій, которыхъ не въ правѣ былъ отмѣнять даже самъ король и вел. князь.

трибунала, содержатъ въ себѣ разнородный матеріалъ, подраздѣляющійся почти въ каждомъ томѣ на нѣсколько отдѣловъ; эта группа носитъ на себѣ ясные слѣды несостоятельности первоначально усвоеннаго плана и 2) т. т. XIV, XVI, XVII и XVIII состоятъ (каждый въ отдѣльности) изъ совершенно однороднаго матеріала, что облегчаетъ систематическую его обработку. Во второмъ отношеніи, т. е. по содержанію, тѣ же томы разсматриваемаго изданія дѣлятся также на 2 группы: т. т. XI, XII, XV и XVI, составляющіе 1-ую группу, относятся исключительно или главнымъ образомъ къ *исторіи церкви*, хотя представляютъ интересъ и въ др. отношеніяхъ (напр., т. XV); остальные же (XIII, XIV, XVII и XVIII) посвящены исторіи вообще и въ особенности *исторіи экономич. и юридическаго быта* сѣверо-западнаго края.

Этой послѣдней группировки мы и будемъ придерживаться въ настоящемъ краткомъ обзорѣ, при чемъ главное вниманіе обратимъ на данныя по исторіи права.

I.

По содержанію своему акты XI т., какъ уже было замѣчено, всѣ относятся къ исторіи западно-русской церкви и состоятъ преимущественно изъ завѣщаній, дарственныхъ и купчихъ, совершенныхъ различными лицами въ пользу православныхъ и отчасти уніатскихъ церквей и монастырей. По времени акты эти охватываютъ XIV—XVIII ст., т. е. пять вѣковъ,—періодъ очень обширный для 166 актовъ, имѣющихся въ этомъ томѣ. Обстоятельство это лишаетъ возможности представить себѣ на основаніи даннаго матеріала полную картину положенія церкви въ к.-л. опредѣленную эпоху. Произошло же оно оттого, что редакція, повидимому, преслѣдовала главнымъ образомъ др. задачу—представить исторію отдѣльныхъ церквей или монастырей края.

Древнѣйшими актами въ настоящемъ томѣ являются: актъ обмежеванія спорныхъ земель Лавришовскаго монастыря въ 1398 г. (№ 1), подтвердительная 1410 г. жалов. грамота кор. Александра нѣкоему Исаевичу на дворовое мѣсто въ г. Вильнѣ (№ 2) и фундушевая запись Анны Вяжевичевой Сулятицкой церкви, 1433 г. (№ 3).

Изъ цѣлаго ряда составляющихъ значительную группу въ данномъ томѣ фундушевыхъ записей, древнѣйшей изъ которыхъ является

только-что упомянутая [1]), видно, что не только частныя лица, какъ богатыя и знатныя, такъ и незнатныя (скромные земяне), дѣлились своимъ избыткомъ съ церквами и тѣмъ обезпечивали ихъ благосостояніе, но даже нѣкоторые короли являлись въ числѣ жертвователей въ пользу православныхъ церквей (см. актъ № 7). Поддерживая своими пожертвованіями уже существующіе церкви и монастыри и основывая новые „ку размноженью хвалы Божіей“, фундаторы заботились не о томъ только, чтобы въ извѣстные дни служились торжественные акафисты, заздравныя и заупокойныя обѣдни, но прилагали также не мало заботъ объ обученіи дѣтей („на науцѣ дѣтей держати“) и призрѣніи престарѣлыхъ и больныхъ и дѣлали на это спеціальныя пожертвованія, т. е. брали на себя, по собственному почину, осуществленіе тѣхъ мѣръ, заботы о которыхъ въ современныхъ государствахъ составляютъ одну изъ существенныхъ задачъ государственнаго и общественнаго управленія. Съ этой стороны особенный интересъ представляетъ фундушевая запись гетмана вел. кн. Литовскаго и старосты Гродненскаго Григорія Ходкевича, строителя православной церкви въ м. Заблудовѣ (см. актъ № 16, 1563 г.).

Вообще, появившаяся съ конца XVI в. унія, какъ это наглядно видно изъ наст. и слѣд. томовъ, оживила частную благотворительность: православные и уніаты соперничали на поприщѣ пожертвованій на храмы, школы и богадѣльни. Послѣдніе, съ обычной ревностью прозелитовъ, старались о распространеніи „святого единенія“ и усердно жертвовали на уніатскіе монастыри и школы при нихъ и основывали новые; православные же, въ свою очередь, изъ всѣхъ силъ стремились поддержать „древнее православіе“ путемъ устройства новыхъ церквей, монастырей, школъ, братствъ, типографій для печатанія книгъ въ духѣ православія и т. д. (ак. № 31, 49 и др.). При этомъ православные фундаторы принимали всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры, чтобы гарантировать основанные ими монастыри и церкви, а также пожертвованныя на содержаніе ихъ недвижимыя имущества отъ перехода въ руки уніатовъ (№№ 20, 23, 31, 44 и др.).

---

[1]) Предметомъ ея служитъ „наданье“ Сулятицкой церкви еще 4-хъ влокъ земли, изъ коихъ двѣ „осѣлыхъ, съ чоловѣки двѣма Даниломъ Микеевичемъ и Васюкомъ Севастьяновичемъ съ подружьями (жонами) и зъ дѣтьми ихъ, да со всею маетностью ихъ“.

Тѣмъ не менѣе унія дѣлала большіе успѣхи,—она распространялась не только путемъ убѣжденія (см. актъ 105, 1696 г.), но и грубаго насилія. Въ настоящ. томѣ имѣется около 20 актовъ, наглядно рисующихъ тѣ притѣсненія и насилія, которымъ подвергались православные со стороны уніатовъ и католиковъ: они останавливали на дорогѣ священниковъ, идущихъ съ св. Дарами, препятствовали провожать умершихъ на кладбища (№ 83), издѣвались надъ ними, нападали на православные монастыри, били и увѣчили иноковъ (№ 137), загоняли силой православныхъ въ костелъ и тамъ принуждали ихъ исповѣдываться и причащаться (№ 160) и пр. и пр. Напрасно короли воспрещаютъ подобныя безчинства, безобразія и насилія, а Литовскій трибуналъ въ болѣе важныхъ случаяхъ приговариваетъ главныхъ виновниковъ къ смертной казни (№№ 83, 137 и др.): все это удерживаетъ фанатиковъ лишь на время.

Мало по малу, болѣе богатые монастыри и церкви съ ихъ имѣніями переходятъ путемъ всякихъ неправдъ, юридическихъ ухищреній (№ 72), а иногда и просто насилія въ руки уніатовъ и католиковъ. Справедливость требуетъ однако отмѣтить, что суды въ рѣшеніяхъ земельныхъ споровъ и дѣлъ о захватахъ между православными и уніатами далеко не всегда становились на сторону послѣднихъ (см., напр., подъ № 105 интересное дѣло Цаперскаго монастыря).

Свыше 50-ти актовъ этого тома рисуетъ намъ жизнь православнаго и уніатскаго духовенства, преимущественно монашествующаго, съ внѣшней, экономической стороны, а именно, какъ оно хозяйничало въ пожертвованныхъ имѣніяхъ, какими финансовыми операціями занималось и пр. Надо сознаться, что эта сторона далеко не казовая.

Благодаря тому, что благочестивые люди дѣлали пожертвованія не только недвижимыми имѣніями, но и денежными вкладами, постепенно въ монастыряхъ скоплялись значительные капиталы изъ этихъ вкладовъ, доходовъ съ имѣній и мелкихъ приношеній. Это давало возможность монастырямъ расширять свои территоріальныя владѣнія посредствомъ покупки новыхъ имѣній, домовъ и пр. Весьма нерѣдко также монастырское начальство для приращенія своихъ капиталовъ отдавало ихъ въ займы подъ вѣрное обезпеченіе, подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, соблазняясь возможностью сперва безотчетно пользоваться доходами съ заложеннаго имѣнія, а затѣмъ стать

его собственникомъ.[1]) Всѣ подобнаго рода финансовыя операціи естественно приводили монашествующихъ иноковъ къ вооруженнымъ столкновеніямъ съ сосѣдями, безпрерывнымъ тяжбамъ съ ними и своими должниками и пр., словомъ, ко всему тому, что̀ отвлекало ихъ отъ прямыхъ обязанностей и было такъ далеко отъ всякихъ идеаловъ иночества (примѣровъ, иллюстрирующихъ сказанное, немало въ этомъ томѣ).

Чтобы покончить съ обзоромъ XI т., отмѣтимъ еще группу актовъ, касающихся „права подаванія", kollacji или jus patronatûs. Такихъ актовъ въ настоящемъ томѣ 4 (№№ 55, 61, 110 и 154) и въ слѣдующемъ—1 (т. XII, № 98). Правда, къ тому, что̀ извѣстно уже о jus patronatûs изъ др. источниковъ, названные акты ничего существенно новаго не прибавляютъ; за то одинъ изъ нихъ (№ 110), сверхъ подтвержденія извѣстнаго уже факта, что jus patr. въ Литовско-Русскомъ государствѣ перешло въ сферу вотчинныхъ правъ, интересенъ еще и во многихъ др. отношеніяхъ и между проч. наглядно показываетъ, какія многочисленныя неудобства, пререканія порождалъ вотчинный характеръ упомянутаго права, и до какихъ иногда безобразій доходили обладатели его.

Первый отдѣлъ слѣдующаго XII т., вышедшаго въ 1883 г., состоитъ также изъ фундушевыхъ записей, межевыхъ актовъ, декретовъ Главнаго Литовскаго трибунала, мировыхъ и другихъ сдѣлокъ монастырей съ своими сосѣдями. Впечатлѣніе, получаемое при чтеніи этихъ актовъ, однородно съ тѣмъ, какое испытываетъ читатель при просмотрѣ предыдущаго тома, но еще болѣе безотрадное. Съ одной стороны, отсюда наглядно видно, что уніатство къ XVIII в. сдѣлалось господствующимъ вѣроисповѣданіемъ въ сѣверо-западномъ краѣ: такъ, монастыри, о которыхъ встрѣчаются свѣдѣнія въ актахъ настоящаго тома, почти всѣ находятся въ рукахъ уніатовъ, фундушевыя записи, помѣщенныя здѣсь, даны всѣ въ пользу уніатскихъ церквей и монастырей, православные же храмы и православное, или дизунитское, какъ его вели-

---

[1]) По литовско-русскому праву должникъ, взявшій деньги въ займы подъ обезпеченіе недвижимымъ имуществомъ, вмѣсто уплаты % за пользованіе капиталомъ отдавалъ это послѣднее „въ заставу" своему кредитору; кредиторъ до уплаты долга въ извѣстный срокъ или до предъявленія иска о возвращеніи заставленнаго имѣнія владѣлъ этимъ послѣднимъ и пользовался доходами съ него безотчетно; въ концѣ концовъ владѣніе по заставному праву могло перейти (и такъ бывало очень часто) въ право собственности.

чали уніаты и католики, духовенство въ эту пору (въ половинѣ XVIII ст.) находились, какъ то свидѣтельствуетъ м. пр. напечатанная здѣсь (№ 57) „памятная записка" Слуцкаго православнаго духовенства (1768 г.), въ бѣдственномъ и униженномъ положеніи. Съ другой стороны, монастыри затрачивали массу труда, энергіи, времени и денегъ не на удовлетвореніе религіозныхъ, умственныхъ и нравственныхъ потребностей иноковъ и прихожанъ, не на дѣла благотворительности, а на веденіе безконечныхъ тяжбъ по земельнымъ спорамъ и взысканіямъ съ своихъ должниковъ, уклоняясь такимъ образомъ все дальше и дальше отъ исполненія обѣтовъ нестяжательности и подвижничества.

Особенность настоящаго тома составляетъ интересный отдѣлъ актовъ, относящихся къ исторіи кальвинизма въ сѣв.-зап. краѣ въ XVII в. Актовъ этихъ не много (всего 23), однако въ нихъ можно найти не мало данныхъ о степени распространенности этого вѣроученія, проникшаго въ Литву еще въ XVI ст., вообще и среди высшаго класса въ частности, объ отношеніи къ послѣдователямъ его королей, судовъ, католическаго духовенства и населенія. Такъ, объ успѣшномъ распространеніи кальвинизма можно судить уже потому, что только въ напечатанныхъ немногочисленныхъ актахъ упоминается о существованіи 17-ти храмовъ, или молитвенныхъ домовъ („сборовъ"), послѣдователей Кальвина. Въ числѣ щедрыхъ фундаторовъ—основателей и жертвователей—этихъ храмовъ наши акты называютъ: королевскаго маршалка кн. Яна Свирскаго, подчашаго вел. кн. Лит-го, старосту Борисовскаго кн. Януша Радзивила, маркграфиню Бранденбургскую Людовику-Каролину, урожд. княжну Радзивилъ, и др. членовъ этой фамиліи, каштеляна Виленскаго Воловича и мн. др.

Изъ этихъ же актовъ можно почерпнуть также не мало интересныхъ сдѣдѣній объ организаціи евангелической общины послѣдователей Кальвина.

Что касается отношенія къ кальвинистамъ католическаго духовенства, то оно не иначе называло ихъ молитвенные дома, даже въ оффиціальныхъ случаяхъ, какъ синагогами, а евангелическую общину презрительно величало—coetus Calvinisticus (см., напр., актъ № 113).

Вообще положеніе кальвинистовъ, несмотря на гарантированныя польскими королями свободу вѣроисповѣданія и неприкосновенность ихъ иму-

щества, было едва ли не болѣе угнетенное, нежели положеніе православныхъ. Не только кальвинисты сами, но и ихъ храмы нерѣдко подвергались возмутительному и дикому насилію со стороны фанатической католической черни, иногда подстрекаемой на то своимъ духовенствомъ.

Изъ многихъ примѣровъ, иллюстрирующихъ только что сказанное, укажемъ на выдающійся,—это фактъ разрушенія среди бѣлаго дня Виленскаго евангелическаго храма 2 апр. 1682 г. (ок. № 116).

Опуская ужасныя подробности этого возмутительнаго событія, совершившагося, добавимъ, безъ всякаго внѣшняго повода, остановимся на его финалѣ. Ошеломленные всѣмъ происшедшимъ, поруганные въ самыхъ дорогихъ своихъ чувствахъ, кальвинисты не рѣшались жаловаться ни въ одинъ изъ существующихъ въ государствѣ судовъ, предвидя тамъ нежелательный для себя исходъ дѣла, а потому обратились nomine totius ewangelicae communitatis съ жалобой къ самому королю Яну Собѣсскому. Жалоба была принята благосклонно: король особымъ рескриптомъ назначилъ чрезвычайный коммиссарскій судъ (въ составъ его вошли 2 духовныхъ и 3 свѣтскихъ лица) для разслѣдованія дѣла и суда надъ виновными. На судѣ повѣренные отвѣтчиковъ (ректора и воспитанниковъ іезуитской академіи, магистрата и посспольства, а также евреевъ), цитируя различн. конституціи, королевскіе привилегіи и рескрипты, юридич. сочиненія и пр., пытались сперва доказать, что собравшійся судъ есть по отношенію къ нимъ *forum incompetens*, что дѣло подсудно не ему, а королевскому суду, въ виду чего и самый королевскій рескриптъ о назначеніи чрезвычайнаго коммиссарскаго суда незаконенъ. Повѣренный пострадавшихъ, опираясь на тѣ же источники, а также на нѣкоторые др. и на Литовскій Статутъ, утверждалъ, что упомянутый рескриптъ вполнѣ законенъ, ибо вытекаетъ ex plenitudine potestatis короля. Пренія эти, возобновлявшіяся съ обѣихъ сторонъ нѣсколько разъ, представляютъ тотъ интересъ, что они вращаются около теоретическихъ вопросовъ о существѣ власти короля, какъ верховнаго судьи, о силѣ его рескриптовъ, о соотношеніи между старымъ и новымъ закономъ, о подсудности и пр. и пр.

Коммиссары, выслушавъ обѣ стороны и не уваживъ возраженій (exceptiones) отвѣтчиковъ, а, наоборотъ, соглашаясь съ доводами повѣреннаго кальвинистовъ, а именно, что король ex suprema potestate sua, iako summus arbiter, могъ дать извѣстное направленіе этому дѣлу

и такимъ образомъ новымъ рескриптомъ kassować и annihilować свои прежніе данные въ аналогичныхъ случаяхъ reskrypta у inne pozwy, mandaty,—признали это дѣло подсуднымъ себѣ и приступили къ дальнѣйшему разбирательству: личному осмотру, допросу свидѣтелей и т. д., 2 апрѣля 1686 г., т. е. черезъ 3 недѣли послѣ начала судебн. разбирательства и ровно черезъ 4 года послѣ разрушенія храма, коммиссарскій судъ объявилъ свой декретъ, которымъ вынесъ обвинительный вердиктъ главнѣйшимъ зачинщикамъ, а кальвинистамъ предоставилъ право возстановить соборъ на старомъ мѣстѣ и свободно отправлять свое богослуженіе [1]). Декретъ этотъ, два года спустя, былъ утвержденъ королемъ (№ 119).

Третій отдѣлъ этого тома состоитъ изъ 14 завѣщаній. Трудно понять, для чего понадобилось создавать въ томѣ для этихъ завѣщаній особый отдѣлъ: всѣ они съ полнымъ основаніемъ могли быть размѣщены въ двухъ предыдущихъ отдѣлахъ, ибо преимущественно содержатъ въ себѣ или распоряженіе о пожертвованіяхъ на какіе-либо монастырь, церковь, школу и пр., или разсужденія на различныя религіозныя темы, завѣты не измѣнять вѣрѣ предковъ, распоряженіе о погребеніи и т. п. Единственнымъ и то сомнительнымъ основаніемъ для выдѣленія этихъ завѣщаній въ особый отдѣлъ могъ бы служить тотъ пунктъ инструкціи, данной Виленской коммиссіи при ея учрежденіи, который вмѣняетъ ей въ обязанность м. пр. „разыскивать и печатать духовныя завѣщанія лицъ знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ“; однако почтенный редакторъ настоящаго тома пытается мотивировать это обстоятельство иначе: „духовныя завѣщанія, говоритъ онъ (пред., стр. XXIX),—принадлежатъ къ тому роду документовъ, которые въ отношеніи научномъ представляютъ большой интересъ“. Не касаясь основательности этого положенія, требующаго во всякомъ случаѣ большого ограниченія, замѣтимъ только, что едва ли какое бы то ни было научное значеніе имѣетъ, напр., завѣщаніе подъ № 134, въ которомъ нѣкій генералъ-маіоръ королевскихъ войскъ Э. Корфъ разсказываетъ довольно туманно и, повидимому, не вполнѣ откровенно исторію своихъ авантюръ на „tym mizernym swiecie,“ или завѣщаніе

---

[1]) Интересный декретъ этотъ былъ уже напечатанъ въ соч. І. Лукашевича: „Dzieje kosciołów wyznania Helweckiego w Litwie“(изд. въ 1842—43 гг.), но безъ указанія источника, безъ даты, съ пропусками и неточностями.

подъ № 128, представляющее интересъ лишь для любителя всякаго рода оригинальностей[1]).

Впрочемъ, несмотря на нѣсколько случайный подборъ помѣщенныхъ здѣсь завѣщаній, между ними встрѣчаются и дѣйствительно имѣющія серьезное значеніе; изъ таковыхъ едва ли не самое интересное, и при томъ во многихъ отношеніяхъ, завѣщаніе Троцкаго тіуна, кн. Самуила Огинскаго (№ 126).

Къ разсмотрѣннымъ выше томамъ примыкають по основному содержанію своему также тт. XV и XVI. Оставляя пока въ сторонѣ первый изъ нихъ, который даетъ (какъ то мы увидимъ ниже) интересныя данныя не столько для исторіи церкви, сколько для исторіи права, обратимся ко второму изъ нихъ, при чемъ въ виду его спеціальнаго интереса ограничимся лишь немногими замѣчаніями.

Объемистый томъ этотъ (въ немъ около 850 стр. in-4), изданный въ 1889 г. и содержащій въ себѣ, какъ то значится на его обложкѣ: „документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи", относится къ болѣе новому періоду исторіи уніи, а именно—со времени присоединенія Сѣверо-Западнаго края (Бѣлоруссіи) къ Россіи, т. е. съ 1772 г., или, еще точнѣе, къ исторіи возсоединенія уніатовъ. Весь матеріалъ разсматриваемаго тома, по времени относящійся къ послѣдней четверти прошлаго и первой половинѣ настоящаго вѣка[2]), разбитъ по роду документовъ на 8 отдѣловъ (правительственныя распоряженія, папскія буллы, переписка и пр.) и заимствованъ, по краткому заявленію редактора его, или изъ рукописей различныхъ архивовъ, или же изъ „очень цѣнныхъ многотомныхъ печатныхъ изданій и очень рѣдкихъ книгъ и брошюръ" (см. предисл. стр. XV). Такимъ образомъ не весь матеріалъ этого тома является впервые въ печати,—часть его составляетъ перепечатку, а именно—изъ П.С.З.Р.И. и различныхъ отечественныхъ или заграничныхъ изданій прошлаго вѣка, нынѣ „недоступныхъ

[1]) Авторъ этого завѣщанія приказываетъ для погребенія своего тѣла соорудить нѣчто въ родѣ египетской пирамиды въ миніатюрѣ и дѣлаетъ цѣлый рядъ относящихся сюда распоряженій.

[2]) Исключеніе представляютъ лишь нѣкоторые документы VIII отд., куда включены 2 распоряженія самаго новѣйшаго времени, а также 2 документа 1-ой полов. XVIII, 3—начала XVII и 2—конца XVI в.

для большинства ученыхъ". При ближайшемъ ознакомленіи съ матеріалами оказывается однако, что допущены исключенія изъ общаго правила: порою встрѣчаются и перепечатки изъ изданій 60, 70 и 80-хъ годовъ нашего столѣтія, при томъ такихъ, которыхъ нельзя назвать недоступными и даже малодоступными[1]). Послѣдняго рода перепечатки, составляющія излишнюю роскошь даже въ такихъ изданіяхъ, какъ разсматриваемое, оправдываются, впрочемъ, обстоятельствами, вызвавшими самое появленіе въ свѣтъ XVI-го т.: онъ выпущенъ въ годъ празднованія 50-тилѣтія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью.

Другая, нѣсколько бо́льшая, половина XVI т. (весь 3-й, большая часть 4 и 7-го и часть 5 и 6-го отдѣловъ) состоитъ изъ матеріаловъ, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныхъ и дѣйствительно очень интересныхъ [2]). Заимствованы они изъ слѣд. архивовъ: 1) рукописн. отдѣленія Виленской публичной библіотеки, 2) быв. архива Борунскаго (уніатскаго) монастыря, 3) архива уніатскихъ митрополитовъ при Святѣйшемъ Синодѣ и 4) архива М. Н. Пр. Такимъ образомъ, всѣ рукописные матеріалы, вошедшіе въ настоящій томъ, извлечены не изъ В. Ц. А., откуда коммиссія до сихъ поръ черпала свои матеріалы, а изъ различ. др. архивовъ, въ томъ числѣ и изъ столичныхъ. Это—*новость* въ изданіяхъ В. А. К.: доселѣ она не пыталась конкуррировать не только съ Петербургской и Кіевской археографич. коммиссіями, но даже и съ упомянутымъ выше „особымъ комитетомъ" при Виленскомъ учебн. округѣ, занимающимся собираніемъ древнихъ актовъ во всемъ сѣверо-западномъ краѣ,—не стремилась расширить свой горизонтъ, выйти изъ предѣловъ Виленскаго центр. архива [3]).

---

[1]) Таковы изданія: 1) Сборникъ Р. Ист. Общ., т. I, Спб. 1867 г.; 2) Harasiewicz. Annales Ecclesiae Ruthenae, 1862; 3) Холмскій мѣсяцесловъ на 1875 годъ; 4) Литовск. Епархіальныя Вѣдомости за 1874 г.; 5) Записки Іосифа, митрополита Литовскаго, изд. Акад. Наукъ, Спб. 1883 г., и 6) Вѣстникъ Европы за 1872 г., т. II (откуда перепечатанъ актъ № 282, занимающій 14 стр. in—4).

[2]) Послѣднее особенно относится къ отд. IV, гдѣ помѣщена переписка между Стефаномъ Левинскимъ, митрополитомъ Іасономъ Смогоржевскимъ, Ѳеодосіемъ Ростоцкимъ и нѣкот. др. лицами, извлеченная б. ч. изъ уніатскаго архива при Святѣйшемъ Синодѣ и сообщенная Вил. коммиссіи покойнымъ М. О. Кояловичемъ.

[3]) Впрочемъ, уже при изданія XIV т. (вышелъ въ 1887 г.) В. А. К. почерпнула часть матеріала (около 20 докум.) изъ рукописнаго отдѣл. Вил. публ. библіотеки и изъ древняго капитульнаго архива, но бо́льшая часть его (74 док.) была все-таки заимствована изъ обычнаго источника—актовыхъ книгъ Вил. центр. архива.

Такою же новостью является по своей задачѣ и объему и самое предисловіе къ разсматриваемому тому. До сихъ поръ издаваемымъ актамъ предпосылались болѣе или менѣе краткія предисловія, преслѣдующія скромную цѣль—комментировать напечатанные акты, представить ту или др. группировку ихъ, словомъ „облегчить трудъ изученія напечатаннаго матеріала, особенно для лицъ, не знающихъ польскаго языка или имѣющихъ мало свободнаго времени.“ Это, конечно, не мѣшало нѣкоторымъ изъ такихъ предисловій содержать въ себѣ болѣе или менѣе цѣнныя замѣтки по тому или др. вопросу [1]); но во всякомъ случаѣ ни одно изъ предисловій къ первымъ XV-ти тт. не стремилось замѣнить самые акты и покинуть такимъ образомъ свое вспомогательное, служебное по отношенію къ нимъ, значеніе.

Иное впечатлѣніе оставляетъ предисловіе къ разсматриваемому XVI т., написанное нынѣшнимъ предсѣдателемъ Виленской археографической коммиссіи Ю. Ѳ. Крачковскимъ. Это уже не предисловіе, имѣющее служебное значеніе, а обширная (въ 130 стр. in-4, правда довольно крупной печати) и обстоятельная передовая статья, цѣлое изслѣдованіе, имѣющее въ виду, на основаніи напечатанныхъ въ томѣ данныхъ, прослѣдить ходъ рѣшенія уніатскаго дѣла со времени присоединенія къ Россіи Бѣлоруссіи (1772 г.) до соединенія уніатовъ съ православною церковью (т. е. до 1839 г.) [2]).

Исторіи же церкви (ей, какъ извѣстно, отведено первое мѣсто въ трудахъ какъ Виленской, такъ и Кіевской коммиссіи) будетъ посвященъ

---

[1]) Напр., въ предисловіе (С. Шолковича) къ V т. вошелъ между проч. краткій очеркъ исторіи и правъ евреевъ въ Брестскомъ воеводствѣ, въ предисловіе (И. Спрогиса) къ VI т.—замѣтки о положеніи крестьянъ и о копныхъ судахъ, въ предисловіе (того же) къ X т.—обстоятельный очеркъ цеховаго устройства и управленія г. Вильны, и др.

[2]) Разставаясь съ настоящимъ томомъ мы позволимъ себѣ, въ видахъ могущаго послѣдовать 2-го изданія его, обратить вниманіе почтеннаго редактора на слѣд. замѣченные нами недосмотры:

1) во 2-мъ отд. документовъ безъ всякаго, повидимому, основанія и неоднократно нарушается обычная ихъ хронологическая послѣдовательность; такъ, за актами 60-хъ годовъ XVIII ст. идутъ акты 50-хъ и даже 40-хъ годовъ (здѣсь же при двухъ документахъ повторенъ одинъ и тотъ же №—116);

2) послѣдніе 6 документовъ 1-го и всѣ 8-го отдѣла не содержатъ при себѣ никакого указанія, откуда они заимствованы,

и 3) нѣкоторые акты (№ 235 и др.) снабжены указаніями чрезвычайно неполными, въ родѣ, напр., слѣд.: „перепечатано изъ современной брошюры“.

также и XIX т. Виленскихъ актовъ, еще пока не вышедшій въ свѣтъ. Въ этотъ томъ, какъ мы слышали, войдутъ акты *о Холмскихъ владыкахъ*, извлеченные изъ Холмскихъ же актовыхъ книгъ, писанныхъ по-латыни и начинающихся съ половины XV вѣка. Редакція его и предисловіе къ нему составятъ трудъ члена коммиссіи г. Площанскаго. Къ маю 1892 года было напечатано для названнаго тома около 20 печ. листовъ актовъ. Можно такимъ образомъ надѣяться, что въ началѣ 1893 года онъ выйдетъ въ свѣтъ.

II.

Обратимся теперь къ тѣмъ томамъ актовъ, которые посвящены исторіи вообще и исторіи права въ частности.

Во главѣ ихъ, по времени выхода въ свѣтъ, стоитъ т. XIII, изд. въ 1886 г. Томъ этотъ, заключающій въ себѣ 102 акта, извлеченныхъ изъ книгъ Главнаго Литовскаго трибунала и обнимающихъ періодъ съ 1395 по 1797 г., чрезвычайно разнообразенъ по составу и интересенъ во многихъ отношеніяхъ. Большая часть его отведена различнаго рода королевскимъ привилеямъ и листамъ, сеймовымъ инструкціямъ и постановленіямъ. Мы отмѣтимъ лишь акты наиболѣе, на нашъ взглядъ, интересные.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе своею древностью актъ подъ № 1. Это—жалованная (и вмѣстѣ съ тѣмъ иммунитетная) грамота Мстиславскаго князя Лугвенія (Симеона) Ольгердовича дворному своему боярину Костюшку Валюжиничу на „кгрунтъ Валюжинскій“, близъ г. Мстиславля; при этомъ князь освобождаетъ Валюжинича отъ всякихъ повинностей, кромѣ военной („посполу зъ другими боярьми Мстиславскими“), и пошлинъ, а также отъ суда своихъ урядниковъ и десятниковъ городскихъ. Къ сожалѣнію, точная дата этого документа неизвѣстна. Правда, въ концѣ грамоты стоитъ слѣд. datum: „Данъ во Мстиславлю, сентебра первого, въ лѣто шостое тысечи семьсотъ, индикта третьяго“, но очевидно здѣсь произошла ошибка по винѣ переписчика начала XVIII-го в. (1718 г.), когда грамота заносилась въ книги трибунала. По соображеніямъ Виленской коммиссіи, грамота эта дана въ 6903 г., т. е. въ 1395 г. по Р. Х.

Слѣдующая жалованная грамота относится уже къ 1507 г. Дана она Сигизмундомъ I, въ подтвержденіе грамоты вел. кн. Александра,

королевскому боярину Петру Кундѣ на земли и часть Городенской пущи „въ должъ на чотыри версты, а поперекъ на три версты“ (№ 3).

Изъ остальныхъ жалованныхъ королевскихъ грамотъ на земли заслуживаютъ вниманія напечатанныя подъ №№ 4, 5, 10 и 11. Первая и третья изъ нихъ интересны въ томъ отношеніи, что въ нихъ встрѣчается необычный въ западно-русскихъ актахъ терминъ: *уѣздъ*, и при томъ не въ смыслѣ средневѣковаго circuitus, или русскаго „урочища“, т. е. землевладѣльческой единицы, а въ смыслѣ административной единицы, соотвѣтствующей *повѣту*, какъ въ этомъ легко убѣдиться изъ нижеслѣдующихъ цитатъ:

1) „Жикмунтъ перш́ій.... Били намъ чоломъ сынове городничого нашого Минского Петра Оношка.... штожъ есмо дали отцу ихъ Оношкови въ *уѣздѣ* Минскомъ, а въ *присудѣ* Гаеньскомъ двѣ земли пустыхъ на имя Слижино и Янушковичи...“; а нѣсколько ниже: „а на третимъ листѣ стоить описано, ижъ отцу далъ три земли пустыхъ *волости* Гаенской на име Якубовщизну.... до воли нашое господарское“ (изъ грам. № 4 отъ 1508 г.);

2) „Жикгмунтъ Августъ.... ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, што пришовши передъ насъ, господара, и паны рады наши, при боку нашомъ засѣдаючіе, урожоный Федоръ Оношковичъ—бояринъ нашъ господарскій *уѣзду* Ошмянского (sic! Оршанскаго?) и повѣдилъ передъ нами, штожъ онъ купилъ вѣчнымъ правомъ... село Ковнча... за рѣкою Березиною лежачое, въ *присудѣ* Богушевскомъ“ (изъ грам. № 10 отъ 1548 г.).—Отсюда же ясно также, что *уѣздъ* подраздѣлялся на *присуды*, или, что̀ то же, *волости* [1]).

Слѣдующій изъ отмѣченныхъ выше актовъ (№ 11) представляетъ собою жалованную грамоту (1555 г.) королевы Боны своему Пинскому старостѣ Станиславу Фальчевскому на „дворъ Сельце, *зъ челядью невольною*, зъ быдломъ, зъ мѣстечкомъ и *зъ волостью*, зъ людьми

---

[1]) Ср. проф. Бершадскаго—„Общественная организація крестьянъ въ вел. кн. Литовскомъ въ нач. XVI в“: „Въ системѣ административныхъ округовъ автономныя крестьянскія общества назывались волостями и стояли наравнѣ съ округами, тянувшими къ великокняжескимъ дворамъ—„державами“. Для нѣкоторыхъ сторонъ управленіе и эти волости дѣлились на станы“. (Историч. Обозр., кн. 8, отд. 2, стр. 16).

путными, тяглыми, зъ даньми ихъ и пр.". Предоставляя Фальчевскому и его женѣ, въ награду за ихъ вѣрную службу, означенное имѣніе въ пожизненное ихъ владѣніе („до живота") „зо всимъ панствомъ, властностью" и доходами, королева освобождаетъ однако отъ подсудности новому помѣщику „шляхту Селецкую, которая се правомъ земскимъ судитъ и земскую военную службу служитъ", и крестьянъ, живущихъ на церковныхъ земляхъ; кромѣ того, она оставляетъ за собою и „костельное подаванье", т. е. jus patronatûs.

Наконецъ, что касается обширнаго акта подъ № 5, то онъ между прочимъ содержитъ въ себѣ рядъ жалованныхъ королевскихъ грамотъ конца XV и нач. XVI вв. многочисленнымъ князьямъ Глинскимъ на помѣстья въ Витебскомъ, Полоцкомъ и Смоленскомъ „повѣтахъ". По поводу одного изъ такихъ пожалованій вел. кн. Александръ пишетъ Смоленскому намѣстнику Юрію Глѣбовичу: „писалъ ты до насъ за княземъ Иваномъ Семеновичемъ Глинскимъ, штожъ отчизна его вся къ Москвѣ отошла и не маетъ се на чомъ поживити самъ зъ дѣтьми своими, и пишешь къ намъ, абысьмо дали ему сельцо у Смоленскомъ повѣтѣ, у Деменской волости, на име Снопотецъ; ино мы его сельцомъ пожаловали, нехай онъ тое сельцо Снопотецъ держитъ со всимъ по тому, какъ держалъ Григорей Мишковичъ; а дали есьмо ему тое сельцо до нашого лѣпшого осмотрѣнья дотуля, поки его отчизну очистимъ; а увезати казали есьмо его въ тое сельцо дворанину нашому Василью Сапѣзѣ".

Актъ этотъ, или, вѣрнѣе, рядъ актовъ, напечатанныхъ подъ однимъ №, независимо отъ того, что пополняетъ помѣщенную въ 1-мъ томѣ Акт. Зап. Россіи родословную потомковъ татарскаго князя Лекса — многочисленныхъ князей Глинскихъ и характеризуетъ ихъ имущественныя отношенія между собою, интересенъ еще тѣмъ, что рисуетъ подробно, какъ, кѣмъ и въ присутствіи кого совершалось „увезеніе", т. е. вводъ во владѣніе пожалованнымъ имуществомъ „по старымъ границамъ и рубежамъ", что̀ содержалъ въ себѣ увязчій, или вводный, листъ и пр. и пр.

Изъ нѣсколькихъ жалованныхъ королевскихъ грамотъ на дворянство отмѣтимъ привилегію короля Яна Собѣскаго, выданную въ 1677 г. князьямъ, мурзамъ, хорунжимъ и всѣмъ татарамъ—całemu narodowi ich,—живущимъ въ Виленскомъ и проч. воеводствахъ и повѣтахъ вел. кн. Литовскаго и несущимъ военную службу (въ татар-

скихъ хоругвяхъ). Предоставляя имъ шляхетскія права и сравнивая ихъ, согласно 17 и 20 арт. XI разд. Лит. Статута, съ прочею шляхтою w kryminałach, swiadectwach y dowodach o wszelką rzecz, король разрѣшаетъ татарамъ выкупать у шляхты свои имѣнія и владѣть челядью христіанской дома и на войнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ жалуетъ имъ особенную льготу—получать заручные листы отъ гетмановъ, воеводъ и старостъ противъ притѣсненій и преслѣдованій со стороны шляхты (№ 35). Привилегія эта была подтверждена королями Августомъ II и III и затѣмъ (въ 1778 г.) Станиславомъ-Августомъ.

Рядъ, б. ч. подтвердительныхъ, привилегій на магдебургское право (ихъ въ этомъ томѣ около 10), выданныхъ различнымъ городамъ и мѣстечкамъ, охватываетъ періодъ въ 200 съ лишнимъ лѣтъ: древнѣйшая изъ нихъ относится къ 1580, и позднѣйшая къ 1792 г. Ничего особенно новаго для исторіи Магдебургскаго права въ Литвѣ онѣ не заключаютъ въ себѣ. Отмѣтимъ только, что въ привилегіи м. Старому-Мядему (№ 69), выданной въ 1762 г. кор. Августомъ III, апелляція на магистратъ допускается не въ королевскій задворный асессорскій судъ, какъ это было обыкновенно, а къ помѣщикамъ Кошицамъ.

Оставляя затѣмъ въ сторонѣ прочія имѣющіяся въ разсматриваемомъ томѣ грамоты льготнаго характера, или привилегіи въ собственномъ смыслѣ [1]), обратимся къ важному акту изъ разряда охранительныхъ грамотъ—къ *уставной* грамотѣ Полоцкой земли, подтвержденной Сигизмундомъ III въ 1593 г. (ак. № 21).

Какъ извѣстно [2]), до насъ дошли и напечатаны въ Актахъ Западной Россіи болѣе древнія уставныя грамоты Полоцкой земли, а именно 1511 и 1547 г. Настоящая подтвердит. грамота, о существованіи которой въ Литовской метрикѣ было уже извѣстно, интересна прежде всего въ томъ отношеніи, что въ текстъ ея включена и предыдущая подтвердительная грамота, данная Стефаномъ

---

[1]) Одна изъ нихъ впрочемъ заслуживаетъ упоминанія, какъ интересная для исторіи „Acta magni ducatus Lithvaniae", или Литовской Метрики (ак. № 26). Соглашаясь въ 1636 г. на помѣщеніе актовъ метрики вел. кн. Литовскаго въ домѣ мѣщанина Ключаты въ Вильнѣ, король Владиславъ IV освобождаетъ этотъ домъ *на вѣчныя времена* отъ постоя во время пребыванія корол. двора въ Вильнѣ.

[2]) См. наше изслѣдованіе „Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства". К., 1889 г., стр. 83.

Баторіемъ въ 1580 г.[1]). Изъ этой послѣдней мы узнаемъ, что Стефанъ Баторій, санкціонируя въ своей грамотѣ всѣ старыя права и обычаи Полоцкой земли, сдѣлалъ оговорку, что въ судахъ государственныхъ—въ судѣ гродскомъ и земскомъ—дѣла судебныя должны впредь рѣшаться по Литовскому Статуту—„водлугъ статуту правъ земскихъ вел. княжества Литовскаго". Кромѣ того, напечатанная въ разсматриваемомъ томѣ земская уст. грамота важна еще и въ др. отношеніи. Изъ нея наглядно видно, что шляхетскіе привилеи и магдебурское право постепенно повели къ полному разложенію древняго земскаго строя и къ разъединенію земскихъ классовъ. Такъ, въ концѣ XVI в., при Стефанѣ Баторіи (въ 1580 г.), подтвердительная грамота выдается уже не „боярамъ Полоцкимъ и мѣщанамъ и всему городу и *всей земль* Полоцкой"[2]), какъ то было прежде, даже еще въ половинѣ XVI в. (въ 1547 г.), а лишь „паномъ Полоцкимъ, всему рыцерству, шляхтѣ,—обывателемъ земли *воеводства* Полоцкого". Другими словами, *всесословный*, *общеземскій* актъ, какимъ нѣкогда была уст. земская грамота, охранявшая древнія права и порядки земскаго самоуправленія, мало по малу, къ концу XVI в., сдѣлался достояніемъ одного лишь господствовавшаго класса, обратился въ *сословную* (шляхетскую) привилегію. Въ 1593 г. „боярамъ воеводства Полоцкаго, панцернымъ и путнымъ", ходатайствовавшимъ о выдачѣ новаго подтвержденія уставной грамоты, приходилось уже доказывать, что они „до тогожъ привилею належатъ", наравнѣ со шляхтою воеводства Полоцкаго (ак. № 21, стр. 65).

Сеймовыя инструкціи[3]) и сеймиковыя постановленія[4]), вошедшія

---

[1]) О времени выдачи первоначальной устав. земской Полоцкой грамоты и всѣхъ подтвердительныхъ см. ibid., стр. 51—54 и 83.

[2]) Въ др. современныхъ грамотахъ того же типа составъ земскихъ классовъ опредѣлялся еще полнѣе: напр., въ Смоленской: „били намъ чоломъ владыка Смоленскій, и околничіи Смоленскіи, и вси князи и панове, и бояре, и мѣщане, и чорные люди и все посполство мѣста и земли Смоленьскоѣ". Др. примѣры см. сводный текстъ устав. земскихъ грамотъ, ibid., стр. 103—105.

[3]) Т. XIII, №№ 55, 58, 59, 60, 61, 64, 65 и 72. Любопытно сопоставленіе инструкціи шляхты Стародубовскаго повѣта (№ 64, 1752 г.), настаивавшей на сохраненіи за шляхтой въ полной неприкосновенности liberum veto, хотя бы въ противномъ случаѣ пришлось даже сорвать сеймъ (въ Городнѣ), съ универсаломъ примаса (№ 70, 1763 г.), умолявшаго сыновъ Рѣчи-Посполитой, явившись на избирательный сеймъ, забыть свои личные счеты и имѣть въ виду лишь благо отчизны, ибо въ теченіе 37-ми лѣтъ въ государствѣ царитъ удивительный безпорядокъ и за все это время не могъ состояться ни одинъ сеймъ.

[4]) №№ 29, 43, 45, 46, 49, 63 и 71.—Замѣтимъ мимоходомъ, что въ постановленіи,

въ XIII т., почти всѣ безъ исключенія полны интереса, такъ какъ касаются или отношеній Рѣчи-Посполитой къ друг. государствамъ и въ особенности къ Россіи, или, чтó еще важнѣе, различныхъ сторонъ внутренняго управленія, обще-государственныхъ и мѣстныхъ нуждъ и порядковъ.

Изъ документовъ разнороднаго характера отмѣтимъ: 1) „пописъ земли Волынское, 1518 г.", т. е. списокъ шляхты земли Волынской съ показаніемъ, сколько каждый изъ шляхтичей долженъ выставлять вооруженныхъ конныхъ ратниковъ (№ 6), 2) заявленіе въ 1655 г. Витебскихъ обывателей, находившихся въ плѣну въ Казани, о подробностяхъ взятія войсками ц. Алексѣя Мих. г. Витебска, о невзгодахъ, испытанныхъ ими за отказъ присягнуть Московскому царю, о разселеніи ихъ въ Астрахань, на Терекъ и въ др. мѣста (№ 28), 3) универсалъ 1717 г. кн. Меншикова Дубровинскимъ мѣщанамъ Пилатамъ на нѣкоторыя права (№ 51) [1]) и 4) универсалъ 1735 г. подкоморія вел. кн. Литовскаго Игнатія Завиши къ шляхетству Литовскому съ цѣлью предостеречь ихъ отъ политич. увлеченій и симпатій къ проискамъ французскаго двора и склонить на сторону русскаго (№ 56).

Обозрѣваемый томъ заканчивается инвентарными и межевыми описями имѣній, а также описями движимаго имущества нѣкоторыхъ Виленскихъ купцовъ; всѣ эти описи, въ числѣ 12-ти, вошли въ составъ 2-го отдѣла названнаго тома.

Въ слѣдующемъ, XIV-мъ т., изданномъ въ 1888 г., Виленская коммиссія продолжала печатать инвентари; а именно, сюда вошли инвентари различныхъ королевскихъ и частныхъ имѣній 2-ой половины XVI ст. (съ 1555 г.).

Выпуская этотъ томъ въ дополненіе къ напечатаннымъ ею пи-

напечатаномъ подъ № 63 (постановленіе обывателей Витебскаго воеводства о защитѣ Витебскихъ замковъ), допущена редакціей какая-то ошибка. Изъ текста этого документа вытекаютъ слѣд. курьезы: 1) что онъ явленъ въ книги (въ 1752 г.) раньше, нежели составленъ (1754 г.), и 2) что обыватели избрали своимъ предводителемъ Ив. Гребницкаго, который съ успѣхомъ исполнялъ ту же роль столѣтіемъ раньше, еще при Владиславѣ IV.

[1]) Этотъ универсалъ начинается такъ: „Мы, Александръ Менжиковъ, свѣтлѣйшій Римскій и Россійскаго господарствъ Изерского князь, енералъ фельтъ-маршалъ и кавалеръ..... губернаторъ Санктъ-Петербургскій, староста Оршанскій и Дисненскій и прочая и прочая..."

сцовымъ книгамъ [1]), коммиссія сдѣлала первую попытку отступить отъ своего первоначальнаго (при изданіи отдѣльныхъ актовъ) плана, результатомъ чего и явился огромный томъ (94 инвентаря) [2]) однороднаго матеріала, о значеніи котораго для исторической науки вообще и въ частности для исторіи крестьянъ и ихъ повинностей едва ли надо распространяться.

Большинство напечатанныхъ въ означенномъ томѣ инвентарей относится къ имѣніямъ частныхъ землевладѣльцевъ, остальные—наиболѣе обширные и цѣнные—къ имѣніямъ королевскимъ; таковы—инвентари (1558 г.) Брянскаго и Саражскаго староствъ (№ 4),—города Нарвы (1560 г., № 5) и два инвентаря (1566 и 1572 гг.) Кретинской волости (№ 8 и 11). Что касается инвентарей частныхъ имѣній, то изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія инвентарь (1592 г.) имѣнія Клачковцевъ (№ 50), въ составъ котораго входили три города: Колачковцы Старые, Колачковцы Новые и Виноградъ, два мѣстечка и пятнадцать селъ.

Этотъ послѣдній инвентарь интересенъ еще и тѣмъ, что названное имѣніе Колачковцы, къ которому онъ относится, находилось за предѣлами Литовскаго княжества—въ Галицкой землѣ, или Червоной Руси. Такимъ образомъ является возможность сравнить тяжесть крестьянскихъ повинностей въ Литвѣ и Польшѣ.

Въ XV-мъ томѣ своихъ актовъ, изданномъ также какъ и предыдущій въ 1888 г., Виленская коммиссія возвращается къ тому же важному источнику, изъ котораго она уже почерпнула матеріалы для XI—XIII тт., т. е. къ книгамъ Главнаго Литовскаго трибунала, составляющимъ четвертую часть всего наличнаго состава В. Ц. Архива; на этотъ разъ она обратилась къ тѣмъ изъ нихъ, которыя содержатъ въ себѣ судебныя рѣшенія, т. е. къ книгамъ декретовымъ.

Несомнѣнно, что изданіемъ рѣшеній высшей судебной инстанціи вел. княж. Литовскаго коммиссія Виленская оказала большую услугу, за которую нельзя ее не поблагодарить. Рѣшенія эти, помимо такъ называемой бытовой исторіи, важны также и для исторіи самаго дан-

[1]) См. выше, стр. 8.

[2]) 74 изъ нихъ извлечены изъ акт. книгъ В. Ц. Арх. См. выше, стр. 18, примѣч. 3.

наго учрежденія, и для исторіи процесса, гражданскаго и уголовнаго права западной Руси (въ этомъ отношеніи они представляютъ богатый матеріалъ). Но этимъ еще не исчерпывается ихъ значеніе: принадлежа такой судебной инстанціи, которая являлась не только апелляціонной, но и кассаціонной инстанціей, рѣшенія эти представляютъ собою богатый и до нѣкоторой степени единственный источникъ, изъ котораго мы съ несомнѣнностью можемъ узнать, какъ нормы закона примѣнялись на практикѣ, какъ модифицировались онѣ подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, какіе юридическіе вопросы вызывали сомнѣнія и какъ, наконецъ, эти послѣднія разрѣшались тѣмъ учрежденіемъ, которое считалось хранилищемъ высшей юридической мудрости

Къ сожалѣнію, преслѣдованіе Виленскою коммиссіей ея первой и главнѣйшей задачи (собираніе матеріаловъ, относящихся къ исторіи церкви) привело къ тому, что обозрѣваемый томъ декретовъ представляетъ довольно однообразный матеріалъ, не вполнѣ оправдывающій ожиданій юриста-историка и немного дающій новыхъ данныхъ историку церкви. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ 298 декретовъ Литовскаго трибунала, напечатанныхъ здѣсь и обнимающихъ собою періодъ съ 1637 по 1686 г., даны по дѣламъ, касающимся лишь православныхъ и уніатскихъ монастырей, церквей и духовенства Сѣверо-западнаго края; при этомъ огромное большинство ихъ (свыше 200 декр.) представляетъ или рѣшенія трибунала о взысканіи въ пользу различн. монастырей и церквей денежныхъ суммъ, отданныхъ этими послѣдними большею частію взаймы различнымъ лицамъ и учрежденіямъ (напр., еврейскому кагалу), или декреты по поводу неисполненія к.-л. контрагентомъ того или др. имущественнаго договора. Но такого рода документовъ, рисующихъ жизнь монастырей и духовенства съ экономической стороны, уже не мало напечатано, какъ то мы видѣли, и въ предыдущихъ томахъ; помѣщенные же здѣсь ничего новаго не прибавляютъ. Правда, историкъ церкви, какъ справедливо замѣчаетъ редакторъ разсматриваемаго тома, „въ каждомъ документѣ найдетъ для себя что-нибудь пригодное: какое-нибудь упоминаніе о закрытомъ и забытомъ монастырѣ, свѣдѣнія о какой-нибудь исторической личности“ и т. д.; отъ себя прибавимъ, что и историкъ права среди этой массы однообразныхъ рѣшеній (по гражд. дѣламъ) найдетъ также кое-что интересное, преимущественно для исторіи обязательственнаго права. Но это *кое-что* несомнѣнно превратилось бы въ

нѣчто болѣе цѣнное, если бы при выборѣ для печати того или др. декрета не требовалось непремѣннымъ условіемъ упоминаніе въ немъ к.-л. духовнаго, физическаго или юридическаго, лица.

Наиболѣе интересными во всѣхъ отношеніяхъ являются напечатанные въ настоящемъ томѣ, сравнительно въ небольшомъ количествѣ (около 75), трибунальскіе декреты по уголовнымъ дѣламъ. Но прежде чѣмъ отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о внѣшней формѣ напечатанныхъ рѣшеній Главнаго Лит. трибунала.

Первое, что̀ бросается въ глаза при бѣгломъ даже просмотрѣ этихъ рѣшеній,—это необычайное изобиліе въ нихъ отдѣльныхъ словъ и даже цѣлыхъ фразъ, заимствованныхъ изъ варварской латыни, но переданныхъ въ русской транскрипціи. Слова и реченія въ родѣ: дилляція, аддиція, превустодивитъ, ліокумъ станди, екстра и ультра форумъ, паціоритасъ или пріоритасъ юрисъ, раціонесъ ексверере, сама праксисъ юрисъ, того евидентиссиме документисъ доведши и на око указавши, не только же нуллитеръ и т. д. и т. д. пестрѣютъ въ декретахъ на каждомъ шагу [1]). Такое обиліе латинскихъ словъ, особенно имѣющихъ значеніе юридическихъ терминовъ, объясняется прежде всего вліяніемъ римскаго права и сочиненій средневѣковыхъ юристовъ на польское законодательство, а черезъ него и на западно-русскія законодательство и судебную практику. Затѣмъ, употребленіе въ судебныхъ рѣшеніяхъ и особенно въ судебныхъ преніяхъ латинскихъ фразъ считалось, вѣроятно, особеннымъ шикомъ; иначе нельзя объяснить, какая надобность была говорить вмѣсто „6 іюня теперь идучаго (текущаго) года“—*6 іюня анни курентисъ*, или *анте темпоремъ мортисъ небощика* вм. передъ смертью небощика (т. е. покойнаго) и т. д.

Какъ бы то ни было, но, благодаря вышеуказанному обстоятельству, рѣшенія Главн. Литовскаго трибунала, которыя, на основаніи категорическаго требованія извѣстной статьи Литовскаго Статута, долго писались на русскомъ языкѣ, представляютъ съ внѣшней стороны довольно безобразную смѣсь русскаго языка съ плохою, варварскою латынью, а по содержанію своему нѣчто крайне туманное и неудобо-

---

[1]) Всѣ приведенныя выше выраженія взяты нами лишь изъ одного судебнаго рѣшенія (Т. XV, № 298).

понимаемое: самое простое и несложное по существу своему дѣло излагается въ этихъ рѣшеніяхъ такимъ варварскимъ, неестественнымъ языкомъ, съ такимъ явнымъ пренебреженіемъ всякою логическою ясностью и обставляется при этомъ такою юридическою казуистикой, что разобраться въ нихъ, добиться сути дѣла—крайне не легко. Всему этому особенно способствовали гг. прокураторы, или адвокаты сторонъ, своими рѣчами, ссылками на всяческія praxis juris, своими безконечными exceptia'ми и т. п. [1]).

Обращаясь затѣмъ къ указанной группѣ рѣшеній трибунала по уголовнымъ дѣламъ (наиболѣе интересной въ обозрѣваемомъ томѣ), остановимся на данныхъ, относящихся къ исторіи наказаній и нерѣдко во многомъ дополняющихъ извѣстное намъ на этотъ счетъ изъ Лит. Статута всѣхъ 3-хъ редакцій.

Изъ 50-ти приблизительно приговоровъ трибунала, въ окончательной формѣ, въ 20-ти виновные присуждаются къ банниціи, а въ 10-ти къ смертной казни, при чемъ въ двухъ случаяхъ этимъ суровымъ наказаніямъ подвергся весь личный составъ цѣлаго учрежденія. Такъ, однимъ изъ декретовъ за отнятіе у нѣкоего Пузины двухъ семействъ крестьянъ приговариваются къ банниціи не только настоятельница, но и всѣ инокини Минскаго женскаго монастыря (№ 246), а другимъ-нѣкто Даніилъ Стахорскій, а также настоятель и *всѣ* иноки Лепесовскаго монастыря (№ 223) приговорены за убійство (правда „окрутное и тиранское") Станислава Табенскаго къ уплатѣ головщины (200 копъ гр.) и смертной казни черезъ усѣченіе („на горло стятьемъ") [2]). Во всѣхъ случаяхъ форма смертной казни, назначаемая трибуналомъ,— отсѣченіе головы для всѣхъ безразлично: для мужчинъ и женщинъ, духовныхъ и свѣтскихъ, христіанъ и евреевъ. При сличеніи этихъ приговоровъ съ соотвѣтствующими артикулами Статута легко убѣдиться, что подъ неопредѣленной санкціей —*горломъ каранъ быти маеть* Статутъ

---

[1]) Для желающихъ познакомиться подробнѣе съ любопытными образчиками адвокатскаго краснорѣчія того времени, можемъ рекомендовать рѣчь одного изъ прокураторовъ, вошедшую въ составъ декрета по дѣлу объ имѣніи Зуловъ, напечатаннаго подъ № 298.

[2]) Назначеніе двойной головщины (200 копъ вм. 100, обыкновенно платимыхъ за голову шляхтича) показываетъ, что это убійство было квалифицированнымъ, предумышленнымъ.

разумѣетъ отсѣченіе головы [1]); такъ, по крайней мѣрѣ, понимали ее судьи трибунала, руководствовавшіеся въ своихъ рѣшеніяхъ Статутомъ.

Но что особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе и вызываетъ даже нѣкоторое недоумѣніе—это назначеніе смертной казни нѣкоему Ѳомѣ Яновскому, повѣренному Минскаго женскаго монастыря, за небрежное его отношеніе къ своимъ обязанностямъ [2]), вслѣдствіе чего его довѣрительницы проиграли въ судѣ искъ; впрочемъ, смертная казнь (однако лишь во вниманіе къ духовному сану потерпѣвшихъ) замѣнена была самимъ трибуналомъ тюремнымъ заключеніемъ (№ 183).

Изъ прочихъ приговоровъ отмѣтимъ: 1) приговоръ о *посаженіи на цѣпь* на три дня слуги и урядника архіеп. Полоцкаго Гавріила Коленды, п. Домбровскаго, за самовольное оставленіе имъ службы и неоказаніе должной чести архіепископу, какъ своему господину (ак. № 94) [3]), и 2) приговоръ о взятіи обидчикомъ назадъ сказанныхъ имъ обидныхъ словъ посредствомъ особой формулы и при извѣстной обстановкѣ (№ 83).

Дѣло, по поводу котораго состоялся послѣдній приговоръ, настолько любопытно, что мы рѣшаемся передать его хотя вкратцѣ. Нѣкто Криштофъ Рудомина, маршалокъ Браславскій, зайдя однажды къ своему знакомому члену трибунала Петру Корсаку и не заставъ его дома, снялъ со стѣны висѣвшія на ней два дорогихъ ружья и унесъ ихъ съ собою, какъ будто бы въ шутку. Владѣлецъ ружей неоднократно и въ пріятельскомъ пока тонѣ напоминалъ Рудоминѣ, что пора бы шутку прекратить и водворить ружья на обычное ихъ мѣсто, но это ни къ чему не привело. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда Корсакъ получилъ извѣстіе, что Рудомина съ женою надолго уѣзжаетъ изъ Вильны, и что уже даже подана къ крыльцу карета, готовая умчать и п. Рудомину, а съ нимъ, быть можетъ, и злополучныя ружья. Корсакъ немедленно отправляется къ Рудоминѣ,

---

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что о смертной казни посредствомъ отсѣченія головы Статутъ 1588 г. опредѣленно говоритъ только въ одномъ артик. (разд. XI, арт. 17), назначая ее простолюдину, нанесшему раны шляхтичу изъ засады.

[2]) Изъ рѣшенія видно, что Яновскій, взявшись вести дѣло монастыря, умышленно пропустилъ какой-то судебный срокъ: „рокъ добровольне упустилъ“.

[3]) Архіеп. Коленда жаловался „на неотповѣдное, не ушановавши и *руки ею милости, яко пану, не давши*, отъѣханье, также личбы зъ завѣдыванья тою маетностью Прилѣпами не учинивши.. “

встрѣчаетъ его на крыльцѣ и категорически требуетъ отъ него возвращенія своей собственности. Въ отвѣтъ на это Рудомина разразился цѣлымъ потокомъ бранныхъ словъ и закончилъ такъ: „wszak się jeszcze nie kończy trybunał, naszarpasz sobie, boście wszyscy szarpacze (т. е. вѣдь еще засѣданія трибунала не закончились, успѣешь еще поживиться, ибо всѣ вы взяточники)!“ На вопросъ озадаченнаго этимъ обвиненіемъ Корсака, кто же именно беретъ взятки, Рудомина закричалъ: „извѣстно, что всѣ вы съ маршалкомъ своимъ купно взяли 9000 за одно только дѣло“. Случившійся при этомъ земскій Минскій судья Володковичъ, состоявшій также членомъ трибунала, считая себя оскорбленнымъ словами Рудомины, выхватилъ саблю и потребовалъ немедленнаго удовлетворенія. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это окончилось, если бы находчивая жена Рудомины, бывшая уже въ каретѣ, не выручила своего мужа. Смекнувъ, что дѣло принимаетъ дурной для него оборотъ, она бросилась на арену дѣйствія, съ помощью слугъ, почти насильно, усадила своего расходившагося и все еще ругавшагося супруга въ карету, прыгнула за нимъ туда же и, захлопнувъ дверцу, приказала кучеру погонять, что есть мочи.

Возникло дѣло. Жестоко оскорбленный трибуналъ выдѣлилъ изъ своей среды особую коммиссію для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ происшествія; было допрошено около 20-ти свидѣтелей, и актъ слѣдственнаго производства составленъ. По прочтеніи его въ засѣданіи трибунала, *инстигаторъ*, т. е. прокуроръ, сказалъ выразительную рѣчь, въ которой, указывая, что изъ слѣдственнаго дѣла (*шкрутиніи*) „показуется видомая и значная суду зневага, традукованіе и дифамація“, настаивалъ на примѣрномъ наказаніи для обвиняемаго: Рудомина долженъ заплатить каждому изъ членовъ трибунала по 48 копъ лит. грошей штрафа за нанесенное имъ оскорбленіе, затѣмъ публично въ общемъ собраніи трибунала, въ избѣ судовой, *одмавять и щекать* и, сверхъ того, подвергнуться тюремному заключенію на „днѣ замку Виленскаго“ въ высшей мѣрѣ, т. е. въ теченіе 1-го года и 6-ти недѣль. Судъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ инстигатора, постановилъ соотвѣтствующее этому мнѣнію рѣшеніе.—Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе вторая половина назначеннаго въ приговорѣ Рудоминѣ наказанія—возложенная на него обязанность „одмавять и щекать“, т. е. взять свои обидныя слова и лаять (щекать—лаять).

Обращаясь къ законодательнымъ памятникамъ, находимъ слѣдующее. По Вислицкому Статуту 1347 г. (ст. 85 и 86), виновный въ клеветѣ на честь какого либо шляхтича долженъ взять свои слова обратно и прибавить: „я солгалъ, яко песъ“. По Литовскому Статуту 1588 г., виновный въ ложномъ наименованіи к.-л. шляхтича незаконнорожденнымъ обязанъ въ присутствіи суда взять свои слова обратно и, обратившись къ оклеветанному, произнести слѣд. унизительную формулу: „што есьми менил на тебе, же бы ты былъ неучъстивое матъки и не чистого ложа сынъ, томъ на тебе брехалъ, яко песъ“ (разд. III, арт. 28); произнесеніе этой формулы носило названіе *отщекати*. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, по Статуту, обида на словахъ и клевета въ 1-й разъ не наказуемы, а во второй и слѣд. разы наказывались шестинедѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Приведенный же выше приговоръ, несогласный (какъ это видно изъ предыдущаго) со Статутомъ, по которому виновный въ оскорбленіи суда на словахъ наказывается лишь 6-ти недѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ [1]), во 1-ыхъ, показываетъ, что на практикѣ унизительный обрядъ „щеванія“ примѣнялся гораздо шире, чѣмъ требовалъ законъ, а именно, примѣнялся къ клеветникамъ вообще, и во 2-хъ, знакомитъ насъ съ нѣкоторыми любопытными и неизвѣстными изъ законодательныхъ памятниковъ подробностями самаго обряда: п. Рудомина, виновный въ клеветѣ, долженъ былъ, какъ это видно изъ разсматриваемаго декрета, явиться въ общее собраніе трибунала, подлѣзть въ избѣ судовой подъ лавку и оттуда произнести свою извинительную рѣчь, т. е. заявить, что все сказанное имъ—ложь („ижъ то зле, а непристойне и легкомысльне мовилъ“), что въ данномъ случаѣ онъ солгалъ, какъ песъ (все это выражалось однимъ терминомъ—„одмавять“), и въ заключеніе щекать, т. е. нѣсколько разъ пролаять по собачьи.—Къ сожалѣнію, неизвѣстно, подчинился ли этому приговору его милость п. Рудомина, маршалокъ Браславскій.

Отъ декретовъ Литовскаго трибунала съ ихъ вычурнымъ, пестрымъ и малопонятнымъ языкомъ переходишь съ особеннымъ удовольствіемъ къ стоящему на очереди и изданному въ концѣ 1890 г.

[1]) Лит. Стат., разд. IV, арт. 7.

XVII тому [1]), гдѣ напечатаны древнѣйшіе акты Гродненскаго земскаго суда, и словно отдыхаешь при чтеніи этихъ безыскусственныхъ, ясныхъ, простыхъ и понятныхъ древне-русскихъ актовъ.

Настоящій томъ состоитъ, какъ мы только-что замѣтили, изъ древнѣйшихъ актовъ земскаго Гродненскаго суда (а вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшихъ изъ имѣющихся въ Виленскомъ центр. архивѣ на русскомъ языкѣ) [2]) и представляетъ собою воспроизведеніе въ печати трехъ первыхъ книгъ названнаго суда за 1539, 1540 и 1541 годы, въ полномъ ихъ видѣ, а изъ послѣдующихъ книгъ, отъ 1555 до 1565 гг., только болѣе важныхъ актовъ.

Мысль издать, не мудрствуя лукаво, цѣликомъ, безъ всякихъ пропусковъ, древнѣйшія актовыя книги изъ имѣющихся на русскомъ языкѣ надо признать чрезвычайно удачной, плодотворной и заслуживающей подражанія. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря этому, мы получили своего рода лѣтопись временъ второй и отчасти третьей четверти XVI ст., лѣтопись, въ которой живо отразились современные нравы, обычаи, общественныя и семейныя отношенія, экономическое и юридическое положеніе различныхъ классовъ общества, порядокъ судопроизводства и пр. Короче сказать, среди этого матеріала историки всѣхъ оттѣнковъ найдутъ для себя много цѣнныхъ и новыхъ данныхъ для своихъ изслѣдованій. Но особенно много и въ высшей степени цѣннаго матеріала заключаетъ въ себѣ настоящій томъ по исторіи поземельной собственности, семейственнаго и въ частности брачнаго права [3]).

Прежде чѣмъ разстанемся съ разсматриваемымъ томомъ, богатое и крайне разнообразное содержаніе котораго, къ сожалѣнію, не позволяетъ намъ въ нашихъ краткихъ замѣткахъ остановиться на болѣе подробномъ его обзорѣ, отмѣтимъ еще одну черту, являющуюся особен-

---

[1]) XVI т. былъ разсмотрѣнъ нами выше, стр. 17—20.

[2]) На латинскомъ яз. имѣются въ Виленскомъ архивѣ, какъ о томъ было упомянуто выше (стр. 5 и 6), и болѣе древнія книги, а именно съ 1402 г.

[3]) Лучшей иллюстраціей богатаго содержанія этого тома въ послѣднемъ отношеніи можетъ служить между прочимъ слѣд.: небольшая сравнительно часть указаннаго матеріала, извлеченная изъ оригинальной рукописи (т. е. изъ древнѣйшихъ подлинныхъ книгъ Гродн. земск. суда, нынѣ напечатанныхъ цѣликомъ), послужила главнымъ источникомъ для весьма интересной статьи проф. М. Ф. Владимірскаго—Буданова: „Черты семейнаго права Западной Россіи въ полов. XVI в.“ См. Чтенія въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца, кн. IV., К., 1890 г., и отд. оттискъ.

ностью напечатанныхъ въ XVII т. судебныхъ записей Гродненскаго земск. суда отъ 1539 и слѣд. годовъ: на судѣ въ качествѣ сторонъ чаще всего фигурируютъ, на ряду съ земянами, шляхтой и духовенствомъ, крестьяне [1]), между тѣмъ какъ впослѣдствіи (уже со 2-й полов. XVI в.) положеніе дѣла, какъ извѣстно, сильно измѣняется, а именно всѣ многочисленные государственные суды—гродскіе, земскіе, подкоморскіе и т. д. до Главнаго Лит. трибунала включительно—существуютъ не для всего населенія, а исключительно почти для нуждъ шляхетства.

Достойно замѣчанія также слѣдующее: 1) засѣданія Гродненскаго суда въ это время, т. е. во второй четверти XVI в., происходили не въ опредѣленные только сроки (рочки, роки или каденціи), какъ то было установлено впослѣдствіи, а во всякое время: и въ будни, и въ праздники [2]), и 2) при производствѣ суда, кромѣ судей (старосты и его помощниковъ), истцевъ и отвѣтчиковъ, присутствовали обыкновенно и посторонніе лица въ качествѣ представителей населенія (обыкновенно изъ тѣхъ классовъ его, къ какимъ принадлежали тяжущіяся стороны), принимавшихъ активное участіе въ судопроизводствѣ [3]).

Обращаемся, наконецъ, къ послѣднему тому Виленскихъ актовъ—XVIII, вышедшему въ концѣ января 1892 года.

Весь этотъ томъ состоитъ, по примѣру XIV, XVI и XVII тт., изъ однороднаго матеріала, а именно на этотъ разъ, изъ актовъ о копныхъ судахъ.

Какъ извѣстно, первый обратившій на нихъ вниманіе и, такъ сказать, ихъ открывшій былъ покойный профессоръ Кіевскаго университета и редакторъ Кіевской археограф. коммиссіи Н. Д. Иванишевъ,

---

[1]) А именно королевскіе крестьяне Гродненскаго повѣта, принадлежавшаго королевѣ Бонѣ, супругѣ Сигизмунда I и дочери Миланскаго герцога Сфорцы.

[2]) Иногда въ большіе, т. наз. годовые, праздники разбиралось дѣлъ даже больше, нежели въ иной будній день (см., напр., акты №№ 91-99). Благодаря такому порядку, установившемуся, очевидно, въ интересахъ всего населенія (съ цѣлью не отрывать его отъ обычныхъ работъ), а въ частности потерпѣвшихъ, вполнѣ осуществлялся основной принципъ правосудія, по которому возстановленіе нарушеннаго права должно непосредственно слѣдовать за правонарушеніемъ.

[3]) Такой смѣшанный составъ суда былъ обычнымъ въ XIV и XV вв. во всѣхъ древне-русскихъ земляхъ, какъ то намъ извѣстно изъ дошедшихъ до насъ Литовско-русскихъ уставн. земскихъ грамотъ. См. наше изслѣд. о нихъ, стр. 181—182.

случайно натолкнувшійся въ актовыхъ книгахъ Кіевскаго центр. архива на акты копнаго судопроизводства. Заинтересовавшись ими, онъ сталъ продолжать свои поиски, но былъ въ нихъ не особенно счастливъ: просмотрѣвъ внимательно около 300 актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Житомирскихъ, онъ, по собственному его заявленію, нашелъ лишь не болѣе 22-хъ актовъ по этому вопросу [1]). На основаніи этого матеріала, Н. Д. Иванишевъ напечаталъ въ журналѣ „Русская Бесѣда“ за 1857 г. (кн. III) небольшое (около 30-ти стр.) изслѣдованіе о копныхъ судахъ подъ заглавіемъ: „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи“. Изслѣдованіе это въ свое время доставило автору громкую извѣстность: въ немъ видѣли удачную попытку „возстановить померкшій образъ древне-славянской общины“.

Другіе изслѣдователи архивныхъ матеріаловъ — проф. В. Б. Антоновичъ и И. Новицкій были болѣе счастливы въ своихъ разысканіяхъ въ К. центр. архивѣ. Не имѣя въ виду исключительно копныхъ судовъ, а такъ сказать мимоходомъ, первый изъ нихъ отыскалъ и напечаталъ въ актахъ о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ Ю.-З. Россіи (Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. IV, т. 1, К. 1867 г.) около десяти, а второй въ актахъ объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVI—XVIII в. (ibid. ч. VI, т. 1, 1876 г.)—около двадцати актовъ, относящихся къ копнымъ судамъ.—Наконецъ, намъ лично, при извлеченіи изъ актовыхъ книгъ мѣстнаго центр. архива матеріаловъ для исторіи судоустройства и судопроизводства въ Литовско-русскомъ государствѣ, удалось въ теченіе 1890 и 1891 гг. отыскать еще нѣсколько десятковъ актовъ о копныхъ судахъ, доселѣ никѣмъ не напечатанныхъ [2]).

Что касается двухъ друг. центр. архивовъ, то изъ найденныхъ въ этихъ архивахъ актовъ о копныхъ судахъ до весьма недавняго времени [3]) было напечатано не болѣе 10-ти, появившихся въ VI т. „Актовъ Вилен-

[1]) Н. Д. Иванишевъ, Сочиненія, стр. 282.

[2]) Акты эти въ числѣ другихъ, относящихся къ занимающему насъ вопросу объ органахъ судебной власти въ Литовско-русскомъ государствѣ, войдутъ въ одинъ изъ ближайшихъ томовъ (къ печатанію его уже приступлено) издаваемаго Кіев. археограф. коммиссіей „Архива Ю.-Зап. Россіи.“

[3]) До выхода въ свѣтъ XVII и XVIII тт. Виленскихъ актовъ.

ской коммиссіи", въ I, III и VI тт. „Археографическаго Сборника" и въ „Историко-Юридич. Матеріалахъ, издав. Витебскимъ центр. архивомъ".

Напечатанные во всѣхъ вышеназванныхъ изданіяхъ акты во многомъ измѣняютъ, дополняютъ и исправляютъ выводы Иванишева, который, впрочемъ, и самъ заявилъ, что его изслѣдованіе „не рѣшаетъ окончательно вопроса" о копныхъ судахъ. Въ такомъ положеніи находится данный вопросъ и нынѣ, не смотря на появившіяся послѣ изслѣдованія Н. Иванишева замѣтки (большею частію очень цѣнныя), принадлежащія Новицкому, М. Ф. Владимірскому-Буданову и г. Спрогису, который, сверхъ замѣтокъ о копныхъ судахъ въ предисловіи къ VI т., посвятилъ вопросу о нихъ почти все предисловіе (стр. XXI—LIII), предваряющее обозрѣваемый XVIII томъ Виленскихъ актовъ.

Съ появленіемъ этого послѣдняго, число опубликованныхъ актовъ о копныхъ судахъ съ нѣсколькихъ десятковъ возросло сразу до нѣсколькихъ сотенъ: въ одномъ данномъ томѣ помѣщенно 448 актовъ о копномъ судѣ, обнимающихъ собою періодъ въ полутора столѣтія (съ 1552 по 1707 г.) и извлеченныхъ изъ 300 преимущественно гродскихъ актовыхъ книгъ Виленскаго центр. архива. И все же это громадное количество не исчерпываетъ, какъ надо думать, всего даже болѣе важнаго по данному вопросу матеріала, хранящагося въ громадномъ Виленскомъ архивѣ; такъ, сюда не вошли акты копнаго суда въ древней Жомойской, или Жмудской, землѣ [1]), а также вошло очень мало такихъ интересныхъ актовъ, какъ акты о копныхъ рѣшеніяхъ по дѣламъ гражданскимъ [2]). Какъ бы то ни было, но изданіемъ цѣлаго тома актовъ о копныхъ судахъ, актовъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ весьма важныхъ и интересныхъ, Виленская коммиссія оказала большую услугу исторической наукѣ, такъ какъ предоставила въ распоряженіе изслѣдователей много новыхъ и цѣнныхъ данныхъ по вопросу о копныхъ судахъ,—вопросу важному

---

[1]) Одинъ изъ нихъ и пока единственный былъ найденъ, какъ заявлено въ предисловіи къ XVIII т. (стр. XX), во время самаго печатанія этого тома и потому не вошелъ въ составъ его.

[2]) Послѣднее произошло оттого, что составители обозрѣваемаго тома при розыскѣ актовъ о копныхъ судахъ обратили все свое вниманіе на актовыя книги гродскихъ судовъ, оставивъ въ сторонѣ книги земскихъ судовъ, куда заносились акты по гражданскимъ дѣламъ.

для исторіи не только процесса, но и уголовнаго и государственнаго права великаго княжества Литовскаго.

Не считая возможнымъ въ предѣлахъ настоящихъ краткихъ замѣтокъ останавливаться нѣсколько подробнѣе на актахъ разсматриваемаго тома съ цѣлью указать, что̀ новаго они даютъ по вопросу о копныхъ судахъ, о чемъ они умалчиваютъ или даютъ слишкомъ мало данныхъ для того или иного заключенія и т. д., отлагаемъ все это до другого раза [1]). Теперь же только замѣтимъ, что подобно тому, какъ все сдѣланное различными авторами по изслѣдованію копныхъ судовъ далеко не исключаетъ настоятельной необходимости появленія новыхъ о нихъ изслѣдованій, такъ и опубликованные доселѣ матеріалы объ этихъ судахъ не исключаютъ необходимости произвести изысканія новыхъ матеріаловъ. Только тогда, когда, съ одной стороны, пополнятся скудныя пока архивныя данныя для нѣкоторыхъ сторонъ вопроса о копѣ, а, съ другой, будутъ изучены и приняты во вниманіе *всѣ* опубликованные доселѣ о ней матеріалы,—только тогда, дѣйствительно, можно будетъ крайне интересный и важный вопросъ о копныхъ судахъ освѣтить всесторонне и съ достаточною полнотой.

Заканчивая настоящій краткій обзоръ послѣднихъ изданій Виленской археогр. коммиссіи, мы спѣшимъ оговориться, что далеко не исчерпали или даже отмѣтили все болѣе интересное въ Виленскихъ актахъ; наша цѣль, какъ мы заявили вначалѣ, была болѣе скромная: обратить вниманіе на это весьма полезное изданіе, богатое многими цѣнными данными для исторіи вообще и исторіи права въ частности. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о прочихъ, такіе томы обозрѣваемыхъ актовъ, какъ VI, X, XIII и XVI, а особенно XIV, XVII и XVIII, могутъ дать богатый матеріалъ для многихъ и многихъ монографій. Скажемъ даже больше: если бы Виленская коммиссія за 28-ми лѣтнее свое существованіе ничего болѣе не выпустила въ свѣтъ кромѣ названныхъ 7 томовъ, то и тогда можно было бы смѣло сказать, что она вполнѣ оправдала свое существованіе и окупила затраченныя правительствомъ на

---

[1]) Подробная оцѣнка матеріаловъ XVIII т. Виленскихъ актовъ составитъ предметъ отдѣльной нашей замѣтки

нее и ея изданія средства. Остается только пожелать, чтобы изданные коммиссіей цѣнные матеріалы не лежали втуне, а поскорѣе бы нашли своихъ изслѣдователей.

Съ внѣшней стороны „Акты Виленской Коммиссіи" изданы вполнѣ удовлетворительно. Въ этомъ отношеніи можно лишь пожалѣть объ одномъ, что съ 1888 г. прежній шрифтъ, вѣроятно, въ видахъ экономіи, замѣненъ болѣе мелкимъ, а заголовки отдѣльныхъ актовъ стали болѣе кратки и менѣе выразительны, что, несомнѣнно, затруднитъ пользованіе изданными матеріалами.

Въ заключеніе позволимъ себѣ назвать наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Виленской археографической коммиссіи въ нынѣшнемъ ея составѣ; таковы, сверхъ ея предсѣдателя Ю. Ѳ. Крачковскаго, К. И. Снитко и особенно И. Я. Спрогисъ, являющійся старѣйшимъ членомъ коммиссіи (съ 1870 г.) и, кромѣ того, архиваріусомъ Виленскаго центральнаго архива.

Пожелаемъ же имъ успѣха въ ихъ дальнѣйшихъ на томъ же поприщѣ полезныхъ и нелегкихъ трудахъ.

М. Ясинскій.

Обзоръ научныхъ трудовъ по изученію русскаго языка и словесности профессоровъ А. А. Потебни и И. Я. Порфирьева.

29-го ноября 1891-го года русская наука понесла утрату въ лицѣ заслуженнаго профессора Харьковскаго университета, члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ и предсѣдателя Харьковскаго историко-филологическаго общества, *Александра Афанасьевича Потебни*. Его цѣнные научные труды по изученію русскаго языка и народной словесности, основанные на разнообразныхъ и многочисленныхъ матеріалахъ, сведенные къ точнымъ научнымъ выводамъ, извѣстны, конечно, многимъ занимающимся славяно-русской филологіей. Его 30-тилѣтняя научная дѣятельность протекла въ исключительной области научной изслѣдовательной работы. Поэтому, какъ замѣчено недавно въ одномъ изъ некрологовъ, посвященныхъ Потебнѣ, онъ былъ извѣстенъ почти исключительно въ кругу спеціалистовъ и совершенно былъ неизвѣстенъ въ текущей журналистикѣ, въ массѣ образованнаго и читающаго общества. О нѣкоторыхъ же сочиненіяхъ Потебни профессоръ Сумцовъ справедливо замѣтилъ, что они были извѣстны даже лишь немногимъ спеціалистамъ. Но подобную судьбу раздѣляютъ и многіе изъ прежнихъ нашихъ научныхъ дѣятелей, работавшихъ въ той же области, которой посвятилъ свои силы покойный Потебня. Нельзя поэтому не привѣтствовать задачи, принятой Харьковскимъ историко-филологическимъ обществомъ, издать всѣ научные труды Потебни, какъ явившіеся въ печати, такъ и оставшіеся въ бумагахъ покойнаго, среди которыхъ находится еще нѣсколько большихъ цѣнныхъ трудовъ. Нельзя не высказать пожеланія о большемъ распро-

страненіи этихъ трудовъ и о претвореніи ихъ въ литературѣ въ доступной формѣ. Наконецъ нельзя не пожелать скорѣйшаго появленія подробной біографіи Потебни, которая показала бы его научное развитіе, дала бы объясненіе къ его обработаннымъ трудамъ и могла бы служить поучительной путеводительной нитью для выступающихъ на научную дорогу въ той же области, которой посвятилъ свою жизнь покойный ученый.

Однако, не смотря на то, что работы Потебни выходили въ свѣтъ или въ объемистыхъ томахъ, которые раскрываются только передъ тѣмъ, кто желалъ бы поработать надъ ними, или въ немногихъ спеціальныхъ журналахъ и также всегда въ статьяхъ строго-научнаго характера,—имя Потебни давно уже стало пользоваться извѣстностью въ наукѣ. Въ 70-хъ годахъ Академія Наукъ, въ лицѣ И. И. Срезневскаго, оцѣнила труды Потебни: „не онъ началъ то, за что взялся, говорилъ Срезневскій, представляя свое заключеніе о трудахъ Потебни, но онъ продолжалъ начатое другими съ такимъ успѣхомъ, что если теперь кто нибудь займется изученіемъ русскаго языка съ исторической точки зрѣнія, при помощи трудовъ, изданныхъ до „Записокъ“ г. Потебни, и не возьметъ въ помощь себѣ этихъ „Записокъ“, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ, съ вопросами безъ отвѣтовъ, или съ неясными отвѣтами безъ доказательствъ“. Этотъ отзывъ Срезневскаго былъ соединенъ съ присужденіемъ Потебнѣ высшей Ломоносовской преміи и съ возведеніемъ его въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ. Въ 1887 г., по случаю исполнившагося тридцатилѣтія служебной дѣятельности Потебни, появились въ „Кіевской Старинѣ“ замѣтки о научной дѣятельности его, какъ откликъ скромнаго научнаго торжества, которое было возбуждено учениками и почитателями покойнаго профессора въ Харьковѣ. Въ прошломъ году въ III томѣ „Исторіи Русской Этнографіи“ А. Н. Пыпина появились автобіографическія записки Потебни, вызванныя авторомъ труда, въ виду „того интереса, какой представляетъ въ развитіи науки ходъ личнаго развитія ея дѣятелей, особливо тѣхъ, чьи труды были наиболѣе вліятельны“. Наконецъ, въ виду недавней утраты Потебни, явились прочувствованные некрологи, опредѣляющіе высокое значеніе Потебни въ области изученія русской этнографіи. А незадолго передъ тѣмъ Императорское Географическое общество присудило Потебнѣ высшую награду—Константиновскую медаль.

Трудно представить въ небольшомъ очеркѣ все, что сдѣлано Потебней—тѣмъ болѣе, что еще многіе изъ его трудовъ, какъ сообщаютъ, остаются ненапечатанными; трудно очертить личность покойнаго ученаго за отсутствіемъ личныхъ воспоминаній о немъ. Поэтому я заранѣе прошу извиненія за неполноту и краткость очерка научной дѣятельности Потебни, котораго я не имѣлъ счастія знать лично, но за глубокими и интересными работами котораго по изслѣдованію русскаго языка и словесности я, какъ и мои сверстники-словесники, слѣдилъ съ увлеченіемъ, начиная съ перваго курса университета.

Первымъ научнымъ трудомъ Потебни, было сочиненіе, появившееся въ 1860 г., „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи". Эта работа явилась въ печати черезъ четыре года по окончаніи курса Потебней въ Харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, но до первой поѣздки за границу, которую Потебня предпринялъ въ 1862 г., будучи въ числѣ первыхъ, отправленныхъ за границу изъ Харьковскаго университета. Изъ автобіографіи Потебни мы узнаемъ, что къ этому времени онъ, подъ руководствомъ профессоровъ П. А. и Н. А. Лавровскихъ, близко ознакомился съ тогдашнимъ состояніемъ славяно-русской филологіи, а самостоятельнымъ трудомъ развилъ въ себѣ особенную склонность къ изученію народной поэзіи и языкознанія. Въ русской наукѣ въ то время возбужденъ былъ почти впервые особенный интересъ къ исторіи русскаго языка и діалектологіи, благодаря трудамъ Срезневскаго и Буслаева, и къ народной поэзіи и миѳологіи, благодаря трудамъ того-же Буслаева. Оба выдающіеся изслѣдователя, отличавшіеся разносторонностью и широтой научныхъ взглядовъ, указывали на значеніе славяновѣдѣнія и основъ германской филологической науки въ примѣненіи къ изученію русскаго языка и словесности. Эти указанія и самостоятельныя работы Срезневскаго и Буслаева, отличавшіяся прелестью новизны и мастерствомъ изложенія, увлекали многихъ, какъ въ этомъ сознается о себѣ и Потебня. Но немногимъ такъ, какъ Потебнѣ, удалось избрать болѣе вѣрный путь, приводившій не къ одному только сведенію матеріала и къ группировкѣ его по воспринятому методу, но и къ выработкѣ и провѣркѣ самаго метода. Впрочемъ, такое отношеніе Потебни къ научному методу выразилось позднѣе въ трудахъ по русскому языку и народной словесности.

Предметъ, затронутый Потебней въ первомъ сочиненіи, подвергался уже обсужденію въ трудахъ Буслаева и Аѳанасьева, но Потебня обнаруживаетъ въ этой первой работѣ особенное тяготѣніе къ языку, къ объясненію внутренняго значенія словъ народнаго русскаго языка въ связи съ славянскими нарѣчіями. Въ этой работѣ, какъ и въ послѣдующихъ трудахъ Потебни, мы находимъ множество примѣровъ изъ русской народной поэзіи, изъ славянскихъ пѣсенъ, находимъ и постоянныя этимологическія и семазіологическія сопоставленія словъ. Здѣсь не видно только одного матеріала, который занимаетъ такое видное мѣсто въ позднѣйшихъ работахъ Потебни—литволатышскаго, отчасти санскритскаго и романо-германскаго, вообще матеріала изъ области сравнительнаго языкознанія. Этотъ новый матеріалъ является въ статьѣ Потебни „О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ", послѣ того какъ въ 1862 г. онъ изучилъ санскритъ въ Берлинѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго проф. Вебера. Вѣроятно, въ то же время Потебня познакомился и съ литовскимъ языкомъ по трудамъ Шлейхера, Нессельмана и др. Въ своей автобіографіи Потебня говоритъ, что занятія у Вебера могли бы имѣть рѣшительное вліяніе на позднѣйшія занятія его, еслибы не ограничились однимъ годомъ. Итакъ упомянутая статья 1864 г. значительно отличается богатствомъ сравнительнаго матеріала изъ области языкознанія отъ перваго труда Потебни; но основное направленіе и теперь остается тѣмъ же стремленіемъ уяснить внутреннее значеніе нѣкоторыхъ словъ, какъ представленій-признаковъ, посредствомъ которыхъ слово выражаетъ содержаніе мысли. Если въ первой статьѣ мы находимъ немногія ссылки на Я. Гримма, Буслаева, то въ новой статьѣ 1864 г. присоединяются многочисленныя ссылки на труды Боппа, Шлейхера, Нессельмана, Бенфея, Куна, Миклошича. Съ 1865 г. по 1867 г. Потебня печатаетъ работы по славяно-русской миѳологіи: „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій: Рождественскіе обряды; Баба Яга, Змѣй, Волкъ, Вѣдьма; О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ; О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ; Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака." Изслѣдованія Куна въ области миѳологіи (напр. его извѣстный трудъ „Die Herabkunft des Feuers"), по словамъ Потебни въ это время, „даютъ прочныя основанія примѣнимыя и къ славянской миѳологіи" (О купальскихъ огняхъ, стр. 4). Но съ Мангардтомъ и Буслаевымъ Потебня расходится во

взглядахъ. Характеристической чертой этихъ изслѣдованій Потебни по миѳологіи является бо́льшая осторожность въ выводахъ, чѣмъ напримѣръ у извѣстнаго въ то время изслѣдователя „Поэтическихъ воззрѣній Славянъ на природу“ Аѳанасьева. Давая читателю массу сравнительнаго матеріала, подготовляя его къ выводамъ, Потебня въ то же время не навязываетъ своихъ выводовъ и менѣе прочные изъ нихъ тутъ же и ограничиваетъ, самъ указывая на слабую основу. Отличіемъ этихъ статей отъ позднѣйшихъ представляется отсутствіе приложенія теоріи заимствованія и предпочтеніе, отдаваемое миѳологической теоріи. Какъ ни интересно, ни доступно написаны эти статьи Потебни, но серіозный языкосравнительный матеріалъ преобладаетъ въ нихъ.

Съ 1864 г. въ Воронежскихъ „Филологическихъ Запискахъ“ стали появляться статьи Потебни по изслѣдованію русскаго языка. Въ этихъ статьяхъ, можно сказать, Потебня выступилъ на свою настоящую дорогу. Первыя работы его въ этомъ направленіи посвящены звукамъ и формамъ русскаго языка, хотя, какъ мы уже указывали выше, Потебня тяготѣлъ болѣе къ объясненію внутренняго значенія словъ, что онъ и развилъ блистательно въ своихъ работахъ по синтаксису и объясненію отдѣльныхъ словъ въ ихъ историческомъ развитіи. Печатныя работы по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка Потебня издавалъ преимущественно въ формѣ критическихъ статей по поводу сочиненій Лавровскаго, Колосова, Житецкаго, въ которыхъ не только указывалъ слабыя стороны, но и давалъ вмѣсто нѣкоторыхъ неосновательныхъ объясненій разбираемыхъ авторовъ цѣнныя изслѣдованія. Въ статьѣ 1864 г. „О полногласіи“ Потебня всесторонне разбираетъ эту характерную особенность русскаго языка, объединяющую всѣ русскіе нарѣчія и говоры, въ противоположность другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Замѣчательно, что уже въ этой статьѣ Потебня говоритъ о психологическихъ и физіологическихъ явленіяхъ въ области фонетики и морфологіи. Въ то время въ русской наукѣ это было еще новостью. Позднѣе, въ 70 годахъ, Потебня снова возвращается къ вопросу о полногласіи и болѣе подробно разсматриваетъ это явленіе, имѣя въ виду статьи о томъ же предметѣ, появившіяся послѣ его изслѣдованія. Но самой замѣчательной статьей этого времени представляется изслѣдованіе Потебни „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ (1865—66 г.г.), которое онъ дополнилъ въ 1870—71 г.г. „Замѣтками о малорусскомъ нарѣчіи“. Надо замѣтить о томъ, что

существовало въ русской наукѣ по этому вопросу до Потебни и какимъ матеріаломъ пользовался онъ. Блестящія „Мысли объ исторіи русскаго языка“ Срезневскаго, появившіяся въ формѣ актовой рѣчи въ Петербургскомъ университетѣ въ 1849 г., вызвали тогда только изслѣдовательную работу Лавровскаго: „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“. Между тѣмъ, и самъ Срезневскій и другіе менѣе замѣтные дѣятели, исключая такого крупнаго, единственнаго въ своемъ родѣ труженника, какъ Даль, работали надъ изданіемъ матеріаловъ по древнерусскимъ памятникамъ и особенно по памятникамъ народной поэзіи и языка.

Вотъ свести этотъ матеріалъ къ научнымъ выводамъ и взялся Потебня, имѣя въ виду въ то же время замѣчанія своихъ предшественниковъ, преимущественно Срезневскаго, Миклошича и Даля. Послѣдній, впрочемъ, составившій свой замѣчательный громадный словарь живого великорусскаго языка и представившій цѣнную статью о нарѣчіяхъ русскаго языка, самъ сознавался, что онъ не умѣлъ привести примѣтъ этихъ говоровъ, которые онъ изучилъ вдоль и поперекъ въ теченіе продолжительнаго времени. подъ общія грамматическія правила. Только такой ученый, какъ Потебня, могъ въ то время, при его склонности къ изслѣдованію языка, подвести подъ такія правила, напримѣръ, измѣненія гласныхъ въ южно-великорусскихъ говорахъ подъ вліяніемъ ударенія. Любопытно слѣдить въ этой работѣ Потебни, какъ на основаніи своихъ обширныхъ познаній въ сравнительномъ языкознаніи и при посредствѣ замѣчательно развитаго чутья къ звукамъ и формамъ языка, онъ оспариваетъ нѣкоторые примѣры въ матеріалахъ, находя ихъ ошибочными противъ общихъ законовъ, или какъ онъ оспариваетъ мнѣнія другихъ ученыхъ, не основанныя на достаточномъ количествѣ матеріаловъ, несоотвѣтствующія даннымъ изъ другихъ языковъ. Такъ Потебня критикуетъ тексты, выбранные имъ для характеристики русскихъ нарѣчій и ихъ говоровъ, и представляетъ свои поправки.

Понятной становится та работа, которую позднѣе Потебня совершилъ надъ текстомъ слова о полку Игоревѣ, возстановляя научнымъ путемъ предполагаемыя правильныя чтенія не только затруднительныхъ словъ, но и вообще правописанія этого драгоцѣннаго памятника. Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи были вызваны программами для указанія особенностей мѣстныхъ народныхъ говоровъ въ южной

Россіи, особенно программой Новицкаго. Потебня указываетъ неосновательныя замѣчанія программы и дѣлаетъ родъ дополненій къ своему прежнему изслѣдованію. Интересно, что въ этихъ статьяхъ впервые было указано на характерныя особенности въ звукахъ сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ (двоегласные уо, юо и у, ю). Интересно и то, что Потебня уже въ это время рѣшительно высказывается противъ дославянскаго происхожденія нѣкоторыхъ звуковыхъ и морфологическихъ явленій малорусскаго нарѣчія.

Извѣстенъ общій взглядъ Потебни на исторію развитія русскихъ нарѣчій и на ихъ взаимное отношеніе. Онъ признаетъ общерусскій языкъ, который въ историческую эпоху представляетъ нѣкоторыя черты, отличающія сѣверъ и югъ. Черты эти увеличивались съ теченіемъ времени и выразились еще въ раздѣленіи общевеликорусскаго нарѣчія на сѣверное и южное; къ послѣднему примыкаетъ и бѣлорусское нарѣчіе, которое Потебня разсматривалъ въ связи съ южно-великорусскимъ; затѣмъ онъ указывалъ на дѣленіе малорусскаго нарѣчія. Позднѣе Потебня возвратился еще разъ къ вопросу о нарѣчіяхъ въ древнемъ русскомъ языкѣ по поводу извѣстнаго изслѣдованія Колосова: „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI-го по XVI ст". 1872 г. Съ того времени изслѣдованія въ области исторіи русскаго языка по памятникамъ значительно расширились, благодаря трудамъ профессоровъ Соболевскаго, Ягича, Брандта, Богородицкаго, Шахматова и друг.; но статьи Потебни 60—70-хъ годовъ, основанныя еще на малочисленныхъ матеріалахъ по исторіи языка, до сихъ поръ не потеряли своего значенія; не потеряли они своего значенія и потому, что въ нихъ виденъ осторожный, внимательный изслѣдователь, взвѣшивающій каждое отдѣльное явленіе языка. Въ 1876 г. Потебня издалъ рядъ своихъ статей по фонетикѣ, подъ названіемъ „Къ исторіи звуковъ русскаго языка". Въ этомъ трудѣ онъ глубже вникаетъ въ отдѣльныя явленія звуковъ и указываетъ скороспѣлыя заключенія нѣкоторыхъ изслѣдованій по исторіи звуковъ русскаго языка и его нарѣчій. Въ 1874 г. появился капитальный изъ трудовъ Потебни, который доставилъ ему особенную славу среди спеціалистовъ подъ скромнымъ названіемъ: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ", въ двухъ частяхъ. Въ 1889 г. трудъ этотъ появился во второмъ изданіи, съ дополненіями.

Главное значеніе этого труда Потебни состоитъ въ новой поста-

новкѣ изслѣдованія синтактическихъ явленій. Читателя поражаетъ въ этомъ трудѣ прежде всего богатство фактическаго матеріала, собраннаго въ теченіе долгаго времени изъ древняго, областного и новаго языка русскаго, изъ славянскихъ нарѣчій, изъ литовскаго языка и изъ другихъ родственныхъ языковъ, при чемъ всѣ приведенные примѣры строго разграничены, продуманы и оцѣнены критически. Далѣе, въ изслѣдователѣ виденъ не только филологъ, но и глубокій мыслитель, постоянно останавливающійся на внутреннемъ значеніи словъ, ихъ отношеній въ предложеніяхъ. При такомъ отношеніи къ явленіямъ языка представляются невѣрными, неосновательными многіе изъ взглядовъ на грамматику старыхъ и новыхъ языковъ, напр. о богатствѣ формъ въ древнихъ языкахъ и о паденіи ихъ въ новыхъ. Изслѣдователь доказываетъ, что паденіе формъ не значитъ ихъ исчезновенія изъ мышленія; онъ, напротивъ, убѣждаетъ, что съ естественнымъ развитіемъ мышленія увеличивается и число формъ и что въ новыхъ языкахъ формъ больше, но они выражаются въ иныхъ явленіяхъ слова, языка, чѣмъ въ древности, и т. п. Наконецъ, читатель видитъ въ этомъ трудѣ связь его съ предшествующими трудами, видитъ, что изслѣдователь не стремится къ такому новаторству, которое выражается, напримѣръ, въ щеголяньи новой терминологіей, въ проведеніи чужихъ непродуманныхъ и непереизслѣдованныхъ взглядовъ и выводовъ. Потебня постоянно указываетъ, какъ смотритъ на то или другое явленіе Буслаевъ, Миклошичъ, и друг., и принимая общераспространенную терминологію, уясняетъ ее въ рядѣ самыхъ явленій, охватываемыхъ тѣмъ или другимъ терминомъ. При этомъ, конечно, Потебня указываетъ и неосновательность какъ общихъ положеній, такъ и частныхъ выводовъ своихъ предшественниковъ; указываетъ и то, что отмѣчено и раньше его. Въ первой части разсматриваемаго труда Потебня часто опирается на выводы Штейнталя, извѣстнаго изслѣдователя и редактора журнала „Zeitschrift für Völkerpsychologie." Но замѣчательно, при этомъ, что относительно явленій собственно русскаго языка Потебня высказываетъ, напримѣръ, такое сужденіе: „въ практикѣ языка теоріи иностранцевъ могутъ вводить только въ ошибки, между тѣмъ какъ туземцы на практикѣ руководствуются безсознательно и почти безошибочно мотивами гораздо болѣе сложными, чѣмъ такія теоріи" (2 изд. „Изъ записокъ," стр. 498, прим. 2). Интересно съ этимъ сопоставить и другое замѣ-

чаніе Потебни о неосновательности взглядовъ иностранцевъ на характеръ звуковъ русскаго языка. Едва ли это было только предубѣжденіемъ, основаннымъ на постороннихъ мотивахъ?

Въ теченіе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ Потебня помѣщалъ свои статьи преимущественно въ „Воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ.“ Съ 1879 г., съ основанія „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ въ Варшавѣ—проф. Колосовымъ, Потебня сталъ помѣщать свои статьи въ этомъ журналѣ. Кромѣ того, онъ печаталъ свои труды въ „Запискахъ Харьковскаго Университета,“ въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей,“ въ трудахъ Московскаго Археологическаго Общества. Печатные труды его вращались исключительно въ области изученія языка и народной поэзіи. Такъ въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ до 1882 г. онъ помѣстилъ рядъ этимологическихъ замѣтокъ, а съ 1882 по 1888 г. рядъ статей, которыя вышли отдѣльно въ 2-хъ большихъ томахъ, подъ названіемъ: „Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ“. Въ 1888 г. въ „Филологическихъ Запискахъ“ Потебня помѣстилъ статью: „Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ“. Такъ чередовались печатныя изслѣдованія Потебни—по народной поэзіи и языку.

Оставляя въ сторонѣ богатство и разнообразіе матеріала, входящаго въ изслѣдованія Потебни, оставляя въ сторонѣ спеціальные вопросы, разсмотрѣнные въ этихъ изслѣдованіяхъ, я остановлюсь только на характеристикѣ трудовъ Потебни въ отношеніи къ трудамъ другихъ ученыхъ, занимающихся изслѣдованіемъ русскаго языка и народной словесности. Всякая наука представляетъ такое обширное поле, что, какъ бы ни объемлющи были изслѣдованія ученаго, по необходимости они вращаются преимущественно въ какой-нибудь одной излюбленной области, въ одномъ избранномъ направленіи. Отсюда объясняются и предметы изслѣдованій и пріемы, примѣняемые къ изслѣдованію. Это еще болѣе имѣетъ значенія въ примѣненіи къ такой новой и маловоздѣланной области, какъ научное изученіе русскаго языка и народной словесности. Въ области изученія русскаго языка изслѣдованія Потебни не были обращены къ изученію неизданнаго рукописнаго матеріала, разсѣяннаго по разнымъ книгохранилищамъ, преимущественно московскимъ и петербургскимъ. Потебня также не отдавалъ предпочтенія непосредственному изученію народ-

ныхъ говоровъ, изученію физіологическихъ тонкостей въ области звуковъ русскаго языка. Онъ пользовался исключительно изданнымъ матеріаломъ, вращаясь въ то же время въ обширной области научныхъ трудовъ по языкознанію: русскаго языка, славянскихъ нарѣчій, литовско-латышскаго языка, греческаго языка, санскрита, зенда и нѣкоторыхъ другихъ родственныхъ языковъ. По отношенію къ этимъ научнымъ трудамъ и къ матеріалу, который Потебня подбиралъ въ теченіе долгаго времени по изданіямъ, онъ постоянно являлся критикомъ. Конечно, за такой работой постояннаго кабинетнаго изслѣдованія, перечитыванія, немыслимо было обращаться еще къ непосредственнымъ поискамъ за новыми матеріалами по рукописнымъ книгохранилищамъ или по мѣстнымъ народнымъ говорамъ. Конечно, такое направленіе изслѣдовательной работы объясняется обстановкой, условіями жизни изслѣдователя. Тѣмъ не менѣе въ распоряженіи Потебни былъ и живой матеріалъ, къ которому онъ часто обращался въ своихъ трудахъ: это малорусское нарѣчіе въ нѣкоторыхъ говорахъ. Иногда въ своихъ трудахъ Потебня ссылается на матеріалъ, записанный изъ устъ народа въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, иногда онъ приводитъ выраженія, обратившія его вниманіе въ живой рѣчи простонародья. Но матеріалъ этотъ не занимаетъ виднаго мѣста въ его изслѣдованіяхъ и преимущественно онъ опирается на изданіяхъ, существующихъ въ печати. Въ области языка особенное вниманіе Потебни, какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, привлекало изслѣдованіе внутренняго значенія словъ. Отсюда его выдающіяся работы по синтаксису русскаго языка и по его семазіологіи. То же самое мы видимъ и въ изслѣдованіяхъ Потебни по русской народной поэзіи. Онъ не обращался къ изученію ея въ связи съ древне-русской письменностью; онъ не отыскивалъ источниковъ русской народной поэзіи въ широкой области международныхъ сказаній, переходившихъ книжнымъ путемъ. Начавши въ 60-хъ годахъ съ изслѣдованія миѳологическаго содержанія народной поэзіи, Потебня позднѣе обратился къ подробному изслѣдованію русской народной поэзіи (преимущественно малорусской) не съ исключительной миѳологической точки зрѣнія и не съ точки зрѣнія теоріи заимствованія, а со стороны внутренняго развитія русской народной поэзіи. Въ послѣднемъ своемъ обширномъ трудѣ, какъ и раньше въ разборѣ пѣсенъ, собранныхъ Головацкимъ, Потебня останавливается на размѣрѣ пѣсенъ, на поэтическихъ пріемахъ, на разрядахъ пѣсенъ

и, что особенно интересно, на изслѣдованіи относительной древности поэтическихъ образовъ. При этомъ онъ предлагаетъ и своеобразное дѣленіе пѣсенъ. Эти пріемы изслѣдованія русской народной поэзіи представляютъ такой же цѣнный вкладъ въ науку, какъ и его пріемы изслѣдованія синтактическихъ явленій. Всѣмъ этимъ достаточно опредѣляется мѣсто Потебни въ ряду ученыхъ изслѣдователей русскаго языка и словесности. Потебня представляется крупнымъ научнымъ дѣятелемъ, сосредоточившимся на нѣкоторыхъ отдѣлахъ предмета и разработавшимъ эти отдѣлы въ полнотѣ и съ приложеніемъ строго-научныхъ пріемовъ. Такіе труды, какъ работы Потебни, являются образцовыми и служатъ основаніемъ для дальнѣйшей научной разработки предмета. И, безъ сомнѣнія, вліяніе его трудовъ еще долго будетъ сказываться въ русской наукѣ рядомъ съ трудами другихъ предшествующихъ ему и современныхъ научныхъ дѣятелей.

Вызванный печальной утратой Потебни къ воспоминанію о его научной дѣятельности, я не могу не сказать хотя нѣсколькихъ словъ о другомъ покойномъ ученомъ, много потрудившемся въ области русской словесности, объ *Иванѣ Яковлевичѣ Порфирьевѣ*, профессорѣ Казанской духовной академіи и членѣ-корреспондентѣ Императорской Академіи Наукъ, скончавшемся 26-го октября 1890 г. Кто не знаетъ его „Исторіи Русской Словесности", доведенной въ недавно появившемся посмертномъ изданіи до Пушкинскаго періода? Я могъ бы коснуться личныхъ воспоминаній о покойномъ, о его труженической дѣятельности, о его симпатичной личности, но отлагаю это, въ виду условій времени и мѣста, и ограничусь общими замѣчаніями о научныхъ трудахъ Порфирьева. Упомяну только объ интересномъ біографическомъ очеркѣ покойнаго, написанномъ однимъ изъ его близкихъ сотоварищей, помѣщенномъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ" въ 1890 г. и отдѣльно вышедшемъ въ Казани въ 1891 г. Не могу не замѣтить при этомъ о томъ увлекательномъ симпатичномъ образѣ покойнаго ученаго, какой выступаетъ въ этомъ очеркѣ и какимъ былъ въ дѣйствительности покойный Иванъ Яковлевичъ. Какъ жаль, что наша художественная литература, отыскивая положительные типы въ русской жизни, обходитъ внутреннюю жизнь такихъ скромныхъ, но глубокихъ и увлекательныхъ натуръ, къ разряду которыхъ принадлежалъ Порфирьевъ. Это была идеальная на-

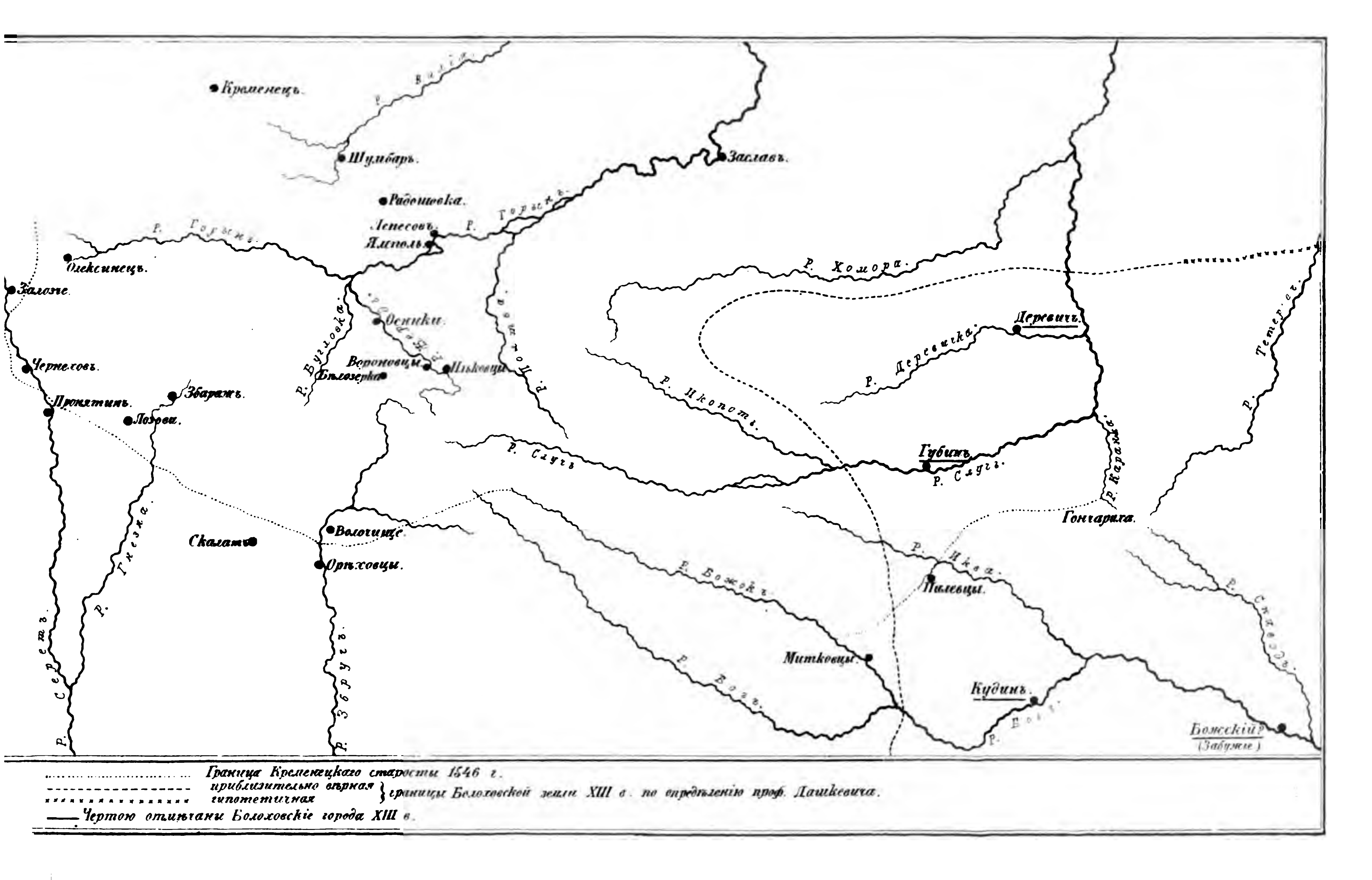
тура въ полномъ смыслѣ. Немногимъ выпадаетъ на долю быть такимъ свѣточемъ въ жизни, но едва ли это только немногія отрадныя исключенія. Нельзя подгонять всѣхъ людей подъ одну мѣрку: жизнь чрезвычайно разнообразна; но не одни же въ ней отрицательные типы и не исключаются же изъ нея и научные дѣятели. Вотъ почему нельзя не повторить еще пожеланія подробнаго изученія жизни нашихъ научныхъ дѣятелей и широкаго распространенія ихъ біографій въ нашемъ обществѣ.

Въ 1855 г. въ Казанскую духовную академію поступила богатая рукописная библіотека Соловецкаго монастыря. Порфирьевъ былъ первымъ библіотекаремъ этой библіотеки и съ того времени ревностно занялся ея изученіемъ. Много памятниковъ древнерусской письменности было впервые обнародовано имъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, много очерковъ древнерусскаго просвѣщенія и письменности составилъ онъ на основаніи этого изученія. Это самостоятельное изученіе рукописнаго матеріала выгодно отразилось на его „Исторіи Русской Словесности" древняго періода, вышедшей впервые въ 1870 г. Но, прежде чѣмъ говорить объ этомъ главномъ трудѣ Порфирьева, я назову его выдающіяся работы по изученію русской словесности. Онъ издалъ сочиненія Максима Грека, Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго, древнерусскія поученія, апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ; онъ изслѣдовалъ всесторонне эти апокрифическія сказанія, написалъ интересныя статьи—о чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи, объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древнія времена Россіи, о Домостроѣ; ему принадлежатъ многіе отдѣлы выдающагося „Описанія рукописей Соловецкой библіотеки;" но главный трудъ, который занималъ его въ теченіе всей жизни, была „Исторія Русской Словесности". При разнообразіи и богатствѣ общихъ трудовъ по русской исторіи, мы еще бѣдны трудами общаго характера по исторіи русской словесности, я говорю, конечно, о популярныхъ и учебныхъ курсахъ. Мы имѣемъ только два выдающихся труда въ этой области—Галахова и Порфирьева. Оба эти труда основаны на самостоятельной предварительной работѣ въ разныхъ отдѣлахъ русской Словесности: Галахова—въ области изученія русской литературы XVIII в. и новаго періода, Порфирьева—въ области древнерусской литературы. Эта са-

мостоятельная разработка предмета въ названныхъ отдѣлахъ и придаетъ цѣнное значеніе книгамъ Галахова и Порфирьева. Въ первомъ томѣ „Исторіи Русской Словесности“ Порфирьева полно и всесторонне разсмотрѣны отдѣлы древнерусской книжкой словесности: особенно переводная словесность и собственно-русская книжная словесность отъ XI до XVII в. Но и остальныя части труда Порфирьева представляютъ главные факты литературной исторіи въ занимательномъ и удобно-распредѣленномъ изложеніи. Въ 1886 г. Порфирьевъ за „Исторію Русской Словесности“ получилъ полную премію преосвященнаго митрополита Макарія. Галаховъ, разбиравшій книгу Порфирьева, справедливо замѣтилъ: „Исторію нашей словесности нельзя сравнивать съ тѣмъ же предметомъ у другихъ европейскихъ народовъ, у которыхъ имѣются всѣ возможныя подготовительныя работы для самостоятельнаго труда. Намъ же трудно быть самостоятельными при отсутствіи самыхъ необходимыхъ источниковъ. Достаточно сказать, что у насъ нѣтъ самаго главнаго, фундаментальнаго—надлежащаго изданія такихъ писателей, какъ Ломоносовъ, Карамзинъ, Пушкинъ“. Въ области древнерусской литературы трудъ Порфирьева стоитъ выше такой оцѣнки: онъ самостоятельно разрабатывалъ нѣкоторые отдѣлы, издавалъ памятники и пользовался всѣмъ, что выходило новаго по изученію древнерусской литературы. Появленіе „Исторіи Русской Словесности древняго періода“ знаменательно въ связи съ трудами по исторіи Россіи Соловьева и по исторіи русской церкви митрополита Макарія. Только задачи учебнаго курса съузили рамки труда Порфирьева и отклонили его отъ болѣе подробнаго и всесторонняго изложенія предмета, который онъ, безъ сомнѣнія, могъ бы представить, благодаря своимъ непосредственнымъ занятіямъ по памятникамъ древнерусской литературы. Но онъ не имѣлъ склонности къ такимъ библіографическимъ трудамъ, какой далъ, напримѣръ, въ своей цѣнной работѣ Котляревскій; онъ не сосредоточился на такихъ капитальныхъ монографическихъ трудахъ, какъ Буслаевъ, Тихонравовъ, и другіе, онъ не имѣлъ въ виду дать такихъ широкихъ историко-культурныхъ очерковъ древнерусскаго просвѣщенія и литературы, какъ Пыпинъ. Задачей Порфирьева было дать прежде всего необходимое, такой обзоръ, который бы рядомъ съ книгой Галахова, былъ настольной книгой всякаго, интересующагося исторіей русской словесности, а тѣмъ болѣе посвящающаго себя ея спеціальному изученію. Въ области

изученія языка также работалъ Срезневскій. И Потебня, и Порфирьевъ не были членами нашего Историческаго Общества Нестора лѣтописца; но какъ выдающіеся дѣятели въ области русской исторической науки они вполнѣ имѣютъ право на то вниманіе, которое мы удѣляемъ воспоминанію въ настоящемъ засѣданіи объ ихъ трудахъ.

П. Владиміровъ.

Кременецъ.
Шумбаръ.
Заславъ.
Радошевка.
Лепесовъ.
Ямполь.
Р. Горынь.
Р. Хомора.
Олексинецъ.
Залозче.
Осники.
Р. Бугловка.
Вороновцы.
Бѣлозерка.
Ильковцы.
Р. Полква.
Р. Деревичка.
Деревичъ.
Р. Теперъ.
Чернеловъ.
Пронятинъ.
Збаражъ.
Лозова.
Р. Иконоть.
Р. Случь.
Губинъ.
Р. Случь.
Р. Караньа.
Гонгарига.
Скалатъ.
Волочище.
Орѣховцы.
Р. Гнѣзна.
Р. Серетъ.
Р. Збручъ.
Р. Божокъ.
Р. Бугъ.
Р. Иква.
Пилевцы.
Митковцы.
Кудинъ.
Р. Бугъ.
Р. Случь.
Божскій?
(Забужье)
Граница Кременецкаго староства 1546 г.
приблизительно вѣрная
гипотетичная
границы Болоховской земли XIII в. по опредѣленію проф. Дашкевича.
Чертою отмѣчаны Болоховскіе города XIII в.

Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

Цѣна II-й кн. „**Чтеній въ Истор. Общ. Нестора лѣтописца**“ 3 р., съ пересылкою. I-я и III-я книги, оставшіяся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, порознь и въ отдѣльности отъ II-й не продаются. Пріобрѣтающіе I—III книги „Чтеній“ уплачиваютъ за нихъ 10 р. и за пересылку ничего не прилагаютъ. Цѣна IV-й и V-й книгъ по 2 р. 50 к., съ пересылкою; VI-й книги—3 р. 50 коп., съ пересылкою.

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: „**Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси**“. Цѣна 1 рубль.

Съ письменными требованіями касательно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора лѣтописца при университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества И. М. Каманину (Центральный архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

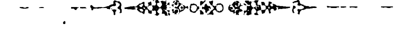
Тамъ же можно получить „**Труды III-го Археологическаго съѣзда**“, 2 тома in-4° и атласъ, К. 1878. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкою.

ЧТЕНІЯ
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ
НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Издана подъ редакціею
П. В. Владимірова.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.
1894.

ЧТЕНІЯ
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ
НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Издана подъ редакціею
П. В. Владимірова.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.
1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Историческаго Общества Нестора лѣтописца, состоявшемуся 3 марта 1894 г.—Предсѣдатель Общества *В. Иконниковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

VIII-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца“.

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца съ 27 октября 1892 г. по 27-е октября 1893 г. и новоутвержденный Уставъ Общества.

Стран.

ОТДѢЛЪ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

ОТДѢЛЪ III.

Матеріалы.

ОТДѢЛЪ IV.

Библіографія.

Отдѣлъ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца съ 27-го октября 1892 г. по 27-е октября 1893 г. и новоутвержденный Уставъ Общества.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца съ 27-го октября 1892 г. по 27-е октября 1893 г.

I. ЗАСѢДАНІЕ 15-го НОЯБРЯ 1892 г.

а) Д. чл. Н. П. **Василенко** посвятилъ „*Памяти И. И. Дитятина*" обширную рѣчь, сущность которой заключается въ слѣдующемъ:

Со смертью И. И. Дитятина русское общество лишилось крупнаго научнаго общественнаго дѣятеля. Покойный соединялъ въ себѣ рѣдкія качества: большой умъ, широкое образованіе, твердую волю и глубоко продуманныя убѣжденія. Благодаря этому, и дѣятельность его отличалась замѣчательной стройностью въ смыслѣ слѣдованія извѣстнымъ принципамъ, сдѣлавшимся руководителями его жизни, его религіей. Въ этомъ отношеніи, строгій къ самому себѣ, И. И. Дитятинъ былъ строгъ и къ другимъ. Такая черта привлекала къ нему сердца молодежи, всегда отзывчивой на все честное и благородное.

Послѣдніе годы И. И. Дитятинъ былъ профессоромъ государственнаго права въ Юрьевѣ. Признавая за каждою національностью право на ея развитіе, онъ горячо всегда привѣтствовалъ тѣ реформы въ Остзейскомъ краѣ, которыя клонились къ улучшенію суда, положенія крестьянскаго сословія и т. п., и въ своихъ лекціяхъ содѣйствовалъ проведенію въ общество сознанія ихъ необходимости. Какъ профессоръ, И. И. Дитятинъ всегда пользовался уваженіемъ своихъ слушателей, что выражено, между прочимъ, и въ адресѣ, поднесенномъ покойному въ 1886 г. студентами Харьковскаго университета при

разлукѣ съ нимъ. Неизданный курсъ И. И. Дитятина былъ построенъ на исторіи правового развитія личности русскаго человѣка: личность сначала терялась въ государствѣ, и только со времени Екатерины II, со времени изданія жалованныхъ грамотъ, начинается признаніе существованія и правъ личности.

Литературно-научная дѣятельность И. И. Дитятина носитъ публицистическій характеръ. Это вытекало изъ взгляда его на связь исторіи съ публицистикой. По его мнѣнію, онѣ должны быть неразрывны. Публицистика выдвигаетъ извѣстные общественные вопросы, знакомство съ которыми необходимо въ данную минуту; исторія же объясняетъ ихъ. Этотъ взглядъ проходитъ чрезъ всѣ труды И. И. Дитятина; даже магистерская и докторская его диссертаціи о городахъ въ въ Россіи составляютъ отвѣтъ на запросы общества, явившіеся подъ вліяніемъ реформы въ 1870 г. городового положенія. Если припомнить характерныя черты времени 1870—1887 гг., то станетъ понятно, почему онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ затрогивалъ такіе вопросы, какъ „Роль челобитій и земскихъ соборовъ“, „Верховная власть въ XVIII в.“, „Когда возникаетъ разладъ между правящими классами и народомъ“, „Царскій кабакъ въ Московскомъ государствѣ“ и проч.

Умеръ И. И. Дитятинъ въ самомъ разцвѣтѣ силъ: ему было всего 42 года.

б) Д. чл. А. А. Андріевскій сдѣлалъ сообщеніе *„О русскихъ конфидентахъ въ Крыму въ XVIII в.“*: Кіевскіе генералъ-губернаторы, какъ главные „пограничные командиры“ были озабочены, особенно въ половинѣ прошлаго столѣтія, вопросомъ о правильной организаціи полученія изъ Крыма и Турціи точныхъ свѣдѣній о настроеніи, намѣреніяхъ и приготовленіяхъ обоихъ этихъ государствъ; сначала собираніе такихъ свѣдѣній возлагалось на русскихъ заграничныхъ купцовъ или командируемыхъ подъ благовиднымъ предлогомъ въ Турцію и Крымъ русскихъ офицеровъ; но указомъ 1763 г. при Кіевской губернской канцеляріи учреждена была особая секретная экспедиція, въ которой сосредоточивались всѣ дѣла по заграничнымъ сношеніямъ; экспедиціей завѣдывали совѣтникъ Петръ Веселицкій и надворный совѣтникъ Иванъ Никифоровъ, бывшій въ Крыму консуломъ и часто командировавшійся въ Запорожье. По мысли П. Веселицкаго къ сообщенію свѣдѣній были приглашены особыя довѣренныя лица (конфиденты), жившія постоянно въ Крыму и занимавшія какія-либо долж-

ности; они получали опредѣленное жалованье до 150 и болѣе рублей, смотря по важности и достовѣрности сообщаемыхъ такимъ тайнымъ корреспондентомъ или „пріятелемъ", какъ называются они въ дѣловой перепискѣ, фактовъ. Изъ такихъ корреспондентовъ референтъ охарактеризировалъ нѣжинскаго грека Судаклея, священника м. Ягорлыка Илью Сулиму, переводчика очаковскаго паши Григорьева, ханскаго переводчика Якуба, анонимнаго могилевскаго „пріятеля" и друг. (Напечатанъ въ III отдѣлѣ этой книги).

II. ЗАСѢДАНІЕ 1-го ДЕКАБРЯ 1892 г.

а) Д. чл. **И. В. Лучицкій** изложилъ „*Новую гипотезу о происхожденіи денежныхъ металлическихъ знаковъ и вѣсовъ*".

б) Д. чл. **В. Н. Малининъ**, по случаю столѣтія со дня смерти *Д. И. Фонвизина*, произнесъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ его „*какъ автора комедій*". Указавъ на общественное положеніе въ концѣ XVIII в. писателя, отношеніе общества къ литературѣ, просвѣщенное покровительство ей со стороны Екатерины Великой, „давшей россіянамъ свободу мыслить и изъясняться", на отношеніе Фонвизина къ императрицѣ, его служебное положеніе и домашнее воспитаніе, опредѣливъ господствовавшее тогда въ литературѣ направленіе, авторъ рѣчи въ содержаніи комедій выдѣлилъ главный предметъ—воспитаніе. Въ „Бригадирѣ" и „Недорослѣ" разсматривается этотъ предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнія; въ одномъ Фонвизинъ бичуетъ недостатки такъ называемаго французскаго воспитанія; въ другомъ—недостатки воспитанія старорусскаго, своеобразно приспособленнаго къ запросамъ новаго времени; при этомъ авторъ рѣчи прослѣдилъ развитіе взглядовъ на воспитаніе со времени Петра В. Обѣ комедіи произвели глубокое впечатлѣніе на современниковъ и немало содѣйствовали самосознанію русскаго общества. Фонвизину, такимъ образомъ, удалось сдѣлать то, что выпадаетъ на долю только очень большихъ литературныхъ дарованій—съ исчерпывающей полнотой и поразительной вѣрностью воспроизвести типы своего времени.

III. ЗАСѢДАНІЕ 13-го ДЕКАБРЯ 1892 г.

По выслушаніи доклада д. чл. **И. В. Лучицкаго**, касавшагося „*Исторіи поземельныхъ отношеній во Франціи*" въ концѣ XVIII в.,

---

[1]) См. „Труды Кіев. дух. академіи" за мартъ 1893 г.

и замѣчаній по поводу этого доклада, сдѣланныхъ д. чл. *А. Н. Ясинскимъ*, было приступлено къ выбору на новое трехлѣтіе товарища предсѣдателя, казначея и секретаря на мѣсто выбывающихъ за истеченіемъ срока избранія: *И. И. Малышевскаго, Ѳ. Я. Фортинскаго и Н. П. Дашкевича.*

По произведенной баллотировкѣ избранными оказались тѣ же лица.

Вслѣдствіе категорическаго отказа Н. П. Дашкевича отъ должности секретаря по невозможности для него впредь исполненія обязанностей, сопряженныхъ съ означенной должностью, была произведена вторичная баллотировка предложённыхъ кандидатовъ и избраннымъ оказался д. чл. *П. В. Голубовскій.*

Въ виду общаго признанія большихъ заслугъ *Н. П. Дашкевича* на пользу Общества Нестора, оказанныхъ имъ въ продолженіе 12-тилѣтняго исполненія обязанностей секретаря, единогласно постановлено: выразить Николаю Павловичу глубокую благодарность Общества и возвести его въ почетные члены.

IV. ЗАСѢДАНІЕ 31-го ЯНВАРЯ 1893 г.

а) Д. чл. А. І. Степовичъ, разсмотрѣвъ „*Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича*“, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Мало обоснованнымъ, почти голословнымъ, по мнѣнію докладчика, является краеугольное въ книгѣ утвержденіе автора о тождественности историко-діалектическихъ условій славянскаго племени и семи другихъ, (греческаго, латинскаго, итальянскаго, испанскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго) у которыхъ произошло образованіе общихъ языковъ непрележность историческихъ законовъ, въ силу которой должно-де произойти образованіе общаго славянскаго языка, по образцу вышеуказанныхъ семи, также, конечно, не могла быть доказана ученымъ авторомъ и предложена имъ читателю слишкомъ на вѣру, какъ, впрочемъ, и многое другое въ книгѣ.

2) Недостаточно доказано мнѣніе г. Будиловича о томъ, что между славянскими языками существуетъ такое же діалектическое отношеніе, какое существуетъ между языками нѣмецкими, французскими, испанскими и итальянскими; докладчикъ заявилъ, что нѣкото-

рые изслѣдователи уподобляютъ это отношеніе взаимнымъ отношеніямъ между группами языковъ романскихъ и германскихъ въ широкомъ смыслѣ.

3) Г. Будиловичемъ недостаточно удѣлено вниманія и мѣста для опредѣленія діалектическихъ отношеній славянскихъ языковъ между собой, какъ напр., въ частности, вопросу объ отношеніи великорусскаго и малорусскаго языковъ, различіе которыхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (Я. Ганушъ), не опровергнутому авторомъ, должно быть тождественно съ различіемъ польскаго и чешскаго, сербскаго и болгарскаго.

4) Характеризуя сербскую штокавщину (отъ „што"), г. Будиловичъ неправильно признаетъ особенностью ея переходъ будто бы мѣстнаго пад. въ родител. во множ. числѣ (ято голубовах, т. е. стая голубей), чтó давно отвергнуто Миклошичемъ и вполнѣ основательно.

5) Г. Будиловичъ неосновательно считаетъ старо-далматинскую литературу (наз. дубровницкой) „подлитературой" итальянской (какъ пьемонтская, неаполитанская, венеціанская и друг.). Докладчикъ, указывая на выдающіяся произведенія этой литературы, хотя и признаетъ ея подражательность итальянской, но уподобляетъ таковую общей круговой подражательности европейскихъ литературъ, напр., въ литературномъ явленіи ложноклассицизма.

6) Г. Будиловичъ ошибочно видитъ въ ломбардскомъ языкѣ примѣсь кельтизма; по мнѣнію референта, языкъ этотъ образовался изъ простонародной латыни съ примѣсью одного изъ германскихъ языковъ (именно лонгобардскаго).

7) Г. Будиловичъ не обратилъ надлежащаго вниманія на состояніе литературы у кельтовъ Валлиса (въ Британіи), на судьбы валашской литературы и на современныя перемѣны въ ней азбуки и богослужебнаго языка; а между тѣмъ, это было необходимо въ виду тѣсной исторической связи между волохами и славянами, въ отношеніи церкви и словесности[1]).

Рефератъ вызвалъ живой обмѣнъ мнѣніями между членами: *Т. Д. Флоринскимъ*, *А. А. Андріевскимъ*, *В. Б. Антоновичемъ*, *И. В. Лучицкимъ* и *Н. П. Василенкомъ*.

---

[1]) Извлеченіе изъ доклада г. Степовича было помѣщено въ Воронежскомъ изданіи: „Филологическія Записки" за 1893 г. См. кн. II—III: „Славянскія извѣстія", № XXXV, стр. 65.

б) Д. чл. **А. А. Андріевскій** изложилъ подробности дѣлопроизводства въ „*Слѣдственной коммиссіи 1749 г.*", назначенной кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Леонтьевымъ по жалобамъ татаръ о грабежѣ у нихъ запорожцами лошадей, воловъ, верблюдовъ и проч., а также о нанесеніи тяжкихъ побоевъ ихъ людямъ и захватѣ многихъ въ плѣнъ; при этомъ авторъ изобразилъ и внутреннюю жизнь Запорожья, на сколько выясняется она изъ дѣла, и взаимное отношеніе козаковъ къ татарамъ въ мирное время.

Въ этомъ же засѣданіи, по произведенной баллотировкѣ, избранъ въ дѣйствительные члены Общества *Леонидъ Семеновичъ Личковъ*.

V. ЗАСѢДАНІЕ 14-го ФЕВРАЛЯ 1893 г.

а) Д. чл. **И. М. Каманинымъ** прочтенъ докладъ отсутствующаго д. чл. **А. И. Соболевскаго**: „*Нѣсколько мѣстъ Начальной лѣтописи*" (Напечатанъ во II отдѣлѣ настоящей книги).

Въ обсужденіи доклада приняли участіе *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, *В. Б. Антоновичъ* и *П. В. Голубовскій*.

б) Д. чл. **В. З. Завитневичъ** изложилъ выводы своихъ „*Археологическихъ розысканій въ бассейнѣ р. Березины, произведенныхъ лѣтомъ 1893 г.*" Мѣстомъ раскопокъ избрана была мѣстность, орошаемая р. Березиной и ея притоками: Свислочью, Ольсою (съ притоками Несетью и Сушею) и верхнимъ теченіемъ р. Алыши Оль. Раскопки произведены были въ могильникахъ, расположенныхъ при слѣдующихъ селеніахъ: Горожѣ (урочище Грибовщина), Горожкѣ (уроч. Устье), Ясени (уроч. Бѣлая Лужа и Зарѣчье), Бриталовичахъ, Устижѣ, Перекали, Лѣневкѣ, Вирковѣ (уроч. Семи-Браты), Несетѣ, Любоничахъ (уроч. Курганы), Мохровичахъ, Кострицкой Слободкѣ и уроч. Дворцѣ, Руднѣ, Пацевой Слободкѣ, Селищѣ (уроч. Бродокъ), Александровѣ, Поповщинѣ (уроч. Григорушка), Волосовичахъ и Шираевщинѣ.

Всѣхъ кургановъ раскопано 234. По формѣ погребальнаго обряда ихъ можно раздѣлить на 4 типа: 1) погребеніе въ ямахъ, 2) на поверхности земли, 3) въ насыпи кургана, т. е. выше поверхности земли, и 4) трупосожженіе.

Форма погребенія въ насыпи кургана и трупосожженіе въ данной мѣстности встрѣчаются сравнительно рѣдко и должны быть разсматриваемы какъ явленіе случайное, заносное.

Форма погребенія въ ямахъ въ чистомъ своемъ видѣ встрѣчалась лишь въ одномъ могильникѣ (въ уроч. Семи-Браты, близъ дер. Виркова), въ которомъ нѣкоторыя могилы, при отсутствіи насыпей, покрыты были камнями. Есть основаніе думать, что эта форма въ область Березины занесена съ береговъ Запад. Буга. Въ другихъ могильникахъ форма погребенія въ ямахъ составляла незначительную примѣсь къ другимъ формамъ. Господствующее значеніе въ данной мѣстности принадлежитъ формѣ погребенія на поверхности земли. Изъ раскопанныхъ 234 кургановъ на долю этой формы падаетъ 190, т. е. почти 77%. Изъ этого видно, что племя, жившее въ области р. Березины, придерживалось той же формы погребальнаго обряда, какая практиковалась и въ области р. Припети, въ уѣздахъ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ

Погребальный обрядъ въ этой мѣстности характеризуется присутствіемъ въ могилахъ деревянныхъ гробовъ и особаго рода срубовъ, извѣстныхъ въ данной мѣстности подъ названіемъ „теремковъ", присутствіемъ посуды, употреблявшейся, какъ есть основаніе думать, для куренія ивано-купальской травы, и присутствіемъ пепелищъ, образовавшихся, какъ тоже есть основаніе думать, отъ сохраненія стружекъ и тресокъ послѣ приготовленія гроба.

Въ могилахъ находимы были слѣдующіе предметы: желѣзные топоры, такія же ножницы для стрижки овецъ, серпы, а также каменныя пряслицы. Но больше всего встрѣчалось предметовъ украшеній: кольца ручныя и височныя, серьги, бусы металлическія, стеклянныя, каменныя и изъ композицій, медальоны и другого рода привѣски, якоревидныя застежки, особаго рода височныя бляхи, шейныя бронзовыя гривны и нѣкоторые другіе предметы. Отъ одежды сохранились куски золотой парчи.

в) Д. чл. **И. А. Сикорскій** сдѣлалъ докладъ *о черепахахъ*, добытыхъ В. З. Завитневичемъ при раскопкахъ въ бассейнѣ р. Березины. По произведенному референтомъ измѣренію господствующимъ между ними типомъ является субъ-долихоцефалическій.

VI. ЗАСѢДАНІЕ 28-го ФЕВРАЛЯ 1893 г.

а) Д. чл. **С. Т. Голубевъ**, указавъ на высокое художественное развитіе *„Южно-русскаго проповѣдничества въ первой четверти XVII в."* со стороны внѣшней формы и на отличающую его глубо-

кую мысль и горячее религіозное чувство со стороны внутренняго содержанія, особенное вниманіе обратилъ на оригинальныя и переводныя проповѣди Лаврентія Зизанія Тустановскаго, представивъ нѣсколько образцовъ ихъ.

б) Д. чл. **Е. А. Кивлицкій** обозрѣлъ содержаніе недавно вышедшихъ въ свѣтъ „*Pamiętnik'овъ*“ Густава Олизара и отмѣтилъ ихъ значеніе для мѣстной исторіи начала истекающаго столѣтія. Воспоминанія Олизара заслуживаютъ вниманія и по личности автора, и по мѣсту его воспитанія, и по его общественному положенію, и по его отношеніямъ служебнымъ и личнымъ, и по эпохѣ, къ которой эти воспоминанія относятся. Происходя изъ богатой и аристократической польской семьи, Олизаръ получилъ образованіе въ Кременецкомъ лицеѣ, хотя и не окончилъ въ немъ полнаго курса. На поприще общественной дѣятельности онъ выступилъ рано (23-хъ лѣтъ отъ роду), будучи избранъ въ должность кіевскаго губернскаго предводителя дворянства (маршала); въ Кіевѣ ему пришлось вступить въ близкія отношенія съ нѣкоторыми декабристами, что и было причиной паденія Олизара. Факты и характеристика воспитанія, службы и частной жизни составляютъ интересъ „Pamiętnik'овъ“.

VII. ЗАСѢДАНІЕ 14-го МАРТА 1893 г.

Слушали: Проектъ измѣненій и дополненій „*Устава Историческаго Общества Нестора лѣтописца,*“ одобренный Совѣтомъ Общества въ засѣданіи его 7-го марта того же года.

Опредѣлили: Принявъ означенный проектъ, представить его, согласно § 27 Устава, въ опредѣленномъ порядкѣ на утвержденіе начальства. (Утвержденный г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 22 декабря 1893 г. Уставъ см. въ концѣ этого отдѣла).

Въ настоящемъ засѣданіи открытою подачею голосовъ единогласно избраны въ почетные члены *А. М. Лазаревскій* и *И. В. Лучицкій.*

По произведенной баллотировкѣ въ дѣйствительные члены избранъ профессоръ *Николай Александровичъ Оболонскій.*

VIII. ЗАСѢДАНІЕ 23-го МАЯ 1893 г.

Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** представилъ результаты своихъ розысканій „*О литературномъ источникѣ оперы И. П. Котляревскаго;*

„Москаль чаривныкъ“ [1]). Онъ находитъ, что фабула, составившая основу этой украинской оперы,—бродячая и принадлежитъ къ числу повѣстей, перенесенныхъ въ средніе вѣка на западъ съ отдаленнаго востока. Въ европейскихъ литературахъ она встрѣчается впервые въ fabliaux XIII в.: „Le pauvre clerc“. Она распространилась по многимъ литературамъ и была излагаема, то въ формѣ повѣствовательной, то въ драматической, то, наконецъ, въ пѣсенной. И. П. Котляревскій, повидимому, ознакомился съ ней изъ водевиля: „Le soldat magicien“, приписываемаго Anséaume'у. „Украинская опера“ Котляревскаго—одна изъ самыхъ талантливыхъ и интересныхъ по идеѣ, вложенной въ скудную опереточную фабулу, и по обрисовкѣ характеровъ. Въ нѣкоторой степени и въ „Москалѣ-чаривныкѣ“ наблюдаемъ то же, что усматривается въ созданіяхъ крупныхъ литературныхъ дарованій: въ заимствованную, истрепанную вѣками схему внесена свѣжая мысль, и вѣковой сюжетъ, выхваченный изъ непрерывнаго круговращенія, предстаетъ въ обновленномъ художественномъ видѣ, примѣненномъ къ новымъ потребностямъ жизни, непрестанно движущейся впередъ.

Слушали: Предложеніе Московскаго археологическаго общества о посылкѣ депутатовъ на предстоящій археологическій съѣздъ въ г. Вильнѣ.

Опредѣлили: Просить В. Б. Антоновича, П. В. Владимірова и С. Т. Голубева быть депутатами отъ Общества Нестора лѣтописца, сообщивъ о томъ Московскому археологическому обществу.

Слушали: Извѣщеніе о предстоящемъ празднованіи въ Черногоріи 400-лѣтія славянскаго книгопечатанія.

Опредѣлили: Послать привѣтственную отъ имени Общества телеграмму.

Въ этомъ же засѣданіи по произведенной баллотировкѣ избраны: въ почетные члены профессоръ Московскаго университета *Алексѣй Степановичъ Павловъ* и въ дѣйствительные—привать-доцентъ университета св. Владиміра *Вячеславъ Ивановичъ Петръ.*

IX. ЗАСѢДАНІЕ 26-го СЕНТЯБРЯ 1893 г.

а) Д. чл. Т. Д. Флоринскій, за отсутствіемъ д. чл. А. И. Соболевскаго, изложилъ содержаніе присланнаго имъ реферата: *„Замѣтки*

---

[1]) См. „Кіев. Старина“, 1893 г., № 12.

о малоизвѣстныхъ памятникахъ юго-западно-русскаго письма XVI и XVII вв." (Напечатанъ въ II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

б) Д. чл. **В. И. Щербина** указалъ на то, что въ документахъ конца прошлаго вѣка, касающихся Колеивщины, встрѣчаются три лица съ именемъ Шелеста [1]): Еско, Василій и Кондратъ. Участіе двухъ первыхъ въ событіи 1768 г. извѣстно; что же касается послѣдняго, то изъ найденныхъ референтомъ документовъ видно, что онъ также участвовалъ въ упомянутомъ событіи, но лишь преслѣдуя гайдамаковъ; онъ занималъ должность сотника и за оказанныя заслуги получилъ въ награду отъ гр. Браницкаго мельницу, хуторъ и свободу отъ платежа податей; онъ погибъ, по предположенію г. Щербины, подобно Саввѣ Чалому, и могила его находится въ степи.

в) Поч. чл. **И. В. Лучицкій** демонстрировалъ глиняный сосудъ въ видѣ амфоры, найденный имъ близъ с. Мельниковъ, Золотоношскаго уѣзда.

При этомъ поч. чл. **В. В. Антоновичъ** замѣтилъ, что употребленіе этихъ классическихъ сосудовъ на югѣ Россіи начинается съ появленія здѣсь греческихъ колонистовъ и продолжается до XIV в. Древняя форма амфоры постепенно измѣнялась, теряя въ красотѣ формъ и качествѣ матеріала; длинная прежде шейка укорачивалась, туловище расширялось и конусообразная нижняя часть обращалась въ дно; найденныя въ 1850 г. въ Уманскомъ уѣздѣ амфоры показываютъ способъ ихъ установки: они закапывались до половины своей высоты.

г) Г. Товарищемъ предсѣдателя И. И. Малышевскимъ доложено письмо д. чл. Н. Н. Оглоблина слѣдующаго содержанія:

„Описывая находку путивльскаго клада 1626 г. (въ рефератѣ: „Сыскныя дѣла о кладахъ въ XVII в."—См. кн. VII-ю „Чтеній", стр. 118 и 119), открытаго „въ курганѣ" на „селитреныхъ варницахъ", я попутно замѣчаю, что „селитреное варенье", для котораго „пригодилась" земля древнихъ кургановъ, городищъ и селищъ, истребило въ XVI и XVII вв. массу этихъ памятниковъ старины.

По поводу этого мѣста моей статьи глубокоуважаемый В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ замѣчаніе (см. тамъ же протоколъ засѣданія 9 мая

[1]) См. „Кіев. Стар." за 1893 г. № 11.

1892 г. стр. 17), что курганы не могли быть разрываемы для цѣлей селитрянаго производства".

Съ селитрянымъ производствомъ нашего времени я не знакомъ и, какъ нынѣ добываютъ селитру, не знаю[1]; но что въ XVII в. для изготовленія селитры требовалась и курганная земля—это такъ несомнѣнно, что съ замѣчаніемъ Владиміра Бонифатіевича рѣшительно не могу согласиться.

Если для уважаемаго оппонента не убѣдительны тѣ документальныя данныя, какія приведены въ статьѣ о кладахъ XVII в., то могу привести еще одинъ документъ, уже прямо относящійся къ „селитреному варенію".

Въ моихъ замѣткахъ: „Бытовыя черты XVII в." („Рус. Стар." за 1892 г. № 6), напечатана любопытная въ техническомъ отношеніи „роспись селитреному варенью" 1699 г. (стр. 693 и 694). Хотя „роспись" сохранилась съ пробѣлами, но для цѣли настоящей замѣтки пробѣлы эти не существенны.

„Роспись" приложена къ грамотамъ иркутскому и нерчинскому воеводамъ, предписывавшимъ имъ принять мѣры къ устройству „селитряныхъ заводовъ и майдановъ", для чего они должны прежде всего розыскать въ своихъ уѣздахъ и „описать курганы, изъ которыхъ можно варить селитру", а „какимъ поведеніемъ" ее варить—о томъ говоритъ слѣдующая „роспись".

Статья 1-я: „Изобрѣсть мѣсто, гдѣ-бы старые кладбища-курганы были и къ тому-жъ конской, и коровей, и всякой скотской, и иной старый навозъ, который бы былъ лѣтъ 40 и 50 и больше.

Статья 2-я говоритъ объ устройствѣ „кади" съ оконцемъ на днѣ ея.

Статья 3-я—объ устройствѣ въ кади „перекладинокъ", съ положеніемъ на нихъ слоемъ тростника, „чтобъ матерія, кромѣ воды, сквозь то постланіе (т. е. тростникъ) не проходила".

Статья 4-я: „Класть на то постланіе вышеявленную матерію, то есть престарѣлый гной и землю могильную, натуго, съ топтаніемъ ногъ, и до верху не докладывать чети или 5 вершковъ аршина.

Статья 5-я: „Лити на ту матерію воду мѣрно" и т. д. (Сибир. приказа столбецъ № 1397).

---

[1]) Знаю, впрочемъ, что въ Америкѣ (кажется, въ Парагваѣ) есть „селитряныя залежи".

Мнѣ кажется, что противъ этихъ ясныхъ и точныхъ показаній „росписи" трудно что-либо возразить.

Слушали: Письмо г. предсѣдателя Общества Нестора лѣтописца *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* о невозможности для него по разнымъ причинамъ исполнять на будущее время лежащія на немъ обязанности предсѣдателя и о рѣшительномъ поэтому отказѣ его отъ должности предсѣдателя Общества.

Письмо г. секретаря Общества *П. В. Голубовскаго* о невозможности для него вслѣдствіе болѣзни исполнять лежащія на немъ по Обществу обязанности.

Опредѣлили: Произвести въ слѣдующее засѣданіе выборы предсѣдателя и секретаря, а также библіотекаря и помощника секретаря на мѣсто *И. М. Каманина*, выбывающаго за истеченіемъ трехлѣтняго срока, на который онъ былъ избранъ.

X. ЗАСѢДАНІЕ 10-го ОКТЯБРЯ 1893 г.

Въ настоящемъ закрытомъ засѣданіи были произведены выборы предсѣдателя, секретаря, библіотекаря и помощника секретаря на предстоящее трехлѣтіе.

По произведенной баллотировкѣ избранными оказались:
въ должность предсѣдателя *В. С. Иконниковъ.*
„ секретаря *П. В. Владиміровъ.*
„ библіотекаря и помощника секретаря *И. М. Каманинъ.*

По предложенію поч. чл. *Н. И. Дашкевича,* единогласно постановлено: выразить, въ формѣ адреса, М. Ф. Владимірскому-Буданову благодарность за его заслуги и труды на пользу Общества въ продолженіе двухъ трехлѣтій его предсѣдательства.

Въ этомъ же засѣданіи въ дѣйствительные члены избраны *Алексѣй Николаевичъ Гренъ* и *Леонтій Даниловичъ Синицкій.*

XI. ЗАСѢДАНІЕ 17-го ОКТЯБРЯ 1893 г.

а) Поч. чл. В. В. Антоновичъ сообщилъ о произведенныхъ имъ „*Раскопкахъ въ бывшей землѣ Радимичей*", въ окрестностяхъ Гомеля и Чичерека, Могилевской губерніи. Всѣ раскопанные референтомъ 9 могильниковъ и 115 кургановъ имѣютъ обычные внѣшніе признаки славянскихъ кургановъ: расположены группами, куполообразны, высотой до сажени; по остаткамъ глиняной посуды и угля видно, что

курганы во время тризнъ надсыпались землей; покойники хоронились выше горизонта на насыпи изъ золы и песку; тѣла умершихъ обкладывались бревнами; слѣды гробовъ не встрѣчаются; у ногъ покойниковъ ставились глиняные сосуды, сдѣланные безъ помощи гончарнаго круга. Радимичи, повидимому, не отличались воинственностью: оружія нѣтъ, кромѣ небольшихъ ножиковъ, въ деревѣ или кости, съ кольцомъ. Женскіе костяки имѣли большое количество украшеній, особенно серебряныхъ колецъ, вплетавшихся въ косы; главнымъ украшеніемъ является ожерелье, украшенное привѣсками изъ крестиковъ; встрѣчаются даже крестики съ распятіемъ, искаженнымъ по невѣдѣнію язычникомъ-мастеромъ; крестики по своему типу относятся къ идеаламъ восточной церкви.

б) Д. чл. М. С. Грушевскій представилъ слѣдующія свои соображенія *„По вопросу объ организаціи управленія и суда въ Подольской землѣ въ XIV и XV вв.“*: Документальныя данныя, заключающіяся въ грамотахъ кн. Коріатовичей, показываютъ, что въ это время существовали въ главнѣйшихъ городахъ Подолья (Каменцѣ, Смотричѣ, Червоногродѣ) воеводы съ судебно-административными компетенціями, и староста подольскій во главѣ всей земли. Этотъ строй продолжалъ существовать и послѣ Коріатовичей—во главѣ управленія стоялъ староста каменецкій, и продолжали существовать воеводы (они упоминаются въ Червоногродѣ и Каменцѣ). Эта схема близко напоминаетъ устройство Галицкой Руси въ періодъ переходной—отъ завоеванія Казимира до окончательнаго введенія польскихъ учрежденій въ 30-хъ годахъ XV в.; основываясь на этой аналогіи, можно предположить, что каменецкій староста, кромѣ военно-административныхъ компетенцій, имѣлъ широкую юрисдикцію, простиравшуюся на всѣ классы населенія, и судъ старосты замѣнялъ суды гродскіе и земскіе польскаго права; въ главнѣйшихъ городахъ сидѣли подчиненные старостѣ воеводы; въ Каменцѣ судъ воеводы сливался съ судомъ старосты, и воевода былъ лишь его замѣстителемъ; въ составъ суда старосты и воеводы входилъ еще судья.

Введеніе польскаго устройства послѣдовало, вѣроятно, около 1436 г., такъ какъ въ пространствѣ между 1436 и 1438 гг. впервые появляются сенаторскіе (воевода—въ польскомъ значеніи этого титула, каштелянъ) и земскіе уряды (подкоморій, войскій); тогда же, вѣроятно, послѣдовало раздѣленіе старостинской юрисдикціи между

судомъ земскимъ и гродскимъ. Число старостъ умножается, но эти старосты, кромѣ каменецкаго, носившаго титулъ генеральнаго старосты подольскаго, не были настоящими гродскими старостами, а занимали посредствующее положеніе между ними и державцами (tenutarii), унаслѣдовавъ, по всей вѣроятности, компетенціи мѣстныхъ воеводъ.

Слушали: Сообщеніе г. предсѣдателя о телеграммѣ, посланной Императорскому Обществу любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, съ привѣтствіемъ по случаю исполнившагося 30-тилѣтія его дѣятельности.

По предложенію г. предсѣдателя, въ виду предстоящаго празднованія 50-тилѣтія дѣятельности поч. чл. Общества Нестора лѣтописца *о. П. Г. Лебединцева* (31 октября) и Кіевской археографической коммиссіи (19 ноября), постановлено: возложить чествованіе перваго на депутацію и поднести адресъ отъ имени Общества второй.

Слушали: Докладъ г. библіотекаря Общества о необходимости переплета по крайней мѣрѣ тѣхъ книгъ, которыя чаще всего требуются членами и потому болѣе подвергаются порчѣ.

Опредѣлили: Расходовать ежегодно, по мѣрѣ надобности, на переплетъ книгъ библіотеки Общества до 50 рублей.

Въ этомъ же засѣданіи въ члены Редакціоннаго Комитета по изданію „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца“ избранъ *М. Ф. Владимірскій-Будановъ.*

Извлеченіе изъ отчета о состояніи и дѣятельности Общества Нестора лѣтописца съ 27 октября 1892 г. по 27 октября 1893 г.

I. *Численный составъ Общества Нестора лѣтописца*

Къ 27 октября 1892 г. Общество состояло изъ 21 почетнаго и 103 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ теченіи года избрано вновь 4 почетныхъ и 5 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ тотъ-же періодъ времени выбылъ за смертью одинъ почетный членъ (князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ).

Затѣмъ къ 27-му октября 1893 г. въ Обществѣ числится 24 почетныхъ и 108 дѣйствительныхъ членовъ.

II *Библіотека Общества*

А) Къ 27 октября 1892 г. находилось на лицо въ библіотекѣ Общества Нестора лѣтописца сочиненій и изданій по исторіи и ея вспомогательнымъ наукамъ 776 названій въ 1538 томахъ и брошюрахъ.

Въ теченіе года вновь поступило 194 названія въ 307 томахъ и брошюрахъ.

Такимъ образомъ къ 27 октября 1893 г. имѣется 970 названій въ 1845 томахъ и брошюрахъ.

Наибольшее количество книгъ, въ видѣ пожертвованія, получено отъ Императорскаго Общества любителей древней письменности, отъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, отъ Нѣжинскаго историко-филологическаго института кн. Безбородко, отъ поч. чл. А. М. Лазаревскаго, отъ вдовы покойнаго профессора и предсѣдателя Общества Нестора лѣтописца Е. С. Котляревской и вдовы профессора С. И. Ѳедотовой-Чеховской.

Б) Въ *Отдѣлѣ рукописей* въ теченіе года поступило отъ вдовы профессора С. И. Ѳедотовой-Чеховской одна книга—рукопись, и затѣмъ къ октября 1893 г. состоитъ на лицо прежнее количество: а) отдѣльныхъ документовъ—11; б) фотографическихъ снимковъ—2, в) книгъ-же—рукописей—6.

В) *Изданій Общества Нестора*: по разсылкѣ ихъ членамъ, высылкѣ въ обмѣнъ на изданія другихъ учрежденій и обществъ и по продажѣ, къ 27 октября 1893 г. осталось:

а) „Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца": книги I—42, кн. II—117, кн. III—38, кн IV—192, кн. V—213, кн. VI—226, кн. VII—240 экземпляровъ.

б) „Трудовъ III-го археологическаго съѣзда", бывшаго въ Кіевѣ въ 1874 г.—55 экземпл. (каждый изъ двухъ томовъ съ атласомъ).

в) „Указателя выставки III-го археологич. Съѣзда"—156 экз.

г) „Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси"—281 экз.

д) „Поминки по А. А. Котляревскомъ"—92 экз.

Сверхъ того въ библіотекѣ Общества имѣется пожертвованныхъ поч. чл. *А. М. Лазаревскимъ* 170 экземпляровъ изданнаго имъ „Сулимовскаго Архива" для раздачи членамъ Общества и для обмѣна на изданія другихъ учрежденій и обществъ.

III. *Денежныя средства Общества*

Суммы Общества Нестора лѣтописца находились съ 27 октября 1892 г. по 27 октября 1893 г. въ слѣдующемъ движеніи:

Къ 27 октября 1892 г. оставалось . . . . . 876 р. 36 к.	Израсходовано въ теченіе отчетнаго года.
Въ теченіе года поступило:	
1) Изъ Государств. Казначейства. . . 800 р. —	1) На изданіе VII книги „Чтеній" . 1063 р. 38 к.
2) Членскихъ взносовъ всего лишь. . 230 р. —	2) На библіотеку 13 р. 9 к.
3) Отъ продажи изданій Общества. . 57 р. 85 к.	3) На канцелярскіе расходы. . . 28 р. 51 к.
	4) На устройство засѣданій. . . . 46 р. 36 к.
Итого 1964 р. 21 к.	Итого 1151 р. 34 к.

Къ 27 октября 1893 г. осталось въ наличности 812 р. 87 к.

На основаніи § 145 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 23-го августа 1884 г. Устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ Университетовъ, утверждаю.—22-го декабря 1893 г.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Статсъ-Секретарь Графъ Деляновъ.

УСТАВЪ

Историческаго Общества Нестора лѣтописца, состоящаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ университетѣ св. Владиміра въ г. Кіевѣ.

I Задачи и права Общества.

§ 1.—Историческое Общество при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Университетѣ Св. Владиміра имѣетъ цѣлью содѣйствовать разработкѣ русской исторической науки со всѣми вспомогательными къ ней науками.

§ 2.—Ближайшая цѣль Общества—поддерживать связь между учеными, занимающимися историческою наукою, по преимуществу въ г. Кіевѣ, дать каждому изъ нихъ возможность подвергать изслѣдуемый имъ вопросъ обсужденію въ средѣ Общества для болѣе полнаго выясненія этого вопроса и знакомить членовъ Общества со статьями, приготовляемыми къ печати, съ открытіями и научными выводами, также способствовать распространенію точныхъ историческихъ знаній своими изданіями и, сверхъ того, въ средѣ мѣстнаго общества посредствомъ рѣчей и сообщеній, произносимыхъ въ публичныхъ собраніяхъ Общества

§ 3.—Для достиженія указанныхъ цѣлей Общество: а) устраиваетъ частныя и публичныя засѣданія и имѣетъ право открывать, съ разрѣшенія подлежащихъ властей и съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для того правилъ и распоряженій правительства, платныя публичныя чтенія по программамъ, утвержденнымъ Совѣ-

томъ Общества; б) можетъ предлагать задачи и за разрѣшеніе ихъ выдавать денежныя преміи; в) входить въ сношенія съ русскими и иностранными научными учрежденіями и съ возможно большимъ числомъ лицъ для приведенія въ извѣстность данныхъ для исторіи, археологіи, палеографіи и этнографіи; г) въ случаѣ необходимости изслѣдованія какихъ либо памятниковъ и хранилищъ снаряжаетъ. по мѣрѣ своихъ средствъ, экскурсіи изъ одного или болѣе членовъ; д) печатаетъ по опредѣленію Редакціоннаго Комитета, совокупно отчеты о своихъ засѣданіяхъ, свои научные труды, критико-библіографическія статьи и обозрѣнія и научные матеріалы, по мѣрѣ накопленія, отдѣльными книгами въ своемъ изданіи: «Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца», или въ особыхъ сборникахъ и изданіяхъ памятниковъ и монографій.

§ 4.—На основаніи статьи 6-ой Устава о цензурѣ и печати (изданія 1886 года), труды Общества могутъ выходить безъ предварительной цензуры

§ 5.—По мѣрѣ надобности расширенія дѣятельности и увеличенія количества членовъ, въ составѣ Общества могутъ быть открываемы особыя отдѣленія по спеціальностямъ, но каждый разъ по рѣшенію собранія Общества и съ утвержденія начальства.

§ 6.—Общество имѣетъ право составлять свои научныя коллекціи, а именно, библіотеку, собранія рукописей и снимковъ и учреждать музеи, которые могутъ быть открываемы и для публики.

§7 —Общество имѣетъ печать съ надписью: «Историческое Общество Нестора лѣтописца въ Кіевѣ».

§ 8.—Общество выдаетъ своимъ членамъ дипломы за подписью предсѣдателя, товарища предсѣдателя и секретаря, съ приложеніемъ печати Общества.

§ 9.—Общество, какъ состоящее при Университетѣ, имѣетъ право, при сношеніяхъ съ правительственными учрежденіями и должностными лицами, пересылать свою корреспонденцію и изданія чрезъ посредство Университета.

§ 10.—Общество имѣетъ свои засѣданія въ зданіи Университета Св. Владиміра и тамъ-же пользуется особымъ по-

мѣщеніемъ для своихъ коллекцій, по соглашенію съ Правленіемъ Университета.

I. Составъ Общества, права и обязанности его членовъ.

§ 11.—Общество составляютъ: а) члены почетные, б) члены дѣйствительные, в) члены-корреспонденты.

§ 12.—Въ почетные члены избираются: а) извѣстные русскіе и иностранные ученые въ области наукъ, входящихъ въ кругъ занятій Общества Нестора лѣтописца; б) лица оказавшія своимъ вліяніемъ или пожертвованіями значительное содѣйствіе развитію и успѣхамъ исторической науки въ Россіи и в) лица оказавшія особое содѣйствіе преуспѣянію Общества Нестора лѣтописца.

§ 13.—Дѣйствительные члены избираются изъ лицъ, занимающихся самостоятельно изслѣдованіями въ области какой либо науки, входящей въ кругъ дѣятельности Общества, и заявившихъ себя научными трудами въ печати.

§ 14.—Въ члены-корреспонденты избираются лица, могущія содѣйствовать Обществу въ добываніи имъ матеріаловъ и свѣдѣній по вопросамъ, входящимъ въ составъ наукъ, обозначенныхъ въ § 1

§ 15.—Порядокъ избранія въ почетные члены, члены дѣйствительные и члены-корреспонденты слѣдующій: а) лица, предложенныя въ почетные члены, и лица, заявившія желаніе или изъявившія согласіе поступить въ дѣйствительные члены, должны быть предложены письменно общему собранію пятью членами, почетными или дѣйствительными, которые свидѣтельствуютъ о заслугахъ этихъ лицъ; Совѣтъ Общества, собравъ справки о предложенномъ кандидатѣ, сообщаетъ свое заключеніе общему собранію, послѣ чего лицо, предложенное въ почетные или дѣйствительные члены, можетъ быть подвергнуто закрытой баллотировкѣ въ ближайшемъ засѣданіи и считается избраннымъ, если въ его пользу окажется $^2/_3$ голосовъ членовъ, присутствующихъ въ засѣданіи; б) члены-корреспонденты выбираются общимъ собраніемъ, по предложенію трехъ дѣйствительныхъ или почетныхъ членовъ, простымъ большинствомъ голосовъ; в) извѣщеніе о предстоящей баллотировкѣ вносится въ повѣстку о засѣданіи.

§ 16.—Права почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ одинаковы; всѣ они, присутствуя въ засѣданіяхъ Совѣта и Общества, имѣютъ равное право голоса въ рѣшеніи вопросовъ и въ избраніи должностныхъ лицъ и членовъ Общества.

§ 17.—Почетные члены навсегда освобождаются отъ ежегоднаго взноса въ пользу Общества, который вносится дѣйствительными членами.

§ 18.—Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно, считая съ 1 января, въ кассу Общества членскій взносъ въ размѣрѣ пяти рублей. Дѣйствительные члены, кромѣ иностранцевъ, имѣющихъ пребываніе за границею, не уплатившіе членскаго взноса въ теченіе двухъ лѣтъ къ ряду, считаются сложившими съ себя званіе членовъ Общества, но могутъ вновь вступить въ число послѣднихъ, внесши причитавшійся съ нихъ взносъ за тѣ годы, въ которые, состоя членами, не дѣлали взносовъ, и сдѣлавши заявленіе о томъ Совѣту Общества, при чемъ не подвергаются новой баллотировкѣ.

Примѣчаніе. Годовая плата вносится членомъ, впервые вступающимъ, сполна за тотъ годъ, въ который онъ избранъ, если избраніе состоялось ранѣе 27-го октября.

§ 19.—Дѣйствительные члены, заявившіе о своемъ выходѣ изъ Общества, исключаются изъ списковъ послѣдняго. Буде они пожелаютъ вновь вступить въ составъ Общества, то подвергаются баллотировкѣ на общемъ основаніи.

§ 20.—Всѣ почетные члены получаютъ безплатно по одному экземпляру изданій Общества, выходящихъ послѣ избранія ихъ, а дѣйствительные члены получаютъ послѣ уплаты членскаго взноса.

§ 21.—Члены-корреспонденты могутъ присутствовать во всѣхъ собраніяхъ Общества, но не имѣютъ права голоса при рѣшеніи дѣлъ и, не будучи обязаны къ взносамъ въ кассу Общества, не получаютъ его изданій, за исключеніемъ тѣхъ выпусковъ, въ которыхъ будутъ помѣщены сообщенія этихъ членовъ.

§ 22.—Всѣ члены Общества имѣютъ право безплатнаго входа въ засѣданія съ публичными платными чтеніями.

III. О Совѣтѣ и должностныхъ лицахъ Общества.

§ 23.—Главное руководство научною дѣятельностью Общества и завѣдываніе его дѣлами принадлежитъ Совѣту, въ составъ котораго входятъ предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, секретарь и казначей и, сверхъ того, восемь лицъ, избираемыхъ на шесть лѣтъ общимъ собраніемъ, изъ среды почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ. Кромѣ того, непремѣнными членами Совѣта состоятъ учредители Общества.

§ 24—Каждое трехлѣтіе изъ восьми членовъ Совѣта выбываютъ четыре лица по старшинству избранія и на мѣсто ихъ избираются новыя изъ восьми кандидатовъ, предлагаемыхъ Совѣтомъ. По истеченіи перваго трехлѣтія со времени введенія въ дѣйствіе сего Устава, четыре члена Совѣта выбываютъ по жребію.

§ 25.—Совѣтъ созывается по мѣрѣ надобности предсѣдательствующимъ въ Обществѣ, который и ведетъ порядокъ совѣтскихъ засѣданій. Для того чтобы засѣданіе Совѣта считалось состоявшимся, необходимо присутствіе, по крайней мѣрѣ, пяти членовъ, считая въ томъ числѣ предсѣдателя или товарища предсѣдателя и секретаря.

§ 26.—Предметы вѣдѣнія Совѣта: а) совѣщанія о мѣрахъ къ успѣшнѣйшему развитію дѣятельности Общества, сообразно съ его задачами; б) разсмотрѣніе и утвержденіе темъ, предлагаемыхъ на преміи, присужденіе послѣднихъ, разсмотрѣніе и утвержденіе плановъ научныхъ экскурсій; в) предварительное разсмотрѣніе и утвержденіе программъ тѣхъ сообщеній, которыя представляются для доклада Обществу въ публичныхъ засѣданіяхъ; г) предварительное разсмотрѣніе, для представленія Обществу со своимъ заключеніемъ, всякихъ заявленій членовъ по всѣмъ касающимся Общества вопросамъ; д) собраніе справокъ о предлагаемымъ въ почетные и и дѣйствительные члены кандидатахъ, для сообщенія своего заключенія Обществу до баллотировки ихъ; е) составленіе смѣты доходовъ и расходовъ; ж) завѣдываніе распорядительною частью Общества, изданіе его трудовъ и веденіе всѣхъ прочихъ текущихъ дѣлъ Общества, за исключеніемъ указанныхъ въ § 42. Важнѣйшія дѣла Совѣтъ, если признаетъ нужнымъ, представляетъ на обсужденіе собранія членовъ въ частныхъ закрытыхъ засѣданіяхъ.

§ 27.—Совѣтъ выдѣляетъ изъ своего состава Редакціонный Комитетъ, который занимается разсмотрѣніемъ научныхъ трудовъ, предложенныхъ Обществу для напечатанія, и дѣлаетъ постановленіе о напечатаніи. Въ составъ Редакціоннаго Комитета входятъ всѣ состоящія членами Совѣта, указанныя выше, должностныя лица Общества и, сверхъ того, три члена, избранные Совѣтомъ изъ состава всѣхъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Общества. Правила дѣйствій Редакціоннаго Комитета составляются и утверждаются Совѣтомъ. Къ послѣднему и обращается Редакціонный Комитетъ въ случаяхъ, требующихъ разрѣшенія. Независимо отъ того, въ случаяхъ необходимости, напр. для разсмотрѣнія трудовъ, представленныхъ на заданныя Обществомъ темы и т. п., Совѣтъ можетъ составлять изъ своей среды особые Комитеты, въ которые могутъ быть приглашаемы и другіе члены Общества.

§ 28.—Предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, секретарь, казначей, библіотекарь и помощникъ секретаря избираются изъ среды почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, срокомъ на три года, простымъ большинствомъ голосовъ, закрытою подачею ихъ, въ общемъ собраніи, заключающемъ не менѣе половины членовъ, жительствующихъ въ Кіевѣ. Кандидаты для избранія въ эти должности намѣчаются предварительно по запискамъ, подаваемымъ отдѣльно каждымъ членомъ, присутствующимъ въ засѣданіи.

Примѣчаніе. Члены, не явившіеся въ засѣданіе, не имѣютъ права принимать участія въ баллотировкѣ посредствомъ передачи своего голоса другимъ членамъ. Въ случаѣ если бы избраніе въ указанныя должности не состоялось за неприбытіемъ поясненнаго выше числа членовъ, то выборы производятся въ слѣдующее засѣсѣданіе при наличномъ, какой окажется, составѣ собранія.

§ 29.—Въ случаѣ выбытія кого-либо изъ должностныхъ лицъ или членовъ Совѣта до срока, лица для замѣщенія ихъ избираются лишь на время до общихъ выборовъ.

§ 30.—Предсѣдатель наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ Устава и за порядкомъ дѣлопроизводства, разрѣшаетъ чтенія, предложенныя къ докладу, назначаетъ собранія, открываетъ и закрываетъ засѣданія, ведетъ порядокъ собраній, руководитъ преніями въ Совѣтѣ и общихъ собраніяхъ, ставитъ вопросы на голосованіе, объявляетъ рѣшенія, принятыя Обществомъ, и имена вновь выбранныхъ членовъ. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ по ровну, при открытомъ голосованіи, мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ

§ 31.—Въ отсутствіе предсѣдателя или во время его болѣзни въ его обязанности и права вступаетъ товарищъ предсѣдателя. Въ отсутствіе предсѣдателя и его товарища должность предсѣдателя возлагается на одного изъ членовъ Совѣта по старшинству вступленія въ Общество.

§ 32 —Секретарь Общества а) принимаетъ и вскрываетъ всѣ поступающіе на имя Общества пакеты и письма и докладываетъ о нихъ предсѣдателю; б) ведетъ протоколы засѣданій Совѣта и Общества, представляемые къ подписямъ членовъ въ концѣ засѣданія; в) завѣдываетъ всею перепискою Общества; г) хранитъ печать Общества и завѣдываетъ его архивомъ; д) исполняетъ обязанности редактора изданія; е) передъ годичнымъ засѣданіемъ составляетъ годовой отчетъ, представляемый на утвержденіе Совѣту и затѣмъ читаемый секретаремъ въ торжественномъ годичномъ собраніи Общества, а въ концѣ гражданскаго года составляетъ краткій отчетъ, представляемый ректору Университета.

§ 33.—Дѣловыя бумаги, исходящія отъ Общества, скрѣпляются секретаремъ.

§ 34.—Помощникъ секретаря раздѣляетъ трудъ секретаря въ веденіи переписки Общества, въ составленіи протоколовъ засѣданій для печати, завѣдываетъ первыми корректурами изданій Общества и исправляетъ должность секретаря въ отсутствіе его.

§ 35.—Казначей Общества: а) принимаетъ сумму, ассигнуемую Правительствомъ въ пособіе Обществу, пожертвованія и членскіе взносы, слѣдя за своевременнымъ поступленіемъ ихъ, б) въ принятіи денегъ выдаетъ квитанціи; в) принимаетъ деньги, выручаемыя отъ продажи изданій Общества; г) ведетъ счетъ всѣмъ денежнымъ поступленіямъ; д) хранитъ всѣ денежныя суммы Общества до передачи таковыхъ для храненія или на текущій счетъ въ государственныя кредитныя учрежденія по указанію Совѣта; е) исполняетъ распоряженія Совѣта касательно расхода денежныхъ средствъ; ж) докладываетъ въ каждомъ засѣданіи Совѣта о состояніи суммъ и з) представляетъ свѣдѣнія о томъ же для общаго годоваго отчета.

Примѣчаніе. На непредвидѣнные и мелкіе расходы казначей можетъ хранить у себя до 50 рублей.

§ 36.—На запись прихода и расхода суммъ казначею выдаются шнуровыя книги за подписаніемъ предсѣдателя и секретаря и за печатью Общества.

§ 37.—На библіотекаря возлагается а) принятіе отъ секретаря и храненіе въ надлежащемъ порядкѣ и цѣлости книгъ, рукописей и другихъ предметовъ, поступающихъ въ коллекціи Общества и составляющихъ таковыя; б) веденіе каталоговъ и описей послѣднихъ въ выданныхъ отъ Общества, за подписью предсѣдателя и секретаря, книгахъ; в) выдача членамъ книгъ и наблюденіе за возвращеніемъ ихъ; г) переписка по пріобрѣтенію и полученію книгъ; д) хранененіе и продажа изданій Общества; е) сообщеніе свѣдѣній для годоваго отчета о числѣ поступившихъ книгъ и другихъ предметовъ и вообще о состояніи коллекцій Общества.

Примѣчаніе 1-е. Для руководства при выдачѣ книгъ и рукописей изъ библіотеки Общества Совѣтъ составляетъ особыя правила.

Примѣчаніе 2 е. Должность библіотекаря можетъ быть соединяема съ должностью помощника секретаря.

IV. О собраніяхъ Общества.

§ 38 —Собранія Общества назначаются предсѣдателемъ, по мѣрѣ накопленія матеріала, во время, считающееся учебнымъ по Уставу университетовъ. Порядокъ сихъ собраній состоитъ въ завѣдываніи предсѣдателя и секретаря, которымъ не менѣе какъ за недѣлю должно быть извѣстно содержаніе чтеній.

§ 39.—Засѣданія собраній бываютъ публичныя и частныя.

§ 40.—Публичныя засѣданія Общество суть: а) годичное, б) экстренныя въ особыхъ торжественныхъ случаяхъ и в) платныя. Годичное собраніе назначается въ день чествованія памяти препод. Нестора лѣтописца (27 октября); въ этомъ засѣданіи читается годовой отчетъ Общества и произносятся рѣчи общедоступнаго содержанія Таковымъ же рѣчамъ посвящаются и торжественныя собранія, устраиваемыя Обществомъ для чествованія памяти какихъ либо славныхъ дѣятелей или историческихъ событій. Публичныя годичныя собранія, равно какъ и торжественныя, происходятъ въ актовомъ залѣ Университета, и посторонніе посѣтители допускаются въ эти засѣданія безъ входныхъ билетовъ

Примѣчаніе. Если за чтенія, имѣющія быть въ какомъ либо засѣданіи, назначается входный сборъ, то посторонніе посѣтители допускаются въ то засѣданіе лишь по платнымъ билетамъ.

§ 41.—Частныя засѣданія посвящаются чтенію либо устному изложенію и обсужденію научныхъ сообщеній по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества, и рѣшенію научныхъ вопросовъ и происходятъ въ одной изъ университетскихъ аудиторій, указанной университетскимъ начальствомъ. Въ эти собранія посторонніе посѣтители допускаются по выдаваемымъ членами всякій разъ особо билетамъ или же по личной рекомендаціи членовъ. Лица, желающія постоянно посѣщать частныя собранія Общества, могутъ, съ разрѣшенія Совѣта, получать именные входные билеты, сохраняющіе свое значеніе на трехлѣтній срокъ. Посторонніе посѣтители не имѣютъ права прерывать занятія Общества какими бы то ни было заявленіями.

§ 42.—По распоряженію предсѣдателя частныя засѣданія закрываются для постороннихъ посѣтителей, упомянутыхъ въ предыдущемъ §, когда читаются и обсуждаются научныя сообщенія, не излагаемыя почему-либо публично, и разсматриваются и рѣшаются текущія дѣла Общества. Въ послѣднихъ засѣданіяхъ а) производятся выборы членовъ Совѣта и всѣхъ должностныхъ лицъ Общества; б) производятся наличнымъ числомъ членовъ выборы въ члены почетные, дѣйствительные и члены-корреспонденты кандидатовъ, предложенныхъ въ предыдущихъ собраніяхъ; в) производится предложеніе новыхъ кандидатовъ въ члены; г) ежегодно за мѣсяцъ до годичнаго публичнаго собранія назначаются Ревизіонныя Коммиссіи, въ составѣ трехъ лицъ, для повѣрки отчета о движеніи суммъ и ревизіи библіотеки и остальнаго имущества, сообщающія о результатахъ повѣрки предсѣдателю, который докладываетъ объ этихъ результататахъ со своимъ заключеніемъ общему собранію; д) разсматриваются и рѣшаются вопросы и текущія дѣла Общества, вносимые Совѣтомъ.

Примѣчаніе. Никакое предложеніе не можетъ быть обсуждаемо по существу общимъ собраніемъ, помимо Совѣта и безъ его согласія.

§ 43.—а) Иногородные члены могутъ присылать свои сообщенія и статьи для прочтенія въ собраніи Общества и для напечатанія въ его изданіяхъ; б) члены-корреспонденты и постороннія лица могутъ быть допускаемы къ чтенію сообщеній въ частныхъ засѣданіяхъ съ особаго разрѣшенія предсѣдателя, при чемъ подчиняются требованію, указанному въ §§ 30 и 38.

§ 44.—О днѣ, часѣ, мѣстѣ и предметахъ научныхъ докладовъ, предназначенныхъ къ чтенію въ собраніи Общества, сообщается каждый разъ не позже какъ за три дня ректору Университета.

§ 45.—Заявленія о необходимости измѣненія или дополненія сего Устава вносится за подписью не менѣе, чѣмъ десяти членовъ, на предварительное разсмотрѣніе Совѣта, который со своимъ заключеніемъ представляетъ указанныя заявленія на рѣшеніе закрытаго общаго собранія членовъ, состоящаго не менѣе, чѣмъ изъ половины всѣхъ членовъ Общества, имѣющихъ жительство въ г. Кіевѣ. Опредѣленіе общаго собранія по сему предмету, состоявшееся съ согласія не менѣе 2/3 наличныхъ голосовъ, должно быть чрезъ Совѣтъ Университета св. Владиміра и Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа представлено на усмотрѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія.

§ 46.—Въ случаѣ закрытія Общества, все его имущество поступаетъ въ собственность Университета св. Владиміра.

Отдѣлъ II.

СООБЩЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Нѣсколько мѣстъ Начальной лѣтописи.

IX *).

„(П)оиде Олегъ, поимъ воя многи: Варяги, Чюдь, Словѣни, Мерю и вс̑ѣ Кривичи, и приде къ Смоленьску съ *Кривичи*, и прия градъ, и посади мужь свой“.

Такъ въ Лавр. и Тр.; въ Радз., Ак. и Хлѣб.: *и съ Кривичи*; въ Ип.: поемъ вои свои многы: Варягы, Чюдь, Словѣны, Мѣрю, Весь, Кривичи, и прия городъ *Смольнескъ*, и посади въ немъ мужь свой; въ Переясл.: идѣ Олегъ съ вои многи: съ Варяги, съ Чюдью, съ Словены, съ Мерею, съ Весію, съ Кривичи, и прииде въ Смоленескъ, и преа градъ, и посади мужи свои.

Несомнѣнно, чтеніе большинства списковъ—болѣе древне, чѣмъ чтенія Ип. и Переясл. Послѣднія—не что иное, какъ слѣдствіе старанія переписчиковъ избѣжать той неудовлетворительности смысла, которая въ чтеніи Лавр. и другихъ происходитъ отъ какъ бы излишняго *съ Кривичи*.

Также несомнѣнно, что въ оригиналѣ Начальной лѣтописи здѣсь было неловкое, неудачно составленное выраженіе, которое очень рано было измѣнено переписчиками и не дошло до насъ ни въ одномъ изъ нашихъ списковъ. Какое же это было выраженіе?

Союзъ *и*, находящійся между *къ Смоленску* и *съ Кривичи* въ Радз., Ак. и Хл., позволяетъ намъ сдѣлать догадку, что въ оригиналѣ лѣтописи читалось: *къ Смоленску и въ Кривичъ*.

Названія племенъ и въ Начальной и въ Кіевской лѣтописи не разъ употребляются вмѣсто названій областей, странъ [1]): Глѣбъ баше-

---

*) Начало см. въ V кн. „Чтеній“.

[1]) Какъ въ современномъ польскомъ: we Wloszech—въ Италіи, и т. п.

воевалъ *Дреговичи* и Случескъ пожегъ (Ип. 20`); взя Случьскъ и Кльчьскъ и вси *Дреговичь* (Ип. 268); бѣжа за лѣсъ у *Вятичь* (Ип. 239); иде засмъ вси *Вятичь* и Добрянескъ (Ип. 242); стоити въ своихъ *Вятичехъ* (Ип. 260); есть вшелъ въ нашѣ *Вятичь* (Ип. 262); поиде Суждалю на *Вятичь* (Ип. 316) и т. п.[1]).

Племя Кривичей состояло изъ нѣсколькихъ вѣтвей, изъ которыхъ одна, по лѣтописцу, еще до похода на Смоленскъ была подчинена Олегу; она принимала участіе въ походѣ; другая жила въ Смоленскѣ и его области; на нее шелъ Олегъ.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, это испорченное мѣсто лѣтописи имѣетъ такой смыслъ:

Олегъ, взявъ войско: Варяговъ...., Кривичей, пришелъ къ Смоленску и въ Кривичскую область...

X.

„Володимеръ... заложи городъ... и нарече и Переяславль, зане *перея славу* отрокъ-тъ“.

Такъ въ Лавр. (подъ 992 годомъ); въ Хлѣбн. и Погод: зане *перея славу* отрокъ въ Радз. и Ак.: зане *Переяславъ* отроку тому имя; въ Переясл.: зане отроку тому имя *Періаславъ*“.

Собственное личное имя *Переяславъ* не встрѣчается ни въ одномъ древне-русскомъ памятникѣ. Очевидно, въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, оно было мало употребительно, а въ періодъ болѣе поздній, въ XIV и XV вѣка, когда писались дошедшіе до насъ списки лѣтописи, оно уже совсѣмъ въ живомъ употребленіи не существовало.

Наоборотъ, глаголъ *перяти* (или *перенятии*) съ вин. пад. прямаго дополненія въ значеніи перехватить, захватить, не разъ встрѣчается въ древне-русскихъ текстахъ, напримѣръ: *перея* власть его всю; *преяша* церковь Дмитрия Печеряне (Лавр. 147, 284); Святоша и Путята *переяста* городъ; Святополкъ *перея* Володимеръ; выжену Изяслава, а волость его всю *переиму;* ту *перея* вѣсть на

---

[1]) Чтеніе Лавр., Радз. и Ак.: „посла князь Мстиславъ братью свою *на* Кривичѣ“ (подъ 1127 г.), болѣе древнее, чѣмъ чтеніе Ип.: „посла... съ братьею своею *многы* Кривичѣ“. Послѣднее произошло отъ того, что во времена переписчика названія племенъ (или народовъ) уже не употреблялись вмѣсто названій областей, странъ, и онъ невѣрно понялъ свой оригиналъ.

тя (Ип. 179, 271, 286 [1]); глаголъ этотъ извѣстенъ и въ современныхъ русскихъ говорахъ, а въ XIV и XV вв. долженъ былъ имѣть значительное употребленіе.

Ясно, переписчики Начальной лѣтописи легко могли сдѣлать изъ непонятнаго для нихъ *Переяславъ* понятное *перея славу* [2]) тѣмъ болѣе, что при чтеніи *Переяславъ* чувствовался недостатокъ въ глагольной формѣ прошед. вр. (сказуемомъ), а при чтеніи *перея славу* нужная для смысла глагольная форма была на лицо. Обратная передѣлка понятнаго *перея славу* на непонятное *Переяславъ* для переписчиковъ едва-ли была возможна.

Такимъ образомъ мы должны отдать предпочтеніе варіанту *Переяславъ* и возстановить это мѣсто лѣтописи въ слѣдующемъ видѣ: „нарече и Переяславль, зане *Переяславъ* отрокъ тъ", назвалъ его Переяславлемъ, такъ какъ отрокъ этотъ—Переяславъ.

Названіе города *Переяславль*, какъ и другія названія того же рода *(Ярославль, Мстиславль)*,—не что иное, какъ прилагательное отъ имени *Переяславъ*.

XI.

„Постави Ярославъ Ларнона митрополитомъ *Русина* въ святѣй Софьи, собравъ епископы" [3]).

Такъ въ Лавр., Радз, и Ак. (подъ 1051 годомъ); въ Ип., Хл. и Погод.: митрополитомъ *Руси*, святой Софьи; въ Переясл.: постави Ярославъ митрополита Иларнона *Рустѣй земли*, въ святѣй Софіи събра епископы; въ 1-й Новгород. лѣт. по Синод. сп.: постави Ярославъ Ларнона *Русина* митрополита.

Наши лѣтописи имѣютъ въ значительномъ количествѣ выраженія въ родѣ: постави митрополитъ епископа Анѳилофія *Володимерю*;

---

[1]) Выраженіе *перея славу* находится въ апокрифическомъ „Исходѣ Моисея", переведенномъ, по всей вѣроятности, въ Руси до-монгольскаго періода (*Тихонравовъ*, Пам. отреченн. рус. литературы, I, 234; *Великія Минеи Четіи*, сентябрь, столбецъ 166).

[2]) Не излишне имѣть въ виду, что слово *Переяславъ* въ древнихъ текстахъ могло писаться съ вынесеніемъ *в* подъ титло: *Переяслав*, что легко можно было прочесть: *Перея славу*.

[3]) Сравни относительно порядка словъ: „поставиша Феоктиста епископомъ Чернѣгову игумена печерьскаго" (Ип. 197); „постановленъ бысть скопецъ Мануило епископомъ Смоленьску, пѣвецъ горазлый" (Ип. 215).

постави Мину *Полотьску*; поставиша Феоктиста епископомъ *Чернигову*; сего же постави митрополитъ епископомъ *Переяславлю* (Лавр. 270, 275, 281). Вслѣдствіе этого переписчики легко могли принять *Русина* за ошибку вмѣсто *Руси* и измѣнить текстъ. Обратное измѣненіе для нихъ едва-ли было возможно, такъ какъ выраженіе: „постави... *Руси*“, было вполнѣ понятно, обычно и не требовало исправленія и такъ какъ въ лѣтописномъ разсказѣ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не указывается на русское происхожденіе Иларіона. Такимъ образомъ варіантъ *Русина* долженъ быть считаемъ за чтеніе оригинала лѣтописи.

XII.

„Самому (Ярославу I) болну сущу и пришедшю Вышегороду, разболѣся вельми, *Изяславу тогда сущю*, а Святославу Володимери, Все(во)лоду же тогда сущю у отца“.

Такъ въ Лавр., Радз., Ак. и 1-й Новгор. лѣт. (подъ 1054 годомъ); въ Ип.: *Изяславу тогда в Туровѣ князящу*; въ Хл. и Погод. *Изяславу тогда сущу въ Туровѣ князящю;* списки Воскресенскаго лѣтописнаго свода имѣютъ: *Изяславу тогда сущю Новѣгородѣ*.

О какомъ городѣ говорилъ оригиналъ лѣтописи? Едва ли мы не должны отвѣтить на этотъ вопросъ такъ: авторъ лѣтописи или умышленно оставилъ пробѣлъ въ своемъ текстѣ (не зная имени этого города и намѣреваясь о немъ спросить у свѣдущихъ людей) или нечаянно пропустилъ слово. Такимъ образомъ варіантъ Лавр., Радз. и Ак. списковъ, на нашъ взглядъ, заслуживаетъ предпочтенія предъ прочими варіантами.

Изъ послѣднихъ, варіантъ: *сущю Новѣгородѣ*, основанъ, очевидно, лишь на догадкѣ составителя лѣтописнаго свода, желавшаго пополнить пробѣлъ; эта догадка могла быть основана, напримѣръ, на такомъ выраженіи 1-й Новгородской лѣтописи: „(по смерти Ярослава) вяя... Изяславъ Кыевъ и *Новъгородъ*“ (стр. 66). Варіантъ: *сущю въ Туровѣ князящю*, самъ выдаетъ свою сравнительную новизну: въ немъ два причастія, изъ которыхъ одно лишнее; онъ произошелъ также отъ желанія одного изъ древнихъ переписчиковъ лѣтописи пополнить пробѣлъ. Его догадка относительно *Турова* основана можетъ быть на томъ обстоятельствѣ, что сынъ Изяслава, Святополкъ, кня-

жилъ въ Туровѣ; можетъ быть на смѣшеніи Изяслава Ярославича съ Изяславомъ Святополчичемъ (ум. въ 1128 г.), который былъ повидимому туровскимъ княземъ, или съ Изяславомъ Мстиславичемъ, о княженіи котораго въ Туровѣ упоминается въ Кіевской лѣтописи (подъ 1132 и 1135 гг.). Третій варіантъ, въ Ип. сп.,—очевидное сокращеніе предъидущаго варіанта.

XIII.

„Азъ же пристроихъ *7 днии рогалие*, ими же копати...“.

Такъ въ Лавр. (подъ 1091 годомъ); въ Ип.: *семь дни рогалия*; въ Хл. и Погод.: *того дни рогалия*; Радз. и Ак.: *7 рогальи*.

Если мы примемъ чтеніе Лавр. списка и переведемъ выписанное мѣсто: „я сдѣлалъ *въ теченіе семи дней лопаты*, которыми копать“, то получится нѣчто несогласное съ подробностями разсказа. Лѣтописецъ разсказываетъ, какъ онъ откопалъ мощи Θеодосія печерскаго. По его словамъ, рѣшеніе откопать ихъ было принято печерскимъ игуменомъ за три дня до праздника Успенія, т. е. 12 августа, и тогда же сообщено лѣтописцу; послѣдній приготовилъ орудія для копанія; мощи были имъ откопаны во вторникъ, а перенесены въ церковь въ четвергъ, 14 августа. Слѣдовательно, лѣтописецъ не могъ дѣлать лопаты въ теченіе семи дней.

Чтеніе Радз. и Ак. списковъ есть какъ-бы осмысленіе непонятнаго переписчикамъ чтенія Лавр. сп.; они вышли изъ затрудненія, опустивъ слово *днии* и соединивъ 7 съ *рогальи*. Послѣдняя форма ими была понимаема какъ форма род. мн [1]).

Чтеніе Хл. и Пог. сп. отличается отъ чтенія Лавр. сп. лишь замѣною слова *семь* словомъ *того*, при чемъ *дни* переписчиками этихъ списковъ было понимаемо какъ форма род. ед. Но всѣ списки, кромѣ этихъ двухъ, согласны въ употребленіи слова *семь*, и принадлежность послѣдняго оригиналу лѣтописи не подлежитъ сомнѣнію.

Остается чтеніе Ип. сп.; его *семь дни* должно быть принято нами за двѣ формы мѣстн. пад. ед.ч. безъ предлога (=въ этотъ день). Сравни: *томь же лѣтѣ* и т. п. (безъ предлога) въ разныхъ древнерусскихъ памятникахъ (особенно часто въ лѣтописяхъ). Оно даетъ прекрасный смыслъ, и изъ него легко объясняются всѣ прочія чтенія.

[1]) Форма имен. ед. *рогалия* жен. р.; *рогалие* (собственно *рогалиѣ*)—форма им. мн.

XIV.

„Предивно бысть Полотьскѣ. Въ мечтѣ ны бываше въ нощи: тутьнъ *станяше* по улици, яко человѣци рищющи бѣси.... по семь же начаша в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди *плотьскыя* и его область; тѣмь и человѣци глаголаху, яко *на явь* бьють Полочаны“.

Такъ въ Лавр. (подъ 1092 годомъ); въ Ип., Хл. и Погод.: у мечьтѣ и в нощи бывши тутенъ *стонаше* полунощи, яко человѣци рыщуть бѣси по улици.... въ Ип.: люди *плотьскыя* и его область.... яко *навье* бьють; въ Хл., и Пог.: *полотьскыя* и его область... яко *на яве* бьють; въ Радз. и Ак.: люди *полоцкиа* и ихъ область... яко *навье* (*навы*) бьють; въ Переясл.: тогда явись мечта въ Полотску; въ нощи всегда стукъ по улици, яко человѣци рищють бѣси... и тіи умо́ряху *Полочанъ*. Они жъ рѣша: из *навей* дѣти насъ емлють.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что оригиналъ лѣтописи имѣлъ *станяше*, а не *стонаше*: первая форма архаическая, уже была непонятна для переписчиковъ XIV и XV вв. и потому легко могла быть ими измѣнена. Точно также, кажется, нельзя сомнѣваться, что въ оригиналѣ лѣтописи читалось *навье* (им. множ.), непонятное для позднѣйшихъ переписчиковъ и потому ими измѣненное.

Вопросомъ остается лишь одно—какъ читать: уязвляху люди *плотьскыя* и его область, или: уязвляху люди *полотьскыя* и его область. Оба чтенія равно неудовлетворительны, такъ какъ *его область* нельзя связать съ предъидущими словами ни грамматически, ни логически [1]). Едва ли *его область* (что читается во всѣхъ нашихъ спискахъ) не есть очень старое искаженіе какого-либо слова, относительно котораго мы не въ состояніи даже сдѣлать предположеніе. Что касается до варіантовъ *плотьскыя* (въ лучшихъ спискахъ) и *полотьскыя*, то второй изъ нихъ легко могъ быть сдѣланъ изъ перваго подъ вліяніемъ упоминанія ранѣе *Полотьска* и позднѣе *Полочанъ* и въ цѣляхъ полученія вполнѣ удовлетворительнаго смысла, но не наоборотъ. Если мы приմемъ во

---

[1]) Слово *область* въ древне-русскихъ текстахъ употребляется обыкновенно въ значеніи отвлеченномъ—власть. Вмѣсто же современнаго конкретнаго значенія области, мы находимъ въ нихъ слово *волость*.

вниманіе, что нечленныя формы прилагательныхъ въ древнихъ текстахъ нерѣдко замѣняются въ позднѣйшихъ спискахъ формами членными, то мы можемъ предположить, что въ оригиналѣ лѣтописи читалось: уязвляху люди *плотьскы*, и что *плотьскы* было употреблено какъ нарѣчіе.

Мы переводимъ приведенное мѣсто такимъ образомъ:

Предивно было въ Полотскѣ. Представлялось [1]) въ ночи: стукъ поднимался (буквально: становится) по улицѣ; какъ люди, скакали бѣсы... Потомъ они начали являться днемъ на коняхъ, и нельзя было видѣть ихъ самихъ, но коней ихъ копыта можно было видѣть. И такъ уязвляли людей тѣлесно... Поэтому люди говорили, что духи [2]) бьютъ Полочанъ.

XV.

„И нача (Всеволодъ Ярославичъ) любити смыслъ юныхъ, съвѣтъ творя съ ними. Си же начаша заводити и негодовати [3]) дружины своея первыя. И людемъ не доходити княже правды. Начаша *ти уни* грабити, людий продавати....“

Такъ въ Лавр., Радв. и Ак. (подъ 1093 годомъ); въ Ип.: и начаша *тиеунъ* его грабити...; въ Хл. и Пог.: *тивони*.

Мы уже говорили, что нечленныя формы прилагательныхъ, находящіяся въ древнѣйшихъ текстахъ, нерѣдко замѣняются въ позднѣйшихъ спискахъ формами членными. Вслѣдствіе этого мы имѣемъ право предположить, что въ оригиналѣ лѣтописи читалось *тиуни*, что могло быть понимаемо и *ти уни* и *тиуни* (отъ *тиунъ*). Одни переписчики поняли въ первомъ значеніи (подъ вліяніемъ предъидущаго упоминанія объ *юныхъ)*, другіе—во второмъ. Едва ли можно сомнѣваться, что авторъ лѣтописи говорилъ здѣсь о *тіунахъ*.

---

[1]) Др.-русское *мечьта*, *мечта*, имѣло болѣе общее значеніе, чѣмъ современныя *мечта*, *призракъ*, *видѣніе*. Мы не переводимъ *ны*: это такъ называемый dat. ethicus.

[2]) О значеніи *навье* см. нашу замѣтку въ *Русск. Филол. Вѣстн.* за 1890 г., № 1.

[3] *Негодовати* съ род. (или дат.)=пренебрегать. См. словари Востокова и Миклошича. Лавр. сп. лѣт. 285.

Мы переводимъ приведенное мѣсто (сохраненное наиболѣе хорошо Лавр. спискомъ) такимъ образомъ:

Онъ началъ любить умъ молодыхъ, совѣтъ держа съ ними. Они же начали увлекать его (къ тому, чтобы) пренебрегать своею старою дружиною [3]. И нельзя (стало) людямъ доходить до княжаго суда. Начали *тіуны* грабить...

А. Соболевскій.

———

———

Начало славянскаго и русскаго книгопечатанія въ XV и XVI вѣкахъ *).

Наше Историческое Общество несетъ на себѣ прежде всего нравственный долгъ обращаться въ своихъ чтеніяхъ къ прошлому—къ древней исторіи и литературѣ, а въ память своего патрона, пр. Нестора лѣтописца—къ исторіи и литературѣ русскаго народа и славянскаго племени, о которомъ сообщаетъ такія интересныя свѣдѣнія древнѣйшая русская лѣтопись, приписываемая Нестору.

Прекрасный поводъ представляется для насъ въ настоящемъ году, въ 29-ую годовщину Общества Нестора лѣтописца соединить эти идеалы древнѣйшаго и достойнѣйшаго русскаго лѣтописца-историка, обратившись къ началу высокаго культурнаго явленія, распространявшагося среди славянъ и русскихъ въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. —къ возникновенію первыхъ типографій и къ появленію первопечатныхъ славянскихъ книгъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ настоящаго года въ Черногоріи отпраздновано было *четырехсотлѣтіе* перваго южно-славянскаго изданія Октоиха—Осмогласника 1493 г., вышедшаго изъ Ободской типографіи, основанной черногорскимъ деспотомъ господаремъ Иво—Черноевичемъ и его сыномъ Джорджіемъ. Я не могу здѣсь останавливаться на этомъ празднествѣ; но позволю себѣ привести отрывокъ изъ прекраснаго стихотворенія Сундечича, талантливаго сербскаго поэта и издателя черногорскаго журнала „Просвјета“,—изъ стихотворенія, посвященнаго четырехсотлѣтію черногорскаго и славянскаго книгопечатанія:

„На свјет највећи културни појав
„*Гутемберг* стопро обрео био,
„И човјечанство правим чудеством

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Общества 19 декабря 1893 г. Въ сербскомъ текстѣ допущены по типографскимъ условіямъ нѣкоторыя неточности въ буквахъ. Ред.

„Појава тога преусрећно:
„Ал' мало прошло,—гле! у Словенству
„Храм први штампи већ диго *Иво*
„На овом голом свештеном вису,
„Да бљесак шири, ка сунце живо!
„И буде чврстим стожером вјери
„У благовјести Божије рјечи,
„Којом се умна разгони тмуша
„И сваки бетег душевни лјечи;
„И буде људском умљу и знању
„Најлакше крило њихова лета
„Које их носи у накрст земље
„До у најдаљи угао свјета".

Эти мѣткія слова Сундечича, вызванныя славнымъ Ободскимъ празднествомъ, вполнѣ оправдываются, если мы припомнимъ хотя немногія и самыя выдающіася явленія въ распространеніи великаго типографскаго дѣла по Европѣ и въ частности среди славянъ. Въ Майнцѣ, въ 1450 году появилась первая печатная книга, вышедшая изъ типографіи славнаго изобрѣтателя книгопечатанія Гутенберга. Чтобы судить о томъ, какъ медленно распространялось книгопечатаніе въ Германіи, укажемъ на Аугсбургъ и Нюренбергъ, особенно извѣстные города въ лѣтописяхъ нѣмецкаго книгопечатанія, въ которыхъ типографіи явились только черезъ 20 лѣтъ послѣ Майнца. Въ Гамбургѣ типографія является въ 1491 г., а въ Тюбингенѣ—въ 1498 г. Въ Италіи, перенявшей у Германіи славу въ исторіи развитія и усовершенствованія типографскаго дѣла въ XV и XVI вв., типографіи являются съ 1467 г.,—ранѣе, чѣмъ во Франціи (Парижская типографія 1470 г.), а въ Лондонѣ съ 1480 г.—позднѣе, чѣмъ у чеховъ (въ Пильзенѣ уже въ 1478 г.). Даже церковно-славянское книгопечатаніе явилось раньше въ Краковѣ столицѣ Польскаго королевства, въ 1491 г. и въ Черногоріи въ 1493 г., чѣмъ напр. въ Испаніи, въ Мадридѣ, въ 1499 г. Поэтому неудивительно, что въ своемъ поступательномъ движеніи по Европѣ книгопечатаніе появилось въ Москвѣ только около 1553 г., а напр. въ Кіевѣ первая типографія появилась лишь въ XVII ст., въ 1616 г Триддать лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ вспоминали трехсотлѣтіе русскаго книгопечатанія, со времени выхода первой книги изъ московской типографіи съ годомъ 1563—64. Однако, если при-

нять во вниманіе, что нѣкоторые славяне печатали свои книги въ иноземныхъ городахъ (напр. сербы и чехи въ Венеціи, поляки въ Германіи и во Франціи) и что книги назначились по преимуществу для извѣстной народности, то придется начало русскаго книгопечатанія перенести не только на виленскія и пражскія изданія Скорины 1517—25 гг., но и на краковскія изданія Фѣоля 1491 г., о чемъ мы еще скажемъ далѣе. Такимъ образомъ, начало церковно-славянскаго книгопечатанія для русскаго народа относится къ 1491 г. и возникаетъ въ предѣлахъ Польскаго королевства, въ столицѣ Краковѣ, а для южныхъ славянъ—въ Черногоріи въ 1493 г. Однако вопросъ о началѣ книгопечатанія у славянъ относится къ числу трудныхъ вопросовъ, поэтому неудивительны такія разногласія въ этомъ вопросѣ, какъ напр., кому отдать честь первенства въ этомѣ дѣлѣ, для кого изъ славянъ печаталъ книги въ Краковѣ Фѣоль, для кого въ Ободѣ или въ Цетиньѣ явилась первая черногорская типографія, и проч. Если въ славянской научной литературѣ существовали и существуютъ нѣкоторыя разногласія по вопросу о первоначальномъ книгопечаніи, то въ западно-европейской литературѣ по исторіи книгопечатанія встрѣчаются нерѣдко и вполнѣ недостовѣрныя свѣдѣнія. Такъ, въ замѣчательныхъ нѣмецкихъ трудахъ по исторіи европейскаго книгопечанія Фалькенштейна, Фаульмана и др. находимъ такія ошибочныя указанія какъ появленіе первой русской типографіи въ 1493 г. въ Черниговѣ, и т. п. Одинъ изъ нѣмецкихъ изслѣдователей вполнѣ основательно поставилъ знакъ вопроса при этомъ указаніи и высказалъ удивленіе, какъ могло такъ рано появиться книгопечатаніе въ Россіи. Черногорская газета „Глас Црногорца“ основательно замѣтила недавно, что ошибочное приписываніе чести открытія первой славянской типографіи—русскому городу Чернигову произошло отъ смѣшенія Черной горы и Черноевича съ Черниговымъ.

Благодаря ревностнымъ разысканіямъ славянскихъ и особенно русскихъ библіографовъ, мы имѣемъ теперь многочисленныя и прекрасныя собранія церковно-славянскихъ старопечатныхъ книгъ, которыя красуются въ открытыхъ витринахъ въ Императорской Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ и въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, а благодаря научнымъ изслѣдованіямъ мы можемъ представить интересную историческую картину возникновенія и развитія этого великаго дѣла у славянъ.

Книгопечатаніе явилось среди славянъ изъ Германіи и Италіи. Отъ XV в. до насъ дошли церковно-славянскія книги, напечатанныя въ Краковѣ, въ 1491 г. и въ Черногоріи, въ Ободѣ, въ 1493 г. Краткія послѣсловія нѣсколькихъ богослужебныхъ церковно-славянскихъ книгъ, напечатанныхъ въ Краковѣ, повторяютъ одно и тоже, что книги эти окончены печатаніемъ въ 1491 г., въ Краковѣ, при королѣ польскомъ Казимірѣ, краковскимъ мѣщаниномъ Швайпольтомъ Фѣоль „из нѣмецъ" нѣмецкаго роду Франкъ. Затѣмъ интересные акты XV в. объясняютъ намъ, что Фѣоль заказывалъ „русскія буквы" (russische Buchstaben) нѣмецкому мастеру Рудольфу Бурсдорфу изъ Брауншвейга, а въ книгахъ Фѣоля мы находимъ замѣчательныя черты русскаго правописанія и языка, упоминанія о русской грамотѣ и о русскихъ святыхъ; особенно интересно подробное упоминаніе о св. Петрѣ, митр. московскомъ, и друг. Этими очевидными отношеніями краковскихъ изданій 1491 г., съ одной стороны къ нѣмецкому искусству, съ другой къ русскому народу и къ русскимъ богослужебнымъ книгамъ, легко устраняются неосновательныя предположенія нѣкоторыхъ ученыхъ о томъ, что краковскія изданія предназначались для болгаръ, которые, замѣтимъ, не имѣли типографій и въ XVII в., или для угровлаховъ. Не угровлахійскія изданія на средства господарей Бѣгнера, Влады, Бассарабъ, отличаются грубымъ шрифтомъ и являются только въ началѣ XVI в. Судя по шрифту, по послѣсловіямъ, угровлахійскія изданія ближе всего къ южно-славянскимъ и составляютъ какъ бы слабую копію черногорскихъ, между тѣмъ какъ изданія Фѣоля имѣютъ продолженіе въ русскихъ же изданіяхъ Скорины. Изданія Фѣоля и Скорины отражаютъ на себѣ въ значительной степени вліяніе нѣмецкаго искусства, тогда какъ южно-славянскія изданія развивались исключительно подъ итальянскимъ вліяніемъ.

Въ концѣ XV в., когда Италія занимаетъ самое видное мѣсто въ европейской цивилизаціи, когда въ одной Италіи болѣе типографій и болѣе изданій, чѣмъ въ остальной Европѣ, Венеція получаетъ особенное значеніе въ развитіи типографскаго искусства. Имя Андрея Торесанскаго изъ Азулы, а еще болѣе его зятя Пія Мануція Альда пріобрѣтаютъ громкую извѣстность въ Европѣ, благодаря введенію прекрасныхъ и разнообразныхъ шрифтовъ греческихъ и латинскихъ, роскошныхъ заставокъ и заглавныхъ буквъ. Эти litterae antiqua tonda, litterae florentes получаютъ славу во всей Европѣ XV—XVI вв. Ихъ можно видѣть и въ черногорскихъ изданіяхъ 1493—95 гг.

въ видѣ большихъ буквъ, въ рамахъ, наполненныхъ точками цвѣтами, плодами, въ видѣ чудесныхъ заставокъ съ ангелами, поддерживающими гербъ Ивана Черноевича. Превосходная орнаментація въ стилѣ итальянскаго возрожденія представляется также въ венеціанскомъ изданіи молитвослова сербомъ Божидаромъ Вуковичемъ, въ 1520 г.

Есть указаніе, что Andreas de Thoresanis de Asula напечаталъ въ Венеціи въ 1493 г. Breviarium Slavicum, который находился въ Нюрнбергской библіотекѣ въ XVIII в., по печатному описанію ея въ 1786 г., но затѣмъ исчезъ изъ библіотеки такъ что теперь можно только догадываться, что это былъ глаголическій часословъ или служебникъ. Для объясненія итальянскаго вліянія на южно-славянское книгопечатаніе гораздо важнѣе другое извѣстіе, что знаменитый черногорскій воевода Иванъ Бегъ, Иво Черноевичъ, тщетно отыскивая помощи противъ турокъ, жилъ въ Венеціи въ 80-хъ годахъ и, не найдя этой помощи, воротился на родину, въ Черногорію. Здѣсь въ Ободѣ онъ и основалъ первую южно-славянскую типографію, а, можетъ быть, и первую славянскую типографію ранѣе краковской, такъ какъ въ 1486 г. знаменитый защитникъ черногорской независимости перенесъ столицу въ Цетинье, въ которомъ является также печатное изданіе 1495 г. Затѣмъ мы не имѣемъ дальнѣйшихъ слѣдовъ черногорскаго книгопечатанія и видимъ уже развитіе южнославянскаго книгопечатанія въ Венеціи въ знаменитой типографіи Божидара Вуковича, а позднѣе и въ разныхъ мѣстахъ у сербовъ. Но до появленія сербскихъ венеціанскихъ изданій обращаютъ на себя вниманіе угровлахійскія церковно-славянскія книги съ начала XVI в. Церковно-славянское книгопечатаніе въ Угровлахіи, употреблявшей въ церковномъ богослуженіи чуждый славянскій языкъ до XVIII в., развивалось слабо. По всей вѣроятности и книгопечатниками въ Угровлахіи являлись природные южно-славяне, какъ напр. въ 1547 г. въ столичной Терговищской типографіи трудились надъ печатаніемъ Апостола сербы — внукъ Божидара „съ ученикы". Мы уже упоминали и о сходствѣ угровлахійскихъ изданій съ южно-славянскими. Послѣ угровлахійскихъ изданій по времени слѣдуютъ прекрасныя русскія изданія въ чешской Прагѣ, съ 1517 по 1520 г., совершонныя „знаменитымъ докторомъ въ лекарскихъ наукахъ, какъ онъ самъ называетъ себя, Францискомъ (или по русски Юріемъ, Георгіемъ) Скориною изъ града Полоцка", который перенесъ свою типографію изъ Праги въ Вильну около 1525 г. Въ изданіяхъ Скорины, кромѣ его искусства, проявляется еще влія-

ніе чешскаго и нѣмецкаго типографскаго дѣла и гравированія. Но кромѣ того въ направленіи типографской дѣятельности Скорины, получившаго образованіе въ Краковскомъ университетѣ, отразилось вліяніе Фѣоля, который однако не могъ продолжать печатанія церковно-славянскихъ книгъ въ Краковѣ послѣ суда надъ нимъ въ 1492 г. по обвиненію въ ереси. Послѣ Кракова Скорина—этотъ первый русскій ученый—завершилъ свое медицинское образованіе въ Италіи, гдѣ получилъ степень доктора, проживалъ въ Германіи и въ Чехіи и здѣсь въ Прагѣ на средства богатыхъ согражданъ основалъ типографію и издалъ переводъ библіи съ чешскаго при помощи нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ книгъ и въ томъ числѣ Фѣолевскихъ. Но русское книгопечатаніе, такъ блистательно проявившееся въ дѣятельности Скорины, прервалось въ Вильнѣ при самомъ началѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Такъ и возникшее въ 1553 г. книгопечатаніе въ Москвѣ, быть можетъ, не безъ вліянія Скорининской виленской типографіи, выразилось въ свою очередь въ нѣсколькихъ изданіяхъ 1564, 1565 г. и также прервалось. Только уже съ конца XVI в. получило оно широкое и правильное развитіе какъ съ сѣверо-восточной Руси, такъ и въ юго-западной. Между тѣмъ извѣстный воевода Божидаръ Вуковичъ изъ Подгорицы около 1519 г. завелъ славянское книгопечатаніе въ Венеціи, которое шло развиваясь непрерывно въ теченіе всего XVI в. Прекрасныя въ типографскомъ отношеніи венеціанскія изданія церковно-славянскихъ книгъ Божидара Вуковича назначались не только для сербовъ, но и для болгаръ. Мы не будемъ останавливаться на другихъ сербскихъ типографіяхъ, которыя явились въ XVI в. въ Гораждѣ, въ Руянѣ, въ Милешевѣ, въ Бѣлградѣ. Въ послѣднемъ типографія появляется въ одно время съ Московской.

Имѣя въ виду изложить въ самыхъ краткихъ словахъ исторію возникновенія славянскаго и русскаго книгопечатанія, мы остановимся теперь на общихъ чертахъ его. Это начальное славянское книгопечатаніе совсѣмъ не похоже на наше современное, уже чисто техническое, дѣло, когда въ типографіяхъ работаютъ паровыя машины. Намъ надо перенестись мысленно въ тотъ отдаленный вѣкъ, когда въ убогой, на нашъ взглядъ, типографіи новаго подвижника XV в. стояли деревянные, ручные станки, когда этотъ энтузіастъ славнаго, благороднаго и полезнаго дѣла, съ великой будущностью, но съ несовершенствами недавно сдѣланнаго изобрѣтенія, былъ нерѣдко въ одно и тоже время

писцомъ и исправителемъ рукописей для печатанія и издателемъ ихъ, словолитейщикомъ и наборщикомъ, печатникомъ и книгопродавцемъ. Этотъ типографщикъ XV в. со своимъ несовершеннымъ еще искусствомъ соперничалъ съ установившимся уже вѣками промысломъ писцовъ, которые пользовались всякимъ довольствомъ и покоемъ въ монастыряхъ и у знатныхъ и богатыхъ лицъ. Печатная книга пришла на смѣну рукописи, и вотъ почему на первыхъ порахъ мы видимъ въ исторіи книгопечатанія вражду писцовъ къ новому дѣлу и неудачи первыхъ типографщиковъ. Остановимся прежде всего на отношеніи первопечатныхъ книгъ къ рукописямъ.

Старопечатная славянская книга стоитъ въ самомъ близкомъ отношеніи съ современными ей рукописями: въ ней, какъ и въ послѣднихъ, нѣтъ заглавныхъ листовъ, нѣтъ счета по страницамъ; шрифтъ схожъ съ рукописными буквами и отличается только, при внимательномъ разсматриваніи, выдержанной правильностью и постоянствомъ; въ книгѣ встрѣчаемъ и заставки и послѣсловія, какъ въ рукописяхъ. Мало того, старопечатная книга выходитъ изъ-подъ типографскаго станка также медленно, какъ рукопись изъ-подъ руки писца. Въ Ободской типографіи 1493 г. восемь человѣкъ въ продолженіе цѣлаго года напечатали только 269 листочковъ одной книги, а въ Москвѣ въ 1564 г. 267 листочковъ печатались $10^1/_2$ мѣсяцевъ; да столько же времени уходило на приготовленіе рукописи къ печати, на ея исправленіе. Но такъ было и во всей Европѣ: латинскія, нѣмецкія, французскія и славянскія инкунабулы, первопечатныя книги, воспроизводятъ рукописи такъ близко, что на первый взглядъ трудно отличить печатную книгу отъ рукописной. Въ пражской чешской Псалтыри 1487 г издатели предупреждаютъ своихъ читателей, что эта Псалтырь не перомъ написана, не писцомъ приготовлена, а отпечатана особыми вырѣзанными буквами и со всей тщательностью оттиснута: „Gsû knijehy tyto ne perem psany, ani obyczegem obecznіem skrze piesarze zpûosobeny, ale rytymi na twrdem komu litterami welmi wtipnym biehem vćynieny a vytiskany“.

Въ сербскомъ Четвероевангеліи 1562 г. типографщикъ инокъ Мардарій говоритъ въ послѣсловіи—„рукодѣлисахь сіа слова от желѣза и меди съ вѣликымь трудомь и подвыгомь“. Московскіе первопечатники также называютъ свою печать—„печатные письмены“. Связь церковно-славянской старопечатной книги XV и начала XVI в. отра-

жается не только въ буквахъ, въ ихъ формѣ и видѣ, въ ихъ расположеніи, но и въ другихъ внѣшнихъ сходствахъ. Безъ заглавнаго листа первопечатная книга, какъ и всякая выдающаяся рукопись, начинается заставкой, подъ которой помѣщается краткое заглавіе или всей книги, или первой части, безъ упоминанія объ обстоятельствахъ изданія и имени издателя; затѣмъ тотчасъ же слѣдуетъ текстъ, заканчивающійся послѣсловіемъ. Мало того, подобно списателямъ въ рукописныхъ послѣсловіяхъ, которые начиная съ XI ст. просили извиненія у читателей за свои ошибки: „чтите исправляя Бога дѣля, а не кляните", издатели старопечатной книги, также просятъ у читателей прощенія за свои ошибки и предлагаютъ преписующимъ исправлять ихъ книги, при чемъ постоянно указывается, что книга написана такимъ то, послѣ чего уже упоминается и имя трудившагося рукодѣліемъ, т. е. типографщика. Приведемъ хотя нѣкоторые отрывки изъ этихъ послѣсловій, начиная съ черногорскаго изданія 1493 г. Гюргій Черноевичъ, воевода Зети, скорбѣлъ объ умаленіи св. книгъ, когда постигла южныхъ славянъ „исмаильтьска железна палица"; эти измаилиты (онъ не хочетъ назвать открыто турокъ) разрушили церкви, расхитили книги. Я не буду приводить здѣсь прекрасныхъ и обширныхъ предисловій Скорины къ отдѣльнымъ книжкамъ Библіи, въ которыхъ онъ не только объясняетъ содержаніе и значеніе Библіи, пользуясь комментаріями на Библію, но и высказываетъ свою любовь къ народу русскому, къ поднятію его въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Почти за 100 лѣтъ до заведенія въ юго-западной Руси схоластической школы, Скорина говоритъ о значеніи этой науки, принятой въ его время въ Европѣ. Патріотизмъ Скорины прекрасно выражается въ слѣдующихъ словахъ: „понеже от прироженія звери ходящіе въ пустыни знають ямы своя, птицы летающіе по воздуху ведають гнезда своя, пчелы и тымъ подобная боронять ульевъ своихъ такожъ и люди, игде зродилися и ускормлены суть побозе, к тому месту великую ласку имають"; „такожъ и мы, братія, не можемли во великихъ послужити посполитому люду русскаго языка, сие малые книжки праци нашее приносимо имъ"; „нетолико сами себе народихомся на свет, но болѣе ко службѣ Божиеи и посполитого доброго". Не будемъ продолжать любопытныхъ выписокъ изъ предисловій этого замѣчательнаго русскаго человѣка начала XVI в., перваго русскаго ученаго, перваго доктора въ лекарскихъ наукахъ, перваго типографщика, жиз-

ни и дѣятельности котораго мы посвятили уже особое изслѣдованіе въ 1888 году. Продолжимъ еще нѣкоторыя характеристическія выдержки изъ послѣсловій. Воевода Божидаръ Вуковичъ подгоричанинъ разсказываетъ, какъ онъ задумалъ печатать церковно-славянскія книги въ Венеціи „въ велицѣй тузѣ и печали въ Италійскыхь странахь не могый изыти въ отечествы своемъ, понеже видѣхъ попираемый родъ христіанскый отъ Измаильтенъ". Назначая свои книги для южныхъ славянъ, подвластныхъ Турціи, Божидаръ робко называетъ ихъ Измаилтянами и въ концѣ послѣсловій отмѣчаетъ: „тогда же восточные начельствующю и область дрьжещоу великому Амирѣ султанъ Селимъ-Бегу". Божидаръ Вуковичъ не давалъ „ни сна своима очима", не щадилъ имѣнія своего на божественное дѣло—изданіе церковно-славянскихъ книгъ въ „мирославствующемъ градѣ Венетіани" и все для того, чтобы „изнести въ свое отечествіе" эти печатныя книги. Я считаю здѣсь умѣстнымъ вставить и любопытный разсказъ извѣстнаго ученаго инока, русскаго писателя XVI в., Максима Грека, который еще до заведенія въ Москвѣ типографіи передавалъ московскимъ знатнымъ боярамъ, интересовавшимся венеціанскими изданіями Альдовъ Мануціевъ, слѣдующее (это происходило приблизительно въ 20—30 годахъ XVI ст., лѣтъ за двадцать до заведенія типографіи въ Москвѣ): „велелъ еси мнѣ, пишетъ Максимъ Грекъ, князь государь мой Василій Михайловичъ сказати тебѣ что есть толкъ знаменію, его же видѣлъ еси въ книзѣ печатнѣй? Слышижъ внятно. Въ Венеціи былъ нѣкый философъ, добрѣ хытръ; имя ему Алдусъ, а прозвище Мануціусъ, родомъ фрязинъ, отечествомъ римлянинъ вѣтхого Рима отрасль; грамотѣ и по римскы и по греческы добрѣ гораздъ. Я его зналъ и відѣлъ въ Венеціи и къ нему часто хаживалъ книжнымъ дѣломъ; а я тогда еще молодъ, въ мирьскихъ платьяхъ. Тотъ Алдусъ Мануціусъ римлянинъ по своей мудрости замыслилъ себѣ таково премудрое замышленіе [1]) вспоминая притчею сею всякому и властелю, и невѣже, како мочно имъ будетъ получити вѣчный животъ, аще истинною желаютъ ему. И якоремъ убо являетъ утвержденіе и крѣпость вѣры; рыбою жъ душу человѣчью. И учитъ насъ притчею сею и говоритъ: какъ якорь желѣзенъ крѣпитъ и утвръжаетъ корабль въ море и из-

[1]) Рѣчь идетъ о типографскомъ гербѣ Альдовъ, якорѣ, около котораго обвивается дельфинъ (старинные типографщики имѣли каждый собственный гербъ, марку, часто символическаго характера).

бавляетъ его отъ всякыя бѣды морскыхъ влъненій и обуреваній, тако деи и страхъ Божій нелицемѣренъ", и проч.

Особенно трогательна повѣсть изъ послѣсловій XVI в. московскаго книгопечатника Ивана Өедорова Москвитина при львовскомъ Апостолѣ 1574 г., въ которой онъ разсказываетъ, какъ ушелъ изъ Москвы презѣльнаго ради озлобленія, какъ терпѣлъ скорби и бѣды и въ юго-западной Руси и не могъ заниматься „сѣменъ сѣяньемъ" вмѣсто того, чтобы слѣдовать своему таланту „духовная сѣмена по вселенной разсѣвати" печатнымъ дѣломъ. Въ послѣсловіи къ московскому Апостолу 1564 г. Иванъ Өедоровъ и Петръ Мстиславецъ (вѣроятно, выходецъ изъ великаго княжества Литовскаго, куда и направился послѣ удаленія изъ Москвы) объясняютъ, почему царь Иванъ Васильевичъ и митр. Макарій покровительствовали возникновенію печатнаго дѣла: книги рукописныя испорчены переписчиками. Это дѣло—исправленіе церковныхъ книгъ, обострившееся при патр. Никонѣ и связанное съ возникновеніемъ раскола, вызвало появленіе и типографіи въ Москвѣ. Вышеприведенныя выдержки знакомятъ насъ нѣсколько съ личностями первыхъ славянскихъ и русскихъ типографщиковъ. Это были люди всецѣло преданные своему дѣлу, въ которомъ не было раздѣленія труда. Многіе изъ этихъ первопечатниковъ должны были заботиться и о выборѣ рукописныхъ буквъ для отливки новаго шрифта и о выборѣ рукописей для печатанія, объ ихъ исправленіи, о послѣсловіяхъ, о самомъ печатаніи. Только покровительство высокопоставленныхъ и богатыхъ лицъ поддерживало на время ихъ дѣло, если только не задумывали начало книгопечатанія сами, или стоявшіе во главѣ управленія знатные люди. Неблестящая и отчасти печальная судьба Гутенберга отражалась нерѣдко на его подражателяхъ. Мало того, нѣкоторые изъ первопечатниковъ окружались легендой, являлись чернокнижниками; нерѣдко подрывъ дѣятельности являлся и со стороны корыстныхъ сотоварищей по печатному дѣлу. А между тѣмъ въ XV и въ XVI вѣкахъ (до 70-хъ годовъ) славянское и русское книгопечатаніе исключительно посвящено церковнымъ и душеспасительнымъ книгамъ; многіе изъ славянскихъ и русскихъ книгопечатниковъ были духовными лицами и монахами. Кромѣ богослужебныхъ книгъ, особенно громадное значеніе и въ Европѣ и у славянъ имѣло изданіе Библіи какъ на латинскомъ языкѣ, такъ и на народныхъ языкахъ Европы. Эта печатная европейская Библія вызвала въ сѣверовосточной Россіи въ

концѣ XV в. великое дѣло архіеп. новгор. Геннадія, составившаго первую извѣстную намъ теперь славянскую Библію при помощи латинской печатной Библіи и старыхъ церковно-славянскихъ переводовъ многихъ, но не всѣхъ библейскихъ книгъ. Спустя 80 лѣтъ эта Геннадіевская библія была отпечатана съ нѣкоторыми измѣненіями въ Острогѣ въ типографіи князя Константина Константиновича Острожскаго, затѣмъ въ Москвѣ въ 1663 г., дошла и до насъ съ исправленіями. Опытъ Скорининскаго перевода Библіи съ чешской и изданіе ея въ печати былъ вытѣсненъ этой Геннадіевской библіей со времени ея началанія въ Острогѣ. Библія въ XV и XVI вв. представляла самое высокое дѣло для книгопечатанія, оттого мы встрѣчаемъ такъ много изданій ея. Стоитъ только припомнить чешскія библіи, назначавшіяся не только для всѣхъ славянъ, библію Лютера въ великолѣпныхъ изданіяхъ, ученыя полиглотты съ латинскими комментаріями, чтобы понять, какое высокое дѣло, вызывавшее высшій энтузіазмъ и безкорыстную могучую дѣятельность, представлялось въ XV—XVI вв. въ печатаніи Библіи, въ распространеніи ея по Европѣ. Латинскія и нѣмецкія печатныя библіи уже около 1490 года доходятъ до Новгорода.

Итакъ, первопечатныя славянскія и русскія книги относятся, главнымъ образомъ, къ церковнымъ книгамъ, это Осмогласники — Октоихи, Часословы, Минеи и Тріоди, Евангелія, Псалтыри, и проч. Сербскіе первопечатники жалуются на истребленіе церковно-славянскихъ книгъ отъ турецкихъ раззореній; русскіе книгопечатники указываютъ на порчу рукописныхъ книгъ невѣжественными переписчиками, и всѣ ждутъ отъ книгопечатанія великой пользы для церкви. Дѣйствительно, если мы сравнимъ рукописи съ печатными книгами, то увидимъ, что рукописные списки одного и того же оригинала расходятся въ отдѣльныхъ чтеніяхъ, между тѣмъ какъ печатные оттиски всѣ какъ одинъ оригиналъ; приготовленіе ихъ легче и занимаетъ несравненно меньше времени; въ одинъ годъ по старинному способу можно было однако приготовить нѣсколько сотъ книгъ. Церковно-славянскія книги расходились по всему православному славянству. Съ успѣхами книгопечатанія книга все болѣе удалялась отъ рукописи, и уже у Скорины мы видимъ въ этомъ отношеніи значительный успѣхъ: въ нѣкоторыхъ его книгахъ мы видимъ и заглавные листы, и счетъ по страницамъ, и раздѣленіе словъ. Въ этихъ успѣхахъ, какъ и въ самомъ началѣ славянскаго и русскаго книгопечатанія, надо

видѣть и вліяніе европейскаго искусства и самостоятельные опыты. Различныя отношенія славянскихъ и русскихъ типографій къ иностраннымъ видны уже изъ типографской терминологіи. Итальянскія названія отражаются не только у сербовъ, но и въ Москвѣ. Такъ черногорскіе первопечатники въ XV в., какъ и московскіе въ XVI, называютъ печатаніе—штампой, книги штампане: итальян. stampa; Сербы называютъ еще буквы—типари по гречески, какъ и названіе типографія, что объясняется присутствіемъ въ XV в. въ Венеціи множества грековъ, которые послѣ паденія Константинополя перенесли въ Италію плоды своей образованности. Венеція въ это время дѣлается центромъ греческой и славянской типографской дѣятельности. Въ XVI в. здѣсь печатаютъ свои книги чехи, сербы и болгары. Изъ Италіи, вмѣстѣ съ такими мастерами какъ Аристотель Фіоравенти и друг., прибываютъ въ Москву и итальянскіе мастера; и вотъ, въ московскомъ печатномъ дѣлѣ встрѣчаемъ такіе термины, какъ штамба, тимпанъ (рама), тередорщикъ (печатникъ tiratore, батырщикъ battitore) и проч. Между тѣмъ въ юго-западной Руси XVI в. распространяются нѣмецкіе термины: друкарня, друковать, варстатъ, друкарскій; только Скорина употребляетъ больше выраженій чешскихъ: тиснути вм. друковать. Когда мы говоримъ о вліяніи иностраннаго книгопечатанія на славянское и русское, мы должны не забывать также о славянской и русской самодѣятельности. Конечно, нехитрые въ то время еще приборы книгопечатанія заимствовались у иностранцевъ, но характеръ буквъ и украшеній принадлежалъ искусству славянъ и русскихъ. Среди первопечатныхъ шрифтовъ можно отличать первоначальные отъ подражательныхъ. Къ числу первоначальныхъ оригинальныхъ шрифтовъ принадлежатъ: Фѣоля, черногорскія, Скорины и первыя угровлахійскія; остальные шрифты и украшенія печатныхъ книгъ представляютъ въ большей или меньшей мѣрѣ подражанія первоначальнымъ славянскимъ типографіямъ. Поэтому и въ исторіи славянскаго и русскаго книгопечатанія должны имѣть особенное значеніе годы 1491, 1493 и 1517 и имена Фѣоля, Ивана Черноевича и Скорины, русскихъ и сербскихъ первопечатниковъ. Это дѣло было общимъ для всѣхъ православныхъ славянъ.

Первопечатныя церковно-славянскія книги расходились по всѣмъ далекимъ окраинамъ славянскаго міра и служили цѣлямъ духовнаго единенія въ новомъ культурномъ явленіи. Скромный черногорскій

праздникъ въ іюлѣ настоящаго года служилъ лучшимъ подтвержденіемъ этого вѣрнаго факта, который не требуетъ ни пышныхъ измышленныхъ фразъ, ни ложнаго отыскиванія въ исторіи современныхъ отношеній. Первые шаги церковно-славянскаго книгопечатанія, хотя и въ слабой степени, но напоминаютъ другое великое и болѣе древнее дѣло изобрѣтенія славянскихъ письменъ, связанное съ началомъ славянской и русской литературы. Книгопечатаніе послужило къ дальнѣйшему развитію этого дѣла. Вотъ почему такъ интересно начало славянскаго и русскаго книгопечатанія и такъ достойно воспоминаній, какія уже посвящались этому дѣлу въ Москвѣ въ 1864 г. по поводу выхода первой печатной книги и въ Черногоріи въ настоящемъ году.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. О краковскихъ изданіяхъ Фѣоля 1491 г. *).

Замѣчательныя изданія Фѣоля 1491 г., какъ и вопросъ о личности ихъ издателя, все еще представляются спорными. Въ изслѣдованіи о „Докторѣ Франциск Скоринѣ“, (Спб. 1888 г., стр. 21 и далѣе) я указывалъ на *русское* происхожденіе изданій Фѣоля. Но проф. А. И. Соболевскій въ критической статьѣ, посвященной моему изслѣдованію (Журн. Мин. Нар Пр., часть CCLIX, отд. 2, стр. 331—332), снова выступилъ съ мнѣніемъ о молдавскомъ или средне-болгарскомъ происхожденіи изданій Фѣоля. „Мы считаемъ позволительнымъ догадываться, говоритъ проф. Соболевскій, что этотъ заказъ (изданій Фѣоля) былъ сдѣланъ ему отъ одного изъ молдавскихъ господарей или бояръ. По крайней мѣрѣ, тотчасъ за изданіями Фѣоля съ текстами молдавской редакціи послѣдовали несомнѣнно молдавскія изданія (Евангеліе) Вегнера изъ Брашова конца XV или начала XVI в. и др.. а въ ближайшихъ къ Кракову мѣстахъ Южной Руси книгопечатаніе получило начало только съ прибытіемъ туда „москвича Ивана Ѳедорова“ (слѣд. около 1575 г.). Такимъ образомъ для „москвича Ивана Ѳедорова“ забытъ и Скорина 1517—1525 гг. и другіе западно-русскіе печатники до Ивана Ѳедорова. Я имѣлъ случай доказать связь изданій Скорины съ изданіями Фѣоля (изслѣдованіе о Скоринѣ, стр. 81—82), съ памятниками южно русской письменности, съ чѣмъ отчасти согласился со мной проф. Соболевскій (стр. 331). Но я не вижу никакой необходимости въ предположеніи о заказѣ Фѣолю молдавскихъ господарей или бояръ. Изданія Фѣоля въ типографскомъ отношеніи разнятся отъ изданій молдовлахійскихъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ южно-славянскимъ. Затѣмъ заказъ Фѣоля объ отливкѣ „русскихъ буквъ“ по извѣстному договору его съ Рудольфомъ Борсдорфомъ указываетъ на цѣль изданія. Наконецъ особенности языка и нѣкоторыя подробности въ изданіяхъ Фѣоля убѣждаютъ въ ихъ назначеніи для русскихъ людей, жив-

*) Эта статья „О краковскихъ изданіяхъ Фѣоля 1491 г.“ была первоначально написана для сообщенія въ Филологическомъ обществѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ и доложена мною въ засѣданіи 11 марта 1888 г. (см. напр. „Церковныя Вѣдомости, издаваемыя при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ“ 1888 года № 15, стр. 426—427; здѣсь изложено вкратцѣ содержаніе моего сообщенія).

шихъ въ Польшѣ, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ,—въ юго-западной Россіи.

Остановимся на этихъ особенностяхъ изданій Фѣоля. Начну съ „Часословца", о которомъ я уже сообщилъ нѣсколько данныхъ въ изслѣдованіи о Скоринѣ (стр. 25 и д.). Къ этимъ даннымъ я прибавлю еще слѣдующія. Въ болгарскихъ и молдавскихъ рукописяхъ, а позднѣе въ печатныхъ изданіяхъ, нѣтъ ни памятей русскихъ святыхъ (если и встрѣчаются, то рѣдко и только нѣкоторыя), ни нѣкоторыхъ праздниковъ (напр Покрова Богородицы—1-го октября, Перенесенія мощей св. Николая—9-го мая); наоборотъ, въ русскихъ рукописяхъ и изданіяхъ отсутствуютъ такіе встрѣчающіеся въ южно-славянскихъ мѣсяцесловахъ святые, какъ: 29-го окт. Арсеній Сербскій, 19-го окт. Іоаннъ Рыльскій, 21-го окт. Іоаннъ Меглинскій, 4 го янв Савва Сербскій, 13-го февр. Сумеонъ Сербскій, 16-го авг. Іоакимъ Сарандопорскій Всѣхъ этихъ святыхъ нѣтъ и въ изданіяхъ Фѣоля, въ частности—въ его Часословцѣ; и въ тоже время упомянуты не только Покровъ Богородицы, Перенесеніе мощей св. Николая, св. Борисъ и Глѣбъ, в. кн. Володимеръ, преп. Θеодосій Печерскій, но даже приведена подробная память 20-го декабря о преставленіи митрополита Петра всея Руси. Вотъ эта замѣчательная память: „Въ тъи днь (20 дек.) преставися. преосщеныи митрополить, петръ всея роуси. въ г҃ час. нощи влѣто ѕ҃ тысѧща. ѿлд҃. пасъ црковь бію лѣть мг҃ и мць. ѕ҃ и положень бы. въ градѣ москвѣ. въ црькви оуспенья стя бца, юже сам създаль. и подають исцѣленія чьстныя его мощи приходящим, съ вѣрою и до сего дни". Мансветовъ въ извѣстномъ своемъ изслѣдованіи о митр. Кипріанѣ (73 стр.) указалъ, что эта память составлена впервые митр. Кипріаномъ въ началѣ XV в, который написалъ и житіе митр. Петра, хотя послѣдній причтенъ къ лику святыхъ еще въ 1339 г., при митр. Θеогностѣ. Подобную же память со всѣми подробностями, какъ у Фѣоля, находимъ въ Часословѣ при Псалтири съ вослѣдованіемъ Москов. Синод. библ, конца XV в (по описанію Горскаго и Невоструева, № 406) Память эта могла дойти до южной Руси и даже до Кракова. въ которомъ въ XV в. жило много православныхъ русскихъ, подданныхъ польскаго короля, и даже была православная церковь, только изъ Москвы, гдѣ „мощи митр Петра подають исцѣленія, какъ выражается писавшій память москвичъ, и до сего дни". Быть можетъ, она дошла до Кракова въ Часословѣ, который былъ списанъ съ сѣверно русскаго оригинала, или съ московскаго Общія черты языка во всемъ Часословѣ, о которыхъ скажемъ дальше, даютъ прочную опору этому предположенію. Но остановимся еще на одной замѣчательной памяти подъ 14 февраля въ Часословѣ Фѣоля: „стго оца нашего, кирила еп на катаоньскаго, оучтля словѣномь. и болгаромь. иже преложи *рускую* грамотоу. съ грече-

ское. и кръстилъ словѣни и больгары". Отмѣтимъ здѣсь прежде всего ошибку. Кириллъ епископъ катанскій совсѣмъ другое лице: это ученикъ апостола Петра, жившій въ I вѣкѣ по Р. Х.; память ему совершается 21-го марта. Замѣчательно, что ошибка эта повторяется почти во всѣхъ московскихъ святцахъ; между тѣмъ какъ въ древнихъ святцахъ и въ южно-славянскихъ отмѣчается память „преподобнаго отца нашего Константина философа, нареченнаго въ чрьнечествѣ именемъ Кирила". Особенное вниманіе къ вопросу о происхожденіи „русской грамоты" можетъ указывать на русскаго редактора ошибочной памяти, который, однако, удержался отъ приписыванія Кирилу и крещенія Руси въ виду вышеприведенной памяти в. кн. Владиміра, крестившаго землю Русскую. Въ упомянутой уже русской рукописи Псалтыри съ возслѣдованіемъ конца XV в. (Опис. ркп. Моск. Син. б. III, I, № 406) подъ 14 февр. читаемъ: „ст҃ого... кирила філософа еп҃па катанскаго, учителя словеном и блъгаром, иж прѣложи рꙋскꙑѧ грамотѫ (обращаемъ вниманіе на удивительное умѣнье русскихъ писцевъ XV—XVI в. подражать средне-болгарскому правописанію, употреблять его въ русской письменности) съ греческыа, и кр҇тлъ словены и блъгары". За исключеніемъ выраженія „философа" все въ этой памяти совпадаетъ съ Часословомъ Фѣоля. Можно замѣтить только, что у Фѣоля память Кирила передана русскимъ языкомъ и правописаніемъ: „болгаромъ, больгары, съ греческое грамоты", между тѣмъ какъ въ Псалтыри Москов. Синод. библ. конца XV в. вся память написана съ соблюденіемъ особенностей средне-болгарскаго правописанія. Среди праздниковъ и святыхъ въ мѣсяцесловѣ разсматриваемой Псалтыри упоминаются не только Θеодосій печерскій, в. кн. Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ, Покровъ Богородицы и Перенесеніе мощей Николая, но и Сергій Радонежскій, Леонтій еп. Ростовскій и др. О правописаніи всей Псалтири Горскій и Невоструевъ замѣтили (и я раздѣляю вполнѣ этотъ выводъ, ознакомившись въ Москвѣ съ этой Псалтырью), что, несмотря на болгаризмы и сербизмы, въ общемъ—оно русское.

Итакъ приведенныя данныя изъ Часослова Фѣоля свидѣтельствуютъ о непосредственномъ отношеніи его къ русской редакціи. Въ остальныхъ изданіяхъ Фѣоля нѣтъ такихъ характерпстическихъ особенностей какъ приведенныя. Но за то встрѣчаются такія же особенности въ языкѣ, въ правописаніи какъ и въ Часословѣ.

Въ нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ конца XV и начала XVI вѣка сохранились свидѣтельства о томъ, что трудъ типографщиковъ и переписчиковъ рукописей для печатанія строго различался: приготовлявшіе для печатанія рукописи просили прощенія у читателей за свои грѣхи—ошибки и предлагали исправлять ихъ, а не осуждать. Типографщики упоминались какъ трудившіеся „рукодѣліемъ". Въ лицѣ Фѣоля

мы видимъ преимущественно типографщика завершавшаго только дѣло оставшихся неизв стными лицъ, приготовлявшихъ рукописи къ печати Послѣсловія ничего не говорятъ объ этихъ лицахъ; но они свидѣтельствуютъ о русскихъ предпринимателяхъ и участникахъ въ дѣлѣ Фѣоля. Если мы присмотримся внимательнѣе къ языку и правописанію этихъ краткихъ послѣсловій, то увидимъ, что русскій языкъ соединенъ здѣсь съ особенностями средне-болгарскаго правописанія.

Въ Тріодяхъ постной и цвѣтной находимъ въ послѣсловіяхъ такія же краткія выраженія о счетѣ листовъ какъ и при Часословѣ и Осмогласникѣ, но „имаѫть" напечатано съ ѫ вм. ю, „азъ, одинь, листь", съ ь. Такими особенностями средне-болгарскаго правописанія характеризуются многіе памятники XV, XVI вѣка, но особенности эти не могутъ служить еще свидѣтельствомъ о происхожденіи писцовъ и ихъ памятниковъ изъ южно-славянскихъ земель Лучшимъ свидѣтельствомъ тому могутъ служить замѣченные еще Востоковымъ передѣлки правописанія Скорины.

Занимаясь южно-русскими рукописями XV вѣка съ приписками, свидѣтельствующими о русскихъ писцахъ изъ Волыни и Галиціи, мы могли замѣтить особенное ихъ пристрастіе къ средне-болгарскому правописанію; тогда какъ писцы западной Россіи, Литвы, напр. изъ Вильны, держатся русскаго правописанія, какое господствуетъ и въ западно-русскихъ актахъ. Средне-болгарское правописаніе, какъ извѣстно, благодаря трудамъ м. Кипріана, связямъ съ Аѳономъ, распространяется съ конца XIV вѣка и въ сѣверо-восточной Россіи, преимущественно въ церковной литературѣ. Конечно, несмотря на это подражательное правописаніе въ русскихъ памятникахъ XV, XVI вв. всегда можно отмѣтить и русскія особенности языка. Тоже самое встрѣчается и въ памятникахъ южно-славянскихъ, переписанныхъ русскими писцами. Но здѣсь еще присоединяются ошибки писцовъ. Приведу примѣръ изъ Тріоди постной Фѣоля:

Л. 290 б. „посла воеводꙋ въ всѫ странѫ *оуже* под греческоѫ властїѫ", здѣсь писецъ перемѣнилъ ѫ поставленный вмѣсто ѧ, (или ꙗже, яже) на *оу* по русски.

Обращаемся къ русскимъ особенностямъ въ языкѣ и въ правописаніи изданій Фѣоля, причемъ остановимся сначала на Часословѣ и Осмогласникѣ. Замѣтимъ, что въ Часословѣ кромѣ массы русскихъ формъ, отмѣченныхъ нами въ изслѣдованіи о Скоринѣ (стр 25—26), встрѣчаемъ такія исключительныя сѣверно-великорусскія особенности, какъ мѣну *ч* и *ц*: л. 113 об. „оуценици", л. 144 „вѣнценосицю".

Въ Часословѣ въ чтеніяхъ изъ Евангелія и Апостола встрѣчается такая же мѣна предлоговъ *въ* и *у*, какъ и въ послѣсловіи „оу градѣ оу Краковѣ": живь бѫде у вѣкы, се творите оу мое въспоминаніе, аще пьете у

мое вспоминаніе, смерть гн҃ю оуспоминаеть; сего ради оу (вм. „въ") вась мнозии немощнии". Въ Осмогласникѣ л. 29 „оуказано оупръвомь гласѣ" (киноварью). Въ концѣ Осмогласника у Фѣоля присоединены слѣдующія статьи, о которыхъ однако ничего не говорятъ самыя подробныя библіографическія описанія старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ (напр. извѣстное послѣднее изданіе Каратаева):

1) „Слово ст҃го ефрѣма ѡц҃а гн҃и бл҃гослови Оч҃е: Помыслите братіа и съдрьгнѣтеся чѧ̃ ци какъ страхь. ѡвѣть хоще҃ приѧти на ѡно҃ свѣтѣ. въ дн҃ь сѫдныи страшныи". —2) „О погибели и о слабости. Охь мнѣ оубогомоу како прьвие оусплачюся". —3) „Слово како подобаеть родителема казнити чада своѧ:—Казни сн҃а своего ѡ оуности его. нпокоить тѧ на старость твою". —4) „Слово ст҃ого іоана златоустаго. гн҃и благослови О ч҃е прочести:— Помыслите братие. каковъ страхь имѣти на ѡ̃номь свѣтѣ".

Въ этихъ статьяхъ, среди другихъ русскихъ особенностей правописанія, можно отмѣтить, какъ и въ Часословѣ: „идеть оу церковь; держить челядь свою оу ноужи; ити оу свѧтую церковь; поидемь оу землю; творихомь оу житіи семь; оупишите въ глоубиноу; въ блоуды оупадаеть, оусплачюся; въкоризна; повченіа повчитеся".

Отсутствіе такихъ особенностей въ другихъ изданіяхъ Фѣоля (быть можетъ они современемъ найдутся) и здѣсь можетъ свидѣтельствовать о томъ, что Часословъ и Осмогласникъ болѣе всего связаны съ русскими памятниками: Часословъ—съ памятниками сѣверовосточной Руси, а Осмогласникъ—юго-западной. Въ языкѣ Часослова можно отмѣтить такія рѣзкія русскія особенности, какъ полногласіе: „володимера, оболокся", какъ въ послѣсловіяхъ: „короля казиміра"; далѣе ч=щт: „твою помо҆ч" и 1 л. множ. ч. глаголовъ на мо: „придѣте вси въспоимо" (Часословецъ, листы 166 и 262 б)—особенность рѣчи юго-западной Руси.

Однако и въ Тріодяхъ Фѣоля встрѣчаются черты русскаго правописанія и языка. Таковы частыя замѣны старославянскихъ ѫ буквоѣ *оу*, ѧ—а, я и др. Но мы остановимся теперь на отношеніи среднеболгарскаго правописанія во всѣхъ изданіяхъ Фѣоля къ отступленіямъ въ сторону русскаго языка.

На концѣ словъ вм ъ часто встрѣчаемъ ь; но можно отмѣтить много примѣровъ и съ ъ: хлѣбъ, бъ҃, бымъ; предлоги *вь*, *сь*, *кь*. Эти же предлоги часто встрѣчаются въ формѣ: во, со, ко. Въ суффиксахъ ь часто замѣняется *е*: богатество, воинество, единество, іильтескымь, рожешагося. Въ срединѣ словъ: человѣкь, весь, съмерьть, перьвѣнець, первозданнаго, терьпѣние и даже—„ѡкрывавввь" (Тріодь постная, 155 б.), какъ въ памятникахъ юго-западной Руси: кривавыи, крывавыи.

ѫ, ѧ. Въ памятникахъ чисто средне-болгарскихъ ѫ—большой *онъ* употребляется чаще всего вмѣсто ѧ и наоборотъ, такъ что 1 л глаголовъ ед. ч. имѣетъ напр окончаніе съ ѧ-енъ, а 3 л. множ. ч. аориста съ ѫ—онъ. Но рядомъ съ такими примѣрами часто мы встрѣчаемъ у Фѣоля 1 л. по русски *у*, *ю*; а 3 л. мн. ч. также на *а*, ѧ; *оу*, *ю* встрѣчаемъ часто и въ склоненіи существительныхъ и прилагательныхъ на мѣстѣ древняго ѫ—доушоу, чашю, вселеню. Тоже въ срединѣ и въ началѣ словъ: соуще, соущество, оутробы (рядомъ съ ѫ, ѧ).

Рядомъ съ *ѣ*, стоящимъ на мѣстѣ *а*, *я* род. „црѣ, мытарѣ" встрѣчаемъ „трава, всѧкь въсѧкого". Различіе *ы* и *и* большею частію соблюдается по русски: „быти", „обыде мѧ" и тутъ же „обиде мѧ". Въ отдѣлѣ согласныхъ можно привести массу примѣровъ *ж*=жд: надежа, одежа, рожество рожаеть, межи, межю, рядомъ съ „между".

Изъ всего сказаннаго нами можно вывести слѣдующія заключенія. Изданія Фѣоля, для которыхъ заказывались „русскія буквы", и назначались преимущественно для русскихъ. Послѣдніе находились въ числѣ помощниковъ Фѣоля. Если это были, между прочимъ, переписчики, то несомнѣнно они держались нѣкоторыхъ особенностей средне-болгарскаго правописанія, которымъ характеризуются и послѣсловія. Въ рукахъ русскихъ сотрудниковъ Фѣоля находились рукописи сѣверо-восточной Россіи, но, быть можетъ, уже ранѣе перешедшія въ южную Русь въ концѣ XIV, въ началѣ XV вѣка, затѣмъ рукописи южно русскія, какъ слова, прибавленныя къ Осмогласнику и рукописи, списанныя съ южно-славянскихъ оригиналовъ русскими переписчиками. Едвали при этомъ необходимо припоминать царствованіе Казиміра в. к. литовскаго и короля польскаго, умершаго въ 1492 году, митрополита западно-русскаго Іову Глевну (1490+1494), котораго любилъ и уважалъ король Казиміръ. Гораздо больше значенія можно придавать предположенію Бандтке о литовскихъ патронахъ православныхъ, которые могли поддерживать дѣло изданія церковно-славянскихъ книгъ въ столицѣ Польши Краковѣ. Эти книги были изъ первыхъ не только среди церковно славянскихъ изданій, но и среди польскихъ изданій, выходившихъ сначала заграницей и только одновременно съ Фѣолемъ вышедшихъ и изъ краковскихъ типографій Но это были сначала книги латинскія, къ которымъ въ началѣ XVI вѣка стали присоединяться и польскіе тексты.

II. Замѣтки и дополненія къ изслѣдованію о докторѣ Франциscѣ Скоринѣ.

Мы желали бы здѣсь прежде всего остановиться на разнообразныхъ возраженіяхъ, сдѣланныхъ нѣсколькими почтенными критиками на нашу книгу о докторѣ Францискѣ Скоринѣ (Спб. 1888 г.), начиная съ ея появленія въ пе-

чати и до послѣдняго времени, оставляя однако въ сторонѣ такія рѣзкія и пристрастныя сужденія, какъ высказанныя: въ „Вѣстникѣ Славянства" 1888 г., 1 вып., или особенно въ Kwartalnik'ѣ Historyczn'омъ, 1889 г., стр. 490—492, статья М Станкевича [1]). Чтобы не повторять того, что уже находится въ нашемъ изслѣдованіи и отвести здѣсь болѣе мѣста нѣкоторымъ новымъ даннымъ о Скоринѣ, мы будетъ по возможности кратки. Начнемъ съ статьи проф А. И Соболевскаго (Журн. Мин. Нар. Пр., часть CCLIX, отд. 2). На стр. 327, прим. критикъ полагаетъ, что Скорина „не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакихъ славянскихъ ветхозавѣтныхъ текстовъ кромѣ Псалтыри и *Паремейника*". Если бы почтенный критикъ сравнилъ краткій составъ немногихъ избранныхъ чтеній въ Паремейникѣ съ заимствованіями Скорины изъ многочисленныхъ и разныхъ мѣстъ ветхо-завѣтныхъ книгъ у Скорины, то не пришелъ бы къ этому заключенію. Нельзя не пожелать скорѣйшаго появленія въ печати труда, предпринятаго проф. Р. Ѳ. Брандтомъ по изданію Григоровичева Паремейника (Чтенія Общ. Исторіи и Древн., 1894 г., кн I). Кто знакомъ съ составомъ Паремейниковъ, ожидающихъ еще своего изслѣдователя, тотъ знаетъ, что въ нихъ помѣщаются только немногія избранныя главы изъ нѣкоторыхъ библейскихъ книгъ. Откуда же бралъ Скорина церковно-славянскій текстъ библейскихъ книгъ для главъ, ненаходящихся въ Паремейникахъ? Конечно изъ тѣхъ нерѣдкихъ, хотя и неполныхъ списковъ библейскихъ книгъ, какъ отмѣченный нами „Десятоглавъ" начала XV в. и др. Но самое главное возраженіе проф. Соболевскаго касается моего мнѣнія о томъ. что Скорина придалъ языку своихъ изданій западно-русскую форму, что онъ вводилъ много русскихъ выраженій въ текстъ своихъ библейскихъ книжекъ, нѣкоторыя изъ которыхъ даже прямо перевелъ съ чешскаго языка По мнѣнію проф. Соболевскаго Скорина издавалъ библейскія книги на славянскомъ языкѣ (стр. 328). Почтенный критикъ особенно сильно подчеркиваетъ эту „неправильность" моего взгляда. Но этотъ упрекъ объясняется недоразумѣніемъ. Прежде всего, припомнимъ, что „Очерки изъ исторіи *русскаго* язы-

---

[1]) Кромѣ этихъ статей нашей книгѣ о Скоринѣ посвящены еще слѣдующія статьи: Вѣстникъ Европы 1888, май; Журн. Мин. Нар. Пр. 1888, окт. (критика проф. А. И. Соболевскаго); Casopis Musea Královstvi Ceského 1888; Ataeneum, 1888; Филологическія Записки, 1888, V; Русскій Филологич. Вѣстн. 1888, I; Минскія Губернскія Вѣдомости, 1888; Кіевская Старина, 1889 февр.; Archiv für Slavische Philologie, 1889 г. (большая статья М. М. Мурка: Zûr russ. Literatûrgeschichte; критикъ разсматриваетъ здѣсь и нѣкоторыя мои предшествующія работы: о Великомъ Зерцалѣ, и др.); Отчетъ о 32 присужденіи наградъ графа Уварова (критика проф. А. С. Будиловича); Исторія русской этнографіи А. Н Пыпина, т. IV, стр. 139 и д.; Е. Ѳ. Карскій: Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Бѣлорусской рѣчи, 1893 г., и друг. Пользуемся случаемъ выразить благодарность нашимъ критикамъ и рецензентамъ.

ка" (1884 г.) самого критика основаны на изученіи богослужебныхъ книгъ т. н. галицко-волынской письменности съ XII в. Но развѣ можно сравнивать этотъ „русскій языкъ" галицко-волынскихъ памятниковъ съ „русскимъ языкомъ" Скорины, переполненнымъ массой русскихъ выраженій? Ссылаюсь на мое изслѣдованіе о Скоринѣ со стороны его перевода, языка и словаря Не останавливаясь на всѣхъ другихъ замѣчаніяхъ почтеннаго критика, скажу еще о напрасномъ пожеланіи сравненія библіи Скорины съ польской библіей Шарошпатацкой или т. н. Biblia królowej Zofii. Мы это сдѣлали раньше критики и пришли къ выводу, что Шарошпатацкая библія такъ же основана на чешскомъ оригиналѣ, какъ библія Скорины. Слѣдовательно, ихъ совпаденія объясняются общимъ источникомъ, а не взаимнымъ вліяніемъ.

Не будемъ останавливаться на другомъ крупномъ замѣчаніи, примыкающемъ къ приведенному возраженію проф. Соболевскаго, объ отношеніи языка Скорины къ бѣлорусскому нарѣчію. Е. Ѳ. Карскій въ недавно появившемся трудѣ своемъ „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи" (Варшава, 1893 г.) соединилъ результаты моего изслѣдованія съ своими многочисленными данными изъ живой бѣлорусской рѣчи и изъ стариннаго западно-русскаго языка,—чѣмъ и показалъ отношеніе языка Скорины къ бѣлорусскому нарѣчію, такъ что мнѣ теперь незачѣмъ уже останавливаться на прошломъ крупномъ возраженіи, которое было сдѣлано почтенными критиками (проф. А. С. Будиловичемъ въ Отчетѣ о 32 присужд. наградъ гр. Уварова и М. М. Мурко въ Archiv'ѣ für Slavische Philologie, 1889 г).

Оставляя въ сторонѣ другія замѣчанія критиковъ, перехожу къ дополненіямъ моего изслѣдованія о Скоринѣ. На стр 222 и далѣе мнѣ пришлось упомянуть о замѣчательной рукописи библейскихъ книгъ 1596 г. (должно быть: 1569 г.), написанной „повѣленіемъ Луки въ неславнемъ градѣ Тернополѣ". Прошлымъ лѣтомъ я имѣлъ случай познакомиться съ этой рукописью въ Варшавѣ, въ библіотекѣ гр. Красинскихъ[1]) И по правописанію и по тексту библейскія книги Луки изъ Тернополя вполнѣ сходны съ библейскими книгами Свято-Онуфріевскаго монастыря и Погодина, описанными Головацкимъ и мною въ изслѣдованіи о Скоринѣ (стр. 221 и далѣе), съ рукописью, раздѣленной на двѣ части (одна во Львовской библіотекѣ, другая въ Петербургской), но представляющей одинъ и тотъ же памятникъ, писанный въ 70-хъ годахъ XVI в. въ городѣ Маначинѣ То, что я сказалъ объ отношеніи этой рукописи къ трудамъ Скорины, (о непосредственной связи ихъ) вполнѣ относится и къ рукописи Луки изъ Тернополя. Но въ послѣдней есть нѣсколько такихъ биб-

[1]) Пользуемся случаемъ выразить благодарность помощнику библіотекаря ординаціи гр. Красинскихъ, г. З. Вольскому.

лейскихъ книгъ, которыхъ недостаетъ въ предыдущей (Львовской и Погодинской). Такова прежде всего Псалтирь, въ которой находимъ всѣ особенности чтеній, принятыхъ Скориною, и даже съ повтореніемъ его ошибокъ (см. въ нашемъ изслѣдованіи о Скоринѣ, стр. 87—96),—что окончательно убѣждаетъ въ происхожденіи и рукописи Луки изъ Тернополя изъ рукописныхъ и печатныхъ трудовъ Скорины, получившихъ значительное распространеніе въ XVI—XVII вв. Въ спискѣ Луки переписаны и многія предисловія Скорины, но имя его опущено, какъ и въ другихъ извѣстныхъ намъ спискахъ XVI в. Мы не будемъ приводить всѣхъ повтореній особенностей Скорининскаго текста и укажемъ только, напримѣръ, изъ книги „Премудрость" XIX, 6 (см. въ нашемъ изслѣдованіи о Скоринѣ стр. 139) ошибку Скорины „послухаючи", переданную въ правописаніи Луки—„послоухаѧчи". Вообще правописаніе Луки изъ Тернополя 1569 г. тоже, что Іоанна изъ Маначина 1573—76 гг. Наше предположеніе о полномъ переводѣ Библіи Скориною подтверждается оглавленіемъ всей Библіи подъ названіями—„порядокъ книгъ стараго закона; порядокъ книгъ новаго закона" въ рукописи Луки изъ Тернополя и лишними книгами ветхаго завѣта, неизвѣстными ни среди печатныхъ изданій Скорины, ни среди другихъ рукописныхъ списковъ.

Приведемъ въ заключеніе запись Луки въ концѣ Пятокнижія Моисея: „Докованы сѫть пятеры книги моvсеовы еже ѿ евреи называются ельгадворимъ. А по гречески девтерономось Полатинѣ же секоунда лексъ моvси. Пороускиже вторыи законъ. Божіею помощію повсленіемъ же и пилностію хоудаг(о) чл҃ка на имя Лоуки въ неславнѣмъ же градѣ Тернополи по воплощенія Слова бж҃іа ѿ прчстыа дв҃ы мр҃іа лѣта тисящьного пятсотного шестьдесят девятог(о)."

Позволю себѣ еще прибавить двѣ замѣтки по поводу моего изслѣдованія о Скоринѣ: о названіяхъ „Россія" (см. у меня, ч. I. гл. 1 „Общее состояніе нравственной и умственной жизни въ юго-западной Россіи"), которое не понравилось рецензенту моей книги въ Kwartalnik'ѣ Historyczn'омъ[1]), и „братия моя Русь люди посполитые" въ которомъ я усматривалъ назначеніе Скорининскихъ изданій для западно-русскихъ горожанъ (мѣщанъ). Вотъ еще доказательства Въ грамотѣ 1387 г. Кипріанъ именуется „Кипріанъ митрополитъ кыевскыи и всея Рѡсія"; въ Псалтири 1593 г., изданной въ Вильнѣ Мамоничами, указывается ея назначеніе „православному народу закону греческаго языка, словенскаго или *россійскаго*". Въ грамотѣ 1553 г. изъ Полоцка въ Ригу бурмистры и радцы посылаютъ „*братью свою*" Еско Скорину а Гаврила Олексеевича" (Русско-Ливонскіе акты, стр. 380).

---

[1]) Kwartalnik Hist. 1889 г., 491 стр.: „p. W (ladimirow) język, na który Skoryna tłómaczył pismo św., nazywa językiem „*russkim*", co w znaczeniu polskiem równa się *rossyjski*; a kraj, gdzie czytano książki jego „zapadnaja „*Rossija*"!.. Wszystko to nie potrzebuje komentarza," и проч.

III. О московскихъ первопечатныхъ Евангеліяхъ до 1564 г.

Долгое время первой книгой, вышедшей изъ первой московской типографіи, считался Апостолъ 1564 г., въ послѣсловіи котораго основаніе самой типографіи въ Москвѣ отнесено къ 1553 г. Кромѣ того, въ старинномъ „Сказаніи" о началѣ московскаго книгопечатанія говорится, что „нѣцыи малыми нѣкими и неискусными начертаніи печатываху книги" ранѣе извѣстныхъ первопечатниковъ московскихъ Ивана Θедорова и Петра Мстиславца. Въ „Трудахъ III Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 г.", А. Е. Викторовъ впервые указалъ на нѣсколько Евангелій безъ выходовъ и на Тріоди, какъ на ясныя свидѣтельства, что „въ Москвѣ было книгопечатаніе прежде первопечатнаго Апостола 1564 г." (см. его сообщеніе во 2 томѣ Трудовъ III Археол. Съѣзда, стр 211—220). Викторовъ прекрасно доказалъ неправильное приписываніе этихъ изданій южно-славянскимъ или угро-влахійскимъ типографіямъ, какъ думали прежде. Первое Евангеліе въ Москвѣ съ выходомъ явилось только въ началѣ XVII ст., а между тѣмъ уже Тяпинскій, около 1570 г. ссылается въ своемъ западно-русскомъ изданіи Евангелія на „недавно друкованное Московское Евангеліе". Послѣ Викторова на различіе двухъ Евангелій безъ выходовъ, но со всѣми признаками первоначальной московской печати, обратилъ вниманіе архимандритъ Леонидъ въ 1882 г. „Евангеліе, напечатанное въ Москвѣ 1564—1568 г." (Памятники древней письменности и искусства). На любопытный вопросъ,—откуда явилось типографское искусство въ Москву, Леонидъ справедливо высказалъ предположеніе о вліяніи виленской типографіи Скорины 1525 г., что подтверждается и свидѣтельствомъ Флетчера (стр. 15—16 Памятниковъ др. письм. 1882 г.). Но, конечно, это отношеніе должно быть ограничено и другими отношеніями къ западно-европейскому типографскому искусству, преимущественно итальянскому Извѣстно, что попытки вызвать въ Москву изъ Европы типографщиковъ дѣлались нѣсколько разъ; но встрѣчались препятствія, преимущественно вѣроисповѣдныя. Въ этомъ отношеніи русскіе изъ Польши и Литвы,—изъ юго-западной Россіи, заводившіе уже у себя типографіи, являлись такими же необходимыми посредниками, какъ и въ дѣлѣ развитія образованія и литературы въ Московскомъ государствѣ XVII в. Западно-русскіе печатники изъ Скорининской виленской типографіи, послѣ ея прекращенія въ Вильнѣ, могли возобновить типографскую дѣятельность въ другихъ мѣстахъ юго-западной Руси, напр. въ Несвижѣ, въ кочевыхъ типографіяхъ, въ изданіяхъ которыхъ мы находимъ подражаніе шрифту Скорины и даже повтореніе нѣкоторыхъ его буквъ и украшеній (см. въ нашемъ изслѣдованіи о Скоринѣ, стр. 201 и далѣе). Привеху здѣсь еще

одно доказательство тому, что вліяніе западно-русскихъ типографій, связанныхъ съ Скорининской, отразилось и въ первопечатныхъ московскихъ изданіяхъ. Въ извѣстной библіотекѣ Хлудова (нынѣ находящейся въ Московскомъ единовѣрческомъ Никольскомъ монастырѣ) среди старопечатныхъ книгъ находится Евангеліе, описанное у А. Попова (Описаніе рукописей и Каталогъ книгъ церковной печати, 1872 г., стр. 3 „Каталога," № 15): „Евангеліе, безъ выхода, печать близка къ Несвижской, около 1560 года, 325 л." Мы сравнивали это Евангеліе съ замѣчательнымъ старопечатнымъ Евангеліемъ, также безъ выхода, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, № 11 (описано у Каратаева, № 64). Оба эти Евангелія несомнѣнно напечатаны въ Москвѣ, между 1553 и 1563 гг., такъ какъ сходны съ описанными Викторовымъ и Леонидомъ. Но есть между ними и различіе, преимущественно въ шрифтахъ, украшеніяхъ и въ расположеніи строкъ. Эти отличія всего лучше подтверждаютъ замѣчаніе Викторова о томъ, что первопечатныя изданія московской типографіи представляютъ постепенное развитіе въ прогрессѣ усовершенствованія печатанія, результатомъ котораго явился выпущенный съ выходными листами Апостолъ 1564 г. Хлудовское Евангеліе было напечатано еще подражательнымъ шрифтомъ—Несвижскому, сходному съ Скорининскимъ. Слѣдующія Евангелія были напечатаны болѣе крупнымъ шрифтомъ и болѣе аккуратно. Затѣмъ уже шрифтъ и украшенія въ болѣе совершенномъ видѣ являются въ Апостолѣ 1564 г. Въ этомъ усовершенствованіи могли принимать участіе иностранные мастера, преимущественно итальянцы, которые были вызваны въ Москву для разныхъ работъ. Отмѣчу нѣкоторыя отличія Хлудовскаго Евангелія отъ Академическаго и другихъ старопечатныхъ Евангелій. Въ Евангеліи отъ Матѳея, зачало 4: „Ѡшедшемже имъ" (Академіи Наукъ, № 11) „Ѡшедшимже имъ" (Хлудовское; эту же форму приводитъ и Тяпинскій изъ московскаго недавно друкованнаго Евангелія). Въ виленскомъ Евангеліи 1600 года „Ѡшедъшемъ же имъ". Замѣчателенъ еще пропускъ слова „весь" въ концѣ 77 зачала отъ Матѳея: „дондеже воздастъ долгъ свой" (въ Академ. Еванг.). Этотъ пропускъ находится и въ Синодальномъ спискѣ Геннадіевской Библіи 1499 г. А уже замѣчено, что одно изъ этихъ Евангелій повторяетъ ошибки и описки изъ русскаго списка Геннадіевской Библіи, что служитъ лучшимъ доказательствомъ московскаго происхожденія разсматриваемыхъ печатныхъ Евангелій, а не южно-славянскаго, какъ думали прежде

П. Владиміровъ.

Крымскія шертныя грамоты.

I.

Въ исторіи отношеній Россіи къ татарскому міру замѣтно различаются два періода: въ первое время Русь находится въ зависисти предъ Золотою Ордой, при трудныхъ условіяхъ собирается съ силами для государственнаго объединенія и для сверженія чужой власти; во второмъ періодѣ Россія, собравшись и освободясь отъ этой чужой власти, тотчасъ же стремится подчинить своему вліянію степной міръ татарскій, или по крайней мѣрѣ сдѣлать наименѣе вреднымъ для себя сосѣдство его, хищныя стремленія.

Государствованіе Іоанна III Васильевича составляетъ границу этихъ двухъ періодовъ историческихъ.

Соотвѣтственно двумъ періодамъ татарскихъ отношеній—зависимыхъ и подчиняющихъ—имѣемъ двоякаго рода источники историческіе. Для перваго наиболѣе важны лѣтописи и сказанія, обильныя числомъ, богатыя содержаніемъ, говорящія трогательно, хотя не безъ преувеличенія о бѣдствіяхъ земли, объ униженіи князей; для второго періода весьма важны посольскія книги и документы, въ коихъ дѣловито и высокимъ тономъ изображается успѣхъ русской дипломатіи въ отношеніи степнаго мира, достигаемый, правда, не безъ колебаній и временныхъ неудачъ, но въ цѣломъ вообще несомнѣнный успѣхъ, всё больше возрастающій. Не меньше интересными и прямо характерными для перваго періода являются жалованные ханскіе *ярлыки*, а для втораго—*шерти*, или *шертныя грамоты*, т. е., присяжныя грамоты татарскихъ хановъ на вѣрную службу или же на соблюденіе извѣстныхъ обязательствъ предъ московскими государями.

Разница весьма значительная: въ первое время ханы жалуютъ ярлыки русскимъ князьямъ и духовенству; въ послѣдующее время они сами, по требованію русскихъ государей, даютъ имъ присяжныя грамоты на службу! Вотъ почему ярлыки и шерти—повторяемъ—въ особенности характеризуютъ два періода отношеній русскихъ къ татарамъ, сразу отличая одинъ періодъ отъ другого.

Есть ещё разница между ярлыками и шертями въ отношеніи внѣшней судьбы ихъ. Ярлыки временъ Золотой Орды сохранились въ небольшомъ количествѣ,—всего семь ярлыковъ, жалованныхъ ханами русскимъ митрополитамъ, но ни одного ярлыка, жалованнаго русскимъ князьямъ: можетъ быть ихъ берегли не такъ тщательно; можетъ быть они непріятно напоминали время постыдной зависимости предъ Золотою Ордой; вѣрно то, что со временемъ жалованные князьямъ ханскіе ярлыки такъ изветшали по языку и письму, что въ Посольскомъ Приказѣ XVI-го вѣка не могли уже читать ихъ; такъ въ описи царскаго архива времени Іоанна Грознаго отмѣчено: „ящикъ 148-й, а въ немъ дефтери старые отъ Батыя и отъ иныхъ царей, переводу имъ нѣтъ, никто перевести не умѣетъ“ [1]). Иное дѣло шертныя грамоты: памятники болѣе новаго происхожденія, онѣ сохранились гораздо въ большемъ количествѣ; ихъ больше и сберегали ради практической ихъ надобности.

Шертныя грамоты были взимаемы отъ царей крымскихъ и астраханскихъ, отъ казанскихъ царей и касимовскихъ, отъ ногайскихъ князей и мурзъ, отъ калмыцкихъ тайшей, отъ сибирскихъ владѣтелей, причемъ сила шерти распространялась на всѣхъ жителей извѣст-

---

[1]) I. Акты Археограф. Эксп., I, стр. 345. Ср. тамъ же отмѣтки о содержаніи ящиковъ №№ 50 и 171. О судьбѣ древнихъ документовъ, хранившихся въ казнѣ московскихъ государей, интересно слѣдующее мѣсто въ договорной записи князя Дмитрія Юрьевича Шемяки съ другими удѣльными князьями: „а что есмя поимали во князя великаго казнѣ грамоты докончальные, и ярлыки, и дефтери, и иные какіе грамоты, и намъ тѣ грамоты всѣ отдати, по целованію“. (Собр. Гос. Гр. и Догов., I, стр. 150. Ср. стр. 148, гдѣ такое же обязательство князя можайскаго Ивана Андреевича). Всѣ ли грамоты, захваченныя удѣльными князьями, воротились въ казну великокняжескую, неизвѣстно; большая часть, конечно, воротилась.

Объ ярлыкахъ имѣется прекрасная монографія В. Григорьева: „О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами золотой Орды русскому духовенству“, Истор. филологич. изслѣдованіе, Москва 1842.—Очень желательна такая же историко-филологическая монографія о шертяхъ кого-нибудь изъ ученыхъ нашихъ оріенталистовъ.

наго царства или земли[1]). Наиболѣе многочисленны и типичны суть крымскія шертныя грамоты: за время XV—XVII вѣковъ ихъ сохранилось въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д. значительное количество какъ въ подлинникахъ татарскихъ, такъ и въ русскихъ переводахъ и спискахъ, частію вставленныхъ въ посольскія книги, частію хранимыхъ въ видѣ отдѣльныхъ документовъ и копій, расположенныхъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, описанныхъ въ особыхъ реестрахъ архивныхъ. Такъ какъ подлинныя татарскія грамоты были писаны въ Крыму обыкновенно по русскому образцовому списку, присланному изъ Московскаго Посольскаго Приказа, такъ что для ханской канцеляріи оставалось только перевести по-татарски этотъ русскій списокъ, прибавя заглавные титулы да заключительныя формулы и скрѣпя документы печатью, то русскія и татарскія грамоты оказываются весьма сходными по содержанію и по слогу; переводчики и толмачи Посольскаго Приказа очень хорошо усвоили разъ навсегда стиль шертныхъ грамотъ, писавшихся почти въ одной и той же формѣ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Такимъ образомъ русскія грамоты по содержанію и по значенію не уступаютъ татарскимъ подлинникамъ; онѣ даже преимуществуютъ предъ ними, ибо крымскія шерти были простымъ переводомъ съ русскихъ образцовыхъ записей. Къ сожалѣнію, подлинныя крымскія шерти, печатно изданныя Академіей Наукъ, доступны для пользованія только небольшому кружку оріенталистовъ; пусть онѣ по содержанію очень близки къ русскимъ спискамъ и переводамъ, но найдутся, конечно, въ тѣхъ и другихъ важные оттѣнки различія, что касается, напримѣръ, понятія денежной дачи, посылавшейся изъ Москвы въ Крымъ: было бы поэтому важно сравнить татарскіе и русскіе тексты старыхъ переводовъ приказныхъ, а подлинный татарскій текстъ перевести вновь современнымъ русскимъ языкомъ. Относительно русскихъ шертныхъ грамотъ можно пожелать, чтобы онѣ

[1]) Въ упомянутой описи царскаго архива XVI в. называются шертныя грамоты разныхъ татарскихъ владѣтелей, а именно, крымскія, казанскія, какъ это видно по отмѣткамъ про ящики Архива подъ №№ 12—16; 33; 52; 58; 88—89; 101; 105; 135; 153; 201; 203; 217. Въ ящикѣ подъ № 187 называется еще шертный списокъ какого-то Тенехмата князя. (Ак. Археогр. Эксп., I, № 189).

Образцы шертныхъ грамотъ въ Собр. Гос. Гр. и Догов., ч. II, №№ 26; 27; 45 (запись сибирскаго царя Кучюма); 265; ч. III, №№ 145 и 181; ч. IV, №№ 21; 184 и 197. О крымскихъ собственно шертяхъ смотр. слѣдующее примѣчаніе.

болѣе тщательно и сполна въ одномъ сборникѣ были изданы вновь; впрочемъ, до времени можно довольствоваться и существующими изданіями крымскихъ шертныхъ грамотъ на русскомъ языкѣ и записей шертныхъ XV—XVII вѣковъ [1]).

Каково же было значеніе крымскихъ шертныхъ грамотъ, писанныхъ подъ диктовку Московскаго Посольскаго Приказа? Что требобовалось ими отъ Крыма, и что достигалось?

Слово „шерть“ производятъ отъ арабскаго „*шэртъ*“, означающаго „условіе, договоръ“, потомъ въ татарское время принявшаго у насъ значеніе „клятвы, присяги“ [2]). По-русски „шерть“ замѣнялось словами, „правда, рота“, „крѣпостная, ротная грамота“, либо оставалось вовсе безъ перевода, какъ достаточно извѣстное по смыслу слово, какъ понятіе опредѣленнаго содержанія, не то что, напримѣръ, „ярлыкъ“, получившее у насъ широкій неопредѣленный смыслъ всякой вообще грамоты, всякаго письма отъ татаръ, или къ татарамъ [3]). Въ этомъ широкомъ смыслѣ слово „ярлыкъ“ употреблялось, въ переходную пору татарскихъ отношеній, въ концѣ XV-го вѣка, и вмѣсто „шерти“, либо съ прибавкой: „докончальный ярлыкъ, шертный ярлыкъ“. Такъ въ наказѣ послу Никитѣ Беклемишеву, ѣхавшему въ Крымъ къ царю Менгли-Гирею, говорилось: „просити ярлыка докончальнаго по списку... А большое бы царь пожаловалъ— шерть далъ на томъ ярлыкѣ великому князю... Малогодь царь роты не дастъ, а ярлыкъ дастъ, ино Микитѣ ярлыкъ взяти и безъ роты“.

---

[1]) Матеріалы для исторіи Крымскаго ханства, извлеченные по распоряженію И. Академіи Наукъ изъ Моск. Глав. Архива М. И. Д. Издалъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, дѣйств. членъ И. Ак. Наукъ. СПБ. 1864.—Собр. Гос. Гр. и Догов., ч. V, №№ 1; 4; 55; 86; 101: 107.—Полн. Собр. Законовъ Рос. Имперіи, томъ I, №№ 140; 178; 469; 479: 518; т. II, №№ 854: 896; 950; 1598; т. III. № 1435.—Дипломатическое приложеніе къ статьѣ А. Ѳ. Малиновскаго въ „Запискахъ Одес. Общ. Истор. и Древн.“ т. V.—Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI—XVII вв. Изданіе Ѳ. Лашкова. Симферополь, 1891. (Прежде напечатано въ „Изв. Таврическ. Учен. Архив. Коммиссіи“, №№ 9—12). Послѣднее изданіе очень полезное, представляющее довольно полный сборникъ, къ сожалѣнію, не всегда удовлетворительно въ отношеніи корректурномъ.

[2]) Журн. М. Н. П. 1890, февр. стр. 390. (Замѣтка Н. И. Веселовскаго). Г. Лашковъ замѣчаетъ, что въ Крыму говорятъ не *шертъ*, а *шартъ*: Пам. дипл. снош. Крым. ханства, стр. VI. Прибавимъ отъ себя, что въ описи Царскаго Архива также есть форма „шартный“: списокъ шартные грамоты Шигалѣя“. (А. А. Эксп. I, стр. 350).

[3]) Григорьевъ, О достовѣрн. ханск. ярлыковъ, стр. 15—25, гдѣ объясняется значеніе слова ярлыкъ въ восточныхъ языкахъ и въ русскомъ употребленіи.

Въ наказѣ послу Алексѣю Старкову велѣно говорить царю отъ великаго князя Іоанна III-го: „пожаловалъ еси, братомъ собѣ и другомъ меня учинилъ еси, шерть далъ, и ярлыкъ шертной далъ“ [1]).

Впослѣдствіи же обычно говорилось „шертная грамота“ (иначе „шертяная, шертовая, шертовальная, шертованная“), короче—шерть. Былъ употребителенъ глаголъ „шертовать“, отглагольное слово „шертованіе“, выраженіе „шертный братъ“ и т. п. [2]).

Итакъ, шерти, по буквальному значенію, суть подтвержденныя присягой грамоты крымскихъ хановъ съ его приближенными на вѣрное соблюденіе извѣстныхъ обязательствъ предъ московскими государями. Это не собственно договоры, а одностороннія обязательства именно съ крымской стороны: нельзя было, неприличнымъ считалось заключать договоры съ ханами, какъ съ равными по достоинству съ великими государями московскими; крымскіе ханы не были самостоятельные владѣтели на своемъ юртѣ; они были только намѣстники, присяжники турецкаго султана. Пусть въ грамотахъ изъ Москвы имъ давались титла „царя и брата“, а нѣкоторымъ, какъ наприм. Менгли-Гирею, прибавлялось еще имя „вольнаго человѣка“; пусть имъ посылались „поклоны“, даже „челобитья“, съ приложеніемъ „любительныхъ поминковъ“, какъ къ настоящимъ государямъ; но договоровъ въ смыслѣ трактатовъ о мирѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ государственныхъ, на подобіе трактатовъ съ другими государствами, не было заключаемо съ ханами крымскими: это было постоянное правило Московскаго Посольскаго Приказа [3]). Напротивъ, въ Москвѣ желали имѣть крымскихъ хановъ русскими присяжниками, хотя, конечно, не разсчитывали имѣть ихъ присяжниками въ той мѣрѣ, въ какой они были таковыми у турецкаго султана:

---

[1]) Сборн. И. Рус. Истор. Общ., т. 41, стр. 1—4; 6.

[2]) Вотъ еще нѣсколько примѣровъ употребленія слова „шерть“ не въ дипломатическихъ памятникахъ. Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (X, § 161), на случай повальнаго обыска въ областяхъ съ инородческимъ населеніемъ велѣно сыскивать „князи, и мурзы, и татары, и чувашею, и черемисою, и вотяки, и всякими ясачными людьми по ихъ вѣрѣ, *по шерти*“. Въ грамотѣ къ туринскому воеводѣ отъ вступившаго на престолъ царя Θеодора Алексѣевича повелѣвалось „всякихъ чиновъ служилыхъ и жилецкихъ людей по спискамъ къ вѣрѣ привесть, а иноземцевъ ясачныхъ людей *къ шерти*“, т. е. къ присягѣ на подданство. (Полн. Собр. Зак. Р. И., II, № 664. Ср. подобнаго же значенія документъ отъ времени ц. Алексѣя Михайловича въ Собр. Г. Г. и Д., III.. № 131)

[3]) Котошихинъ, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 58, по 2-му изд.

въ Москвѣ хорошо понимали, что ханы крымскіе по единовѣрію, да и по другимъ важнымъ причинамъ—географическимъ, культурнымъ, историческимъ—не могутъ отложиться отъ султана и стать на московскую сторону или служить съ равнымъ усердіемъ Турціи и Россіи; въ Москвѣ были бы довольны и тѣмъ, еслибы крымскіе ханы за посылаемую казну и поминки соблюдали съ нѣкоторой добросовѣстностью принятыя на себя обязательства, т. е. прекратили бы хищные набѣги на русскія украйны и по мѣрѣ возможности удерживали бы своихъ татаръ отъ этихъ набѣговъ.

Въ устраненіи крымской войны, точнѣе говоря—варварскихъ набѣговъ крымскихъ, и заключалась главная цѣль пріобрѣтенія шертныхъ грамотъ изъ Крыма; средствомъ же обычнымъ къ тому служила казна, почти ежегодно посылаемая въ Крымъ, сверхъ поминковъ хану, его семейнымъ и его приближеннымъ. Стоитъ вникнуть въ условія пріобрѣтенія шертныхъ грамотъ изъ Крыма, чтобы правильнѣе оцѣнить ихъ дѣйствительное значеніе для обѣихъ сторонъ; надобно взвѣсить всю эту необходимость, заставлявшую московское правительство посылать въ Крымскую орду строгія дипломатическія ноты въ видѣ шертныхъ записей, съ требованіемъ дать на нихъ присягу, и въ то же время посылать туда непрерывно денежную казну, довольно значительную для небогатаго государства, кромѣ поминковъ да полоняничныхъ денегъ, т. е. на выкупъ русскихъ плѣнниковъ, въ Крымъ захваченныхъ. Мы опредѣлимъ вкратцѣ эти условія, если скажемъ, что изъ Москвы требовали шерти, потому что она была необходима для спокойствія государства, а изъ Крыма продавали ее за цѣну, болѣе или менѣе значительную. Такова была жестокая необходимость крымскихъ отношеній!

Въ самомъ дѣлѣ, установить эти отношенія достойно для государства и къ чести великаго государя, найти способъ жизни съ варварскою ордой—это составляло всегда мудреную задачу для московской дипломатіи. Защитить отъ татаръ южную украйну на всемъ ея обширномъ протяженіи городами, валами и засѣками да заставить ее отрядами войскъ и сторожевыхъ станицъ—на это не было физической возможности. Достать Крымъ вооруженною рукой было бы крайне трудно: мѣшала степь! Степные походы крайне рискованны. Даже если бы Крымъ былъ завоеванъ, то и тогда была ли бы польза дѣлу? Орда могла откочевать въ другое мѣсто и снова

вредить украинцамъ, мѣшать сообщеніямъ съ Крымомъ. Притомъ воевать Крымъ значило задѣвать Турцію, Польшу. А главное—степь, эта стихійная сила, съ которой государству долго не совладать! Не знать вовсе Крымской орды, порвать всякія сношенія съ нею опять было нельзя, хотя бы только ради несчастныхъ плѣнниковъ, попавшихъ въ крымскую неволю, угрожаемыхъ еще большею бѣдой попасть на турецкія каторги: нельзя было не знать Крыма! Приходилось выбирать средній путь: поддерживать сношенія съ крымскими ханами и вельможами; дѣйствовать внушеніями, представленіями, иногда угрозами; поддерживать подъ рукой козаковъ, этихъ передовыхъ бойцовъ за христіанство противъ бусурманства; подкупать жадныхъ варваровъ, притомъ большею частію бѣдныхъ, мало обезпеченныхъ; торговаться съ ними, идти на сдѣлки, то хитрить, то принимать важный строгій тонъ, учить варваровъ первымъ понятіямъ о правдѣ и справедливости, о приличіи и вѣжливости, то отвѣчать на дерзости ихъ также крутыми мѣрами...

Шертная грамота и являлась въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ послѣднимъ результатомъ русской дипломатіи, болѣе или менѣе дорого пріобрѣтеннымъ. Она установляла способъ жизни съ Крымскою ордой, давала государству хотя кратковременное успокоеніе на югѣ и нѣкоторую безопасность украйнамъ южнымъ, для татаръ же установляла опредѣленную денежную плату. Вотъ значеніе крымскихъ шертныхъ грамотъ: онѣ выражали сдѣлку государства со степной ордой!

Соглася́сь на уплату денегъ въ Крымъ, московское правительство могло свободнѣе предъявлять крымскимъ ханамъ свои требованія. Посланникъ отправлялся въ орду съ образцовымъ спискомъ шерти; онъ настаивалъ тамъ, чтобы шерть была дана слово въ слово по московскому списку. Правда, иногда шертная грамота предлагалась прямо изъ ханской канцеляріи; полученную крымскую шерть разсматривали въ Посольскомъ Приказѣ, но принимали ее только тогда, когда находили ее соотвѣтственной съ дѣломъ и приличной по выраженіямъ; въ противномъ случаѣ ее отвергали или возвращали съ требованіемъ переписать ее [1]). Бывало нерѣдко и такъ, что предва-

[1]) На ней дѣлали помѣтку, что грамота „не люба" государю: Опись царск. арх., ящ. № 101 (Ак. Арх. Эксп., I, стр. 343). Въ шертной записи крымскихъ пословъ отъ 1656 года говорится: „и та шертная грамота Магметъ-Гирѣю царю переписать, потому

рительная шертная запись сообщалась уполномоченнымъ крымскимъ на посольскомъ съѣздѣ въ Ливнахъ, въ Валуйкѣ, или въ иномъ пограничномъ мѣстѣ, иногда въ самой Москвѣ; ихъ старались согласить на принятіе этой записи, послѣ чего татарскіе уполномоченные давали подъ присягой обязательство донести до хана предварительную запись и стараться о томъ, чтобы ханъ присягою же подтвердилъ ее, выдалъ бы настоящую шертную грамоту, дословно по записи. Таковъ былъ порядокъ составленія шертей; онъ разнообразился, смотря по обстоятельствамъ; но вообще шерть писалась по русскому образцовому списку, предложенному изъ Посольскаго Приказа. Добрыя услуги князей и мурзъ Сулешевыхъ, которые обыкновенно бывали уполномоченными ханскими на посольскіе размѣнные съѣзды, много помогали дѣлу; эти крымскіе князья считались пріятелями Москвы, дѣйствительно не отказывались давать обязательства русскимъ уполномоченнымъ донести шертную запись до хана, старались вообще дѣйствовать примирительно межъ обѣими сторонами. Нѣкоторые изъ Сулешевыхъ переходили даже на русскую службу, крестились и достигали высокихъ чиновъ. Въ исторіи нашихъ отношеній къ Крыму и пріобрѣтенія шертныхъ грамотъ оттуда нельзя не остановиться съ чувствомъ удовольствія на этой услугѣ для дѣла мира со стороны мурзъ и князей Сулешевыхъ[1]).

II.

Рядъ шертныхъ крымскихъ грамотъ начинается со времени Іоанна III Васильевича и его довольно постояннаго союзника крым-

---

что въ той шертной грамотѣ царскаго величества именованье писано не сполна и не противъ образцоваго списка". (Пам. Дипл. Снош. Крым. Ханства, стр. 141. Ср. также шертную запись отъ 1681 года на стр. 182, гдѣ такое же требованіе о перепискѣ шерти).

[1]) Князь Юрій Еншеевичъ Сулешевъ служилъ царю Михаилу Θеодоровичу и умеръ въ санѣ боярина въ 1643 году; его родичъ, если не братъ, Василій Яншеевъ скончался кравчимъ въ 1642 году (Ак. Арх. Экспед., III, №№ 289 и 332. Соловьевъ, Истор. Россіи, IX, стр. 365—366-про мѣстническія отношенія кн. Сулешева съ кн. Урусовымъ, также выходцомъ изъ Крыма.—Алфавит. указатель фамилій и лицъ, упоминаем. въ боярскихъ книгахъ, на стр. 396. Ср. также указатель къ Разряднымъ книгамъ подъ словомъ „Сулешевы", и „Книгу посольскую метрики вел. княж. Литовскаго", издан. кн. Оболенскимъ и Даниловичемъ на стр. 226: тамъ въ одномъ документѣ времени Сигизмунда II Августа и крымскаго Девлетъ-Гирея князь Сулешъ называется „гомьятъ московскій", т. е. пріятель.

скаго, Менгли-Гирея, почти единственнаго царя крымскаго, котораго можно нѣкоторымъ добромъ помянуть въ нашей исторіи, да и то съ оговоркой: мирный союзникъ Руси Московской, онъ былъ жестокимъ врагомъ Руси Западной; зломъ онъ памятенъ въ частности для Кіева. Въ 1474 году нашъ первый посолъ въ Крымъ, Никита Васильевичъ Беклемешевъ, бояринъ, какъ онъ титулуется въ посольской книгѣ, повезъ съ собой три списка ярлыка, т. е. три проекта шертной грамоты; царь долженъ былъ дать присягу на одномъ изъ списковъ: если не дастъ на первомъ, наиболѣе выгодномъ для великаго князя, то пусть присягнетъ на второмъ; если не на второмъ, то на третьемъ. Царь далъ желанную шерть, и только одно нежеланное выраженіе употребилъ въ ней, а именно: „*пожаловалъ есмь*, взялъ есми любовь съ своимъ братомъ, съ великимъ княземъ Иваномъ“. Посолъ Беклемишевъ не успѣлъ отговорить хана отъ употребленія этого слова; впрочемъ, въ наказѣ послу было разрѣшено не сопротивляться, если царь непремѣнно захочетъ написать грамоту „съ пожалованіемъ“: за Менгли-Гиреемъ ухаживали, хотѣли во что бы то ни стало заключить союзъ противъ короля польскаго и великаго князя литовскаго Казимира Ягелловича, да противъ Ахмата, царя Золотой Орды. За то въ шертной грамотѣ Менгли-Гирея нѣтъ ни слова о какой-нибудь казнѣ, ни даже о поминкахъ въ Крымъ; вообще ханская шерть оказалась очень выгодна для Іоанна. Другая шерть, именно отъ 1480 года, была еще болѣе важна для московскаго государя: крымскій ханъ обязался порвать всякія сношенія съ королемъ польскимъ и быть его недругомъ [1]); въ ней нѣтъ уже формулы „о пожалованіи“. Царь употребилъ ее еще разъ въ шертной грамотѣ великому князю Василію III Ивановичу [2]); но въ послѣдующихъ шертяхъ XVI и XVII в.в. такія выраженія, какъ „пожаловать“, „повелѣвать“, не допускались болѣе.

Изложимъ по статьямъ содержаніе крымскихъ шертей XV—XVII вѣковъ.

---

[1]) Сборн. И. Рус. Истор. Общ., томъ 41, стр. 4—6, гдѣ всѣ три списка ярлыковъ, образцовые въ отношеніи дипломатическаго искусства. Шерть Менгли Гирея—въ Собр. Г. Г. и Д., V, № 1. Дословно она не совпадаетъ ни съ однимъ спискомъ, но по общему смыслу всего ближе подходитъ къ первому. Другая шерть его—тамъ же подъ № 4.

[2]) Шертная грамота Менгли-Гирея отъ 1508 года—въ дипломатическомъ приложеніи къ статьѣ Малиновскаго подъ № 21. (Зап. Одес. Общ. И. и Др., т. V).

1.—Прежде всего шертью прекращали враждебныя дѣйствія, установляли вѣчный, т. е. безсрочный миръ „отъ дѣтей и на внучата", установляли дружбу и союзъ, такъ чтобы имѣть общихъ друзей и недруговъ: „быти намъ вездѣ за одинъ, другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти". Общими недругами Россіи и Крыма почитались польско-литовскій король и ханъ Золотой Орды. „А на Ахмата царя быти намъ съ тобою за одинъ... Также и на короля, на всякого своего недруга, быти намъ съ тобою за одинъ... А буду и въ шерти съ королемъ, а тобѣ моему брату великому князю какого дѣло будетъ съ королемъ,—и мнѣ королю шерть сложити, а быти ми на него съ тобою за одинъ", пишетъ Менгли-Гирей въ грамотѣ 1480 года. „А на Ахматовыхъ дѣтей и Казиміровыхъ королевыхъ дѣтей, Жигимонтомъ королемъ почень, или иной кто государь будетъ на великомъ княжествѣ Литовскомъ и на Польскомъ королевствѣ, и на ихъ дѣтей будемъ за одинъ". (Шерть Исламъ-Гирея отъ 1535 года; то же и по шерти Сагибъ-Гирея отъ 1539 года). „И для вашіе брата нашего дружбы и любви мнѣ, Джанибекъ-Гирѣеву цареву величеству, на общего нашего недруга, на польскаго Владислава короля, послати войною сына своего Мубарекъ-Гирѣя или мурзъ съ воинскими людьми, какъ всемогущій Богъ помощи подастъ, такъ велимъ его воевать и разорять",—говорится въ шертной грамотѣ царю Михаилу Θеодоровичу отъ декабря 1633 года, т. е. послѣ набѣговъ крымскихъ на русскія области двухъ предыдущихъ лѣтъ, по возбужденію польскаго правительства, что было не безъ вліянія на исходъ Смоленской осады. Вообще въ XVI и XVII в. в., въ эпоху послѣ Менгли-Гирея, Крымъ служилъ какъ противъ Польши, такъ и противъ Россіи, подкупаемый деньгами и возбуждаемый со стороны русской и польской [1]). Въ сущности онъ былъ самымъ ненадежнымъ, самымъ непостояннымъ союзникомъ, по винѣ отчасти самыхъ правительствъ московскаго и польскаго, а не по легкомыслію да продажности крымцевъ только.

2.—Крымъ обязывался не дѣлать набѣговъ на русскія украйны: всякая война и всякіе набѣги своевольныхъ татарскихъ отрядовъ почитались дѣломъ незаконнымъ, преступнымъ и достойнымъ наказанія;

---

[1]) Памятники диплом. снош. Крымск. ханства съ Московскимъ государствомъ, изд. г. Лашкова, стр. 23; 25; 58. (Дальше мы будемъ цитовать страницы именно этого изданія, подъ краткимъ заглавіемъ: „Пам. дипл. снош.").

ханъ обязывался не воевать русскихъ областей, если бы даже самъ султанъ то приказывалъ; онъ обязывался въ этомъ смыслѣ какъ за себя и своихъ приближенныхъ вельможъ, такъ и за рядовыхъ татаръ, называемыхъ въ Крыму казаками, какъ за крымскихъ, такъ и за ногайскихъ татаръ. Въ случаѣ своевольныхъ набѣговъ татаръ, ханъ обязывался возвращать заграбленное имущество и всѣхъ русскихъ плѣнныхъ безъ всякаго окупа, грабителей же подвергать строгому наказанію за ихъ своеволіе и злодѣйство. Вотъ два примѣра такихъ обязательствъ. „А мнѣ Менгли-Гирею царю твоея земли и тѣхъ князей, которые на тебя смотрятъ, не воевати ни моимъ уланамъ, ни князьямъ, ни козакомъ; а безъ нашего вѣданія люди наши твоихъ людей повоюютъ, а пріидутъ къ намъ, и намъ ихъ казнити, а взятое отдати, и головы людскія безъ окупу намъ тобѣ отдати“ [1]). „А буде которые наши ратные люди безъ нашего повелѣнья ваши брата нашего городы и земли повоюютъ, и повоевавъ придутъ въ Крымъ, и намъ тѣхъ людей казнити смертною казнью; а что они приведутъ съ собою какова ясырю вашего и ихъ животовъ, и намъ тотъ ясырь сыскивая и съ ихъ животы отдавати вамъ безъ окупу“ [2]). „И впередъ мнѣ, Исламъ-Гирею царю, и братьѣ нашей калгѣ и нурадыну, и инымъ царевичемъ дѣтемъ нашимъ, и братьямъ и племянникамъ, и князьямъ, и агамъ, и мурзамъ, и всѣмъ крымскимъ людемъ, и ногайскимъ мурзамъ, и Мансурова родства и Меншого Ногаю мурзамъ и улуснымъ ихъ людемъ, которые въ нашемъ повелѣньѣ, всѣмъ мурзамъ и чернымъ улуснымъ людемъ, и азовскимъ татаромъ и чернымъ людемъ,—брата нашего великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, на государства войною не ходить,

---

[1]) С. Г. Г. и Д., V, № 1, шерть Менгли-Гирея отъ 1474 года.

[2]) Пам. дипл. снош., стр. 48, шерть Магмедъ-Гирея III отъ 1623 г. сентября 8. Кстати отмѣтимъ, что эти слова пишетъ тотъ самый ханъ, который прежде, еще не будучи ханомъ, занимался разбоемъ и продажею плѣнниковъ русскихъ, вмѣстѣ съ братомъ Шагинъ-Гиреемъ: они сдѣлали изъ этого спеціальный для себя промыселъ (В. Д. Смирновъ, Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты, стр. 476—477. По соображенію этого автора, шерть Магметъ-Гирея III относится къ 1624 г. сент. 8: тамъ же, стр. 492).

Относительно военноплѣнныхъ (набѣгъ и война всё-таки въ извѣстной мѣрѣ различались) находимъ въ шертяхъ особыя статьи: они или выкупались за условленную цѣну, или обмѣнивались голова на голову: Пам. дипл. снош., стр. 162—163; 171; 174.

и городовъ и земель не воевать, хотя будетъ и благочасной великой государь (т. е. султанъ турецкій) пришлетъ къ намъ повелѣнье свое, а велитъ намъ идти войною на государства брата нашего" [1]).—Предполагалось, что крымскіе ханы будутъ въ состояніи унимать отъ набѣговъ всю кочевую массу татарскую и разныхъ „зипунниковъ воровъ", какъ выражается про своевольныхъ татаръ крымская шерть 1642 года; предполагалось также, что крымскіе ханы могутъ не слушаться самихъ султановъ турецкихъ, когда тѣ приказывали отправляться въ набѣгъ [2]).

3.—Крымскіе ханы обязывались давать свободный проѣздъ иностраннымъ посламъ и купцамъ, идущимъ въ Московское государство черезъ Крымъ или степныя земли, на которыя простиралась власть хановъ, равно и русскимъ посламъ и торговымъ людямъ, идущимъ въ другія страны. „Также и твои брата моего послы или гости, куды пойдутъ отъ тебя Дономъ или полемъ, также отколь пойдутъ къ тебѣ твои послы или гости, также и отъ иныхъ государей и отъ кого ни буди пойдутъ къ тебѣ къ брату нашему послы или гости, и нашимъ людямъ твоихъ пословъ и гостей и тѣхъ пословъ и гостей не имати, не грабити; а кто нашихъ людей твоихъ пословъ или гостей и тѣхъ (т. е. иностранныхъ) пословъ и гостей которые къ тебѣ пойдутъ отъ иныхъ государей, отъ кого ни буди, пограбятъ, а къ намъ придутъ, и намъ ихъ казнити, а взятое велимъ отдати, а головы людскія безъ окупа намъ тебѣ отдати". [3]). „А которые ваши брата нашего вели-

---

[1]) Пам. дипл. снош., стр. 119, шерть Исламъ-Гирея III отъ 1647 г. октября 6. О ногайскихъ татарахъ, дѣлившихся на разныя орды, болѣе или менѣе отъ Крыма зависимыя, ср. данныя изъ турецкихъ источниковъ въ названной книгѣ г. Смирнова, на стр. 510 и въ друг. мѣстахъ. Въ шертяхъ часто называются какъ особые Дивѣевъ улусъ и Казнеевъ улусъ: Пам. дипл. снош., стр. 32; 35; 37; 39; 45 и проч.

[2]) Пам. дипл. снош. 102; 104. Фраза о томъ, что крымцы не будутъ воевать русскихъ земель, хотя и султаново повелѣнье на то будетъ, много разъ повторяется въ шертяхъ, наприм. стр. 72; 77; 81—82; 93; 96; 136; 142 и др.

Въ шертныхъ грамотахъ первой половины XVI-го вѣка опредѣленнѣе указывается, чтобы татары не нападали на ближайшую украйну Сѣверскую (Малиновскій, Дипломатич. прилож., стр. 406; 416; 418; Лашковъ, Пам. дипл. снош., 25). Въ шертяхъ XVII-го вѣка прибавляется: „и подъ украинные городы, которые по Донцу и по инымъ рѣкамъ, не приходить, и станичниковъ и проѣзжихъ людей не грабить и въ полонъ не имать" (Пам. дипл. снош., 46; 52).

[3]) Малиновскій, Дипломат. прилож., стр. 406, шерть Магмедъ-Гирея I отъ 1518 г. Такъ же и во всѣхъ шертахъ перв. полов. XVI-го вѣка, почти дословно сходныхъ: тамъ же стр. 416: 418—419. Ср. Пам. дипл. снош., стр. 24 и 26.

каго государя царя и великаго князя Михаила Θеодоровича всея Русіи послы и посланники, и гонцы, и торговые люди учнутъ отъ васъ ходити въ иныя государства или изъ иныхъ государствъ къ вамъ брату нашему такожъ пойдутъ послы и посланники, и гонцы, или тѣхъ государствъ торговые люди черезъ наше государство, и намъ пословъ вашихъ брата нашего, и посланниковъ, и гонцовъ, и торговыхъ людей, такожъ отъ которыхъ государей къ вамъ пойдутъ послы и посланники, и гонцы, и торговые люди, и ихъ не переимать, и не грабить, и припущати намъ ихъ къ вамъ безъ задержанья" [1]). Въ послѣдующихъ шертяхъ прибавляется: „пропустити ихъ безъ пошлины, и безо всякіе тѣсноты и задержанья" [2]).

4.—Крымскіе послы, пріѣзжая въ Москву, не имѣютъ права требовать для себя особыхъ пошлинъ посольскихъ, какія давались во времена Золотой Орды татарскимъ посламъ; на этомъ условіи съ перваго же разу сталъ настаивать Іоаннъ III, заключая союзъ съ Менгли-Гиреемъ; оно и внесено въ первый шертный ярлыкъ 1474 года: „а коли мой посолъ отъ меня пойдетъ къ тебѣ, къ великому князю Ивану, и мнѣ его къ тебѣ послати безъ пошлинъ и безъ пошлинныхъ людей; а твой посолъ ко мнѣ придетъ, и онъ идетъ прямо ко мнѣ; а пошлинамъ даражскимъ и инымъ всѣмъ пошлинамъ „никоторымъ не быти". На этомъ условіи Іоаннъ III настаивалъ во все время сношеній со своимъ союзникомъ [3]). Въ шертяхъ XVI и XVII вѣковъ оно повторяется почти въ тѣхъ же неизмѣнныхъ выраженіяхъ. Напримѣръ, въ шерти Магмедъ-Гирея I опредѣленно сказано: „а коли мой посолъ отъ меня пойдетъ къ тебѣ, къ брату моему, къ в. к. Василью, и мнѣ его послати къ тебѣ безъ пошлинъ, а пошлина твоимъ людемъ и тебѣ всѣ пошлины отстали". Или въ шерти Исламъ-Гирея 1-го: „а дарагамъ и пошлинамъ даражскимъ, и инымъ пошлинамъ никакъ не быти", и проч. [4]).

---

[1]) Пам. дипл. снош., стр. 49. Ср. также 37—38; 40; 57; 108 и проч.

[2]) Также, стр. 74—75.

[3]) С. Г. Г. и Д., V, № 1. Сборн. И. Рус. Истор. Общ., т. 41, стр. 4—6: 20; 27 и мн. другія мѣста древней посольской книги крымской.

[4]) Малиновскій, Диплом. прилож., стр. 406; 407; 419. Лашковъ, Пам. дипл. снош., стр. 24; 26; 120 и друг. О послахъ, дарагахъ, писцахъ и о разныхъ пошлинныхъ людяхъ временъ Золотой Орды, также о разнообразныхъ пошлинахъ, требуемыхъ послами ханскими отъ русскихъ князей и населенія см. ханскіе ярлыки, жалованные духовенству. Теперь шертями отмѣняются всякія посольскія пошлины въ старомъ смыслѣ и значеніи.

5.—Крымскіе послы и гонцы должны пріѣзжать въ Москву съ небольшою посольскою свитой, лишнихъ людей съ собой не привозить. Въ шертной грамотѣ 1647 года точно опредѣляется число пріѣзжающихъ татаръ: „посылати мнѣ Исламъ-Гирею царю, и калгѣ, и нурадыну царевичамъ съ граматами своими въ послѣхъ по одному человѣку, да съ ними будетъ двѣнадцать человѣкъ людей ихъ, а больши трехъ человѣкъ пословъ не посылать, а ихъ людей больше двунадцати человѣкъ не будетъ; а отъ ближнихъ людей ни отъ ково пословъ и грамотъ не посылать, а гонцовъ посылать потому жъ мнѣ, Исламъ-Гирею царю, и калгѣ, и нурадыну, послать съ своими грамотами гонцовъ отъ трехъ насъ человѣкъ, да людей ихъ трехъ же человѣкъ, и то передъ розмѣною, съ вѣстью отъ князя и отъ мурзы, которые на розмѣну посланы будутъ, или для государственнаго большого дѣла; а больше трехъ человѣкъ гонцовъ и трехъ грамотъ къ брату нашему, къ великому государю, азъ, Исламъ-Гирей царь, и калга, и нурадынъ царевичи, посылати не учнемъ, противъ Курамши мурзиной шертной записи“ [1]). Итакъ, шерть 1647 года точно устанавляетъ количество пословъ крымскихъ и гонцовъ: не больше трехъ пословъ т. е. по одному отъ хана, отъ калги и отъ нурадина, а съ ними 12 человѣкъ свиты; не больше трехъ гонцовъ, а съ ними также три человѣка провожатыхъ; не больше трехъ грамотъ; опредѣляется точно и самый поводъ отправленія гонцовъ, т. е. увѣдомленіе на счетъ розмѣннаго посольскаго съѣзда, или же необычный—по особо важному государственному дѣлу. Нѣсколько иначе о тѣхъ же дѣлахъ постановляетъ шертная грамота 1670 года, предложенная хану Адиль-Гирею; пять человѣкъ пословъ, а съ нимъ 20 человѣкъ свиты; три человѣка гонцовъ, да съ ними 12 человѣкъ свиты [2]).

Цѣль этихъ опредѣленій понятна: Посольскій Приказъ желалъ сдѣлать болѣе рѣдкимъ пріѣздъ крымскихъ татаръ въ Москву безъ особой надобности и сократить число самыхъ пріѣзжающихъ, содержаніе которыхъ на счетъ казны обходилось не дешево; пусть никакихъ пошлинъ посольскихъ не платилось крымскимъ посламъ и гонцамъ, но въ кормѣ и въ нѣкоторыхъ подаркахъ нельзя было все-таки отказать имъ. Вотъ почему московское правительство со временъ же

---

[1]) Пам. дипл. снош., стр. 112; 116; 120; 124.

[2]) Тамъ же, стр. 160; 166—167. Ср. въ послѣдующихъ шертныхъ записяхъ и шертахъ на стр. 175 и 177.

Іоанна III старается уменьшить татарскіе пріѣзды и количество пріѣзжихъ татаръ въ Москву, и даетъ такіе напр. наказы своимъ посланцамъ въ Крымъ: „говорити о томъ, чтобы царь посла своего посылалъ не въ многихъ людехъ". Или такъ: „князь великій велѣлъ тобѣ говорити: прислалъ еси ко мнѣ своего человѣка Сарыку, а прислалъ еси его ко мнѣ безъ дѣла; и язъ нынѣча Сарыку пожаловалъ тебя для, а впередъ бы еси ко мнѣ бездѣльныхъ людей не посылалъ". (Въ сущности это—выговоръ Іоанна III Менгли-Гирею). Или такъ: „учнетъ царь посла своего посылати къ великому князю, ино говорити царю о томъ, чтобы съ посломъ лишнихъ людей не было". При всемъ томъ однако Іоаннъ III, очень бережливый въ тратахъ на содержаніе татарскихъ и всякихъ вообще иностранныхъ пословъ, не могъ отклонить пріѣзда многочисленныхъ татарскихъ посланцовъ изъ Крыма отъ хана, отъ калги Ямчурчея, брата Менгли Гиреева, отъ царскихъ женъ и сыновей, отъ различныхъ князей и мурзъ крымскихъ, присылавшихъ съ своими людьми кучи грамотъ и запросовъ на счетъ подарковъ [1]). Такимъ образомъ шертныя грамоты половины XVII вѣка, сравнительно съ Іоанновымъ временемъ, составляютъ для московскаго правительства выгодный прогрессъ въ дѣлѣ пріема и содержанія крымскихъ посланцовъ, да разсмотрѣнія дотолѣ многочисленныхъ татарскихъ ярлыковъ съ просьбами о подаркахъ; оно принимаетъ теперь только дѣловыя грамоты отъ хана, да отъ двухъ его сановниковъ—султановъ, т. е. отъ калги и нурадина, не больше.

6.—Въ грамотахъ, изъ Крыма присылаемыхъ, царскій титулъ великаго государя долженъ писаться исправно, по достоинству, и вся грамота писаться въ приличныхъ выраженіяхъ: „а въ грамотѣ царскаго величества имя написать полнымъ имянованьемъ, противъ образцовыхъ грамотъ"... „Имя великаго государя царя и великаго князя Михаила Θеодоровича, всея Руссіи самодержца и многихъ го-

[1]) Сборн. И. Рус. Истор. Общ., т. 41, стр. 14; 39; 49 и проч. О содержаніи ногайскаго посла читаемъ: „и князь великій того же мѣсяца сентября (1489 г.) послалъ противъ ногайскаго посла Юшка подъячаго, а велѣлъ ему давати послу кормъ на стану *по два барана, а овчины назадъ отдавать*: а на кони, на которыхъ они ѣдутъ, на десятеро лошадей четверть овса; а которые кони гонятъ на продажу, на тѣ кони корму не давати": тамъ же стр. 81. Ср. въ Пам. диплом. снош. съ Цезарскимъ дворомъ I, стр. 48—49. О дешевенькихъ подаркахъ крымскимъ посламъ и гонцамъ въ XVII вѣкѣ ср. любопытную замѣтку Котошихина, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 57, по 2-му изданію.

сударствъ государя и обладателя, описывать съ полнымъ его государскимъ имянованьемъ" [1]) Изъ Крыма иногда возражали: „да вы, великій государь, къ нашему величеству—пишетъ ханъ Богатырь-Гирей царю Михаилу Θедоровичу—писали, чтобы намъ съ „повелѣньемъ" къ вамъ писати не велѣти; изначала отъ прадѣдовъ, и отъ дѣдовъ, и отъ отцовъ нашихъ новелося у насъ, на всѣ четыре страны ко всѣмъ государямъ такъ пишемъ, и мы потому жъ къ Итяпъ Алфендѣю своему писать велѣли, какъ искони писали вы къ намъ; пишете государемъ самодержцемъ, и намъ до того слова дѣла нѣтъ, а пишемъ къ вамъ по прежнему съ честью и съ любовью". Тѣмъ не менѣе въ шертной записи пословъ этого же хана находимъ опять обязательство, чтобы въ шертной и во всякихъ грамотахъ вообще имя великаго государя царя, всея Русіи самодержца, многихъ государствъ государя и обладателя, описывать съ полнымъ его государскимъ имянованьемъ, безъ „повелѣнья", какъ ему, великому государю, всѣ великіе окрестные государи описуютъ, и его государское имянованье во всемъ остерегать [2]).

За то излишній, странный титулъ даютъ изъ Крыма московскому царю, когда во многихъ шертяхъ называютъ его „русскимъ *и прусскимъ*". Не смѣшивали ли въ крымской хановой канцеляріи титулъ московскаго государя съ титуломъ короля польскаго? Но опять странно, почему въ Посольскомъ Приказѣ не поправили, ни разу не оговорили этого титула? По крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ документахъ мы не встрѣтили нигдѣ никакой оговорки на счетъ этого совсѣмъ необычнаго титула [3]).

7.—Русскіе послы, посланники и гонцы, и всѣ сопровождающія ихъ лица (толмачи и переводчики, вожи и арбачеи, кречетники и проч.) пользуются въ пути и въ самомъ Крыму свободой и без-

---

[1]) Пам. дипл. снош., стр. 72, 89.

[2]) Тамъ же стр. 94 и 98, документы отъ 1640 года. Оказывается, что царь Богатырь-Гирей употребилъ пытку надъ русскими посланниками, чтобы заставить ихъ принять свою шерть, а не по списку, посланниками привезенному: см. тамъ же стр. 13, въ реестрѣ Малиновскаго. И позже изъ Крыма возражали противъ царскаго титула, говорили, что московскій государь горделиво-де называетъ себя „восточнымъ и западнымъ": см. Смирнова, Крымское ханство, стр. 567. Но Посольскій Приказъ всегда настаивалъ на своемъ: Пам. дипл. снош., стр. 105; 137—138; 143; 158; 182; 190.

[3]) Пам. дипл. снош. на стр. 39; 47; 73; 85; 90; 99. Ужели въ Крыму усвоили мысль о происхожденіи „Руси" отъ „Пруссовъ"? Странный, непонятный титулъ!

опасностью; никакихъ пошлинъ за доступъ къ хану посланники не платятъ; ничего лишняго, сверхъ положенныхъ поминковъ, съ нихъ не должно требовать; обходиться съ ними слѣдуетъ честно, безъ всякихъ притѣсненій; давать имъ нескудный кормъ, построить для нихъ особый посольскій дворъ. Вотъ нѣсколько подлинныхъ мѣстъ изъ шертныхъ грамотъ. „А твой посолъ брата моего ко мнѣ придетъ, и онъ идетъ прямо ко мнѣ, а пошлины, и дараги, и инымъ никоторымъ пошлинамъ не быти, ни силѣ, ни наступанью никоторому надъ твоими послы и надъ твоими людьми никакъ не быти" [1]). „Сверхъ того (т. е. условленнаго) лишнего у посланниковъ не просити и не спрашивать, и за то имъ безчестья, и тѣсноты, и грабежу, и никакова дурна не чинити, правежемъ и въ неволю ничего не имать" . . . „Кормъ имъ давать нескудной, и дворы на пріѣзды посольскіе построить, какъ ведетца въ мирныхъ государствахъ: въ совѣтѣ пребываютъ; честь и береженье къ нимъ держать, и къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, отпущати ихъ безо всякаго задержанія и зацѣпокъ" . . . „Отпустить ихъ къ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, со всякою учтивостью, не задержавъ", и т. под. [2]).

По самому тону шертныхъ грамотъ, да и по прямымъ даннымъ въ нихъ видно, что крымцы на дѣлѣ обходились съ русскими посланниками крайне грубо, въ точномъ смыслѣ варварски [3]). А вотъ что пишутъ наши посланники Тяпкинъ и Зотовъ на счетъ постояннаго двора посольскаго въ Крыму: „а строенья на посольскомъ дворѣ, по Аталыкову мирному договору, учинено при посланникѣ цар-

---

[1]) Пишетъ Менгли-Гирей въ шертной грамотѣ 1508 года: Малиновскій, Дипл. прилож., стр. 391. А вотъ что пишетъ своему государю, годъ спустя послѣ полученной шерти, посолъ бояринъ Василій Григорьевичъ Морозовъ. „И язъ, государь, пошелъ къ дверемъ ко царевымъ, и ясаулы, государь, покинули посохи (т. е. бросили въ ноги послу), да стали говорить толмачу: давай пошлины! И язъ, государь, черезъ посохи перешелъ; язъ рeку: того не вѣдаю. И Аварь мурза, государь, мнѣ молвилъ: не потакай тому, поди прямо къ царю". (Крымск. дѣла, посольская книга № 3, листъ 62 й). Приведенное мѣсто объясняетъ, что значитъ выраженіе „идти прямо къ царю", и какъ приближенные хана нарушали это постановленіе для своей корысти.

[2]) Пам. дипл. снош., стр. 84; 159; 162 и мн. др. О спутникахъ посольскихъ и о порядкѣ ихъ отпуска изъ Крыма—стр. 112; 116—119—120; о построеніи посольскихъ избъ—стр. 159; 171; 175. Впервые условіе на счетъ построенія ихъ сдѣлано въ 1670 году, по договору въ Москвѣ съ Шахъ-Темиромъ Аталыкомъ.

[3]) Тамъ же, стр. 76—77; 88—89; 91; 97. Ср. примѣч. 2-е на стр. 50.

скаго величества, при Васильѣ Елчинѣ, четыре пунишки складены изъ дикаго нетесаного камени, смазаны скареднымъ навозомъ, безъ потолковъ и безъ мосту, и безъ лавокъ, и безъ дверей, а для свѣту учинено по одному окошку. И воистину объявляемъ о томъ строеньѣ, яко псомъ и свиніямъ въ Московскомъ государствѣ далеко покойнѣе и теплѣе, нежели тамъ намъ, посланникамъ царскаго величества" [1])... Такія горячія, горькія слова сорвались съ языка московскихъ посланниковъ, обычно спокойныхъ и дѣловитыхъ въ ихъ донесеніяхъ, весьма выносливыхъ вообще ко всякимъ трудностямъ посольской крымской службы, едва ли не самой тяжкой изъ посольскихъ! При такомъ положеніи дѣлъ, посольскія сношенія съ Крымомъ иногда прерывались и готовы были навсегда порваться, какъ объ этомъ принципіально говорится въ нѣкоторыхъ шертныхъ записяхъ; вмѣсто поѣздокъ въ Крымъ предполагали ограничиться посольскими съѣздами на границѣ [2]; но изъ Крыма старались поправить дѣло, не доводя до полнаго разрыва; требовали и вмѣстѣ просили, чтобы по прежнему въ Крымъ съ казной присылались „большіе послы дворяне, добрые служилые ближніе люди" [3]). На самомъ дѣлѣ туда обыкновенно посылались дворяне средней руки, въ характерѣ посланниковъ [4]).

8.—Для размѣна пословъ и посланниковъ, для предварительныхъ переговоровъ и для отдачи условленной казны устанавливались посольскіе размѣнные съѣзды на пограничныхъ мѣстахъ, то въ Ливнахъ, то въ Валуйкѣ, то иногда въ Переволочнѣ на Днѣпрѣ, а

---

[1]) Записки Одес. Общ. Ист. и Древн., II, отд. 2 и 3, стр. 578, въ статейномъ спискѣ названныхъ посланниковъ отъ 1681 года. Ср. тамъ же, на стр. 605, что говорятъ они объ ухудшенномъ ихъ помѣщеніи, и на стр. 608 о помѣщеніи казацкихъ посланцовъ.

[2]) Пам. диплом. снош., стр. 91; 155.

[3]) Тамъ же, стр. 92—93. Изъ Крыма писали, напримѣръ, такимъ образомъ: „да и на томъ шертовали есмя, что впередъ посломъ вашимъ никакова дурна и безчестья не будетъ, да и на томъ: будетъ которое дурно учинитца у насъ посломъ вашимъ, и вамъ нашимъ посломъ учинити тожъ; и которыхъ пошлете къ намъ пословъ своихъ, и вамъ бы приказати имъ накрѣпко, чтобъ они были не упрямы". Посланники были люди дѣйствительно стойкіе и энергичные, въ своемъ родѣ герои службы, иногда—правда—очень крутого нрава.

[4]) Это видно какъ изъ шертей XVII вѣка, гдѣ обыкновенно называются „посланники", а не послы, какъ они часто именуются въ прежніе вѣка, такъ и изъ свидѣтельства Котошихина, который точно говоритъ: „къ крымскому хану и къ калмыцкимъ тайшамъ посылаются посланники, середнихъ родовъ дворяне, а съ ними товарыщи подьячіе" (О Россіи въ царст. Алексѣя Михайловича, стр. 34).

всего чаще именно въ Валуйкѣ, на рѣчкѣ Ураевѣ [1]. Съ русской стороны на съѣздъ уполномочивался обыкновенно окольничій, иногда даже бояринъ; съ крымской стороны полномочнымъ былъ обыкновенно либо князь, либо мурза Сулешевъ. На съѣздѣ вырабатывалась шертная запись, послѣ чего крымскій полномочный давалъ присягу, что подлинная шертная грамота будетъ написана въ Крыму по предварительной шертной записи, и что онъ будетъ всячески радѣть о мирѣ, о добрыхъ отношеніяхъ между Крымомъ и Москвой. По окончаніи съѣзда полномочные отправлялись каждый въ свою сторону, одинъ взявъ съ собой крымскихъ пословъ, а другой—посланниковъ русскихъ, съ ручательствомъ за ихъ личную безопасность въ пути и на томъ мѣстѣ, куда они акредитованы. Со съѣзда отправлялась въ Крымъ и казна въ условленномъ размѣрѣ [2].

9.—Самая главная, существенная статья шертныхъ грамотъ XVII вѣка была именно на счетъ платежа этой казны. Шертныя грамоты и записи двухъ предыдущихъ вѣковъ еще не говорятъ ни о какомъ платежѣ; пусть на дѣлѣ поминки посылались въ Крымъ со времени Іоанна III и Менгли-Гирея; пусть источники первой половины XVI-го вѣка говорятъ намъ про поминки магметъ-гиреевскіе и саипъ-гиреевскіе; пусть царь Θеодоръ Ивановичъ отправлялъ Казы-Гирею казну не въ одинъ десятокъ тысячъ рублей деньгами, мѣхами и шубами: но московское правительство XVI-го вѣка успѣвало еще уклоняться отъ формальнаго на письмѣ обязательства какою-нибудь дачей въ Крымъ. Въ XVII-мъ же вѣкѣ и такое обязательство становится обычнымъ въ шертныхъ грамотахъ, причемъ устанавливаются самыя росписи, кому именно и сколько давать ежегодной казны, поминковъ и жалованья. Къ сдѣланной однажды росписи изъ Кры-

---

[1]) „Съ Нагайской страны пала въ *Осколъ* рѣчка *Валуевка*, а на ней на устьѣ стоитъ градъ *Валуевка*. А отъ Валуйки внизъ по Осколу, отъ Калміусской дороги, пала въ Осколъ рѣчка *Ураеви*, да рѣчка *Уразова*“. (Книга глаголемая Большой Чертежъ, изд. 1846, на стр. 36). Мѣсто посольскаго размѣннаго съѣзда приходилось верстахъ въ пяти отъ города.

[2]) Пам. дипл. снош., стр. 177; 180; 184; 186—187. Въ 1683 году уполномоченные русскіе требовали отъ крымцевъ, на съѣздѣ въ Переволочнѣ, чтобы впредь размѣну подъ Переволочною для дальнего пути не быть, а быть бы розмѣну по исконному обычаю подъ Волуйкою на рѣкѣ Ураевѣ: стр. 196—197. Но въ Крыму предпочитали ближайшую отъ него Переволочну: стр. 200. Впрочемъ, это было уже въ концѣ XVII-го вѣка, когда дѣло было близко къ прекращенію съѣздовъ и къ прекращенію всякихъ дачъ крымцамъ.

ма требовали прибавокъ то на новыхъ членовъ ханской семьи и на новыхъ лицъ, къ хану приближенныхъ, то по случаю „обновленья царева“, т. е. вступленія на престолъ новаго хана; даже за немирные годы набѣговъ и войны крымцы требовали казны; но московское правительство отказывало въ подобныхъ крайне безстыдныхъ требованіяхъ [1]). Вотъ нѣсколько подлинныхъ мѣстъ, сюда относящихся; послушаемъ, какимъ тономъ говорятъ обѣ стороны: „А брату нашему, великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Росія и многихъ государствъ государю и обладателю, къ намъ Джанбекъ-Гирею царю, и къ брату нашему къ калгѣ Магметъ-Гирею, и къ сыну нашему къ нурадыну Мубарекъ-Гирею царевичу, и къ царицамъ нашимъ, поминки свои, а къ ближнимъ нашимъ людемъ жалованье присылати сполна, не умаля ни въ чемъ, по сему нашему нынѣшнему договору, на чемъ если съ присланнымъ брата нашего съ добрымъ человѣкомъ съ Тимоѳеемъ Анисимовымъ, да съ подъячимъ съ Калистратомъ Акинѳіевымъ договорились мы Джанбекъ-Гирѣево царево величество, по волѣ своей написавъ роспись, за нашею печатью дали; и впередъ бы въ сей дачѣ присылати по той нашей росписи сполна, и чтобъ о томъ впередъ лишнего слова, и шуму, и брани не было; и съ той росписи, которая послана къ вамъ, брату нашему, списавъ списокъ, оставили у себя въ казнѣ для того, чтобъ впередъ знака не было, и чтобъ брата нашего великаго государя посломъ про то впередъ дурна и безчестья никакого не было. А мы сверхъ той росписи на нихъ ничего спрашивать не учнемъ“ [2]). Въ шертной записи 1656 года крымскія

---

[1]) Пам. дипл. снош., № 41—двѣ росписи казны и поминковъ. На стр. 64 замѣчено: „а писана ся царева роспись (т. е. Джанбекъ-Гиреева отъ 1633 года) безъ цѣны, и по государеву указу съ цѣною, примѣряся цѣнѣ къ прежнимъ росписямъ“. Итакъ, роспись 1633 года не первая въ этомъ родѣ, но единственная изъ дошедшихъ среди шертныхъ грамотъ. Упоминаются не рѣдко еще росписи Богатырь-Гиреєва, Курамшина мурзина: тамъ же стр. 66—77; 81; 84; 88; 96 („роспись что при Тахтамышѣ“, т. е. уполномоченномъ Богатырь-Гирея: стр. 80); 127; 142; 182 и друг. Не приводимъ указаній на многія другія страницы „Памятниковъ“, гдѣ говорится о поминкахъ, о казнѣ, о дарахъ, о нихъ постоянно рѣчь въ шертяхъ XVII-го вѣка, хотя далеко не вездѣ ясная рѣчь на счетъ собственно постоянной казны и временныхъ поминковъ. Да и по самому существу дѣла понятія „казны“ и „поминковъ“ должны были колебаться. За военное время и за время набѣговъ въ казнѣ отказывали: тамъ же, напримѣръ, стр. 108; 164.

[2]) Тамъ же, стр. 58.

послы даютъ обязательство: „какъ великаго государя его царскаго величества посланники Андрей Акимовичъ, да подъячей Григорій Ждановъ у государя нашего Магметъ-Гирея царя, и у калги Казы-Гирея царевича, и у нурадына Адиль-Гирея царевича будутъ въ Крымѣ, и государю нашему Магметъ-Гирею царю, и калгѣ, и нурадыну, великаго государя его царскаго величества любительные поминки, а ближнимъ ихъ людемъ его царскаго величества жалованье приняти съ великою честію, по прежней Богатырь-Гирѣевѣ царевѣ росписи, и по Курамшину договору и по шертной грамотѣ, безъ запросовъ; и мимо Курамшина договора и Богатыръ-Гирѣевы царевы росписи на посланикахъ, нынѣ и впредь которые будутъ отъ царскаго величества въ Крымѣ, царю и калгѣ и нурадыну и ближнимъ ихъ людемъ государева жалованья лишнего ничего на нихъ не спрашивать, и ихъ не безчестить, и никакого дурна надъ ними не дѣлать" и т. д. [1]). Съ своей стороны, крымцы прибавляли: „ежегодъ казну присылать по росписи, по прежнему обычаю, шубы мѣрны и широки велѣть дѣлать", „шубъ узкихъ и немѣрныхъ не дѣлать", и проч. [2]).

И вдругъ всё это рушилось! Съ конца XVII вѣка, послѣ крымскихъ походовъ князя В. В. Голицына, да послѣ азовскихъ походовъ Петра, плата казны и всякихъ поминковъ въ Крымъ сразу и на всегда прекратилась. Съ того времени перестали писать и шерти: ибо прекратился существеный поводъ къ ихъ писанью.

Таково содержаніе крымскихъ шертныхъ грамотъ! Мы изложили, кажется, всё главное ихъ содержаніе и сдѣлали нужныя на нашъ взглядъ выписки, чтобы представить нѣчто въ родѣ общей или сводной грамоты шертной.

Нѣкоторыя статьи шертныхъ грамотъ и записей имѣютъ видъ взаимныхъ обязательствъ, что касается, наприм., сдерживанья отъ набѣговъ на русскія границы своевольныхъ татаръ, съ одной стороны, и козаковъ запорожскихъ, донскихъ и татарскихъ на земли крымско-турецкія, съ другой стороны, что касается обоюдныхъ обязательствъ не воевать, а держать миръ, беречь пословъ, хранить присягу и

[1]) Тамъ же, стр. 142.
[2]) Тамъ же, стр. 171, 174.

всѣ условія, на которыхъ обѣ стороны согласились; по мѣстамъ въ шертяхъ и въ записяхъ прямо говорится, что онѣ суть „договоръ", что обѣ стороны такъ-то и такъ-то „договорились". При всемъ томъ однако шертныя грамоты не суть въ точномъ смыслѣ договоры, а гораздо больше одностороннія обязательства со стороны Крыма: и починъ, и совершеніе ихъ дѣлались, главнымъ образомъ, съ русской стороны и въ русскихъ видахъ. И пусть, наконецъ скажемъ, шерти на дѣлѣ постоянно были нарушаемы съ татарской стороны; пусть приходилось постоянно возобновлять сдѣлки съ Крымомъ цѣной новыхъ платежей денегъ и всякихъ пожертвованій, въ томъ числѣ иногда унизительныхъ: шерти всё-таки имѣли долю своего значенія для московскаго правительства, давая хотя кратковременное перемиріе съ назойливою Татарской ордой до того времени, когда стало возможно наступленіе на Крымъ, на это гнѣздо разбойниковъ.

М. Бережковъ.

КЪ ВОПРОСУ О КОЗАЧЕСТВѢ

ДО

БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

„*Будетъ когдась отъ тихъ юнаковъ речь посполитая волная*“.
(Лѣтопись Грабянки, 22).

„*И аще царство на ся раздѣлится, не можетъ стати царство то*“.
(Ев. Марка, III, 24).

„*Verum confitentibus, latifundia perdidere Italiam, jam vero et provincisa.*
(Plin. H. N. XVIII. 7в.).

Рядъ работъ по исторіи Южной Руси, начатыхъ проф. В. Б. Антоновичемъ и продолжаемыхъ его учениками въ теченіе текущей четверти вѣка, въ весьма значительной степени разъяснили мало изслѣдованныя до того времени судьбы нашего края; въ ряду этихъ работъ мы прежде всего встрѣчаемъ извѣстное изслѣдованіе проф. Н. П. Дашкевича о Болоховской землѣ [1]), въ которомъ онъ первый пытался разрѣшить одинъ изъ темныхъ вопросовъ въ исторіи южнорусскаго населенія, въ XIII и XIV вв., вообще, и, въ частности, населенія, занимавшаго ту территорію, гдѣ позже, въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, широко развилось свободное, полувоенное, полуземледѣльческое козачество. Благодаря названному труду Н. П. Дашкевича,

[1]) „Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи“. См. „Труды III-го археологическаго съѣзда, бывшаго въ Кіевѣ“. Кіевъ. 1874 г., т. II, стр. 68 (и отдѣльный оттискъ). Его-же: „Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и болоховцахъ“. Кіев. у—тет. изд. 1884, № 4 (и отдѣльно).

а также и другимъ работамъ [1]), прямо или косвенно затрогивающимъ тотъ же вопросъ, могутъ быть болѣе или менѣе прочно установлены слѣдующіе факты:

Послѣ татарскаго погрома Южная Русь не обезлюдѣла совершенно; разбѣжавшееся населеніе возвращается къ своимъ пепелищамъ, когда миновала гроза нашествія.

Въ эту эпоху населеніе обнаруживаетъ непріязненное отношеніе къ княжескому строю, слагается въ автономныя общины со своими особыми, не выдающимися, однако, изъ массы, князьями или атаманами во главѣ, которыхъ западно-европейскій путешественникъ того времени (Плано Карпини) называетъ префектами.

Общины добровольно подчиняются татарамъ (становятся „людьми татарскими", „людьми сѣдящими за татары"), которые оставляютъ имъ свободу подъ условіемъ платежа дани земледѣльческими продуктами („да имъ орють пшеницю и просо") и вообще произведеденіями своей страны и своего труда.

Общины эти не имѣли городовъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ оборонительныхъ пунктовъ, хотя не могли обходиться безъ центровъ своей торгово-промышленной дѣятельности („складовыхъ мѣстъ") и администраціи.

Занимаясь промыслами въ лѣтніе мѣсяцы на поляхъ, въ лѣсахъ или по рѣкамъ, общины высылали небольшіе вооруженные отряды для защиты въ случаѣ нападенія кочевниковъ; такіе отряды располагались на огражденныхъ самою природой островахъ рѣкъ Буга и Днѣпра.

Съ половины XIII и до послѣдней почти четверти XV вѣка лѣтописи ничего не говорятъ объ общинахъ, потому что, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Грушевскій, „жизнь разбросанныхъ

---

[1]) Назовемъ работы проф. *В. Б. Антоновича*: „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569)". См. его „Монографіи", т. I, стр. 221.—Его же: Изслѣдованіе о козачествѣ (1500—1648 г.г.). См. „Архивъ Юго-Западной Россіи, часть III, т. I.— *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*: „Населеніе Юго-Запад. Россіи отъ половины XIII в. до половины XV вѣка" и „Населеніе Юго-Западной Россіи отъ второй половины XV в. до Люблинской уніи (1569 г.). См. „Архивъ Юго-Запад. Россіи" ч. VII, т. 1 и 2-й.—*М. С. Грушевскаго*: „Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія." Кіевъ. 1891 г.—*Н. В, Молчановскаго*: „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года". Кіевъ. 1885.—*М. Сергіенка*: „Громадськiй рух на Вкраіні—Руси в XIII віці" (Записки Товариства імени Шевченка. ч. I. Львов. 1892).—

автономныхъ общинъ, не имѣвшихъ княжескихъ усобицъ, не производившихъ походовъ на сосѣднія земли, не вступавшихъ въ брачныя связи съ сосѣдними государями, жизнь чуждая и враждебная современнымъ княжско-государственнымъ понятіямъ", не могла доставить матеріала для лѣтописцевъ [1]). Вслѣдствіе такого недостатка лѣтописныхъ извѣстій дѣлать заключеніе о судьбѣ общинъ въ означенный періодъ времени мы можемъ, принимая лишь во вниманіе общія важнѣйшія событія въ исторіи Южной Руси того времени. Такъ, ослабленіе силы татаръ вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ у нихъ во второй половинѣ XIV в. и возрастаніе власти литовскихъ князей привело общины въ концѣ XIV в. къ подчиненію послѣднимъ; литовскіе князья распространяютъ границы своихъ владѣній [2]) до сѣверныхъ береговъ Чернаго моря и рядомъ крѣпостей стараются оградить эти границы; изъ крѣпостей извѣстны: Каневъ, Черкасы, Кременчугъ, Упскъ, Гербедеевъ, (теперь Келеберда, с. Золотоношскаго уѣзда, при Днѣпрѣ), Рогъ Мишуринъ (с. Верхнеднѣпр. у.), Кичкасъ (гдѣ нынѣ Кичкасская переправа на Днѣпрѣ въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ.), Тавань (теперь Бериславъ), Бургунъ (теперь с. Бургунка ниже Берислава), Тягинь (теперь м. Тягинка при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Тягинки) и Очаковъ [3]); кромѣ того упоминаются еще Хаджибей (Одесса), Монкастро (Аккерманъ) и Караулъ [4]).

Подчиненіе Южной Руси Литвѣ должно было поставить старыя общины во враждебныя отношенія къ татарамъ; но эти отношенія еще

---

[1]) Очеркъ исторіи Кіевской земли, стр. 442.

[2]) Въ 1540 г. относительно литовской границы „люди старые кіяне, черкаcане, каневцы, вѣдалые тыхъ границъ господарскихъ, повѣдили", что она начиналась отъ устья р. Мурафы, притока Днѣстра, и шла „на низъ Днѣстромъ, по половинѣ Днѣстра мимо Тягиню (Бендеры), ажъ гдѣ Днѣстръ упалъ въ море; а отголь съ устья Днѣстрова лименомъ пошла граница мимо Очакова ажъ до устья Днѣпрова; а Очаковъ на земли вашей милости господарской стоитъ; а отъ устья Днѣпрова до Тавани (Берислава); а у Тавани были перевозы вашей милости на поли съ перекопскимъ царемъ"; а по той сторонѣ Тавани граница шла по Овчьей водѣ „у верхъ Самари и у верхъ Оргѣи ажъ до Донца, а отъ Донца по Тихую Сосну"..... „А тые границы князь Семенъ Олельковичъ (1455—1471) высылалъ намѣстника своего Свиридова, который отъ него Черкасы держалъ; а тотъ по тымъ мѣстцомъ розъѣзджалъ и по тымъ урочищамъ границы кладъ" (Акты Запад. Россіи, т. II, стр. 362).

[3]) Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Вып. 1-й, стр 53 (Оттискъ изъ „Кіев. Старины").

[4]) *В. Б. Антоновичъ*, Монографіи, т. I. 245.

болѣе обостряются со времени признанія надъ собой крымскими ханами власти турецкаго султана, когда также и въ самомъ Крыму ханскій престолъ занялъ воинственный и энергичный Менгли-Гирей; союзъ его съ московскимъ княземъ Иваномъ III Васильевичемъ и общая борьба ихъ съ Литвой дѣлаетъ поэтому вполнѣ понятнымъ и тотъ характеръ отношеній южно-русскихъ общинъ къ московскому князю и крымскому хану, который мы наблюдаемъ въ самую раннюю эпоху, до какой только доходятъ достовѣрныя документальныя данныя; такимъ наиболѣе раннимъ документальнымъ источникомъ для исторіи южно-русскихъ общинъ служитъ дипломатическая переписка между Московскимъ государствомъ, съ одной стороны, а Литвой, Польшей [1]), Крымомъ, [2]), Турціей, Молдавіей и Валахіей [3]), съ другой.

Обратимся къ разсмотрѣнію заключающихся въ ней данныхъ.

Замѣтимъ прежде всего, что въ этой дипломатической перепискѣ Московскаго государства, въ донесеніяхъ и рѣчахъ великокняжескихъ и царскихъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ, южно-русское населеніе, вообще, и козачество, въ частности, выступаетъ подъ тѣмъ же именемъ, подъ какимъ извѣстно оно у нихъ и въ послѣдующее время, т. е., подъ именемъ „черкасъ“; рядомъ съ этимъ они именуются еще „королевыми людьми“, вообще, и, въ частности, извѣстны подъ именемъ воеводы, или лица, которому подчиняются; напр., „Пацевы люди“, т. е. подчиняющіеся кіевскому воеводѣ Юрію Пацу; въ другихъ документахъ: „князя Дмитріевы козаки“, „козаки Щуровы роты“ и проч.; иногда же они называются просто „козаками“, какимъ эпитетомъ и мы будемъ пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Наиболѣе раннее извѣстіе о жителяхъ Приднѣпровья мы находимъ въ перепискѣ московскаго князя съ литовскимъ подъ 1489 г., когда черкасы, подъ предводительствомъ своихъ старшинъ Богдана, Голубца и Василія Жилы нападаютъ на московскихъ купцовъ при

---

[1]) Сборникъ Импер. Рус. Историч. Общества, т. XXXV: Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-литовскимъ государствомъ, т. I, 1487—1533. Изданъ подъ редакціей Г. Θ. Карпова. Изд. 2-е. Спб. 1892.

[2]) Ibid., т. XLI: Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымскою и Ногайскою ордами и съ Турціей, т. 1-й, 1474—1505. Изданъ подъ редакціей Г. Θ. Карпова. Спб. 1884.

[3]) „Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вв.“ (См. Чтенія въ Москов. Обществѣ исторіи и древностей, кн. 3-я за 1887 г.).

переѣздѣ ихъ черезъ Днѣпръ у Тавани, грабятъ у нихъ товары и нѣкоторыхъ убиваютъ; они именуются здѣсь „пана Юрьевыми людьми [1]) Пацевыми". При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что козаки грабятъ московскихъ купцовъ, не смотря на то, что они ѣхали въ свитѣ возвращавшагося изъ Крыма польскаго посла Яна и находились такимъ образомъ подъ его покровительствомъ [2]).

Дипломатическая переписка между Москвой и Польшей по поводу этого нападенія тянется до мая 1492 г., но безъ всякаго результата для потерпѣвшей стороны; не окончилась она, какъ возникаетъ новая переписка сначала между татарскимъ ханомъ и литовскимъ княземъ, а потомъ и между московскимъ, вслѣдствіе того, что козаки сдѣлали нападеніе въ 1492 году на судно татарское подъ Тягинью на Днѣпрѣ, разбили его, плѣнили нѣсколькихъ человѣкъ, захватили имущество, деньги, стада воловъ, лошадей и проч.; на жалобу объ этомъ хана великій князь литовскій велѣлъ украиннымъ старостамъ розыскать заграбленное и возвратить татарамъ [3]). Въ октябрѣ 1494 г. козаки опять даютъ знать о себѣ: посолъ

---

[1]) „Нинѣча пакъ сего лѣта (1489) наши послы Московскіе земли, Тферскіе земли и Ноугородскіе земли многіе люди шли изъ Крыма съ твоимъ посломъ Яномъ вмѣстѣ; да какъ пришли на Тавань къ перевозу, и твоего посла Яна перевозники Днѣпръ перевезли а нашихъ гостей Днѣпръ не перевезли. Да пришедъ на нихъ твоего пана Юрьева люди Пацѣвича, въ головахъ Богданъ, да Голубецъ, да Васко Жила со многими людьми да нашихъ гостей перебили и переграбили, и товаръ у нихъ весь поимали, многихъ людей до смерти побили и перетопили, а иныхъ многихъ людей тѣхъ нашихъ гостей и нынѣча безъ вѣсти нѣтъ". (Сборникъ Импер. Рус. Истор. Общества, т. XXXV, стр 23).

При требованіи удовлетворенія по этой жалобѣ московскій князь называетъ грабителей „королевыми людьми" (Ibid., стр. 38, 42).

[2]) Въ хроникѣ Мартина Вѣльскаго, подъ тѣмъ-же 1489 г., передается разсказъ о походѣ козаковъ, вмѣстѣ съ обывателями Подоліи, подъ предводительствомъ короля Яна-Альбрехта противъ татаръ и побѣдѣ надъ ними подъ Копыстыриномъ (Шарогродскаго округа Летичевскаго повѣта).—Изъ малорусскихъ лѣтописцевъ Лукомскій, пользуясь Гвагниномъ, говоритъ о весьма раннихъ успѣхахъ козаковъ; но по провѣркѣ нами его ссылокъ оказалось, что одни факты онъ заимствовалъ у Бѣльскаго, ошибочно называя своимъ источникомъ Гвагнина, а другія, принадлежащіе, правда, Гвагнину, искажаетъ, относя къ козакамъ то, что послѣдній говорилъ о литовцахъ. („Лѣтоп. Самовид." Кіевъ. 1878 г., 325—330).

[3]) „Pisałes do nas w jarłyku swoim, iż ludzie nasi kaniewscy i czerkascy, przeszedłszy Dniepr pod Tehinią, okręt twoj rozbili i jednegõ człowieka zabrali, i dużo rzeczy pobrali; a potem pod Tehinią czerkascy dziesięc koni zabrali i trzech ludzi uprowadzili z sobą. A to nam nie wiadomo, czy się to stało; a jesli stało, to bez naszei woli. Przeto posłaliśmy do naszych urzędnikow ukrainnych, aby rzeczy te wszystkie odszukali między *kozakami*, a co wynajdą, aby oddali do rąk sługi twojego Musaka i ludzi, ktorzy byl

великаго князя московскаго бояринъ и князь Иванъ Андреевичъ Суббота шелъ отъ валашскаго господаря Стефана, вмѣстѣ съ его посломъ, въ Крымъ къ Менгли-Гирею; ихъ на пути „*козаки* потоптали“, всѣхъ ограбили и многихъ изъ посольской свиты перебили; въ письмѣ къ великому князю ханъ не указываетъ мѣста происшеетія [1]); изъ донесенія же московскаго посла въ Крымъ Константина Заболоцкаго и самого потерпѣвшаго „Иванца Субботы“ оказывается, что нападеніе совершено Уздемиромъ царевичемъ, братомъ Менгли-Гирея, враждовавшимъ съ нимъ, при участіи черкасскаго „воеводки“, при чемъ еще эти союзники взяли и разорили „новый городокъ“ на Днѣпрѣ, сооруженный Менгли-Гиреемъ, какъ базисъ для дѣйствій противъ „черкасъ [2])“. Вскорѣ, однако, благодаря содѣйствію московскаго посла и Уздемиръ царевичъ и черкасскій воевода Богданъ, который именуется теперь „*княземъ*“, находились въ рукахъ Менгли-гирея [3]); какъ поступилъ онъ съ ними, до насъ не

---

poymani, i rzeczy, ktorzy byli zabrani; a tych złych ludzi, ktorzy się tego dopuscili, kazalismy skarac, aby daley tego nie było; a ty, bracie nasz, abys także ludziom twojm roskazał, aby naszym ludziom ukrainnym szkod nie czynili, a jakie szkody naszym ludziom od twojch się staly, abys kazał oddac i popłacic, aby między nami wzmocniało się braterstwo i przyiazń“. Такъ писалъ литовскій князь къ крымскому хану (См. Каз. Пулаский: „Szkice i poszukiwania historiczne“. Krakow. 1887. I. „Dziki pola“, стр. 19; авторъ дѣлаетъ эту цитату изъ литов. метрики, кн. № 192, л. 247.

[1]) „Менгли-Гиреево слово: Великому князю Ивану, брату моему, поклонъ. Субота слуга твой ѣхалъ; изъ Черкаскаго городка *козаки* потоптали, все поимали, пѣша оставили; къ тобѣ есми не смогъ отпустити; хотѣлъ къ Степану воеводѣ воротитись, и азъ не пустилъ; и коня варядивъ и одѣтна съ Костянтиномъ хочю отпустити съ Божіею милостію (Сборникъ И. Р. О., т. XLI, 194; Чтенія въ Москов. Общ. исторіи и древн.: В. Уляницкаго: „Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вв.“, стр. 122. 123; кн. 3-я за 1887 г.).

[2]) „Да приходилъ, государь, Уздемиръ царевичъ, да съ нимъ приходилъ Богданъ черкаской воеводка, да взяли новий городокъ“ (Сборникъ И. Р. И. О., XLI, 195). Такъ доносилъ Заболоцкій; Суббота же говоритъ: „И мы, господине, пришли были подъ новий городокъ ко царю на перевозъ; да не дошли есми, господине, до Днѣпра; и пришли, господине, на насъ по грѣхомъ черкасцы ночи люди многіе, да насъ, господине, потоптали и пограбили; а мы головами своими отошли пѣши и наги; а Бѣлака, господине, у насъ убили, да и нашихъ людей“ (Ibid.). Упоминаемый здѣсь черкасскій воевода Богданъ быть можетъ одно лицо съ тѣмъ Богданомъ, котораго мы встрѣтили выше подъ 1489 г. Кромѣ близости по времени ихъ дѣйствій другихъ основаній нѣтъ для отождествованія этихъ вождей козачества.

[3]) „А твой (посолъ Заболоцкій) Костянтинъ“, пишетъ ханъ царю, „то видѣлъ и сему важному дѣлу нашему не утерпя, нашего брата Уздемиря царевича къ намъ послалъ, Черкаского города *князя* Богдана вмѣстѣ послалъ твоего, брата моего, дѣла дѣля“ (Сборникъ И. Р. И О., XLI, 196).

дошло извѣстій; но освободившись такимъ образомъ отъ сильныхъ и враждебныхъ себѣ вождей, ханъ спокойно совершаетъ набѣгъ на козацкія поселенія, къ которому безуспѣшно собирался два раза; сообщая объ этомъ великому князю и высказывая сожалѣніе о потеряхъ, происшедшихъ отъ разоренія козаками городка и простиравшихся, по его счету, до 150,000 „алтынъ", онъ какъ бы хочетъ сказать, что безпощадною жестокостью своего нападенія желалъ выместить на козакахъ свои потери и не истребилъ совершенно населенія въ сожженныхъ городахъ только по тому, что предувѣдомленное о его движеніи сторожевымъ отрядомъ, т. е., тѣми *„людьми, которые на Нѣпрѣ стояли"*, оно разбѣжалось [1]).

Поводомъ къ нападеніямъ козаковъ на татарскую галеру подъ Тягинью на Днѣпрѣ, а также на московскихъ пословъ и купцовъ у Тавани, служила, мы думаемъ, политика великаго князя Ивана III по отношенію къ литовскому; въ своихъ грамотахъ къ крымскему хану онъ постоянно возбуждаетъ его противъ Литвы и совѣтуетъ предпринять походъ на Южную Русь для завоеванія Кіева и Черкасъ. Менгли-Гирей, хотя и выражаетъ всегда полную готовность „садиться на конь", но подъ разными предлогами медлитъ въ исполненіи своихъ обѣщаній и заботится прежде всего о томъ, чтобы обезопасить свои владѣнія отъ нападеній козаковъ. Такъ, еще въ іюнѣ 1492 г., крымскій ханъ увѣдомляетъ московскаго князя о намѣреніи построить крѣпость ниже Тавани и оттуда уже дѣлать нападенія на Южную Русь. Іоаннъ III отвѣчаетъ ему, что, вмѣсто сооруженія города, лучше всего идти прямо воевать ближайшія владѣнія литовскаго князя, обѣщая тогда помощь и отъ себя [2]). Въ октябрѣ того же года русскій посолъ Лобановъ доноситъ изъ Крыма великому князю, что новый городокъ дѣйствительно основанъ на Днѣпрѣ и снабженъ гарнизономъ; ханъ, увѣдомляя съ своей стороны, о томъ же московскаго князя, проситъ его принять участіе въ денежныхъ расходахъ на сооруженіе крѣпости; Іоаннъ III отказываетъ ему въ выдачѣ суб-

---

[1]) „До зимы трижды кратъ на конь садился: впервые пошелъ, ино ледъ росполился; а вдругорядъ разболѣвъ воротился; а втретье и сѣмъ ѣздомъ, пришодъ съ пушками и съ пищалми, на Черкаской городокъ пришли есмя, и нашъ ходъ которые ихъ *люди на Нѣпрѣ стояли* видѣвши шодъ сказали; сколко городовъ своихъ пометавъ, бѣжали; и мы шодши Черкаскій городокъ въ головахъ и иные ихъ городы пожгли, но блнзу они людей своихъ не оставили бѣгу для" (ibid. 196).

[2]) Сборникъ И. Р. И. О., т. XLI, 149, 157, 158, 165, 182, 187 и 190.

сидіи, мотивируя тѣмъ, что крѣпость находится далеко отъ литовской границы, почти при самомъ устьѣ Днѣпра, и потому не можетъ причинить вреда его врагу; когда, наконецъ, козаки, о чемъ мы говорили выше, разорили эту крѣпость, ханъ, исчисляя убытки, въ видѣ жалобы и упрека, заявляетъ князю, что они цѣликомъ ложатся на него одного тяжелымъ долгомъ [1]); неудовлетворенный великимъ княземъ Менгли-Гирей частыми набѣгами на Русь возмѣщаетъ свои убытки; въ перепискѣ упоминается о набѣгахъ 1494 и 1496 гг. [2]). Въ 1498 г, ханъ торжествовалъ побѣду: чрезъ своихъ пословъ въ Москвѣ Казимира да Хозяша онъ извѣщаетъ великаго князя о пріѣздѣ къ нему черкасскихъ *князей* и людей и привозѣ поминокъ", во главѣ этихъ князей и людей стоялъ Айтекъ [3]); вслѣдъ за тѣмъ ханъ опять извѣщаетъ московскаго князя о пріѣздѣ къ нему другого „*черкаскаго князя*" Антонона; кочуя со своею ратью, онъ хотѣлъ-было уже отпустить князя въ свою землю, когда получилъ извѣстіе о движеніи литовскаго князя и турецкаго султана на молдавскаго господаря Стефана; „и мы на его сторону пошли", прибавляетъ ханъ, умалчивая о судьбѣ какъ

---

[1]) „Который городъ на Нѣпрѣ чинили есми, вземши и разорили, на тридцать тысящъ алтынъ деньгами взяли, а въ немъ шестьдесять и четыре человѣки взяли, а иныхъ побили, а иныхъ въ полонъ свели. А тотъ городъ дѣлалъ и нутрь дѣлалъ, сколько харчю учинилося; съ тобою, со братомъ своимъ, чинилъ есми роту, потому не солжу: на полтораста тысящъ алтынъ долгу учинилъ и нарядилъ; и нынѣ тотъ долгъ на мнѣ" (Сборникъ И. Р. И. О., XLI, 196).

[2]) Ibid., 209—212, 218,

[3]) „Вотчина наша добра, здорова стоитъ; и нынѣ, Богу молясь, опроче черкасъ дѣла намъ нѣтъ; а и сами вѣдаете: Айтекъ въ головахъ, черкаскіе *князи* и люди пріѣхали и поминки привезли" (Ibid, 279). Предполагать, что здѣсь идетъ рѣчь о черкасахъ кавказскихъ мы не видимъ основанія, потому что только днѣпровскіе черкасы причиняли много хлопотъ и крымскому хану и московскому князю; только они могли быть интересны Москвѣ и потому ханъ сообщаетъ о своихъ отношеніяхъ къ нимъ. Имя Айтека также не должно давать повода къ сомнѣнію въ виду извѣстной разноплеменности козацкаго населенія. Вотъ что, напр., говоритъ о козацкихъ именахъ польскій изслѣдователь: „Imiona i nazwiska tych kozakow, spotykane po żródlach w aktach XV i XVI stolecia swiadczą o owej roznorodnosci pierwiastkòw skladowych owej mieszanie plemion zas i wyznan. Przytaczamy dla przykladu owe nazwiska: Duszbekenicz, Mandryk, Minka, Mitenko, Mussa, Karacza, Sołtaniec, Czaban, Labos, Kozar, Aberendij, Malik-basza, Zubrik i t. d. Odrazu bije w oczy dużo imion tatarskiego i mongolskiego pochodzenia" (См. Каз. Пуласкаго: „Szkice i poszukiwania historiczne"—Dziki pola, стр. 17). Замѣтимъ, что г. Пуласкій въ свой перечень многихъ несомнѣнно татарскихъ именъ вноситъ нѣсколько и чисто южнорусскихъ: Митенко, напр., и друг.

будто задержаннаго князя [1]). Но, кажется, предстоявшая война не нарушила установившихся добрыхъ отношеній Менгли-Гирея къ черкасамъ, и въ 1500 г. великій князь литовскій Александръ напоминалъ Менгли-Гирею, что онъ самъ писалъ къ кіевскому воеводѣ князю Дмитрію Путятичу и къ „*черкаскому князю*“ Ивану Дашковичу и просилъ прислать пословъ [2]) „въ добрыхъ рѣчехъ“; тѣмъ не менѣе заключеніе мирнаго договора едва-ли между ними состоялось, потому что въ апрѣлѣ того же года козаки совершили набѣгъ на Очаковъ [3]), гдѣ захватили въ плѣнъ много людей и долго, не смотря на требованія, не хотѣли ихъ возвратить. Попытку примирить враждующія стороны дѣлалъ и великій князь московскій еще наканунѣ 1500 г., въ декабрѣ предшествовавшаго; онъ сообщаетъ великому князю литовскому Александру, своему затю, жалобу крымскаго хана Менгли-Гирея на то, что литовское правительство нарушило старыя права хана и продолжаетъ чинить насиліе, именно: присвоиваетъ себѣ населеніе, тянувшее будто бы изстари къ ордѣ, не позволяетъ взимать съ нихъ дань, допускаетъ своихъ людей разорять татарскіе города и брать безпошлинно соль; при этомъ ханъ перечисляетъ слѣдующіе города Южной Руси, отнятые у него литовскими князьями: Кіевъ, Каневъ, Нестобратъ, Дашко, Яро, Чанамъ, Болдавъ, Кулжанъ, Биринъ, Чалбашъ, Черкаскій городокъ, Путивль и Липятинъ [4]). Само

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. О., XLI, 263.

[2]) „Что еси писалъ и вскaзывалъ до воеводы нашего кіевскаго князя Дмитрія Путятича и до намѣстника черкаского *князя* Ивана Дашковича, вж быхмо къ тобѣ, брату нашему, нашихъ пословъ послали въ добрыхъ речѣхъ“. (Сборникъ И. Р. И. О., XLI, 330).

[3]) Ibid., 305.

[4]) „Еще которые наши люди отъ стороны потягли къ нашей ордѣ, тѣмъ нашимъ людямъ не велитъ намъ ясака давати, ни нашимъ дарагамъ не велитъ у нихъ по старинѣ бити; да еще пришедъ его люди на Днѣпрѣ у меня городъ взяли, колко нашихъ людей побили, и иныхъ съ собою свели, а купъ безчисленно взяли. И опослѣ того, который городъ на устье Днѣпра здѣлали есмя, тому городу его люди за все, приходя въ судѣхъ, много лиха чинатъ. Еще его люди на нашей земли, изъ старины приходя, соль имали и пошлины давали; а нынѣча его люди приходя соль только емлютъ, а пошлинъ не даютъ. Такая сила чинится,—какъ намъ съ нимъ помиритися?“—Ханъ желаетъ, чтобы все было возстановлено такъ, какъ было „при Седехматѣ при царѣ“.

Относительно городовъ „Менгли-Гиреевъ царевъ посолъ Ази-Халелъ сказывалъ, что изъ старины къ Перекопской ордѣ тянули Кіевъ въ головахъ почёнъ; а опроче по тѣмъ городкомъ дараги были и ясаки съ тѣхъ людей имали: Каневъ, да Нестобратъ, да Дашко.

собою разумѣется что примиреніе не могло быть достигнуто на почвѣ такихъ неумѣренныхъ требованій Менгли-Гирея. Въ тоже время происходитъ разрывъ между московскимъ и литовскимъ князьями; и Іоаннъ III уже не только не помогаетъ примиренію, но, напротивъ, по прежнему уговариваетъ хана идти и воевать Кіевъ и сосѣдніе города [1]); посланнаго имъ съ такой цѣлью въ Крымъ гонца Дмитрія Ларева, „кіевскіе и черкаскіе козаки“ поджидаютъ на Днѣпрѣ, чтобы „потоптать“; но это не удалось имъ, благодаря лишь отряду въ 300 человѣкъ, отправленному Менгли-Гиреемъ на встрѣчу гонцу; козаки были отбиты, потерявъ 7 человѣкъ убитыми и 7 раненными да 30 убитыхъ лошадей [2]); такія безпрестанныя стычки съ козаками заставляютъ крымскаго хана снова подумать о возобновленіи крѣпости ниже Тавани, о чемъ онъ и пишетъ московскому князю въ ноябрѣ 1504 г. [3]), особенно же послѣ того какъ козаки опять ограбили купцовъ крымскихъ и кафинскихъ, хотя заграбленное и было возвращено потерпѣвшимъ по распоряженію „*черкаскаго князя*“ [4]).

Къ разсматриваемому нами раннему періоду жизни козачества относятся также и его враждебныя отношенія къ Кафѣ; въ 1501 г. кафинскій султанъ Шихзода въ союзѣ съ азовскими козаками, велъ войну съ черкасами, но былъ ими разбитъ [5]); въ слѣдующемъ году, послѣдніе дѣлаютъ нападеніе на азовскихъ козаковъ [6]); кафинскій султанъ, ожидая также нападенія и на себя, проситъ помощи у крымскаго хана, но почему-то получаетъ отъ него отказъ; въ 1503 г. черкасы гра-

---

да Яро, да Чанамъ, да Волдавъ, да Кулжавъ, да Биринъ, Челбашъ, да Черкаскій городокъ да Путивль, да Липятинъ; тѣ городки и зъ селы всѣ царевы люди, то язъ вѣдаю, а иное вѣдаетъ царь, братъ твой“ (Сборникъ И. Р. И. О., т. XXXV, 290—292).

[1]) Сборникъ И. Р. И. О., т. XLI, 427 и 430.

[2]) Ibid., 476 и 479.

[3]) Ibid., 539 и 540.

[4]) „Менгли-Гиреево слово: Великому князю Ивану, брату моему, слово то: въ Кіевъ зимняго для платья, шубы, съ кафинци есми своего человѣка посылалъ, и Шихзодинъ человѣкъ былъ вмѣстѣ жъ съ ними съ кунами; и у нихъ рухлядь была: жемчюгъ, камни съ золотомъ, и золотые, и гроши, и деньги; и тѣ гости на Днѣпрѣ перевозилися на Тавани; моего человѣка, и Шихзодина человѣка, и гостей тутъ на перевозѣ на Тавани пограбили и тѣ куны у нихъ поимали кіевци да черкасци, да и прочь пошли. И которые на нихъ приходили въ судѣхъ грабити ихъ, и *черкаскій князь* тѣ куны собравъ къ нимъ прислалъ“ (Ibid., 542).

[5]) Сборникъ И. Р. И. О., XLI, 357.

[6]) Ibid., 391.

бятъ на Днѣпрѣ [1]) товары у кафинскихъ купцовъ, повторяя тоже и въ слѣдующемъ году, какъ мы выше упомянули [2]).

Таковы тѣ немногіе важнѣйшіе факты, какіе можно было извлечь изъ дипломатическихъ актовъ и которые съ точностью и опредѣленностью, не подлежащею ни малѣйшему сомнѣнію, представляютъ намъ положеніе южно-русскаго населенія въ концѣ XV и началѣ XVI вв., т. е. до того времени, къ которому лѣтописи относятъ возникновеніе козачества и начинаютъ говорить о немъ.

Изъ этихъ фактовъ мы видимъ, что южно-русское населеніе уже въ концѣ XV в. является вполнѣ сложившимся въ ту общественную форму, въ которой изображаютъ намъ лѣтописи козачество XVI в., т. е. въ форму сильной воинственной общины.

Мы видѣли также, что въ то же время воинственные и храбрые приднѣпровскіе обитатели именуются уже въ современныхъ имъ дипломатическихъ актахъ „*козаками*". Но такъ какъ для своего образованія и развитія козачество необходимо должно было употребить болѣе или менѣе продолжительное время, то начало его съ увѣренностью можетъ быть отнесено не къ концу XV в., а ко времени болѣе раннему, можетъ быть даже и не къ началу XV в. (если принять во вниманіе слова Менгли-Гирея, въ которыхъ онъ выражаетъ желаніе, чтобы въ отношеніи Южной Руси былъ возстановленъ тотъ порядокъ вещей, какой существовалъ при Седи-Ахметѣ, т. е. около половины XV в.), а, что гораздо вѣроятнѣе, къ половинѣ XIV, ко времени распространенія власти литовскихъ князей надъ южно-русскимъ населеніемъ [3]), которое подъ давленіемъ этой новой силы должно было стать во враждебныя отношенія къ татарамъ и, мало по малу, изъ мирныхъ земледѣльческихъ общинъ, работавшихъ на татаръ, организовываться въ полувоенныя и полуземледѣльческія общины, ставшія впослѣдствіи извѣстными подъ именемъ козаковъ; литовское подчиненіе какъ бы пробудило національное самосознаніе и породило надежду на поддержаніе русскихъ началъ общественной жизни въ населеніи по освобожденіи отъ тяжелаго монгольскаго рабства.

---

[1]) Ibid., 467 и 469.

[2]) Ibid., 542.

[3]) Завоевателемъ Кіевской и Подольской земли былъ Ольгердъ, по мнѣнію однихъ историковъ, и Гедиминъ, по мнѣнію другихъ (1320—1362 гг.).

Въ концѣ XV в. мы видимъ козаковъ уже настолько сильными, что они вступаютъ въ открытую борьбу съ татарами, нападая на ихъ галеры и разоряя города, и долго сдерживаютъ ихъ набѣги на Русь, не смотря на подстрекательство московскаго великаго князя, пословъ котораго они грабятъ и убиваютъ при малѣйшемъ неудовольствіи.

При господствѣ власти литовскихъ князей мы не замѣчаемъ полной зависимости отъ нихъ козаковъ; послѣдніе сами, сообразно своимъ собственнымъ интересамъ, становятся, какъ показываютъ вышеприведенные факты, въ дружественныя или враждебныя отношенія къ Крыму или Москвѣ, являясь такимъ образомъ болѣе или менѣе самостоятельными во внѣшней политикѣ.

Большая или меньшая политическая независимость, находясь въ непремѣнномъ соотвѣтствіи съ развитіемъ мѣстной автономіи, заставляетъ насъ предполагать значительное развитіе ея среди козачества еще въ XV в. Такъ, оно подчиняется своимъ собственнымъ предводителямъ, которые въ приведенной выше дипломатической перепискѣ именуются, то подвоеводами, то князьями; этотъ же титулъ встрѣчается и въ королевскихъ грамотахъ, относящихся къ представителямъ центральной власти среди южно-русскаго населенія.

Указанія дипломатическихъ актовъ на одновременное существованіе у козаковъ нѣсколькихъ предводителей и различеніе въ нихъ козаковъ черкасскихъ отъ каневскихъ, кіевскихъ и другихъ позволяетъ думать, что въ то отдаленное время козачество распадалось на отдѣльныя общины, и во главѣ каждой изъ нихъ стоялъ свой особенный „князь“ [1]).

---

[1]) Слово „князь“ употребляется въ дипломатической перепискѣ. Крымскій ханъ свою переписку съ великимъ княземъ московскимъ велъ на татарскомъ языкѣ; грамоты его для князя переводились въ посольскомъ приказѣ; въ нихъ именемъ „князь“, мы думаемъ, означали въ Москвѣ такой же терминъ, какой стоялъ и въ ханскихъ грамотахъ, въ которыя онъ могъ быть принятъ какъ укоренившееся туземное названіе предводителя, дающее ясное представленіе о его національности. Терминъ „князь“ мы находимъ и въ западно-русскихъ актахъ; напр., въ 1500 г., въ грамотѣ короля Александра крымскому хану черкасскимъ намѣстникомъ названъ князь Иванъ Дашковичъ; въ грамотѣ короля Сигизмунда I, данной имъ на имя черкасскаго намѣстника Василія Дашковича, послѣдній также титулуется „княземъ“, а между тѣмъ извѣстно, что семья Дашковичей не была княжескаго происхожденія, и этотъ титулъ не удержался въ ея потомствѣ (Акты Южн. и Запад. Россіи, т. II, 143). Тоже слѣдуетъ сказать и о какомъ-то князѣ Богданѣ, котораго, какъ мы видѣли выше, русскіе послы называютъ прямо „подвоеводкой“. Всѣ эти эпитеты могли быть синонимами другого древняго эпитета „дука“ (отъ dux), замѣнившагося позже

Черкасскіе „князья“, какъ и все населеніе Поднѣпровья, находятся въ нѣкоторой зависимости отъ кіевскихъ князей и воеводъ, при чемъ первые именуются также намѣстниками послѣднихъ, иначе подвоеводами, или являются замѣстителями ихъ. Интересы и тѣхъ и другихъ въ разсматриваемый періодъ времени были общи какъ въ отношеніи промысловъ, такъ и борьбы съ татарами, и мы не видимъ враждебныхъ отношеній между королевскими воеводами и старостами и населеніемъ; это дѣлаетъ понятнымъ, почему во главѣ козацкихъ отрядовъ въ войнахъ съ татарами становятся старосты южно-русскихъ королевскихъ замковъ: Евстафій Дашковичъ, Предславъ Лянскоронскій, Венжикъ Хмельницкій, Михаилъ и Дмитрій Вишневецкіе, Константинъ I-й и II-й Острожскіе, Евстафій Ружинскій и друг., которыхъ козацкія лѣтописи называютъ первыми гетманами и стараются установить между ними послѣдовательность вопреки документальнымъ даннымъ, доказывающимъ ихъ одновременность [1]).

Занятіе населенія было изстари одно и тоже: лѣсное хозяйство, рыбная ловля, охота, соляной промыслъ и земледѣліе, на что указываютъ и уставная грамота Кіевской землѣ, данная въ 1494 г., и вы-

---

эпитетомъ „атамана“, „гетмана“, который удержался и до сихъ поръ въ народномъ языкѣ и встрѣчается въ извѣстной думѣ о Феськѣ Ганжѣ Андыберѣ въ смыслѣ „богача“. Казиміръ Пуласкій въ своемъ сборникѣ сочиненій: „Szkice i poszukiwania historiczne“ (Kraków, 1887, стр. 239, примѣч.) пишетъ: „nie należy jednak brac ruski tytuł „kniazia“ za jedno co „xiąże“ (kniaże); oznaczał on tylko pana znacznijszego od 'innych; Bartoszewicz pisał o tem wyczerpuiąco w rozprawie, wydanej po smierci autora w Krakowie w 1876 г.: „Kniaz“ i „xiąze.“ Если бы удалось опредѣлить повинности населенія Южной Руси по отношенію къ своимъ „князьямъ“, то, быть можетъ, мы имѣли бы основаніе сближать князей козачества съ „князьями“ селъ, основывавшихся на валашскомъ правѣ (См. объ этомъ у гр. Александра Стадницкаго: „O wsiach tak zwanych woloskich na połnocnym stoku Karpat“ (Lwów, 1848), гдѣ князья являются въ роли солтысовъ), или со старостами королевскихъ имѣній (См. И. Линниченко: „Черты изъ исторіи сословій въ Юго-Запад. (Галиц.) Руси XIV—XV в. Москва. 1894 г). Въ Смѣлянщинѣ до сихъ поръ сохраняется преданіе о какомъ-то князѣ Юріи и его двухъ сестрахъ Матронѣ и Домнѣ; по имени брата названа гора; Матрона основала монастырь въ 30—40 верстахъ отъ м. Смѣлы, а Домна насыпала плотину на Ирдынскомъ болотѣ, монастырь несомнѣнно весьма древняго происхожденія Бартошевичъ говоритъ объ огромной массѣ князей, распространяющихся до Днѣпра и даже въ Сѣверщинѣ, и, сравнивая его со звѣздами млечнаго пути восклицаетъ: „кто пересчитаетъ звѣздочки этого млечнаго пути, кто пересчитаетъ князей Волыни и Заднѣпровья“ (Dzieła, X, 381)?

[1]) Архивъ Ю.-З. Россіи, ч III, т. 1. Предисловіе В. Б. Антоновича: „Изслѣдованіе о козачествѣ по актамъ 1500—1648 гг.“, стр. XXVII.

шеприведенная жалоба крымскаго хана московскому князю на литовскаго о неплатежѣ пошлинъ, и люстраціи XVI в.

Для огражденія своихъ полей и промысловъ отъ грабежей татарскихъ, козаки имѣли на Днѣпрѣ постоянный отрядъ, который или самъ отражалъ опасность, если былъ въ силахъ, или предупреждалъ населеніе о движеніи большихъ непріятельскихъ полчищъ, какъ пишетъ о такомъ случаѣ въ 1493 году Менгли-Гирей московскому князю.

Если мы вспомнимъ теперь приведенную нами въ началѣ характеристику южно-русскихъ общинъ XIII и XIV вв. съ вышеизложенными фактами изъ исторіи козачества конца XV и начала XVI вв., то легко замѣтимъ полное сходство въ соціальномъ строѣ тѣхъ и другихъ; если же мы примемъ во вниманіе также и то, что послѣ татарскаго нашествія не произошло такихъ рѣшительныхъ событій, которыя бы на мѣстѣ общинъ XIII в. поставили бы новое населеніе со сходной же общественной организаціей, то должны будемъ признать генетическую связь между тѣми и другими. Еще Н. И. Костомаровъ, излагая свои „Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси", говоритъ: „козачество уже въ своемъ существѣ возникло въ XII—XIII вѣкѣ.... читая исторію Юго-Западной Руси XII—XIII вѣка можно видѣть юношескій возрастъ того общественнаго строя, который является въ возмужаломъ видѣ черезъ нѣсколько столѣтій...... Народная жизнь XIV и XV в. намъ мало извѣстна; но элементы, составлявшіе начало того, что явилось въ XVI вѣкѣ ощутительно, въ формѣ козачества, не угасали, а развивались" [1]). Много приведено цѣнныхъ фактовъ и высказано предположеній и въ упомянутомъ трудѣ Н. П. Дашкевича о Болоховской землѣ относительно ранняго развитія козачества въ Подоліи; матеріалы же, собранные М. С. Грушевскимъ о барской околичной шляхтѣ и напечатанные въ 1 и 2 томѣ VIII части „Архива Юго-Западной Россіи", такъ же какъ и изслѣдованіе его по этимъ матеріаламъ даютъ болѣе твердую опору для разрѣшенія вопроса о времени возникновенія козачества.

Изъ вышеизложеннаго мы также видѣли, что черкасы, или козаки, производятъ свои нападенія на московскихъ, молдавскихъ и татарскихъ пословъ и купцовъ исключительно на Тавани или около нея;

---

[1]) „Историч. монографіи и изслѣдованія", I, 69—72.

что для послѣднихъ путь отъ Кіева или Черкасъ до Тавани былъ самымъ опаснымъ, и московскій князь всякій разъ просилъ у литовскаго проводниковъ до Тавани, „чтобы лиха отъ его людей не было никотораго"; что отсюда же дѣлались ими нападенія на татаръ и давались вѣсти въ сѣверныя города о наступленіи враговъ; что они, наконецъ, по словамъ Менгли-Гирея, именно „стоятъ на Нѣпрѣ"; слѣдовательно, мы въ правѣ отсюда вывести заключеніе, что еще въ XV в. на Днѣпрѣ, гдѣ-то на Тавани или около нея, во всякомъ случаѣ ниже пороговъ, т. е. *за порогами*, находилось мѣсто постояннаго пребыванія отряда черкасовъ, или козаковъ, и при томъ довольно значительнаго въ числѣ; мы думаемъ также, что, находясь на открытой рѣкѣ, стоя, такъ сказать открытой грудью противъ ежеминутно готоваго къ нападенію врага, сдерживая его порывы къ грабежу, отрядъ козаковъ не могъ не имѣть хотя слабыхъ укрѣпленій, послужившихъ зародышемъ будущей сѣчи; къ этому-то отдаленному періоду, покрытому туманомъ неизвѣстности отъ недостатка свѣта тоговременныхъ документовъ, мы и относимъ ея начало; сѣчь необходимо должна была родиться вмѣстѣ съ козачествомъ, со времени господства литовскихъ князей надъ Южной Россіей, вслѣдствіе новыхъ измѣнившихся отношеній населенія къ татарамъ.

Положеніе этого отряда на Днѣпрѣ трудно опредѣлить по неопредѣленности нашихъ данныхъ; весьма вѣроятно, что онъ находился и на Тавани, гдѣ существовали какія-то городища, которыми усилившіеся потомъ ханы и воспользовались для устройства на немъ крѣпости Мустритъ-кермена, а рядомъ съ нимъ двухъ другихъ Кази-кермена (теперь, Бериславъ), на правомъ, и Асланъ-кермена, (теперь Каховка), на лѣвомъ берегу Днѣпра, для удержанія козаковъ отъ походовъ на Крымъ. Въ концѣ XV в. татары еще не рѣшались занять островъ Тавань и предполагали воспользоваться городищемъ надъ Днѣпромъ ниже Тавани, чтобы построить себѣ крѣпость и оттуда уже громить недруговъ московскаго князя [1]); крѣ-

[1]) Въ іюнѣ 1492 г. Менгли-Гирей пишетъ въ Москву великому князю: „А что ми было на королеву землю ратью итти, и язъ нынѣча адумалъ такъ: есть на королевой земли ниже Тавани, на той сторонѣ Днѣпра, городище на(дъ) Днѣпромъ; и язъ нынѣча пошелъ тотъ городъ дѣлати со всѣми людьми, и какъ дастъ Богъ сдѣлаю его, и близко буду недруга своего, и язъ ожъ дастъ Богъ недругу своему да и брата своего недругу хочю недружбу чинити, сколько ми Богъ пособитъ" (Сборникъ И. Р. И. О., т. XLI, 149)

пость была построена, но вскорѣ разорена козаками, какъ мы показали выше. Намъ кажется, поэтому, что здѣсь-то на Тавани и была древнѣйшая Запорожская сѣчь. Козаки, часто мѣнявшіе мѣсто пребыванія своего коша, оставили, вѣроятно, Тавань въ 1504 г., ибо въ концѣ этого года ханъ предполагаетъ строить новый городъ уже на самомъ островѣ Тавани [1]); почему ушли отсюда козаки, неизвѣстно; быть можетъ вслѣдствіе напора татаръ, поддерживаемыхъ турками; въ это время они, хотя и продолжаютъ грабежи на Тавани, но тотчасъ по совершеніи ихъ „уходятъ прочь“ [2]).

Но если Запорожская сѣчь должна была необходимо возникнуть на Тавани или вблизи нея въ XV в., то мы не видимъ, поэтому, основаній для того, чтобы приписывать заложеніе ея московскимъ или литовскимъ князьямъ. Напротивъ, мы наблюдаемъ, что, независимо отъ присутствія въ низовьяхъ Днѣпра сильнаго отряда изъ южно-руссовъ, польско-литовское и московское правительства, не полагаясь на „залоги запорожскіе“, быть можетъ часто враждебные имъ, содержали каждое отдѣльно свои собственные сторожевые отряды на Днѣпрѣ и заботились объ устройствѣ тамъ крѣпостей для предупрежденія на случай выступленія въ походъ татаръ; указаніе на этотъ фактъ мы находимъ еще подъ 1498 г. [3]) въ дипломатической взаимной перепискѣ сосѣднихъ государствъ Польши, Литвы, Москвы, Молдавіи, Валахіи, Турціи и Крыма. Мы не можемъ также согласиться съ мнѣніемъ большинства нашихъ историковъ объ основаніи сѣчи княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ на островѣ

---

[1]) Въ ноябрѣ 1504 г. крымскій ханъ сообщаетъ въ Москву: „Да еще самъ на Днѣпрѣ на Таванѣ хочю доспѣти, одинъ городъ великъ, и городищо есть, и язъ то хочю городъ доспѣти“ (Ibid., 540). Въ другой грамотѣ онъ прибавляетъ нѣсколько подробностей: „Богъ дастъ ся весна будетъ, перекопь здѣлаю, а на Днѣпрѣ на Таванѣ перевозѣ Инкерменъ городъ сдѣлаю; а салтанъ Баязидъ тысячю человѣкъ далъ; „перекопь крѣпкой сдѣлай“, молвилъ; и нынѣ Богъ доведетъ съ первовесніа, со всею ратью своею сюдъ на томъ дѣлѣ буду (Ibid., 544).

[2]) См. примѣч. на стр. 63.—Въ первой половинѣ XVI в., т. е. до времени, къ которому принято относить возникновеніе сѣчи, мы также находимъ указанія на отрядъ козаковъ на Днѣпрѣ, именно, въ грамотѣ короля къ крымскому хану, отъ 30 ноября 1542 г.: „а къ тому тежъ дано намъ отъ старостъ нашихъ украинныхъ знати, ижъ іныіе люди *козаки*, яко з замковъ нашихъ, такъ тежъ и московскаго, *зъ немалымъ почтомъ на рецѣ Днепру лежатъ* и кони съ собою маютъ, и гонцовъ нашихъ, такожъ и твоихъ, брата нашего, которые до насъ ходятъ, стерегутъ и грабятъ“ (Акты Запад. Россіи, т. II, 394).

[3]) Чтенія въ Москов. Общ. исторіи и древн., кн. III-я, 1887 г., стр. 189.

Хортицѣ; изъ нихъ, напр., Максимовичъ и друг. ссылаются на Татищева; послѣдній же повторяетъ лишь фактъ, заимствованный изъ малоизвѣстной у насъ тоговременной лѣтописи Нормантскаго, въ которой говорится лишь о сооруженіи города, но вовсе не сѣчи, какъ укрѣпленнаго мѣста для пребыванія „немалаго почта" козаковъ. (Временникъ Москов. Общ. исторіи и древностей, кн. 5, стр. 102, 103 и 116).

О построеніи замка же, а не сѣчи, говоритъ и другой писатель XVI в. Эрихъ Лассота (1594 г.) въ своихъ „Путевыхъ запискахъ" (по изданію Ф. Бруна, стр. 53). Оба современника говорятъ такимъ образомъ о сооруженіи города, замка; авторъ Нормантской лѣтописи означаетъ мѣсто его „на Днѣпрѣ, на Кортитскомъ островѣ, противъ Конскихъ водъ", Лассота же—на островѣ Малой Хортицѣ, лежавшемъ выше большаго острова того же названія. Изъ этихъ двухъ извѣстій, противорѣчащихъ одно другому, мы считаемъ первое болѣе достовѣрнымъ, потому что авторъ Нормантской лѣтописи, обстоятельно знакомый съ дѣятельностью Дмитрія Вишневецкаго дѣлалъ свои записи одновременно съ происходившими событіями; Лассота же писалъ спустя 30 лѣтъ по преданію; послѣднее могло быть ошибочно, такъ какъ не было связано ни съ какими воспоминаніями изъ козацкой исторіи: замокъ не былъ козацкимъ поселеніемъ, а основанъ на „господарево имя", хотя Н. И. Костомаровъ ссылается, для утвержденія противоположнаго мнѣнія, на грамоту короля Сигизмунда-Августа отъ 1557 г.; [1]) остальные историки совсѣмъ не имѣютъ сколько-нибудь серьезнаго основанія; но и упомянутая грамота Сигизмунда не позволяетъ дѣлать то заключеніе, къ какому пришелъ г. Костомаровъ; правда, въ ней король благодаритъ Вишневецкаго за устройство замка въ удобномъ мѣстѣ,—и только, не больше; но, въ какомъ мѣстѣ, не означаетъ: на землѣ или на рѣкѣ; выше или ниже пороговъ; это тѣмъ болѣе не могла быть сѣчь, что Вишневецкій, во 1-хъ, устроилъ городъ „на господаря", вообще, „ку повстягненю лихихъ людей", подъ которыми обыкновенно разумѣлись козаки, отличавшіеся этимъ эпитетомъ отъ „поганства—татаръ", и, во 2-хъ, проситъ короля снабдить новооснованный замокъ „людьми" и „стрѣльбой", чего вовсе не требовалось бы, если бы замокъ былъ занятъ запорожцами. Изъ

[1]) Акты Южн. и Запад. Россіи, т. II, стр. 148, № 130.

тоговременной лѣтописи Нормантскаго мы уже знаемъ, что замокъ дѣйствительно былъ сооруженъ на Днѣпрѣ; подтверждая въ грамотѣ сообщаемый лѣтописью фактъ, король увѣдомляетъ между прочимъ Вишневецкаго, что и московскій царь тоже приготовляется строить замокъ при Днѣпрѣ. Тѣмъ не менѣе однакоже, признавая удобство положенія крѣпости, король отказываетъ въ посылкѣ гарнизона и вооруженія, а вмѣсто того совѣтуетъ Вишневецкому удерживать козаковъ отъ нападеній на татарскихъ чабановъ, обѣщая выслать жалованье и дать „науку" для дальнѣйшихъ дѣйствій [1]). Такъ какъ мѣсто, избранное Вишневецкимъ для замка, не было занято и укрѣплено, король „людей" и „стрѣльбы" не прислалъ, то о сооруженіи воинственнаго князя мы и не встрѣчаемъ болѣе въ актахъ указаній; между тѣмъ, въ 1635 г., когда сеймъ опредѣлилъ, что для удержанія „лихихъ людей" необходимо построить крѣпость, то мѣстомъ для нея былъ избранъ Кодакъ, потому что Хортица былъ уже въ рукахъ запорожцевъ.

Точно также не могло основать сѣчь и московское правительство; оно, въ свою очередь, серьезно было занято вопросомъ о сооруженіи крѣпостей по Днѣпру и даже намѣтило для этого пунктъ: урочище Монастырище гдѣ-то на длинномъ пространствѣ между Черкасами и островомъ Хортицей; до 1559 года это предположеніе не было еще приведено имъ въ исполненіе, потому что царю на Днѣпрѣ служилъ Дмитрій Вишневецкій; но Хортицкій городъ былъ оставленъ, и вопросъ о новой крѣпости выступилъ на очередь; литовскій князь въ это именно время обращается къ панамъ раднымъ за совѣтомъ, какъ ему поступить въ такомъ случаѣ и какія мѣры принять, чтобы не дать Москвѣ укрѣпиться на берегахъ Днѣпра, такъ какъ при дипломатической перепискѣ Польши съ Москвой въ 1558 году оказалось, что сооруженіе крѣпости царь поручилъ князю Дмитрію Вишневецкому, перешедшему не задолго до того въ Москву. Вслѣд-

[1]) Неудовлетворенный королемъ Вишневецкій обратился съ той же просьбой къ московскому государю. Государь далъ ему отрядъ путивльскихъ козаковъ; съ ними Вишневецкій выдержалъ лѣтомъ 1557 г. нападеніе отъ крымскаго хана и о своей побѣдѣ извѣщаетъ царя Въ октябрѣ 1558 г. у Вишневецкаго корму не хватило, козаки отъ него разошлись; напавшіе татары, турки и волохи заставили его уйти изъ Хортицкаго города; онъ занялъ Черкасы и Каневъ, но царь велѣлъ ихъ оставить и возвратиться въ Москву; въ слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ съ козаками и стрѣльцами на Казань, Астрахань, Кабарду и Азовъ (Лѣтопись Нормантскаго, стр. 109, 110, 115 и 118.

ствіе этого, въ 1559 г. возникаетъ даже особая оффиціальная переписка и переговоры черезъ пословъ между обоими государствами [1]); козачество, какъ лице, не участвующее въ переговорахъ, въ актахъ посольства совсѣмъ даже не упоминается, хотя, конечно, оно не могло оставаться безучастнымъ зрителемъ и смотрѣть спокойно на ограниченіе своихъ вольностей; въ половинѣ XVI в. вопросъ о крѣпостяхъ сошелъ какъ-то со сцены самъ собой, и мы не знаемъ, какъ поступило бы козачество, если бы онъ былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, но въ 1635 г., когда крѣпость Кодакъ дѣйствительно была устроена польскимъ правительствомъ и снабжена гарнизономъ, то козаки надъ предводительствомъ Сулимы тотчасъ же разорили ее. При переговорахъ 1559 года московское правительство убѣждаетъ польскаго короля, что, сооружая крѣпость, оно тѣмъ не „вступается“ въ его земли, а ограничивается лишь „береженьемъ христіанства отъ татаръ“; оно считаетъ себя въ правѣ занимать Днѣпръ, по тому что, если онъ не московскій, такъ какъ вытекаетъ изъ владѣній московскаго царя, то непремѣнно ужь и ничей—„Божій“; изъ этихъ же переговоровъ мы узнаемъ, что тогда на Днѣпръ съ ратью былъ посланъ, вмѣсто Вишневецкаго, окольничій Данило Ѳедоровичъ Адашевъ и съ нимъ много людей „для береженья отъ татаръ“ [2]) Московское правительство содержало сторожей не только

[1]) Сборникъ И. Р. И. О., т. LIX, 580 и слѣд.

[2]) Въ 1559 г. русскіе послы на запросъ польскихъ: „толь государя вашего правда, что въ государя нашего вотчину въ Днѣпръ вступаетца и людей своихъ на Днѣпръ ставитъ, и вотчины черкаскіе люди его пустошатъ и рыболовей грабятъ“?—должны были отвѣтить: „государь нашъ въ королевы земли и воды не вступаетца ничѣмъ, и рыболовей государя нашего люди не грабятъ и вотчинъ черкаскихъ не пустошатъ ничѣмъ; а стоятъ люди государя нашего на Днѣпрѣ, берегутъ христіанство отъ татаръ, и въ томъ стояньѣ государя нашего на Днѣпрѣ не одинъ государя нашего людямъ оборонъ—и королевой землѣ защита: бывалъ ли одинъ татаринъ за Днѣпръ, какъ государя нашего люди учали стоять на Днѣпрѣ? и за такую христьянскую оборону пригоже было государя нашего людей чтити; и королевы козаки у государя нашего людей безпрестанно крадутъ лошади; и въ тѣхъ дѣлѣхъ только не учинитъ король управы, ино впередь какъ добру быти“?—Что касается до р. Днѣпра, то русскіе послы должны были говорить польскимъ: „а будетъ о Днѣпрѣ межъ государей писма нѣтъ, въ чьей сторонѣ, ино то онъ Божій: кто захочетъ, тотъ на немъ стоитъ; а по се время того есмя не слыхали, что противъ Крыма Днѣпръ королевъ; а какъ ся видитъ, что Днѣпръ государя нашего, потому что течетъ изъ государя нашего земли“. На замѣчаніе польскихъ пословъ, что присутствіе Адашева на Днѣпрѣ „перемирье рушитъ“, русскіе должны были успокоить ихъ тѣмъ, что „въ Каневъ и въ Черкасы и въ иные королевы мѣста вступатися ему не велѣно ничѣмъ, потому какъ въ перемирныхъ грамотахъ государю нашему съ королемъ рубежъ описанъ“. (Сборникъ И. Р. И. О., т. LIX, стр. 583 и 584).

на Днѣпрѣ и въ городахъ на лѣвомъ берегу его, но также и въ правобережныхъ городахъ съ согласія польскаго короля, и дозволяло тоже дѣлать польскимъ властямъ въ своихъ владѣніяхъ; такъ, напр., въ 1551 году царь извѣщаетъ короля, что онъ приказалъ своимъ намѣстникамъ позволять польскимъ сторожамъ наблюдать въ порубежныхъ городахъ за движеніями татаръ и проситъ, въ свою очередь, охраны для московскихъ сторожей, находящихся въ Каневѣ и Черкасахъ [1]). Ясно отсюда, что ни польскіе короли, ни московскіе цари рѣшительно не довѣряли козакамъ въ дѣлѣ охраненія своихъ границъ и сами заботились о содержаніи собственныхъ сторожевыхъ отрядовъ. Эти-то факты подобной заботливости и были истолкованы нашими историками въ смыслѣ основанія сѣчи то однимъ правительствомъ, то другимъ. Ни Польша, ни Москва не могли положиться на козачество, потому что въ эту пору его интересы обособились отъ интересовъ и той и другой и, быть можетъ, даже шли въ разрѣзъ, когда козаки примирялись и сближались по старинѣ съ татарами. Такой фактъ сближенія ихъ мы находимъ въ Межигорской лѣтописи даже въ сравнительно позднее время, именно подъ 1628 г. [2]); факты противоположнаго характера слишкомъ многочисленны и извѣстны въ козацкой исторіи, и потому мы не видимъ необходимости въ примѣрѣ.

Какъ формировался козачій сторожевой отрядъ на Тавани, мы не находимъ положительныхъ указаній въ ранній періодъ существованія козачества, но въ первой половинѣ XVII в., какъ свидѣтельствуетъ постановленіе кіевской рады 1638 г.,[3]) существовалъ обычай, согласно которому въ извѣстное время отправлялось по нѣскольку человѣкъ отъ каждаго полка или сотни въ Запорожье, какъ „залога", гарнизонъ, на смѣну бывшему тамъ прежде отряду; возвращавшіеся казаки назывались „отставленными" [4]).

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. О., т. LIX, стр. 354 и 361.

[2]) Року 1628 съ Шанкгирѣемъ, царемъ татарскимъ, козаки примирили; и на Запорожью кочовалъ Шанкгирей и съ татары своими; а другихъ послалъ у Вишневегчину на лежу, которые мели лежу у Лубняхъ, въ Пирятинѣ, въ Прилуцѣ, въ Лохвицѣ и въ Варвѣ; а по инших мѣстечкахъ и селахъ всѣхъ стацѣю брали, якъ сами хотѣли, и отошли знову тамже на Запорожье въ року 1629". (Сборникъ лѣтописей Южной и Западной Россіи, стр. 95).

[3]) Лѣтопись С. Величка, т. IV, стр. 275.

[4]) Акты Москов. государства, т. I, стр. 345, № 327

Вольная жизнь въ Запорожьи привлекала много охотниковъ идти въ „залогу"; „отставленные" также очень часто не хотѣли возвращаться домой; и въ томъ и въ другомъ случаѣ приходилось самимъ же козакамъ употреблять силу для принужденія непослушныхъ къ повиновенію. Составленный такимъ образомъ запорожскій гарнизонъ въ частномъ своемъ дѣленіи на курени могъ давать послѣднимъ названія полковъ или сотенъ, изъ которыхъ приходили жившіе въ куренѣ козаки, при чемъ названія полковъ или сотенъ замѣнялись именами ихъ атамановъ—явленіе весьма обычное въ козачествѣ (напр. Щуровы козаки, князя Дмитріевы козаки и проч.); названія куреней древнѣйшаго періода намъ неизвѣстны; быть можетъ нѣкоторыя изъ нихъ удерживались еще и въ XVIII в., а въ настоящее время вызываютъ недоумѣніе относительно ихъ присхожденія. Если запорожское козачество было только „залогою" малорусскаго козачества вообще, сторожевымъ отрядомъ, который всегда, въ каждую минуту, долженъ быть готовъ къ встрѣчѣ врага или къ выступленію въ походъ, то существовавшіе въ немъ обычаи, какъ, напр., недопущеніе женщинъ въ сѣчь, и друг. становятся понятны сами собою. Эта же необходимость постоянной боевой готовности обусловила собою большую или меньшую автономію „запорожскихъ залогъ" и огромное права кошевого атамана, не смотря на его подчиненіе власти гетмана, проживавшаго, то въ Каневѣ, то въ Черкасахъ, то въ Чигиринѣ, и бывшаго общимъ вождемъ и представителемъ малорусскаго козачества.

Такъ разрѣшается самъ собою поднятый нашими историками вопросъ о возникновеніи Запорожской сѣчи; въ свою очередь, и болѣе древніе, дошедшіе до насъ, козацкія лѣтописи совершенно умалчиваютъ о началѣ коша, какъ о событіи, покрытомъ глубокой давностью, хотя выдвигаютъ на первый планъ два другія событія, неопредѣленныя, не подкрѣпляемыя никакими современными имъ положительными данными, кромѣ преданія, записаннаго бытописателями болѣе поздняго времени, и потому дающія поводъ къ различнымъ недоразумѣніямъ и толкованіямъ, тѣмъ не менѣе событія, послужившія эпохой въ жизни южно-русскаго населенія; это—самое возникновеніе южно-русскаго козачества, согласно относимое всѣми лѣтописями къ началу XVI в. (1506—1516 гг.), и мнимая организація козачества, совершенная королемъ Стефаномъ Баторіемъ въ началѣ своего правленія и раздѣлившая единое козачество на регестровое и запорожское.

Остановимся на первомъ изъ этихъ событій. Сказанія лѣтописцевъ о началѣ козачества могутъ быть точно резюмированы словами польскаго хроникера Мартина Бѣльскаго: „a na ten czas (въ 1516 г.) sie dopiero kozacy u nas wszczeli [1])“. Русскіе лѣтописцы, относя названное событіе одни къ 1506 г. [2]), другіе къ 1512 [3]), а третьи вообще ко времени правленія Сигизмунда I [4]), прибавляютъ, что этимъ королемъ „дано вольность и землю выше и ниже пороговъ по обоихъ сторонъ Днѣпра во владѣніе вѣчное и привиліемъ королевскимъ утверждено“. Какимъ образомъ согласить теперь сообщаемыя лѣтописцами извѣстія, дошедшія до нихъ по традиціи, съ тѣми несомнѣнными фактами, которые заимствованы нами изъ дипломатической переписки Польши съ Крымомъ и Москвою и представляютъ козачество вполнѣ сформировавшимся уже въ концѣ XV в.? Не скрываетсяли подъ словами лѣтописи память о какомъ-то дѣйствительно произшедшемъ переломѣ въ жизни козачества, но непонятномъ для бытописателей?—Если мы обратимъ вниманіе на жизнь Южной Руси въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, то не можемъ пройти мимо того важнаго для нашей цѣли явленія, которое отмѣчено еще проф. В. Б. Антоновичемъ и выдѣлено имъ изъ массы разрозненныхъ фактовъ, затемненныхъ противорѣчивыми мнѣніями изслѣдователей новѣйшаго времени, это—явленія борьбы южно-русскаго населенія за свою вѣру и народность противъ наступавшаго полонизма, въ которой ясно проявилось твердое національное самосознаніе населенія; борьба велась въ теченіе столѣтія подъ предводительствомъ кіевскихъ князей Ольгердовичей, Олельковичей и Глинскихъ и въ 1508 г. окончилась торжествомъ польскаго начала; не вдаваясь въ разсмотрѣніе причинъ неудачи этой борьбы, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, ограничимся вполнѣ спроведливымъ заключеніемъ проф. Антоновича [5]), что „княжеское сословіе, очевидно, было безсильно въ этой борьбѣ: его сословныя понятія, удѣльно-федеративные идеалы были въ то время уже анахронизмомъ; они не обнимали интересовъ всего населенія и не могли его подвинуть на борьбу за общенародное дѣло“, при этомъ

[1]) Хроника, стр. 534.
[2]) Сборникъ лѣтописей Южн. и Запад. Руси, стр. I.
[3]) Лѣтопись Самовидца, стр. 329.
[4]) Лѣтопись Грабянки, стр. 21.
[5]) Монографіи, т. I, 244.

почтенный изслѣдователь замѣчаетъ „въ нѣдрахъ Кіевской области зародыши новыхъ общественныхъ силъ, которымъ суждено было вступить въ борьбу съ большимъ успѣхомъ въ послѣдующую эпоху [1]“. Такими силами явились разъединенныя послѣ неудачной попытки 1508 г. козацкія общины, которыя, быть можетъ, сплачиваются въ эту роковую минуту и настолько рѣшительно поднимаются на свою самозащиту, что польская власть не рѣшается преслѣдовать этихъ смѣлыхъ борцовъ въ ихъ „дикомъ полѣ“ и за порогами, гдѣ козачество могло, кромѣ того, найти себѣ союзниковъ и въ татарахъ.

Намъ неизвѣстно, въ какихъ формахъ населеніе выразило въ то время свое рѣшительное намѣреніе остаться политически независимымъ, но польскій король дѣлалъ, мы думаемъ, попытку къ покоренію козачества оружіемъ и даже входилъ съ этой цѣлью въ союзъ съ татарами, что позволяетъ намъ предполагать сохранившееся въ въ Кіевской лѣтописи подъ 1519 г. извѣстіе объ этомъ [2]; однако, попытка короля окончилась неудачей, не смотря на пораженіе Руси: въ своихъ степяхъ они были неуловимы ни для татаръ, ни для поляковъ. Это-то событіе—проявленіе южно-русскимъ населеніемъ горячаго стремленія къ независимости отъ власти польскихъ воеводъ и старостъ, готовность къ рѣшительной защитѣ послѣ возстанія кн. М. Глинскаго въ 1508 г. и его отдѣленіе отъ населенія, усвоявшаго себѣ польскій строй и вѣрованія—и отмѣчено въ лѣтописяхъ какъ начало козачества, событіе, подобное тому, которое совершилось около $2^1/_2$ столѣтій до того времени [3]), когда общины добровольно подчинились татарамъ, отпавъ отъ княжеской власти.

Тѣмъ не менѣе однакоже, отстоявъ свою независимость, козачество, въ силу тогдашнихъ политическихъ условій, не могло совершенно отдѣлиться ни отъ остальнаго русскаго населенія, ни отъ польской власти и должно было искать въ нихъ союзника для борьбы съ татарами, усилившимися въ то время и участившими свои набѣги на Южную Русь. Это были одинаковые враги и польской вла-

---

[1]) Ibid.

[2]) Року 1519, татаре, съ поляками зрадившеся, на голову нашихъ, Русь, подъ Сокалемъ поразили, а другихъ въ Бугу потопили“ (Сборникъ лѣтописей Южн. и Запад. Руси, стр. 75).

[3]) *М. Сергієнко*: „Громад. рух на Вкраїні -Русі в XIII віці“ (Записки товариства имени Шевчека, т. I).

сти и русскаго населенія, и необходимость общихъ дѣйствій противъ нихъ сближала и ту и другое; польскіе старосты южно-русскихъ городовъ, какъ мы выше сказали, соединяются съ козаками, становятся во главѣ ихъ общинъ, разрозненныхъ еще въ ту эпоху, и удвоенными такимъ образомъ силами отражаютъ татаръ, и это обстоятельство даетъ поводъ позднѣйшимъ лѣтописцамъ называть такихъ временныхъ предводителей козацкими гетманами и даже устанавливать между ними преемство, не смотря на то, что многіе изъ нихъ были современны другъ другу. Однако, болѣе тѣсному сближенію козаковъ съ южнорусскими старостами препятствовало постоянное стремленіе послѣднихъ къ расширенію правъ своихъ и распространеніе ими на свободное населеніе своей власти, выражавшейся въ требованіи все большихъ повинностей и платежей; отсюда возникаетъ рядъ жалобъ и тяжебъ между тѣми и другими, оканчивавшихся, какъ и слѣдовало ожидать, въ пользу представителей королевской власти; такія жалобы и тяжбы начинаются еще съ первыхъ годовъ управленія Евстафія Дашковича [1]) и продолжаются при его преемникахъ съ небольшими лишь перерывами; все это приводило къ частымъ кровавымъ разсчетамъ. Польское правительство, въ свою очередь, нуждаясь въ услугахъ козаковъ, льготами и выгодами обезпеченія за ними ихъ земельныхъ правъ старалось привлечь ихъ на свою сторону; и эти старанія не оставались напрасными: большинство населенія искало спокойнаго пользованія своимъ имуществомъ, болѣе эгоистическіе элементы козачества тяготѣли къ Польшѣ; это и было началомъ въ жизни южно-русскаго населенія другого важнаго событія, на которое обратили свое вниманіе козацкіе дѣеписатели и отмѣтили его, какъ организацію будто-бы козачества, произведенеую въ концѣ XVI в. королемъ Стефаномъ Баторіемъ, который, обязавъ ихъ военной службой, самъ „козакомъ опредѣлилъ гетмана и старшину учредилъ межи ними“, и „платилъ всякому козаку по червонцу и кожухъ“, и „далъ гетману булаву, корогву, бунчукъ и печать съ гербомъ войска Запорожскаго“; для приведенія въ извѣстность количества козаковъ, получавшихъ червонцы и кожухи, составлены были регестры, положившіе начало регестровому козачеству. Фактъ этотъ, совершавшійся постепеннымъ и мирнымъ

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 2-й, № XVII, стр. 366

путемъ, болѣе или менѣе уже разъяснился, благодаря изданію въ настоящее время весьма многихъ актовъ, относящихся до козачества, и ошибочность лѣтописныхъ извѣстій становится очевидной. Самая ранняя, какая только до сихъ поръ намъ извѣстна, попытка обратить козачество на службу Рѣчи-посполитой дѣлается не Стефаномъ Баторіемъ, а полустолѣтіемъ раньше него, еще Сигизмундомъ I [1]) и быть можетъ, по указанію черкасскаго старосты Евстафія Дашковича, послѣ неудавшейся попытки покоренія козаковъ силой, указанію, сдѣланному имъ на городенскомъ сеймѣ въ 1522 году. Король принялъ этотъ совѣтъ и въ 1524 году предписываетъ панамъ раднымъ обсудить поставленный Дашковичемъ вопросъ, найти „годнаго и добраго человѣка", отправить его въ Кіевъ для сбора козаковъ, приготовить для вознагражденія послѣднихъ сукно и деньги и расположить отряды ихъ по Днѣпру на перевозахъ для предупрежденія татарскихъ набѣговъ [2]); при этомъ король даетъ совѣтъ имѣть постоянный наем-

---

[1]) Такъ въ 1506 г. онъ даетъ жалованную грамоту козакамъ на ихъ территорію, а сеймъ въ 1511 подтверждаетъ ее (Сборникъ лѣтописей, 1.—В. Б. Антоновичъ: „Изслѣдованіе о козачествѣ по актамъ 1500—1648 г. г.) Указаніе лѣтописи на 1506 г. мы считаемъ ошибочнымъ: дата привиллегіи записана по памяти, потому что подлинникъ ея былъ утраченъ къ тому времени, когда писалась эта лѣтопись; важно лишь то, что дата близка къ перевороту въ козачествѣ, совершившемуся въ 1508 г.; быть можетъ грамота даже дана въ 1516 г., къ которому другія лѣтописи относятъ начало козачества.

[2]) Король, упоминая о томъ, что онъ ранѣе уже поручалъ радѣ, державцѣ рѣчицкому Семену Полозовичу и п. Криштофу Кмитичу, „собравши козаковъ, на низъ Днѣпромъ на службу нашу пойти" и что порученіе это радою не было исполнено, говоритъ далѣе: „ино тыми разы писали къ намъ панъ Семенъ Полозовичъ и панъ Криштофъ, повѣдаючи, иж . . . . . . они, яко слуги наши добрые и вѣрные . . . . собравши малый почотъ козаковъ, предся тымъ на низъ Днѣпромъ до Киева и далѣй до Тавана на службу нашу ходили и, тамъ будучи, послуги намъ не мало своее вчинили: тыхъ людей неприятелей всѣхъ татаръ, которыи въ панствѣ нашомъ были, тыждень черезъ Днѣпръ не пропустили, ино каждый дей день зъ ними битву мѣвали и много дей ихъ вбили, а иншие дей сами тонули. Кгдыжъ они съ тымъ малымъ почтомъ людей таковыи послуги намъ, господарю, чынили, мы на то бачимы, кгды бы тамъ тисяча або двѣ людей нашихъ козаковъ на Днѣпрѣ мѣшкали, снать бы и овщемъ была отъ нихъ большая и знаменитая послуга и оборона панствомъ нашимъ. А такъ и о то жедамы вашое милости, радъ нашихъ, рачте о томъ радити и мыслити. И видѣлося бы вашое милости тамъ по Днѣпру козаковъ мѣти на пришлое лѣто для осторожности и обороны панствомъ нашимъ, и ваша милость рачте обрати зъ дворянъ нашихъ которого годного и доброго человѣка и казали бы ему скоро по Велицѣ—дни до Киева ѣхати и козаковъ збирати, и казали бы ваша милость къ тому часу суконъ и пѣнязей на нихъ колко сотъ копъ послати, а тыи козаки по Днѣпру на перевозѣхъ разложити, абы намъ и Рѣчи-посполитое земской служили и тыхъ перевозовъ стерегли и боронили, колко имъ Богъ милый поможетъ".

(Настоящій документъ сообщенъ намъ проф. С. А. Бершадскимъ, которому и выражаемъ искреннюю благодарность).

ный отрядъ козаковъ въ одну или двѣ тысячи, совѣтъ, имѣвшій можетъ быть нѣкоторый успѣхъ, потому что въ 1540 году король посылаетъ уже своего дворянина Стрета Солтовича, которому приказываетъ переписать въ регестръ но только однихъ кіевскихъ козаковъ и доставить таковой ему, упрекаетъ кіевскаго подвоеводу князя Коширскаго за потворство ради своихъ выгодъ своеволію козаковъ и грозитъ, при повтореніи ихъ нападеній на татарскіе улусы, взыскать всѣ убытки съ имѣній князя [1]). Тѣ же мѣры употребляетъ и Сигизмундъ-Августъ по отношенію къ козакамъ; съ одной стороны, въ 1568 г., приказываетъ имъ уйти съ низовьевъ Днѣпра и „не чинить шкодъ и лупезства чабаномъ царя турецкаго и татаромъ царя перекопскаго", съ другой, старается привлечь ихъ на службу королевству: „ведже при замцехъ нашихъ знайдется вамъ служба наша, за которую жалованье кождый зъ васъ одержитъ" [2]); результаты принятыхъ королемъ мѣръ были уже настолько прочны, сравнительно съ предшествующимъ царствованіемъ, что онъ въ 1572 г., произведя исчисленіе козаковъ и ограничивъ ихъ количество, не только подчиняетъ ихъ начальству короннаго гетмана, но ставитъ надъ ними еще „судью", быть можетъ для устраненія раздоровъ среди козачества; такимъ судьей былъ какой-то Янъ Бадовскій [3]); этотъ моментъ и долженъ быть признанъ временемъ окончательнаго образованія регестроваго козачества. Что касается до отношенія къ нему же Стефана Баторія, этого мнимаго организатора козачества, то при немъ неизмѣнно продолжался установленный его предшественниками характеръ отношеній; онъ также, съ одной стороны, даетъ козакамъ, ради привлеченія ихъ на свою службу, жалованную грамоту, въ которой будто бы излагалась эта мнимая организація, а въ дѣйствительности только укрѣплялась за ними та широкая территорія, которую они занимали испоконъ вѣка и на которой грамота отмѣчаетъ, между прочимъ, существованіе мѣстечекъ, селъ и хуторовъ съ ихъ землями и угодьями, находившимися во владѣніи и пользованіи козаковъ; онъ также обращается къ „запорожскимъ молодцамъ", убѣждая ихъ не вмѣшиваться въ дѣла валашскія

---

[1]) Акты Южн. и Запад. Рос., т. I, стр. 110.
[2]) Архивъ Юго-Запад. Рос., ч. III, т. I, стр. 4—6
[3]) Ак. Ю. и З. Р., II, 176.

и татарскія, не поддерживать претендентовъ на престолъ у первыхъ и не грабить вторыхъ; съ другой стороны, король предписываетъ кн. Константину Острожскому[1]) и украиннымъ, особенно черкасскому, старостамъ разогнать это скопище разбойниковъ, не давать ему поддержки и не снабжать боевыми припасами; подобно своему предшественнику, Стефанъ Баторій назначаетъ запорожскимъ гетманомъ Яна Оришевскаго[2]), котораго впослѣдствіи король Сигизмундъ III, въ 1590 г., посылаетъ съ горнизономъ въ 1000 чел. въ Кременчугъ и велитъ ему тамъ заложить крѣпость для удержанія козаковъ отъ нападеній на татаръ[3]). Отсюда мы видимъ, что одно время козачество какъ бы добровольно подчиняется королевской власти, а вслѣдъ затѣмъ сбрасываетъ съ себя эту власть и является опять свободнымъ, борющимся за сохраненіе своей національности и отцовской вѣры.

Это добровольное подчиненіе козачества польской власти совершается, какъ мы видѣли, весьма постепенно, безъ кровавой борьбы, въ теченіе первой половины XVI в. и въ третьей четверти его какъ бы завершается; но въ послѣдующее затѣмъ время въ послѣдніе годы этого столѣтія оно вызываетъ сильную реакцію, сопровождающуюся войнами и договорами поляковъ съ козаками, какъ равныхъ съ равными, или, точнѣе, сюзерена съ непокорнымъ вассаломъ. Такое колебаніе козачества отъ подчиненія къ независимости указываетъ на дѣйствіе среди него какихъ-то внутреннихъ силъ, преведшихъ его во второй половинѣ XVI в. къ перевороту въ политической жизни, независимость которой оно отстояло въ самомъ началѣ столѣтія, послѣ окончательнаго паденія Кіевскаго княжества, а въ концѣ столѣтія снова вынуждено было защищать ее. Для уясненія себѣ этихъ силъ обратимся къ внутренней жизни козачества и разсмотримъ тѣ стороны ея, которые должны были оказать вліяніе и даже вызвать тяготѣніе козачества къ Польшѣ въ началѣ и борьбу съ ней въ концѣ XVI в.; такими сторонами мы считаемъ широко развившееся землевладѣніе и мѣстную общественную автономію. Разсмотримъ первую изъ нихъ.

Мы отмѣтили уже выше раннее развитіе среди козачества занятія земледѣліемъ, рыбной ловлей, охотой, лѣснымъ хозяйствомъ; позже,

[1]) Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, т. I, 1—16.

[2]) Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. 1, 255.

[3]) Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. 1, 28—30.

въ половинѣ XVI в., этотъ фактъ подтверждаютъ и королев. люстраціи старостствъ; козаки занимаются промыслами весною и лѣтомъ по такъ называемымъ „уходамъ, або станамъ", которые всѣ располагаются по лѣсамъ, рѣкамъ и полямъ и тянутся до самыхъ татарскихъ поселеній; крайними являются уходы по Ворсклѣ, Орели, Самарѣ, обоихъ Ингулахъ, по Днѣпровскимъ порогамъ и даже на Тавани [1]).

Работая изъ года въ годъ на однихъ и тѣхъ же „уходахъ", козацкія семьи мало по малу освояли ихъ, оставались жить на мѣстахъ промысловъ постоянно, и люстраторы XVI в. отмѣчаютъ этотъ фактъ, какъ явленіе обыденное, замѣчая, что козаки по уходамъ живутъ „уставичне", [2]), причиняя этимъ „переказу" [3]) частнымъ владѣльцамъ и старостамъ; въ этомъ отношеніи особенно любопытна грамота короля Сигизмунда-Августа, отъ 20 декабря 1568 г. [4]), которая и была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что постоянное пребываніе козаковъ „на низу, на Днѣпре, въ поле и на иныхъ входѣхъ" влечетъ за собою ихъ столкновеніе съ татарами, у которыхъ они угоняютъ стада и табуны, а это нарушаетъ миръ, приводитъ къ татарскимъ набѣгамъ и даже къ войнѣ съ Турціей.

Мѣщане и бояре уже въ люстраціяхъ XVI в. именуются „отчичами" своихъ уходовъ, т. е. потомственными владѣльцами [5]); но такъ какъ боярское и мѣщанское сословія того времени не были рѣзко разграничены отъ козацкаго и взаимный переходъ отъ одного къ другому допускался совершенно свободно [6]), то и земли боярскіе и мѣщанскіе становятся козацкими, и козаки являются ихъ наслѣдственными владѣльцами; какъ частная собственность эти уходы продаются и завѣщаются, даже съ людьми на нихъ живущими; напр. „уходъ на Тясмени, на имя Радивоновской, боярина черкасскаго Зуб-

---

[1]) Арх. Ю. З. Рос., ч. VII, т. I, стр. 84.

[2]) Ibid , 103.

[3]) Люстратори, с ажемъ ужь кстати, отмѣчаютъ, что „переказу" въ пользованіи уходами дѣлаютъ также и „*копачи*", археологи XVI в., которые, по городищамъ и селищамъ оннмъ ходячи, могили раскапиваютъ, ищучи тамъ оброчей и перстней, мощи погребенныхъ выкидываютъ на помсту за то живымъ и невиннымъ" (Арх., ч. VII, т. I, 103).

[4]) Арх, Ю. З. Р., ч. III, т. I, 4—6.

[5]) Ibid., ч. VII, т. I, 102.

[6]) М. Н. Александровичъ, Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й Историч. описаніе. Часть 1-я, стр. 109: бояре и мѣщане остерскіе становятся козаками, въ тоже время они наслѣдственные владѣльцы земли.

рикова“ купленъ у князя Путивлскаго [1]); въ приложеніи мы сообщаемъ (№ I, 1—5) „тестаментъ Ивана Лисиченка на Бузуково, подъ Черкасы, въ пользу Кіево-Печерской лавры“, подтвержденіе этого тестамента гетманами Григоріемъ Чернымъ въ 1630 г. и Богданомъ Хмельницкимъ въ 1650 г. вслѣдствіе оспариванія хутора козаками; о правѣ промысловъ въ уходахъ по Днѣпру отъ р. Быстрика по Ердань Кіево-Пустынно-Николаевскій монастырь ведетъ тяжбу въ 1544 году передъ черкасскимъ старостою Оникіемъ Горностаемъ съ мѣщанами и козаками г. Черкасъ [2]).

Нарушеніе со стороны казаковъ права этого же монастыря на владѣніе землей Савной (при устьѣ р. Роси) запрещаетъ гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный въ своемъ приказѣ отъ 13 мая 1619 г. [3]) Случались взаимныя тяжбы и между самими козаками, такъ, напр., въ 1617 г. гетманъ Дмитрій Богдановичъ Барабашъ предписываетъ козакамъ не захватывать и не отнимать земель у козака Гаврилы Колушкевича, который владѣетъ ими какъ „отцовщиной“ [4]). Въ перечисленныхъ примѣрахъ тяжебъ и споровъ отдѣльныхъ владѣльцевъ (монастырей и козаковъ) съ козацкими общинами мы видимъ борьбу двухъ правъ на землю: общиннаго, опиравшагося на обычай, преданіе и отстаиваемаго козаками и мѣщанами, завладѣвающими спорными землями, и частнаго, выдѣлившагося изъ общиннаго, укрѣпленнаго уже юридическими актами и потому поддерживаемаго властью. Позже частное владѣніе землей все болѣе развивается и къ концу XVI вѣка мы имѣемъ уже если и не многочисленныя доказательства его, то все-таки настолько точныя и опредѣленныя, что они не оставляютъ мѣста для сомнѣнія. Такъ, мы имѣемъ жалованную грамоту короля Сигизмунда-Августа Емельяну Ивановичу [5]), отъ 4 октября 1571 г., называемому въ документѣ то родовитымъ земяниномъ, то козакамъ низовымъ; король жалуетъ ему „входную“ землю „Сиверу“ по р. Ворсклѣ, съ правомъ передачи этой земли наслѣдникамъ—дочери, если не будетъ сыновей [6]). Весьма любопытна судьба

[1]) Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, 86.

[2]) Акты Запад. Россія, т. II, 188 и 402.

[3]) Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. I, 253.

[4]) Кіев. Стар. за май 1883 г., 145.

[5]) См. Прилож. № II.

[6]) Настоящую грамоту подтверждаетъ также и король Генрихъ въ 1574 г.— Документъ этотъ сообщенъ намъ М. С. Грушевскимъ, которому приносимъ сердечную благодарность.

наслѣдниковъ этого козака-землевладѣльца; въ январѣ 1646 г. дв. Станиславъ Гурскій, игнорируя совершенно вышеозначенныя грамоты Ивановичу, занесъ въ житомирскій гродскій судъ жалобу на наслѣдниковъ Емельяна Ивановича: Емельяна Кроновича и Радка Василевича о томъ, что они, будучи, *„простыми хлопами“*, осмѣливаются именовать себя шляхтой и *„дѣдичами“* земли Сиверы и позволили себѣ уступить эту землю по фальшивой записи сыну брацлавскаго воеводы Станиславу Потоцкому во вредъ и убытокъ жалобщику, какъ законному потомственному владѣльцу земли, которую онъ, жалобщикъ, продалъ кіевскому коморнику Юрію Немиричу [1]). Чѣмъ дѣло окончилось намъ неизвѣстно; если Гурскій и не выигралъ его, то развѣ только благодаря тому, что эта земля перешла уже къ Потоцкому [2]), тяжба съ которымъ была не легка. Для насъ акты Ивановича важны въ томъ отношеніи, что, во 1-хъ, они подтверждаютъ жалобы на польскихъ старостъ, изложенныя и въ письмахъ Сагайдачнаго и въ универсалѣ Стефана Остранина и, во 2-хъ, здѣсь повторяется съ полнымъ сходствомъ все, происходившее позже на правомъ берегу Днѣпра въ Субботовѣ между Хмельницкимъ и Чаплинскимъ: и непризнаніе личныхъ дворянскихъ правъ козаковъ, и игнорированіе ихъ грамотъ на землевладѣніе, и захватъ козацкихъ имѣній, и всякія насилія. Какъ многочисленны были такіе факты, показываютъ событія 1638 г., когда козаки задумали-было возвратить себѣ „добра дѣдичные“; распространившійся объ этомъ слухъ дошелъ до коронннаго гетмана; послѣдній встревожившись посылаетъ къ нимъ дв. Трояна Голубковскаго съ убѣжденіемъ, что это было бы противно всѣмъ прежнимъ договорамъ (Величко, IV, 271). Такими же земянами— козаками и шляхтичами являются землевладѣльцы Любецкаго староства Назаръ Тарасовичъ, Милко Бывальковичъ, Демидъ Карповичъ, Данило Глѣбовичъ Пероцкій. Богданъ Жоглинъ, Остапъ

---

[1]) Арх. Ю. З. Россіи, ч. VI, т. I, 543—545.

[2]) Что упоминаемый выше Емельянъ Ивановичъ былъ въ свое время весьма значительнымъ лицомъ въ козацкой и даже польской общественной іерархіи, показываетъ найденный нами въ кіевской гродской книгѣ подъ 8/18 ноября 1793 года древній документъ въ которомъ является и Емельянъ Ивановичъ и претендовавшій на его имѣнія дв. Станиславъ Гурскій; документъ этотъ есть жалованная грамота короля Владислава IV п. Гурскому на Кагорлыцкое староство, оставшееся послѣ (неизвѣстно, когда умершаго) какого-то Емельяна Ивановича и Ивана Чекала (въ 1637 г.) См. кн. Кіев. центр. арх. № 128, л. 693, актъ 777.

Юрковичъ, Федько Антоновичъ, Скугарь Логвиновичъ, Богданъ и Лашко Репчичи и друг. [1]); нѣкоторые изъ этихъ семей и впослѣдствіи мы встрѣчаемъ въ козацкихъ рядахъ, тогда какъ другія или перешли на сторону польскаго шляхетства или снизошли въ сословіе крестьянъ; въ половинѣ XVI в. всѣ они являются землевладѣльцами и просятъ польскихъ королей сначала Сигизмунда-Августа, а позже Стефана Баторія объ укрѣпленіи за ними ихъ „отчины", которую они „з давныхъ часовъ уживаютъ", съ пахотными полями, сѣнокосами, рыбными ловлями, бобровыми гонами и друг. доходами Болѣе важными для доказательства факта козацкаго землевладѣнія на далекомъ югѣ вольныхъ степей мы считаемъ документы рода Волевачей [2]): 1) духовное завѣщаніе 1600 г. козака Тишка Волевача на свое движимое и недвижимое имущество въ южной части козацкихъ владѣній по Днѣпру; 2) запись о продажѣ козакомъ Максимомъ Михайловичемъ Плоскаго лѣса значковому товарищу Ивану Волевачу въ 1615 г. и 3) запись о продажѣ вдовой козачкой Ѳедорой Андреевой своей пасѣки по р. Ингульцу обозному Запорожскаго войска Ивану Волевачу около 1630 года.

Три послѣдніе документа свидѣтельствуютъ также и о способѣ развитія крупнаго землевладѣнія среди козаковъ: они пріобрѣтали земли путемъ покупки. Такъ, напр.:, Тишко Волевачъ, въ 1600 году, владѣлъ почти всѣмъ теченіемъ р. Чутки [3]) съ пахотными полями, сѣнокосами и пасѣками; пасѣкой въ Мотронинѣ; лѣсомъ надъ Еничемъ съ пахотными полями и сѣнокосами; хуторомъ на Березовкѣ; восемью Волевачевскими байраками съ пахотными полями и сѣнокосами по обѣимъ сторонамъ р. Цыбульника; пахотными полями и сѣнокосами у Колонтаева и по р. Чуткѣ; наконецъ пахотными полями и сѣнокосами отъ Грузкой балки до пороговъ. Козакъ Максимъ Михайловичъ владѣлъ Плескимъ лѣсомъ, верховьемъ р. Цыбульника, р. Говнянкой, Ингульцемъ отъ устья Говнянки до устья Макаровки, со всѣми по этимъ рѣкамъ сѣнокосами, пахотными полями, пасѣками, рыбными ловлями и проч. угодьями. Козачкѣ Ѳедорѣ Андреевой принадлежали байраки по р. Макаровкѣ и Ингульцу съ хуторами, пасѣками, сѣнокосами и пахотными полями. Земли двухъ послѣднихъ

---

[1]) См. Прилож. № IX.

[2]) См. Прилож. № III.

[3] Т. е. землями въ сѣверо-запад. части Александр. уѣзда Херсонской губ.

владѣльцевъ скупилъ козакъ Иванъ Волевачъ, занимавшій одно изъ важныхъ мѣстъ въ войскѣ, именно, обознаго войска Запорожскаго. Факты землевладѣнія въ XVII в. еще болѣе многочисленны; напр., козакъ Григорій Фуртникъ вмѣстѣ съ женой своей продаютъ въ 1649 году свой сѣнокосъ по р. Роси противъ Каменицы козаку же Конону Мазнюченку [1]). Въ 1650 г. переселяющійся изъ с. Черницы на Украину запорож. козакъ Иванъ Водяникъ ведетъ за собой лошадей, рогатый скотъ, везетъ одежды, деньги и проч. имущество, которое у него было заграблено, а пріобрѣтено, если не земледѣліемъ, то промыслами; заграбленное по ошибкѣ въ м. Вильскѣ имущество козака признается его собственностью и возвращается обратно [2]). Въ 1653 г. козакъ Супрунъ Ступиченко продаетъ своему брату Кирику часть мельницы на р. Роси [3]); въ 1655 г. козаки Василій Куликъ съ друг. его совладѣльцами продали половину своего наслѣдственнаго става въ с. Харьковцахъ [4]) „урожоному" козаку Якову Пекулицкому. Въ завѣщаніи Тишка Валевича 1600 г. упоминаютъ еще о какомъ-то „Супрунѣ, що Безнеску держитъ". Между актами по исторіи крестьянскаго землевладѣнія, собранными В. Б. Антоновичемъ [5]), встрѣчается одна купчая крѣпость о продажѣ козакомъ Иваномъ Олещенкомъ своего байрака козаку же Василію Коробкѣ. Правда, запись относится къ 1660 г., но упоминаемая въ ней земля называется „отцовской" и объ ея покупкѣ извѣстно будто бы старому козаку Ѳедору Коробкѣ, котораго мы встрѣчаемъ дѣйствующимъ еще въ эпоху Богдана Хмельницкаго.

Въ 1516 году козакъ Дмитръ Базановичъ въ Звенигородскомъ староствѣ является владѣльцемъ двухъ селъ: Мытковцевъ и Соколковъ, на которыя права его подтверждаются королевской грамотой [6]). Многіе изъ лицъ, игравшихъ видную роль въ козацкой исторіи, являются въ актахъ и какъ землевладѣльцы; такъ, мы находимъ упоминаніе о гетманѣ Григоріи Лободѣ, купившемъ будто бы с. Сошники у кіевскаго подчашаго Лаврина Лозки въ 1600 году [7]). На югѣ Бра-

[1]) См. Прилож. № V.
[2]) См. Прилож. № VI.
[3]) См. Прилож. № VII.
[4]) См. Прилож. № VIII; с. Харьковцы—Пирятин. у. Полтав. губ.
[5]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. 2-й, стр. 244 и 245.
[6]) Арх. Ю.-З. Р. VII, т. I, 185 и слѣд.
[7]) См. Прилож. № IV.

цлавщины въ 1583 г. владѣютъ обширными имѣніями братья земяне Андрей и Иванъ Кошки, къ семьѣ которыхъ могъ принадлежать и извѣстный гетманъ Самуилъ Кошка [1]). О Криштофѣ Косинскомъ, какъ владѣльцѣ м. Рокитнаго, упоминается въ люстраціи королевскихъ староствъ въ 1765 г. [2]), со ссылкой на сеймовую конституцію 1590 года [3]). Разорившій въ 1635 г. польскую крѣпость Кодакъ Иванъ Сулима также владѣлъ обширнымъ имѣніемъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра [4]), а его предокъ Георгій Сулима въ 1577 занималъ должность каменецкаго мечника [5]); владѣнія рода Сулимъ находились и на Волыни въ Кременецкомъ повѣтѣ [6]). Всѣ эти лица, считая себя козаками, владѣли [7]) имѣніями въ той части южно-русскихъ воеводствъ, гдѣ съ XVI вѣка начинаетъ развиваться и крѣпостное право; такъ на это положительно указываетъ искъ благородн. козака Богдана Звенигородскаго, предъявленный имъ къ п. Бѣлозору о двухъ крестьянахъ въ 1568 г. въ барскомъ замковомъ судѣ [8]). Въ описаніи Днѣпра, составленномъ въ 1697 г., упоминаются урочище, перевозъ и плавни Барабаша и луга съ пристанью Сагайдачнаго (Лѣтоп. Сам. Величка, т. III, 474 и 482). Урочища съ именемъ Сагайдачнаго встрѣчаются еще на лѣвомъ берегу Днѣпра выше остр. Хортицы (Кіев. Стар. за 1894, май, стр. 266, въ статьѣ г. Падалки). Къ числу крупныхъ землевладѣльцевъ должно, намъ кажется, отнести и чигиринскаго сотника, впослѣдствіи гетмана, Богдана Хмельницкаго; въ 1650 г. король даетъ ему жалованную грамоту и подтверждаетъ прежнія права его на имѣнія, которыми онъ владѣлъ до начала войнъ, именно: на хуторъ Субботовъ, а также „на добра, въ воеводствѣ Кіевскомъ за Чигириномъ отъ поль дикихъ лежачіе“; границы его „добръ“ были опредѣлены въ грамотѣ 1652 г. такъ: „отъ пасеки Хмельницкаго некогда

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 610.

[2]) Кн. Кіев. центр. арх. № 76, л. 635.

[3]) См. о ней Vol. leg., I—II, стр. 318.

[4]) А. Лазаревскій, Сулимовскій Архивъ, стр. 9 и 22.—Архив. отрывки, 41.

[5]) Кн. Кіев. центр. арх. № 3604, л. 26 об., 62 и 237 об.

[6]) Въ собраніи документовъ для исторіи монастырей Полтавской епархіи (Арх. отр., вып. 1-й Полтава 1887 г.) мы находимъ нѣсколько документовъ показывающихъ землевладѣніе козаковъ на лѣвомъ берегу Днѣпра до эпохи Хмельницкаго.

[7]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. I, 222.

[8]) Акты Ю. и З. Р., т. X, стр. 468.

старого, черезъ Ингулецъ и Черный лѣсъ до устья речки Бержки [1]), и къ байракамъ, а съ другое стороны отъ устья рѣчки Каменки къ рѣчкѣ Каменкѣ, въ Ингулъ впадаючей". Пасѣка Богдана Хмельницкаго, по дошедшему до нашего времени преданію [2]), находилась въ Лебединскомъ лѣсу, а изъ цитированной выше грамоты оказывается принадлежащей еще отцу или дѣду Богдана; такимъ образомъ, пространство отъ Лебедина до Субботова на сѣверѣ, до устья р. Каменки, впадающей въ Ингулъ, на югѣ, составляло наслѣдственную собственность гетмана; вотчиной Хмельницкаго называются Субботово и Новоселки также и въ жалованной ему грамотѣ, данной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1654 г., тогда какъ мѣстечко Медвѣдовка и села Каменка и Борки признаются маетностями Хмельницкаго, пожалованными польскими королями; объ этихъ послѣднихъ не говорится, чтобы они были наслѣдственными, да и грамота на нихъ дана была отдѣльная, тогда какъ на всѣ вотчины одна общая.

Кромѣ перечисленныхъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, владѣнія которыхъ точно опредѣляются въ прилагаемыхъ актахъ, существовало еще больше мелкихъ, извѣстія о которыхъ разбросаны во множествѣ документовъ, изданныхъ раньше; мы не будемъ приводить ихъ, находя сказанное выше дастаточнымъ для доказательства того, что въ козачествѣ владѣніе землей было широко и весьма распространено, и на собственно козацкой территоріи въ глубинѣ степей, и на лѣвомъ берегу Днѣпра, и въ южной части Кіевскаго повѣта; на основаніи этихъ актовъ мы можемъ также наблюдать, какъ частное землевладѣніе постепенно развивалось изъ присвоенія себѣ отдѣльными лицами составлявшихъ общую собственность такъ наз. „уходовъ", въ которыхъ они занимались долгое время промыслами или земледѣліемъ: давность фактическаго пользованія и владѣнія землей, „становъ", „уходомъ", укрѣпляла и право распоряженія имъ, т. е. образовывала право полной частной собственности. Это право еще въ первой половинѣ XVI в. подтверждается королевскими жалованными грамотами; такъ мы видѣли право было подтверждено Емельяну Ивановичу на „входную землю Сиверу", Дмитру Базановичу и друг. на ихъ отцовщину и дѣдовщину; но оно только подтверждается, какъ фактъ,

---

[1]) Эта рѣка по указу 1752 г. „состоитъ въ новосербскомъ козачьемъ и слободскомъ поселеніяхъ" (Эварницкій, „Вольности запорож. козаковъ", стр. 15).

[2]) См. замѣтку О. И. Левицкаго въ „Кіев. Стар." за 1885 г.

существовавшій издавна, санкцируется лишь, а не создается вновь. Но если королевская власть закрѣпляетъ право собственности за отдѣльными владѣльцами на земли уже въ первой половинѣ XVI в., то случаи присвоенія земли и перехода ея отъ предковъ къ потомкамъ должны были начаться гораздо раньше, это позволяютъ думать слѣдующія данныя: въ завѣщаніи козака Тишка Волевача, который, умирая въ 1600 г. и оставляя уже взрослыхъ совершеннолѣтнихъ сыновей, женатыхъ, былъ необходимо, если и неглубокимъ, то все-таки старикомъ, заканчивавшимъ свой вѣкъ, въ завѣщаніи его, повторяю, сказано, что передаваемыя имъ въ наслѣдство земли пріобрѣтены покупкой еще дѣдомъ его Яковомъ отъ козака Ивана Безмолвнаго и что на эту покупку у него сохранилась запись. Когда-же могла совершиться покупка земли Яковомъ Волевачемъ? Если мы пріимемъ во вниманіе старость завѣщателя Тишка Волевача и несомнѣнно полное совершеннолѣтіе, если также не старость, его дѣда Якова въ моментъ покупки, то едва ли ошибемся, считая отъ времени покупки Якова Волевача до времени завѣщанія его внука Тишка три поколѣнія, что составитъ, предполагая на каждое поколѣніе по 40 лѣтъ, или около 120 лѣтъ; отсюда слѣдуетъ, что козакъ Яковъ Волевачъ могъ купить землю у козака Ивана Безмолвнаго въ концѣ XV в., т. е. около 1480 г., когда самое козачество является уже, какъ мы видѣли выше съ вполнѣ опредѣлившимся характеромъ; онъ же купилъ тогда, какъ видно изъ завѣщанія, пасѣку въ Мотронинѣ, лѣсъ надъ Еничемъ съ подлѣсьемъ, съ пахотными и сѣнокосными полями; о другихъ земляхъ завѣщатель говоритъ вообще, что они его предкомъ „*здавна* за гроши набыты". На тотъ же фактъ ранняго развитія и крупнаго и мелкаго землевладѣнія среди барской околичной шляхты въ весьма раннюю эпоху указываетъ и М. С. Грушевскій въ своемъ сочиненіи о немъ [1]), а г. Ѳирсовъ высказалъ весьма основательное мнѣніе, что крупное землевладѣніе обусловливало и преобладаніе бояръ въ Галицко-Волынской землѣ въ эпоху княжеской власти надъ ней [2]).

Если такимъ образомъ раннее развитіе козацкаго землевладѣнія, вслѣдствіе вышеприведенныхъ соображеній, не даетъ повода къ

[1]) „Барское староство", Кіевъ. 1894 г., стр. 69 и слѣд.

[2]) Учен. Зап. Казан. у—та за 1892 г., кн. 1, стр. 124.

сомнѣнію въ этомъ фактѣ, то широкое территоріальное его распространеніе не можетъ быть доказано прямо за отсутствіемъ какихъ-либе переписей, регестровъ или люстрицій тѣхъ южныхъ окраинъ, которые заняты были козаками; тѣмъ не менѣе однакоже, оно можетъ быть подтверждено нѣкоторыми побочными обстоятельствами, необходимо сопровождающими всякій вообще фактъ землевладѣнія, именно, полнымъ и совершеннымъ развитіемъ понятія о правѣ частной собственности на землю, выражающагося въ самомъ фактѣ владѣнія, пользованія и распоряженія ею, на что указываютъ формы и содержаніе сохранившихся актовъ: никакого указанія при этомъ на права общины въ записяхъ частныхъ лицъ, никакого ограниченія въ правѣ распоряженія (даже въ наслѣдованіи дочерей) въ королевскихъ грамотахъ даже на „входныя земли" мы не находимъ.

Другимъ не менѣе прочнымъ доказательствомъ широты распространенія землевладѣнія служитъ также и цѣнность земли въ козацкихъ владѣніяхъ. Возьмемъ для примѣра документы болѣе ранніе и относящіеся къ болѣе южной части Поднѣпровья: козакъ Максимъ Михайловичъ продалъ Волевачу свой лѣсъ, пахотныя поля, сѣнокосы, рыбныя ловли, пасѣку и проч. угодья, расположенные по р. Цыбульнику, впадающей въ р. Ингулецъ, за 2000 копъ литовскихъ грошей, а козачка Өедора Андреева продала свою пасѣку по р.р. Ингульцу и Макаровкѣ также со всѣми угодьями и пахотными полями тому же Волевачу за 500 копъ литовскихъ грошей. Если теперь вышеприведенныя цѣны сравнимъ съ цѣнами на земли въ густо-населенныхъ частяхъ Кіевскаго и Волынскаго воеводствъ, то замѣтимъ, что послѣдніе были почти не выше первыхъ. Такъ, напр., въ записяхъ о продажѣ имѣній мы находимъ, что въ 1588 г., село Дидковцы (Кіевскаго повѣта) было продано за 600 копъ литовскихъ грошей [1]); тогда же часть села Рудниковъ, около Житомирсваго замка [2]), т. е. въ наиболѣе важномъ пунктѣ повѣта и болѣе доходное (тамъ могла производиться разработка желѣза), отдана въ залогъ за 200 копъ; въ 1602 г. въ Луцкомъ повѣтѣ село Дубляны [3]) заложено за 1500 польскихъ злотыхъ, или за 600 копъ литов. грошей, такъ какъ копа грошей равнялась тогда $2^1/_2$ злотымъ; въ 1623 г. село Рудка Ста-

---

1) Кн. Кіев. центр арх. № 8, л. 360, № 20.

2) Ibid , л. 325, № 6.

3) Ibid., кн. № 2113, л. 61 № 37.

рая (Коростышевской волости) продано за 500 копъ литов. грошей [1]); въ 1629 г. село Якимовка (Бѣлиловской волости) продано за 1000 польскихъ злотыхъ, что составляло 400 копъ литовскихъ грошей [2]), а м. Коростышевъ, вмѣстѣ съ с. Новымъ Городкомъ въ томъ же году было продано за 6000 пол. злотыхъ, или за 2400 копъ литов. грошей [3]); намъ кажется, этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что спросъ на земли былъ столь же значителенъ на югѣ Кіевской земли, какъ и на сѣверѣ, вдали отъ собственно козацкихъ поселеній. Можно думать поэтому, что для займа и освоенія свободныхъ земель [4]) къ югу отъ р. Тясьмина уже не было; пріобрѣтеніе ихъ здѣсь возможно было такъ же только посредствомъ покупки, какъ и на сѣверѣ, въ Кіевскомъ и Волынскомъ воеводствахъ. Жалоба на отсутствіе свободныхъ земель выражается и въ извѣстной малорусской думѣ о Ганжѣ Феськѣ Андыберѣ.

Тѣмъ не менѣе однакоже, хотя никому не принадлежащихъ для займа земель уже не оставалось, населеніе южной окраины не было еще настолько густо, чтобы могли возникать крупные или частые споры изъ-за захвата грунтовъ и нарушенія межевыхъ знаковъ; въ началѣ XVII в. козаки-землевладѣльцы не имѣютъ еще необходимости прибѣгать къ искуственному размежеванію своихъ полей и лѣсовъ и довольствуются естественными границами: рѣками, рѣчками, озерами, урочищами и проч.; но опредѣлить степень густоты этого населенія очень трудно; судить о количествѣ козацкихъ семей по числу участвовавшихъ въ войнахъ козаковъ затруднительно, потому что въ въ разное время это число бываетъ различно и колеблется отъ 1000 до 20,000, а въ Хотинской битвѣ, по сказанію лѣтописей, и при осадѣ Путивля въ 1634 г. подъ начальствомъ Арендаренка и Тараса, по донесенію воеводъ [5]), ихъ является даже 50,000 человѣкъ. Бопланъ считаетъ количество хуторянъ—козаковъ въ 80000 душъ; если принять даже это количество жителей, то нельзя не признать, что то пространство южно-русскихъ степей, которое въ настоящее время вмѣщаетъ въ себѣ милліоны людей, было населено весьма рѣдко отъ конца XV в. до половины

[1]) Ibid., Кн. № 9, л. 174, № 1.
[2]) Ibid, л. 230, л. 230, № 56.
[3]) Ibid., л. 212, № 36.
[4]) Свободныхъ, въ смыслѣ обработанныхъ, приспособленныхъ для пользованія.
[5]) Акты Москов. госуд., I, № 645, стр. 594—596.

XVII в. Это, какъ мы видѣли выше, не служило однако признакомъ слабости козачества; оно съ успѣхомъ боролось противъ татаръ въ концѣ XV в.; съ самаго начала XVI в. мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ, показывающихъ, что силы козачества, если не увеличились, то никакъ не уменьшились; напр., въ 1527 г. крымскій ханъ извѣщаетъ короля, что онъ готовъ идти на Москву съ отрядомъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, но проситъ, чтобы онъ прислалъ листъ, обезпечивающій отряду свободный проходъ мимо Черкасъ и Канева, и приказалъ бы старостамъ не допускать козаковъ до нападеній и грабежей; однако, на обратномъ пути козаки татаръ все-таки ограбили; козаки были подъ предводительствомъ Солтанца, Ворочи и Масла [1]). Въ 1500 г. ханъ жалуется что на Днѣпрѣ ему „не добро кочевать: многіе съ ними брани чинятъ отъ ногай и отъ черкасъ" [2]). Въ грамотѣ короля Сигизмунда I, отъ 21 іюня 1541 г., указано объ ограбленіи козаками небольшаго отряда татаръ, ходившаго воевать окраины Московскаго государства [3]). Поэтому-то, мы думаемъ, что вслѣдствіе численности и поголовной готовности козаковъ къ войнѣ татары избѣгали дѣлать набѣги на козацкія земли; мы рѣдко видимъ ихъ здѣсь; всего чаще татары ходили на Волынь, Подолію и Московскія окраины; и важнѣйшіе шляхи татарскіе, Муравскій и Черный, всѣ проходили въ сторонѣ отъ козацкой территоріи; напротивъ, татары, нуждавшіеся въ степяхъ для своихъ табуновъ, предпочитали избѣгать столкновеній съ козаками и, по-сосѣдски, входили съ ними въ договоры относительно кочеванія въ козацкихъ степяхъ, какъ было, напр., въ 1628 г. по извѣстію Межигорской лѣтописи [4]); татары не были бы къ этому вынуждены, если бы поля оставались пустынны и не имѣли сильныхъ защитниковъ, если бы они были такъ „дики" и страшны, какъ стараются изобразить ихъ польскіе бытописатели и даже оффиціальные документы того времени, частью вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ самыми степями и съ бытомъ ихъ обитателей, частью изъ корыстныхъ видовъ съ цѣлью получить во владѣніе пустыя земли подъ предлогомъ якобы ихъ заселенія; при проѣздѣ чрезъ степи они, дѣйствительно могли, показаться путешественнику пустын-

[1]) Акты Запад. Рос., II, 186.
[2]) Сборникъ И. Р. И. О., т. XLI, л. 321.
[3]) Акты Ю. и З. Р. т. 1-й, л. 109, № 105.
[4]) Сборн. лѣт., Южн. и Зап. Руси, 95.

ными вслѣдствіе разселенія козаковъ по берегамъ рѣкъ, ради занятія ихъ рыболовствомъ [1], такъ какъ земледѣліе было еще слабо развито; быть можетъ именно козакамъ и принадлежатъ тѣ городища, которые открыты проф. Антоновичемъ въ Поднѣпровьи [2]).

Въ польской исторической литературѣ мы также встрѣчаемъ изслѣдователей, склоняющихся къ тому же предположенію; такъ, напр. Каз. Пуласкій, въ статьѣ своей „Dziki pola“ („Szkice i poszukiwania historiczne“. Kraków. 1887), признавая раннее развитіе козачества (въ концѣ XV в.) и приводя факты козацкаго землевладѣнія, считаетъ послѣднее вполнѣ развившимся къ концу XVI в. и южно-русскія степи, хотя еще слабо, но заселенными уже: „to też ostatnich lat XVI wieku całkiem rożny od tego, cośmy tutai widzieli w wieku XV. Prawda, że jeszcze dużo jest stepow, bo tak wielkich przestrzeni nie latwo zaludnić,—ale już niema jednego wielkiego stepu wzdłuż Dniepra od Kijowa aż po Oczakow—już niema bezludnych *dzikich pól*, a większe lub mniejsze osady rozrzucone choc z rzadka, lecz na całej przestrzeni“ (стр. 41).

Что касается до другаго важнаго фактора въ жизни козачества—до общественной автономіи ихъ, то хотя она является фактомъ извѣстнымъ и не подлежащимъ сомнѣнію, но въ нѣкоторыхъ частяхъ не достаточно выяснена; приведенные нами акты о козацкомъ землевладѣніи содержатъ въ себѣ нѣсколько весьма важныхъ данныхъ. Фактъ землевладѣнія вообще тѣсно связывается съ силой и прочностью власти, вѣдѣнію которой подлежало укрѣпленіе правъ частнаго лица на недвижимое имущество при переходѣ его изъ однихъ рукъ въ другія и спорныя дѣла, возникавшія изъ-за права владѣнія имъ; въ болѣе раннюю эпоху жизни южно-русскаго окраиннаго населенія, управлявшагося избираемыми на время князьями или атаманами, оба рода власти: гражданская (административная и судебная) и военная, могли находиться въ рукахъ однихъ этихъ общинныхъ пред-

---

[1]) Такъ разселяются до сихъ поръ уральскіе козаки, главное занятіе которыхъ также рыбная ловля въ Уралѣ и его притокахъ; каждый козакъ, какъ бы далеко ни лежала его пахотная земля отъ мѣста его постояннаго жительства, уѣзжаетъ лѣтомъ въ поле для обработки земли и не возвращается домой до конца полевыхъ работъ. Такъ могли разселятся и запорожскіе козаки, давъ своимъ поселеніямъ названіе „зимовниковъ“, изъ которыхъ они лѣтомъ ходили для промысловъ и обработки земли въ свои „уходы, албо станы“.

[2]) Ѳ. Николайчикъ, г. Кременчугъ. Историч. очеркъ. Кременчугъ 1891, стр. 16 Авторъ замѣчаетъ, что такіе же городища замѣчены имъ на притокахъ Днѣпра въ Лѣвобереж. Украинѣ.

ставителей и лишь законодательная и высшая судебная принадлежала самой общинѣ; позже, съ развитіемъ формъ гражданской жизни и съ необходимостью вести непрерывныя войны, должно было произойти раздѣленіе властей на гражданскую и военную. И дѣйствительно въ самомъ началѣ XVII в. мы находимъ уже въ козацкой общинѣ каждую власть вполнѣ обособившейся; организація военной съ ея дѣленіемъ на полки и сотни достаточно извѣстна, чтобы на ней останавливаться здѣсь. Въ исторіи развитія гражданской власти долженъ былъ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка совершиться тотъ же процессъ, какой мы видимъ въ эпоху войнъ Хмельницкаго,—военные предводители становятся въ мирное время гражданскими правителями; атаманы южно-русскихъ военныхъ общинъ (называвшихся, быть можетъ, и тогда тѣмъ же именемъ, которое удержалось за ними до конца XVIII в., а встрѣчается въ актахъ и начала XVII в., т. е. *товариществами*) обращаются позже во власть административно-судебную; каждое товарищество имѣло своимъ центромъ какой-нибудь городъ, а жившіе въ немъ козаки постепенно обращаются въ обывателей мѣста, мѣщанъ [1]); ихъ атаманы становятся городовыми атаманами; изъ такихъ товариществъ мы пока имѣемъ опредѣленное указаніе на товарищество только чигиринское, хотя въ актахъ и дипломатической перепискѣ постоянно различаются еще „каневцы“, „черкасцы“, „кіевцы“, быть можетъ, по тому, что они составляли тогда еще разрозненныя общины съ отдѣльными своими атаманами и что эти общины лишь въ случаѣ общей опасности или ради общаго дѣла соединялись и во главѣ каждой становился свой атаманъ, и мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ въ такихъ случаяхъ имена трехъ и четырехъ предводителей. При атаманѣ товарищества состоялъ писарь; обязанностью его (и, вѣроятно, не единственною) было составленіе актовъ о переходѣ правъ на землю, которые имъ же и скрѣплялись, а утверждались атаманомъ; къ акту прикладывалась печать, которая называется то товарищескою, то мѣстскою; писаря въ то время, какъ и въ позднѣйшее, должны были принимать участіе и въ

---

[1]) Напр., въ 1539 г., въ рѣшеніи жалобы черкасскихъ мѣщанъ на старосту своего Яна Пенька объ отягощеніи ихъ повинностями понятіе о мѣщанинѣ смѣшивается съ понятіемъ о козакѣ; одно названіе замѣняется другимъ, при чемъ прибавлено, что многіе мѣщане позакладовались за старосту (А. З. Р., II, 353, 354). То же обращеніе козаковъ и мѣщанъ можно видѣть и въ прилагаемыхъ актахъ Волевача.

судѣ и въ управленіи, рядомъ съ атаманами. Атаманамъ товариществъ принадлежала такая же судебно-административная власть, какая въ королевскихъ замкахъ принадлежала старостамъ, что видно не только изъ обязанности ихъ утверждать гражданскія сдѣлки, но и изъ прямого указанія грамоты короля Яна-Казимира, данной имъ 18 августа 1649 года въ обозѣ подъ Зборовымъ; въ этой грамотѣ мы читаемъ: „а особно то имъ (т. е. козакамъ) тѣмъ нашимъ привилеемъ оберегаемъ, что сужены быти не маютъ отъ нашихъ старостъ, державцевъ и намѣстниковъ, но ихъ же атаманы въ дѣлахъ рузсужденіе чинити мѣютъ и всякому требующему по томужъ справедливость чинити вмѣсто городовыхъ урядовъ"; здѣсь ясно сказано, что судъ старостъ замѣняется судомъ атамановъ; тоже еще яснѣе обнаруживается изъ слѣдующаго случая, имѣвшаго мѣсто позже, именно, въ 1660 году: упомянутый уже запорожскій козакъ Иванъ Олещенко продалъ свой отцовскій ставъ и байракъ Олешковъ запорожскому же козаку Василію Коробченкѣ сыну Ѳедора Коробки, который при Богданѣ Хмельницкомъ исполнялъ обязанности чигиринскаго атамана; купчая представлена была на утвержденіе тогда, когда Чигиринъ, вслѣдствіе измѣнившихся условій политической жизни, находился уже въ распоряженіи польскихъ старостъ; только съ утвержденіемъ старосты документъ получилъ законную силу, какая до эпохи Богдана Хмельницкаго давалась одной подписью атамана и приложенной имъ печатью общины. Юрисдикція атамановъ отмѣнена и запрещена сеймовой конституціей 1613 г.

Коммиссія на Масловомъ Ставу въ 1638 г., при каждомъ сотникѣ назначаетъ и атамана; но этихъ атамановъ она же называетъ поручиками, т. е. исполнявшими военныя порученія; атаманы же, упоминающіеся въ нашихъ актахъ являются съ обязанностями судебными; придавать значеніе одинаковости названія обѣихъ должностей нельзя также и по тому, что слово „атаманъ" означало въ козачествѣ вообще начальника, лицо, стоявшее во главѣ и большаго и малаго отряда или общины.

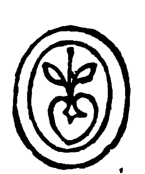
Со времени войнъ Хмельницкаго должность судебныхъ атамановъ замѣняется и на правомъ и на лѣвомъ берегахъ Днѣпра болѣе развитыми полковыми и сотенными судами; на правомъ берегу она во время Руины, вслѣдствіе расширенія власти старостъ и распространенія магдебургскаго права даже въ мелкихъ городахъ почти исче-

заетъ, а на лѣвомъ преобразовывается въ весьма ограниченную власть городовыхъ атамановъ, какъ представителей городскаго козачества.

Но какъ была широка территорія, на которую распространялась судебная власть атамановъ до событій 1648 г., мы можемъ предполагать лишь по тому, напр., факту, что въ найденныхъ нами актахъ чигиринскій атаманъ утверждаетъ сдѣлки на имѣнія, расположенныя по р. Ингулу и у пороговъ.

Что должность козацкаго атамана въ разсматриваемую нами эпоху на правомъ берегу Днѣпра была не маловажна и въ нее избирались лица, заслужившія общее уваженіе и довѣріе, объ этомъ можно судить по тому, что два изъ трехъ извѣстныхъ намъ атамановъ являются въ роли представителей и ходатаевъ за козацкіе интересы предъ польскимъ правительствомъ; это были—Өедоръ Кузминскій и Василій Томиловичъ, извѣстный въ козацкихъ лѣтописяхъ подъ народнымъ именемъ Томиленка. Өедора Кузминскаго мы встрѣчаемъ въ 1632 году, какъ посла на сеймъ отъ козачества, а Василій Томиловичъ (или Томиленко), возвысившійся до званія гетмана въ 1636 году, боролся противъ Польши и погибъ въ Варшавѣ въ 1638 году; наконецъ при Богданѣ Хмельницкомъ чигиринскимъ атаманомъ былъ Өедоръ Коробка, участвовавшій во встрѣчѣ московскихъ пословъ, ѣхавшихъ отъ царя къ Хмельницкому въ Чигиринъ; какъ должностное лицо, онъ получаетъ царскіе подарки наравнѣ съ Выговскимъ, и самъ, будучи уже обознымъ войсковымъ, отправляется къ царю отъ Хмельницкаго въ качествѣ посла.

Говоря объ обязанностяхъ атамана, мы упоминали между прочимъ и объ употребленіи имъ товарищеской печати; такъ какъ онъ пользовался ею при утвержденіи юридическихъ актовъ и быть можетъ былъ хранителемъ ея, какъ аттрибута своей власти, то скажемъ кстати нѣсколько словъ и о ней. Она называется въ нашихъ документахъ то „печатью товарищеской чигиринской“, то „мѣстской“ (городской); названія эти не имѣли тогда рѣзкаго различія, какъ и названія „мѣщанина“, „козака“ и „обывателя“; въ указанной нами раньше козацкой купчей 1660 г. говорится, что она скрѣплена печатью „старой русской“, и хотя послѣдняя не описана и не изображена, но мы думаемъ, что здѣсь рѣчь идетъ о той же чигиринской печати, изображеніе которой уцѣлѣло на нашемъ документѣ. Она представляетъ собой небольшой овальный кружокъ съ ясно очер-

ченной въ срединѣ фигурой сердца, изъ верхней части котораго возвышается вертикальная линія, раздѣляющаяся у основанія своего на двѣ вѣтви, отклоняющіяся въ противоположныя стороны и закругливающіяся въ видѣ листьевъ; сходство линіи со стрѣлой очень незначительное; буквъ вокругъ печати разобрать невозможно. Изображеніе печати напоминаетъ собою нѣсколько гербъ Аксакъ, принадлежащій дворянскому кіевскому роду Аксаковъ. По сказанію К. Несѣцкаго, онъ присвоивался тѣмъ лицамъ и ихъ потомству, которые прославляли себя въ войнахъ съ турками и татарами; быть можетъ усвоеніе себѣ такого герба дворянами дѣлалось по примѣру козачества, одерживавшаго частыя побѣды надъ татарами.

Но органомъ высшаго общественнаго управленія служила рада. Мы не имѣемъ данныхъ чтобы прослѣдить во времени ея возникновеніе и развитіе; но въ концѣ XVI в., судя по описанію ея Эрихомъ Лассотой (въ 1594 г.), она является вполнѣ сложившимся институтомъ въ то время; несомнѣнно, рада, какъ и само козачество, очень древняго происхожденія и, быть можетъ, имѣетъ тѣсную связь съ вѣчемъ великокняжеской эпохи. На собранія рады въ болѣе позднюю эпоху мы имѣемъ указанія въ лѣтописяхъ и въ оффиціальныхъ документахъ XVII в.; такъ, напр., въ дневникѣ похода противъ козаковъ въ 1625 г.[1]), 12 октября; въ универсалѣ, печатаемомъ нами, гетмана Григорія Чернаго въ 1630 г.; въ 1632 г., 1634 г., по донесеніямъ русскихъ людей и самыхъ взятыхъ въ плѣнъ черкасовъ[2]), и въ 1638 г. по діаріушу Окольскаго[3]). Въ указанные нами годы рада собиралась по случаю чрезвычайныхъ событій, хотя нѣтъ основаній для заключенія, что ея собранія были постоянны и созывались въ опредѣленные сроки. Въ составъ рады входили всѣ люди, находившіеся въ войскѣ, если рада собиралась во время самой войны для рѣшенія вопроса о принятіи или непринятіи условій мира, какъ было, напр., въ 1625 г.; или для принятія предложенія сосѣднаго государства, приглашавшаго козаковъ на войну въ союзники, какъ было въ 1594 г., но козацкія рады въ такихъ случаяхъ скорѣе носили характеръ военнаго совѣта; быть можетъ, это были малыя рады,

---

[1]) Сборн. лѣтописей Ю. З. Руси, 104.

[2]) Акты Моск. госуд., I, 402—411. 622.

[3]) Лѣт. Величка, IV, 170, 275.

въ отличіе отъ общенародныхъ, какъ существовали прежде большія и малыя вѣча; въ мирное же время, при обсужденіи дѣлъ, касавшихся внутренняго управленія и распорядка, что мы видимъ въ 1632 г., въ составъ рады входили „лучшіе люди", полковники и „товаристство", „письменные лучшіе люди" по пяти человѣкъ отъ каждаго города; кромѣ козаковъ, въ радѣ участвуютъ кіевскій митрополитъ и луцкій епископъ, когда обсуждается вопросъ о борьбѣ съ уніей.

Раду, какъ мы видимъ изъ указанныхъ нами источниковъ, могъ созывать и гетманъ и митрополитъ, а въ военное время и простое козачество, и даже стороннія лица (напр. князь Іеремія Вишневецкій въ 1634 г.). Способъ созванія рады неизвѣстенъ за недостаткомъ источниковъ. Рада собиралась въ разныхъ мѣстахъ, смотря по обстоятельствамъ, напр. въ сѣчи въ 1594 г., въ Каневѣ въ 1625 г., на Старицѣ и въ Кіевѣ въ 1630 и 1638 г.г., въ Корсунѣ въ 1632 г. въ Чернѣховской Дубровѣ тогда же, и въ Лубнахъ въ 1634 г. Порядокъ обсужденія дѣлъ и постановленія рѣшеній въ общей радѣ (черной) мы предполагаемъ такимъ, какимъ онъ описанъ у Эриха Лассоты, хотя то былъ, какъ мы сказали, только военный совѣтъ: собравшіеся на раду козаки, послѣ выслушанія предложенія гетмана, раздѣляются на два круга (кола); одинъ состоялъ изъ старшинъ, другой изъ черни; послѣдняя требовала единогласнаго рѣшенія дѣла и несоглашавшихся силой принуждала присоединиться къ рѣшенію большинства [1]). Вѣдѣнію рады подлежали важнѣйшія дѣла, касавшіяся интересовъ всего южно-русскаго населенія; постановленія рады по этимъ дѣламъ имѣли обязательную силу закона; таковы, напр., постановленія кіевской рады въ 1638 г., постановленія Чернѣховской рады въ 1632 г. о борьбѣ съ Польшей изъ-за уніи; вѣдѣнію рады подлежало также право низверженія и избранія гетмановъ и возбужденіе вопроса о подчиненіи московскому государю.

Насколько распространенъ былъ обычай рѣшенія общественныхъ дѣлъ въ радѣ, показываетъ упомянутый нами созывъ рады въ Лубнахъ кн. Іереміей Вишневецкимъ, а ея необходимость и право существованія доказывается словами Богдана Хмельницкаго, въ которыхъ онъ долженъ былъ оправдывать принятыя имъ мѣры безъ всенароднаго вѣдома и совѣта важностью сохраненія въ тайнѣ на-

---

[1]) Эр. Лас., 32, 33.

мѣренія и дѣйствій козачества [1]), такъ какъ огласка въ предшествовавшія восстанія давала полякамъ возможность приготовляться къ войнѣ.

Быть можетъ радѣ принадлежало также право и высшей судебной инстанціи, но въ сохранившихся источникахъ до эпохи Богдана Хмельницкаго мы не находимъ прямыхъ указаній, кромѣ того косвеннаго, что низложеніе гетмана, какое было совершено на радѣ въ 1632 г., не могло произойти безъ суда надъ смѣненнымъ, который и былъ потомъ убитъ. Изъ изложеннаго нельзя не замѣтить большаго сходства между козацкими радами и вѣчами великокняжескаго періода; сходство это мы думаемъ просто объясняется тѣмъ, что какъ самыя южнорусскія общины, такъ и выработанныя ими учрежденія, продолжали существовать отъ глубокой древности, съ тѣми лишь измѣненіями, какія произведены въ нихъ временемъ и обстоятельствами.

Съ совершившимся въ козачествѣ въ концѣ XVI в. развитіемъ гражданской власти рады и атамана, съ пріобрѣтеніемъ ими большаго авторитета, чѣмъ въ предшествующіе XV и XVI вв., и съ начавшимся въ то же время сплоченіемъ отдѣльныхъ общинъ во-едино, должна была возрасти и единая власть военная, сосредоточившаяся въ рукахъ гетмана. Въ исторіи развитія этой власти мы наблюдаемъ три періода: 1-й продолжается до 1572 г.; козачество въ это время жило отдѣльными общинами, въ главѣ которыхъ стояли атаманы; такъ, напр., подъ 1489 упоминаются Богданъ, Голубецъ и Васко Жила [2]). въ 1527 г. мы встрѣчаемъ Солтанца, Ворочу и Масла [3]) и друг.; въ случаѣ общей опасности отъ татаръ, грозившей и козачеству и королевскимъ староствамъ, общины идутъ на борьбу подъ предводительствомъ старостъ, чтó и дало поводъ, какъ мы сказали выше, лѣтописцамъ называть послѣднихъ гетманами; 2-й періодъ начинается съ 1572 г., когда польское правительство пришло къ мысли о необходимости особаго предводителя козакамъ и назначило таковымъ въ 1572 г. Яна Бадовскаго, потомъ Яна Оришевскаго въ 1580 г., какого-то Вышков-

---

[1]) „А що мы нынѣшнюю съ поляками зачали войну безъ вѣдома и совѣта вашего всенароднаго, за тое вы на насъ не ускаржайтеся“: примѣры прежнихъ неудачныхъ козацкихъ возстаній требуютъ осторожности и тайны (А. З. Р., V, 80, № 25).

[2]) Сборн. И. Р. И. О., XXXV, 23, 26 и друг.

[3]) Акты Запад. Рос., II, 186.

скаго, который упоминается мимоходомъ подъ 1617 г.[1]), и, наконецъ, князя Михаила Ружинскаго[2]) въ 1585 г. Существованіе этихъ лицъ и положеніе ихъ, какъ малорусскихъ гетмановъ, подтверждается несомнѣнными документами. Въ этотъ же періодъ, вслѣдствіе недовольства назначаемыми гетманами, тянувшими въ сторону Польши, само козачество избираетъ себѣ собственнаго гетмана изъ своей среды и ведетъ войны съ Молдавіей и Крымомъ; таковы: Иванъ Свирчовскій, Иванъ Подкова, Яковъ Шахъ и друг.; развитію самостоятельной должности гетмана среди козаковъ много помогли также преслѣдованія и гнетъ надъ ними старостъ и начавшіяся по смерти Сигизмунда-Августа неурядицы въ самой Польшѣ, вниманіе которой было такимъ образомъ отвлечено отъ того, что происходило на далекой южной окраинѣ. Усиленіе и обособленіе собственныхъ гетмановъ въ козачествѣ продолжается до самаго начала XVII в., когда оно, послѣ Брестской уніи, вступаетъ въ ожесточенную борьбу съ Польшей. Отъ этого времени беретъ начало третій періодъ въ развитіи гетманской власти; съ 1593 г., начиная съ Криштофа Косинскаго, до насъ доходятъ ихъ подлинные универсалы и другіе документы; въ нихъ мы замѣчаемъ уже широкое развитіе гетманской власти, которая въ военное время становится диктатурой, а въ мирное—ей принадлежитъ высшій надзоръ за спокойствіемъ страны; своими универсалами[3]) гетманы то ограждаютъ частную собственность, то дѣлаютъ распоряженіе о преслѣдованіи уніи[4]), охраненіи братствъ, церквей, школъ. Съ 1638 г. гетманская власть совершенно отмѣняется польскимъ правительствомъ въ подавленномъ и побѣжденномъ козачествѣ, съ тѣмъ чтобы чрезъ 10 лѣтъ проявиться съ болѣе полной силой при Хмельницкомъ.

Что касается до должности кошевого атамана въ Запорожьи, то подъ этимъ именемъ она является въ актахъ весьма поздно; первое время кошевой именуется гетманомъ или старшимъ даже въ

[1]) Въ договорѣ 1617 г. въ Старой Ольшанкѣ комиссаровъ съ козаками постановлено, что козаки будутъ принимать „старшóго" по назначенію коронного гетмана, „iako nigdy bywał Wyszkowsky i inszy" (Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, 209).

[2]) Ibid, 15.

[3]) Универсалы Барабаша 1617 и Сагайдачнаго 1619 г., упомянутые нами выше, универсалъ Григорія Чернаго 1630 г. (См. Прилож. № I, 4) и друг.

[4]) С. Голубевъ, П. Могила, т. I, Прилож. 401—407, 505—506.—Приложеніе № I и Памятники Вр. Ком. для разб. древн. акт., II, № X, (Отд. I, 127).

оффиціальныхъ актахъ, что даетъ поводъ часто смѣшивать запорожскаго гетмана съ малорусскимъ вообще. Какъ начальникъ сторожеваго отряда козаковъ, кошевой подчинялся гетману; но такъ какъ значеніе и сила послѣдняго часто то падала, то опять поднималась, то и значеніе кошевого, какъ единаго представителя козачества, должна была въ періоды паденія стоять высоко; нерѣдко кошевые атаманы вступаютъ въ борьбу съ гетманами, становятся на сторону „черныхъ" людей и при ихъ посредствѣ сами дѣлаются гетманами; въ періодъ козацкой исторіи до Богдана Хмельницкаго прослѣдить эту борьбу не легко, какъ не легко указать и послѣдовательный рядъ кошевыхъ атамановъ по недостатку нашихъ данныхъ. Мы возвратимся къ этому вопросу въ другой разъ, потому что въ настоящемъ случаѣ онъ отвлекъ бы насъ далеко въ сторону отъ главнаго предмета нашей работы.

При существованіи въ козацкихъ общинахъ органовъ административной и судебной власти въ лицѣ гетмана, атамановъ и представителей рады, необходимо допустить также и существованіе права; нѣтъ основаній для того, чтобы предполагать употребленіе ими литовскихъ статутовъ или сеймовыхъ постановленій; весьма вѣроятно, что они удерживали древне-русское право, которое и отличаютъ какъ особое (отъ польскаго) козацкое. Такъ, напр., по прилагаемымъ нами документамъ могутъ быть установлены слѣдующія юридическія обычаи:

1) При наслѣдованіи, дворъ и домъ, гдѣ жилъ отецъ, отдаются имъ младшему сыну и женѣ.

2) Остальное движимое и недвижимое имущество распредѣляется поровну между сыновьями и ихъ матерью.

3) Завѣщатель требуетъ, чтобы и жена оставленныя ей деньги, умирая, поровну раздѣлила всѣмъ сыновьямъ.

4) Погребеніе и поминовеніе по душѣ отецъ поручаетъ старшему сыну, а взысканіе долговъ женѣ.

5) Жена при жизни мужа пользуется равнымъ съ нимъ правомъ пріобрѣтенія, отчужденія и пользованія недвижимымъ имуществомъ.

6) Вдова пользуется самостоятельно правомъ распоряженія недвижимымъ имуществомъ, которое она считаетъ отчизнымъ, указывая тѣмъ на наслѣдованіе дочерей. Дочери, за неимѣніемъ сыновей, наслѣдуютъ отцовскія земли.

Кромѣ русскаго обычнаго права, выражающагося въ нашихъ древнѣйшихъ актахъ, языкъ ихъ также свидѣтельствуетъ о принадлежности населенія къ чисто-русской народности, которая не подверглась еще полонизаціи.

Среди богатаго козачества проявляется потребность и въ просвѣщеніи; по большей части они были образованными для своего времени людьми и среди народа извѣстны подъ именемъ „письменныхъ"; этотъ эпитетъ, вмѣстѣ съ народомъ, усвоиваютъ и путивльскіе воеводы въ своихъ донесеніяхъ царю о мѣстныхъ событіяхъ. Каргопольскіе воеводы въ 1614 г. указываютъ на одного образованнаго сотника Ѳедьку, который находился у нихъ въ плѣну: „а тотъ-де Ѳедька у нихъ честенъ и умѣетъ многимъ языкомъ и преже сего бывалъ у черкасъ же въ полковникахъ" [1]). Гдѣ же могли получать образованіе козаки, какъ не въ Кіевѣ, съ которымъ находилась въ близкихъ и постоянныхъ сношеніяхъ, или въ монастырскихъ школахъ, подобныхъ той, какая существовала въ Самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ неизданная до сихъ поръ какая-то монастырская будто хроника [2]).

Два разсмотрѣнные нами фактора во внутренней жизни козачества—крупное землевладѣніе и автономія—при глубокомъ сознаніи особности русской національности и ея приверженности къ православію, обусловливали собою тѣ два переворота, которые указаны нами выше. Забота объ укрѣпленіи за собою земель и стремленіе къ власти и вліянію въ общинѣ глубоко раскалывали козачество, заставляя его искать поддержки извнѣ и обусловливали собою ту повседневную внутренюю борьбу, которая привела къ подчиненію Польшѣ и которую мы попытаемся обрисовать по возможности кратко.

Разъ возникшее крупное землевладѣніе продолжало развиваться; оно должно было давать силу и значеніе богатымъ козакамъ; среди нихъ мы дѣйствительно и наблюдаемъ зарожденіе мѣстнаго дворянства, именующаго себя, подобно польской шляхтѣ, шляхетнымъ, урожонымъ, какъ показываютъ акты и универсалы того времени; при существованіи козацкой автономіи, при существованіи вліятельныхъ козаковъ, стремленіе послѣднихъ къ власти, къ руководству дѣлами

---

[1]) Акты Москов. госуд., I, 107, № 70.

[2]) См. соч. Марьяна Дубецкаго: „Kudak, twierdza kresowa i jej okolice" Warszawa 1879 г., стр. 85.

своего товарищества, понятно само собой; сосредоточеніе земли въ рукахъ богатыхъ козаковъ частью путемъ купли, частью путемъ займа свободныхъ пространствъ, должно было возстановить противъ себя землевладѣніе мелкое, потому что первое стремилось поглотить второе; между ними начиналась борьба; прежде въ этой борьбѣ крупные землевладѣльцы могли опираться на центральную власть (въ лицѣ кіевскихъ князей), а послѣ окончательнаго паденія ея въ началѣ XVI в. лишились такой опоры; въ самой общинѣ они не могли ея найти и волей-неволей пришлось искать ее внѣ; поэтому-то вслѣдъ за такъ называемымъ началомъ козачества мы и встрѣчаемъ, что крупные и даже многіе мелкіе землевладѣльцы ищутъ огражденія своихъ правъ на землю у королей, ихъ старостъ и замковыхъ судовъ; получить же охрану ихъ они могли лишь съ возстановленіемъ своего подчиненія польской власти, становясь такимъ образомъ въ большую или меньшую зависимость отъ нея. На встрѣчу этимъ просьбамъ о подтвердительныхъ грамотахъ идетъ охотно и польское правительство, хорошо сознавая выгоды для себя такого рода отношеній къ козачеству; оно подтверждаетъ и общими грамотами (напр. упоминаніе въ лѣтописи о какой-то грамотѣ Сигизмунда I 1506 г. и грамотѣ Стефана Баторія 1576 г.) и частными привиллегіями права козаковъ на землю и въ то же время приглашаетъ ихъ на службу королевству за жалованье; на этотъ призывъ отвѣчаютъ не медля согласіемъ козаки-землевладѣльцы; образуется регестровое козачество; оно, состоя на службѣ у короля, не только получаетъ отъ него жалованье, но что важнѣе всего для него, пользуется охраной своихъ имѣній; чѣмъ далѣе, тѣмъ число регестровыхъ козаковъ стремится къ увеличенію, побуждаемое къ тому необходимостью упроченія своихъ правъ владѣльческихъ. Это стремленіе землевладѣльцевъ къ обезпеченію своихъ правъ на землю, расширяяся, и ведетъ потомъ, быть можетъ, къ закрѣпощенію безземельныхъ, что производитъ между тѣми и другими вражду постоянную и разрывъ, хотя и неокончательный; моментъ этого разрыва, близкій по времени съ образованіемъ регестроваго козачества, и есть тотъ второй переворотъ (онъ по свойству своему не можетъ быть пріуроченъ къ какому-нибудь году), который отмѣченъ въ лѣтописяхъ, какъ организація козачества королемъ Стефаномъ Баторіемъ.

Указанному перевороту помогало и другое обстоятельство; это—стремленіе къ шляхетству крупныхъ землевладѣльцевъ, которое такъ же, какъ и право землевладѣнія, заставляетъ ихъ искать поддержки у польскаго правительства; тѣмъ не менѣе однокоже, сознаніе своей народности, естественная потребность ея сохраненія, вмѣстѣ съ преданностью православію, удерживаетъ ихъ отъ окончательнаго слiянія съ польской шляхтой, и этого они достигаютъ только въ союзѣ съ мелкими землевладѣльцами и съ остальной массой населенія; послѣдніе, въ свою очередь, обособляются, сходясь въ Запорожьи, какъ сторожевомъ отрядѣ, всегда нуждавшемся въ новыхъ и новыхъ пришельцахъ. По мѣрѣ того какъ усиливаются крупные и мелкіе землевладѣльцы-козаки, по мѣрѣ того какъ увеличивается число регестровыхъ, они становятся все въ большій разрѣзъ съ интересами безземельныхъ, по временамъ, вмѣстѣ съ польскимъ правительствомъ, дѣлаютъ попытки къ ихъ уничтоженію и часто, по собственной иниціативѣ, принимаютъ мѣры къ тому, чтобы число запорожцевъ не возростало (напр., постановленія рады 1638 г. и борьба гетмана Кулаги съ своевольными козаками). Но въ то же время регестровое козачество не можетъ желать и полнаго уничтоженія сѣчевиковъ, потому что они охраняли козацкія владѣнія съ юга отъ татаръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не давали возможности и польскому правительству окончательно овладѣть и подчинить себѣ крупныхъ землевладѣльцевъ: въ моменты наибольшаго напора полонизма на русское населеніе вообще они находили точку опоры въ безземельномъ козачествѣ и соединялись для общей борьбы. Но такъ какъ пріобрѣтенію земель и увеличенію богатства много помогало общественное положеніе, то крупные землевладѣльцы стремятся еще и къ власти въ товариществѣ, отъ котораго вполнѣ зависитъ избраніе или неизбраніе лица въ должность; конкуррентамъ приходилось искать себѣ сторонниковъ въ той массѣ, которую они старались ограничить въ правахъ. Происходила такимъ образомъ борьба козаковъ-землевладѣльцевъ на два фланга: съ одной стороны съ безземельными и малоземельными изъ-за земли и закрѣпощенія ихъ, по примѣру польской шляхты, а съ другой—между собой изъ-за власти въ общинѣ; и та и другая борьба проходитъ красной нитью въ исторіи козачества, и каждая изъ нихъ, начавшись весьма рано, доходитъ до значительныхъ уже размѣровъ въ то время, къ которому лѣтописи относятъ такъ называемую организацію козачества.

Указанія лѣтописей на борьбу малоземельныхъ и безземельныхъ вообще съ крупнымъ землевладѣніемъ относится къ очень раннему періоду и проявляется одинаково какъ на западѣ, такъ и на востокѣ Южной Руси, хотя первыя признаки ея трудно уловить. Такъ, напр., подобный фактъ отмѣченъ еще Мартиномъ Бѣльскимъ въ своей хроникѣ подъ 1491 г.; тогда разбойникъ Муха, валахъ по происхожденію, простой холопъ, собралъ въ Валахіи и въ Руси вокругъ себя такихъ же людей, какъ и самъ, до десятка тысячъ и воевалъ Покутье и Русскія земли; однако Николай Ходецкій, по прозванію Земелька, мужъ не простой, вмѣстѣ съ польскими жолнерами, поразилъ его отрядъ, но самъ Муха бѣжалъ. Впослѣдствіи, уже при Альбертѣ, онъ снова собиралъ народъ; но когда былъ у одной русской женщины, съ которою имѣлъ общіе интересы, то послѣдняя тайно выдала его; жолнеры его поймали и связаннаго отвезли въ Краковъ, гдѣ онъ и умеръ въ заключеніи[1]). Подъ 1579 д. упоминается о злодѣяхъ Качорѣ, Крадзвѣ (sic) и Ракошикѣ, которыхъ имена были извѣстны[2]) по всей Подоліи, какъ разорителей и грабителей. Въ 1585 г. своевольные люди, запорожскіе козаки, взбунтовавшись замучили и утопили королевскаго посла пана Глубоцкаго; они были своими же регестровыми козаками арестованы и присланы въ Кіевъ въ ожиданіи о нихъ королевскаго распоряженія[3]). Въ 1587 г. какой-то козакъ Лукьянъ Чернинскій который именовавъ себя гетманомъ, вмѣстѣ съ какими-то Ивановскимъ, Патокой и Пергатомъ, собралъ вокругъ себя не мало козаковъ и „хлоповъ простыхъ“, конныхъ и пѣшихъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, напалъ на г. Кодню и разорилъ его[4]). Въ слѣдъ затѣмъ въ исторіи Южной Руси наступаетъ смутный періодъ борьбы козаковъ и всего народа изъ-за уніи и закрѣпощенія народа. Акты того времени свидѣтельствуютъ о безчисленныхъ скопищахъ своевольныхъ людей[5]) въ Правобережной Украинѣ, производившихъ разбои, грабежи и убійства, такъ что трудно теперь опредѣлить, имѣли-ли они цѣлью борьбу съ гонителями вѣры или же были слѣдствіемъ споровъ изъ-за земли.

---

1) Стр. 478.
2) Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. I-й, стр. 8.
3) Ibid., стр. 15.
4) Ibid., стр. 19.
5) Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. I (до конца).

Лѣвобережная Украина, рѣже населенная и потому болѣе спокойная также испытывала волненія „голоты". Однако волненія эти обнаруживаются здѣсь лишь во второй четверти XVII в. и, быстро подавляемыя, не принимають такихъ широкихъ размѣровъ, какія мы видѣли на правой сторонѣ. До эпохи Хмельницкаго лишь Черниговская лѣтопись отмѣчаеть и то только одинъ подобный фактъ, именно подъ 1632 г.[1]): „въ Лубнахъ мужикъ одинъ назвалсе царемъ и зобралосе до него много голоты; а гды ляхи того царя поймали, гултайство его едныхъ постинали, а иншіе поутекали, а самого того царя, набивши гармату великую, вложили его въ ей и выстрелили на воду—и тамъ утонулъ"[2]).

Проявлявшаяся въ указанныхъ возстаніяхъ голоты глухая повседневная борьба между богатыми козаками-землевладѣльцами и козаками безземельными изъ-за права владѣнія землями нашла себѣ полное выраженіе въ одной изъ извѣстныхъ малорусскихъ думъ, записанной П. А. Кулишемъ, именно въ думѣ о Ганжѣ Феськѣ Андыберѣ[3]). Сущность этой борьбы и ея цѣль высказываются въ словахъ Ганжи, относимыхъ имъ къ богатымъ козакамъ, „дукамъ-срибленникамъ" думы:

„Эй, дуки, вы, дуки!
„За вами вся луги и луки,
„Нигдѣ нашому брату козаку-нетязи статы
„И коня попасты".

Какъ самъ г. Кулишъ (въ болѣе ранній періодъ своей дѣятельности), такъ и другіе изслѣдователи малорусскихъ историч. пѣсенъ, напр., В. Б. Антоновичъ и покойный Н. И. Костомаровъ,—всѣ они пріурочиваютъ эту думу ко времени послѣ Богдана Хмельницкаго на томъ основаніи, что крупное землевладѣніе развилось будтобы лишь послѣ 1654 г.; только въ недавнее время г. Кулишъ въ своей драмѣ: „Байда, князь Вишневецкій", относитъ ее къ 1553—1564 г. Мы не раздѣляемъ обоихъ мнѣній и думаемъ, что она должна быть отнесена къ первой половинѣ XVII в., вообще ко времени до Хмельницкаго, по слѣдующимъ основаніямъ: 1, наши документы точно устав-

---

[1]) Стр. 16.

[2]) Въ указанныхъ случаяхъ борьба въ козачествѣ вполнѣ напоминаетъ такую же борьбу въ древней Греціи и Римѣ.

[3]) Записки о Южной Руси, т. I, стр. 200—209.

ливаютъ фактъ развившагося вполнѣ на правѣ полной частной собственности крупнаго козацкаго землевладѣнія, т. е. существованіе „дуковъ-срибленниковъ“ думы, а время, къ которому этотъ фактъ относится—первая половина XVII вѣка; 2, мѣсто дѣйствія, описываемаго въ думѣ—правый берегъ Днѣпра, а не лѣвый, и при томъ въ южной части козацкихъ владѣній и, наконецъ, 3, лица, упоминаемыя въ думѣ, встрѣчаются въ лѣтописяхъ и документахъ XVII вѣка, именно самъ герой думы „козакъ-нетяга“ Ганжа и одинъ изъ „дуковъ—срибленниковъ“—Долгополенко.

Если Ганжа и не былъ запорожскимъ гетманомъ, какъ величаетъ его дума, отъ которой нельзя и требовать точности, то, во всякомъ случаѣ, виднымъ дѣятелемъ въ козацкомъ войскѣ. Ганжа выдвигается еще въ войну 1638 г., и ему позже, какъ одному изъ популярныхъ вождей Запорожья, Хмельницкій даетъ порученіе склонить на свою сторону регестровыхъ козаковъ: и въ лѣтописяхъ и въ думѣ Ганжа является дѣятельнымъ представителемъ безземельной массы—голоты. Что касается до Долгополеника думы, то это имя мы встрѣчаемъ въ печатаемыхъ нами актахъ Волевачей XVII вѣка; и въ думѣ и въ актахъ оно принадлежитъ лицу, являющемуся козакомъ, который владѣетъ большимъ имѣніемъ и богатствомъ.

На сторону безземельныхъ и малоземельныхъ козаковъ становилось и Запорожье со своими кошевыми атаманами во главѣ; во время войнъ они дѣйствовали согласно съ богатыми козаками лишь до тѣхъ поръ, пока интересы тѣхъ и другихъ не расходились; въ противномъ случаѣ возникало междоусобіе, оканчивавшееся гибелью того изъ вождей, сторона котораго оказывалась болѣе сильной Такъ, напр., въ 1596 г. предводители народа и козаковъ, Наливайко и Лобода, котораго мы встрѣтили уже въ числѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, дѣйствовали сначала сообща; при неудачѣ Лобода сталъ тянуть на сторону коронныхъ войскъ, былъ обвиненъ въ этомъ Наливайкомъ и убитъ козаками; въ 1621 г., когда регестровое козачество было приглашено въ участію въ войнѣ Польши съ Турціей, то предводитель его гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный казнитъ атамана запорожцевъ Бородавку за позднее, а можетъ быть просто за неохотное появленіе его; вообще въ эту войну, замѣчаетъ Н. И. Костомаровъ, обнаружилось сочувствіе простаго народа къ Турціи; „Сагайдачный же“, говоритъ онъ далѣе, „считалъ

Польшу отечествомъ и по тому становился въ разрѣзъ съ посполь-ствомъ"; но, конечно, и Сагайдачный не считалъ Польшу отечествомъ, а дѣйствовалъ въ ея пользу лишь изъ-за надежды на поддержку богатаго козачества; послѣ войны въ письмѣ къ королю онъ, дѣйствительно, и жалуется на польскихъ магнатовъ: „Вишневецкихъ, Конецпольскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и иныхъ" о томъ, что они хотятъ козаковъ „въ подданство и ярмо работническое себѣ безбожне наклонити"; [2]) гетманъ угрожаетъ польскимъ панамъ печальными послѣдствіями и не въ силахъ скрыть своей ненависти въ корол. старостамъ, какъ главнымъ виновникамъ козацкихъ бѣдъ, называя ихъ презрительно „старостками" и „пьяницами" [3]).

Хотя и не столь сильная, какъ между Сагайдачнымъ и Бородавкой, проявились рознь и во время войны 1625 г., когда на радѣ въ Каневѣ 3000 козаковъ, не желая подчиняться коронному гетману, власть котораго признавало регестровое козачество, ушли на югъ на встрѣчу гетману Жмайлу, выходившему изъ Запорожья. Не обошлось безъ такого же двоевластія и въ возстаніе Тараса въ 1630 г.: запорожцы и меньшая часть регестровыхъ выбрали Тараса, а большая часть предпочла Григорія Чернаго, преданнаго полякамъ. Въ 1632 г. обнаруживается борьба между гетманомъ регестровыхъ козаковъ Кулагой, живущимъ въ Каневѣ и пользующимся милостями короля (ему присланы знамя, булава и литавры), и Запорожьемъ, которое выбрало себѣ гетманомъ опять Тараса и Дацка Бѣлоцерковца; Кулага силою хотѣлъ заставить запорожцевъ идти войною на московскіе города съ нимъ и польскими войсками [4]). Онъ ходилъ за пороги съ войскомъ, но боя не было; тѣмъ не менѣе Тараса взяли, а на его мѣсто оставили полковника Коленку, преданнаго полякамъ, чтобы удержать запорожцевъ отъ похода на татаръ; потомъ всѣ запорожцы пошли въ Корсунь къ Кулагѣ, чтобы вмѣстѣ идти подъ Смоленскъ;

---

[1]) Богд. Хмел., т. I, стр. 69.

[2]) Лѣт. Сам. Вел., I, прилож., стр. 45.

[3]) „Кгдижъ если они, козаки, не получатъ въ томъ вашего королевского наяснейшаго величества призренія и респекту, то же би що новое отъ нихъ (якъ уже и пошемрують) не уродилося и огня гнѣвного (чего не дай Боже) не запалило; въ який часъ уже не на козаковъ, але сами на себе и на своихъ *пяницъ старостокъ велможныхъ* ихъ милость панове полскіе наректи и жалковати мусѣли бы" (Ibid., 46).

[4]) А. М. Г., I, 346, № 328 и слѣд.

но собравшись на раду въ Чернѣховской Дубровѣ козаки смѣнили Кулагу и выбрали Андрея Дѣденка, который за поляками и Конецпольскимъ не пошелъ [1]); кромѣ гетмана выбрали и полковниковъ изъ „черныхъ людей", отняли у Кулаги аттрибуты его власти и передали новому гетману; наконецъ Кулага былъ убитъ [2]) за то, что хотѣлъ „обляшиться"; кошевымъ выбрали Каллиника; оба представителя козачества дѣйствуютъ теперь согласно и собираются идти на море; они же на радѣ въ Корсунѣ прогнали отъ себя сторонниковъ польской власти, „унейщиковъ", и рѣшили стоять за вѣру „по Днепръ"; такихъ унейщиковъ оказалось на радѣ почти 2000 человѣкъ. Въ 1634 г. былъ уже новый гетманъ Ильяшъ. [3]) Въ 1635 г. во время возстанія Сулимы, разорившаго новопостроенную крѣпость Кодакъ, регестровые не пристали къ запорожцамъ и выдали Сулиму полякамъ. Въ 1637 г. и 1638 гг. раздоры не прекращались между указанными сторонами; съ одной стороны мы видимъ склоннаго къ примиренію съ поляками Василія Томиловича и Савву Кононовича, съ другой—непримиримыхъ вождей казачества Павлюка, Скидана, Гуню и Остранина [4]); то же явленіе борьбы и двоевластія повторилось и при Богданѣ Хмельницкомъ.

Во всѣхъ указанныхъ примѣрахъ ясно наблюдается распаденіе козачества на двѣ большія и сильныя группы, взаимно ослабляющія одна другую въ борьбѣ,—„лучшихъ людей" и „черныхъ", по актамъ Московъ. [5]) государства; „дуковъ-срибленниковъ" „и козаковъ-нетягъ"—малорусской думы; „шляхетно-урожоныхъ паповъ" и „посполъство"—польскихъ памятниковъ; этими послѣдними эпитетами величаются они въ [6]) универсалахъ Остранина и Богдана Хмельницкаго [7]); также именуютъ они себя и въ своихъ юридич. актахъ [8]); польскія власти въ своей перепискѣ съ козаками, въ свою очередь, признаютъ, что „шляхта и козаки одной поваги", такъ какъ кровью и мечемъ защищаютъ отчизну.

---

[1]) Ibid., стр. 402

[2]) Ibid., 405, 410.

[3]) Ibid., 586.

[4]) Вообще въ эту войну обнаруживается сильное господство черни, среди которой выдѣляется даже наиболѣе враждебный къ панамъ элементъ со своимъ предводителемъ Шекерявимъ (Вел., IV, 229).

[5]) См. цитов. мѣста.

[6]) Велич., IV, стр. 135.

[7]) А. З. Р., V., стр. 80, № 25.

[8]) Кн Кіев. центр. арх. № 2952, л. 104, актъ 54/70.

Однако не одна указанная борьба шляхетно-урожонаго козачества съ посполъствомъ ослабляла Южную Русь,—среди самой козацкой шляхты происходили раздоры, въ свою очередь, много вредившіе ихъ общему дѣлу—борьбѣ съ поляками въ защиту своей вѣры и народности; такъ, напр., назначеніе въ 1572 г. королемъ Сигизмундомъ-Августомъ Яна Бадовскаго на должность козацкаго судьи показываетъ уже, что среди козаковъ существовали какіе-то споры, примирить которые были безсильны ихъ собственные войсковые судьи. Н. И. Костомаровъ сообщаетъ о какихъ-то неурядицахъ среди самого регестроваго козачества въ октябрѣ 1614 г., чѣмъ воспользовались польскія власти и заключили съ козаками подъ г. Житомиромъ договоръ, въ силу котораго подчиненіе регестровыхъ увеличивалось, а право козаковъ собираться на рады было стѣснено [1]); быть можетъ эти ограниченія сдѣланы были въ-замѣнъ за поддержку, которая оказана была поляками болѣе сильной партіи въ богатомъ регестровомъ козачествѣ въ его борьбѣ между собой. Эту вражду польскія власти считаютъ пагубной (конечно, для своихъ интересовъ), и коронный гетманъ, указывая на постоянное взаимное недовѣріе, „неуфность“, среди старшины, „же единъ другому между собой на той первости не вѣрятъ“ [2]), предлагаетъ и желаетъ самъ „до едности привести“ ихъ. Богатые и наиболѣе вліятельные козаки и сами также сознавали весь вредъ этихъ несогласій для общественыхъ интересовъ, а по тому въ 5 пунктѣ своего постановленія, состоявшагося на радѣ въ Кіевѣ 9 сентября 1638 года, заявляютъ, что между ними самими „такій едиктъ війшолъ, абы жили въ братерской любви“, „аби жаденъ другому под горломъ (т. е. подъ страхомъ повѣшенія) словомъ докладати не мѣлъ“. Всѣ случаи несогласій они обязываются передавать на судъ корон. гетмана, какъ своего „старшого“. Дальше идти было некуда—козаки, постоянно враждуя между собой, стремясь къ богатству и власти, ища опоры и защиты въ своихъ стремленіяхъ, сами отдаются во власть польскихъ королей, ихъ старостъ и гетмановъ; число такихъ сторонниковъ Польши, готовыхъ, по выраженію московскихъ воеводъ, „обляшиться“, склонныхъ принять или уже принявшихъ унію („унейщиковъ“) доходитъ въ 1632 г. до 1900 человѣкъ, по донесе-

---

[1]) Богд. Хмельн., I, 62.

[2]) Величко, IV, 274.

ніямъ этихъ воеводъ[1]); другая часть также богатаго козачества, „лучшіе“, „письменные“ люди, прогоняетъ ихъ съ рады и дѣйствуетъ за одно съ поспольствомъ; такія взаимныя отношенія между козаками были явленіемъ раннимъ и никогда не прекращавшимся. Естественно, что они-то и были главной причиной распаденія малорусскаго козачества на регестровое и запорожское, причиной внутренней борьбы одного съ другимъ и, въ частности, между собой и приводили ихъ къ добровольному признанію надъ собой власти польскихъ старостъ и гетмановъ.

Но если козачество само стремилось въ регестръ, если оно шло добровольно подъ власть Польши, то въ чемъ же выражалось право надъ нимъ послѣдней и каковы были ихъ взаимныя отношенія?

Записываніе себя въ регестръ, какъ мы сказали, имѣло для козаковъ ту выгоду, что оно обезпечивало имъ право землевладѣнія и приносило жалованье, подъ условіемъ несенія военной службы; дальше этого подчиненіе не шло; козаки только тогда и шли на войну за польскими вождями, когда получали жалованье: они были какъ бы наемнымъ войскомъ, какихъ тогда не мало было въ Европѣ. Стороженко, Сагайдачный, Дорошенко и друг., напр.,—всѣ требуютъ или обезпеченія своихъ правъ или денегъ[2]). Тѣмъ не менѣе однакоже, служа Польшѣ, какъ наемное войско, они удерживали свою политическую особность и пользовались правомъ военной поддержки того или другого государства; такъ, они поддерживаютъ самозванцевъ, стремящихся овладѣть престолами: молдавскимъ (Петра Волошина и Константина Локусту въ 1578 г.), московскимъ (Лжедимитрія) и цареградскимъ (Александра Ахію въ 1625 г.), оказываютъ военную помощь Молдавіи (Свирчовскій), Германіи (въ 1594 г. при Рудольфѣ II) и Швеціи (при Густавѣ Адольфѣ въ 1630 г), самостоятельно ведутъ войны съ сосѣдями: поляками, татарами и волохами и вступаютъ съ ними въ договоры, какъ равные съ равными (съ поляками и татарами), стараются посадить своего гетмана на княжескій столъ (Ивана Подкову въ Молдавіи); правительства сосѣднихъ государствъ Польскаго и Московскаго сами, въ свою очередь, то признаютъ подчиненность себѣ козачества, то отказываются отъ него; напр., польскій посолъ

[1]) А. М. Г., I, № 436, стр 409—411.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., ч. III, т. I, стр. 14.—Чтенія въ И. О. Н. Л., VII, отд. III, стр. 69—72.—А. М. Г. I, 215.

въ Крыму въ 1578 г. Мартинъ Броневскій сваливаетъ вину за козацкіе походы и разореніе татаръ на московское правительство[1]), а въ 1601 г. тоже повторяетъ въ Константинополѣ другой посолъ Польши Янъ Пясочинскій; Эрихъ Лассота въ своихъ запискахъ прямо говоритъ о зависимости козаковъ отъ московскихъ государей; въ 1620 году царь Михаилъ Θеодоровичъ въ грамотѣ, данной Сагайдачному, указываетъ на прежнюю вѣрную службу ему запорожцевъ, а между тѣмъ послѣдніе въ слѣдующемъ году входятъ уже въ союзъ съ Польшей, какъ и раньше поддерживая ее, и сражаются противъ московскихъ войскъ; къ 1639 году относится грамота Мих. Θеодоровича съ упреками запорожскому гетману и полковникамъ за учиненную ими измѣну царю[2]).

Въ тяжелую годину бѣдствій угнетаемое поляками полусвободное днѣпровское козачество съ надеждой смотритъ на московскаго государя и отъ него ожидаетъ защиты и покровительства; такъ, напр., объ этомъ просилъ царя Сагайдачный въ 1620 г.; гетманъ Дорошенко въ 1627 г. объявилъ польскимъ посламъ, что онъ пойдетъ со всѣмъ войскомъ служить московскому государю; въ 1632 г., когда положеніе козачества стало еще тяжеле, то всѣ собравшіеся на раду и лучшіе и худшіе люди постановили просить царя, чтобы онъ ихъ пожаловалъ и подъ свою государеву руку принялъ[3]). Мы не говоримъ о единичныхъ переходахъ и переселеніяхъ цѣлыхъ сотенъ козацкихъ семей на территорію Московскаго государства, какъ о фактѣ достаточно уже извѣстномъ. Такъ поступать и такъ распоряжаться своими дѣйствіями, отношеніями и имуществомъ могла лишь народность сколько-нибудь свободная; понятіе о независимости козачества господствовало и въ средѣ польскаго общества; хроникеры, усвоившіе себѣ оффиціальную точку зрѣнія на козачество[4]), считаютъ необходимымъ разубѣдить въ томъ своихъ соотечественниковъ, изъ которыхъ весьма многіе, „не знающіе дѣла“ будто-бы, считаютъ козаковъ народомъ, владѣющимъ собственными

---

[1]) Panow. Henr. Wal i Stef. Bat., 409.—Костомаровъ, Богд. Хмел., I, 55.

[2]) Опись малорос. дѣлъ, св. 3, № 2, главнаго Москов. архива министерства иностранныхъ дѣлъ.—П. Кулишъ, Мат. по ист. возс. Руси, I, 92—99.

[3]) А. М. Г., I, стр. 411.

[4]) „Et praemonemus, ne quis erret in nomine cosacorum, ut plurimi, rerum ignari, putant esse gentem propriis terrarum terminis et proprio reipublicae vel tetrarchiae statu consistentem“ (Памятники древней письменности, т. LXVIII, вып. 5-й за 1887 г.).

землями и живущимъ въ собственномъ государствѣ или тетрархіи[1]), какъ дѣлаетъ это, напр. перемышльскій бискупъ Павелъ Пясецкій (1604—1618). Только доведенное до крайности гнетомъ старостъ и пановъ вольное козачество сплачивается съ остальнымъ русскимъ православнымъ населеніемъ во-едино, безъ различія интересовъ, забывъ свои домашніе счеты, и сбрасываетъ ярмо „лядской неволи", которое наложили на него желавшіе „обляшиться" „унейщики", сплачивается подъ предводительствомъ вышедшаго изъ „лучшихъ людей" „письменнаго" козака Богдана Хмельницкаго, который, говоря въ своемъ универсалѣ[2]), что старосты королевскіе и паны „старинныя поля и вырobленыя нивы, отчизны, гумна, мельницы и все козацкое, що есть въ уподобаню, выдираютъ; отбираютъ быдло; одесятствуютъ пчолы; конѣ послѣдніе, которыми въ войску служатъ, отыймуютъ; а скаржитися не годится: просьбы за гордыню, жалобы и слезы за бунты имѣютъ"; что „полны козаковъ темницы, иные явныи терпятъ узы на тѣлѣ", и что „безъ жадной вины, хиба за маетки свои смерть поносятъ"[3]), выразилъ въ этихъ характерныхъ словахъ и основу козацкой жизни, и намѣренія шляхты по отношенію къ козачеству, и ближайшія причины начатой въ 1648 г. козаками войны съ поляками.

И. Каманинъ.

[1]) Нѣтъ-ли въ словѣ „тетрархія"—четвеpовластіе—намека на существовавшія не задолго до того отдѣльныя козацкія общины—„товарнства": кіевское, каневское, черкасское, чигиринское, о чемъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ?

[2]) Акты Запад. Рос., т. V, стр. 80, № 25.

[3]) Акты Москов. госуд—ва также очень часто отличаютъ козаковъ, какъ и всѣхъ малороссовъ вообще, именемъ „черкасовъ", „черкашанъ", разумѣя подъ нимъ народность, отличную отъ „польскихъ и литовскихъ людей".

Заговоръ Томской „литвы“ въ 1634 г.

I.

Въ колонизаціи Сибири за XVII в. весьма видное участіе принимали *„литва“* и *„черкасы“*, т. е. бѣлоруссы и малороссы. Впрочемъ, подъ „литвою“ въ XVII в. разумѣлись не одни только бѣлоруссы и литовцы въ собственномъ смыслѣ, но также и *поляки*, черкасы, латыши и др. подданные Польскаго государства. Только въ тѣхъ оффиціальныхъ документахъ, которые описываютъ моментъ ссылки разныхъ „иноземцевъ“ въ Сибирь, еще возможно (хотя и не всегда) отличить бѣлорусса отъ поляка, отъ черкашенина и т. п. Напр. въ „росписи ссыльнымъ опальнымъ людямъ“, присланнымъ вмѣстѣ съ ихъ семьями въ 1651 г. въ *Кузнецкъ,* въ службу и на пашню, ясно различается національность сосланныхъ: „полякъ“ Янко Шварцъ, „черкасы“—Ив. Бидарь, Демка Губаренко, Троф. Момотъ, Куз. Уманской, Вас. Водопьянъ, Яцко Золотаренко и проч.[1]). Но разъ эти поляки, черкасы, бѣлоруссы и пр. верстались въ государеву службу, или садились на „государеву пашню“, ихъ національное происхожденіе исчезаетъ: попавшіе въ „пашенные крестьяне“ они совершенно сливаются съ великорусскимъ крестьянствомъ, а поверстанные въ службу образуютъ по сибирскимъ городамъ особую группу служилыхъ людей подъ общимъ именемъ „литвы“ или *„литовскаго списку* козаковъ“. Если въ этихъ отрядахъ служилой „литвы“ можно иногда хотя бы по фамиліямъ отличить черкасовъ отъ поляковъ и бѣлоруссовъ, то ужъ въ массѣ сибирскаго крестьянства

---

[1]) См. въ Моск. архивѣ м—ва юстиціи *Сибир. приказа* столбецъ № 112, л. 535.

даже по этимъ признакамъ нельзя отдѣлить малоросса и др. „литвы“ отъ великоросса, потому что первые съ теченіемъ времени теряютъ свои мѣстныя „прозвища“ и получаютъ новыя, а чаще, подобно великороссамъ, именуются только по отчествамъ (см. въ Сибирскомъ приказѣ „крестьянскія книги“ XVII в, т. е. именные списки крестьянъ).

Вся эта „литва“ (т. е. поляки, малороссы, бѣлоруссы и проч.) заселяла въ XVII в. Сибирь конечно не добровольно. Правда, попадаются хотя изрѣдка и добровольные переселенцы изъ „литовскихъ людей“: такихъ добровольцевъ можно иногда встрѣтить среди того сброда, который, подъ именемъ „гулящихъ людей“, въ большомъ количествѣ поселялся въ XVII в. въ Сибири и здѣсь или шелъ въ государеву службу, или садился на земляхъ, занимался торговлей, промыслами и пр. Главную массу „гулящихъ людей“ составляли русскіе крестьяне, посадскіе, дворовые и др. люди, но изрѣдка мелькаютъ среди нихъ и типичные Носенки, Губенки и т. п.

Но это были исключенія. Въ большинствѣ же случаавъ „литва“ появлялась въ Сибири въ качествѣ *ссыльныхъ* людей изъ военно-плѣнныхъ, разнаго рода „измѣнниковъ“ и проч. Опредѣлить количество ихъ трудно. Проф. Буцинскій подсчиталъ въ извѣстныхъ ему архивныхъ и печатныхъ источникахъ „около 1500 человѣкъ“ ссыльныхъ за періодъ съ 1593 г. по 1645 г., въ томъ числѣ онъ нашелъ—около 650 иноземцевъ разнаго рода, (поляки, литвины, нѣмцы и др.), 366 черкасовъ, остальные великороссы [1]). Но онъ рѣшительно оговаривается, что цифра—1500 чаловѣкъ—только приблизительная. Да, она слишкомъ гадательна и ее смѣло можно увеличить едва-ли не вдвое.. Довольно точный подсчетъ г. Буцинскій могъ сдѣлать только за десятилѣтіе 1614—1624 г.г. и за одинъ этотъ короткій періодъ получилось 560 ссыльныхъ. Но и предъидущее и послѣдующія десятилѣтія были бурны не меньше період 1614 — 24 г.г.: военныя и политическія обстоятельства не переставали давать московскому правительству значительное количество ссыльныхъ черкасъ, литвы и пр. Притомъ же, изъ приводимаго г. Буцинскимъ перечня отдѣльныхъ случаевъ ссылки [2]) видно, что ему

[1]) „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“, с. с. 198—199.
[2]) Ibid, 199—204.

были извѣстны далеко не всѣ эти случаи... Для примѣра укажу на пропущенный имъ случай ссылки въ 1642 г. на р. *Лену*, къ воеводѣ *П. П. Головину*, *188 черкасъ* съ женами и дѣтьми, уроженцевъ Чугуевскаго, Курскаго и Воронежскаго уѣздовъ [1]).

Съ другой стороны, г. Буцинскій упустилъ изъ виду, что далеко не всѣ изъ ссыльныхъ иноземцевъ оставались навсегда въ Сибири; напротивъ, многіе, именно изъ военноплѣнныхъ, были только *временными* поселенцами Сибири и затѣмъ возвращались на родину вслѣдствіе заключенія міра и „размѣна *вязней*" (т. е. взятыхъ въ плѣнъ). Приведу нѣкоторые изъ такихъ случаевъ отпуска и „розмѣна" военноплѣнныхъ, относящихся къ „литвѣ" [2]).

Въ 1634—37 г.г. производилось въ Сибирскомъ приказѣ дѣло о возвращеніи „по посольскому договору и вѣчному докончанью" сосланныхъ въ Сибирь въ 1633—34 г.г. „литовскихъ и нѣмецкихъ *людей и жидовъ*", которые во время „Смоленской службы" (похода) были „иманы на боѣхъ и языцѣхъ" [3]) и сосланы въ Сибирь въ службу и на пашню. На родину отпускались всѣ, кромѣ тѣхъ иноземцевъ, которые „*похотели остаться*", а также приняли православіе и женились на русскихъ. Впрочемъ, относительно принимавшихъ православіе не было установлено однообразнаго правила: иногда ихъ обязательно удерживали въ Россіи, въ другой разъ предоставляли на ихъ волю—остаться или уѣзжать. Въ дѣлахъ сохранились „именныя росписи" иноземцевъ какъ ѣдущихъ на родину, такъ и остающихся въ Сибири, также умершихъ тамъ и пр., съ указаніями ихъ національности, состава семьи, службы или крестьянства и проч. [4]).

Сохранились еще два дѣла о возвращеніи изъ Сибири польскихъ, литовскихъ, еврейскихъ и нѣмецкихъ людей въ 1660—64 г.г. по случаю размѣна „вязней" [5]) и въ 1667—68 г.г., вслѣдствіе за-

---

[1]) Сибир. приказа столбецъ № 206, л. 222 и слѣд.

[2]) Правда, г. Буцинскому извѣстенъ одинъ случай „розмѣна" литвы въ 1619 г. (см. стр. 200—201), но авторъ не обратилъ вниманія на значеніе этихъ фактовъ въ вопросѣ объ убыли въ колонизаціи Сибири иноземцами.

[3]) „*Языки*"—ратные и др. люди непріятельской стороны, взятые въ плѣнъ для расспросовъ о положеніи непріятеля, иногда—непріятельскіе шпіоны. Очевидно, „жиды" попадали въ плѣнъ въ качествѣ только „языковъ".

[4]) Сибир. приказа столбцы №№ 55 и 59 (л. 36 и слѣд.).

[5]) Столбецъ № 557.

ключенія мира съ Польшей [1]). Въ связи съ первымъ находится особое дѣло 1665—69 г.г. о тѣхъ польскихъ и литовскихъ „вязняхъ“, которые „*не похотѣли*“ идти „на розмѣнъ“ и били челомъ „на вѣчную службу“ государю, вслѣдствіе чего были отправлены на сибирскую службу, гдѣ многіе изъ нихъ и раньше служили, поженились на православныхъ и сами приняли православіе. На размѣнъ должны были идти „вязни“ съ 1654 года [2]). Бывали, впрочемъ, случаи, когда литва, принявшая православіе, не отправлялась въ Сибирь, а служила въ московскихъ городахъ. Такъ въ 1660 г. была отмѣнена ссылка въ Сибирь полоцкой „шляхты“—Богдана *Подбипенты*, Казиміра Храповицкаго, Ивана Завалишева и др., пожелавшихъ принять православіе [3]).

Но не смотря на всѣ эти случаи возвращенія на родину ссыльной „литвы“, количество ея въ Сибири всегда было значительно и постепенно увеличивалось къ концу XVII вѣка, когда въ составѣ этой собирательной „литвы“ численное преобладаніе получаютъ „черкасы“.

II.

Какъ же жилось въ Сибири этимъ невольнымъ колонизаторамъ ея?—Мы видѣли, что многіе изъ нихъ добровольно „похотѣли“ остаться тамъ „на вѣчной службѣ“ государю, хотя бы могли совершенно свободно вернуться на родину. Очевидно, эти лица вполнѣ удовлетворялись тою жизнію и дѣятельностію, какая выпадала имъ въ Сибири. Они сознательно находили здѣсь свое „второе отечество“ и служили ему по совѣсти, забывая о родинѣ. Г. Буцинскій совершенно справедливо объясняетъ это обстоятельство тѣми выгодами, какія получали иноземцы на сибирской службѣ. Большинство ихъ были „люди грамотные и сравнительно развитые“, и немудрено, что „скоро они дослуживались“ до хорошо оплачиваемыхъ высшихъ ранговъ сибирскихъ служимыхъ людей—боярскихъ дѣтей, сотниковъ, атамановъ, головъ и проч. Около 1630 г. былъ изданъ указъ, чтобы

---

1) Столбецъ № 991.

2) Столбецъ № 812.

3) Столбецъ № 575 (дѣла ссыльныхъ за 1660—64 г.г.).

„всѣ ссыльные изъ иноземцевъ, которые примутъ православную вѣру, верстались въ боярскіе дѣти“ [1]).

Но, конечно, такой „литвы“ врядъ ли было большинство... Другая часть литвы, вынужденная оставаться въ Сибири въ силу разныхъ обстоятельствъ—по случаю женитьбы на русскихъ, по мотивамъ ссылки (если это были не военноплѣнные, а „измѣнники—черкасы“ и др., или преступники) и проч.—такая литва не видѣла въ Сибири второго отечества и не переставала забывать и постоянно стремилась къ первому, тяготясь жизнью въ Сибири... Очень типичную характеристику такого настроенія литвы передаетъ г. Буцинскій, разсказывая „извѣстное дѣло“ 1637 г. ссыльнаго литовскаго чернеца *Малаха* [2]), довольно извѣстнаго въ то время въ Сибири своими „безчинствами и многимъ воровствомъ“, а особенно своими многочисленными „извѣтами“... Извлекаю отсюда только нѣкоторыя характерныя подробробности изъ рѣчей ссыльныхъ литовскихъ монаховъ.

Чернецъ Малахъ, самъ родомъ изъ Литвы, донесъ воеводамъ про „неистовыя рѣчи“ другихъ ссыльныхъ литовскихъ монаховъ, жившихъ въ Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ. Когда въ Тобольскѣ узнали о походѣ подъ Смоленскъ московскихъ ратныхъ людей, старецъ Галактіонъ сказалъ Малаху: „послали-де ратныхъ людей подъ Смоленскъ патріархъ да *старцевъ сынъ* (т. е. царь Михаилъ Ѳедоровичъ), *захотѣли-де литвы взять*; *вотъ-де что имъ будетъ!*“— и „показалъ перстъ“ (т. е. кукишъ) Малаху... Когда этого старца Галактіона переводили вслѣдствіе доносовъ Малаха въ енисейскій острогъ, другой литовскій чернецъ Капитонъ сказалъ Малаху: „отцаде ихъ духовнаго Галактіона посылаютъ въ енисейскій острогъ за тебя худого доносчика, а *ты Малахъ забылъ свою вѣру и набралсяде русскаго собачьяго духа!*“... Дальше такого проявленія ненависти къ русскимъ трудно найти...

Но одними словами не ограничивались проявленія недовольства со стороны ссыльной литвы: при удобныхъ случаяхъ она старалась *бѣжать* изъ Сибири, и хоть это рѣдко ей удавалось, однако покушенія на побѣгъ затѣвались часто. Г. Буцинскому извѣстны 4 слу-

---

[1]) Буцинскій, 208—209.

[2]) См. очеркъ г. Буцинскаго: „Сибирскіе архіепископы Макарій, Нектарій, Герасимъ“ (Харьковъ, 1891), с.с. 40—42.

чая массоваго побѣга изъ Сибири литвы въ первой половинѣ XVII в., когда бѣжали партіи въ 19 человѣкъ, 30 чел. и пр.[1]). Особенно любопытна подробно разсказываемая имъ одиссея бѣгства въ 1620 г. партіи литовцевъ (и кажется—черкасъ) въ 30 чел., подъ предводительствомъ Первушки *Шершня*. Послѣ неимовѣрныхъ трудностей и подъ угрозою неотстававшей погони, партія достигла Двинскаго уѣзда сильно растаявши отъ погромовъ служилыхъ людей и крестьянъ, и, кажется, только 4 бѣглеца, съ Шершнемъ во главѣ, спаслись.

Но случаевъ покушеній на бѣгство литвы было гораздо больше. Одинъ изъ такихъ случаевъ—заговоръ Томской литвы въ 1634 году—разсказывается ниже.

За вторую половину XVII в. мнѣ извѣстны въ Сибирскомъ приказѣ два дѣла о покушеніяхъ сибирскихъ иноземцевъ на побѣгъ изъ Сибири: 1) дѣло о побѣгѣ въ 1660 г. изъ *Сургута* сосланныхъ туда *нѣмцевъ*, литвы (Янъ Потемкинъ, Богданъ Халецкой и др.) и черкасъ. Партія побѣжала „на низъ Обью рѣкою“, но съ дороги добровольно вернулась, узнавши, что посланные въ погоню сургутскіе служилые люди „дорогу переняли“[2])... 2) Дѣло о замыслѣ иноземцевъ сибирской службы (преимущественно поляковъ) бѣжать за рубежъ, въ 1669—71 г.г.; заговоръ обнаруженъ въ Москвѣ и въ немъ принимали участіе, повидимому, и иноземцы московской службы[3]).

III.

Перехожу къ передачѣ дѣла о заговорѣ Томской литвы въ 1634 году[4]). О немъ говорятъ слѣдующіе документы: 1) *отписка* томскихъ воеводъ стольника кн. Никиты Ивановича *Егупова-Черкасскаго*, товарища его Ѳедора Григорьевича *Шишкина* и дьяка Андрея *Строева*, въ іюнѣ 1634 г., 2) приложенныя къ отпискѣ *распросныя рѣчи* въ Томской съѣзжей избѣ обвиняемой въ заговорѣ литвы и др. лицъ и 3) *выпись* Сибирскаго приказа для доклада государю.

---

[1]) „Заселеніе Сибири“, с.с. 200—201, 204—208.

[2]) Столбецъ № 594.

[3]) Столбецъ № 829.

[4]) Столбецъ № 40, л.л. 265—285.

Данныя этихъ документовъ не особенно подробны и сущность ихъ заключается въ нижеслѣдующемъ.

Томскъ съ давнихъ лѣтъ былъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ Сибири, куда ссылалась литва въ службу и на пашню. Въ августѣ 1633 г. была прислана туда большая партія „литовскихъ людей" въ 150 человѣкъ. Часть ихъ была поверстана въ „конные и пѣшіе козаки", а нѣкоторые попали и въ боярскіе дѣти, остальные же написаны въ пашенные крестьяне. Большинство „новоприсыльныхъ литовскихъ людей" было изъ Бѣлоруссіи—уроженцы „повѣтовъ" Мстиславскаго, Кричевскаго, Оршанскаго, Могилевскаго, Пропойскаго и др. Но были между ними и черкасы главнымъ образомъ изъ Нѣжинскаго повѣта, затѣмъ изъ Стародуба, Чернигова, Паволочи и др. Одинъ былъ родомъ изъ Львова, одинъ назвалъ себя „бѣлорусцемъ" и проч.

Вся эта разношерстная „литва" съ трудомъ сживалась съ новою обстановкою и дѣятельностію и томилась тоскою по родинѣ... Если попавшіе въ боярскіе дѣти отчасти примирялись съ своимъ обезпеченнымъ положеніемъ, то рядовые козаки и крестьяне не имѣли и этого утѣшенія. Именно среди „новоприсыльныхъ" козаковъ и крестьянъ началось вскорѣ броженіе, незамедлившее перейти въ открытый заговоръ, поставившій своею цѣлью—добиться освобожденія изъ Сибири и возвращенія на родину... Мысль эта бродила и у „староверстанной" Томской литвы, но ея было мало и она не могла отважиться на рѣшительныя дѣйствія. А тутъ сразу прибыло 150 человѣкъ новой литвы—сила значительная для глухой Сибири того времени!.. Съ такою силою можно было пуститься и въ рискованныя предпріятія... Исторія побѣга Первушки Шершня была еще жива въ памяти старожиловъ. Если тогда 30 человѣкъ рискнули на бѣгство изъ Сибири, то съ такою силою литвы, какая теперь была въ Томскѣ (вмѣстѣ съ старою литвою число ея доходило до 200 человѣкъ), трудно было ей не попробовать счастья...

Мысль о побѣгѣ была всеобщею среди литвы, но непосредственное участіе въ заговорѣ приняли около 50 служилыхъ людей (1 боярскій сынъ, 1 „затинщикъ", остальные конные и пѣшіе козаки) и около 25 крестьянъ.

Во главѣ заговора стояли конные козаки Иванъ Петровъ *Бѣлиловецъ* (нѣжинецъ), изъ „новоприсыльной литвы", и Иванъ *Красно-*

польской, „староверстанный литвинъ“ (а потому его родина неизвѣстна). Какъ старожилъ томскій, Краснопольскій имѣлъ въ городѣ свой дворъ, въ которомъ жилъ и Бѣлиловецъ. Что именно послѣдній былъ главою заговора, объ этомъ единогласно утверждаютъ всѣ его товарищи, а томскіе воеводы въ отпискѣ царю такъ о немъ выражаются: „а *первый* у нихъ всему тому злому совѣту *заводчикъ* Иванъ Бѣлиловецъ“...

Но роль Ивана Краснопольскаго не такъ ясна. Повидимому, онъ не былъ сознательнымъ главаремъ заговора и если очутился на первыхъ роляхъ, то совершенно случайно и только потому, что Бѣлиловецъ жилъ въ его домѣ и именно здѣсь, у Бѣлиловца, собирались заговорщики—„думали“ и „совѣтовали“ о своемъ дѣлѣ. Правда, нѣкоторые товарищи Краснопольскаго говорили о немъ, что онъ „въ той ихъ воровской думѣ съ ними жъ былъ и бѣжать съ ними хотѣлъ же“... Но другіе обвиняли Краснопольскаго только въ томъ, что въ его дворѣ заговорщики „совѣтъ воровской“ держали. А воеводы въ своей отпискѣ хотя и ставятъ Краснопольскаго въ числѣ главныхъ зачинщиковъ, но говорятъ о немъ съ такою странною оговоркою: „а онъ съ ними жъ (заговорщиками) думалъ *въ началѣ*“..., т. е. какъ будто впослѣдствіи онъ отказался отъ „воровской думы“ своихъ товарищей. Однако, какъ увидимъ ниже, Краснопольской былъ жестоко наказанъ на-равнѣ со всѣми „пущими заводчиками“.

Въ числѣ послѣднихъ документы выставляютъ еще нѣсколькихъ лицъ, именно: „затинщика“ Василія *Борисова*, коннаго козака Мосяжку (Моисей?) *Голящевскаго*, пѣшихъ козаковъ Софрона *Стасейскаго* (нѣжинецъ), Кондрата *Михайлова* („козакъ изъ Носовки“) и Тимофея *Левонтьева*, крестьянина Софрона *Иванова* и Зеновія *Левонтьева* — „холопа“ томскаго воеводы кн. Егупова-Черкасскаго. Только затинщикъ и воеводскій холопъ были изъ „старой литвы“, а всѣ остальные изъ „новоприсыльныхъ“. Привлеченіе къ заговору Зиновья Левонтьева было очень ловкимъ шагомъ со стороны заговорщиковъ: черезъ него они могли узнавать всѣ новости съ воеводскаго двора и сообразно съ обстоятельствами вести свое дѣло...

Любопытно участіе въ заговорѣ представителя высшей служилой знати Томска—боярскаго сына Михаила *Гробовецкаго*, также изъ новоприсыльной въ 1633 году литвы. Свидѣтели говорятъ о немъ, что онъ былъ „въ думѣ“ съ остальными заговорщиками. 14

іюня 1634 г. (день открытія заговора) Гробовецкій посылалъ Кондрата Михайлова къ Ивану Бѣлиловцу съ вопросомъ: что-де у васъ приговорено—и вы-де готовитесь-ли?... Да и самъ Гробовецкій признавался впослѣдствіи на допросѣ: „въ винѣ-де ево воленъ Богъ да государь!... *вся-де литва одномышлена*—въ одной думѣ съ Ивашкомъ Бѣлиловцомъ"... Это было его первое показаніе, а на второмъ онъ сдѣлалъ существенную оговорку, будто въ заговорѣ замѣшана далеко не вся литва, а только „нововерстанные" въ конные и пѣшіе козаки и въ крестьяне, но верстанные въ боярскіе дѣти изъ старой и новой литвы къ заговору неприкосновенны... Но, кажется, первое показаніе Гробовецкаго болѣе заслуживаетъ довѣрія по своей искренности и естественности...

„Воровское лихое дѣло", которое „умыслили" литовскіе люди, заключалось въ томъ, чтобы „*побить*" *воеводъ* и другихъ русскихъ служилыхъ и жилецкихъ людей, „*пограбить казну*" денежную, соболиную и „зелейную" (порохъ и пр.), „а городъ и острогъ и посады *жечь*, и взявъ лошадиное стадо, *бѣжать* степью мимо Тары *на Волгу* и *проиматца въ Литву*"... Замыселъ хотѣли выполнить лѣтомъ 1634 г.—„ изплоша *въ дѣловую пору*—въ жнитво и въ сѣнокосъ, а въ тое пору служилые люди живутъ по заставамъ, и въ проѣзжихъ и въ отъѣзжихъ сторожахъ, а въ городѣ въ тое въ дѣловую пору людей живетъ мало"... Овладѣвши городомъ и избивши воеводъ и русскихъ служилыхъ людей, литва собиралась отправиться въ Томскій уѣздъ и на пашняхъ, сѣнокосахъ, заставахъ и проч. уничтожить остальныхъ служилыхъ людей, чтобы избѣжать всякой погони за собою, затѣмъ—бѣжать на родину...

Однако, этимъ широкимъ планамъ не удалось сбыться... 14 іюня явился въ съѣзжую избу къ воеводамъ пашенный крестьянинъ Тимофей Емельяновъ *Смольянинъ* и „извѣщалъ въ измѣнномъ дѣлѣ" на козаковъ Ив. Бѣлиловца, Кондр. Михайлова, Тим. Левонтьева и вообще на всѣхъ 150 новоприсыльныхъ литовскихъ людей... Воеводы не причисляютъ Смольянина къ литвѣ но судя по прозвищу онъ былъ уроженцемъ Смоленскаго уѣзда и въ качествѣ таковаго могъ быть въ числѣ старой или новой литвы. По крайней мѣрѣ, между участниками заговора былъ одинъ уроженецъ Смоленскаго уѣзда изъ новоприсыльной литвы. Очевидно, что и Тим. Смольянинъ былъ въ числѣ заговорщиковъ: онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ

съ однимъ изъ главныхъ „измѣнщиковъ“—съ Кондратомъ Михайловымъ, и отъ него слышалъ всѣ подробности заговора. Утромъ 14 іюня Кондратъ говорилъ Смольянину: „дѣлать-де имъ то воровское дѣло *вскорѣ*“... Это-то сообщеніе и заставило Смольянина измѣнить своимъ товарищамъ и выдать всѣхъ ихъ правительственной власти.

Воеводы немедленно схватили указанныхъ Смольяниномъ главныхъ заговорщиковъ и др. литовскихъ людей и „про тотъ воровской заводъ роспрашивали и *пытали* и *огнемъ жгли*“... Всѣ главные дѣятели зоговора „винились“ во всемъ, въ чемъ оговорилъ ихъ Смольянинъ—что они хотѣли овладѣть городомъ и бѣжать въ Литву... Мосяжка Голящевскій между прочимъ назвалъ „пущими заводчиками“ воеводскаго холопа Зиновья Левонтьева и крестьянина Софрона Иванова, приписывая именно имъ мысль—убить воеводъ, сжечь городъ и ограбить государеву казну...

Второстепенные дѣятели заговора—козаки также частію „винились“, что „въ воровской думѣ“ были и „воровской заводъ вѣдали“, но большинство увѣряло, что только „слышали“ про „воровской заводъ у своей братьи“, иные даже указывали—отъ кого именно слышали. Только одинъ литвинъ (Захаръ Сергѣевъ) прямо сказалъ, что хотя обо всемъ „слышалъ“, но „самъ бѣжать не хотѣлъ“... Но часть козаковъ и всѣ крестьяне рѣшительно заявляли, что о заговорѣ ничего „не вѣдали“, такъ какъ „были въ тѣ поры на лѣшемъ (лѣсномъ) промыслу“, или просто говорили, что „про воровской заводъ не слыхали“...

Томскіе воеводы кн. Егуповъ-Черкасской и Шишкинъ и дьякъ Строевъ поступили съ заговорщиками очень рѣшительно: не отписываясь въ Москву и не дожидаясь государева указа, они—„за такую великую измѣну и за воровской лихой заводъ, которые въ томъ воровскомъ дѣлѣ *большіе пущіе заводчики—12 человѣкъ велѣли повѣсить*“...

Жестоко поступили воеводы съ людьми не заслуживавшими такой страшной кары, но они оправдывались тѣмъ, что „во многихъ, государь, въ Томскомъ въ ссыльныхъ въ *литовскихъ* и въ *руских* (sic!) людяхъ, въ *донскихъ* и въ *волскихъ* козакахъ и въ пашенныхъ крестьянахъ *о побѣгѣ шатость*“ существуетъ... Для успокоенія этой-то „шатости“ воеводы и принесли въ жертву 12 несчастныхъ литовскихъ людей... Вообще, воеводы увѣряютъ, что если въ Томскъ и

города его „Разряда" по прежнему будутъ присылаться „ссыльные литовскіе и *русскіе воровскіе* люди въ служилые и въ пашенные крестьяне—и отъ тѣхъ воровскихъ ссыльныхъ людей *опроче дурна и воровского заводу никоторого добра не чаять* же"...

Вотъ имена казненной литвы: конные козаки—Ив. Бѣлиловецъ. Ия. Краснопольской и Мосяжка Голящевской, затинщикъ Вас. Борисовъ, пѣшіе козаки—Софр. Стасейской, Кондр. Михайловъ, Тим. Левонтьевъ, Гавр. Гришинъ (нѣжинецъ), Ив. Степановъ Басань („съ Паволочья"), Петръ Салтыковской (Мстиславскаго повѣта), крестьянинъ Софр. Ивановъ и воеводской холопъ Зиновій Левоньевъ. Остальные заговорщики были посажены въ тюрьму. „Распросныя и пыточныя рѣчи" воеводы отправили въ Сибирскій приказъ.

Изъ воеводской отписки и распросныхъ рѣчей Сибирскій приказъ составилъ „*выпись*" о количествѣ казненныхъ литовскихъ людей и посаженныхъ въ тюрьму и вообще объ обстоятельствахъ заговора. Выпись назначалась для доклада государю, но доклада не послѣдовало, какъ говоритъ слѣдующая помѣта приказа: „по сей выпискѣ не докладывано, потому что тѣ литовскіе люди *взяты къ Москвѣ*"... Рѣчь идетъ, очевидно, о тѣхъ литовскихъ людяхъ, которые въ Томскѣ были посажены въ тюрьму, но затѣмъ освобождены и отправлены въ Москву по случаю возвращенія плѣнныхъ вслѣдствіе заключенія мира съ Польшей (см. выше). Тѣмъ безцѣльнѣе представляется казнь 12 литовскихъ людей, стоявшихъ уже на порогѣ законнаго освобожденія отъ сибирской неволи!...

Н. Оглоблинъ.

Алексѣй Васильевичъ
КОЛЬЦОВЪ,
какъ человѣкъ и какъ поэтъ[1].

19-ое октября настоящаго года вызвало воспоминаніе объ истекшемъ 50-тилѣтіи со времени смерти одного изъ выдающихся и оригинальныхъ русскихъ поэтовъ, Алексѣя Васильевича Кольцова.

Но истекшее пятидесятилѣтіе не принесло окончательнаго рѣшенія возникшихъ въ разное время вопросовъ, большею частію спорныхъ, о жизни и литературной дѣятельности поэта. Кольцовъ, какъ человѣкъ и какъ поэтъ, все еще остается мало выясненнымъ и около его имени и теперь, какъ прежде, раздаются споры. Если мы оставимъ въ сторонѣ только-что возникшій вопросъ о днѣ смерти поэта,—не отнести ли ее на 29 октября, согласно указанію метрической книги одной изъ воронежскихъ церквей,—то и безъ этого вопроса наберется не мало другихъ спорныхъ вопросовъ о личности Кольцова, о значеніи его въ исторіи русской литературы. Мы, съ своей стороны, видимъ въ этихъ спорахъ даже отрадную сторону: очевидно, Кольцовъ, какъ поэтъ и какъ человѣкъ, еще слишкомъ и близокъ и дорогъ намъ, не смотря на истекшее пятидесятилѣтіе, и, безъ сомнѣнія, современемъ онъ вызоветъ болѣе серьезное и внимательное изученіе.

---

[1]) Рѣчь, произнесенная 27 октября 1892 г. въ торжественномъ собраніи Историческаго Общества Нестора лѣтописца. Печатается безъ измѣненій. Прим. автора.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ Кольцова, я считаю нелишнимъ остановиться на отношеніи къ Кольцову русской критики.

„Стихотворенія Алексѣя Кольцова“ явились впервые въ 1835 г., въ Москвѣ, безъ всякихъ объясненій и предисловія. Въ этой маленькой книжечкѣ въ 16 долю листа и всего въ 40 стр. помѣщено 18 стихотвореній, въ числѣ которыхъ находятся уже: Пѣсня Пахаря, Крестьянская Пирушка, названная здѣсь Пирушкой русскихъ поселянъ, и др. Книжка обратила на себя вниманіе. Петербургская Сѣверная Пчела припомнила, что Кольцовъ печатался уже въ малоизвѣстномъ Московскомъ журналѣ. Но самые замѣчательные отзывы о Стихотвореніяхъ Кольцова дали Бѣлинскій въ Телескопѣ 1835 г. и Невѣровъ въ Сынѣ Отечества 1836 г. Статья Невѣрова носитъ заглавіе „Поэтъ-прасолъ“ и содержитъ подробную біографію Кольцова, составленную съ его словъ. Не могу не привести изъ этой біографіи хотя нѣсколькихъ выдержекъ, такъ какъ они характеризуютъ и пріемы старой критики и отношеніе къ поэту: „Этотъ мѣщанинъ, этотъ прасолъ, въ уединеніи степей, среди стадъ своихъ мечтающій о тайнахъ созданія, о вѣщаніи міровъ—еще дружится съ вашимъ воображеніемъ, напоминаетъ вамъ жизнь патріархальную. Здѣсь спокойная высокая картина; но тотъ же прасолъ на базарѣ, возлѣ воза съ саломъ мечтающій о любви, о сокровенныхъ движеніяхъ души, о жизни и высокой ея цѣли, о счастіи сочувствія— и слагающій звучныя сладкія пѣсни, не есть ли рѣзкій диссонансъ въ гармоніи этого міра, и этотъ диссонансъ не пробѣгалъ ли огненною змѣею по душѣ его, не терзалъ ли ее страшными, тяжкими мученіями?“ Критикъ возбуждалъ даже вопросъ: не оставить ли Кольцову своихъ торговыхъ занятій и совершенно посвятить себя искусству? Упоминалось въ критической статьѣ и о томъ, что въ печатное изданіе Стихотвореній Кольцова попали только немногія изъ большой тетрадки, присланной поэтомъ; причемъ издателями сдѣланъ не только выборъ піесъ, но имъ же принадлежатъ и поправки обильныхъ грамматическихъ погрѣшностей автора. Невѣровъ сообщалъ также, что у него въ рукахъ новая большая тетрадь стихотвореній Кольцова, изъ которой лучшія піесы появятся вскорѣ въ журналахъ. И такъ Невѣровъ старался своей статьей заинтересовать читателей въ пользу новаго поэта прежде всего тѣмъ, что онъ воронежскій мѣ-

щанинъ прасолъ, т. е. некрупный торговецъ рогатымъ скотомъ, едва выучившійся грамотѣ и обязанъ своимъ развитіемъ исключительно себѣ. Надо замѣтить, что въ русскихъ журналахъ 20—30-хъ годовъ много занимались поэтами-самоучками изъ русскихъ, особенно крестьяниномъ Слѣпушкинымъ, а изъ иностранныхъ англійскими поэтами и, между прочимъ, извѣстнымъ шотландскимъ поэтомъ Робертомъ Борнсомъ. Отдѣльныя стихотворенія Кольцова ранѣе 1835 г. и даже позднѣе сопровождались въ журналахъ замѣтками о личности Кольцова, какъ поэта-самоучки. Но Стихотворенія 1835 г. недаромъ вышли безъ всякой подобной рекомендаціи. Изданіе это редактировалъ Бѣлинскій, и вскорѣ за изданіемъ въ отдѣльной критической статьѣ онъ указалъ, что Кольцовъ не имѣетъ ничего общаго съ этими стихотворцами-самоучками, на изданіяхъ стихотвореній которыхъ прежде всего красуется заявленіе: Стихотворенія крестьянина или русскаго поселянина такого-то. Въ Кольцовѣ Бѣлинскій не затруднился признать истинный поэтическій талантъ, неподдѣльный даръ творчества. Мало того, критикъ поставилъ новаго поэта выше такихъ поэтовъ, какъ Бенедиктовъ. Уже въ это время и Невѣровъ и Бѣлинскій называли Кольцова настоящимъ народнымъ русскимъ поэтомъ.

При жизни Кольцова, другого изданія его стихотвореній, кромѣ 1835 г., не выходило. Отдѣльныя стихотворенія его помѣщались въ Петербургѣ въ Пушкинскомъ Современникѣ, въ Отечественныхъ Запискахъ и въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду—Краевскаго и въ журналахъ Полеваго, Сеньковскаго, а въ Москвѣ въ Телескопѣ, въ Московскомъ Наблюдателѣ и друг. Черезъ 4 года послѣ смерти поэта въ 1846 г. явилось первое болѣе или менѣе полное собраніе его стихотвореній только печатныхъ подъ редакціей Бѣлинскаго и съ его обстоятельной статьей о жизни и сочиненіяхъ Кольцова. Уже 11-ое изданіе повторяетъ и эту статью Бѣлинскаго и его редакцію стихотвореній поэта. Мало того, біографія Бѣлинскаго сдѣлалась образцомъ для множества біографій Кольцова, легла въ основаніе статей о развитіи поэтическаго таланта Кольцова, о его семейныхъ отношеніяхъ. Характеристика поэта вышла у Бѣлинскаго цѣльной, хотя и не вполнѣ точной въ отдѣльныхъ подробностяхъ; но она проникнута одной общей мыслью, что жизнь Кольцова прошла въ тяжкой борьбѣ между призваньемъ и его су-

ровой судьбой. Страданія поэта среди окружавшей его дѣйствительности, грязи и дрязгъ и семейныя огорченія—вотъ что свело молодого поэта въ могилу, по объясненію Бѣлинскаго. Бѣлинскій хорошо зналъ Кольцова и находился съ нимъ въ дѣятельной перепискѣ, прекратившейся незадолго до смерти поэта. Несмотря на эти дружескія отношенія Бѣлинскій колебался въ опредѣленіи значенія Кольцова и старался разграничить понятія о поэтахъ геніальныхъ и талантливыхъ. Къ послѣднимъ онъ относилъ и Кольцова. Особенное участіе Бѣлинскаго въ судьбѣ Стихотвореній Кольцова вызвало партійныя нападки и на поэта.

Таковы были отзывы Булгаринской Сѣверной Пчелы, Библіотеки для чтенія Сеньковскаго—и особенно Москвитянина въ статьяхъ Шевырева. Какъ ни принижали Кольцова, называя его поэтомъ-поселяниномъ, но противники Бѣлинскаго должны были признаться, что Кольцовъ (въ 40-хъ годахъ) „столько извѣстенъ читающей Россіи, что не требуетъ ни малѣйшаго снисхожденія". Странно это недоразумѣніе, непониманіе поэта у славянофиловъ 40-хъ годовъ. Около Кольцова возгорѣлся прежде всего споръ объ отношеніи народности и всего національнаго къ человѣческому. Кольцовъ нашелъ съ этой стороны прекрасную оцѣнку еще въ 1846 г. въ статьѣ талантливаго молодаго критика, Валеріана Майкова.

Майковъ выступилъ противъ одного изъ основныхъ воззрѣній Бѣлинскаго на Кольцова, противъ мнѣнія, что таланта Кольцова могло хватить только на возведеніе въ поэзію русскаго крестьянскаго быта, а личность поэта обозначилась сочетаніемъ основныхъ стихій русской національности. Майковъ указываетъ на глубокое, хотя, можетъ быть, и неясное для самого поэта, сознаніе идеала. Идеалы Кольцова въ страсти и въ трудѣ въ ихъ естественномъ благоустройствѣ, въ паѳосѣ жизненности. Кольцовъ представляется въ нашей поэзіи могучей исполинской личностью; его лирика-поэзія порыва. Это поэтъ возможнаго и будущаго. Въ его поэзіи нѣтъ ни романтизма, ни разочарованія. Выражая необыкновенную жизненность, стихотворенія Кольцова отличаются дѣльностью и нормальностью. Какъ личность, Кольцовъ находится въ діаметральной противоположности съ особенностями большинства и меньшинства его націи, съ ея крайностями. Поэтому и въ художественныя изображенія крестьянской и мѣщанской дѣйствительности онъ вноситъ гуманизированіе быта, чело-

вѣчность и прибавляетъ новые элементы къ развитію своего народа. Майковъ въ заключеніе своихъ статей указываетъ и на общее неясное представленіе о поэзіи Кольцова въ 40-хъ годахъ: Кольцовъ былъ до сихъ поръ (до полнаго собранія стихотвореній) поэтомъ безъ публики. Нисшій классъ народа не читалъ его потому же, почему, можетъ быть, и долго еще не будетъ читать; а образованные люди, большею частію, смотрѣли на него, какъ на фактъ, любопытный по своей рѣдкости.—Слѣдуетъ замѣтить, что первое изданіе Стихотвореній Кольцова 1846 г. продавалось по баснословно дорогой цѣнѣ и только съ 1856 г. явились удешевленныя изданія. Между тѣмъ уже въ 40-хъ годахъ многія пѣсни Кольцова вошли въ учебныя христоматіи, распространились въ музыкальныхъ переложеніяхъ для пѣнія, вошли въ народные пѣсенники и распѣвались даже цыганскими хорами. Высшая формація простонародія—мѣщанство и купечество, первые, послѣ образованнаго общества, усвоили пѣсни Кольцова.

Но стихотворенія Кольцова, не выходившія 10 лѣтъ послѣ перваго дорогого изданія, были извѣстны вполнѣ только немногимъ любителямъ народнаго поэта. Въ 1852 г. въ Сынѣ Отечества Стоюнинъ въ рядѣ статей о Кольцовѣ взялъ на себя задачу познакомить читателей съ поэзіей Кольцова. Онъ указалъ ея отношеніе къ жизни поэта, вполнѣ раздѣляя при этомъ отношеніе Бѣлинскаго къ русскимъ народнымъ пѣснямъ; но въ сужденіи о мѣстѣ Кольцова въ ряду русскихъ поэтовъ Стоюнинъ разошелся съ выдающимися предшественниками: съ Бѣлинскимъ и Майковымъ. Стоюнинъ отводитъ Кольцову скромное мѣсто, впрочемъ ничуть не въ связи съ нашими второстепенными поэтами. Кольцовъ не внесъ въ нашу литературу никакихъ новыхъ идей, не развилъ и внесенныхъ другими; онъ не былъ подражателемъ и не увлекъ за собой ни одного подражателя. Кольцовъ въ этомъ случаѣ стоитъ одиноко и въ исторіи русской литературы можетъ быть какъ бы прекраснымъ эпизодомъ. Все это заключеніе было, конечно, въ 52 г. рановременнымъ. Второе общедоступное изданіе стихотвореній Кольцова въ 1856 г. вызвало статьи о немъ во всѣхъ выдававшихся тогда журналахъ. Рядомъ съ статьями о значеніи поэзіи Кольцова, причемъ не мало говорилось о русскомъ народѣ, его характерѣ и проч., явились первыя воспоминанія о Кольцовѣ, между прочимъ, въ Кіевскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ—Асконенскаго. Но интереснѣе другихъ представляются воспоминанія

*

Каткова, Панаева и Тургенева. Въ 60-хъ годахъ вспомнили поэта и на родинѣ, въ Воронежѣ. Но первыя воспоминанія были не въ пользу поэта. Надо замѣтить, что всѣ бумаги, какія остались послѣ Кольцова, родные его продали на завертки въ лавки. Тутъ были и черновыя тетради поэта съ 1825 г. и письма къ нему отъ петербургскихъ и московскихъ литераторовъ, такихъ, какъ Жуковскій, кн. Вяземскій, кн. Одоевскій, Бѣлинскій, Боткинъ и др. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ Воронежѣ отыскались остатки черновыхъ тетрадей поэта, но за ранній періодъ его дѣятельности отъ 1825 до 1830 г. и за 39-й годъ. Здѣсь нашлись очень плохія первоначальныя стихотворенія Кольцова и вотъ о нихъ появились статьи Де-Пуле и Малыхина—воронежцевъ. Кромѣ тетрадей эти образованные писатели, цѣнители поэта, обратились и за устными справками къ оставшимся въ живыхъ родственникамъ поэта, къ его знакомымъ. Конечно, вышло противорѣчіе во многомъ съ жизнеописаніемъ Бѣлинскаго. Мало того, въ печати явились воспоминанія о другѣ Кольцова, семинаристѣ Сребрянскомъ, которому приписывалось сочиненіе нѣкоторыхъ Кольцовскихъ думъ. Выходило такъ, что Кольцовъ воспользовался чужей собственностью, присвоивши нѣсколько думъ Сребрянскаго.

Началось приниженіе Кольцова, но не столько какъ поэта, сколько какъ человѣка. Воронежскіе педагоги, какъ выражались тогда газеты, напали съ ожесточеніемъ на біографію Кольцова, составленную Бѣлинскимъ, называя ее памфлетомъ, уголовнымъ дѣломъ, взведеннымъ преимущественно на родственниковъ поэта, а отчасти и на воронежское общество. Самое рѣзкое выраженіе и окончательную форму эта полемика приняла въ сочиненіи Де-Пуле, вышедшемъ въ 1878 г., подъ названіемъ „Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ въ его житейскихъ и литературныхъ дѣлахъ и въ семейной обстановкѣ“. Прежде чѣмъ отмѣтить рѣзкія стороны этого всетаки замѣчательнаго труда о Кольцовѣ, надо упомянуть, что авторъ его дѣятельно участвовалъ въ постановкѣ небольшаго памятника Кольцову въ Воронежѣ въ 1868 г., когда и одинъ изъ воронежскихъ бульваровъ получилъ названіе Кольцовскаго. Де-Пуле, теперь уже покойному, принадлежитъ біографія и изданіе сочиненій другого воронежскаго поэта, преемника Кольцова, какъ его считали сограждане, Никитина, и надо замѣтить, что Де-Пуле, лично знавшій Никитина, покрови-

тельствовавшій ему, ставитъ его, какъ человѣка, несравненно выше Кольцова. Уже изъ этого очевидно пристрастіе Де-Пуле.

Этою односторонностью дѣйствительно страдаетъ, признается самъ Де-Пуле въ біографіи Кольцова, нашъ трудъ, но она неизбѣжно вытекаетъ изъ свойствъ главнаго источника для біографіи Кольцова (статьи Бѣлинскаго); приниженіе, при лучезарности изображенія даннаго лица въ подобномъ источникѣ, является неизбѣжнымъ результатомъ и изслѣдованія, а потому мы при немъ и остаемся. Мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить хотя нѣкоторыя стороны въ этомъ разногласіи Де-Пуле и Бѣлинскаго. Прежде всего Де-Пуле старается обѣлить родныхъ поэта, преимущественно отца и сестру Кольцова. Дѣйствительно, въ отзывѣ Бѣлинскаго было преувеличеніе по отношенію къ этому вопросу; но Бѣлинскій судилъ шире: онъ разсматривалъ отношеніе родныхъ не къ человѣку, а къ поэту, и въ этомъ отношеніи онъ былъ въ значительной мѣрѣ правъ Самъ Де-Пуле долженъ былъ признать озлобленіе отца Кольцова противъ сына въ послѣдніе годы его жизни; тоже должно сказать и по отношенію къ другимъ родственникамъ Кольцова. Второе важное обвиненіе Де-Пуле относится къ вліянію Бѣлинскаго на Кольцова. Де-Пуле винитъ Бѣлинскаго въ несчастіи Кольцова, котораго критикъ сбилъ съ толку, посѣялъ въ душѣ его разладъ, сдѣлалъ изъ натуральнаго Кольцова поэта-пѣсенника кабинетнаго ученаго, литературщика. Выходитъ, что Кольцовъ не жертва судьбы семейнаго и общественнаго положенія, неудовлетвореннаго стремленія къ образованію, а жертва Бѣлинскаго, который, на самомъ дѣлѣ, создалъ первую популярность Кольцову, издавалъ его сочиненія, помѣщалъ ихъ въ журналахъ, наконецъ горячо любилъ Кольцова, и самъ, будучи человѣкомъ совсѣмъ не обезпеченнымъ, старался устроить какъ нибудь положеніе Кольцова въ столицѣ. И этотъ выводъ Де-Пуле намъ кажется пристрастнымъ. Объясненіемъ этому служитъ размолвка Кольцова съ своими воронежскими знакомыми изъ образованныхъ людей, преимущественно преподавателями семинаріи и гимназіи. Послѣдніе и сами, конечно, поклонялись Бѣлинскому; но щепетильность и мелочность самолюбія привели ихъ къ враждебному отношенію къ нашему поэту. Эти люди и ихъ близкіе жили еще, когда Де-Пуле и самъ воронежецъ собиралъ свои матеріалы для измѣненія лучезарнаго, мученическаго образа Кольцова, какъ онъ

представлялся Де-Пуле въ біографіи Бѣлинскаго. Конечно эти матеріалы и дополнили и нѣсколько измѣнили одностороннюю характеристику Кольцова, сдѣланную Бѣлинскимъ. Такъ ближе выяснилось имущественное состояніе Кольцовыхъ, подробности ихъ тяжебныхъ дѣлъ, личность женщины, которая играла непослѣднюю роль въ преждевременной смерти поэта и вовсе не была такъ умна и образованна, какъ нарисовалъ ее Бѣлинскій. Но Бѣлинскій не скрылъ отравительныхъ восторговъ въ этой любви, которыми озарился закатъ жизни поэта. Со времени выхода книги Де-Пуле явилось въ русской литературѣ какъ бы двѣ біографіи, двѣ противоположныхъ характеристики Кольцова. Если Де-Пуле хотѣлъ примирить тѣнь поэта съ родными и воронежскимъ обществомъ, то слѣдующему біографу поэта предстоитъ примирить эти двѣ противорѣчивыхъ характеристики Кольцова.

Постараюсь теперь въ самомъ сжатомъ очеркѣ представить личность Кольцова, какъ человѣка и какъ поэта.

Извѣстные портреты Кольцова, по словамъ близко знавшихъ его, не даютъ вѣрнаго и точнаго представленія объ оригинальной физіогноміи этого даровитаго человѣка. На портретахъ мы находимъ только поясное изображеніе Кольцова, для чего-то наряженнаго въ шубу поверхъ костюма, почти ничѣмъ неотличающагося отъ костюма штатскихъ людей 30—40 годовъ. Можетъ быть, эта шуба должна была указывать на поэта-простолюдина, потому что и въ лицѣ его нѣтъ ничего такого, что бы указывало на его общественное положеніе: бритое лице, прическа съ боковымъ проборомъ, широкій большой лобъ, густые брови и большіе задумчивые глаза. Не такимъ мы знаемъ Кольцова по воспоминаніямъ современниковъ. Кольцовъ былъ средняго, скорѣе небольшаго роста; но фигура его была коренастая, приземистая, и нѣсколько сутуловатая. Одни изъ біографовъ поэта объясняютъ эту сутуловатость тѣмъ, что Кольцовъ въ юности упалъ съ лошади на всемъ скаку; другіе—и сутуловатость и нѣсколько кривыя ноги поэта объясняютъ кочевой жизнью его, частыми и долгими разъѣздами верхомъ въ степи. Въ фигурѣ почти всякаго прасола было что-то наѣздническое, козачье. Лице Кольцова было самое простое, съ мелкими чертами и даже некра-

сивое; но за то большіе глаза его по временамъ то свѣтились какой-то хитростью и лукавствомъ, какъ у бойкаго русскаго торговца; то широко раскрывались и становились привлекательными, когда въ нихъ блестѣли искры таланта или проснувшейся, захватывающей страсти. Люди, видавшіе поэта въ столицахъ съ 1836 г., затѣмъ въ 1838 и въ 1840 годахъ, представляютъ его въ обществѣ застѣнчивымъ и робкимъ въ высшей степени, флегматичнымъ, медленно говорившимъ и смотрѣвшимъ изъ-подлобья, какъ то въ сторону, а не въ лице собесѣдника. Этотъ взглядъ, манеры, угрюмость и молчаливость съ перваго взгляда мало располагали въ пользу Кольцова: онъ казался мѣщаниномъ торговцемъ, себѣ-на-умѣ, человѣкомъ практическимъ, и многіе литераторы сомнѣвались съ первой встрѣчи съ Кольцовымъ, чтобы у него былъ поэтическій талантъ, душа, способная на восторгъ, страсти и вдумчивость, но за то въ близкомъ кружкѣ, среди симпатичныхъ людей Кольцовъ становился неузнаваемымъ: молчаливость и угрюмость смѣнялись живымъ, бойкимъ и веселымъ разговоромъ. Онъ любилъ горячо поспорить, былъ нѣсколько рѣзокъ и неразборчивъ въ выраженіяхъ; онъ увлекался искусствомъ и приходилъ въ восторгъ отъ поэзіи и музыки. Тургеневъ и Панаевъ представляютъ намъ Кольцова мѣщанина, но Бѣлинскій и Катковъ изображаютъ его замѣчательный умъ и чуткую, отзывчивую душу. Правда, рѣдкіе наѣзды Кольцова въ столицы, когда онъ знакомился съ другими привычками, не могли устранить въ немъ прежнихъ, усвоенныхъ въ своемъ кругу: надъ нимъ подсмѣивались за его страсть упиваться безмѣрнымъ количествомъ чашекъ чаю и неотступными приставаньями съ угощеніемъ столичныхъ гостей своихъ виномъ и соленой рыбой съ Дона, какъ это принято и до сихъ поръ въ народѣ и въ мѣщанствѣ. До третьей поѣздки въ столицы Кольцовъ и стригся еще въ кружокъ, какъ стриглись тогда мѣщане; но позднѣе онъ носилъ обыкновенную въ 30—40 годахъ прическу и даже любилъ припомадиться, подушиться, украсить себя цвѣтнымъ моднымъ галстухомъ. Только костюмъ его, длиннополый сюртукъ, большею частію поношенный, картузъ, зимой плохенькая шуба напоминали въ немъ купца средней руки.

Да такимъ купцомъ онъ и былъ въ своей жизни не только по внѣшности. Торговля захватила его въ свои крѣпкіе руки съ дѣтства и не давала ему возможности вздохнуть на свободѣ во всю его

короткую жизнь. Втянувшись въ торговлю съ юности, усвоивъ практиковавшіеся пріемы наживы и мечтая уже въ зрѣлыхъ годахъ на основѣ нажитаго достатка основать свою новую жизнь въ сферѣ дорогой ему литературы и самообразованія, онъ такъ и не вырвался изъ захлестнувшагося вокругъ него роковаго круга. Тщетно мечталъ онъ, уже подъ конецъ жизни, развязаться съ торговлей: жить литературнымъ трудомъ для него было немыслимо, а добиться выдѣла у отца онъ не могъ. Не могъ онъ помириться и съ такимъ положеніемъ, какое рисовалъ въ письмѣ къ Жуковскому въ 1838 г.: „что если человѣкъ придетъ къ вамъ измаянный весь горемъ, оборванный, зимой въ лѣтнемъ платьѣ. О, дай Богъ все претерпѣть, но не дожить до этой встрѣчи!“ Не даромъ въ своихъ стихотвореніяхъ онъ живо переживалъ чувства бѣдняка-горемыки крестьянина. Въ письмахъ онъ называетъ себя торгашемъ-горемыкой. Какъ у бойкаго смышленаго торговца у него всегда была твердая надежда на трудъ, и онъ въ поэзіи подтрунивалъ надъ лѣнивымъ мужичкомъ, будилъ его отъ апатичнаго сна; какъ купецъ, Кольцовъ говоритъ въ хуторкѣ: „Горе есть, не горюй; дѣло есть—работай. А подъ случай попалъ, на здоровье гуляй!“—Въ немъ жила и русская надежда на авось, на случай, который какъ нибудь ужъ и самъ навернется. Конечно, отъ такихъ расчетовъ на авось недалеко и отъ того, чтобы зарваться въ дѣлахъ, какъ и было нерѣдко съ Кольцовыми—отцемъ и сыномъ. Но въ душѣ и крестьянина и торговца живетъ еще другая крѣпкая надежда на волю Божью. „А тамъ Богъ уродитъ“, говоритъ крестьянинъ у Кольцова, „Микола подсобитъ собрать хлѣбецъ съ поля“. Но религіозныя чувства Кольцова, какъ мы видимъ ихъ въ его думахъ, были и выше и чище этихъ народныхъ представленій, которыя, однако, служатъ съ давнихъ вѣковъ однимъ изъ крѣпкихъ устоевъ русской народной жизни. Было и еще чувство въ душѣ Кольцова, свойственное только болѣе достаточной мѣщанско-купеческой формаціи простонародья. Это удалое чувство—постоять за себя, увѣриться въ правотѣ своего дѣла, а правымъ опять-таки Богъ владѣетъ. Идутъ дѣла этого удалого мѣщанина-купца хорошо—онъ спокоенъ и мирно живетъ съ людьми; но вотъ они пошатнулись немного, онъ уже начинаетъ говоритъ съ недобрыми намеками о добрыхъ людяхъ; но пошатнись они въ конецъ, и поднимется геройская душа. Въ письмахъ Кольцова мы видимъ чрезвычайно горячее, образное выраже-

ніе этихъ переходовъ въ душѣ удалого торговца. Пишетъ Кольцовъ въ 1836 г., при началѣ своихъ тяжебныхъ комерческихъ дѣлъ: „добрые люди не свернули меня въ комокъ, сдержался на ногахъ, хочу выйти какъ-нибудь изъ моихъ тѣсныхъ обстоятельствъ и меньше съ людьми дѣлать шуму, какъ-нибудь уладить съ ними тише". Не то говоритъ Кольцовъ, нѣсколько позже, когда дѣла разстроились и ихъ накопилось ужъ очень много: „Вы говорите, пишетъ онъ Краевскому, я упалъ духомъ. Нѣтъ, духомъ я не упалъ, и бѣдѣ моей я смотрю въ глаза прямо,—и грудь не сокрыта передъ ней. Я не бѣгу, а стою и жду бури: сломитъ-упаду; выдержу—пойду впередъ! Но не стану передъ ней на колѣна, не буду слезно молить о пощадѣ и бабой выть; нѣтъ, этого не будетъ! Я русскій человѣкъ. Шапку скинемъ передъ грозой, а въ сердцѣ кровь не остановимъ; холодъ по тѣлу пустимъ, но въ тѣлѣ не удержимъ... Нѣтъ, духомъ я не упалъ и не упаду, развѣ мощь измѣнитъ, развѣ отъ напряженья силы тѣла лопнутъ; тогда—конецъ!" Конечно, иногда это чувство перерождается и въ такое явленіе, которое слыветъ въ русскомъ народѣ высшей формаціи подъ именемъ бахвальства, съ оттѣнкомъ ломанья; но въ Кольцовѣ, при его крѣпкой силѣ воли, оно было настоящимъ сильнымъ чувствомъ, и онъ перелагалъ его въ свои поэтическіе образы сильныхъ народныхъ натуръ. Такъ понималъ и Лермонтовъ своего купца Калашникова. Изъ этого же чувства вытекало у Кольцова стремленіе даже—„съ злою долей перевѣдаться", хотя и было что-то роковое и примирительное въ этой слѣпой, злой судьбѣ, отъ которой никуда не скроешься.

Но что-же это были за торговыя дѣла, на которыя уходило дорогое для Кольцова время, въ чемъ состояли дурныя обстоятельства коммерціи, непріятности, разстройства? Вотъ какъ ихъ описываетъ самъ Кольцовъ въ письмахъ къ Краевскому: 1836 г.: „Батенька два мѣсяца въ Москвѣ продаетъ быковъ. Дома я одинъ, дѣлъ много: покупаю свиней, становлю на винный заводъ на барду; въ рощѣ рублю дрова; осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ села; дома по дѣламъ хлопочу отъ зари до полуночи". Два года спустя въ письмѣ къ Краевскому: „Почему я къ вамъ не писалъ такъ долго,—причина простая: мѣсяца полтора я былъ не въ городѣ. Жилъ за 100 верстъ отъ города, въ лѣсу, мѣрялъ сосны, рубилъ дрова, а вечеромъ слушалъ, какъ волки воютъ". Кстати ска-

зать, что тутъ же онъ описываетъ, какъ этотъ волчій вой веселилъ и занималъ его: „въ немъ нѣтъ никакой точности и весьма мало складу; безпрестанная неровность: то ужъ дюже много долгихъ выгибовъ, то вдругъ шероховато, то длинные подъемы, то рѣзкія остановки. Они (волки) сами бѣдные жалуются на свой недостатокъ, и сильно винятъ своего прадѣда, который научилъ ихъ такой нескладицѣ. Я обѣщалъ прислать имъ новаго капельмейстера—городскаго волченка, но онъ улизнулъ, и дня черезъ два поѣду съ извиненьемъ, скажу: „Ну, дорогіе пріятели, извините, не выполнилъ слова“! Еще живѣе связь торговца-прасола съ природой въ слѣдующемъ письмѣ къ Бѣлинскому по поводу засухи и ожидаемаго голода въ Воронежскомъ краѣ въ 1839—40-мъ году: „все это какъ-то ужасно имѣло нынѣшнее лѣто на меня большое вліяніе, или потому, что мой бытъ и выгоды тѣсно связаны съ внѣшней природой всего народа. Куда ни глянешь—вездѣ унылыя лица; поля, горѣлыя степи наводятъ на душу унынье и печаль, и душа не въ состояніи ничего ни мыслить, ни думать. Какая рѣзкая перемѣна во всемъ. Напримѣръ: и теперь поютъ русскія пѣсни тѣже люди, что пѣли прежде, такъ же поютъ, напѣвъ одинъ, а какая въ нихъ,—не говоря уже грусть, онѣ всѣ грустны,—а какая то слабость, болѣзнь. Разгульная энергія, сила, могучесть будто въ нихъ никогда не бывала“.

Мы оставимъ пока эту поэтическую сторону въ промысловой и торговой дѣятельности Кольцова и обратимся къ прозаической. Съ 12 лѣтъ Кольцовъ сталъ помогать своему отцу въ главныхъ и сначала его единственныхъ дѣлахъ скотопромышленныхъ. Съ первымъ снѣгомъ прасолы выѣзжали въ далекія степи—донскія, черноморскія и приволжскія скупать рогатый скотъ; затѣмъ этотъ скотъ гнали гуртами и ватагами на воронежскія пастбища, которыя арендовали у крестьянъ и помѣщиковъ. Ранней весной такія же скупки скота дѣлались въ ближайшихъ мѣстахъ. Скупка скота, аренда земель производилась у Кольцова-отца подъ кредитъ. Кредитъ этотъ на одни скотопромышленныя дѣла доходилъ у Кольцова тысячъ до 20. Точно также и съемки земель доходили до 500 десятинъ. Но случались года, когда скотъ пропадалъ или продажа битаго мяса, кожъ, шерсти, сала давала убытки, а контракты на земли не утверждались или вызывали тяжбу по заключеннымъ условіямъ. Тогда-то являлись гражданскія, судопроизводственныя дѣла, происходившія по тогда-

шнимъ присутственнымъ мѣстамъ въ Воронежѣ и восходившія даже въ московскіе и петербургскіе департаменты сената. Малограмотный отецъ Кольцова отдалъ на долю сына-грамотѣя, когда онъ подросъ и уже пользовался нѣкоторой славой воронежскаго стихотворца, всѣ эти гражданскія и судопроизводственныя дѣла. А между тѣмъ самъ сталъ расширять свои обороты: завелъ въ Воронежѣ дровяной дворъ и снималъ рощи на срубъ; снималъ земли для посѣва и продавалъ рожь, пшеницу и проч. Наконецъ, кажется, по особенному настоянію сына, затѣялъ постройку большаго дома въ Воронежѣ. Дѣло было семейное и потому на долю сына выпало множество разнообразныхъ хлопотъ. Дѣла шли приливами и отливами, поэтому у Кольцова-сына не было ни копѣйки самостоятельнаго капитала, а между тѣмъ уже въ послѣдніе годы онъ сильно мечталъ о немъ, задумывая переѣхать въ столицы. То ему казалось необходимымъ имѣть тысячъ 10, то одну тысячу. Холостое положеніе Кольцова не давало ему права собственности въ семьѣ, состоявшей, кромѣ него, изъ нѣскольких сестеръ. Но, можетъ быть, и непрерывныя дѣла, состоявшія то въ утвержденьяхъ контрактовъ, то въ искахъ по нарушеніямъ ихъ, то въ отсрочкахъ уплаты или въ уплатахъ по векселямъ, которыя заставляли поэта странствовать по присутственнымъ мѣстамъ, по переднимъ высокопоставленныхъ лицъ, наконецъ прибѣгать къ протекціи вліятельныхъ столичныхъ покровителей-литераторовъ,—въ концѣ концовъ не оставляли въ рукахъ молодого Кольцова никакихъ капиталовъ. А между тѣмъ поэтъ прилагалъ къ этимъ дѣламъ всю свою энергію, практическій, расчетливый умъ и даже пользовался для поправленія дѣлъ своей литературной славой, прибѣгая къ помощи Жуковскаго, кн. Вяземскаго, кн. Одоевскаго, и др. Мало того, нерѣдко выносилъ и незаслуженныя оскорбленія отъ тогдашнихъ гордыхъ высшихъ чиновниковъ Воронежа, попрекавшихъ мѣщанина-просителя тѣмъ, что онъ обманываетъ самъ да еще прибѣгаетъ къ протекціи, или, какъ выражалось одно высокопоставленное лице въ Воронежѣ, ходитъ по угламъ да закоулкамъ, плутуетъ, мошенничаетъ. Такое непріятное положеніе ходатая-просителя, волнующагося изъ-за исхода дѣла и переносящаго даже непріятности, продолжалось для Кольцова отъ 35 г.—времени его первой литературной славы—до 41, т. е. за годъ слишкомъ до его смерти. Какъ ни безпокоили эти дѣла Кольцова, какъ ни отвлекали отъ

любимыхъ занятій; но всего хуже было то, что они отразились на семейномъ и общественномъ положеніи поэта въ Воронежѣ.

При всей энергіи и настойчивости поэта дѣла отца его, дѣла семейные находились почти въ одномъ и томъ же положеніи, или, даже, вѣрнѣе сказать, ухудшились. Несомнѣнно, что вина въ этомъ ухудшеніи падаетъ на отца Кольцова, такъ какъ безъ сына онъ и раньше еще врядъ ли бы могъ выпутаться изъ многихъ затѣянныхъ дѣлъ. Отецъ Кольцова былъ отчасти торговецъ-спекулянтъ. Выигранныя дѣла сыномъ подбавляли только смѣлости отцу. Кольцовъ-отецъ видѣлъ, что сынъ его не только разумная голова, но и человѣкъ съ большими связями. Это вело его къ риску; но удачъ отъ торговли не было, а нѣсколько неудачъ также скоро охладили отца къ сыну, какъ раньше слишкомъ быстро заставили увѣриться его въ возможности большой и вѣрной наживы. Такъ создалось то тяжелое положеніе Кольцова, которое онъ переживалъ въ семьѣ въ послѣднее время жизни, года полтора съ лишкомъ, подъ конецъ уже совсѣмъ измученный и больной. Тоже отразилось и на общественномъ положеніи Кольцова въ Воронежѣ. Нѣсколько разъ въ жизни поэтъ вызывалъ лестное вниманіе въ воронежскомъ образованномъ обществѣ: сначала какъ молодой поэтъ-самоучка; но, мало по малу, эта новинка приглядѣлась и къ поэту охладѣли; затѣмъ въ 1837 году всеобщее изумленіе вызвало особенное вниманіе и расположеніе къ Кольцову Жуковскаго, посѣтившаго Воронежъ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ (покойнымъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ). Жуковскій, посѣтившій Воронежскую гимназію, обратилъ вниманіе педагогическаго персонала на талантливаго воронежскаго поэта и просилъ оказать ему содѣйствіе въ стремленіи къ самообразованію. Но черезъ годъ съ небольшимъ съ Кольцовымъ разошлись и педагоги и другіе образованные люди Воронежа. Мы уже объясняли выше, что въ этомъ разладѣ участвовала больше всего мелочная зависть. Бѣдный поэтъ остался въ такомъ кругу, въ которомъ, по его словамъ. „о словесныхъ предметахъ и на Рождество Христово не услышишъ“, и въ этомъ кругу онъ кончилъ свою поистинѣ многострадальную жизнь. Посмотримъ теперь, каково было образованіе Кольцова. Мы должны здѣсь снова коснуться его семьи. Семья эта была достаточная; къ достаточнымъ и даже богатымъ купеческимъ и мѣщанскимъ семьямъ принадлежали и родственники

Кольцова. Нѣкоторые изъ нихъ жили на широкую ногу, водились съ людьми, стоявшими на высокихъ ступеняхъ воронежской администраціи, но умѣли, кажется, перенять только одинъ комфортъ: обставить пороскошнѣе домъ, устраивать дорого стоющіе вечера и т. п. Но и въ помышленіи этихъ людей не было о необходимости дать средства на образованіе дѣтей и родственниковъ.

А между тѣмъ въ Воронежѣ въ первой четверти настоящаго столѣтія, въ эпоху дѣтства и юности Кольцова, существовали не только духовныя, но и свѣтскія учебныя заведенія. Рядомъ съ старыми, перешедшими изъ XVIII в., учебными заведеніями для дѣтей духовенства—духовнымъ училищемъ и семинаріей—существовали приходское училище, уѣздное и гимназія. Завелась въ городѣ и книжная лавка, соединявшая въ себѣ въ тоже время и библіотеку для чтенія. Основатель этой книжной торговли въ Воронежѣ былъ не столько коммерческій человѣкъ, хотя и вышелъ изъ купеческаго сословія по разстройству хлѣбной торговли, сколько оригинальный любитель просвѣщенія, книжнаго дѣла и искусства. Онъ самъ писалъ стихотворенія, игралъ на музыкальныхъ инструментахъ, вообще жилъ жизнью, примыкавшей къ умственнымъ интересамъ времени. Семья Кольцова, начиная съ главы отца, не имѣла ничего общаго съ этимъ книгопродавцемъ. Отецъ Кольцова кое-какъ выучился грамотѣ для торговыхъ дѣлъ, мать поэта была совершенно безграмотной. Обученіе грамотѣ для маленькаго Кольцова началось только на 9 году и ограничилось однимъ классомъ уѣзднаго училища. 12-ти лѣтъ Кольцовъ, не смотря на открывшіяся способности къ ученію и страсть къ чтенію, былъ взятъ изъ училища. Съ этого времени начинается для молодого Кольцова тяжелая школа самообразованія урывками, благодаря случайнымъ знакомствамъ съ книжными юношами. Сначала онъ пользуется книгами своего товарища, послѣ смерти котораго эти книги, большею частію сказки и романы, переходятъ въ собственность Кольцова, затѣмъ—у Кашкина, упомянутаго книгопродавца. Нельзя не подивиться, что этому чтенію Кольцовъ предавался большею частію тайкомъ отъ родныхъ, особенно отъ строгаго отца. Вѣроятно, среди книгъ Кольцова были и печатные пѣсенники, которые издавались въ XVIII и въ началѣ XIX в.

Эти пѣсенники имѣли мало общаго съ современными намъ научными изданіями русской народной поэзіи, съ соблюденіемъ почти

всѣхъ особенностей и выговора и напѣва. Въ старыхъ русскихъ пѣсенникахъ, издававшихся и для образованныхъ людей и для народа, русскія народныя пѣсни были нѣсколько подправлены на манеръ тѣхъ подражательныхъ пѣсенъ и романсовъ, которые помѣщались въ нихъ. Подобныя книги какъ-бы сближали русскую народную пѣсню съ искусственной литературой, съ стихотвореніями. Безъ сомнѣнія, малоразвитой Кольцовъ, едва умѣвшій писать безъ всякой орѳографіи, только изъ этихъ пѣсенниковъ могъ усмотрѣть связь раздававшейся около него устной народной пѣсни съ книжной, хотя бы это были стихотворенія Дмитріева, которыя онъ впервые началъ съ восторгомъ распѣвать какъ пѣсни и затѣмъ пытался подражать имъ. Но книга на первое время закрыла для него своеобразную красоту русской народной поэзіи. Только съ помощію самоучки-книгопродавца Кольцовъ кое-какъ осилилъ тайны русскаго стихосложенія.

Интересно остановиться на „Русской просодіи, или правилахъ, какъ писать русскіе стихи", которую далъ Кольцову книгопродавецъ. „Поэзія есть одна изъ пріятнѣйшихъ наукъ", говорится въ этой книжкѣ, составленной для благородныхъ воспитанниковъ Московскаго университетскаго пансіона. „Поэзію называютъ наперстницею боговъ, усладительницею жизни человѣческой". О т. н. богатыхъ риѳмахъ замѣчено: „стихотворцы, кажется, выдумали ихъ на зло судьбѣ, которая самимъ имъ опредѣлила по большей части быть бѣдными". Книжка даетъ понятіе о внѣшнемъ строѣ множества стихотворныхъ размѣровъ, причемъ приводится всего болѣе примѣровъ изъ сочиненій Карамзина и Дмитріева и немного—изъ Ломоносова, Державина, Богдановича и Хераскова. Конечно, для Кольцова было интересно встрѣтить въ этой книжкѣ упоминаніе о старинныхъ русскихъ пѣсняхъ, о стихахъ безъ риѳмъ, пѣсенникахъ и буколическихъ, или пастушескихъ, стихотвореніяхъ, въ которыхъ описывается сельская жизнь со всѣми прелестями: лѣса, горы, долины, дерева, и проч., а дѣйствующими лицами выводятся пастухи, пастушки, поселяне или поселянки.

Много времени, вѣроятно, убилъ на эту маленькую книжку полуграмотный Кольцовъ, для котораго понятнѣе были только популярныя народныя книги, въ родѣ пѣсенниковъ, собраній сказокъ или въ родѣ письмовника Курганова; многое въ этой просодіи осталось

для него звукомъ безъ всякаго значенія, хотя бы всѣ эти имена поэтовъ древняго міра и новой европейской литературы. Русскихъ поэтовъ онъ могъ достать у Кашкина, но и здѣсь многое оставалось непонятнымъ для Кольцова. Случай свелъ его съ даровитымъ семинаристомъ Сребрянскимъ. Впрочемъ, и самъ Кольцовъ искалъ встрѣчи съ семинаристами, которыхъ онъ, конечно, представлялъ себѣ истолкователями всякихъ книгъ. Дружба съ Сребрянскимъ, продолжавшаяся года 4 и начавшаяся около 1827 г., когда Кольцову было лѣтъ 17—18, открыла для него много новыхъ понятій: друзья читали вмѣстѣ Шекспира въ русскомъ переводѣ, спорили, вѣроятно, болѣе всего о стихотвореніяхъ Кольцова, которыя Сребрянскій судилъ строго и, какъ видно, справедливо, уничтожая плохія. Быть можетъ, споры съ Сребрянскимъ, на которыя намекаетъ самъ Кольцовъ, касались и вопросовъ философскихъ, которыми проникнута и стихотворная поэма Сребрянскаго подъ названіемъ „Безсмертіе". Но „туманъ непросвѣщенья", по собственному выраженію Кольцова, продолжалъ тяготѣть надъ его мыслью. Ему, 17—18-тилѣтнему юношѣ, нельзя было и думать о возможности пройти самому школу, какъ его другъ Сребрянскій,—а среди родственниковъ и знакомыхъ Кольцова не было такихъ людей, какіе изъ мѣщанскаго же или купеческаго провинціальнаго класса вывели Мерзлякова, Полевого, и друг. Семья Кольцова готовила изъ него только прасола, а на его порыванья къ свѣту науки, къ занятіямъ словесностью смотрѣла или сквозь пальцы, какъ на баловство, или даже подозрительно, хотя въ воронежскихъ развивателяхъ Кольцова не было никакихъ постороннихъ цѣлей, кромѣ увлеченія литературой и особенно стихами. Такое увлеченіе охватило тогда большую часть учащагося юношества. Въ Воронежѣ семинаристы и гимназисты составляли сборники стихотвореній, спорили объ ихъ достоинствѣ. Кольцовъ интересовался этими стихотвореніями и переписывалъ ихъ вмѣстѣ съ Сребрянскимъ въ свои тетрадки стиховъ, съ 1825 г. Самъ онъ въ это время плохо еще владѣлъ стихомъ, писалъ посланія, эпиграммы, употреблялъ не кстати непонятныя ему слова, въ родѣ фіалъ, филомела; но за то онъ продолжалъ изучать стихотворенія нашихъ лучшихъ поэтовъ. Въ письмѣ къ Жуковскому Кольцовъ говоритъ: „Бывши мальчикомъ еще, уча наизусть ваши творенія, душой сливаясь съ ними". Тоже было и позднѣе: „бывало въ тѣсной моей комнатѣ, поздно вечеромъ, сидѣлъ

я одинъ и велъ бесѣду съ вами, Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Дельвигомъ. Какъ хорошо тогда мнѣ было! Какою полною жизнью жила моя душа въ безпредѣльномъ мірѣ красоты и чувства! На легкихъ крылахъ вашей фантазіи куда ни уносился я мечтою! Гдѣ ни былъ я тогда! Бывало скоро свѣтъ, а я сижу да думаю, не сводя глазъ съ портретовъ вашихъ: какъ хороши эти люди, Боже мой! Гдѣ живутъ они? Небось, въ Москвѣ да Питерѣ! Гдѣ эта Москва да Питеръ? Охъ, еслибъ мнѣ удалось побыть въ нихъ. Ужь какъ-нибудь а посмотрѣлъ бы я изъ нихъ хоть одного". Такъ зарождались въ Кольцовѣ желанія сблизиться, сколько возможно, съ уважаемыми поэтами, которыхъ онъ выучился понимать и усвоивалъ ихъ поэтическіе пріемы. Это желаніе Кольцова осуществилось въ 1831 г. и затѣмъ стало постояннымъ его стремленіемъ въ столицы. Хотя на первомъ планѣ въ этихъ поѣздкахъ и стояли цѣли торговыя, а впослѣдствіи и тяжебныя, но для развитія Кольцова эти поѣздки имѣли важное значеніе въ теченіе всей его жизни. Въ столицахъ онъ входилъ въ литературные кружки, сближался съ текущей журналистикой, которая замѣнила для него школу, получалъ въ подарокъ много книгъ, находилъ нравственную поддержку въ своемъ стремленіи къ образованію, къ литературной дѣятельности. Русская журналистика, составлявшая предметъ живѣйшаго интереса для Кольцова, конечно, сдѣлалась ему извѣстной еще до первой поѣздки въ столицы. Чтобы отыскать пѣсни Мерзлякова, появившіяся въ отдѣльномъ изданіи только въ 1830 г., Дельвига—еще позднѣе, даже и слѣдить за выходившими въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ сочиненіями Жуковскаго, Пушкина, кн. Вяземскаго, и др.—необходимо было обращаться къ разнымъ альманахамъ, къ журналамъ и газетамъ. Въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ въ русской журналистикѣ было возбуждено особенное вниманіе къ стихотворцамъ изъ поселянъ, какъ извѣстный въ то время Слѣпушкинъ, Алипановъ, которыхъ особенно расхваливали Отечественныя Записки за ихъ стремленіе къ самообразованію, а стихотворенія ихъ сравнивали съ стихотвореніями шотландскаго поэта Роберта Борнса, англійскаго поселянина Блумфильда и друг. Появились въ русскихъ журналахъ и свѣдѣнія объ иностранныхъ поэтахъ-самоучкахъ изъ простонародія. Имя Борнса стало извѣстгымъ въ русской литератуеѣ еще въ 1829 г., когда въ Московскомъ Телеграфѣ явилась статья о переводѣ Ко-

зловымъ двухъ стихотвореній Бориса: Сельскій субботній вечеръ въ Шотландіи и Къ полевой маргаритк̀ѣ. Критикъ не могъ удержаться, чтобы при имени Борнса шотландскаго крестьянина не вспомнить русскаго крестьянина Слѣпушкина. Московскій Телеграфъ и Литературная Газета Дельвига не раздѣляли однако крайняго увлеченія Отечественныхъ Записокъ въ превознесеніи Слѣпушкина и указывали на необходимость этимъ поэтамъ обратиться къ русскимъ народнымъ пѣснямъ, къ народному быту, который имъ долженъ быть ближе знакомъ, чѣмъ предметы, воспѣваемые ими въ одахъ, элегіяхъ, эпиграммахъ, и пр. До нѣкоторой степени такому совѣту отвѣчала поэма Слѣпушкина: „Четыре времени года русскаго поселянина", вышедшая въ 1830 г.

Всѣ эти журнальные отзывы о поэтахъ-самоучкахъ, о народныхъ пѣсняхъ, несомнѣнно, имѣли значеніе въ развитіи поэзіи Кольцова, въ выходѣ его на настоящій путь. Въ Воронежѣ, въ теченіе всей жизни Кольцова не было печатнаго слова, даже газетъ, хотя и были, конечно, типографіи, въ которыхъ Кольцовъ собирался издавать альманахъ, но планъ этотъ не осуществился. Во время поѣздокъ въ столицы Кольцовъ сближался преимущественно съ литераторами, участвовавшими въ журналахъ. Онъ сблизился съ Бѣлинскимъ, съ Краевскимъ, съ Плетневымъ. Журналы составляли постоянное чтеніе Кольцова, онъ слѣдилъ за отношеніемъ къ нимъ въ воронежскомъ обществѣ, исполнялъ порученія редакторовъ и выдающихся сотрудниковъ въ журналахъ и въ концѣ концовъ для него, для Кольцова, открылось мѣсто въ конторѣ Отечественныхъ Записокъ, подъ редакціей Краевскаго. Это послѣднее указываетъ, однако, на то, что образовательныхъ средствъ Кольцова не могло хватить на большее, чѣмъ коммерческое или бухгалтерское занятіе. Его приглашали въ конторщики въ редакцію Отечественныхъ Записокъ, а самъ онъ мечталъ о книжной торговлѣ въ Воронежѣ. Конечно, при этомъ предполагалась возможность и даже необходимость развитія поэтической производительности Кольцова (въ прозѣ онъ ничего не писалъ); но она, сама по себѣ, не могла дать средствъ для жизни. Кольцовъ никогда не былъ поэтомъ или литераторомъ по профессіи; напротивъ, онъ готовъ былъ самъ заплатить за изданія своихъ стихотвореній и выдавалъ съ этой цѣлью векселя на имя Краевскаго, обезпечивая всѣ расходы по изданію. Тетради своихъ стихотвореній Кольцовъ

раздавалъ съ какою-то совѣстливостью редакторамъ журналовъ и полагался вполнѣ на ихъ выборъ. Вознагражденія за свои литературные труды Кольцовъ, кажется, не получалъ, или получалъ иногда, но очень немного. Итакъ, самообразованіе Кольцова совершалось преимущественно подъ вліяніемъ русской журналистики. Но онъ имѣлъ и непосредственныя отношенія съ нѣкоторыми литераторами, какъ, напр., около 1830 г. съ Станкевичемъ, затѣмъ съ Бѣлинскимъ, съ московскими и петербургскими литераторами. Въ 1836, 1838 и 1840 годахъ Кольцовъ жилъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Онъ бывалъ на литературныхъ вечерахъ, прислушивался къ бесѣдамъ образованныхъ людей, набирался свѣдѣній. Мы не знаемъ въ подробностяхъ о вліяніи петербургскихъ и московскихъ литераторовъ на Кольцова; въ письмахъ онъ благодаритъ ихъ за ласковыя отношенія, за участіе къ его судьбѣ, за книги; но ничего не сообщаетъ о своихъ внутреннихъ отношеніяхъ. Несомнѣнно, однако, что эти отношенія Кольцова съ московскими и петербургскими литераторами давали ему возможность лучше понимать русскую литературу, журналистику и еще болѣе развивали и укрѣпляли въ немъ высшія человѣческія чувства и идеи. Иногда, быть можетъ, онъ находилъ въ этихъ бесѣдахъ и темы для своихъ стихотвореній. Каждую поѣздку въ столицу Кольцовъ называлъ „золотымъ вѣкомъ" въ своей жизни. Не станемъ утверждать, чтобы эти поѣздки восполняли недостатки въ образованіи Кольцова, давали ему научныя свѣдѣнія. Но несомнѣнно, что онъ развился, какъ поэтъ. Такъ въ 1838 г. Кольцовъ пишетъ изъ Москвы Краевскому о нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ піесахъ, какъ о „плохихъ, гадкихъ пьескахъ". Нѣсколько стихотвореній Кольцова вызываютъ обыкновенно рѣчь о его понятіяхъ философскихъ и историческихъ. Это—Думы и т. п. старыя пѣсни; изъ послѣднихъ только одна вошла въ печатное изданіе. Дѣйствительно, Кольцовъ любилъ читать философскія книги и выслушивалъ отрывочныя свѣдѣнія о философіи сначала отъ Сребрянскаго затѣмъ отъ Станкевича и Бѣлинскаго. Но въ Думахъ Кольцова отражаются только самыя поверхностныя черты философскихъ системъ, до того невыдержанныхъ, что сами развиватели Кольцова удивлялись нескладицѣ въ Думахъ. Обыкновенно Кольцовъ выходилъ на дорогу изъ этой путаницы рядомъ сопоставленій различныхъ образовъ изъ сферы жизни и духа, причемъ или успокаивался въ живой вѣрѣ,

отчасти въ мистицизмѣ; или оставлялъ вопросъ открытымъ. Дума въ такомъ видѣ получала характеръ пѣсни въ честь дивной гармоніи міроздания, или выраженіемъ изумленія передъ вѣковыми вопросами. Изъ историческихъ сюжетовъ Кольцовъ выбралъ только эпоху Іоанна Грознаго; покореніе Казани и мрачный характеръ Іоанна Грознаго въ эпоху казней. Послѣдній сюжетъ остался неразработаннымъ. Конечно, и въ этихъ пѣсняхъ Кольцовъ ближе стоитъ къ историческимъ народнымъ пѣснямъ, чѣмъ къ историческимъ научнымъ трудамъ.

Какъ бы то ни было нельзя отрицать образовательнаго вліянія на Кольцова со стороны Бѣлинскаго, Станкевича, Боткина, и друг. Какъ ни отрывочно, какъ ни продолжительно было это вліяніе; оно, всетаки, поднимало Кольцова и заставляло его въ послѣдніе годы жизни повторять нерѣдко: во мнѣ хотятъ видѣть мѣщанина, а я прошу всѣхъ, чтобъ на меня смотрѣли, какъ на человѣка. Людямъ не много толку, что я мѣщанинъ, а надобно, чтобъ моя книга (стихотворенія) стояла сама за себя.

Переходимъ теперь къ Кольцову, какъ поэту. Предыдущій очеркъ личности Кольцова, какъ человѣка, далъ уже намъ нѣкоторыя черты и для характеристики Кольцова-поэта. Но, кромѣ отмѣченныхъ отношеній, личный элементъ въ поэзіи Кольцова выражается въ пылкой любви къ двумъ женщинамъ, игравшимъ различную роль въ жизни поэта; далѣе, въ разнообразномъ выраженіи горя-тоски и наконецъ, въ широкомъ смыслѣ, въ оригинальномъ поэтическомъ созерцаніи русской природы, народнаго быта и народныхъ характеровъ. Кромѣ этого выдающагося личнаго элемента, придающаго особенную оригинальность поэзіи Кольцова, въ ней отражаются еще различныя вліянія: прежде всего широкое и разнообразное вліяніе русскаго народнаго слова, начиная съ присказокъ до разнообразныхъ пѣсенъ и преданій, затѣмъ отражаются и литературныя вліянія.

Остановимся сначала на личномъ элементѣ въ поэзіи Кольцова. Его поэзія характеризуется, между прочимъ, сильнымъ выраженіемъ страсти подъ вліяніемъ чувства любви. Эта страсть даетъ необыкновенный подъемъ духа и силъ удалаго молодца, открываетъ для него прелесть природы. Мало того, съ этимъ чувствомъ и „вьюги зимнія, вьюги шумныя, ночи темныя, ночи бурныя“ уносятъ въ край заколдованный. А безъ любви и среди дня безъ огня ходитъ

солнышко. Поэтъ часто обращается къ представленію разлуки съ милой. Такую тяжелую разлуку Кольцовъ испыталъ еще на зарѣ туманной юности. Это была первая любовь его къ красавицѣ, крѣпостной дѣвушкѣ, Дуняшѣ, которую въ отсутствіи поэта, отецъ его продалъ въ одинъ изъ далекихъ донскихъ хуторовъ. Эта первая любовь поэта была настолько глубока, что, когда, послѣ тщетныхъ поисковъ за своей милой, онъ не нашелъ ее, то слегъ въ постель, въ горячку. Невозвратная потеря была первымъ толчкомъ къ развитію поэзіи Кольцова. Теперь, послѣ подражательныхъ опытовъ, онъ перешелъ къ самостоятельному творчеству, къ пѣснѣ, служащей по преимуществу выраженіемъ дѣйствительно пережитаго и переживаемаго чувства. Горе разлуки возвысило это чувство до идеала, и образъ русской дѣвушки принялъ нѣжныя и тонкія очертанія въ поэзіи Кольцова. Онъ захватываетъ ея самыя глубокія чувства въ пору первой любви, чуднаго очарованья, любви—тоски, и также прочувствованно относится къ безутѣшному горю покинутой или разлученной дѣвушки, къ тяжелому положенію замужней женщины, выданной неволею. Горькое чувство утраченной юношеской любви въ первыхъ пѣсняхъ Кольцова выражается преимущественно въ тяжелыхъ думахъ о смерти милой. Тѣже представленія онъ влагаетъ въ душу и разлученной дѣвушки. Позднѣе поэтъ обращается къ представленіямъ о томъ невозвратномъ времени первой любви, когда съ гордостью онъ смотрѣлъ въ туманную даль волшебную, а мечтамъ его конца не было. Другая женщина и изъ другаго класса общества выступаетъ въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ стихотвореній Кольцова, которую онъ призывалъ звѣздою свѣтлой озарить трудный путь его судьбы. Но женщину эту покинутый поэтъ призывалъ къ новой жизни, къ спасенью изъ бездны низкаго паденья, отъ страшной бездны порока. Очень вѣроятно, что эта несчастная любовь Кольцова, загубившая его здоровье, была не однимъ только печальнымъ заблужденіемъ поэта. Можетъ быть, въ ней были и отклики тѣхъ настроеній, которыя выражались въ литературѣ 40-хъ годовъ, особенно во французской литературѣ, и приводили нѣкоторыхъ даже образованныхъ русскихъ людей къ необдуманнымъ и тяжелымъ отношеніямъ въ области чувства любви во имя спасенія погибающихъ жертвъ. Кромѣ двухъ отмѣченныхъ въ поэзія Кольцова отношеній къ любимымъ женщинамъ, мы не встрѣчаемъ выраженія другихъ отношеній.

Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что, не смотря на страстный темпераментъ, Кольцовъ былъ одаренъ зоркимъ практическимъ взглядомъ на жизнь и людей и могъ перенести въ свои завѣтныя поэтическія думы только образы первой—свѣтлой и вмѣстѣ горестной любви и послѣдней, омрачившей его жизнь.

Кромѣ горя-тоски отъ любви жизнь и въ другихъ отношеніяхъ приносила Кольцову горе. Мы уже знаемъ изъ предыдущаго очерка основанія этого горя въ личной судьбѣ Кольцова. Въ своихъ письмахъ въ разное время онъ объясняетъ и самъ, почему онъ подлилъ въ извѣстное время своей жизни много горечи въ свои стихотворенія. Но какъ въ образахъ любящихъ Кольцовъ рисуетъ почти исключительно народныя типы, такъ и въ образахъ людей, постигнутыхъ горемъ. Всѣ эти бѣдные и богатые, сильные и слабые, несчастные вслѣдствіе прожитого счастья, скитанья по чужимъ людямъ, вслѣдствіе отсутствія крѣпкой воли или невозможности выйти на настоящую дорогу—все это или вполнѣ ясно очерченные народные типы, или такіе общіе образы, которые коренятся все-таки въ народномъ быту. Очевидно, поэтъ свое личное горе, свои думы о жизни, о различныхъ человѣческихъ отношеніяхъ легче всего представлялъ себѣ въ отношеніяхъ народной жизни. Образы эти, впрочемъ, такъ же общи, какъ обща народная жизнь, съ ея старинными пѣснями, роднящими въ общихъ чувствахъ и мысляхъ одно народное поколѣніе съ другимъ. Нельзя, однако, и въ выраженіи горя-тоски у Кольцова, какъ и въ выраженіи любви, не отмѣтить страсти, „мучитъ душу мука смертная, вонъ изъ тѣла душа просится; аль ни потъ съ лица посыплется, аль ни въ грудь душа застукаетъ; загрустила запечалилась моя буйная головушка, ясны очи соколиныя не хотятъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ". Мы уже говорили о выходахъ изъ горя у Кольцова: или къ примиренію съ жизнью или къ страстному порыву; то и другое опять-таки преимущественно представляется въ очеркахъ народной жизни. Это стремленіе выразить свои чувства, страсти и думы въ формахъ окружающей поэта народной жизни было въ немъ ничуть не преднамѣреннымъ. Оно вытекало непосредственно изъ условій его жизни, изъ постояннаго созерцанія природы, народнаго быта и народныхъ характеровъ.

Въ поэзіи Кольцова мы находимъ отраженіе природы широкаго и разнообразнаго пространства Россіи, изъѣзженнаго поэтомъ во время

его прасольскихъ занятій и поѣздокъ въ столицы: отъ Чернаго моря и предгорій Кавказа до Москвы и Петербурга, отъ береговъ Нижняго Поволжья до Юго-западнаго края. Какъ въ пѣснѣ: время поэта катилось по полямъ и лугамъ, по селамъ, городамъ; но особенно онъ любилъ останавливаться на степи. Въ раннихъ своихъ стихотвореніяхъ Кольцовъ и себя называетъ „дикаремъ—степнякою". Въ вѣкъ юности онъ жилъ въ степяхъ съ коровами. Въ глуши степей, отъ селъ далеко, онъ съ любовью созерцалъ и степныя травы: ковыль и перекати-поле и цвѣты въ травѣ особенно весной, когда степь зеленая съ цвѣтами и съ птичками пѣвуньями полна дыханьемъ чаръ, и осенью, когда особенно пріятно было обогрѣться на ночлегѣ у огней чумаковъ, слушать ихъ пѣсни, ѣсть кашу степняка, приходилось бывать Кольцову въ степи и зимой, когда мятель закрывала путь снѣгомъ, когда разыгрывались на степи вьюги зимнія—крещенскія. Не смотря на однообразіе степей Кольцовъ сильно любилъ ихъ, особенно въ весеннюю пору. Въ невошедшемъ въ изданіе Бѣлинскаго и послѣдующія концѣ стихотворенія „Ночлегъ чумаковъ" находятся драгоцѣнныя подробности для характеристики Кольцова, какъ поэта:

Живалъ въ большихъ я городахъ,
Бывалъ на вашихъ хуторахъ
И замѣчалъ, гдѣ какъ живутъ,
Что горемъ, что добромъ зовутъ,
Съ какою цѣлью вѣкъ трудятся,
Къ чему и тѣ, и тѣ... стремятся
Узналъ, вздохнулъ... и для меня
Пріятно въ дождикъ обсушиться
У васъ подъ буркой близъ огня
Подъ возомъ отъ грозы укрыться,
Пріятно кашу есть сухую,
Украйны слушать рѣчь простую,
Безпечно время проводить...
Въ степяхъ я городъ забываю,
Душой и сердцемъ отдыхаю.

Вѣроятно не безъ вліянія пѣсенъ чумаковъ Кольцовъ задумался въ степи:

Чья это могила тиха, одинока?..
Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву
Мимо той могилы
Сухую былинку

Перехати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ, не прободитъ
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы.

Изъ степи-же Кольцовъ вынесъ одно изъ любимыхъ своихъ сравненій: сохну, вяну я, что трава въ степи передъ осенью или какъ трава подкошоная. Я предполагаю хорошо извѣстнымъ всѣмъ моимъ благосклоннымъ слушателямъ „Косаря“ Кольцова. Если кто припомнитъ еще при этомъ навѣянное же степью стихотвореніе „Пора любви“, тотъ согласится, конечно, со мной, что трудно найти въ русской литературѣ другого такого пѣвца родныхъ степей. Указывать на выдающіяся мѣста у Кольцова въ этомъ отношеніи, значило бы выписывать цѣликомъ эти чудныя пѣсни. Кромѣ степей, Кольцовъ любитъ останавливаться на лѣсахъ и поляхъ. Опять-таки я предполагаю всѣмъ извѣстнымъ стихотвореніе Кольцова „Лѣсъ“, посвященное памяти Пушкина; но есть другое стихотвореніе Кольцова, подъ тѣмъ же названіемъ, въ которомъ онъ, подобно Тургеневу въ Запискахъ Охотника, останавливается на дикой красѣ лѣса, съ вопросомъ о тайнѣ, сокрытой въ немъ. Эта тайна навѣваетъ мысль о смерти. Въ лѣсу же являются у Кольцова и лѣшіе и русалки въ поэтической картинкѣ Домикъ лѣсника; но чаще Кольцовъ соединяетъ съ лѣсами темными дремучими — удальцовъ разбойниковъ. Однако поля, какъ и степи, больше привлекали поэтическія думы Кольцова, чѣмъ лѣса. Одной изъ выдающихся особенностей поэтическаго таланта Кольцова является оживленіе природы человѣческой жизнью. Въ глухихъ широкихъ степяхъ поэтъ отыскиваетъ чумаковъ, косарей и чудную дѣвушку. На поляхъ, среди зеленыхъ садовъ, среди пашенъ и высокой ржи, по которой вѣтерокъ плыветъ-лоснится, золотой волной разбѣгается, на гумнахъ,—поэтъ вездѣ отыскиваетъ сельскихъ людей, то пахарей, то молодую жницу; онъ любитъ мирныя думы сельскихъ людей, ихъ тяжелые труды, ихъ отдыхъ и пирушки. Какъ въ природѣ поэтъ видитъ то ясную погоду съ тишиной, то тучи съ страшной грозой, такъ и въ народныхъ характерахъ онъ созерцаетъ то мирныхъ тружениковъ иногда съ грустнымъ выносливымъ чувствомъ, то удалыхъ молодцевъ, которые, подъ вліяніемъ роковой страсти. мстятъ страшно и безповоротно. Кольцовъ и въ жизни хорошо зналъ и понималъ такихъ молодцевъ.

Разсказываютъ, что въ степи раздраженный работникъ собирался убить поэта; но послѣдній лаской и угощеніемъ съумѣлъ отвести отъ себя руку убійцы. Впрочемъ, удальцы Кольцова чаще становятся несчастными отъ злой судьбы, а страсть ихъ выражается въ порывѣ и въ сознаніи иногда полной недостижимости задушевныхъ желаній. Итакъ, личный элементъ въ поэзіи Кольцова соединялся съ образами, воззрѣніями и вообще жизнью въ широкомъ смыслѣ русскаго народа, преимущественно крестьянства.

Но для Кольцова была уже готова и почва для воспроизведенія этого народнаго міра. Эта почва—поэзія русскаго народнаго слова въ самомъ широкомъ смыслѣ. Много силъ, много поколѣній потрудились надъ развитіемъ этой поэзіи, отражающейся въ мѣткомъ, образномъ словѣ, въ присказкѣ, въ пѣснѣ, въ сказаніи. Кольцовъ съ дѣтства сжился съ этой поэзіей народнаго слова: онъ то и дѣло употребляетъ пословицы, поговорки, и рѣчь его даже въ письмахъ отличается образностью. А между тѣмъ проза ему не давалась. Быть можетъ, это происходило столько же отъ недостатковъ его самообразованія, сколько и отъ привычки выражаться живописнымъ, картиннымъ языкомъ поэтическаго русскаго слова. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте этимъ языкомъ составить хотя бы описаніе мѣстности; описаніе выйдетъ только поэтическое: вмѣсто опредѣленныхъ логическихъ сторонъ предмета явятся глубокія, задушевныя отношенія къ предметамъ, составленныя избранными натурами изъ народа, понравившіяся всѣмъ и вошедшія такимъ образомъ въ обиходъ русскаго языка. Было бы долго и утомительно перечислять всѣ мелкія и крупныя отношенія Кольцовскихъ пѣсенъ къ русскимъ народнымъ пѣснямъ. Одно можно замѣтить, что въ народныхъ пѣсняхъ мы найдемъ только отдѣльныя мѣста, выраженія и пріемы; но не найдемъ тождественныхъ пѣсенъ съ Кольцовскими. Интереснѣе отмѣтить различіе между Кольцовскими русскими народными пѣснями. У Кольцова мы не находимъ пѣсенъ, связанныхъ съ играми, хотя бы напр. хороводными, не находимъ пѣсенъ свадебныхъ. Въ пѣсняхъ Кольцова нѣтъ припѣвокъ, которыми такъ богаты, напр., пѣсни Беранже, въ соотвѣтствіи съ французскими народными пѣснями. Какъ видно, Кольцовъ и не думалъ, что его пѣсни станутъ распѣвать и въ художественно-музыкальномъ пѣніи и въ складѣ народной пѣсни. У Кольцова нѣтъ пѣсенъ юмористическихъ, которыя у народа перехо-

дятъ нерѣдко или въ грубую каррикатуру, или въ цинизмъ. Наконецъ, въ народныхъ пѣсняхъ, не смотря на ихъ цѣлостность въ описательныхъ эпическихъ мотивахъ, не встрѣчается такихъ стихотвореній, какъ Кольцовскій Хуторокъ или его же Ночь. Нѣтъ и такихъ думъ, какъ Кольцова.

Всѣми этими новыми элементами пѣсни Кольцовъ былъ обязанъ столько же своему поэтическому таланту, сколько и своимъ предшественникамъ и талантамъ первокласснымъ, которыхъ онъ усваивалъ пріемы. Въ этомъ отношеніи Кольцовскія пѣсни являются вполнѣ литературными произведеніями, и въ исторіи русской литературы имѣютъ свое прошлое и оказываютъ дальнѣйшее вліяніе на развитіе русскаго литературнаго слова и на развитіе художественной поэзіи. Дѣйствительно, можно согласиться съ тѣми воззрѣніями на Кольцова, по которымъ онъ не только русскій народный поэтъ; но и поэтъ—художникъ. Послѣднее лучше всего уясняется въ постепенномъ развитіи поэтическаго таланта Кольцова и въ литературныхъ вліяніяхъ, которыя имѣли значеніе въ этомъ развитіи.

Первоначальныя произведенія Кольцова и нѣкоторыя послѣдующія представляютъ подражанія, въ особенности двумъ выдающимся русскимъ поэтамъ: Жуковскому и Пушкину. Но вліяніе послѣдняго сказывается глубже вообще во всей поэзіи Кольцова. Самъ Кольцовъ одно изъ своихъ стихотвореній подъ названіемъ „Соловей" назвалъ подражаніемъ Пушкину. Замѣчательно, что лучшія Кольцовскія подражанія Пушкину (какъ въ названномъ стихотвореніи, въ Видѣніи Наяды и друг.) относятся къ 1830—1831 годамъ, когда нашъ поэтъ впервые выступаетъ и съ пѣснями: Кольцо, Пѣсня Пахаря. Такъ, овладѣвши стихомъ и языкомъ Пушкина, Кольцовъ нашелъ и самостоятельный путь. Еще критикъ Майковъ въ 40-хъ годахъ сравнивалъ Кольцовскихъ женщинъ съ „Татьяной" Пушкина и находилъ полную аналогію въ характерѣ страсти и любви у этихъ женщинъ. И характеромъ пѣсни, какой мы отмѣтили у Кольцова, въ отличіе отъ пѣсни народной, нашъ поэтъ обязанъ предшествующимъ дѣятелямъ въ области русской литературы.

Пѣсня, какъ особый видъ русской искусственной поэзіи, явилась еще въ XVIII в. Но сначала это была пѣсня, представлявшая только подражаніе французской ложно-классической пѣсенкѣ, а народный бытъ появлялся въ этой поэзіи, въ идилліяхъ и буколикахъ.

Во второй половинѣ XVIII в. появилась въ русской литературѣ и народная пѣсня, правда, значительно подправленная и изукрашенная не только въ пѣсенникахъ, но и комическихъ операхъ. Однако въ XVIII в. и даже въ началѣ XIX въ русской литературѣ отличали и пѣсни нѣжныя, свѣтскія отъ простонародныхъ. Эти нѣжныя пѣсни явились подъ вліяніемъ сентиментальнаго направленія. И тѣ и другіе не имѣли ничего общаго съ русской народной пѣснью; но распѣвались образованнымъ обществомъ вмѣстѣ съ романсами. Нелединскій-Мелецкій, Мерзляковъ, Дельвигъ и Цыгановъ сблизили искусственную пѣсню съ русской народной пѣснью; но такъ, что перевѣсъ остался на сторонѣ искусственной пѣсни. Въ этихъ пѣсняхъ большею частію мы встрѣчаемъ заимствованія изъ народныхъ пѣсенъ то отдѣльныхъ стиховъ, то сравненій; у Цыганова встрѣчаются даже народныя пѣсни, переправленныя въ языкѣ и въ тонѣ. Дельвигъ имѣлъ особенное вліяніе на Кольцова, но не только пѣснями, а вообще всей своей поэзіей. Иногда у Дельвига можно найти искусственные мотивы, которые переродились у Кольцова въ народные. Вотъ, напримѣръ, слѣдующій; „Хата“ Дельвига:

Мѣсяцъ свѣти—не свѣти, а дорогу навѣрно любовникъ
Къ робкой подругѣ найдетъ
Скрой меня, бурная ночь! заметай слѣды моя вьюга,
Вѣтеръ холодный бушуй вкругъ хаты Лизеты прекрасной.

У Кольцова:

Мѣсяцъ будь, иль не будь—
Ковь дорогу найдетъ;
Самъ лукавый въ потьмахъ
Съ ней его не собьетъ,
И до ночи мятель
Снѣгомъ путь весь закрой,
Безъ дороги, чутьемъ,
Сыщетъ домикъ онъ твой...

Кольцовъ, какъ и всякій талантливый писатель, бралъ свои нѣкоторые сюжеты изъ сочиненій предшественниковъ и современниковъ. Какъ часто при этомъ замѣчается, сильный талантъ беретъ чаще эти сюжеты изъ сочиненій слабыхъ писателей, чтобы представить ихъ въ лучшей формѣ, въ полномъ развитіи. И въ поэзіи Кольцова можно найти нѣкоторое отношеніе къ стихотвореніямъ русскихъ поэтовъ самоучекъ. Изъ этихъ стихотвореній въ русской литературѣ 1830 и 31 г. пользовались особенной извѣстностью сельская поэма

Слѣпушкина подъ названіемъ „Четыре времени года русскаго поселянина". Поэма была написана, по совѣту и указаніямъ ученыхъ друзей Слѣпушкина, въ родѣ четырехъ временъ года Томсона, Попе и друг., но содержаніе ея заключается въ изображеніи трудовъ и удовольствій русскихъ поселянъ. Эта сельская поэзія Слѣпушкина, при всѣхъ ея недостаткахъ, могла имѣть нѣкоторое значеніе въ выборѣ Кольцовымъ сюжетовъ Урожая, Косаря и особенно Крестьянской пирушки.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ поэмы Слѣпушкина въ соотвѣтствіи съ Крестьянской пирушкой Кольцова:

Гостей старинушка ведетъ,
За столъ дубовый ихъ сажаетъ,
Друзей по лавкамъ, на скамьѣ,
И всѣмъ честитъ ихъ, угощаетъ.
И сынъ привѣтливъ молодой,
Ихъ проситъ пивомъ жатвы новой;
Вотъ старики заговорили:
Кто сколько хлѣба съ поля снялъ?
И много ль сѣна накосили?

Точно также и въ описаніи весенней грозы, послѣ которой:

Испили класы золотые,
Озимой потучнѣлъ загонъ,
И всѣ посѣвы яровые
Отъ влаги зрѣютъ и растутъ
И земледѣльцы счастья ждутъ,—

можно видѣть слабый намёкъ на „Урожай". Эти стихотворенія Слѣпушкина, въ которыхъ на каждомъ шагу проглядываетъ сладенькая идиллія, съ поддѣлкой не столько подъ народный языкъ и воззрѣнія, сколько съ поддѣлкой подъ складъ художественныхъ идиллій Гнѣдича, Дельвига, и др., были расхвалены въ 1830 г. въ Литературной Газетѣ Дельвига, за „правду описаній, которыя знакомы пѣвцу-поселянину не по слуху". Дельвигъ ставитъ за это Слѣпушкина выше многихъ второстепенныхъ русскихъ стихотворцевъ, подражателей Пушкина и Баратынскаго. Но съ кѣмъ бы онъ долженъ былъ сопоставить Кольцова, еслибы могъ сравнить его описанія съ соотвѣтствующими описаніями Слѣпушкина.

Какъ ни ставятъ высоко поэзію Кольцова; но обыкновенно разсматриваютъ ее внѣ вліянія европейской иностранной литературы. Мы уже говорили однако, что Кольцовъ могъ имѣть нѣкоторыя свѣ-

дѣнія по журнальнымъ статьямъ 1829 и 37 годовъ о личности и пѣсняхъ знаменитаго англійскаго народнаго поэта Роберта Борнса. Можно бы найти нѣсколько общихъ мотивовъ у Кольцова какъ съ Борнсомъ, такъ и съ другимъ народнымъ поэтомъ Беранже, хотя бы напр. въ изображеніи бѣдняка, въ отношеніи къ земледѣльческому труду, къ произрастанію хлѣба, къ цвѣтамъ, къ животнымъ, и проч. Сюда бы можно присоединить и нѣмецкаго поэта Гебеля. Если пѣсни Беранже, которыя долго были неизвѣстны въ русской литературѣ, могутъ быть только сопоставляемы съ пѣснями Кольцова, то пѣсни Борнса и стихотворенія Гебеля могли быть и извѣстны Кольцову по переводамъ Козлова и Жуковскаго.

Говорятъ, что Кольцовъ стоитъ одиноко въ русской литературѣ и сравниваютъ его въ этомъ отношеніи съ Крыловымъ. Но это не совсѣмъ справедливо. Вліяніе поэзіи Кольцова живо чувствуется у Некрасова, у Никитина и отражается вообще въ русской литературѣ съ сороковыхъ годовъ. Но, дѣйствительно, и до сихъ поръ поэзія Кольцова сохраняетъ свою особенную прелесть и къ ней приложимо собственное же опредѣленіе поэта:

У тебя-ль была...
Рѣчь высокая,
Сила гордая...
Заливная пѣснь
Соловьиная...

П. Владиміровъ.

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ
КОЗАЦКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ
(1494—1668 гг.).

Сообщилъ И. М. Каманинъ.

Въ исторической литературѣ установились два противоположные взгляда на козачество: одни видятъ въ немъ только борющихся за идею героевъ, рыцарскій орденъ, полувоенное, полумонашеское братство, доводятъ, однимъ словомъ, идеализацію его до послѣднихъ предѣловъ; другіе, наоборотъ, съ неменьшей настойчивостью, считаютъ козачество гнѣздомъ разбойниковъ, ищущихъ легкой наживы, избѣгающихъ власти и всякаго порядка, производящихъ смуту внутри и внѣ государства и наводящихъ враговъ на свое отечество; каждая изъ сторонъ, опираясь на одни и тѣже источники, толкуетъ ихъ сообразно своимъ политическимъ, національнымъ и религіознымъ симпатіямъ; получаются два крайнія мнѣнія, между которыми трудно отыскать истину; намъ кажется, поэтому, что ни то ни другое изъ нихъ не можетъ быть вполнѣ принято въ наукѣ. Крайніе взгляды примиряются и факты получаютъ болѣе близкое къ истинѣ значеніе и смыслъ, когда мы начинаемъ смотрѣть на козачество, какъ на исконное землевладѣльческое и земледѣльческое туземное южно-русское населеніе, сознающее свою національную особность и преданное своей вѣрѣ, которое, признавъ сначала добровольно власть татаръ, а потомъ, перейдя подъ владычество Литвы и сливъ послѣднюю съ собою, при вторженіи въ его жизнь чуждыхъ шляхетско-католическихъ началъ, стало стремиться къ обособленію, къ выработкѣ собственныхъ формъ; но, вслѣдствіе отсутствія сильной центральной власти въ немъ, вслѣдствіе соединеннаго польско-турецкаго давленія извнѣ, вслѣдствіе постоянныхъ смутъ и броженія неустановившихся элементовъ внутри, оно вынуждено было разрываться лишь въ многосторонней обезсиливавшей его борьбѣ, которая и составляетъ отличительную черту козацкой исторіи. Однако, хотя борьба и выдвигала героевъ, жизнь всей массы населенія шла всетаки по обычнымъ историческимъ законамъ; лѣтописи и акты, какіе до сихъ поръ были выбираемы и издаваемы историками, достаточно разъясняютъ лишь политическія событія да военно-административный строй козачества, но слишкомъ мало даютъ для характеристики экономическихъ отношеній въ немъ, служащихъ главной основой общественной жизни; для одной изъ сторонъ этой именно основы, въ частности для исторіи разви-

тія землевладѣнія среди козачества, мы предлагаемъ теперь тѣ немногіе документы, которые намъ удалось собрать, въ надеждѣ, что болѣе счастливые розыскатели дадутъ и большее число ихъ, а это уже позволитъ установить современемъ фактъ прочнѣе, опредѣлить его послѣдовательный ростъ, размѣръ, характеръ и вліяніе и понять правильнѣе тѣ явленія въ козацкой исторіи, посильное объясненіе которыхъ мы пытаемся представить здѣсь, съ грустью сознавая во многихъ случаяхъ недостаточность и неполноту нашихъ данныхъ.

И. Каманинъ.

I.

Акты, касающіеся спорнаго между Кіево-Печерскимъ монастыремъ и козаками хутора Бузукова, „въ Черкасѣхъ“,—1494—1651 г.

1) Духовное завѣщаніе п. Ивана Лисиченка Кіево-Печерскому монастырю на своего наслѣдственнаго крестьянина Θеодора въ с. Ремизовичахъ (Овруч. пов.), съ земельными его владѣніями и денежными платежами, а также на селище Бузуково, „въ Черкасѣхъ“, со всѣми доходами,—5 января 1494—1509 гг.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Се я, раб Божій, Иван Лисиченко, записываю по своей души у вечистый сорокоустъ на Пречистой домъ человѣка своего отчизного, на имя Θедора у Ремезовичах, з дани и землями, и селищи, и сеножатми, и с ынщими доходы, што к тому прислухало; а тотъ человѣкъ дани даетъ пят ведерецъ меду кіевской меры да сорокъ грошей; а в Черкасехъ селище мое Бузуково и з землями, и сеножатми, и с пасеками, и с ынщими доходы, што к тому прислухало, на Пречистой домъ. А при томъ былъ пан Сенко Полозовичь, староста врудскій; а отецъ мой духовный панъ Еремей, настоятель святого Николы; а панъ Яцко Мизиновичъ; а панъ Счасный Полозович; а панъ Немира Гризскѣвич; а панъ Давидъ Ходкевичь. А про лишшую справедливость просили и билі есмо чоломъ пану Сенку Полозовичю, старостѣ врудцкому, а отцу нашему духовному Еремѣю, абы ихъ милость печати свои приложили к сему нашему листу.

Писан в Овручомъ, генваря 5-го дня, индикта 12-го.

Уподлинной крепости печатей двѣ.

Рукопись Церковно-археолог. музея при Кіев. дух. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. I, стр. 197) она означена подъ № 217, л. 313.

---

2) Запись п. Анны Лисиченковой объ исполненіи и подтвержденіи ею завѣщанія своего мужа, отписавшаго на Кіево-Печерскій монастырь крестьянина Θеодора въ с. Ремизовичахъ (Овруч. пов.) и селище Бузуково, „въ Черкасѣхъ“,—5 сентября 1494—1509 гг.

Я, Болгаковая Лисичинковая, Анна, вызнаваю симъ моимъ листомъ тое, штожъ панъ небощикъ, панъ Булгакъ, отходячи сего свѣта, отписалъ въ духовницы своей на Пресвятую Богоматерь Печерскую человѣка своего отчизного, на имя Θедора у Ремезовичах, зъ данми и землями, и селищи, и сеножатми, и съ ыншими доходы, што къ тому прислушало; а тотъ человѣкъ дани даетъ пять ведръ меду кіевской мѣры да сорокъ грошей; въ Черкасехъ селище Бузуково и зъ землями, и сеножатми, и пасеками, и зъ ыншими доходы, што къ тому преслушало, на Пресветой домъ; що я тое после пана своего небощика сполнила и, особливо листъ списавши, ведлугъ духовницы пана своего, оддала есми Пресвятой Богоматери; а духовницы есмы по себѣ не дала для иншихъ речей; а на твердость того и печать есмы приложила къ сему моему листу.

Писанъ въ Овручомъ, семтеврія 5-го дня, индикта 12.

У сей крепости печать одна.

Рукопись Церковно археологич. музея при Кіев. дух. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. I, стр. 197) она означена подъ № 217, л 313 об.

---

3) Грамота короля Сигизмунда I, съ приказомъ черкасскому и каневскому старостѣ Евстафію Дашкевичу не требовать никакихъ платежей и повинностей съ имущества и крестьянъ Кіево-Печерскаго монастыря, живущихъ на селищѣ Бузуковѣ,—29 апрѣля 1529 года.

Жигимонтъ, Божіею милостю король полскій, великій князь литовскій, рускій, прускій, жмодцкій и иныхъ,—старостѣ черкаскому и каневскому пану Остаθію Дашковичю: присылалъ къ намъ архимандритъ монастыря Печерского Пречестной Богоматере съ Кіева Антоній, жалуючи о томъ, што жъ дей которые люди монастыря

Печерского святой Пречистой Матери[1]). . . . . . тамъ у Черкасехъ и въ Каневе, а къ тому пасеки и озера, и бобровые гоны, и ты дей отъ колко годовъ съ тыхъ людей архимандричихъ дан и інные всякіе доходы кажешъ на себе брати и озера волочити, и бобровые гоны велишъ гонити, и съ пасекъ его на себе платъ берешъ; и коли дей арх^имандритъ пошлетъ тамъ слугъ своихъ съ тыхъ людей доходовъ выбирати,—и ты дей велишъ тыхъ слугъ его бити и въ (вязене?) ихъ сажаешъ, и инные дей кривды и утиски тому монастырю отъ тебе ся дѣютъ. Прото, кгдыжъ здавна тые люди и пасеки, и озера, и бобровые гоны (суть) того монастыря Печерского, приказуемъ тобѣ, абы еси въ тые люди его нечим ся не уступовалъ, и съ нихъ дани на себе не бралъ, и озеро его волочити и бобровыхъ гонъ гонити не казалъ, и съ пасекъ плату не бралъ, и иныхъ кривдъ и утисковъ тому монастырю Печерскому ни въ чемъ еси не дѣлалъ и далъ ему въ томъ во всемъ покой; а которое бы тобѣ было до него дѣло, и ты бы въ томъ съ нимъ правом ся обходилъ конечне.

Писанъ въ Вилне, подъ лѣто Божого нароженья 1529, мѣсяца апреля 29 дня, индикту 2.

У подлинной крѣпости печать одна.

Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіевск. дух. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. I, стр. 197) она означена подъ № 217, л. 314.

Примѣч. Настоящій актъ имѣетъ слѣдующій заголовокъ: „*Копия привелею королевского на Бузуково*“.

---

4) Универсалъ запорожскаго гетмана Григорія Савича Чорнаго, съ запрещеніемъ козакамъ нарушать права Кіево-Печерскаго монастыря на владѣніе въ Черкасскомъ староствѣ землей и лѣсомъ,—28 февраля 1630 г.

Мы, Григорей Савичъ Чорный, гетман, полковницы, сотники, атаманы войска его королевской милости Запорожского, подъчасъ конклюзій коммисіи зѣхавшися до Кіева—всемъ въобецъ и каждому з особна паном товарыщом нашим войска его королевской милости Запорожского, которые суть в приповеди до службы его королевской милости и Речи-посполитое захованы, обывателемъ черкасскимъ,

---

[1]) Здѣсь, очевидно, переписчикомъ прошлаго вѣка пропущено или неразобрано нѣсколько словъ подлинника.

доброго здоровія!—Вы, от Господа Бога повеншовавши, вѣдомо чинимъ: перекладал пред нами нерешкоду ясне в Бозѣ превелебный отец его милость пан Петръ Могила, воеводичь земел Молдавских, милостію Божию архимандритъ, со всею еже о Христе братіею святое великое чюдотворное Печерское Кіевское Лавры, же вы в пасецѣ манастѣря Печерского, которая лежит к грунтамъ в старостве Черкасскомъ, за привилеемъ его королевской милости пана нашего милостиваго, великіе перешкоды чините: без вѣдомости его милости і того там брата (который на тот час тамъ кгрунтом и пасекою заведовати будетъ), в кгрунты вдершисе, лѣсъ пустошите и брата, которыи высланый бываетъ, зневажаетѣ, што се дѣетъ противко воли самого Бога и самого нашего сумленія, же, мѣсто помноженья церкви Божей, сами оную ущербляемъ. Прето повагою коммисіі сее, владзою гетманства моего и всего войска срокго росказуемъ, абысте кождый из вас в кгрунтъ помененого монастыря Печерского вступу жадного не мелъ и в лис без воли и листу его милости отца архимандрита и ногою не вступовалъ; а естлибы который из васъ противным и упорным против сего листовного заказу нашего знайдовалсе, таковый кождый судового караня от всего войска не увойдетъ, иначей не чинечи конечнѣ, што, такъ ствердивши, при печати войсковой писарю войсковому подписатисе казалисмо.

Дѣялосе в Кіевѣ, февраля 28-го дня, 1630-го року.

Константы Волкъ, писар войсковый.

У сего листа печат одна.

Рукопись Церковно археологич. музея при Кіев дух. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. I, стр. 197) она означена подъ № 217, л. 316.

---

5) Универсалъ запорожскаго гетмана Богдана Хмельницкаго, съ запрещеніемъ козакамъ нарушать право Кіево-Печерскаго монастыря на владѣніе при хуторѣ Бузуковѣ землями и лѣсомъ,—5 декабря 1651 г.

Богдан Хмелницкій з войскомъ его королевской милости Запорожским—ознаймуемъ симъ писаніем нашим атаманови харковскому, также и ловатинскому, и всим обывателемъ: дошла до нас скар-

га и вѣдомость, ижъ вы в пасецѣ монастыря Печерского и кгрунтах ѳутора их Бузукова, тамъ поблизу васъ будучихъ, черццомъ великую кривду и перешкоду чините, что мы, видаючи уневерсали, от килка десятъ лѣтъ и прошлых гетманов войска нашего Запорожскаго на тот грунтъ наданые, жебы вцале былъ захованый, расказуемъ вамъ под срокгимъ войсковым каранемъ, абысте жаднои в тых ихъ кгрунтахъ и пасеце и найменшой кривды чинити не важилися; а которые бы, мимо сей нашъ уневерсалъ, мели якую кривду учинить, мы вамъ, атаманомъ, росказуемъ без ѳолги карати сурово, бо перед тымъ товариство наше, на мори здобываючися, на домъ Божий надавали, а тепер вы добра церковные шарпаете; повторе под срокгостю войсковою росказуемъ, абы иначе не было; также и .....[1]) которые там ставятъ черццы на виживѣне свое, ежелибы мѣли псовать, теды неомылно кождый таковый за найменшою скаргою горломъ каран будетъ.

Дан з Чигирина; 5-го декабря, року 1651-го.

Богдан Хмелницкій, рука власная.

У сего неверсала печать одна.

Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіев. дух. академіи; въ „Описаніи рукописей" (вып. I, стр. 197) она означена подъ № 217, л. 318.

II.

Жалованная грамота короля Сигизмунда-Августа землянину, шляхетному козаку Емельяну Ивановичу, подъ условіемъ исполненія военной службы, на землю Сиверу по обоимъ сторонамъ р. Ворсклы,—4 октября 1571 г.

Жикгимонт-Август, etc.—Ознаймуем сим нашим листомъ всимъ посполите и кождому зъ особна, нинешънимъ и на потомъ будучимъ, кому будеть потреба того вѣдати: билъ намъ чоломъ шляхетъный Омельян Ивановичъ, землянин нашъ, и просилъ насъ абыхмо ласку нашу господарскую над нимъ показали а за службы его, которые он намъ зъ себе от немалого часу на той Украине показуеть, гдеж и на сес час взявевъ непріятельских татарина сам от

---

[1]) Замѣненное точками слово не разобрано.

себе и от всихъ товарышовъ своихъ, козаковъ низовых, намъ отдалъ,—землю входную Северу за Черкасы у двадцати миляхъ, то есть, почавши от Санчаровского перевозу на реце Ворскли шляху татарского, на низ тою рекою Ворсклом, къ устью речки Полузоры которая с поля, з Московское стороны, с правое руки приходить и въ Ворскло въпадываеть, а оттоль Ворсклом до речки Кустови, которая теж с поля от Орды зълева тамъ же впадаеть, и засъ Ворсклом аж до рубежа Степана Жарковича Артемъковых Песков, по обудву сторонах тое речки Ворскъла, зо всими кгрунты, пожитки ихъ и належностями, яко ся тая земля Север зъдавна в собе маеть, ему самому, жоне и дочкамъ его Гасьце и Черни; а еслибы он сыновъ еще мелъ, тогды, отдаливъши от тыхъ девокъ, тымъ сыномъ и потомкомъ их на вечность дали и тымъ пожаловали; за которым, же и вельможный Юрий Язловецкий з Бучача, воевода руский, гетман коруны нашое, староста любичевский, хмельницкий и чирвонокгродский, до нас в причине пасал, залецаючи намъ верные и годные службы его. А такъ мы, з ласки нашое господарское, на причину пана воеводы руского и бачачи тежъ на службы и чоломъ битье того слуги нашого Омеляна, то есмо учинили, а оную землю входную на имя Сиверу ему самому, жоне и девкам его Гасце и Черни, а еслибы онъ сыны мелъ, тогды, заховуючи преднейшое право по мечу, сыномъ его, также детемъ и потомком их, леяным правомъ мужского рожаю дали есмо и симъ листом нашимъ даемъ на вечность, а девки его пречечоные Гаска и Черня вжо до тое земли никоторого права мети не маютъ и от нее отпадають. Маеть Омелянъ Ивановичъ самъ, его жона, такъ же дети и потомъки его властные, тым правомъ и порядкомъ оную землю Сиверу по обудвух сторонахъ реки Ворсвла, яко ся вышей помянило, почавши от шляху Санчаровского на низ рекою Ворсклею аж до рубежа Жарковича Артемковых Песков, зо всими землями, кгрунты, з боры, з лесы, з деревом бортным, з реками, а меновите, з речками Полузорою и Кустовъю, з озеры, з ловы звериными, пташими, рыбными, з бобровыми гоны и зо всими доходы, пожитки и ихъ належностями, так долго и широко, яко ся тая земля Сивера сама в собе в границах, пожитках и обыходех своихъ здавна и на сесь час маеть, держати и уживати, прибавляти, розширяти и всякие пожитки собе тамъ розмножати. А вжо от сего часу врадники наши, старостове

черкаские, и нихто иный в том ему и потомком его никоторое перекази чинити и вступовати ся в то ничим не мають, одно же повиненъ будеть Омелянъ с тыми потомками своими нам, господарю, и потомком нашимъ, королем полским, с того службу нашу господарскую служити, на то дали есмо Омельяну Ивановичу сесь наш листъ, до которого на твердость и печать нашу привесити есмо велели.

Писан у Варшаве, дня четвертаго мѣсяца октября, лета Бож. нарож. 1571, панованя нашого року 42.

Подпис руки его кр. милости.

Кн. Записей коронныхъ № 1. л. 215, хранящаяся въ Москов. архивѣ министерства юстиціи.

Заглавіе этого документа таково: „Данина Омльяну Ивановичу на землю Сиверу за Черкаси".

Примѣч. Грамота эта 15 апрѣля 1574 г. была подтверждена въ Краковѣ королемъ Генрихомъ и записана въ книгу № 3, на оборотѣ 3-го листа, подъ заглавіемъ „Потвержение Омеляну *козаку* на землю Северу за Черкасы" (Текстъ грамоты начинается словами: „Билъ намъ чоломъ шляхетный Омельянъ Ивановичъ, земянинъ нашъ" и т, д., какъ и выше).

III.

Акты на землевладѣніе козаковъ Волевачей,—1600—1630 г.

1) Духовное завѣщаніе козака Тишка Волевача на земли, лѣса, поля и сѣнокосы, а также движимое имущество и долги въ пользу жены и сыновей, —8 августа 1600 года.

Во име Отца і Сына и Светаго Духа, Светія Живоначальнія и Нерозділѣнія Троіца, стается реч у вечной памети. Амень.

Я, рабъ Божій Тишъко Федоровичъ Волевачъ, обыватель и козакъ чигринский, будучи мнѣ отъ Господа Бога навежоному хоробою и лежачому на постели смертной, при конци живота моего, пишу сей мой тестаментъ за доброй намети и зуполного розуму моего и, будучи ни от кого намовенний и ни примушаний, тилько по доброй волѣ своей, напродъ полецаю душу мою грѣшную Господу Богу, а тело мое ко погребенію земному, отдаю се ув опеку

—аменъ—сину моему Антону; онъ меетъ по смерти моей тело мое похоронити и душу мою грѣшную поменути ведлугъ закону христіанского.

Напрод отписую двор свой властний, въ Чигрине будучий, в котором и живу, жонѣ моей Маріи из мизинимъ синомъ Іванцемъ и зо всѣмъ господарским подсудком; пасеку будучую на Чутцѣ, с пчелами и дванадесятма байрачкамя, с полем пахотнимъ и сенокосами, въевши зъ усте Чутки, отъ Ирклее ажъ до привороте леса Чути, где Германовские байраки в Чутку речъку потекли, и хуторъ, тамъ же будучий, з бидломъ и овцами; коней два табуне з двома жеребцами вороним и гнедим; грошей тисеча копъ; казановъ шесть—женѣ моей Маріи из синомъ Іванцемъ; пасека въ Мотренине, по-надъ Еничемъ лѣсъ съ подлесем, съ сеножатми и пахотним полемъ; зъ екой пасеки и Суботовка речка вийшла; пчелъ въ оной стодвадцет,—то синови моему Антону; а тотъ грунтъ купленъ небожчиком дедомъ моим Іаковомъ Волевачемъ, отъ Ивана Безмолъного, на який і запис имѣемъ; тому жъ синовѣ моему петьсотъ копъ грошей доброй монети; хутор на Березовце по поламъ з Андреемъ; Антону—рогатое бидло и овци пополамъ; коней по табуну и по жеребцу половому и рижому синамъ Антону и Андрею; Волевачевскіе байраки, якихъ меемъ восемъ, с полемъ по-надъ Цибулникомъ пахотнимъ и сеножатми, по обадва бока речки Цибулника лежачими, зъ нижшей головы, въ зідши от жбира, гдѣ могила, и от Грузкой балки, и от малого круглого озерце мало не до скель оніе сеножати и пахотное поле, въ техъ Волевачевскихъ байракахъ пасека с пчелами,—то все синови моему Андрею и петсотъ копъ грошей; і тіе Волевачевскіе предкомъ моимъ все сенокосніе и пахотніе заходи и байраки, за гроши здавна набитіе, поле пахотніе и сенокоси, яко-то у Калантаеве, такъ і на Чуте, синамъ моимъ Антону и Андрею; петдесятъ дежокъ меду—то тредцеть женѣ моей из синомъ малимъ, а по десет болшимъ: Антону и Андрею; янъчарекъ добрих под сребромъ по две, а по пет ручницъ кождему сину; одежою и сребними чарками ровне меют поделитсе; невесткамъ двом Вотце.... и Гапце по ярмаку хваленднщовом из злоцестими потреби и по едамашко... да по позлоцѣстом поесу, единой ис червоними, а другой из зелеными..... попамъ Свето-Спаскому и Пречискому да третему Петровскому (на поми)наніе по двадцети копъ грошей, да на церкви по сороку копъ.... на все три; а где женѣ своей

оказалъ гроши,—то при конце своем.... не воле меетъ по ровной части детемъ отказат, також на поминаніе за душе и на церкви роздать по волѣ своей; хъте теж мене.... (виненъ?),—меетъ жена себе виправит: первей, Кузма Кривец копъ сто грошей; Иванъ Солениkъ полтораста две копи; Якимъ Довгополий пет сотъ копъ виненъ грошей; Супрунъ виненъ, що Безнеску держит, сорокъ копъ грошей; Жукъ Белий виненъ тридцет пет копъ грошей, застава его—жепанъ аксамитний чирвоний; Пшеничча Керилова винна семнадцеть копъ грошей; Павелъ Снитка виненъ дванадцеть копъ грошей; Якимъ Чернишенко виненъ триднеть копъ грошей; Иванъ Момотъ виненъ сорокъ копъ грошей; Семенъ Турчинецъ петдесятъ копъ грошей; Харко Гущенко виненъ четыри десет золотыхъ; мещане винъни шесть десет копъ грошей,—брал Коваленко Юско да Бондаренко; Скрипчишины дочки винни десет копъ грошей; а большь того ни мъне ни я ничего никому не виненъ, тилко Господу Богу душею моею грешнею; а хтоби мел по смерти моее ув убогую маетност мою въ опекуновъ моихъ отбират, позиват и духовницу мою косовати, приводити тотъ се зо мною розсудити на ономъ свете, на страшномъ суде Христове, предъ Судіею нелицемернемъ.

При которомъ писанію и справованню сеей духовници моее были люди добріе вери годніе козаки и мещане чигринскіе, того добре сведомие: панъ Терешко Кременчукъ, Харко Гущинскій; а для лепшое вери и ствержения сеей духовной моей, за прозбою моею, панъ Михайло Лавриковичъ, атаманъ чигринскій, печать свою мескую чегринскую до сее духовнице моее приложил[1]), а писаръ руку свою подписалъ.

Писано въ Чегрине.

Року 1600-го, месеце августа 8 дне.

Михайло Щелипинский, писаръ чегринский, рукою вл.

Изъ отдѣльныхъ документовъ Кіев. централ. архива.

[1]) Печать не сохранилась; осталось лишь коричневаго цвѣта пятно отъ сургуча.

2) Запись о продажѣ козакомъ Максимомъ Михайловичемъ Плоскаго лѣса со всѣми землями, полями, сѣнокосами и проч. значному регестровому козаку Ивану Волевачу,—5 марта 1615 г.

Я, Максимъ Михайловичъ, козакъ и обиватель мѣста Чегерина, весполъ и з малжонкою своею, з Анною, а (дочкою?) бившого небожчика Якима Довгополого, козака и обивателя меского чегеринского, чинимо ведомо симъ листомъ квитованнимъ, от насъ даннимъ пану Івану Воліовачу, значному рейстровому козаку и обивателю мескому чегеринскому, на Плоскій лесъ, зо всѣми околичными приналежитностми, отъ вершини Цибулника речки, з речкою Говнянкою, до устья, где потекла в речьку Ингулецъ; таможъ и плеса рибніе по Ингульцу от устя Говнянки до устя речьки Макаровки, из сѣнокосами, ис степнимъ полем и пахатнимъ, и с поселеніемъ людей; до якого Плоского лѣса повинно бить дванадцят байраковъ, без малих байрачьковъ, дай речька Цибулникъ, якая вийшла спод Плоского леса, обѣ вершини зойшедшися повинни бить тож съ поселеніемъ людей и сѣнокосами по оба боки, с пахатним и степним полем до скель и далѣе; и той вижеписаній грунтъ зо всѣми угодіями продолемъ его милости пану Воліовачу, жоне и потомкамъ его у вечность за добру монету литовской личьби за тисечъ две копъ грошей без десети; я тежъ себе, жену и потомковъ моихъ и покровенниxъ, ближних и далних, вечьне оддаляю, а ему пану Воліовачу на пасечѣ яко у Плоскомъ лесе, такъ и въ инших байраках и байрачьках, и во всѣх тамо приналежитостяхъ, якъ хотя користоватсе, надъ поселеніемъ и людей надмовляти, (над ловлями?) рибними и зверними, над полем пахатним и степним, и сеножатми, и въ пасекахъ пчелу плодити и присади садити, яко то ко найлучшему пожитку своему догажати и розширати, и людей розмножувати, яко у своем власномъ; а хтеби мелъ ему, пану Волевачу, перешкоду чинити, будемъ обстоават; при сеей продажи и куплѣ били значніе реестровіе козаки и обивателѣ чегеринскіе панъ Якимъ Чернишенко, панъ Романъ Бешта и иннихъ било козаковъ товариства не мало. А для лучшой твердости и вери сего листу квитованного, отъ насъ ему данного, упросилисмо о приложення печати товариское чегеринское пана Хведора Кузминского,

чегиринского атамана, што его милость на прозбу учинил и печать товарискую чегеринскую приложити рачилъ.

Писанъ у Чегерине, тисеча шессотъ пятогонадесят году, месеци марта петого дня.

Михаило Щилипинскій, писарь чигиринскій, рукою вл. [м. п.]

Изъ отдѣльныхъ документовъ Кіев. центральн. архива.

---

3) Запись о продажѣ вдовой козачкой Ѳеодорой Андреевой пасѣки съ лѣсомъ по р. Макаровкѣ и сѣнокоса по р. Ингульцу обозному Запорожскаго войска Ивану Волевачу,—26 сентября 1630(?) г.

Я, Ѳеодора Яновна Андреевая, жителка чигринская, даю (писа)ніе мое его милости пану Івану Воліевачу, обозному войска Запорожского, а обивателевѣ чигиринскому, такъ сама отъ себе, яко и отъ покревнихъ моихъ, такъ и небожчика мужа моего, иже мъ въ доброи волѣ моеи, не будучи ни от кого намовлена, продала пасеку свою съ лѣсомъ къ егоже(?), пана обозного, лѣсу, прозиваемаго Плоского, вершини, къ рецѣ Макаровцѣ, зо всѣми приналежитостми: зъ байраками и байрачки, и изъ рѣчкою Макаровкою, от вершини до устя Макаровки, сѣнокоси тож к рецѣ Ингулцю съ хуторищемъ и с селищемъ людей, сѣнокосами и полемъ степнимъ по оба боки Ингулця и Макаровки, речокъ, с плесами, ловлями рибними и зверними, за певную суму доброи монети литовскои лечьби, за пят сотъ копъ грошей, и тот выжеписаній грунтъ, нѣ в чомъ нѣкому не пеній и незаведенний, але власній мой от(чив)ній; на що для лучшого свѣдецтва и вѣри даня даю сіе писаніе мое; при которомъ-то писанію били люде вѣри годніе: господинъ Стефанъ Святопречискій; панъ Феодоръ Калиновичъ, панъ Гаврило Коробка, обивателѣ чигринскіе; о що для лѣпшого вѣроятія упросила пана атамана, на тот часъ будучого въ Чигринѣ, Василія Томиловича о при(ложеніе) печати.

Печатанъ въ Чигринѣ, сентября 26. . . . . .

. . . . . .ичъ, атаманъ чигринскій

. . . . . . писар чигринскій, подписался

Изъ отдѣльнихъ документовъ Кіев. централ. архива.

Примѣч. Одинъ уголъ этого документа вслѣдствіе ветхости бумаги оторвался и утратился вмѣстѣ съ печатью.

IV.

Подписка возного Василія Сосницкаго въ томъ, что онъ, за время отъ 1590 г. по 1597, а потомъ и по 1606 г., пересматривалъ житомирскія гродскія книги съ цѣлью отысканія документовъ по дѣлу кіевскаго подчашаго Лаврина Лозки и др. Адама Олизара-Волчкевича и, между прочимъ, жалобы Волчкевича на козацкаго гетмана Григорія Лободу, силою будто-бы вынудившаго у него продажу с. Сотниковъ, но ни этой жалобы, ни другихъ документовъ не нашелъ,— 12 сентября 1606 г.

Року 1606, мѣсяца сентебря 12 дня.

На вряде его королевское милости замъку житомирского, передо мною, Даниелем Вышполским, подстароства житомирского, ставшы очевисто, возный енерал воеводства Киевского шляхетный Василей Сосницкий ку записованю до книг сзналъ, водлуг того сознаня своего, квит под печатю и с подписомъ руки своее, писаный тыми словы, подал: Я, Василей Сосницкий, енерал возный, сознаваю тым моим квитом, иж року тепер идучого, тисяча шестсот шостого, месяца сентебра 12 дня, ревидовал есми книги житомирские, почавшы от року деветдесятого аж до року деветдесят семого, шукаючы справ, видимусов его милости пану Лаврину Лозце, подчашему киевскому, еслибы се коли его милость пан Адамъ Олизар Волчъкевич оповедал на Григоря Лободу, на он час гетмана козацкого, (иж онъ) Грегорему Лободѣ через мус, кгвалтъ маетност свою село Сошники продат якобы мел; а другое справы, естли теж о туюж маетност тот же его милость пан Олизар позвы якие по тогож пана Лозку через якогож бы колвекъ возного класти мел; а третее справы, естлибы панъ Ян Лозка кому част свою Жеребятинскую заставит мел; тых всих дей шукал естми справ в книгах замку житомирского, почавшы от року сего аж до року деветдесят семого, нижли жадное с тых справ не нашелъ; и на то есми дал сознане мое до книг врядовых замку житомирского под печатю моею и с подписомъ руки моее.

Писан в Житомиру, року 1606, месяца сентебра тогож выш описаного дня.

Которое очевистое сознане возного и квит его до книг врядовых замку господаръского житомирского принято и записано ест.

Кн. Кіев. центр. арх. № 10, л. 431 об., актъ 489.

V.

Запись о продажѣ Григоріемъ Фуртникомъ своего сѣнокоса на р. Роси козаку Канону Мазнюченку,—27 ноября 1649 г.

Року первая тысяча шест сот чотыри десят девятого, м—ца новембра двадцат семого дня.

Предо мною, Михайлом Ивахнюкомъ, на тот часъ пулковником наказным корсунским, при бытности товариства козаковъ, обывателев корсунских, меновате: Федоръ Теля, Левко Трохименко, Северинъ Федурченко, Иван Галченко, Остапъ Бгомолченко, ставши очевисто, Григоръ Фуртникъ, посполу з жоною своею Марьею Даниловною, признали доброволне тыми словы: Пане пулковнику и в. мл. (козаки и обыватели корсунскіе)! Признаваемъ то, ижъ есмо продали синожат свою власную, никому ни в чомъ не певную, на томъ боку Роси, противку Каменицы Конопови Мазнюченкови, козакови а обывателеви корсунскому, за суму певную копъ сорокъ личьбы литовскои; которая сума зараз от Конона вся сполне рукъ наших дойшла; которую то синожат вышъпомененную пущаемо Кононови до спокойного уживаня вѣчьними часы такъ ему самому, жони, яко и потомкомъ его; и вже от того часу сами себе отдаляемо, потомковъ наших и покревних наших, близькихъ и далекихъ; тымъ южъ писанемъ нашимъ варуючи то, докладаемъ, еслибы кто колвекъ мил ея отозвати, задаючи турбацию Кононови за помененный проданный кгрунтъ, теди мы повинни будемъ в кождого суду своим коштом и накладом боронити и заступовати, що теды я, с товариствомъ своимъ вышъ помененымъ, чувши доброволное признане продажи помененихъ особъ, потребуючой сторони казалисмо на писми тот запис дати, с притисненем печати нашое и с подписом руки писарское.

Писанъ въ Корсуню, року и дня вышъписанного.

При печати моей казалемъ ся подписати: Михайло Ивахнюкъ, полкувникъ вышъ помененний корсунский наказный.—Лаврентый Григориевичъ, писаръ того листу, рукою власною.

Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіев. духов. академіи; въ „Описаніи рукописей“ (вып. III, стр. 599) она означена подъ № 595.

VI.

Квитовая запись отъ имени запорожскаго регестроваго козака Ивана Водяника о томъ, что онъ, получивъ удовлетвореніе, прекращаетъ претензіи къ вильскому старостѣ, боярамъ. слугамъ и мѣщанамъ г. Вильска, принадлежащаго краковскому воеводѣ, за ограбленіе у него, подъ предлогомъ неплатежа мимоходщины, движимаго имущества при переселеніи его, въ декабрѣ 1649 года, изъ с. Черницы на Украину,— 2 мая 1650 г.

Року тисеча шестсотъ пятдесятого, мѣсяца мая второго дня.

На враде гродскомъ, въ замку его королевской милости житомерскомъ, предо мною, Даніелемъ Бильскимъ, наместникомъ житомерскимъ, становши очевисто, Иванъ Водяникъ, козакъ войска его королевской милости Запорозкого реестровый, для вписания до книгъ нынешнихъ гродскихъ житомерскихъ подалъ и очевисто призналъ листъ, добровольный записъ свой квитовый, съ печатю и подписомъ руки урожоного пана Ивана Грибовского, на местцу моимъ, яко писать неумеючого, за прозбою моею подписаное, такъ тежъ съ печатьми и съ подписомъ рукъ людей зацныхъ, на подписе нижей менованыхъ, отъ себе урожоному пану Янови Белецкому и иншимъ въ томъ квите нижей менованымъ, въ речи нижей менованой даный и служачій, въ чомъ ширей тотъ квитъ речь въ себе обмовляетъ. Которого подавши и во всимъ оного устнымъ очевистымъ и добровольнымъ сознанемъ своимъ ствердзивши и змоцнивши, просилъ, абы былъ принятъ и до книгъ уписанъ; а такъ я, върядъ, оного пріймуючи, читаломъ, и такъ въ собе, письмомъ польскимъ писанный, маетъ:

Ja, Iwan Wodianik, kozak z wojska j. k. m. Zaporozkiego regestrowy, jako zeznawaiący, a ia, Jan Grzybowski, będąc od jaśnie

wielmożnego jego mości pana woiewody kiiowskiego, commisarza, y od jego mości pana Bohdana Chmielnickiego, hetmana wojska jego królewskiey mości Zaporozkiego, starosty czyhiryńskiego, dla przysłuchania y przypatrzenia się czynienia dosyć pomienionemu Jwanowi Wodianikowi zesłany, co się mnie dotycze Wodianika, odstąpiwszy swey należney jurisdykticy y prawa woyskiego, a pod ten zapis móy kwitowny samego siebie, dobra, żonę y potomki moie cale poddaiąc, wiadomo czynimy i zeznawamy tym naszym kwitem, iź w roku niedawno przeszłym, tysiąc sześćset czterdziestym dziewiątym, pod czas swiąt ruskich Bożego Narodzenia, gdym szedł sz Czernice precz na Ukrainę przez miasto Wilsko, gdzie mi zabrano było w sposob mimochodszczyzny konie, bydło, suknie, pieniądze y insze fanty przez urodzonego jego miłość pana Jana Bieleckiego, starostę wilskiego, iako też przez szlachtę panów Jurewiczów Popławskich, takze boiarów obywatelów, w kluczu Wilskim mieszkaiących, sług jasnie oswięconego xięcia jego mośći pana woiowody krakowskiego y mieszczan wilskich. A iż mi się od tych wszystkich wysz mianowanych osób we wszystkim w tym zabraniu do syt stało, tedy onych z odebrania wszystkich rzeczy czasy wiecznemi kwituie, wolnych czynie y drogę sobie do dochodzenia y znowienia y dalszego poparcia tey sprawy, także małzonce y potomkóm moim y inszym drogę na wszystkie przyszłe y potomne czasy zawieram.

Na co dla lepszey wiary y pewności uprosiłem od siebie, poniewaź sam pisać nie umiem, o podpis ręki jego mośc pana Jana Grzybowskiego, iako na tę sprawę od jego mości pana woiewody kiiowskiego y od jego mości pana hetmana ze mną zesłanego, który imieniem moim y swoim do tego kwitu rękę podpisał. Do tego uprosiłem postronnych przyiaciol, dla większego swiadectwa, sług wielmoźnego jego mości pana starosty żytomirskiego, do teyźe sprawy ze mną zesłanych, na podpisie rąk niźey mianowanych, którzy, za ustną y oczewistą prozbą moią, będąc tego wszystkiego wiadomi, pieczęci swe przyłoźyc y ręce podpisać raczyli.

Działo się w Wilsku, roku tysiąc sześćset pięćdziesiątego, miesiąca maia pierwszego dnia.

У того квиту при печатехъ подписъ рукъ тыми словы: именемъ Ивана Водяника, который писати не умѣетъ, именемъ своимъ подписуюся: Иванъ Гриб̆овскій, рукою власною.—Proszony pieczętarz

Marcin Tudorowiecki, ręką swą.—Proszony pieczętarz Piotr Klębowski.—Антоній Трубельскій, енералъ.

Который же то квитъ, за поданемъ, очевистымъ признанемъ вышъ менованое особы, а за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ нинешнихъ гродскихъ житомерскихъ есть уписанъ.

Кн. Кiев. центр. арх. № 19, л. 200, актъ 151.

VII.

Добровольное соглашеніе запорожскихъ козаковъ братьевъ Супруна и Кирика Ступиченковъ о раздѣлѣ между собой мельницы на р. Роси, наслѣдованной отъ отца,—15 мая 1653 г.

Roku tysiąc szescset pięcdziesiąt trzeciego, dnia piętnastego miesiąca maia.

Przedemną, Maximem Nesterenkiem, pułkownikom woyska Zaporozkiego korsuńskim, przy bytnosci pana Lewka Bałakczyienka, ataman horodowy korsuński Misko Stadniczenko, Iwan Szangiryia, także y urząd mieski, mianowicie, Semen Bochniec, woit korsunski, Misko Cybulka, Andrey Skorobohacz, burmistrzowie korsunscy, y innych ludzi zacnych obywatelow korsunskich nie mało, stanowszy oczywiscie, przed nami sławetny Suprun Stupiczenko, kozak woiska Zaporozkiego, obywatel korsunski, zeznał przed nami wszystkimi tymi słowy, iż, panie pułkowniku y w. m. panowie sądowi, przyznawam ia to przed w. m., iż my, bracia rodzoni dwa s Kirykiem Stupiczenkiem, maiąc od oyca swego Wasilia Stupika młyn kupnym sposobem na rzecze Rosi na niższych łuhach za sume, iako w zapisie iest mianowano, nam od oyca danym,—tedy my, upatrzywszy rzecz słuszną, żeby między nami bracią turbacyi żadney nie było, uczynilismy ugodą taką między sobą, iż ia bratu swemu Kirykowi swoie polowice w tym młynie puscił czasy wiecznymi, a mnie na tymże gruncie postanowilismy drugi młyn zobopolno; tedy ia iuż powinien swego pilnowac, a Kiryk swego oyczystego, o ktory iuż nima miec żadnego przenagabania a ni turbacyi o te polowice tak ode mnie samego, iako od żony y potomkow moich czasy wiecznymi, ale go powinien zażywać tak sam, iako żona y potomkowie jego, spokoinie. Przy ktorej ugodzie naszey dobrowolnej

byli ludzie zacni, mienowicie, Hrycko Krywoboki y Hryn Kolos, kozacy woiska Zaporozkiego, obywatele korsunscy. Co my, słysząc dobrowolne zeznanie ugody braterskiey między sobą y kwitowanie ieden drugiego we młynach czasy wiecznymi, daiemy to pisanie nasze s przycisnieniem pieczenci pułkownickiey, także y woytowskiey, y s podpisem ręk.

Działo się w Korsuniu, roku y dnia z wysz mianowanego.

Максимъ Нестеренко, полковникъ, р. в.—Semen Bochniec, woit korsunski.—Stephan Stocki, pisarz mieski korsunskij. [м. п.]

Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіев. духовн. академіи; въ „Описаніи рукописей" (вып. III, стр. 599) она означена подъ № 595.

VIII.

Запись о продажѣ запорожскими козаками Василіемъ Куликомъ, Василіемъ Сопученкомъ, Андреемъ Зубенкомъ и Яскомъ Москалемъ половины своего наслѣдственнаго става въ с. Харьковцахъ, Переяславскаго полка, козаку Якову Пекулицкому,—21 мая 1655 г.

Року Божого тисеча шестсот пятдесятъ пятого, м-ця мая двадцят першого дня.

На вряде местском, в ратушу переяславском, передъ нами, Ѳеодоромъ Пашкевичемъ войтомъ, Михайломъ Григоревичемъ Ревою рочнымъ бурмистромъ, Кириломъ Красовскимъ, Кондратомъ Цевкою, Иваномъ Лавриновичемъ, Кириломъ Совоновичомъ, райцами, и іншими всѣми райцами и лавниками для суженя справъ местскихъ в том року зуполне заседаючими, персоналитеръ ставши, славетные панове Василь Куликъ, Васил Сопученко, Андрей Зубенко, Яско Москал, козаки войска его цар. вел. запорозкие, полку Переяславского, обывателе харковские, для записаня до книг писанних местских переяславских явне, ясне и доброволне сознали тыми словы, ижъ мы половицу ставу свого власного отчистого, ни въ чомъ никому непевную и незаведеную, на селе Харковцахъ, в певных межах и границах лежачую, намъ сукцесиве по небожчику отцу нашимъ спалую и належачую, и декретомъ его мл. пана Павла Тетери, полковника войска его цар. вел. Запорозкого переяславского, межи нами а Іваномъ Степановичемъ фērованым и учиненым, нам

присуженую, з греблею, з вольным ловенем рыбъ и зо всѣми пожитками и приналежностями, здавна и теперъ до того ставу належачими и з него преходячими, за певную готовую и рукодайную суму пенезей, то ест, за сто и десет золотых полских урожоному пану Яковови Пекулицкому, козакови войска его цар. вел. Запорозкого полку Переяславского, ему самому, малжонце и потомком албо сукцессором его на вечност продалисмо и до жетельной поссесыей, вечистого держаня и уживаня, по одобраню од него тое всее суммы помененое, тую половицу ставу оному подали и поступилисмо; воленъ теды ест и будет менованый панъ Яковъ Пекулицкий тым ставомъ, яко своею власностю, шафовати и дыспоновати, кому хотечи продати, дати, даровати, заменити и записати и ведлуг найлепшого промислу и уподобаня своего пожитки собе съ того ставу приспособляти и розмножати, в чом мы сами жадное перешкоды и перенагабаня въ держаню и уживаню оного ставу пану Яковови Пекулицкому, малжонце и потомкомъ албо сукцессоромъ его чинити и задавати не маемъ и не будемъ могли; а по насъ малжонкове и потомкове албо сукцессорове наши не маютъ и могти не будутъ и до жадное речи и найменшои до того ставу належачого утручатися и юж жадного вступу мы вси зобополне, и кождый з насъ особъ, и оденъ по смерти позосталый, не маем, и малжонки либо теж и потомки наши не мают часы вечными, але и овшемъ од вшелякихъ импедиментовъ правныхъ и неправныхъ, перешкод яких колвек и од кого колвек въ держаню и уживаню того ставу пана Якова Пекулицкого, любо теж кого колвек при нем и по нем държачого, заходячих своим власнымъ коштомъ и накладомъ у кождого суду, права и вряду обороняти и заступовати и тот ставъ уволняти и освобожати маемо и повинни будемо, а по насъ сукцессорове наши маютъ и повинни будутъ тыле кротъ, иле кротъ бы того потреба указовала, где и право свое, намъ на тот ставъ даное и служачое, до рукъ пану Яковови Пекулицкому отдалисмо и трансфундовали, а сами се с того ставу часы вечными зрекаемо так, иж жадного претексту собе самимъ, жономъ, а ни потомкомъ нашимъ не зоставуючи, а то подъ закладомъ другое таковое жъ суммы ста и десяти золотых полских и под нагороженемъ шкодъ, за тымъ походячих.

И просилъ панъ Яковъ Пекулицкий, абы тое очевистое и доброволное сознане вышъ менованых особъ до книгъ было записано—

што и одержал; съ которыхъ и тот выписъ подъ печатю нашею местскою радецкою переяславскою и съ подписомъ руки писарское ест выданъ.

Писанъ въ ратушу переяславскомъ.

Михаилъ Борейковичъ, писаръ местский переяславский, р. в. (М. П.) Корыкговал с книгами, р. в.

Рукопись Церковно-археологич. музея при Кіев. дух. академіи; въ „Описаніи рукописей" (вып. I, стр. 162) она означена подъ № 216.

IX.

Выданная 28 марта 1646 г. выпись изъ кіевскихъ гродскихъ книгъ отъ 30 іюня 1582 г. грамоты короля Сигизмунда-Августа отъ 13 марта 1571 г., подтвержденной королемъ Стефаномъ Баторіемъ отъ 20 февраля 1581 г., пп. Данилу Глѣбовину, Назару Тарасовичу и другимъ любецкимъ земянамъ на принадлежащія имъ дѣдовскія земли въ Любечскомъ староствѣ подъ условіемъ несенія ими военной службы,— 30 іюня 1668 года.

Року тисеча шестсотъ шестдесят осмого, месяца июня трыдцатого дня.

На вряде кгродскомъ, в замъку его кролевской милости володимерскомъ, передо мною, Томашом Савицъким, наместником присяглым буркграбства и замъку володимерского, и книгами нинешъними кгродскими старостинскими, становъшы очевисто, урожоный панъ Марекъ Даничъ, екстрактъ з книг кгродских воеводства Киевъского, з уписанем в немъ листу его кролевское милости, або конъфирмации данины добръ певных од наяснейшого Стефана, короля полского, въ том же привилею, або конъфирмации, нижей инъсерованом, меноввным особомъ даный и с помененых книг кгродских киевъских автентыце выданый, для вписаня до книг нинешъних перъ облатамъ подалъ, так се в собе маючый:

Выпис с книг кгродских воеводства Киевского. Року тисеча пятъсотъ осмъдесят второго, месяца юня тридцатого дня. Пришедшы до вряду его кролевской милости, передъ мене, Остафия Ивановича Ружынъского, наместника воеводства Киевъского, зе-

менинъ господарский любецъкий на имя Данило Глебовичъ самъ одъ себе и од инъшых земян брати своее оповедалъ листъ данину его кролевской милости и просилъ, абы для часовъ пришлых оный лист у книги кгродские киевъские уведенъ и вписанъ былъ, который такъ се в собе мает:

Стефанъ, Божею милостю королъ полъский, великий князъ литовъский, руский, пруский, мазовецъкий, жомоицъкий, киевъский, волынский, подляский, инфлянский и княжа седъмикгродское,—ознаймуемо тым листомъ нашым всим в обецъ и кожъдому з особъна, кому то ведатъ належытъ, ижъ указивал передъ нами земенин замъку нашого любецъкого Данило Глебовичъ самъ одъ себе и именем инных земянъ нашыхъ любецъких, брати своее, листъ славъное памети Жыкгмунъта-Августа, короля, продка нашого, за печатю коронною, с подписом руки велможъного Валентого Дебинского, канцлера коронного, имъ даный; в которомъ листе описует, ижъ королъ его милост потвердитъ имъ рачылъ тым то листом своим земъли тые, меновите в томъ листе описаные, которые они власными отчизными своими быт меновали и на которые листы привилея належачые од (царя) Московъского забраными а инъные огнем згорелые быт поведели, яко то все шырей и достатечней на томъ листе естъ описано, который слово од слова такъ се въ собе маетъ:

Жыкгмунтъ-Августъ, Божою милостью королъ полский, великий князъ литовъский, руский, пруский, мазовецкий, жмодцкий, киевъский, волынский, подляский, инъфлянский, панъ и дедичъ,—овнаймуемо тымъ листомъ нашымъ всим вобецъ и кожъдому з особна, кому того ведати належыт, нинешънимъ и на потомъ будучым; приходили до насъ земяне нашы замъку нашого любецъкого на имя: Назаръ Тарасовичъ, который держыт земълю. названую Селъчанскую; Милъко Бывалковичъ, который держыт земълю Кувечыцъкую и островъ Билъданский, Смолигову и Серехову; Демид Карповичъ, который держыт земълю Селъчанъскую и Велитецъ и Семеничъ боровъ; Данило Глибовичъ Пероцъкій, который держытъ земълю Пероцъкую и островокъ Турисчъ и дуброву Черничына; Леско, Конъдрат и Демъко Даничи, которые держатъ земълю Пероцкуюжъ и остров Творыговъский и Кривицы; Богушъ Жогълин, который держыт земълю Гаврыловсчыну и роспашы свое дубровы Сереховъское и Быковъсчызны из тертежемъ за Песчою и селисче Голков; Василий Семеновичъ Неданъчыцъкий,

который держыт земълю Пенезевъсчызну; Остапъ Юрковычъ, который держыт земълю Голенасчовъскую; Богданъ а Лашко Репчычы, которые держатъ земълю Пероцъкую и дуброву власного тертежа их противъ Кривицъ; Скугаръ Логвиновичъ, который держыт земълю Обыймицкую; Федко Антоновичъ, который держыт земълю Погориекую и Алексеевъскую; которых землъ выш описаных кожъдый з них зособна своее ку службе нашой военъной коня ставитъ; а ижъ дей листы и привилея, которые на тые земли свои отчызные мели, од неприятеля нашого Московъского з маетностями их забраные сутъ, а инъшые за погоренем од огня в них се зостати не могли,—и били намъ чоломъ, абыхмо тые земъли от отчызны моцю нашею господарскою потвердили и на то лист нашъ дати велели, за которым бы они тых землъ своих отчызных безпечъне они сами, дети и потомки их уживали, якожъ и староста наш тамошный любецъкий, урожоный Павелъ Ивановичъ Сапега, кашътелянъ киевъский, поспол з ревизорми нашыми тамошъними, о томъ за ними у причыне писали, поведаючы намъ то, иж они тых землъ своих отчызных здавъна ужываютъ и с того службу нашу военную годне и пожыточне на то Украине служат; а такъ мы, видечы прозбу их слушъную и маючы певную ведомост од старосты нашого тамошнего любецъкого, иж то их земли вижей описаные власная отчызна естъ, с которых они, з давных часовъ ужываючы, намъ, господару, с того служъбу нашу военную служат, з ласки нашое господарское тые вси вышей описаные имена и земъли их зо всим на вся, яко се тые земли их з давных часовъ сями в собе мают: з земълями, пашъными, з боры, лесы, сеножатми, с пасеками, з реками, з озеры, з бобровыми гоны и зо въсими належъностями и пожитки, которые здавъна ку тым землямъ их прислухали, тым выжей мененым земяномъ нашым любецкимъ потвержаемъ и умоцъняемъ тымъ нашымъ листом такъ, ижъ они тых своих вышъописаных землъ, яко власную свою отчызну, маютъ держати и ужывати они сами, жоны, дети и потомки их на вечъные часы, служачы и нам, господару, и Речы-посполитой, при том замъку нашомъ любецком служъбу нашу земъскую военную, по тому яко инные земяне замъку нашого любецъкого служат, и инъшых никоторых повинностий и роботъ до замъку нашого любецъкого полнити не повинны; вед же, если бы межы тыми земълями их выжей описаными земли, кгрунты албо якие пожытки и уходи, до того замъку нашого любецъкого здавна належачые, были, тые тепер и на потомъ ку замъку нашому держаны быти мают; а на сведецътво того всего вышъописаного и печатъ нашу коронную до

того листу нашого притиснути есмо росказали.—Дан в Варшаве, дня третегонадцат месяца марца, року Божого нароженя тисяча пятсотъ семдесят первого, а панованя нашого сорокъ второго.—Валенты Дебинский, писар.—Реляция велъможного Валентого Дебинского з Дебянъ, канцлера короны Полское.

Билъ намъ чоломъ пречоный Данило Глебовичъ сам од себе и именемъ инных земян замъку нашого любецъкого, меновите в листе короля Жыкгмонта-Августа писаных, абыхмо им листъ короля Жыкгмонта-Августа, продка нашого, и земли, меновите на ним описаные, потвердили им нашым листом; и такъ, мы, прислухаючыся прозбе их, лист вышъ описаный короля продка нашого и тые земъли, меновите на немъ описаные, которых если они здавна были и сутъ в ужываню и если то не ест противно праву посполитому, потвержамы и умоцънямы тым нинешъним листом нашым, хотечы то мети, абы тот лист помененого короля, продка нашого, во всих речах и артикулех, въ нем описаных, всюды и на кождом местцу был тое моцы и важъности, которые слушне водлуг права быт мает такъ, ижъ они тые вси вышъ описаные земли, яко власную отчызну свою, мают держат и ужыват они сами, жоны, дети и потомки их власные вечъными часы, служачы нам и Речы-посполитой при том замъку нашом любецком службу нашу земъскую военную, водлуг давного звычаю, по тому яко иная шляхта замку нашого любецъкого тым неуближаючы служат, ничыему праву и пожытком здавъна належачымъ до замку нашого любецъкого тым неуближаючы; а на сведецътво того всего вышъ описаного тот лист рукою нашою подписалисмо и печат нашу коронную до него притиснут росказалисмо.—Дан в Варшаве, на сейме валнымъ коронным, дня двадцатого месяца февраля, року тисеча пятсотъ осмъдесят первого, а крolования нашого року пятого.—Стефанусъ, рексъ.—Яхим Высоцъкий.

С которых книгъ выпис под печатю кгродскою киевскою року теперешъвего тисеча шестсот сорок шостого, месяца марца двадцат осмого дня, ест выданъ.—Писанъ в Киеве.—Корыкговалъ (Иванъ?) Выговский.

У того экстракту печатъ кгродска воеводска киевъска ест притиснена, а подпис руки писарское в тые слова: Войтех Рылъский, войский житомирский, писар кгродскій киевъский.

Который же то екстрактъ, за поданем и прозбою вышъ речоное особы подаваючое, а за моим урядовымъ принятем, до книг нинешъних ест вписаный.

Кн. Кіев. центр. арх. № 1039, л, 1220, актъ 277.

ПОХВАЛА
ИСАІѢ БАЛАБАНУ
1611 г.

Сообщилъ А. И. Соболевскій.

Библіотека Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ владѣетъ большою рѣдкостью — спискомъ славянскаго перевода сочиненія Ѳеодора Авукара противъ еретиковъ, евреевъ и магометанъ, сдѣланнаго въ Острожскомъ греко-славянскомъ училищѣ въ 1611 году, слѣдовательно, въ то время, когда православная церковь въ южной Руси, лишившись большей части своихъ святителей, находилась почти въ отчаянномъ положеніи. Переводчикъ, по обычаю того времени, снабдилъ свой трудъ посвященіемъ одной изъ важныхъ духовныхъ особъ, оставшихся вѣрными православію, Исаіѣ Балабану, гдѣ недурно, хотя и очень осторожно, обрисовалъ тогдашнее положеніе церкви. Это обстоятельство, въ связи съ разсѣянными переводчикомъ немногочисленными, но важными историческими данными, въ связи съ его взглядомъ на способъ перевода съ греческаго языка на славянскій, побуждаетъ насъ издать изъ списка все то, что принадлежитъ переводчику: заглавіе, посвященіе и обращеніе къ читателю.

Объ имени и личности переводчика мы не знаемъ ничего. Единственное, что онъ сообщаетъ о себѣ, указаніе, что онъ — «одинъ изъ воспитанниковъ» Острожскаго училища, «потщавшійся даже въ Аравію», чтобы добыть греческій текстъ сочиненія. Сверхъ того, тонъ, которымъ онъ говоритъ съ Балабаномъ, показываетъ въ немъ человѣка немолодого и со значеніемъ, но стоящаго въ сторонѣ отъ событій, и позволяетъ думать, что онъ назвалъ себя воспитанникомъ Острожскаго училища лишь потому, что кончилъ въ этомъ училищѣ курсъ и во время труда надъ переводомъ имѣлъ къ нему какое-либо близкое отношеніе.

Рукопись, отлично сохранившаяся, какъ будто не имѣвшая совсѣмъ читателей, написана красивымъ уставомъ XVII вѣка. Она значится въ каталогѣ подъ № 317—697 [1]).

---

[1]) Эта рукопись упоминается въ „Библіологическомъ словарѣ“ П. Строева, стр. 120, 394.

Мы для изданія не нашли нужнымъ сохранять сокращенія, придыханія, удареніи и т. п., но сохранили ореографію подлинника. Сверхъ того, имѣя въ виду искусственность изложенія, мы признали небезполезнымъ разставить знаки препинанія.

А. Соболевскій.

ПОХВАЛА ИСАІѢ БАЛАБАНУ, 1611 Г.

КНИГА БЛАЖЕННАГО ѲЕОДОРА,

НАРИЦАЕМАГО АВУКАРА,

ЕПИСКОПА КАРІЙСКАГО,

ПРОТИВУ РАЗЛИЧНЫХЪ ЕРЕТИКОВЪ,

ІЮДЕЙ ЖЕ И СРАЦЫНЪ,

ново отъ еллинскаго языка на славенскій единымъ отъ спудеовъ училища Острозскаго греко-словенского преведена.

Ісаиа Балабанъ, архімандритъ уневскій и дерманскій, строитель всѣмъ острозскимъ монастыремъ княжатіихъ милостей и блюститель епископіи лвовскія.

ПРЕДИСЛОВІЕ

к пречестному, благочестивому и боголюбезному, в Бозѣ велебному, его милости господину отцу Ісаіи Балабану, архімандріту уневскому и дерманскому и строителю прочиихъ монастырей острозскихъ.

Корабль церковный великій в Бозѣ, честный господине, отче архимадрите, отнележе на сіе многомятежное море мирское испущенъ бысть, николиже отъ обуреванія различныхъ еретическихъ вѣтровъ упокоевается, но присно, аще и не истопаетъ, волнуется, и донележе плаваетъ, не престаетъ волноватися. Понеже мнози на богатьство в немъ лежащее непрестанно покушаются украсти и восхитити е тщащеся, коварьствомъ и навожденіемъ началозлобнаго и николиже истинъствующаго. На сій корабль ополчися Самосадскій, путь правды в ложное мнѣніе превращая. На сіе богатъство Киринфъ покусився, хотя украсти іиспровреши. Сей корабль безчисленіи разбойницы слова истиннаго, изъощряюще лести яко бритвы языки свои хулныя, тщащеся и опревратити. Но сей правленіемъ всесилныя руки и призираніемъ всевидящаго и недремлемаго она [1]) оного кормчія, иже бысть камень пререканія и камень соблазны, о немже мнози преткнушася и даже доселе нѣцыи слову противляющіися претыкаются, пребысть цѣлъ и невредимъ, пловый оною водою, иже истекаетъ отъ источника жива; враждующеи же и ополчающеися нань, падше на камени, отъ негоже піяху, прошедшіи пучины морскія сокрушишася, и не могуще успѣвати и ни во чтоже его обратити, изблеваютъ глаголы хулныя, ими-же тщатся вред нанести [2]) в

---

[1]) Читай: ока.

[2]) Въ подлинномъ ошибочно: предпанести (ред.).

корабли ономъ текущимъ, противу коихъ Господь и Кормчій оного корабля воиновъ своихъ ополчаетъ, возбуждая ихъ, даже отвращаютъ разбойническая ихъ нахожденія, і избираетъ сихъ, иже на подвигъ противу воставаютъ и дерзновеннѣ ополчаваются. Тщащеся Арій своимъ злоумнымъ мудрованіемъ въскочити ко оному кораблю и вредъ нанести; но кормчій всевѣдый постави противу ему воина, во еже отвратити, Афанасія бодроумнаго, отъ негоже отвращенъ и побежденъ бысть. Ополчи же ся противу сему Несторій, разбойническимъ нападеніемъ хотя пакостити. Но обличенъ бысть и отгнанъ Кириломъ богомудрымъ, еже ничтоже успѣти ему. И нападе Евномій духоборецъ, боритися хотя с симъ, иже вся препобѣждаетъ, напрязая лукъ свой на Сего, Иже паче всякаго навѣта и смысла человѣческа вышшій, мнящи суемудреный, яко возмощи ему одолѣти. Но и противу сего воздвиже Василія божественнаго царское священіе, иже силою своею богомудренаго писанія отгна его и лукъ сломи. И никогда же сей корабль оставленъ бываетъ и презренъ. Но всегда, якоже обѣщася ему, спребываетъ и пребывати будетъ даже до скончанія вѣка неотступне, борителя якоже нѣкія вѣтрила, являя, иже ополчается [1]) о немъ и блюдутъ врученная имъ в немъ орудія. Отъ нихъ же единъ обрѣтается и Феодоръ, нарицаемый Авукаръ, епископъ карійскій, иже противу многимъ еретичествующим ополчашеся и нахожденія ихъ отгоняше, в пастырствѣ, званіи своемъ, немедля и бодръственнѣ и мужественнѣ сопротивляшеся противу невѣрнымъ несторіяномъ, северіяномъ, июдеомъ и махметаномъ, различним вопросомъ отъ нихъ наводимымъ отвѣщевая, егоже и писаніе даже до насъ доиде, отъ него-же разумѣти есть мощно, коего ученія бѣ и како остроумнѣ всѣмъ заграждаше уста, якоже отъ божественныхъ писаній, сице и отъ внѣшнихъ ученій, и якоже кто вопроси, сице скоро отвѣщеваше, ядъ еретически словесы своими, якоже нѣкимъ врачеваніемъ, отъ церкве прогоняше. Его же зѣло полезна церкви мнѣвъ быти, потщався даже во Аравію, и в ризѣ еллинской сущу ему, покусихся въ словеньскую его облещи, даже приступенъ и нашему роду будетъ, во еже пользу нѣкую пріимати прочитающимъ его писанія. Не вси бо достизаютъ Еллады, вси же желаютъ онѣхъ, яже тамо. Бысть же сей божественный мужъ во время Василія Македонянина и Льва Премудраго, царей греческихъ, лѣта отъ вопло-

[1]) Читай: ополчаются.

щенія Бога Слова осмьсотъ седмьдесятъ шестаго, при патріарху Царяграда Игнатія и Фотія, папы же римскаго Андріана, внегда и срацынска ересь прозябе, возмущающи церковь и нападающи на стадо Христово, растерзающи е, внегда держава греческая отъ срацынъ пакость пріимаше, и овѣмъ начинающимъ востати, симъ же падати, в се время онъ бодрый и ученія исполненый епископъ кормило корабля оного, еретическими вѣтры обуреваема, держаше. Сицевого убо странника, отъ далнихъ странъ к намъ пришедша, его же азъ покусихся привести, ни единаго же судихъ сице быти страннолюбива и любочествующа сицевыхъ странниковъ и могуща сего удовлѣти, яко же господьство ти, на гощеніе къ боголюбію ти сего привожду, достойно бо разумѣвъ подобномъ с подобнымъ веселитися. Яко же онъ во оно время подвизашеся, сопротивляяся еретичествующимъ, и тебе всякъ зря видитъ не коснѣюща, но яко сплываеши бодро, тако и скормительствуеши в семъ карабли, подносиши вѣтрила, прилежиши стражи, блюдый, да нѣкако отъ обуреваній и нахожденій отъ иже нынѣ тщащихся его потопити во иступленія [1]) пріидетъ. Не вотще пріялъ еси достоинство священьства но яже ти суть врученна во оградѣ оного Небеснаго Царя, пасеши добрѣ, ограды бо еси хранитель. Тѣм же всегда тщишися и прилежиши ономъ, егоже онъ отъ Самаріи пріиде [2]) во оную гостинницу, тщишися приложити нѣчто и отъ своихъ, чая, внегда возвратится иже всѣмъ воздаяй воздаянія. Злостраждеши о стадѣ Христовѣмъ, дѣло твориши благовѣстника, служеніе свое предъ всѣми извѣстно показуеши. Не стыдишися язвами, ниже узами братіи твоея, ихъ же претерпѣваютъ поношеніе, христіанство на себѣ носяще. Не изволилъ еси с прочими, ниже изволяеши египетскимъ сокровищемъ присѣдити, якоже нѣцыи сотвориша, оставлышеи Сиона. Болшее богатьство вмѣняеши поношеніе Христово, взирая на мздовоздаяніе. Не возбраняеши слово во время спасенія, не обинуешися лица, ниже устрашаешися сихъ, иже души не могущихъ убити, но паче оного, иже власть иматъ в геону воврещи. Не о себѣ ниже яже о тебѣ брежеши, но яже ближняго полезная. Се бо створи и началнѣйшій Пастырь, Учитель, иже пострада о человѣце, по писанному, не себѣ угоди. Обрѣтаешися истинный сынъ матере твоея, иже породи тя святымъ крещеніемъ. Убивати

[1]) Читай: во истопленіе.

[2]) Читай: приведе.

тщишися египтянина, обидящаго брата твоего, не терпиши поношенія его, но якоже свое вмѣняеши. Блаженъ бяше вѣкъ онъ, внегда посрамлени бываху еретичествующіи; но блаженнѣйши, яко имѣяше посрамляющихъ. Аще бо симъ не быти, ниже бы были когда побѣды; но понеже нужда приходитъ соблазномъ и ересемъ воставати всяко, кромѣ ополчающихся о немъ, ни едино же было бы различіе Христу съ Веліаромъ. И сему времяню блаженство достойно есть причитати, не зане отступленію быти грѣхъ ради, но яко обрѣтаются сопротивляющіися сему. Между коими, якоже нѣкій архистратигъ, впредъ ополчаешися и всѣмъ себе во образъ предлагаеши и не медлиши никогда же предстати, внегда время истязуетъ. Свидѣтельствуютъ о тебѣ и в приходящее свидѣтельствовати будутъ мнози грады и мѣста, идеже не обинуяся, яже достоитъ, глаголеши, утвержая братію свою и елико мощно заступая. Мнози быша онѣхъ временъ, внегда отъ ересей церковь возмущаема бываше, но токмо нѣкихъ вѣмы о ней поборителей, ихже слава никогда же померкнет, зане большее имъ тщаніе и дерзновеніе показовати. Мнози и нынѣ еще остаютъ, иже нарицаются сыны матере своея, но малы суть, яже истиннѣ о ней побораютъ. Господьству же твоему кто речетъ, яко стыдишися матере своея и слезъ ея не утоляеши? Всемъ бо явѣ, яко паче иныхъ со инѣми жалость ея в тебѣ остаетъ. Ревнуеши онѣмъ древнимъ отцемъ, ихже имена в книзѣ животнѣй суть написаны, иже и нынѣ суть почитаемы отъ родителницы своея церкве трудовъ ихъ ради и защищенія, яже о ней показоваше. И боголюбія твоего имя в русійскомъ родѣ не останется в долгія вѣки, но во образъ всѣмъ сіяти будетъ. В таковыхъ убо добродѣтелехъ свѣтящо господьство твое вѣдый, и яко ревнитель еси отеческой, и онѣхъ наслѣдуеши, отъ сихъ тебѣ единаго, глаголю, отцевъ, в сихъ странахъ никогда же бывша, в ризу рѣчи словенскія облекши, якоже жива, писаніе его предлагаю, с нимже бесѣдуя, судивъ, яко неполезна его церкви мнѣти будеши. Тѣмже молю любовнымъ лицемъ сего, господьство твое, изволивъ в себѣ дати сему мѣсто, пріими и с прочими писаніи, яже отъ богодухновенныхъ, причти и сего нова, якоже новодревня вмѣняя, чтя и лобызая. Таже здравствуй о Господѣ.

Во Острозѣ, во училищи къгрекословеньскомъ, мѣсяца марта въ 23 день, лѣта 1611.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Да не чюдишися, любезнѣйшій читателю, аще кая в настоящій книжицѣ мнят ти ся неразумна быти, се вѣдый, яко нраву рѣчи еллинскія послѣдовася. Се бо вси словенстіи преводницы сохраниша, даже ничтоже пременятъ, слово отъ слова еллиньской рѣчи послѣдоваша, да не послѣдующе нраву рѣчи словенскія истинны нѣчто погрѣшатъ. Им же и азъ послѣдуя, се сохранихъ. Ты же хотя извѣстно разумѣти, яже чтеши, не ленися испытнѣ и со тщаніемъ проити, даже разумна ти будутъ. Мнѣ же, молю, аще и погрѣшити нѣчто, яко человѣку случися, самъ исправивъ, прощеніе даруй. Таже здравствуй.

РУССКІЕ КОНФИДЕНТЫ

въ

ТУРЦІИ и КРЫМУ

въ 1765—1768 гг.

Сообщилъ А. А. Андріевскій.

Въ прошломъ столѣтіи свѣдѣнія о турецкихъ и татарскихъ «обращеніяхъ» получались чрезъ нарочно посылаемыхъ изъ Кіева офицеровъ, состоявшихъ въ распоряженіи кіевскаго генералъ-губернатора, какъ главнаго «пограничнаго командира», который письменно сносился со своими «дружелюбными пріятелями»—сосѣдями: ханомъ крымскимъ, сераскеръ-султанами татарскихъ ордъ и съ пашами бендерскимъ и очаковскимъ. Офицеры ѣздили всегда съ толмачами, которые, состоя при Кіевской губернской канцеляріи, сопровождали обыкновенно и рейтаръ, ежемѣсячно по очереди отправлявшихся въ Константинополь съ бумагами къ россійскому резиденту [1]. Посылаемые нарочно для развѣдыванія офицеры снабжались „приличными претекстами», письмами къ тѣмъ или другимъ властямъ, причемъ обыкновенно заѣзжали въ Запорожскую Сѣчь, откуда и получали особыхъ провожатыхъ.

Конечно, одного личнаго наблюденія при такихъ «развѣдываніяхъ», однихъ сношеній съ оффиціальными лицами было бы недостаточно. Сами эти посланцы должны были пріискивать на мѣстѣ такихъ «пріятелей», которые могли бы не только при личныхъ съ ними свиданіяхъ, но и путемъ переписки сообщать разнаго рода интересныя для русскихъ свѣдѣнія о турецкихъ и татарскихъ дѣлахъ. Такіе «пріятели» и находились въ различныхъ городахъ и нѣкоторые изъ нихъ за свое пріятельство получали не только случайные, единовременные подарки, но иногда и правильно установленное жалованье. Пріятельство это обставлялось, конечно, тайною, хранилось въ большомъ секретѣ, а самая переписка этихъ секретныхъ корреспондентовъ, или, какъ ихъ называли, «конфидентовъ», производилась иногда посредствомъ особаго шифрованнаго письма и пересылалась разными окольными путями.

Заграничными корреспондентами изъ турецкихъ и татарскихъ мѣстъ являлись нерѣдко и русскіе люди, проживавшіе въ этихъ мѣстахъ по своимъ купеческимъ дѣламъ. Такъ, напр., въ 1752-мъ году въ Крыму прожи-

[1]) См. мою статью „Кіевскіе толмачи“ въ „Кіев. Стар.“ за 1889 г., № 5—6.

вали путивльскій купецъ Алексѣй Шестаковъ, нѣжинскій Николай Судаклей и малороссійскій купецъ роменскій житель Павелъ Таранъ [1]), которые и приходили въ г. Бахчисараѣ къ инженеръ-поручику Шемаеву, пріѣзжавшему туда для «развѣданія тамошнихъ обращеній». Въ Перекопѣ же приходилъ къ этому поручику въ гости проживавшій тамъ Полтавскаго полка значк. товарищъ Василій Гегела, имѣвшій «общій торгъ» съ туркомъ Кара-Магометомъ. Къ помощи этого Гегелы, между прочимъ, прибѣгалъ для секретныхъ «провѣдываній» и генералъ-поручикъ Черновъ.

Упомянутый выше путивльскій купецъ Шестаковъ велъ торговлю въ Перекопѣ, Бахчисараѣ, Козловѣ и Кафѣ и имѣлъ въ этихъ городахъ своихъ прикащиковъ. Онъ, по словамъ поручика Шемаева, свободно владѣлъ татарскимъ языкомъ. Этого-то Шестакова и предлагалъ Костюринъ, управлявшій тогда Кіевскою губ., избрать въ секретные корреспонденты, находя, что это «можетъ всѣхъ другихъ постороннихъ вѣдомостей быть вѣрнѣе». Въ своемъ рапортѣ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ о результатахъ поѣздки Шемаева Костюринъ высказалъ мнѣніе, что можно бы даже придать Шестакову изъ Кіева рейтаръ, «которымъ повелѣть называться его служителями, дабы онъ чрезъ тѣхъ рейтаръ по развѣдываніи, что касаться будетъ къ высочайшему Ея Императорскаго Величества интересу, въ Кіев. губ. канц. присылать могъ, какъ время допуститъ, письменно или словесно, что, уповательно, легко ему, во осторожность высоч. Е. И. В. интересовъ, по тамошней его для купечества бытности, оное исполнять».

Но не эти корреспонденты изъ русскихъ же людей назывались собственно конфидентами и пріятелями: таковыми были мѣстные жители, занимавшіе извѣстное общественное положеніе и бывшіе преимущественно переводчиками.

Въ 1752 г. въ качествѣ такихъ секретныхъ корреспондентовъ упоминаются: въ Ягорлыкѣ—греческій священникъ Яній, въ Сорокахъ—паркалабъ Андронакій, въ Бендерахъ—писарь бендерскаго паши Базилій Молчанъ, въ Очаковѣ—писарь же паши Юрій Григоровъ.

Изъ письма Базиля Молчана къ Костюрину въ январѣ 1753 г. [2]) видно, что пригласилъ его къ секретной перепискѣ прапорщикъ Гребенниковъ. «Я сдѣсь писаремъ нахожусь, а упрошенъ отъ турковъ съ польской границы и живу у турчина Соттукула-аги, а сей турчинъ всѣмъ Бендеромъ мутитъ и пашу мало во что ставитъ, ибо съ ханомъ кореспондуетъ и всегда

---

[1]) Записки Одес. Общ. ист. и др., т. XIV, см. „Матеріалы для исторіи южно-русскаго края", стр. 258—263.

[2]) Ib., стр. 271.

крымская почта въ его состоитъ вѣдомствѣ». Указавъ на способы, коими онъ можетъ быть польщенъ, и сообщивъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній, Молчанъ такъ заканчиваетъ свое письмо: «Я же и впредь приказы в. ви—ва исполнить пожелаю, только съ упованіемъ себѣ милости вашей, ибо для ихъ проклятыхъ дѣлъ не думалъ бы болѣе жить, какъ то мнѣ отъ его, невѣрного, и не доходило то, что должно было мнѣ быть; а наконецъ умилосердись, государь мой, воззрѣвъ на милость Божескую, дабы я не открытъ былъ съ секрета, ибо вѣчно могу пропасть, не столько тѣломъ, какъ душею. А ежели я отъ всепресвѣтлѣйшей имперіи не возъимѣю жалованья, то принужденъ буду всему дать покой и невѣрному служить, хлѣбъ его ѣвъ, дабы потомъ Богъ чѣмъ не наказалъ».

Переводчикъ очаковскаго паши Юрій Григоровъ, «породы греческой», родомъ изъ Бахчисарая, гдѣ имѣетъ отца, мать, жену и дѣтей, въ качествѣ лавочника-торговца, жилъ 10 лѣтъ въ Сѣчи Запорожской. Въ январѣ 1753 г. онъ предлагалъ черезъ вахмистра Тарасова, пріѣзжавшаго изъ Кіева съ письмомъ къ очаковскому пашѣ, свои услуги, какъ секретнаго корреспондента. «Ревнуя вѣрѣ христіанской, о вредительныхъ отъ турецкой и татарской сторонъ къ Россіи поступкахъ въ Кіевъ кореспондовать секретно» обѣщалъ, прося Тарасова сообщить объ этомъ «при командѣ въ Кіевѣ». Григоровъ не хотѣлъ только прибѣгать при отправкѣ своихъ писемъ къ посредству запорожцевъ: «хотя де и нужныя надобности будутъ въ Кіевъ писать потребны, только запор. старшинѣ, которая въ Очаковѣ будетъ, чтобы онымъ для отсылки въ Кіевъ вручать письма, въ томъ не вѣрить, да чтобъ они того, что онъ Россіи кореспондентъ, и не знали, просилъ прилежно». Однако, не смотря на такое недовѣріе къ запорожцамъ, Григоровъ и запорожскому полковнику открылъ свое желаніе быть русскимъ «кореспондентомъ», какъ это видно изъ репорта того же полковника: «Переводчикъ Григоровъ гречинъ на россійскую сторону склоненъ и одолжился, буде какіе секреты развѣдаетъ, объявить, только буде сіе въ добромъ секретѣ безъ малѣйшаго разглашенія содержано было» [1]).

Секундъ-маіоръ Мироновъ, посылаемый вице-губернаторомъ Костюринымъ въ 1755 г. въ Крымъ съ цѣлію, между прочимъ, ходатайствовать передъ ханомъ «о учрежденіи при немъ съ россійской стороны какой ауторизованной персоны», сообщаетъ въ своемъ журналѣ [2]) любопытныя свѣдѣнія о пріятельствѣ нѣкоего бахчисарайскаго грека Аникія, почасту проживавшаго въ Запорож. Сѣчи, а равно ханскаго переводчика Мегмета и приближеннаго къ хану старика Хали-хаджи.

---

[1]) Ibid., гл. XXVI.

[2]) Кіев. Стар.. 1885 г., февраль, ст. „Къ исторіи погранич. нашихъ сношеній съ Крым. ханствомъ“.

Переводчикъ Мегметъ хорошо говорилъ по-русски, потому что, попавши въ плѣнъ мальчикомъ восьми лѣтъ въ 1757 году, долго проживалъ въ Россіи въ качествѣ прислуги у разныхъ офицеровъ, пока не попалъ къ капитану Кошелеву, который его крестилъ и хотѣлъ было уже записать за собой въ ревизію, въ подушный окладъ, какъ своего крѣпостнаго; тогда Мегметъ и бѣжалъ отъ него. Опредѣлившись въ сербскій гусарскій полкъ, онъ былъ въ немъ ротнымъ писаремъ, попался затѣмъ въ какомъ то преступленіи и содержался въ Москвѣ подъ карауломъ, но оттуда бѣжалъ и скрывался въ Нѣжинѣ у какого-то грека, который и выпроводилъ его тайно за границу. Былъ онъ затѣмъ годъ-два въ Запорожской Сѣчи и ходилъ не разъ съ козаками въ Польшу «для воровства», а изъ Сѣчи, наконецъ, бѣжалъ въ Бендеры къ своему отцу.

Приближенный къ хану Хали-хаджи былъ старикъ 60 ти лѣтъ. Сынъ красавицы-гречанки, которую ханъ взялъ къ себѣ во дворецъ, Хали-хаджи былъ съ дѣтства «побасурманенъ», но тайно исповѣдывалъ христіанскую вѣру и чрезъ грека Анакія (Янакія) немало раздавалъ тайно же денегъ по православнымъ церквамъ. Не принимая непосредственнаго участія въ дѣлахъ правленія, Хали-хаджи пользовался уваженіемъ хана и, конечно, могъ быть полезенъ русскимъ въ роли «пріятеля». Передъ отъѣздомъ Миронова изъ Бахчисарая грекъ Янакій ему объявилъ: ежели де что будетъ противъ россійской стороны отъ хана происходить въ противность, то оной Хали-хаджи обѣщался ему, Янакію, сообщать, а ежели ему, Хали-хаджи, возможно будетъ, то и самъ онъ писать въ Кіевъ къ г. генералу будетъ, а грекъ Янакій, что отъ него услышитъ, то будетъ находящимся въ Бахцысараѣ великороссійскимъ г. Путивля купцу Андрею Сушилину, или кто будетъ великороссійскіе знатные купцы, сообщать; а Сушилинъ мало оттуда въ Россію и выѣзжаетъ, но по большой части въ Бахцысараѣ и въ прочихъ крымскихъ городахъ торгуетъ».

Указомъ Правит. Сената, отъ 21-го октября 1763 г., на имя кіевскаго генералъ-губернатора Глѣбова опредѣленъ былъ ему въ помощь «для управленія по Кіевской губерніи пограничныхъ дѣлъ» канцеляріи совѣтникъ Петръ Веселицкій, и указомъ отъ 11-го ноября того же года изъ Коллегіи Ин. Д. велѣно было учредить при Кіев. губ. канц. особую «секретную экспедицію», въ которой бы и сосредоточивались всѣ дѣла по заграничнымъ сношеніямъ. Существенною обязанностью этой экспедиціи являлось то, что обыкновенно заботило кіевскихъ генералъ-губернаторовъ, какъ «пограничныхъ командировъ»,—возможно болѣе исправное полученіе достовѣрныхъ извѣстій о разнаго рода «заграничныхъ обращеніяхъ» [1]).

---

[1]) Въ особомъ наставленіи Коллегіи Ин. Д. сказано, что „главной трудъ Веселицкаго при оной экспедиціи для вспоможенія ему, генералъ-губернатору Глѣбову,

Веселицкій прибылъ въ Кіевъ почти два года спустя послѣ своего назначенія, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1765 г., и тотчасъ же по пріѣздѣ своемъ подалъ Глѣбову мысль организовать правильныя сношенія съ «конфидентами», назначивъ имъ за исправную корреспонденцію опредѣленное жалованье. Одобривъ эту мысль, Глѣбовъ сдѣлалъ представленіе въ Кол. Ин. Д. о необходимости завести въ Очаковѣ, Бендерахъ, Могилевѣ и Яссахъ такихъ «пріятелей, которые бы о заграничныхъ обращеніяхъ и разглашеніяхъ извѣстія въ здѣшнюю сторону подавали», причемъ предлагалъ назначить каждому такому пріятелю годовое жалованье отъ 150 до 200 рублей.

Коллегія Ин. Д., одобривъ эту мѣру, ограничивъ лишь размѣръ жалованья цифрою отъ 50 до 150 р., представила о ней особый докладъ, который и получилъ высочайшее утвержденіе. Но въ томъ же 1766 г. Коллегія Ин. Д. сочла нужнымъ ограничить ревность Веселицкаго «къ изысканію многихъ пріятелей» и особымъ указомъ на имя оберъ-коменданта Ельчанинова предписала не слишкомъ увлекаться этимъ изысканіемъ и, главнымъ образомъ, воздерживаться отъ обѣщаній относительно вознагражденія. Тѣмъ не менѣе, сама же Коллегія разрѣшила вновь найденному Веселицкимъ въ Очаковѣ пріятелю Григорову выдавать, кромѣ обѣщанныхъ ему 150 рублей, еще столько же, т. е. удвоила предположенный ею высшій окладъ. Въ составъ «секретной экспедиціи», организовавшейся съ пріѣздомъ Веселицкаго, вошелъ въ ноябрѣ 1765 г. и надв. сов. А. Никифоровъ, бывшій до того нашимъ консуломъ въ Крыму. Онъ назначенъ былъ сюда главнымъ образомъ для веденія переписки съ «извѣстнымъ пріятелемъ» Якубомъ, съ которымъ сошелся еще въ Крыму.

Изъ реляцій кіевскаго генералъ-губернатора за 1768—69 годы [1]) видно, что въ это время секретными корреспондентами состояли, кромѣ

имѣетъ состоять въ томъ, дабы случающаяся отъ него, генералъ-губернатора, тако жъ и въ отсутствіе его отъ остающагося въ Кіевѣ главнаго командира, съ пограничными и отдаленными турецкими и польскими обывателями, и притомъ и съ обрѣтающимся въ Константинополѣ резидентомъ Обрезковымъ и въ Крыму консуломъ, да и съ находящимися на границахъ здѣшнихъ главными командирами, такожъ и въ Коллегію Ин. Д. корреспонденція о заграничныхъ обстоятельствахъ исправляема была съ лучшимъ порядкомъ и успѣхомъ; а особливо прилагалъ бы онъ, Веселицкій, съ вѣдома генералъ-губернатора, всевозможное стараніе о изысканіи удобныхъ способовъ къ благовременному изъ заграницъ турецкихъ полученію достовѣрныхъ извѣстій о всѣхъ тамошнихъ заслуживающихъ примѣчанія и уваженія происшествіяхъ" (Ист. мат. изъ архива Кіев. губ. пр., вып. 8, стр. 55).

[1]) Реляціи эти за 1768—69 г.г. напечатаны въ „Чтеніяхъ въ Ист. Общ. Нестора лѣт.", кн. VII; реляціи за 1767 г. напечатаны въ XVI т. „Записокъ Одес. Общ. ист. и др.", а нѣсколько реляцій съ 1766 г. помѣщается въ настоящей книгѣ.

нѣжинскаго грека Судаклея, по торговымъ своимъ дѣламъ проживавшаго по-долгу въ разныхъ крымскихъ городахъ, и священника м. Ягорлыка Ильи Сулимы, —очаковскаго паши переводчикъ Григоровъ, анонимный «могилевскій пріятель» и «извѣстный переводчикъ ханскій Якубъ».

Юрій Григоровъ былъ старый знакомый, какъ упомянуто выше. Для возобновленія съ нимъ сношеній генералъ-губернаторъ Глѣбовъ посылалъ въ сентябрѣ 1765 г. нѣкоего есаула Василія Рецетова, бывшаго запорожскаго козака, проживавшаго затѣмъ въ Ахтыркѣ, внушивъ ему, «какимъ образомъ оного переводчика сондировать, уговаривать, присягою обязать и какое потомъ для предосторожности и храненія секрета въ начинаемой и продолжаемой перепискѣ ему дать имѣетъ наставленіе». Рецетовъ вернулся въ Кіевъ въ апрѣлѣ 1766 г. и, заручившись обѣщаніями Григорова, привезъ отъ него и письмо на греческомъ языкѣ къ совѣтнику Веселицкому.

Журналъ Рецетова объ этой его поѣздкѣ, представленный имъ генералъ-губернатору, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, весьма любопытныя подробности о посѣщеніи имъ переводчика Григорова и о склоненіи его къ секретной перепискѣ.

Согласно съ указаніями Рецетова и желаніями Григорова, генералъ-губернаторъ установилъ безопасный для конфицента и вѣрный способъ пересылки его корреспонденцій. Сообщая объ этомъ въ своей реляціи отъ 7-го апрѣля, Глѣбовъ выражаетъ рѣшительное предпочтеніе новопріобрѣтеннаго конфидента передъ старымъ «пріятелемъ» Якубомъ, отъ «хитрыхъ и пронырливыхъ умысловъ» котораго предостерегаетъ Григоровъ. Вмѣстѣ съ Рецетовымъ ѣздилъ въ Очаковъ и нѣжинскій грекъ Судаклей съ цѣлію проѣхать оттуда въ Бендеры для пріисканія надежнаго «пріятеля»—корреспондента. Въ журналѣ своемъ онъ сообщаетъ весьма важныя по тогдашнему времени свѣдѣнія о настроеніи Едисанскихъ татаръ, недовольныхъ ханомъ и выражавшихъ желаніе искать русской протекціи. Но главная цѣль его поѣздки въ Бендеры достигнута не была: тамъ не нашлось способнаго «конфидента», такъ какъ всѣ христіанскіе обыватели, по словамъ Судаклея, «самые простые и весьма робкіе, къ такой важности неспособные люди». Объ очаковскомъ же «новомъ конфидентѣ», т. е. о томъ же Юріи Григоровѣ съ большой похвалой отозвался и пребывавшій въ это время въ Запорожской Сѣчи колежскій асессоръ Иванъ Чугуевецъ, которому поручено было Глѣбовымъ, между прочимъ, «сыскивать способы къ имѣнію въ Бахчисараѣ вѣрнаго и искуснаго человѣка изъ россійскихъ подданныхъ, который бы пріобрѣтаемымъ у тамошняго начальства кредитомъ способствовать могъ» какъ полученію вѣрныхъ свѣдѣній изъ Крыма, такъ и принятію вновь постояннаго консула.

Въ доношеніи своемъ отъ 31-го марта Чугуевецъ рекомендуетъ имѣть въ Бахчисараѣ двухъ человѣкъ русскихъ въ качествѣ депутатовъ отъ запорожскихъ козаковъ и указываетъ, какъ на людей способныхъ къ такой политической роли, на есаула Василія Рецетова и полтавскаго мѣщанина Павла Руденка, при чемъ сообщаетъ объ этихъ лицахъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія, объ ихъ давнемъ знакомствѣ съ Крымомъ и Царьградомъ.

Чугуевецъ, оказывается, давно уже знакомъ былъ съ очаковскимъ переводчикомъ, а потому «за долгъ себѣ почелъ» въ своемъ доношеніи засвидѣтельствовать, что этотъ конфидентъ вполнѣ «надеженъ и способенъ» и можетъ сообщать не только очаковскія новости, но и «отъ Бендеръ и и другихъ мѣстъ важнѣйшія извѣстія доставлять».

Григоровъ увѣрялъ, а къ увѣреніямъ его съ довѣріемъ отнеслись и Чугуевецъ и Рецетовъ, что онъ «не для собственнаго своего интереса, но по особливой, отъ единовѣрія вліянной въ сердце его къ Россійской имперіи преданности», берется за секретную корреспонденцію. Онъ считалъ себя какъ бы связаннымъ присягою съ Россіей, такъ какъ, бывши еще мальчикомъ въ Запорожской Сѣчи, одновременно съ козаками, присягалъ въ церкви. Въ качествѣ переводчика онъ получалъ 300 левковъ жалованья, носилъ, «въ знакъ султанскаго къ нему благоволенія,» зеленую шапку, имѣлъ дозволеніе держать въ Очаковѣ шинки, вообще былъ человѣкъ состоятельный и пользовался почетомъ. Переписка съ такимъ человѣкомъ, по самой должности своей близко стоявшимъ къ дѣламъ политическимъ, представляла, конечно, большой интересъ.

При посредствѣ кіевскаго мѣщанина Бѣлявскаго, который велъ торговлю въ турецкихъ областяхъ, пріобрѣтенъ былъ надежный конфидентъ и въ г. Могилевѣ. Это былъ, по сообщенію генералъ губернатора въ реляціи его отъ 7-го апрѣля 1766 г., «знатной и богатой купецъ» грекъ Іоаннъ Николаевъ Кафеджи, съ которымъ уже и раньше былъ знакомъ Веселицкій, пользовавшійся его услугами во время прусскаго похода.

Этотъ «могилевскій пріятель», какъ его обыкновенно называли въ доношеніяхъ и реляціяхъ, писалъ, какъ видно, довольно часто о дѣлахъ молдавскихъ, польскихъ, турецкихъ и крымскихъ (см. реляціи 1767 г. №№ 10, 11, 23;—1768 г. №№ 12, 79;—1769 г. №№ 46, 55). Инкогнито его, очевидно, строго соблюдалось и въ реляціяхъ генералъ-губернатора имя его ни разу не названо. Неизвѣстно и то, какое онъ получалъ вознагражденіе за свое пріятельство. Въ октябрѣ 1768 г. послано ему было «по его прошенію на проѣздныя издержки для приласканія тридцать рублей», при чемъ сов. Веселицкій писалъ ему «о прилежномъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ продолженіи корреспонденціи, съ такимъ при томъ найсильнѣйшимъ обнадеженіемъ, что вѣрныя его услуги безъ высочайшаго въ свое

время награжденія всеконечно оставлены не будуть». Изъ одного письма этого могилевскаго пріятеля видно, что онъ не ограничивался сообщеніемъ свѣдѣній, какія могъ имѣть на мѣстѣ, но ѣздилъ напр. и въ Яссы для «провѣдываній» (рел. 1768 г. №№ 66 и 79). Доставляемыя имъ свѣдѣнія, какъ свидѣтельствуетъ о томъ не разъ въ своихъ реляціяхъ генералъ-губернаторъ, всегда согласны были съ получаемыми и изъ другихъ источниковъ и съ дѣйствительностію, почему ему и оказывалось, какъ видно, значительное довѣріе; такъ, въ 1769 г. генералъ-губернаторъ поручилъ ему (рел. № 46) послать отъ себя извѣстныхъ ему вѣрныхъ людей въ главную турецкую армію «для развѣданія, какъ о тамошнихъ обстоятельствахъ, такъ о состояніи и числѣ главной подъ предводительствомъ верховнаго визиря арміи». Порученіе это онъ, дѣйствительно, исполнилъ удовлетворительно, приславши затѣмъ обстоятельныя свѣдѣнія по указанному вопросу.

Едва ли не самымъ важнымъ «конфидентомъ» русскимъ въ Крыму былъ нѣкій Якубъ-ага, состоявшій при ханѣ Крымъ-Гиреѣ переводчикомъ. Пріятельство его, какъ упомянуто выше, началось во время пребыванія въ Бахчисараѣ, въ качествѣ россійскаго консула, маіора Никифорова. Тогда уже ему уплачивалось опредѣленное, довольно значительное жалованье въ количествѣ 900 р. въ годъ. Это былъ, конечно, хорошо ознакомленный вообще съ крымскими дѣлами человѣкъ, и его «пріятельство» имѣло большой интересъ. Къ его словамъ прислушивались. Одинъ запорожскій старшина Недзѣльскій, пріѣзжавшій въ 1762 году къ хану Крымъ-Гирею съ письмами кошевого атамана, счелъ нужнымъ сообщить любопытныя слова Якуба, сказанныя имъ по поводу совершившейся въ Россіи перемѣны царствованія: «счастливо де ваше войско,—говорилъ Якубъ въ откровенной бесѣдѣ съ Недзѣльскимъ,—и все сегобочное поселеніе, что въ Россіи извѣстная перемѣна сдѣлана, а какъ бы такъ не перемѣнилось, то бъ государь бывшій запорожскія и всѣ сегобочнія земли хану крымскому жаловалъ, а запорожцы за Кубань переведены бъ были, и уже де обѣщалъ» [1]).

При ханѣ Селимъ-Гиреѣ въ 1765 г. Якубъ-ага былъ назначенъ дубосарскимъ гетманомъ. Въ виду этого предписано было указомъ Кол. Ин. Д. Никофорову хорошенько освѣдомиться, можетъ ли Якубъ при этомъ новомъ своемъ положеніи по прежнему вести переписку и сообщать нужныя о крымскихъ дѣлахъ свѣдѣнія? и велено, во всякомъ случаѣ, «воздержаться отъ поданія ему новыхъ увѣреній о произвожденіи пенсіи». А между тѣмъ содѣйствіе такого человѣка, какъ Якубъ-ага, признавалось особенно необходимымъ теперь, когда русское правительство настойчиво добивалось воз-

---

[1]) Зап. Одес. Общ. ист. и др., т. XIV, „Матеріалы для исторіи южнорус. края“, стр. 392—395.

становленія русскаго консульства въ Крыму. Хотя ханъ Крымъ-Гирей рѣшительно отказался принимать другого консула послѣ того, какъ маіоръ Никифоровъ, впервые назначенный въ эту должность, не сумѣлъ упрочить своего положенія и былъ отозванъ въ 1764 г.; но съ перемѣною хана это рѣшеніе могло измѣниться. Новый ханъ Селимъ-Гирей, вручая поручику Климовскому отвѣтное свое письмо къ генералъ-губернатору Глѣбову, выразился, между прочимъ, такъ, что де «еслибъ россійскій консулъ не такъ себя повелъ, но жилъ порядочно, какъ дружба и благопристойность того требовали, то бъ оной понынѣ, въ своемъ характерѣ находясь, малоправныя происшествія и обиды безъ дальнихъ хлопотъ и причиненія главной командѣ затрудненій рѣшать могъ». Въ этихъ словахъ усмотрѣна была «оного хана податливость и нѣкоторая склонность къ принятію нашего къ себѣ консула», и данъ былъ генералъ-губернатору Глѣбову высоч. указъ, отъ 16-го апрѣля 1766 г., о посылкѣ въ Крымъ искуснаго человѣка, который бы склонилъ хана принять вновь русскаго консула, при чемъ посланный долженъ былъ прибѣгнуть къ содѣйствію въ этомъ дѣлѣ Якуба. Порученіе это возложено было на опытнаго офицера и давняго знакомца Якубова капитана Бастевика [1]), который долженъ былъ, отправляясь въ Бахчисарай съ письмомъ къ хану, заѣхать подъ благовиднымъ предлогомъ въ Дубосары и повидаться предварительно съ Якубомъ, посовѣтоваться съ нимъ о способахъ достиженія желанной цѣли. Бастевикъ долженъ былъ внушить Якубу, что его содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ «въ особливое уваженіе примется и по желательномъ возстановленіи въ Крыму нашего консула онъ получитъ себѣ пристойное награжденіе». Въ указѣ предписывалось Глѣбову отправить съ Бастевикомъ пріятелю Якубу опредѣленный ему пенсіонъ за цѣлый годъ, т. е., 900 рублей, «ибо маіоръ Никифоровъ до выѣзду своего изъ Крыму ему, Якубу, оного выдалъ по 1-е мая прошлаго 1765 г., почему толикое число ему нынѣ и получить слѣдуетъ; а впредь оной производить поудержаться до нашего указа».

Въ донесеніи кап. Бастевика отъ 25-го мая находимъ любопытное описаніе свиданія его съ Якубомъ въ Дубосарахъ,—свиданія, обставлен-

[1]) Ibid., стр. 397. Бастевикъ уполномоченъ былъ, въ случаѣ надобности, подкупить кого либо изъ приближенныхъ хана ради принятія консула, а то и самому хану пообѣщать подарки. „Когда же Бастевикъ усмотритъ, что и при ханѣ никакіе другіе побудительные резоны ни малѣйшаго дѣйствія имѣть не могутъ безъ златаго доказательства о пользѣ и надобности пребыванія въ Крыму нашего консула, въ такомъ случаѣ онъ, Бастевикъ, можетъ въ крайней конфиденціи ханскому наперснику внушить, что если его принципалъ поскорѣе сіе дѣло въ здѣшнее ѵдовольствіе рѣшитъ, то ему въ благодарность за то отсюду пришлется съ посылаемымъ къ нему новымъ здѣшнимъ консуломъ тысяча червонцевъ и два мѣха: одинъ соболій, а другой лисій, или подобное, что ему, хану, самому угодно будетъ".

наго разнаго рода предосторожностями, имѣвшими цѣлію всячески скрыть отъ мѣстныхъ жителей «пріятельство» Якуба, который и въ письмѣ своемъ высказываетъ опасеніе, «не случилось бы съ нимъ какого несчастія или подозрѣнія»

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1766 г. Якубъ, тогда дубосарскій воевода, прислалъ въ Кіевъ особаго посланца съ письмомъ къ генералъ-губернатору, спрашивая, нужны ли его дальнѣйшія услуги, какъ секретнаго корреспондента. «О всѣхъ происхожденіяхъ въ Россіи и Польшѣ мнѣ самому поручено хана увѣдомлять», писалъ онъ въ этомъ письмѣ. Но сущность дѣла прекрасно понялъ оберъ-комендантъ Ельчаниновъ, въ реляціи своей отъ 18-го апрѣля сообщавшій, что де «сколько сей пріятель въ письмѣ своемъ ни остерегался о собственномъ его интересѣ что-либо упоминать, прикрашивая оное разными извѣстіями и найсильнѣйшими увѣреніями о его нелицемѣрной преданности до скончанія жизни, столько больше алчность и нетерпѣливость его къ полученію обѣщаннаго ему знатнаго пенсіона изъ другаго къ кап. Бастевику письма и реестра примѣтить можно; слѣдовательно, и главной предметъ посылки нарочнаго не въ иномъ состоялъ, но въ выученіи искусныъ образомъ того пенсіона».

А при письмѣ къ Бастевику Якубъ приложилъ реестръ тѣхъ покупокъ, которыя просилъ онъ для него сдѣлать въ Кіевѣ, но которыя сдѣланы не были. Несмотря однако на эту алчность и подозрительное поведеніе Якуба, его пріятельство имѣло тогда особую цѣну. О значеніи Якуба въ Крыму достаточно свидѣтельствовалъ журналъ есаула Рецетова, обратившій на себя особое вниманіе Коллегіи Ин. Д. и вызвавшій рескриптъ на имя генералъ-губернатора Воейкова, отъ 15-го августа 1766 г. (см. №№ IX и XXII). Оказывается, что Якубъ, «яко хитрой и пронырливой человѣкъ своими представленіями въ великой кредитъ вошелъ» у хана Селимъ-Гирея, котораго тогда старалась всячески приласкать Порта; а отъ хана Якубъ былъ «всѣмъ министрамъ Порты рекомендованъ». Пользуясь случаемъ, Якубъ представилъ проектъ заселенія границъ отъ р. Синюхи до Палѣева озера христіанскими выходцами. Проектъ этотъ былъ одобренъ Портою, а Якубу было поручено главное начальство надъ этими новопоселяемыми слободами, при чемъ «для прикрытія сего намѣренія отъ сосѣдственныхъ державъ приказано Якубу разгласить, что всѣ тѣ слободы ему на откупъ отданы». Такъ какъ выходцами, о привлеченіи которыхъ заботился Якубъ, являлись, главнымъ образомъ, малороссіяне, то вопросъ объ этихъ поселеніяхъ не могъ не обратить на себя вниманія русскаго правительства. Воейкову предписывалось обстоятельно развѣдать, «подлинно ль такое селеніе по его, Якубову, предложенію дѣлается и въ самомъ ли дѣлѣ оное ему поручено, да и о вызовѣ людей прилагаетъ ли онъ ста-

раніе, или же оное по другимъ какимъ неизвѣстнымъ здѣсь обстоятельствамъ и несправедливо на Якуба сказано». Но въ слѣдующемъ 1767 г. Якубъ уже оставилъ Дубосары и вновь прибылъ въ Бахчисарай и по прежнему вступилъ въ свою должность «главнаго переводчика и экспедитора иностранныхъ дѣлъ».

Генералъ-губернатору предписано было особымъ рескриптомъ возможно чаще переписываться съ Якубомъ, «наполняя письма ласковыми и дружескими къ нему отзывами, паче по тому, что онъ нынѣ, находясь паки при ханѣ крымскомъ въ дѣлахъ, до пограничности касающихся, не только нужнымъ для того признавается, но и надежнѣйшихъ отъ него увѣдомленій о всѣхъ обращеніяхъ ожидать должно». Въ виду этого требованія отправленъ былъ 6-го марта къ Якубу тотъ же кап. Бастевикъ, «яко знакомѣйшій ему и надежнѣйшій изъ здѣшнихъ офицеровъ, для распоряженія и установленія съ нимъ порядка, какимъ каналомъ удобнѣе и вѣрнѣе, по отдаленности отъ границы, письма его ко мнѣ отправлять». Извѣщая объ этой посылкѣ, генералъ-губернаторъ писалъ въ своей реляціи: «Но какъ ему, Якубу, въ пересылкѣ писемъ на всякаго запорожца или малороссіянина, за торговымъ промысломъ въ Бахчисараѣ находящагося, надежно положиться не можно, паче ли въ такой важной перепискѣ, то кап. Бастевику приказано ему объявить: когда онъ по преданности своей о чемъ либо увѣдомлять за потребно признаетъ, а знаемыхъ добраго состоянія людей изъ подданныхъ В. И. В. въ Бахчисараѣ не найдетъ, то въ такомъ случаѣ письма свои безъ потерянія времени отправлять съ нарочнымъ своимъ вѣрнымъ человѣкомъ до коменданта Новосѣченскаго ретраншамента, отъ котораго оныя ко мнѣ вѣрно доставлены быть имѣютъ. А сверхъ того, кап. Бастевику поручено съ нимъ, Якубомъ, посовѣтовать: не признаетъ ли онъ по обстоятельствамъ времени за удобно возобновить у хана крымскаго прежнія требованія о возстановленіи россійскаго въ Бахчисараѣ консула,» и т. д.

Пріятельство Якуба было далеко не надежно, и на это являлись уже довольно частыя указанія. Въ письмѣ грека Судаклея, отъ 2-го апрѣля 1767 г., сообщалось, что «въ бытность его въ Бахчисараѣ примѣтилъ онъ, что французскій консулъ старается переводчика Якуба дружбу пріобрѣсть и что служитель Якубовъ ему заподлинно сказывалъ, что, кромѣ другихъ подарковъ, кои французскій консулъ его господину часто присылаетъ, недавно двѣсти червонныхъ ему подарилъ» (рел. № 11). Въ высоч. рескриптѣ ген.-губ. Воейкову, отъ 22-го марта 1767 г., поручается, между прочимъ, основательнѣе разузнать, «въ какомъ кредитѣ нынѣ находится у хана Якубъ и сколько на его вѣрность мы полагаться можемъ, ибо съ нѣкотораго времени сомнѣваться о томъ причину имѣемъ».

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1767 г. ханъ крымскій Селимъ-Гирей былъ низложенъ Портою, а назначенный ею Арсланъ-Гирей, заболѣвъ въ Каушанахъ, умеръ 19-го мая; на ханство возведенъ былъ Максутъ-Гирей. Ко времени пребыванія Арсланъ-Гирея въ Каушанахъ относится одно весьма любопытное письмо Якуба (рел. 1767 г. № 15), который жаловался на интриги враговъ, вооружившихъ противъ него новаго хана, обвинившихъ его въ томъ, что онъ «къ Россіи весьма склоненъ и нѣкоторую секретную съ Россіей имѣетъ переписку». Якубъ, «подкупивъ ханскихъ любимцевъ», узналъ о причинѣ ханскаго гнѣва, возбужденнаго, главнымъ образомъ, соперникомъ Якуба Турнадзіемъ, желавшимъ занять его мѣсто. «Но Творецъ Неба, имѣетъ о всѣхъ свое всемогущее попеченіе, не желаетъ гибели невиннаго, но паче справедливыхъ возвышать и малостію своею подкрѣплять пріобыкъ»,—такъ писалъ «пріятель», пріобыкшій къ составленію реторическихъ бумагъ. Оказалось, что весь народъ засвидѣтельствовалъ хану невинность и увѣрилъ въ честности» Якуба, хотѣвшаго уже совсѣмъ отказаться отъ службы. «Хотя нынѣшняя моя должность вовсе мнѣ не нужна была, но на зло моимъ непріятелямъ и во удовольствіе ханскаго требованія, которой самъ ко мнѣ съ тѣмъ отозвался, принужденнымъ себя нашелъ въ правленіе округовъ Каушанскаго, Домбагарскаго и Балцянскаго вступить».

О дѣлѣ, которое больше всего интересовало русскую власть, о принятіи вновь русскаго консула, Якубъ «еще не дѣлалъ опыту, опасаясь подозрѣнія, что онъ россійской пріятель», а между тѣмъ, сообщая незначительныя новости, неизмѣнно повторяетъ о своей «постоянной и справедливой услугѣ Россійскому двору, и что о дѣлахъ, до Россіи принадлежащихъ, всегда справедливо увѣдомлять имѣю, столь наипаче, что имѣю случай продолжать переписку, будучи близъ границы, безъ всякаго сумнѣнія». Сообщая, что онъ намѣренъ перевезти къ себѣ и семью свою изъ Крыма, гдѣ у него сгорѣлъ домъ, а строиться вновь тамъ онъ не желаетъ, Якубъ въ заключеніе пишетъ: «Еслибъ, чего Боже сохрани, случилось со мною такое несчастіе, что по оклеветаніямъ злыхъ людей пришелъ бы я у хана въ немилость, какимъ образомъ могъ бы я искать убѣжища въ Россійское государство и какая бы мнѣ протекція и милость Россійскаго двора была показана? о томъ меня милостиво увѣдомить прошу, дабы я, въ случаѣ несчастія, на протекцію и милосердіе Россійскаго двора совершенно положиться могъ».

Въ реляціи отъ 3-го іюля 1767 г. генералъ-губернаторъ сообщаетъ, что Якубъ проситъ присылки къ нему пенсіона впередъ за два года «для поправленія его обстоятельствъ, удостовѣряя, что онъ, яко присяжной слуга, не преминетъ сію высочайшую милость своею вѣрною заслужить

службою»; но, по мнѣнію генералъ-губернатора, съ этою пересылкою пенсіона слѣдуетъ «обождать, пока заподлинно усмотрится, къ какой онъ отъ нынѣшняго хана опредѣлится должности и въ какомъ находиться будетъ кредитѣ» [1]).

Но Якубъ для полученія своего пенсіона прибѣгъ къ довольно нахальному средству: онъ просто ограбилъ русскаго купца Федора Бондарева, насильно отнявъ у него товаровъ на 1869 р. въ счетъ своего пенсіона, какъ это видно изъ реляціи генералъ-губернатора отъ 22-го августа 1768 г. (№ 47). Отнявши товары на указанную выше сумму у Ф. Бондарева, Якубъ однако выдалъ ему на эту сумму вексель и письмо къ надв. сов. Никифорову, котораго крайне просилъ уплатить по этому векселю въ замѣнъ выдачи пенсіи. Находя, что «сія Якубова наглость совершенно страсть его къ сребролюбію оказываетъ», генералъ-губернаторъ приказалъ Никифорову написать» Якубу, «что такой его странной поступокъ съ скромностію и съ осторожностію, каковы онъ, Якубъ, для цѣлости своей наблюдать долженъ, ни мало согласоваться не можетъ, но паче его, Никифорова, во удивленіе привелъ, что онъ, Якубъ, будучи и безъ того уже отъ хана крымскаго, по доносу его непріятелей, подозрѣваемъ, отважился такому человѣку, каковъ купецъ Бондаревъ, поводъ подать о преданности и перепискѣ его догадываться, чѣмъ онъ себя горшему подвергнуть можетъ несчастію, нежель предъ недавнимъ временемъ попался было, и потому онъ, Никифоровъ, яко истинной его пріятель, принужденъ былъ купцу Бондареву въ платежѣ по векселю его отказать, надѣясь тѣмъ вредную догадку его истребить».

Въ реляціи отъ 3 сентября генералъ-губернаторъ уже пишетъ, что на Якуба, «какъ видно, ни въ чемъ положиться нельзя, когда онъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, въ коихъ переписка его нѣсколько и нужна, совсѣмъ замолчалъ».

Служившій у Якуба писаремъ Яковъ Поповичъ, о которомъ будетъ сказано ниже, сообщая о «недоброжелательствѣ Якуба къ Россійской имперіи», представилъ, между прочимъ, и одно письмо его къ «маршалкамъ конфедераціи». Затѣмъ и кап. Бастевикъ въ журналѣ своемъ изобразилъ «разные сего мнимаго нашего пріятеля зловредные здѣшнему двору поступки, а непріятелямъ нашимъ крайнюю преданность». Гр. Панинъ по этому поводу сообщилъ Воейкову, что имѣются и «другія причины подозрѣвать Якуба, что онъ въ такихъ же обязательствахъ и съ пребывающимъ въ Крыму французскимъ эмисаромъ Тотомъ находится, какъ и съ нами», и потому де и съ посылкой ему пенсіи надо поудержаться «до лучшаго всего того объясненія».

---

[1]) По поводу этого домогательства Якуба послѣдовалъ особый высоч. рескриптъ на имя генералъ-губернатора Воейкова отъ 31-го августа 1767 г.

Въ реляціяхъ генералъ-губернатора за 1769 г. ни разу уже не упоминается о Якубѣ, почему и можно думать, что и извѣстій отъ него не было, т. е., и пріятельство его кончилось. Изъ сообщенія же кап. Бастевика, вернувшагося въ Кіевъ изъ плѣна 13 февраля 1769 г., видно, что онъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ арестованъ былъ въ Каушанахъ именно пріятелемъ Якубомъ.

Вышеупомянутый Яковъ Поповичъ (называемый затѣмъ, вѣроятно, по отчеству, и Федоровымъ) являлся лично къ генералъ-губернатору Воейкову, объѣзжавшему Елисаветградскую провинцію въ 1767 г., съ заявленіемъ своего желанія «по единовѣрію» служить Россіи и сообщать въ письмахъ къ знакомому ему кап. Бастевику «извѣстія о тамошнихъ обращеніяхъ». Это было въ Орловской слободѣ, куда онъ пріѣзжалъ вмѣстѣ съ голтянскимъ каймаканомъ въ качествѣ его писаря или переводчика. Капитанъ Бастевикъ, „для лучшаго на то его преклоненія и надежностій", взялъ тогда же съ собой въ Кіевъ двухъ его братьевъ, которые и были опредѣлены въ Академію.

Этотъ то новый конфидентъ и сообщалъ весьма важныя новости о приготовленіяхъ турокъ къ войнѣ, почему генералъ-губернаторъ Воейковъ, отправляя въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1768 г. кап. Бастевика въ Крымъ, приказалъ ему непремѣнно заѣхать въ Дубосары «для свиданія съ Поповичемъ и склоненія оного къ частой перепискѣ». Но 23 ноября того же года Поповичъ, «по дѣйствительномъ узнаніи Якубова недоброжелательства къ Россійской имперіи», оставилъ свою службу у него и прибылъ въ Кіевъ съ намѣреніемъ поступить въ русскую службу, при чемъ представилъ и записку о крымскихъ и турецкихъ дѣлахъ, которую Воейковъ препроводилъ въ Кол. Ин. Д. По всей вѣроятности, служба этого человѣка представляла извѣстный интересъ, почему онъ, согласно высоч. рескрипту, и былъ отправленъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1769 г. съ двумя рейтарами въ Петербургъ ко двору. Онъ былъ затѣмъ опредѣленъ въ Кол. Ин. Д. актуаріусомъ и отправленъ «въ нѣкоторую коммиссію». Матери же его и братьямъ, оставшимся въ Кіевѣ, повелѣно выдавать на содержаніе по 100 руб. въ годъ.

Свѣдѣніями о русскихъ конфидентахъ и перепискѣ съ ними въ 1765—68 гг. не исчерпывается интересъ предлагаемыхъ къ настоящей книгѣ документовъ. Знакомя вообще со способами полученія разнаго рода заграничныхъ извѣстій, документы эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, знакомятъ и съ разными сторонами пограничныхъ отношеній, особенно съ дѣлами крымскими.

Для полученія свѣдѣній о турецкихъ дѣлахъ обыкновенно призывались въ Кіевѣ въ секретную экспедицію и случайно пріѣзжавшіе сюда тор-

ѓовцы греки. Любопытный образчикъ конспиративныхъ именъ, какія присылались заграничными греками чрезъ своихъ земляковъ, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ, видимъ въ приложеніи къ реляціи Воейкова, отъ 8-го августа 1766 года.

Какъ несовершенны были способы полученія свѣдѣній о разнаго рода турецкихъ и татарскихъ „обращеніяхъ", какъ часто въ ближайшихъ къ границѣ мѣстахъ получались разными командирами невѣрныя свѣдѣнія,— объ этотъ достаточно свидѣтельствуетъ реляція отъ 8 іюля того же 1766 года и приложенная къ ней копія репорта генералъ-маіора Исакова съ ремарками Воейкова.

А. Андріевскій.

Русскіе конфиденты въ Турціи и Крыму въ 1765—1768 годахъ.

I.

Реляція кіевскаго генералъ-губернатора о необходимости имѣть въ Очаковѣ, Бендерахъ, Могилевѣ и Яссахъ особыхъ конфидентовъ (секретныхъ корреспондентовъ),—отъ 24 сентября 1765 г.

„Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ, отъ 11 ноября прошлаго 1763 г., коимъ канцеляріи совѣтникъ Петръ Веселицкій мнѣ на помощь для управленія по здѣшней губерніи всѣхъ пограничныхъ дѣлъ всемилостивѣйше опредѣленъ, между инымъ всевысочайше ему повелѣвается съ вѣдома моего стараніе прилагать о изысканіи удобныхъ способовъ къ благовременному изъ заграницъ турецкихъ полученію достовѣрныхъ извѣстій о всѣхъ тамошнихъ заслуживающихъ примѣчанія и уваженія происшествіяхъ.

Вслѣдствіе такого высочайшаго повелѣнія, онъ, по прибытіи сюда и вступленіи въ должность, свѣдавъ, что прежніе конфиденты всѣ померли, и потому видя, сколь пріобрѣтеніе новыхъ нужно, представилъ мнѣ словесно, что въ разсужденіи обширной дистанціи турецкихъ границъ и по положенію ближнихъ къ границѣ турецкихъ городовъ онъ за необходимо нужное признаваетъ въ Очаковѣ, Бендерѣ, Могилевѣ и Ясахъ имѣть по одному конфиденту изъ тамошнихъ православной вѣры россійскаго исповѣданія обывателей; я такое его резонабельное представленіе не только апробовалъ, но и рачительное его о пользѣ высочайшаго Вашего Императорскаго Величества интереса попеченіе довольно выхвалилъ; между тѣмъ, стараніемъ его найденъ въ Очаковѣ надежной для коресподенціи чело-

вѣкъ, которой, по свидѣтельству ассесора Чугуевца и бывшаго въ Запорожской Сѣчи козака, нынѣ же по заслугамъ отставнаго (есаула?) въ Ахтыркѣ живущаго Василія Рецетова, съ молодыхъ лѣтъ въ Запорожской Сѣчи находился и у тамошняго писаря нѣсколько лѣтъ служилъ, откуда, имѣя случай для купеческаго промысла, часто въ Очаковѣ бывалъ; будучи греческой природы, сдѣлавъ себѣ тамъ знакомство и отъ реченного писаря отошедъ, въ Очаковъ переселился, гдѣ, по рекомендаціи очаковскаго паши, опредѣленъ отъ Порты переводчикомъ россійскаго языка, въ которой должности находится уже около 15 лѣтъ и чрезъ все то время запорожскимъ козакамъ и прочимъ Вашего Императорскаго Величества подданнымъ, туда для торговли пріѣзжающимъ, немалыя оказывалъ услуги.

Помянутой есаулъ Рецетовъ, которой съ симъ переводчикомъ около 30 лѣтъ уже знакомъ и въ дружбѣ пребываегъ, заподлинно увѣрилъ, что въ прошлыхъ годѣхъ, въ бытность его по производимой торговлѣ въ Очаковѣ, оной переводчикъ неоднократно къ нему отзывался, сколь охотно желаетъ онъ Россійской имперіи, по единовѣрію и искреннѣйшей его преданности вѣрные свои услуги оказать, если бы только удобной ему поданъ былъ случай, ибо чинъ, въ которомъ онъ отъ Порты утвержденъ, много тому способствовать можетъ.

По сему удостовѣренію помянутой Рецетовъ чрезъ Запорожскую Сѣчь въ Очаковъ отправленъ, которому словесно подтверждено взять изъ Сѣчи пашпортъ для торговаго промыслу, а отсюда дана ему записка для памяти, какимъ образомъ, по прибытіи туда, оного переводчика сондировать, уговаривать, присягою обязать и какое потомъ для предосторожности и храненія секрета въ начинаемой и продолжаемой перепискѣ ему дать имѣетъ наставленіе.

Но какъ Вашему Императорскому Величеству всемилостивѣйше извѣстно, что поступающіе на такое великое предпріятіе и весьма деликатное дѣло люди частію по преданности, частію жъ и по собственному интересу побуждаемы бываютъ, то пріемлю смѣлость предварительно всемилостивѣйшаго себѣ испросить указу: какое онымъ годовое опредѣлять жалованье и не соизволено ль будетъ по усмотрѣнію ихъ склонности и обязательства, равно какъ и въ разсужденіи знатности и удобности тѣхъ мѣстъ и источниковъ, изъ которыхъ ихъ извѣстія проистекать имѣютъ, отъ 150 до 200 рублевъ

каждому въ годъ опредѣлить, съ такимъ именно обѣщаніемъ, что по усмотрѣнію вѣрныхъ ихъ услугъ они и прибавки надѣяться могутъ.

II.

Рескриптъ на имя ген.-губ. Глѣбова о бытіи надв. сов. Никифорову въ Кіевѣ для переписки съ пріятелемъ Якубомъ и для другихъ заграничныхъ дѣлъ,—отъ 10 ноября 1765 г. [1])

Принявъ въ уваженіе долговременную службу бывшаго напослѣдокъ въ Крыму нашимъ консуломъ премьеръ-маіора Александра Никифорова, всемилостивѣйше пожаловали Мы его въ надворные совѣтники съ жалованьемъ по 450 р. въ годъ изъ доходовъ Кіевской губерніи, которое имѣете вы въ дачу ему производить съ пожалованія въ сей чинъ, а именно съ 26-го минувшаго сентября, вычтя при первой выдачѣ на лазаретъ за м-цъ, и указали Мы быть ему нынѣ въ Кіевѣ у заграничныхъ дѣлъ въ командѣ вашей; и какъ онъ, Никифоровъ, во время своей въ Крымѣ бытности, чрезъ частое по дѣламъ съ извѣстнымъ пріятелемъ Якубомъ обращеніе, пріобрѣлъ его къ себѣ довѣренность, а потому и склонился онъ, Якубъ, разныя о тамошнихъ происшествіяхъ извѣстія въ нашу сторону подавать, то дабы онъ, Якубъ, толь лучше и безъ всякаго сумнѣнія могъ съ нимъ, Никифоровымъ, какъ извѣданнымъ знакомцомъ, свою переписку производить, за потребно разсудили Мы ту кореспонденцію съ тѣмъ Якубомъ поручить ему, Никифорову, для чего и повелѣваемъ вамъ сдѣланной для кореспонденціи съ Якубомъ цифирной ключъ, каковъ отправленъ вами къ тому Якубу въ Крымъ, отдать ему, Никифорову, и будущія отъ него по вашимъ наставленіямъ къ помянутому Якубу письма отправлять туда въ Крымъ при случающихся изъ Кіева съ дѣлами посылкахъ, а въ случаѣ надобности и съ нарочными, но подъ разными однакожъ приличными претекстами, употребляя въ тѣ посылки изъ рейтарской команды ундеръ и оберъ-офицеровъ, какіе имъ, Н-мъ, для доставленія писемъ способными и надежными признаны будутъ; а что онъ, Н-въ, отъ того пріятеля получать станетъ, оное предписано ему въ данномъ указѣ представ-

---

[1]) Въ слѣдующихъ далѣе актахъ титулы, названія должностей и учрежденій будутъ печататься или одними инціалами или сокращенно.

лять вамъ, а вы имѣете о томъ доносить Намъ чрезъ Кол. Ин. Д., и между тѣмъ употреблять его, Н-ва, и въ другихъ заграничныхъ дѣлахъ по вашему разсмотрѣнію и по способности его, и для того отправленъ онъ къ вамъ въ Кіевъ съ симъ указомъ.

III.

Копія письма къ сов. Веселицкому изъ Очакова отъ конфидента Григорова—отъ 2 декабря 1765 г.

Я вашему высокородію объявляю, что какъ былъ въ малолѣтствѣ, вышедши съ Крыму, гдѣ я и родился, въ Сѣчи торговалъ лавкою, то въ то время блаженной памяти Елисаветѣ Петровнѣ обще съ запорож. козаками въ церкви присягалъ, и тоже я и по сіе время себя твердо держалъ, и, при здѣшнемъ будучи мѣстѣ, въ должности моей много способности (подданнымъ) россійскимъ, сколько моихъ силъ доставало, спомоществовалъ, какъ на войско Запорож., такъ и на проходящихъ купцовъ россійскихъ, и найпаче е. в—п. г. генерала Мельгунова комиссія была за Игната грека, которой былъ, немалую сумму государственную забравши, прибѣжалъ въ Очаковъ и хотѣлъ побесурманиться, однакъ стараніемъ моимъ обратно отосланъ въ городъ Елисаветъ; нынѣ жъ я чрезъ посланного отъ в. в. ко мнѣ нарочного полкового есаула Василія Рецетова повторне въ порученной мнѣ важности россійскому престолу въ четырехъ глазахъ по обычаю христіанскому вѣрности присягалъ.

1, Объявляю в. в. за пріуготовленія военныхъ въ крѣпости Очаковской, въ Бендерахъ и въ Крыму, какъ прежде, такъ и нынѣ находится, вновь запасовъ въ присылкѣ съ Царя-Града ничего не было.

2, Переписка письмомъ чрезъ запорожскихъ козаковъ мнѣ не мало сумнительная, при чемъ я больше за лучшее держу стараніе—имѣйте съ разумныхъ людей опредѣлить въ г. Елисаветѣ, на кого бъ было мнѣ положиться безъ сумнительства, отъ в. в. твердѣйшее дать наставленіе оному, которой будетъ отъ меня письма получать, какъ въ осторожностяхъ, такъ и во всѣхъ обстоятельствахъ; на надписи письма по три штриха буду знакъ давать, чтобъ они прямо къ в. в. доходили въ Кіевъ, имени своего въ письмѣ подписывать не буду, письма писать буду по-гречески.

При семъ же в. в. доношу, что мною послано письмо въ крѣпость Сѣчевую, написано россійскимъ характеромъ, которое письмо подписанное, чтобъ по почтѣ отослано въ Кіевъ, а въ ономъ письмѣ прописалъ, чтобъ прислать ко мнѣ въ Очаковъ разумнаго офицера; только я на томъ письмѣ не подписался, за которое письмо и понынѣ извѣстія никакого не получилъ, и никто не пріѣзжалъ, и получили ли въ губернской (канцеляріи) оное письмо или нѣтъ [1]); а что за важность касалось, то чрезъ сего жъ нарочно присланного ко мнѣ есаула Рецетова в. в. секретъ открываю, а именно: россійской Кабарды съ черкесовъ знатный мурзакъ, по-черкески называется Узденъ, каковъ обычай у нихъ издавна находится, вышелъ на Кубанской степъ воровать; между тѣмъ кубанскими татары пойманъ въ самую перемѣну сего хана, какъ пришелъ въ Бакчисарай, которой еще и недавными часы находился въ Бакчисараѣ подъ карауломъ; и оной Узденъ много просьбу свою употреблялъ предъ ханомъ, также и предъ всѣми салтанами, и поступался дать двѣсти человѣкъ людей отъ себя, но ханъ не схотѣлъ, и совѣтовали между собою, чтобъ его со всею Кабардою подъ хана склонить; и я нынѣ извѣстился отъ знатнаго мурзака, которой тамъ засѣдалъ въ совѣтѣ, что оной узденъ на тое и согласился—какъ возможно съ подъ Россіи вытти со всею Кабардою подъ хана; на сихъ же временахъ заподлинно не могу знать, отпущенъ ли въ домъ или и по сіе время содержится въ Бакчисараѣ, за что я заподлинно увѣдомился и по вѣрности своей о ономъ узденѣ в. в. дѣйствительно даношу и совѣтую осторожность взять.

Приводилъ же еще меня Рецетовый къ тому, чтобъ я на себя взялъ такую жъ повѣренность за городъ Бендеръ, также и за крымскіе города; то я сколько моей мочи стараніе имѣть буду, только, какъ и в. в. небезызвѣстно, на такіе издержки надобно имѣть особенную денежную сумму для всякихъ случаевъ въ поѣздкахъ и для пріему въ развѣдываніи, въ рѣчахъ и въ другихъ такихъ же надобностяхъ, а для лучшаго успѣху, ежели можно, чрезъ вѣрную оказію давать во всемъ наставленіи [2]).

---

[1]) *Ремаркъ*: упомянутое письмо распечатано въ Кременчугѣ г. ген. м. Исаковымъ и по содержанію оного посыланъ былъ въ Очаковъ капитанъ гусарскаго полка Палеологъ, котораго сказка при реляціи отъ 4 генваря сего 1766 г. отправлена.

[2]) Въ ремаркѣ испрашивается ему къ обѣщанному уже въ 150 р. годовому жалованью прибавка въ такомъ же размѣрѣ, т. е., еще 150 р.

IV.

Указъ Кол. Ин. Д. надв. сов. Никифорову, относительно переписки съ Якубомъ,—отъ 28 февраля 1766 г.

Въ данномъ вамъ изъ оной Коллегіи отъ 10-го ноября минувшаго года указѣ хотя предписано было въ отправляемомъ отъ васъ письмѣ къ извѣстному пріятелю Якубу повторить прежнія увѣренія, какъ поданныя ему отъ васъ въ бытность еще вашу въ Бахчисараѣ, такъ и потомъ ему отъ г. ген.-губ-ра кіевскаго учиненныя о произвожденіи ему пенсіи и о прочемъ, и что оныя содержаны здѣсь будутъ безъ всякой отмѣны, но какъ послѣ того усмотрѣно здѣсь въ Кол. Ин. Д. изъ реляціи помянутаго ген.-губ-ра, что помянутой Якубъ опредѣленъ въ Дубосары гетманомъ, то изъ того заключать надобно, что онъ уже при ханѣ крымскомъ не находится, слѣдовательно, и не можетъ дѣлать нужныхъ къ здѣшнему свѣдѣнію сообщеній; почему надлежитъ вамъ воздержаться отъ подангія ему новыхъ увѣреній о произвожденіи пенсіи, а только, по силѣ прежняго указа, отправить къ нему увѣдомительное письмо съ надежнымъ человѣкомъ, что вы для кореспонденціи съ нимъ въ Кіевъ опредѣлены и что потому вы его просите, по прежнему его обѣщанію, чинить вамъ сообщенія отъ времени до времени о тамошнихъ крымскихъ обращеніяхъ и обстоятельствахъ, навѣдываясь при томъ отъ него въ конфиденціи дружескимъ образомъ, по старому вашему съ нимъ ближнему знакомству, и будто отъ себя, и для того токмо, чтобъ знать вамъ, куда своихъ людей къ нему присылать, гдѣ онъ нынѣ, будучи гетманомъ, жительство свое имѣть будетъ и при одной ли той должности онъ нынѣ останется, или еще какая комиссія ему отъ хана препоручена; оному жъ посланному отъ васъ приказать неприметнымъ образомъ стороною тамо развѣдать съ достовѣрностію, что оной Якубъ, сверхъ нынѣшняго его чина, не отправляетъ ли какой другой при ханѣ должности и можетъ ли онъ нынѣ, какъ гетманъ, когда хочетъ, къ хану ѣздить, также—почему онъ въ гетманы опредѣленъ: по его ли собственному желанію или по другой какой причинѣ; и когда по развѣдыванію окажется, что онъ при ханѣ не исправляетъ болѣе прежней переводческой должности, то о произвожденіи ему Якубу ежегодной пенсіи остаться вамъ вовсе въ молчаніи. Если же бы онъ и нынѣ, будучи гетманомъ въ Дубо-

сарахъ, сталъ дѣлать вамъ какія получаемыя иногда отъ его пріятелей при ханѣ сообщенія, то, смотря по важности и справедливости оныхъ, можете вы, съ позволенія ген.-губ-ра, посылать къ нему временно небольшіе подарки, а потомъ, когда дѣйствительно усмотрѣна будетъ важность тѣхъ его сообщеній и откровенность, также и непремѣнная къ продолженію того податливость, въ то время можно ему будетъ и прежде опредѣленную ежегодную пенсію пересылать, донеся однакожъ о томъ напередъ сюда въ Кол. Ин. Д., равномѣрно какъ и о томъ, что по сему указу вами учинено будетъ.

V.

Журналъ отправленнаго чрезъ Очаковъ въ Бендеры нѣжинскаго жителя грека Судаклея,—отъ 4-го марта 1766 г.

По данному мнѣ наставленію отъ его высокоблагородія канцеляріи совѣтника Петра Веселицкаго, отправился я изъ Кіева чрезъ Запорожскую Сѣчь въ Ачаковъ вмѣстѣ съ есауломъ Васильемъ Рецетовымъ. Прибывъ туда обыкновеннымъ купеческимъ порядкомъ, объявилъ свой товаръ, а между тѣмъ у тамошнихъ купцовъ навѣдывался о моихъ должникахъ, предъявляя имъ и письменныя оныхъ обязательства, но какъ, по удостовѣреніямъ, таковыхъ въ Ачаковѣ не нашлось, то я разгласилъ, что для сысканія ихъ принужденъ буду въ Бендеры ѣхать, куда съ небольшими остатками моихъ товаровъ, спустя нѣсколько дней и отправился.

Что въ Ачаковѣ обще съ помянутымъ асауломъ Васильемъ Рецетовымъ провѣдано, все оное имъ обстоятельно въ журналъ внесено. А я сіе только вкратцѣ примѣтилъ, что тамошній переводчикъ Юрья Григоровъ по наставленію уговоренъ и къ присягѣ приведенъ, которому обѣщано жалованья годоваго 120 руб., а по усмотрѣнію усердной и вѣрной его службы, обнадеженъ прибавкою, чѣмъ онъ и доволенъ; только просилъ сверхъ жалованья на чрезвычайные расходы, каковы случиться могутъ при отправленіи иногда по обстоятельствамъ и срочныхъ съ письмами, милостивѣйшей прибавки.

Сей повѣренный объявилъ, что въ Ачаковѣ и Бендерахъ, равно какъ и въ крымскихъ крѣпостяхъ вновь никакихъ пріуготовленій и

въ подвозѣ амуницей или другихъ военныхъ запасовъ ни откуда не было, но вездѣ на старомъ основаніи оставлено.

Изъ Кабардинскихъ черкасъ, которые подъ россійскою состоятъ протекціею, одинъ знатный мурза Узденъ кубанскими татарами на Кубанской степи въ наѣздѣ пойманъ и, во время ханской перемѣны, въ Бакчисарай привезенъ подъ карауломъ, который, по многимъ о свободѣ своей просьбамъ съ обѣщаніемъ 200 человѣкъ обоего пола за себя выкупу дать, ничего предуспѣть не могъ, пока напослѣдокъ, по увѣщанію ханскому чрезъ салтановъ и знатныхъ мурзъ, принужденъ былъ согласиться и обѣщать, что онъ со всѣми Кабардинскими черкесами изъ россійской въ ханскую протекцію выйдетъ; и такъ изъ подъ караула освобожденъ.

Слѣдуя изъ Ачакова въ Бендеры чрезъ кочевья Едисанскихъ татаръ, отъ мурзъ и прочихъ татаръ великія на хана жалобы слышалъ. Они весьма на нынѣшняго хана негодуютъ, по причинѣ великихъ отъ него налоговъ, ибо съ каждой едисанской кибитки взыскано отъ 10 до 30 левковъ серебрянною турецкою монетою, чѣмъ вся Едисанская орда крайне огорчена; по которой причинѣ склонила она на свою сторону и Едичкульскую орду, по надъ Днѣпромъ кочующую, чтобъ совокупно отъ крымской протекціи отойти и подъ россійскую императорскую прибѣгнуть, чего они издавна желаютъ, и просили, ибо де и предки ихъ до турецкихъ походовъ подъ Рос. имперіей состояли; а для способнѣйшаго достиженія сего ихъ намѣренія думаютъ они пробираться степью на Кубань, откуда свободнѣе въ Россію переселиться могутъ. Въ семъ ихъ намѣреніи, видя меня, россійскаго подданнаго, умѣющаго татарскій языкъ, откровенно со мной обходились и моего на то совѣта требовали, увѣряя, что нарочныхъ депутатовъ отъ знатныхъ мурзъ и всего общества въ Россію отправить имѣютъ съ тѣмъ упованіемъ, что милостиво приняты и съ желанною резолюціею къ нимъ отпущены будутъ; на что я имъ отвѣтствовалъ, что они безъ сумнѣнія знаютъ, яко въ Россіи татарскихъ ордъ немалое число, которыя живутъ во всякомъ удовольствіи, наблюдая обѣщанную вѣрность и наслаждаясь спокойнымъ отправленіемъ службы по ихъ закону.

По прибытіи въ Бендеры, сталъ съ квартирою у грека Юрья прозваніемъ Долгого, которому остатки своего товара казалъ и съ нимъ тѣсную дружбу завелъ, стараясь вывѣдать, нѣтъ-ли такого че-

ловѣка, котораго бы можно для переписки употреблять; но всѣ въ Бендерахъ живущіе христіане самые простые и весьма робкіе, къ такой важности неспособные люди. Въ бытность мою въ семъ городѣ, пріѣзжіе едисанскіе татары для покупки запасовъ и подковки лошадей публично къ туркамъ о ханскихъ налогахъ и о ихъ намѣреніи отзывались съ такою только прикраскою, что ежели не пришлется прежній Крымъ-Гирей ханомъ, или Хаджи-Гирей-Султанъ, который предъ симъ съ партіею едисанскихъ татаръ въ Польшѣ былъ, а нынѣ въ Румелѣ, гдѣ ханскія фамиліи пребываютъ, находится, то принуждены будутъ поддаться подъ россійскую протекцію. А турки напротивъ того сказываютъ, что нынѣшній крымскій ханъ, свѣдавъ о семъ татарскомъ намѣреніи, знатнѣйшихъ едисанскихъ мурзъ, до десяти человѣкъ, призвалъ къ себѣ въ Бахчисарай, якобы для нѣкоторыхъ совѣтовъ, которые по прибытіи арестованы и подъ крѣпкимъ содержатся карауломъ.

Въ Бендерахъ никакихъ воинскихъ пріуготовленій я не примѣтилъ. Гарнизонъ оного состоитъ въ 5000 человѣкъ, а турки разглашаютъ оныхъ до 10 тыс.; въ исходѣ прошедшаго года прислано на дачу жалованья гарнизону 450 мѣшковъ денегъ.

Какъ турки весьма любопытны, паче же когда чужестраннаго человѣка видятъ, который ихъ языкомъ съ ними говорить умѣетъ, то въ бытность мою въ Бендерахъ приходили ко мнѣ разные изъ тамошнихъ мѣщанъ и чиновныхъ турокъ, между коими и одинъ булюкъ-баша, который весьма ласково меня привѣтствовалъ и услыша, что я для торговаго промысла и для сыска своихъ должниковъ туда прибылъ, сталъ меня о пограничныхъ крѣпостяхъ спрашивать, снабжены ли оныя гарнизонами, какъ то у нихъ. Я отвѣтствовалъ, что я купецъ, живу въ купеческомъ городѣ, а не въ крѣпости, въ которыхъ у насъ одни только воинскіе люди жительство имѣютъ; наше купечество на другомъ основаніи, не такъ какъ въ Оттоманской имперіи; у насъ всякъ знаетъ свою должность и упражненіе: одинъ пашетъ землю, другой мѣритъ аршиномъ, третій кормится ремесломъ и т. д., а воинскіе люди знаютъ свое упражненіе и забаву и для того готовы на всякій часъ, куда только служба позоветъ. Слѣдовательно, мнѣ до крѣпостей и до войска нужды нѣтъ; мое главное попеченіе о товарахъ стараться, на которомъ больше мнѣ барыша достать можно; ежели о семъ меня спроситъ, я ему основательно и

порядочно о всемъ объявить могу. Онъ паки меня спросилъ: знаю ли я, по послѣдней мѣрѣ, какъ велика россійская армія и скоро-ль она собраться можетъ? на что я отвѣчалъ: какъ она велика, я не видалъ, а въ печатныхъ газетахъ, помнится, лѣтъ тому съ десять назадъ, я читалъ, что оная до милліона простирается; а болѣе сказать не умѣю. По семъ началъ онъ со мной о законѣ и о Божествѣ разговаривать; я къ нему отозвался, что нашъ законъ православный россійскій, одного съ греками, волохами и булгарами исповѣданія, а о Божествѣ я съ нимъ разговаривать не въ состояніи, для того что я не ученый человѣкъ, но купецъ.

На другой день, какъ реченнымъ булюкъ-башею, такъ и другими двумя турками, кои ко мнѣ въ квартиру пришли, между прочимъ, спрашиванъ, когда по отзывамъ татарскимъ они о принятіи ихъ въ протекцію кого-нибудь въ Россію послали-бъ, думаю ль я, что приняты будутъ или отказъ получатъ? Я отвѣтствовалъ: у насъ по книжному говорятъ, что сердце царево въ рукахъ Божьихъ; слѣдовательно, кто можетъ узнать монаршее соизволеніе. Я только то имъ объявить могу, что и безъ нихъ у нашей всемилостивѣйшей императрицы татаръ многія тысячи, кои спокойную жизнь ведутъ, должную вѣрность сохраняютъ и никакого въ законѣ утѣсненія не терпятъ.

Какъ въ бытность въ Ачаковѣ, такъ въ Бендерахъ и въ проѣздѣ моемъ объ опасной болѣзни нигдѣ ничего не примѣтилъ и не слыхалъ; оная, по благости Божьей, вездѣ утихла и пресѣклась.

VI.

Журналъ, держанный асауломъ Васильемъ Рецетовымъ по бытности его в Ачаковѣ, в силѣ данной ему секретнѣйшей записки,—отъ 26 марта 1766 г.

Отправясь из Кіева, для лутчаго претекста слѣдовалъ чрез Запорожскую Сѣчь и, получа у Коша, по совѣту коллежскаго ассесора Чугуевца, к пашѣ ачаковскому рекомендательное писмо о моихъ в Ачаковѣ собственныхъ надобностяхъ, а сверхъ того отъ оного жъ Коша к командиру ачаковскому другое, чтобъ запорожскіе казаки в рыболовныхъ своихъ добычахъ от перешедшихъ тогда к зимѣ чрез

рѣку Бугъ татаръ до жилищъ запорожскихъ с скотами не могли имѣть какихъ обидъ (ибо инако проѣздъ до Ачакова, за наступившими по тракту татарскими кочевьями, былъ опасенъ), прибылъ в Ачаковъ, гдѣ, по старанію извѣстнаго моего знакомца, переводчика Юрья Григорова, квартира мнѣ отведена и правителю городскому Эмину представленъ, которой, помянутыя от Коша письма у меня принявъ, отвѣты на оныя заготовить велѣлъ, а о пашѣ объявилъ, что оной еще от Дуная в Ачаков не прибылъ. Пріемъ мнѣ былъ от Эмина ласковой и подчиванъ по их обычаю кофемъ; разговоровъ примѣчанія достойныхъ с нимъ не имѣлъ, но только по письму меня обнадежилъ о его защищеніи в моихъ нуждахъ по сосѣдственной дружбѣ; а потомъ с реченнымъ переводчикомъ возвратился в мою квартиру, котораго я старался найлутчимъ образомъ угостить; нарочно для него взятыми презентами его обдарилъ, благодаря за дружбу и за благодѣяніе, оказанное в прежнюю мою бытность по возвращеніи из Царя-Града, а между тѣмъ напамятовалъ ему о прежнемъ доброжелательствѣ къ Россійской имперіи; а какъ сіе было наединѣ, то и онъ меня заимно о своей ко мнѣ дружбѣ и неотмѣнной преданности к имперіи сильнѣйшимъ образомъ увѣрилъ; послѣ того звалъ онъ меня к себѣ в домъ, куда я пришедъ, для лутчаго его приласканія, по ихъ обычаю, сдѣлалъ подарки женѣ его и дочери, чѣмъ онъ весьма довольный оказался и с откровеннѣйшею довѣренностью со мною в разговоръ вступилъ, объявляя, что онъ не для собственнаго своего интереса, но по особливой, от единовѣрія вліянной в сердце его к Рос. имперіи преданности и усердію всегда старается россійскимъ подданнымъ возможныя благоугодности дѣлать и по их жалобамъ удовольствительное исходатайствовать снисхожденіе. Онъ своими оброками и состояніемъ весьма доволенъ. Въ Ачаковъ по султанскому указу опредѣленъ переводчикомъ для переписки с пограничными христіанами и для представленія и разбирательства их жалобъ; а в знакъ султанскаго къ нему благоволенія, отмѣнной в его должности довѣренности и для вящаго уваженія чина переводчискаго, дозволено ему зеленую шапку носить; от харача, или обыкновенныхъ подушныхъ денегъ, кои всѣ в Турецкой области живущіе христіане платить должны, со всѣмъ его домомъ уволенъ; жалованья опредѣлено ему в год триста левковъ; домъ имѣетъ свой, в которомъ живетъ; а сверхъ того дозволеніе

ему дано въ Ачаковѣ шинки держать и отданы ему на лиманѣ рыбныя ловли, отчего онъ немалые получаетъ доходы и довольное имѣетъ пропитаніе; слѣдовательно, одно только по единовѣрію усердіе его на то побуждаетъ. Я, перервавъ его рѣчь, предъявилъ ему истинное мое о его состояніи удовольствіе, похваляя свойствы его и усердіе къ единовѣрнымъ, такожъ происходящую оттого к Рас. имп. преданность с такимъ именно изъясненіемъ, что когда онъ неотмѣнно при сихъ похвальныхъ сентиментахъ останется, то не только имя свое у христіанъ прославитъ, но и у Бога за такія добродѣтели воздаянія уповать можетъ; а при томъ присовокупилъ, что для сдѣланія жизни его найблагополучнѣйшей, ничего не остается, какъ обнадежену быть на всякой нечаянной случай, каковы въ Турецкой области часто с христіанами приключаются, всевысочайшею протекціею Нашей Всемилостивѣйшей Государыни, на что онъ с великою радостью спросилъ у меня, какимъ бы образомъ удостоиться и заслужить можно такое неоцѣненное, имъ давно желаемое сокровище? Я, примѣтя его истинное в томъ намѣреніе и усердіе, сказалъ ему, что я весьма надежный способъ показать могу, буде онъ по дружбѣ согласится со мною на узморьи для прохаживанія идти, гдѣ наединѣ свободнѣе и безопаснѣе ему открыться могу, ибо ничто намъ не помѣшаетъ. И такъ, вышедши к берегу, началъ я ему внушать, в силу данной мнѣ секретной записки, о порученной по оной комисіи; но примѣтя на то нѣкоторое с его стороны сумнѣніе, принужденъ былъ клятвою его подтвердить, что я единственно для того в Ачаковъ отправленъ, при чемъ показалъ ему секретную записку за рукою г-на канцеляріи совѣтника Веселицкаго и тѣмъ его убѣдилъ. Онъ мнѣ за сію дружественную довѣренность весьма благодарилъ и объявилъ, что онъ помнитъ свою прежнюю о вѣрности к Рос. имперіи присягу, учиненную еще в младыхъ лѣтахъ по бытности в Зап. Сѣчи, и во всемъ оную наблюдаетъ, а что обстоятельства для поправленія его состоянія и обильнѣйшаго житія на семъ свѣтѣ понудили его переселиться в Ачаковъ, тѣмъ, кажется, онъ присягу не нарушилъ, да и за преступленіе ему признано быть не можетъ; довольно того, что онъ вездѣ, гдѣ бы ни былъ, свято и ненарушимо оную наблюдать готовъ. И такъ онъ весьма охотно согласился принять на себя должность конфидента и учиненною вновь 1-го числа декабря, в четырехъ гла-

захъ по христіанскому образу, присягою оное подтвердилъ; по которой причинѣ я его обнадежилъ высочайшею Е. И. В., на всякой нечаянной и необходимой случай, протекціею и годовымъ, отъ ста двадцати до ста пятидесятъ рублевъ, жалованьемъ, а по усмотрѣніи его ревностныхъ заслугъ и важности сообщаемыхъ извѣстій прибавкою въ награжденіе. Онъ тѣмъ оказался довольнымъ, только просилъ, чтобъ переписка с нимъ в высшей тайности содержана и, кому об оной знать не должно, объявлена не была, ибо чрезъ то ея только способъ и продолженіе его вѣрной службы пресѣченъ быть, но и онъ у турокъ в подозрѣніе попасться и совсѣмъ несчастливымъ учиниться можетъ; пачеже рекомендовалъ мнѣ, чтобъ тѣ, кои иногда к нему с письмами отправляться будутъ, наставлены были крайнюю предосторожность употребить в доставленіи ему оныхъ, дабы от простоты при постороннихъ людяхъ отнюдь письма вручать не отваживались; а запорожцамъ онъ письма свои ввѣрять за ихъ простоту не осмѣлится, но намѣренъ оныя на мое имя надписывать с подчеркою трехъ штриховъ и в крѣпость св. Елисаветы посылать для доставленія г-ну канц. сов. Веселицкому в Кіевъ. А какъ я от крѣпости св. Елисаветы в дальнемъ разстояніи жительство имѣю, то принужденъ былъ ему сказать, что, по возвращеніи моемъ в Кіевъ, я к нему опишу, кому именнно в крѣпости св. Елисаветы или на первой заставѣ письма его отдаваны быть имѣютъ, и на чье имя оные надписывать надлежитъ; онъ, согласясь на сіе, просилъ скораго о томъ увѣдомленія; впротчемъ онъ обнадежилъ меня, что способы имѣетъ доставать въ Крыму о всѣхъ татарскихъ обстоятельствахъ извѣстія, тожъ и изъ Бендеръ, чѣмъ во свое время по усмотрѣнію надобностей и важностей служить обѣщался; а касательно Крыма совѣтовалъ онъ подъ видомъ купечества имѣть в Бакчисараѣ вѣрнаго и искуснаго человѣка, россійскаго подданнаго, которой бы тамъ под тѣмъ претекстомъ жилъ и старался своимъ ласковымъ обхожденіемъ с тамошними чиновными спознаться и оказываемою вѣжливостію в кредитъ оныхъ войти, чѣмъ онъ и у хана свободный можетъ себѣ доставить доступъ и такимъ образомъ способъ имѣть будетъ к свѣданію всего нужнаго, только остерегаться имѣетъ Якуба, яко весьма хитраго и непостояннаго человѣка.

Ханъ крымскій Селимъ-Гирей призыванъ былъ къ Портѣ для приласканія и потвержденія в тотъ чинъ, при которомъ случаѣ взято от него

найсильнѣйшее письменное обязательство послушнымъ быть султану и не поступать такъ, какъ Крымъ-Гирей; а потомъ, в знакъ вящей султанской к нему довѣренности приглашенъ былъ присутствовать в верховномъ тайномъ диванѣ, когда верховнаго везиря на смерть осудили и когда о войнѣ противъ Грузіи державъ совѣтъ, на которомъ постановлено, чтобъ ханъ с своей стороны сухимъ путемъ туда войска отправилъ, о исполненіи чего ему и особливое учинено от Порты потвержденіе; но онъ, по возвращеніи в Крымъ, хотя и собиралъ знатнѣйшихъ мурзъ для склоненія ихъ к отправленію войска, одвако, за представленіями тѣхъ мурзъ, что надлежитъ сперва навѣдаться чрезъ нарочныхъ, каковы проходы в горахъ до Грузіи, посылка войска остановлена. В то самое время переводчикъ Якубъ, яко хитрой и пронырливой человѣкъ, своими представленіями у хана в великой кредитъ вошелъ и от него всѣмъ министрамъ Порты рекомендованъ; которой, пользуясь временемъ и случаемъ, прожектъ подалъ, на какомъ основаніи приумножить из христіанъ обитателей в новозаведенныхъ ханскихъ слободахъ от рѣки Синюхи до Палѣева озера; оной от Порты апробованъ и конфирмованъ. Выходцамъ дана привилегія, которую в тѣхъ селеніяхъ обнародовать приказано для приласканія народа, а Якубу, по его представленію, препоручено о поселеніи той земли главное имѣть попеченіе и для прикрытія сего намѣренія от сосѣдственныхъ державъ приказано Якубу разгласить, что всѣ тѣ слободы ему на откупъ отданы, ибо большею частью селятся тамъ бѣглые из малороссійскихъ и слободскихъ полковъ, тожъ и из Новороссійской губерніи и изъ польской украины, о вызовѣ которыхъ онъ, Якубъ, немалое прилагаетъ стараніе, объявляя имъ данныя привилегіею выгоды и облегченія в податяхъ с учрежденіемъ ярманковъ и протчихъ полезныхъ распорядковъ; по которой причинѣ народъ с помянутыхъ сторонъ сильно туда стекается и селеніи гораздо умножились, да и безпрестанно прибавляются.

О кабардинскомъ узденѣ, пойманномъ кубанскими татарами и содержащемся въ Бакчисараѣ будто за набѣги на Кубань, прежнее свое объявленіе подтвердилъ, кое и капитану Палеологу сказывалъ; напослѣдокъ присовокупилъ онъ, что, по преданности своей к Рос. имперіи, и без нынѣшней на его положенной должности и повѣренности, онъ во многихъ случаяхъ служилъ, в чемъ ссылается на россійскихъ купцовъ, кои в Царь-Градъ и обратно чрезъ Ачаковъ слѣ-

дуютъ, а наипаче свидѣтельствовать о томъ могутъ запорожскіе казаки, кои за своими дѣлами въ Ачаковъ ѣздятъ и г-нъ генералъ-порутчикъ Мелгуновъ, по письму котораго склонилъ онъ ачаковскихъ начальниковъ возвратить ушедшаго из крѣпости св. Елисаветы грека, увезшаго немалую сумму казенныхъ денегъ, не взирая на то, что тотъ грекъ, для избѣжанія того, уже отзывался принять махометанской законъ; колмижъ паче нынѣ, обязавшись уже дѣйствительно новою присягою и обнадеженъ будучи высочайшею Е. И. В. протекціею, простираться долженъ точно и свято свое обѣщаніе наблюдать. По окончаніи сего в разныя времена с нимъ имѣвшаго разговора, поручилъ мнѣ отвѣтъ Эминовъ в Запорожскій Кошъ и два письма, одно на россійскомъ, а другое на греческомъ языкѣ, к г-ну. канц. совѣтнику Веселицкому, да одно по-гречески к кол. ас. Чугуевцу, по давней съ нимъ знакомости и о семъ дѣлѣ безъ опасной и надежной довѣренности на греческомъ діалектѣ, подтверждая, что онъ свою жизнь на совѣсть мою и его, Чугуевца, которымъ, какъ онъ от меня увѣренъ, к сей повѣренности рекомендованъ, препоручаетъ; на что с моей стороны ему обнадеженіе дано, что вскорѣ чрез меня письменно увѣдомленъ будетъ в дѣйствительномъ вступленіи в переписку и какимъ именно каналомъ, да что я и самъ к нему пріѣду, о чемъ онъ наибольше настоялъ. И такъ простясь, оттуда отправился; а для безопасности от татаръ данъ былъ мнѣ провожатый до запорожскихъ казаковъ. Обратный путь былъ, по строгости зимы и над мѣру великихъ снѣговъ, самотруднѣйшій, отчего, по выѣздѣ из Сѣчи в степь, приключилась мнѣ тягчайшая и долговременная болѣзнь, от которой едва только оправился, путь мой продолжать началъ. Сіе то было причиною моему медлительному с исполненіемъ в ввѣренной коммиссіи возвращенію.

Пред самимъ моимъ из Ачакова отъѣздомъ, реченной переводчикъ Григоровъ, ко мнѣ пришедъ, объявилъ, что посланы из Ачакова два янычара, под видомъ купцовъ с турецкими трубками, чрез Новороссійскую губернію в Нѣжинъ, для развѣдыванія о здѣшнихъ обстоятельствахъ. Одинъ изъ нихъ прозывается Барутенко, а другой Махмутъ; первой по-русски говорить умѣетъ, потому что въ Россіи въ полону находился; и для того совѣтовалъ, чтобъ за поступками ихъ непримѣтнымъ образомъ присматривать[1]).

---

[1]) По поводу этого сообщенія Ельчаниновъ немедленно потребовалъ отъ Нѣжинской полк. канц. внимательнаго розыска и наблюденія надъ названными турками, а ноября 7

VII.

Доношеніе кол. асс. Ивана Чугуевца въ секретную экспедицію Кіев. губерн. канцеляріи о результатахъ поѣздки его для пріисканія конфидентовъ и представленіе его же о назначеніи въ Крымъ двухъ уполномоченныхъ со стороны запорожскихъ казаковъ,—отъ 31 марта 1766 года.

По ввѣренной мнѣ о пограничныхъ татарскихъ важныхъ происшествіяхъ коммисіи и в силу повелѣнія оной экспедиціи о сысканіи в Ачаковѣ и в Бендерѣ из тамошнихъ православнаго россійскаго исповѣданія, заможныхъ и кредитъ у начальства имѣющихъ обитателей искуснаго и преданнаго человѣка в конфиденты, для переписки о всѣхъ заграничныхъ обращеніяхъ, представленными и рекомендованными от меня асауломъ Рецетовымъ и купцемъ Судаклеевымъ, пачеже первымъ, склоненъ и пріобрѣтенъ в Ачаковѣ конфидентъ, который и от Бендеръ и другихъ мѣстъ важнѣйшія извѣстія доставлять обязался, чему в поданныхъ сими нарочно посланными журналахъ обстоятельное учинено объясненіе; а какъ оной конфидентъ, по моему с нимъ давнему знакомству, в исправленіи наложенной на него должности, по особливой к Рос. имперіи преданности, весьма надеженъ и способенъ, то я за долгъ себѣ почитаю, при учиненіи об немъ сего засвидѣтельствованія, во уваженіе его совѣта касательно имѣнія в Крыму, а именно в Бакчисараѣ, одного или двухъ человѣкъ из россійскихъ подданныхъ искусныхъ, вѣрныхъ и скромныхъ людей под видомъ купечества, кои бы за тѣмъ ихъ промысломъ неотлучно тамо пребывали и своимъ ласковымъ обхожденіемъ и оказываемою вѣжливостію у тамошняго начальства в кредитъ войти, а чрезъ то у хана свободный доступъ пріобрѣсть и о

полковникъ нѣжинскій Петръ Разумовскій, въ отвѣтъ на это требованіе, донесъ, „что таковы два турка съ Перекопу подъ видомъ купечества въ Нѣжинѣ были и постой имѣли у нѣж. жителя арменина Федора Креслѣя, а имѣли съ собою въ привозѣ турецкія трубки пѣнковыя и другія, и оныя трубки помѣняли на разные нужные товары, холстъ и проч. зъ московскимъ купцемъ Александромъ Панфиловымъ и прошед. марта съ Нѣжина уѣхали, а до того были въ ярмонкахъ въ Сумахъ и Ромнѣ; да особо-де и третій турокъ былъ и квартировалъ въ нѣж. жителя грека Христы Калагоріевого зятя, кой имѣлъ зъ собою полотна обѣганіе и вибойку крымскую и, по сказкамъ постороннихъ, продавалъ за безцѣнокъ разнымъ грекамъ и нѣж. жителямъ и, съѣздивши въ Борзну въ середопостній ярманокъ, того жъ апрѣля 5 отлучился съ Нѣжина въ свою сторону“.

найважнѣйшихъ обращеніяхъ всегда доносить могли, по требованію оной экспедиціи, слѣдующее на благоволительное разсмотрѣніе в покорности моей представить.

По обращенію моему при границѣ крымской в исправленіи порученныхъ мнѣ дѣлъ и частому по онымъ с татарами обхожденію, случай имѣлъ примѣтить непостоянную ихъ жизнь и к разнымъ перемѣнамъ склонность, по которой они ко всякимъ безпокойствамъ и роптанію на начальствующихъ весьма поползновенны и дерзки; слѣдовательно, признаться долженъ, что совѣтъ пріобрѣтеннаго конфидента для перестереженія высочайшихъ интересовъ не только полезенъ, но и необходимо нуженъ, ибо и прежде сего по воспослѣдованному, за неизвѣстными мнѣ причинами, отзыву из Крыма консула Никифорова, от е. в.-п. генерала аншефа Кіевской губ. генерала-губернатора и кав. И. Ф. Глѣбова дано было мнѣ повелѣніе сыскивать способы к имѣнію в Бакчисараѣ вѣрнаго и искуснаго человѣка из россійскихъ подданныхъ, который бы пріобрѣтаемымъ у тамошняго начальства кредитомъ соспособствовать могъ к занятію того важнаго мѣста новоопредѣляемымъ искуснымъ и достойнымъ консуломъ.

В разсужденіе сихъ важныхъ обстоятельствъ, по присяжной и вѣрноподданнической моей должности, слѣдующей резонъ способнѣшимъ признаваю для склоненія крымскаго хана и тамошняго правительства на принятіе двухъ человѣкъ россійскихъ подданныхъ в Бакчисарай депутатами со стороны запорожскихъ казаковъ.

Не безъизвѣстно, что Запорожскаго войска казаки великимъ числомъ во всѣхъ крымскихъ городахъ торги свои производятъ и, непрерывно лѣтомъ и зимою в семъ промыслѣ тамо обращаясь, в причиненныхъ имъ обидахъ по кредитамъ или другими случаями с тамошними обывателями частыя тяжбы и расправы имѣютъ; а по простотѣ своей от тамошнихъ начальниковъ, при домогательствѣ о правосудіи, за незнаніемъ судебнаго порядка, оставляются без удовольствія, отчего лишнія только происходятъ затрудненія и переписки с Кошомъ и с пограничными комисарами, иногда и в самыхъ маловажнѣйшихъ дѣлахъ, кои повѣренными могли бы на мѣстѣ рѣшены и обоюдные подданные удовольствованы и успокоены быть.

Войска Запорожскаго Кошу дозволеніе дать по сему резону, когда уже два человѣка, о коихъ ниже упомянуть не премину, в Крыму

для купеческаго промысла находиться будутъ, к крымскому хану отписать, что для избѣжанія всѣхъ от лишней, по жалобамъ торгующихъ в Крыму запорожцевъ, переписки происходящихъ затрудненій и безпокойствъ, они тѣхъ двухъ человѣкъ по ихъ дѣламъ уполномочиваютъ депутатами, дая имъ полную власть, по жалобамъ торгующихъ, всѣ споры по сосѣдственной дружбѣ на мѣстѣ рѣшить и обиженнымъ надлежащее правосудіе доставлять.

Для такого в Крымъ отправленія, нахожу я способнѣйшими, надежнѣйшими, искуснѣйшими из всѣхъ в Крыму торгующихъ запорожцевъ и малороссіянъ асаула Василья Рецетова и полтавскаго мѣщанина Павла Яковлева Руденка. Первой, будучи с младыхъ лѣтъ в войскѣ Запорожскомъ по купеческому промыслу, многократно в Крыму бывалъ, о всѣхъ тамошнихъ внутреннихъ поведеніяхъ и обрядахъ совершенно свѣдомъ; знакомыхъ и пріятелей из знатныхъ крымскихъ обывателей довольно имѣетъ; онъ кромѣ Крыма торговлю производилъ в Царѣ- Градѣ и на островахъ бѣломорскихъ, по которой причинѣ употребленъ былъ от г. тайн. сов. Обрескова в нѣкоторыхъ секретныхъ разслѣдованіяхъ и для вывозу плѣнныхъ и отпущенъ с рекомендаціею; словомъ, человѣкъ знающій и достойныхъ качествъ. Послѣдній Руденко с молодыхъ лѣтъ по купечеству промышляетъ в Крыму и в Царѣ-Градѣ, и больше в Крыму, нежели в отечествѣ, обращается. Онъ своими честными поступками и постоянствомъ пріобрѣлъ у всѣхъ знатнѣйшихъ кримскихъ чиновныхъ немалой кредитъ и почитаемъ ими знатнѣйшимъ и честнѣйшимъ из всѣхъ здѣшнихъ купцовъ; ему все состояніе крымскихъ обывателей, образъ правительства и нравы, по долголѣтнему с тѣмъ народомъ обхожденію, вѣдомы; онъ же на татарскомъ и турецкомъ языкахъ весьма искусенъ; слѣдовательно, по политическимъ дѣламъ в тамошнихъ мѣстахъ весьма способенъ.

Когда посылка сихъ двухъ достойныхъ людей всевысочайшей апробаціи заслужитъ и они с довольнымъ наставленіемъ туда отправлены будутъ, то надлежитъ имъ от большей части запастись нужнымъ товаромъ, на которой не только великой расходъ, но и способъ чрез оной себѣ доставить могутъ к свободному с знатными придворными и фаворитами ханскими обхожденію, слѣдовательно, и к пріобрѣтенію у нихъ кредита.

Они, продолжая бытность свою в Бакчисараѣ, по усмотрѣнію обстоятельствъ, и когда уже, какъ выше упомянуто, от Коша приняты будутъ, стараться могутъ для приращенія комерціи учредить тамо и свою контору, отчего государственному интересу не малая польза произойти можетъ, а сверхъ того, при удобныхъ случаяхъ, не преминуть частыми, пристойными внушеніями стараніе прилагать и о склоненіи хана на требованіе присылки новаго консула в Бакчисарай.

Примѣч. Находя, что это представленіе Чугуевца основано „на правилахъ, сходственныхъ съ высоч. интересами и для будущихъ временъ не безполезное", Ельчаниновъ препроводилъ его на высоч. усмотрѣніе при реляціи отъ 7-го апрѣля, въ которой о самомъ Чугуевцѣ выражался такъ, что де его „стараніемъ древніе между запорожскими казаками самовольные обряды и обыкновенія прекращены, и къ доброму порядку и субординаціи, кои и нынѣ между ими наблюдаются, поводъ поданъ.

VIII.

Всеподданнѣйшій докладъ Коллегіи Иностран. Дѣлъ о необходимости завести „пріятелей"-корреспондентовъ,—отъ 3 апрѣля 1766 г.

Кіевскій генералъ-губорнаторъ Глѣбовъ реляціею на всевысоч. В. И. В. имя и рапортомъ въ Кол. Ин. Д. представлялъ о надобности въ Очаковѣ, Бендерахъ, Могилевѣ и Ясахъ завести пріятелей къ полученію чрезъ нихъ въ здѣшнюю сторону достовѣрныхъ увѣдомленій о всѣхъ тамошнихъ примѣчанія заслуживающихъ происхожденіяхъ и о надежныхъ туда приходящихъ слухахъ, къ чему уже одинъ польскаго мѣстечка Ягорлыка священникъ Илья Сулима объявилъ свою готовность въ письмѣ къ нему, генералъ-губернатору, присланномъ, а другой, находящійся при очаковскомъ пашѣ переводчикъ россійскаго языка, способнымъ къ тому признавается, и по оказуемой имъ переводчикомъ въ разговорахъ съ запорожскими козаками и прочими В. И. В. подданными склонности къ оказанію здѣшней странѣ услугъ отправленъ къ нему изъ Кіева одинъ знаемой ему отставной есаулъ Василій Рецетовъ съ довольнымъ наставленіемъ къ склоненію его, переводчика, на доставленіе сюда желаемыхъ о заграничныхъ происшествіяхъ извѣстій. Между тѣмъ же онъ, Глѣбовъ, испрашиваетъ себѣ въ резолюцію указа, какое опредѣлять

поступающимъ на такое предпріятіе людямъ годовое жалованье, предлагая при томъ, что не повелѣно ли будетъ изъ такихъ людей производить ежегодно каждому отъ ста пятидесяти до двухсотъ рублевъ съ такимъ для найлучшаго тѣхъ людей поощренія обѣщаніемъ, что, по усмотрѣніи вѣрности и важности ихъ услугъ, они наиболѣе того еще награждены будутъ.

Коллегія Ин. Д., бывъ съ вышепомянутымъ генерала Глѣбова предложеніемъ согласна, а особливо что за небытностію теперь здѣшняго въ Крыму консула небезнужно есть имѣть такихъ въ разныхъ мѣстахъ пріятелей, которые бы о заграничныхъ обращеніяхъ и разглашеніяхъ извѣстія въ здѣшнюю сторону подавали, потому занужно находитъ В. И. В—ву всепод. объ ономъ представить и что тѣмъ пріятелямъ при первомъ случаѣ опредѣлить можно жалованья, смотря по важности мѣста и человѣка, каждому отъ пятидесяти до ста пятидесяти рублевъ въ годъ, чѣмъ они, кажется, довольны будутъ, ибо надѣяться нельзя, чтобъ сначала всякой изъ тѣхъ пріятелей съ полною откровенностію о всемъ сюда сообщалъ, но для преду они прочными быть могутъ и современемъ отъ нихъ болѣе довѣренности и усердія къ здѣшней сторонѣ ожидать будетъ можно, бывъ особливо каждый изъ нихъ побужденъ надеждою къ полученію болшаго награжденія, когда который изъ нихъ въ здѣшнюю сторону доставитъ какія важныя и справедливыя увѣдомленія, почему тогда таковымъ и дѣйствительно учинить можно будетъ какое особливое награжденіе, смотря по ихъ заслугѣ. Что все однакожъ Коллегія предаетъ на всевысоч. В. И. В. благоразсмотрѣніе.

На оригинальномъ докладѣ подписано собственною Е. И. В. рукою тако: „быть по сему“.

IX.

Реляція ген.-губ. Глѣбова о возвращеніи есаула В. Рецетова и о привезенныхъ имъ извѣстіяхъ объ установленіи способа переписки съ конфидентомъ Григоровымъ,—отъ 7 апрѣля 1766 г.

Вслѣдствіе прежнихъ моихъ отъ 8 и 16 сего марта всенижайшихъ реляцій, имѣю честь В. И. В. всеподданнѣйше донести, что давно ожидаемой есаулъ Василій Рецетовъ третьяго дня сюда при-

былъ и отъ пріобрѣтеннаго въ Очаковѣ конфидента, переводчика Юрія Григорова, два письма—одно на русскомъ, а другое на греческомъ языкѣ—канц. совѣтнику Веселицкому подалъ, съ коихъ при семъ точная копія и переводъ, равно какъ и держанной реченнымъ есауломъ журналъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ на всевысоч. усмотрѣніе подношу.

Но какъ сей новопріобрѣтенной конфидентъ отзывается, что онъ пересылку своихъ писемъ случающимся тамо запорож. козакамъ повѣрить не смѣетъ, дабы отъ простоты, безразсудства или неосторожности иногда какой-либо въ томъ прошибки произойти не могло, по которой причинѣ просилъ назначить ему вѣрнаго и искуснаго въ крѣпости св. Елисаветы человѣка, которой бы у нарочно посланныхъ его письма принималъ и оныя немедленно канц. сов. Веселицкому въ Кіевъ пересылать могъ; то въ разсужденіи такой его въ сей важной перепискѣ предосторожности отъ меня г. генералъ-маіору Исакову сообщено—находящемуся на Орловской заставѣ штабъ-офицеру и крѣпости св. Елисаветы коменданту отъ себя секретными ордерами найсильнѣйшее учинить подтвержденіе, а именно, первому: какъ скоро только пріѣзжій у форпоста явится съ письмомъ, на которомъ греческая или россійская надпись на имя купца грека Пантазія и у надписи поставлены будутъ три прямыя черты, то оное у подателя безъ малѣйшаго отлагательства и всякихъ разспросовъ, развѣ онъ отъ себя при подачѣ письма что-либо словесно объявлять станетъ, принимать и тотъ же часъ къ коменданту крѣпости св. Елисаветы съ нарочнымъ отправить, а сему равномѣрно, не распечатавъ, съ нарочнымъ же г. ген.-м. Исакову и такъ далѣе до здѣшняго мѣста доставлять, дабы иногда по важности содержанія гдѣ либо на почтѣ, какъ то часто случается, оные продержаны быть и залежаться не могли; а сверхъ того поручено было бъ обрѣтающемуся на Орловскомъ форпостѣ шт.-офицеру пріѣзжающихъ отъ время до времени съ вышереченными письмами людей всегда ласкаво принимать и, пока отдыхать пожелаютъ, пищею удовольствовать, отнюдь имъ никакого огорченія не показывая; къ тому жъ г. ген.-м. Исакову поручено къ сему конфиденту отъ себя никакихъ писемъ не посылать и нарочныхъ не отправлять, дабы чрезъ то не привесть его у тамошнихъ въ подозрѣніе, а когда случится по губернскимъ дѣламъ въ Очаковъ писать или нарочныхъ посылать, чтобъ къ нему не

адресовать, но къ тамошнему коменданту, а съ нимъ бы отнюдь знакомства не искать. О семъ учрежденіи и предосторожности переводчику Юрью Григорову съ отправленнымъ отъ есаула Рецетова нарочнымъ знать дано.

Между прочими въ журналъ внесенными извѣстіями видится мнѣ описаніе характера бывшаго ханскаго переводчика, а нынѣшняго дубосарскаго воеводы Якуба, весьма примѣчанія достойное, паче по тому, что конфидентъ Юрій Григоровъ, не зная о Якубовомъ обязательствѣ, по одной только преданности и ревности, предостерегаетъ В. И. В. подданныхъ отъ его хитрыхъ и пронырливыхъ умысловъ. Позвольте, Всемил. Государиня, по сему пункту мое слабѣйшее представить мнѣніе: я, полагая между обоими сими безпристрастное и съ разсудкомъ сходное сравненіе, по всѣмъ справедливымъ и неоспоримымъ резонамъ признаваю Юрья усерднѣйшимъ и предпочитаю его Якубу, ибо сей послѣдній, яко природной турокъ, никогда съ тою преданностію и усердіемъ В. И. В. служить не можетъ, съ какою единовѣрный служитъ, тѣмъ паче, что онъ въ такомъ случаѣ поступаетъ противъ своего закона, слѣдовательно отъ него и пользы ожидать не надлежитъ, а слыть ему конфидентомъ до времени, пока изъ слѣдствій вѣрность его окажется.

Есаулъ Рецетовъ, который свою комиссію толь охотно и съ такимъ успѣхомъ исправилъ, жаловался, что во время его четырехъмѣсячной по сей ввѣренной ему комиссіи отлучки домъ его постоями отягощенъ и домашніе оттого крайнее претерпѣвали утѣсненіе, то не соизволите ли В. И. В. всемил. повелѣть, въ разсужденіи его службы, пожаловать ему изъ Коллегіи Ин. Д. увольнительной отъ постою открытой указъ и оной сюда для доставленія ему прислать. Какіе жъ онъ переводчику Григорову для лучшаго его приласканія учинилъ подарки, при семъ В. И. В. подношу поданной мнѣ отъ него реестръ [1]), по которому здѣсь изъ опредѣленной на чрезвыч. расходы суммы ему и платежъ произведенъ.

---

[1]) Въ реестрѣ этомъ значится: 1 футро черное—17 р. 50 к.; 1 футро казанское бѣлячье—9 р. 25 к.; 3 конца полотна трубковаго, по 2 р. 50 к.,—7 р. 50 к.; 53 арш. полотна гладкаго ярославскаго, по 6 к. арш.—3 р. 18 к.; 3 головы сахару вѣсомъ 15 ф., по 23 к. фунтъ—3 р. 45 к.; 1 ф. чаю—2 р. 50 к.; 65 окъ масла, по 13 к.,—7 р. 80 к.; 23 кварты водки, по 14 к. кварта,—3 р. 22 к.; итого всего 48 р. 40 к.

X.

Реляція ген.-губ. Глѣбова о пріисканіи конфидента въ г. Могилевѣ, съ приложеніемъ письма этого конфидента,—отъ 7 апрѣля 1766 г.

В. И. В. изъ предъидущей моей всепод. реляціи и приложеній къ оной всемил. усмотрѣть изволили, что стараніемъ канц. сов. Веселицкаго въ Очаковѣ надежной пріобрѣтенъ конфидентъ; но какъ обширность границы имперіи В. И. В. съ землями Турецкой области необходимо требуетъ, чтобъ и въ другихъ пограничныхъ городахъ, для престереженія высоч. интересовъ, конфидентовъ имѣть, то его жъ, канц. сов. Веселицкаго, стараніемъ чрезъ здѣшняго мѣщанина Григорія Бѣлявскаго, торгующаго въ Турецкую область, преклоненъ и обязался присягою живущій на Днѣстрѣ въ г. Могилевѣ знатной и богатой купецъ грекъ Іоанъ Николаевъ прозваніемъ Кафеджи, которой уже и переписку началъ, какъ В. И. В. изъ поднесеннаго при семъ перевода письма къ реченному канц. сов. всемил. усмотрѣть изволите. А какъ сей грекъ ему, канц. сов-ку Веселицкому, знакомъ по бытности при арміи В. И. В. въ Пруссіи, гдѣ онъ въ такой же должности отъ него, Веселицкаго, нѣкоторое время употребленъ былъ, то надѣяться можно, что, по учиненной присягѣ и охотному, въ разсужденіи единовѣрія, на принятіе сей должности согласію, онъ ревностное свое стараніе употребить не оставитъ для доставленія отъ время до времени нужныхъ къ свѣдѣнію извѣстій; за что онъ канц. сов. Веселицкаго на томъ же основаніи, какъ и Григоровъ въ Очаковѣ, обнадеженъ высоч. В. И. В. протекціею и годовымъ жалованьемъ, а по усмотрѣніи его вѣрной и ревностной службы, равно какъ и важности сообщаемыхъ извѣстій, высокомонаршимъ награжденіемъ и прибавкою жалованья.

Теперъ остается только въ Ясахъ и Хотинѣ по одному конфиденту найти, дабы всю границу, взявъ съ Крыма даже до Хотина, оными снабдить для способнѣйшаго о всякихъ тамошнихъ обращеніяхъ благовременнаго свѣдѣнія, которые стараніемъ его жъ, Веселицкаго, со временемъ пріобрѣтены быть имѣютъ.

Кромѣ того, на себя въ эту поѣздку Рецетовъ издержалъ 45 р., да греку Судакліо далъ на поѣздку въ Бендеры 60 р. Такимъ образомъ, всего издержано Рецетовымъ 153 руб. 40 коп., которыя и выданы ему изъ Кіев. губ. канцеляріи.

Приложеніе: Переводъ письма кондидента, находящагося въ Могилевѣ, — отъ 8-го марта 1766 г.

Въ прошлыхъ дняхъ получилъ я почтеннѣйшее ваше письмо чрезъ г. Ивана Жулескула[1]), который поѣхалъ въ отечество, но понынѣ еще не возвратился. В. в. поручили мнѣ при обратномъ оного с фамиліею сюда прибытіи возможное ему учинить вспоможеніе; я не премину по сему случаю исполнить ваши приказанія. Другое ваше письмо въ отвѣтъ на мое первое чрезъ Стефана Ильича я исправно получилъ, содержаніе котораго я совершенно выразумѣлъ и по тому исполнять не премину. Теперь доложу вамъ, что бывшій здѣсь королевской пруской гусарской маіоръ для покупки лошадей, накупя оныхъ немалое число, отсюда въ Пруссію отправился, а на мѣсто его пріѣхалъ кирасирской маіоръ же съ пятью оберъ-офицерами и съ нѣсколькими рядовыми, которой отправился въ Балту для покупки по извѣстію немалого жъ числа лошадей. По границѣ обстоитъ все благополучно, тихо и по милости Божіей вездѣ мирно. Сего марта 3 числа прибылъ сюда отправляемой отъ хана крымскаго чиновной человѣкъ, при которомъ четыре служителей, и поѣхалъ по его объявленію посланцемъ въ Варшаву. Что изволите приказывать, чтобъ въ мѣсяцъ по дважды о здѣшнихъ пограничныхъ обстоятельствахъ и другихъ примѣчанія достойныхъ извѣстіяхъ вамъ доносить, хотя и трудно, потому что другіе купцы, кромѣ кіевскихъ, мало сюда пріѣзжаютъ съ тѣмъ, чтобъ въ Кіевъ ѣхать, ибо пріѣзжіе изъ турецкихъ краевъ греки и волохи для купечества въ Кіевъ не отправляются, однако я употреблю крайнее стараніе для сысканія къ тому способовъ, имѣя честь быть вѣрнымъ слугою.

XI.

Реляція оберъ-коменданта Ельчанинова о присылкѣ писемъ дубосарскимъ воеводой Якубомъ, о намѣреніяхъ этого послѣдняго и готовности крым. хана на принятіе рус. консула въ Бахчисарай,—отъ 18 апрѣля 1766 года.

Во исполненіе высоч. В. И. В. повелѣнія, даннаго генералъ-аншефу и кіев. ген.-губ. Глѣбову рескриптомъ отъ 10-го ноября

---

[1]) *Ремаркъ:* Сей Жулескулъ дворянинъ изъ Валахіи, которой, по вызову переводчика Миролюба, на поселеніе въ силу обнародованныхъ монифестовъ сюда выѣхалъ и, оставивъ своего брата при здѣшней Академіи Наукъ, поѣхалъ обратно для вывозу всей его фамиліи.

прошлого 1765 г., какое отъ прибывшаго сюда минувшаго марта 20-го надв. сов. Никифорова къ извѣстному пріятелю дубосарскому воеводѣ Якубу кіев. рейтар. команды съ кап. Соловковымъ, отъ 31-го того жъ марта, отправлено письмо, съ онаго при семъ на всевысоч. усмотрѣніе точную подношу копію. Въ тожъ самое время отъ реченнаго пріятеля нарочной съ письмомъ къ ген. губ-ру прибылъ и, по данному ему отъ Якуба наставленію, въ разсужденіи давняго знакомства, прямо къ кап. Бастевику заѣхавъ, квартиру себѣ испросилъ, отъ котораго ласково принятъ и во всю здѣсь бытность достаточно довольствованъ былъ.

Сколько сей пріятель въ письмѣ своемъ ни остерегался о собственномъ его интересѣ что-либо упоминать, прикрашивая оное разными извѣстіями и найсильнѣйшими увѣреніями о его нелицемѣрной преданности до скончанія жизни, столько больше алчность и нетерпѣливость его къ полученію обѣщаннаго ему знатнаго пенсіона изъ другого къ кап. Бастевику письма и реестра примѣтить можно; слѣдовательно, и главной предметъ посылки нарочнаго не въ иномъ состоялъ, но въ выручевіи искуснымъ образомъ того пенсіона. В. И. В. изъ моего къ нему ответа, письма кап. Бастевика, цыдулки и реестра, съ коихъ при семъ точныя копіи (подношу), всемил. усмотрѣть изволите, какое ему обнадеженіе учинено и что для приласканія на сей первой случай отъ кап. Бастевика, въ знакъ его съ нимъ дружбы, по присовѣтыванію нарочно присланнаго, къ нему въ подарокъ послано.

Но какъ между инымъ касательно податливыхъ отзывовъ крым. хана о принятіи вновь консула я его увѣрилъ, что къ обрѣтающемуся въ Константинополѣ В. И. В. министру отъ меня письмо будетъ для исходатайствованія отъ Порты дозволенія стараніе приложить, то не соизволите ли В. И. В. всемилостивѣйше повелѣть по сему толь полезному для интересовъ В. И. В. дѣлу тайн. сов. Обрескову изъ Кол. Ин. Д. предписать надлежащее у тамошняго министерства учинить употребленіе, дабы исходатайствованіемъ точного отъ Порты на принятіе вновь россійскаго консула дозволенія такой важной постъ занявъ на будущія времена тѣмъ удобнѣе утвердить можно было.

Приложенія:

а) Переводъ письма конфидента Якуба изъ Фокшанъ къ ген.-губ Глѣбову, — отъ 31 марта 1766 г.

Получа удобное и свободное время, не премкнулъ при засвидѣтельствованіи моего нижайшаго почтенія, исполняя должность мою, и для

показанія должной моей службы увѣдомить моихъ извѣстныхъ сосѣдовъ о точномъ и справедливомъ поведеніи и намѣреніи здѣшней стороны. Порта, какъ я надѣюсь и подлинное о томъ извѣстіе имѣю, не имѣетъ противу Россіи никакихъ худыхъ намѣреній, но паче всѣми силами желаетъ сохранить постоянную пріязнь. Чтожъ принадлежитъ до учрежденія въ Крыму россійскаго консула, ханъ могъ бы къ тому склониться, еслибъ ему о томъ отъ Порты было напомянуто, ибо всѣмъ извѣстно, что онъ воли ея весьма повинуется, слѣд. и старается хранить съ Россіею добрую пріязнь. Пограничныя дѣла хана чрезмѣрно безпокоятъ, и онъ тѣми весьма скучливъ, которыя чрезъ консула удобнѣе производимы и успокоены быть могутъ, въ чемъ ему и начальники справедливо присовѣтовать могутъ; о семъ мое таковое мнѣніе, да и самому мнѣ о томъ нѣсколько разъ удавалось съ ханомъ говорить, чему онъ видится быть согласнымъ; только думать надобно, что онъ желаетъ, чтобъ къ нему о томъ Порта отозвалась.—Великой князь кабардинской, прозываемой Дзамирлатъ, находится здѣсь въ Крыму; княжества же того жители старались, чтобъ имъ позволено было разорить заложенную яко бы въ прошедшемъ году близъ Кабарды крѣпость, но въ томъ получили отказъ; а пойманный давней князь кабардинскій и нынѣ содержится подъ карауломъ, котораго братъ на сихъ дняхъ въ Бакчисарай пріѣхалъ и старается о его освобожденіи, но понынѣ не получилъ на то никакой резолюціи, да и сумнительно, чтобъ оной былъ освобожденъ, ибо они хотятъ имѣть отъ нихъ больше аманатовъ и въ самомъ дѣлѣ изо всѣхъ черкескихъ княжествъ имѣютъ уже достойныхъ князей въ аманатахъ.

О всѣхъ происхожденіяхъ въ Россіи и Польшѣ мнѣ самому поручено хана увѣдомлять. Цесарь (султанъ) тожъ пишетъ къ хану, чтобъ о всѣхъ дѣлахъ ему давать знать, чему прилежно съ ханской стороны соотвѣтствуется.

Мнѣ, какъ живущему здѣсь на границѣ, строго приказано все наблюдать, а особливо отправляемы бываютъ въ Россію и Польшу частые шпіоны, но они вовсе никому не вредны, ибо о секретныхъ дѣлахъ развѣдывать не могутъ. Здѣшніе жъ господа не имѣютъ нигдѣ своихъ кореспондентовъ. Я жъ, будучи присяжнымъ россійскимъ подданнымъ, о всякомъ важномъ и нужномъ дѣлѣ давать знать не упущу, лишь бы только имѣть способъ далѣе мою кореспонденцію продолжить; я лучшаго къ сему средства изобрѣсть не могу, кромѣ того, о которомъ чрезъ бывшаго здѣсь у меня капитана (Бастевика) знать далъ, но не получа на то и понынѣ никакой резолюціи, самъ не знаю, что мнѣ дѣлать, чего для отправляю съ симъ нарочнаго вѣрнаго человѣка Махмута, чрезъ котораго прошу меня увѣдомить,—стараться ль мнѣ исполнять впредь мою должность или

нѣтъ? Я никогда не намѣренъ моей присяги нарушить, но паче до конца жизни моей служить желаю, и какое получу наставленіе, то по тому и службу мою продолжать долженствую. Что изъяснивши, пребываю, навсегда съ надлежащимъ почитаніемъ.

б) Того же Якуба письмо къ кап. Бастевику изъ Балты.

Чрез посланнаго от меня Махмута мой унижайши засилаю вам поклонъ и прошу усердно пожалуйте приложить своихъ трудовъ и подлугъ описаннаго реестру[1]) покупки накупить, то ест футеръ, ибо там сут лучшие и дешевле. И егда би денегъ для овой покупки стать не могло, то прошу вашего благородія у якового купця взять на вексиль денег и покупить, во верность чего, когда не станет денег, и пожичите у каковаго купця на розписку, блянкет з своимручно подписом посилаю. О интересахъ тих, о которих между нами уговоръ бил, не имѣлем жадного писма от вашего благородія, ежели приидутъ до дѣла; я еднак имею надежду, же при трудахъ ваших могу отобрать надежду и прошу меня уведомить в том. При сем зостаю вашего благородия искренны приятел и слуга Якуб-ага воевода.

в) Письмо Ельчанинова къ Якубу.

Благородный и дознанный пріятель мой! Вашего благородія пріятное письмо, адресованное къ г. Кіевъ г. ген. губ—ру Глѣбову, я чрезъ подателя сего, нарочно отъ васъ присланнаго человѣка, исправно получилъ и, какъ оной г. ген. губ. Глѣбовъ предъ недавнимъ временемъ, по высоч. Е. И. В. соизволенію, отправился въ С.-Петербургъ, то я, будучи вмѣсто его въ управленіи Кіев. губ., какъ за оное письмо, такъ и за все въ немъ содержанное, покорно благодарствую, прося и впредь обѣщанную вами кореспонденцію продолжать, увѣряя при томъ, что за то вы опредѣленную вамъ пенсію въ свое время исправно получать и высоч. Е. И. В.

---

[1]) Въ реестрѣ требовалось: 5 шубъ бѣлки черной сибирской „большой роботы", 5 шубъ бѣлки „сивой болшой роботи", 5 шубъ горностаевыхъ, „волчуру белую вовчую" и „душок лисячихъ пар сорок". Порученіе это исполнено Бастевикомъ не было, а потому и „блянкетъ" возвращенъ. За содержаніе же нарочнаго Магмута и за доставку его отъ крѣпости Св. Елисаветы въ Кіевъ и обратно до Дубосаръ (12 р.), равно и за подарки Махмуту и самому Якубу, какіе были Бастевикомъ куплены, уплочено было изъ Кіев. губ. канц. 41 р. 69 к. Въ подарокъ Махмуту было куплено 4 арш. сукна красчаго по 2 р. 70 к. и двѣ пары перчатокъ за 1 р. 20 к.: одни лосиные, а другіе замшевые, и клинокъ шпажной 1 за р. 40 к.; для Якуба же—пара перчатокъ лосиныхъ 70 к., 5 паръ замшевыхъ по 50 к., 6 паръ женскихъ лайковыхъ перчатокъ тоже по 50 к. пара и 2 ф. чаю „Жулану" по 2 р. за фунтъ.

благоволеніе пріобрѣсть можете; а какимъ образомъ оную кореспонденцію продолжать, о томъ въ отправленномъ недавно къ вамъ отъ бывшаго предъ симъ въ Крыму консула Никифорова письмѣ изъяснено. Что жъ принадлежитъ до принятія вновь въ Крыму здѣшняго консула, то о учиненіи о томъ Блист. Портѣ представленія къ находящемуся въ Константинополѣ здѣшнему министру отъ меня писано и высоч. Е. И. В. двору донесено быть имѣетъ.

г) Изъ письма кан. Бастевика къ Якубу.

...Что жъ изволите требовать о исправленіи для васъ по приложенному при томъ письмѣ реестру покупокъ, то оное ваше требованіе охотно бы я желалъ исполнить, но какъ въ Кіевѣ изъ показанныхъ въ ономъ реестрѣ вещей горнастаевыхъ мѣховъ и волчихъ бѣлыхъ винчуръ (?) никогда и во время ярмонковъ не бываетъ, а бѣлячьи мѣхи хотя иногда во время жъ ярманокъ и случаются въ продажѣ, но и то самой послѣдней доброты, какъ и сего податель можетъ васъ увѣрить, что я съ нимъ, нарочно ходя по здѣшнимъ торговымъ рядамъ, оныхъ требуемыхъ вами вещей спрашивалъ, но ничего сыскать не могъ; хотя жъ таковыя вещи обыкновенно бываютъ въ продажѣ въ г. Нѣжинѣ, но и изъ того города въ нынѣшнее время обыкновенно всѣ купцы съ товарами на бываемыя внутрь Россіи ярмонки разъѣхались, а въ Нѣжинѣ большой купецкой съѣздъ будетъ въ слѣдующую токмо послѣ Троицына для ярмонку, до котораго времени отнынѣ простирается до десяти недѣль, то въ разсужденіи того изволите в. б. чрезъ оное взять терпѣніе, а по наступленіи того времени о исправленіи для васъ вышеписанныхъ покупокъ всевозможно стараться я не премину.

XII.

Реляція оберъ-коменданта Ельчанинова о посылкѣ къ бендерскому пашѣ чаю и о полученіи отъ него письма,—отъ 15 мая 1766 г.

Отъ 30-го декабря 1765 г. отъ ген. анш. и бывшаго кіев. ген.-губ-ра (что нынѣ сенаторъ) Глѣбова, по рапорту къ нему находящагося въ управленіи Новороссійской губ. ген. м. Исакова, всепод. В. И. В. реляціею донесено о требованіи бендерскаго паши Хаджи-Ибрагима въ выдачу бѣжавшаго изъ Бендеръ въ здѣшнія границы тамош. подданнаго болгарина Каталѣя и что отъ него, ген. Глѣбова, помянутому ген. м. Исакову рекомендовано въ означенномъ бен-

дерскаго паши требованніи, ежели подлинно найдется оной болгаринъ въ здѣшнихъ границахъ, учинить надлежащее удовольствіе; а между тѣмъ предъ недавнимъ временемъ реченной бендерской паша письменно меня просилъ о присылкѣ ему чаю, почему, въ знакъ сосѣдственной дружбы, купя оного чаю двѣ жестянки за девять рублевъ на казенныя В. В. деньги, чрезъ отправляемыхъ отсюда въ Константинополь къ тайн. сов. и резиденту Обрѣскову курьеровъ къ оному бендерскому пашѣ и отослалъ, отъ которого каково письмо со изъявленіемъ его удовольствія за выдачу вышеозначенного болгарина и за присылку чаю мною получено, съ оного къ высоч. В. И. В. усмотрѣнію всепод. подношу при семъ переводъ.

Приложеніе: Переводъ письма бендерскаго паши къ об. ком. Ельчанинову.

(По титулѣ) Отправленные отъ васъ къ пребывающему при Блист. Портѣ рос. резиденту курьеры въ г. Бендеры прибыли благополучно и отсюда съ опредѣленными вѣрными нашими людьми въ надлежащій ихъ путь отъ насъ отправлены, а находящіеся при нихъ для конвою два человѣка малороссійскіе козаки отпущены обратно къ рос. границѣ; почему во извѣстіе сіе дружеское письмо къ вамъ послано. А понеже, по имѣющейся между обоими имперіями искренной и непоколебимой дружбѣ, употребили вы усердное ваше стараніе о выдачѣ ушедшаго напередъ сего изъ Бендеръ портного, котораго четверо дѣтей со всѣмъ имѣніемъ чрезъ Тумбасарскаго командира Якубъ-аги къ намъ исправно присланы; которые ваши поступки не инако, какъ къ немалому нашему и всѣхъ бендерскихъ обывателей одолженію послѣдовали, о которыхъ дружескихъ вашихъ поведеніяхъ не преминемъ, чтобъ о томъ не увѣдомить Блист. Порту. Присланной отъ васъ въ двухъ банкахъ чай, къ немалому нашему обрадованію, имѣли честь получить, чрезъ котораго мы прежнее наше здравіе получили, за что несказанное наше благодареніе приносимъ.

(Переводилъ Кол. Ин. Д. секретарь Александръ Равичъ).

XIII.

Реляція об.-ком. Ельчанинова о присылкѣ разнаго рода вещей для подарковъ,—отъ 27 мая 1766 г.

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи отъ 18 числа прош. апрѣля объ отправленіи кап. Соловкова къ дубосорскому воеводѣ Якубу съ пись-

момъ отъ прибывшаго сюда надв. сов. Никифорова, имѣю честь В. И. В. раболѣпнѣйше донести: оной капитанъ, по управленіи ввѣренной ему комиссіи, на сихъ дняхъ съ отвѣтнымъ письмомъ обратно прибылъ, съ коего при семъ точной переводъ, купно съ журналомъ его, Соловкова, на высоч. В. И. В. усмотрѣніе всенижайше подносится[1]).

В. И. В. между протчаго въ журналѣ внесеннаго всем. усмотрѣть изволите, чте воевода Якубъ, стараясь удостовѣриться о произведеніи ему обѣщаннаго пенсіона, и сему капитану поручилъ надв. сов. Никифорова его именемъ просить о покупкѣ для него въ Нѣжинѣ разныхъ рукъ мѣховъ на счетъ опредѣленнаго ему пенсіона; но какъ оной, по высоч. В. И. В. указу, чрезъ кап. Бастевика за цѣлой годъ къ нему уже[2]) отправленъ, то уповательно, что сей пріятель, полученіемъ пенсіона сполна успокоясь, о покупкѣ мѣховъ уже не столько настоять будетъ.

Во время войны съ турками, а именно съ 1737 по 1742 годъ, когда для заграничной съ пріятелями переписки тогдашній тайн. сов., нынѣ уволенный отъ службы В. И. В. дѣйств. тайн. сов. сенаторъ и кав. Неплюевъ здѣсь находился, то для учиненія пріѣзжимъ отъ турецкихъ пашей, отъ волоскихъ господарей, отъ хана крымскаго и отъ пріятелей подарковъ, такожъ и для посылки къ пріятелямъ, присылались въ канцелярію его изъ Москвы казенныя вещи, а именно: мягкая рухлядь мѣхами и сороками, чай черный и зеленый, ревень, канфы, голи и сукна; изъ которыхъ вещей; по разсмотрѣнію и уваженію случаевъ и особъ, подарки производились безъ излишества; а нынѣ при Кіев. губ. канц. подобныхъ вещей не имѣется, но принуждены все надобное на то употребленіе по необходимости не дешево за деньги покупать; и для того не соизволитъ ли В. И. В. всемил. указать по прежнему примѣру оныхъ вещей по нѣсколько каждаго сорта, откуда надлежитъ, на сіе употребленіе сюда въ Кіев. губ. канц. прислать, чемъ казнѣ В. И. В., въ разсужденіи покупки сдѣшней немалое произойти можетъ сбереженіе ибо и пріятелямъ опредѣленнаго пенсіона можно будетъ, вмѣсто денегъ, тѣми вещми по казенной цѣнѣ отпускать.

---

[1]) Упоминаемыхъ перевода и журнала при черновой реляціи не оказалось.

[2]) Свѣдѣніе объ этой посылкѣ пенсіона Якубу см. въ XIV т. „Зап. Од. Общ. ист. и др.“ въ XLI главѣ „Мат. для ист. юж.-рус. кр. въ XVIII ст.“.

XIV.

Реляція оберъ-коменданта Ельчанинова, съ препровожденіемъ письма могилевскаго пріятеля,—отъ 7 іюня 1766 г.

Имѣю честь В. И. В. всепод. поднести переводъ съ письма могилевскаго кореспондента къ канц. сов. Веселицкому на всевысоч. усмотрѣніе, а при томъ дерзаю присовокупить, что, сколько я постигнуть могу, то въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ Порты Отоманской видится мнѣ, яко разглашенія о скоромъ разрывѣ съ царемъ за основательные почтены быть не могутъ, и учрежденіе магазиновъ въ Валахіи и Молдавіи, тожъ сплавливаніе великаго множества лѣса, статься можетъ, что болѣе въ собственную предосторожность, нежели для намѣряемаго вчатія какой-либо наступательной войны дѣлаются, ибо продолженіе войнъ съ грузинцами Портѣ не только великую заботу причинило, но и въ крайнюю опасность отъ христіанскихъ державъ оную привело; между тѣмъ отъ канц. сов. Веселицкаго къ помянутому кореспонденту писано стараніе приложить заподлинно развѣдать самому или черезъ нарочно посланныхъ, въ какихъ именно мѣстахъ магазины заводятся и на какое точно употребленіе лѣсъ сплавливается, и о всемъ томъ подлинное прислать увѣдомленіе.

Приложеніе: Переводъ письма кор. Ивана Кафеджи,—отъ 19 мая 1766 г.

Доношу вамъ, что г. Иванъ Жулескулъ со всею фамиліею сюда прибылъ, которому я въ переправѣ чрезъ р. Днестръ по вашему приказу удобвозможное дѣлалъ вспоможеніе. Онъ нѣсколько дней здѣсь пробылъ въ ожиданіи другихъ его партіи выходцовъ, но, не дождавшись оныхъ, къ вамъ отправился. Я, пользуясь его отсюда отъѣздомъ, увѣдомляю васъ, что турки великія дѣлаютъ важныя пріуготовленія для покоренія грузинцовъ; назначенная къ тому немалая армія, какъ сказываютъ, дѣйствительно уже въ движеніи находится. Начальники стоящихъ въ здѣшней пограничной околичности турецкихъ военныхъ командъ сами днемъ ѣздили въ Бендеры для принятія на подчиненныхъ жалованья. Они возвратясь разглашли, якобы вскорѣ у нихъ съ цесаремъ разрывъ учинится, но подлинно ль то—время окажетъ; а между тѣмъ какъ въ Валахіи, такъ и

въ Молдавіи великіе учреждать начали магазины, въ которые провіантъ и всякія съѣстные припасы изъ земли неослабно привозятъ, такожде немалое число лѣсу рѣкою Прутомъ въ мѣстечку Облучинца [1]) сплавливаютъ, неведомо, для строенія ли моста или другихъ какихъ укрѣпленій, о чемъ по точномъ развѣданіи донести не премину

XV.

Реляція ген. губ-ра Воейкова по поводу распрастранившихся слуховъ о готовящихся нападеніяхъ турокъ и татаръ,—отъ 8 іюня 1766 г.

Пребывающій здѣсь отъ кавалеріи генералъ поручикъ Гаугребенъ 19 прошедшаго іюня письменно знать далъ, что по рапорту къ нему отъ ген. пор. Дальке, при которомъ сообщена копія съ рапорта ген. маіора Исакова о заграничныхъ развѣдываніяхъ, клонящихся яко бы до предпріятія нападенія на границы В. И. В., отъ него надлежащая предосторожность по всей границѣ взята и состоящимъ въ его командѣ найсильнѣйше подтверждено во всякой къ выступленію въ походъ состоять готовности.

Но какъ сіи развѣдыванія, при соображеніи съ нынешними Турецкой Порты обстоятельствами и другими изъ за границы полученными предъ тѣмъ извѣстіями, подлинными быть не кажутся и потому уваженія не заслуживаютъ, какъ В. И. В. изъ поднесенной при семъ копіи, съ приписанными отъ меня ремарками, всемил. усмотреть соизволите, то отъ меня ген. пор. Гаугребену предписано ген. м. Исакову подтвердить, чтобъ отправляемые впредь для такихъ развѣдываній офицеры были люди искренные, разсудительные и расторопные, знающіе отчасти положеніе тѣхъ краевъ и нравы людей, къ какимъ отправляются, дабы пустыми розглашеніями безрасудно напрасные тревоги и безпокойства по границѣ не навести; что же до взятой имъ предосторожности принадлежитъ, то оная похвальна, ибо хотя сіи извѣстія вѣроятными и не признаваются, однако предосторожность, особливо при границѣ, излишнею быть не можетъ,

---

[1]) *Ремаркъ:* Сіе мѣстечко лежитъ въ Молдавіи у берега р. Прута между рр. Днѣстромъ и Дунаемъ, противъ котораго обыкновенно въ военное время для свободной куммуникаціи между пограничными и придунайскими крѣпостями и для всякихъ къ турецкой арміи транспортовъ чрезъ р. Прутъ мостъ наводится.

только бъ добрымъ порядкомъ и непримѣтнымъ образомъ предпріемлена была, чтобъ сосѣдямъ сумнительства и омбража не подать, а обивателямъ напраснаго страха не причинять.

Приложеніе: Капія репорта ген. м. Исакова къ ген. пор. Дальке—отъ 12 іюня 1766 г.

Посланной отъ меня, въ силу Госудр. Кол. Ин. Д. секретнаго указу, въ заграничныя мѣста офицеръ о тамошнихъ обстоятельствахъ, сколько онъ сверхъ ему порученной коммиссіи видѣть и слышать могъ, мнѣ репортомъ донесъ, что очаковской паша поѣхалъ въ дунайскія провинціи и что г. Очаковъ въ скорости ожидаетъ исъ Анатоліи янычаръ тысячъ до десяти, [1]) и видѣлъ противъ устья озера Тилгола на косѣ Телигольской, лежащей вдоль берега морскаго верстъ на десять, прикрытое отъ степи высокими морскими берегами собранное Нагайское войско [2]), къ которымъ по извѣстіямъ еще больше прибавляется по берегамъ Чернаго моря, отъ Бѣлограда, внизъ къ устью Дуная въ закрытыхъ мѣстахъ, какъ онъ слышалъ, Буджацкой орды весьма много, да на р. Серетѣ въ закрытыхъ долинахъ Буджацкая и Гедисанская орда и яко бы изъ Румелійской стороны на Дунай собралось янычаръ тысячъ до сорока; въ Гашликѣ (?) слышалъ, что въ Бѣлоградъ, которой отъ Ганкишлы вѣзду и не болѣе тридцати верстъ, и въ Очаковъ пришло моремъ изъ Анатоліи янычаръ, называемыхъ лицъ, а сколько и для чего сіе собраніе такихъ войскъ дѣлается, дѣйствительно ни отъ кого не слыхалъ, и только отъ

---

[1]) *Ремаркъ*: Поѣздка очаковскаго паши въ дунайскія провинціи ничего важнаго и чрезвычайнаго не значить, потому что пашамъ дозволяется для распорядковъ въ подчиненныя мѣста ѣздить по благоизобрѣтенію. Ожиданіе десяти тысячъ янычаръ изъ Анатоліи въ Очаковъ основательно быть не можетъ, ибо отъ очаковскаго пріятеля и посланнаго къ нему отъ есаула Рецетова нарочнаго никакого о томъ извѣстія не получено.

[2]) Собранное противъ устья оз. Тилгола на косѣ Тилгольской по берегу морскому татарское войско уваженія не стоитъ, тѣмъ паче что озеро Тилгола лежитъ близъ моря, котораго берегъ даже до устья р. Дуная обилуетъ лугами, но какъ отъ соленаго грунта весьма жирная произростаетъ трава; а какъ же земля состоитъ въ участи Буджацкихъ татаръ, то не токмо они, но и Нагайскіе татаре по способности всякой годъ для пастьбы своихъ табуновъ изъ всего округа на кочеванье туда переходятъ. Такое обстоятельство и съ лугами, на р. Серетѣ лежащими, настоитъ. Слѣдовательно, кочеванье въ сихъ мѣстахъ татаръ не для нападенія въ россійскія границы, но единственно для пастьбы табуновъ. Собраніе до сорока тысячъ на Дунаѣ румельскихъ янычаръ равномѣрно съ правдою не сходствуетъ, ибо состояніе Румельской провинціи не такое, чтобъ толикаго числа янычаръ изъ оной въ походъ выступить могло.

волоховъ, съ нимъ познакомившихся, слышалъ, будто для наказанія нагайцевъ за разореніе Молдавіи за уводъ въ плѣнъ девяти тысячъ народа, что и бывшій съ нимъ въ провожаніи татаринъ, присланной отъ Буджацкаго султана, подтвердилъ, прибавя, будто и ханъ крымскій соберетъ до нѣсколька тысячъ крымскихъ татаръ и пойдетъ съ турками и буджаками для наказанія тѣхъ нагайцевъ; и какъ въ Нагайской ордѣ въ проѣздъ его никакой предосторожности было не видно, къ томужъ невозможно, чтобъ сіе справедливо было, для того что буджацкіе татаре, сколько извѣстно, были самые первые и послѣдніе разорители Молдавіи, то, повидимому, сей слухъ пропущенъ только для народа, а самимъ дѣломъ клонится до нашихъ границъ, потому что онъ отъ нѣкоторыхъ спознавшихся съ нимъ христіанъ уведомился, яко буджацкіе мурзаки и татаре клянутся по великомъ байрамѣ, которой съ 8 по 11 числа мая прошолъ [1], и по взятіи турками жалованья (нѣкоторые уже до Очакова за жалованьемъ отправились), ежели не сдѣлаютъ на Яникали, т. е. на крѣпость Св. Елисаветы, и на все заднѣпровское поселеніе нападенія, то пускай будутъ (дяурами) неверными христіанами и обрезаны будутъ ихъ бороды; а притомъ многіе какъ изъ Крыма, въ Константинополь, такъ и изъ Константинополя и изъ Бѣлгорода въ Крымъ видимы были курьеры, которые съ бывшими въ конвоеваніи его посланными татарами въ разговорахъ съ осторожностю употребляли рѣчь калабаликъ, т. е. начались возмущеніи, а какія неизвѣстно [2]. О чемъ в. в. п-ву доношу и хотя о подлиности и неизвѣстно, однако отъ несчастнаго случая о содержаніи предосторожности на всѣ стороны крымской форпосты я чрезъ нарочныхъ вѣрнѣйшихъ искуснѣйшихъ людей частые и подъ разными претекстами розвѣдыванія дѣлать и меня почасту съ нарочными репортовать (приказалъ?), о которыхъ по полученіи в. в. п-у доносить не премину [3].

---

[1]) *Ремарки:* Великой байрамъ по исчисленію у турковъ въ нынѣшнемъ году не въ маѣ, но въ февралѣ м—цѣ былъ.

[2]) Предъявленіе проѣзжихъ турецкихъ курьеровъ о возмущеніи, можетъ быть, послѣдовало въ народѣ по причинѣ землетрясенія или продолжающейся съ грузинцами войны.

[3]) Словомъ, всѣ сеи извѣстія ни малейшей вѣры подобности не имѣютъ и уваженія не заслуживаютъ, и еслибы что-либо подобное было, то какъ бы обрѣтающійся въ Крыму капитанъ Бастевикъ до сихъ поръ ни словомъ не отозвался, и сверхъ того, кажется, пріятели очаковскій, дубосарскій и могилевскій не преминули бы о томъ же знать дать, когдабъ извѣстія съ правдою сходствовали.

XVI.

Реляція о допрашиваніи всѣхъ чужестранцевъ, прибывающихъ въ Кіевъ, въ секретной экспедиціи,—отъ 8 августа 1766 г.

По возвращеніи кап. Бастевика изъ Крыму представлены мнѣ отъ него два письма, полученныя имъ отъ игумена Екатеринскаго греческаго монастыря, которыя сему оставлены отъ пріѣхавшаго изъ заграницы грека Янія предъ отъѣздомъ онаго отсюда въ С.-Петербургъ, съ тѣмъ чтобъ помянутый игуменъ, по прибытіи Бастевика, оныя ему вѣрно вручилъ. Изъ переводовъ тѣхъ писемъ и изъ учиненнаго кап. Бастевикомъ объясненія заключаю я, что вышереченный грекъ отъ Мокропуля и отъ пріятеля его Буковала, о коихъ В. И. В. Коллегія Ин. Д. безъ сомнѣнія довольно извѣстна, съ какими-нибудь новыми отправленъ представленіями для принятія ихъ въ высоч. В. И. В. протекцію, чего ради пріемлю смѣлость точные переводы, съ учиненными на оныхъ ремарками, на высоч. усмотрѣніе В. И. В. при семъ всепод. подносить.

А какъ оной грекъ, безъ вѣдома секретной экспедиціи, отсюда въ С.-Петербургъ отправился, то отъ меня въ здѣшн. губ. канц. учрежденіе сдѣлано, чтобъ всѣ изъ заграницы пріѣзжіе чужестранные должны были явиться въ секретной экспедиціи, откуда и проѣзжими пашпортами за моею рукою снабдены быть имѣютъ; а между тѣмъ стараніе употреблено будетъ чрезъ разные разговоры непримѣтнымъ образомъ вѣдать и о точномъ оныхъ намѣреніи, ибо въ разсужденіи здѣшней пограничности осторожность кажется весьма необходима, чтобъ подъ именемъ пасажировъ иногда и подозрительные люди внутрь имперіи впущены быть не могли.

Приложенія:

а) Переводы писемъ Хаджи-Іоанна и брата его Анастасія Мокропуля,—отъ 20 ноября 1765 г.[1]

Почтенный во Христѣ брате, г. капитане Анастасіе! Братской дрожайшій вамъ свидѣтельствую поклонъ, лобызаю ваши очи и молю Бога

[1]) *Ремарка*: Сіе письмо къ капитану Бастевику прислано отъ Мокропуля по поводу прежняго отзыва и прошенія чрезъ него жъ, Бастевика, о принятіи Мокропуля и сообщниковъ его въ россійско-императорскую протекцію, о чемъ Гос. Кол. Ин. Де. ще въ 1756 г.

о вашемъ добромъ здоровіи и благополучіи, а при томъ симъ братскимъ письмомъ объявляю, что сюда прибылъ братъ вашъ [1]), которой со мною говорилъ о купечествѣ и совершили дѣло на томъ основаніи, какъ вы писали. Теперь осталось вамъ въ вашемъ мѣстѣ стараніе приложить, какъ лучше знаете, чтобъ сіе дѣло скорѣе до окончанія доведено было, дабы товаръ не залежался и оттого въ порчу не пришелъ. Мы получили извѣстіе и отъ другихъ купцовъ, кои взяты въ неволю и выкупились въ Венеціи; и такъ оканчивая, остаюсь Хаджи-Іоаннъ, братъ вашъ.

б) Письмо отъ брата Мокропуля къ ономужъ Бастевику.

Почтенный г. капитанъ Анастасій! братерски вамъ кланяюсь и о вашемъ здравіи извѣстясь радовался. Человѣкъ, которой съ пшеномъ сорочинскимъ къ вамъ пріѣхалъ, отъ меня отправленъ въ другую лавку, которому и лошадь дана, по той причинѣ, что у меня оного товару не случилось, въ чемъ прошу простить. И такъ, желая вамъ многолѣтного и благополучнаго пребыванія и вожделѣннаго свиданія, остаюсь съ почтеніемъ Хаджи-Анастасій, всегда въ вашихъ повелѣніяхъ [2]).

XVII.

Указъ Е. И. В. изъ Государств. Коллегіи Иностран. Дѣлъ кіев. оберъ-комендaнту Ельчанинову о нечиненіи конфидентамъ излишнихъ въ награжденіи обѣщаній,—отъ 15 августа 1766 г.

Изъ реляціи вашей отъ 7 минувшаго апрѣля усмотрено здѣсь въ Кол. Ин. Д. о стараніяхъ канц. сов. Веселицкаго къ изысканію мно-

---

свѣдома, ибо онъ, Бастевикъ, посыланъ былъ тогда съ даннымъ ему знакомъ для обнадеженія Мокропуля и прочихъ его сообщниковъ высоч. протекціею и милостію.

[1]) *Ремаркъ*: Упоминаемый братъ есть только пріятель капитана Бастевика родомъ изъ г. Санта Мавра, подъ властію Венеціанской республики находящагося. Онъ прошлаго года въ проѣздъ чрезъ здѣшнее мѣсто изъ Нѣжина за границу по купеческому промыслу ему, Бастевику, открылся, что реченной Мокропули съ нетерпѣливостію желаетъ отъ него, Бастевика, по извѣстному его домогательству письмомъ увѣдомленъ быть, и если по тому дѣлу что-либо къ нему хочетъ, то обязуется оное письмо найвѣрнѣйше доставить; напротивъ чего кап. Бастевикъ ему поручилъ Мокропулю поклонъ объявить и сказать, что онъ здоровъ, а писать не намѣренъ до другого случая. Купечество значитъ намѣреніе Мокропуля подвергнуться въ протекцію рос. имперіи; дѣло совершили на томъ основаніи, т. е., на какомъ онъ черезъ нарочнаго увѣдомляетъ; дабы товаръ не залежался и не испортился—проситъ о скорой высоч. резолюціи, дабы дѣло пока въ оттяжку не пришло.

[2]) *Ремаркъ*: Сей человѣкъ есть тотъ самой, о которомъ въ первомъ письмѣ упоминается и который въ С.-Петербургъ отправил я. Пшено сорочинское значитъ имѣвшій съ

тихъ пріятелей и о подаваемомъ имъ отъ него, Веселицкаго, о протекціи здѣшней и о жалованьи обнадеживаній, съ обѣщаніемъ еще сверхъ того награжденій и прибавки жалованья по усмотрѣнію ревностной ихъ службы и важности сообщаемыхъ извѣстій, какъ то равномѣрное отъ него, Веселицкаго, обѣщаніе подано могилевскому жителю, знатному и богатому купцу греку Кафеджи.

А какъ онъ, Кафеджи, по своему достатку и знатности, не изъ денежнаго награжденія, но, можетъ быть, только, какъ христіаанинъ, изъ усердія къ имперіи здѣшней согласился подавать въ здѣшнюю сторону извѣстія, то весьма, кажется, излишне подано ему о годовомъ жалованьи обнадеживаніе; да и получать ему за такія вѣдомости до ста пятидесяти рублевъ въ годъ не безпостыдно тѣмъ наипаче, что оное при его знатности и богатствѣ не сдѣластъ ему въ капиталѣ большого приращенія. Итакъ, посему впредь надлежитъ канц. сов. Веселицкому нѣсколько въ обѣщаніяхъ поудерживаться и прилежнѣе смотрѣть, чтобъ раздаваемыя имъ награжденія не напрасно употребляемы и казна истощаема быть могла; равнымъ образомъ, хотя и нужно, однакожъ не вдругъ и пріятелей изыскивать надобно, а лучше всего исподволь и при подающихся къ тому удобныхъ случаахъ.

XVIII.

Рескриптъ на имя ген.-губ-ра Воейкова по поводу сообщенія есаула Рецетова о проектѣ пріятеля Якуба, а также о жалованьи новому пріятелю Григорову,—отъ 14 августа 1766 г.

Изъ представленія ген. м. и кіев. об. ком. Елчанинова усмотрѣли Мы, что отст. полк. есаулъ Рецетовъ жаловался ему, об.-коменданту, коимъ образомъ домъ его, Рецетова, во время четырехъмѣсячной для дѣлъ нашихъ отлучки, постоями отягощенъ и домашніе оттого крайнее претерпѣвали утѣсненіе. А какъ онъ, Рецетовъ, порученную ему комиссію съ желаемымъ успѣхомъ исправилъ, то Мы

нимъ разговоръ. Отправленъ въ другую лавку и дана ему лошадь—посланъ къ другому начальнику, на ихъ же согласіе склонному съ письмомъ. Затѣмъ, что товару нѣтъ, т. е., что отъ него давно извѣстія не имѣлъ.

въ разсужденіе того уволняемъ домъ его отъ всякаго постоя, для чего и дается ему, Рецетову, приложенной здѣсь открытой указъ, которой ему и отдать надлежитъ. Между тѣмъ, изъ журнала означеннаго есаула Рецетова, при томъже представленіи полученнаго, съ сожалѣніемъ видимъ Мы, яко бы пріобрѣтенной бывшимъ въ Крыму консуломъ Нашимъ пріятель, нынѣшній дубосорскій гетманъ Якубъ, сдѣлалъ проэктъ о пріумноженіи изъ христіанъ обитателей въ новозаведенныхъ ханомъ крымскихъ слободахъ отъ рѣки Синюхи до Палѣева озера, что́ и отъ Порты апробовано, и тому Якубу поручено главное о поселеніи той земли имѣть попеченіе, и будто уже онъ дѣйствительно о вызовѣ изъ малороссійскихъ Нашихъ и слободскихъ полковъ, да изъ Новороссійской губерніи и изъ польской украины прилагаетъ немалое стараніе, и народъ по разглашенію о выгодахъ сильно туда стекается; селенія умножились, да и безпрестанно прибавляются. А понеже онъ, Якубъ, напередъ сего полезными консулу Нашему совѣтами оказалъ уже опытъ своего усердія, а за то и нынѣ пользуется опредѣленною отъ насъ пенсіею, то и невѣроятно кажется, чтобы онъ свое поведеніе перемѣнилъ и лишился за подобный поступокъ сей продолжаемой ему пенсіи; однакожъ и то легко статься можетъ, что хочетъ онъ получать и обманомъ,—почему поручаемъ Мы прилежному вашему старанію съ достовѣрностію о томъ, однакожъ безпримѣтнымъ образомъ, чрезъ надежные способы развѣдать и открыть прямую истину, подлинно ль такое селеніе по его, Якубову, предложенію дѣлается и въ самомъ ли дѣлѣ оное ему поручено, да и о вызовѣ людей прилагаетъ (ли) онъ стараніе, или же оное по другимъ какимъ неизвѣстнымъ здѣсь обстоятельствамъ и несправедливо на Якуба сказано; и что вы о семъ развѣдать можете, о томъ Мы будемъ ожидать доношенія вашего. Сверхъ сего, повелѣваемъ Мы вамъ вновь найденному въ Очаковѣ пріятелю Григорову, въ разсужденіи сказуемой имъ въ письмѣ къ совѣтнику Веселицкому готовности подавать въ нашу сторону извѣстія о бендерскихъ и крымскихъ обращеніяхъ и могущихъ оттого умножиться излишнихъ издержекъ, кромѣ обѣщаннаго ему ежегоднаго по сту по пятидесяти рублевъ жалованья, прибавить еще толикое же число, чѣмъ онъ и доволенъ быть долженъ; но сей прибавокъ производить ему однакожъ съ того времени, когда онъ

дѣйствительно о тамошнихъ обращеніяхъ справедливыя и вѣроятія заслуживающія вѣдомости присылать станетъ, а не инако, ибо впрочемъ въ вѣрности на такихъ пріятелей вдругъ никакъ положиться не можно.

XIX.

„Журналъ, держанной асауломъ Рецетовымъ по бытности его въ Очаковѣ,“—въ августѣ 1766 г.

По данному мнѣ наставленію прошлаго августа 10 числа, взявъ изъ Сѣчи пашпортъ и отъ запорожскихъ старшинъ рекомендацію для прикрытія моей поѣздки, прибылъ въ Очаковъ 18 того же августа, гдѣ мнѣ квартира отведена, и по причинѣ претекста, которымъ я отъ запорож. старшинъ снабденъ былъ, представленъ пріятелемъ Юрьемъ Григоровымъ тамошнему наместнику Мюселиму, отъ котораго ласково принятъ и по обычаю кофемъ трактованъ, а потомъ чрезъ переводчика спрашивалъ о здешнихъ обстоятельствахъ и гдѣ россійская армія находится; на что ему отъ меня отвѣтствовано, что въ Россіи обстоятельства, по милости Божіей, спокойны, а армія, въ расположенныхъ мѣстахъ стоя, пользуется плодами благополучнаго мира. Но какъ при Мюселимѣ, знатно для аудіенціи моей, нѣсколько янчарскихъ и гражданскихъ старшинъ присутствовали, то оной, переговоря съ ними, паки меня спросилъ: у нихъ слухъ носится, что россійская армія въ Полшу вступаетъ, по которой причинѣ будто уже и польскіе войска въ Украину вышли; подлино-ль сіе разглашеніе или нѣтъ? Я на то повторилъ, что у насъ въ Запорож. Сѣчи по мой отѣздъ никакого о подобныхъ движеніяхъ извѣстія не имѣлось; слѣд., такое разглашеніе, кажется, пустое. Напослѣди Мюселимъ навѣдался у меня о кошевомъ отаманѣ запорожскомъ, скоро-ль къ своему войску прибудетъ и для чего такъ долго въ С.Петербургѣ мѣшкаетъ. На сіе я сказалъ, что онъ имѣлъ просьбу по разнымъ войсковымъ дѣламъ и надобностямъ и что изъ полученныхъ отъ него писемъ явствуетъ, что скоро въ Кошъ прибудетъ. По окончаніи сего я на квартиру пошелъ въ препровожденіи переводчика Григорова и тамошнихъ толмачей. Между тѣмъ, пріятель Григоровъ, избравъ время, со мною видѣлся и наисильнейшимъ образомъ меня о

преданности и усердіи вновъ увѣрилъ, сказавъ, что онъ переписку свою гораздо чаще производилъ бы, но по данному ему наставленію чрезъ Орловскій форпостъ того учинить не отважился, потому что посланной отъ него долженъ чрезъ татарскіе слѣдовать кочевья, чѣмъ себя въ подозреніе, слѣд. и въ крайнее несчастіе, привесть могъ бы. Онъ, для сысканія надѣжнейшаго къ тому способа, въ первыхъ числахъ августа ѣздилъ въ Запорож. Сѣчь въ намѣреніи застать тамъ кол. асс. Чугуевца, дабы, переговоря съ нимъ, утвердить удобнѣйшій для вѣрнаго его писемъ доставленія каналъ, но, не заставъ его въ Сѣчи, избралъ къ тому давняго своего знакомца запорож. козака Плостуновскаго куреня Ивана Полтарацкаго, (который) промышляетъ рыбною ловлею по надъ лиманомъ при уствѣ р. Днѣпра и потому часто въ Очаковѣ бываетъ. Сей, яко трезвой, скромной и постоянной человѣкъ обязался письма его пересылать въ Сѣчу къ писарю Ляховичу, отъ котораго отправляемы будутъ безъ малѣйшаго задержанія къ г. канц. сов. Веселицкому въ Кіевъ. Я, зная доброе состояніе какъ козака Ивана Полторацкаго, такъ и писаря Ляховича, его избраніе похвалилъ; и такъ сей каналъ у насъ для переписки основанъ. Впрочемъ, онъ мнѣ далъ письмо на греческомъ языкѣ къ г. канц. сов. Веселицкому и притомъ на доношеніе слѣдующее мнѣ словесно объявилъ.

Предъ самымъ моимъ пріѣздомъ туда, прошлаго августа 17 дня, наряженъ и посланъ изъ Очакова отъ Мюселима, по совѣту всѣхъ съ нимъ засѣдающихъ чиновъ, шпіономъ Липканъ Сулейманъ; въ паспортѣ, на польскомъ языкѣ ему данномъ, написанъ Самуиломъ изъ Могилева; росту средняго, лѣтъ до шестидесяти, въ бородѣ, волосомъ черноватъ, по-русски хорошо говоритъ и по-турецки; которому велѣно Польшею слѣдовать и побывать въ Кіевѣ для развѣданія, по указу Порты, о россійской арміи, гдѣ оная расположена и въ какомъ нынѣ состояніи.

Въ ордахъ татарскихъ Джамбуйлуцкой и Едичкульской, по-надъ Днѣпромъ кочующихъ, прошлаго іюля было собраніе, куда онъ, Юрья Григоровъ, нарочно для свѣданія причины ѣздилъ. Собраніе мурзъ и татаръ было великое. Они съѣхались для совѣтованія по поводу наложенныхъ и взыскуемыхъ въ ханскую казну поборовъ, а именно, со всего снятого хлѣба и со всего скота десятой части неотмѣнно ежегодной дани; и обще соглашено хана просить о уменьшеніи

сихъ поборовъ, такъ какъ за прежнихъ хановъ было, при чемъ крайнюю въ правленіи неспособность хана и слабость поносили, говоря, что находящіеся при немъ всеми дѣлами управляютъ по своимъ интересамъ, и онъ ни о чемъ никакой резолюціи дать не можетъ. Они признаваютъ возведеніе сего хана нарочнымъ умысломъ Порты, употребленнымъ для вящаго ихъ утѣсненія и порабощенія, и явно отзываются, что о перемѣнѣ сего хана стараться не преминутъ.

Знатные турки очаковскіе, будучи въ своемъ собраніи, куда по дѣламъ и онъ, Григоровъ, призыванъ былъ, между иными разговаривали о скоромъ возвращеніи дубосарскаго воеводы изъ Бакцысарая въ Балту, разсуждая, что Якубово стараніе и доклады о введеніи въ Крымъ россійскаго консула знатно ханомъ не приняты и для того де онъ скоро оттуда отправленъ, при чемъ съ удивленіемъ отзывались, что французы никакой почти комерціи въ Крыму не имѣютъ, а консулъ ихъ съ давнихъ лѣтъ тамъ пребываетъ; напротивъ того, россійскаго народа купцевъ и соловозовъ безвыѣздно многое число въ Крыму, а консула нѣтъ. Еслибъ изъ Россіи одинъ только годъ ватага за солью въ Крымъ не пошла, то видится, что ханъ принужденъ былъ бы и самъ присылки консула въ Бахчисарай домогаться. Онъ, Григоровъ, думаетъ, что Якубъ въ проѣздъ свой кому-нибудь изъ своихъ пріятелей о семъ сообщилъ и подалъ тѣмъ поводъ къ сему въ собраніи разговору.

Въ Бендеры онъ, Григоровъ, посылалъ нарочного своего человѣка недавно, но тамъ новостей никакихъ нѣтъ, только въ Едисанской ордѣ мурзъ мало имѣется, а позваны они къ хану и въ орду не отпускаются по всегдашнему на нихъ въ противностяхъ зазренію.

О присылкѣ отъ г. генер. маіора Исакова въ Очаковъ нарочныхъ упоминалъ Григоровъ, что пріѣзжаютъ разные нескрытные люди и говорятъ, что всѣ извѣстія принадлежатъ до него, Исакова, ибо онъ ничего не пропуститъ, а въ Кіевъ слѣдующее вее де ничто, чѣмъ его въ великое приводятъ сумненіе, и онъ со всѣмъ его усердіемъ не знаетъ, что дѣлать, паче потому, что взысканіе его послѣдовало изъ Кіева, а не отъ г. ген. м. Исакова; однакъ отъ меня онъ увѣренъ, что всѣ нужнейшіе и важнейшіе заграничные происхожденіи до кіевскаго главнаго командира, ген. анш. и Кіев. губерніи ген. губ-ра завсегда отъ всѣхъ мѣстъ принадлежатъ, о чемъ издавна

не безъизвѣстно, и что отъ ген. м. Исакова тудажъ репорты приходятъ, чѣмъ онъ успокоился.

Кореспонденты и свойственники изъ Бакчисарая его увѣдомляютъ, что ни въ Крыму, ни въ Константинополѣ, ниже въ другихъ турецкихъ мѣстахъ новостей, примѣчанія заслуживающихъ, нѣтъ, кромѣ, что всѣ турки въ уныніе и страхъ приведены частымъ въ Цареградѣ землетрясеніемъ, и что грузинское войско отъ дня въ день умножается; по которой причинѣ турки грузинскихъ невольниковъ посвободнѣе содерживать стали, отзываясь, что можно ихъ свободными вовся учинить, а чтобъ оружіемъ съ ними развѣстись будто крайне для нихъ подло; но въ самомъ дѣлѣ весьма того походу опасны, ибо разные замѣшательства и непослушности между янычарами въ Анатоліи и въ другихъ мѣстахъ произошли.

Въ Очаковѣ гарнизонъ прежній, а въ прибавокъ людей и запасовъ воинскихъ въ присылкѣ не было и о томъ ничего не слышно. Паша сего города и другихъ подъдунайскихъ мѣстъ въ Румелѣ находится, а въ Очаковѣ вышеписанной командуетъ Мюселимъ. Когда же что-либо достойнаго къ доношенію произойдетъ, онъ немедленно постановленнымъ каналомъ увѣдомить не преминетъ.

По окончаніи сего спросилъ меня пріятель, не привезъ-ли я ему изъ Высочайшей милости чего въ жалованье? Я его обнадежилъ.

(Окончанія журнала не достаетъ)

XX.

Письмо надв. сов. Никифорова въ Дубосары къ пріятелю Якубу,— отъ 4 сентября 1766 г.

Пріятное ваше письмо исправно до меня дошло. За дружескія ваши увѣдомленія весьма обязанъ. Я васъ прилежнѣйше прошу по извѣстнымъ вамъ обстоятельствамъ почаще со мною переписываться, посылая ваши письма такимъ же образомъ и способомъ, какъ нынѣ, буде нарочного съ моей стороны ѣздока у васъ не случится, ибо отъ меня такое распоряженіе сдѣлано, что всѣ ваши письма, отдаваемыя обрѣтающемуся на Орловскомъ форпостѣ командиру, безъ всякаго сумнѣнія мнѣ вѣрно доставляемы и надлежащее по онымъ отъ меня употребленіе всегда сдѣлано быть имѣетъ. Упомянутый въ вашемъ

письмѣ капитанъ данные ему наставленія и учиненные дружескіе откровенности въ журналѣ своемъ внести не преминулъ; я изъ оныхъ съ немалымъ удовольствіемъ истинное ваше усердіе усмотрѣлъ. Касательно консульства когда вашъ господинъ не преклоняемъ никакими резонами и не предвидитъ происходимую отъ того пользу, то съ нашей стороны, по вашему присовѣтыванію, болѣе съ нимъ о сей матеріи переписываться не станутъ. Впрочемъ, я благонадеженъ, что вы, мой вѣрный пріятель, при воспослѣдуемой вамъ какой перемѣнѣ, о мѣстѣ пребыванія вашего меня благовременно увѣдомить не преминете, дабы по разстоянію приличныя мѣры употребить и удобнѣйшіе способы изыскивать къ безпрепятственному продолженію нашей переписки можно было.

Приложеніе: Переводъ письма конфидента Якуба.

Нашедъ удобный случай къ исполненію моей должности, моихъ извѣстныхъ пріятелей увѣдомляю о всѣхъ здѣшнихъ происхожденіяхъ, и, во-первыхъ, донести принужденъ: господинъ мой такой невѣжа, что онъ никогда ничего добраго для пріятелей и сосѣдовъ своихъ сдѣлать не въ состояніи, да и внутри своего владѣнія никакого порядка завести не можетъ, чрезъ что всѣ здѣшней области жители имѣютъ къ нему холодность и омерзеніе, а больше всего то ему вредитъ, что онъ разумѣть не можетъ, что для него можетъ быть полезно и что вредно. Какъ то моимъ извѣстнымъ пріятелямъ довольно извѣстно,—какой бы ему вредъ быть могъ отъ постановленія въ Крыму россійскаго консула, но паче еще онъ бы чрезъ то имѣлъ въ управленіи пограничныхъ дѣлъ немалое облегченіе; но онъ въ семъ случаѣ такъ упрямъ, что никоимъ образомъ его къ тому уговорить нельзя. Установленіе въ Крыму консула инаково къ желаемому концу придти не можетъ, развѣ его Порта къ тому принудитъ такимъ образомъ, чтобъ одинъ указъ былъ къ нему самому о принятіи россійскаго консула, а другой къ крымскому духовенству и прочимъ главнымъ начальникамъ, мурзамъ и агамъ, съ такимъ именно изъясненіемъ, что якобы для спокойствія и пользы нашихъ границъ россійскій консулъ въ Крыму необходимо надобенъ.

О семъ бы надлежало въ нынѣшнее время стараться, и я надѣюсь что Порта, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, все для извѣстныхъ моихъ пріятетей сдѣлать была бъ принуждена въ разсужденіи многихъ внутрь ея областей нестройностей: первое—война съ грузинцами, второе—великое разореніе въ Константинополѣ, да къ тому жъ невѣжество господина

моего, который безъ Порты добраго и худого ничего сдѣлать не можетъ. Правда, что кубанцевъ и нѣкоторые горніе области онъ нѣсколько взялъ къ рукамъ, а особливо взятьемъ аманатовъ привелъ ихъ въ послушаніе, однакожъ обѣ эти области причиняютъ ему немалыя обиды, разбиваютъ крымскихъ купцовъ и къ его командѣ принадлежащихъ людей, что все пріятелямъ моимъ до сего уже, уповаю, извѣстно.

Что принадлежитъ до сентиментовъ господина моего къ извѣстнымъ моимъ пріятелямъ, о томъ бывшій въ Бахчисараѣ капитанъ изустно увѣдомитъ, которому и я нѣкоторыя давалъ наставленія, какъ ему моихъ пріятелей увѣдомить, и я съ моей стороны всѣ способы изыскивать стану привести то къ желаемому концу и мою услугу показать.

Здѣшнее правительство весьма тревожится нынѣшнимъ разграниченіемъ, опасаясь, что Россіи достанется вся польская украина; чего для безперерывно требуютъ отъ меня рапортовъ о всѣхъ въ Европѣ происхожденіяхъ, и я принужденнымъ себя нахожу о всемъ, что услышу о пріятеляхъ моихъ худое и доброе, писать и ихъ увѣдомлять, ибо если мнѣ что-либо утаить, а они бы отъ кого другого о томъ были увѣдомлены, то чрезъ то могу я потерять кредитъ. Я бы радъ всегдашнюю мою продолжать кореспонденцію и о всемъ нужномъ и подлинномъ моихъ пріятелей увѣдомлять, но признаюсь, что не всегда имѣю къ тому способность, опасаясь при томъ и подозрѣнія; однакожъ, покуда здѣсь на границѣ буду, всячески стараться стану чаще моихъ пріятелей увѣдомлять, но когда отсюда удалюся, то уповаю, мнѣ не безъ трудности будетъ мою продолжать переписку.

Янычаре почти всѣ войны желаютъ, но ихъ начальники и министры отъ того ихъ удерживаютъ и склоняютъ къ миру.

А мой господинъ, какъ я и выше сего писалъ о его невѣжествѣ, такъ и еще то повторяю, что онъ и своими областями управлять не умѣетъ, а особливо Едисанскихъ татаръ вовсѣ въ строгости содержать не можетъ: всякой почти мѣсяцъ дѣлаются между ими возмущенія, чему всему онъ самъ причиною, ибо и малѣйшаго не имѣетъ опасенія; какъ то 15-го августа сераскиръ-салтана булюкъ-башу убили; оной посыланъ былъ отъ салтана для поимки нѣкоторыхъ погрѣшившихъ мурзъ, но они его до смерти убили, а сами въ Польшу ушли.

О нынѣшнемъ разграниченіи республики Польской съ Россійскою имперіею ничего не доношу, надѣяся, что о томъ моимъ пріятелямъ совершенно извѣстно.

Господинъ мой свою несклонность къ Россіи имѣетъ единственно для кабардинцовъ, которыхъ онъ подъ свою власть покорить не можетъ и штрафовать не въ состояніи, и по своему невѣжеству съ тѣмъ отзы-

вается, что если ему станутъ отъ Россіи скучать требованіями и отъ Порты письмами, то онъ, и ханство оставя, прочъ уѣдетъ.

О учрежденіи россійскаго консула въ Крыму инако быть не можетъ, какъ я о томъ выше сего писалъ или какъ я давалъ наставленіе недавно бывшему въ Крыму капитану, которое, уповаю, онъ въ свой журналъ записанъ.

Порта никакой склонности къ войнѣ не имѣетъ, какъ о томъ самимъ моимъ пріятелямъ извѣстно.

Люди здѣсь партикулярно между собою поговариваютъ, что тѣмъ грузинцамъ, которые съ Портою имѣютъ войну, якобы Россія дѣлаетъ вспоможеніе, однакожъ здѣшніе люди совершенно тому вѣрить не хотятъ.

Я бы желалъ пріятелямъ моимъ въ нынѣшнее время завесть съ Едисанцами нѣкоторую пріязнь, ибо кто можетъ вѣдать: можетъ они вздумаютъ то же сдѣлать, что сдѣлали при ханѣ Галимъ-Гиреѣ? а нѣкоторые даже съ тѣмъ отзывались, что когда де намъ придетъ тѣсно, то мы можемъ поддаться подъ россійскую протекцію. А кабардинцы таковы, какъ львовскія блядки: иногда Россіи пріятелями дѣлаются, а иногда здѣсь на Россію великія сплетни привозятъ.

Что принадлежитъ до продолженія моей кореспонденціи, желалъ бы вѣдать, съ кѣмъ оную имѣть и на чье имя адресовать, ибо я точнаго увѣдомленія не имѣю, и если впредь моя кореспонденція пріятелямъ моимъ будетъ надобна, ожидаю совершеннаго наставленія и способовъ къ оной.—Если я на предбудущій годъ при Дубосарской и Балцанской волостяхъ останусь, то еще могу имѣть способъ къ продолженію кореспонденціи; буде же отсюда буду удаленъ, то въ такомъ случаѣ надобно мнѣ имѣть наставленіе, какимъ образомъ оную продолжать.

Здѣшнее правительство опасается и того, слыша отъ людей, совсѣмъ никакихъ дѣлъ не знающихъ, что якобы Россія нынѣшняго короля польскаго избрала съ намѣреніемъ соединиться съ Польшею или на то время оную себѣ покоритъ, и тогда бъ слѣдовало неблагополучіе нашему государству, къ чему говорятъ первоначальные знаки изъ того видны, что хотятъ сперва польскою украиною овладѣть. Когда жъ нынѣшній съѣздъ для разграниченія самымъ дѣломъ не состоится по ихъ мыслямъ, то не знаю, что далѣе будутъ о Россіи говорить.

Изъ Нѣмецкой земли, отъ короля прусскаго и прочихъ государей, здѣсь у насъ въ Крыму никакихъ отзывовъ нѣтъ и никакихъ перемѣнъ, развѣ не стараются ли они о чемъ-либо въ Цареградѣ.—Я, какъ извѣстный и справедливый пріятель и слуга моихъ пріятелей, увѣряю, что сколько случай и способность подать можетъ, о всѣхъ извѣстныхъ мнѣ

дѣлахъ и обстоятельствахъ моимъ пріятелямъ давать знать не преминy, лишь бы только имѣлъ удобность къ перепискѣ и увѣдомленію.

Что такъ изъяснивъ, съ должнымъ почитаніемъ пребываю. Вашъ доброжелательный пріятель и ко всегдашнимъ услугамъ готовый сего знака извѣстный пріятель[1]).

XXI.

Реляція о пребываніи въ Кіевѣ турка Махмета и о полученныхъ отъ него свѣдѣніяхъ,—отъ 13 сентября 1766 г.

Прошлаго августа 18 числа присланъ сюда при рапортѣ стоящаго у Васильковскаго форпоста маіора, по выдержаніи карантина и докторскаго осмотра, слѣдующій въ Нѣжинъ для своихъ нуждъ турчинъ Хаджи-Махметъ съ служителемъ Сулейманомъ. Оной о себѣ здѣсь объявилъ, что не турчинъ, но природной грекъ и православной христіанинъ, и что выѣхалъ единственно въ такомъ намѣреніи, чтобъ себя со всѣми домашними подвергнуть подъ покровъ В. И. В., а для лучшаго объясненія сопряженныхъ съ его состояніемъ обстоятельствъ подалъ мнѣ на греческомъ языкѣ доношеніе, при чемъ словесно присовокупилъ, что онъ несумнѣнную надежду имѣетъ на милосердіе и щедроту В. И. В. о всемил. его призрѣніи за оказанное отъ него Рос. имперіи усердіе, и просилъ до полученія всемил. объ немъ резолюціи и до прибытія его фамиліи, которую онъ скоро ожидаетъ, дозволить ему здѣсь пробыть; въ чемъ ему хотя дозволеніе и дано, однако съ такимъ подтвержденіемъ, чтобъ онъ изъ квартиры не отлучался, дабы тѣмъ народу повода къ примѣчанію и различному о немъ гаданію не подать, а для покупки пищи и другихъ надобностей приданъ ему одинъ изъ здѣшнихъ толмачей.

Между тѣмъ приказано отъ меня капитану Бастевику къ нему почаще ходить и съ нимъ о разныхъ въ Константинополѣ обстоятельствахъ разговаривать; которому онъ объявилъ, что тамошніе турки въ великомъ унынiи, а большая часть воинскихъ людей нынѣшнимъ правительствомъ недовольна и къ взволнованію склонна, чего ради отъ Порты великая взята осторожность, караулы и бекешы противъ обыкновенного вездѣ удвоены и утроены, а сверхъ того и

---

[1]) Подъ письмомъ находится изображеніе условнаго знака.

дозоры безпрестанные чинятся; многіе изъ богатыхъ и зажиточныхъ турокъ домы свои въ Константинополѣ почти за безцѣнокъ продаютъ и строются въ Скутари на Анатольской сторонѣ, а тѣ, кои по султанскому указу на развалинахъ строиться принуждены, созидаютъ домы какъ бы на пескѣ, весьма непрочные, изъ однихъ почти досокъ, которые въ сильную бурю, каковы часто тамъ случаются, совсѣмъ разнесены быть могутъ. Прошлою весною, по представленію министерства, изготовлены были два корабля съ амуниціею и опредѣлена знатная денежная сумма для сильнѣйшаго продолженія съ грузинцами войны, но предъ отправленіемъ тѣхъ кораблей извѣстіе получено о разбитіи грузинцами турковъ; министерство, утаивъ отъ султана такую непріятную вѣдомость, разсудило отправленіе кораблей остановить, которые и понынѣ въ недалекомъ отъ Константинополя разстояніи на якоряхъ стоятъ, по которой причинѣ султану о грузинскихъ успѣхахъ ничего не объявляютъ, а какъ въ народѣ о томъ слухъ пронесся и къ роптанію поводъ поданъ, то предъ его изъ Константинополя отъѣздомъ министерство для утушенія сего разглашенія употребило слѣдующую хитрость: приказало двухъ татариновъ нарядить, которые бы въ Константинополь публично въѣзжали и разглашали, что изъ турецкой арміи пріѣхали съ извѣстіемъ о одержаніи надъ грузинцами побѣды, въ подтвержденіе чего надѣты на нихъ въ диванѣ кафтаны, чѣмъ народъ нѣсколько и успокоенъ. Онъ увѣряетъ, что Порта по причинѣ войны съ грузинцами и бывшаго землетрясенія въ весьма критическихъ находится обстоятельствахъ и опасается бунта.

Я пріемлю смѣлость В. И. В. точной переводъ съ его доношенія при семъ на высоч. усмотрѣніе всепод. подносить и всемил. себѣ испрашивать указа, какое В. И. В. объ немъ будетъ соизволѣніе, ибо онъ желаетъ, оставивъ фамилію здѣсь, удостоиться ѣхать къ высоч. двору В. И. В. для раболѣпнѣйшаго къ монаршимъ стопамъ повerженія [1]).

---

[1]) Упоминаемаго перевода и реляціи не оказалось. Въ отвѣтъ же на эту реляцію былъ полученъ особый рескриптъ на имя ген.-губ. Воейкова, отъ 24-го октября 1766 г., слѣдующаго содержанія:

По разсмотрѣніи упоминаемыхъ въ полученномъ здѣсь при реляціи вашей, отъ 14-го минувшаго сентября, переводѣ съ доношенія пріѣхавшаго въ Кіевъ грека Димитрія Дуки

XXII.

Рескриптъ на имя ген.-губ. Воейкова о частой переписки съ Якубомъ,—отъ 11 января 1767 г.

Изъ пріобщенной при реляціи вашей, отъ 13 ноября минувшаго 1766 г., копіи съ письма извѣстнаго пріятеля Якуба усматриваемъ Мы отзывъ его, что онъ, по причинѣ своего въ Бахчисарай отъѣзда, не знаетъ, какимъ образомъ можетъ подавать въ нашу сторону потребныя извѣстія, и о томъ также, нужна ли впредь будетъ его переписка, проситъ наставленія и увѣдомленія. По небытности нынѣ въ Бахчисараѣ отъ Насъ никакого повѣреннаго человѣка, кореспонденція его теперь, въ пребываніе его при самомъ ханѣ, весьма нужна и полезна есть, ибо, по его въ дѣлахъ обращенію, отъ него ожидать должно оттуда лучшихъ и надежнѣйшихъ увѣдомленій; и потому надобно съ нимъ переписку, сколь благопристойность дозволитъ, чаще производить и письма наполнять завсегда ласковыми и дружескими къ нему израженіями. Средство къ тому найлучшее быть кажется посылка въ Бахчисарай, подъ разными неподозрѣваемыми претекстами, надежныхъ иногда офицеровъ, а наипаче запорожскихъ въ Крымъ торгующихъ козаковъ, которымъ еще найболѣе тамошнія обращеніи свѣдомы, слѣдственно они найлучше въ состояніи отвращать всякія быть могущія сумнѣнія и подозрѣнія, также и сами они возмогутъ о тамошнихъ обращеніяхъ непримѣтнымъ образомъ развѣдывать. Впрочемъ, Мы надѣемся, что вы, зная тамошнія обстоятельства, сами найлучше изыщете средства и способы къ произвожденію тайнымъ и непроницаемымъ образомъ сей нынѣ съ памятнымъ пріятелемъ нужной кореспонденціи, употребляя въ ту комиссію вѣрныхъ и проворныхъ людей, которымъ най-

показаній, хотя признаваются оныя несправедливыми, однакожъ для лучшаго и точнаго объ немъ свѣдѣнія повелѣли Мы отъ сего жъ числа Нашимъ въ Константинополѣ резиденту Обрескову и повѣренному въ дѣлахъ Левашеву обстоятельно развѣдать и Намъ донесть, всѣ ли представленія сего грека Дузы правдивы; а вамъ между тѣмъ повелѣваемъ, ежели никакого за нимъ сумнительства и подозрѣнія доннѣ не оказалось, отпустить его, Дузу, по желанію сюда въ С.-Петербургъ, давъ ему подводы съ прогонными и для препровожденія одного рейтара, которому велѣть по пріѣздѣ явиться съ тѣмъ грекомъ въ Нашей Кол. Ин. Д., а когда въ Кіевъ пріѣдетъ фамилія его, то оная тамъ до времени и оставаться можетъ подъ присмотромъ губ. канцеляріи.

сильнѣйше рекомендовать, какъ ихъ комиссію всегда въ непроницаемой тайнѣ содержать, такъ и чтобъ они, въ бытность свою въ Бахчисараѣ, при всѣхъ случаяхъ съ крайнею предосторожностью поступали и особливо въ изыскиваніи способовъ для свиданія съ означеннымъ пріятелемъ, а для найспособнѣйшаго о семъ распоряженія надобно къ сему нынѣ на первой случай употребить изъ знакомыхъ оному пріятелю людей, которой найлучше возможетъ о всемъ томъ съ нимъ самимъ условиться. Какимъ же образомъ оное возстановлено будетъ, о томъ Мы ожидаемъ отъ васъ въ свое время обстоятельныхъ доношеній.

XXIII.

Рескриптъ на имя ген. губ. Воейкова о доставленіи Якубу пенсіона и съ наставленіемъ, какъ Никифоровъ долженъ устранить домогательство Якуба о полученіи пенсіона впередъ за два года,—отъ 31 августа 1767 г.

Изъ пріобщеннаго къ реляціи кіев. об. ком. Елчанинова, отъ 3-го минувшаго іюля, перевода съ письма извѣстнаго пріятеля Якуба усмотрѣно здѣсь въ Кол. Ин. Д. прошеніе сего пріятеля о доставленіи ему опредѣленнаго пенсіона, какъ за минувшій годъ, такъ и еще впередъ за два года по причинѣ крайней его нужды и разоренія отъ бытности его будто дубосарскимъ и балтянскимъ воеводою.

Таковое онаго Якуба требованіе пенсіона впередъ за два года совсѣмъ излишнимъ почитаться долженствуетъ, ибо услуги его, по сю пору кажется, мало соотвѣтствуютъ такому знатному пенсіону, какъ девятьсотъ рублевъ на годъ, и потому для переду развѣ надеждою себя ласкать, что онъ то при удобномъ случаѣ лучше заслужитъ. Въ разсужденіи чего, также и уважая, что Мы токмо его одного въ Крыму Нашимъ преданнымъ имѣемъ, паче же при началѣ владѣнія новаго хана, Мы вамъ повелѣваемъ заслуженной его годовой пенсіонъ 900 руб. сполна ему доставить чрезъ одного изъ бывшихъ уже къ нему посыланныхъ и ему знаемыхъ въ Кіевѣ находящихся оберъ-офицеровъ, и кого за найлучше и надежнѣе къ сей посылкѣ изберетъ надв. сов. Никифоровъ, который ту посылку пен-

сіона препроводитъ съ пристойнымъ отъ себя дружественнымъ письмомъ, въ которомъ онъ долженъ впрочемъ персонально отъ себя будто въ довѣряемой ему пріятельской откровенности извиниться. Что же касается до требованія его пересылки къ нему опредѣленнаго пенсіона еще впередъ за два года, то сколь бы онъ ни желалъ, для доказательства ему при всѣхъ случаяхъ своей дружбы, въ томъ всѣ возможныя свои старанія приложить, что было бы то всуе, да и онъ того искать не осмѣлится, потому что такого обыкновенія нѣтъ, чтобъ впередъ кому пенсіонъ производимъ былъ, также и накрѣпко здѣсь запрещено никакихъ требованій о томъ никому не чинить; слѣдственно, и онъ, Никифоровъ, такое представленіе сдѣлать о выдачѣ ему Якубу пенсіона впередъ за два года осмѣлиться не можетъ, опасаясь быть могущаго ему за то гнѣву; что сверхъ того, еслибъ онъ когда въ томъ и надѣялся предуспѣть и тѣ бъ деньги всѣ въ рукахъ своихъ для посылки къ нему уже имѣлъ, со всѣмъ тѣмъ однакожъ онъ, Никифоровъ, всѣ тѣ деньги, какъ весьма немалую сумму, къ нему, Якубу, вдругъ отправить бы не отважился по тому, чтобъ оныя деньги могли дорогою подвержены быть расхищенію, а оттого сверхъ потери такой знатной суммы въ любопытствующихъ родиться бы могло подозрѣніе, для какого употребленія столько денегъ въ Крымъ везено было, чѣмъ онъ, пріятель Якубъ, самъ не только приведенъ бы быть могъ у хана въ недовѣріе или сумнѣніе, но иногда и подверженъ бы былъ погибели; въ заключеніи же того письма ему, Никифорову, дружественнѣйшимъ образомъ просить его, Якуба, сообщить ему въ откровенности, по старой его пріязни, о склонностяхъ и нравахъ новаго хана крымскаго и о тѣхъ людяхъ, которые болѣе у него въ милости и въ дѣлахъ употреблены. Впрочемъ, оному Никифорову крайне остерегаться тому Якубу подавать какія обнадеживанія на чинимые имъ отъ времени до времени излишнія требованія и къ нему того не писать, что онъ о томъ сюда доносить будетъ; но всегда въ генеральныхъ терминахъ партикулярно отъ себя дружески его увѣрять, что онъ всевозможнаго сдѣлать не оставитъ къ доставленію ему удовольствія. Оного же посылаемаго по обыкновенію должно снабдить какимъ либо къ хану пристойнымъ письмомъ для найлучшей скрытности ему препорученной комиссіи, и притомъ ему рекомендовать непримѣтнымъ образомъ развѣдать какъ о тамошнихъ обращеніяхъ, такъ и въ какомъ кредитѣ и должности тотъ Якубъ

при ханѣ нынѣшнемъ находится и сколь онъ къ намъ вѣренъ; въ чемъ чаятельно ему много вспомоществовать можетъ пребывающій тамо молдавскаго государя агентъ Лангъ; почему сему посланному и велѣть къ нему адресоваться и дружескимъ, но искуснымъ образомъ у него о томъ поразвѣдать, не изъясняя ему, Лангу, однакожъ при томъ отнюдь о прямой ему препорученной комиссіи или о преданности Якуба къ здѣшней сторонѣ.

XXIV.

Рескриптъ ген. губ—ру Воейкову о болѣе точномъ и обстоятельномъ сообщеніи важныхъ слуховъ,—отъ 5 декабря 1767 г.

Краткое извѣстіе между другимъ вмѣщенное въ журналѣ Бастевика, полученномъ при реляціи вашей, отъ 8-го августа прошлаго 1766 г., о перепискѣ находящихся въ Нашей имперіи, и именно въ Казанской и Астраханской губерніяхъ, татаръ съ ханомъ крымскимъ въ видѣ преднамѣряемаго ими бунта, будто за притѣсненіе ихъ въ законѣ природномъ, сколь мало ни заслуживаетъ вѣроятности, какъ потому что въ самомъ дѣлѣ всѣ находящіеся въ нашей имперіи иновѣрцы, въ томъ числѣ и магометанѣ свободное своего закона отправленіе имѣютъ, такъ особливо и для того, что, сдѣлавъ въ томъ капитану Бастевику агентъ господаря волоскаго довѣренность, не подтвердилъ оную никакими ближайшими доказательствами, изъ обстоятельствъ такой опасной переписки, неминуемо происходящими и возбуждающими у всякаго примѣчаніе и заботу спрашивать и разсказывать, какъ и когда и чрезъ кого то дѣлалось, принято здѣсь со всѣмъ тѣмъ, поелику обращается въ такой важности, въ какой ничто и малѣйшее пренебрегаемо быть не долженствуетъ, въ надлежащее разсужденіе, и потому отправлены Наши указы къ тѣмъ губернаторамъ, которымъ въ семъ случаѣ предосторожность принять должно было.

Между тѣмъ имѣете вы впредь, отправляя заграницу для потребныхъ развѣдываніевъ, приказать употребляемымъ въ такія комиссіи понятно изъяснить, что дѣло состоитъ не въ томъ, чтобъ по возвращеніи и дѣльнаго и пустаго написать много, но въ достаточ-

номъ объясненіи всякаго извѣстія, а особливо важнаго. Всему тому примѣромъ служитъ настоящее дѣло: можетъ быть агентъ господаря волоскаго сказалъ о перепискѣ здѣшнихъ татаръ съ ханомъ крымскимъ изъ чистосердечнаго къ Намъ и къ интересамъ Нашимъ усердія, а можетъ быть и солгалъ для полученія себѣ награжденія; очень короткое его сообщеніе вмѣщаетъ обоюдныя толкованія, но капит. Бастевикъ, видя откровенность доброжелательнаго къ Намъ человѣка, долженствовалъ изъясниться съ нимъ и обстоятельнѣе.

Вы имѣете для того и въ Кіев. губ. канц. приказать, чтобъ возвращающіеся изъ посылокъ, буде въ чемъ ихъ журналы недостаточны оказались бы, далѣе о томъ были спрашиваны, и потому и замѣчивано тамъ же, когда которой больше объяснитъ не найдется въ состояніи, и при первой заграницу посылкѣ, употребя къ тому надежнаго человѣка, препоручено было бъ возможное приложить стараніе и далѣе развѣдывать о соглашеніи здѣшнихъ татаръ съ ханомъ крымскимъ

XXV.

Письмо графа Панина къ ген. губ. Воейкову о томъ, что пріятель Якубъ возбуждаетъ подозрѣніе въ своей вѣрности, почему и съ выдачей ему пенсіи слѣдуетъ поудержаться,—отъ 4 августа 1768 г.

По учиненному въ свое время в. вп—ва представленію, хотя здѣсь и положено было извѣстному дубосарскому воеводѣ Якубу выдать заслуженный его пенсіонъ, но по полученіи здѣсь на сихъ дняхъ при реляціи вашей подъ № 35-мъ журнала кап. Бастевика, въ которомъ въ подробности изображены разные сего мнимаго нашего пріятеля зловредные здѣшнему двору поступки, а непріятелямъ нашимъ крайняя преданность, оное отмѣнить должно, по крайней мѣрѣ до лучшаго всего того объясненія; а особливо что и я самъ другія причины имѣю его, Якуба, подозрѣвать, что онъ въ такихъ же обязательствахъ и съ пребывающимъ въ Крыму французскимъ эмиссаромъ Тотомъ находится, какъ и съ нами; почему для лучшаго развѣданія сей связки в. вп—о покорно прошу приказать надв. сов. Никифорову къ нему, Якубу, по обычаю въ дружественнѣйшихъ тер-

минахъ отписать и отъ него испросить откровеннаго и подробнаго сообщенія о всѣхъ обращеніяхъ и проискахъ помянутаго Тота при ханѣ крымскомъ: въ какомъ онъ у него кредитѣ и какія точно и чрезъ кого тамо дѣла онъ производитъ. Изъ сего распознать будетъ можно, сколь истинны будутъ его извѣстія и потому безъ ошибки судить о его къ намъ вѣрности.

Настоящіе документы заимствованы мною изъ старыхъ дѣлъ архива Кіев. губерн. правленія, благодаря любезному и просвѣщенному содѣйствію г-на бывшаго кіевскаго вице-губернатора *А. П. Баумгартена*, которому считаю долгомъ засвидѣтельствовать свою искреннюю признательность. *А. А.*

Отдѣлъ IV.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій.

Archivum domus Sapiehanae. Tomus I. Continet codicem epistolarem. 1575—1606.—Archivum domu Sapiehów wydane staranim rodziny.— Tom. I. Listy z lat 1575—1606.—Opracował d-r A. Prochaska.— Lwów. 1892.

Книга, заглавіе которой выписано выше, заключаетъ въ себѣ большое количество драгоцѣнныхъ фактовъ изъ исторіи Польши, Литвы и Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. Въ ней помѣщена обширная (625 нумеровъ) переписка различныхъ представителей фамиліи Сапѣгъ, преимущественно извѣстнаго канцлера Льва Сапѣги, со множествомъ лицъ самаго разнообразнаго общественнаго положенія. Между корреспондентами встрѣчаются имена папъ—Климента VIII и Павла V, императора Максимиліана II, короля польскаго Сигизмунда III, нупція Рангони и другихъ сановниковъ высшей католической іерархіи, уніатскихъ епископовъ, представителей знатныхъ литовскихъ и польскихъ фамилій и т. д. Уже одинъ бѣглый перечень корреспондентовъ можетъ дать понятіе о томъ обширномъ кругѣ вопросовъ, политическихъ и религіозныхъ, которыхъ неизбѣжно должна была касаться переписка этихъ лицъ въ бурную эпоху конца XVI и нач. XVII ст.

Изъ предисловія, принадлежащаго ученому редактору изданія д-ру Прохаскѣ, можно видѣть, что собираніе и приведеніе въ порядокъ напечатаннаго въ этомъ томѣ и приготовленнаго для послѣдующихъ матеріала стоило немалаго труда теперешнему главѣ фамиліи— кн. Адаму Сапѣгѣ, владѣльцу Красичинскаго фамильнаго архива. Архивъ этотъ составился изъ двухъ архивовъ, принадлежавшихъ двумъ вѣтвямъ фамиліи Сапѣгъ—Коденской и Черейской; архивъ первой хра-

нился сначала въ Коднѣ, а впослѣдствіи въ Теофиполѣ; архивъ второй— сначала въ Рожанѣ, а впослѣдствіи въ Деречинѣ. Красичинскій архивъ заключаетъ въ себѣ до пятидесяти тысячъ нумеровъ, но составляетъ лишь незначительную часть бывшихъ фамильныхъ архивовъ Сапѣгъ, остатки которыхъ разсѣяны теперь по разнымъ собраніямъ и библіотекамъ Кракова, Варшавы, Петербурга и др. Для настоящаго изданія собраны были многіе изъ этихъ разсѣянныхъ матеріаловъ; но сравненіе ихъ съ сохранившимися инвентарями старинныхъ архивовъ, отвѣтными письмами и нѣкоторыми прежде изданными, а въ настоящее время утерянными, документами показываетъ, по словамъ редактора, что все сохранившееся представляетъ только незначительный остатокъ (tylko fragment, torso) прежняго богатства. Неизбѣжные при такихъ условіяхъ пробѣлы издатели старались пополнить документами изъ другихъ архивовъ, преимущественно изъ архива Радзивилловъ въ Несвижѣ.

Что касается технической стороны изданія, то она безупречна. Печатаемыя письма расположены въ хронологическомъ порядкѣ и снабжены примѣчаніями относительно упоминаемыхъ въ нихъ лицъ и мѣстностей, а иногда и событій; въ письмахъ, не имѣющихъ даты, она возстановлена по соображеніямъ редактора. Изданіе снабжено тремя указателями: 1) авторовъ писемъ съ обозначеніемъ года, къ которому относится письмо и №, подъ которымъ оно помѣщено въ изданіи; 2) алфавитнымъ указателемъ упоминаемыхъ въ письмахъ лицъ и мѣстъ, и 3) хронологическимъ спискомъ писемъ, съ указаніемъ ихъ содержанія. Всѣ эти особенности значительно облегчаютъ пользованіе книгою и являются тѣмъ болѣе важными, что содержаніе вошедшихъ въ нее писемъ крайне разнообразно и можетъ представлять интересъ для лицъ, изучающихъ данную эпоху съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Самъ редакторъ указываетъ на это, говоря что печатаетъ письма цѣликомъ, не разбирая ихъ содержанія, потому что письма, неважныя для историка въ тѣсномъ смыслѣ слова, могутъ представить драгоцѣнныя данныя для историка цивилизаціи, для статистика, и для романиста.

Но и для историка въ тѣсномъ смыслѣ слова настоящій томъ представляетъ множество самаго разнороднаго матеріала, такъ что болѣе или менѣе полный отчетъ о немъ могъ бы составить цѣлую книгу. Не задаваясь подобною задачею, мы остановимся только на тѣхъ письмахъ, которыя имѣютъ болѣе близкое отношеніе къ исторіи Руси Литовской и Московской.

I.

Какъ и слѣдовало ожидать, два важныхъ историческихъ явленія затронуты въ этихъ письмахъ—церковная унія въ западной Руси и смутное время въ Руси восточной.

Первый вопросъ трактуется преимуществено въ письмахъ Ипатія Поцѣя къ Льву Сапѣгѣ, содержаніе которыхъ находимъ нужнымъ, въ виду ихъ выдающагося значенія, изложить подробнѣе. Всѣхъ писемъ Поцѣя 16; по времени они относятся къ 1597—1605 годамъ. Письма эти представляютъ яркую картину состоянія западно-русской церкви въ данную эпоху и даютъ нѣсколько новыхъ чертъ для характеристики самого Поцѣя. Наиболѣе выдающимся по отношенію къ первому вопросу представляется намъ письмо отъ 18 ноября 1604 г. Въ отвѣтъ на жалобу Сапѣги относительно грубости и невѣжества русскаго духовенства Поцѣй говоритъ: „Что же мнѣ дѣлать, когда моя власть для нихъ такъ же важна, какъ башмакъ безъ подошвы" („moja autoritas u nich jest tak ważna, jako trzewik bez podeszwy"). Нѣсколькими строками выше самъ Поцѣй, не сознавая этого, указываетъ главную причину такого отношенія къ его власти: онъ жалуется, что русское духовенство не принимаетъ вводимыхъ имъ обрядовъ (колѣнопреклоненія, проповѣди послѣ евангелія); ихъ называютъ новшествами и папежскою ересью, плюютъ и убѣгаютъ изъ церкви. Такъ же держатъ себя и миряне; что имъ ни говоришь, они отвѣчаютъ: „не нашъ это митрополитъ, а королевскій и папскій" (541) [1]). Указанія на подобное отношеніе русскаго духовенства и вообще населенія къ уніи разсѣяны во многихъ письмахъ Поцѣя. Вотъ напр. Поцѣй сообщаетъ о нежеланіи Полоцкой капитулы принять уніатскаго епископа и о томъ, что онъ приговорилъ за это полоцкаго протопопа и другого священника къ 3 мѣс. аресту, съ правомъ просить помилованія у короля. Протопопъ, отправляясь къ королю, просилъ ходатайства Поцѣя, а тотъ въ письмѣ къ канцлеру проситъ, чтобы его хорошенько проучили (aby iemu dobrą łacinę dano), потому что онъ „inimicissimus tei jednosci swiętey" (334). Въ томъ же письмѣ Поцѣй сообщаетъ, что одинъ еретикъ-трибуналистъ избилъ „его" архимандрита, „называя насъ измѣнниками за то, что мы измѣнили и перешли къ римлянамъ". „Правда, онъ былъ пьянъ, прибавляетъ П., но что у трез-

[1]) Здѣсь и далѣе цифра указываетъ не страницу, а № письма.

ваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ". Въ другомъ письмѣ идетъ рѣчь о какомъ то процессѣ П. съ православнымъ духовенствомъ (вѣроятно изъ-за Виленской Св. Духовской церкви), при чемъ П. заявляетъ, что „cerkwi snać gotują się bronić fortiter" (408). Затѣмъ встрѣчается жалоба на Пинскаго Никольскаго священника, который добивался епископской каѳедры, а теперь не повинуется епископу и подалъ королю какое-то посланіе, очевидно, направленное противъ уніи. „Удивляюсь, пишетъ П., дерзости этого грубаго хлопа, который въ своей цедулѣ не столько проситъ, сколько предписываетъ и учитъ помазанника Божія, какъ обходиться съ подданными; и мудрому сенатору не прилично бы дѣлать то, что учинилъ этотъ неотесаный болванъ" (sprosny bałwan). Вообще П. называетъ его „wszystkich buntow, rebellieji, nieposłuszenstwa innych popow naigłowniejszym autorem" (409—420). Далѣе встрѣчаемъ жалобу на сильное сопротивленіе, оказываемое уніи на Волыни, гдѣ на сеймикахъ въ Луцкѣ и др. городахъ постановили „nas w niwiec obrocić i pamiątkę jednosci swiętei z gruntu wygładzić". Поэтому онъ называетъ Волынь „gniazdo wszelakiej nieprawosci i niezgod" (433). Въ одномъ письмѣ П. сообщаетъ интересные факты объ извѣстномъ Антоніи Грековичѣ; оказывается, что Грековичъ, Антоній Федоровичъ, былъ діакономъ Виленскаго братства, но въ 1605 г. оставилъ братство и бѣжалъ къ Поцѣю [1]). Братчики жаловались на него въ судъ, обвиняя его въ изнасилованіи монахини Катерины Лычанской. Виленскій трибуналъ, не обращая вниманія на протестъ Поцѣя, требовавшаго, чтобы дѣло было передано ему, какъ митрополиту, разсмотрѣлъ жалобу братчиковъ и приговорилъ Грековича къ смертной казни, а вслѣдствіе его неявки въ судъ замѣнилъ ее банниціею, да при этомъ и самого П. призналъ „деградованнымъ". Къ письму приложенъ и декретъ трибунала (на русскомъ языкѣ), въ которомъ сказано, что П. просилъ, чтобы трибуналъ отослалъ подсудимаго „до него, яко до зверхнього владыки"; но изъ представленныхъ Виленскимъ братствомъ документовъ трибуналъ убѣдился, что, „за одданемъ послушенства до незвыклого въ ихъ религіи пастира, его милости отца папежа", митрополитъ кіевскій Михаилъ Рогоза, епископъ брестскій Ипатій Поцѣй и нѣко-

---

[1]) Впослѣдствіи оффиціалъ Поцѣя въ Кіевѣ; утопленъ козаками за попытку отобрать для уніатовъ Златоверхо-Михайловскій монастырь въ 1618 г. („Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Ю. и З. Россіи", стр. 85).

торые другіе владыки „декретомъ зложени—изъ духовенства въ религіи ихъ закона греческаго деградовани суть“, почему и рѣшилъ принять къ разсмотрѣнію дѣло Виленскаго братства съ діакономъ Грековичемъ (561) [1].

Но особенно часто возвращается П. къ двумъ крупнымъ столкновеніямъ своимъ съ православными—борьбѣ съ кн. Загоровскимъ изъ-за Ильинской церкви въ г. Владимірѣ и къ вопросу объ избраніи печерскаго архимандрита [2]). Ильинская церковь владѣла въ самомъ городѣ обширнымъ населеннымъ участкомъ земли; церковь эта была „уфундована“, т.е. надѣлена имѣніями отъ владыки владимірскаго; 1 іюня 1564 кор. Сигизмундъ-Августъ подтвердилъ это наданіе Тишку Конаховичу, свящ. ильинскому. Къ одному изъ писемъ приложена выпись изъ реестра ревизіи городскихъ и церковныхъ имѣній, со ссылкою на упомянутый привилей Сигизмунда-Августа (389 и 420). Впослѣдствіи Конаховичъ, по словамъ П., не имѣвшій сыновей, выдалъ свою дочь за какого-то холмскаго мѣщанина, и право на церковь передалъ ему; послѣдній продалъ церковь Загоровскому, мужу княжны Маруши (404). Въ другомъ письмѣ П. высказываетъ предположеніе, что Конаховичъ не былъ священникомъ, а только женатъ былъ на дочери священника ильинскаго (437); но это предположеніе опровергается приложенной къ предъидущему письму выписью изъ реестра ревизіи, гдѣ Конаховичъ названъ, со словъ привилея, „попомъ ильинскимъ“. Вообще, все это дѣло изложено у П. крайне запутанно; ясно только, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ правомъ собственности, а съ правомъ подаванья, хотя П. осно-

---

[1]) Не можемъ не отмѣтить при этомъ, что декретъ виленскаго трибунала напечатанъ въ очень неисправномъ видѣ, что, очевидно, сознавалъ и издатель, поставившій въ двухъ мѣстахъ знакъ (!); напр., совершенно непонятное выраженіе: „а иж при томъ оповедал *ювекостроверсии* доложонымъ“, должно быть исправлено такъ: „а ижъ при томъ оповеданю, *контроверсии* доложонымъ“; или еще выраженіе: „ку *положеню* церкви Божие смел и важил *еднак* звычай и пристойност стану своего“, въ дѣйствительности читается: „ку *обелженю* церкви Божей смел и важил *се надъ* звычай и пристойност стану своего“. Этотъ декретъ въ своемъ полномъ и исправномъ видѣ напечатанъ въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Рос. при Москов. у—тѣ“, кн. 3 за 1859 г., отд. III, стр. 1—2, 2 и 7.

[2]) Г. Прохаска указываетъ на борьбу Поцѣя съ Виленскимъ братствомъ и въ предисловіи излагаетъ даже это дѣло, находя, что письма П. проливаютъ много свѣта на всю эту борьбу; но мы нашли въ письмахъ П. только неясные намеки на дѣло и инсинуаціи противъ „bannitow“.

вываетъ свои притязанія на томъ, что „ten chłop co przedał, nie mogł tego przedawać co koscielne jest“. П. упорно добивался возвращенія подъ свою власть этой церкви. Объ извѣстномъ нападеніи на нее въ 1596 г. [1]), въ письмахъ (относящи ся къ 1602—3 г.) упоминается глухо. П. жалуется, что кн. Марута, „schyzmatyczka i wielka przeciwniczka jednosci swiętej“, отобрала изъ его юрисдикціи эту церковь. Поцѣй *взялъ-было изъ послѣдней антиминсъ*, и она долго „tak wakowała“; но Марута получила аптиминсъ изъ Константинополя и приказала служить тамъ попамъ и чернецамъ схизматицкимъ. П. надѣялся возвратить церковь судомъ, усиленно просилъ канцлера розыскать въ литовской метрикѣ подлинный привилей Сигизмунда Августа, посредствомъ котораго онъ могъ бы доказать свои права на церковь; но искомый привилей не находился, и изъ писемъ П. мы такъ и не узнаемъ исхода возникшаго судебнаго процесса. Видно только, что дѣло это очень волновало Поцѣя, и онъ не особенно вѣрилъ въ благопріятный для себя исходъ (445). На Загоровскую онъ жалуется, что она „mi jest na wielkiej przekaziei kosciolowi memu katedralnemu, uczyniwszy sobie owdzie oprytscynę, gdzie się schyzmatycy zbieraią“ и „ze mnie smieszki stroi“ (420).

Еще болѣе волновало Поцѣя дѣло объ избраніи архимандрита Кіево-Печерской лавры. Поцѣй возмутился тѣмъ, что сеймъ, убѣжденный представленными ему привилеями, призналъ за монастыремъ и обывателями Кіевскаго воеводства право свободнаго избранія архимандрита. П. видитъ въ этомъ нарушеніе правъ митрополита кіевскаго, утвержденныхъ патріархомъ константинопольскимъ и подтвержденныхъ папою (a summo pontifice); въ тоже время онъ указываетъ, что тутъ идетъ рѣчь не о привилеяхъ, не объ элекціи, а о подчиненіи монастыря ему какъ уніатскому митрополиту—„aby się z mej jurisdicie y wyzuli, a w osobię mojej ubogiej sczułdek summo pontifici w nos dali (437)“. Въ другомъ письмѣ П., посылая Сапѣгѣ копію папскаго посланія относительно печерской архимандріи [2]), выражаетъ большое со-

---

[1]) См. Арх. Ю. З. Р., ч. 1. т. I, № 121.

[2]) Письмо П. помѣчено 6 сент. 1603 г. Вѣроятно, рѣчь идетъ о распоряженіи папы Климента VIII отъ 1 августа 1603 г., которымъ онъ „pro regni tranquilitate“ отмѣнилъ свои прежнія распоряженія относительно Печерскаго монастыря и утвердилъ за дворянами Кіевскаго воеводства право патроната надъ монастыремъ (См. Арх. Ю.-З. Р. ч. II, т. I. № V и VI).

мнѣніе въ благопріятномъ для него исходѣ элекціи. При этомъ встрѣчается намекъ на желаніе Поцѣя быть самому избраннымъ въ архимандриты. Въ случаѣ неудачи онъ проситъ оставить за нимъ хотя нѣкоторыя имѣнія Печерскаго монастыря въ вел. княж. Литовскомъ, а также Никольскій монастырь въ Кіевѣ, „nie dosyc wielki". Если же утвержденъ будетъ Елисей Плетенецкій, то пусть онъ уступитъ Поцѣю Лищинскій монастырь въ Пинскѣ, котораго онъ былъ архимандритомъ (158). Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Поцѣй проситъ Сапѣгу ходатайствовать у короля, чтобы онъ отвергъ состоявшійся уже выборъ (Елисея Плетенецкаго) и, не назначая новыхъ выборовъ, утвердилъ архимандритомъ его, Поцѣя (498). Извѣстно, что старанія Поцѣя остались безплодными; архимандритомъ остался избранный православнымъ духовенствомъ и дворянствомъ Е. Плетенецкій.

Наряду съ фактами, рисующими борьбу двухъ исповѣданій, письма Поцѣя передаютъ множество фактовъ, характеризующихъ внутреннее состояніе обѣихъ церквей и нравы духовенства. Противниковъ своихъ П. представляетъ въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Такъ извѣстнаго уже намъ пинскаго Никольскаго священника онъ называетъ разбойникомъ, бунтовщикомъ и убійцею (łotr, buntownik, mężoboica) и обвиняетъ его въ отравленіи епископа (420); другихъ духовныхъ лицъ (изъ виленскаго духовенства) онъ обвиняетъ въ развратѣ (407). Въ одномъ письмѣ встрѣчается такая картина нравовъ православнаго духовенства: „десятки лѣтъ высшія должности церковныя заняты людьми, которые и до сихъ поръ не пострижены въ священники и живутъ въ монастыряхъ какъ міряне „ze psy i z myrchami", а на сеймъ убираются въ клобуки" (433). Но больше всего раздражаетъ его участіе мірянъ, и въ особенности братствъ, въ дѣлахъ церковныхъ. Виленское братство Поцѣй называетъ не иначе, какъ Наливайковскою ордою [1]): „безбожные люди Наливайковской орды, хотя бы попы ихъ баниты поздыхали и самихъ вожаковъ не мало, сочиняютъ на меня новыя и новыя клеветы" (541). Съ большимъ негодованіемъ говоритъ также онъ о минскихъ мѣщанахъ трехъ братьяхъ Филипповичахъ [2]) („chłopy mo-

[1]) Замѣтимъ кстати, что въ указателѣ (стр. 523 и 532) терминъ этотъ употребленъ безъ всякой оговорки: Nalewajkowska orda— bractwo, Wilno—orda Nalewajkowska и monastyr Nalewajkowski; и только въ предисловіи (стр. XXVI) указано его настоящее значеніе.

[2]) Не сынъ ли одного изъ нихъ былъ Аѳанасій Филипповичъ, игуменъ брестъ-литовскій, защитникъ православія?

żni i wielce bogaci"), которыхъ, въ свою очередь, причисляетъ къ Наливайковской ордѣ, обвиняя ихъ въ продажѣ подъ мечеть мѣста, гдѣ была христіанская церковь (558); но ясно, что собственно въ этомъ-то и заключается дѣло, п. ч. онъ сравниваетъ Ф. съ виленскими братчиками, а нѣсколькими строками раньше съ такимъ-же негодованіемъ говоритъ о какой то (православной) церкви, которую К. Острожскій разрѣшилъ строить „Наливайковской ордѣ".—Изображая въ неприглядномъ свѣтѣ духовенство православное, П. не щадитъ и уніатовъ. Вотъ напр. отзывъ его о какомъ то монахѣ, котораго онъ оставилъ въ Вильнѣ у св. Троицы: „худо съ нимъ, еще хуже безъ него.... Что же мнѣ дѣлать, когда лучшаго нѣтъ. Почти всѣ угождаютъ злому духу; трудно найти, на кого можно бы положиться". Если онъ не исправится, П. грозитъ выбросить его, „jako żabę z wierszy" (409). Подобные же отзывы встрѣчаются и относительно болѣе высокопоставленныхъ въ церковной іерархіи лицъ. Такъ, въ томъ же письмѣ П. жалуется на назначеніе, повидимому противъ его желанія, архимандритомъ Супрасльскаго монастыря Пугача—„prawego Puhacza, ktory et re et nomine jest takim", который ограбилъ церковь Божію и творитъ, что ему вздумается (co chce, to broi). Въ томъ же письмѣ и раньше (391) находимъ подобные же отзывы о назначенномъ самимъ Поцѣемъ полоцкомъ владыкѣ, который также надѣлалъ чудесъ (dziwy broi). Поцѣй собирается принять строгія мѣры противъ безпорядковъ: „umiem ja i władyką degradować", говоритъ онъ и сообщаетъ Сапѣгѣ, что досталъ уже „ptaszka protoporpką pinskiego" и держитъ его въ клѣткѣ. „Nie mam czem inszem płacic, прибавляетъ П., jedno, że mu plesz zdeime, aby i dziesięty, na to patrząc, kajał się" (391).

Изъ приведенныхъ отрывковъ можно видѣть, какой богатый матеріалъ для исторіи западно-русской церкви представляютъ письма П., представляя, кромѣ того, очень много фактовъ и для характеристики самого Поцѣя. Не останавливаясь на тонѣ писемъ, на крайней ихъ рѣзкости и халатности („rubasznosc", какъ выражается г. Прохаска), отмѣтимъ только тѣ мѣста, которыя наиболѣе характеризуютъ нравственную личность автора. Вообще о Поцѣѣ установилось мнѣніе, какъ о лучшемъ и наиболѣе искреннемъ изъ дѣятелей уніи, какъ объ „апостолѣ уніи", приставшемъ къ этому дѣлу съ чистыми побужденіями, надѣявшемся этимъ средствомъ исправить пришедшую въ упадокъ западно-русскую церковь, и только въ разгарѣ борьбы обра-

тившемся къ насильственнымъ и не всегда чистымъ средствамъ. Письма П. во многомъ должны измѣнить это представленіе. Посмотримъ напр., какъ относился П. къ своему сану митрополита кіевскаго: „Вотъ что выигралъ я на этой несчастной митрополіи! Лучше-бы я ея не зналъ, а сидѣлъ спокойно на своемъ. Вѣдь я не мало спорилъ, не желая приниматься, но меня принудили принять эту архимандрію, которой только титуломъ и пользуюсь". Правда, дальше онъ выражаетъ сожалѣніе, что за недостаткомъ средствъ придется закрыть основанную имъ русскую семинарію; но еще нѣсколькими строками дальше, говоря о какомъ-то непочтительномъ поступкѣ со стороны владыки луцкаго (Кирилла Терлецкаго), онъ выражается такимъ образомъ: „могъ бы онъ мнѣ не завидовать, потому что его одна епархія стоитъ моихъ обѣихъ. Митрополія прежде, когда была въ цвѣтущемъ состояніи, приносила едва 1000 зл., а теперь за эти года я и 500 не получилъ. Титулъ громкій, а доходъ плохой—tytul wielki, ale pożytek płochy" (437). Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ, что если архимандрія Печерская не останется за нимъ, то онъ и митрополію швырнетъ на землю(mitropolią o ziemie uderzą), потому, что „самъ изволишь знать, какіе на ней доходы: теперь и хлѣба ни въ одномъ фольваркѣ не имѣю"..... „Вижу, что эта митрополія все у меня отниметъ, если не будетъ милости Божіей и вниманія его корол. вел. ко мнѣ насчетъ имѣній монастыря Печерскаго, хотя-бы тѣхъ, что находятся въ Литвѣ, если нельзя уже ничего больше" (443). Мы упоминали уже о просьбахъ его по поводу монастырей Никольскаго и Лишинскаго (458). Не меньше имѣній привлекаетъ Поцѣя пышная роль католическаго епископа. Вотъ какъ описываетъ онъ торжественное богослуженіе въ Краковѣ, въ которомъ и самъ принималъ участіе. „Недавно пріѣхалъ изъ Кракова съ юбилея, гдѣ на праздникъ Тѣла Господня ходилъ въ процессіи pontificaliter между двумя инфулатами передъ Святыми Дарами, а потомъ дважды совершилъ богослуженіе —разъ въ приходской церкви, гдѣ была такая толпа людей, что чуть не подушили другъ друга, въ другой разъ—на Казимиржѣ у св. Екатерины, и это было принято невѣжественными людьми съ великимъ изумленіемъ и благодарностью, п. ч. при мнѣ было нѣсколько каплановъ и недурная музыка. И королю было очень пріятно, что я ходилъ въ процессіи, потому, что е. к. в. изволилъ ходить за процессіею. Не пришлось только мнѣ сказать ни слова съ е. в., хотя и было о чемъ поговорить, а особенно объ архимандріи Печерской" (443). Въ

другомъ письмѣ П. съ видимымъ удовольствіемъ сообщаетъ Сапѣгѣ, что получилъ „a summo pontifice“ конфирмацію, утверждающую его пожизненно при обѣихъ каѳедрахъ, и что онъ долженъ ѣхать въ Гродно „jurament przed nunciuszem uczynić“ (334). Приведенные отрывки ясно показываютъ, какими побужденіями руководствовался Поцѣй въ своей дѣятельности. Что у него не было искренней привязанности къ своему народу, не было желанія исправить его недостатки и дѣйствительно реформировать церковь, нуждавшуюся тогда въ серьезной реформѣ,—можно видѣть и изъ отзывовъ его объ этомъ народѣ и этой церкви: „nasza przeklęta Rusia“ (439), „chłopski narod zdradecki“ (443), „przeklęta scyzma“ (439)—вотъ эпитеты, которые онъ прилагаетъ къ своимъ бывшимъ единовѣрцамъ. Послѣ этого не представляютъ уже ничего неожиданнаго тѣ безнравственныя средства, которыми онъ добивался осуществленія своихъ честолюбивыхъ и корыстныхъ цѣлей. Упомянемъ только о подкупахъ (см. письма: 192, гдѣ говорится о коралѣ, и 408, гдѣ сообщается о сорока червонныхъ злотыхъ, поднесенныхъ Л. Сапѣгѣ накануне окончательнаго рѣшенія дѣла) и инсинуаціяхъ (457 и 573, въ которыхъ онъ представляетъ своихъ противниковъ врагами папы и нарушителями воли короля).

Изъ южно-русскихъ дѣятелей этой эпохи, не принадлежавшихъ къ сословію духовенства, въ перепискѣ упоминаются кн. К. К. Острожскій и Наливайко, но о нихъ мы узнаемъ немного новаго. К. Острожскій упоминается по поводу его извѣстнаго посланія къ Торнскому протестантскому собору. Изъ одного письма Льва Сапѣги видно, что король былъ очень раздраженъ посланіемъ и подъ этимъ впечатлѣніемъ не согласился назначить папскимъ епископомъ предложеннаго Острожскимъ кандидата и не соглашался созвать новый соборъ для обсужденія вопроса объ уніи (144). Изъ другого письма мы видимъ, съ какимъ негодованіемъ отнеслись къ поступку Острожскаго литовскіе вельможи (145). Упоминается Острожскій и въ письмахъ Поцѣя по поводу послѣдующей борьбы его съ уніатами; въ одномъ письмѣ Поцѣй такъ отзывается объ Острожскомъ: „on, jako orżeł, odmladził i nie przestaie mnie tąpic, i podobno dokaże wszystkiego, co chce“ (443). Возстаніе Наливайка тоже довольно слабо отразилось въ перепискѣ. Въ нѣсколькихъ письмахъ выражается сожалѣніе о „печальной трагедія съ Наливайкомъ“, о „дурной славѣ нашего народа“ (153), негодованіе на „неслыханное своеволіе этихъ людей (130)“. На-

конецъ Наливайко въ плѣну; его съ нетерпѣніемъ ждутъ въ Варшавѣ; Левъ Сапѣга посылаетъ въ Люблинъ справиться, гдѣ онъ, и узнаетъ, что онъ еще во Львовѣ (164). Въ другомъ письмѣ Сапѣга пишетъ, что подканцлеръ и панъ Бобола, по приказанію короля, два раза ходили къ Наливайку, но „nic im nie powiadał". Его будутъ пытать, а потомъ казнятъ (170). Изъ сообщниковъ Наливайка упоминаются: Шаула, о которомъ сказано, что при немъ „sposobniejszy lud jest, niż przy Nalewajku, wietszą liczbą i dawniej się na kozactwie bawi" (156), Оссовскій(?) и кн. Юрій Друцкій-Горскій, зять (швагеръ) Луки Сапѣги (365). Правда Л. Сапѣга объясняетъ участіе Д.-Горскаго въ нападеніи Наливайка на Пиковъ исключительно корыстными цѣлями (у него шли споры изъ-за этого и друг. имѣній съ Сапѣгами); но если припомнить роль кн. Д.-Горскаго въ борьбѣ съ уніею [1] и участіе въ основаніи Люблинскаго братства [2], то союзъ его съ Наливайкомъ получаетъ совершенно другое значеніе.

Таковы наиболѣе важные факты и имена изъ исторіи Западной Руси, упоминаемые въ настоящемъ томѣ.

II.

Что касается Руси Восточной, то, какъ мы замѣтили выше, въ разсматриваемыхъ письмахъ отразились, иногда въ довольно своеобразномъ видѣ, нѣкоторыя событія смутнаго времени.

Изъ писемъ канцлера Льва Сапѣги и брата его Андрея, старосты оршанскаго, относящихся къ царствованію Ѳедора Ивановича, видно уже, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли литовскіе государственные люди на событія, происходившія въ Москвѣ, ожидая новаго столкновенія Москвы съ Польшею. Л. Сапѣга еще 20 марта 1593 сообщалъ Замойскому слухъ, что Годуновъ убилъ *великаго князя*, желая самъ занять престолъ (102). Въ 1596 онъ же передаетъ слухи о ссорѣ Годунова съ великимъ княземъ, который упрашиваетъ его

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. 1, № 123.—См. протестъ кн. Д.-Г. противъ уніатскихъ епископовъ.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. 1, № IV.—Вообще эта фамилія играла довольно видную роль въ борьбѣ съ уніею: въ упомянутыхъ нами актахъ имя кн. Ю. Д.-Горскаго стоитъ рядомъ съ именемъ кн. Острожскаго. Въ одномъ изъ писемъ Поцѣя упоминается какъ покровительница Виленскаго братства „pani wojewodzina smoleńska, patriarcha ich" (583). А изъ цитированнаго г. Прохаскою документа видно, что наслѣдницами Пикова были кн. Юрьева Друцкая (Филоновна Кмитянка) и сестра ея Софія, wojewodzina smoleńska (стр. 95).

быть по прежнему своимъ совѣтникомъ; о томъ, что бояре ѣздятъ уговаривать его, а Шуйскій посланъ противъ крымскихъ татаръ (153). Смерть Өедора Ивановича возбуждаетъ еще большій интересъ къ московскимъ дѣламъ. Уже 4 февраля 1598 г. (онъ скончался 7/17 января) Андрей Сапѣга извѣщаетъ Радзивилла о смерти Өедора Ивановича, о предстоящемъ избраніи царя и о четырехъ главныхъ кандидатахъ на московскій престолъ. Таковыми онъ называетъ: Годунова, о которомъ говоритъ, что онъ человѣкъ очень болѣзненный; Мстиславскаго, занимающаго первое мѣсто въ боярской думѣ; „Fedora Romanowicza Mikiczicza", дядю покойнаго великаго князя, и Бѣльскаго, о которомъ слышно, что покойный великій князь гнѣвался на него за то, что онъ хотѣлъ сдѣлаться великимъ княземъ помимо законнаго потомства Өедора Ивановича, поэтому не пускалъ его къ себѣ на глаза до самой своей смерти; теперь же Бѣльскій пріѣхалъ въ Москву со множествомъ людей съ цѣлью добиваться престола. Ходятъ толки, что при избраніи в. к. произойдетъ великое кровопролитіе, если не будетъ милости Божіей, и бояре не согласятся между собою. Главнымъ кандидатомъ считаютъ „Өедора Романовича Микитича", какъ родственника в. князя. Тревога въ Москвѣ великая, опасаются его корол. величества. На границахъ вездѣ стража, а также по дорогамъ и дорожкамъ, и даже по тропинкамъ; особенно боятся, чтобы кто изъ Москвы не пріѣхалъ къ е. к. в. (213). Всѣ эти свѣдѣнія сообщали Сапѣгамъ (Андрею и Льву) посылаемые ими за границу шпіоны—„szpiegi" [1]). Черезъ нѣсколько дней уже самъ канцлеръ пишетъ (тоже изъ Орши), что отъ вновь прибывшаго шпіона узналъ такія новости: Годуновъ передъ смертью в. к. просилъ его назначить себѣ преемника, надѣясь, что Ө. И. укажетъ на него. Но Ө. И. сказалъ ему: „ты не можешь быть в. княземъ, хотя бы тебя и избрали,—но я сомнѣваюсь, чтобы тебя избрали, потому что ты изъ подлаго народа", и указалъ на Өедора Романовича. Но такъ какъ великая княгиня объявила, что она беременна, то, въ случаѣ рожденія сына, воеводы должны охранять его подъ присягою, а правителемъ до его совершеннолѣтія будетъ Өедоръ Романовичъ; послѣдняго в. кн. убѣждалъ, если его выберутъ на царство, не отпускать отъ себя Годунова и

---

[1]) Въ указателѣ мы не нашли этого слова, хотя тамъ встрѣчаются такія какъ Nalewajkowska orda или Moskwa; język, najazd, kozacy, swawole.—Szpiegi упоминаются на стр. 176 177, 188 и 204.

не дѣлать ничего безъ его согласія, потому что онъ мудрѣйшій. По смерти в. кн. Годуновъ имѣлъ при себѣ человѣка, весьма похожаго на покойнаго царевича Дмитрія, „ktory się był z Pecihorki narodził (?), ktorego dawno na swiecie nie masz". Написанъ былъ указъ именемъ этого Дмитрія о его воцареніи, но въ Москвѣ стали дивиться, откуда онъ появился. Бояре и воеводы стали развѣдывать объ этомъ, и какой-то бояринъ и воевода Нагой сказалъ: „князя Дмитрія и на свѣтѣ нѣтъ; сосѣдъ мой тіунъ астраханскій Михайло Бичоговскій хорошо объ этомъ знаетъ". Послали за Бичоговскимъ и, когда привезли его, стали пытать, и онъ подъ пыткою сознался, что самъ убилъ царевича по приказанію Годунова, а теперь Годуновъ хотѣлъ выдать за царевича своего пріятеля. Тіуна астраханскаго четвертовали, а Годунова стали упрекать въ измѣнѣ своимъ царямъ, убійствѣ Дмитрія и отравленіи Ѳедора Ивановича; въ этой суматохѣ Ѳедоръ Романовичъ бросился на Годунова съ ножемъ, чтобы убить его, но бояре не допустили до убійства. Думаютъ, что это кончится избраніемъ Ѳедора Романовича. За него стоятъ всѣ воеводы и думные бояре, п. ч. онъ родственникъ великаго князя; Годуновъ же опирается на меньшихъ бояръ и стрѣльцовъ, потому что хорошо платилъ имъ, и на простонародіе (?); но ему мѣшаетъ низкое происхожденіе. Говорятъ еще, что в. к. передъ смертью сказалъ, что если не согласятся въ выборѣ новаго в. князя, то пусть изберутъ двухъ или трехъ электовъ и предоставятъ выборъ изъ нихъ цезарю. Другіе шепчутъ что-то объ эрцгерцогѣ Максимиліанѣ [1]: одинъ бояринъ говорилъ, что хотятъ послать гонца къ императору, но сомнѣваются, пропуститъ-ли король (польскій) черезъ свои земли. Въ припискѣ къ этому письму Левъ Сапѣга сообщаетъ, что пріѣхавшій изъ Смоленска московскій купецъ подтвердилъ почти всѣ слухи, сообщенные шпіонами, между прочимъ и то, что Годуновъ отравилъ Ѳедора Ивановича, желая быть великимъ княземъ. Но слухъ о беременности Ирины ложенъ, потому что она постриглась въ монахини. Избраніе царя состоится, вѣроятно, послѣ сороковинъ (214) Черезъ нѣсколько дней Андрей Сапѣга пишетъ къ Радзивиллу, повторяя прежнія свои сообщенія о московскихъ дѣлахъ, при чемъ кандидатами на московскій престолъ, указанными са-

---

[1]) Братъ имп. Рудольфа, соперникъ Сигизмунда III при избраніи его на польскій престолъ.

нимъ Ө. Ив., называетъ уже Өедора и Александра Романовичей „Микитичей", Мстиславскаго и Годунова. Въ этомъ, какъ и въ предыдущемъ письмѣ Льва Сапѣги, сообщаются слухи о сосредоточеніи русскихъ войскъ подъ Смоленскомъ и о разныхъ пограничныхъ строгостяхъ (215).

Въ нѣсколькихъ послѣдующихъ письмахъ (227, 230, 239, 241, 214) передаются неясныя извѣстія объ избраніи[1]) и короновавіи Годунова и о какихъ-то новыхъ смутахъ въ Москвѣ. Очевидно, избраніе встрѣчено было въ Польшѣ несочувственно и вызвало какія-то недоразумѣнія. Объ этомъ узнаемъ изъ писемъ короля къ Льву Сапѣгѣ. Въ письмѣ отъ 17 ноября 1598 король опасается нарушенія русскими перемирія, срокъ которому еще не истекъ (243). Въ письмѣ отъ 31 ноября король запрещаетъ пропускать черезъ границу русскаго посла къ цезарю и купца съ „милостынею" (jałmużna) для русскихъ церквей въ Польшѣ, пока не получено будетъ оффиціальное извѣщеніе объ избраніи царя. Письмо написано въ довольно рѣзкомъ тонѣ: Годуновъ нигдѣ не названъ („chce posłać gonca"—безъ подлежащаго); поведеніе его объясняется „według dawnego uporu, grubosci swej moskiewskiej" (245). Въ Польшѣ видимо не вѣрили еще прочности новаго правительства; ходили слухи, что Годуновъ убитъ и въ Москвѣ большое смятеніе (244). Наконецъ отношенія стали выясняться, и результатомъ этого было посольство Льва Сапѣги въ Москву, описаніе котораго находимъ въ двухъ письмахъ С. къ К. Радзивиллу и Яну Замойскому (307 и 315). Особенно важно второе письмо, гдѣ сообщается о грубомъ пріемѣ, оказанномъ посламъ; шесть недѣль держали ихъ на посольскомъ дворѣ подъ стражею; наконецъ начались переговоры съ боярами, но бояре и слышать не хотѣли о вѣчномъ мирѣ и грозили союзомъ съ Карломъ IX шведскимъ, который будто-бы готовъ принять русское подданство, и съ Михаиломъ воев. молдавскимъ. Между тѣмъ получено было извѣстіе о пораженіи Михаила, и прибыло посольство отъ Карла съ предложеніемъ союза, условія котораго не удовлетворяли ожиданіямъ московскаго правительства Тогда, говоритъ Сапѣга, „przychilili się do nas", и резуль-

[1]) Сообщается напр. слухъ, что на престолъ московскій хотѣли избрать Семена Шигалевича, царевича казанскаго, живущаго въ Сибири. Годуновъ, узнавъ объ этомъ, предложилъ борьбу съ татарами и былъ избранъ (227).

татамъ начавшихся переговоровъ было заключеніе 20-лѣтняго перемирія. Не смотря на сравнительно благопріятный исходъ дѣла, Сапѣга повидимому вынесъ не особенно пріятное впечатлѣніе изъ своего посольства, что можно видѣть, напр., изъ письма къ нему Бернарда Мацѣёвскаго, бискупа краковскаго; оно служитъ отвѣтомъ на присланное имъ извѣщеніе объ окончаніи посольства: Мацѣёвскій благодаритъ Бога, что его другъ благополучно возвратился отъ „этихъ людей жестокихъ и истинно дикихъ; хотя это (т. е. дикость) проистекаетъ отъ прирожденной глупости этого народа, замѣчаетъ онъ, но, кажется, тутъ примѣшалась и гордость, которую Богъ непремѣнно наказываетъ". О Годуновѣ Мацѣёвскій говоритъ, что не думалъ, чтобы онъ былъ „tak incivilis" (323).

Приведенные отрывки показываютъ, какъ много интересныхъ данныхъ объ избраніи Годунова заключается въ разсматриваемыхъ письмахъ. Много ложныхъ слуховъ сообщали, конечно, польскіе шпіоны, но даже эти ложныя извѣстія представляютъ извѣстный интересъ, потому что служатъ отголосками тѣхъ толковъ, которые ходили тогда въ Москвѣ. Нѣкоторыя же извѣстія носятъ характеръ достовѣрности и могутъ дополнить до сихъ поръ еще далеко невыясненную исторію царствованія Бориса Годунова нѣсколькими новыми данными. Особенно важными представляются намъ извѣстія о соперникахъ Бориса—Романовыхъ и Бѣльскихъ. Извѣстія эти вполнѣ уясняютъ послѣдующее отношеніе Годунова къ этимъ боярскимъ фамиліямъ. Большой интересъ представляютъ и подробности о политическихъ отношеніяхъ новаго правительства, въ особенности къ Польшѣ. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на нелѣпое, но тѣмъ не менѣе весьма характерное для данной эпохи, извѣстіе о какомъ то невѣроятномъ самозванцѣ, выставленномъ самимъ Борисомъ и о мнимой беременности царицы Ирины. Извѣстія эти показываютъ, что толки о другомъ законномъ претендентѣ на московскій престолъ, а также о возможности появленія самозванца, вообще возникли въ первый же годъ царствованія Годунова и обратили на себя вниманіе и въ Польшѣ.

Есть въ настоящемъ томѣ нѣсколько указаній и относительно Дмитрія Самозванца. Первыя упоминанія о немъ встрѣчаются въ письмахъ духовныхъ особъ. Петръ Тылицкій, бискупъ варминскій, въ февралѣ 1604 г. извѣщаетъ Л. Сапѣгу, что король отложилъ рѣшеніе вопроса о печерской архимандріи и что для этого были важныя причины; такъ пожелалъ король и тѣ, съ кѣмъ онъ совѣтовался,—

и вслѣдъ за этимъ сообщаетъ, что „kniazik, ktory się Dymitrem Jwanowym synem zowié“, скоро долженъ явиться въ Краковъ. Неизвѣстно, что предприметъ король по этому дѣлу, но о немъ уже разосланы грамоты панамъ радамъ коронньмъ литовскимъ и ожидаются отвѣты. Кажется, и вамъ этотъ князикъ представляется настоящимъ; я же нѣсколько сомнѣваюсь въ немъ (ia przywątpiwam, 489). Въ апрѣлѣ Бернардъ Мацѣёвскій, бискупъ краковскій, спрашиваетъ у Льва Сапѣги новостей „o tym carzyku moskiewskim, ktoremu, przynamniej ut homini peregrino, i ja, będąc jeszcze w Krakowie, okazałem wszelaką humanitatem“ (504). Затѣмъ упоминается, о „царевичѣ московскомъ“ въ инструкціи посламъ варшавскаго сейма и съ большею полнотою отъ имени короля въ инструкціи на сеймикъ инфлянтскій, но въ очень осторожныхъ выраженіяхъ: „o ktorem jako trudno miec pewnosc, tak z drugiej strony są tez podobienstwa“. Затѣмъ сообщается о волненіяхъ въ Москвѣ и о томъ, что нѣкоторые думали, что королю открывается путь къ увеличенію блага и славы Рѣчи-посполитой, что возведеніемъ его на престолъ московскій достигнуто будетъ освобожденіе и устроеніе этой земли, успокоеніе Инфлянтъ и могущество относительно внѣшнихъ враговъ. Но король, желая оказать вниманіе новообрѣтенному царевичу, если-бы это былъ онъ, и считая нужнымъ не упускать представляющагося случая, въ тоже время, въ виду сомнительности дѣла, не пожелалъ глубоко вдаваться въ это дѣло и завлекать Рѣчь-посполитую (537). Въ октябрѣ 1605 г. Симонъ Рудницкій, бискупъ варминскій, въ письмѣ къ Льву Сапѣгѣ выражаетъ большую радость по поводу вступленія Димитрія на московскій престолъ, называетъ это событіе „cudowna sprawa Boska“ и прибавляетъ, что если Дмитрій пожелаетъ сохранить пріязнь, то это не повредитъ и всему христіанству (579). Точно также Бернардъ Мацѣёвскій, уже кардиналъ, выражая радость по поводу посольства отъ царя къ королю высказываетъ желаніе, чтобы не только укрѣпился миръ и дружба между обоими государствами, но чтобы изъ этого святаго союза вытекло нѣчто полезное и пріятное для всего христіанства (582). О самомъ правленіи самозванца мы не находимъ въ письмахъ никакихъ извѣстій, кромѣ письма Мартина и Андрея-Петра Стадницкихъ (родственники Мнишковъ, бывшіе въ свитѣ Марины) изъ Москвы къ Льву Сапѣгѣ, въ которомъ они сообщаютъ о своемъ пріѣздѣ въ Москву, а затѣмъ и о катастрофѣ 17/27 мая. Сообщая это Сапѣгѣ, Стадницкіе винятъ во

всемъ короля: если-бы онъ не позволилъ пану воеводѣ и тѣмъ, кого онъ увлекъ за собою, выѣзда изъ королевства, и намъ бы не захотѣлось вмѣшиваться въ это дѣло. Мы прежде не рѣшались помогать царю на войнѣ и въ другихъ дѣлахъ, а теперь, послѣ разрѣшенія короля, дали увезти себя, не получивъ ни отъ пана воеводы, ни отъ царя, ни отъ царицы даже копѣйки (naimniejsze pieniądze), отправились на свой счетъ и за то лишились свободы" (611).

Всѣ эти письма о самозванцѣ не сообщаютъ какихъ либо новыхъ фактовъ, но довольно ясно рисуютъ роль польскаго правительства и общества въ событіяхъ смутнаго времени и въ тоже время косвеннымъ образомъ подтверждаютъ предположеніе, что самозванецъ былъ подготовленъ въ Польшѣ и именно іезуитами, къ чему начинаютъ склоняться и польскіе историки [1]).

III.

Мы извлекли изъ настоящаго тома все, относящееся къ русской исторіи въ широкомъ смыслѣ слова. Само собою разумѣется, что приведенные факты въ изданіи г. Прохаски стоятъ сравнительно на второмъ планѣ; первое же мѣсто занимаютъ дѣла литовскія и польскія. Такимъ образомъ, наше изложеніе можетъ дать понятіе только объ одной сравнительно небольшой части изданныхъ писемъ. Въ общемъ разсматриваемая книга даетъ полную и яркую картину событій, въ которыхъ принимали участіе авторы писемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тогдашняго состоянія Литвы и Польши. Главныя черты этой картины намѣчены въ предисловіи ученаго издателя. Въ этомъ предисловіи г. Прохаска рисуетъ общее состояніе края и даетъ характеристики главныхъ дѣятелей, упоминаемыхъ въ письмахъ Льва Сапѣги и Ипатія Поцѣя. Соглашаясь совершенно съ тѣмъ изображеніемъ внутренняго состоянія Литвы и отчасти Польши, которое даетъ г. Прохаска, мы не можемъ однако удовольствоваться многими изъ его объясненій.

---

[1]) См. Бобржинскій: „Очеркъ, исторіи Польши" (русскій переводъ). Т. II, стр. 156: „Почему отнимать у іезуитовъ то, что съ ихъ точки зрѣнія было смѣлымъ и похвальнымъ дѣломъ?"

Мы вполнѣ признаемъ, что „край былъ въ смутномъ состояніи, все въ немъ жило въ борьбѣ и ссорѣ: и думные вельможи, и сословія, и исповѣданія, даже ремесленные цѣхи, церковныя братства и студенты,—всѣ глухо ненавидѣли другъ друга и казалось ожидали только искры для начала междоусобной войны (Предисл., стр. XXIII)". Нельзя не согласиться и съ повторяющимися не разъ указаніями на отсутствіе прочной связи между Литвою и Польшею, на стремленіе Литвы къ обособленію; но трудно согласиться съ такою напр. фразою: „Какое-то малодушіе, происходящее отъ политической зависти, рисуетъ въ непріятномъ свѣтѣ (w dosadny sposob) тогдашнія отношенія Литвы къ Коронѣ (XXII)". Или: „Партикуляризмъ земель и провинцій, составляющихъ тѣло старинной Рѣчи-посполитой, узкость интересовъ (zasciankowosc), частныя стремленія и упорное слѣдованіе имъ, центробѣжная дѣятельность этихъ великихъ частей государства, живущихъ замкнутою жизнью, слишкомъ часто играющихъ роль государства въ государствѣ,—все это имѣло обильный источникъ въ судьбахъ одной семьи, въ особенности въ восточной половинѣ колоссальнаго государства (olbrzymiego panstwā) старинной Рѣчи-посполитой (V-VI)". И въ привеведенныхъ отрывкахъ довольно вѣрно намѣчены особенности тогдашняго строя Рѣчи-посполитой, великаго княжества Литовскаго въ частности, но кромѣ того чувствуется и извѣстное субъективное отношеніе къ изображаемымъ явленіямъ,—отношеніе, съ которымъ, думается намъ, не можетъ примириться безпристрастный историкъ. Не партикуляризмъ, не узкость интересовъ, а здоровое національное чувство и законное стремленіе Литвы къ политической самостоятельности почти на двѣсти лѣтъ затормозило соединеніе ея съ Польшею; тѣже причины, и еще въ большей степени, дѣлали невозможнымъ соединеніе съ Польшею русскихъ областей и подчиненіе массы русскаго народа аристократически-клерикальнымъ планамъ Поцѣя и др. дѣятелей Брестской уніи. Колоссальное государство Рѣчи-посполитой было колоссальнымъ только по объему, но прочность этого колосса, въ виду указанныхъ обстоятельствъ, была весьма сомнительна. Объяснять литовскій „партикуляризмъ" интересами нѣсколькихъ аристократическихъ родовъ, какъ дѣлаетъ это авторъ, становится въ виду сказаннаго совершенно излишнимъ тѣмъ болѣе, что интересы аристократіи склоняли ее къ союзу съ Польшею, что̂ подтверждаетъ и послѣдующая судьба тѣхъ же родовъ.

Не можемъ мы также признать правильною и ту характеристику Поцѣя, которую даетъ авторъ въ предисловіи. Въ ней на ряду съ вѣрными взглядами встрѣчается извѣстная односторонность. Такъ, мы вполнѣ готовы принять слѣдующую мѣткую и живую характеристику: „Страшный, стремительный, неумѣренный въ выраженіяхъ, энергичный въ борьбѣ, онъ велъ се на смерть съ сторонниками восточной церкви и успѣлъ только взволновать (oturzic) Русь своею дѣятельностью (XXIV)". Но намъ представляется несомнѣнно-преувеличеннымъ слѣдующій отзывъ: „подъ грубою оболочкою скрывается всегда доброе, сострадательное сердце,умѣющее прощать даже покушеніе на свою жизнь. Митрополитъ не забывалъ, что былъ рыцаремъ въ бою, каштеляномъ въ сенатѣ (XXVII)", —или съ такими эпитетами: „это былъ мужъ энергичный, характера твердаго, неуклонно стремящійся къ цѣли (XXV)". Выше мы высказали уже наше мнѣніе о Поцѣѣ. Но въ характеристикѣ г. Прохаски мы видимъ не только невѣрное изображеніе личности, но также и превратное пониманіе вопроса объ уніи. Вотъ какъ онъ оканчиваетъ характеристику Поцѣя, приведя нѣсколько фактовъ, рисующихъ внутреннее состояніе западно-русской церкви: „Это были симптомы страшнаго упадка. Нуженъ былъ мужъ съ необычайными дарованіями, геніальный, съ необыкновенною энергіею, чтобы при такихъ условіяхъ произвести дѣйствительную реформу. Митрополитъ чувствуетъ, что онъ не былъ такимъ человѣкомъ, съ глубокою горестью жалуется, что все это обрушилось на его голову, и восклицаетъ съ апостоломъ Павломъ: я въ опасности отъ собственнаго народа, въ опасности въ своемъ городѣ, въ опасности отъ ложныхъ братьевъ, въ трудахъ и безпокойствѣ (XXIX—XXX)". Итакъ, только отсутствіе геніальныхъ способностей у Поцѣя помѣшало удачному проведенію уніи и благоденствію церкви! Неудивительно, что при такихъ взглядахъ на данный вопросъ всякое проявленіе самостоятельности русской церкви въ духѣ дѣйствительнаго возрожденія и очищенія ея представляется г. Прохаскѣ только нарушеніемъ правъ уніатскаго митрополита: древній обычай, напр., избранія печерскаго архимандрита капитулою монастыря и обывателями Кіевскаго воеводства онъ прямо называетъ пренебреженіемъ (poniewierka) правъ митрополита (XXVIII), юрисдикцію церковныхъ братствъ—узурпаціею (XXV).

Всѣ эти односторонніе взгляды, представляющіе личныя мнѣнія редактора изданія, не помѣшали однако же ему напечатать цѣликомъ

письма, изученіе которыхъ можетъ привести и къ выводамъ совершенно противоположнымъ. Во всякомъ случаѣ, „Архивъ дома Сапѣгъ" займетъ видное мѣсто среди подобныхъ ему сборниковъ историческихъ матеріаловъ, и можно только пожелать скорѣйшаго продолженія этого полезнаго изданія.

В. Щербина.

Нѣсколько словъ по поводу сочиненія А. В. Лонгинова: „Князь Федоръ-Любартъ Ольгердовичъ". (Вильна, 1893 г.).

Въ исторической литературѣ какъ русской, такъ и польской, существуетъ разногласіе относительно происхожденія рода кн. Сангушковъ; одни историки считаютъ послѣднихъ потомками Любарта Гедиминовича, а другіе—Ольгерда Гедиминовича. Въ частности, Іосифъ Вольфъ, въ своемъ цѣнномъ трудѣ: „Ród Gedimina", вышедшемъ въ свѣтъ въ 1886 г., подвергши тщательному разсмотрѣнію относящіеся къ данному вопросу источники, пришелъ къ заключенію, что кн. Сангушки суть Ольгердовичи, а не Любартовичи, и что родоначальникомъ ихъ былъ не Федоръ Любартовичъ, а Федоръ Ольгердовичъ.

Г. Лонгиновъ, въ рефератѣ, прочитанномъ имъ на IX Археологическомъ Съѣздѣ и затѣмъ отдѣльно изданномъ подъ заглавіемъ: „Князь Федоръ-Любартъ Ольгердовичъ", вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Іосифа Вольфа, старается въ тоже время доказать, что „Сангушки съ полнымъ правомъ могутъ называть себя и Любартовичами", по происхожденію своему отъ сына Ольгерда, Федора, носившаго еще и другое имя Любарта.

Въ настоящей своей статьѣ мы не имѣемъ намѣренія пытаться разрѣшить крайне запутанный вопросъ о происхожденіи Сангушковъ. Цѣль ея показать, насколько шатки доводы г. Лонгинова въ пользу отождествленія кн. Федора-Любарта съ Федоромъ Ольгердовичемъ (если даже признать вмѣстѣ съ Вольфомъ вполнѣ неоспоримымъ существованіе такого Ольгердовича) [1]).

Каковы же доводы г. Лонгинова?

---

[1]) „Ród Gedimina", 116÷120.

Самое вѣское доказательство своего мнѣнія г. Лонгиновъ находитъ въ извлеченіяхъ изъ Холмскаго помянника, сдѣланныхъ холмскимъ уніатскимъ епископомъ Яковомъ Сушей. „Изъ драгоцѣнныхъ, вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ, сообщенныхъ Сушей", говоритъ г. Лонгиновъ, „оказывается, что существуетъ двѣ линіи Любартовичей, происходящихъ—одна отъ волынскаго князя Любарта-Димитрія Гедиминовича, другая отъ князя Любарта-Федора Ольгердовича" [1]).

Для г. Лонгинова данныя, сообщаемыя Сушей, имѣютъ по разсматриваемому имъ вопросу рѣшающее значеніе. Но могутъ ли они въ дѣйствительности имѣть такое значеніе? По нашему мнѣнію—нѣтъ. Изъ данныхъ этихъ не видно, составителями ли Холмскаго помянника сопричисленъ къ Ольгердовичамъ записанный въ помянникъ кн. Федоръ-Любартъ, или князя этого принимаетъ за Ольгердовича только епископъ Суша, который могъ быть въ данномъ случаѣ введенъ въ заблужденіе вычитаннымъ имъ у Длугоша [2]) извѣстіемъ о томъ, что у Ольгерда былъ сынъ Любартъ.

По мимо того, г. Лонгиновъ слишкомъ ужъ много придаетъ значенія Холмскому помяннику, а между тѣмъ самъ же на стр. 6 своего сочиненія говоритъ, что вообще помянники *не всегда* могутъ служить *твердымъ основаніемъ* для установленія степеней родства и что, въ частности, напр., Печерскій помянникъ представляетъ весьма надежное *пособіе* при нашихъ генеалогическихъ изысканіяхъ. Да, церковные наши помянники могутъ служить только пособіемъ при историческихъ изысканіяхъ, но они отнюдь не даютъ намъ матеріала, на которомъ можно было бы, какъ на непререкаемомъ свидѣтельствѣ, обосновать, подобно г. Лонгинову, извѣстное мнѣніе.

Прійдя, на основаніи извлеченій изъ Холмскаго помянника, сдѣланныхъ еп. Сушей, къ заключенію о существованіи кн. Федора-Любарта Ольгердовича, г. Лонгиновъ подбираетъ затѣмъ данныя, которыя должны, по его мнѣнію, подтвердить сдѣланное имъ заключеніе, причемъ приписываетъ Федору Ольгердовичу то, что, по общепринятому мнѣнію, должно быть приписано кн. Федору-Любарту Любартовичу.

Такъ, въ Славутскомъ архивѣ кн. Сангушковъ сохранился пергаментный оригиналъ акта на латинскомъ языкѣ, относящагося къ

---

1) Лонгиновъ: Кн. Федоръ-Люб. Ольгерд., 3.

2) См. Wolff. Ród, Ged., 80—81. Только у Длугоша находимъ подобное извѣстіе.

22 мая[1]) 1386 г. и начинающагося такъ: „Teodor-Lubhard, Dei gratia dux luceoriensis". Ученые Радзиминскій, Голембіовскій и Шараневичъ приписываютъ этотъ актъ Федору Любартовичу; но г. Лонгиновъ, убѣжденный въ существованіи Федора-Любарта Ольгердовича, считаетъ актъ принадлежащимъ послѣднему.

Далѣе, въ томъ же Славутскомъ архивѣ хранится грамота, безъ даты, гласящая слѣдующее: „Се азъ, князь великий Федот, з братом своим Лазаром и Семеном и зъ маткою своею Олгою, дали есмо грамоту на том князю Федору Даньлеевичу, штож нам не уступатися у его отчизну и у его служебные, и по его животе што дасть церквам и кому ньшто дасть, нам в то не вступатися. а кто на тое поступить, тот увѣдается с нами перед Богомъ и зъ его душею". Издатели I т. „Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Slawucie", напечатавъ эту грамоту, отнесли составленіе ея ко времени около 1386 г. и приписали ее также Федору Любартовичу, предположивъ въ имени Федотъ ошибку[2]). Г. Лонгиновъ съ послѣднимъ предположеніемъ не согласенъ и въ Федотѣ видитъ не Федора Любартовича, а Федота, сына Федора Ольгердовича[3]). Доказательство этому онъ почерпаетъ изъ древняго Кіево-Печерскаго помянника (конецъ XV и начало XVI ст.)[4]). Возможно ли вполнѣ полагаться на этотъ помянникъ?

Дѣло въ томъ, что во время нашествія на Кіевъ въ 1482 году крымскаго хана Менгли-Гирея, Кіево-Печерскій монастырь подвергся опустошенію, причемъ, въ числѣ сожженныхъ татарами книгъ и иконъ, оказался и древнѣйшій помянникъ.

Помянникъ этотъ былъ возстановленъ впослѣдствіи (между 1483 1493 гг.), по предположенію г. Голубева, издавшаго его[5]), монахами по памяти[6]). Само собой разумѣется, что такого рода помянникъ, хотя „очевидно пополнявшійся по письменнымъ сообщеніямъ запи-

---

[1]) У г. Лонгинова ошибочно - 12 мая вмѣсто 22 мая. См. Arch. ks. Lubart. Sang. w Slawucie. T. I, p. 2

[2]) Arch. ks. Lub. Sang. T. I, p. 8, 155.

[3]) Лонгиновъ: Кн. Фед. Люб. Ольгерд., 7.

[4]) Древній помянникъ Кіево-Печерской лавры (кон. XV и нач. XVI ст.). См. Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора лѣтописца, книга VI.

[5]) Древн. помян. Кіево-Печ. лавры, стр. VIII. Въ составъ древняго помянника вошелъ и древнѣйшій, возстановленный около 1483—1498 гг. по памяти.

[6]) Составитель древняго предисловія къ помяннику разсказываетъ слѣдующее: „по днехъ нѣколикихъ, мы, изъ поганства изшедше, паки начахомъ имена писати, ихже помнище, еже исперва написаны быша". Ib., VIII

тересованныхъ лицъ", какъ говоритъ г. Лонгиновъ[1]), не можетъ служить вполнѣ авторитетнымъ источникомъ.

Затѣмъ, въ помянникѣ, дѣйствительно, подъ рубрикой „Род княз Сенкушков Федорович", упоминается „князь Феодоръ Олкирдовичъ" съ княгиней его Ольгой,—но чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Отсюда только, пожалуй, можно заключить о происхожденіи рода Сангушковъ отъ Федора Ольгердовича и о томъ, что у послѣдняго была супруга Ольга; видѣть же въ помянникѣ, подобно г. Лонгинову, указаніе на то, что Ольгердъ былъ отецъ *Федора-Любарта*—положительно невозможно.

Никоимъ образомъ также нельзя согласиться съ г. Лонгиновымъ, будто „Помянникъ" раскрываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что княгиня Ольга, отрекшаяся съ сыновьями Федотомъ, Семеномъ и Лазаремъ отъ Острожскаго имѣнія, была несомнѣнно супруга Федора-Любарта Ольгердовича, а Федотъ, Семенъ и Лазарь были его сыновья[2]). То обстоятельство, что въ Кіево-Печерскомъ помянникѣ въ числѣ Сангушковъ упомянутъ Федотъ, ничего ровно не доказываетъ: въ семьѣ Сангушковъ могъ быть членъ съ такимъ именемъ; отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ былъ сынъ Федора Ольгердовича. Равно также не имѣетъ никакой доказательной силы ссылка г. Лонгинова на утраченный Холмскій помянникъ, въ которомъ „Федотъ, *повидимому*, изъ того же рода, значится инокомъ" [3]), и предположеніе, ни на чемъ не основанное, что Лазарь, о которомъ, по словамъ г. Лонгинова, не сохранилось никакихъ болѣе извѣстій, „*вѣроятно* также постригся въ монахи". Въ Семенѣ вышеприведеннаго акта г. Лонгиновъ видитъ то самое лицо, „которое въ другихъ актахъ именуется Сенкушкой или Сангушкой" [4]), а Сенкушка, по утвержденію г. Лонгинова и Вольфа—сынъ Федора Ольгердовича [5]); но все это также доказательно, какъ и то, что Лазарь „вѣроятно постригся въ монахи".

Въ подтвержденіе своей мысли о томъ, что упоминаемые въ грамотѣ вел. князь Федотъ съ братьями—дѣти Федора-Любарта Ольгердовича, г. Лонгиновъ приводитъ еще слѣд. соображеніе: „Такъ какъ Острожскій округъ входилъ въ предѣлы Луцкаго княжества", говоритъ онъ, „то само собою разумѣется, что отреченіе отъ правъ на

---

1) Лонгиновъ: Кн. Фед. Люб. Ольгерд., 7.
2) Ibid.
3) Ibid.
4) Ibid.
5) Ibid., а также Wolff. Ród Ged., 121.

этотъ округъ могло исходить лишь отъ ближайшихъ наслѣдниковъ луцкаго князя, каковымъ и былъ одно время Федоръ-Любартъ Ольгердовичъ“ [1]).

Но въ томъ-то и вопросъ, былъ ли когда-либо луцкимъ княземъ Федоръ Ольгердовичъ? Г. Лонгиновъ сообщаетъ намъ кое-какія свѣдѣнія о судьбѣ Федора Любартовича и Федора Ольгердовича. По его словамъ, Федоръ Любартовичъ въ 1387 г. княжилъ во Владимірѣ; здѣсь же онъ еще былъ и въ 1393 г., когда получилъ отъ Ягайла въ удѣлъ Сѣверскую землю. Будучи недоволенъ этимъ, Федоръ примыкаетъ къ Свидригайлу, убѣжавшему въ Венгрію, и вмѣстѣ съ нимъ обращается съ просьбой о помощи къ магистру ордена. Магистръ „въ 1398 г. отвѣтилъ кн. Болеславу (Свидригайлѣ), сыну Ольгерда, и Федюшкѣ, сыну Любарта, изгнаннымъ изъ Литвы и взывавшимъ къ нему о помощи, что особаго посольства нарядить къ нимъ не можетъ“ [2]). Помирившись съ королемъ, Свидригайло получилъ Подольскую землю и Жидачевъ. Послѣдній Свидригайло уступилъ Федору Любартовичу. Впослѣдствіи, въ 1431 году, Федоръ Любартовичъ вернулся во Владиміръ. Умеръ бездѣтнымъ.

Что касается Федора (Любарта) Ольгердовича, то послѣдній, получивъ въ 1386 г. въ удѣлъ Луцкъ, пробылъ здѣсь весьма недолго. „Уже въ концѣ 1386 г. или началѣ 1387 г.“ говоритъ г. Лонгиновъ, „Ягелло назначилъ луцкимъ намѣстникомъ кн. Федора Даниловича (Острожскаго)“. Позже Федоръ Ольгердовичъ является владѣльцемъ того же Жидачевскаго округа, облацателемъ котораго былъ и Федоръ Любартовичъ, но только, по предположенію Вольфа, раздѣляемому и г. Лонгиновымъ [3]), послѣ смерти Федора Ольгердовича.

Въ этомъ разсказѣ г. Лонгиновъ допустилъ одну крупную ошибку. Излагая содержаніе вышеупомянутой грамоты отъ 22 мая 1386 г., данной въ Сандомирѣ, г. Лонгиновъ говоритъ о Федорѣ-Любартѣ (по его мнѣнію, Ольгердовичѣ): „при выѣздѣ Федора-Любарта въ Литву, гдѣ дана была ему въ удѣлъ земля Луцкая, подъ условіемъ ненарушенія принятаго на себя обязательства“.—Такъ говорить, однако, грамота совершенно не уполномачиваетъ г. Лонгинова. Въ ней

---

[1]) Лонгиновъ, стр. 7.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., 6.

сообщается о Федорѣ-Любартѣ, какъ о князѣ луцкомъ „Dei gratia“, безъ опредѣленія времени, съ котораго онъ сдѣлался таковымъ, по назначенію ли Ягайла, или по праву наслѣдства, или въ силу какихъ-либо иныхъ обстоятельствъ. Въ грамотѣ и помину нѣтъ о томъ, что Федору-Любарту дается въ удѣлъ Луцкъ, „подъ условіемъ ненарушенія принятаго на себя обязательства“. Въ ней мы читаемъ лишь, что „quadam causa racionabili occurente“, Ягайло съ Ядвигой нашли нужнымъ послать его, Федора-Любарта, въ Литву [1]). Федоръ-Любартъ обѣщаетъ и въ Литвѣ не измѣнять своимъ обязательствамъ (даннымъ имъ раньше и изложеннымъ въ грамотѣ, до насъ не дошедшей) относительно Ягайла и Ядвиги и пребывать всегда вѣрнымъ и послушнымъ королю и королевѣ. Изъ этого явствуетъ, что г. Лонгиновъ, не достаточно внимательно отнесшись къ грамотѣ, пришелъ къ ошибочному заключенію, будто бы Федоръ-Любартъ, по его мнѣнію, Ольгердовичъ, получилъ въ 1386 г. въ удѣлъ Луцкъ, откуда удалился въ концѣ 1386 г. или въ началѣ 1387 г. и на поручительной записи 1387 г., данной венгерскому воеводѣ Бенедикту, подписался уже, какъ князь ратненскій.

Говоря все это, г. Лонгиновъ ни разу не задался вопросомъ, почему это наслѣдіе Любарта Гедиминовича достается Федору Ольгердовичу; почему этого послѣдняго, не успѣвшаго еще и обжиться въ Луцкѣ, Ягайло считаетъ нужнымъ удалить отсюда. Выходитъ, будто Федоръ Любартовичъ и Федоръ Ольгердовичъ играли роль какихъ-то пѣшекъ въ рукахъ Ягайла.

По нашему мнѣнію, въ данномъ случаѣ дѣло обстояло нѣсколько иначе, чѣмъ это представляетъ себѣ г. Лонгиновъ; ему не слѣдуетъ запутывать и безъ того слишкомъ запутанную исторію Волыни въ XIV в., смѣшивая Федора-Любарта Любартовича съ Федоромъ Ольгердовичемъ и приписывая послѣднему то, что̀ съ большимъ правдоподобіемъ можетъ быть отнесено къ первому. Для поясненія своей мысли позволимъ себѣ сдѣлать небольшой экскурсъ въ исторію Волыни конца XIV в.

---

[1]) „Sed nunc quadam causa racionabili eisdem serenissimis principibus Wladislao rege et Hedvlgi, regine Polonie et nobis in terra Litvanie occurente, nos in dictam terram destinare et digere decreverum“. (Arch. Saug. p. 2).—Г. Лонгиновъ совершенно заблуждается, когда помѣщаетъ землю Луцкую въ Литвѣ. Эта земля—часть Волыни, а Волынь, хотя и входила, правда, въ это время въ составъ вел. княжества Литовскаго, все-же представляла изъ себя до 1/2 XV в. отдѣльное княжество.

Неизвѣстно, когда скончался княжившій на Волыни Любартъ Гедиминовичъ, какъ мало вообще извѣстно о внѣшней и внутренней дѣятельности этого князя. Однако, изъ того, что̀ мы о немъ знаемъ, можно заключить, что онъ для волынянъ являлся persona gratissima. Онъ велъ многолѣтнюю борьбу съ поляками, борьбу, которая, хотя и вытекала изъ потребностей Литовскаго государства, тѣмъ не менѣе, была выгодна и для волынянъ, потому что, при благопріятномъ исходѣ, спасала ихъ отъ порабощенія политическаго и культурнаго полякамъ. Любартъ всячески поддерживалъ на Волыни православіе, самъ будучи, несомнѣнно, православнымъ[1]); старался о развитіи въ своихъ владѣніяхъ просвѣщенія, торговли и промышленности.

Все это, конечно, должно было снискать ему благорасположеніе волынянъ, что̀ вело какъ къ укрѣпленію династіи Любарта на Волыни, такъ и къ болѣе тѣсной связи этой Русской земли съ Литовскимъ государствомъ.

Въ 1386 г. Любарта уже не было въ живыхъ,[2]) какъ объ этомъ можно заключить на основаніи упомянутой нѣсколько разъ выше грамоты отъ 22 мая 1386 г., написанной отъ имени луцкаго князя Федора-Любарта, а не Дмитрія-Любарта Гедиминовича.

Спрашивается, къ кому же должно было перейти наслѣдіе Любарта Гедиминовича—Волынь? Естественнѣе всего думать,—къ его дѣтямъ. Для послѣднихъ Волынь была отчиной; къ нимъ, а не къ кому другому изъ княжескаго литовскаго рода, должны были быть расположены больше всего волыняне, какъ къ дѣтямъ ихъ любимаго князя. Но были ли дѣти у Любарта? Любартъ Гедиминовичъ былъ дважды женатъ—первый разъ на княжнѣ владиміро-волынской Бучѣ, а въ другой—на дочери ростовскаго князя Константина[3]). Отъ брака съ одной изъ этихъ княженъ родился сынъ Федоръ, несомнѣнно, остававшійся въ живыхъ и послѣ смерти отца—Любарта Гедиминовича. Были ли у Любарта еще другія дѣти, помимо Федора? Этотъ вопросъ разрѣшается упомянутой выше грамотой в. кн. Федота (ошибочно вмѣсто Федора) съ братьями Семеномъ и Лазаремъ и матерью Ольгой, грамотой, заключающей въ себѣ обѣщаніе „не уступатися у

---

[1]) Андріашевъ, Очеркъ истор. Волын. княж. до конца XIV в., стр. 227.

[2]) Любартъ умеръ въ промежуткѣ между 1382 и 1386 гг. Послѣднее извѣстіе о немъ относится къ 1382 г. См. хрон. Яна изъ Чарнкова. М. P. h., II, 721—722.

[3]) Карамзинъ, Ист. госуд. Рос., IV, пр. 267 и 351.

его (кн. Федора Даниловича Острожскаго) отчизну и у его служебные". Кто же могъ давать подобное обѣщаніе, какъ не ближайшіе наслѣдники—скажемъ мы вмѣстѣ съ г. Лонгиновымъ—того князя, которому Острогъ, вмѣстѣ съ другими волынскими землями, принадлежалъ. Такимъ княземъ былъ Любартъ Гедиминовичъ, а упомянутые въ грамотѣ Федоръ, Лазарь и Семенъ—его ближайшіе наслѣдники, его дѣти, Ольга—его супруга.

Изъ названныхъ братьевъ Федоръ былъ несомнѣнно старшій. Ему то и должна была достаться Волынь послѣ смерти отца. Въ грамотѣ отъ 22 мая 1386 г. онъ величаетъ себя только „dux luceoriensis;" но это ничего не значитъ. Луцкъ въ это время игралъ такую же роль, какую въ прежнее время—Владиміръ. Онъ былъ главнымъ городомъ Волынской земли,—вотъ почему князь его, „dux luceoriensis", могъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и княземъ всей Волыни.

И Ягайло, въ качествѣ вел. князя литовскаго, не могъ воспрепятствовать Федору Любартовичу занять отцовскій столъ—Волынь. На сторонѣ Федора Любартовича должна была быть симпатія населенія земли, которая, хотя въ данное время составляла уже часть вел. княжества Литовскаго, все-же пользовалась большой самостоятельностью, какъ удѣлъ; на его же сторонѣ было и право наслѣдованія Волыни, какъ отчины. Ягайло не могъ игнорировать всѣхъ этихъ обстоятельствъ. Да притомъ же, если смерть Любарта Гедиминовича случилась до 1384 г. или около этого времени, то даже совсѣмъ не въ интересахъ Ягайла было нарушать права Федора Любартовича на Волынь. И это вотъ почему.

Какъ извѣстно, послѣ смерти Ольгерда († 1377 г.), въ Литвѣ произошла борьба между Кейстутомъ и Ягайломъ, трагически окончившаяся для перваго. Кейстутъ былъ взятъ въ плѣнъ племянникомъ и задушенъ въ темницѣ. Сынъ Кейстута Витовтъ бѣжалъ къ крестоносцамъ [1]). Здѣсь, принявъ христіанство и обѣщавъ сдѣлаться вассаломъ ордена, Витовтъ нашелъ поддержку со стороны послѣдняго, и между двоюродными братьями началась война. Война эта была довольно успѣшна для Витовта, и Ягайло счелъ за самое лучшее примириться съ нимъ. Тогда Витовтъ, разорвавъ связь съ крестоносцами, перешелъ на сторону Ягайла и вмѣстѣ съ нимъ разбилъ

---

[1]) Лѣт. Даниловича, 39, 44; лѣт. Быховца, 27.

своихъ прежнихъ союзниковъ[1]). По миру, заключенному съ Витовтомъ (въ 1384 г.), Ягайло возвратилъ ему его отчину (Берестье, Дрогичинъ, Гродно, Троки и проч.—удѣлъ Кейстута) и обѣщалъ дать, кромѣ того (какъ говоритъ г. Брянцевъ), по настоянію своей матери Юліаніи[2]) Луцкъ со всею Волынскою землею[3]).

Могъ ли Ягайло, занятый борьбой съ Витовтомъ, рѣшиться на отнятіе у Федора Любартовича его законнаго наслѣдія? Едва-ли; не въ интересахъ Ягайла было въ данное время возбуждать противъ себя новаго врага въ лицѣ сына Любарта Гедиминовича и тѣмъ ослаблять себя въ борьбѣ съ Витовтомъ. А что Федоръ Любартовичъ, этотъ, несомнѣнно, слабый князь, могъ бы, въ случаѣ нарушенія Ягайломъ его правъ на Волынь, стать на сторону врага Ягайла—Витовта, показываютъ позднѣйшія событія, когда этотъ же Федоръ Любартовичъ, недовольный отнятіемъ у него Владимірскаго княжества и пожалованіемъ ему въ удѣлъ Сѣверской земли, перешелъ на сторону боровшагося тогда съ Ягайломъ Свидригайла и вмѣстѣ съ послѣднимъ обратился за помощью къ Прусскому ордену.

Итакъ, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Ягайло могъ сейчасъ же послѣ смерти Любарта Гедиминовича лишить его сына Федора наслѣдства—Волыни,—какъ нѣтъ, слѣдовательно, основанія предполагать, что и кн. Луцкій, написавшій грамоту отъ 22 мая 1386 г., былъ кто-либо другой, а не Федоръ Любартовичъ.

Въ пользу этого же говоритъ еще и слѣдующее. Въ маѣ 1386 г. Ягайло съ Ядвигой находятъ нужнымъ послать Федора Любартовича въ Литву. Какіе мотивы побудили ихъ такъ поступить, собственно неизвѣстно. Можно думать, что Ягайло хотѣлъ такимъ образомъ, отдѣлавшись отъ Федора Любартовича, передать Луцкъ, согласно обѣщанію, Витовту. И дѣйствительно, выпроводивъ Федора въ Литву, Ягайло явился въ Луцкъ; сюда же прибылъ и Витовтъ. Отъ имени ихъ обоихъ въ это время, 4 ноября 1386 г., была написана здѣсь грамота, которой закрѣплялось за кн. Федоромъ Даниловичемъ Острожскимъ обладаніе Острогомъ. Вотъ это-то обстоятельство и даетъ

---

4) Бестужевъ-Рюминъ, Рус. ист., II, 8.

5) Брянцевъ, Ист. Литов. госуд., 187.

6) Kojałowicz, Hist. Litw., I, 377; Latop. Lit. (Даниловъ.) 39: „Тогда князь велики Ягайло, перезвавъ его (Витовта) со нѣмецъ и далъ ему Луцескъ со всею Волинскою землею, а въ Литовской земли отчину его“. То же и въ лѣт. Бых., 27.

намъ нѣкоторое указаніе на то, что Ягайло въ 1386 г., наконецъ, осуществилъ свое обѣщаніе (для чего и понадобилось предварительно услать въ Литву Федора Любартовича) и уступилъ Луцкъ Витовту; при этомъ, впрочемъ, не довѣряя вполнѣ послѣднему, оставилъ въ этомъ же городѣ блюстителемъ польскихъ интересовъ какого-то Крослава изъ Курозвонкъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Длугошъ и Кояловичъ [1]).

Еще проще можно, однако, объяснить цѣль удаленія съ Волыни въ Литву Федора Любартовича, если согласиться съ г. Соколовскимъ, считающимъ грамоту Ягайла и Витовта, отъ 4 ноября 1386 г., несомнѣнно подложной [2]).

Удаляя въ Литву Федора Любартовича, Ягайло могъ и не думать о передачѣ Луцка Витовту, на что указываетъ отчасти и то обстоятельство, что Витовтъ еще и въ 1387 г. подписывался только какъ „dux brestensis et horodnensis". У Ягайла въ данномъ случаѣ могла быть иная цѣль.

Окруженный польскими панами, находясь подъ ихъ вліяніемъ, Ягайло, позабывъ литовско-русскіе интересы, дѣйствуетъ всецѣло въ пользу Польши, старается объ осуществленіи ея завѣтной мечты поглотить сосѣднія русскія земли. Но какъ возможно было это сдѣлать, напр., хотя бы по отношенію къ Волыни? Для этого нужно было расположить въ пользу Польши вліятельныхъ на Волыни лицъ; нужно было мало-по-малу измѣнить издавна существовавшіе здѣсь порядки и замѣнить ихъ такими, при которыхъ возможно было бы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ осуществленіе польскихъ желаній.

Имѣя это въ виду, Ягайло и отправляется въ 1386 г. въ Луцкъ. Но свободно дѣйствовать здѣсь могъ бы ему помѣшать Федоръ Лю-

[1]) „Castrum Luczko et omnem regionem ad illud pertinentem Creslao de Kurozwęki, castellano sandomiriensi, quatenus illud suo ex regni Poloniae nomine gubernaret, contulit tenutam" (Длугошъ, X, 118—119). По Кромеру, Креславъ былъ только старостой въ Луцкѣ (стр. 247; Очер. Вол. земли. Андріяшева. 229). Kojałowicz, Hist. Litw., I, 399: „ubi quod Creslao Curosvancio polono praefecturam Luceoriae contra Litvanorum sententiam consignasset". На возвратномъ пути изъ Литвы въ Польшу Ягайло, по словамъ Кояловича, былъ на Волыни, гдѣ въ Луцкѣ въ это время жилъ Креславъ. Такимъ образомъ, Кояловичъ опредѣляетъ и годъ намѣстничанья этого поляка (1386—1387 гг.). Сообщеніе Длугоша и Кояловича—правдоподобно. Вѣдь Ягайло, отдавъ вел. княж. литовскій столъ Скиргайлу, не позволилъ ему оставаться въ Вильнѣ, а передалъ этотъ городъ въ вѣдѣніе поляка изъ Москажева Клемента (Брянцевъ, Ист. Литов. госуд, 213). Почему подобнаго-же не могло случиться и съ Витовтомъ?

[2]) Arch. ks. Lubart. Sang., I, 155, объясн. VI.

бартовичъ, который, какъ сынъ Любарта Гедиминовича, былъ, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, преданъ интересамъ волынскаго населенія; не даромъ же онъ впослѣдствіи примкнулъ къ Свидригайлу, энергичному борцу за русско-литовскіе интересы. Вотъ съ цѣлью устраненія такой помѣхи Ягайло, выдумавъ благовидный предлогъ, и посылаетъ Федора Любартовича въ Литву, самъ же является въ Луцкъ и здѣсь начинаетъ свободно орудовать въ пользу свою и Польши, для чего, между прочимъ, старается расположить къ себѣ и Польшѣ разныхъ популярныхъ на Волыни лицъ. Такъ, напр., въ это время онъ подтверждаетъ за извѣстнымъ княземъ Федоромъ Даниловичемъ и его преемниками право на владѣніе разными землями въ Луцкомъ княжествѣ, подъ условіемъ вѣрности Польшѣ [1]).

Но Ягайло не могъ долго жить на Волыни и въ частности въ Луцкѣ. Для продолженія начатаго имъ въ духѣ польскихъ интересовъ дѣла, онъ назначаетъ туда въ качествѣ своего намѣстника упомянутаго выше поляка Курослава изъ Курозвонкъ, а Федору Любартовичу рѣшается Луцка не возвращать.

Вотъ почему Федоръ Любартовичъ, вернувшись изъ Литвы, Луцка болѣе уже не получилъ, а принужденъ былъ довольствоваться однимъ только Владимірскимъ княжествомъ, и какъ князь этого послѣдняго—Theodor Wlodimiriensis—подписался на грамотѣ 1387 г., написанной князьями, участвовавшими въ осадѣ Галича и гарантировавшими безопасность венгерскому воеводѣ Бенедикту.

Позволимъ себѣ теперь спросить, сталъ-ли бы Ягайло стѣсняться и выдумывать предлогъ для удаленія съ Волыни луцкаго князя, если бы, дѣйствительно, имъ былъ Федоръ Ольгердовичъ, а не законный отчичъ Волыни Федоръ Любартовичъ?

Прослѣдимъ за дальнѣйшей судьбой послѣдняго.

Въ 1387 г. дѣла его ухудшились. Ягайло, уѣзжая изъ Литвы, столъ вел.-княжескій литовскій передалъ брату Скиргайлу; ему же отданъ былъ и г. Троки [2]). Такимъ распоряженіемъ Ягайла долженъ былъ чрезвычайно обидѣться Витовтъ. Чтобы дать послѣднему хотя какое-

---

[1]) „Tali tamen interposita condicione (damus), quod dictus dominus Fedor, sui heredes et successores legitimi cum ipsorum hominibus, quos habent vel habere poterint, majestati nostrae, nostris successoribus ac *corone ipsius regni Poloniae famulatus* et *servicia exhibere sint astricti*". Arch. ks. Lubart. Sang., T. I, p. 5.

[2]) Лѣт. Бых. 29—31: Въ Литвѣ Ягайло оставилъ Скиргайла, а въ Луцкѣ былъ Витовтъ, который въ это время „змовилъ" дочь свою Софію за московскаго в.кн. Василія Дмитріевича (послѣдній тогда еще не билъ в. княземъ).

либо удовлетвореніе, Ягайло рѣшается пожертвовать Федоромъ Любартовичемъ, для чего, мало того, что отдаетъ Витовту Луцкъ, гдѣ сидѣлъ намѣстникомъ Курославъ,—отнимаетъ еще у Федора г. Владиміръ. Вотъ почему Витовтъ, титуловавшій себя въ 1387 г. (на гарантіи Бенедикта) „dux brestensis et horodnensis“, на актѣ отъ 1-го іюля 1388 г. величаетъ уже себя „великий князь литовскій и дѣдичъ городенскій, берестейскій, дорогицкій, луцкій и володимерскій“, а въ 1390 г. „Herczog czu Luczig und czu Garthin“ [1]).

Уступкой Волыни Ягайло, однако, не могъ вполнѣ удовлетворить Витовта, который стремился свергнуть съ в. кн. стола Скиргайла и овладѣть Вильной, чтобы самому сдѣлаться вел. княж. литовскимъ [2]). Такого рода стремленія Витовта должны были вызвать столкновеніе между нимъ и Ягайломъ, и Витовтъ вынужденъ былъ бѣжать сначала въ Мазовію, а затѣмъ къ крестоносцамъ [3]). Послѣ бѣгства Витовта, Ягайло, по всей вѣроятности, въ это именно время (можетъ быть изъ желанія не имѣть лишняго врага) возвратилъ Владиміръ Федору Любартовичу, который титулуетъ себя еще въ 1393 г. „dux wlodimiriensis“ Что же касается Луцка, то городъ этотъ Федору Любартовичу возвращенъ не былъ. Намѣстникомъ здѣсь, именно въ это время, а не въ концѣ 1386 или началѣ 1387 гг., какъ то предполагаетъ г. Лонгиновъ [4]), былъ по нашему мнѣнію, кн. Федоръ Даниловичъ Острожскій [5]).

Въ 1392 г. прекращается борьба между Витовтомъ и Ягайломъ. Витовтъ добивается таки своего: получаетъ велико-княжескій литовскій столъ, а съ нимъ, разумѣется, и Волынь. Федоръ Любартовичъ

---

[1]) Акты, относ. къ ист. зап. Руси, Т. I, № 9; Codex Vitoldi, № 63; Андріяшевъ, Очеркъ ист. Вол. земли, 229.

[2]) Kojałowicz, Hist. Litw., II, 2—3 (подъ 1387 г.): „Въ это время Витовтъ, „beneficio Jagellonis“, владѣлъ Самогитіей, Подляхіей, Полѣсьемъ и значительной частью Волыни“. Ему принадлежала и Луцкая область. Кояловичъ говоритъ: „agebat is (Витовт.) Luceoriae“.

[4]) Kojałowicz, Hist. Litw. II, 4 и 14.

[5]) Лонгиновъ, Кн. Фед. Любар. Ольгерд., 5.

[6]) Нѣтъ основанія отвергать достовѣрность извѣстія Длугоша, Кояловича и Кромера относительно назначенія въ 1386—87 г. намѣстникомъ луцкимъ Курослава. Въ такомъ случаѣ, намѣстничанье кн. Фед. Даниловича въ Луцкѣ (см. Arch. ks. Lub. Sang., I, гр. VII, стр. 7) можно отнести ко времени послѣ бѣгства Витовта (1388 г.), а не послѣ 22 мая 1386 г., какъ это предполагаетъ редакція „Arch. Sang.“

на этотъ разъ теряетъ вплоть до 1431 г.[7]) удѣлъ на Волыни и получаетъ „ad sue (Ягайла) regalis duntaxat beneplacitum voluntatis"[8]) отъ Ягайла и Ядвиги Сѣверскую землю.

Только вотъ когда, наконецъ, Ягайло, очевидно, не рѣшавшійся сразу отнять у Федора Любартовича Волынь, достигаетъ цѣли—изгоняетъ съ Волыни ея отчича! Но прежде чѣмъ удалось Ягайлу осуществить свое намѣреніе, онъ дѣйствовалъ осторожно и постепенно: сначала отнялъ у Федора Луцкъ, а потомъ и Владиміръ—доказательство, что въ данномъ случаѣ Ягайло имѣлъ дѣло именно съ сыномъ Любарта, обладавшимъ безспорно правами на Волынь, а не съ сыномъ Ольгерда.

Изложивъ ходъ событій, предоставляемъ судить читателю самому, говорятъ-ли приведенные нами факты изъ исторіи Волыни конца XIV в. въ пользу мнѣнія г. Лонгинова о тождествѣ Федора-Любарта съ Федоромъ Ольгердовичемъ, а не Любартовичемъ; мы же, на основаніи какъ этихъ фактовъ, такъ и высказанныхъ нами соображеній, позволяемъ себѣ усумниться въ истинности его мнѣнія, равно какъ не можемъ признать, на томъ же основаніи, поясненія г. Лонгинова, что „Сангушки съ полнымъ правомъ могутъ называть себя и Любартовичами", яко бы по происхожденію своему отъ Федора-Любарта Ольгердовича, достаточно доказаннымъ.

П. Ивановъ.

---

[7]) Лонгиновъ, Кн. Фед. Люб. Ольгерд., 4.

[8]) Rezabek—Siri II. "33, пр. 65.

Цѣна 2 руб., съ пересылкою.

Цѣна **II-й** кн. **„Чтеній въ Истор. Общ. Нестора лѣтописца“** 3 р., съ пересылкою.

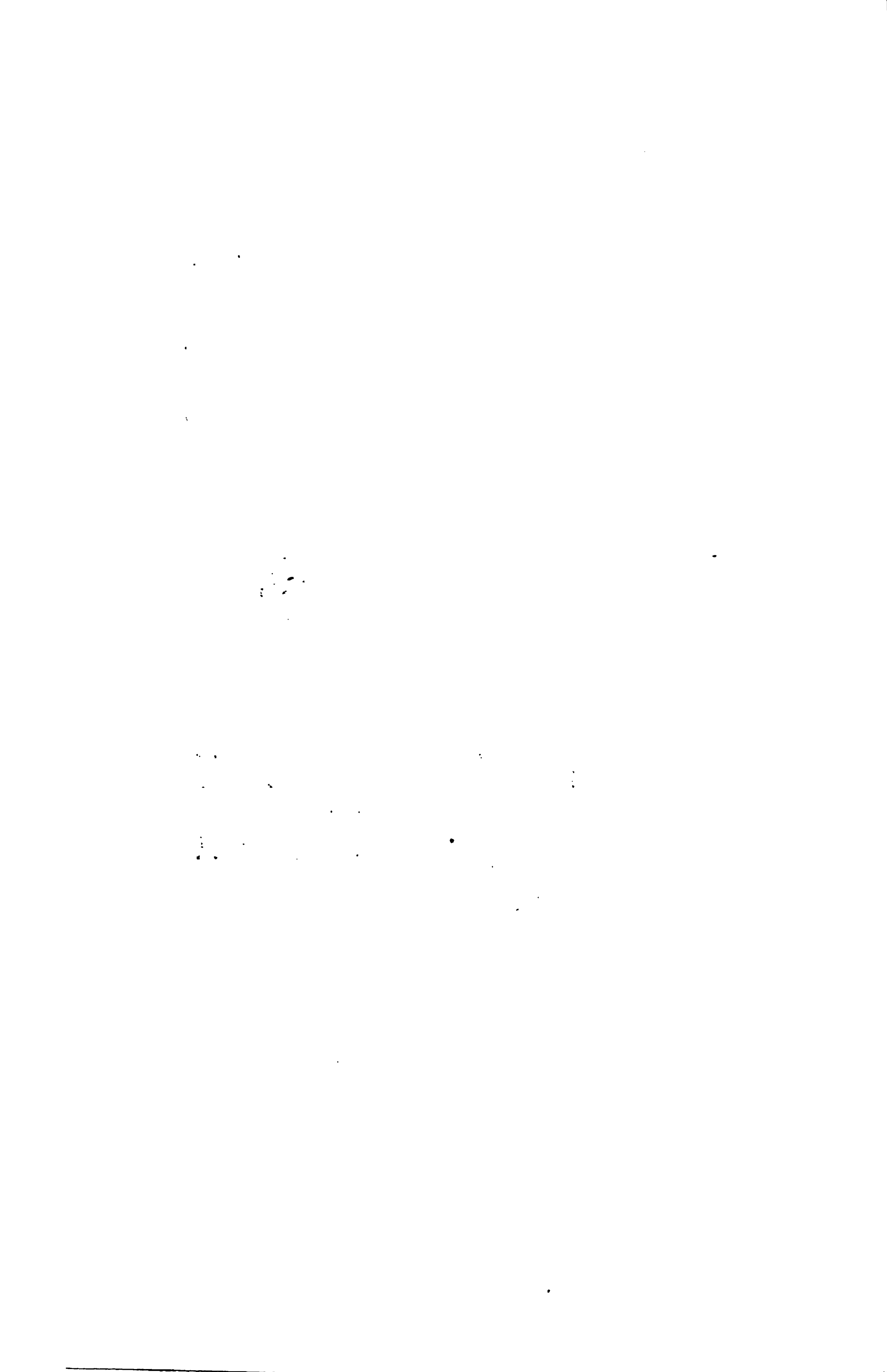
I-я и III-я книги, оставшіяся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, порознь и въ отдѣльности отъ II-й не продаются. Пріобрѣтающіе три первыя книги „Чтеній“ уплачиваютъ за нихъ 10 руб. и за пересылку ничего не прилагаютъ.

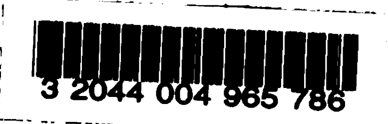
Цѣна IV-й и V-й книгъ	по	2 р. 50 коп. (каждой)	съ пересылкою
„ VI-й	„	„ 3 р. 50 коп.	
„ VII-й	„	„ 3 р.	

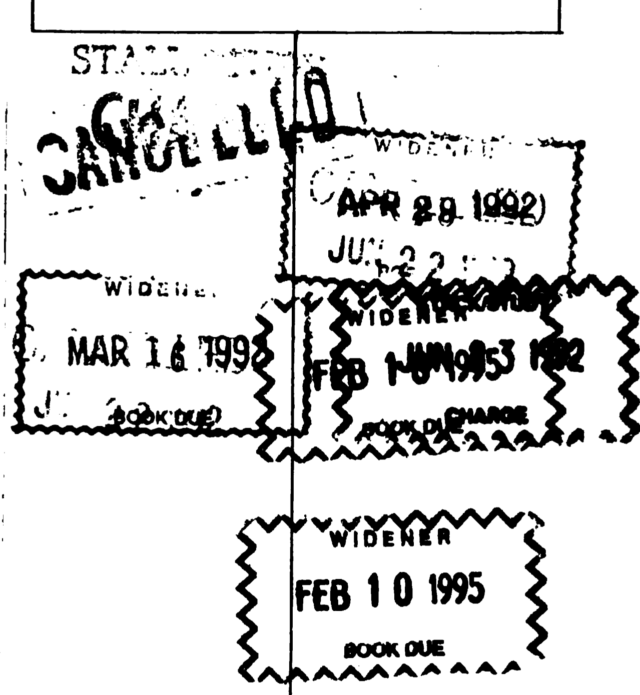
II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: **„Сборникъ въ память 900—лѣтія крещенія Руси“**. Цѣна 1 рубль.

Съ письменными требованіями касательно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества И. М. Каманину (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Тамъ же можно пріобрѣтать **„Труды III-го археологическаго съѣзда“**, два тома, in-4^0, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ. 1878. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

3 2044 004 965 786

CANCELLED
APR 29 1992
MAR 16 1992
BOOK DUE
WIDENER
BOOK DUE
WIDENER
FEB 10 1995
BOOK DUE